

16+

ISSN 2311-0066

Балтийский гуманитарный журнал

2018
Том 7
№ 1(22)

СОДЕРЖАНИЕ

филологические науки

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ НА СТАРШИХ КУРСАХ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ Алексеева Татьяна Дмитриевна, Суслина Анжелика Анатольевна.....	13
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА Асратян Зоя Дмитриевна, Шайхутдинова Анна Михайловна.....	18
К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ СВОЕОБРАЗИИ «ПРИГОЖЕЙ ПОВАРИХИ» М.Д. ЧУЛКОВА НА ФОНЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОМАННОЙ ТРАДИЦИИ XVIII ВЕКА Безрукова Марина Викторовна.....	22
ПУТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АНГЛИЙСКОГО И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В СКАНДИНАВСКОМ РЕГИОНЕ Бородина Дарья Сергеевна.....	27
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) Булахтина Наталья Александровна.....	32
СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ РУССКОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК Ван Линь.....	35
СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОВЕСТИ Н. ГИМАТДИНОВОЙ «БЕР ТАМЧЫ ЯРАТУ» («ОДНА КАПЛЯ ЛЮБВИ») Вахитова Диляра Касимовна.....	39
ОЦЕНОЧНОСТЬ И ЭМОТИВНОСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В СОСТАВЕ АТРИБУТИВНОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ (на материале англоязычных медиатекстов жанра "features") Морозова Алевтина Николаевна, Власова Людмила Ильинична.....	43
О ПЕРВИЧНОЙ И ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ПОСРЕДСТВОМ ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА) Гайдукова Тамара Михайловна.....	48
«NATIVE SPEAKER» КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ КОНЦЕПТ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО Гич Ольга Николаевна.....	53
О ПРАГМАТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ УСИЛИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ (на материале русского и немецкого языков) Дегтярева Людмила Михайловна, Оберемченко Елена Юрьевна.....	57
СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ Дмитриева Дарья Дмитриевна.....	61
ТАТЬЯНА ЗНАМЕРОВСКАЯ – ПЕРЕВОДЧИЦА АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ Жаткин Дмитрий Николаевич.....	65
АКТУАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ И ЕЕ ТАКТИК (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕБАТОВ Д.ТРАМПА И Х.КЛИНТОН) Зюбина Ирина Анатольевна.....	69
СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИМИДЖА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА Кадачигова Дарья Сергеевна.....	73
ФИНСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ VS. ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ: АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ Картушина Елена Александровна.....	77
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СЕМЬИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ Кетенчиев Мусса Бахаутдинович, Додуева Аминат Таубиевна, Девеева Айшат Абдулкеримовна.....	81
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА И.А. БУНИНА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Климова Галина Павловна.....	85
ЛАТИНИЗМЫ В АНГЛИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ Коларькова Оксана Геннадьевна, Ипатова Ирина Серафимовна, Савина Анна Анатольевна.....	89
НЕВЕРБАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА Красикова Тамара Цезаревна.....	93
НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕСТОРАННОГО БИЗНЕСА В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ Г. ВЛАДИВОСТОКА) Криницкая Марина Юрьевна.....	97
МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ В ПЕРЕВОДЕ Лекомцева Ирина Алексеевна, Куралева Татьяна Владимировна.....	101
ПРОБЛЕМА ОСВЕЩЕНИЯ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ В СМИ: ИДЕОЛОГИЯ – КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ – ГЕНДЕР Мальтий Николай Николаевич.....	105
Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)	3

ВЫСОКОЧАСТОТНАЯ ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АННОТАЦИИ ПО ЭКОНОМИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АННОТАЦИЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ИЗ ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ) Миколайчик Маргарита Владимировна.....	109
ФЕНОМЕН СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: КОНТЕКСТ, ПРАГМАТИКА, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ Неустров Кирилл Сергеевич.....	113
СОМАТИЗМ «سأر «ГОЛОВА» В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА АРАБОВ Омаров Артур Абдулагаджиевич.....	117
КОЛИЧЕСТВО КОМПОНЕНТОВ В АВАРСКИХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ Оцомиева-Тагирова Забихат Магомедовна.....	121
ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СТАТАЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ Павлова Анна Владимировна.....	124
ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ МАГОМЕД-РАСУЛА «ОТЕЦ ПРОРОКА» Рамазанова Пати Казихановна.....	127
ЦЕННОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «АМЕРИКАНСКИЙ ТУРИСТ» Рыжикова Марина Дмитриевна.....	132
МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ЮРИДИЧЕСКОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ Коларькова Оксана Геннадьевна, Савина Анна Анатольевна.....	136
МИР ПРИРОДЫ В ЛИЧНЫХ ИМЕНАХ НОГАЙЦЕВ Сагиндикова Зульфия Магомедовна.....	140
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИВАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ НА ОСНОВЕ ЛОГИКО-СМЫСЛОВОЙ МОДЕЛИ «ПИСЬМО» Садыкова Руна Ханифовна, Самарева Елена Викторовна.....	143
КОГНИТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ЯЗЫКОВОЙ МОДАЛЬНОСТИ Самойлова Марина Николаевна, Шепелева Марианна Вадимовна.....	147
КОНЦЕПЦИИ И ВОЗЗРЕНИЯ УЧЕНЫХ-ЛИНГВИСТОВ НА ТЕОРИЮ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМУ ОБУЧЕНИЯ ЖИВЫМ ЯЗЫКАМ Сидакова Нелли Валентиновна.....	151
КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» КАК ФРАГМЕНТ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ЛИРИКЕ А.А. ФЕТА И Э.А. АСАДОВА Скляр Елена Станиславовна.....	155
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКОМ И В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ Сунь Шуай.....	160
К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КРИТЕРИЯХ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ж.СИМЕНОНА) Табернилья-Басабе Алина Эусебиовна.....	164
ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ: ГРАММАТИЧЕСКАЯ ВЫРАЖЕННОСТЬ, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИИ Темирбулатова Анна Сергеевна.....	167
ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА ГЕОРГИ ГОСПОДИНОВА Филиппова Анастасия Александровна.....	171
ТЕРМИНЫ РОДСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ СВЯЗЕЙ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ Чжан Цинхань.....	174
НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО ПРОМЫСЛУ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ Юсупов Хизри Абдулмаджидович.....	178
<i>педагогические науки</i>	
ПОДГОТОВКА БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА К РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ Ахметжанова Галина Васильевна, Степанько Андрей Алексеевич.....	181
АЛЛОФОНИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ НЕМЕЦКОГО КОНСОНАНТИЗМА И ВОПРОСЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ФОНЕТИКЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА Гордеева Татьяна Александровна, Башкова Лилия Рафиковна, Хомяков Евгений Алексеевич.....	185
РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ КАК УСЛОВИЕ ИХ АДАПТАЦИИ К ИЗМЕНЯЮЩИМСЯ УСЛОВИЯМ РЫНКА ТРУДА Бекоева Марина Ивановна.....	189

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ЮНЫХ ВРАТАРЕЙ В ФУТБОЛЕ Бугулов Алан Гаврилович.....	193
РАЗВИТИЕ НЕКОТОРЫХ ЛИЧНОСТНЫХ И МЕТАПРЕДМЕТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СРЕДНЕГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМАНДНЫХ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ИГР Васильева Елена Вениаминовна, Селиверстова Людмила Вячеславовна.....	197
АНАЛИЗ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ В СИСТЕМЕ КОНТРОЛЯ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ Викулина Ольга Владимировна.....	201
РАБОТА С РОДИТЕЛЯМИ В ЧАСТНЫХ ГИМНАЗИЯХ ИРКУТСКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА Гаращенко Любовь Витальевна.....	205
ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА Гнатышина Елена Александровна, Алексеева Любовь Петровна, Савченков Алексей Викторович.....	210
РАБОТА ПО СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА ДЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО АДАптиРОВАННЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОГРАММАМ Горина Екатерина Николаевна, Байбулатова Ольга Владимировна, Хмелькова Ольга Владимировна.....	216
КОНТРОЛЛИНГ В УПРАВЛЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ Данилов Александр Павлович, Ярыгина Неля Анатольевна, Крыцина Анна Михайловна.....	220
ОБ ОПЫТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПРОВИЗОРОВ НА БАЗЕ КОНТЕКСТНОГО ПОДХОДА Денисова Наталья Георгиевна, Курилова Оксана Олеговна.....	223
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА Джиоева Галина Хазбиевна, Джиоева Айна Руфиновна.....	228
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ ТВОРЧЕСКИХ УМЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ОЗНАКОМЛЕНИЯ СО СВЯЗЯМИ ПРИРОДНОГО И РУКОТВОРНОГО МИРА Дыбина Ольга Витальевна.....	232
МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ Емельянова Татьяна Витальевна, Степанько Андрей Алексеевич.....	237
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ Ерохин Алексей Константинович, Власенко Альбина Алексеевна, Царева Наталья Александровна.....	241
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОКРАТИЧЕСКОЙ БЕСЕДЫ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ Иванова Ольга Эрнстовна, Хабибуллин Фаргат Хадиятович.....	246
ЕДИНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВУЗА: НОВЫЙ ПУТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ Исмаилова Нупайсат Пахрудиновна.....	250
ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ПО ДИСЦИПЛИНЕ «АДАПТИВНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ» Карева Галина Вячеславовна.....	255
РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА ПРИ ПОДГОТОВКЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН К ОБУЧЕНИЮ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ Козловцева Нина Александровна.....	259
АСПЕКТЫ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ Косогова Анастасия Самсоновна, Зайцева Ольга Юрьевна.....	263
ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЗАЩИТЕ ОТ НАПАДЕНИЯ СОБАКИ Кравцов Сергей Владимирович, Афиногенов Тимофей Петрович.....	267
ДИДАКТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ Маркелова Татьяна Валерьевна.....	270
ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА Руденко Ирина Викторовна, Наумавичюте Каролина Альгирдасовна.....	273

ФОРМИРОВАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ, ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ СТРОИТЕЛЬСТВО Одарич Ирина Николаевна.....	276
КВЕСТ-ИГРА КАК КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА: СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ Ошкина Алла Анатольевна.....	279
ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РАЗВИТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МЫСЛИ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ Проккопенко Роман Александрович.....	283
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФИЗИКИ БУДУЩИМИ УЧИТЕЛЯМИ ФИЗИКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ LMS MOODLE Сабирова Файруза Мусовна, Шурыгин Виктор Юрьевич.....	287
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В ОБУЧЕНИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ Сопоева Нелли Хазбиевна.....	291
АКТУАЛЬНОСТЬ ВОЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ВОЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ Стародубцев Михаил Павлович.....	295
ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ Сысоева Елена Юрьевна.....	299
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО – ОРИЕНТИРОВАННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ Тютюсова Елена Вячеславовна, Блинов Леонид Викторович.....	302
К ВОПРОСУ О ФОРМУЛИРОВАНИИ ТЕМЫ ПИСЬМЕННОЙ НАУЧНОЙ РАБОТЫ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ Хабибрахманова Фарида Рафиковна, Киндеркнехт Анна Сергеевна.....	305
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА Храмова Юлия Николаевна, Хайруллин Рестям Давлетбаевич.....	309
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОЙ ЛИЧНОСТИ Хугаева Фатима Владимировна.....	313
ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА В НОВОЙ ПАРАДИГМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ Чекин Илья Анатольевич.....	317
ЭЛЕКТРОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ КАК СРЕДСТВО ДИВЕРСИФИКАЦИИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ КУЛЬТУРЫ Шарипов Фаридун Файзуллаевич, Рахманова Наргис Шокировна.....	321
<i>юридические науки</i>	
ПРОБРАЗЫ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА И СМЕЖНЫЕ С НЕЙ ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ Багавудинов Шамиль Гаджимагомедович.....	327
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ Валуйсков Николай Викторович, Бондаренко Любовь Викторовна, Арутюнян Ани Давидовна.....	331
ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ Валуйсков Николай Викторович.....	334
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕДУРЫ ПРИЗНАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫМ (БАНКРОТОМ) Гартина Юлия Александровна.....	337
АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЯ УРОВНЯ ДОСТУПНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ (НА ПРИМЕРЕ ГКУ АО – УСЗН ПО Г. БЛАГОВЕЩЕНСКУ И БЛАГОВЕЩЕНСКОМУ РАЙОНУ) В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПОДПРОГРАММЫ «РЕАБИЛИТАЦИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНВАЛИДОВ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ» Щека Наталья Юрьевна, Гонторук Юлия Сергеевна.....	341
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗРАСТА КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЧЕРТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ВЫСТУПАЮЩИХ СУБЪЕКТАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ Жадан Владимир Николаевич.....	345
О РОЛИ ПОЛИЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИЦИИ ГЕРМАНИИ) Земляков Валерий Дмитриевич, Землякова Татьяна Алексеевна.....	350
К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ Золотарева Анна Борисовна.....	355

К ВОПРОСУ О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР ЗАЩИТЫ КОНКУРЕНЦИИ Камалиева Лиана Александровна, Следь Юрий Геннадьевич.....	359
СПУТНИКОВЫЙ МОНИТОРИНГ КАК АСПЕКТ АВТОТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ Кравец Юрий Анатольевич.....	362
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ СУДОВ Лесных Елена Анатольевна.....	365
О МОМЕНТЕ РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА НАЙМА СЛУЖЕБНОГО ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ Папушина Наталья Юрьевна.....	370
АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕПРЕДСТАВЛЕНИЕ (НЕСООБЩЕНИЕ) СВЕДЕНИЙ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ Пономарев Олег Владимирович, Яковенко Андрей Александрович.....	374
КОРРУПЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: ПРИЧИНЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА Прохоров Эрик Александрович.....	378
ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ Слесарев Юрий Васильевич, Лосяков Андрей Викторович.....	383
ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ Стригин Михаил Юрьевич.....	386
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ И ВЗАИМОПОМОЩИ В ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ ОБЩИНАХ Чеснокова Юлия Вячеславовна.....	390
ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ ВО ВСЕМИРНУЮ ТОРГОВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ Шайдулина Венера Камилевна.....	393
ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРИ ВВЕДЕНИИ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИИ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА В ОДНОСТОРОННЕМ ПОРЯДКЕ Шайдулина Венера Камилевна.....	397
Условия размещения материалов.....	402

CONTENT
philological sciences

PROFESSIONALLY ORIENTED ENGLISH LANGUAGE TRAINING FOR SENIOR STUDENTS IN NOT LANGUAGE HIGH SCHOOL Aleksееva Tatyana Dmitrievna, Suslina Anzhelika Anatolievna.....	13
CONCEPTUAL INFORMATION OF A WORK OF FICTION Asratyan Zoya Dmitrievna, Shaikhutdinova Anna Mikhailovna.....	18
ON THE ISSUE OF THE ARTISTIC PECULIARITY OF ‘THE COMELY COOK’ BY M.D. CHULKOV ON THE BACKGROUND OF THE EUROPEAN NOVELISTIC TRADITION OF THE XVIII CENTURY Bezrukova Marina Victorovna.....	22
WAYS OF THE INTERACTION OF TRANSNATIONAL ENGLISH AND SCANDINAVIAN LANGUAGES Borodina Darya Sergeevna.....	27
INSTITUTIONAL FEATURES OF JUDICIAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF ENGLISH LANGUAGE) Bulahtina Natalya Aleksandrovna.....	32
THE SPECIFICITY OF THE TRANSLATION OF THE REALITIES OF RUSSIAN RURAL LIFE IN CHINESE LANGUAGE Wang Lin.....	35
FUNCTIONING SPECIFICS OF INVECTIVE VOCABULARY IN THE STORY OF N. GIMATDINOVA “BER TAMCHY YARATU” (“ONE DROP OF LOVE”) Vakhitova Dilyara Kasimovna.....	39
EVALUATIVE AND EMOTIVE CONNOTATIONS OF THE ADJUNCT IN ATTRIBUTIVE WORD-COMBINATIONS (based on a study of ‘feature’ articles taken from British and American newspapers) Morozova Alevtina Nikolaevna, Vlasova Lyudmila Ilinichna.....	43
OF PRIMARY AND SECOND NOMINATION OF A PERSON WITH THE HELP OF COLOR NAMES (ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE) Gaydukova Tamara Michailovna.....	48
«NATIVE SPEAKER» AS A SYSTEM-FORMING CONCEPT OF ENGLISH LANGUAGE TEACHING DISCOURSE Gich Olga Nikolaevna.....	53
ABOUT THE PRAGMATICAL POTENTIAL OF EMPHATIC PARTICLES (on the material of Russian and German) Degtyareva Lyudmila Mikhailovna, Oberemchenko Elena Yurievna.....	57
SYNTACTIC MEANS OF EMOTIONALITY’S EXPRESSION IN FRENCH Dmitrieva Darya Dmitrievna.....	61
TATIANA ZNAMEROVSKAYA – AN INTERPRETER OF ENGLISH POETS Zhatkin Dmitry Nikolayevich.....	65
ACTUALIZATION OF THE COMMUNICATIVE STRATEGY OF NEGATIVE POLITENESS AND ITS TACTICS (ON THE DEBATES OF D. TRAMP AND H. CLINTON) Zyubina Irina Anatolevna.....	69
STRUCTURAL ELEMENTS OF IMAGE OF A TERRITORIAL SUBJECT Kadochigova Daria Sergeevna.....	73
ENGLISH VS. EUROPEAN ENGLISH: LANGUAGE FORMS DEVELOPMENT AND USE Kartushina Elena Alexandrovna.....	77
VERBALIZATION OF THE FAMILY IN THE KARACHAY-BALKAR FOLKLORE Ketenchiev Mussa Bahautdinovich, Dodueva Aminat Taubievna, Deveeva Aishat Abdulkherimovna.....	81
THE ART SYSTEM OF I.A. BUNIN IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE Klimova Galina Pavlovna.....	85
LATINISMS IN ENGLISH LEGAL TERMINOLOGY Kolarkova Oxana Gennadievna, Ipatova Irina Serafimovna, Savina Anna Anatolievna.....	89
NONVERBAL BEHAVIOUR AS A REFLECTION OF THE NATIONAL CULTURAL CODE Krasikova Tamara Teczarevna.....	93
NAMES OF THE ENTERPRISES OF RESTAURANT BUSINESS IN LANGUAGE SPACE OF THE CITY (IN THE CONTEXT OF VLADIVOSTOK CITY) Krinitetskaya Marina Yuryevna.....	97
INTERLINGUAL ASYMMETRY IN TRANSLATION Lekomtseva Irina Alekseevna, Kuraleva Tatiana Vladimirovna.....	101
PROBLEM OF WARTIME EVENT COVERING IN MASS-MEDIA: IDEOLOGY – CONCEPTUALIZATION – GENDER Malyi Nikolai Nikolaievich.....	105

HIGH-FREQUENCY VOCABULARY IN MODERN ENGLISH ECONOMICS ABSTRACTS: A CORPUS-BASED STUDY OF RESEARCH ARTICLE ABSTRACTS FROM THE WORLD'S LEADING PERIODICALS Mikolaychik Margarita Vladimirovna.....	109
SEMANTIC INDETERMINACY PHENOMENON IN THE LEGAL TEXT: CONTEXT, PRAGMATICS, INTERPRETATION Neustroev Kyrill Sergeevich.....	113
SOMATISM «HEAD» IN CONCEPTUALIZATION OF A NAIVE VIEW OF THE WORLD OF THE ARABS Omarov Artur Abdulagadzhievich.....	117
THE NUMBER OF COMPONENTS IN AVAR TOPONYMIC CONSTRUCTIONS Otsomieva-Tagirova Zabihat Magomedovna.....	121
LINGUISTIC MECHANISMS OF STATIVE CATEGORIZATION Pavlova Anna Vladimirovna.....	124
SPATIAL IMAGES IN THE NOVEL OF MAGOMED-RASUL «THE PROPHET'S FATHER» Ramazanova Pati Kazikhanovna.....	127
VALUE PECULIARITIES OF THE LINGUACULTURAL CHARACTER «AMERICAN TOURSIT» Ryzhikova Marina Dmitrievna.....	132
MODAL VERBS IN LEGAL ENGLISH Kolarkova Oxana Gennadievna, Savina Anna Anatolievna.....	136
THE COSMOLOGICAL VIEW OF THE NOGAI IN PERSONAL NAMES Sagindikova Zulfiya Magomedovna.....	140
THE USE OF TECHNOLOGY OF DEVELOPING TRAINING ON THE BASIS OF THE LOGICAL-SEMANTIC MODEL «THE LETTER» Sadykova Runa Khanifovna, Samareva Elena Victorovna.....	143
COGNITIVE STRATEGY OF LANGUAGE MODALITY Samoylova Marina Nikolaevna, Shepeleva Marianne Vadimovna.....	147
LINGUISTS' CONCEPTS AND OPINIONS ABOUT THE THEORY OF LINGUISTICS AND THE ISSUE OF TEACHING LIVING LANGUAGES Sidakova Nelly Valentinovna.....	151
THE CONCEPT «LOVE» AS A FRAGMENT OF THE EMOTIONAL WORLD PICTURE IN THE POETRY OF A. A. FET AND A. A. ASADOV Sklyar Elena Stanislavovna.....	155
COMPARATIVE ANALYSIS OF MILITARY TERMINOLOGY IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES Sun Shuai.....	160
LINGUISTIC CRITERIA FOR THE IDENTIFICATION OF LIE (ON THE MATERIAL OF WORKS OF G. SIMENON) Tabernilla-Basabe Alina Eusebian.....	164
EVIDENTIAL MARKERS IN THE SCIENTIFIC TEXT: GRAMMATICAL MANIFESTATION, SEMANTICS, FUNCTIONS Temirbulatova Anna Sergeevna.....	167
PECULIARITIES OF THE INDIVIDUAL-AUTHOR'S WORLD PICTURE OF GEORGY GOSPODINOV Filippova Anastasia Aleksandrovna.....	171
KINSHIP TERMS AS A REFLECTION OF TRADITIONAL FAMILY RELATIONS IN RUSSIAN CULTURE Zhang Qinghan.....	174
THE NAMES OF PERSONS IN FISHING IN THE DARGIN LANGUAGE: ISSUES OF LEARNING AND LEXICOGRAPHICALLY DIFFERENT- TEMPORAL DICTIONARIES Yusupov Khizri Abdumajidovich.....	178
<i>pedagogical sciences</i>	
TRAINING OF A FUTURE TEACHER FOR WORK UNDER THE CONDITIONS OF INCLUSIVE EDUCATION: MOTIVATIONAL ASPECT Akhmetzhanova Galina Vasilievna, Stepanko Andrei Alekseevich.....	181
ALLOPHONIC VARIATION OF GERMAN CONSONANTISM AND ISSUES OF INTENSIFIED TEACHING OF GERMAN PHONETICS Gordeeva Tatyana Aleksandrovna, Bashkova Liliya Rafikovna, Khomiakov Yevgeny Alekseevich.....	185
FORMATION OF PROFESSIONAL MOBILITY OF STUDENTS UNDER CONDITIONS OF MODERN HIGHER EDUCATION Bekoeva Marina Ivanovna.....	189
PEDAGOGICAL FOUNDATIONS OF IMPROVING THE TECHNICAL TRAINING OF YOUNG GAMES IN FOOTBALL Bugulov Alan Gavrilovich.....	193

DEVELOPMENT OF CERTAIN PERSONAL AND METASUBJECT COMPETENCIES OF SECONDARY EDUCATION USING COMMAND MATH GAMES Vasilyeva Elena Veniaminovna, Seliverstova Lyudmila Vyacheslavovna.....	197
LEARNERS' NEEDS ANALYSIS OF LAWYERS-TO-BE IN THE SYSTEM OF FOREIGN LANGUAGE ASSESSMENT Vikulina Olga Vladimirovna.....	201
WORK WITH PARENTS AT IRKUTSK PRIVATE GYMNASIUMS IN THE EARLY 20th CENTURY Garashchenko Liubov Vitalyevna.....	205
THE TRAINING OF PROFESSIONAL-PEDAGOGICAL PERSONNEL IN CONDITIONS OF INNOVATIVE ACTIVITY OF THE UNIVERSITY Gnatyshina Elena Alexandrovna, Alekseeva Lubov Petrovna, Savchenkov Alexey Viktorovich.....	210
WORK ON THE SOCIAL AND LABOUR ADAPTATION OF GRADUATES OF BOARDING SCHOOL FOR STUDING IN ADAPTED EDUCATIONAL PROGRAMMES Gorina Ekaterina Nikolaevna, Baibulatova Olga Vladimirovna, Khmelkova Olga Vladimirovna.....	216
CONTROLLING IN THE CONTROL OF THE EDUCATIONAL SYSTEM Danilov Alexandr Pavlovich, Yarygina Nelia Anatolyevna, Krytsina Anna Mikhailovna.....	220
ABOUT EXPERIENCE IN FORMING PEDAGOGICAL SYSTEM OF PHARMACISTS PREPARATION ON THE CONTEXTUAL APPROACH BASIS Denisova Natalja Georgievna, Kurilova Oksana Olegovna.....	223
TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF THE PERSONALITY OF A CHILD OF A PRESCHOOL AGE Dzhioeva Galina Khazbievna, Dzhioeva Aina Rufinovna.....	228
PEDAGOGICAL CONDITIONS OF SENIOR PRESCHOOL CREATIVE ABILITIES IN THE PROCESS OF FAMILIARIZATION WITH THE NATURAL AND THE MAN-MADE WORLD Dybina Olga Vitalevna.....	232
THE MODEL OF FORMATION OF MOTIVATIONAL COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS OF INCLUSIVE EDUCATION Emelyanova Tatiana Vitalievna, Stepanko Andrei Alekseevich.....	237
ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF RUSSIA'S MODERN SYSTEM OF HIGHER EDUCATION: ISSUES AND TRENDS IN DEVELOPMENT Erokhin Aleksey Konstantinovich, Vlasenko Alevtina Alekseevna, Tsareva Natalia Aleksandrovna.....	241
TRANSFORMATION SOCRATIC DISCUSSION AS EDUCATIONAL PRACTICE Ivanova Olga Ernstovna, Khabibullin Fargat Khadiyatovich.....	246
UNIFIED EDUCATIONAL SPACE OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION: A NEW WAY OF MODERNIZATION OF THE EDUCATIONAL SYSTEM Ismailova Nupaisat Pakhrudinovna.....	250
PECULIARITIES OF ORGANIZING THE TRAINING PROCESS ON THE DISCIPLINE «ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE AND SPORT» Kareva Galina Vyacheslavovna.....	255
IMPLEMENTATION OF AN INTERDISCIPLINARY APPROACH IN THE PREPARATION OF FOREIGN CITIZENS TO STUDY IN RUSSIAN UNIVERSITIES Kozlovtseva Nina Aleksandrovna.....	259
ASPECTS OF THE SYSTEM APPROACH IN PRESCHOOL EDUCATION Kosogova Anastasia Samsonovna, Zaytseva Olga Yuryevna.....	263
PROBLEMS OF TRAINING OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES PROTECTION FROM A DOG ATTACK Kravtsov Sergey Vladimirovich, Afinogenov Timothy Petrovich.....	267
DIDACTIC-METHODICAL PRINCIPLES OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING AS A COMPONENT OF PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS OF NON-LINGUISTIC SPECIALTIES Markelova Tatyana Valeryevna.....	270
FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE OF STUDENTS OF THE PEDAGOGICAL COLLEGE OF TOGLIATTI Rudenko Irina Victorovna, Naymavichute Karolina Algirdasovna.....	273
FORMATION OF UNIVERSAL, GENERAL PROFESSIONAL AND PROFESSIONAL COMPETENCES IN BACHELORATE STUDENTS ON THE DIRECTION OF PREPARATION CONSTRUCTION Odarich Irina Nikolaevna.....	276
QUEST GAME AS A CULTURAL PRACTICE: CONTENT AND ORGANIZATION TECHNOLOGY IN PRESCHOOL EDUCATION Oshkina Alla Anatolevna.....	279

HUMANISTIC DIRECTION IN THE DEVELOPMENT OF MANAGEMENT THOUGHT AS A RESOURCE FOR THE DEVELOPMENT OF THEORY AND PRACTICE OF HIGHER EDUCATION Prokopenko Roman Alexandrovich.....	283
HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL APPROACH IN STUDYING PHYSICS BY FUTURE TEACHERS OF PHYSICS USING LMS MOODLE Sabirova Fairuza Musovna, Shurygin Viktor Yuryevich.....	287
THEORETIC AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF USING THE NATIONAL-REGIONAL COMPONENT IN THE LEARNING OF YOUNG SCHOOLCHILDREN Sopoeva Nellie Khazbieva.....	291
THE RELEVANCE OF THE MILITARY-PEDAGOGICAL TRADITIONS IN MODERN MILITARY EDUCATION Starodubtsev Mikhail Pavlovich.....	295
INNOVATIVE METHODS OF TRAINING IN THE SYSTEM OF PROFESSIONAL EDUCATION Sysoeva Elena Yur'yevna.....	299
AXIOLOGICAL ASPECT IN FORMING SOCIALLY-ORIENTED COMPETENCIES OF YOUNG SCHOOLBOYS Tiutiushova Elena Vyacheslavovna, Blinov Leonid Viktorovich.....	302
ON THE PROBLEM OF SCIENTIFIC WORK WRITTEN IN FOREIGN LANGUAGE AND ITS THEME FORMULATION Khabibrakhmanova Farida Rafikovna, Kinderknekht Anna Sergeevna.....	305
THE USAGE OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN TEACHING BUSINESS ENGLISH Khranova Yulia Nikolaevna, Khairullin Restam Dauletbaevich.....	309
ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS FOR FORMATION OF THE TOLERANCE PERSON Khugayeva Fatima Vladimirovna.....	313
THE MAIN FUNCTIONS OF THE INFORMATIONAL APPROACH IN THE NEW PARADIGM OF ADULT EDUCATION Chekin Ilya Anatol'evich.....	317
ELECTRONIC AND EDUCATIONAL RESOURCES AS MEANS OF DIVERSIFICATION OF TRAINING OF SPECIALISTS OF CULTURE Sharipov Faridun Fayzullayevich, Rakhmanova Nargis Shokirovna.....	321
<i>juridical science</i>	
THE TYPES OF CONFISCATION OF PROPERTY AND ADJOINING GROUNDS FOR TERMINATION OF OWNERSHIP RIGHTS Bagaudinov Shamil Gadzhimagomedovich.....	327
THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF JUVENILE JUSTICE Valuyskov Nicolay Viktorovich, Bondarenko Lyubov Viktorovna, Arutiunian Ani Davidovna.....	331
THE HUMANISTIC TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF JUVENILE JUSTICE Valuyskov Nicolay Viktorovich.....	334
THEORETICAL ASPECTS OF THE PROCEDURE FOR RECOGNIZING A LEGAL ENTITY AS INSOLVENT (BANKRUPT) Gartina Yulia Aleksandrovna.....	337
ANALYSIS OF THE IMPORTANCE OF THE LEVEL OF AVAILABILITY OF THE SOCIAL INSTITUTIONS OF THE AMUR REGION FOR DISABLED PEOPLE (ON THE EXAMPLE OF GKU AO – USZN FOR THE CITY OF BLAGOVESHCHENSK AND THE BLAGOVESHCHENSK AREA) WITHIN THE FRAMEWORK OF THE IMPLEMENTATION OF THE SUBPROGRAMME «REHABILITATION AND ENSURING THE LIFETIME OF DISABLED PEOPLE IN THE AMUR REGION» Scheka Natalia Yuryevna, Gontoruk Yuliya Sergeevna.....	341
CRIMINAL-LAW PROBLEMS OF THE AGE AS THE DISTINCTIVE FEATURES OF MINORS, SPEAKERS CHARGED WITH A CRIME Zhadan Vladimir Nikolaevich.....	345
ABOUT THE POLICE ROLE IN CONDUCTING MASS EVENTS (ON AN EXAMPLE OF THE GEMANY POLICE) Zemlyakov Valery Dmitrievich, Zemlyakova Tatiana Alekseevna.....	350
REVISITING THE ISSUE OF THE EFFICIENCY OF STATE CONTROL IN THE PUBLIC SECTOR Zolotareva Anna Borisovna.....	355
TO THE QUESTION ON WAYS OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL-LEGAL MEASURES OF PROTECTION OF COMPETITION Kamalieva Liana Aleksandrovna, Sled Yuriy Gennadievich.....	359
SATELLITE MONITORING AS THE ASPECTS OF MOTOR TRANSPORT SECURITY Kravets Yuri Anatolyevich.....	362
ADMINISTRATIVE AND LEGAL TRADITIONS ORGANIZATIONAL SUPPORT FOR RUSSIAN SHIPS ACTIVITIES Lesnyh Elena Anatolievna.....	365

ABOUT THE MOMENT OF TERMINATION OF A CONTRACT FOR TENANCY FOR EMPLOYEES Papushina Natalia Yurievna.....	370
ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR UNCERTAINTIES TO THE TAX CONTROL BODIES Ponomarev Oleg Vladimirovich, Yakovenko Andrei Alexandrovich.....	374
CORRUPTION CRIMES IN PUBLIC PROCUREMENT: COMMON CAUSES Prokhorov Eric Alexandrovich.....	378
CONFIDENTIAL INFORMATION PROTECTION PROBLEMS IN WEB: LEGAL ASPECT Slesarev Yuri Vassilyevich, Losyakov Andrey Viktorovich.....	383
SPECIFICS OF THE APPLICATION OF A DELAY IN SERVING A SENTENCE TO A SICK ADDICT Strigin Mikhail Yurievich.....	386
THE EMERGENCE OF SOCIAL ASSISTANCE AND OF MUTUAL AID AMONG THE SLAVS Chesnokova Julia Vyacheslavovna.....	390
ECONOMIC AND LEGAL ISSUES OF FINANCIAL SERVICES REGULATION IN RUSSIAN FEDERATION WITHIN THE FRAMEWORK OF JOINING THE WORLD TRADE ORGANIZATION Shaydullina Venera Kamilevna.....	393
THE ISSUE OF INTERNATIONAL LAW PRINCIPLES OBSERVATION IN THE CASE OF THE INTRODUCTION OF FINANCIAL-ECONOMIC SANCTIONS AGAINST THE STATE UNILATERALLY Shaydullina Venera Kamilevna.....	397
Conditions of accommodation of scientific materials.....	402

УДК 811.111:378.02

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ
НА СТАРШИХ КУРСАХ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

© 2018

Алексеева Татьяна Дмитриевна, кандидат психологических наук, доцент
Ресурсного центра (кафедры) иностранных языков**Суслина Анжелика Анатольевна**, кандидат педагогических наук, доцент
Ресурсного центра (кафедры) иностранных языков*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
(236016, Российская Федерация, Калининград, ул. А. Невского, д. 14, e-mail: angyteach@mail.ru)*

Аннотация. Целью настоящей статьи является определение путей и возможностей развития иноязычных коммуникативных умений у студентов старших курсов технического профиля. Среди значимых коммуникативных умений помимо формирования традиционных навыков чтения малоадаптированных и неадаптированных текстов по специальности и, соответственно, перевода специальных текстов, следует особо выделить формирование умений публичной речи на английском языке по профессиональной тематике. Для решения этой проблемы рассматриваются различные технологии развития коммуникативных умений публичного высказывания. Презентация, доклад и проект обсуждаются как наиболее востребованные жанровые разновидности устной публичной речи. Рассматриваются методики подготовки и реализации презентационной, научной (в форме доклада) и проектной деятельности, призванные развивать умения и навыки профессионального общения. Также обсуждаются жанровые разновидности письменных вторичных текстов/высказываний на английском языке – реферат, аннотация и др. – и рассматриваются технологии реферирования и аннотирования. В статье представлены *результаты*: рассмотрены структурные составляющие и даны методические рекомендации по подготовке презентации, доклада и проекта; представлены формулы речевого общения протоколно-этикетного характера. Проанализированы отличия и сходства реферата, аннотации и эссе и даны методические указания по технике обучения. В связи с перемещением акцента с подачи информации на развитие коммуникативной компетенции в системе высшего профессионального образования исследуемая проблема отличается своей *новизной* и *актуальностью*. Имея разную природу жанровой разновидности, формируемые умения публичного выступления позволяют студентам лучше социализироваться и испытывать меньше проблем в своей будущей профессиональной деятельности, что подтверждает *практическую значимость* основных положений и выводов.

Ключевые слова: умения публичного высказывания, жанровые разновидности, презентация, структурные составляющие, схема развертывания, научный доклад, риторические вопросы, вводные фразы, проектные формы работы, этапы проектной деятельности, реферирование и алгоритм работы, аннотирование.

PROFESSIONALLY ORIENTED ENGLISH LANGUAGE TRAINING FOR SENIOR STUDENTS
IN NOT LANGUAGE HIGH SCHOOL

© 2018

Alekseeva Tatyana Dmitrievna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
of the Resource Centre (Department) of Foreign Languages**Suslina Anzhelika Anatolievna**, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Resource Centre (Department) of Foreign Languages*Immanuel Kant Baltic Federal University**(236016, Russian Federation, Kaliningrad, A. Nevskogo Street, 14, e-mail: angyteach@mail.ru)*

Abstract. The purpose of this article is to determine the ways and opportunities for the development of foreign language communication skills among senior technical students. Among the significant communicative skills, apart from the formation of traditional reading habits of low-adapted and unadapted texts in the speciality and, accordingly, the translation of special texts, one should especially highlight the formation of public speaking skills in English on the professional subject. To solve this problem various technologies for developing communicative skills of public utterance are considered. The presentation, the report and the project are discussed as the most popular genre varieties of oral public speech. *Methods* of preparation and implementation of presentation, scientific (in the form of a report) and project activity, designed to develop skills and habits of professional communication are considered. Also genre varieties of written secondary texts/utterances in English – abstract, annotation, etc. – are also discussed and technologies of abstracting and annotating are considered. The article presents the *results*: the structural components are considered and methodological recommendations for the preparation of the presentation, the report and the project are given; formulas for speech communication of a protocol-etiquette character are presented. The differences and similarities of the abstract, annotation and essay are analysed and methodological instructions on the teaching technique are given. In connection with the shift in emphasis from the submission of information to the development of communicative competence in the system of higher professional education, the problem under study is distinguished by its *novelty* and *relevance*. Having different nature of the genre variety the formed skills of public speaking will allow students to better socialize and experience fewer problems in their future professional activity, which confirms *the practical importance* of the main provisions and conclusions.

Keywords: public speaking skills, genre varieties, presentation, structural components, deployment scheme, scientific report, rhetorical questions, introductory phrases, project forms of work, stages of project activity, abstracting and algorithm of work, annotation.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Общеизвестно, что формирование умений иноязычного профессионального общения является одной из наиболее важных составляющих содержания обучения специалистов любого профиля. В новом поколении документов – Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по направлению подготовки 11.04.02 Информационные технологии и системы связи, уровень магистратуры (2014) [17] и в Примерной программе «Иностранный язык» для неязыковых вузов

и факультетов, разработанной Научно-методическим советом по иностранным языкам при Министерстве образования и науки РФ (2009) [14] – сформулированы требования к профессиональной подготовке современного специалиста. В соответствии с этими требованиями обучение данного контингента иностранному языку включает в себя в качестве обязательных компонентов следующие: понимание устных и письменных высказываний и сообщений профессионального характера, составление деловых писем, аннотаций, рефератов, тезисов, отчетов и др.; владение определенным реестром

коммуникативных намерений (информирование, пояснение, уточнение, аргументирование, инструктирование) и др.

В этой связи, подготовка к иноязычному общению специалистов технической направленности в вузе предполагает не иначе как формирование умений публично выступать как в деловом, так и в научном стилях речи, считающихся наиболее релевантными для профессиональной деятельности данной категории специалистов.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Как показывает анализ [6, 11, 13, 18, 20], публичное высказывание может осуществляться в различных жанрах. Так, к наиболее распространенным среди жанровых разновидностей, которыми пользуются технические специалисты в настоящее время, можно отнести презентацию, доклад, проект, реферирование, аннотирование и др. Тем не менее, по причине все еще их недостаточного освещения в современной научно-методической литературе, представляется целесообразным в учебно-методических целях проанализировать и установить характерные особенности сходства и различия выделяемых жанров публичной речи.

Формирование целей статьи (постановка задания). Исходя из необходимости подготовки к иноязычному общению специалистов технического профиля согласно упомянутым выше документам, основной целью статьи является рассмотрение путей и возможностей развития англоязычных умений публичных высказываний по профессиональной теме на старших курсах. Для этого необходимо рассмотреть методики подготовки и реализации устной презентационной, научной (в форме доклада) и проектной деятельности, а также технологии составления письменных вторичных текстов-высказываний (реферата, аннотации и др.).

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Итак, презентацию по праву следует считать важным и неотъемлемым атрибутом профессиональной деятельности современного специалиста. Основная ее функция как жанра делового общения заключается в передаче определенной информации партнерам по деловому контакту. Как правило, она состоит из 3-х структурных компонентов: 1) вступление; 2) основная часть; 3) заключение. Как показывает практика деловой коммуникации, опытные ораторы придают большое значение (от 5 до 10% времени, отводимого на всю презентацию) первой части высказывания – *вступлению* -, поскольку в первую минуту речи у слушающих формируется определенное восприятие как самого говорящего, так и темы сообщения, что призвано в целом вызвать последующий интерес к объекту презентации. Схема развертывания вступления является общепризнанной [7] и включает: 1) приветствие /вступительное обращение (*Ladies and Gentlemen! Friends and Colleagues! May I welcome you on behalf of...*); 2) представление говорящим себя и/или других возможных участников презентации (*My name is..., let me begin by giving our terms of reference...*); 3) формулирование цели сообщения (*My aim today is to discuss the prospects for...*); 4) представление плана презентации (*I've divided presentation into three sections. First, I'd like to talk about... Secondly, I'm going to analyze... Thirdly, I want to consider... Finally, I'll be recommending...*); 5) создание эмоционально позитивной атмосферы в аудитории (*It's my privilege today to be talking to this distinguished gathering of professional experts in the field.*); 6) установление регламента и информация о процедуре проведения презентации (*...This will take about half an hour.*).

Основная часть презентации представляет собой последовательное изложение студентом сведений об объ-

екте презентации. Она может включать конкретизацию объекта презентации – предмета/проблемы (*I would now like to define the main problem...*); представление фоновой информации о данном объекте (например, сообщение сведений исторического характера); развертывание (кратко) плана презентации. Здесь информация предъявляется обучаемым не только вербально, но и с использованием различных визуальных и аудиовизуальных источников (предметов, схем, таблиц, диаграмм, слайдов, фильмов и др.).

Заключение как завершающая часть презентации представляет собой подведение ее итогов. В этой части студент обобщает сказанное в основной части и делает выводы относительно объекта презентации. Здесь он должен сосредоточить внимание сокурсников только на основных позициях своей презентации (*So, I'd like to go over the main points again...*), связанных с возможностью будущего взаимодействия между партнерами/слушателями по данному деловому контакту (*So, we've considered two options today that would open new possibilities for...*). Существенно также вежливое завершение презентации и приглашение к обсуждению представленной информации (*That concludes my talk. Thank you all for your attention. Please feel free to ask questions*).

Доклад является следующим жанром устной деловой коммуникации, также призванным развивать умения и навыки профессионального общения у студентов на старших курсах. Доклад – это публичное развернутое сообщение по определенному вопросу, основанное на привлечении документальных данных [1]. Цель доклада заключается в необходимости довести до сведения широкого круга специалистов информацию по определенной теме, а также изложить рекомендации по дальнейшей работе и ее перспективы. Доклады делаются на конференциях, семинарах, симпозиумах и др. и занимают в среднем 30-40 минут. Основу доклада (как и презентации) составляет заранее подготовленный (обычно письменный) текст, на который обучаемый опирается в ходе своего выступления и который часто сопровождается визуальными источниками. Как и в презентации структура доклада представляет собой последовательное чередование вступления, основной части и заключения. Так, вступление аналогично призвано сформировать у однокурсников определенное отношение не только к передаваемой информации, но и к самому оратору. В основной части также необходимо отразить ключевую информацию непосредственно по теме выступления, четко отделяя подтемы и используя приемы повествования, описания, рассуждения. Студенты могут использовать в докладе риторические цепочки вопросов, назначение которых – подведение слушающих к тому или иному суждению. Также допустимо использование «нейтральной фразы» – произнесение фразы, не связанной напрямую с темой доклада, но привлекающей внимание аудитории. С той же целью студент – докладчик может изменять характеристики своего голоса и темпа речи. Можно даже прибегнуть к «приему акцентировки» для привлечения внимания к той или иной мысли в докладе за счет употребления различных вводных фраз и др. (*Let me draw your attention to..., I would like to point out..., I have every good reason to believe that...*) [2].

Не секрет, что живое и мотивированное взаимодействие студентов друг с другом или внутри отдельной группы считается показателем успешной реализации процесса обучения. В этом смысле заслуживают внимания *проектные формы работы*, призванные формировать не только коммуникативную компетенцию, рассматриваемую как конечную цель в процессе изучения иностранного языка [8, с.67], но и развивать проектный тип мышления, необходимый будущему специалисту для развития таких умений, как определить цель и возможности ее достижения, разработать краткосрочные и долгосрочные планы и т.д.

Известно, что проекты использовались педагогами

и философами еще в начале XX века с целью развития самостоятельного мышления ребенка, его способности использовать изученное в практической деятельности. В настоящее время по-прежнему популярны *групповой проект*, над исследованием которого может работать целая группа студентов; *мини-исследование*, где с использованием анкетирования и интервью проводится индивидуальный социологический опрос; *личный/индивидуальный проект* на основе работы с литературой, подразумевающий выборочное чтение по интересующей студента теме и подходящий для индивидуальной работы. Проекты также могут различаться по виду доминирующей деятельности: практико-ориентированные и информационные [15], исследовательские, поисковые, дискуссии и эвристические беседы, мозговые атаки и др. [12].

В целом особое внимание все же следует уделять групповой форме обучения или групповому проекту, где успех всех зависит от успеха каждого, что может быть доступно лишь в результате самостоятельной работы каждого члена группы в постоянном взаимодействии с сокурсниками.

Следует заметить, что метод проектной деятельности особенно значим в условиях дефицита аудиторного времени, тем более, что у студентов старших курсов уже вполне сформированы как интерес к своей специальности, так и навыки поисково-исследовательской работы. При разработке, например, информационного проекта на первом этапе нужно заявить о проблеме и поставить цель. Преподаватель должен помочь студенту обосновать тему проекта, сформулировать цель и задачи, подсказать методы их решения. Второй этап проекта – это самостоятельная работа студента над реализацией проекта. Здесь нужны контроль и консультации со стороны преподавателя. На заключительном третьем этапе имеет место защита проекта, где студент приобретает опыт самопрезентации и публичного выступления.

И, наконец, после своей реализации проект как многогранная работа может оцениваться с позиций его составляющих: оформления, структуры, содержания, научности, результатов и выводов [5, С. 160-161]. Здесь весьма полезно коллективное обсуждение студентами представленного материала в ходе организованной дискуссии, которая, в свою очередь, завершается оценкой преподавателя. Как видим, проектные работы в итоге создают благоприятные условия для совершенствования языковых навыков с одной стороны, с другой же – развивают исследовательские и творческие способности будущих специалистов.

Сегодня актуальной методической проблемой в рамках профессионально ориентированного обучения также является обучение *реферированию и аннотированию* англоязычной литературы студентов старших курсов. Приобретаемые навыки и умения переработки текста обеспечивают им самостоятельно усваивать новые знания при работе с большими объемами информации. Эти навыки и умения несомненно будут востребованы при написании курсовых и выпускных работ, а также диссертационных исследований, поскольку любому автору, желающему выразить свое мнение по той или иной научной проблеме, приходится сталкиваться с необходимостью реферирования и комментирования иноязычного текста. Более того, получение грантов и стипендий на обучение или участие в программах для студентов и молодых ученых, как и для проведения научно-исследовательских проектов, также предполагает умение претендентов писать аннотации и резюме своих работ.

Итак, *реферирование* как разновидность письменной речевой деятельности имеет целью извлечение из прочитанного текста основного содержания и заданной информации с целью их письменного изложения. Основными требованиями, которые предъявляются к реферату, являются объективность; полнота излагаемого материала; ясное и точное воспроизведение фактов;

единство формы, которое включает в себя такие понятия как, стиль и терминология [10, С.47]. Известны разнообразные классификации типов рефератов. Так, по характеру исходного материала рефераты могут быть монографические и обзорные; по типам отдельных видов операций свертывания текста – рефераты-выдержки, цитаты, перифразы, обобщения; по типам организации ключевого материала во вторичном тексте – рефераты-конспекты, резюме и др. [4, С.11].

Наиболее распространенными считаются реферат-резюме (описательный) и реферат-конспект (информативный). Реферат-резюме (описательный) содержит краткое изложение основных элементов содержания изучаемого текста и их представление в виде относительно краткого вторичного текста. Он позволяет установить, что именно говорится в исходном тексте. Иначе, это краткое изложение сущности вопросов, рассматриваемых в оригинале. Подобный вид реферата может использоваться при контроле понимания прочитанного. Алгоритм работы над рефератом-резюме имеет свои требования, а именно: информация излагается только с позиций автора исходного текста и не содержит никаких элементов интерпретации и оценки; все индивидуальные стилистические приемы автора (например, метафоры) передаются нейтральными языковыми средствами; широко используются клише и специальная оценочно-оформительская терминология (например, *The article is devoted to an important problem of ...; It is pointed out that ...*). В целом, содержательная адекватность вторичного текста достигается путем отбора наиболее важных элементов информации первичного/исходного текста. При этом можно ориентироваться на такие элементы содержательной композиции исходного текста, как заглавие, начало и конец текста. Что касается известного положения теории реферирования о необходимости уделять наибольшее внимание первому предложению каждого абзаца (*Topic sentence*), как наиболее четко выражающему основную идею, то к нему нужно относиться с осторожностью. Так, довольно часто оно суммирует тему предыдущего абзаца, а также может являться только подводящим к основной теме абзаца, которая выражена вторым или третьим предложением, или же оно может содержать всего лишь ссылку, связывающую данный абзац либо с предыдущими, либо с последующими фрагментами текста.

Следует отметить, что в большинстве случаев смысловые части текста, между которыми нужно установить связи, соответствуют имеющимся абзацам и основной трудностью для студентов является выделение в этих абзацах ключевых слов и словосочетаний. Главными формальными критериями последних являются: 1) употребление слов/словосочетаний, относящихся к единому тематическому полю; 2) лексический повтор тематического слова/словосочетания; 3) использование в тексте слов/словосочетаний с похожими или противоположными значениями (синонимов/антонимов); 4) использование коллокаций и обобщенных слов. В тексте также есть информация, которая остается неизменной независимо от степени и стадии переработки текста и которая сохраняется во всех вторичных текстах. Эту информацию принято называть «ядерной» [3, С.11]. Разумеется, существует дополнительная информация, которая в определенной мере дополняет «ядерную». Следует помнить, что постепенное сжатие текста осуществляется за счет последовательного исключения наименее значимых его элементов. В итоге, основным требованием к созданию вторичного текста является сведение потерь смыслового содержания оригинала к минимуму при максимальном сжатии текста.

В отличие от реферата-резюме (описательный) реферат-конспект (информативный) имеет несколько больший объем, поскольку включает все положения первоисточника. Его целью является дать более полное представление о содержании оригинального текста, чем

в реферате-резюме, с сохранением последовательности изложения сведений в исходном тексте.

Не менее значимой и довольно распространенной из всех возможных форм изложения содержания текста является *аннотация*, отличающаяся своей предельной краткостью. Аннотация в результате компрессии текста оригинала дает лишь общее представление о его тематике и не может заменить первичный текст. Ее целью является краткое, максимально компрессированное связанное изложение основного текста-источника для передачи кратких сведений о заключенной в тексте информации, ее направленности, ценности и назначения [9]. Она предоставляет возможность обучающемуся прийти к мнению о целесообразности более детального ознакомления с текстом оригинала. В этом смысле русский термин «Аннотация» приравнивается к синонимичному английскому 'Abstract'. Аннотация может быть по объему от 50 до 400 слов в зависимости от сложности и требований издания (журнала, сборника, сайта и т.п.). Высокая степень обобщения материала в аннотации неизбежно ведет к личностной, субъективной окраске формулировок, что не мешает в то же время широкому использованию в ней клишированных слов и выражений. Это явно отличает аннотацию от реферата, где референт осознанно самоустраивается от оценки перерабатываемой информации. Основными компонентами «классической» аннотации являются: актуальность, постановка проблемы, пути решения поставленной проблемы, результаты и выводы [16, С. 82]. Каждому из разделов может отводиться по одному предложению. Четкость изложения мысли является основным требованием. В то же время можно отметить, что часто научные и научно-популярные статьи не содержат описания экспериментальных исследований. Отсюда при написании аннотации можно ограничиться лишь первыми тремя указанными компонентами. Аннотация часто сопровождается набором перечисляемых ключевых слов научной работы (в рамках определенного лимита), что делается для поисковых систем и классификации статей по темам.

И, наконец, *эссе*, как еще один жанр письменной деловой коммуникации, представляет собой небольшую по объему письменную работу на определенную тему, выражающую точку зрения обучаемого по той или иной обсуждаемой проблеме. Оно предполагает написание краткого рассуждения в свободной форме по поставленной проблеме, которое должно быть целостным и обоснованным. Такая форма работы при кажущейся возможной легкости требует от студента тем не менее культуры письменной англоязычной речи и наличия определенных фоновых знаний по изучаемой специальности.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В итоге, при обучении публичной речи желательно учитывать исследуемую специфику порождения устного публичного выступления, а также методические рекомендации по подготовке презентации, доклада или проекта, обсуждаемые выше. Следует также дифференцировать выявленные отличия и сходства при составлении вторичных письменных текстов/высказываний и использовать рекомендуемые технологии реферирования и аннотирования иноязычного текста.

Можно также добавить, что обсуждаемые жанровые разновидности публичного выступления устного и письменного характера должны составлять неотъемлемую часть дисциплины «Иностранный язык» прежде всего на старшем этапе обучения, где у студентов формируются требуемые умения и навыки профессионального общения. Предполагается, что на предыдущих этапах обучения у них уже сформированы речевые навыки английской речи, позволяющие общаться на общебытовые темы. И потом, именно на старших курсах студенты в состоянии адекватно ориентироваться в понятийном аппарате своей специальности, так как в процессе работы над презентацией, докладом, проектом и т.д. им обяза-

тельно потребуется знание соответствующей терминологии.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что рассмотренные жанры публичного выступления имеют некоторые трудности, связанные с языковым оформлением того или иного речевого высказывания. Так, к языковым трудностям, наиболее часто отмечаемым в выступлениях студентов, можно отнести следующие: не совсем корректная синтаксическая организация предложений, неумение использовать безличные и пассивные конструкции, неумение использовать перифразы и параллельные конструкции с целью повтора высказанной мысли, неумение использовать в речи риторические вопросы и др. Отсюда представляется необходимым продолжить исследование рассматриваемой в статье проблемы с тем, чтобы внести определенные дополнения в методику профессионально ориентированного обучения умениям публичного выступления будущих специалистов неязыкового вуза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Словарь методических терминов (Теория и практика преподавания языков). – СПб: Изд – во «Златоуст», 1999. – 471 с.
2. Бороздина Г.В. Психология делового общения. – М.: Изд – во «ИНФРА – М», 2003. – 294 с.
3. Вейзе А.А. Смысловая компрессия текста в учебных целях: учеб. пособие для институтов и факультетов иностранных языков. – Минск: Высш. шк., 1982. – 128 с.
4. Вейзе А.А. Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста. – Минск: Высш. шк., 1985. – 127 с.
5. Ганюшина М.А. Учебно-исследовательский проект как средство формирования коммуникативной компетенции студентов // Учитель, ученик, учебник: мат-лы VII Междун. науч.-практ. конф.: сб. статей. Том 1. – М.: КДУ, 2014. – С. 158-163.
6. Гураль С.К., Минакова Л.Ю. Алгоритм обучения иноязычному дискурсу на основе профессионально ориентированных текстов // Учитель, ученик, учебник: мат – лы VII Междун. научно-практической конференции: сб. статей. Том 1 – М.: КДУ, 2014. – С. 209-217.
7. Дикинсон Сара. Презентация. Технология успеха: Пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2003. – 256 с.
8. Дикова Е.С. Современные подходы к обучению иностранного языка в неязыковом ВУЗе// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – N.4 (11). – С. 65-69.
9. Мусницкая Е.В. Обучение письму / Текст лекций по курсу «Методика преподавания иностранных языков». – М.: 1983. – 58 с.
10. Образцов П.И., Иванова О.Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов. – Орел: ОГУ, 2005. – 114 с.
11. Плещцова Т.А. Формирование умений публичного выступления на профессиональную тему: английский язык, неязыковой вуз, продвинутый этап обучения: Дис. ... канд. пед. наук. – МГЛУ, 2007. – 261 с.
12. Полат Е.С. Метод проектов: история и теория вопроса // Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. – М.: изд. центр «Академия», 2010. – С. 193-200.
13. Попова Н.В., Пятницкий А.Н. Формирование универсальных навыков переработки иноязычной научной информации посредством обучения студентов реферативному переводу и аннотированию // Иностр. языки в школе. - № 4. – 2016. – С. 2-12.
14. Примерная программа «Иностранный язык» для неязыковых вузов и факультетов, разработанная Научно-методическим советом по иностранным языкам при Министерстве образования и науки РФ. М., 2009.
15. Рубинская Б.И. Коммуникативный подход при отборе и организации материала в учебнике английского языка: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1988. – 19 с.

16. Сысоев П.В. Правила написания аннотации // Иностр. языки в школе. – N.4. – 2009. – С. 81-83.

17. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 11.04.02 Инфокоммуникационные технологии и системы связи (уровень магистратуры) от 28.11.2014. – N 34972.

18. Цибина О.И. Обучение реферированию и аннотированию иноязычной литературы в неязыковом вузе (английский язык): Дис. ... канд. пед. наук. – МГЛУ, 2000. – 190 с.

19. Netzley M. Snow C. Guide to Report Writing. Prentice Hall / 1st edition, 2001. – 87 p.

20. Wood. M. Teach Public Speaking to Anyone – Ah-На Books, 2003. - 256 p.

Статья поступила в редакцию 19.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 811.111-26

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

© 2018

Асратян Зоя Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков

Шайхутдинова Анна Михайловна, аспирант

*Набережночелнинский государственный педагогический университет
(423806, Россия, Набережные Челны, ул. Низаметдинова, 28, e-mail: anny281@mail.ru)*

Аннотация. *Цель:* проанализировать концептуальную информацию художественного текста как нечеткое (фрактальное) множество. *Методы:* выбор методов исследования обусловлен темой работы и включает семантический, категориально-пропозиционный, стилистический, концептуальный и категориально-конституентный анализ. *Результаты:* на основе анализа современного британского романа показано, как формируется тема художественного произведения на уровне минимальной единицы текста, диктемы, как происходит предикация темы к ее авторской интерпретации. И тема, и концепт анализируются как нечеткие, нелинейные, фрактальные множества иерархической структуры. Концептуальная информация представлена через пропозицию, в которой тема художественного произведения предикация к ее авторской интерпретации и таким образом концептуализируется. В диктеме формируются микро-темы и микро-концепты, которые нелинейно объединяются в макро-темы и макро-концепты, формирующие основную тему и глобальный концепт всего произведения, становясь его объединяющим фактором. Носителем концепта выступает языковая личность нарратора, а в случае его ненадежности – языковая личность автора. При фрактальном подходе возрастает роль точки зрения, с которой рассматривается та или иная проблема, и, следовательно, применительно к тексту роль языковой личности нарратора, автора и читателя. *Научная новизна:* тематическая и концептуальная информация рассмотрены как нечеткие, нелинейные, фрактальные множества. *Практическая значимость:* результаты данного исследования могут быть использованы в научной и педагогической деятельности, связанной с проблемами семантики, когнитологии, стилистики.

Ключевые слова: художественная литература, тема, категориально-пропозиционная структура, концепт, концептуальная информация, диктема, предикация, фрактал, языковая личность нарратора, языковая личность автора.

CONCEPTUAL INFORMATION OF A WORK OF FICTION

© 2018

Asratyan Zoya Dmitrievna, candidate of philology, associate professor,
associate professor of the foreign languages department

Shaikhutdinova Anna Mikhailovna, post-graduate student

*Naberezhnye Chelny State Pedagogic University
(423806, Russia, Naberezhnye Chelny, st. Nizametdinov, 28, e-mail: anny281@mail.ru)*

Abstract. *Objective:* to analyze conceptual information of a fictional text as an indistinct (fractal) set. *Methods:* the choice of the methods of research is determined by the theme of the investigation and includes semantic, categorial-propositional, stylistic, conceptual and categorial-constituent analyses. *Results:* the analysis of a contemporary British novel shows how a topic is formed at the dicteme level of the text and how it is predicated to its author's interpretation. Both the topic and the concept are analyzed as indistinct, nonlinear, fractal sets of hierarchical structure. Conceptual information is represented through a proposition in which a topic is predicated to its author's interpretation and thus it is being conceptualized. It is within a dicteme where micro-topics and micro-concepts are formed. Then they are indirectly combined into macro-topics and macro-concepts which in their turn form the main topic and the global concept of the whole work. And these global units become the integrating factors of the text. The concept medium of text is a language personality of the narrator. If the narrator is unreliable this function is fulfilled by a language personality of the author. In case of fractal approach the role of a view point from which this or that issue is considered increases, hence, in relation to a text study, so does the role of a language personality of the narrator, author, and reader. *Scientific novelty:* thematic and conceptual information are analyzed as indistinct, nonlinear, fractal sets. *Practical value:* the provisions of this investigation can be used in scientific and pedagogical activities related to issues of semantics, cognitive linguistics and stylistics.

Keywords: fiction, topic, categorial-propositional text structure, concept, conceptual information, dicteme, predication, fractal, language personality of the narrator, language personality of the author.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важнейшими научными и практическими задачами. В художественном тексте, как и в любом другом, присутствуют концепты отдельных понятий, однако под концептуальной информацией понимается глобальный или базовый концепт всего произведения, который в литературоведении рассматривается как основная идея произведения.

Концепты объединяются в концептосферы, т.е. в ассоциативные множества концептов, отраженных сознанием (Болдырев Н.Н. [1], Маслова В.А. [2]). С понятиями концепта и концептосферы тесно связано понятие картины мира, которую М.Я. Блох определяет «как метафорически обозначенное отражение мира сознанием..., как совокупность концептов... и концептосфер» [3, с.37].

Концептуальная информация художественного текста имплицитна. Она представляет собой авторскую интерпретацию описываемых событий и явлений. Природа художественного текста креативна, он создается воображением писателя. «Художественный текст... вымышленный, в котором изображаемый мир соотносится с действительностью опосредованно, преломляясь через индивидуально-авторское его восприятие, преобразуясь

в соответствии с интенцией автора, т.е. концептуализируясь» [4, с. 18].

Вопросами концептологии занимались многие исследователи: Н.Д. Арутюнова [5], Ю.С. Степанов [6], З.Д. Попова [7], И.А. Стернин [7], В.А. Маслова [2], М.Я. Блох [3], С.Г. Воркачев [8], Н.Н. Болдырев [1] и многие, многие другие. Однако способы вычленения, анализа и описания концептуальной информации целого художественного текста все еще до конца не разработаны и нуждаются в дальнейших исследованиях.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматриваются аспекты этой проблемы и на которых основываются авторы; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Концепты в художественные литературе, с одной стороны, отражают и когнитивные, и общечеловеческие, и лингвокультурные представления, а с другой стороны, порождают свой концептуальный мир, как правило, эмоциональный, образный. По образному сравнению Н.С. Валгиной жизненный материал в художественном тексте «преобразуется в своего рода «маленькую вселенную», увиденную глазами данного автора» [10, с. 70].

Однако текст, по мнению Ю.М. Лотмана, не пассив-

но вмещает вложенную извне информацию, а генерирует новые смыслы. Сущность этого процесса «не только в развертывании, но и в значительной мере во взаимодействии структур» [11, с. 35].

Концепт в художественном произведении имеет дуалистическую природу. Он включает в себя идеологический и эстетический аспекты. В данной работе ставится задача рассмотреть идеологический аспект художественного произведения.

Явления и события реального мира отражаются через индивидуально-авторское его восприятие. Тема художественного произведения, – по нашему мнению, – преломляется через ее авторскую интерпретацию и таким образом концептуализируется в пропозиции по схеме: X есть Y , где X – это тема художественного произведения, а Y – ее авторская оценка [12, с. 173]. В художественном произведении и X , и Y и даже обе эти величины – не всегда логические, рациональные представления. Это могут быть образы, как иконические, так и метафорические.

Л.В. Миллер считает, что художественный концепт – это «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти» [13, с. 42]. Мы бы предпочли определять его как уникальный художественный опыт, который «зависит от многих факторов, как объективных (культурно-историческая парадигма, ментальность эпохи, в которую данный концепт употребляется), так и субъективных, таких как индивидуально-авторская картина мира). Степень соответствия объективных и субъективных моментов может быть сколь угодно разнообразной» [14, с. 169].

Так, например, распространенное представление о том, что каждый оценивается в обществе, и тем более в семье по его человеческим качествам, в рассказе Ф. Кафки «Превращение» получает совсем иное толкование. Образно-гротескно автор показывает, что ценность человека (тема) определяется его функцией, тем, насколько он функционально полноценен, полезен (концепт).

При этом, как справедливо отмечают Дж. Браун и Дж. Йюл, основания для выделения темы произведения не всегда представляются четко выделенными [15, с. 70]. В качестве основы для выделения темы художественного произведения мы рассматриваем категориально-пропозиционную структуру текста, которая включает в себя субъект/ы, объекты, атрибуты, предикаты, хроно-топ, причинно-следственные отношения и т.д. Причем тема всего художественного произведения начинает формироваться на уровне диктемы, предложенной М.Я. Блохом в качестве минимальной единицы систематизации и тематизации текста (Блох, 1985, 1994, 1999, 2000, 2004 – понятие диктемы) [16]. На этом уровне формируются микро-темы, объединяющиеся, в свою очередь, в макро-темы, макро-темы формируют глобальную тему всего произведения, которая становится его объединяющим фактором.

Однако объединение всех под-тем в единую глобальную тему художественного произведения носит нелинейный характер. В рамках синергетического подхода текст можно рассматривать как фрактальный объект. Понятие фрактала (от лат. fractus – дробный, сломанный, разбитый) было введено в научное употребление французским и американским математиком Б. Мандельбротом [17]. Четкого определения этого понятия в науке не существует, однако оно, по мнению В.В. Тарасенко, «особо и не нужно после того, как родилась интереснейшая практика научного применения категории» [18, www]. Тем не менее, фрактал обычно рассматривается как самоподобное множество, в котором целое имеет ту же или почти ту же форму, что и одна или более частей. «В случае применения фрактальной концепции... методология сборки целого посредством частей, – по мнению В.В. Тарасенко, – сильно меняется – части не очевидны, границы не видны, для «сборки»

целого частей не достаточно, точнее – частей бесконечно много, они бесконечно иерархизированы, перепутаны, наложены друг на друга, и традиционная методология, идущая по пути часть – граница – целое не приводит к сборке целого, а разрушает познание бесконечными усложнениями и ограничениями» [Там же].

«Принцип фрактального гомоморфизма (всеобщего подобия), – по мнению В.И. Аршинова и В.Э. Войцеховича, – фиксирует, с одной стороны, фундаментальность не того, ЧТО отражается, а КАК..., а с другой стороны, означает взаимоподобие дробных структур любого масштаба. Фрактальность понимается и как предмет, и как средство исследования. Главное в становлении – не элементы, а структура» [19].

Все это мы наблюдаем при анализе текста. Нелинейность текста и лежит в основе его фрактальности. Введение понятия фрактала в исследование текста объясняет неоднозначность определения его темы и множественность его возможных интерпретаций.

Неоднозначность распространяется и на концептуальную информацию, которая так же, как и тема начинает формироваться на уровне диктемы. Именно на этом уровне в пропозиции происходит предикация темы к ее интерпретации автором.

Носителем концептуальной информации является образ автора, который с лингвистических позиций рассматривается нами как языковая личность автора, чаще всего проявляющая себя через языковую личность нарратора. «В случае же ненадежности нарратора эту функцию опосредованно выполняет образ автора или языковая личность автора, которая привнесит оценочные коннотации в образ нарратора» [20, с. 79].

При фрактальном подходе возрастает роль точки зрения, с которой рассматривается та или иная проблема, и, следовательно, применительно к тексту роль языковой личности нарратора, автора и читателя.

Формирование целей статьи (постановка задания). Цель данной статьи проанализировать способы формирования тематической и концептуальной информации на уровне минимальной единицы художественного текста, диктемы, и нелинейное ее объединение по принципу самоподобия в глобальную тему и концепт всего произведения.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. На примере романа Майкла Фрэйна «Одержимый» (*Headlong*) [21] рассмотрим, как на уровне диктемы начинают формироваться тема и концепт произведения.

В категориально-пропозиционной структуре произведения выделяются следующие ключевые субъекты: Мартин, искусствовед, специалист по иконологии и философии (именно от его лица ведется повествование романа) и его жена Кейт, которые с новорожденной дочерью Тильдой приезжают в деревню, где почти сразу встречаются коренного деревенского жителя Тони Керта и его жену Лору. Основной объект, вокруг которого разворачиваются события романа, – это картина, случайно увиденная Мартином в доме Тони Керта. Искусствовед, одержимый идеей того, что картина – это утерянный фрагмент цикла картин Брейгеля Старшего «Времена года», пытается найти доказательства верности своей догадки и каким-нибудь образом завладеть картиной. Эта мысль полностью затуманивает его рассудок, зачастую заставляя идти на обман. Многочисленные экскурсии в историю, детальное описание главным героем произведений искусств, художественных стилей является лишь фоном, на котором разыгрывается личная драма главного героя.

Причинно-следственная цепочка темы всего произведения раскрывается через набор определенных диктем. Ключевой является диктема, в которой описана первая встреча Мартина с картиной. Это отправная точка, отсюда развиваются все последующие события:

“So it’s there... that I first set eyes on it. On my fate. On

my triumph and torment and downfall” [P. 41].

Информация, которая присутствует в данной диктеме, не только денотативная, но и эмотивная. И передается она через живую пульсирующую эмотивность, обусловленную и парцелляцией, и избыточностью повторов (через однородные члены и полисиндетон).

Эта диктема завершает главу, а новая глава начинается как продолжение этой диктемы: *I recognize it instantly* [P. 42].

В следующей очень развернутой диктеме нарратор Мартин пытается объяснить свое узнавание картины (*recognize*): *I say I recognize it. I've never seen it before. I've never seen even a description of it. No description of it, so far as I know, has ever been given. No one knows for sure who, if anyone – apart from the artist himself – has ever seen it* [P. 42].

И опять внутренняя речь нарратора очень эмоциональна. Она изобилует стилистическими приемами. Здесь и анафора, и инверсия.

Увидев картину, нарратор задается четкой целью – забрать ее: *“I'm going to have the picture off him. This is my great project. I don't know how I'm going to do it, but do it I shall...”* [P. 47].”

Эта диктема дает начало всем последующим действиям и поступкам искусствоведа. В основе причинно-следственных связей в данном случае лежит человеческое тщеславие, алчность. Главный герой ослеплен возможной славой и признанием.

Эта причина раскрывается в тексте романа через диктему, в которой используется возвышенно-восторженная лексика, подчеркивающая грандиозность происходящего, показательного поведения главного героя, его высокие нравственные качества: *I allow myself to dwell on this idea for a moment. Six pictures... one to be occupying most of the wall of this very room for a precious day or two, before moving on to take its rightful place in the National Gallery in London. To have found one of seven missing links in Bruegel's great chain would be a glorious discovery, that would light up the rest of my days on this earth...* [P. 82].

Тщеславие в случае Мартина выражается в его желании сделать великое открытие (*“glorious discovery”*). «Великое открытие», в свою очередь, означает славу и признание. Нарратор мысленно рисует дивиденды от своего великого открытия: *... behave with characteristic modesty as I receive public and professional recognition in equal measure; look with innocent amazement and heroic equanimity at the huge sums of money dangled in front of me... nobly insist that it must remain in the country, even though this means accepting a considerable financial sacrifice; contribute a remarkably generous proportion of the proceeds to help good causes of the arts; perhaps even make a small but entirely uncalled-for donation to Tony Churt himself...* [P. 95].

В двух предыдущих диктемах присутствует еще один ярко выраженный признак – противопоставление: благородство и бескорыстие опосредованно противопоставляются понятию «деньги». В следующих диктемах этот признак принимает явный, открытый характер. Нарратор, погруженный в фантазии, еще не признается себе в том, что им движет на самом деле, и всякий раз отрицает корыстную сущность своих мотивов:

Not that I'm thinking about money, but it's impossible not to be curious... Over a million pounds for a copy. So for an original... But I'm not thinking about money. I'm truly not [P. 87].

Далее корысть через высокопарную метафору и сравнение снова противопоставлена благородным, бескорыстным целям:

In any case, the true Jerusalem to which my ship's sailing is not the money or the fame, or any of the ports at which it may touch en route – it's the chance to repay my share of the debt we all have to the world that gave us birth by restoring to it one of its lost wonders... [P. 96].

I must stop talking about this... as a confidence trick, because it's not – it's a public service, a contribution to the common weal at least as notable as anything that Rockefeller or Getty ever did [P. 111].

И, наконец, диктема, в которой нарратор открыто говорит о прогнозируемом исходе:

I'm not going to emerge from this story with any great credit, I can see that. But I am going to emerge a great deal richer and more famous... [P. 252].

Болезненную одержимость передает и то, как нарратор называет картину. С одной стороны, это номинации, указывающие на ее колоссальную ценность: *one of seven missing links in Bruegel's great chain* [P. 82], *one of the most important artistic discoveries* [P. 95], *one of its (world's) lost wonders* [P. 96]. С другой стороны, все они противопоставлены собственническому *“my picture”*.

Поначалу нарратор еще одергивает себя: *And I say my picture. But it's not. It's Tony Churt's picture* [P. 77].

Но вскоре воспринимает картину только своей: *This is the simple conviction that wakes me: that whatever my picture is, it's not by any anonymous follower of a painter no one's heard of!* [P. 79].

I follow ... into the sunlit lands that lie before me, as I carry my picture off... [P. 95].

So the first picture in the series – my picture – has disappeared somewhere... [P. 169].

Более того, нарратор, наконец, признается себе в том, что картина становится самоцелью, вне зависимости от того, кто ее написал:

Now let me be absolutely honest with myself... Supposing... that the objective evidence I turn up destroys my case instead of proving it; supposing that it proves the picture isn't what I think it is... Would I still want the picture? Of course! It wouldn't change the picture itself one iota, even if it turned out to have been painted by Tony Churt [P. 142].

Нарратор, зараженный своей идеей, начинает воплощать в жизнь задуманное. Поступки, совершаемые им в попытке доказать правильность догадки и получить картину, выходят за рамки здравого смысла и характеризуются явным безрассудством и рискованностью. И нарратор отчасти понимает это: *The implausible appeal for my help, the pantomime of artistic innocence and financial dishonesty... It's a classic sting! It was using my own dishonesty to lure me on, my own vanity to blind me* [P. 197].

К чувству опасности примешивается и чувство вины перед дочерью Тильдой: *“... It implies a contrast with my failure to be absorbed in the wonderful little creature we've brought into this world together, and my cold-hearted absorption in something else”* [P. 120].

Постепенно Мартин перестает доверять себе в объективности собственных суждений: *“Am I getting close to the edge of the dizzy precipice named You-can-fit-almost-everything-into-any-pattern-you-like-to-name?”* [P. 178].

И даже раскаивается в том, что все это затеял: *Why, though? That's the word I find I'm left with in the end. Why am I here?... Why did I ever begin this terrible enterprise? Why am I going ahead with it tomorrow when I still haven't honoured my pledge to Kate to find some objective evidence – when I no longer believe in it myself?* [P. 306].

Он понимает, что все происходящее – ненормально, что и отражают следующие диктемы: *Creating a fiction isn't lying, I understand that. But suddenly it seems remarkably like lying, and remarkably unlike anything I've ever attempted in my life before* [P. 99].

Odd, though, all these dealings of mine with myself. ... debating my own feelings and intentions with myself. Who is this self, this phantom internal partner, with whom I'm entering into all these arrangements? [143].

Нарратор беседует сам с собой и признается: *Experience suggests that you tend to leap to conclusions. You're not good at grasping a long train of evidence unless they're laid out quite pedantically* [P. 143].

Yes, when I think of that flash of certainty in the moment

that I first saw it, when I think how I've run from library to library... following the false clues... winding myself deeper and deeper into self-deception at every turn, I feel the hot burn of fame in my flesh [P. 197].

Мартин понимает, что не держит слово, данное себе и жене Кейт – не рисковать деньгами, до тех пор, пока не получит очевидных доказательств ценности картины: *I've failed. I promised Kate – promised myself – that shouldn't risk any of our money unless I could demonstrate to her beyond all reasonable doubt that the picture was what I think it is. And I can't* [P. 215].

Он также понимает, что его брак теперь держится только благодаря жене: *... thank entirely to goodness of her (Kate's) heart, in spite of the deviousness of mine...* [P. 136].

На нестабильное состояние нарратора указывают и постоянная перемена убеждений. Он то верит, что картина – точно произведение Брейгеля: *Look, the picture's a Bruegel, there's not a shadow of a doubt in my mind now I've seen it again, if ever there was. Kate's wrong; I'm right...* [P. 252]; то внезапно убежден, что ошибся: *Perhaps I'm wrong about the picture... I am wrong. I know it. Once again* [P. 215].

I'm probably wrong about all of them (pictures), I realize. I am, I know I am... I'm wrong about everything... and I've lost my way through life [P. 306].

И, наконец, в финальной части романа, когда события достигли своей кульминации, для описания наивысшей точки происходящего, наряду с другими «сильными» по степени экспрессивности словосочетаниями употребляется прилагательное, вынесенное в позицию заглавия: *“... The whole accelerating, headlong rush of events has been focused into this one final insane fugue, which will only be ended by a vehicle coming in the opposite direction”* [P. 386].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, разбросанные в тексте диктемы формируют основную тему данного произведения – желание его субъекта любой ценой овладеть картиной.

Концепт так же имеет фрактальную природу, формируясь на уровне диктемы, а затем по принципу самоподобия отражаясь в глобальном концепте всего произведения. В данном случае концепт, носителем которого выступает языковая личность нарратора, имеет верную структуру: это и желание прославиться, и жажда заработать, и услуга человечеству, и не вполне обоснованная одержимость.

Однако все эти идеи и поступки нарратора свидетельствуют о его эмоциональной и психической нестабильности. Поэтому возникает вопрос, можно ли до конца доверять этому нарратору, может ли он быть носителем концептуальной информации? Очевидно, что нет. И на авансцену выходит языковая личность автора произведения, который как бы подводит черту под всеми рассуждениями своего героя-нарратора, называя его одержимым (*headlong*) и вынося эту оценку в сильную позицию заглавия. Это и будет глобальным концептом данного произведения, который, как и его тема, нелинейно формируется из фрактальных множеств, представленных диктемами. Однако у читателя остается возможность по-своему посмотреть на описанную драму.

Результаты данного исследования могут быть использованы в научной и педагогической деятельности, связанной с проблемами семантики, когнитологии, стилистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Болдырев Н.Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. №24, 2016. С. 35–48.
2. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. М., 2004. 256 с.
3. Блох М.Я. Концепт и картина мира в философии языка // Пространство и время. № 1, 2010. С. 37–40.
4. Асратян З.Д. Дискурс и текст художественного

произведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика», 2015, том 12, № 4. С. 17–20.

5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.

6. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

7. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. 189 с.

8. Воркачов, С.Г. Лингвокультурная концептология и ее терминсистема // Политическая лингвистика. № 3. 2014. Екатеринбург. С. 12–20.

9. Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. Москва, Логос, 2003. 173 с.

10. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Образовательные технологии. №1, 2014. С.30–42.

11. Асратян З.Д. Роль заглавия в англоязычном художественном произведении / З.Д. Асратян // Вестник Брянского государственного университета. № 2 (32), 2017а. С.172–175.

12. Миллер, Л.В. Концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова, 2000. № 4. С. 39–45.

13. Асратян З.Д. Тематическая роль базового концепта художественного текста // В мире научных открытий. № 11.3(35), 2012. С. 164–175.

14. Brown G., Yule G. Discourse analysis. Cambridge University Press, 1983. 283 p.

15. Блох М.Я. Диктема в уровневой системе языка // Вопросы языкознания, 2000. № 4, С. 56 – 67.

16. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. М., 2002. 656 с.

17. Тарасенко В.В. Метафизика фрактала. [Электронный ресурс] URL: <http://filosof.historic.ru> (дата обращения: 05.11.2017).

18. Аршинов В.И., Войцехович В. Э. Синергетическое знание: между сетью и принципами // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М.: Прогресс-Традиция, 2000. с.107–120. [Электронный ресурс] URL: <http://esoterika303.narod.ru/yoga27.htm> (дата обращения: 24.11.2017).

19. Асратян З.Д. Языковая личность образа автора в художественном дискурсе // Гуманитарные исследования, 2016. № 2, Астрахань. С. 76–80.

20. Frayn M. Headlong. Faber and Faber Limited, 1999. 395 p.

Статья поступила в редакцию 30.01.2018
Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 821.161.1

**К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ СВОЕОБРАЗИИ «ПРИГОЖЕЙ ПОВАРИХИ» М.Д. ЧУЛКОВА
НА ФОНЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОМАННОЙ ТРАДИЦИИ XVIII ВЕКА**

© 2018

Безрукова Марина Викторовна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук,
магистрант кафедры литературы и русского языка

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, филиал в Северодвинске
(164504, Россия, Северодвинск, улица Ломоносова, д.55, e-mail: MKhramtsova@yandex.ru)*

Аннотация. В статье предпринята попытка выявления художественного своеобразия произведения М.Д. Чулкова «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины» на фоне европейской романной традиции. При создании своего произведения М.Д. Чулков опирается на европейскую романную традицию XVIII века, однако создает произведение, отличающееся по структуре от западных образцов жанра. Мотив нравственной эволюции героя европейской прозы, его нравственное восхождение, нравственная метаморфоза как основная сюжетная канва нравоописательного романа XVIII века остается чуждой установкам Чулкова. Обобщая научные наблюдения в области истории европейского романа, автор работы формулирует особенности, характерные для романной формы, сложившейся к XVIII столетию. При этом указывается на очевидное несоответствие этой форме чулковского произведения. «Пригожая повариха» Чулкова противопоставлена нравственным установкам его европейских предшественников в романном жанре. Это обнаруживает себя в «Предупреждении», нарочито носящем пародийный, критический характер по отношению к европейским текстам. Основные установки чулковской «Пригожей поварихи» состоят не в изображении нравственной метаморфозы героини, а в раскрытии нового, ранее недоступного для русской литературы аспекта действительности. В работе предлагается оригинальная оценка «Пригожей поварихи» М.Д. Чулкова как первого русского романа, сознательно обращенного к изображению маргинального мира и маргинального героя.

Ключевые слова: XVIII век, русская литература, художественный мир, маргинальный герой, мотив поступка, М.Д. Чулков, плутовской роман, двоемирие, Д. Дефо, А. Прево, русский роман XVIII века, литературный герой.

**ON THE ISSUE OF THE ARTISTIC PECULIARITY OF 'THE COMELY COOK' BY M.D. CHULKOV
ON THE BACKGROUND OF THE EUROPEAN NOVELISTIC TRADITION OF THE XVIII CENTURY**

© 2018

Bezrukova Marina Victorovna, the competitor of a scientific degree of candidate of philological Sciences,
Master of Literature and Russian Language Department

*Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, branch in Severodvinsk
(164504, Russia, Severodvinsk, Lomonosov 55 St., e-mail: MKhramtsova@yandex.ru)*

Abstract. This article has made an attempt to reveal the artistic peculiarity of 'The Comely Cook, or the Adventures of a Depraved Woman' by M.D. Chulkov on the background of the European novelistic tradition. While creating his work, M.D. Chulkov based it on the European novelistic tradition of the XVIII century; however, he created a novel structurally different from western specimens of the genre. The motive of the European prose character's moral evolution, his moral uprise, a moral metamorphosis as the main narrative line of a moral-descriptive novel of the XVIII century proved alien to M.D. Chulkov's mental settings. Generalizing scientific observations in the sphere of the European novel's history, the author formulated the peculiarities typical of the novelistic form that had established by the XVIII century. At the same time, there was an obvious indication that the work by M.D. Chulkov was not compliant with that form. 'The Comely Cook' by M.D. Chulkov was opposed to the moral settings of his European predecessors in the novelistic genre. It got disclosed in the 'Preannouncement' that was expressly burlesque and critical towards the European texts. The main precepts of 'The Comely Cook' by M.D. Chulkov were not about description of the heroine's moral metamorphosis, but about disclosure of a new aspect of reality that had not been available in the Russian literature before. The work proposed an unconventional assessment of 'The Comely Cook' by M.D. Chulkov as the first Russian novel that deliberately approached the description of a marginal world and a marginal character.

Keywords: the XVIII century, Russian literature, the artistic world, a marginal character, a motive of action, M.D. Chulkov, a picaresque novel, world duality, D. Defoe, A. Prevost, the Russian novel of the XVIII century, a literary character.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Согласно сложившимся представлениям, М.Д. Чулков стоит у истоков формирования русского романа, одного из самых продуктивных жанров следующего, XIX столетия.

Связь «Пригожей поварихи» М.Д. Чулкова и плутовского романа очевидна и несомненна. Она не раз обращала на себя внимание (чаще всего вскользь, в порядке упоминания). Именно это обстоятельство и определило наш интерес здесь к данной исторической разновидности европейского романа. Впрочем, вряд ли можно говорить о непосредственном влиянии плутовского романа на М.Д. Чулкова. Скорее всего, последний даже не был знаком с произведениями этого жанра, утратившего свою продуктивность за столетие до его рождения. Эта связь скорее опосредованная, генетическая. Как представляется, плутовский роман породил в европейской культуре целую традицию, стремительно меняясь, трансформируясь во времени, но при этом сохраняя память («жанровую память») об исходном литературном явлении. М.Д. Чулков, несомненно, был знаком с позднейшими модификациями этого жанра XVIII века и испытывал на себе их влияние. Этим и оправдано здесь обращение к проблеме плутовского романа и его историческим модификациям.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Творческое наследие писателя оказывается в зоне особого внимания литературоведов, и довольно часто становится предметом научного осмысления. Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных произведениям М.Д. Чулкова, они по-прежнему представляют для историков литературы во многом загадку. Все это в полной мере относится и к его «Пригожей поварихе». Теоретико-методологическую базу нашего исследования составляют научные труды М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, И.А. Гурвича, а также работы, посвященные проблемам жанра плутовского романа – Н.Б. Томашевского, Е.М. Мелетинского, В.В. Кожина, С.И. Пискуновой и других.

Формирование целей статьи (постановка задания). Цель нашей статьи – выявить структурно-семантические особенности произведения М.Д. Чулкова «Пригожая повариха» на фоне европейского нравоописательного романа. Принято считать, что история формирования русского романа, одного из самых ярких явлений в истории отечественной литературы, начинается в 60–70 гг. XVIII века. И М.Д. Чулков, как отмечалось, имеет к это-

му событию самое прямое отношение.

Несомненно влияние европейских нравоописательных романов, таких как «Молль Флендерс» Д. Дефо и «Манон Леско» А. Прево, на «Пригожую повариху, или Похождения развратной женщины» М.Д. Чулкова Тем более что перевод этих произведений был осуществлен в России до появления романа М.Д. Чулкова.

Еще Е. Мечникова в своем исследовании отмечает: «Обрызганный «живой водой» реальной европейской литературы, Чулков проявил себя истинным художником слова. Идя по следам Лесажа, Дефо и Прево, он с беспощадной смелостью, живо и образно, воспроизводит в своем романе самые неприглядные стороны русской действительности XVIII века. Он, по словам академика А.Н. Веселовского, «выявляет изнанку общественных нравов и входит в тот ряд изучений развращающего влияния города на непосредственную натуру из народных слоев» [1].

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В произведении мы видим ряд непринужденно и живо описанных жанровых картин быта в России XVIII века. Перед читателем открывается жизненный распорядок в доме секретаря приказа:

«Секретарь был человек набожный; он никогда не вставал и не ложился спать, не помоляся богу, перед обедом и перед ужином читал обыкновенные молитвы вслух и умывал завсегда руки... Всякое утро стоял он по два часа на молитве, а жена его в то время в передней горнице упражнялась во взятках и принимала всячину. Когда же садилась она пить чай, то маленький их сын подавал ему реестр поимянно всех людей, бывших у него в то утро, и кто что и сколько принес, таким образом, смотря по величине приноса, решил он и дела в приказе» [2, с. 240-241].

И это не просто описание жизни, это описание изнанки жизни, того, что сокрыто от посторонних глаз, жизни за чертой установленного нравственными законами порядка. Есть две жизни, в одной из которых пребывает «набожный секретарь», в другой циничный взяточник.

Вслед за героем автор переносит читателя в тюрьму XVIII столетия: *«Бросили меня в каменный погреб, не дав мне ничего, на чем бы я могла отдохнуть во время ночи. Пищу подавали мне каждый день по два раза, а оная состояла из хлеба и воды, и так принуждена я была держать весьма великий пост, о котором прежде никогда мне и в голову не приходило» [2, с. 258-259].*

И вновь намек на два существующих жизненных устава, то, что в одном миропорядке «великий пост», в ином (закрытом, тюремном) – просто голод.

Представленный М.Д. Чулковым дом свиданий несет в себе черты пародии на французские литературные салоны.

«Дом ея показался мне обитанием любви, и все люди ходили и сидели в нем попарно. Чуднее всех показался мне один старик, который угваривал тринадцатилетнюю девушку, чтобы согласилась она выйти за него замуж. В углу сидел какой-то молодец с бабушкой и разговаривал весьма скромно. Сего молодого человека хотела было я похвалить за то, что имеет он почтение к своим предкам и в удобность своей бабушки оставляет вертопрашные увеселения, но хозяйка уверила меня, что это любовник, с любовницею» [2, с.267].

Героиня оказалась в ином, вывернутом наизнанку мире. В нормальном нравственно сбалансированном социальном мире стариков и юношей объединяет забота («почтение»), в скрытом от посторонних глаз доме купчихи их связывает порок.

Авторы европейских романов тоже стремились к воссозданию бытовых черт своего времени. Даниэль Дефо в своем романе «Молль Флендерс» описал события, происходящие в Англии, в самой гуще буржуазной реальности со всеми ее противоречиями и социальными контрастами.

О бытовых реалиях, описанных А. Прево в «Манон Леско» в своем исследовании пишет Е.А. Гунст: «Повесть Прево отличается редкостной тщательностью в описании бытовых черт. Историки данной эпохи в один голос утверждают, что такие подробности как порядок отправки ссыльных в Америку, местоположение и нравы игорных домов, порядки, бытовавшие в харчевнях, в полиции, в тюрьмах – словом, что все мелкие подробности соответствуют действительности. Автор не позволяет себе ни малейшего отступления от того, чему он сам был свидетелем» [3].

Но это правда открытой и всем очевидной жизни, не всегда такой, какой ее хотел бы видеть читатель, но какой на самом деле он ее видел в своей повседневности. М.Д. Чулков же настаивает в своих описаниях на том, что скрыто от взгляда большинства современников, не очевидно для них. Это не обычная, а «другая жизнь», хотя и вполне достоверная.

Повествование в романе Чулкова ведется от имени главной героини – Мартоны, и это дало возможность автору отразить цепь непосредственных внутренних реакций своей героини на внешние события. С точки зрения интерпретаторов чулковского текста «Мартона проходит по жизни как путник в романе-путешествии, испытывая крушения, взлеты, падения. В сущности, ее повествование о своей жизни и есть рассказ о путешествии по морю житейскому. Обстоятельства ее существования менялись не раз – и очень резко» [4].

Образ «падшей» женщины, абсолютно новый для русской литературы перекочевал из литературы европейской и это уже давно замечено: «Чулковская Мартона – социально-психологический тип, родственной героине романа Даниеля Дефо «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс». И Дефо и Чулков показывают тип женщины, которая борется за существование любыми средствами, отбрасывая нравственные принципы. Это вовсе не значит, что Чулков и Дефо исповедуют аморализм. Просто их эстетика требует, чтобы все «закоулки» общества были показаны без прикрас, объективно, с беспощадной трезвостью и правдивостью. Принцип, характерный для реализма» [4].

Западноевропейский роман к XVIII веку выработал некоторую устойчивую структуру, на которую обратил внимание И.А. Гурвич: «Обычным для романа было такое его построение: герой выступает в роли рассказчика, и по воле автора устанавливается нравственное противостояние – рассказчик противопоставляет самому себе как персонажу, как действующему лицу» [5, с. 36].

Главной особенностью в создавшейся структуре романного жанра является внутренняя динамика героя, на которой акцентировал внимание еще М.М. Бахтин как на величайшем открытии романа воспитания. По точному замечанию М.М. Бахтина: «Герой – постоянная величина в формуле романа; все же прочие величины – социальное положение, пространственное окружение, фортуна, короче, все моменты жизни и судьбы героя – могут быть величинами переменными. Но при всех возможных различиях в построении в самом образе героя нет становления, нет движения» [6].

Однако появление структурно нового романа, по словам М.М. Бахтина, дает образ становящегося человека. «В противоположность статическому единству здесь дается динамическое единство образа героя. Сам герой, его характер становятся переменной величиной в формуле этого романа. Изменение самого героя приобретает сюжетное значение, а в связи с этим в корне переосмысливается и перестраивается весь сюжет романа» [6]. Впервые в истории развития жанра главный герой романа воспитания становится динамичным, меняющимся во времени.

И еще одна важная деталь, на которой останавливают внимание исследователи. В западноевропейском романе героев характеризует нравственная дистанция, которая отделяет их от своего аморального прошлого,

а также от всего мира, охваченного пороком. «Герои остро ощущают свою противоположность окружающей действительности, ищут материальных условий огородить себя от ее воздействия, освободиться от тяготящей необходимости внутренней борьбы с ней. И их «плутовское» прошлое вызывает симпатии в той мере, в какой оно несет в себе энергию сопротивления в несовершенном мире, энергию самосохранения, приближающемуся в своем пределе к задачам нравственного самосохранения. И в тех и в других установках усматривается ощущение своей противоположности миру» [7, с. 137–138]. Назидательному началу отведено центральное место и в смысловой конструкции произведений европейских авторов XVIII века.

Однако М.Д. Чулков в «Пригожей поварихе» придерживается несколько иных принципов изображения. Его роман практически лишен морализирующего начала. Назидание противоречит избранной им манере повествования. Автор, в отличие от своих европейских предшественников, в «Предуведомлении» своего произведения не дает читателю никаких нравственных установок. *«Человек родится на свет обозрети честь, славу и богатство, вкусить радость и утеху, пройти беды, печали и грусти; подобно и книга сия произошла на свет с тем, чтобы снести ей некоторую тень похвалы, критики, переговоры, негодование и поношение. Все сие с нею сбудется, и наконец превратится в прах, как и тот человек, который ее хвалил или порочил»* [2, с. 227] – говорит он иронично, подчеркивая временность всех состояний на земле. Уже замечено, что для чулковской героини в отличие от ее европейских предшественниц совершенно не актуально нравственное дистанцирование от мира. Она не пытается ни изменить, ни вырваться из него, ни огородить себя от его пороков. Как отмечает Н.И. Николаев: «В романе М.Д. Чулкова нет ни одного персонажа, который нес бы в себе нравственный потенциал больший, чем это возможно и «нужно» в мире. Никто из героев не стремится в целях нравственного самосохранения уйти от мира, огородиться от его пороков» [7, с. 138].

Наконец, очень важное замечание по поводу главной героини – Мартоны: «Она не отвечает характеристике «исправившейся грешницы», осуждающей себя в своем плутовском прошлом». Ее этическое дистанцирование носит гораздо более мягкий характер, чем у европейских литературных предшественников» [7, с. 139].

В этой связи возникает вопрос: как же тогда строится нравственная эволюция героини, или она вовсе не эволюционирует в отличие от аналогичных европейских персонажей, или ее развитие в романе носит какой-то иной, отличный от европейской схемы характер?

Своеобразием чулковского произведения принято считать его «незавершенность». Дошедший до нас текст произведения заканчивается сценой встречи умирающего Ахалы от угрызений совести за притворное убийство Свидала, после этого повествование обрывается, а далее отмечено: «Конец первой части». Многие аналитики обращали свое внимание на то, что произведение не имеет продолжения, однако до сих пор остается спорным вопрос была ли написана вторая часть произведения и по каким причинам она отсутствует. Но все «представленные в литературоведении попытки осмысления «незавершенности» романа выглядят весьма поверхностными, слабо аргументированными» [8].

Многие исследователи, например, А.И. Юхт,[9] Е.А. Бондарева [10] и другие, утверждают, что возможно вторая часть произведения была написана автором, однако в печати не появилась. Мотивы этого объясняются тем, что из-за цензурных соображений М.Д. Чулков отказался от издания второй части романа.

Среди различных мнений о незавершенности романа, наиболее убедительным выглядит давнее остроумное предположение В.Б. Шкловского. Ученый утверждает, что на самом деле исследуемый нами текст представля-

ет заверченный авторский замысел: «Конец есть. Есть перемена жизнеотношения героини. Она становится другой. И есть встреча героев, есть разъяснение интриги» [11].

Остается, правда, непонятным, о каком именно изменении «жизнеотношения» говорится здесь. Героиня как была содержанкой, так и осталась ею. Она не меняла социальную среду своего обитания. Так в чем же эти изменения?

Для В.П. Степанова роман «Пригожая повариха» все же остается незавершенным, как он отмечает в своей статье: «Во всяком случае, из текста можно понять, что Мартоны в романе должна была пережить и сообщить читателю еще множество своих похвальных. Печатное издание помечено как «часть 1-я», и действие ее обрывается крайне неожиданно; читателю остается неясно, умирает Ахаль, или его приготовления к смерти и траурное убранство всего лишь хитрая уловка, чтобы заманить к себе в дом Мартоны и Свидала. Поэтика же плутовского романа не терпит таких недоговоренностей» [12, с. 22].

О.Б. Лебедева рассматривает «незавершенность» текста с нескольких точек зрения – сюжетной и эстетической (и, как подчеркивает автор, наиболее важной для писателей XVIII века – дидактической), все самое важное в первой части романа «Пригожая повариха» уже произошло: «очевидно, что Мартоны изменилась, причем изменилась в лучшую сторону, и женщина-писатель — это уже совершенно другой человек, с высоты своего жизненного опыта способный объективно понять и описать себя самое, несмотря на все заблуждения своей трудной и бурной молодости» [13].

О.Б. Лебедева тоже, вслед за В.Б. Шкловским, говорит об изменениях в образе героини. Однако изменения эти в интерпретации исследователей носят какой-то не качественный, а количественный характер: она просто, по их мнению, стала более опытной.

На внутренней завершенности романа настаивал в свое время еще А.В. Западков, он пишет: «Роман построен как цепь эпизодов, объединенных личностью героини; звенья в этой цепи можно сокращать или увеличивать, и, в сущности, второй части «Пригожей поварихи» для развития романа не требовалось: все было выяснено в первой» [14, с. 86].

Поэтика плутовского романа не терпела никаких недоговоренностей. Нравственная эволюция героя в знаменитых образах европейского плутовского романа имеет свой смысловой итог. Целостность и завершенность в западной романистике, как отмечает Н.И. Николаев «обеспечена «этической дистанцией», с которой рассказчик ведет свое повествование. Чем бы ни завершился роман, события его в принципе развиваются в том временном отрезке, который ограничивается его нравственной метаморфозой» [8, с. 38]. Раскаявшийся грешник не может далее ничего о себе рассказывать, он впал в себя, сделал своими «высшие нравственные убеждения», таким образом, эволюционный процесс является завершенным. В этом и заключается некий стержневой принцип, обеспечивающий смысловую завершенность и целостность романа.

Совсем по-другому обстоит дело в чулковской «Пригожей поварихе». Главная героиня – Мартоны как будто бы действительно изменяется во времени, эволюционирует. И хотя эти изменения невозможно «схватить» и точно сформулировать, но доказательством тому служат реплики, в которых косвенно фиксируются эти изменения в образе. Мартоны замечает: *«Признаюсь, сколько я ни была бессовестна и сребролюбива, однако такое камердинерово усердие к своему господину показало мне негодным»* [2, с. 237]. Любительница роскошной жизни и денег вдруг констатирует: *«Богатство сие меня не веселило; ибо я ужже видала оного довольно, но предприняла быть поосторожнее и вознамерилась запастись для нужного случая»* [2, с. 266].

Признаки эволюции героини фиксируются в словосочетаниях «была бессовестна и сребролюбива», или «богатство не веселило». Героиня в них сама указывает на то, что она стала не такой, как была раньше. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что изменения ее не носят принципиальный характер. Мартона вовсе не отказалась от порочной жизни, она лишь снизила степень своей зависимости от нее. На новом жизненном этапе она просто не столь «бессовестна и сребролюбива» как была раньше, и ее не в той мере «веселит богатство», как в юности. Кардинальных нравственных перемен, как у европейских персонажей, в героине Чулкова не произошло. Она не столько переосмыслила свою жизненную позицию и отказалась от порока, сколько пресытилась им.

Пословицы в речи Мартоны не только показывают национальный колорит романа, и придают образу героини характер «игривой соблазнительницы», но, как уже отмечено исследователями «их функциональное назначение в тексте раскрывается еще и в том, что они позволяют перевести факты единичной, частной биографии в разряд общего и закономерного. Пословицы выступают эквивалентом сентенций, которыми весьма обильно заполнен рассказ Мартоны о ее приключениях. Эти «обобщающие сентенции», как правило, вводятся выражениями: «мы», «наша сестра», «наш брат». Героиня характеризует свое поведение как образ жизни целой категории людей, как «общее» для многих. И этот обобщающий взгляд одновременно способствует «отстранению», возможности рассмотреть себя как бы со стороны, дистанцироваться от себя самой в прежней жизни» [8, с. 39-40].

Но в определенном момент повествования эта дистанция вдруг исчезает. Как следствие этого наблюдается и исчезновение пословиц. Это один из наиболее интересных выводов, который делает в своей статье Н.И. Николаев: «Героиня, достигнув предельно возможной для себя в этическом поле романа нравственной ступени (т.е. нравственной позиции рассказчицы), по-прежнему оказывается бесконечно отдаленной от высшего нравственного мироотношения. В пределах «случая» (ситуации) ее поступки находят оправдание, но в приближении к ценностям высшего порядка они раскрываются в своей ущербности» [8, с. 41].

Иными словами, русская героиня в ходе романного действия развивается, меняется, но эти изменения не носят столь кардинальный характер, как у ее европейских предшественниц, она не переживает нравственной метаморфозы и не меняет своего социального статуса. Все изменения ограничены каким-то установленным верхним пределом. И объяснить это незавершенностью романа невозможно. Героиня перестает меняться, она совпала с самой собой как рассказчицей уже в середине известного нам текста. Поэтому и исчезли с этого момента в тексте пословицы.

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований данного направления. Сознательно или неосознанно, но М.Д. Чулков на наш взгляд, стал создателем совершенно новой романной формы, которой неожиданно открылось новое жизненное содержание.

О каком же новом жизненном содержании применительно к роману М.Д. Чулкова может идти речь?

В начале романа героиня предстала перед нами неожиданно выпавшей из своего привычного социального окружения и оказалась в условиях, при которых невозможно говорить об определенности ее социального статуса. Она оказалась за чертой нормальной социальной жизни, в мире, который организован по совершенно иным нравственным принципам нежели тот, к которому она привыкла и который привычен для читателя романа, при этом «нормальный мир» никуда не делся, он существует где-то рядом, параллельно. О нем знает героиня и время от времени соприкасается с ним.

Мир, разделенный на две составляющие, различные как с точки зрения социальной, своей природы, так и при-

роды нравственной, предстает в романе М.Д. Чулкова. Это «двоемирие» ощущается в его описаниях, на которые мы уже останавливали внимание: описание повседневной жизни «набожного секретаря», описание жизни в тюремных стенах, описание салонной жизни. Везде подчеркнута грань между обычной и аномальной жизнью, между тем, к чему мы как читатели привыкли, и тем, что выстроено на чуждых нам нравственных принципах, скрыто от нас в повседневной жизни.

Героиня Чулкова знает об этом «двоемирии», живет в условиях «двоемирия» и не может, да и не стремится вырваться из этих условий. Для нее не проницаема граница между этими мирами. И ее нравственное развитие может протекать лишь в пределах того маргинального мира, в котором она оказалась. Пространство «другого мира» для нее закрыто. И в этом главная причина ограниченных возможностей ее нравственного совершенствования.

Это «двоемирие» и есть, как нам представляется открытие Чулкова-романиста, отличающее его произведение и в контексте европейской и в контексте русской литературной традиции.

В чулковской версии рядом с нормальным социально обустроенным миром существует иной, аномальный, маргинальный мир. Открытие маргинального мира и маргинального героя, на наш взгляд, и является принципиальным новаторством М.Д. Чулкова, имеющим весьма важные последствия для развития русской литературы в целом [15].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мечникова Е. На заре русского романа. Голос минувшего. 1914. № 6. 12 с. URL: <http://mir.k156.ru/chulkov/mech-yuht/mechnikova.html>
2. Чулков М.Д. Пригожая повариха, или похождение развратной женщины. Роман. Сказки. Песни / М.Д. Чулков. М.: Эксмо, 2008. 512 с.
3. Гунст Е.А. Жизнь и творчество Аббата Прево URL: http://www.modernlib.ru/books/gunst_e/zhizn_i_tvorchestvo_abbata_prevo/read_1/
4. Шаталов С.Е. Проза эпохи классицизма. Освоение новых форм / С.Е. Шаталов, Е.Н. Лебедев // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М.: Наука. 1982. С. 208–229. URL: <http://mir.k156.ru/chulkov/rizek-proza/prose.html>
5. Гурвич И.А. О развитии художественного мышления в русской литературе: конец XVIII – первая половина XIX века. Ташкент: Изд-во «ФАН», 1987. С. 36.
6. Бахтин М.М. Роман воспитания и его значение в истории реализма URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/bahutin-roman-ego-znachenie/postanovka-problemy-romana-vospitaniya.htm>
7. Николаев Н.И. Своеобразие этической позиции автора и героя в «Пригожей поварихе» М.Д. Чулкова // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Серия гуманитарных и социальных наук. №1. Архангельск, 2012, с. 135–140.
8. Николаев Н.И. «Случайное» и «Сакральное» в «Пригожей поварихе...» М.Д. Чулкова [Текст] / Н.И. Николаев // Проблемы культуры, языка, воспитания: Сб. науч. тр. преподавателей и аспирантов / ПГУ. 2000. Вып. 4. С. 30–43.
9. Юхт А.И. Михаил Дмитриевич Чулков // Статья из сб. «Историки России», М.: РОССПЭН, 2001, с. 75–81. URL: <http://mir.k156.ru/chulkov/mech-yuht/yuht2001w.html>
10. Бондарева Е.А. Творческий путь и просветительская деятельность М.Д. Чулкова (писатель XVIII века) / Е.А. Бондарева // Ист. зап. 1984. № 111. С. 201–237. URL: http://mir.k156.ru/chulkov/bond/gl_2.html
11. Шкловский В.Б. Чулков и Лёвшин. Л., 1933, 264 с. URL: <http://mir.k156.ru/chulkov/shklovsky/sh00.htm>
12. Степанов В.П. Об авторе «Пересмешника» // Пригожая повариха, похождение развратной женщины / М.Д. Чулков. – М.: Эксмо, 2008. – 512 с. – (Русская

классика).

13. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века: Учебник. М.: Высш. Шк.; Изд. Центр «Академия», 2000. 205 с.

14. Западов А.В. Чулков М.Д. // Русская проза XVIII века. Т. 1 М.; 1950. 630 с.

15. Николаев Н.И., Храмцова М.В. Маргинальный мир и герой в русской литературе XVIII века // Дискуссия. 2014. №2(43). С. 136–141.

Статья поступила в редакцию 09.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

ПУТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АНГЛИЙСКОГО И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ
В СКАНДИНАВСКОМ РЕГИОНЕ

© 2018

Бородина Дарья Сергеевна, докторант, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №1, Таврическая Академия*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
(295033, Россия, Симферополь, Проспект Вернадского 4, e-mail: Dasha_tnu@mail.ru)*

Аннотация. Целью статьи является предложить новый подход к принципам классификации факторов влияния английского языка (АЯ) на скандинавские языки на основе критерия направленности процесса их взаимодействия. В ходе исследования были использованы методы научного наблюдения, типологической систематизации и классификации форм «присутствия» АЯ, которое реализуется тремя путями: через заимствование, переключение кодов и потерю национальными языками предметных областей, доменов. Результаты исследования могут быть представлены следующими обобщениями: 1. Базовым понятием, объединяющим различные формы реализации влияния АЯ на скандинавские языки, является понятие англицизма, под которым понимается любая индивидуальная или системная черта языка, перенятая из АЯ или созданная по образцам английских моделей и используемая в коммуникации на другом языке. 2. Предлагается классификация англицизмов по способу образования и адаптации в языке-реципиенте. Процесс накопления англицизмов направлен от АЯ к национальному языку. 3. В отличие от заимствования, переключение кодов находится на пересечении языковых единиц АЯ и национального языка и представляет собой гибридизацию путем включения англоязычных элементов в дискурс на национальном языке или национальных элементов в дискурс на английском языке. 4. Переход доменов от национального к английскому языку рассматривается как функционально-прагматическое перераспределение сфер коммуникации между языками, отвечающее современным требованиям глобализации. Основные положения и выводы статьи могут быть использованы при изучении проблематики, взаимодействия транснационального АЯ и различных национальных языков.

Ключевые слова: транснациональный английский язык, «присутствие» английского языка, скандинавский регион, англицизмы, переключение кодов, направленность взаимодействия языков.

WAYS OF THE INTERACTION OF TRANSNATIONAL ENGLISH
AND SCANDINAVIAN LANGUAGES

© 2018

Borodina Darya Sergeevna, PhD student, candidate of philology (English), associate professor, Department of Foreign Languages No. 1, Taurida Academy*Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky
(295033, Russia, Simferopol, Vernadsky Avenue 4, e-mail dasha_tnu@mail.ru)*

Abstract. The aim of the article is to propose a new approach to principles of classification of the factors of the “presence” of English in Scandinavian languages on the basis of the criterion of direction of the interaction process. In the research methods of scientific observation and typological classification were used to determine three forms of the “presence” of English: borrowing, switching codes and domain loss by national languages. The results of the study can be represented by the following generalizations: 1. The basic concept combining different forms of the influence of English in Scandinavian languages is the notion of anglicism which is defined as any individual or systemic trait borrowed from English or created according to English models and used in communication in another language. 2. A classification of anglicisms according to the mode of formation and adaptation in the recipient language is proposed. The process of accumulating anglicisms is directed from English to the national language. 3. Unlike borrowing, code switching takes place at an intersection of English and the national language and can be identified as hybridization by including English-language elements in the discourse in the national language or national elements in the discourse in English. 4. The transition of domains from a national language to English is viewed as a functional and pragmatic redistribution of the fields of communication between languages that meet modern requirements of globalization. The main provisions and conclusions of the article can be used to study interaction problems arising between transnational English and various national languages.

Keywords: transnational English, “presence” of English, Scandinavian region, anglicisms, code switching, criterion of direction in languages interaction.

Функционирование языков народов мира претерпевает значительные изменения в своей динамике в связи с глобализацией и распространением транснационального английского языка (АЯ). Стремясь к экономическому единению мира, глобализация вызывает тенденцию к его языковому единению [1, с. 23]. Скандинавия является одним из тех регионов Европы, где тенденция к языковому единению имеет двойственный характер: с одной стороны, в процессе расширения своего “присутствия” транснациональный АЯ приобретает регионально обусловленные типологические формы; с другой стороны, наблюдается общескандинавская тенденция противостояния расширению его интернационального влияния.

Норвежский социолингвист Р. Хёглин выделила три основных формы “присутствия” АЯ в скандинавских языках: заимствование англоязычной лексики, переключение кодов и потеря национальными языками целых предметных областей (*loanwords, switching codes and domain losses*) [2, p. 104]. Отношение скандинавов к заимствованиям как фактору “присутствия” английского в их языках определяется языковой идеологией, трансформация которой достаточно четко прослеживается

на протяжении двух периодов – от 1980-х гг. до начала 2000-х гг. и от второй половины 2000-х гг. до настоящего времени. Первый период характеризуется дискуссией между теми, кто призывал противодействовать влиянию английского языка и теми, кто не видел в этом угрозы национальным языкам. Второй период знаменуется всеобщим признанием необходимости совместного функционирования английского и национальных языков и поисками путей их параллельного использования.

С начала 2000-х гг. в скандинавских странах распространяется идеология, основанная на понимании того, что заимствование англоязычной лексики не ведет к какому-либо значительному воздействию на скандинавские языки. Уже тогда скандинавские лингвисты видели самую большую опасность для своих национальных языков не в заимствованиях и не в переключении кодов, а в потере целых предметных областей (*domain loss*) – доменов языка, охватывающих какие-либо специализированные сферы, в пределах которых устная и письменная коммуникация будет вестись на АЯ [2, p. 105].

Целью данной статьи является предложить классификацию факторов «присутствия» АЯ в скандинавских

языках, а новизна исследования заключается в разграничении факторов «присутствия» АЯ в национальных языках, факторов гибридизации национального дискурса, реализуемой в форме переключения кодов, и факторов сосуществования АЯ и национальных языков.

Зонтичным понятием, объединяющим различные формы реализации влияния АЯ на скандинавские языки, является понятие англицизма. Используя термин «англицизмы», многие исследователи ограничивают это понятие заимствованием из английского языка отдельных лексических единиц (*loanwords*), которые адаптируются в лингвистической системе языка-рецептора и интегрируются в него [3, p. 152]. Даже известный автор скандинавского Словаря англицизмов К. Сёренсен выделяет лексические заимствования из английского языка как основную категорию англицизмов [4, p. 31; 5, p. 18]. В 1986 г. К. Сёренсен писал, что англицизмы наиболее часто появляются в средствах массовой информации, и журналисты, опирающиеся на англоязычные источники, несут ответственность за инфльтрацию англицизмов в скандинавские языки [4, p. 45].

Однако же, еще в 1988 г. шведский социолингвист Ю.-А. Кристал отмечала, что незначительное количество английских заимствований в шведских газетах не соответствует опасениям относительно угрозы шведскому, исходящей от английского языка [6, s. 83]. Интересно отметить, что через 20 лет аналогичное исследование провел польский скандинавист В. Аведик, который нашел, что в ежедневных шведских газетах встречается всего лишь от 0.5% до 2% английских заимствований [7, p. 146] в тех контекстах, когда возникает необходимость передать в национальном языке новые тенденции, явления и понятия, появляющиеся в этих семантических областях.

Необходимо отметить, что содержание понятия «англицизм» не имеет однозначного толкования в специальной литературе. Например, Р. Филипович дает узкое определение англицизма: «Англицизм это любое слово, заимствованное из английского языка, обозначающее объект или концепт, который в момент заимствования является интегральной частью английской культуры и цивилизации, необязательно английского происхождения, но адаптированный к лингвистической системе английского языка и интегрированный в его словарь.» [8, p. 206].

М. Гёрлах определяет англицизмы не только как слова, но и как идиоматические словосочетания, которые, узнаваемо сохраняя свою английскую форму (в написании, произношении, морфологической структуре или, по меньшей мере, в одной из этих трех категорий), входят в словарь принимающего языка [9, p. 1]. В соответствии с трактовкой М. Гёрлаха в число англицизмов не могут быть включены синтаксические кальки, например, датск. *toppenafisbjerget* – от англ. *The roof of the building*; словообразовательные кальки, например, норв. *Importord(imported word)* – от англ. *Loan word*, дат. инорв. *ergoterapi*, шв. *arbetsterapi* – от англ. *Occupational therapy*; фразеологические кальки, например, дат. *fændernetilatmødes*, норв. *såendenetil å møtes* – от англ. *Make ends meet*.

Австрийский лингвист А. Ониско поясняет, что англицизмы – это не только как заимствования, но и любой результат процесса влияния языка-донора на язык-рецептор. По его мнению, важно понимать, что все заимствования являются англицизмами, но не все англицизмы являются результатом процесса заимствования [10, p. 91, 93].

Из этого следует, что англицизмами можно считать лексические, структурные, фонологические элементы, присутствующие в принимающем языке и формально соотносимые с подобными элементами английского языка. Таким образом, в число англицизмов могут быть включены заимствования, случаи переключения кодов, такие результаты морфосинтаксической и лексикосемантиче-

ской продуктивности, как гибриды и псевдо англицизмы [10, p. 11, 91]. В классификации А. Ониско они составляют группу ядерных англицизмов (*core anglicisms*), т.е. тех форм, в которых распознается их происхождение от английского источника. Группу пограничных англицизмов (*borderline anglicisms*) составляют 1) случаи семантической и функциональной интерференции и 2) нераспознаваемые заимствования (*unobtrusive borrowings*), связь которых с английским источником непосредственно не идентифицируются [10, p. 90].

Российские исследователи англицизмов В.М.Аристов и автор словаря англицизмов А.И. Дьяков, относят к ним: 1) слова, имевшие или имеющие свой прототип по форме и значению в английском языке; 2) исконные английские слова и имена собственные, ставшие нарицательными; 3) слова, созданные в английском языке из элементов других языков и произвольно созданные в английском языке слова; 4) слова-сокращения, подвергшиеся аббревиации в английском языке. Они считают семантическим англицизмом значение английского: аффикса, слова, аббревиатуры, фразеологизма, словосочетания, предложения, воспроизведенное русскими средствами – кальками и полукальками [11, с.14; 12, с. 19].

В целях нашего исследования мы примем следующее определение: англицизм – это любая индивидуальная или системная черта языка, адаптированная или перенятая из английского языка, или созданная по образцам английских моделей и используемая в коммуникации на каком-либо другом языке.

Наиболее очевидным свидетельством появления англицизмов в скандинавских языках было заимствование англоязычной лексики, масштабы которого еще с 1990-х гг. привлекали внимание Нордического языкового совета, объединяющего ведущих лингвистов Дании, Норвегии и Швеции. Первый общескандинавский проект Нордического языкового совета по исследованию англоязычных заимствований *ModerneimportordisprakaiNorden* («Современные заимствования в языках нордических стран») осуществлялся в 2001–2005 гг. под руководством Х. Сандоя из университета Бергена (Норвегия) [13; 14]. Основные задачи проекта составили: сравнение объема заимствований в отдельных скандинавских языках; замена заимствований национальными аналогами и частотность их использования; адаптация заимствований; стандартизация заимствований; отношение к заимствованиям и их национальным аналогам [13, p. 6].

Изучению подлежали три типа заимствований:

1) прямые заимствования, как сохранившие исходную форму, например, *workshop*, *pizzeria*, так и подвергшиеся адаптации, например, *diskotek* (в англ. *discotheque*);

2) гибридные заимствования – сочетания прямых заимствований и национальных слов, например, норв. *freelance-arbeidar* (*freelanceworker*);

3) псевдо заимствования, не существующие в АЯ, но образованные из английских компонентов, например, *snowracer* (*sled with steering wheel and broad runners*). [13, p. 9]

Датский социолингвист П. Ярвад, изучавшая отношение своих соотечественников к распространению английских заимствований, установила, что большинство далеких от лингвистики датчан, не воспринимают заимствования как чужеродные вкрапления в речь на родном языке. 75% респондентов положительно относятся к таким словам, как *shorts*, *sweater*, *weekend*, *carport*, *sandwich*, и т.д., и только 4% характеризуют их использование как «загрязнение языка». Что касается устойчивых словосочетаний, 56% респондентов включают в свою речь такие идиомы, как, например, *you name it*, *take it or leave it*, *point of no return*, *the real thing*, *the seat of the nineties*, *second to none*, и т.д., тогда как 35% знают их, но никогда не используют. В большинстве случаев П. Ярвад фиксировала достаточно положительное отношение датчан к английским заимствованиям [15, s. 123].

Норвежские социолингвисты С. Йоханссон и А.-Л. Грэдлер подсчитали, что заимствованная англоязычная лексика составляет незначительную часть в норвежских газетных и журнальных текстах: количество английских заимствований варьируется от 1.2% (статьи о моде) до 2.3% (статьи о поп музыке). Исследователи отнесли английские заимствования к восьми репрезентативным семантическим сферам: музыка, мода, спорт, реклама, средства массовой информации, информационные технологии, экономика, коммерция [16, s. 83-115].

И напротив, одна из первых, кто изучал языковые идеологии среди шведов, М. Вингстедт утверждала, что до 66% ее респондентов хотели бы “очистить” родной язык от влияния АЯ [Wingstedt 1998, p. 159, 259], а 23% участников опроса согласились с тем, что через 100 лет шведский язык может стать мертвым [17, p.61].

Дискутируя с ней, М. Столхаммар, доказывала, что английские заимствования являются одним из источников не только прямого, но и опосредованного расширения шведского словаря. Например, калькирование английского словосочетания *treehugger* (защитник окружающей среды, выступающий за сохранение деревьев) → шв. *trädkramare* привело к появлению таких слов, как *vargkramare* (*wolfhugger* – защитник окружающей среды, выступающий за сохранение популяции волков), *skattekramare* (*taxhugger* – гражданин, своевременно выплачивающий налоги) и *motorvägskramare* (*motorway hugger* – автомобилист, соблюдающий чистоту на дорогах) [18].

Мы предлагаем выделить 9 групп англицизмов, обогащающих национальные языки, и 6 типов переключения кодов, т.е. гибридации дискурса. Для этого используется модифицированная таксономия англицизмов, разработанная Х. Готлибомна основе анализа субтитров к англоязычным фильмам и телепрограммам на датском радио и телевидении [3].

Во-первых, это языковые единицы, непосредственно заимствованные из английского языка или созданные с использованием лексико-семантических и морфо-синтаксических средств скандинавских языков по образцам английского языка. Корпус таких языковых единиц включает:

1. Открытые лексические заимствования, полностью сохранившие значение, написание и произношение: а) слова, например, дат. *branding*; б) словосочетания, например, дат. и норв. *still going strong*; в) морфемы, например, дат., шв., норв. *mega*.

2. Скрытые лексические заимствования, связь которых с английскими источниками непосредственно не просматривается: а) слова, например, дат. *splejse*, шв. *splitsa* (англ. *splice* – соединение, техн.); б) словосочетания, например, дат., шв., норв. *Stopenhalv!* (англ. *Stop and haul!*).

3. Кальки, т.е. прямые переводы английских слов и словосочетаний, прочно вошедшие в скандинавские языки: а) слова, например, дат. *kernefamilie* (англ. *nuclear family*); б) словосочетания, например, дат. *fatendernetilat-mødes*, норв. *så endenetil å møtes* (англ. *make ends meet*).

4. Гибриды, созданные по английским образцам путем полной или частичной замены составляющих элементов: а) сложные слова, например, дат. *computerskærm* (англ. *Computerscreen*); б) соединение элементов английского и датского словосочетаний, например, дат. *softkernebrod* (англ. *soft (ice cream) +dam. kernebrød = whole meal bread*).

5. Псевдоанглицизмы, отсутствующие в АЯ, но внешне напоминающие английские слова и словосочетания: а) слова, значения которых не имеет аналогов в АЯ, например, дат., шв., норв. *butterfly* – галстук-бабочка (англ. *bow-tie*); б) слова, представляющие собой сокращение номинативных словосочетаний и претерпевшие семантические сдвиги, например, дат. *barakker* – одноэтажный дом, от (*militære*) *barakker* (англ. *militarybarracks*); дат., шв., норв. *overhead* – кодоскоп (англ. *Over head slide transparency*) в) лексическое смешение двух словосочетаний, например,

дат. *stationcar* (амер. *Stationwagon*, брит. *Estatecar*); г) морфо-синтаксические псевдоанглицизмы, например, присоединение англ. флексии, как в дат. *autobahns* (нем. заимствование с англ. окончанием мн. числа по аналогии с англ. *Highways*; д) структурная замена, например, *fit for fight* (англ. *Fighting fit*); е/ шуточные образования, например, *webmoster* (буквально: *webauntie*) по аналогии с англ. *webmaster*.

Во-вторых, это изменения в существующих единицах скандинавского языка-реципиента, вызванные лексико-семантическим, морфо-синтаксическим, фонетическим и орфографическим влиянием английского языка. Корпус таких языковых единиц включает:

6. Семантические англицизмы: а) расширение значения, например, дат. *Jeg elsker dig!* (*Love you!* получает значение *goodbye*) под влиянием английского узуса, хотя в датском есть аналогичная формула прощания *Hav det godt*; б) расширение морфологической структуры слова, например, датский англицизм *overhøre* появился под влиянием англ. *overhear*, но со значением “слышать” и стал синонимом дат. *høre*; в) сужение значения, например, дат. *i morgen* “завтра” получает значение “утро” под влиянием англ. *morning*, хотя в датском есть слово с этим значением *formiddag*; г) появление семантических дублетов, например, *misse = gå glip af* под влиянием англ. *miss*.

7. Морфосинтаксические англицизмы: а) изменение морфологической структуры, например, дат. *Tonened* (англ. *tonedown*) в отличие от стандартного датского *nedtone*; б) изменение синтаксической структуры, например, дат. *Dog, han vil ikke ...* – Однако он не будет... (англ. *However, he wil not. . .*) в отличие от стандартного датского *Han vil dogikke... – Он не будет однако...;* в) выбор предлога, например, *ud afvandet* (англ. *out of the water*) в отличие от стандартного датского *opafvandet*; г) замена предложного дополнения прямым, например, *Ringenekspert* (англ. *Callan expert*) в отличие от стандартного датского *Ringtil enekspert*.

8. Фонетические англицизмы: а) изменение произношения по английскому образцу, например, дат. *unik* (*unique*) произносится как [you`nik] в отличие от стандартного датского [oo`nik]; б) изменения просодии, например, восклицания произносятся с интонацией падения (по американскому образцу) в отличие от стандартной датской интонации подъема.

9. Орфографические англицизмы: а) изменение написания, например, дат. *litterature* ← *litteratur* под влиянием англ. *literature*; б) изменение пунктуации по английскому образцу, например, выделение имени запятыми *amerikanske senator; Joseph Biden, har...* (англ. *Americansenator; JosephBiden, has ...*), хотя в датской пунктуации такое не предусмотрено.

Если использование англицизмов в скандинавских языках свидетельствует об их жизнеспособности и способствует их развитию в современных условиях глобализации, то переключение кодов (ПК) мы считаем признаком гибридации современного скандинавского дискурса. Повсеместное переключение кодов (ПК) используется в ежедневном бытовом общении как переход с национального языка на английский и наоборот, что ведет к двусторонней интерференции английского и скандинавских языков. Оно наблюдается чаще всего в форме включения английских слов и словосочетаний в речь на национальном языке и представляет собой серьезный социолингвистический фактор, свидетельствующий о социальном статусе, и стереотипах поведения в молодежных и профессиональных сообществах. Расширяя возможности речевого общения и способствуя созданию солидарных межличностных отношений, ПК может принимать различные формы: от включения в речь на одном языке отдельных слов, реплик, словосочетаний и предложений на другом языке – до попеременного высказывания на двух языках в процессе коммуникации.

ПК прямо или косвенно влияет на речевое поведение молодежи в англо-американских субкультурах, объединяемых определенной системой ценностей, и наиболее видимым символом ценностей субкультуры, по наблюдению Б.Прейслера, является английский язык, т.к.

большинство молодых скандинавов свободно им владеют, т.е. являются билингвами. В датских, шведских и норвежских университетах постоянно можно слышать попеременное использование национального и английского языков в академической и бытовой коммуникации [19, p. 239-267].

Переключение кодов или переход в процессе речевого общения с национального языка на английский и наоборот, включает 6 типов, среди которых:

1. Переключение на уровне отдельных слов, например, стандартный краткий общий вопрос или запрос на подтверждение *okay?* в процессе межличностного общения на датском, шведском и норвежском языках.

2. Переключение на уровне словосочетания, например, ведущий по-датски представляет молодежной аудитории новое музыкальное произведение и добавляет *for you'rearsonly*.

3. Билингвальная игра слов, например, на плакате в старом копенгагенском районе Нюхавн (Новая гавань) под надписью *There is something rotten in Nyhavn* изображена крыса (дат. *rotte*), и перефразируются слова Гамлета: *There is something rotten in the state of Denmark*.

4. Включение отдельных предложений в текст на национальном языке, например, заключительная фраза в датском музыкальном обозрении: *Waytogo, girl!*

5. Переключение на английский язык на уровне микротекста в датских, шведских, норвежских вебсайтах, рекламных роликах, инструкциях, предназначенных для национальных и иностранных пользователей.

6. Переключение на английский язык на уровне текста в предметных областях, доменах языка, охватывающих какие-либо специализированные сферы (*domainlosses*), например, научные работы датских, шведских, норвежских авторов, компьютерные игры, деловая документация крупных компаний, песни квартета АББА, и т.п.

Что касается потери скандинавскими языками определенных предметных областей, доменов, т.е. их перехода от национальных языков к АЯ, потеря доменов наиболее очевидна в тех глобализованных областях, где необходима межнациональная коммуникация. Потеря доменов имеет место в деятельности крупных международных компаний, в университетской коммуникации и в научных исследованиях, поскольку именно в этих трех областях АЯ служит основным контактным языком. Мы рассматриваем потерю доменов как естественное распределение функций между языками, отвечающее современным требованиям социально-экономического развития.

Скандинавские лингвисты, оценивающие перспективу процесса потери доменов и практики переключения кодов как ослабление национальных языков видят серьезную опасность в том, что многие интернационализированные сферы национальной коммуникации могут отойти к английскому языку, в результате чего национальный язык в диглосном сообществе получит статус языка для неформального общения в семейном и дружеском кругу [20, p. 243].

На наш взгляд, такие опасения не являются обоснованными. Три основных фактора «присутствия» АЯ в скандинавских странах (*experience of English as "getting closer" by becoming visible* [21, p. 250]) и путей влияния АЯ на скандинавские языки (заимствование, переключение кодов и потеря предметных областей) рационально рассмотреть с позиций взаимоотношения АЯ и скандинавских языков – по критериям направленности процесса взаимодействия языков и результата этого процесса.

1. Процесс заимствования направлен от АЯ к языку реципиенту, который принимает англоязычные единицы и адаптирует их в соответствии со своей грамматической и лексико-семантической структурой. По сути, это расширение словарного состава национального языка, вызванное экстралингвистическими причинами, а в

каких-то случаях это и модификация отдельных элементов грамматической системы. Успешная адаптация национального языка к изменениям в стране и мире путем включения заимствований свидетельствует о проявлении его жизнеспособности в условиях глобализации, т.е. результатом является укрепление национального языка. Лингвисты, будучи современниками и участниками этого процесса в числе других носителей языка, могут по-разному относиться к нему, но это естественный и объективно положительный процесс, в котором АЯ не является агрессором.

2. В отличие от заимствования, которое направлено от АЯ к национальному языку и может реализоваться в его любой лексико-семантической сфере, переключение кодов находится на пересечении языковых единиц АЯ и национального языка и представляет собой гибридизацию путем спорадического включения англоязычных элементов в дискурс на национальном языке или национальных элементов в дискурс на английском языке. Переключение кодов является показателем гибридного состояния дискурса в социальной практике неформальной коммуникации, когда участники идентифицируют себя по принадлежности к тому или иному сообществу практики.

3. В условиях глобализации переход отдельных областей специализированной коммуникации из разряда интранациональных в разряд транснациональных направлен от национального языка к АЯ. Национальные участники такой коммуникации осознают себя членами международного сообщества, в котором их национальная принадлежность может служить только дополнительной характеристикой. Национальный язык утрачивает лексикосемантические средства коммуникации в некоторых специализированных областях социальной практики (*domainlosses*) в результате ослабления мотивации для их сохранения и развития, и это естественный процесс, в котором АЯ является не агрессором, а нейтральным инструментом, оптимально отвечающим объективным потребностям специализированной транснациональной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алпатов В.М. Глобализация и развитие языка // Вопросы филологии. 2004. № 2. С. 23-27.
2. Höglin R. Engelskaspråkets som hot och tillgång i Norden [The English Language as a Threat and an Asset in the Nordic Countries]. English Summary. P. 103-121). TemaNord Språksamarbete: 561, Nordiska Ministerrådet, 2002. 142 s.
3. Gottlieb H. The Impact of English // Danish TV Subtitles as Mediators of Anglicisms". ZAA: Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. Vol. 47(2). P. 133-153.
4. Sørensen K. On Anglicisms in Danish // Viereck W., Bald W.-D. (eds.). English in Contact with Other Languages, 1986. Budapest: Akadémiai Kiadó. P. 31-50.
5. Sørensen K. A Dictionary of Anglicisms in Danish. Copenhagen: The Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 1997. 405 p.
6. Chrystal J.-A. Engelskani Svenskadagspress. [English in Swedish newspapers] Diss. Solna: Esselte stadium, 1988. 246 s.
7. Awedyk W. Attitudes of Norwegians towards the growing influence of English // Folia Scandinavica. Poznań, 2009. Vol. 10. P. 143-153.
8. Filipovic R. Historical-Primary Etymology vs. Secondary Etymology of Anglicisms in European Languages // History and perspectives of language study: papers in honor of Ranko Bugarski. Amsterdam: John Benjamins, 2000. P. 205-216.
9. Görlach M. Still more Englishes. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2002. 240 p.
10. Onysko A. Anglicisms in German: borrowing, lexical productivity, and written codeswitching (Linguistik – Impulse und Tendenzen; 23). Berlin-New York: Walter de Gruyter, 2007. 346 p.
11. Аристова В.М. Морфологическая структура ан-

глийских слов в русском языке // Англо-русские языковые контакты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978, с. 44-47.

12. Дьяков А.И. Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца XX века в функциональном аспекте. Канл. дисс. Специальность: 10.02.01. – Русский язык. Новосибирск, 2001. 291 с.

13. Graedler A.-L. Modern Loanwords in the Nordic Countries. Presentation of a project // Nordic Journal of English Studies, 2004. Vol. 3. P. 5-21.

14. Sandøy H. Moderneimportordi Norden. Eigranskingsavbruk, normerogspråkholdninger [Modern loanwords in Nordic languages. A review of use, norms and language attitudes] // Språki Norden, 2002, P. 73-100.

15. Jarvad P. Nye ord. Hvorfor og hvordan? [New words. Why and how?] København: Gyldendal, 1995. 345 s.

16. Johansson S., Graedler A.-L. Rocka, hiptogsnacksy. Om engelsknorskpråkogsamfunn [Rocka, hipt and snacksy. About EnglishNorwegianlanguageandsociety]. Kristiansand: Høyskoleforlaget, 2002. 318 s.

17. Wingstedt M. Language ideologies and minority language policies in Sweden. Historical and contemporary perspectives. Stockholm: Centre for Research on Bilingualism, Stockholm University, 1998. 376 p.

18. Stålhammar M. Engelskanisvenskan. Åttahund-årravlånadeordochspråkligainfluenser. [English in Swedish. Eight hundred years of borrowed words and linguistic influences.] Norstedts, 2010. 258 s.

19. Preisler B. Functions and forms of English in a European EFL country // Bex T., Watts R. (eds.) Standard English: The Widening Debate. London: Routledge, 1999. P. 239-267.

20. Preisler B. Deconstructing ‘the domain of science’ as a sociolinguistic entity in EFL societies: The relationship between English and Danish in higher education and research // Preisler B., Fabricius A., Haberland H., Kjærbeck S., Risager K. (Eds.). The Consequences of Mobility: Linguistic and Sociocultural Contact Zones. Roskilde: Roskilde University, 2005. P. 238-248.

21. Simonsen D.F. Over the fence – and into English? Reflections on adolescents, academics, linguistic development and language policy in Norway in the early 2000s // Preisler B., Fabricius A., Haberland H., Kjærbeck S., Risager K. (Eds.). The Consequences of Mobility: Linguistic and Sociocultural Contact Zones. Roskilde: Roskilde University, 2005. P. 249-271.

Статья поступила в редакцию 30.12.2017

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 811.111

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

© 2018

Булахтина Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук
Краснодарский университет МВД России, филиал в Симферополе
(295000, Россия, Симферополь, ул. Ак. Стевена, 14, e-mail: natalya_bulahtin@mail.ru)

Аннотация. В данной работе проведен анализ институциональных характеристик судебного дискурса на материале английского языка. В результате установлено, что в последнее время институциональный дискурс привлекает все большее внимание лингвистов во всем мире. Каждый из социальных институтов формирует определенный тип дискурса, позволяющий оперативно и наиболее полно решать задачи, которые были поставлены социумом. Ярким примером институционального дискурса является судебный дискурс. Для судебного дискурса характерно статусное неравенство участников, четкое распределение ролей, выстраивание иерархии среди участников в виде пирамиды с непрофессионалами у ее основания и судьей на вершине. Судебный дискурс ритуализован, а повторяющиеся ситуации взаимодействия участников дискурса закреплены в определенных жанровых формах. Кроме того, выявлено, что характерной чертой судебного дискурса по сравнению с прочими видами институционального дискурса является обусловленность речевого поведения законодательством. Также стоит отметить, что самые принципиальные моменты отражены в гражданских процессуальных и уголовно-процессуальных кодексах. Тем не менее, кодексы судейской этики, которые не имеют законодательной силы и выпускаемые в качестве рекомендательных документов, определяют речевое поведение профессиональных участников дискурса.

Ключевые слова: институциональные характеристики, судебный дискурс, юридический дискурс, речевое поведение.

INSTITUTIONAL FEATURES OF JUDICIAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF ENGLISH LANGUAGE)

© 2018

Bulahtina Natalya Aleksandrovna, candidate of philological Sciences, associate Professor,
chair of humanitarian and socio-economic Sciences
Krasnodar University of Ministry of internal Affairs of Russia, branch in Simferopol
(295000, Russia, Simferopol, st. Stevena, 14, e-mail: natalya_bulahtin@mail.ru)

Abstract. In this article we analyzed the institutional characteristics of judicial discourse (based on the material of the English language). We have revealed that institutional discourse has attracted increasing attention of linguists all over the world. Each of the social institutions forms a certain type of discourse, which allows to solve the tasks posed by the society. A demonstrative example of institutional discourse is judicial discourse. Judicial discourse is characterized by status inequality of participants, a clear distribution of roles, alignment of the hierarchy among participants in the form of a pyramid with non-professionals at its base and a judge at the top. The judicial discourse is ritualized, and the repeated situations of interaction of participants in the discourse are fixed in certain genre forms. In addition, we have revealed that the characteristic feature of judicial discourse in comparison with other types of institutional discourse is the conditionality of speech behavior by legislation. The most fundamental points of discourse are reflected in the civil procedural and criminal procedural codes. Nevertheless, codes of judicial ethics, which do not have legislative force and are issued as reference documents, determine the language behavior of the professional participants in the discourse.

Keywords: institutional characteristics, judicial discourse, legal discourse, language behavior.

В последнее время институциональный дискурс привлекает все большее внимание лингвистов, тем не менее, единого, окончательного определения данного понятия на сегодняшний день нет [1]. Лингвистами предпринимались попытки дать характеристику институциональному дискурсу через анализ его типов:

- научный, педагогический, религиозный дискурсы (Карасик, 2000 год);
- политический дискурс (Водак, 1997 год; Серио, 1999 год; Шейгал, 2002 год; Будаев, 2006 год);
- судебный дискурс (Тютюнова, 2008 год; Дубровская, 2010 год);
- юридический дискурс как связь права и языка (Голев, 2007 год).

При этом необходимо отметить, что институциональная коммуникация должна рассматриваться как общение в рамках имеющихся в обществе институтов [2], а сам институциональный дискурс необходимо понимать как специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут и не знать друг друга, однако должны общаться в соответствии с нормами определенного социального института [3].

Каждый из социальных институтов образует определенный тип дискурса, позволяющий оперативно и наиболее полно решать задачи, которые были поставлены социумом. Названное взаимодействие между дискурсивной и социальной деятельностью отмечает Водак Р.: «Дискурс конституирует общество и, в свою очередь, конституируется им, то есть эти социокультурные феномены находятся в отношении диалектического взаи-

модействия» [4].

Юридический дискурс формируется на стыке разных сфер человеческой деятельности и представляет большой интерес как для правоведов, так и для лингвистов [5].

В отечественной лингвистике интерес к юридическому дискурсу возрос в конце прошлого века, что было обусловлено рядом внутренних и внешних причин. Внутренней причиной явилась смена научной парадигмы в мире, о которой в последнее время много говорят. Она касается и специальных наук (юриспруденции и лингвистики), и наук более общих (методология, философия). К внешним причинам стоит отнести либерализацию российского общества, открывшиеся возможности для частного предпринимательства, обсуждение проблем гражданского общества и правового государства. Кроме того, снятие идеологического занавеса вовлекло широкие массы людей в правовую деятельность, сделав их ее активными субъектами [6].

В современных условиях интеграции и глобализации, влекущих за собой унификацию разных сфер жизни, в том числе и правовой, с позиций юрислингвистики представляется целесообразным стремление к выработке единообразных, общих правовых аспектов языка, при этом учитывая, что в каждой стране юрислингвистика имеет свою специфику – разные аспекты взаимосвязи права и языка имеют меньшую или большую актуальность. Это можно объяснить несколькими причинами: состоянием современного общества, особенностями правовых систем, уровнем развития самой дисциплины,

степень исследованности определенных вопросов и проблем [7].

Юридический дискурс является комплексным понятием, включающим жанры, типы юридического языка, четкое количество которых на настоящий момент не определено. Одним из типов юридического дискурса является судебный дискурс. Как отмечает Баранов В.М.: «Юридические тексты образуют в совокупности судебный дискурс как разновидность дискурса юридического и как место «реального права»» [8].

Согласно Дубровской Т.В., судебный дискурс – «это вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов. При этом конечной целью процесса является разрешение правового конфликта и изменение правовой ситуации» [7]. Дубровская Т.В. к судебному дискурсу относит:

- дискурс отдельных судебных процессов или отрезков судебных процессов;

- судебный дискурс как обобщающее понятие, объединяющее в себе множество дискурсов, на основе анализа которых возможно выделение общих закономерностей и типичных характеристик построения судебной коммуникации.

Исследованием судебного дискурса занимаются как юристы (Карташев В.Д., Ткаченко Ю.Г., Черданцев А.Ф.), так и ученые-филологи (Боровкова М.В., Дубровская Т.В., Соболева А.К.) [9, 10]. Судебный дискурс, как и любой вид институционального дискурса, можно определить по следующим параметрам:

- статусно-ролевым характеристикам участников (прокурор – суд присяжных, адвокат – суд присяжных, судья – адвокат/прокурор и так далее);

- целям общения (выявление обстоятельств преступления, установление невиновности или вины и так далее);

- прототипному месту общения (тюрьма, зал судебных заседаний и так далее).

Судебный дискурс включает все жанры и виды профессиональной коммуникации – юридические документы (определения судов, тексты законов, показания свидетелей и так далее), публичную речь (заключительные или вступительные заявления прокуроров или адвокатов, оправдательные и обвинительные речи судей и так далее).

Судебный дискурс в силу своей специфики представляет собой устойчивую разновидность институционального дискурса, который «лимитирует» коммуникативные стратегии участников. Судья, к примеру, не может свободно истолковывать некоторый закон, потому что его профессиональное поведение регулируется и ограничивается соответствующими правилами и принципами, а прокурор или адвокат не могут оказывать психологическое давление на свидетелей или подсудимого.

Однако с другой стороны, рациональное воздействие сторон судебного процесса на суд присяжных и судью достигается системой аргументации, строгой логикой доказательств и рассуждений, использованием «интеллектуализированных» средств языка. Тем не менее, основная функция судебного монолога – воздействие на присяжных заседателей и судей наилучшим образом реализуется при умелом сочетании эмоционального и рационального, при обеспечении не только доказательности, но также и внушающих моментов.

Англоязычный судебный дискурс представляет собой сложную систему иерархии различных типов правового знания. Современные исследователи этого типа дискурса, как правило:

- раскрывают особенности коммуникативного поведения субъектов дискурса – Blank P.D. (1993 год), O'Bagg W.M. (1982 год), Cheng L. (2011 год), Merry S. (1990 год), Wagner A. (2011 год), Дубровская Т.В. (2010 год),

Красовская О.В. (2008 год);

- уделяют особое внимание судебному красноречию – Tigar M.E. (1999 год), Баишева З.В. (2006 год), Ивакина Н.Н. (1995 год), Катышев П.А. (2001 год), Михайловская И.Б. (1981 год), Науменко-Порохина А.В. (2000 год), Одинцова В.В. (1981 год), Пригарина Н.К. (2008 год);

- анализируют правовую аргументацию – Perelman С. (1963 год), Ptiog A. (1949 год), Raz J. (1999 год), Волкова А.А. (1997 год), Мельник В.В. (2000 год), Новицкий В.А. (2002 год) [10].

Судебный дискурс имеет процессуальный характер, развертываясь в ходе судебных заседаний. Сам тип коммуникативного события, судебного процесса, продолжительность которого порой достигает нескольких недель, определяет процессуальность судебного дискурса, разворачивающегося во времени. В судебном дискурсе получают отражение определенные стадии судебного процесса с характерными для них особенностями. Также стоит отметить, что в судебном дискурсе отражаются национально обусловленные особенности мыслительной деятельности.

Интерактивность данного типа дискурса проявляется в выборе участниками речевых, тактических и стратегических средств, отвечающих их собственным целевым установкам и в то же время ориентированных на поддержание взаимодействия с другими коммуникантами.

Существующее в обществе представление и действующее в стране законодательство о том, как должно осуществляться правосудие, находят выражение в судебном дискурсе наряду с национально-культурными чертами речевого общения.

Судебный дискурс стоит отнести к статусно-ориентированному общению, в котором «коммуниканты реализуют себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определенных групп людей» [11]. То, что институциональное взаимодействие является процессом, обусловленным распределением ролей (action in the institution as role-guided action), подчеркивает Вайганд Э. [12].

В судебном дискурсе взаимодействуют непрофессиональные и профессиональные участники, иными словами граждане, которым присваивается определенный статус (присяжные, подсудимый, свидетель, эксперт) и представители института правосудия, наделенные соответствующими правами. Присущее судебному диалогу неравенство сторон отмечает американский автор Хензл В.М. По мнению этого автора, культурное, языковое и социальное неравенство участников судебного процесса может привести к «коммуникативным стычкам», или к непониманию, основанному на различии в знаниях правовых понятий, процедурных требований и технического языка. В своей работе Хензл В.М. [13] концентрирует внимание на особенностях судебного процесса с участием переводчика, однако непрофессиональные и профессиональные участники, даже используя в зале суда один язык, говорят на разных языках.

В зале суда неравенство статусов закреплено институционально, при этом обладателем самого высокого статуса является судья, владеющий как властью, так и специальными знаниями.

Статусное положение участников дискурса находит выражение в их речевом поведении. Речевое поведение воедино связывает конкретные языковые средства, психологические характеристики и социальные условия говорящего. Применительно к участникам судебного дискурса использование термина «поведение» не ново. В англоязычных работах мы часто встречаем такие обозначения как courtroom behaviour (поведение в зале суда), language behaviour (языковое поведение), judicial behaviour (поведение судей) [14, 15].

Как способ реализации власти речевое поведение судьи влияет на общую ситуацию в зале суда и меняется в зависимости от изменений ситуации, вызванных речевым поведением иных участников дискурса [7]. Тем

не менее, вариативность речевого поведения участников судебного дискурса имеет границы. Она ограничена набором типичных для данного типа дискурса, повторяющихся ситуаций.

Стоит также отметить, что судейский статус интервьюируемого определяет институциональные ограничения, которые налагаются на его речь, что, например, может в некоторых случаях привести к отказам, отвечать на вопросы в том виде, в котором они задаются: «Q: You were of course the judge in one of the most famous fraud cases of the Brothers Maxwell a few years ago. You think that that case would have been what quicker? And judged better if you would have been able to do it yourself? A: My opinions are not based on any individual cases and I wouldn't want to speak about individual cases» [16].

Финальные жанры судебного процесса характеризуются выраженной институциональной обусловленностью. В качестве основы для составления приговоров и решений в английской судебной системе используются образцы документов, которые были составлены высокопоставленными судьями, называемые «templates», а также нормативный акт «Forms of Words in Sentencing» от 2006 года с рекомендациями по использованию ряда формулировок в текстах приговоров. Стоит отметить, что общая структура английских приговоров по делам, которые рассматриваются с участием присяжных, не включает в описательно-мотивировочную часть доказательства по делу. Кроме того, по гражданским делам английские судебные решения имеют очень гибкую структуру, во многом зависящую от подхода судьи и характера дела.

Принципиальные моменты дискурса отражены в гражданских процессуальных и уголовно-процессуальных кодексах. Однако кодексы судейской этики, которые не имеют законодательной силы и выпускаемые в качестве рекомендательных документов, определяют речевое поведение профессиональных участников дискурса.

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлено следующее:

1. Судебный дискурс - это яркий пример институционального дискурса с его характерными особенностями.
2. Для судебного дискурса характерно статусное неравенство участников, четкое распределение ролей, выстраивание иерархии среди участников.
3. Судебный дискурс ритуализован.
4. Отличительной чертой судебного дискурса является обусловленность речевого поведения участников законодательством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Летучина Т. А. Институциональные характеристики судебного дискурса как разновидности дискурса юридического (на материале французского языка) // Вестник МГЛУ. 2012. №10 (643). С.74-82.
2. Дискурс как социальная деятельность: проблемы институциональной коммуникации: Коллективная монография. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – С.17.
3. Олешков М. Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. / авт.-сост. М. Ю. Олешков: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. – Нижний Тагил, 2006. – С.73.
4. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. – Волгоград: Перемена, 1997. – С.18.
5. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика. – 1999. – №1. – С. 13–60.
6. Голев Н. Д. Самоопределение юридической лингвистики // Юрислингвистика. – 2007. – №8. – С. 7–14.
7. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). – М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351 с.
8. Баранов В. М. Риторика и право / В. М. Баранов, А. С. Александров, Н. Д. Голев // Юрислингвистика. –

2002. – №3. – С. 113–124.

9. Летучина Т. А. Дискурсивные особенности защитительной речи (на материале современного французского языка) // Вестник МГЛУ. 2013. №10 (670). С.105-115.

10. Сафронова Т.С. Вербализация механизмов суггестивного воздействия в судебном дискурсе (на материале английского языка): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Сафронова Т. С., [Место защиты: ФГБОУ ВО Адыгейский государственный университет], 2017.- 269 с.

11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С.291.

12. Weigand E. Principles of Dialogue. With a special focus on business dialogues // Cooperation and conflict in in-group and intergroup communication: selected papers from the Xth Biennial Congress of the IADA, Bucharest 2005. / Ed, L. Ionescu- Ruxandoiu, L. Hoinarescu. – Bucharest: Bucharest University Press, 2006. – P. 35–51.

13. Henzl V.M. Language in courts // Dialoganalyse VI: Referate der 6. Arbeitstagung, Prag 1996. – Tuebingen: Max Niemeyer, 1998. – Teil 2. – P. 141–147.

14. O'Barr W. Linguistic Evidence. Language, Power and Strategy in the Courtroom. – New York, London, Paris, San Diego, San Francisco, Sao Paulo, Sydney, Tokyo, Toronto: Academic Press, 1982. – 192 p.

15. Philips S. Ideology in the Language of Judges: How Judges Practice Law, Politics and Courtroom Control. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1998. – 205 p.

16. Lord Chief Justice 2007 – The Lord Chief Justice Interview (2007) // СайтысудейАнглииУэльса. [Электронный ресурс]. <http://clients.westminsterdigital.co.uk/judiciary/2007/> (дата обращения: 05.12.2017).

Статья поступила в редакцию 26.12.2017

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 81

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ РУССКОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ
НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

© 2018

Ван Линь, аспирант

*Московский педагогический государственный университет**(119992, Россия, Москва, улица Малая Пироговская, 1, e-mail: wangdalinpp@hotmail.com)*

Аннотация. В статье поднимается проблема перевода национальных реалий деревенской жизни, запечатленной в художественных произведениях писателей XIX – начала XX веков. Автор выделяет проблему контекстуального осмысления реалии, анализирует различия в восприятии одних и тех же жизненных ситуаций. При характеристике отличительных признаков в системах русского и китайского языков определена специфика создания нового текста с полным сохранением смыслового содержания реалий. Автором отмечено, что перевод русских реалий невозможен без наличия у переводчика большого информационного материала, характеризующего его языковые и фоновые знания. Акцент в процессе перевода делается на способы передачи реалий, отражающих обычаи и быт деревенской жизни, будни и праздники. Непременным условием при переводе реалий служит точное восприятие авторской идеи, понимание структуры грамматического строя иноязычных предложений, конструирование предложений в соответствии с нормами языка и типа перевода. Согласно «теории непереводаемости» полноценный перевод реалий с русского языка на китайский невозможен из-за значительного расхождения выразительных средств языков. Однако автор исследования придерживается другой точки зрения: любое художественное произведение (поэзия или проза) адекватно переводится на китайский язык с сохранением всех стилистических и эмоционально-выразительных особенностей, отражающих авторский стиль и позицию переводчика.

Ключевые слова: перевод реалий, деревенский быт, контекст, авторская идея, теория непереводаемости, выразительные средства, эмоциональный фон, позиция, переводимый, семантика, специфика.

THE SPECIFICITY OF THE TRANSLATION OF THE REALITIES OF RUSSIAN
RURAL LIFE IN CHINESE LANGUAGE

© 2018

Wang Lin, post-graduate student

*Moscow State Pedagogical University**(119992, Russia, Moscow, street Malaya Pirogovskaya 1, e-mail: wangdalinpp@hotmail.com)*

Abstract. The article raises the problem of translation of national realities of village life, depicted in the works of writers of XIX – early XX centuries. The author highlights the problem of contextual comprehension of reality, analyzes the differences in the perception of the same life situations. When describing the distinctive features in the systems of Russian and Chinese languages, the specifics of creating a new text with full preservation of the semantic content of realities are determined. The author noted that the translation of Russian realities is impossible without the presence of the translator of a large information material that characterizes his language and background knowledge. The focus of the translation process is on ways to convey realities that reflect the customs and way of life of rural life, weekdays and holidays. An indispensable condition for the translation of realities is the exact perception of the author's idea, understanding the structure of the grammatical structure of foreign language sentences, designing sentences in accordance with the rules of the language and the type of translation. According to theory

Keywords: the translation of the realities of village life, the context of the author's idea, theory, means of expression, the emotional background, the position transferred, semantics, specificity.

В настоящее время, как отмечается многими исследователями (Э.Н. Мишуров [1], М.И. Сивохо [2], Е.А. Галькевич [3], Го Фэн, Сюе Хуэй [4]), все актуальнее становится проблема выбора способов перевода русских реалий, отражающих жизнь и быт деревни, в практике обучения переводческой деятельности. Э.Н. Мишуров весь процесс переводческой деятельности делит на две стадии: на первой стадии переводчик осмысливает текст для себя, порождая вторичный текст; на второй стадии происходит модернизация информации в третичный текст, предназначенный для читателей широкого или определенного круга. При выборе способов перевода реалий переводчик учитывает специфику конкретного художественного текста: образность, национально-культурные установки, временные рамки происходящих событий, многообразие восприятий прочитанного текста [1, с. 24].

В исследованиях М.И. Сивохо кроме ведущих способов перевода реалий – транскрипции, гипо-гиперонимического, уподобляющего / приближенного и описательного – дана характеристика других переводческих приемов:

а) перераспределение значения русских реалий при передаче на китайский язык;

б) семантический аналог: при переводе с русского языка на китайский используется существующее в языке общеупотребительное слово, в котором семантический признак к конкретному предложению приближен к оригиналу [2, 38].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы (А. А.

Васильева, В.П. Чехордуна [5]) отражено единство концептуальных положений: доминирующим переводческим способом при передаче реалий деревенской жизни из художественных произведений служит описательный перевод. На наш взгляд, это связано с тем, что данный способ перевода реалий является традиционным, поскольку используется переводчиками при работе с текстами различных жанров. Кроме этого, описательный способ помогает максимально раскрыть денотативное содержание реалии. Однако в практической деятельности широко используются интегрированные способы. Например, описательный перевод и родовидовая замена, описательный перевод и транскрипция.

Основная цель данной статьи состоит в исследовании возможности применения различных способов перевода реалий русского быта, широко представленных в деревенской прозе писателей-классиков, на китайский язык.

Реалии русской деревенской жизни широко представлены в деревенской прозе XIX-XX веков. Это произведение, объединенные творческим замыслом писателей, отражают особенности жизни деревенского быта, нравственно-социальных проблем русского народа. Каждая реалия характеризует незаметный образ тружеников, жизнь которых наполнена мудростью и простотой одновременно. Историко-культурные традиции деревенской жизни представлены в произведениях местными речениями, диалектными словами, просторечной и немного грубоватой лексикой. При художественном переводе чаще всего используется свободное изложение основного содержания текста, в том числе, вариации перевода. В этом случае особенность работы

переводчика заключается в преодолении преград переводимого языка, в выражении личного видения окружающего мира и действительности, в попытке более точно передать авторский замысел и художественную идею [6, с. 7]. Наше мнение в этом направлении совпадает с Н.К. Гарбовским: искусство переводчика состоит в его способности быть не просто переводчиком, а писателем, который может донести до конкретной аудитории смысл оригинального текста в другом изложении, в ином стиле.

В переводческой практической деятельности к тексту применяются формальные и семантические изменения: любая трансформация и интерпретация несут определенную семантическую нагрузку. Несовпадение же семантики оригинала и перевода чаще всего свидетельствует о несовпадении субъективного образа мира автора и переводчика. Исследователем И. Левым отмечено, что «вследствие несоизмеримости языкового материала оригинала и перевода, между ними отсутствует семантическое тождество в выражении, и, значит, лингвистически точный перевод невозможен, а возможна лишь интерпретация» [7, с. 66]. Развивая свою мысль, автор пишет, что, интерпретируя произведение, переводчик базируется на его «объективном смысле», при этом сводит к минимуму субъективное вмешательство в художественный текст. Одновременно с этим, переводчик не свободен от многих лингвистических требований, которые определяют его «интерпретационную позицию» [там же, с. 67].

Большинство исследователей реалий выделяют следующие способы перевода: транскрипция, калькирование, описательный перевод, приблизительный перевод, функциональный аналог, совмещенный способ перевода: транскрипция и калька, транскрипция и пояснение, калька и пояснение [8, с. 79]. Выбор способов перевода напрямую зависит от целей перевода, контекста речевой ситуации, компетентности переводчика. А.В. Федоров выделяет в реалиях лексическую вариативность: колебания в передаче обозначений реалий приводит к ограничению способов перевода: транслитерация, описательный, приблизительный и гипонимический [9, с. 199].

Транслитерация / транскрипция представляет собой звуковую форму слова: в процессе перевода этот способ используется при передаче имен собственных, географических названий, названий форм, компаний, газет, журналов. Н.А. Фененко выделяет полную и частичную транскрипцию, при которой используется само слово, обозначающее реалию, его корень или корень с сочетанием суффикса с написанием родного языка [10, с.122]. Чаще всего данный способ применяется в реалиях, не имеющих эквивалентов в переводимом языке. Он используется в двуязычных словарях при пояснении безэквивалентной лексики. Например, при передаче реалий русской кухни – *борщ, щи, рассольник* на китайский язык: 汤汤坐 – вместо этих слов при использовании дословного перевода получается выражение «*суп сидеть*».

Отметим, что большое количество транскрибированных слов приводит к двум негативным факторам: а) реалии, переданные методом транскрипции, теряют свой первоначальный смысл; б) текст такого перевода бывает перегруженным, обильно насыщенным пояснениями и комментариями, и теряет оригинальность подлинника. Мы придерживаемся мнения, что лучше всего применять транскрипцию с использованием дополнительных средств осмысления.

Описательный способ перевода, по мнению В.Н. Комиссарова [11, с.49], заключается в создании нового слова или словосочетания для характеристики соответствующей реалии с учетом грамматических отношений, существующих в языке. Системность его использования переводчиком способствует передаче максимального объема содержания реалий, содержащихся в тексте художественного произведения. Особенности описатель-

ного перевода кроются в структуре односложных и многосложных слов китайского языка:

1) большинство односложных слов-морфем (字) употребляются не только самостоятельно, но и в составе лексем более высокого уровня; по этой причине они носят название – свободные слова. К ним относятся:

- двусложные слова, обозначающие временные отрезки и состояние погоды: 天候 - *климат*, 白天 – *день*;
- трехсложные слова: 天鵝湖 - *Лебединое озеро*;
- четырехсложные словосочетания: 天壤之別 *tian rang zhi bie* – *отличаться, как небо от земли*;

2) зависимые морфемы китайского языка не имеют самостоятельности употребления в речи, поэтому они встречаются только в составе различных слов – реалий; например, 朋 содержится в слове 朋友 - *друг*;

3) существуют морфемы со связанным значением: они чаще всего входят в состав фразеологических единиц, афоризмов, крылатых выражений.

Знание этих особенностей китайского языка позволяет переводчику более точно перевести текст с русского языка на китайский [12, с. 123].

Использование приблизительного перевода реалий деревенского быта на китайский язык приводит переводчика к постоянному поиску слов-реалий, которые по значению близки к ним, но не тождественны. Приблизительные эквиваленты лексики (аналогами) появляются при описании жизни деревни в советское время, поскольку многие исторические явления деревенской действительности имели место только в России. Например, *председатель сельского совета, автолавка, пятилетний план, колхозник*. Этот способ перевода всегда требует пояснений в комментарии переводчика.

Гипонимический способ перевода используют для установления отношений эквивалентности между реалиями подлинника и словом родового понятия, характерного для китайского языка. Например, в литературных произведениях часто встречается выражение «*деревенская гостиница, трактир*», в китайском языке есть приблизительное по значению слово 酒吧: дословно: *бар*. В данной ситуации переводчик прибегает к приему генерализации: он составляет основу гипонимического перевода [13, с. 250].

Профессор высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова Э.Н. Мишуров рассматривает художественный перевод как метатрансляционный процесс, порождающий третичность текста, ориентированного на конкретного коммуниканта. По мнению автора, главной задачей переводчика служит передача духа переводимого произведения, воспроизведение индивидуально его своеобразия подлинника и способность произвести на читателей того впечатления, которое заложено в авторской позиции (то есть, в оригинале) [1].

В научных исследованиях Е.А. Галькевич выделены следующие способы перевода реалий русской культуры на китайский язык: способ выделения, нейтрализация, объяснение, транскрибирование, введение неологизмов, способ адекватной замены, конкретизация, генерализация, фразеологический перевод.

При использовании способа выделения переводчику достаточно графически выделить реалию в тексте, чтобы привлечь внимание читателей. В русско-китайском переводе текстов, особенно из средств массовой информации, реалии выделяют простым подчеркиванием или другим шрифтом. Реже используется написание реалий латинскими буквами [3, с. 24]. Примером таких реалий выступают исторические имена, события, географические названия: *Сим извещая вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник Емельян Пугачев, учиня непростительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку.* (А.С. Пушкин. «Капитанская дочка»). - SIM 通知你, 逃脱下防护顿河哥萨克人和分裂的 Emelyan Pugachev, ucina 不可饶恕的大胆采取的名死者的皇彼得三世时, 已经组建了一个流氓团伙. (A.S. Pushkin / “

船长的女儿的”。 Фамилии и имена в тексте отражают исторические реалии жизни России, они переданы с использованием латиницы. Этим же способом переданы устаревшие слова-реалии – *сим* (этим), *учиня* (совершил).

При наиболее распространенном средстве перевода – нейтрализации подача реалий происходит путем употребления общеупотребительного слова нейтрального по семантике. Способ перевода – объяснение применяется в самом контексте. Чаще всего объяснение бывает коротким – оно приводится в скобках. Различные пояснения реалий способствуют их точному пониманию, а это, в свою очередь, к восприятию смысловой авторской позиции оригинала. «*Что ты, ведь тут видимо-невидимо всякой нечистой силы жило: в каждом гумне гуменник, в каждом овине овинник.* (Ф. Абрамов «Трава-мурава»). Реалия «овин» в русском быте представляет собой хозяйственную постройку, где сушили снопы перед молотбой. Синонимами служат слова – *рига, гумно*. В процессе перевода используется слово-пояснение 谷仓 : *sarai*.

Транскрибирование русских реалий представляет достаточно сложным процессом по причине выбора иероглифов, сохраняя их фонетический компонент. Введение неологизмов является эффективным способом передачи содержания реалий. Его использование отражает быстрое развитие научно-технического прогресса, информативно-коммуникативных технологий. Активное внедрение неологизмов в процессе перевода тесно связано с внутриязыковыми факторами: стремлением языка к системности, к эмоционально-экспрессивным смыслам новых слов, к дифференциации реалий в области стилистики двух языков.

Способ адекватных замен переводчик использует при работе с фразеологическими единицами, в составе которых находятся слова-реалии, имеющие переносное значение. Использование этого способа приводит к тому, что переводчик отходит от словарных и фразовых соответствий, поскольку решает дидактическую задачу: точно передать идейную направленность и стиль художественного текста. Фразеологический перевод способствует передаче полного или эквивалентного значения фразеологических единиц, то есть, полного соответствия [3, с. 27].

Конкретизация как способ передачи реалий направлен на возможность замены слов, словосочетаний с более широким предметным значением другими лексемами или целыми фразами с более узким значением. Конкретизация в переводе способствует переходу от родового понятия к видовому. Генерализация перевода – это противоположный процесс методу конкретизации: замена реалий с узким лексическим значением словами с более широким или обобщенным значением. Переводчик использует этот способ тогда, когда не находит в китайском языке конкретных понятий.

Доминирующим переводческим способом при передаче реалий из художественных произведений и лексико-тематических групп служит описательный перевод. На наш взгляд, это связано с тем, что данный способ перевода реалий является традиционным, поскольку используется переводчиками при работе с текстами различных жанров. Кроме этого, описательный способ помогает максимально раскрыть денотативное содержание реалии.

В практической деятельности широко используются интегрированные способы. Например, описательный перевод и родовидовая замена, описательный перевод и транскрипция: «борщ» 红菜汤 *hóngcǎitāng*, 罗宋汤 *luósòngtāng*: дословно «красный свекольный суп»; 罗宋 *luósòng* («лосун»): данный способ перевода имеет шанхайский диалект. В дословном переводе: *борш – это «суп по-русски»*.

А.А. Васильева, В.П. Чехордуна выделяют и другие

способы передачи реалий с русского на китайский язык: контекстуальный и способ опущения.

Контекстуальный способ передачи реалий применяется в речевых ситуациях, когда переводчику необходимо передать контекст. Сам способ перевода кроется в замене словарного соответствия контекстуальными словами, логически связанных с ним. Например, в предложении «*Поешь суп с финикум и луковицей лилии*» переводчик заменил реалию китайской национальной кухни на выражение «*Поешь суп*» -吃一些汤.

Способ опущения необходим в том случае, когда переводчик уверен в том, что пропуск определенной реалии не повлияет на смысловое содержание всего текстового отрезка или она не имеет значения для развития дальнейшего сюжета [5, с. 52].

При переводе русских реалий Чжао Сяобин [14] обращает внимание на два языковых фактора, преобладающих в художественных произведениях писателей XIX – начала XX веков:

а) многие слова-реалии, характеризующие быт и обычаи русского народа, являются исконно русскими, однако, в большинстве случаев, они имеют древние корни других славянских языков, *пецька* «печка», *ножолка* «ножовка», *скамика* «скамейка»;

б) некоторые современные слова заимствованного круга, включая реалии, по происхождению греческие, поэтому у них есть международные словообразовательные элементы: *агро, анти, космо, мели, поли, теле, термо – агроном, телевизор*.

Использование писателями исконно русских (в том числе, древне-русских) и заимствованных реалий приводит к использованию дополнительного комментария и пояснения. М.В. Алимova в своих научных исследованиях отмечает, что большинство заимствованных слов-реалий деревни традиционны в переводе и имеют однозначное значение, *чай, шелк, фарфор, цзинь, фэншуй, соя, кетчуп, женьшень, байховый* (о чае) и многие другие [15, с. 48]. Применение в переводческой деятельности иноязычных заимствованных реалий отражает процесс копирования внешней или внутренней структуры соответствующих реалий в китайском языке. Обмен слов между двумя культурами приобретает порой своеобразные формы. Довольно часто слова, заимствованные из русского или китайского языков, возвращаются в язык-источник, однако уже видоизмененные – у четом своеобразия форм и звуков другого языка.

Рассмотрев основные концепции в области перевода реалий русской деревенской жизни на китайский язык, мы можем говорить о том, что при переводе реалий жизни и быта деревни, широко применяемых писателями XIX – начала XX веков, трансформации являются неотъемлемой частью и главным способом для достижения адекватного и эквивалентного перевода. С практической точки зрения художественный перевод является сложным и многогранным процессом, в котором используются всевозможные переводческие трансформации: стилистические, морфологические, синтаксические, семантические, лексические и грамматические. Нами отмечено, что в процессе перевода русских реалий трансформации чаще всего бывают смешанного типа, что характеризует их комплексный характер.

При определении специфики перевода реалий деревенской прозы прозвучала мысль о «теории непереводаемости» (С. Влахов, С. Флорин [16]: большинство исследователей утверждают, что полноценный перевод реалий с русского языка на китайский невозможен из-за значительного расхождения выразительных средств языков. Перевод может стать несовершенным отражением оригинала, у коммуникантов – читателей возникнет лишь отдалённое представление о происходящих исторических событиях, влияющих на быт и культуру русского деревенского народа, на жизнь села (поселка, окраины).

В своем исследовании мы придерживаемся дру-

гой точки зрения, русский язык является достаточным средством для полноценной передачи реалий. Доказательством этого утверждения является современная переводческая деятельность: любое художественное произведение (поэзия или проза) адекватно переводится на китайский язык с сохранением всех стилистических и эмоционально-выразительных особенностей, авторской позиции. При работе с художественным текстом переводчик может встретить заимствованные реалии, ещё не освоенные китайским языком, которые ярко выделяются на фоне исконной лексики. Особое место среди таких заимствований занимают экзотизмы – слова, которые характеризуют специфические особенности жизни русского народа и не употребляются при описании китайской действительности

Практическое применение результатов исследования по характеристике способов перевода реалий из художественных текстов позволит создать прагматически адекватные переводы русской деревенской прозы на китайский язык с учетом лингвистических ограничений. К ним относятся: а) неодинаковая категоризация действительности в русском и китайском языках, что приводит к различию в восприятии языковой картины мира; б) появление этнографических лакун, отражающих реалии носителей языка оригинала и не имеющих соответствий в переводимом языке; в) использование элементов перевода, имеющих неодинаковый потенциал при создании стилистических эффектов: диалектизмов, архаизмов, варваризмов, историзмов, профессиональной лексики, лексики разговорного стиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мишуров Э.Н. О метатрансляционных аспектах художественного перевода / Э.Н. Мишуров // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2010. № 3. – С. 17-26.

2. Сивохо М.И. Прагматические аспекты передачи реалий при переводе художественных произведений с русского языка на арабский / М.И. Сивохо. – М.: Военный институт, 2007. – 180с.

3. Галькевич Е.А. Перевод реалий русской культуры на китайский язык на материале мультфильма «Алеша Попович и Тугарин Змей» / под рук. О.Ю. Ворониной. – Иркутск, 2016. – 58с.

4. Го Фэн, Сюе Хуэй Китайские слова-заимствования в русском языке: Русско-китайские языковые связи и проблемы межцивилизованной коммуникации в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции // отв. ред. Л.Б. Никитина. – Омск: Изд-во ОмГПУ. 2009. – С. 191-197.

5. Васильева А.А., Чехордуна В.П. Способы передачи реалий с китайского языка на русский (на примере кинофильма «Истории старого города») // Социосфера. 2017. №2. – С.50-53

6. Гарбовский Н.К. Перевод как художественное творчество / Н.К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2010. № 3. – С. 4-16.

7. Левый И. Искусство перевода / пер. с чеш. и предисловие В. Россельса. – М.: Прогресс, 1994. – 397с.

8. Виноградов В.С. Введение в переводоведение / В.С. Виноградов. – М.: Изд-во Московского университета, 2001. – 370 с.

9. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А.В. Федоров. – М.: Издательский дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ»; СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. – 300с.

10. Фененко Н.А. Две стратегии перевода реалий / Н.А. Фененко // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. – 121-128.

11. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М.: Издательство «ЭТС», 2012. – 406с.

12. Фененко Н.А. Реалия в контексте интерпретативной теории перевода / Н.А. Фененко // Теоретические и

прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации: сборник научных трудов. – Воронеж, 2008. – С.250-261.

13. Щичко В.Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода: Учебное пособие. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 430с.

14. Чжао Сяобин К вопросу о порядке слов в русском и китайском языках: трансформации при переводе / Чжао Сяобин // Гуманитарный вектор, 2016. Том 11. № 3. – С.120-129.

15. Алимова М.В. Особенности и основные критерии перевода художественного текста / М.В. Алимова // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 2. – С.47-52.

16. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 2006. – 416 с.

Статья поступила в редакцию 12.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 811.512.145

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОВЕСТИ
Н. ГИМАТДИНОВОЙ «БЕР ТАМЧЫ ЯРАТУ» («ОДНА КАПЛЯ ЛЮБВИ»)

© 2018

Вахитова Диляра Касимовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры «Иностранные языки»*Казанский государственный архитектурно-строительный университет
(420043, Россия, Казань, ул. Зеленая, 1, e-mail: dilik15@yandex.ru)*

Аннотация. Проблему инвективной лексики татарского языка следует считать малоизученной. Тем не менее, расширение ареала использования инвективной лексики татарского языка осуществляется не только в бытовом дискурсе, но и в художественной литературе. В связи с этим возникает необходимость анализа данной лексики, ее комплексной оценки в художественной литературе с точки зрения языкознания. В этом заключается актуальность данной темы. Исследовательские задачи и цели были достигнуты на основе повести Н. Гиматдиновой «Бер тамчы ярату» («Одна капля любви»). При написании данной работы были использованы следующие методы научного исследования: дедукция, индукция, анализ литературы по теме исследования, описательный метод. Кроме того, применялись частные методы, а именно: контекстуальный анализ, сплошная выборка, квантитативный анализ. В статье раскрываются основные функции инвектив, использованных в произведении. Выявлено, что инвективная лексика выполняет главным образом три основных функции: метафоры, метонимии, эпитета. В ходе анализа были также обнаружены случаи употребления инвективной лексики в междометной функции. Основываясь на значительном количестве примеров использования инвективной лексики, делается вывод о том, что в произведении «Бер тамчы ярату» («Одна капля любви») инвектива раскрывает национально-специфическую информацию, отражает элементы культуры и истории татарского народа, ментальные особенности. Кроме того, инвективная лексика выполняет конкретную функцию, за счет которой достигается более глубокое раскрытие образов героев произведения, преобразование и максимальное приближение их речи к реальному, естественному потоку.

Ключевые слова: татарский язык, инвективная лексика, метафора, эпитет, заимствование, метонимия, междометная функция.

FUNCTIONING SPECIFICS OF INVECTIVE VOCABULARY IN THE STORY OF N. GIMATDINOVA
“BER TAMCHY YARATU” (“ONE DROP OF LOVE”)

© 2018

Vakhitova Dilyara Kasimovna, candidate of philological sciences, senior teacher
of the department of «Foreign languages»*Kazan State University of Architecture and Engineering
(420043, Russia, Kazan, Zelenaya Str., 1, e-mail: dilik15@yandex.ru)*

Abstract. Invektive vocabulary of the Tatar language is studied insufficiently. Nevertheless, expanding the use range of invektive vocabulary of the Tatar language takes place not only in colloquial communication but also in literature. That's why the need for this lexicon analysis and its comprehensive assessment in literature from the linguistic point of view is extremely important and urgent nowadays. The research tasks and aims have been achieved on the basis of the story of N. Gimatdinova “Ber tamchy yaratu” (“One drop of love”). When writing this work, the following methods of scientific research were used: deduction, induction, analysis of the literature on the research topic, descriptive method. In addition such private methods as a continuous sampling method, contextual analysis, quantitative analysis were applied. The article deals with the functions of invektive vocabulary used in the story. It is found out that the invektive vocabulary in the story has three basic functions: metaphor, epithet and metonymy. In the course of analysis we identified the cases when the invektive vocabulary was used in the function of interjection. Based on the numerous examples of the use of invektive vocabulary and phraseology it is concluded that in the work “Ber tamchy yaratu” (“One drop of love”) invektive vocabulary reveals national specific information, reflects the elements of culture and history of the Tatar people, mental peculiarities. In addition it helps to reveal the characters better and bring their language to the living, colloquial language.

Keywords: Tatar language, invektive vocabulary, metaphor, epithet, borrowing, metonymy, function of interjection.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Использование инвективной лексики в татарской художественной литературе прослеживается во всех исторических периодах. Однако закономерности функционирования инвектив отличаются, к примеру, состав, частотность, преобладание тех или иных тенденций в тематических и семантических особенностях и т.п. могут изменяться в зависимости от исторической эпохи, цели автора, темы его произведения и от множества других факторов. Татарская литература конца XX века характеризуется наличием значительного конгломерата инвективных единиц. Специфика функционирования инвективной лексики, преобладающая в указанном историческом периоде, отчетливо отражается в произведениях Н. Гиматдиновой, татарского народного писателя, творившего в конце XX в. В данной статье проводится подробное исследование функциональных особенностей употребления инвективной лексики в повести «Бер тамчы ярату» («Одна капля любви»).

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Научные исследования, посвященные проблеме инвективной лекси-

ки, представлены главным образом трудами в русском и зарубежном языкознании. Такие российские ученые, как В.И. Жельвис [1], А.А. Леонтьев [2], Ю.Н. Исаев [3], О.П. Королева [4], В.Н. Носова [5], Н.С. Заворотичева [6], Ю.А. Дмитриенко [7] и др. занимались изучением инвективной лексики с позиции различных отраслей лингвистики, а именно: юрислингвистики, психолингвистики, социоллингвистики и т.д. Среди исследований зарубежных инвектологов следует выделить работы Соммер [8], Клер [9], Т. Джей [10] и др. Проблему инвективной лексики татарского языка следует считать малоизученной, так как она затрагивалась только в работах, в которых поднимаются другие проблемы языкознания, например, А.Г. Файзуллиной [11], А.К. Гизатуллиной [12], Г.З. Габбасовой [13] и др.

Российский инвектолог А.А. Леонтьев сформулировал следующее определение инвективной лексики: «это слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске оскорбление личности адресата, интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речью» [2, с.7]. В нашей работе мы опираемся на данное базисное определение.

Формирование целей статьи (постановка задания). В настоящее время прослеживается расширение ареала

употребления инвективной лексики в художественной литературе татарского языка наряду с бытовым дискурсом. Данное явление объясняется социальной причиной, в частности демократизацией общества, что привело к снятию ограничения в употреблении слов. В связи с этим возникает необходимость анализа данной лексики в художественной литературе, ее комплексной оценки с точки зрения языкознания. Цель исследования – провести анализ и выявить особенности употребления инвективной лексики татарского языка в повести татарского писателя конца XX в. Н. Гиматдиновой «Бер тамчы ярату» («Одна капля любви»).

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В повести «Бер тамчы ярату» («Одна капля любви») автор прибегает к использованию обширного спектра инвективных средств, которые выполняют в тексте определенные стилистические функции. Анализ показывает, что в большинстве случаев инвективная лексика и фразеология в повести реализует функцию метафоры. А.Г. Файзуллина выделяет метафоры в качестве преобладающего способа образования инвективных единиц, что «обусловлено наличием в ее структуре также образно-ценностного компонента» [11, с.32]. Инвективная метафора понимается нами как отражение эмоционального отношения к обозначаемому предмету, которое выражено в форме оскорбления в конфликтном речевом взаимодействии.

В основе инвективной метафоры лежит сравнение человека с негативно оцениваемыми объектами со стороны татарского общества и культуры. Следовательно, метафорические обозначения носят ярко-выраженный национально-культурный характер. Благодаря инвективным метафорам в произведении достигается определенный эмоциональный эффект: *Чүпрәк! Жебегән! Ник соң син мине тауга якын жибердең, жебегән?! Тряпка! Размазня! Зачем же ты меня подпустил так близко к горе, размазня?!* [14, с. 7].

Инвективная метафора, направленная на отражение отрицательных качеств человека и его поступков, часто сравнивает их с характеристиками представителей животного мира. Зарубежный исследователь Лоуренс утверждает, что «ни одна область не дает такое яркое выражение символических представлений; символика посредством использования животных является исключительной, многочисленной и постоянной» [15, с.301]. Мы разделяем точку зрения ученого относительно функциональной значимости инвектив-зоонимов, учитывая, что в татарском языке данная группа инвектив весьма многочисленна, что подтверждается многочисленными примерами из данного произведения. Они активно используются Н. Гиматдиновой с целью выражения крайнего отрицательного отношения к объекту коммуникации.

В инвективной номинации человека наиболее часто отражаются названия домашних животных и птиц:

1) *сарык* ‘баран’: *«Кабахат, туң кучән, сарык» дип сүксәң дә – ачуланмыйм.* ‘Я не рассержусь, даже если ты назовешь меня подлецом, тупой кочерьяжкой, бараном’ [14, с.37];

2) *үгез* ‘бык’: *Имгәтәсең бит, котырған үгез!* ‘Ты же покалечишь меня, бешеный бык!’ [14, с.121];

3) *эт* ‘собака’: *Төш, эт җән!* ‘Слезай, собачья душонка!’ [14, с.153];

4) *дуңгыз* ‘свинья’: *Арба тартып килергә иде, сасы дуңгыз!* ‘Надо было телегу притащить, свинья вонючая!’ [14, с.260];

5) *ишәк* ‘осел’: *Ник үкерәсең, ишәк!* ‘Ты чего ревешь, осел!’ [14, с.189];

6) *мәче* ‘кот’: *Әй, тиәтер мәчесе, ач!* ‘Эй, театральный кот, открывай!’ [14, с.200];

7) *тавык* ‘курица’: *Тай моннан, базар тавыгы!* ‘Вали отсюда, базарная курица!’ [14, с.240].

Кроме того, были обнаружены и случаи использования наименований диких животных и птиц, а также на-

секомых для негативной номинации человека:

1) *саескан* ‘сорока’: *Чыркылдатма, саескан!* ‘Не визжи, сорока!’ [14, с.14];

2) *карга* ‘ворона’: *Теге имгәкне күмен үк кайтышың мәллә, аксак карга?* ‘Неужели ты похоронил того бедолагу, хромая ворона?’ [14, с.67];

3) *көзән* ‘хорек’: *Мин сине үтерәм, сасы көзән!* ‘Я тебя убью, хорек вонючий!’ [14, с.58];

4) *тычкан* ‘мышь’: *Сукыр тычкан!* ‘Слепая мышь!’ [14, с.263];

5) *елан* ‘змея’: *Ләкин, үпкәләмәсә дә, чая кыз – кара елан, йөрәккә каты чыкты...* ‘Даже если не обиделась, бойкая девчонка – черная змея, ранила в самое сердце...’ [14, с.67];

6) *бака* ‘лягушка’: *Ирләрең сөйми сине, баз бакасы!* ‘Мужики твои тебя не любят, лягушку из погреба!’ [14, с.240];

7) *үрмәкүч* ‘паук’: *Ул сине юри Илһамга куган, алдан ук хайлә җәтмәсе корган, үрмәкүч!* ‘Он тебя специально к Ильхаму отправил, он заранее свою уловку придумал, паук!’ [14, с.117].

Помимо использования конкретных названий животных и птиц, в повести используются и общее название *хайван* ‘скотина, животное’. Данная инвектива может обозначать совершенно любой человеческий недостаток в зависимости от контекста и коммуникативной ситуации: *Син үзең бик әйбәт кеше, ну бу ике аяклы хайваның... хайваның – кабахат!* ‘Ты сама очень хороший человек, но твое двуногое животное... животное – подлец!’; *Хайван, ничәнче көн арагы лыкынасың? Шешәңне кочаклап урагда кун, хайван!* ‘Скотина, сколько дней ты уже водку жрешь? Ночуй на улице в обнимку со своей бутылкой, скотина!’ [14, с.107, 199] и др.

Значительное количество сравнений человека с представителями животного мира свидетельствует о том, что татарский народ таким образом стремится избегать obscene лексикону.

Другим способом пополнения языка новыми инвективными значениями, является метонимия. Согласно анализу метонимия также достаточно широко представлена среди инвектив. Для обозначения отрицательной характеристики человека при метонимическом переносе достаточно часто используются части тела человека:

1. Значительный пласт инвектив содержит элемент *баш* ‘голова’, и в сочетании с определенным интенсификатором может обозначать разные негативные человеческие характеристики: *Апайга бәйләнмә, акбаш!* ‘Не приставай к сестре, старик (букв. белая голова)!’; *Ир кайгысы икән синдә, ә мин – кибәк баш...* ‘Ты оказываешь за мужа переживаешь, а я – мякинная голова...’; *Нишли ул, җүләр баш?* ‘Что он делает, бестолковая голова?’ [14, с.41, 111, 256].

2. *Колак* ‘ухо’: *Нәстә тыңланасың, шалкан колак!* ‘Чего ты прислушиваешься, реповое ухо!’ [14, с.89].

3. *Чәч* ‘волосы’: *Нәрсә ыржасың, марҗа чәч!* ‘Чего ржешь, лохматая (букв. волосы Марии)!’ [14, с.67]. Отметим, что инвектива *марҗа чәч* отражает национально-культурную специфику татарского народа, в частности, она характеризует человека по национальному принципу. Слово *марҗа* первоначально обозначало имя Мария, также имело значение ‘русская женщина’.

В повести Н. Гиматдинова прибегает к использованию воктива *тәре* (букв. крест) в функции инвективы, которая также подчеркивает этнокультурные особенности татар. В повести данная инвектива усиливает инвективность в сочетании со словом-конкретизатором: *Зәридәне, дим, кызыңны, Мыжык тәре!* ‘Я говорю о Зариде, твоей дочери, ворчун проклятый (букв. крест)!’ [14, с.122].

В ходе анализа было выявлено, что эпитет также широко представлен среди инвектив, используемых в повести. В данной функции наиболее употребительными являются такие инвективы, как *мәнсез* ‘бестолковый’, *юләр* ‘дурачок’, *юньсез* ‘негодный, непутевый’, *тиле*,

аңгыра 'глупый', оятсыз 'бессовестный', магънаsez 'бестолковый' и др.: *Ник миңа тагылдың, жүнсез?! 'Ты что ко мне привязался, непутевый?!'; Уян, магънаsez! 'Просыпайся, бестолковый!'; Ана, диген, мәнsez! 'Назови ее сестра, бестолковый!'; Һэй, аңгыра! 'Эй, глупец!'; Нилыгырдысың син, тиле хатын! 'Что ты мелишь, глупая женщина!'; Оятсыз, жирбит! 'Бессовестный, бесстыдник (букв. земляное лицо)!' [14, с.184, 59, 68, 131, 263, 253] и др.*

Проведенный анализ свидетельствует о наличии еще одной обширной группы инвектив – заимствований. Следует отметить, что инвективы заимствовались из русского языка: *зараза, дурочка, курица* и др. По нашему мнению, писатель прибегает к использованию такого ряда инвективных заимствований для придания большей эмоциональности ситуации, будто заимствованные инвективы неосознанно произносятся персонажами под влиянием сильного эмоционального напряжения, в результате им крайне сложно подобрать нужные слова на татарском языке: *Синнән сорамыйлар, курица! 'У тебя не спрашивают, курица!'; Вот дурочка. Калып что сдлаешь, дурочка! 'Вот дурочка. Оставшись, что поделаешь, дурочка!'; «Әйтмим» дигән иде бит, вот зараза хатын... 'Она же говорила, что не скажет, вот зараза-женщина...'; Ул бездә ни пычагыма надо была, глупый мальчик! 'На кой черт нам это надо было, глупый мальчик!' [14, с.209, 165, 131, 163]. Интересным представляется пример татарской инвективы с окончанием *-ка*, заимствованным из русского языка. Данное окончание придает пренебрежительный оттенок объекту речи: *Син безнең сәмияда жан көеге идең, малайка! 'В нашей семье ты была обузой, мальчишка!' [14, с.165].**

Согласно результатам нашего анализа было установлено, что употребление инвективной лексики может осуществляться не только в конфликтном речевом взаимодействии в функции оскорбления, но и в уменьшительно-ласкательной функции, что предполагает отсутствие агрессивных эмоций со стороны коммуниканта. Инвектива в указанной функции не используется в своей основной функции, в связи с этим не воспринимается как оскорбление: *Ярар, тилекәем, кайгырма, күрәләтә үтермәм, чарасын күрербез... 'Ладно, глупышка, не переживай, не дам умереть, найдем способ...' [14, с.108] и др.*

В произведении значительный ряд инвектив используется в функции междометия. Данная функция не предполагает наличие адресата. В ходе анализа было выявлено, что в этой функции употребляются главным образом проклятия: *Их, корт чаккыры, ничекләр ялгыштым соң! 'Эх, черт возьми (букв. чтоб пчела ужалила), как же я ошибся!'; Каһәр суккыры, чылбырдан ычкынган Алмаз әйләнеп кайтмады. 'Проклятие (букв. чтоб настигло, ударило наказание), сорвавшийся с цепи Алмаз обратно не вернулся'; Ну катырак бәгырьле, шайтан алгыры. 'Ну он немного бессердечный, черт возьми' [14, с.69, 261, 196].*

В определенной степени инвектива также отражает художественное мастерство и стиль писателя, глубину языкового чутья.

Следует подчеркнуть, что инвективная лексика в повести применяется только в речи героев с целью максимального приближения к естественной интеракции, придания речи большей эмоциональности и экспрессивности, в результате чего повесть приобретает более яркий колорит, а образы персонажей – большую живость и глубину.

Нами не были обнаружены случаи употребления инвективной лексики в речи автора, иначе возникла бы проблема в разграничении художественного стиля от разговорного.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, многочисленные примеры использования инвективной лексики и фразеологии приводят к выводу о том, что в пове-

сти «Бер тамчы ярату» («Одна капля любви») инвектива раскрывает национально-специфическую информацию, отражает элементы культуры и истории татарского народа, ментальные особенности. Кроме того, инвективная лексика осуществляет конкретную функцию, за счет которой достигается более глубокое раскрытие образов героев произведения, преобразование и максимальное приближение их речи к реальному, естественному потоку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Жельвис В.И. Грубость: проблема классификации лексики // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспект): Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович. – Москва-Кострома, 2008. – С. 71-76.
2. Леонтьев А.А., Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Сорокин Ю.А. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / А.А. Леонтьев и др. – М.: Фонд защиты гласности, 1997. – 128 с.
3. Исаев Ю.Н. Чувашские эмотивные антропосемизмы / Ю.Н. Исаев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – 157 с.
4. Королёва О.П. Прагматика инвективного общения в англоязычном социуме: на материале британского ареала: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.П. Королёва. – Нижний Новгород, 2002. – 22 с.
5. Носова В.Н. Французская инвективная лексика в прагмалингвистическом и коммуникативно-дискурсивном аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / В.Н. Носова. – Воронеж, 2011. – 24 с.
6. Заворотичева Н.С. Инвективы в современной разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н.С. Заворотичева. – Москва, 2010. – 26 с.
7. Дмитриенко Г.В. Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Г.В. Дмитриенко. – Пенза, 2007. – 17 с.
8. Sommer R., Sommer B. Zoomorphy: Animal Metaphors for Human Personality. *Anthrozoös* DOI, 2011, vol. 24, no. 3, pp. 237–248.
9. Claire E. *Dangerous English* / E. Claire. – Santa Rosa, 2000. – 200 p.
10. Jay T. *Cursing in America. A psycholinguistic study of dirty language in the courts, in the movies, in the schoolyards and on the streets* / T. Jay. – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1992. – 273 p.
11. Файзуллина А.Г. Инвективы-композицы в системно-функциональном аспекте: на материале немецкого, русского и татарского языков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / А.Г. Файзуллина – Чебоксары, 2009. – 45 с.
12. Гизатуллина А.К. Эмотивные предложения с сокращенной синтаксической структурой (в татарском и французском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.К. Гизатуллина. – Казань, 2001. – 26 с.
13. Габбасова Г.З. Средства выражения экспрессивности в татарском литературном языке (на материале имен существительных и прилагательных): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Г.З. Габбасова. – Уфа, 2002. – 26 с.
14. Гыйматдинова Н. Бер тамчы ярату: Повестьлар, хикәяләр / Н. Гыйматдинова. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2006. – 351 б.
15. Lawrence E. The sacred bee, the filthy pig, and the bat out of hell. *Animal symbolism as cognitive biophilia. The Biophilia Hypothesis*, 1993, pp. 301–340.
16. Татарско-русский словарь. В 2-х т. Т.1 (А-Л). – Казань: Алма-Лит, 2007. – 726 с.
17. Татарско-русский словарь. В 2-х т. Т.2 (М-Я). – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.
18. Әхәтов Г.Х. Татар теленә фразеологик әйтмәләр сүзлегә / Г.Х. Әхәтов. – Казан: Тат. кит. нәшр.,

1982. – 176 б.

19. Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеген.
Ике томда. Т.1. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. – 495 б.

20. Татар теленең аңлатмалы сүзлеген. – Казан:
«Матбугат йорты» нәшр., 2005. – 848 б.

Статья поступила в редакцию 18.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

**ОЦЕНОЧНОСТЬ И ЭМОТИВНОСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В СОСТАВЕ
АТРИБУТИВНОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ
(на материале англоязычных медиатекстов жанра "features")**

© 2018

Морозова Алевтина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой
английского языка и методики преподавания иностранных языков
Власова Людмила Ильинична, старший преподаватель кафедры английского языка
и методики преподавания иностранных языков
Самарский государственный социально-педагогический университет
(443099, Россия, Самара, улица М. Горького 65/67, e-mail: vlasova.lyudmila@pgsga.ru)

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросу о реализации оценочности и эмотивности в атрибутивных словосочетаниях с адъективными и адвербиальными определениями. Несмотря на то, что понятиям оценки, оценочности и эмотивности посвящена обширная литература, вопрос о соотношении этих лингвистических категорий нельзя считать полностью раскрытым. Актуальность избранной темы объясняется также необходимостью описания оценочности и эмотивности с учетом функционально-стилевой принадлежности текста. Наличие или отсутствие оценочно-экспрессивной характеристики является важнейшим категориальным признаком атрибутивного словосочетания, избранного в качестве объекта исследования. Материалом исследования послужили англоязычные медиатексты жанра "features", для которого характерно выражение отношения говорящего к происходящему в терминах «хорошо/плохо» и эмоциональной реакции на какой-либо факт или событие. Ключевым в данной работе становится термин «коннотация», охватывающий всю совокупность экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов, свойственных номинативной единице. Приняв за точку отсчета нейтральные в плане эмоционально-экспрессивно-оценочных обертонов лексемы, авторы рассматривают материал англоязычных медиатекстов жанра "features" с позиции дихотомии оценочность / эмоциональность, сравнительная / абсолютная оценка, мелиоративная / пейоративная коннотация, оценочность и дескриптивность, оценочность и интенсивность. Сделанные в ходе анализа атрибутивных словосочетаний выводы свидетельствуют о тенденции к преувеличению мелиоративной оценки и зависимости этого свойства от степени эмотивности прилагательного; о наличии связи между степенью выраженности у прилагательного дескриптивного компонента и характером оценки; о значительной, по сравнению с наречием, функциональной нагрузке и высокой частотности слов на -ly как интенсификаторов оценки.

Ключевые слова: Атрибутивное словосочетание, прилагательное, наречие, коннотация, сравнительная оценка, абсолютная оценка, оценочность, эмотивность, дескриптивность, интенсивность, интенсификатор, мелиоративная коннотация, пейоративная коннотация, преувеличение, медиатекст, жанр.

**EVALUATIVE AND EMOTIVE CONNOTATIONS OF THE ADJUNCT
IN ATTRIBUTIVE WORD-COMBINATIONS
(based on a study of 'feature' articles taken from British and American newspapers)**

© 2018

Morozova Alevtina Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair
of the English Language and EFL Teaching Methodology Department
Vlasova Lyudmila Ilinichna, Senior Lecturer, Chair of the English Language
and EFL Teaching Methodology Department
Samara State University of Social Sciences and Education
(443099, Russia, Samara, M. Gorky Street 65/67, e-mail: vlasova.lyudmila@pgsga.ru)

Abstract. Although much research work has already been done in the field of evaluation and emotivity, these linguistic categories have not received all the attention they deserve. Among the aspects that may be considered of theoretical and practical importance are: the interrelationship between the two categories, the metalanguage used to describe and define various aspect of connotation, and the dependence of connotative features of nominative units on functional-stylistic peculiarities of the text. Of special importance in this respect is connotation as an integral semantic component of the adjunct in attributive word-combinations. In this paper adjectival and adverbial elements of attributive word combinations are analyzed in terms of the following oppositions: evaluative/emotive overtones, evaluation/intensification, evaluation/description, meliorative / pejorative connotation. Having analyzed English 'feature' articles, the authors come to the conclusion that in this genre of mass media adjectives in attributive word combinations display a strong tendency towards overstatement of positive connotation, and the degree of connotation is related to the absence / presence of descriptive components in the inner (semantic) structure of the word. Overstatement of positive connotation is also typical of words which perform intensifying function. Most frequent among them are poly-functional words in '-ly', which are characterized by a semantic diversity.

Keywords: Evaluation, emotivity, intensification, description, nominative units, connotation, functional-stylistic, adjunct, attributive word-combination, meliorative connotation, pejorative connotation, 'feature' articles, mass media, adjective, semantic structure of the word, overstatement, poly-functional words.

Как известно, наличие или отсутствие эмоционально-оценочно-экспрессивных обертонов является одним из важнейших категориальных признаков атрибутивного словосочетания. Несмотря на значительное число работ, посвященных этому объекту лингвистического изучения, актуальным остается вопрос о специфике проявления оценочности и эмотивности как в отдельных функциональных стилях, так и в разных жанрах определенного стиля речи. Безусловный интерес в этом плане представляют медиатексты жанра "features". Освещая значимые для повседневной жизни факты и события, такого рода тексты неизменно отражают отношение человека к происходящему в терминах «хорошо / плохо» и его эмоциональную реакцию на оцениваемый факт или событие.

Поскольку понятийно-терминологический аппарат описания оценочности и эмотивности в работах разных исследователей отличается вариативностью и, нередко, противоречивостью, целесообразно уточнить вопрос о соотношении метаязыковых единиц, используемых в отношении рассматриваемых понятий.

Прежде всего, отметим, что оценочность как лексико-семантическая категория традиционно рассматривается в единстве с категорией оценки (Безрукова В.В. [1], Гилёва А.В. [2], Марьянчик В.А. [3], Морозова А.Н. и Покалюхин С.Ю. [4], Чернявская Е.А. [5], Шингарова С.Д. [6], Яхина А.М. [7]).

Определения термина, предлагаемые современными авторами, акцентируют внимание на субъекте и объекте оценки. Оценка интерпретируется как «непосредствен-

ная или опосредованная реакция говорящего (субъекта) на наблюдаемые, воображаемые, воспринимаемые органами чувств действия, признаки, признаки признаков реальных объектов, объектов внутреннего и внешнего мира говорящего» [8]; как «компонент, который можно выделить в сложном взаимодействии субъекта оценки и ее объекта, и который подразумевает отношение (хорошо/плохо) субъекта к объекту» [9]. Суждения по поводу оценки существенно не различаются, за исключением отдельных поправок, например, высказываемого мнения о некорректности выделения категории оценки на основании того, что субъект речи, который выражает оценку, уже является «включенным в другую глобальную категорию: участника коммуникативного акта» [10].

Если «оценка» предполагает выражение отношения субъекта речи к объекту действия, наделение объекта положительными или отрицательными свойствами, то «оценочность» рассматривается как компонент лексического значения слова, закрепленная в значении слова информация о положительном или отрицательном отношении участника коммуникации к обозначаемому предмету или явлению. Иначе говоря, имеется в виду один из элементов коннотации, дополнительные по отношению к денотативному компоненту значения экспрессивно-эмоционально-оценочные обертоны. Таким образом, разграничивая оценку и оценочность, авторы базируются на противопоставлении понятийного и лексико-семантического аспектов значения слова. Такого противопоставления не наблюдается в определении, предложенном в Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой, где оценка трактуется как «суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.п., — как одна из основных частей стилистической коннотации» [11, С. 294]. Не выделяя оценочность как отдельное от оценки явление, автор в соответствующей словарной статье приводит ряд терминов, отражающих тесную взаимосвязь между оценкой, экспрессивностью и эмоциональностью, т.е. теми компонентами лексического значения, которые составляют содержание понятия «коннотация».

В целом трактовку термина «коннотация» можно считать однозначной, несмотря на различия в используемом метаязыке («сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые ... служат для выражения ... экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов» [11, С. 198], «семантическое изменение значения, включающее в себя совокупность семантических чувств, представления о знаке, лексическом понятии или о некоторых свойствах и качествах объектов, для обозначения которых употребляется данное словозначение» [12, с.108] и др.). Расхождения наблюдаются в отношении вопроса о том, какие компоненты включает в себя коннотация. Например, одни ученые выделяют в структуре коннотации эмоционально – оценочную, эмоционально – экспрессивную, эмоционально - образную, эмоционально – систематическую составляющие (Малинович Ю. М.), другие - эмоциональную (эмотивную), оценочную, экспрессивную и стилистическую (функционально-стилистическую) составляющие (Арнольд И. В., Арутюнова Н. Д., Стернин И.А., Филиппов А. В.).

Практически все исследователи полагают, что оценочность, эмоциональность, эмотивность, экспрессивность являются тесно связанными понятиями. Отмечается, что оценочный компонент неразделим от эмотивного, экспрессивного компонентов и может быть эмоционально-оценочным [13]; «эмоциональная оценка, как правило, бывает экспрессивной» [14]; «эмотивный компонент всегда имеет оценочный знак» [15]. Поскольку оценочный и эмоциональный (эмотивный) компоненты сложно разграничить, целесообразным представляется использование термина «эмоционально-оценочные характеристики слова». Под эмоциональностью понимается закрепленная в лексическом значении слова информация об эмоциональном отношении участ-

ника коммуникации к обозначаемому предмету или явлению. О тесной взаимосвязи компонентов коннотации свидетельствует определение эмотивности / эмоциональности, в Словаре лингвистических терминов: «выражение чувств, настроений, субъективного отношения» [11, С.516].

При том, что коннотация не поддается четкой и однозначной структуризации, целесообразно, на наш взгляд, рассматривать средства ее выражения с учетом дихотомии «оценочность» / «эмотивность», поскольку оценочность может быть выражена языковыми средствами, лишенными эмоционально-экспрессивных обертонов или, наоборот, насыщенными экспрессией и эмоциональной окрашенностью. Эта идея находит обоснование, в частности, в работе Е.М. Вольф, которая подчеркивает градуированный характер семантического комплекса «хорошо / плохо», требующий рассмотрения материала с учетом степени аффективности и интенсификации признаков [14, С.42-44.] Необходимость представлять материал в виде определенной последовательности единиц, расположенных как бы между двумя «полюсами» (немаркированный член и маркированность, проявляющаяся в значительной экспрессии и эмоциональности), утверждается в работах, посвященных коннотативности как лексико-фразеологической категории (Герминасова [16, С. 430-431]).

В настоящей статье обобщаются результаты исследования, посвященного вопросу о реализации оценочности и эмотивности в атрибутивных словосочетаниях с адъективными и адвербиальными определениями. В качестве материала использованы медиатексты жанра “features” британских и американских изданий качественной прессы (The Guardian, The Daily Telegraph, The New York Times, The Washington Post), из которых методом сплошной выборки выделены 520 атрибутивных словосочетания с оценочными определениями.

При анализе определений в плане коннотативных свойств, направленных в сторону положительной и отрицательной оценки (– ----- «плохо» / «хорошо» ----- ++), за «точку отсчета» приняты лексические единицы “good” и “bad”. Определяя соответствие того или иного предмета определённому стандарту (“of a high standard or quality / low in quality or below an acceptable standard” [17]), эти лексемы являются нейтральными в плане эмоционально-экспрессивно-оценочных обертонов: *good kick / family / old-fashioned book / thing/ procrastinator – bad thing / date / decision / relationship / temper / divorce / week /, experts* и т.д.

Высокой частотностью отличаются формы выражения этими прилагательными сравнительной оценки: *a better place / job / understanding/ relationships; the best first date / thing / award / therapy – a worse time; the worst offender / case / ways / excesses / witnesses*. В исследуемом материале частотность *good, better, the best* представлена в соотношении 7:3:6, где прилагательное *good* и его превосходная степень *the best* выступают как наиболее часто используемые при оценке того или иного предмета или явления, в то время как частотность прилагательного *bad*, его сравнительной формы *worst* и превосходной *the worst* соотносятся как 5:1:2. В качестве наиболее частотных (клишированных) словосочетаний выступают *the best friend* и *a bad decision*. Отметим также высокую частотность словосочетаний, в которых фигурируют формы превосходной степени обоих членов дихотомии «хороший / плохой»: *a list of my five best and worst moments, five of the best and worst parts of our day*.

Таким образом, *good* и *bad* существенно различаются в плане соотношения абсолютной и сравнительной оценки. Для первого из членов оппозиции «хорошо / плохо» выражение абсолютной оценки не характерно: число примеров с определением *good* в четыре раза меньше числа форм сравнительной и превосходной степени. Что касается второго члена оппозиции, то для него, напротив, характерно выражение абсолютной оценки: приме-

ры сравнительной формы единичны, а число примеров превосходной степени более чем в два раза меньше по сравнению с *worst*. Количественные данные, таким образом, свидетельствуют о явно выраженной тенденции к преувеличению (*overstatement*) в отношении выражения мелиоративной коннотации и преуменьшению (*understatement*) в отношении пейоративной коннотации.

Данная тенденция прослеживается и в общем количестве словосочетаний, включающих *good, better, best*, с одной стороны, и *bad, worse, worst*, с другой (3:1). В этом плане наблюдается существенное их отличие от прилагательных, которые близки к *good/bad* по лексическому значению и отсутствию у них эмотивного компонента (*nice, decent, positive, proper, fine / tough, wrong, poor, naughty, painful*), и в словаре толковании которых содержится значение, передаваемое лексическими единицами “*good*” и “*bad*”. Анализ показал, что число определений с мелиоративной (положительной) коннотацией и с пейоративной (отрицательной) коннотацией примерно одинаково. В приведенных ниже примерах словосочетания расположены в порядке убывания частотности прилагательных. Прилагательные, семантически близкие к ЛЕ “*good*”: *nice girl/ boy/ dinners/ label/ hair/ gig/ email/ woman/ thing; decent fight / TV program/ questions/ sleep/ name; positive side/ songs/ power/ reaction/ way/ place/ effects . person; fine line/ day/ men/ balance; proper significance/ decisions / thing; kind friend; pleasant conversation*. Прилагательные, семантически близкие к ЛЕ “*bad*”: *tough friendship/ years/ times/ / tenant/ exterior/ decision; wrong person/ way/ turn/ side/ response/ thing; poor communication/ health/ state/ little fool/ clerk; naughty chair/ minx / jokes; painful feeling/ breakup/ series of dating disasters; miserable lout*.

Перейдем теперь к рассмотрению лексических единиц, находящихся на двух полюсах «цепочки» речупотреблений (– ----- «плохо» / «хорошо» ----- +) и демонстрирующих «экстремальные» возможности проявления эмотивности при оценке объекта. Количественный анализ прилагательных, у которых маркированность выражена особенно ярко, свидетельствует о том, что число примеров с мелиоративной оценкой более чем в четыре раза превышает количество примеров с пейоративной оценкой. Таким образом, преобладание позитивной оценки над негативной здесь проявляется в еще большей, по сравнению с прилагательными, немаркированными в плане эмотивности, степени. Наиболее частотны словосочетания с прилагательным *great* (“*very good, enjoyable or attractive*): a *great* life/ deal/ stigma/ irony/ joy/ motivator/ advantages/ idea/ moment/ friend, etc. В нижеследующем списке прилагательные с максимально выраженной коннотативностью расположены в порядке убывания частотности:

- perfect (“*as good as possible, or the best of its kind*”): the most *perfect* day, *perfect* house/ relationships/ work/ edition/ wives/ housewives/ conditions/ teacher/ recipe/ house/ friends/ kids/ life/ fit/ age/ newspaper/ people;
- wonderful (“*very good / making you feel very happy*”): a *wonderful* man/ romance/ behavior/ companion/ names/ thing/adults/ details, etc.;
- lovely (“*very pleasant, enjoyable, or good*”): a *lovely* place/ day/ people/ woman/ Mum/ names/ summer, two *lovely* children, etc.;
- beautiful (“*very good or giving you great pleasure*”): a *beautiful* day/ watercolors/ canyons/ doctor/ statues/girls, etc.;
- brilliant (“*very good / very successful*”): *brilliant* parents/ television/writing, this *brilliant* plan, etc.;
- magnificent (“*very good or beautiful, and very impressive*”): the *magnificent* Waterford vase, my *magnificent* Sarah Lund sweater.
- excellent (“*extremely good or of very high quality*”): *excellent* sense/ job/ chances;
- magic (“*very good or very enjoyable*”): a *magic* trick/ show, etc.

Как уже было отмечено, количество прилагательных, обладающих отрицательной коннотацией, в четыре раза меньше тех, которые выражают позитивную оценку. Кроме того, можно заметить, что в составе прилагательных с отрицательной оценкой гораздо больше доля тех единиц, которые сочетают в своей семантике оценочные и дескриптивные смыслы. Преимущественно оценочный смысл отличает такие определения, как *terrible* (*extremely severe in a way that causes harm or damage*), *awful* (*very bad or unpleasant*), *nasty* (*extremely unkind and unpleasant*), *unkind* (*nasty, unpleasant, or cruel: really terrible parent, terrible twos/ end/ feminist/ shape/ feeling/ overpraiser; truly awful situation, awful possibilities; nasty taste/ bout/threat; unkind comments*). В семантике других определений достаточно четко выделяется дескриптивный компонент: *stupid* (*showing a lack of good sense or good judgment*), *rude* (*speaking or behaving in a way that is not polite and is likely to offend or annoy people*), *harsh* (*severe, cruel, or unkind*), *selfish* (*caring only about yourself and not about other people - used to show disapproval*): *stupid stuff/ dog/ pet/ anti-ageing cream; rude health; harsh verbal discipline; selfish world; grumpy waitress*.

Уже из приведенных приемов видно, что эмоционально-оценочные коннотации прилагательного могут усиливаться за счет включения в структуру сочетания наречия (*a really terrible parent, a truly awful situation*). В составе адъективно-адвербиального словосочетания, возникающего в результате синтаксического процесса усложнения структуры Adj + N, качественное наречие передает степень выраженности определенного признака и характеризует предмет в описательно-эмоциональном плане. Таким образом, в семантические признаки словосочетания, помимо эмоциональности и оценочности, включается интенсивность, т.е. усиление коннотации.

Наречия, выступающие в качестве эксплицитных средств усиления, принято называть интенсификаторами (*intensive qualifiers*), функциональными словами степени (*functional words of degree*), наречиями степени (*degree adverbs*). Семантическое разнообразие этого лексического пласта находит отражение в различных классификациях. Основным принципом деления наречий на классы является степень наличия качества, выраженно прилагательным, на условной шкале градаций – от наибольшей до наименьшей. Выделяемые группы определяются как амплификаторы (*very, completely, greatly*) и даунтонеры (*rather, only, quite*) [18, С. 445], как интенсификаторы и даунтонеры [19, С. 209]. Более детальное описание предлагает Р. Кверк и С. Гринбаум [20, с. 195], выделяющие в составе интенсификаторов следующие группы:

- 1) выделители (*emphasizers*);
- 2) усилители (*intensifiers*):
 - наречия, имеющие суффикс –*ly*, обладающие свойством полифункциональности
 - наречия, у которых отсутствует суффикс –*ly*,
- 3) уменьшители (*downtoners*):
 - компромайзеры (*compromisers*),
 - диминишеры (*diminishers*),
 - минимайзеры (*minimizers*),
 - аппроксиматоры (*approximators*).

Как видно из этого списка, в составе усилителей отдельно выделяются слова с суффиксом –*ly*. Такое деление прослеживается и в работе Ч.К. Фриза, разграничивающего слова, оканчивающиеся на –*ly* (*absolutely, considerably, especially, fairly*) и слова, не имеющие этого окончания (*almost, much, quite, so, few, somewhat*) [21].

Помимо параметра «усиление / уменьшение степени выраженности признака» интенсификаторы дифференцируются в зависимости от того, реализуют они собственное лексическое значение или же выполняют лишь усилительную функцию. В качестве примеров последних Ч.К. Фриз приводит, помимо “*very*”, такие слова как *pretty, right, real, dead, precious*. В отечественной линг-

вистике для обозначения двух групп наречий предлагаются термины «интенсификатор» и «интенсив» (интенсификат). Интенсификаторы практически полностью утрачивают свое собственное семантическое значение и меняют свои грамматические функции (*very beautiful*), выполняя при этом лишь усилительную функцию. Интенсивы сохраняют свой статус части речи и свое семантическое значение (*gorgeous*), при этом также интенсифицируют высказывание [22, С.151]. Как отмечает К.М. Суворина, интенсификаторы представляют собой функциональные слова, поскольку лишены конкретного предметно-логического значения, и лишь выражают большую по сравнению с нормой степень признака, обозначенного знаменательным словом [23, С. 7]. Детальная классификация интенсификаторов представлена в работе В.В. Безруковой, где наречия классифицируются 1) по степени грамматикализации, 2) по степени усиления значения, 3) по тому, какой компонент, или какая связь ключевого слова усиливается, 4) по морфологической структуре [24, С. 67-74].

В анализируемом материале среди усилителей преобладают слова на –ly, т.е. единицы, представляющие собой лексические синтагмы. Используя термин «слово –ly», мы, вслед за Н.Б. Гвишиани, исходим из их полифункциональности, т.е. способности выступать в функции обстоятельства или определения (прилагательного или приаждективного) [Н.Б. Гвишиани, с.26]. Наиболее частотными в анализируемом материале оказываются слова “completely”, “truly”, “really” (*a completely new start, completely safe place, a truly fantastic story, truly worth celebrating, a really lovely day/ terrible parent/ big crowd/ unpredictable mood*). Данные единицы проявляют характерную для слов на –ly тенденцию к редуцированию лексического значения вследствие его подчиненности прилагательному интенсиву. Это свойство прослеживается и в таких словосочетаниях, как *an incredibly gentle soul; totally different reason*, где интенсификация сочетается с эмотивностью. Что касается слов, в которых не утрачен дескриптивный компонент семантики (*charmingly goofy emoticons, surprisingly rare usage*), то здесь на первый план выходит именно эмотивность, а не интенсификация. Заметим, что и для тех, и для других свойственно усиление коннотативных свойств за счет обывывания внутренней и внешней стороны слова (Ср.: *perfectly unperfect partner* и *an infinitely renewable formula*).

Что же касается собственно наречий, слов, не относящихся к лексической синтагматике (*pretty useful exercise/ dull life; a much bigger stage/ older men/ shorter marriage/ better place; rather boring story, almost every day*), то их число в два раза меньше, чем слов на –ly. Наиболее частотными единицами являются “very” и “pretty”, причем для этих наречий характерна реализация в составе разнообразных синтаксических структур: D+A+N (*a very different boy/ short space/ hard work/ different people/ polite guy; a pretty good date*); D+A+A+N (*very few proper decisions, a pretty typical suburban family*); A+D+A+Q+N (*another pretty healthy 20 years*).

Уменьшители представлены ограниченным числом наречий, которые при этом являются немаркированными в плане категории коннотативности. Приведенные ниже примеры уменьшителей представлены в порядке возрастания частотности:

- минимайзеры: *a bit old lady/ different way*;
- аппроксиматоры: *almost every day, as good as new life, nearly every day/ impossible thing*;
- компромайзеры: *quite standard job/ famous person, kind of desperate fun/ lost touch/ sexual offence/ reverse detective story, sort of concave mark*;
- диминишеры: *slightly rumpled jacket/ less love/ rumpled silver foxes, a less egregious taper, a little unusual day/ modest schadenfreude/ more money/ rest stop/ spare time/ sad voice*.

На основании вышеизложенного можно сделать сле-

дующие выводы.

В англоязычных текстах жанра “features” преобладают атрибутивные словосочетания с мелиоративной коннотацией. Тенденция к преувеличению (*overstatement*) позитивных свойств описываемого объекта и преуменьшению (*understatement*) негативных характеристик проявляется в высокой частотности прилагательного “good” по сравнению с его антонимом “bad” (3:1). При этом для первого члена оппозиции наиболее характерным является реализация в форме превосходной степени, в то время как второе реализуется, преимущественно, как средство выражения абсолютной оценки. Данная закономерность, однако, не выражена у прилагательных, которые близки к *good / bad* по лексическому значению и отсутствию у них эмотивного компонента: число определений с мелиоративной и с пейоративной коннотацией здесь примерно одинаково.

В наибольшей степени преобладание позитивной оценки над негативной оценкой прослеживается у прилагательных, максимально реализующих свойство эмотивности. При этом в составе прилагательных с отрицательной оценкой гораздо больше доля тех единиц, которые сочетают в своей семантике оценочные и дескриптивные смыслы.

В усилении оценочных и эмотивных свойств наибольшую функциональную нагрузку несут синтагматические единицы, а именно, слова –ly. В этой группе лексических единиц присутствуют собственно интенсификаторы оценки; слова, сочетающие интенсификацию с эмотивностью; единицы с дескриптивно-эмотивной семантикой. По сравнению со словами на –ly, наречия в составе усилителей отличаются низкой частотностью. Еще менее частотны наречия-уменьшители, что является еще одним подтверждением тяготения текстов жанра “features” к преувеличению положительной оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Безрукова В.В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка) : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.04 / В.В. Безрукова. – Воронеж, 2004. — С. 222.
2. Гилёва А.В., Оценочные стратегии в языке британской качественной и массовой прессы: дисс. канд. филол. наук. Москва, 2005. — С. 249.
3. Марьянчик В.А. Аксиологическая структура медиа-политического текста: дисс. док. филол. наук. Архангельск, 2013. — С. 382.
4. Морозова А.Н., Покалюхин С.Ю. Коннотативные свойства атрибутивного словосочетания в англоязычном футбольном репортаже // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. № 2-2 / том 16 / 2014. — С. 428-433.
5. Чернявская Е.А., Оценка и оценочность в языке и художественной речи: На материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А. С. Пушкина: дисс. канд. филол. наук. Брянск, 2001. — С. 270.
6. Шингарова С.Д. Категории «эмоциональности», «оценочности», «экспрессивности», «эмотивности», «коннотативности» в структуре эмоционально-оценочной лексики лезгинского и русского языков // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6.;
7. Яхина А.М. Оценочность как компонент значения фразеологических единиц в русском, английском и татарском языках: на материале глагольных ФЕ, обозначающих поведение человека: дисс. канд. филол. наук. Казань, 2008. — С. 226.
8. Папина А.Ф., Текст: его единицы и глобальные категории. М., 2002. С. 267
9. Зайцева Л. О. Особенности коннотативного компонента значения лексических единиц в журналах о «Кино» // Молодой ученый. — 2014. — №10. — С. 531-534.
10. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М., 2009, — С. 146-147.

11. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., «Сов. Энциклопедия», 1966. — С. 608.
12. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: КомКнига, 2006, — С. 192.
13. Карасик В.И. Язык социального статуса. - М.: 1991. — С. 269.
14. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки - М.: 2002. — С. 40.
15. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. - М.: 2008. — С. 96.
16. Тер-Минасова С.Г. Синтагматика речи: Онтология и эвристика. М: Изд-во МГУ, 1980. – 200 с.
17. Здесь и далее используется электронный ресурс <http://www.ldoceonline.com/dictionary>
18. Quirk R., S.Greenbaum, G.Leech, J.Svartvik. A comprehensive grammar of the English language. London, NY: Longman, 1995 (first published in 1985).
19. Biber D. Longman student grammar of spoken and written English. / D. Biber, S. Conrad, G. Leech. – Pearson Education Limited, 2002 (2003). – 140 p.
20. Quirk Randolph. A Grammar of Contemporary English. New York: Seminar Press, 1972. — 1120 p
21. Fries C. C. The Structure of English. - New York: Harcourt, Brace, 1952.
22. Шипунова Н.Б. К проблеме семантического значения интенсификаторов // Логико-семантическая структура текста: межвуз. сб. науч. тр. М., 1990. — С. 151—157.
23. Суворина К.М. Интенсивы в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд.филол.наук. М., 1976. — 22 с.
24. Безрукова В.В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка) : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.04 / В.В. Безрукова. – Воронеж, 2004. — С. 222.

Статья поступила в редакцию 02.02.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 811.112.2

О ПЕРВИЧНОЙ И ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ПОСРЕДСТВОМ ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

© 2018

Гайдукова Тамара Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка
Департамента иностранных языков

*Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”
(101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20, e-mail: tgaydukova@hse.ru)*

Аннотация. В статье рассматривается цвет как одна из самых значимых характеристик человека, отличающая его от всех других индивидов и предметов. В немецком языке цветовая номинация и характеристика человека осуществляется через весьма развитую и разветвленную систему цветообозначений. Важным является то, что цветообозначения играют роль не только при объективном описании внешности человека, но и при передаче его физических, психических, нравственных и других качеств. То есть в антропоцентрической сфере цветообозначения употребляются очень широко не только в прямом (первичном), но и в переносном (вторичном) значении; и содержат предпосылки воплощения разных эстетических ценностей – прекрасного, доброго, возвышенного, мрачного, трагического. Особую роль в создании различных образов играют изобразительно-выразительные средства языка (метафора, аллегория, сравнение), органически связанные с языковой символикой. Часто цвета рассматриваются как символы, представляющие абстрактное содержание в конкретно-образной форме, отражающие личностные качества человека. В результате изменения лексического значения слова вокруг инвариантного значения цветоименований – указания на объективно существующие цветовые качества человека – развивается множество новых лексико-семантических вариантов, содержащих эмоциональную оценку характеристик человека.

Ключевые слова: первичная номинация, вторичная номинация, цветообозначения, семантика, лексико-семантический вариант, языковой символ

OF PRIMARY AND SECOND NOMINATION OF A PERSON WITH THE HELP OF COLOR NAMES (ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

© 2018

Gaydukova Tamara Michailovna, Candidate of Philology, Associate professor of the German language
chair of the Department of foreign languages

*National Research University Higher School of Economics
(101000, Russia, Moscow, Myasnitckaya St., 20, e-mail: tgaydukova@hse.ru)*

Abstract. The article deals with color as one of the most relevant characteristics of people, which differ them from all other subjects and substances. Color nomination and characteristic of a person in the German language are realized with the help of the very well-developed and far-reaching color system. It is significant to note that color names play their part not only in the objective description of a human appearance, but also in the reproduction of physical, psychic, moral and other features of a person. So, in the anthropocentric sphere color names are in the regular use both in the direct (primary) meaning and in the figurative (second) meaning, and contain prerequisites for the translation of various aesthetic values – of the beautiful, good, sublime, macabre, tragic. Figurative-expressive linguistic means (metaphor, allegory, simile), which are implicated in language symbolism, are of primary importance for creating various images. Colors are often reviewed as symbols, that represent abstract content in concrete-figural form and show personal qualities of people. As a consequence of changing the word meaning, many new lexical-semantic variants, that contain affective evaluation of human characters, develop on the basis of the invariant meaning of color names which is a reference to objective color qualities of a person.

Keywords: primary nomination, second nomination, color names, semantics, lexical-semantic variation, language symbol

Цветообозначения изображают человека, называют определенные черты его внешности, характера, поведения, стиля, интеллекта, на основании чего данные номинативные единицы можно назвать антропоцентрическими. Представляя собой упорядоченную систему находящихся в определённых отношениях друг с другом слов, цветообозначения рассматриваются в лингвистике как “сегментированные вербализованные зрительные ощущения” [1, с. 33]. Основой для объединения их в особую группу служит общий цветовой признак, свойственный всем словам, входящим в данную систему и выступающий в качестве общего типового значения. Центральное место в этой системе для номинации внешних объективно присущих человеку характеристик занимают цветоименования в их первичном (прямом) значении.

О первичной (прямой) номинации принято говорить, когда определенная реалья (качество, предмет, явление), получающая то или иное обозначение, принимается за исходное. Первичная лексическая номинация – это “соотнесение отражаемого в сознании фрагмента внеязыкового ряда и звукового ряда, впервые получающего функцию называния” [2, с. 73]. В антропоцентрической сфере прямым (первичным) номинативным значением цветоименований является указание на определенное цветовое качество внешности человека. Цветовые прилагательные активно используются при номинации человека, так как они, в отличие от многих других прилагательных, обозначают собственные, объективно присущие их носителям свойства. Э. Хентшель, Х. Вейдт

[3], П. Айзенберг [4] относят такие прилагательные к “абсолютным”, а Е. М. Вольф [5] называет их “чистыми предикатами”: цвет не приписывается к субстанции, а всегда присутствует в ней самой. Цветообозначения соотносятся с экстралингвистической действительностью и соответствуют реально существующим характеристикам человека.

Farbige... Sie sind “Kinder der Sünde”, des verbotenen Verkehrs zwischen **Weißem, Schwarzen, Braunem und Gelbem** [6, с. 12].

Цветообозначения в немецком языке делятся по световому признаку на две группы: 1) светлые цвета (weiß, gelb, grün, blau, rosa, rot), 2) темные цвета (schwarz, braun). Grau находится посередине непрерывного ряда, на одном конце которого находится черный, на другом – белый цвет: grau = im Farbton zwischen Schwarz und Weiß [7]. В зависимости от близости оттенка серого цвета к той или другой границе цветообозначение grau может быть отнесено как к группе темных цветов (например, при описании кожного покрова человека), так и к группе светлых цветов (как это происходит при характеристике глаз). Такое разграничение цветообозначений проистекает из их этимологии: исконными значениями указанных цветов были ‘темный’ и ‘светлый’, зафиксированные в этимологических словарях Ф. Клуге [8] и В. Пфайфера [9].

Во взаимодействии прилагательных, относящихся к группе темных или светлых цветов, прослеживаются определенные закономерности, которые И. В. Гете на-

звал “правдой цвета”. “Правда” заключается в том, что “один определенный цвет требует другого..., глаза, видя один цвет, требуют гармонирующего с ним цвета; ибо тот цвет, которого глаз требует рядом с другим, и есть гармонический цвет” [10, с. 178]. При номинации характеристик человека этот принцип играет важную роль в процессе образования наименований смешанных цветов: прилагательные, входящие в группу ‘темных’ цветообозначений, имеют тенденцию соединяться с цветообозначениями из этой же группы; цветообозначения ‘светлой’ группы формируют, главным образом, композиты, соединяясь также с цветообозначениями своей группы. Таким образом, согласно терминологии И. В. Гете, цветоименования разных световых групп являются друг для друга “враждебными”, а цветоименования одной световой группы обозначают “дружественные” друг другу цвета. Сравним:

- цветообозначение ‘темной’ группы + цветообозначение ‘темной’ группы:

Auf einem der Polster saß ein alter kleiner Mann; sein Gesicht war häßlich, seine Haut **schwarzbraun** [11, с. 61].

- цветообозначение ‘светлой’ группы + цветообозначение ‘светлой’ группы:

Ihre schrägen, **graugrünen** Augen streiften mich langsam [12, с. 185].

Состоящих из цветообозначений разных световых групп сложных слов (типа *braungrün или *blauschwarz) при описании человека не наблюдается.

Более полную картину отражения в языке разносторонних качеств человека позволяют представить образованные на основе первичного значения слова цветоименования во вторичном, фигуральном значении. Цветообозначения многоплановы по своей семантике, их внутренняя структура базируется на противопоставлении “центр – периферия” [13; 14], где прямое номинативное значение цветových прилагательных является центральным и выступает в качестве опоры, на которой основываются другие его значения – достаточно устойчивые и общие для всех носителей данного языка.

Наличие различных ассоциаций, связанных с тем или иным цветом, и, соответственно, большой объем информации в семантике прилагательных цвета предопределяют высокую частотность их употребления для обозначения самых разных реалий во вторичной номинации, в процессе которой применяется фонетический облик уже существующей лексической единицы. Вторичная лексическая номинация представляет собой “использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения” [14, с. 129].

Ориентированная на ономастиологический план теория номинации акцентирует внимание на том, как объекты получают свои названия. Недоумение по этому поводу остроумно выразил польский сатирик Е. Лец: “Не то меня удивляет, что люди пересчитали звёзды на небе. Но как они узнали их название?” [цит. по: 16, с. 15]. Номинация представляет собой не только лингвистический, но и социальный процесс психологического отражения объективных реалий. Социальная обусловленность лексики задана функциями слова, которое быстро и непосредственно реагирует на изменения в сфере обозначаемого и в плане социальной активности носителей языка. Последние приспосабливают лексику, выступающую важнейшим средством номинации, обобщения и оценки, к новым задачам и условиям коммуникации.

Следствием влияния социальных факторов является противоречие между существующим потенциалом лексической системы языка и коммуникативными потребностями. Поскольку появление новых лексических единиц, то есть “первичная”, изначальная лексическая номинация – весьма редкое явление в современных языках [2, с. 73], то указанное противоречие не исчерпывается за счет лексической инновации, но способно разрешаться с помощью механизмов вторичной номинации, отражающей присущее языку качество “быть бережливым

без скупости и исключительно щедрым без расточительства” (Я. Гримм). Употребляемые в несобственной для них функции наречения знаки вторичного образования обусловлены необходимостью выражать компактным и лаконичным способом сложные понятия, изображающие объективные ситуации или их фрагменты, а также определённую их экспрессивную оценку.

В результате взаимодействия двух лексических значений слова – основного (конкретно-предметного, прямого) и производного (вторично-номинативного) возникают семантические дериваты. Переосмысление значений в процессах вторичной номинации протекает в соответствии с логической формой тропов [17, с. 337]. При характеристике человека через цвет вступают в действие механизмы вторичной номинации – метафора, метонимия, сравнение, и их разновидности (аллегория, эвфемизм, синекдоха, синестезия). Они служат средством наименования человека (или частей его тела) и выражают субъективную оценку его со стороны говорящего. Первичная номинация отражает, как правило, реальные связи предметов и явлений (*золотое кольцо* – кольцо, сделанное из золота, обладающее всеми признаками золота, в том числе – цветом золота). В фигуральном употреблении того же самого слова содержится указание на определенное отношение, на отрицательную или положительную оценку предмета (метафорическое выражение *золотые кудри* обозначает кудри, красотой и ценностью подобные золоту; предмету “кудри” приписывается один из признаков – цвет золота).

Es war einmal der König, der hatte **eine Frau mit goldenen Haaren**, und sie war **so schön, dass sich ihresgleichen nicht mehr auf Erden fand...** Nun hatte der König **eine Tochter, die war geradeso schön wie ihre verstorbene Mutter** und hatte **auch solche goldene Haare** [18, с. 303-304]; Wie erstaunte er..., **als die goldenen Haare** über sie herabfielen und sie **so schön** war, wie er **noch niemand auf der Welt gesehen hatte** [18, с. 664].

Прилагательные цвета характеризуются широкой понятийной основой и, соответственно, развитой семантической структурой. Понятийное (концептуальное, сигнификативное) содержание каждого из цветообозначений может интерпретироваться как “конденсация лексических значений слова” [17, с. 262]. Лексическое значение слова рассматривается представителями разных лингвистических школ (И. В. Арнольд [19], В. И. Шаховским [20], В. Г. Гаком [21], Е. М. Вольф [22], М. В. Никитиным [23]) на современном этапе семиотических исследований как сложная система взаимосвязанных компонентов, как реализация понятия, отношения, эмоции через средства языковой системы. Поскольку в понятии отражается объективная действительность, значение слова соотносится с внеязыковой реальностью, в то же время понятие является нетождественным значению, которое имеет лингвистическую природу и охватывает неконцептуальные компоненты: эмоциональные, экспрессивные и другие коннотации. И. В. Арнольд ограничивает в языке структурное множество лексико-семантических вариантов слова (то есть семантическую структуру слова) и отдельный лексико-семантический вариант, как он выражен в тексте в виде единства контекстуального лексического значения и той или иной грамматической формы [19, с. 106]. Лексико-семантические варианты (ЛСВ) слова следует дефинировать как единицы, составляющие значения многозначного слова, но подчеркивающие его семантическое тождество. Слово в одном из своих значений выступает как отдельный ЛСВ. В таком случае прямое номинативное значение цветоименований – указание на определенное цветовое качество – выступает в качестве инвариантного (от лат. *invariants* “неизменяющийся”).

Ввиду наличия у цветových прилагательных широкого диапазона ассоциативных потенциальных сем происходит формирование фигуральных значений, которые обусловлены когнитивными факторами и влиянием того

или иного цвета на психику человека, в то время как он взаимодействует с ощущениями и сознанием человека. Цветообозначения изначально являются нейтральными словами, но в определенном контексте у них появляются дополнительные эмоционально-экспрессивные компоненты значения, что В. Г. Гак объясняет с помощью типологии сем, конституирующих семантику слова [21, с. 371]. Он выделяет среди прочих потенциальную сему, представляющую побочные, возможные характеристики денотата. В определенной ситуации нейтральное слово приобретает эмоционально-экспрессивную окрашенность под воздействием контекстуальных уточнителей. При образовании новых, вторично-номинативных значений происходит сдвиг: в результате переаранжировки сем происходит замена денотативной архисемы на потенциальную эмотивную, получающую статус дифференциальной. Так, у цветообозначений в антропоцентрической сфере развиваются различные “значения слова” [24, с. 71; 25, с. 62], или “лексико-семантические варианты слова” [26, с. 42; 27, с. 69], составляющие лексическое поле цветообозначений человека.

Цветовые прилагательные могут выступать в своем первичном, инвариантном, или фигуральном значении, причем инвариантное слово способно развивать несколько ЛСВ. Так, исходя из полиассоциативности прилагательного *blau*, сформирован ряд вторично-номинативных значений, встречающихся в описании человека:

1) *blau* = *adlig* [28]:

Nimm dieses Amulett! Eine Nachkommin der Inkas hat es mir dereinst überlassen. Sie hatte blaues Blut und die Gabe, in die Zukunft zu schauen. [12, с. 24];

2) *blau* = *naiv* [7]:

Gleich ... musste ich feststellen, in welcher peinlicher Vollkommenheit der Heiland meinem Taufpaten, Onkel und mutmaßlichen Vater Jan Bronski gleich. Diese naiv selbstbewußten blauen Schwärmeraugen! [29, с. 177];

3) *blau* = *betrunken* [28]:

“*Gebt ihr mir Revanche mit Kognak?*” fragte Braumüller... “*Keine Chance für Sie, Herr Braumüller*”, erklärte Alfons als Sachverständiger. “*Habe Köster noch nie blau gesehen*” [12, с. 127];

4) *blau* = *protestantisch* [28]:

Nach dem Bau der Sensenfabrik in Freudental siedelten die ersten Protestanten (von **den Schwarzen** [Katholiken] spöttisch **die Blauen** genannt) in Schlebusch [30].

5) *blau* = *lügenhaft* [28]:

Den Blauen ist nicht zu trauen; man kann **das Blaue** vom Himmel **herunterflügen** [28].

Представленные в качестве примера конституенты развитой семантической структуры цветообозначения *blau* выступают в функции качественной характеристики, оценки человека, обособляясь в той или иной степени от понятия цвета через механизмы вторичной номинации. Такое обособление от находящегося в центре цветового значения реализуется благодаря многозначности толкования цвета, представляющей “особый мир, одну из сторон отражения мироощущения, проявление разных смысловых ассоциаций” [31, с. 101].

Через ассоциативные механизмы мышления старое значение выступает отправной точкой для движения к новому понятию. Ассоциации – это связь представлений, через которую одно представление, появившись в сознании участника коммуникации, вызывает другое – по сходству, смежности или противоположности. Являясь основным двигателем механизма мышления, ассоциации связывают имеющиеся представления о внеязыковых сущностях с теми их свойствами, которые всплывают в сознании в каком-либо новом ракурсе их отображения, и участвуют, таким образом, в создании новых понятий и значений языковых единиц.

Присущие цветообозначениям ассоциативные связи разграничиваются на ингерентные и адгерентные.

Ингерентные ассоциации определяются самой природой цвета, онтологически вытекают из вызываемых каж-

дым цветом зрительных ощущений [32, с. 76]. Влияние цвета на психику отмечено еще Иоганном Вольфгангом Гете, который утверждал, что “каждый цвет производит определенное впечатление на человека” [33, с. 262]. Но по своему воздействию цвета неоднозначны. В произведении “Искусство цвета” Йоханнес Иттен указывает следующее: “Цвета – это сияющая сила, энергия, воздействующая на нас либо позитивно, либо негативно, независимо от того, осознаем мы это или нет” [34, с. 16]. Опыт, который мы получаем в природе с каждым цветом, выражает наши цветовые переживания, из которых возникают ассоциации, приписываемые нами каждому цвету. Например, *rosa* – хороший, приятный, радужный, *schwarz* – плохой, темный, мрачный. Набор этих ассоциаций обозначается как психологическое осмысление цвета, “цветовые ассоциации”, “цветовое мышление” [35, с. 173], коннотации цветов [36, с. 95].

Возникающие в сознании человека через действие механизма аналогии ассоциативные признаки образуют фонд адгерентных ассоциаций. Прежде всего, определение цветовой окраски направлено на характеристику внешних признаков объекта. В связи этим наиболее распространены ассоциативные связи “цвет – типичный носитель данного цвета”: *rot* – красный как кровь → кровавый, *weiß* – белый как снег → снежный. Также встречаются ассоциации по смежности:

- временные: цвет молодых побегов, зелени, рост, развитие → *grün* = относящийся к периоду молодости;

- пространственные: цвет красящего вещества, изобретенного в Пруссии, где было широко распространено протестантское религиозное движение → *blau* = протестантский;

- каузативно-консекутивные: цвет здоровой кожи свидетельствует о хорошем самочувствии человека → *rosa* = здоровый.

В процессе развития новых (вторично-номинативных) лексических значений немецких прилагательных важное место занимает символика каждого цвета, отражающая всевозможные ассоциации и объективные особенности психики. Цветообозначения, вызывающие многочисленные ассоциативные связи, воспринимаются как определённые символы. Отвлечённые образные представления, закреплённые за цветом в человеческом сознании (например: *schwarz* = *Nacht*), прочно укоренились в цветовой символике. Человеческие качества и психические настроения нередко представлены через цветовые символы (*rot* = *Liebe*, *weiß* = *Unschuld*, *blau* = *Treue*). Хотя языковой символ органически связан с различными средствами языка (метонимия, метафора, сравнение, аллегория) [37, с. 1], тем не менее, он не совпадает по своим функциям и структуре ни с одним из этих явлений и является самостоятельным понятием.

В разных культурах значение цветов и ассоциации, которые они вызывают, значительно разнятся, что обуславливается, прежде всего, национальной историей и литературой. В немецкой культуре имеются свои толкования и интерпретация цветов. В немецком языке прилагательные цвета имеют несколько символических значений и при описании человека они отражают черты его характера, отношение к миру, психологический настрой, статус: *blau* – наивный, аристократичный; *schwarz* – негативный, злой, мрачный, пессимистичный; *grün* – молодой, незрелый, неопытный; *weiß* – честный, чистый, невинный, *rot* – хитрый, лживый.

Языковые символы выступают в качестве единиц лексического уровня языка, представляющих абстрактное содержание в конкретно-образной форме. Арутюнова Н. Д. отмечает, что “символ базируется на образе” [38, с. 337]. Понятие образа – выраженного в художественной форме наглядного представления о каком-нибудь факте действительности – имеет большое значение для определения сущности языкового символа. Такие выражения как *goldene Haare*, *grüner Junge*, *Blaubart* не только нечто означают, но и означают при помощи конкретного об-

раза:

Blaubart = Frauenmörder (aus dem Märchen: Ritter, der seine Frauen umbringt, weil sie seinem Gebot nicht gehorchen) [39]. Данное наименование включено в группу бахуврих, образованных на основе переноса значения с части на целое – ‘pars pro toto’, и является результатом работы двух семантических механизмов – метонимии (перенос цвета бороды сказочного героя на наименование его самого) и метафоры (употребление вторичной номинации относительно любого мужчины, поведение которого подобно образу действий жестокого сказочного рыцаря), вследствие этого цветоименование имеет особую эмоционально-стилистическую окраску:

“Haben Sie mal von einem gewissen Pedro dem Grausamen gehört?” “So dunkel”. “Eine Art Blaubartskönig”. “...ich weiß noch, dass wir von meiner Freundin Hulda Niemeyer immer behaupteten: sie wisse nichts von Geschichte, mit Ausnahme der sechs Frauen von Heinrich dem Achten, diesem englischen **Blaubart**” [40, с. 128].

В символизме цветообозначение становится определенной формой передачи информации – “образным объектом, или “образным субъектом”, носителем некоей информации о мире”, так как “в центре символизма – миф о трагическом разрыве между видимостью и сущностью, “быть” и “казаться”, коннотацией и денотацией, внешней и внутренней формой слова” [41, с. 72]. Языковые образы передают настроение, чувства, экспрессивную оценку предмета мысли. Символ выступает в качестве особого вида образа. Образ становится символом в силу приобретаемой им функции в жизни лица, в жизни социума, государства, религиозной и культурной общности, идейного содержания, а также в жизни всего человечества [42, с. 26].

К символическому можно отнести такое употребление, которое находится в полном соответствии с природой, если цвет используется в соответствии с его эффектом и реальная связь немедленно выражает значение [43, с. 235]. Слово в процессе символизации отрывается от конкретного содержания. А. Ф. Лосев говорит об изначальной двойственности символа, наличии двух сторон, где “А указывает на В” [44, с. 3]. Символ и символизированное сохраняют между собой внутреннюю связь, образуя единый смысл. [45, с. 75].

Всем видам тропа (эпитету, метафоре, сравнению и другим) свойственна символика, поскольку через нее образы становятся более высокоэстетичными и эмоциональными. Значение слова, функционирующего в качестве тропа, является образным [24, с. 163]. Символ часто выступает базой образования тропов. В частности, цветообозначение *got* является ярким тому подтверждением: “красный цвет – цвет крови (например, Красное знамя)”:

Die Arbeiter ließen es sich belustigt gefallen, und auch die Zuschauer am Straßenrand lachten, denn es sah aus, als hätten die Verhafteten, die auf dem Marsch zum Polizeipräsidium in Hochstimmung **unter roten Fahnen** die Internationale sangen, die Detektive verhaftet [46, с. 72].

Устойчивое выражение *rot wie Blut* широко распространено в немецком языке. Признак красного цвета содержится в семантике слова *Blut*, в связи с чем цветообозначение *got* имеет семантические дериваты “кровавый”, “кровопролитный”. Поскольку революционные события связаны обычно с человеческими жертвами и кровопролитными боями, то в дальнейшем путем метафорического переноса сформировалось очередное вторично-номинативное значение *got* – “относящийся к революционной деятельности”. Так, красный цвет выступает символом революции: *rot wie Blut* → *rot = revolutionär*, знаменуя пролитую сторонниками революционных идей кровь. Следующим шагом становится перенос характера деятельности человека (приверженность революционным идеям) на название его самого: *der Rote = Revolutionär*. Итогом служит возникновение нового ЛСВ слова, характеризующего человека через цвет без видимого его

присутствия (ср. также использование цвета для номинации участников различных политических событий: *der Weiße* “белый”, *der Orangene* “оранжевый”).

In ihren Augen war es unverzeihlich und schandbar, ein simpler Arbeiter zu sein, in die Fabrik zu gehen, ein Sozi zu sein, **ein Roter!** [47, с. 22].

Нередко цвет вырисовывается как самостоятельный образ, будучи не просто признаком предмета, а чем-то более первичным по отношению к нему, то есть цветовой эпитет выходит за рамки символа, заменяя само описание предмета. Например, черный – символ зла, в Средневековье дьявол считался “князем тьмы”, потому его называли *der Schwarze* (*der Schwarze = der Teufel* [7], *schwarz wie der Teufel* [39]):

... Da erblickte er mitten auf seinem Acker einen Haufen feuriger Kohlen, und als er voll Verwunderung hinzuging, so saß oben auf der Glut **ein kleiner, schwarzer Teufel** [18, с. 696].

Символика гораздо ярче отражена в пословицах, поскольку она относится к бессознательным представлениям народа:

Schwarzes Haar und roter Bart, Zeichen einer bösen Art [48, с. 209];

Die Teufel sind alle **schwarz** [49, с. 248].

Итак, анализ семантики цветообозначений показывает, что при номинации человека большей частью составляет использование данной лексической группы во вторичном значении, это позволяет представить более полную картину отражения в языке качеств человека. Вторично-номинативные цветообозначения служат не только средством внешней характеристики человека, но также содержат его нравственную оценку: в них, как в зеркале, отражены личностные особенности индивида, его поведение и внутреннее состояние, что позволяет судить об особенностях его характера, и устанавливать ряды оппозиций с положительной и отрицательной оценкой.

Поскольку цветообозначения являются многозначными, то в их семантической структуре в качестве инвариантного значения выступает указание на определенное цветовое качество. Все другие значения цветоименований являются вариативными, вторичными, и определяются как лексико-семантические варианты слова (ЛСВ).

Важную роль в процессе развития новых ЛСВ у цветообозначений человека играет символика каждого цвета, опирающаяся на всевозможные ассоциации и объективные особенности психики. Языковые символы представляют собой единицы лексического уровня языка, благодаря которым абстрактное содержание представляется в конкретно-образной форме. Цветообозначения, вызывающие многочисленные ассоциативные связи, воспринимаются как определенные символы. Известно, что цветообозначения в немецком языке имеют несколько символических значений, отражающих черты характера человека, его нравственные, психические, физические и многие другие качества. Наиболее четко символические значения цветов отражены в пословицах.

Результатом взаимодействия внешних (внеязыковых) факторов и языковых традиций является появление новых ЛСВ цветообозначений человека. Цветовые прилагательные многозначны, так как обусловлены экстралингвистической реальностью. Но полисемия цветообозначения упраздняется в конкретной речевой ситуации и происходит реализация лишь одного из возможных ЛСВ. “Все оценки и значения цветов зависят от ситуативных факторов” [36, с. 95], поэтому при определении конкретных лексических значений цветоименований человека следует учитывать текст и отраженную в нем ситуацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Михайлова, Т. А. О понятии “основной цвет” в синхронии и диахронии / Т. А. Михайлова // Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии: “Круг-

лый стол". – М., 2004. – С. 33-39.

2. Уфимцева, А. А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации / А. А. Уфимцева, Э. С. Азнаурова, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия // Языковая номинация (Общие вопросы). – М., 1977. – С. 7-98.

3. Hentschel, E. Handbuch der deutschen Grammatik / E. Hentschel, H. Weydt. – Berlin; New York: de Gruyter, 1990. – 451 S.

4. Eisenberg, P. Grundriß der deutschen Grammatik. Das Wort / P. Eisenberg. – Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 1998/2000. – Bd. 1. – 489 S.

5. Вольф, Е. М. Грамматика и семантика прилагательного: на материале иберо-романских языков / Е. М. Вольф. – М.: Наука, 1978. – 200 с.

6. Die Zeit. – 2004. – № 31.

7. Duden "Etymologie": Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache: völlig neu bearb. von G. Drosdowski. – Mannheim / Zürich / Wien: Dudenverlag, 1989. – 839 S.

8. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache: earb. von W. Mitzka. – Berlin 30: Walter de Gruyter & CO, 1963. – 917 S.

9. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen: erarbeitet unter der Leitung von W. Pfeifer. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1995. – 1665 S.

10. Гёте, И. В. Об искусстве: сост. А. В. Гулыга / И. В. Гёте. – М.: Искусство, 1975. – 622 с.

11. Hauff, W. Märchen / W. Hauff. – М.: Прогресс, 1956. – 378 с.

12. Remarque, E. M. Drei Kameraden / E. M. Remarque. – Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1960. – 445 S.

13. Rosch, E. Cognitive Representations of Semantic Categories / E. Rosch // Journal of experimental psychology 3. – 1975. – S. 192-233.

14. Ol'shansky, J. G. Sprache und Kultur – kognitive und prototypische Ansätze / J. G. Ol'shansky // Deutsch als Fremdsprache. – 2000. – Heft 4. – S. 228-233.

15. Телия, В. Н. Вторичная номинация и её виды / В. Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований). – М., 1977. – С. 129-221.

16. Рахманин, В. С. Социальные проблемы языка в современном мире / В. С. Рахманин // Эссе о социальной власти языка. – Воронеж, 2001. – С. 13-20.

17. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

18. Grimm, Brüder. Kinder- und Hausmärchen / Br. Grimm. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1964. – 787 с.

19. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка / В. И. Арнольд. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.

20. Шаховский, В. И. К типологии коннотации / В. И. Шаховский // Аспекты лексического значения. – Воронеж, 1982. – С. 29-34.

21. Гак, В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1972. – С. 367-395.

22. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 228 с.

23. Никитин, М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) / М. В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1983. – 123 с.

24. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 605 с.

25. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Просвещение, 1972. – 368 с.

26. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – М.: Изд-во литературы на иностранном языке, 1956. – 259 с.

27. Уфимцева, А. А. Семантика слова / А. А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 5-80.

28. Küpper, H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. – Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1990. – 959 S.

29. Grass, G. Die Blechtrommel: Roman / G. Grass. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997. – 779 S.

30. Kirche auf dem Blauen Berg. – URL: <http://www.leverkusen.com/guide/Archiv1.txt/Lev00079.html>

31. Анищенко, О. А. Символика цвета в школьной среде 19 в / О. А. Анищенко // Русский язык в школе. – 2005. – № 1. – С. 101-105.

32. Тяпкина, Т. М. Вторично-номинативные функции цветообозначений в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук / Т. М. Тяпкина. – Н. Новгород, 2002. – 286 с.

33. Goethe, J. W. von. Farbenlehre: Auswahl und Einführung von J. Pawlik. – Köln, 1985. – 345 S.

34. Itten, J. Kunst der Farbe: Subjektives Erleben und objektives Erkennen als Wege zur Kunst / J. Itten. – Ravensburg: Otto Maier, 1962. – 322 S.

35. Миронова, Л. Н. Семантика цвета в эволюции психики человека / Л. Н. Миронова // Проблема цвета в психологии. – М., 1993. – С. 172-188.

36. Сивик, Л. Цветовое значение и измерения восприятия цвета / Л. Сивик // Проблема цвета в психологии. – М., 1993. – С. 95-120.

37. Стерлигов, С. Г. Устойчивые символические единицы современного немецкого языка (семантика и функционирование): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Г. Стерлигов. – М., 1981. – 24 с.

38. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

39. Duden Stilwörterbuch der deutschen Sprache. Die Verwendung der Wörter im Satz: neu bearb. und erw. von G. Drosdowski. – Dudenverlag: Mannheim/Wien/Zürich, 1988. – Bd.2. – 864 S.

40. Fontane, Th. Effi Briest / Th. Fontane. – Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1998. – 274 S.

41. Бернат, О. С. Эстетический идеал символизма и его отражение в языке / О. С. Бернат // Вестник Южно-Уральского гос. университета. – 2004. – № 7. – С. 72-76.

42. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры: Сборник. – М., 1990. – С. 5-32.

43. Тодоров, Ц. Теории символа: пер. с франц. Б. Нарумова / Ц. Тодоров. – М.: Дом интеллектуальной книги / Русское феноменологическое общество, 1998. – 408 с.

44. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1976. – 336 с.

45. Абрамов, М. Г. Знак и символ / М. Г. Абрамов // Человек. – 2006. – № 3. – С. 72-79.

46. Frank, L. Links wo das Herz ist/ L. Frank. – М / Л.: Просвещение, 1965. – 185 с.

47. Bredel, W. Die Väter / W. Bredel. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1980. – 463 S.

48. Graf, A. E. 6000 deutsche und russische Sprichwörter / A. E. Graf. – Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1960. – 297 S.

49. Beyer, H. Sprichwörterlexikon / H. Beyer, A. Beyer. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1989. – 392 S.

Статья поступила в редакцию 28.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 81-119

«NATIVE SPEAKER» КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ КОНЦЕПТ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

© 2018

Гич Ольга Николаевна, аспирант, ассистент кафедры
«Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Дальневосточный федеральный университет

(690000, Россия, Владивосток, улица Суханова, 8, e-mail: gich.olga.nik@gmail.com)

Аннотация. В статье рассматривается изменение аксиоматики системообразующего концепта native speaker и его влияние на развитие англоязычного научного дискурса методики преподавания языка как неродного. Дискурс в статье представляется как сложная незамкнутая неравновесная система, которая переходит из состояния порядка в состояние хаоса и обратно. Автор предполагает, что изменения в аксиоматике концепта native speaker непосредственно повлияли на сдвиг лингводидактической парадигмы, произошедший в 90е годы XX века. В статье исследованы поэтапно периоды развития англоязычного научного дискурса методики преподавания языка как неродного, начиная с 70-х годов XX века и заканчивая современным состоянием системы, и выделены аксиомы концепта native speaker, свойственные каждому периоду. В ходе работы было выявлено движение данного дискурса от равновесного состояния в 70-х годах к неравновесному в 90-е года и постепенное уравнивание, начавшееся в начале XXI века и соответствующее изменению аксиоматики концепта native speaker – от устойчивых аксиом 70-х к разрушению аксиом и хаосу 90-х и постепенному формированию новых аксиом в начале XXI века, связанных с появлением новых парадигм в преподавании английского языка как международного языка и как языка-посредника.

Ключевые слова: аксиома, носитель языка, английский как неродной, английский как международный, английский как язык-посредник, методика преподавания, концепт, англоязычный дискурс методики преподавания как неродного, лингвосинергетика, сдвиг лингводидактической парадигмы

«NATIVE SPEAKER» AS A SYSTEM-FORMING CONCEPT OF ENGLISH LANGUAGE TEACHING DISCOURSE

© 2018

Gich Olga Nikolaevna, post-graduate student, assistant of «Linguistics
and intercultural communication»
Far Eastern Federal University

(690000, Russia, Vladivostok, street Sukhanova, 8, e-mail: gich.olga.nik@gmail.com)

Abstract. The article describes the changes in axiomatics of the system-forming concept «native speaker» and its influence on English language teaching discourse. In the article discourse is presented as a complex unclosed nonequilibrium system which goes from state of order into a state of chaos and and vice versa. The author considers that changes in the axiomatics of the system-forming concept «native speaker» directly influenced the shift of the linguodidactic paradigm which occurred in the 90s of the twentieth century. In the article periods of ELT discourse development have been studied step-by-step, starting from the 70s of the twentieth century. Also the author has picked out axioms of the concept «native speaker» which are typical for each period. The author reveals that the discourse moved from the equilibrium state in the 1970s to the nonequilibrium in the 1990s and started gradually balancing in the beginning of the twenty-first century. The same process takes place for the axiomatics of the system-forming concept «native speaker». Its axioms were stable in the 70s, in the 90s there were processes of dissipation and chaos and in the beginning of the twenty-first century new axioms, concerned with the new EIL and ELF paradigms, started gradually appear.

Keywords: axiom, native speaker, English as a foreign language, English as an international language, English as a Lingua Franca, language teaching, concept, English language teaching discourse, linguosynergetics, linguodidactic paradigm shift

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. С момента введения понятия *дискурс* среди лингвистов нет согласия по поводу его значения. Рассматривая определение, можно выделить несколько интерпретаций данного понятия. О. Ф. Русакова и В. М. Русаков выделяют 7 теоретико-методологических подходов, выделенных по принципу акцентации и фокусировки: лингвистические, кратологические, семиотические, социально-коммуникативные, постмодернистские, критический дискурс-анализ, презентационная теория дискурса [1, с. 5]. Рассматривая все предлагаемые взгляды на дискурс, мы видим описание структуры одного и того же типа. Дискурс, независимо от интерпретации данного явления, – это сложная незамкнутая неравновесная система, «которая самоорганизуется и в результате речемыслительного процесса образует высокоупорядоченные структуры» [2, с. 45]. В связи с этим фактом мы можем опереться на лингвосинергетическую парадигму для построения модели и анализа англоязычного дискурса методики преподавания английского языка как неродного.

Согласно лингвосинергетической парадигме, дискурс подвергается влиянию внешне- и внутрисистемных факторов, которые помогают этой системе самоорганизовываться и саморегулироваться. Дискурс, как правило, основывается на некоторых понятиях, находящихся в связи друг с другом, которые становятся системообразующими концептами или смысловыми узлами. Данные

концепты включают в себя информацию о субъектах речемышления, объектах, пространственно-временные координатах и иных обстоятельствах. Однако система не статична, она все время находится в непрерывном развитии, в постоянном движении от хаоса к порядку и обратно [3].

Согласно В. Г. Борботько каждый концепт имеет свой набор аксиом. Под аксиомами понимаются не только утверждения, не требующие доказательств, но и «соотношения значимых единиц, запечатленные в корпусе типовых высказываний, которые создает и которыми оперирует языковое сознание при отражении мира и управлении деятельностью человека» [4, с. 211]. При стабильном наборе аксиом система является равновесной, при смене аксиом система выходит из равновесия, начинают рождаться новые смысловые узлы и утрачивать свою дискурсообразующую силу старые.

Динамику развития системы определяют аттракторы, направляя пути ее развития. Аттрактор представляет собой ««имя» концепта, его перцептивный образ, ядро притягивающий множество элементов обширной ассоциативной сети индивида, и параметры порядка, выступающих в роли ментальных опор, организующих разнородные ассоциативные элементы вокруг ядра концепта» [5, с. 39]. Под концептом в лингвосинергетике понимаются открытые системы, существующие в нелинейной и неравновесной среде, обладающие иерархическими уровнями структурной организации. Аттракторы делят-

ся на несколько типов. Самой слабой системообразующей силой обладает точечный аттрактор, а самым мощным является креативный аттрактор. Расположенная вокруг таких аттракторов информация воспринимается реципиентом, как значимая и используется для формулировки темы текста [6].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Сдвиг лингводидактической парадигмы и изменения в понимании и восприятии концепта *native speaker*, произошедший в 90-е годы XX века в англоязычном научном дискурсе методики преподавания английского языка как неродного, был отмечен и исследован рядом российских ученых (З. Г. Прошина [7,8], Г. Н. Ловцевич [9, 10], А. В. Кравченко [11]). Данные работы посвящены разъяснению для русскоязычного читателя особенностей новой парадигмы, в том числе и роли носителя языка. Тем не менее, полный анализ процессов, приведших к смене парадигмы, и их рассмотрение в диахронии произведены не были, как и не был рассмотрен этот концепт и этот дискурс с точки зрения лингвосинергетического подхода.

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью данной статьи является рассмотрение динамики развития англоязычного дискурса методики преподавания английского языка как неродного вокруг системообразующего концепта *native speaker*, а также выявление причин перехода ядра данного концепта из точечного аттрактора в креативный. Для этого будет произведен анализ аксиом концепта *native speaker* и анализ степени равновесности англоязычного дискурса методики преподавания английского языка как неродного в период с конца 70-х годов до наших дней. Материалом исследования являются статьи журналов *ELT Journal* (реферируемый профессиональный журнал, издающийся британским издательством Oxford University Press. В журнале рассматриваются вопросы преподавания английского языка как второго, дополнительного, иностранного или международного языка-посредника. Журнал публикуется с 1946 года. Импакт-фактор за 5 лет 1.454) и *TESOL Quarterly* (американский реферируемый профессиональный журнал, издающийся от имени международной ассоциации TESOL (Teachers of English to Speakers of Other Languages). В журнале рассматриваются вопросы, связанные с преподаванием и изучением английского языка как неродного. Издается с 1967 года. Импакт-фактор за 5 лет 1.947).

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Перед тем, как начать анализ, необходимо упомянуть, что англоязычный дискурс методики преподавания английского языка как неродного, естественно, предполагает концепт *English language teaching* как центральный. Это подтверждается также и названиями исследуемых журналов. Все смысловые узлы данного дискурса связаны с этим центральным концептом. Концепт *native speaker* всегда присутствовал в данном дискурсе, то есть всегда являлся аттрактором, хоть и не обладал мощной системообразующей силой. С момента введения данного термина в лингводидактику и до 80-х годов XX века основная связь между концептами *native speaker* и *English language teaching* пролегла через концепты *language norms* и *Standard English*.

Рассмотрим, как данная связь реализовывалась в существующей на тот момент лингводидактической парадигме. В преподавании английского языка, в целом, темы для дискуссий были такими же, как в преподавании других языков как второго или иностранного. В центре внимания находились стратегии преподавания разных аспектов языка, техники обучения различным видам речевой деятельности, разница в обучении взрослых и детей, организация урока, способы реализации коммуникативного подхода.

Носитель языка в данный период выступал образцом, моделью для сравнения и оценивания. В частно-

сти, сравнивалась спонтанная речь носителя и неносителя, словарный запас, реакции на различные реплики, то как носители и неносители выполняют различные типы языковых и речевых упражнений и т. д. Языковая компетенция носителя языка была целью, к которой, предположительно, стремился каждый изучавший иностранный язык. Существовал концепт не просто носителя языка, а «идеального» носителя, владевший «стандартным английским», который использовался для преподавания, хотя признавалось, что на «стандартном английском» большинство носителей не разговаривают [12]. Так, в поле концепта *native speaker* основными аксиомами до конца 80-х годов являлись: «Цель изучения иностранного языка – достичь максимально приближенной к носителю языковой компетенции», «Неносители должны следовать нормам стандартного английского», «Практическая цель овладения иностранным языком – общение с носителями этого языка».

Система находилась в равновесном состоянии, хотя иногда появлялись некоторые флуктуации в поле, например, в статье 1971 года автор пишет, что английский больше не является собственностью носителей или школьных учителей [13]. Данная мысль является очень нетипичной для того времени, однако подобная позиция прочно закрепится позднее.

С 1980-х годов начинает происходить сдвиг парадигмы в преподавании английского языка как неродного. Этот процесс занял долгий период времени и затронул многие аспекты преподавания языка, например, роли учителя и ученика, системы оценивания, языковой стандарт обучения и т. д. [14]. Если рассматривать подробно все произошедшие изменения, то можно сказать, что в некоторых областях методики преподавания этот сдвиг до сих пор продолжает свое развитие. Концепт *native speaker* также был затронут в ходе данного сдвига и как раз является той областью, в которой все еще происходит изменения.

В поле концепта *native speaker* флуктуации начали появляться еще в 70-х годах, но в исследуемых журналах они появились только в 90-х. В *ELT Journal* выходят статьи М. В. Н. Rampton «Displacing the 'native speaker': Expertise, affiliation, and inheritance» (1990), Р. Medgyes «Native or non-native: who's worth more?» (1992), R. Phillipson «ELT: the native speaker's burden?» (1992) и в *TESOL Quarterly* публикуется статья Н. G. Widdowson «The ownership of English» (1994). Несмотря на то, что количество этих статей невелико, но для понимания важности появления данных статей в этих журналах, нужно осознавать ту роль, которую эти издания играют в англоязычном преподавательском сообществе.

Статьи в данных журналах выражают мнение не только автора, но целых групп людей, части преподавательского сообщества. Через статьи в *ELT Journal* и *TESOL Quarterly* легитимизируются ценности или аксиомы, выдвигаемые некой группой преподавателей, для всего сообщества. Появление столь смелых заголовков в данных журналах показывает, что изменения в аксиоматике добрались до самого ядра и что дискурс окончательно вышел из состояния равновесия, началась фаза хаоса.

В данный период был поставлен под сомнение ряд центральных аксиом концепта *native speaker*, в том числе это коснулось и центральной аксиомы «Носитель языка – это тот, кто овладел языком в детстве». Возник вопрос «А есть ли вообще носитель английского языка?» Например, в Британии значительный процент школьников не являлись носителями английского языка с рождения, однако под воздействием социальных факторов владели английским намного лучше, чем своим родным языком [15]. Подобные же споры вызывал статус носителей английского языка из стран расширяющегося круга Б. Качру.

В начале 90-х статьи были в основном посвящены статусу и определению понятия «носитель языка», но к

концу 90-х – началу 2000х годов фокус сдвинулся именно на роль концепта *native speaker* для носителей в процессе изучения английского языка. С каждым годом количество людей, использующих английский язык как второй язык возрастает, и большая часть коммуникации носителей на английском языке происходит с такими же носителями. Английский язык с каждым годом упрочняет свои позиции международного языка, языка-посредника [16]. В связи с этим начали развиваться новые парадигмы в преподавании английского языка, такие как English as an international language (английский как международный) с конца 90-х годов и English as a Lingua Franca (английский как язык-посредник) с 2005 года.

Концепт *native speaker* занял одну из ведущих ролей, так как вопрос о том, нужны ли носители для изучения английского языка, являлся центральным. Подтверждением является значительное увеличение статей, связанных с концептом *native speaker* в период с 1995 по 2005 года. Если в предыдущий период на подобную тематику в TESOL Quarterly вышла только 1 статья, то в это десятилетие их уже было более 10, в том числе и знаковая статья V. Cook «Going beyond the native speaker in language teaching» (1999). В этой статье автор высказал мысль, что изучающий второй язык не может быть сравнен и, в целом, идентичен носителю-монолингву, соответственно, использование носителя английского языка как модель обучения нецелесообразно [17]. В статье подвергается разрушению одна из важнейших аксиом, связывающая концепт *native speaker* с дискурсом методики преподавания английского языка: «Цель обучения английскому языку – достижение уровня носителя языка».

Еще одна тема, регулярно появляющаяся в этот период в журнале TESOL Quarterly, – это преподаватели-носители. Примером таких статей являются B. Norton, C. Tang «The identity of the nonnative ESL teacher on the power and status of nonnative ESL teachers» (1997), N. Amin «Race and the identity of the nonnative ESL teacher» (1997), J. Liu «Nonnative English speaking professionals in TESOL» (1999). Ранее, аксиомы «Владение английским языком как родным – это преимущество для преподавателя» и «Носитель языка – лучший преподаватель» не подвергались сомнению, но с конца 90-х годов преподавателям-носителям уделяется все больше внимания, и темы, поднятые в 1992 году в статье «Native or non-native: who's worth more?», получают дальнейшее развитие [18].

Основной темой, связанной с концептом *native speaker*, в журнале ELT Journal в этот период выступает обсуждение особенностей преподавания английского языка как языка международного общения: J. Jenkins «Which pronunciation norms and models for English as an International Language?» (1998), M. Modiano «Linguistic imperialism, cultural integrity, and EIL» (2001), I. Timmis «Native speaker norms and International English: a classroom view» (2002), S. McKay «Teaching English as an international language: The Chilean context» (2003). Основной идеей в преподавании EIL выступает отказ от имитации носителя. Целью обучения в данной парадигме выступает достижение взаимопонимания между коммуникантами, даже если их речь далека от норм носителей английского языка. Таким образом, аксиома «Цель обучения английскому языку – достижение уровня носителя языка» в этом журнале также разрушается.

Анализируя общее состояние системы, мы видим, что фаза хаоса достигает своего пика в середине 90-х годов, а к концу XX века и в начале XXI система начинает уравниваться, зарождаются процессы упорядочивания, так как создание новой парадигмы требует от системы прихода в равновесие. К началу 2000-х старые аксиомы были разрушены, но концепт не может существовать без аксиом, поэтому начался активный процесс создания новых ценностей.

В современной фазе продолжается критика такого явления как *native-speakerism* – концепции, согласно которой преподаватели-носители представляют «западную культуру» и распространяют таким образом идеалы английского языка и методов преподавания английского языка, которым носители должны следовать [19]. В оппозиции к этой концепции также находится парадигма ELF (English as a Lingua Franca), получающая развитие от парадигмы EIL. Этот подход к преподаванию английского языка как языка-посредника, отрицающий авторитет носителей языка, – один из наиболее часто употребляемых и исследуемых последние 15 лет. За последние годы вышло множество статей, посвященных этой теме: J. Jenkins «Current perspectives on teaching world Englishes and English as a lingua franca» (2006), W. Baker «The cultures of English as a lingua franca» (2009), I. C. Kuo «Addressing the issue of teaching English as a lingua franca» (2006), R. Phillipson «English in globalisation, a Lingua Franca or a Lingua Frankensteinia?», J. Jenkins «English as a Lingua Franca from the classroom to the classroom» (2012), A. Cogo «English as a lingua franca: Concepts, use, and implications», C. C. M. Sung «English as a Lingua Franca and English language teaching: a way forward» (2015) и другие.

Появление новой парадигмы, закрепившейся в обществе, предполагает начало процессов перехода из фазы хаоса в фазу порядка, то есть уравнивания системы. Эта фаза характеризуется тем, что деятельность участников дискурса направлена не на разрушение старых аксиом, а на формулирование новых. Основой новой парадигмы стала аксиома «Человек владеющий двумя или более языками не может быть сравнен с носителем-монолингвом» [20]. Эта аксиома имеет разные интерпретации, в зависимости от того, о ком идет речь, об ученике или учителе, но основная идея состоит в том, что у человека, изучающего второй, третий и т. д. язык, начинает полностью меняться мыслительный процесс и монолингв эти перемены понять невозможно, соответственно, модель носителя-монолингва непригодна в преподавании.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, мы проследили, как концепт *native speaker* за последние 30 лет развился до креативного аттрактора дискурса методики преподавания английского языка как неродного. Как известно, фазы сменяются следующим образом: порядок -> распад -> хаос -> структурирование -> порядок. Рассматривая историю развития концепта *native speaker* в англоязычном научном дискурсе преподавателей английского языка как неродного, мы видим, что в период до 80х годов XX века этот дискурс находился в фазе порядка, в 80е начался распад, что ввергло систему в хаос и привело к смене ряда аксиом и, следовательно, к сдвигу парадигмы, что породило новые концепции, например, английский как международный язык или как язык посредник. Начиная с 2005 года и по настоящее время система все еще находится в неравновесном состоянии, однако уже постепенно упорядочивая все то новое, что было порождено в период хаоса. Тем не менее, современное состояние аксиоматики концепта *native speaker* требует дальнейших исследований, в связи с продолжающимся формированием новой парадигмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: теорико-методологический анализ. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН: Институт международных связей, 2008. — 282 с.
2. Самкова М. А. Лингвосинергетическая трактовка учебно-педагогического дискурса (на материале англоязычных учебных текстов-полилогов): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Самкова Мария Андреевна; [Место защиты: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Челябинский государ-

- ственный университет»].- Челябинск, 2014.- 258 с.
3. Дрожащих Н. В. Лингвосинергетика: истоки и перспективы. // Вестник Тюменского государственного университета. №1, 2009. с. 227-234
 4. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса от психолингвистики к лингвосинергетике. Изд 4-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 288 с.
 5. Гирнык А.В. Экспериментальное исследование концепта ЖИЗНЬ: предварительные итоги // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А. А. Залевской. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2010. – Вып. 10. – С. 38–47.
 6. Мамонова Н. В. Фрактальная самоорганизация британского сказочного дискурса (на примере концепта «Welfare»): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Мамонова Наталья Васильевна; [Место защиты: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Челябинский государственный университет»].- Челябинск, 2015.- 233 с.
 7. Прошина З. Г. Смена парадигмы языкового образования? // Личность. Культура. Общество. 2012. Том XIV. Вып. 2. № 71-72. С. 176-177.
 8. Прошина З. Г. Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории. World Englishes Paradigm : учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017.
 9. Ловцевич Г. Н. English as...анализ терминов, употребляемых для обозначения английского языка. // Иностранные языки в школе. №8. 2008. с. 86-95
 10. Lovtsevich, G. N. & Ryan, S. M. (2016) Empowering teachers for excellence. Connecting professionally on ELT in Asia: Crossing the bridge to excellence. 14th AsiaTEFL@11th FEELTA International Conference on Language Teaching. 5-11.
 11. Кравченко А. В. Носители языка, родной язык, и другие интересные вещи // Т. Ю. Тамерьян (ред.). Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. №11. С. 29-37.
 12. Schmidt R. W. and McCreary C. F. (1977) Standard and Super-Standard English: Recognition and Use of Prescriptive Rules by Native and Non-Native Speakers. TESOL Quarterly, Vol. 11, No. 4, pp. 415-429. doi: 10.2307/3585738
 13. George H. V. (1971) English for Asian Learners: Are we on the right road? ELT Journal, Volume XXV, Issue 3, pp. 270–277, doi: 10.1093/elt/
 14. Jacobs G. M. and Farrell T. S. C. (2001) Paradigm Shift: Understanding and Implementing Change in Second Language Education. TESL-EJ, 5(1), pp. 1-15
 15. Leung C., Harris R. and Rampton B. (1997) The Idealised Native-Speaker, Reified Ethnicities, and Classroom Realities: Contemporary Issues in TESOL. TESOL Quarterly Volume 31, Issue 3, pp. 543–560, doi: 10.1080/01434632.2016.1257627
 16. Crystal D. (2003) The Cambridge Encyclopedia of the English Language 2nd Edition. Cambridge University Press, 506 p.
 17. Cook, V. (1999) Going beyond the native speaker in language teaching. TESOL Quarterly, 33(2), 185-209. doi: 10.2307/3587717
 18. Mydgyes, P. (1992) Native or non-native: who's worth more? ELT Journal. 46(4). 340-349. doi:10.1093/elt/46.4.340
 19. A. Holliday (2006) Native-speakerism ELT Journal, Volume 60, Issue 4, 1 October 2006, Pages 385–387, https://doi.org/10.1093/elt/ccl030
 20. Cook, V. (2015) Where is the Native Speaker Now? TESOL Quarterly, 50 (1), 186-189. doi: 10.1002/tesq.286

Статья поступила в редакцию 01.02.2018
Статья принята к публикации 27.03.2018

**О ПРАГМАТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ УСИЛИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ
(на материале русского и немецкого языков)**

© 2018

Дегтярева Людмила Михайловна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Ростовский юридический институт МВД России
(344015, Россия, Ростов-на-Дону, улица Ерёмченко, 83, e-mail: deg_55@mail.ru)

Оберемченко Елена Юрьевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии
Южный федеральный университет
(344000, Россия, Ростов-на-Дону, улица Большая Садовая, 33, e-mail: oberemtschenko@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматривается прагматический потенциал усилительных частиц в русском и немецком языках на материале текстов речевого жанра «памятка». Выбор данного речевого жанра обусловлен необходимостью теоретического осмысления используемых органами полиции России и Германии текстов памяток по правовому информированию граждан. Памятка представляет собой текст, в котором содержится информация органов внутренних дел о наиболее часто совершаемых преступлениях и о способах обеспечения безопасности граждан. Авторы статьи полагают, что текст памятки обладает прагматическим потенциалом, который реализуется при осуществлении речевого воздействия. Под прагматическим потенциалом понимается воздействующая сила речевых средств, посредством которых достигается определенный воздействующий эффект отправителя текста памятки на получателя текста памятки. Его результатом является изменение отношения получателя текста памятки к описываемым ситуациям. Для усиления речевого воздействия отправителем текста памятки используются различные речевые средства, которые усиливают прагматический эффект высказывания. К таким речевым средствам, наряду с другими, относятся и усилительные частицы. Авторы статьи приходят к заключению, что усилительные частицы придают большую убедительность информации, способствуя тем самым изменению отношения получателя текста памятки к описываемым ситуациям и совершению действий по предупреждению преступлений и обеспечению собственной безопасности. Отсутствие усилительных частиц привело бы к нейтральному стилистически оформленному высказыванию и не оказало бы действенного речевого воздействия на получателя текста памятки.

Ключевые слова: прагмалингвистика, прагматический потенциал, речевой жанр, речевое воздействие, усилительная частица, правовое информирование граждан, выбор речевых средств, памятка, отправитель текста, получатель текста, изменение отношения, предупреждение преступлений, обеспечение безопасности.

**ABOUT THE PRAGMATICAL POTENTIAL OF EMPHATIC PARTICLES
(on the material of Russian and German)**

© 2018

Degtyareva Lyudmila Mikhailovna, candidate of philological Sciences, associate Professor
of the department of foreign languages
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
(344015, Russia, Rostov-on-Don, Eremenko street, 83, e-mail: deg_55@mail.ru)

Oberemchenko Elena Yurievna, candidate of philological Sciences, associate Professor
of the department of German Philology
Southern Federal University
(344000, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya street, 33, e-mail: oberemtschenko@yandex.ru)

Abstract. The article's aim is to study the pragmatic potential of emphatic particles in Russian and German on the basis of texts of the speech genre «memo». The choice of this speech genre is conditioned by the necessity of theoretical comprehension of the texts of memos used by the police of Russia and Germany for legal informing of citizens. The memo represents the text which contains information of law enforcement bodies about the most often committed crimes and the ways of keeping safety of citizens. The authors of the article believe that the text of the memo has a pragmatical potential which is realized in the implementation of speech influence. Under pragmatical potential is understood the influencing force of speech means by means of which is reached a certain influencing effect of the sender of the text of the police memo on the recipient of this text. As a result the recipient of the text of the memo changes his behaviour to the described situations. For enhancing of speech influence the sender of the text of the memo uses various speech means which enhance pragmatical effect of a statement. Such speech means include also emphatic particles. The authors conclude that emphatic particles give greater credibility of information, promoting thereby change of the behaviour of the recipient of the text of the memo to the described situations and taking actions to the prevention of crimes and ensuring own safety. The lack of emphatic particles would lead to a neutral stylistic statement and would not have an effective speech influence on the recipient of the text of the police memo.

Keywords: pragmalinguistics, pragmatic potential, speech genre, speech influence, emphatic particle, legal information of citizens, the choice of speech means, memo, the sender of the text, the recipient of the text, the changing of the recipient's behaviour, crime prevention, safety.

Современная лингвистика рассматривает в качестве приоритетных проблемы, связанные с коммуникативной личностью, с говорящим и воспринимающим человеком, с отправителем и получателем текста. Объектом пристального внимания лингвистов стал человек и отражение его восприятия действительности в языке. К таким направлениям относится прагмалингвистика.

Прагмалингвистика фокусирует внимание на отношении человека к языковым знакам, закодированных в языке, а также на выборе наиболее удачных, с точки зрения ситуации, отправителя и получателя текста, единиц для производства высказываний. Для достижения определенной цели, оказания речевого воздействия на

получателя текста отправитель текста производит выбор тех лингвистических единиц, которые, по его мнению, оптимальны для достижения поставленной воздействующей цели.

В данной статье авторами предпринята попытка исследовать прагматический потенциал усилительных частиц на материале русского и немецкого языков. Материалом для исследования послужили тексты речевого жанра «памятка», изданные органами полиции России и Германии. Отправителем текстов памяток по информированию граждан с целью предупреждения преступлений выступают полицейские органы Российской Федерации и Федеративной Республики Германии.

Получателем текста памятки, с которым отправитель планирует вступить в письменноречевое общение, являются граждане этих стран. Тексты памяток адресованы конкретному получателю – родителям и детям, подросткам и пенсионерам, пользователям интернета, предпринимателям, туристам, владельцам магазинов, покупателям и др.

Такое взаимодействие органов полиции с гражданами связано как с ростом преступности, так и появлением новых видов преступлений. Главной задачей полиции является профилактическая работа среди населения. В своей работе органы полиции наряду со специальными формами и методами работы (патрулирование, проведение рейдов, задержание, арест преступников и др.) используют активное информирование граждан о способах предупреждения преступности и обеспечении безопасности. Для этих целей используются телевидение, интернет-ресурсы официальных сайтов полиции, а также различные памятки в форме листовок, постеров, буклетов, видеороликов и аудиосообщений в местах массового скопления людей: на вокзалах, рынках, в метро, торговых центрах и т.д.

Выбор данного речевого жанра обусловлен необходимостью теоретического осмысления используемых органами полиции текстов памяток по информированию граждан с целью предупреждения преступлений и обеспечения безопасности. При составлении памяток необходимо умело производить соответствующий выбор тех речевых средств, которыми располагает язык. Выбор речевых средств очень важен, так как способ описания той или иной ситуации может повлиять на восприятие получателем текста памятки содержащейся в ней информации и отношения к ней.

Памятка представляет собой текст, содержащий информацию правоохранительных органов о наиболее часто совершаемых преступлениях и о способах обеспечения безопасности граждан [1, с. 5].

Текст памятки обладает прагматическим потенциалом, который реализуется при осуществлении различных видов речевого воздействия – прямого, косвенного и скрытого. Под прагматическим потенциалом нами понимается воздействующая сила языковых средств, посредством которых достигается определенный воздействующий эффект отправителя текста на получателя текста в результате которого изменяется отношение получателя текста к изображаемой действительности.

Для усиления речевого воздействия на получателя текста отправитель текста использует языковые средства, которые увеличивают прагматический эффект высказывания. К таким речевым средствам, наряду с другими, относятся и усилительные частицы.

Частица как служебная часть речи не имеет самостоятельного лексического значения. Её основной функцией является внесение различных оттенков значения, дополнительных смысловых оттенков значения других слов, словосочетаний и даже целого высказывания. По определению О.С. Ахмановой частица выражает особое отношение говорящего к высказываемому событию, выделяя или уточняя какие-либо моменты или стороны в высказывании [2, с. 521].

В русском языке к отрицательным частицам относятся *вот, даже, даже и, еще, же, и, уже (уж), как, ну, определенно, просто, так, то, только, хоть, что* и др. [3, с. 180; 4, с. 546; 5, с. 245].

В немецком языке в роли отрицательных частиц выступают *aber, auch, denn, doch, durchaus, etwa, ganz, gar, gerade, höchst, immer, mal, noch, nur, schon, sehr, so* и др. [6, с. 764; 7, с. 592; 8, с. 222].

Существование в языке усилительных частиц объясняется особенностью их функции. Эта особенность заключается в том, что они «усиливают, подчеркивают, выделяют» [9, с. 165] информацию, акцентируя внимание на элементах высказывания [10, с.19] способствуя тем самым привлечению к ней внимания получателя тек-

ста памятки. Употребление усилительных частиц в высказываниях объясняется их способностью в свернутой форме сообщить больше информации, чем содержится непосредственно в самой фразе [11, с. 9-13; 12, с. 116].

Обратимся к примерам из текстов памяток на русском языке:

(1) *Опасайтесь мошенников и аферистов, будьте бдительными и никому не отдавайте свой паспорт, даже под самым благовидным предложением* [13].

(2) *Даже если сообщение прислал кто-то из знакомых вам людей, будет не лишним дополнительно убедиться в этом, ведь сообщение могло быть отправлено с зараженного телефона без его ведома* [13].

(3) *Без проверки не впускайте в квартиру посторонних, даже если они представляются сотрудниками ремонтных служб* [14].

В приведенных примерах 1-3 усилительная частица *даже* употребляется для усиления и выделения словосочетаний «*даже под самым благовидным предложением, даже если сообщение прислал кто-то из знакомых вам людей, даже если представляются*».

Выбор отправителем текста памятки частицы *даже* объясняется его стремлением донести до получателя текста памятки информацию о том, что *даже* самый благородный поступок не может служить поводом для передачи паспорта другому лицу, полученное подозрительное сообщение, *даже* со знакомого телефонного номера, может нести в себе вирус мобильного телефона или смартфона. Это может иметь непредсказуемые последствия: доступ и похищение секретной информации владельца телефона. И открывать дверь посторонним людям без проверки документов опасно, *даже* если они представляются работниками ремонтных служб, управляющей компании, поликлиники и т.д.

Отсутствие усилительных частиц в высказываниях привело бы к нейтральному стилистически оформленному высказыванию.

В рассматриваемых далее примерах 4-5 усилительные частицы *так и вот* употребляемые в начале высказывания, не только выделяют словосочетания «*с помощью спам-рассылок, фальшивые деньги*», но и с целью предупреждения преступлений, подчеркивают важность всего высказывания для получателя текста памятки о действиях интернет мошенников и о последствиях использования фальшивых денег:

(4) *Так, с помощью спам-рассылок потенциальным жертвам отправляются подложные письма, якобы, от имени легальных организаций, в которых даны указания зайти на «сайт-двойник» такого учреждения и подтвердить пароли, пин-коды и другую информацию, используемую впоследствии злоумышленниками для кражи денег со счета жертвы* [13].

(5) *Вот почему фальшивые деньги, каким бы хорошим ни было качество подделок, всегда наносят урон государству: производя стоимость из бумаги, фальшивомонетчики воруют общее достояние нации* [15].

При помощи усилительной частицы *только* отправитель текста памятки подчеркивает особую коммуникативную важность сообщаемого факта в условиях данной речевой ситуации, акцентируя на нем внимание [12, с. 113] получателя текста памятки. Продемонстрируем сказанное выше на примерах:

(6) *Любые выплаты пенсионерам осуществляются только прикрепленными социальными работниками и вы, скорее всего, знакомы с ними* [14].

(7) *Чтобы не стать жертвой мошенников, при покупке биологически активных добавок к пище следует соблюдать простые правила: покупать биологически активную добавку к пище можно только в аптеках, аптечных магазинах, аптечных киосках, специализированных магазинах по продаже диетических продуктов или специальных отделах магазинов* [14].

(8) *Чтобы отпуск не стал разочарованием, при покупке тура нужно учитывать, что туроператор-*

скую деятельность в нашей стране вправе осуществлять **только** зарегистрированные на территории Российской Федерации юридические лица, имеющие финансовое обеспечение, сведения о которых внесены в Единый федеральный реестр туроператоров [16].

Для усиления выразительности и оказания речевого воздействия на получателя текста памятки отправитель текста памятки перед усилительной частью *только* употребляет отрицание *не*, например:

(9) *Современные мошенники действуют не только силой, но и хитростью* [13].

Обратимся к примерам из текстов памяток на немецком языке:

(10) *Informieren Sie Ihre Nachbarn über die Funktion einer vorlandenen Alarmanlage und auch darüber, dass Sie Ihre Beleuchtung, Ihr Radio oder ähnliche Einrichtungen über Schaltautomaten steuern* [17].

(11) *Auch der Kontakt zu Fremden im Internet kann Kinder ängstigen* [18].

(12) *Doch es gibt dabei auch negative Seiten – wie Cybermobbing* [18].

В приведенных примерах 10-12 выбор отправителем текста памятки частицы *auch* объясняется его стремлением обратить внимание получателя текста памятки на принятие определенных мер безопасности. Необходимо проинформировать соседей о включении приборов автоматического освещения, радио и др. во время своего отсутствия, осуществлять контроль над детьми за их контактами с незнакомцами в соцсетях, исключить негативные стороны интернет-общения подростков.

Обратимся к следующему примеру:

(13) *Ziehen Sie als Autofahrer beim Parken immer den Zündschlüssel ab, ...wenn möglich sollte in diesem Fall immer jemand am Auto bleiben* [17].

Многочисленный выбор отправителем текста памятки усилительной частицы *immer* в примере 13 свидетельствует о его стремлении подчеркнуть важность постоянных мер безопасности – *всегда* вынимать ключ зажигания, *всегда* кто-то должен находиться рядом с автомобилем.

В примере 14 усилительная частица *aber* употребляется в значении *непрерывно, обязательно, конечно же*. Выбор отправителем текста памятки частицы *aber* объясняется его стремлением усилить речевое воздействие на получателя текста памятки, акцентировав его внимание на необходимости быть особенно внимательным к незнакомцам до открытия и после закрытия супермаркетов:

(14) *Achten Sie dabei aber auf Unbekannte, die hier vor Beginn und nach Ende der Öffnungszeiten warten* [19].

Рассмотрим примеры 15 – 17:

(15) *Bieten Sie diebstahlsgefährdete Artikel nur an der Kasse an* [19].

(16) *Halten Sie den griffbereiten Kassenbestand so gering wie möglich* [19].

(17) *Kinder und Jugendliche müssen so gut wie möglich vor ungeeigneten und gefährlichen Inhalten geschützt werden* [18].

В примере 15 частица *nur* стоит в препозиции к существительному *an der Kasse* и подчеркивает его коммуникативную важность, привлекает внимание к нему получателя текста памятки и усиливает на него речевое воздействие. Все это важно для обеспечения безопасности граждан и предупреждения краж из супермаркетов.

В примерах 16-17 усилительная частица *so* выбирается отправителем текста памятки для того, чтобы акцентировать внимание получателя текста памятки на значимости описываемой ситуации по обеспечению безопасности и сохранности мелких товаров, как объекте частых краж, кассовой наличности, на защищенности детей и подростков от нежелательного и опасного содержания интернет-ресурсов.

Таким образом, проведенное нами исследование на материале текстов речевого жанра «памятка» показало, Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

что усилительные частицы, как в русском, так и в немецком языке обладают прагматическим потенциалом. Под прагматическим потенциалом мы понимаем воз- действующую силу, с помощью которой достигается определенный воздействующий эффект на получателя текста памятки. Для привлечения внимания к информации и оказания на получателя текста памятки эффективного речевого воздействия отправитель текста памятки использует, наряду с другими, усилительные частицы, такие как *даже, так, вот, только, не только, также* в русскоязычных текстах памяток. В немецкоязычных текстах памяток усилительные частицы представлены *auch, immer, aber, nur, so*. Частицы придают большую убедительность представляемой органами полиции информации. Все это способствует изменению отношения получателя текста памятки к описываемым ситуациям. Получатель текста памятки будет стремиться совершить действия по обеспечению собственной безопасности – внимательнее относиться к рекламе, принимать своевременные меры безопасности по охране своего дома, автомобиля, предупреждению краж и др. Полученная информация поможет избежать обмана аферистов по незаконному использованию личных документов, мобильных телефонов, а также денежных средств. Как представляется, аналогичный анализ можно провести на материале текстов, ориентированных на массового получателя: конституций, деклараций, предвыборных программ и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дегтярева Л.М. Речевое воздействие текстов памяток правоохранительных органов на население: дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008. 184 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. 569 с.
3. Богачев Ю.П. Русский язык с основами языкознания: учебник для студ. высш. пед. учеб. Заведений. М.: Изд. Центр «Академия», 2005. 304 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
5. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Часть 2. Словообразование. Морфология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1987. 256 с.
6. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 3te, bearb. und erweit. Aufl. Mannheim: Dudenverlag, 1996. 1816 S.
7. Engel U. Deutsche Grammatik. 3te korrigierende Aufl. Heidelberg: Julius Groos Verlag Heidelberg, 1996. 888 S.
8. Eroms H-W. Syntax der deutschen Sprache. Berlin; New York: de Gruyter, 2000. 512 S.
9. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения. 257 с.
10. Оберемченко Е.Ю. Прагмалингвистический аспект речевого поведения дипломатов (на материале русского и немецкого языков): автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 23 с.
11. Сущинский И.И. О коммуникативно-прагматической категории «акцентирование» (Немецкий язык). Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 9-13.
12. Сущинский И.И. Коммуникативно-прагматическая категория акцентирования и ее роль в вербальной коммуникации (на материале немецкого языка). Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 110-120.
13. Интернет-мошенничество - памятка для граждан // <https://мвд.рф/document/1910260> (дата обращения: 15.11.2017).
14. Полиция России напоминает! // https://mvd.ru/upload/site1/a5_pensioneram_screen.pdf (дата обращения: 15.11.2017).
15. Стоп контрофакт! // <https://media.mvd.ru/files/embed/926940> (дата обращения: 25.01.2018).
16. Моя экономическая безопасность. Как не стать жертвой аферистов // <https://мвд.ру/upload/site1/>

d8091be1473990ccb 51053987edc1e5b.pdf (дата обращения: 15.11.2017).

17. Sicherheit im Urlaub // <http://www.polizei.propk.de> (дата обращения: 25.01.2018).

18. Im Netz der Neuen Medien // <http://www.polizei-beratung.de/medienangebot/detail/41-im-netz-der-neuen-medien> (дата обращения: 25.01.2018).

19. Informationen für Gewerbetreibende: Großveranstaltungen. Programm Polizeiliche Kriminalprävention. Info-blatt // <http://www.polizei.propk.de> (дата обращения: 25.01.2018).

20. Klicks - Momente // <http://www.polizei-beratung.de/medienangebot/detail/283-klicks-momente-internetnutzer> (дата обращения: 25.01.2018).

Статья поступила в редакцию 18.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2018

Дмитриева Дарья Дмитриевна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры «Русский язык и культура речи»

Курский государственный медицинский университет

(305041, Россия, Курск, улица Карла Маркса, 3а, e-mail: darja.dmitrieva2011@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения наиболее характерных для французского языка способов выражения эмоциональности на синтаксическом уровне. Известно, что роль эмоций в человеческой жизни огромна. Языковые средства, используемые для выражения эмоций говорящего и для воздействия на эмоциональную сферу слушающего представляют большой интерес для лингвистов. В статье представлены основные виды экспрессивного словорасположения во французском языке: антиципация, реприза, вынесение инфинитива в начало предложения, «рубленные фразы». Отмечается, что экспрессивный порядок слов не меняет смысл высказывания, но придаёт ему большую выразительность. Автор детально рассматривает конструкции, принадлежащие только к эмотивному (аффективному) синтаксису: безглагольные предложения, предложения с выделительным оборотом, псевдопридаточные структуры и незавершённые предложения. В статье приведены примеры предложений с данными конструкциями. Отмечается, что они создают выразительный эффект самой своей структурой. В результате исследования автор делает вывод, что синтаксические средства выражения эмоциональности, особенно приём недосказанности, широко распространены во французском языке. Материал исследования может быть использован в практике преподавания французского языка: при работе над лексикой, текстом и при выполнении коммуникативных упражнений.

Ключевые слова: французский язык, синтаксические средства, аффективный (эмотивный) синтаксис, экспрессивное словорасположение, эмоциональность, антиципация, реприза, безглагольные предложения, псевдопридаточные структуры, незавершённые предложения, приём недосказанности.

SYNTACTIC MEANS OF EMOTIONALITY'S EXPRESSION IN FRENCH

© 2018

Dmitrieva Darya Dmitrievna, candidate of pedagogical sciences, senior lecturer
of the department «Russian language and speech culture»

Kursk State Medical University

(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3a, e-mail: darja.dmitrieva2011@yandex.ru)

Abstract. The article is devoted to the problem of studying the most characteristic ways to express emotionality at the syntactic level in French. It is known that the role of emotions in human life is enormous. Language means used to express the speaker's emotions and to influence the emotional sphere of the listener are of great interest to linguists. The article presents the main types of expressive order of words in French: anticipation, reprise, putting the infinitive at the beginning of the sentence, "chopped phrases". It is noted that the expressive order of words does not change the meaning of the statement, but gives it greater expressiveness. The author considers in detail the constructions that belong only to the emotive (affective) syntax: sentences without verbs, sentences with distinguish constructions *et (nom, pronom) qui (que)*, pseudo-subordinate sentences, and incomplete sentences. The article contains examples of sentences with these constructions. It is noted that they create an expressive effect by their very structure. As a result of the research, the author concludes that the syntactic means of expressing emotionality, especially the method of understatement, are widespread in French. The research material can be used in the practice of teaching French: when working on vocabulary, text and performing communicative exercises.

Keywords: French, syntactic means, affective (emotive) syntax, the expressive order of words, emotionality, anticipation, reprise, sentences without verbs, pseudo-subordinate sentences, incomplete sentences, the method of understatement

Известно, что в человеческой жизни огромна роль эмоций. Эмоции в поведении человека имеют всеобъемлющий и всепроникающий характер. Согласно В.И. Шаховскому осознание данного факта выражается в том, что «эмоциональная сфера жизнедеятельности человека превратилась в объект активного исследования ряда наук: эволюционной и молекулярной биологии, философии, психолингвистики, социоллингвистики, общего языкознания, стилистики и т.д.» [1]. Для учёных интересна не только природа эмоций, но и их роль в познании мира, статус эмоций с позиции психологии, их соотношение с рациональным и интеллектуальным.

Лингвистов интересуют языковые средства, используемые для выражения эмоций говорящего и для воздействия на эмоциональную сферу слушающего. В последнее время большое внимание отечественных и зарубежных лингвистов привлекает проблема эмоциональности на синтаксическом уровне. Например, Т.Н. Ушакова отмечает, что эмоциональный синтаксис, то есть синтаксис эмоционально окрашенной речи не имеет границ. Фактически он охватывает различные построения, все типы предложений, произнесённые с восклицательной интонацией [2, 3].

Известно, что любое высказывание объединяет предметно-логическое содержание и оценочно-эмоциональное. По мнению Г.В. Колшанского эмоционально-оценочный объект любого высказывания должен рассматриваться как его неотъемлемая часть в рамках единого содержания [4, 5]. Однако наличие в содержании эмо-

ционально окрашенных языковых единиц объективного и субъективного начал затрудняет их изучение. Иногда невозможно провести границу между эмоциональным и неэмоциональным.

Выбор темы обусловлен ее актуальностью, так как конструкции, принадлежащие только к эмотивному (аффективному) синтаксису, то есть эмоционально окрашенные синтаксические конструкции французского языка недостаточно изучены.

Цель нашего исследования состоит в подробном рассмотрении наиболее характерных для французского языка способов выражения эмоциональности на синтаксическом уровне.

В процессе работы были использованы методы структурно-семантического анализа и структурно-функционального анализа.

Рассмотрим вопрос экспрессивного словорасположения во французском языке. Известно, что для французского предложения характерен фиксированный порядок слов. Однако, по мнению многих лингвистов, данный порядок может быть нарушен говорящим в эмоционально окрашенном предложении. Так, согласно Е.А. Реферовской при размещении слов в предложении говорящий руководствуется не только грамматической нормой, но и желанием точно передать свою мысль, а также связать её с предшествующей и последующей [6, 7]. В процессе коммуникации важно, чтобы информация была правильно понята адресатом во всех её логических и эмоционально-экспрессивных оттенках. Желание вы-

делить какой-либо член предложения приводит к изменению порядка слов. Лапп Л.М. отмечает, что эмоциональная напряжённость текста может создаваться в результате комбинаций языковых единиц, нейтральных с точки зрения языковой системы [8]. Отметим, что экспрессивный порядок слов, то есть экспрессивное словорасположение не меняет смысл высказывания. По мнению Ковтуновой Л.И. он придаёт большую выразительность высказыванию [9].

Под экспрессивным порядком слов подразумевают инвертированное расположение членов предложения, которое отличается от нормативного. Отметим, что норма – это совокупность установившихся в данное время языковых привычек и правил пользования языком в обществе [10].

Известно, что синтаксис является наиболее подвижной частью грамматического строя языка. Активные процессы, протекающие в современном языке, приводят к заметным изменениям синтаксических структур и формированию новых разновидностей их построения. При этом под синтаксической структурой понимают предложение, обладающее не только грамматической, но и информационной завершённостью [11]. Несомненно, что все модели экспрессивного синтаксиса, относящиеся к разговорной речи, являются потенциально эмотивными, сконструированными с помощью специальных языковых и речевых средств [2]. К ним относятся, в первую очередь, предложения с подчёркнутой коммуникативной структурой, то есть «сегментированные» предложения. В сегмент выносятся все именные члены предложения, исключая определение, выраженное прилагательным и обстоятельством образа действия и времени, так как они не имеют соотносимых с ними заместителей – местоимений [12 - 17].

Во французской разговорной речи мы наблюдаем не только классические случаи антиципации и репризы, но и примеры различных комбинаций, таких как вынесение инфинитива в начало предложения и «рубленные фразы». Приведём примеры данных видов экспрессивного словорасположения:

- À propos, elle n'est pas très gaie, ta letter! (антиципация);

- Oh! Ces choses- là, les femmes les devinent vite. (реприза);

- Partir, disparaître, me faire oublier et recommencer ma vie ailleurs, c'était la seule solution logique et simple... (вынесение инфинитива в начало предложения);

- Un peu... comme d'habitude... ces stupides migraines! («рубленные фразы»).

Рассматривая стилистические характеристики сегментированных предложений, Долинин К.А. приходит к выводу, что они спонтанны и эмоциональны, их родная стихия – живая речь [18]. Однако существует и другая точка зрения относительно предложений данного типа. Так Т.Н. Ушакова не считает сегментированные предложения моделями аффективного синтаксиса, так как они встречаются также в авторской речи, являясь одним из средств её выразительности [2]. Например: «Ensuite, il l'emmenait dans un restaurant, cette jeune fille pas chère et très rigolo». Также противопоставление несегментированных предложений сегментированным говорит о выразительности речи, выделении коммуникативно значимого элемента, но не о противопоставлении нейтрального (констатирующего) эмотивному (оценочному) [3].

Однако из предложений с подчёркнутой коммуникативной структурой можно выделить следующие конструкции, принадлежащие только к эмотивному (аффективному) синтаксису:

- безглагольные предложения типа: «Charmante, cette fille!»;

- предложения с выделительным оборотом: *et (nom, pronom) qui (que)*;

- псевдопридаточные структуры;

- незавершённые предложения.

Рассмотрим детально каждую из этих конструкций. Все исследователи отмечают особую экспрессивность предложений с безглагольными конструкциями. Однако дискуссионным остаётся вопрос о том, являются ли предложения с данной структурой эллиптическими и могут ли быть возведены к полным глагольным. Например: «Charmante, cette fille!» - «Cette jeune fille est charmante!».

По мнению Т.Н. Ушаковой ошибочно относить данные предложения к эллиптическим. На приведённом примере можно понять, что субъектом безглагольного предложения является говорящий, а поводом для высказывания – испытываемые им чувства, а именно восхищение девушкой [3]. Значит говорящий в своём высказывании даёт субъективную оценку. Он находит эту девушку очаровательной: «Je trouve cette jeune fille charmante!».

Согласно Н.А. Шигаревской предложения данного типа относятся к разряду инвертированных построений. Они являются не результатом использования готовых инверсий вопросного типа, а созданием инвертированных схем на базе повествовательных предложений с вынесением именной части сказуемого в начало и опущением глагола-связки [12, 13].

Конструкции данного типа сочетают в себе синтаксические средства, а именно вынесение прилагательного в начало предложения и определённое лексическое наполнение, а также содержат экспрессивно окрашенную высокую оценку качества. Отметим, что семантика прилагательных уже несёт в себе определённый оценочный смысл, выражение некоторого чувственного отношения с положительным знаком оценки. Например: *parfait, excellent, charmant, joli, magnifique, extraordinaire* и т.д. В предложениях данного типа между прилагательным и именем существительным возникает определённая пауза, которая, в большинстве случаев, выражается в письменной речи запятой. Совместно с характерной интонацией это указывает на яркий экспрессивный характер данных конструкций.

К аффективному синтаксису разговорной речи относят предложения вводимые союзом *et* в противительном значении, которые включают в себя существительные или местоимения, определяемые ложным придаточным предложением.

Например:

- C'est bête que papa ne puisse pas assister au mariage!

- Et Carole qui va se trimbaler aux Antilles!

Рассматривая данный пример, можно точно сказать об отсутствии придаточного предложения. Ш. Балли считал данные конструкции эллиптическими по своему происхождению [19]. Н.А. Шигаревская отмечает, что данные предложения являются главными. В них формой придаточного относительного передаётся экспрессивное выделение, а также подчёркивается действие и его субъект [12, 13].

Предложения данного вида возникают как эмоционально-оценочная реакция на факты окружающей действительности или предыдущее сообщение собеседника. В них выражается оценка какого-либо поступка или действия как несоответствующего действительности. Наиболее часто данные структуры имеют значение выражения досады, недовольства, сожаления и других негативных эмоций. Однако некоторые авторы отмечают возможность использования предложений с конструкцией *et (nom, pronom) qui (que)* для выражения положительных эмоций [7]. Существует также мнение, что данная конструкция утратила свою изначальную эмоциональность. Главным фактором, определяющим степень её действительной эмоциональности, является интонация [18].

Обратимся к рассмотрению следующего вида конструкций, относящихся к эмотивному синтаксису, а именно псевдопридаточных структур. Базой для формирования аффективных структур служат некоторые типы

сложноподчинённых предложений. Данные модели отличаются по своим формально-грамматическим характеристикам к придаточным частям сложноподчинённых предложений. Н.А. Шигаревская отмечает в своей работе тот факт, что после дробления сложного целого на компоненты главное предложение утрачивает все элементы, требующие раскрытия или объяснения. Одновременно с этим придаточное предложение сохраняет признаки подчинённой связи, то есть союзы и временные формы глаголов. Контактные расположенные сепарированные предложения в разговорной речи представляют собой компоненты диалога, фразы собеседников. Отметим, что существует полная и неполная сепаратизация.

При неполной сепаратизации в диалоге отделённое придаточное предложение сохраняет своё зависимое значение [12, 13].

Например:

- Oui! Mon père a su que j'ai pris plusieurs fois un verre avec vous, après les cours. Il vous a traité de tous les noms!

- Simplement parce que vous sortiez avec moi?

- Parce que je continuais à sortir avec vous après tout ce qui s'était passé!

При полной сепаратизации остаётся независимое предложение, которое характеризуется своей интонационной схемой. Единственным формальным признаком подчинённости являются союзы. Однако они выступают не как способ связи, а как средство эмоциональной акцентуации. Таким образом, новое самостоятельное предложение имеет экспрессивную окраску или усиленное значение.

Отметим, что в конструкциях, которые вводятся союзами и союзными словами причины (quand, parce que, puisque), а также союзом косвенного вопроса (si), сказуемое стоит в форме прошедшего времени.

Например:

- Ce que je voudrais c'est qu'il assiste à ton mariage!

- Si tu obtiens ça de lui!

В работах Н.А. Шигаревской отмечено, что данное ограничение связано с семантикой эмотивных предложений, возникших в результате разделения. Так в них заключено выражение модальности, указание на ирриальность действия [12, 13].

Например: *Elle bu une gorgée de café et dit: «Si tu voyais plus souvent tes enfants!»*.

Можно сказать, что придаточное самостоятельное включает в себя значения обеих частей сложноподчинённого предложения. Форма рассмотренного нами псевдопридаточного предложения необычна. Она не является правильной с точки зрения нормативной грамматики, поэтому выразительна. В предложениях данного типа эмоциональность основана на недосказанности. По мнению Т.Н. Ушаковой они аффективны не потому, что включают в себя какой-либо эмоционально окрашенный элемент, а потому, что их незавершённая структура подводит к эмоциональной оценке излагаемого факта [3].

Расстроим последнюю конструкцию эмотивного синтаксиса, а именно незавершённое предложение.

В спонтанной непринуждённой беседе непосредственный контакт между участниками коммуникации, то есть говорящим и слушающим, достаточно упрощает речевое поведение собеседников. При разработке постулатов речевого поведения Г.П. Грайс сформулировал следующие утверждения: «Высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога). Высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется» [20].

К незавершённым предложениям относятся различные неполноставные предложения с нарушенной последовательностью синтаксических отношений из-за нереализации некоторых компонентов. Различают две разновидности данных конструкций. Существуют преднамеренно незавершённые высказывания, в которых недоговорённость связана с мотивами предложения. Они не всегда выделяются исследователями как само-

стоятельные типы собственно-эмотивных предложений. Однако регулярное употребление в разговорной речи некоторых из этих высказываний свидетельствует об их воспроизводстве в качестве готовых языковых моделей [2, 3]. Данный факт позволяет рассматривать их как особый вид эмотивных предложений.

Приведём пример данных выражений.

- Mme Karma, c'est pas vous?

- Il y a ma photo en première page de tous les journaux et vous demandez si c'est moi?

- Oh! Vous savez, les journaux, nous!

Т.Н. Ушакова отмечает, что чаще всего эти предложения передают скептическое отношение говорящего, который, возможно, сопоставляет слова собеседника со своими интересами, способностями, возможностями [3].

Отметим, что незавершённые предложения соотносятся с развёрнутыми предложениями определённого типа. Например, фраза «*Oh, les petites annonces, je n'y crois plus!*» соответствует значению следующего незавершённого предложения «*Oh! Moi, les petites annonces!*». По структуре эти предложения однотипны. Они начинаются с междометия общего значения, безглагольны, содержат чаще всего местоимение 1-го лица единственного числа, а также часто имеют в начале или в конце клишированную форму: *tu sais, vous savez*.

Ко второй разновидности незавершённых предложений относятся спонтанно незавершённые конструкции. В них недосказанность вызвана оформлением высказывания на этапе его реализации [2, 3].

Например:

- Mon garçon l'a vu et ma fille aussi, elle l'a vu. Et bien d'autres. On est quand même bien obligé d'y croire. Tu n'y crois pas, toi?

- Oh! Moi, vous savez...

Следует объяснить, чем обусловлено широкое употребление приёма недосказанности в аффективном синтаксисе. В ведении диалога участвуют всегда двое – говорящий и слушающий. Они делают определённый вклад в речевое общение, соответствующий принятой цели и направлению разговора. Говорящий должен излагать свои мысли максимально полно, чтобы быть понятным. В эмоционально нейтральной речи так и происходит, то есть участники коммуникации следуют принципу полноты информации. Его нарушение ведёт к непониманию, в результате диалог не достигает поставленной цели.

Приём недосказанности используется в эмоционально окрашенной речи для выражения отношения говорящего к факту. Таким образом, мы наблюдаем обратный принцип. Говорящий предоставляет слушающему возможность домыслить его чувства, отказываясь от их выражения в полной мере, для того, чтобы передать наиболее полно своё эмоциональное отношение к чему-либо. Происходит определённое перераспределение нагрузки с говорящего на слушающего, который вынужден декодировать получаемую информацию [21]. Итак, рассмотренные нами предложения с конструкциями, принадлежащими к аффективному синтаксису, создают выразительный эффект самой своей структурой.

В результате нашего исследования можно сделать вывод, что во французском языке широко распространены синтаксические средства выражения эмоциональности. Наиболее часто в аффективном синтаксисе французского языка используется приём недосказанности. Благодаря ему имплицитруется главное в высказывании, а именно оценка и отношение говорящего к факту или событию [22].

Материал исследования может найти практическое применение, в частности, в практике преподавания французского языка: при работе над лексикой, текстом и при выполнении коммуникативных упражнений. На основе изученного материала могут быть разработаны дополнительные упражнения для развития лингвистической догадки, развития навыков беспереводного чтения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 190 с.
2. Ушакова Т.Н. Эмоциональная оценка // Французский язык в свете теории речевого общения: сб. – СПб.: Из-во СПб. ун-та, 1992. – 215 с.
3. Ушакова Т.Н. Недосказанность как один из способов эмоциональной оценки // Романские языки: семантика, прагматика, социолингвистика: сб. – Л.: Из-во ЛГУ, 1990. – 216 с.
4. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. – 232 с.
5. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. – 176 с.
6. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. Л.: Наука, 1983. – 216 с.
7. Реферовская Е.А., Васильева А.К. Теоретическая грамматика французского языка. Л.: Просвещение, 1983. – 357 с.
8. Лапп Л.М. Об эмоции научного текста // Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте: сб. – Пермь: Из-во Перм. ун-та, 1988.
9. Ковтунова Л.И. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. – 240 с.
10. Болотов В.И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. Ташкент: Фан, 1981. – 116с.
11. Величко А.В., Туманова Ю.А., Чагина О.В. Простое предложение. Опыт семантического описания. М.: Из-во МГУ, 1986. – 648 с.
12. Шигаревская Н.А. Новое в современном французском синтаксисе. М.: Просвещение, 1977. – 103 с.
13. Шигаревская Н.А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. Л.: Из-во ЛГУ, 1970. – 215 с.
14. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Наука, 1977. – 264 с.
15. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М.: Высшая школа, 1986. – 304 с.
16. Гак В.Г. Прагматические аспекты высказывания // Современные проблемы романистики: функциональная семантика: сб. – Калинин: Из-во Калинин. ун-та, 1986.
17. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
18. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л.: Просвещение, 1978. – 303 с.
19. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Иностранной литературы, 1961. – 395 с.
20. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в современной лингвистике, вып. XVII: лингвистическая прагматика: сб. – М.: Наука, 1985.
21. Рубцова Е.В. Лингвистические и экстралингвистические аспекты речи в современной парадигме научных исследований // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7, ч. 2. – С.153-155.
22. Дмитриева Д.Д. Сравнительно-сопоставительный анализ словообразовательных систем французского и английского языков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 2-2. – С. 272-275; URL: <http://applied-research.ru/ru/article/view?id=11262> (дата обращения: 26.01.2018).

Статья поступила в редакцию 29.12.2017

Статья принята к публикации 27.03.2018

© 2018

Жаткин Дмитрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой перевода и переводоведения*Пензенский государственный технологический университет**(440039, Россия, Пенза, проезд Байдукова / улица Гагарина, 1а/11, e-mail: ivb40@yandex.ru)*

Аннотация. В статье впервые вводятся в научный оборот и осмысливаются материалы, связанные с деятельностью Т.П. Знамеровской (1912–1977) как переводчицы английских поэтов. Благодаря материалам, сохранившимся в фонде И.Л. Андроникова в Российском государственном архиве литературы и искусства (ф. 3143, оп. 1, ед. хр. 1070), открывается новая грань дарования известной исследовательницы искусства итальянского Возрождения, живописи Испании и Италии XVII в. Нами приводятся полные сведения о всех сохранившихся переводах английской поэзии, выполненных Т.П. Знамеровской, при этом впервые публикуются некоторые тексты, имеющие историко-культурное значение и позволяющие дополнить представление о русской рецепции ряда значимых произведений, получивших широкий переводческий резонанс – «Песня» («Живи со мной и будь моей...») Кристофера Марло, более известная как пастораль «Страстный пастух – своей возлюбленной», «Еврейская мелодия» («Душа темна. О! натяни...») Дж.Г. Байрона, неоднократно интерпретированная в России еще в XIX в., «Песня о рубашке» Томаса Гуда, распространившаяся на волне демократического подъема благодаря переводам М.Л. Михайлова, В.Д. Костомарова, Д.Д. Минаева, Д.Л. Михаловского и актуализированная в ранние советские годы вольным переводом Э.Г. Багрицкого. Также в статье отмечается внимание Т.П. Знамеровской к наследию английского поэта викторианской эпохи Альфреда Теннисона, чье творчество не популяризировалось в советскую эпоху; полностью приводятся ее неизвестные ранее переводы из Теннисона «Ничто не умирает», «Ручей», «Зима».

Ключевые слова: Т.П. Знамеровская, поэзия, художественный перевод, история русской переводной художественной литературы, традиция, художественная деталь, русско-английские литературные и историко-культурные связи, межкультурная коммуникация.

TATIANA ZNAMEROVSKAYA – AN INTERPRETER OF ENGLISH POETS

© 2018

Zhatkin Dmitry Nikolayevich, doctor of philological sciences, professor,
Head of the chair of translation and translation studies*Penza State Technological University**(440039, Russia, Penza, Baydukova pr. / Gagarin str., 1a/11, e-mail: ivb40@yandex.ru)*

Abstract. In the article materials related to the work of T.P. Znamerovskaya (1912–1977) as a translator of English poets are introduced into scientific investigation and comprehended for the first time. Thanks to the materials preserved in the fund of I.L. Andronikov in the Russian State Archive of Literature and Art (file 3143, item 1, unit of the collection 1070), a new side of the talent of the famous researcher of the Italian Renaissance art, painting works of Spain and Italy of the XVII century is opened. We provide full information about all the surviving translations of English poetry, made by T.P. Znamerovskaya, while some texts of historical and cultural significance are published for the first time, and they make it possible to supplement the idea of the Russian reception of a number of significant works that provoked a wide translation resonance – «Song» («Live with me and be mine...») by Christopher Marlowe, better known as the pastor «The Passionate Shepherd of his Beloved», «The Jewish Melody» («The Soul Is Dark, Oh! Strain...») by J.G. Byron, repeatedly interpreted in Russia in the 19th century, «The Song of the Shirt» by Thomas Hood, spreading on the wave of democratic growth thanks to the translations of M.L. Mikhailov, V.D. Kostomarov, D.D. Minaev, D.L. Mikhalovsky and updated in early Soviet years by the free translation of E.G. Bagritsky. The attention of T.P. Znamerovskaya to the inheritance of the English poet of the Victorian era of Alfred Tennyson, whose work was not popularized in the Soviet era is noted in the article; her previously unknown translations from Tennyson's «Nothing's dying», «Stream» and «Winter» are completely given.

Keywords: T.P. Znamerovskaja; poetry; literary translation; history of Russian translated fiction; tradition; literary detail; Russian-English literary, historic and cultural relations; intercultural communication.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основываются авторы; выделение не изученных ранее частей общей проблемы. Т.П. Знамеровская (1912–1977) широко известна как исследовательница искусства итальянского Возрождения, живописи Испании и Италии XVII в. Она родилась в Москве, провела детство в Киеве, в 1926 г. переехала с родителями в город Пушкин (в ту пору называвшийся Детским Селом), где ее отец обучался на Высших командирских курсах. Татьяна Петровна долго искала себя: первое образование получила в Горном институте, затем поступила на заочное отделение исторического факультета Ленинградского государственного университета, работала в Казахстане и на Дальнем Востоке. Решительным поворотом в судьбе Т.П. Знамеровской стало открытие на историческом факультете нового искусствоведческого отделения, на которое она перевелась в 1944 г. Дальше были аспирантура, защита в 1950 г. диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения «Рибера и традиции испанского реализма», работа на университетской кафедре истории искусства в должности доцента (1949–1975). В 1950 – 1970-е гг. Т.П. Знамеровская активно занималась научной работой, опубликовала книги «Микельанджело да Караваджо.

1573–1610» (М.: Искусство, 1955), «Творчество Хусепе Рибера и проблема народности испанского реалистического искусства» (Л.: Издательство ЛГУ, 1955), «Андреа Мантенья – художник североитальянского кватроченто» (Л.: Издательство ЛГУ, 1961), «Сальватор Роза» (М.: Изобразительное искусство, 1972), «Направление, творческий метод и стиль в искусстве» (Л.: Ленинградское отделение Общества «Знание» РСФСР, 1975), «Проблемы кватроченто и творчество Мазаччо» (Л.: Изд-во ЛГУ, 1975). На основе последней из перечисленных книг в 1975 г. Т.П. Знамеровская защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора искусствоведения. И даже после смерти Татьяны Петровны, последовавшей в 1977 г., продолжали выходить ее книги, результаты работы последних лет жизни – «Неаполитанская живопись первой половины XVII века» (М.: Искусство, 1978), «Веласкес» (М.: Изобразительное искусство, 1978), «Хусепе Рибера» (М.: Изобразительное искусство, 1981; переизд. в 1982 г.).

Многие современники хорошо знали Т.П. Знамеровскую как переводчицу с испанского и итальянского языков, хотя в целом она работала «в стол», а ее переводы печатались крайне редко (известен факт публикации ее интерпретаций сонетов Рафаэля в №2 журнала «Научные доклады высшей школы. Филологические

науки» за 1964 г.). Но о том, что она обращалась к переводу английской поэзии, было известно только самым близким, в частности, И.Л. Андроникову, которому она отдала аккуратно перепечатанный на пишущей машинке и любовно переплетенный экземпляр собрания своих переводов. Экземпляр в фонде И.Л. Андроникова напечатан через копировальную бумагу, из чего можно предположить, что сборник изготавливался в нескольких экземплярах, один из которых наверняка может быть обнаружен в фонде Т.П. Знамеровской в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга, где одно из дел озаглавлено «Переводы стихов зарубежных поэтов» (ф. Р-122, оп. 1, дело 20, 394 лл.). В последнее время внимание исследователей привлекает русская рецепция целого ряда произведений, переведенных Т.П. Знамеровской, в частности, «Песни» («Живи со мной и будь моей...») Кристофера Марло [1, с. 97–100; 2, с. 3–7], «Еврейской мелодии» («Душа темна. О! натяни...») Дж.Г. Байрона [3, с. 301–306; 4, с. 101–109], «Песни о рубашке» Томаса Гуда [5, с. 69–82], в связи с чем архивная находка позволила дополнить имеющиеся материалы новыми фактическими данными, интересными наблюдениями. Также обращение к переводам Т.П. Знамеровской соответствует общему вниманию к истории русского поэтического перевода XX в., истории русской переводной художественной литературы, существенно усилившемуся в последние десятилетия [см.: 6, с. 225–241; 7, с. 199–206; 8, с. 736–740; 9, с. 693–697; 10, с. 250–256; 11, с. 245–251].

Формирование целей статьи (постановка задач). В статье ставится цель ввести в научный оборот материалы, связанные с деятельностью Т.П. Знамеровской как переводчицы английских поэтов, а также представить неизвестные ранее переводы «Песни» («Живи со мной и будь моей...») Кристофера Марло, более известной как пастораль «Страстный пастух – своей возлюбленной», «Еврейской мелодии» («Душа темна. О! натяни...») Дж.Г. Байрона, неоднократно интерпретированной в России еще в XIX в., «Песни о рубашке» Томаса Гуда, распространившейся на волне демократического подъема благодаря переводам М.Л. Михайлова, В.Д. Костомарова, Д.Д. Минаева, Д.Л. Михаловского и актуализированной в ранние советские годы вольным переводом Э.Г. Багрицкого, а также трех стихотворений английского поэта викторианской эпохи Альфреда Теннисона – «Ничто не умирает», «Ручей», «Зима». Переводы хранятся в фонде И.Л. Андроникова в Российском государственном архиве литературы и искусства (ф. 3143, оп. 1, ед. хр. 1070) [12]. Решение научных задач позволяет расширить представления о русской переводческой рецепции английской поэзии в XX в., дает новые материалы для истории русской переводной художественной литературы.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Сохранившаяся в фонде И.Л. Андроникова машинопись Т.П. Знамеровской открывается стихами неизвестных английских авторов шекспировского времени, а также произведениями Ричарда Барнфилда («Песня» («Был веселый месяц май...»), «Песня» («Нет для стад...»), «Сонет» («О если б с музыкой по воле муз...»)) [12, л. 4–8], Бартоломе Гриффин («Сонет» («Раз у ручья, сгорая страстью томной...»)) [12, л. 10] и Кристофера Марло:

ПЕСНЯ

Живи со мной и будь моей.
Нам будет сладко среди полей
Вдыхать весенний аромат,
Со склонов каменных громад
Следить задумчиво вдвоем,
Как вниз в озерный водоем
Потоки падают со скал,
Журча долинам мадригал.
Я ложе сделаю из диких

Фиалок, лилий и гвоздики,
Украшу плащ и пояс твой
Душистой миртовой листвою.
Сверкнут в застежках, желт и ал,
Янтарь прозрачный и коралл.
Ах, страстен, нежен буду я,
Лишь полюби и будь моя [12, л. 9].

На том же листе Татьяна Знамеровская предлагает свое прочтение «Ответа» Уолтера Рейли, поясняя, что «в укоренившемся русифицированном произношении» это – «Вальтер Ралей, знаменитый пират времен королевы Елизаветы»: «Когда бы юн был мир, когда / Любовь была бы молода / И пастухов правдива речь, / Мою б любовь ты смог привлечь» [12, л. 9].

Основу архивного сборника составляет подборка поэзии Шекспира, включающая такие произведения как «Песня» («Как-то раз весною...») [12, л. 15], «Феникс и горлица» [12, л. 16–17], «Надгробный гимн» («Верность, нежность, красота...») [12, л. 18], стихи из сборника «Страстный Пилигрим» («Не твой ли взор риторикой своей...») [12, л. 19], «Во имя верности неверным клятве став...» [12, л. 20], «Любовная жалоба» [12, л. 21–30]. Далее следует перевод всех сонетов Шекспира (с 1 по 154-й), помещенный на лл. 31–184.

Из английской романтической поэзии Т.П. Знамеровскую привлекает только одно произведение – «Еврейская мелодия» («Душа темна. О! натяни...») Дж.Г. Байрона:

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Душа темна. О! Натяни
Струну, пока внимать могу я;
Разбудят пусть персты твои
На струнах песнь, мой слух волнуя.
И если в сердце жива надежда,
С той песней сила вернется к ней.
И если слезы блеснут на веждах,
Пожар угаснет в груди моей.
Но пусть напев твой, глубокий и дик,
Таит сначала лишь боль и гнев.
Певец, ты слышишь, чтоб я поник,
Чтобы рыдал я под твой напев.
Ведь слишком долго, огня полно,
Молчало сердце, в тоске любя,
И вот разбится оно должно
Иль в звучной песне излить себя [12, л. 185].

Бесспорно, этот перевод стал попыткой творческого диалога с великими предшественниками, среди которых Н.И. Гнедич («Душе моей грустно...»), М.Ю. Лермонтов («Душа моя мрачна...»), И.А. Бунин («Спешите, певец, скорее арфу взять...»), взглядом на байроновское стихотворение из новой исторической реальности. В 2017 г. стараниями В.А. Резвого в научный оборот был введен еще один доселе неизвестный перевод этого стихотворения, созданный современником Т.П. Знамеровской, знаменитым переводчиком Г.А. Шенгели: «Мрак на душе!.. Скорей настрой / Псалтерион – отраду слуха; / Пусть, в пальцах легких, струнный строй / Журчаньем ровным тронет ухо. / Коль есть надежды в недрах духа, – / Волшебству звука их извлечь, / Коль взор слезу скрывает глухо, – / Ей брызнуть и мой мозг не жечь!» [см. полностью: 13, с. 355].

На последующих страницах архивного собрания – переводы стихотворений поэта викторианской эпохи Альфреда Теннисона, популярного в дореволюционной России, но почти забытого в советское время. Долгое время единственным переводчиком А. Теннисона с начала 1920-х по начало 1970-х гг. считался С.Я. Маршак, интерпретировавший всего три произведения, однако разыскания последних лет позволили выявить относящиеся к этому периоду неопубликованные или забытые переводы Л.Н. Мартынова, О.Б. Румера, А.И. Недогонова, А.Б. Свирицкого. Теперь общая картина может быть до-

полнена и сохранившимися в архиве тремя переводами Т.П.Знамеровской.

НИЧТО НЕ УМИРАЕТ

Когда ж ручей устало смолкает,
Чтоб отдохнуть?
И крылья ветер разве опускает,
Прервав свой путь?
И все-таки природа умирает?
Нет, никогда, о нет, ничто не умирает!
Поток бушует,
И ветер дует,
И дым несется,
И сердце бьется,
Ничто, ничто не умирает [12, л. 186].

РУЧЕЙ

Журчу, болтаю, лепечу,
Бурля по гальке с плеском,
И плесов гладь смутить хочу
И взлетом брызг, и блеском.
Я размываю берега,
Струя свои извивы,
Украшив мысы и луга
Кустами бледной ивы.
Журчу, шепчу... Идут года,
Проходят люди мимо,
Придут, уйдут... Но я всегда
Бегу неутомимо [12, л. 187].

ЗИМА

Мороз за плечами,
И плохо с дровами,
И крепнет лед,
И жарче пламя;
Мороз ночами
Кусает, как пес, уходящий год.
Кусай, мороз, кусай!
Пусть снег сверкает ярче,
Пусть пламя в печке жарче,
Пусть солнце в полдень ниже, –
Весна моя все ближе.
Ты можешь сердце земли кусать,
Но только не мое [12, л. 188].

Следом за переводами из Теннисона в архивном сборнике расположен перевод «Песни о рубашке» Томаса Гуда, ранее переведившейся М.Л.Михайловым, В.Д.Костомаровым, Д.Д.Минаевым, Д.Л.Михаловским, Э.Г.Багрицким. При переводе «Песни о рубашке», как верно отмечает Ю.В.Холодкова, М.Л.Михайлов акцентировал своеобразие поэтического синтаксиса и эвфонической интонации оригинала, Д.Л.Михаловский осуществил опущение значимых авторских рефренов, сокращению количества строк, Д.Д.Минаев изменил ритмико-интонационную организацию подлинника в своем стремлении сгладить резкость сохраненных им гудовских повторов, Э.Г.Багрицкий привнес страстный монолог поэта, романтическую символику, гиперболизированные образы, напряженные контрасты, бурную динамику [см. подробнее: 14, с. 217]. В переводе Т.П.Знамеровской ощущается характерное женское начало, проявляющееся в особом сочувствии к загнанной постоянной работой швее.

ПЕСНЯ О РУБАШКЕ

Красные веки, болит рука,
Одежда – лохмотья и грязь.
Так женщина вечно с иглой сидит,
И дни и ночи трудясь.
Стежок – стежок – стежок!
Устала, бледна, голодна,
Но голос ее от боли глубок,
Поет о рубашке она.

Трудись – трудись – трудись!
Пусть мозг сжигает слеза.
Трудись – трудись – трудись,
Пока не померкнут глаза!
Швы, обшлага, воротник,
Складки с обеих сторон...
Взор в дремоте поник, –
Что же? Дошьешь сквозь сон.

О те, кому дороги мать,
Сестры, жена, семья!
Не ткань рубашек носите вы,
А жизни таких, как я!
Стежок, стежок за стежком!
Я шью, я шью и молчу,
Но вместе с рубашкой сдвоенным швом
Себе же саван строчу.

Трудись – трудись – трудись!
Всегда от зари до зари.
А что в награду? Жесткий тюфяк,
Лохмотья и сухари.
Сломанный стол, кривая скамья
Да потолок с дырой,
И стены... Я рада, что тень моя
Их украшает порой.

Трудись – трудись – трудись!
Без отдыха, без утех!
Трудись – трудись – трудись,
Как узник за тяжкий грех.
Шей за рубашкой рубашку без дум
Вплоть до воротника,
Пока ослабеет притупленный ум,
Так же, как и рука.

О если бы даже короткий миг
Мне отдых с собою принес!
Не для любви и надежд досуг,
Хотя бы время для слез!
Они б облегчили сердце хоть раз
Томящееся во мгле...
Но ведь каждая капля, упав из глаз,
Могла б помешать игле.

Красные веки, болит рука,
Одежда – лохмотья и грязь.
Так женщина ночи и дни сидит,
Упорно иглой трудясь.
Устала, бледна, голодна...
И голосом скорби (он слаб и тих,
Но если бы он до богатых достиг!)
Поет о рубашке она [12, л. 189–190].

Завершают машинописную книгу Т.П.Знамеровской переводы из Лонгфелло – отрывок из «Псалма жизни» [12, л. 191] и «Раб в страшном болоте» [12, л. 192].

Осмысливая сохранившиеся материалы, можно констатировать, что переводчица, в полном соответствии со своими научными и искусствоведческими интересами, преимущественно интересовалась английской литературой XVI–XVII вв., прежде всего – эпохой Шекспира, и гораздо меньше – английской романтической, викторианской и демократической поэзией; произведения английских поэтов XX в. Т.П.Знамеровская не перевела.

Выводы исследования и перспективы дальнейшего изысканий данного направления. Переводы Т.П.Знамеровской из английских поэтов, характеризуясь определенной вольностью в передаче формы и содержания оригиналов, вместе с тем свидетельствовали об эрудиции и творческих дарованиях переводчицы. В основном Т.П.Знамеровская обращалась к произведениям, уже прочно вошедшим в русскую литературу, к творчеству

авторов, переиздававшихся в современную ей эпоху (Шекспир, К.Марло, Дж.Г.Байрон, Т.Гуд и др.), однако привлекают внимание и интерпретации стихотворений Альфреда Теннисона, крайне мало переведившегося в 1920–1970-е гг. В перспективе может представлять интерес рассмотрение выполненных Т.П.Знамеровской переводов сонетов Шекспира в контексте достижений ее предшественников и современников, сопровождающееся публикацией отдельных, наиболее удачных архивных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Рябова А.А., Жаткин Д.Н. Многообразие русских переводов стихотворения Кристофера Марло «Страстный пастух – своей возлюбленной»: опыт анализа // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 97 – 100.

2. Рябова А.А., Жаткин Д.Н. Пасторальное стихотворение Кристофера Марло «Страстный пастух – своей возлюбленной»: опыт анализа // Художественный перевод и сравнительное литературоведение – VII: Сб. научных трудов. – М.: Флинта; Наука, 2017. – С. 3 – 7.

3. Жаткин Д.Н., Милотаева О.С. Стихотворения Дж.-Г. Байрона из цикла «Еврейские мелодии» в художественной интерпретации Д.Е.Мина // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – №5 (30). – С. 301 – 306.

4. Жаткин Д.Н., Крехтунова Е.В. Цикл «Еврейские мелодии» Дж.-Г.Байрона в творческой интерпретации Д.Л.Михаловского // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – Вып. 10. Филология. – С. 101 – 109.

5. Жаткин Д.Н., Холодкова Ю.В. Томас Гуд в русской литературной критике и общественной полемике 1860-х – начала 1880-х гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – №3 (23). – С. 69 – 82.

6. Жаткин Д.Н. Русские переводы Р.Бёрнса и У.Блейка в восприятии К.И.Чуковского // Художественный перевод и сравнительное литературоведение – II: Сб. научных трудов. – М.: Флинта; Наука, 2014. – С. 225–241.

7. Жаткин Д.Н. Д.Г.Россетти в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 2. – С. 199–206.

8. Жаткин Д.Н. Томас Мур в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10. – Ч. 4. – С. 736–740.

9. Жаткин Д.Н. Роберт Бёрнс и К.И. Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3. – Ч. 4. – С. 693–697.

10. Круглова Т.С., Жаткин Д.Н. Немецкие страницы переписки К.И.Чуковского с Л.К.Чуковской // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – №6 (28). – С. 250–256.

11. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в переписке Л.К.Чуковской с Д.С.Самойловым // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 1. – №6 (28). – С. 245–251.

12. Знамеровская Т.П. «Как медленно свершаю я свой путь!..», «Любовная жалоба», «Ты для меня как воздух, как еда...» и др. Переводы стихотворений Б.Гриффина, У.Шекспира и др. с английского языка. Машинопись в переплете. 1930-е – 1960-е гг. // Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 3143 (И.Л.Андроников). – Оп. 1. – Ед. хр. 1070. – 192 лл.

13. Лорд Байрон. Лирика в переводах Георгия Шенгели / Вступ. статья и примечания В.А.Резвого. – М.: Центр книги Рудомино, 2017. – 464 с.

14. Холодкова Ю.В. Восприятие и осмысление русской литературой и литературной критикой второй половины XIX – начала XX века творчества Томаса Гуда: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Саратовский государственный

университет им. Н.Г.Чернышевского. – Саратов, 2013. – 249 с.

Статья подготовлена по проекту № 17-18-01006 Российского научного фонда «Эволюция русского поэтического перевода (XIX – начало XX века)».

*Статья поступила в редакцию 22.01.2018
Статья принята к публикации 27.03.2018*

УДК 811.1

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ
И ЕЕ ТАКТИК (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕБАТОВ Д.ТРАМПА И Х.КЛИНТОН)

© 2018

Зюбина Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
Южный федеральный университет

(344082, Россия, Ростов-на-Дону, улица Б.Садовая, 33, e-mail: iazyubinay@sfedu.ru)

Аннотация. Статья посвящена проблеме реализации тактик негативной вежливости в речах кандидатов в президенты США Д. Трампа и Х. Клинтон в предвыборных дебатах. В ходе исследования выделены следующие тактики: дистанцирование, смягчение, уменьшение импозиции, деперсонализация, ритуализированность, просьба, пессимизм, извинение, представление суждения как личного мнения. Из результатов сравнения можно сделать вывод, что Д. Трамп и Х. Клинтон во время предвыборных дебатов довольно часто актуализируют негативную вежливость. Наиболее употребляемыми тактиками являются смягчение и деперсонализация. Тактика представления суждения как собственного мнения – третья по частоте использования и у Д. Трампа, и у Х. Клинтон. Однако кандидаты в президенты США неравномерно актуализируют тактики стратегии негативной вежливости. Д. Трамп не только чаще (на 10%) использует конструкции, характерные для негативной вежливости, но он и более разнообразен в выборе тактик. Тактики пессимизма, просьбы и уменьшения импозиции удалось найти только в его высказываниях. Это характеризует Д. Трампа как хорошего оратора и политика, что предоставило ему больше шансов одержать верх в предвыборной гонке. В речи же Х. Клинтон преобладает тактика ритуализированности. Самая редкая по частоте использования в данных дебатах тактика извинения.

Ключевые слова: стратегия, тактика, негативная вежливость, предвыборные дебаты, Д. Трамп, Х. Клинтон, дистанцирование, смягчение, уменьшение импозиции, деперсонализация, ритуализированность, просьба, пессимизм, извинение, представление суждения как личного мнения.

ACTUALIZATION OF THE COMMUNICATIVE STRATEGY OF NEGATIVE POLITENESS
AND ITS TACTICS (ON THE DEBATES OF D. TRAMP AND H. CLINTON)

© 2018

Zyubina Irina Anatolevna, candidate of philological sciences, associate professor of the Linguistics and professional communication chair
Southern Federal University

(344082, Russia, Rostov-on-Don, street B. Sadovaya, 33, e-mail: iazyubinay@sfedu.ru)

Abstract. The article is devoted to the implementation of tactics of negative politeness in the speeches of US presidential candidates D. Trump and H. Clinton in the pre-election debates. In the course of the study, the following tactics are distinguished: distancing, softening, reducing the imposition, depersonalization, ritual, request, pessimism, apology, judgment as a personal opinion. From the results of the comparison, we can conclude that D. Trump and H. Clinton, during the pre-election debate, often use the negative politeness. The most common tactics are softening and depersonalization. The tactics of presenting judgment as a personal opinion is the third in frequency of use in both D. Trump and H. Clinton's speeches. However, the candidates for the US presidency unevenly use the tactics of the strategy of negative politeness. D. Trump uses constructions, which are characteristic for negative politeness, not only more often (10% more), but he is more diverse in the choice of tactics. Tactics of pessimism, request and reducing the imposition were found only in his statements. This fact characterizes D. Trump as a good speaker and politician, which gave him a better chance to win in the election race. In the speeches of H. Clinton, the tactics of ritualization prevails. And the most rare in the frequency of use in the debate are the tactics of apology.

Keywords: strategy, tactics, negative politeness, pre-election debate, D. Trump, H. Clinton, distancing, softening, reducing the imposition, depersonalization, ritual, request, pessimism, apology, judgment as a personal opinion.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В речевой коммуникации существует огромное количество речевых стратегий, используемых говорящими для достижения определённых целей и выполнения различных задач в разных типах дискурса [1-15]. В рамках данной статьи будет рассмотрена стратегия негативной вежливости как важная составляющая предвыборного дискурса.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. В общем понимании, вежливость – это эмоциональное и поведенческое выражение человеческого уважения к окружающим, которое характеризуется проявлением доброжелательности, внимания, взаимовыручкой, тактичностью. С точки зрения речевой коммуникации вежливость является универсальной коммуникативной категорией, которая представляет собой систему стратегий поведения, имеющих национальную специфику. Эти стратегии, в свою очередь, направлены на бесконфликтное и гармоничное общение, а также соответствуют ожиданиям партнера.

Вежливость – это центральная коммуникативная категория, так как она выступает регулятором поведения людей, а также предопределяет выбор соответствующих единиц невербальной и вербальной коммуникации. Если знать, как функционирует этот механизм, можно

эффективно функционировать и ориентироваться в незнакомом коммуникативном пространстве, иногда даже в том, которое относится к совершенно иной культуре. Языковая вежливость выполняет коммуникативную функцию и несет в себе определенную информацию [16, с. 7].

Когда собеседники вступают в процесс общения, они заинтересованы в том, чтобы поддерживать и сохранять лицо друг друга. Для данной цели они используют целую систему коммуникативных стратегий. В рамках исследования вопроса вежливости следует разграничивать такие понятия, как позитивная вежливость (positive politeness), основанная на сближении (approach-based), и негативная вежливость (negative politeness), основанная на дистанцировании (avoidance-based). Данные стратегии вежливости имеют противоположную направленности и представляют собой обширную систему коммуникативных тактик, которые помогают коммуникантам достигать основные цели вежливого общения [16, с. 86].

Основными принципами вежливого поведения являются демонстрация солидарности и сохранение дистанции. Иными словами, быть вежливым значит демонстрировать собеседнику свою солидарность и понимание, но при этом сохранять определенную дистанцию, что является выражением особого уважения к нему. В речевой коммуникации негативная вежливость играет более важную роль, чем позитивная, она оказывает

большее влияние на собеседника, открывает больше возможностей для управления ситуацией, а также для речевых манипуляций. Негативная вежливость является своего рода ядром вежливого поведения, а позитивная вежливость менее очевидна.

Когда коммуникант вступает в речевой контакт, а также когда он поддерживает его в дальнейшем, его основной задачей является приблизить собеседника и сократить разделяющую их дистанцию. Именно для этой цели активно используются стратегии позитивной вежливости. Но при этом нельзя приближаться слишком близко, собеседник может воспринять такое поведение как вторжение в личную зону и немедленно прекратить общение или же обострить конфликт. Обе ситуации можно приравнять к коммуникативной неудаче. Поэтому для демонстрации своего взаимного уважения, независимости и почтения, коммуниканты прибегают к стратегиям дистанцирования. Можно сказать, что вежливость является соблюдением баланса и равновесия между демонстрацией солидарности и дистанцированного уважения отношений [17, с. 39].

В исследованиях в области межкультурной коммуникации значительная часть внимания уделяется стратегиям негативной вежливости, стратегиям дистанцирования. Существует мнение, что вежливость, которая является необходимым условием общения, особенно важна при побуждении партнера к действию [18, с. 62]. Главная цель стратегии негативной вежливости – это демонстрация уважения личной автономии адресата. Данная стратегия тесно связана, в первую очередь, с побудительными речевыми актами. В подобных речевых ситуациях говорящий оказывает коммуникативное давление на собеседника. Мария Сифиано в своих лингвистических исследованиях пишет, что «негативная вежливость минимизирует невежливость невежливых иллюкций, в то время как позитивная вежливость усиливает вежливость вежливых иллюкций» [19, с. 29].

Согласно работам П. Брауна и С. Левинсона, негативная вежливость – это основа уважительного поведения («heart of respectful behaviour»: что дословно переводится как «сердце уважительного поведения» [16, с. 129]. Негативная вежливость – это набор точно разработанных тактик, которые помогают говорящему продемонстрировать его собеседнику признание его личной автономии и независимости. Более того, эти тактики могут заверить собеседника в отсутствии у говорящего намерений нарушить границы, стоящие между коммуникантами. В случае покушения на свободу адресата коммуникативные тактики способны также минимизировать импозицию, то есть воздействие на него.

Тактики негативной вежливости нацелены на социальное дистанцирование, то есть на создание коммуникативных барьеров, границ ('hedges' в терминологии П. Браун и С. Левинсона). Речевые барьеры помогают контролировать процесс коммуникации, избежать сближения и обозначить наличие дистанции между собеседниками. Таким образом происходит демонстрация взаимного уважения [20, с. 145].

Угрожающий лицу речевой акт (Face Threatening Act – FTA) – понятие, которое ввели авторы теории негативной вежливости. Под речевыми актами, угрожающими «негативному лицу» адресата, подразумеваются приказ, предупреждение, угроза и совет. Также к ним можно отнести предложение, приглашение и просьбу. Иными словами во всех этих речевых актах говорящий побуждает своего слушателя совершить какое-либо действие, затрагивающее его личную свободу, или же в них затрагиваются чувства или интересы адресата [16, с. 95]. Можно сказать, что абсолютно все тактики, используемые в рамках негативной вежливости, непременно направлены на реализацию гиперстратегии вежливости дистанцирования. Её главной целью является максимальное смягчение степени воздействия на собеседника и одновременно с этим демонстрация уважения к его

личной автономии и независимости.

Высказывание будет звучать более косвенно, если использовать в нём максимально возможное количество конструкций, выражающих негативную вежливость. Владение тактиками дистанцирования – это необходимый навык для ораторов, политиков и людей, которые выступают на публике, являются участниками переговоров или дебатов. Негативная вежливость сводит к минимуму давление и нажим на адресата, уменьшает категоричность побуждения – это помогает регулировать степень вежливости.

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью статьи является изучение реализации тактик негативной вежливости (таких как: дистанцирование, смягчение, уменьшение импозиции, деперсонализация, ритуализированность, просьба, пессимизм, извинение, представление суждения как личного мнения) в речах кандидатов в президенты США Д. Трампа и Х. Клинтон в предвыборных дебатах [21-23].

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. На основе выделенных тактик негативной вежливости представляется возможным проведение сопоставительного анализа актуализации негативной вежливости кандидатов в президенты США Д. Трампа и Х. Клинтон. Результаты исследования оформлены в Таблице 1 «Реализация тактик стратегии «негативная вежливость»».

Таблица 1 – Реализация тактик стратегии «негативная вежливость»

	Тактики	Кол-во Д. Трамп	%	Кол-во Х. Клинтон	%	Всего
1.	Смягчение	18	42%	16	46%	44
2.	Уменьшение импозиции	4	9%	0	0%	4
3.	Деперсонализация	5	12%	7	20%	12
4.	Ритуализированность	3	7%	6	17%	9
5.	Просьба	3	7%	0	0%	3
6.	Пессимизм	3	7%	0	0%	3
7.	Извинение	1	2%	1	3%	2
8.	Представление суждения как собственного мнения	6	14%	5	14%	11
	Всего	43	100%	35	100%	78

Исходя из данных таблицы, можно сделать следующие выводы: Дональд Трамп и Хилари Клинтон во время предвыборных дебатов довольно часто использовали негативную вежливость, всего было найдено 78 употреблений. Чаще к данной стратегии обращался Д. Трамп, общий процент употребления им тактик дистанцирования составляет 55,1%, у Х. Клинтон – 44,9%. Оба политика, находясь в рамках формального общения, имея различные точки зрения, которые они оспаривали на протяжении всех дебатов, соблюдали нормы публично-го выступления и дистанцию коммуникации.

Наиболее употребимой тактикой является тактика смягчения. К ней практически в равной степени обращались как Д. Трамп, так и Х. Клинтон (42% и 46% соответственно от общего количества употреблений тактик). Это свидетельствует о том, что во время дебатов политикам часто приходилось использовать ограничители, чтобы сгладить резкую форму ответа или смягчить обострившийся диалог, переводя его в другое русло.

Второй по частоте использования является тактика деперсонализации, к которой также прибегали оба политика (Д. Трамп – 12%, Х. Клинтон – 20%). Политики в своих высказываниях стремились уменьшить акцент на себе, сделать акцент на общей цели или же старались звучать более скромно. В некоторых случаях оппоненты использовали инклюзивные местоимения множественного числа, чтобы подчеркнуть единство со своей страной и людьми, проживающими в ней. Этот приём помогает говорящему дистанцироваться от своего собеседника.

Из результатов сравнения можно сделать вывод, что

Д. Трамп более разнообразен в выборе тактик. Так, тактики пессимизма, просьбы и уменьшения импозиции удалось найти только в его высказываниях. И если учитывать тот факт, что Трамп использовал на 10% больше конструкций, можно сделать вывод, что он больше стремится к дистанцированию. Используя тактику уменьшения импозиции, он не оказывает на Клинтон прямого воздействия, не нарушает её личную автономию. А с помощью тактики пессимизма он выражает своё уважение к оппоненту. Просьбы позволяют ему звучать некатегорично, косвенно побуждать собеседника к действию. Это характеризует Трампа как хорошего оратора и политика, давая ему больше шансов одержать верх в предвыборной гонке.

Тактика представления суждения как собственного мнения – третья по частоте использования. И у Д. Трампа, и у Х. Клинтон по 14% употреблений. Во время предвыборного дискурса политикам постоянно приходится высказывать своё мнение относительно какого-либо вопроса, а также по поводу своего оппонента. Делать это напрямую, открыто критикуя позицию или поведение своего собеседника, не принято в обществе, потому что это может прозвучать резко или даже неэтично. Поэтому оба политика представляли свои высказывания просто как свое личное мнение, тем самым делая его менее категоричным.

Тактика ритуализированности преобладает в речи Х. Клинтон – 17%, тогда как у Д. Трампа 7% употреблений. Использование ритуализированных конструкций помогает выражать свою точку зрения, высказывать предложения или комментировать что-либо, при этом звуча дистанцированно.

Тактика извинения – самая редкая по частоте использования в данных дебатах. Удалось найти всего лишь по одному примеру от каждого политика (Д. Трамп – 2% от общего количества тактик, Х. Клинтон – 3%). Такое редкое использование извинений связано с тем, что дебаты – это платформа, на которой оппоненты априори настроены друг против друга и имеют различные точки зрения. Нет необходимости извиняться за несогласие друг с другом в том или ином вопросе. Также, находясь перед большой аудиторией, политики не позволяют себе действий или высказываний, за которые потом придётся просить прощения.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Умение быть вежливым, в частности, умение грамотно использовать негативную вежливость, – это очень важное для политика качество. Особенно для человека, который претендует на должность президента государства. Знание большого количества тактик дистанцирования, их комбинирование, уместное использование – это показатель компетентности политика, его способностей к управлению оппонентом и аудиторией. Как мы видим, Д. Трамп значительно преуспел в использовании тактик негативной вежливости, он более разнообразен в их выборе и использует их чаще, чем его оппонент – Х. Клинтон. Именно Д. Трамп в итоге стал президентом США, это доказывает, что он смог произвести большее впечатление на электорат, представив себя как грамотного политика, на которого можно возложить управление страной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белова В.Ф., Зюбина И.А., Лесняк М.В., Матвеева Г.Г. Универсальный характер коммуникативных стратегий в парламентских дебатах // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2016. – Вып.3 (57). – С. 53-60.
2. Зюбина И.А. Отражение личных потребностей в убеждающей коммуникации (на примере Британского парламента) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 4. – С. 162-164.
3. Зюбина И.А. Фрагмент прагмалингвистическо-

го анализа речевого поведения парламентариев Великобритании // Политика и политики: политический дискурс как объект лингвистического анализа (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.): Научное издание / Под ред. Д. А. Крячкова, Д.Н. Новикова. – Издательство «МГИМО-Университет», 2015. – С. 125-131.

4. Зюбина И.А., Иванова А.А., Кумпан Н.А. Междисциплинарный характер современного парламентского дискурса // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2016. – Вып. 4 (58). – С. 107-113.

5. Зюбина И.А., Кудряшова А.Н., Дзюбенко А.И. Особенности обвинительной речи в суде присяжных заседателей // Философия права, 2016, № 2 (75). ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России». – С. 18-22.

6. Зюбина И.А., Матвеева Г.Г. Прагмалингвистический аспект речевого портрета / Pragmalinguistic Aspect of Speech Portrait // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй научно-практической конференции (Москва, 24–25 апреля 2015 г.). Т. 1 / отв. ред. Д. А. Крячков ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации. – М.: МГИМО–Университет, 2015. – С. 320-325.

7. Зюбина И.А., Матвеева Г.Г. Предвыборный политический дискурс Д. Трампа и Х. Клинтон (прагмалингвистический аспект) // «25 лет внешней политике России»: сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т. 5 : Социально-гуманитарные аспекты международных отношений. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. А. В. Мальгина ; [науч. ред.: А. В. Шестопал и др.] ; Моск. гос. ин-т междунар. Отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциация междунар. исследований (РАМИ). – Москва : МГИМО–Университет, 2017. – 389, [5] с. – С. 171-181.

8. Зюбина И.А., Матвеева Г.Г. Языковое манипулирование в СМИ // Дискурс, политика, управление: материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27-28 октября 2015 г.) / под ред. А.В. Мальгина / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциация междунар. исследований (РАМИ). – М.: МГИМО-Университет», 2016. – с. 405-410.

9. Зюбина И.А., Матвеева Г.Г., Лесняк М.В. Коммуникативные стратегии манипулирования в парламентском дискурсе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 4. – С. 187-192.

10. Матвеева Г.Г., Зюбина И.А. Исследование политического текста приемами прагмалингвистики / Political Texts Studying by Methods of Pragmalinguistics // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания : материалы Второй научно-практической конференции (Москва, 24–25 апреля 2015 г.). Т. 1 / отв. ред. Д. А. Крячков ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации – М.: МГИМО–Университет, 2015. – С. 192-197.

11. Матвеева Г.Г., Зюбина И.А. Речевая привычка как основа речевого портрета говорящего (на материале британского политического дискурса) // Science Journal of VolSU. Linguistics. 2016. Vol. 15. No. 4 [Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016. Т. 15. № 4] – С. 63-68.

12. Матвеева Г.Г., Зюбина И.А. Сопоставление речевого поведения авторов исходного (оригинального) и переводного текстов // Science Journal of VolSU. Linguistics. 2017. Vol. 16. No. 3 [Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 3] – С. 103-111.

13. Zyubina Irina, Dzyubenko Anna, Matveeva Galina, Ostrovskaya Kseniya, Ratokhina Anna. New approach to diagnosis of personality traits in Psychology // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016, www.sgemsocial.org, SGEM2016

Conference Proceedings, ISBN 978-619-7105-70-4 / ISSN 2367-5659, 24 - 31 August, 2016, Book 1 Vol. 1, 245-250 pp, DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B11/S01.032.

14. Zyubina I., Dzyubenko A., Matveeva G., Ratokhina A., Ostrikoval G. What is Fedor N. Plevako? (On Speech Behavior in Implicit Pragmalinguistics) // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017, www.sgemsocial.org, SGEM2017 Conference Proceedings, ISBN 978-619-7408-19-5 / ISSN 2367-5659, 24 - 30 August, 2017, Book 3, Vol 2, 1089-1094 pp, DOI: 10.5593/sgemsocial2017/32/S14.141.

15. Zyubina I.A., Matveeva G.G., Zheltukhina M.R., Slyhkin G.G. & Shevchenko A.V. (2017). Forensic Prosecutor's Speech as a Speech Genre. XLinguae Journal, Volume 10, Issue 3, June 2017, 312-323. DOI: 10.18355/XL.2017.10.03.25 ISSN 1337-8384.

16. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций [Текст] / Т.В. Ларина. – М.: Издательство Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 507 с.

17. Вильданова Г.А. Эвфемия и принцип вежливости в современном английском языке: гендерный аспект: монография [Текст] / Г.А. Вильданова. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 162 с.

18. Формановская Н.И. Коммуникативнопрагматические аспекты единиц общения [Текст] / Н.И. Формановская. – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1998. – 291 с.

19. Sifianou M. Politeness phenomena in England and Greece: A crosscultural perspective [Текст] / M. Sifianou. – Oxford: Clarendon, 1992. – 273 p.

20. Brown P. and Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage [Текст] / P. Brown and S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.

21. The Washington Post. The first Trump-Clinton presidential debate transcript, annotated. Monday, September 26, 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/09/26/the-first-trump-clinton-presidential-debate-transcript-annotated/>, свободный, (дата обращения: 22.02.2018).

22. The Washington Post. The second Trump-Clinton presidential debate transcript, annotated. Sunday, October 9, 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/10/09/everything-that-was-said-at-the-second-donald-trump-vs-hillary-clinton-debate-highlighted/>, свободный, (дата обращения: 22.02.2018).

23. The Washington Post. The third Trump-Clinton presidential debate transcript annotated. Wednesday, October 19, 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/10/19/the-final-trump-clinton-debate-transcript-annotated/>, свободный, (дата обращения: 22.02.2018).

Статья поступила в редакцию 29.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

Кадачигова Дарья Сергеевна, пресс-секретарь, кафедра тележурналистики

Академия медиаиндустрии

(127521, Россия, Москва, ул. Октябрьская, д.105, корпус 2, e-mail: dviolin@mail.ru)

Аннотация. В данном исследовании автором изначально определено, что положительный образ является активным инструментом преобразований, повышения статуса и престижа территории. В связи с этим приобретает особую актуальность вопрос разработки эффективно систематизированных структурных элементов имиджа территориального субъекта как результата многих факторов территориального развития. В статье рассматриваются вопросы специфики структурных элементов имиджа территориального субъекта. Литературный анализ посвящен теоретическим и прикладным исследованиям формирования имиджа территориального субъекта в контексте обеспечения его социально-экономического развития. В исследовании автором указано на то, что имидж территорий в современном обществе играет значительную роль, превращаясь в один из основных ресурсов, который определяет перспективы его развития и возможность привлечения иностранных инвестиций. Помимо этого, отмечается, что в глобальной экономике существует конкуренция между отдельными странами за возможность привлечения трудовых ресурсов, инвесторов. В работе определена система ценностей формирования имиджа как субъекта рыночной конкуренции. Также автором раскрываются основные подходы к определению имиджа в имиджологии, рассматривается взаимосвязь имиджа с другими объектами метасферы (миф, символ, традиция, стереотип и т.д.), а также обозначены основные подходы к структурированию имиджа. С позиций нескольких функциональных походок выделены ключевые функции регионального имиджа. Автором предложен алгоритм процесса формирования имиджа территориального субъекта с целью повышения уровня социально-экономического статуса.

Ключевые слова: имидж, элементы имиджа, геоимидж, структура имиджа региона, функции географического имиджа.

STRUCTURAL ELEMENTS OF IMAGE OF A TERRITORIAL SUBJECT

Kadochigova Daria Sergeevna, press Secretary, the Department of TV journalism

Academy of media industry

(127521, Russia, Moscow, street October, d. 105, building 2, e-mail: dviolin@mail.ru)

Abstract. In this study, the author originally determined that a positive image is an active tool for transforming, enhancing the status and prestige of the territory. In this regard, the issue of developing effectively systematized structural elements of the image of the territorial entity because of many factors of territorial development becomes particularly topical. In the article questions of specificity of structural elements of image of the territorial subject are considered. Literary analysis is devoted to theoretical and applied research of forming the image of a territorial subject in the context of ensuring its social and economic development. In the study, the author points out that the image of territories in modern society plays a significant role, turning into one of the main resources that determines the prospects for its development and the possibility of attracting foreign investment. In addition, it is noted that in the global economy there is competition between individual countries for the possibility of attracting labor resources, investors. In work the system of values of formation of image as the subject of market competition is defined. Also, the author reveals the main approaches to the image definition in image-making, considers the relationship of the image with other objects of the metasphere (myth, symbol, tradition, stereotype, etc.), and outlines the main approaches to the image structuring. From the standpoint of several functional campaigns, key functions of the regional image are highlighted. The author suggests an algorithm for the process of forming the image of a territorial entity with the aim of raising the level of socioeconomic status.

Keywords: image, elements of image, geographic image, the structure of the image of the region.

В условиях глобализации современного метапространства на первый план выходит сформированность и цельность положительного образа или имиджа страны, который, в свою очередь, включает в себя четко структурированную структуру имиджей регионов и отдельных территорий России. Необходимость формирования положительного имиджа региона, предполагающая реализацию ряда прикладных задач, и отсутствие на сегодняшний день единого теоретического подхода к структуре географического имиджа, обуславливают *актуальность* нашей работы.

Целью нашей статьи мы полагаем разработку вариантов структурирования географического имиджа и определение единого подхода к формированию его структуры.

Также мы рассмотрим особенности и функции регионального имиджа территории как одного из наиболее востребованных инструментов в продвижении образа Российской Федерации в мировом пространстве.

Прежде чем говорить о структуре и функциях географического имиджа, необходимо рассмотреть понятие «имидж», а также его взаимосвязь и взаимозависимость с другими объектами метасферы.

Этимологические корни данного понятия обращены к латинскому слову «*imago*» (пер. «образ»), а также к лексемой «*imitari*» (пер. «имитировать»).

Большинство авторов определяют феномен имиджа, в лучшем случае, перечисляя его основные характери-

стики. Практиков имиджмейкинга удовлетворяет определение, например: «имидж – это общее впечатление, которое оказывает человек на окружающих». На наш взгляд, такой эклектичный подход складывается потому, что для практиков имиджмейкинга технология является наиболее значимой по сравнению с теоретическими выкладками (см., например, Л. Браун «Имидж – путь к успеху», Д. Нестара «Деловой этикет», П. Берд «Продай себя», Ф. Дейвис «Ваш абсолютный имидж», А.Ю. Панасюк «Вам нужен имиджмейкер?» и др.).

Известные российские исследователи имиджа стараются не углубляться в рассуждения о сущности этого феномена, невзирая на то, что само понятие «имидж» выведено в название их монографий (см. Е. Егорова-Гантман «Имидж лидера», А.Н. Чумиков «Связи с общественностью» (глава III: «Имидж и корпоративные отношения»), Г.Г. Почепцов «Имиджология» и др.).

Мы полагаем, что такая ситуация складывается из-за некоторой амбивалентности и аморфности исследуемого понятия, а также наличия множества подходов к изучению проблемы, как в прикладных, так и в научных публикациях.

Следовательно, любое научное исследование, раскрывающее тот или иной аспект имиджологии, будет связано с комплексным решением проблемы слабого имиджа самого понятия «имидж»: недоверия со стороны теоретиков PR и чрезмерной популярности данного термина среди исследователей-практиков, отсутствия

внятных определений, многослойной и «труднодостижимой» природы самого явления.

В силу сложившейся ситуации, которая не позволяет нам в данное время заменить термин «имидж» каким-либо менее одиозным и более определенным синонимом, мы продолжим его использовать в рамках нашей работы.

Для комплексного описания сущности феномена имиджа рассмотрим *структурные составляющие* данного понятия с другими объектами метасферы.

Наиболее очевидная связь имиджа обнаруживается с понятием *мифа*. Имидж, по своей сути, – это производная часть мифа, которая является конечным продуктом интеллектуальной и чувственной переработки человека. Что касается ядерной структуры имиджа, то она является ничем иным, как символом. По А.Ф. Лосеву, *символ* представляет собой идею или образ, отражающий конкретные характеристики субъективной и объективной самобытности того или иного явления, обобщенного и закономерного [1]. Составляющие образа могут вступать в различные отношения друг с другом внутри него, формируя сложную структуру, состоящую из отдельных стимульных факторов, ориентированных на восприятие человека.

Еще одна связь, которая позволяет нам раскрыть сущность имиджа, – это *традиция*, так как любой положительный или отрицательный образ выдвигает особые требования к неизменности своих характеристик. Кроме этого, связь имиджа и традиции также апеллирует к культурологической составляющей общества, с которым связан имидж территории.

Еще один важный элемент, раскрывающий содержание имиджа, – это *стереотип* или стереотипизированность имиджа и образа. Согласно толкового словаря Л.М. Земляной, имидж – это схематичное и стандартизированное представление о том или ином объекте в социальном дискурсе, ключевыми характеристиками которого являются его эмоциональная коннотация, а также устойчивость в синхроническом и диахроническом аспектах [2].

Другие связи, которые поддерживают понятие имиджа с аспектами метасферы, это феномен *авторитета* (общность в силе влияния на целевую аудиторию, непреложность имиджа и его устойчивость) и *общественное мнение*.

Таким образом, мы можем заключить, что *имидж* представляет собой сложную структурную единицу, сформированную на основе таких понятий как образ, символ, стереотип, традиция и авторитет, основной задачей которого является осуществление влияния на интеллектуальном и подсознательном уровне для формирования того или иного характера общественного мнения.

Мы полагаем, что среди *наиболее значимых признаков имиджа*, как ключевого понятия одного из направлений науки имиджологии, можно выделить следующие:

- компактность, обеспечивающая наиболее полное и комплексное восприятие заключенной в конкретном имидже информации массовым сознанием, позволяет избежать нежелательных ее трактовок и, следовательно, повышает качество и эффективность коммуникации;

- целостность, которая выявляется не только в непротиворечивости отдельных структурных элементов имиджа друг другу, но и синтетическом объединении в рамках отдельного имиджа важнейших его характеристик;

- укорененность в традиционных ценностях целевой аудитории – неременное условие эффективного внедрения имиджа в массовое сознание;

- устойчивость, в буквальном смысле – стереотипность, как одно из наиболее значимых условий успешности имиджа. Именно устойчивые представления о базисном субъекте связей с общественностью могут считаться имиджем, влияя на сознание и поведение

целевых групп;

- *динамичность* – способность трансформироваться и приобретать новые модификации в зависимости от конкретной ситуации;

- оценочный характер, присущий имиджу как феномену PR. Данный аспект имиджа может быть продиктован как рациональными, так и эмоциональными факторами и является условием действенности имиджа, его способности оказывать влияние на поведение целевой аудитории.

Поскольку наша исследовательская работа имеет деятельностный характер, нас интересует имидж, формируемый исключительно технологическими субъектами.

Изучив корпус работ, посвященных структурированию имиджа, мы выяснили, что существующие подходы разработаны для изучения имиджа организаций или персон, соответственно, к географическому имиджу данные структуры труднопременимы, либо не применимы вообще. Следовательно, нам необходимо разработать отдельную самостоятельную структуру типового географического имиджа, которую можно было бы эффективно использовать для решения прикладных задач.

Мы полагаем, что на сегодняшний день самой оптимальной классификацией подходов к имиджу территориально-государственного образования является классификация, предложенная Д. Гавром и А. Савицкой, которые предложили следующие четыре подхода [3]:

1. *Брендинговый* (А. Чумиков, М. Бочаров, В. Музыкант, С. Анхольт и др.). Представители данного подхода предлагают рассматривать имидж территории в терминах брендинга и выделить опорные бренды для страны или региона, которые станут ключевыми доминантами при создании целостного образа страны. Предложенную модель имиджа можно назвать ядерной (основанной на кобрендинге, т. е. позиционировании продвигаемых брендов совместно с дополнительными или разработанными совместными символами). В такой модели основной бренд становится ядром, объединяющим вокруг себя второстепенные бренды [4, 5].

Зарубежный представитель брендингового подхода Симон Анхольт делает упор на формирование бренда государств, так как большинство стран или регионов имеют налаженные каналы коммуникации с миром. Они создают свой имидж в умах целевой аудитории через шесть базовых каналов (сфер деятельности): туристскую, сферу экспорта, политические решения правительства, инвестиции и иммиграция, культура и наследие, человеческий капитал [6].

2. *Маркетинговый* (А. Панкрухин и др.). Имидж страны, в рамках данного подхода, связывается с понятием комплекса эмоциональных и интеллектуальных представлений, которые основываются на ключевых маркетинговых институтах, получивших наиболее обширное распространение в стране. Здесь мы не видим каких-то конкретных структурированных моделей территориального имиджа, только ключевые составляющие имиджа территории, как то:

- Символика, которая официально закреплена в стране (в основном, базовыми нормативно-правовыми актами – Конституцией), среди элементов такой символики отличительные знаки государства, флаг, гимн, герб и т.п.;

- Символика страны, которая не закреплена формальным образом, но при этом полноценно соответствующую социальному представлению внутри и вне государства (это могут быть продукты, товары, которые присущи только определенной местности, представители животного и растительного мира, исторические, сказочные герои и т.п.) [7].

3. *Геополитический* (Д. Замятин и др.) В рамках данной концепции вариативность образа государства может определяться в разрезе географического представления, который является устойчивым, а также базируется на специфической черте, выраженной в усложнении и

повышении степени взаимосвязи составляющих компонентов [8]. Структуру образа Д. Замятин представляет как матрешку: ключевой образ спрятан внутри нескольких «упаковок». Наибольшее количество ярких черт, «изюминок» страны, по мнению автора, аккумулирует в себе геокультурный образ, являющийся наиболее тонко структурированным и динамичным географическим образом. То есть, автор интерпретирует региональный образ как систему географических значений, которые стремятся к усложнению и взаимосвязи всех ключевых элементов выделенной территории [9].

4. *Имиджевый* подход (Э.А. Галумов и др.). Ведущая роль в данном подходе отводится исследованиям Э.А. Галумова, который занимался изучением международного образа России. Он определяет имидж территории как «комплекс объективных взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы (экономических, географических, национальных, демографических и т.д.), сформировавшихся в процессе эволюционного развития государственности как сложной многофакторной подсистемы мирового устройства, эффективность взаимодействия звеньев которой определяет тенденции социально-экономических, общественно-политических, национально-конфессиональных и иных процессов» [10]. Целостная система территориального внешнего имиджа состоит из элементов, которые являются «образами страны»:

природно-ресурсный образ являет собой комплекс ресурсов, которые типичны для конкретной территории (государства);

– социоментальный образ представлен народом, являет собой его ключевые признаки, характерные символы и черты в ментальном отношении. Обращая внимание более детально на социально-ментальный образ, стоит отметить, что данный элемент идентифицирует национальных представителей государства с точки зрения наиболее характерных, типичных социально-психологических символов;

– производственно-экономический образ, представленный ключевыми экономическими символами и возможностями государства в научном, производственном разрезе; является знаком благополучия, могущества и влиятельности страны;

– национально-ценностный образ - концентрация ведущих знаков и символов, выражающих государственные интересы, цели и устремления в национально-идейном отношении;

– политико-географический образ государства, который выражается в концентрации базовых географических символов, знаков, черт государства в политическом разрезе;

– цивилизационно – культурный образ, который концентрирует в себе все национальные черты, культурные признаки в цивилизационно-историческом контексте [11].

Таким образом, имидж территории – это ключевые составляющие аспекты государственной системы: экономические, географические, национальные и демографические ресурсы, выражающие типизацию определенного региона или целой страны.

Итак, мы можем охарактеризовать структуру географического имиджа как многомерную, неоднородную, текучую. Но даже при таком условии мы имеем возможность выявить несколько общих подходов к структуризации феномена географического имиджа.

Во-первых, элементы, составляющие геоимидж, фреймы его общей системы дихотомически возможно разделить на стержневые и второстепенные.

Первые образы являют собой ключевую смысловую нагрузку имиджа в общем отражении, представляют его своеобразным фундаментом.

Второстепенные элементы, на наш взгляд, осуществляют целый ряд функций: конкретизируют стержневой образ, поддерживают и аргументируют его, наполняют

имидж более тонкими оттенками значений, аллюзиями и метафорами, отображают его в метапространстве и, отчасти, сглаживают суть, ядро, обрамляют его в более приемлемые для качественного восприятия формулировки.

С другой стороны, если ориентироваться на *оценочность* имиджа, мы имеем возможность провести структурный анализ в зависимости от его составляющих. В таком отношении стоит все элементы расформировать на информационные и оценочные. Информационные составляют часть феномена, основное ядро имиджа, одновременно осуществляя познавательную функцию. Здесь же необходимо отметить информационные составляющие, которые отражают специфическое знание, чертами которого являются одновременно краткость, обобщение и концентрированность. Оценочно-маркированные составляющие, в основном, сконцентрированы на воспроизведение эмоционально-рационального восприятия имиджа целевой аудиторией. Эти элементы имиджа отражают ключевую суть создание качественного социального обсуждения субъекта.

Таким образом, рассмотрев наиболее общие подходы к структурированию имиджа, перейдем к относительно узким, но имеющим особую значимость в функциональном смысле.

1) «*Вертикальный*» подход. Представляет собой достаточно значимую методологию системы геоимиджа, где образ «расслаивается» на отдельные функциональные составляющие: политический, экономический, историко-культурный и т.д. Отдельный слой оказывает воздействие на имидж в каждой сфере, поддерживает конкретный ключевой образ. Одновременно, все элементы равны между собой и автономны по отдельности.

2) «*Горизонтальный*» подход базируется на элементах, которые можно расположить в рамках системы координат времени или пространства. В частности, во времени, геоимидж представлен последовательностью наиболее ярких событий, а в пространстве – совокупностью достопримечательностей, расположенных на его территории, и персон, действующих на ней. Это своеобразный «взгляд сверху», который не вскрывает его внутренние слои, а только фиксирует наиболее яркие элементы имиджа, оседающие в массовом сознании.

3) «*Доминантный*» подход определенным образом совмещает в себе каждый описанный метод структурирования географического имиджа и выражается наиболее органичным в природном плане самого феномена, а с иной является максимально удобным для формирования и анализа геоимиджей в прикладном смысле.

В рамках нашей работы необходимо рассмотреть основные функции географического имиджа.

Используя разработанную М. Шишкиной систему базисных функций паблик рилейшнз, отметим те из них, которые наиболее актуальны для географического имиджа.

В гносеологическом плане доминирующей функцией имиджа является, отчасти, функционал конструирования публичного дискурса. Он представляет собой отражение сущности имиджа страны – емко и ярко представляет территорию, позиционирует ее в публичном пространстве, а также создает к ней отношение извне.

Высокий уровень роли познавательной функции географического имиджа определялся задолго до появления PR в качестве социального института, в первую очередь, среди географов. Необходимость создания эффективных пространственных образов, которые могут стать качественным источником познания для общности, в современных условиях приобретает все более широкую актуальность.

В контексте социологических функций стоит обратить внимание на такой их тип как социорегулятивные. Также актуальны функции социального целеполагания. Эти виды функций составляют матрицу имиджа терри-

тории, а также могут быть катализатором воздействия на процессы менеджмента, способствовать принятию политических решений в контексте текущего образа.

Необходимо отметить адаптивную функцию социализации. В случае, когда имидж имеет в своем составе ценностные категории или представляет собой конкретные социальные черты, присущие населению, индивидуальное и массовое сознание способно значительным образом изменяться под его воздействием. С помощью адаптивной функции образ страны способен воздействовать на формирование у социального слоя региона полноценного территориального самосознания.

Таким образом, функционирование регионально-го имиджа представляет собой одну из наиболее важнейших задач при создании ментального пространства страны, а также при освоении и интеграции ключевых понятий о менталитете и социокультурных особенностях в национальное сознание целевой аудитории. Географический имидж может быть охарактеризован с точки зрения конструирования публичного дискурса, познавательной функции, социорегулятивной функции, функции социального целеполагания, а также его социализирующей функции.

Завершая исследование в рамках данной статьи, сделаем вывод, что региональный имидж представляет собой сложившееся устойчивое мнение или образ той или иной территории, который включает в себя его ключевые территориальные, национальные, государственные и культурные черты, характеризующиеся доступностью для интерпретации и осознания целевой аудиторией. Средствами выражения имиджа региона являются СМИ, создающие оптимальную коммуникативно-ориентированную среду для того или иного субъекта PR-отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лосев, А.Ф. Из ранних произведений / А. Ф. Лосев. – М.: Правда, 1990. – 655 с.
2. Землянова, Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций / Л.М. Землянова. – М.: Изд-во Моск. ун-та (МГУ), 2009. – 300 с.
3. Гавра Д.П., Савицкая, А.С. Структурная модель имиджа государства/региона для внешних и внутренних аудиторий // Коммуникативные практики в современном обществе. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2008. – С. 92–111.
4. Чумиков, А.Н. Связи с общественностью: Учеб. пособие / А.Н. Чумиков. – М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ: Дело, 2011. – 295 с.
5. Бочаров, М. Роль брэндинга в позиционировании положительного имиджа России: Тез. доклада [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.pr-club.com/PR_Lib/bocharov-brand.shtml/.
6. Анхольт, С., Хильдрет, Д. Бренд Америка: мать всех брендов / С. Анхольт, Дж. Хильдрет. – М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2010. – С.15–17.
7. Панкрухин, А.П. Маркетинг: учебник / А.П. Панкрухин. – 3-е изд. – М.: Омега-Л, 2005. – С. 572–573.
8. Замятин, Д.Н. Образ страны: структура и динамика / Д.Н. Замятин // Общественные науки и современность. – 2000. – №1. – С. 107–115.
9. Замятин, Д.Н. Географические образы в гуманитарных науках / Д.Н. Замятин // Человек. – 2010. – №5. – С. 81–88.
10. Галумов, Э.А. Основы PR / Галумов, Э.А. – М.: Издательский Дом «Летопись XXI», 2004. – С.371–372.
11. Галумов, Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования / Э.А. Галумов. – М.: Известия, 2013. – 446 с.

Статья поступила в редакцию 26.12.2017

Статья принята к публикации 27.03.2018

ФИНСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ VS. ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ:
АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ

© 2018

Картушина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин*Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина
(117485, Россия, Москва, ул. Академика Волгина, 6, e-mail: eakartushina@gmail.com)*

Аннотация. В статье рассматривается вариант пре-пиджина, возникшего в результате смешения финского и английского языков. В качестве сферы использования была выбрана социальная сеть Твиттер. Автор считает данную форму наполовину пиджинизированной, в отношении которой и применяется термин пре-пиджин. Приводятся две теории возникновения пре-пиджина — «теория незавершенной модели языка» и «теория измененной модели». Данный вариант социолекта рассматривается как противопоставление общеевропейского варианта английского языка, о котором в последнее время упоминается в работах отечественных и зарубежных лингвистов и использование которого считается распространенным среди молодежи, в частности, в сети Интернет. Основное внимание уделяется прагматическому аспекту использования данного варианта английского языка. Для реализации этой цели используется контекстуальный анализ. Выделяется три вида прагматической оценки, варьирующейся от нейтральной до отрицательной. Отмечаются как окказиональные лексемы в данном социолекте, так и отличающиеся более постоянным языковым употреблением. Также высказывается предположение о других сферах использования данного локального варианта английского языка как языка глобализации. В качестве таковых выделяется организационная коммуникация и реклама. В заключении отмечается значимость рассмотрения данных вариантов английского языка как влияющих на языковую норму.

Ключевые слова: европейский английский; язык и глобализация; социолект; финский язык; мировой язык; язык социальных сетей; финский английский; социоллингвистика; язык рекламы; английский как язык глобализации; пиджинизация языка.

ENGLISH VS. EUROPEAN ENGLISH: LANGUAGE FORMS DEVELOPMENT AND USE

© 2018

Kartushina Elena Alexandrovna, PhD in Philology, associate professor,
Department of Humanities*Pushkin State Russian Language Institute
(117485, Russia, Moscow, Akademika Volgina street, 6, e-mail: eakartushina@gmail.com)*

Abstract. With globalisation and the fast-changing world, English is becoming a truly global language. Such a role of the English language is accepted, in most cases, by default and taken for granted. However, while spreading through the countries and thus fulfilling its role as a world language, English acquires local varieties. In this regard, researchers in social linguistics identify such a language form as European English. The author makes a presumption that along with the development of the above mentioned variant of English, local language forms of English (the so-called world Englishes, in this case, Finglish), also exist and continue to be applied in certain spheres of language use. The author identifies such spheres of languages contact, where English (i.e. American English) plays a role of a lexifier language. These spheres are predominantly social network messages and advertisements. The local varieties of English are viewed as pre-pidgin forms of a language while European English is regarded as a coinage — that above-dialect form of language that occurs in capital cities.

Keywords: European English; Finglish; social linguistics; social dialects; English as a global language; social dialects; language and globalisation; language in advertisement; English language in Finland; language contact; language mix; pre-pidgin.

Постановка проблемы. Распространение английского языка, в частности, американского его варианта, традиционно упоминается в связи с процессом глобализации. Его идеологическое влияние и масштаб использования сложно переоценить. Английский язык принимается как язык глобализации, в некотором роде, по умолчанию. Однако, в связи с выходом Великобритании из Евросоюза, в западной и отечественной лингвистике исследователи обратились к рассмотрению и анализу английского языка в Европе, перспективе его статуса в международных организациях, а также сфер использования. Нельзя не упомянуть о выделении в социальной лингвистике так называемых «локальных» вариантов английского языка, возникающих в результате смешения титульного языка определенной страны и американского английского. Эти языковые формы считаются наполовину пиджинизированными. Кроме того, их прагматическая окраска обычно варьируется от нейтральной до отрицательной.

Анализ последних исследований и публикаций. С другой стороны, а качестве одной из перспектив выдвигается создание европейского варианта английского языка, который был бы некоторым над-вариантом, характерным для европейских стран (М.Г. Кочетова [1], Е.С. Петрова [2], М.Б. Багиян, Т.К. Петрова [3], Н.Я. Иванченко [4], М.Берх, Р.Гomez [5], Е.Салахян [6], Г.И. Филимонова [7]; И.Н.Колокова [8]). С точки зрения К.Болтона и Д.Дейвиса, есть все предпосылки для формирования и развития данного варианта английского

языка — его использования молодежью в интернете, международных компаниях (т.е. в заданных коммуникативных ситуациях), появления определенного значения у английского лексем [9].

О формировании европейского английского как лингва-франка (ЕАЛФ) говорится и в статье К.А. Малевич [10]. Автор рассматривает ЕАЛФ как совокупность социолектов, каждый из которых отличается лексико-грамматической вариативностью и языковыми инновациями, а также ограниченностью определенной предметной областью [10, с.127].

Цель исследования. В рамках данной статьи мы ставим целью показать, что локальные формы английского языка продолжают использоваться и развиваться, особенно при общении в социальных сетях и в сфере рекламы. В этой связи мы проанализировали 346 твитов с меткой (хэштэгом) Finglish. Наряду с анализом общения в социальной сети, мы также анализировали рекламные объявления — всего 178 контекстов.

Учитывая принцип анонимности в социальной сети Твиттер, представлялось затруднительным идентифицировать возраст и пол авторов сообщений. Просмотр предыдущих сообщений авторов позволяет утверждать, что данную метку, Finglish, в основном ставили те, для кого финский является родным. Основное внимание при этом нами уделялось прагматическому аспекту подобного смешения языков.

Материалы и методы исследования. Подобный вариант английского языка можно определить как препид-

жин — региональная форма языка-инварианта, сформировавшаяся под влиянием определенных социо-культурных факторов, распространенная в в определенных сферах коммуникации и имеющая лексические, фонетические особенности.

Согласно Дж. Шейгалу, пре-пиджин (или жаргон) возникает, когда в определенном сообществе вырабатывается свой собственный способ коммуникации, в котором используются слова и выражения, выученные из других языков (в большинстве случаев, из языка-лексификатора) и с которыми, по мнению участников сообщества, знаком каждый из них [11, с.11]. Д. Бекертон определяет пре-пиджин как «бесструктурную» форму языка, характеризующуюся полным отсутствием грамматических категорий времени, модальности и аспектности [12, с.53]

Относительно причин возникновения пре-пиджинов, ученые выдвигают две теории.

Первая теория получила название «теория измененной модели» языка (altered model theory), в основе которой лежит упрощение языка-лексификатора в коммуникативных ситуациях [13].

Другая теория, известная как «теория неполной модели языка» (imperfect model theory) увязывает использование языка-лексификатора с ранней стадией освоения языка, которая предполагает знание определенных лексических единиц, но не грамматических морфем [13, с.18].

В условиях глобализации языком-лексификатором, в большинстве случаев, является американский вариант английского языка. Это является следствием языковой экспансии. Проникая не только в сферу организационной коммуникации, рекламы, но и повседневного общения, в том числе и виртуальную коммуникацию, американский вариант английского, формируя языковой контакт с местным языком ареала распространения, становится основой для формирования подобного рода пре-пиджиновых форм языка.

Не стал исключением и скандинавский регион, в том числе и территория Финляндии. Распространение американского варианта английского привело к формированию финского английского (Finglish).

В эпоху глобализации вариант финского английского становится новой формой, в некотором роде вторым вариантом финского английского, в отличии от первого, сформировавшегося в США эмигрантами из Финляндии, работающими преимущественно в штате Флорида. Данный вариант финского английского подробно описан в работе [14] с детальной характеристикой семантических, фонетических и лексических особенностей. Этот пре-пиджин теперь считается устаревшим, он не подвергался дальнейшей пиджинизации и креолизации, поскольку дети финских эмигрантов уже говорили на английском, считая его родным языком.

Появление данной формы финского английского может быть объяснено с применением «теории неполной модели языка», поскольку, не обладая достаточными знаниями языка на момент переезда, они использовали лексемы английского языка с привычными структурами финского как синтетического языка.

С другой стороны, возникновение другого пре-пиджина, второго, более позднего варианта финского английского, может быть объяснено с использованием указанной выше «теории измененной модели языка». Использование английского в социальных сетях предполагает осознанное или неосознанное упрощение. Английские лексемы зачастую проще лексем финского языка. К тому же, при общении в сети интернет в Финляндии часто выбирают именно английский (по данным исследования Евробарометра в 2015 году) [15]. Виртуальная коммуникация имеет свои особенности, и английский, являясь языком сферы информационных технологий, предоставляет стандартные фразы, клише, которые используются как таковые, «в готовом виде».

Появление пре-пиджинов подобного рода показывает определенную степень принятия языка-лексификатора. Как правило, выбор языка в каждом отдельно взятом случае не бывает случайным. Он обусловлен социальными, историческими причинами, индивидуальным опытом человека. К тому же, фактор языковой идеологии также играет отнюдь не маловажную роль в выборе иностранного языка и его изучении.

Изучение пре-пиджинов и пиджинов представляет проблему не только в теоретическом осмыслении, касающемся определений и различий, но и методологическую, касающуюся выбора методов исследования. Методологическая проблема изучения пиджинизированных форм языка касается в том числе сбора, записи и анализа данных и, в некоторой степени, исходит из различий между письменной и устной речью. «Рассуждения о методе» в ходе анализа пре-пиджинов и пиджинов касаются различий между языковой нормой и разговорным языком. В работе К. Верстее отмечается: «письменный язык никогда не может являться свидетельством живого языка; в лингвистическом сообществе любой письменный текст, будь то художественный текст, любая надпись или даже папирус — отражают развитие литературного языка или просто отношение к нему автора текста» [16, с. 64].

Многие пиджины, лексификатором которых является английский, как правило, существуют, по большей части, в устной форме, что представляет определенную трудность для исследователя опознать и зафиксировать данную пиджинизированную форму. Но с другой стороны, это и доказывает прагматическую реальность пре-пиджина — воспроизводя в себе отношение говорящего к языку, пре-пиджины и пиджины формируются, развиваются и функционируют в определенном языковом континууме.

С точки зрения К.Верстее, данный языковой континуум имеет вполне определяемые границы: на одном конце шкалы измерений можно определить кодифицированную форму языка, в то время как на другом конце шкалы — просторечные формы национального языка, конгломерат нелитературных форм [16, с. 68]

Именно сосредоточение на устных, просторечных формах языка и позволяет определить существование пре-пиджинов, открыть новые пиджинизированные формы определенного литературного языка или расширить географию пре-пиджинов, пиджинов и креольских языков. Запись устных форм, в частности, позволило открыть и описать пиджин Нинилчик, представляющий собой смесь русского, английского и алеутского языков [16, с.2012].

В этой связи, определенным методологическим решением может служить обращение исследователей к изучению общения в социальных сетях. Являясь «письменной фиксацией устной речи» [18, с.12], форма языка, используемая при общении в сети Интернет, не может относиться ни к устной, ни к письменной формам, а представляет собой иной вид коммуникации и текста, по терминологии В.Г. Костомарова, «дисплейный текст» [19]. Этим обстоятельством и вызвано некоторое стремление оправдать переключение кода, сменить язык при общении в сети.

В результате анализа данных записей в социальной сети были определены следующие прагматические аспекты в использовании финского английского как формы пре-пиджина. Важно подчеркнуть, что именно формирование пре-пиджина как локального варианта английского языка (в данном случае, это финского английского) происходит за счет влияния локального языка. Этот локальный вариант английского языка не является строго стандартизированным. Он может иметь некоторые постоянные лексические особенности, но, в целом, для подобного рода пиджинизированной формы языка характерна большая степень вариативности лексического состава, обусловленный механизмом пере-

ключения кодов и творческого компонента смешения языков, языковый инновации, некоторые из которых носят лишь окказиональный характер.

1) *Sami Pulkkinen@sampyx 2 May 2016. @Emma-Pullinen Siis toi on so embarrassing. Kuinka somone kehtaa duunaa like that? #fnglish.* В этом сообщении привлекает намеренное искажение орфографии, выражается неразумность некой глупой покупки.

2) *Demi Auloš@DemiAulos 9 Apr. 2016. Telkusta tuli "Haapasalo goes lomalle"-mainos, apua en kestä. Goes lomalle. Huh. Liian much #fnglish.* Данное сообщение сопровождается рекламным изображением известного финского актера, направляющегося в отпуск. Автор сообщения указывает на нелепость использования финского и английского слов в данном рекламном словосочетании (go lomalle — ехать в отпуск). По аналогии приводится смесь финского и английского слов (liian much — слишком много).

3) *Jutta Puotiniemi@juttap 10 Mar. 2017 Lauri Ylönen sanoi just tv-mainoksessa: «Mä siis rakastan disainata (designata?) taloja». Uskoni ihmiskuntaan on mennyt. #fnglish.* В данном сообщении слово «desainata» (составлять проект), очевидно вызывает недоумение и попытку понять правильность написания.

Анализ твитов с меткой Fnglish позволяет выделить группу английских лексем, написание которых в финском языке искажается, но при этом данное написание не носит окказиональный характер. Кроме того, искажение орфографии позволяет проследить связь с исконным словом языка-лексификатора: *gigi* (gig); *paperia* (paper), *newsfeedin* (newsfeed), *mobiiliäppi* (mobilapp), *problemsolvata* (problemsolving), *humina* (human), *strehni* (strength), *fiidbäkkiä* (feedback), *integriteetti* (integration), *pikturi* (picture).

Другую группу твитов, которую позволяет выделить анализ, составляют стандартные фразы и клише из английского. Английские разговорные клише достаточно распространены в виртуальной коммуникации. Рекуррентность коммуникативных ситуаций, каковой является, например, общение в сети интернет, позволяет определить используемые в них речевые клише в сознании носителя языка как «микрочогнитивные структуры» (термин, предложенный А.А. Залевской в работе [20]). Любая коммуникативная ситуация может рассматриваться как когнитивный сценарий, подразумевающий использование некоторых микро-фреймов сознания.

1) *Markus Nieminen@markusnieminen 17 Feb. 2016 @rudiskogman siis tarpoint koitin että onko tämä oikeasti disruptoiva asia? Just wondering.* Использование фразы «just wondering» (просто интересно) следует за вопросом о наличии в Финляндии домов определенного типа. Возможно, использование данной фразы было вызвано смешанным вариантом английского и финского свободного словосочетания «disruptive asia» (disruptive thing — неуместная вещь).

2) *Villë@Peepsteri 8 дек. 2015 г. @marytheluckyone@IiroRantala Thats ok. We got the point... #Fnglish #Mountains.* В этом сообщении содержится ответ «я вас понял» на описание личной проблемы. В русском языке также встречается калька.

3) *Jason Lepojarvi@JasonLepojarvi 8 Oct. 2016 @00mathias @MariaPettersson One day, Mathias, peditään reunion. Sinä saat puhua #Finsvensk'ia kunhan annat anteeksi oman #Fnglish'ini.* В данном примере мы видим указание на будущее время использованием конструкции «peditään + N», аналогичной английской конструкции «to be going to do something». В финском языке отсутствует будущее время как грамматическая категория, а эпизодическое использование данной конструкции представляет собой некоторую компенсацию данной лакуны.

Использование готовых фраз при общении на родном языке (из американского английского), в некотором роде объединяет данные локальные варианты английского Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

языка и более характерны для общеевропейского варианта.

Кроме общения в социальных сетях, устойчивые словосочетания, по всей вероятности, характерны для использования в рекламе. В частности, в интернет рекламе можно встретить сочетания слов, отличающиеся достаточно высокой степенью устойчивости. Эти те клише, которые характерны для рекламных объявлений. Именно этим и объясняется тот факт, что рекламные слоганы чаще всего не переводятся, передаются «на языке оригинала», хотя контакт рекламы, описание образа, лежащего в его основе, переводится.

1) *workwear upgrade (vapaa-ajanlook fashionistoille!)* В данном примере, рекламе новой коллекции одежды, мы видим как сочетание английских слов, так и образованные по финской модели сложносоставные слова

2) *Be my denim! Happy Valentines! -14% ystävänäpäiväksi!* В данной рекламе магазина мы видим традиционное поздравление с четырнадцатым февраля (в Финляндии он называется День друзей «ystävänäpäivä») и соответствующую скидку.

3) *Color up your life!* — призывает реклама магазина красок. При этом, в английском словосочетании один из компонентов-лексем заменяется на финское слово: *taste of koti; privat sale alkaa; katso online what's new.* Это вновь свидетельствует о существовании локального варианта английского языка, наряду с формированием общеевропейского варианта английского языка.

Выводы. Таким образом, примеры использования англо-финского пре-пиджина показывает, что границы пересечения языковых пространств смешиваемых языков варьируются, и могут не выходить за границы одной морфемы (например, использование финских суффиксов к основе английской лексемы), либо заменять один из компонентов словосочетания, либо составлять синтаксическую единицу. Использование иноязычных морфем как маркеров грамматических категорий может быть вызвано стремлением заполнить грамматические лакуны. Этим объясняется, в частности, использование английских грамматических маркеров будущего времени и артиклей в финском языке и финских падежных флексий у английских лексем в рассматриваемой нами пре-пиджиновой форме.

Что же касается прагматического анализа англо-финского пре-пиджина, восприятия его пользователями, то можно выделить как положительные, так и отрицательные оценки. Примечательно, что данная форма смешения языков продолжает развиваться, хотя сложно предположить, будет ли она развиваться дальше, или её использование (с разной степенью частотности) будет ограничено только общением в социальных сетях и/или устной неформальной коммуникацией. Немаловажным для лингвистического анализа является сам факт текущего появления данной формы смешения языков и её развитие на текущий момент. Любые изменения в языке (как внутри языковые, так и касающиеся социального использования языка) не бывают случайными, и анализ отклонений от нормы позволяет лучше понять языковую норму как таковую.

Результаты исследования, следовательно, показывают использование данного локального варианта английского языка, возникшего в результате финского и английского языкового контактов. Не исключено, что формирование общеевропейского варианта английского языка и будет иметь место в обозримом будущем, но тем не менее, локальные формы английского языка продолжают использоваться.

Судя по всему, процесс формирования общеевропейского варианта английского будет аналогичным процессу формирования койне — той над-диалектной формы языка, которая обычно характерна для столичного региона. Становление этого варианта английского языка, о котором говорится в современных исследованиях открывает перспективы дальнейшего анализа и описания

как указанного варианта английского языка, так и вариантов английского, возникших в процессе лексификации с европейскими языками, что, в свою очередь, позволит продвинуться в решении других задач социальной лингвистики, а именно вопросов формирования социолектов и проблемы соотношения языка и диалекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кочетова М.Г. Евро-английский язык как межнациональный феномен в контексте европейской лингвальнойности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №9-2. С.108–110.

2. Петрова Е.С. Культурологическая лексикография и кодификация «европейского английского» // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2016. Т.214. С.75–82.

3. Багиян М.Б., Петрова Т.К. Новый английский язык: два подхода к проблеме // Филологический аспект. 2017. №9 (29). С.6–13.

4. Иванченко Н.Я. Английский язык как lingua franca в Европе // Англистика XXI века. Материалы VII Всероссийской межвузовской научно-методической конференции. 2014. С.290–293.

5. Burch M., Gomez R. The English Regions and the European Union // Regional Studies. 2002. V.36. №7. С.767–770.

6. Salakhyan E. The Emergence of Eastern European English // World Englishes. Т.31. №3. С.331–350.

7. Филимонова Г.И. Об особенностях употребления глобального английского как языка международного общения в странах Европы и Азии // Вопросы методики преподавания в вузе. №3(17). С.290–296.

8. Kholokova I.N. Cross-cultural communication: Euro-English // Life Science Journal. Т.11. №9s. С.257–259.

9. Bolton D., Davis D.R. Brexit and the future of English // World Englishes. 2017. pp.302–312.

10. Мележик К.А. Проблема евро-английского языка в межнациональной коммуникации // Балтийский гуманитарный журнал. №4(21). 2017. С.124–126

11. Siegel, Jeff. Transfer constraints and substrate influence in Melanesian Pidgin // Journal of Pidgin and Creole Languages. 1999. 14, pp.1–44.

12. Bickerton, Derek. 1999. How to acquire language without positive evidence: What acquisitionists can learn from creoles // Michel DeGraff (ed.), Language Creation and Language Change: Creolization, Diachrony, and Development, pp. 49–74.

13. Siegel, Jeff. The Emergence of Pidgin and Creole Languages. Oxford University Press, 2008. 320P

14. Randell K. «Finglish» // The Genealogical Society of Finland Vol. April-May. 2004. pp.1–20.

15. EuroBarometer. User language preference online. <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/search/language/surveyКу/880/p/2> (дата обращения 12.02.2018).

16. Versteegh, Kees. The Status of the Standard Language // Bilingualism in Ancient Society. Language Contact and the Written Text. Ed. by J.N.Adams, M.Janse and Simon Swain. Oxford University Press, 2002. pp.52–77.

17. Bergelson Mira B., Kibrik Andrej A. Alaskan Russian: The story of the Ninilchik community as told by its language // John Dusty Kidd (ed.) Over the near horizon: Proceedings of the 2010 International Conference on Russian America (Sitka, Alaska, August 19--21, 2010), Sitka Historical Society Sitka, Alaska. pp. 217–225

18. Морослин П.В. Русский язык в интернете. М.: Тезаурус, 2010. 194 С.

19. Костомаров В. Г. Язык текущего момента // Мир русского слова. №4. 2012. С.13–19.

20. Залевская А.А. Вопросы теории двуязычия: монография. Тверь: Тверской гос.ун-т, 2009. 144С.

Статья поступила в редакцию 19.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СЕМЬИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

© 2018

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии
Додуева Аминат Таубиевна, доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры карачаево-балкарской филологии
Девеева Айшат Абдулкеримовна, ведущий документовед управления
эксплуатации имущественного комплекса

*Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова
(360004, Россия, Нальчик, улица Чернышевского, 173, e-mail: julduz_892010@mail.ru)*

Аннотация. Статья посвящена репрезентации концептуального понятия «семья» в карачаево-балкарском устном народном творчестве. Показана специфика вербализации семьи и семейных отношений в различных жанрах фольклора. Выявлено, что в нартском эпосе создание семьи героизируется, а в социально-бытовых сказках представлены наиболее реалистичные картины семейной жизни. Установлено, что в них фигурируют практически все номинации членов патриархальной семьи: муж, жена, отец, мать, отчим, мачеха, ребенок, сестра, брат, бабушка, дедушка. Они сохранились в языке без особых семантических трансформаций. В этих жанрах фольклора вербализуются такие характеристики членов семьи, как горькая участь, злость, вредность, ум, рассудительность. Паремии отражают ценностное отношение этноса к семье, тогда как в благопожеланиях аккумулируется желаемая перспектива ее развития. В карачаево-балкарском пословицном фонде актуализируется целый ряд релевантных составляющих когнитивной матрицы семьи, отражающих ментальные составляющие этноса: мирное сосуществование, доброта, уважение, соблюдение этикета, почитание предков, понимание и выполнение долга отца и матери, ценностное отношение к детям. Подобные характеристики в прагматическом аспекте призваны для выполнения констативной и дидактической функций и оказывают влияние на укрепление семьи. Благопожелания нацелены на перспективу формирования семьи и отражают доминантные элементы ее идеальной модели, закрепленной в языковом сознании этноса.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, устное народное творчество, нартский эпос, социально-бытовые сказки, пословицы и поговорки, благопожелания, семья, языковая экспликация, лингвокультура, языковое сознание, когнитивные признаки.

VERBALIZATION OF THE FAMILY IN THE KARACHAY-BALKAR FOLKLORE

© 2018

Ketenchiev Mussa Bahautdinovich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department
of Karachay-Balkar Philology

Dodueva Aminat Taubievna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor
of Karachay-Balkar Philology Department

Deveeva Aishat Abdulkherimovna, leading document manager of property management

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
(360004, Russia, Nalchik, Chernyshevsky street, 173, e-mail: julduz_892010@mail.ru)*

Abstract. The article is devoted to the representation of the conceptual notion of “family” in Karachay-Balkar folklore. The specificity of verbalization of the family and family relations in various genres of folklore are shown. It is revealed that in the Nart epos the creation of a family is heroized, and in social and every-day life fairy tales the most realistic pictures of family life are presented. It is established that practically all nominations of members of patriarchal family appear in them: a husband, a wife, a father, a mother, a stepfather, a stepmother, a child, a sister, a brother, a grandmother, a grandfather. They are preserved in the language without special semantic transformations. In these genres of folklore such characteristics of family members as a miserable fate, malice, harmfulness, intellect, discretion are verbalized. The paremias reflect the value attitude of the ethnos towards the family, while in good wishes the desired prospect of its development is accumulated. In the Karachay-Balkar proverbial fund a number of relevant components of the cognitive matrix of the family, reflecting such mental components of the ethnos as peaceful coexistence, kindness, respect, observance of etiquette, veneration of ancestors, understanding and fulfilling the duty of father and mother, value attitude towards children, are actualized. Such characteristics in a pragmatic aspect are called upon to carry out constative and didactic functions and influence the strengthening of a family. Good wishes are aimed at the prospect of forming a family and reflect the dominant elements of its ideal model, enshrined in the linguistic consciousness of the ethnos.

Keywords: Karachay-Balkar language, folklore, the Nart epos, social and every-day life fairy tales, proverbs and sayings, good wishes, family, language explication, linguoculture, linguistic consciousness, cognitive features.

Термины карачаево-балкарского языка, отражающие интерперсональные отношения, относятся к наиболее древнему пласту его лексики. Их посредством отражается один из важнейших сегментов национальной языковой картины мира карачаево-балкарского этноса, в которой особая роль отводится такой важнейшей ячейке социума, как семья, поскольку в них находят свою реализацию различные ментальные и лингвокультурные характеристики народа. Выявление и описание таких составляющих языкового сознания представляется актуальным для современной лингвистической науки, характеризующейся междисциплинарностью, что имеет непосредственное отношение и к карачаево-балкарскому языку.

Семья как один из ядерных культурных концептов стал объектом внимания в трудах лингвистов, занимающихся изучением разноструктурных языков. Так, А.С. Вишнякова с целью выявления национально-культурной

и национально-лингвистической специфики слова рассмотрела специфику репрезентации концепта «семья» во фразеологии английского языка [1]. В лингвистической литературе имеет место анализ семантических доминант данного концепта, представленного в марийских паремиях [2]. Национальная специфика этого феномена, детерминируемая историко-географическими и социокультурными составляющими различных народов, представлена и в сопоставительных исследованиях [3]. В рассматриваемом аспекте важным представляются и научно-теоретические изыскания тюркологов, которыми рассматриваются такие вопросы, как семья в языковом сознании [4], ее вербализация в художественных произведениях [5] и др.

Проблемы семьи и семейных отношений нашли свое отражение в сфере гуманитарного знания, сопряженно-го с выявлением и описанием различных аспектов карачаево-балкарского этноса. Так, К.Г. Азаматов написал

специальную работу, в которой скрупулезно рассмотрел брачное и наследственное право балкарцев, актуальное для XIX века [6]. Достаточно комплексное исследование такого важного элемента предтечи семьи, как свадьба, представлено фольклористом и хореографом М.Ч. Кудяевым, который в своей монографии рассмотрел следующие вопросы: брак и его формы, брачные запреты, знакомство парня и девушки, свадебные обряды, свадебные танцы и др. [7]. С позиций этнографии свадебная обрядность нашла отражение у М.Ч. Кучмезовой [8, с. 93-131].

В последние годы начали появляться и работы собственно лингвистического плана. В них, например, отражаются следующие проблемы: лексика свадебного обряда [9], концептуальные понятия муж, жена [10], термины родства [11] и т.п. Вместе с тем означенные выше проблемы, которые так или иначе выходят на семью и на связанные с ней вопросы, все еще ждут своего решения с позиций современной науки о языке, отмеченной на современном этапе поливекторностью, учитывающей достижения гуманитарных дисциплин в целом. В этом отношении важным представляется и обращение к фольклорному тексту, в котором закодированы базовые архетипические характеристики этноса в целом и семьи в частности, на выявление чего и нацелена настоящая статья.

Основные составляющие семьи получают языковую экспликацию уже в текстах карачаево-балкарского нартского эпоса. К ним относятся такие понятия, как *ата* «отец», *ана* «мать», *зезеч* «сестра», *къарындаш* «брат», *киеу* «зять», *келин* «невеста» и др. Наряду с нартами, которые представлены как особая каста людей, в качестве родителей в эпосе выступают языческие божества и небесные светила: *Кёк Тейрисин Жер Тейрисин алгъанды*, *Кёк кюкюрен*, *бу Жер бууаз болгъанды* [12, с. 68] / «Тейри Неба женился на Тейри Земли, Загрохотало Небо – и Земля зачала»; *Суу анасы эмчек ана болгъанды*, *Ол ёсдюрюп*, *акъыл бла толгъанды* [12, с. 69] / «Мать воды стала [его] молочной матерью, Она вырастила [его], научила мудрости»; *Кюндю Сатанайны атасы*, *Айды аны тапхан татлы анасы* [12, с. 71] / «Солнце – отец Сатанай, Луна – родившая ее ласковая мать».

Среди нартов статус невесты могут получать и девушки-эмегены, которые характеризуются целым рядом языковых единиц, в основном компаративными дескрипциями: *Зинзиуар эмеген къыз болса да*, *атасы нартла къатышладан болгъаны себепли*, *башха эмеген къызладан ушагъыулуракъды дерча кёрюндю*: *кёзлери чёмючлеча*, *ёшонлери улакъ гыбытлеча*, *бели антау гегенча*, *къарыны сыра къазанча*, *билеклери*, *бутлары чигинжилеча*, *ауузуну жарылгъаны беи къарыш чакълы болуп*, *къулакъ артларына жете*, *башы тюксюз*, *къызгъан багъырача*, *кёрюндю* [12, с. 152] / «Зинзиуар была дочерью эмегенов, но, может, потому, что в роду ее отца были родственники из нартов, она была немного симпатичнее других девушек-эмегенов: глаза ее были огромными, как ковши, талия подобна стогу сена, живот – как казан для варки пива; руки, ноги – как столбы; голова без единого волоска была ярко-красной, словно раскаленная медь».

В эпических текстах вербализуется и процесс создания семьи, который детерминируется рядом причин. В основном для героев эпоса создание семьи воспринимается как жизненная необходимость. Если по каким-либо обстоятельствам тот или иной герой эпоса не женится вовремя, то этот процесс ускоряется под воздействием социума, то есть имеет место его «провоцирование» в виде насмешек, порицания и т.п.: *Сабийле*, *ол (Алауганны анасы) айтханча*, *ойнай келип*, *даулашып*: «*Сабийсиз*, *Алауганлай*, *къарт болгъун!*» – *дедиле*. *Ол заманда ёхтем Алауганнга ол сёзле ётедиле*. «*Оллох*, *оллох*, *мен элни эмегенледен сакълайма деп тургъанлай*, *сабийле кюлкюсю болуп къалдым да*, – *деп*, *секирип туруп*, *юйюне барып*, *Гемуда атына иер салып*, *сауут-са-*

басын алып, – *нартла элинде манга къатын чыдамайды*, *эмегенледен алайым*», – *деп*, *эмеген элге кетеди* [12, с. 154] / «Дети во время игры сделали вид, что сороятся, и сказали, как научила их мать Алаугана: «Да чтоб тебе состариться, как Алаугану, без детей!». Сказанное очень задело гордого Алаугана. Со словами: «Какой позор! Я думаю, что охраняю страну нартов от эмегенов, а стал пошлеще даже для детей», – он вскочил с места и пошел домой. Оседлав своего коня Гемуду, он взял свое оружие и, сказав: «В стране нартов нет женщины, которая могла бы со мной жить, женюсь я на женщине из рода эмегенов», – поскакал в страну эмегенов».

Согласно обычному праву, среди карачаевцев и балкарцев первым женится старший сын, затем младшие, соблюдая возрастную разницу. В эпосе же находим нарушение этого права, то есть неженатым остается первенец семьи: *Ала таматалашып туудула*, *Кичилешип юйдегили болдула* [12, с. 168] / «Они родились по старшинству, женились же, начиная с младшего».

В силу специфики жанра в эпосе женитьба интерпретируется как героическое приключение, поэтому *киеу жёнгерле* «друзки, товарищи, сопровождающие жениха в его поездке за невестой» должны обладать определенным набором характеристик, позволяющих достичь желаемого результата. В нартском сказании «Нарт Къарашауай хункер патчакны кызын алады» («Нарт Карашауай женится на дочери могущественного падишаха») [12, с. 205-209] таковыми выступают как нарты, так и эмегены.

1. **Тогъузбаш эмеген** «девятителавый эмеген». В рассматриваемом сказании эмеген выпивает море воды и остужает ею большую раскаленную медную печь, в которой ночуют нарты в качестве испытания, тем самым способствуя выполнению первого задания падишаха.

2. **Ёрюзбек** в качестве дружка характеризуется как скороход, ассоциирующийся в этом плане с оленем (он выигрывает состязание в беге): *Ёрюзбек дегенинг къалада кийик аякълы эди* [12, с. 209] / «Ёрюзбек в горах олененосим был».

3. Для **Сосурука** присущи зоркость и искусство стрельбы из лука (он издали видит, что Ёрюзбек заснул, и выстрелом из лука будит его): *Сосурукъ тенгизлени тубюнден юзмезлени санаучу эди*, *Аны атхан огъу жазмай эди* [12, с. 209] / «Сосурук на дне моря песчинки считал, его стрелы промаха не знали».

4. Сам жених (**Карашауай**) обладает необычайной силой, сворачивает шею могучему быку, выполняя третье задание падишаха, и добивается руки его дочери.

5. Особая роль отводится богатырскому коню, выполняющему функцию «умыкания невесты» [13, с. 89]: *Деу Алауган эмеген кызыны алгъанды*, *Гемудагъа миндирип*, *жолгъа чыкъгъанды* [12, с. 169] / «Могучий Алауган женился на девушке-эмегенше, посадил ее на своего коня Гемуду и отправился в обратный путь».

В эпосе налицо «признаки интертекстуальной открытости» [14, с. 70], о чем, например, свидетельствуют паремии типа *Къонакъ къойдан жууаш* / «Гость смиреннее овцы»; *Аманла хапар сора билмей эдиле*, *ахишлыа уа хапар айтмай эдиле* [12, с. 206] / «Плохие беседу поддерживать не могли, а хорошие молчали». Подобные пословицы и поговорки употребительны с позиций речевого этикета при сватовстве.

Относительно рассматриваемой проблемы тексты карачаево-балкарского нартского эпоса в целом коррелируют с волшебными сказками, в которых также актуализируется героическая составляющая процесса создания семьи. Однако сказки отмечены целым рядом отличительных черт. Так, уже из зачина многих из них видно, идет ли речь об одиноком человеке или полноценной семье: *Эртте бир хан жашап болгъанды* [15, с. 58] / «Давным-давно жил-был один хан»; *Эртте заманда бир киши болгъанды*. *Аны юч жашы бла юч кызы бар эди* [15, с. 116] «В давние времена жил-был один человек. У него были три сына и три дочери».

В рамках данной статьи релевантно обращение к социально-бытовому сказкам, в которых в наиболее актуализованном виде наличествуют обиденные представления карачаево-балкарского этноса о различных сторонах семейной жизни. В этой разновидности сказок мы находим практически все номинации членов патриархальной семьи: эр «муж», къатын «жена», ата «отец», ана «мать», ёге ата «отчим», ёге ана «мачеха», сабий «ребенок», эгеч «сестра», къарындаш «брат», амма «бабушка», аппа «дедушка». В сказках вербализуются их различные характеристики. Приведем наиболее доминантные из них, присущие тому или иному члену семьи.

1. **Горькая участь** выпадает на долю девочки-сироты, которая живет в одном доме с мачехой: *Фатиматны жилиамагъан, туйюлмеген кюню озмай эди. Кир да, зыккыл да болгъан жыйрыкчыгъын бла келекцигин жууаргъа сапын тапмай эди* [15, с. 275] / «Не проходило и дня, чтобы Фатимат была не бита и не плакала. Она не находила мыла, чтобы постирать свою грязную одежду». Такой статус сироты передается традиционной карачаево-балкарской паремией *Ёксюню кюню къарангы*. [16, с. 87] / «У сироты и дни, и ночи темны».

2. **Неуважительное отношение к слабому.** Такой характеристикой наделяется невестка, которая обычно воспринимается пришлой в семью и в последующем самоутверждается: *Келин къайын анасына иги болмай башлагъанды. Эт ашагъанда, келин къайын анасына сюеклерин берип, этин эрине бла кесине сала тургъанды* [15, с. 388] / «Невестка начала плохо относиться к свекрови. Когда ели мясо, невестка давала свекрови кости, а себе и мужу клала мякоть».

3. **Злость, вредность,** как правило, приписывается жене: *Бир къатын огъурсуз, келепен къатын болгъанды. Хар кюнде туйюше, кишисин туюе, башын суугъа атаркъ этгенди* [15, с. 389] / «Одна женщина была злой и вредной. Каждый день учиняла скандалы, била мужа, он же был готов уже броситься в воду».

4. **Ум, рассудительность.** Этими чертами наделяются дочь и сын в семье. При этом их разум обычно представляется метафорически маркированным языком: *Эй, мен биле эдим аны манга келмезлигин, сиз ханны келечилерибиз деп махтанып баргъанлыкъгъа, аны айтхан сёзюню магъанасы бек теренди. Отуз тюлкюсю – ханнга отуз жылдан кёп болмагъан эсе, ол бек игиди, отуз жылда ол алыкътын анга баргъан къыз бла тюлкю кибик ойнар дегениди. Къыркъ бёрюсю – ханнга къыркъ жылдан кёп болмагъан эсе, бёрю кибикди, анга барыргъа боллукъду дегениди. Алтмыш ат дегени уа, ханнга алтмыш жыл болган эсе, барлыкъ туйюлме деген сёзюдю* [15, с. 415] / «Эх, я знал, что она за меня не выйдет. Вы хвастаетесь, что являетесь сватами хана, а слова её имеют глубокий смысл. Её тридцать лис означает: это очень хорошо, если хану не более тридцати лет, он сможет играть с новобрачной словно лис. Сорок волков значит следующее: если хану не больше сорока лет, то он, как волк, и за него можно выйти замуж. Шестьдесят лошадей же означает, что она за хана не пойдёт, поскольку ему уже стукнуло шестьдесят лет».

Эти и другие атрибуты членов семьи носят в целом оппозитивный характер. Ядро семьи (отец, мать, сын, дочь) в сказках мелиоративно маркируется, а так называемый «чужеродный элемент» (отчим, мачеха) отмечен пейоративностью, что детерминируется интерперсональными отношениями в этносе, в частности, в семье, и укладом жизни.

Достаточно полную характеристику рассматриваемый феномен получает в паремиях, в которых семья и дом интерпретируются как наиболее высшее достижение этноса, способствующее стабильной и полноценной жизнедеятельности: *Юйю болгъан – юйюне, юйю болмагъан – баи тубюне* [17, с. 142] / «Имяющий дом (семью) – домой, а кто не имеет – вверх тормашками»; *Юйю жокъну кюню жокъ* [17, с. 71] / «Кто семьи не имеет, тот света белого не видит».

В карачаево-балкарском пословицном фонде в целом актуализируются следующие составляющие когнитивной матрицы семьи, релевантные для ментальности этноса:

1. Наличие в семье одного наставника: *Бир юйде – бир онуучу* [18, с. 565] / «В одном доме – один глава».

2. Мирное сосуществование: *Хош юйюрге – кюлген таууш, бош юйюрге – юрген таууш* [18, с. 565] / «В мирной семье – радостный смех, в никчемной – лай»; *Иги юйю сёзю босагъадан атламаз* [18, с. 565] / «В хорошем доме ссора за порог не шагнет».

3. Умение довольствоваться тем, что есть: *Кёпме деп да къууанма, азма деп да жилиама* [18, с. 565] / «Не ки-чись тем, что вас много, не плачь, что вас мало».

4. Доброта: *Огъурлу юйюрге нюр тёгюлюр* [18, с. 565] / «На добрую семью прольется сияние (божественное)».

5. Уважение, соблюдение этикета: *Намысы болгъан юйде тепсилени саны юч (къартлагъа, атагъа, ана бла сабийлерине)* [18, с. 565] / «В доме, где соблюдается уважение, число столов для еды – три (для стариков, для отца, для матери с детьми)».

6. Почитание предков: *Жети атасын билген таулугъа тёреди* [18, с. 562] / «Знать предков до седьмого колена – закон для горца»; *Ата-баба сыйламагъан туудукъларын азмаз этер* [18, с. 562] / «Непочитающий предков беспутное потомство вырастит».

7. Понимание и выполнение долга отца и матери: *Баланга эслеп сёлеисенг, жер юсюнде атлы этер, эсле-мей сёлеисенг, жер тубюнде уятлы этер* [18, с. 560] / «Будешь говорить с ребенком обдуманно – твое имя на весь мир прославит, опрометчиво будешь говорить – и в могиле опозорит»; *Сабий ёсдюрген – анасы* [18, с. 560] / «Ребенка мать растит».

8. Ценностное отношение к детям: *Балалы юй – базар, баласыз юй – мазар* [18, с. 554] / «Многодетный дом – базар, бездетный – гробница»; *Бир сабий да жокъ кибик, экиси да жарым кибик* [18, с. 554] / «Один ребенок – все равно, что нет ребенка, двое детей – все равно, что полребенка»; *Баладан туугъан балдан татлы* [18, с. 561] / «Дитя твоего дитяти слаще меда». В аналогичных паремических высказываниях закодированы знания этноса относительно семейных ценностей. В них эксплицитно «приоритеты, которые во все времена наиболее релевантны для жизнедеятельности общества» [19, с. 133].

Особый интерес вызывают карачаево-балкарские благопожелания (*алгыши*), относящиеся к малым жанрам устного народного творчества. Среди них немало и тех, которые приурочены к различным событиям, сопряженным с семейной жизнью. Алгыши представляют собой сложные синтаксические конструкции, строящиеся по моделям оптативных конструкций. Ядерными предикативными компонентами их являются глаголы повелительного наклонения 3-го лица единственного и множественного числа, репрезентирующие внеимперативное значение – пожелание. Для них актуальна следующая формула: пусть сбудется это. Так, например, на свадьбах невесте желают исполнения универсальных общечеловеческих ценностей. Речь идет о таких концептуальных понятиях, как жизнь, счастье, мир, смерть, дети, труд, благополучие, родственники, мольба и т.п.: *Насын сенден кетмесин, // Къыйынлыкъ санга жетмесин, // Жашауунг мамыр болсун, // Ажалынг сабыр болсун. // Туудукъларынг кёп болсунла, // Къызларынг ийнек саусунла, // Жашларынг уугъа барсынла, // Чалгъыны къаты тутсунла, // Тенглерине нёгер болсунла. // Тулукъ-тулукъ мирзеу алгъын, // Къайынларынгы къууандыр-гъын, // Къууанч азыкъла къапхын, // Теириден тилегинги тапхын!* [20, с. 390] «Счастье от тебя пусть не уходит, // Горести тебя пусть не настигнут, // Жизнь твоя пусть будет мирной, // Смерть пусть обойдет стороной. // Детей пусть будет много, // Дочери пусть доят коров, // Сыновья на охоту пусть ходят, // Косу пусть крепко держат, // Сверстникам товарищами будут. // Мешками

зерно получай, // Новых родственников радуй, // Чтобы на радость приготовленное ела, // Да исполнит Теири твоя просьба!».

С подобными благопожеланиями коррелируют и алгыши, произнесенные на празднестве, посвященном рождению ребенка, которому также желают в первую очередь здоровья, благополучия, образцового поведения, высокого статуса и т.п.: *Бу сабийчик // Иги жаи болуп, тенглерине баш болсун, // Атасын-анасын ыразы этген жаи болсун. // Харам ишге боялмасын, // Аман иш этип, адамладан уялмасын. // Къыйынлыкдан, аурууладан сакълансын, // Жашаунда халал къыйынын ашасын, // Сау ёссюн бу жашчыгъа саламат, // Бир Аллахха болсун жаны аманат!* [20, с. 392] «Этот ребенок // Хорошим парнем став, среди сверстников тамадой пусть будет, // Родители им пусть довольны будут, // Недозволенных дел пусть не свершает, // Плохой поступок совершив, людей пусть не стыдится. // От тягот и болезней пусть будет сохранен, // Честным трудом пусть живет, // Этот мальчик здоровым пусть растет, // Душа его Аллахом сохранена пусть будет!».

Таким образом, как показывает проанализированный выше фактологический материал, актуальное для карачаево-балкарской лингвокультуры концептуальное понятие «семья» находит свою репрезентацию в различных жанрах карачаево-балкарского устного народного творчества: нартский эпос, сказки, пословицы и поговорки, алгыши. В них наличествуют практически все базовые лексемы, которые сохранились в языке без особых семантических трансформаций. Они в целом этнокультурно маркированы, отражают различные составляющие традиционной карачаево-балкарской семьи и вместе с другими языковыми единицами способствуют вербализации семейных ценностей карачаевцев и балкарцев. Каждый жанр устного народного творчества характеризуется своей специфичностью в плане репрезентации семьи. В нартском эпосе создание семьи в основном интерпретируется как героический подвиг. В бытовых сказках налицо интерперсональные отношения, а также актуализируются важные для повседневной жизни концептуальные понятия (ум, смекалка, житейская мудрость и т.п.). В паремиях отражены основные ценностные ментальные характеристики этноса относительно семьи, выполняющие констатирующую и дидактическую функции и влияющие на укрепление семьи. Алгыши нацелены на перспективу семьи и отражают ядерные элементы ее идеальной модели, закрепленной в языковом сознании этноса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вишнякова А.С. Репрезентация концепта «семья» в английской фразеологии // Вестник магистратуры. 2014. № 12-4 (39). С. 10-12.
2. Казыро Г.Н. Концепт семьи в пословичной картине мира марийского языка // Фундаментальные исследования. 2013. № 10-3. С. 674-678.
3. Павлык Д.И., Конарева А.А. Концепт «семья» в русской и английской культурах // Научные исследования: от теории к практике. 2015. Т. 2. № 4 (5). С. 128-130.
4. Гусейнова З.Ф.Г. Концепт «Aile» в азербайджанском языковом сознании // News of Science and Education. 2017. Т. 1. № 4. С. 039-043.
5. Янмурзина Р.Р., Сагинбаева Г.М. Концепт «семья» в произведениях башкирского народного поэта Мустая Карима (на основе произведений «Радость нашего дома», «Помилование», «В ночь лунного затмения») // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 1. С. 215-219.
6. Азаматов К.Г. Некоторые вопросы семейного права балкарцев в 1-й половине XIX в. // Ученые записки КБГУ. Вып. 32. Серия историко-филологическая. Нальчик, 1966. С. 143-162.
7. Кудав М.Ч. Карачаево-балкарский свадебный обряд. Нальчик, Эльбрус, 1988. 126 с.
8. Кучмезова М.Ч. Соционормативная культура бал-

карцев: традиции и современность. Нальчик: Эль-Фа, 2013. 213 с.

9. Девеева А.А., Додуева А.Т. Репрезентация лексики свадебного обряда в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 8. С. 137-141.

10. Кетенчиев М.Б., Геляева Ж.А. Вербализация концептов «муж» и «жена» в карачаево-балкарских паремиях // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик: Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, 2015. С. 48-52.

11. Аппоев А.К., Аппоев А.К. Термины родства в карачаево-балкарском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 2. С. 91-95.

12. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 656 с.

13. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Функционально-семантический потенциал зоолексемы «конь» в карачаево-балкарском нартском эпосе // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2017. № 3 (36). С. 86-91.

14. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Интертекстуальность как облигаторный признак карачаево-балкарского нартского эпоса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2 (293). С. 68-70.

15. Карачаево-балкарские народные сказки: В 2 кн. Кн. 1 / сост. С.А. Мусукаева. Нальчик: Эльбрус, 2012. 592 с.

16. Къарачай-малкъар нарт сёзле / сост. Х. Ч. Джуртубаев. Нальчик: Эльбрус, 2005. 192 с.

17. Нарт сёзле, айтыула, чам сёзле / сост. А. Д. Койчуев. Ставрополь – Карачаевск, 2010. 143 с.

18. Джуртубаев М.Ч. Ёзден адет: Этический кодекс карачаево-балкарского (аланского) народа. Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. 640 с.

19. Кетенчиев М.Б. Карачаево-балкарские компаративные паремические высказывания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 2 (18). С. 132-136.

20. Къарачай-малкъар фольклор. Хрестоматия / сост. Т. М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.

Статья поступила в редакцию 14.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА И.А. БУНИНА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ
КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

© 2018

Климова Галина Павловна, доктор филологических наук, профессор*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина*

(399770, Россия, Елец, ул. Коммунаров, 28, e-mail: klimova_galina49@mail.ru)

Аннотация. Историко-сопоставительный анализ литературных явлений конца XIX - начала XX века является актуальным методом современных исследований. Статья посвящена исследованию художественной системы И.А. Бунина в контексте русской классической литературы. Автор рассматривает становление творческого метода И.А. Бунина, его связи с классической русской литературой XIX века, своеобразии художественного мира писателя. Внутрилитературные соотношения Бунина и его предшественников можно назвать генетически преемственными и типологическими. Художественные особенности произведений рождены чаще всего всем комплексом формировавших мировоззрение писателя факторов. Развитие русской национальной идеи, заключенной, именно в согласовании человека с природой, со всем человечеством как Божьим творением, стало основным вкладом И.А. Бунина в мировую и отечественную литературу. Иван Алексеевич Бунин занимал особое место в русской литературе. Он, прежде всего, развил идею связи человека и Природы как всего сущего. В статье рассматриваются типологические схождения произведений И. А. Бунина с творчеством Е. А. Баратынского, Н. А. Некрасова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. Традиционное представление, что в России все писали о природе, изображали природу как фон человеческой жизни, помешало понять бунинское развитие отечественной традиции до нового уровня.

Ключевые слова: И.А. Бунин, художественный мир, художественная система, русская литература, реализм, типология идеи, литературные связи, идейно-художественное своеобразие.

THE ART SYSTEM OF I.A. BUNIN IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN
CLASSICAL LITERATURE

© 2018

Klimova Galina Pavlovna, doctor of philology, professor*Yelets State University named after I.A. Bunin*

(399770, Russia, Yelets, street of Communards, 28, e-mail: klimova_galina49@mail.ru)

Abstract. The comparative historical analysis of the literary phenomena of the late XIX – early XX centuries is the actual method of the modern research. The article considers the research of the I.A. Bunin artistic system in the context of the Russian classical literature. The author considers the development of the I.A. Bunin's creative method, his links to the Russian classical literature of the XIX century, the individuality of the author's artistic world. The inner literary relationships of Bunin and his predecessors can be considered as genetically successive and typological. The artistic peculiarities of Bunin's works were created by the entire complex of the factors forming the writer's philosophy. The development of the Russian national idea which is the very agreement of the man and the Nature, the whole mankind as a God's creation became the main Bunin's contribution to the world and Russian literature. Ivan Alekseevich Bunin had a special place in the Russian literature. He elaborated the idea about a connection of the man and the Nature as all things that exist. The typological coincidence of Bunin's works and the works of Ye. A. Baratynsky, N.V. Gogol, I.S. Tyrgenev, F.M. Dostoyevsky, L.N. Tolstoy is described in the article. The traditional wisdom that all writers in Russia described the nature and depicted the nature as a ground for the human life has stopped understanding of the development of Bunin's tradition up to the new level.

Keywords: I.A. Bunin, the art world, the art system, the Russian literature, realism, the typology of an idea, literary connections, ideological and art originality.

Историко-сопоставительный анализ литературных явлений конца XIX-начала XX века стал методом многих исследований. Среди них есть работы, относящиеся к творчеству Ивана Алексеевича Бунина. Дает литературные портреты Чехова, Бунина и Куприна Л. Никулин, исследует взаимоотношения Чехова и Бунина В. Гейдеко, разбирает историю отношений Горького и Бунина А. Нинов, пытается понять мир и человека в творчестве Толстого и Бунина В. Линков [4 – 7].

Везде И.А. Бунин стоит как бы во втором ряду. В нашей работе творчество Бунина является основным предметом исследования. Нисколько не умаляя значения творчества русских писателей-классиков, попытаемся проследить развитие именно того типа реализма, к которому относится бунинское наследие.

Внутрилитературные соотношения Бунина и его предшественников можно назвать генетически преемственными и типологическими.

При этом типологические связи могут включить в себя все другие, ибо явный выбор традиции обусловлен принадлежностью к одному типу. Самые первые поэтические опыты Ивана Бунина и самые последние его стихи свидетельствуют о неизменности его поэтического типа.

Одним из наиболее характерных произведений раннего периода, которое показывает мироощущение молодого поэта, стало стихотворение «Шире, грудь, распахнись для приятя...».

Первоначальное ощущение тоски по родным, выраженное наивно, переходит в стремление слиться с природой, с голубым небом, с зеленым полем.

Прожитая жизнь многое изменила в мировоззрении Бунина, но он верен до конца своих дней идее единства человека и природы.

В написанном поэтом незадолго до смерти стихотворении «Ночь» мы снова чувствуем одиночество поэта среди людей и слитность его с природой, с Творцом, создавшим весь мир. Эта неизменная уверенность Бунина в необходимости и возможности единства человека и природы восходит к лучшим традициям русского реалистического искусства.

Следует подчеркнуть, что типологические схождения поэзии и прозы могут быть не осознаны писателем: «Типологические связи - объективные связи, «схождения» (Жирмунский) между литературными явлениями (произведениями, стилями писателей в целом, литературными направлениями, литературами целых эпох), определяемые родственными или аналогичными условиями общественной идеологической действительности, независимо от осознания этой связи самими писателями» [8, с. 414].

Поэтому типологические схождения (Жирмунский) могут быть и тогда, когда Бунин отрицает наличие связи с творчеством Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя. Художественные особенности произведений рождены чаще всего всем комплексом формировавших мировоз-

зрение писателя факторов.

Развитие русской национальной идеи, заключенной, на наш взгляд, именно в согласовании человека с природой, со всем человечеством как Божьим творением, стало основным вкладом И. А. Бунина в мировую и отечественную литературу.

Развитие реализма продолжилось в его творчестве на качественно новом уровне, поэтому реалистические находки писателя воспринимались как похожие на модернизм.

Как и любого русского писателя, Бунин всегда волновала проблема существования реализма как метода. И многие его произведения знаменовали формирование нового типа реализма, в котором нравственная сторона связана с понятием дома, родного гнезда. Художественные особенности этого типа могли быть разными, но для него характерна недекларативность.

Типология идеи может выражаться в разных стиливых формах, но у нас речь идет о другом. М.Б. Храпченко писал: «Типологически родственными могут быть признаны литературные явления, не просто обладающие известным сходством, отдельными общими чертами, а те из них, которые близки друг другу по некоторым основным своим свойствам, по своей структуре. При этом родственное, общее, сходное при типологическом обобщении раскрывается не в последовательном отвлечении от индивидуального, частного, не в резком противопоставлении одного другому, а в их внутренних взаимосвязях» [9, с. 341].

Самое большое влияние на формирование мировоззрения, а через него и на художественную систему Бунина, оказал А.С. Пушкин. Ясность и простота поэзии Бунина ориентированы на классическую традицию. Однако помимо этого общего воздействия мы не можем утверждать большего. Для русской поэзии наиболее всего характерно чувство слияния человека с природой. Но человек всегда составлял главную ценность классической литературы. Природа была фоном, на котором решались жизненные вопросы. Прекрасные пейзажи соответствовали чувствам героя или автора.

И в то же время в самой русской поэзии уже складывался тот тип реализма, который так полно воплотился позднее в творчестве И.А. Бунина. И здесь Бунину ближе Б.А. Баратынский:

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.
Что с нею, что с моей душой?
С ручьем она ручей
И с птичкой птичка! с ним журчит,
Летает в небе с ней!
Зачем так радуется
И солнце и весна!
Ликует ли, как дочь стихий,
На пире их она?
Что нужды! счастлив, кто на нем
Забвенья мысли пьет,
Кого далеко от нее
Он, дивный унесет! [1, с. 271 – 272].

Для чего нами приведено так много строф? Чтобы показать развитие того типа литературы, который зависел от окружающей среды очень конкретно. У Баратынского душа сливается с природой, ищет забвения мысли на пире стихий, чьей дочерью хочет себя ощущать.

Когда речь идет о мире, человеке и истории как развитии человечества, почему-то забывается реальность самого мира. Он существует, потому что есть природа, то есть все сущее, в том числе и человек. И мистическая будто бы мысль о душе - дочери стихий - оказывается совсем иной, когда мы обращаемся ко всему творчеству И.А. Бунина.

У него в поэзии и прозе человек реален, но и ми-

стичен одновременно, потому что он часть природы. Нематериальность желания «слиться с природой» очевидна, ведь в буквальном смысле это - смерть. И в то же время Бунин всегда ощущает себя «ручьем, птичкой»...

Литературные связи Е.А. Баратынского и И.А. Бунина требуют специального исследования. Ограничимся лишь еще одним замечанием. Особую роль во всем творчестве И.А. Бунина сыграло стихотворение Е.А. Баратынского «Запустение».

Типологические схождения очевидны. Но интересные перемены происходят у Бунина; у него говорит дом, оставшийся без хозяев, но мысли его звучат удивительно актуально. Мы допускаем, что эти мысли не принадлежат автору, но его отчий дом, дом его предков повторит слова о необходимости «разрушения дерзостной работы», цветения жизни, «пусть даже в грубой силе» на могиле. Строки из стихотворения Баратынского звучат и в рассказе «Несрочная весна».

Типологическая близость обнаруживается у И.А. Бунина и Н.А. Некрасова. Ранние стихи и статьи Бунина говорят о явной близости двух поэтов, преемственности. Но позже в бунинском мировоззрении происходят определенные перемены, не только в отношении к народу, но и в выражении этого отношения в поэзии. В своей статье, посвященной Некрасову, Бунин рассматривает некоторые проблемы специально, но нас интересует художественный мир. И оказывается, что перемены не коснулись его законов. У поэтов-реалистов сближена цветопись, есть немало внешне похожих образов, выражающих единство структурообразования («тысячи мелких гвоздей» у Некрасова и «капля, как шляпка гвоздя» у Бунина).

Бунин и Некрасова сближало и то обстоятельство, что, описывая народ, деревню, они были верны только правде.

Необычным было влияние на творчество И.А. Бунина и произведений Н.В. Гоголя. Иван Алексеевич оставил заметки, подобные отрывку из статьи «Думая о Пушкине», статье о Н.А. Некрасове. В романе «Жизнь Арсеньева» есть страницы, посвященные Н.В. Гоголю. Отношение И.А. Бунина к этому писателю претерпело изменения. А в творчестве остались те несомненные типологические схождения, выраженные в самом отношении к характеру письма.

«У Гоголя необыкновенное впечатление произвели на меня «Старосветские помещики» и «Страшная месть». Какие незабвенные строки! Как дивно звучат они для меня и до сих пор, с детства войдя в меня без возврата, тоже оказавшись в числе того самого важного, из чего образовался мой, как выражался Гоголь, «жизненный состав». Эти «поющие двери», этот «прекрасный» летний дождь, который «роскошно» шумит по саду, эти дикие коты, обитавшие за садом в лесу, где «старые древесные стволы были закрыты разросшимся орешником и походили на мохнатые лады голубей...» [VI, с. 38].

Мы можем разделить мировосприятие молодого Бунина и впечатления его героя, но бунинская проза подтверждает близость к гоголевской манере письма. Таким образом, несмотря на отречения в жизни, художественная система подтверждает верность типу. Бунин не подражает Гоголю, не просто продолжает традицию, а развивает ее, обогащает новыми открытиями. На этом пути он создает свой неповторимый стиль. И появляется так поразивший А.П. Чехова «свежий запах январской метели, сильный, как запах разрезанного арбуза»; «алеющие снежные шапки на избах», «Венера, висящая трюгальником расплавленного золота».

Живописность, колоритность прозы И.А. Бунина до сих пор вызывают желание причислить ее к прозе нереалистической. Это неверно лишь потому, что все эти оттенки, полутона существовали в реальности. И Н.В. Гоголь был реалистом, хотя его реализм можно на-

звать и фантастическим, и символическим, и каким-то другим. Умение увидеть в живой жизни многообразие мира, показать его красоту и необычность дано далеко не каждому писателю.

Кроме яркости красок в бунинском реализме было восхищение перед жизнью во всех ее проявлениях, также связанное с традицией Н.В. Гоголя и А.С. Пушкина. Проза наша вышла не только из гоголевской шинели, но и из описания роскошного дня в Малороссии, где и мухи превращаются в «изумруды, топазы, яхонты». В этой связи заключено главное, может быть, качество бунинского художественного мира, в котором человек не становится меньше себя, а природа становится вровень с человеком.

Бунин доводит до совершенства точность и лаконичность художественных средств. Ни один из модернистов не смог выдумать, создать искусственно таких сравнений, метафор, эпитетов, которые есть у него: «яблочное холодное лицо», «минерально блестящие звезды», «галки, похожие на монашенки», «корытообразное лицо», «темная пятнами лесов, как старинное тусклое серебро, она тонула в утреннем тумане»...

Гоголевская традиция проявляется во внимании к деталям, в изображении цвета, его разнообразных оттенков, запахов: синий, голубой, лазурный, лиловый, лазурно-мглистый, безжизненно-лазуревый, бледно-синеватый, сиреневый и другие варианты синего, «горячий запах тела», «ржаной запах степняка», «кисловатая вонь дубленого полушубка», «мятный аромат нюхательного табаку» и многое другое.

У Бунина всегда следует отделять его личные, субъективные высказывания об отношении к тому или другому писателю, мнения, отданные героям его произведений, и объективные, вытекающие из самого творчества признаки.

Преемственные связи с творчеством Н.В. Гоголя имеют типологический характер, то есть не зависят от осознания этой связи писателем. Гоголь, пробудивший в душе Алексея Арсеньева «то высокое чувство, которое вложено в каждую душу и будет жить вовеки - чувство священной законности возмездия, священной необходимости конечного торжества добра над злом и предельной беспощадности, с которой в свой срок зло карается» [VI, 40], несомненно, повлиял на писателя Бунина не только художественно, но и нравственно. Однако наиболее сильной связью творчества И.А. Бунина с русской реалистической литературой проявилась в исключительной правдивости изображения российской действительности.

И.А. Бунин, любя Россию, правдиво показал ее трагедию. Так случилось, что его современники (Вересаев, Куприн, Андреев, Горький) деревню знали меньше. Крестьяне составляли большинство населения страны, их изображение в поэзии и прозе И.А. Бунина, несомненно, продолжает гоголевскую традицию. И отсутствие светлого в этом изображении является лишь следствием того писательского закона, который обязывает показывать только правду. Она сближает и разъединяет одновременно художественные миры Бунина и Тургенева.

Творчество И.С. Тургенева, на первый взгляд, кажется связанным с бунинским теснейшим образом. Многие сближало обоих писателей: воспевание дворянских гнезд, изображение мужика, структурные особенности произведений. Но и противоречий между ними также было немало.

Тургеневские усадьбы отличались от мелкопоместных и оскудевших к концу века до нищеты бунинских поместий; крестьяне-однодворцы, крепостные и бывшие крепостные у Тургенева и Бунина живут в разных эпохах, таким образом, при сохранении типологической связи меняется внутренний смысл изображаемого.

И.С. Тургенев, отражая русскую жизнь, ставил вопросы о характере будущих перемен. Отрицание кре-

постничества, глубокий интерес человеческой личности, ожидание эпохи - все это не только исторически предшествовало проблемам бунинского творчества, но и определяло его.

Однако разницу между Тургеневым, Буниным и собой, не пытаясь осознать ее, обозначил Л.Н. Толстой, искренне не понимавший, почему Бунин пишет все про природу.

Природа у Бунина перестает быть фоном и не просто отражает чувства героя, но сама становится героем. Поэтому трагическую судьбу бунинских персонажей следует рассматривать в этом контексте. Природа не существует сама по себе, нравственные ценности оказываются связанными с развитием всего сущего.

Ранние рассказы И. Бунина, посвященные мужицкому быту, потрясают трагичностью коллизий. Писатель описывает судьбы, определенные беспросветным существованием; но не крепостное право пугает Бунина (хотя он понимает, сколько горя принесло народу такое положение), а современный ужас жизни.

Мелкопоместные дворяне в изображении Бунина мельче, ничтожнее, они - тоже жертвы рабства. Оскудение, обветшалость дворянских гнезд пугают писателя не только потому, что он дворянин, но и как знак общей гибели. Если у Тургенева литературная судьба определялась, по его мнению, прежде всего А.С. Пушкиным, то Бунина часто механически связывали с предшественниками. Не тематическая близость, а художественные связи играли здесь гораздо более важную роль. Развитие художественной прозы, соединение ее с поэзией, обогащение лиризмом и романтическим пафосом - вот что было сделано Тургеневым и развито Буниным.

Появление в творчестве И.А. Бунина позиции «гражданина вселенной» было не попыткой уйти от проблем современности, напротив, писатель стремился найти выход из кризиса в масштабе человечества. Постигание глубин человеческой души выводило к общечеловеческим проблемам. Изначальное для Бунина единство человека и природы также приводило к этому.

Через красоту природы, созданной Богом хорошо, шел Бунин к прекрасному в человеке. Иван Алексеевич Бунин занимал особое место в русской литературе. Он был связан с традициями русской литературы, с творчеством А.С. Пушкина, М. В. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Е.А. Баратынского, И.С. Тургенева и других писателей России. Но он, прежде всего, развил идею связи человека и Природы как всего сущего.

Бунин, саму душу человеческую изображавший как часть природы, не был понят ни современниками, ни критиками последующих лет. Традиционное представление, что в России все писали о природе, изображали природу как фон человеческой жизни, помешало понять бунинское развитие отечественной традиции до нового уровня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Баратынский Е.А. Стихотворения и поэмы. - М., 1981.
2. Бунин И.А. Собр.соч.: в 6 т. Т. 1-6. - М.: Художественная литература, 1987 - 1988.
3. Бунин И.А. Памяти сильного человека. Цит.по публикации А.К. Бабореко // Подъем. - 1957. - № 1. - С. 167.
4. Никулин Л.В. Чехов. Бунин. Куприн. - М.: Советский писатель, 1960.
5. Гейдеко В.А. Чехов и Бунин. - М.: Советский писатель, 1987.
6. Нинов А.И. М. Горький и Ив. Бунин. - Л.: Советский писатель, 1973.
7. Линков В.Я. Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина. - М.: Издательство Московского университета, 1989.
8. Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Словарь литературо-

ведческих терминов. - М.: Просвещение, 1974.

9. Храпченко М.Б. Художественное творчество, действительность, человек. – М., 1976.

Статья поступила в редакцию 13.02.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

ЛАТИНИЗМЫ В АНГЛИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

© 2018

Коларькова Оксана Геннадьевна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков**Ипатова Ирина Серафимовна**, кандидат педагогических наук, зав. кафедрой
языкознания и иностранных языков**Савина Анна Анатольевна**, кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры языкознания и иностранных языков*Российский государственный университет правосудия, филиал в Нижнем Новгороде
(603022, Россия, Нижний Новгород, проспект Гагарина 17А, e-mail: rapfno@yandex.ru)*

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу латинских заимствований в английской юридической терминологии, которые имеют огромное значение для развития современного английского юридического языка, поскольку как языковые единицы не утратили своих блестящих языковых качеств: краткости, содержательности, выразительности, свойственных латинскому языку, и по сей день употребляются в юридических и правовых актах, документах. Целью статьи авторы ставят выявление семантико-грамматической специфики латинских заимствований в английской юридической терминологии. Анализируются языковые и неязыковые факторы лексических заимствований; прямые и косвенные виды заимствования латинизмов; структурное заимствование, а именно калькирование; словообразовательные элементы - суффиксы и префиксы. Авторы приводят в статье многочисленные примеры заимствований юридических терминов, взятых из этимологических словарей английского языка, что дает возможность не только выявить и проследить интерференционную судьбу языковых корней слов и выражений много веков мертвого для непрофессиональной коммуникации латинского языка, но и представить определенного рода масштабный ракурс социально-исторического развития общества. В статье подчеркивается значимость знаний латинского языка для будущих юристов - работников судебной системы, что в совокупности с умениями студентов работать со словом создает целеполагающее формирование профессиональных практических навыков и культуры правового мышления в целом. В своем исследовании авторы статьи опираются на богатейший опыт как отечественных, так и зарубежных исследователей-лингвистов, этимологические словари, что позволяет судить об обоснованности представленных в статье выводов.

Ключевые слова: термин, терминология, юридический термин, юридическая терминология, юридический английский язык, заимствование, заимствованное слово, латинизмы, языковые факторы, неязыковые факторы, калькирование, этимон, аффиксы, суффиксы, префиксы.

LATINISMS IN ENGLISH LEGAL TERMINOLOGY

© 2018

Kolarkova Oxana Gennadievna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
of language study and foreign languages department**Ipatova Irina Serafimovna**, candidate of pedagogical sciences, the head of language study
and foreign languages department**Savina Anna Anatolievna**, candidate of pedagogical sciences, senior teacher of language study
and foreign languages department*Russian State University of Justice, Privolzhsky branch
(603022, Russia, Nizhny Novgorod, Gagarin Avenue, 17A, e-mail: rapfno@yandex.ru)*

Abstract. The article is devoted to the question of Latin borrowings which has great significance for the development of contemporary Legal English terminology because its language units haven't lost their brilliant Latin language features: brevity, content, expressiveness, that are still used in legal acts and documents. The purpose of the article is to reveal semantic-grammar specific features of Latin borrowings in English Legal terminology. In the article the authors analyze both language and non-language factors of vocabulary borrowing; direct and indirect kinds of Latinisms borrowing; structural borrowing, namely, calque; word-building elements – suffixes and prefixes. The authors offer numerous examples of legal terms borrowings, taken from etymological English dictionaries that give the possibility not only to reveal and to follow up interference destiny of language word and expressions roots of the Latin language which has been dead for non-professional community for centuries, but submit so-called extensive aspect of social-historical society development. The article highlights significance of Latin knowledge for future lawyers as workers in judicial system that creates in conjunction with students' abilities to work with the word, goal-setting formation of their professional practical skills and culture of legal thinking as a whole. The authors of the article in their research work have drawn on the extensive experience of both Russian and foreign scientists-linguists and this fact allows to judge the fairness of conclusions presented in this article.

Keywords: term, terminology, legal term, legal terminology, Legal English, borrowing, borrowed word (loanword), latinisms, language factors, non-language factors, calque, etymon, affixes, suffixes, prefixes.

The role of Latin in the English language formation and development is very significant. On all stages the English language is replenished not only by new lexical units, but, undoubtedly, has an influence on the process of word formation in English. It is known that borrowing of Latin vocabulary is carried out by means of oral and writing speech, however, most words borrowed from Latin were taken from various documents and books. Latin terms in contemporary legal terminology also represent great significance for the English language as to this day Latin terms are used in legal acts, documents with such Latin stylistic features as: brevity, content, expressiveness. When analyzing modern English Legal terminology, Maksimenko E.S. claims that practically all internationalisms are covered, included into the termsystem of English. The scientist sums up that 20% of legal terms in English are of Latin origin [22]. Thus, we

consider that nowadays one of the conditions of successful professional legal activity is to master the foreign language, mainly its legal terminology. That's why the focus on the problem of Latin borrowing in English Legal terminology is sure to be topical and timely.

Despite the apparent research completeness of this question latinisms remain the subject of closely attention in both Russian and foreign scientific linguistic literature. The development of theoretical problems concerning both borrowing and adaptation of Latin vocabulary in contemporary English, Legal English in particular, has gone up on a new phase. A lot of scientists-linguists devote their research works to such problems: Aristova V.M., Bahurova E.P., Butt P., Bryson B., Castle R., Durkin Ph., Green T., Galahova A.A., Kaminskaya E.V., Kuthe D., Maksimenko E.S., Sekirin V.P. and others. In their scientific works

they discuss the questions about Latinisms influence on contemporary English; principles of Latin borrowings in English; Latin borrowing classification; Latin functioning in English; legal terms formation by means of Latin borrowings and others. The analysis of those research works in the sphere of linguistics has allowed us to conclude that specific features of Latin borrowings in Legal English, particularly semantic-grammar ones, are not fully represented.

In this connection, the purpose of our article is to reveal semantic-grammar specific features of Latin borrowings in English Legal terminology.

Both the notions «term» and «terminology» have various definitions in linguistic literature. In the dictionary of linguistic terms the notion term is defined as a word or a phrase of specific (scientific, technical e t.c.) language created (accepted, borrowed e t.c.) for exact expression of specific notions and identification of specific objects while terminology is the set of terms in the definite industry, activity, knowledge that forms a special sector (layer) of vocabulary and much more easier succumbs to conscious regulation and streamline [1].

From the point of view of Reformatsky A.A., «terms are special words limited by their specific meanings; words which are mostly unambiguous like exact expressions of notions and names of things» [29, p. 110]. Superanskaya A.V. highlights the idea that «the term named as the notion at the same time named as the object. In a word, there is a predominant connection «name-notion». Behind the term there is always the object of thought, not of general thought but special one restricted by definite area» [32, p. 34].

Based on the analysis of some definitions of the notion «term» in research works of Vinokur G.O., Lantuhova N.N., Reformatsky A.A., Superanskaya A.V. and others, it can be concluded that a term is a word or word expression relating to a special notion, phenomenon or object in the system of any knowledge field, thus, it's a notion which has a professional meaning and is distinguished by its exactness, unambiguity and system. In our case we deal with legal terms which are word descriptions of notions used when the content of Act or other normative legal documents, words or word expressions with legal context are presented, which are generalized names of legal notions having an exact and definite meaning and are distinguished by their unambiguity and functional sustainability [28].

As for legal terminology, it represents the set of entrenched legal terms used by law-making practice; it's a system of generally accepted, structured, unified and formed properly legal terms [12].

Legal terminology is considered to be one of the most important components of Legal English the interest to which is growing every year. Legal terminology is a “set of words and word combinations used in scientific apparatus to express special notions and to identify legal reality objects in this or that sphere of legal knowledge” [18, p. 109].

Some researchers (S.S. Alexeev, I.I. Lizikova, D. Melinkoff, D. Crystal, D. Davy, L.M. Solan, P.M. Tirsma and so on) highlight some specific features of Legal English caused by its history of development and specificity of law itself as a form of public consciousness.

As Russian integration into international community is impossible without training a wide range of specialists able to perceive the experience of legal regulation of common or precedential English and American law, the interest towards English legal terminology is not aimless, but it is caused by great practical relevance of learning Legal English as a language for special purposes [19,30].

The most important process having an influence on the development of English legal terminology, its enrichment and perfection, is the process of borrowing. Borrowing, having come into the English language from other languages, is one of the main ways to form terms, legal ones in particular.

Foreign borrowings are entirely penetrated into the English language. Jens Otto Harry Jespersen, a Danish linguist, underlined the idea that “English is the chain of

borrowing words” [15]. Philip Durkin notes, “Loanwords make up a huge proportion of the words in any large dictionary of English. They also figure largely in the language of everyday communication and some are found even among the most basic vocabulary of English” [9].

Linguistic scientists use different terms in their works: “loanword”, “borrowed word”. The analysis of their definitions allows us to make a conclusion that these terms can be regarded as synonyms having the same meaning [31]. In the free dictionary by Farlex a “loanword” is a word adopted from another language and completely or partially naturalized [34]. The professor S. Kemmer gives a similar definition to this term: “It is a word adopted by the speakers of one language from a different language...while the abstract noun “borrowing” refers to the process of speakers adopting words from a source language into their native language” [17]. Bates L. Hoffer interprets “borrowing” as the process of importing linguistic items from one linguistic system into another, a process that occurs any time two cultures are in contact over a period of time [14].

Legal English has a lot of borrowings in its terminology as well. There is a considerable amount of foreign words and phrases in Legal English, which are mainly of Latin origin, called as “latinisms” in linguistic science. The main features of vocabulary borrowings are led by various factors – language and non-language. Language factors are dependent on interaction of definite countries, people and languages. Non-language factors are concerned with economic, political and cultural relations between native speakers of this or that language. Bagiyan M.B. establishes the following background of Latin borrowings in English, Legal English particularly: cultural influence; countries contact: both orally or in writing; interest to study a language; language significance and prestige; historically entrenched interest to the culture of a foreign country; circumstances of social layers’ language culture adapting a new word [2, p.36].

The formation source of English Legal terminology was Roman law. The Latin language is primarily a language of Roman law, distinguished by exactness, brevity and clarity. Latin was brought by Roman soldiers, administrative officers, settlers and traders into different parts of increasing Roman Empire. «Latin was the language of new ruling force, the language of government and governance, jurisprudence and legislation, trade and military actions» [33, p.191].

A great number of direct Latin borrowings were introduced into English law from Roman one. Nowadays the English language makes use of Latin legal terms nearly without changing their orthographic structure, but one can notice some changes in word semantics though they are not so significant. Let's compare some of them [6, 21, 34]: *subpoena* (Lat.: under penalty of; Eng.: a writ requiring someone to appear in court to give testimony); *habeas corpus* (Lat.: you have the body; Eng.: a writ ordering a person to be brought before a court or judge); *pro bono* (Lat.: for the public good; Eng.: provided free or at low cost to certain legal clients in order to serve the public good); *status quo* (Lat.: state in which; Eng.: existing condition or state of affairs); *bona fides* Lat.: good faith; Eng.: undertaken in good faith; sincere, real); *alibi* (Lat.: somewhere else; at another place; Eng.: a form of defense whereby a defendant attempts to prove that he was elsewhere when the crime in question was committed); *ad hoc* (Lat.: to this; Eng.: for the specific purpose, case, or situation at hand and for no other); *ultra vires* (Lat.: beyond strength; Eng.: law beyond the legal power or authority of a person, corporation, agent, etc.). The given examples show that most of Latin terms are used in contemporary Legal English terminology with wider meanings than their original ones.

Some modern legal terms possess archaic coloring, their use creates coloration of elevated style. This emotional contrast is connected with its higher status in society and encourages citizens to possess law-abiding behavior. In this regard, Latin had primary meaning in the formation of legal terminology which was the language of culture and

education up to V century CE [18].

Borrowing from Latin was often done in two stages: first from Latin to French, then from French to English. So, such terms were borrowed as [24, 25, 26]: *constitution* (from Old French “*constitucion*”, from Latin “*constitutio*” – act of settling, settled condition, anything arranged or settled upon, regulation, order, ordinance); *judge* (from Old French “*juge*”, from Latin “*iudex*” – one who declares the law); *fraud* (from Old French “*fraude*”, from Latin “*fraudem*” – cheating, deceit); *evidence* (from Old French “*evidence*”, from Latin “*evidentia*” – proof); *legal* (from Old French “*légal*”, from Latin “*legalis*” – pertaining to the law); *notary* (from Old French “*notarie*”, from Latin “*notarius*” – shorthand writer, clerk, secretary); “*crime*” (from Old French “*crimne*”, from Latin “*crimen*” – charge, indictment, accusation; crime, fault, offense) etc. Thus, Latin can be regarded here as “*etymon*” – the original form (or meaning) of a word, its source or the main type regarded as right, original and real [1].

Apart from direct and indirect Latin borrowings, the English legal terminology contains a large number of Latin “*calque*” (from the French word for “*copy*”). “*Calque*” is a form of the borrowing that “*literally translates a foreign expression, word for word*” [23]. The reason for appearing that calque process was the fact that Edward III had published the order to conduct all the cases in English as the English language had been proclaimed as a state language, all the legal documents had to be translated from Latin into English. For example: legal aid – *in forma pauperis*; facts of crime – *corpus delicti*; donation gift – *donatio mortis causa* [8, 27] and so on.

It's important to highlight that in English Legal terminology there are some composite combined terms, one part of which is direct Latin borrowing, another one is English term or assimilated borrowing. For example: *pro forma letter*, *ad valorem duty*, *writ of habeas corpus*, *action in rem*, *guardian ad litem* [8, 27].

Undoubtedly, the Latin language had a great influence not only on English updating vocabulary, Legal English one, in particular, but on its word-building process as well. This thought has been emphasized by such researchers as Bagiyan M.B., Dubenets E.M., Kotsubinskaya L.V., Write R. and others. Thus, by means of latinizms influence on modern English Legal terminology both Latin suffixes and prefixes are used. Affix borrowings were derived thanks to «*word-building elements that can be often met in borrowed words are highlighted and defined as affixes, and acquire more productivity being the way or the means of new words formation taken from English roots*» [7, p. 23].

Suffix creates a new word, automatically defining its part of speech while prefix has the purpose of word meaning modification. In a word, affixation plays a significant role in modern Legal English and a great deal of legal terms in English formed by Latin word-building affixes proves it. Such Latin suffixes form legal terms in English as: - *al* (*betrayal, loyal, dismissal*); - *ance* (*defeasance, insurance, inheritance*); - *ence* (*defence, pretence, reference*); - *ency* (*precedency, solvency, insolvency*); - *ancy* (*discrepancy*); - *ent* (*deficient, agent, precedent*); - *ory* (*signatory, statutory*); - *ary* (*beneficiary, disciplinary, parcenary*); - *ant* (*declarant, participant, replicant*); - *tion* (*deception, distribution, deconsecration*); - *ous* (*posthumous, slanderous, spurious*); - *ate* (*aggregate, estate, reciprocate*) [8, 27] and others.

A great number of prefixes borrowed from Latin take part in the formation of English legal terms. Among them, for example: *de-* (*decontrol, declassify, default, defalcate*); *under-* (*underinsurance, undersign*); *non-* (*non-corporate, non-leviable*); *counter-* (*counter-execution, counteraction*); *over-* (*overdraft, overrule*); *pre-* (*prevail, precede, prejudge*); *anti-* (*antigraphy, anticipatory*); *un-* (*unbailed, unadjusted, unauthorized*); *dis-* (*disagreement, disallow, disannul*); *com-* (*committal, commodate*); *sub-* (*substitute, subtenant, subtraction*); *re-* (*recall, reconvention, recourse*); *in-* (*insolvency, incapacity, inclose*); *inter-* (*interdepartment, interference*); *pro-* (*proclaim, procurator, prohibit*); *trans-*

(*transmission, transgressor*) [8, 27] and others.

To sum up, Latin word has been widely adapted to its new environment by means of root or affix element transition, performing as a derivative, or borrowed by calque including phraseological one, because its interference destiny has been defined by targeted professional call: jurisprudence, medicine, culture. The English language, Legal English in particular, when borrowing words, notions and terms from Latin doesn't lose its identity but, on the contrary, enriches itself with best elements during the whole history.

REFERENCES:

- Ahmanova O.S. Slovar lingvisticheskikh terminov. 2-e izd-ster. M. URSS. Editorial. URSS. 2004. 571 s. [Elektronnii resurs]. URL: <http://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/51.htm>
- Bagiyan M.B. Zaimstvovaniya v sovremennom angliyskom yazyke. M.: Diplomat. academ. MID Rossii. 2003. 57 s.
- Bakhurova E. P. The significance of Latin borrowings in the modern English language and its practical interest // Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve: materialy III mezhdunar. nauch. konf. M.: Buki. 2014. S. 43-50.
- Bystrikova N. F., Garsiya-Kaseles K. K., Migolatyeva I. V. K probleme zaimstvovaniy i ikh funktsionirovaniy v sovremennom angliyskom yazyke (na primere gallitsizmov i latinizmov) // Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya. Yazyki i spetsialnost. 2012. № 2. S. 17-20.
- Butt P., Castle R. Modern legal drafting: a guide to using clearer language. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2006. 274 p.
- Collins English dictionary. [Elektronnii resurs]. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (data obrascheniya: 11.02.2018).
- Dubenets E. M. Sovremennyy angliyskiy yazyk. Leksikologiya: uchebnoye posobiye. M.: Feniks. 2010. 192 s.
- Duhaime's Law Dictionary [Elektronnii resurs].
- URL: <http://www.duhaime.org/LegalDictionary.aspx> (data obrascheniya: 22.02.2012).
- Durkin Ph. Borrowed Words: A History of Loanwords in English. Oxford University Press. 2014. 512 p.
- Farrell J. Latin language and Latin culture. From ancient to modern times Cambridge: Cambridge University Press. 2002. 148 p.
- Galakhova A. A. Latinskiye zaimstvovaniya v angliyskom yazyke prava // Sovremennaya filologiya: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa. mart 2015 g.). Ufa: Leto. 2015. S. 107-109.
- Goyman-Kalinskiy I.V., Ivanets G.I., Chervonyuk V.I. Elementarnyye nachala obshchey teorii prava: Uchebnoye posobiye dlya vuzov. Pravo i zakon. M.. 2003. 544 s.
- Green T. Greek and Latin roots of English. Lanham : Rowman & Littlefield publishers, 2008. 283 p.
- Hoffer B. L. Language borrowing and language diffusion: an Overview // Intercultural communication studies XI:4, 2002. [Elektronnii resurs]. URL: <http://web.uri.edu/iaics/files/01-Bates-L.-Hoffer.pdf> (data obrascheniya: 10.02.2018).
- Jespersen O. Language: its nature, development and origin. New York. 1922. 448 p.
- Kaminskaya E.V. Raznoobrazie sovremennogo yuridicheskogo angliyskogo yazyka // Yazyk i mir izuchayemogo yazyka. 2012. №3. S. 32-41.
- Kemmer S. Loanwords: major periods of borrowing in the history of English. Rice University. 2016. [Elektronnii resurs]. URL: <http://www.ruf.rice.edu/~kemmer/Words/loanwords.html> (data obrascheniya: 10.02.2018).
- Kolarkova O.G., Savina A.A. Borrowings of legal terminology in the English language // Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki. 2017. №11-1(77). S. 109-111.
- Kolarkova O.G., Savina A.A. Formirovanie rechevoi kompetencii studentov-buduschih yuristov na zanyatiyah po inostrannomu yaziku // Aktualnie problemi informacionno

pravovogo prostranstva: sb. st. po mat-am ejegodn. Vseross. nauchn.-prakt.konf-i. Krasnodar. 2017. S. 152-156.

21. Kuthe D. Latin Loanwords in English. Universidad de Cordoba: Green Verlag. 2007. 40 p.

22. Latinizmy (slova. vyrazheniya. sokrashcheniya) v sovremennom angliyskom yazyke nau-ki: Metodicheskoye posobiye po chteniyu tekstov nauchnoy prozy na angliyskom yazyke / Kaliningr. un-t; sost. V.M. Aristova. G.G. Korsakova. Kaliningrad. 1997. 36 s.

23. Maksimenko E.S. Osobennosti ispolzovaniya latinskikh terminov v angliyskoy i amerikanskoy yuridicheskoy terminologii // Edinitsy yazyka i ikh funktsionirovaniye. Saratov. 2004. Vyp.10. S. 28-30.

24. Nordquist R. F. What is a Loan Translation or Calque? [Elektronniy resurs] // ThoughtGo. Updated April 12, 2017.

25. URL: <https://www.thoughtco.com/loan-translation-calque-1691255> (data obrascheniya: 25.02.2018).

26. Online Etymology Dictionary [Elektronniy resurs]. URL:<http://www.etymonline.com/index.php>(data obrascheniya: 25.02.2018).

27. Oxford Concise Dictionary of English Etymology / ed. by T. F. Hoad. Oxford University Press. 1996. – 576 p.

28. Oxford Dictionary of English Etymology / ed. by C. T. Onions. The Clarendon Press, 1995. 1040 p.

29. Oxford Dictionary of Law. 8th edition / ed. by J. Law. Oxford: Oxford University Press, 2015. 704 p.

30. Pigolkin A.S. Yazyk zakona. M.. 1990. 192 s.

31. Reformatskiy. A. A. Vvedeniye v yazykovedeniye: ucheb. dlya filol. fak. ped. in-tov. 4-e izd-e. ispr. i dop. M.: Prosveshcheniye. 1967. 542 s

32. Savina A.A., Kolarkova O.G. Model obucheniya studentov navikam delovoi pismennoi rechi // Uchenie zapiski. Elektronniy nauchniy jurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. №2 (34). S. 170-177.

33. Shitvova S.M., Kolarkova O.G. English as the chain of various loanwords // Science and World. 2016. V.3. №12(40). P.43-45.

34. Superanskaya. A. V. Obshchaya terminologiya: voprosy teorii. 6-e izd. M.: Librokom. 2012. 248 s.

35. Tamm D. Roman law and European legal history. Copenhagen: DJOF Publishing. 1997. 288 p.

36. The free dictionary by Farlex. [Elektronniy resurs]. URL: <http://www.thefreedictionary.com/> (data obrascheniya: 11.02.2018).

Статья поступила в редакцию 02.02.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

НЕВЕРБАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО
КУЛЬТУРНОГО КОДА

© 2018

Красикова Тамара Цезаревна, аспирант

*Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмиллы**(450008, Россия, Уфа, улица Октябрьской революции, дом 3-А, e-mail: krasikowa.tamara@yandex.ru)*

Аннотация. Национальная культура индивидуальна и самобытна, что отражается через национальный культурный код народа. Национальный культурный код проявляется в глубинной структуре национального самосознания и национального бессознательного. Стереотипы поведения не осознаются самими людьми, но являются той основой видения мира и отражаются во всех действиях и мыслях представителей одной национальной культуры. Существуют несколько подробных определений национального культурного кода. Проблемы отражения национальных особенностей в невербальном поведении являются предметом, который рассматривают целый ряд наук. При этом на сегодняшний день нет исчерпывающих исследований по вопросам национального характера жестов, нет исторических исследований происхождения жестов в русской культуре. Но мы говорим – так себя ведут только русские, так только русские могут отобразить тот или иной жест или же использовать его только в таком контексте. Читая художественную литературу, мы ясно вычленим характерные моменты невербальных проявлений, которые дополняют (украшают) текст и порой не требуют вербальной дешифровки. Об этом же можно сказать и при коммуникации представителей одной нации. Следовательно, знаки невербального поведения не только передают информацию, но и регулируются национальной, этнической и культурной особенностью. В статье сделана попытка на примере нескольких жестов доказать их национальную принадлежность с использованием компаративного анализа.

Ключевые слова: этнолингвистика, лингвокультурология, национальный культурный код, невербальное поведение, коммуникация, культура, паралингвистические средства, жест, русский жест, язык, языкознание, народ, этнос, информация, ментальность, кинетика, анализ, жестовое поведение, традиции, семантика.

NONVERBAL BEHAVIOUR AS A REFLECTION OF THE NATIONAL
CULTURAL CODE

© 2018

Krasikova Tamara Tsezarevna, post-graduate student

*Bashkir state pedagogical university named after M. Akmulla**(450008, Russia, Ufa, October revolution street, 3-A, e-mail: krasikowa.tamara@yandex.ru)*

Abstract. National culture is individual and original that is reflected through a people national cultural code. The national cultural code is shown in deep structure of national consciousness and national unconscious. Behavior stereotypes aren't realized by people, but are the basis of vision of the world and are reflected in all actions and thoughts of one national culture representatives. There are several detailed definitions of a national cultural code. Problems of national peculiarities reflection in nonverbal behavior are a subject which is considered by a number of sciences. At the same time today there are no exhaustive researches on questions of national nature of gestures, there are no historical researches of gestures origin in the Russian culture. The way we speak is the way where only Russians can behave, just Russians can display this or that gesture or use it only in such context. Through the fiction we clearly isolate the characteristic moments of nonverbal manifestations which supplement (or decorate) the text and sometimes don't demand any verbal decoding. It is also possible to tell this at communication of one nation representatives. Therefore, signs of nonverbal behavior not only transfer information, but also are regulated by national, ethnic and cultural peculiarity. The attempt to prove the national identity is made in this article on the example of several gestures using the comparative analysis.

Keywords: ethnolinguistics, cultural linguistics, national cultural code, nonverbal behavior, communication, culture, paralinguistic means, gesture, Russian gesture, language, linguistics, ethnos, information, mentality, kinetics, analysis, gesture behavior, traditions, semantics.

Проблема взаимодействия невербального поведения и культурного кода нации исключительно активно исследуется и обсуждается в гуманитарных науках в настоящее время. Данная проблематика нашла свое отражение в целом ряде работ (Т.Г. Грушевицкая [1], Г.Е. Крейдлин [2], В. В. Колесов [3], И. А. Стернин [4], А. А. Акишина [5], Т.В. Ларина [6], А.В. Сергеева [7] и др.) и стала одной из ведущих для динамично развивающихся направлений современной лингвистической науки, среди которых мы можем выделить этнолингвистику, социолингвистику, психолингвистику, лингвокультурологию, когнитивную лингвистику и др.

Растущий интерес к различным аспектам невербального поведения, особенно к тем, которые несут информацию не только об индивидуально-личностных характеристиках человека, но и отражают код национальной культуры (ментальность) индивидуума, объясняется тенденцией сохранения этно-культурных особенностей в условиях глобализации современной цивилизации. В связи с этим формулирование национального кода культуры, как фактора, способствующего пониманию нации в целом, опираясь в этом понимании на многопластное культурное наследие предков, является ориентиром деятельности любого сообщества.

Американский психоаналитик Клотер Рапай в своей книге «Культурный код» указывал: «Культурный код - это культурное бессознательное. Он определяет на-

бор образов, которые связаны с каким-либо понятием в нашем сознании. Это не то, что мы говорим или четко осознаем, а то, что скрыто даже от нашего собственного понимания, но проявляется в наших поступках. Смысл образов в разных культурах не совпадает» [8, с.64].

С данной интерпретацией можно согласиться, но при этом следует учитывать, что национальный культурный код это не набор ряда стереотипов (образов), определяющих некоторые понятия - это целая система многочисленных явлений, знаков, символов, норм, текстов, ритуалов.

В.Н. Телия расширенно и с учетом национальных компонентов трактует культурный код как комплекс понятий, пропущенных через культуру, «код культуры - это таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума - о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [9, с.20]. Опираясь на суть и предназначение культурного кода, В.В. Красных дает следующую дефиницию - «код культуры есть сетка, которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [10, с.5].

Национальный культурный код позволяет дешифро-

вать суть культурных явлений, передать информацию последующим поколениям, используя такие условные сигналы, которые понятны как передающим, так и принимающим информацию, и сохранить ее далее.

Национальный культурный код – неповторимое явление этничности. Среда обитания и практика народа, культура, история и т. п. создают систему отличительных черт, присутствующих только данному этносу и являющихся одним из его признаков. Система отличительных черт касается определенного круга явлений, охватывающих стороны человеческой жизни, которые не являются основными для человека и лишь окрашивают его действия тем или иным образом. Язык не является первоосновой национального культурного кода. Только общие культурные традиции и ценности вместе с языком выкристаллизовывают признаки этноса.

Центральным национальным культурным кодом в древних культурах являлась система невербального поведения. Составляющие невербального поведения порой носили сакральный смысл, расшифровка которого порой была понятна только носителям того или иного культурного кода. Закодированная в поведенческой форме информация, выраженная через невербальное поведение, позволяет идентифицировать культуру.

Предназначение невербальной коммуникации – это обмен сообщениями между людьми, а также их прочтение. Сам обмен симбиотичен, ибо он включает в себя визуальную информацию и паралингвистические средства, которые несут нам огромный набор данных о личности, участнице этого обмена. Так в чем же заключается «русскость» того или иного невербального поведения, которое включает в себя национальный код культуры? Рассмотрим данный вопрос, опираясь на паралингвистические средства, а в частности на кинетические компоненты этих средств. В числе трех видов паралингвистических средств общения, наряду с фонационными, кинетические средства имеют более древние и глубокие корни. Кинетические компоненты весьма разнообразны, однако наибольшим числом отмечаются жесты.

Когда действия одного человека по отношению к другому выражаются в жесте, то в процессе этого акта происходит передача некоей, порой строго определенной информации. Коммуникация совершается путем движения рук, передается сигнал, где знаком является особая форма или движение рук, ладоней, пальцев, а значение заключается в повествовании или мысленном образе. Передаваемый знак объединен со значением через коды или воображение.

«...А чего только мы не выражаем руками? Мы требуем, обещаем, зовем и прогоняем, угрожаем, просим, отказываемся, восхищаемся, раскаиваемся, пугаемся, приказываем, подбадриваем, поощряем, обвиняем, прощаем, презираем, рукоплещем, благословляем, унижаем, превозносим, чествуем, радуемся, сочувствуем, огорчаемся, удивляемся, восклицаем. Столько же самых различных вещей, как и с помощью языка! Кивком головы мы соглашаемся, отказываемся, приветствуем, чествуем, почитаем, спрашиваем, выпроваживаем, потешаемся, ласкаем, покоряемся, грозим, уверяем, осведомляем. А чего только не выражаем мы с помощью бровей или с помощью плеч! Нет движения, которое не говорило бы и притом на языке, понятном всем без всякого обучения ему, но общепризнанном языке» [11, с. 198].

Форма жестов и жестовое поведение имеют свою семантику, определенные стандарты, контексты применения, а интерпретация относится к функциям коммуниканта невербального процесса.

Одной из ведущих особенностей русских жестов является то, что основная их масса может использоваться без вербального сопровождения, самостоятельно и при этом легко понимается в контексте носителями культуры. Таким образом, кинетические компоненты могут передать такой объем информации, который не требует вербального озвучивания. В том случае, если жест со-

провождается звуковым либо речевым сопровождением, то это сопровождение чаще всего воспроизводится именно с этим жестом. Речевое или звуковое сопровождение включает обязательные, устоявшиеся звуковые последовательности, паразыковые и языковые единицы. Ситуация определяет использование русской жестикуляции. Обязательно при этом отношение коммуникантов друг к другу и ситуации, даже социальная принадлежность может определить выбор жеста. Жестом можно обругать, признаться в любви, выразить удовольствие или презрение, можно даже составить небольшой рассказ или пообщаться с «собеседником», находящимся напротив, но не в зоне слышимости. В этом случае происходит автономное употребление жеста, обусловленное ситуацией. Важно только то, чтобы были правильно расшифрованы жесты и так же верно интерпретированы.

Специалисты в области лингвистики не раз обращали внимание на присутствие национальной особенности в невербальной коммуникации (Ю.Е. Прохоров [12], А.П. Садохин [13], А.С. Герд [14], В.И. Тхорик [15], и др.). Следовательно, сопоставляя использование разными народами паралингвистических средств, мы можем выявить национальную принадлежность жеста, опираясь при этом на присутствие у отдельного этноса (нации) единого умственного инструмента, который формирует коммуникаторам, принадлежащим одной национальной культуре, общность в видении мира.

Национальная специфика невербального жеста определяется следующими параметрами: они полностью или частично не совпадают с аналогичными жестами другой культуры, при этом сами жесты выполняются по-разному, имеют различные значения либо присущи только одной культуре. Иными словами, национально обозначенные элементы невербальной коммуникации имеют закрепленные значения, соответствующие определенной культуре.

История происхождения ряда русских жестов уходит далеко в прошлое. Проходя через столетия, жест изменяется в своем прочтении, приобретая национальный вариант расшифровки.

Широко известный жест «кукиш» (шиш, дуля, фи́га) – это фигура из пальцев одной руки, когда вся кисть сложена в кулак, а большой палец просунут между указательным и средним пальцами. Этот жест – жест конфликтной ситуации или же спора, используется как элемент грубого утверждения и давления на коммуниканта. Направляется данный жест противоположному участнику коммуникации чаще всего в лицо. Существует несколько вариантов происхождения названия данного жеста относительно каждого синонима слова кукиш.

Когда Фридрих I Барбаросса в XII в. потерпел поражение в борьбе с Миланом, то миланцы изгнали императора, посадив того верхом на мула, что было уже оскорблением, ибо только конь достоин рыцаря. Через некоторое время император вновь захватил Милан, и его месть за свое унижение состояла в том, что он заставил каждого взрослого горожанина зубами снимать листок инжира (фиги) прикрепленного к задку мула. Согласно легенде именно тогда и появилось выражение «выкуси фигу».

П.Я. Черных в своем словаре утверждал, что слово «фи́га» в русский язык попало путем заимствования у французского языка и обозначало издевательство над кем-либо [16, с.309]. Существует мнение что «фи́га», как ругательство, в русском языке появилось на основе немецкой фразы «fick-fick machen», с соответствующим жестом и имело сексуальный подтекст. На Руси «фи́га» трансформировалась в «шиш» (от слова шишки, которые сравнивали с фигой – фруктом), а далее в «кукиш».

«Аксинья показала ему кукиш и плюнула» [17. с. 163].

Здесь невербальный жест «кукиш» подкреплен еще одним проявлением нежелания что-то делать – плевок,

как вариант отказа на требование денег.

«Сейчас же к коменданту протиснулся коренастый человек, заросший спутанной бородой, штабс-капитан Жуков. Поднеся короткий палец к самому лицу австрийского офицера, он закричал рыдающим голосом: «А вот кукиш мой видел, сукин ты сын, это ты видел? - И, змотав косматой головой, схватил коменданта за плечи, бешено затряс его, повалил и навалился».

«...Вышеназванный штабс-капитан Жуков, с явным намерением угрожая жизни господина коменданта, предварительно показал ему пять сложенных пальцев, причем пятый торчал между указательным и средним; этот отвратительный жест, очевидно, имел целью опорочить честь императорского королевского мундира...» [18, с. 51-52].

Штабс-капитан Жуков показал немецкому чиновнику «кукиш», вложив в этот жест не только грубый отказ, но и максимально продемонстрировал все то презрение, которое охватило его в тот момент.

Не только в литературе описывался данный жест. Широко известны плакаты и рисунки после революции 1917 года, где были изображены рабочий или крестьянка стоявшие во весь рост и демонстративно показывающие кукиш карикатурному буржуа. Такие же плакаты сатирического содержания во времена Великой Отечественной войны, с надписью «Накося – выкуси», служили для поднятия духа народа.

Таким образом, в русской практике, значение этого жеста, который был привнесен извне, видоизменилось и приобрело обозначение безусловного и решительного отказа, что применяется только в традиции русских и непонятно представителям других национальностей. Своеобразна трансформация жеста «кукиш» в способ отпугивания нечистой силы. Тем людям, которые пользовались дурной славой, показывали «кукиш» через плечо или же при разговоре с ними держали «кукиш» в кармане, считалось, что этот жест нейтрализует их силу.

Аналогичным образом можно рассмотреть национальную особенность жеста, рожденного в русской среде, например, жест «щелчок по горлу». История происхождения данного жеста имеет несколько вариантов, непосредственно связанных с российской историей. Согласно первому варианту происхождения данного жеста, речь идет о милости Петра I к шуту-выпивохе, который поставил на шее того клеймо, взамен постоянно терявшегося разрешения на посещение питейных заведений. После такого клеймения шуту ничего не оставалось, как приходя в кабаки, предьявлять щелчком по горлу царскую печать-разрешение.

В соответствии со второй версией подобную печать – разрешение от Николая I получил мастерской из Ярославля Пётр Телушкин за ремонт крыльев у ангела и обшивки с креста со шпиль Петропавловского собора в Санкт-Петербурге [19]. Факт ремонта был подтвержден тогдашним Президентом Академии художеств А. Н. Олениным [20, с. 406-414], а затем родилась легенда, подобная той, что была во времена Петра I, где фигурирует печать-разрешение государя на бесплатное посещение кабака. Происхождение этого жеста присваивают командиру конногвардейского полка Раевскому, о котором писал П. А. Вяземский в «Старой записной книжке» и которому приписывали еще множество оборотов речи на питейную тематику [21, с.319]. Достоверно назвать время происхождения данного жеста невозможно, но по месту происхождения - он русский.

Сниженно-шутливая стилистическая окраска описания данного жеста в различных художественных текстах, обозначающего приглашение к распитию горячительных напитков, используется именно русскими. Жестовые приглашения выпить существуют и в других странах, но их исполнение не совпадает с русским жестом. Постепенно данный жест перестал обозначать только приглашение выпить. Этим жестом стали обозначать человека в подпитии, даже переносится этот жест

на обозначение посуды для выпивки и пр.

«Ну что, мистер, отыскал бараклишко? Да ты пошуйкай получше. Может, сам куда засунул да забыл. С этого дела бывает. - Наглец щелкнул себя по горлу и спокойно улыбнулся, кажется, совершенно уверенный в своей безнаказанности» [22, с. 177].

Кроме щелчка по горлу, как жеста, приглашающего выпить, русскими в аналогичном случае используются и иные жесты. Жест «шака» - когда оттопырен большой палец и мизинец, а остальные пальцы прижаты к ладони, с характерным покачиванием, как – будто опрокидывается бутылка, и жест «ищу третьего», когда прикладываются два пальца к груди, также означают приглашение составить компанию и выпить. Эти жесты привнесены в русскую культуру и были можно сказать «адаптированы» и стали использоваться в соответствующих ситуациях.

Существует еще целый пласт жестов, которые можно отнести к русским жестам – это и счет на пальцах, и жесты прощания, и жест «мне на все наплевать», и жест «чуть-чуть», и жест «Руки по швам» и т.д. Данные кинемы свойственны русским и не имеют точных аналогов в других жестовых языках или же, имея полное совпадение по воспроизведению самого жеста, не совпадают с ним по значению. В процессе исследования нами была предпринята попытка путем сравнительно-исторического анализа доказать национальную принадлежность жестов и показать их использование в художественных текстах. Различия между жестами разных стран на сегодняшний день мало исследованы, однако дают нам право говорить о наличии национальных особенностей жестов, опираясь на историю их происхождения и вербальное декодирование.

Сегодня мы наблюдаем крупномасштабное расширение межкультурного пространства, которое вносит свои коррективы в невербальное общение. Но кинетический язык, обусловленный национально-культурной семантикой и теми смысловыми единицами, которые характерны только определенной культуре и языку, жив, а жесты, имеющие национально обусловленные корни, сохраняют свою образность, благодаря этому легко запоминаются и передаются следующему поколению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов /Под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003, 352 с.
2. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: «Новое литературное обозрение», 2002, 581 с.
3. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007, 640 с.
4. Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И.А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сборник статей. М., 1996. С. 91-127.
5. Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1991, 146 с.
6. Ларина Т. В. Обучение национальному стилю коммуникации как способ формирования межкультурной коммуникативной компетенции //Иновационные проекты в языковом образовании: Сб. науч. ст. / Под ред. Ю. Б. Кузьменковой. М.: Центр по изуч. взаимод. культур ФИЯР МГУ, 2007. (Дискуссионный клуб FLT: современные тенденции и опыт профессионалов. Вып. 6).С. 60-69.
7. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2004. 319с.
8. Рапай К. Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему. /Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. 167 с.
9. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методо-

логические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. М.: Изд-во Языки русской культуры, 1999 С. 13-24.

10. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. 164 с.

11. Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том 2. / Пер. с фр. А.С.Бобовича и др. М.: Голос, 1992. 560 с.

12. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. 238 с.

13. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. 288 с.

14. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб.: СПбГУ, 2005. 457 с.

15. Тхорик В.И., Фанян Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. М.: ГИС, 2005. 260 с.

16. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2т. 3-е изд., стерсоти́п. М.: Рус.яз., 1999. Т.2: А Панцирь-Ящур. 560 с.

17. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. М.: Наука, 1975. Т. 3. [Рассказы. Юморески. «Драма на охоте»], 1884-1885. С. 163-168

18. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений в 12 т. / П.А. Вяземский; издано графом С. Д. Шереметевым. С.-Петербург: типография М. Стасюлевича. 1883. Т.8: Старая записная книжка. 528 с.

19. Толстой А.Н. Хождение по мукам / А. Н. Толстой. // Собрание сочинений в 10-ти томах М.: Художественная литература, 1984. Т.6. 382 с.

20. Стоцкий Н. В. Повесть о Петре Телушкине. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1964. 108с.

21. Оленин А. Н. О починке креста и ангела (без лесов) на шпиге Петропавловского собора в Петербурге. // Сын Отечества, 1831, ч. 140, т. 18, №14, С. 406-414

22. Акунин Б. Алтын-Толобас СПб.: Издательский Дом «Нева». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 358с.

Статья поступила в редакцию 21.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕСТОРАННОГО БИЗНЕСА В ЯЗЫКОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ Г. ВЛАДИВОСТОКА)

© 2018

Криницкая Марина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык»*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, улица Гоголя, 41, e-mail: Marina.Krinitskaya@vvsu.ru)*

Аннотация. Статья посвящена лингвистическому описанию эргонимических номинаций, бытующих в городе Владивостоке. В работе анализируются названия предприятий ресторанного бизнеса, которые относятся к проприальной лексике, то есть являются именами собственными. Вышеуказанные номинативные единицы рассмотрены с точки зрения структуры производящей лексемы, её частеречной и лексико-семантической отнесённости, а также способов словообразования. Приводятся и количественные данные для статистической характеристики употребления эргонимических именованных. Степень считываемости, информативности и узнаваемости анализируемых языковых единиц выявляется посредством направленного и свободного лингвистического ассоциативного эксперимента, который позволяет продемонстрировать, как реализуются компоненты языкового сознания носителей русского языка. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что реакции информантов на стимулы-эргонимы в рамках свободного ассоциативного эксперимента вполне объяснимы, хотя некоторые именованные, восходящие к заимствованной лексике, вводят респондентов в заблуждение. Местоположение города Владивостока и его экономический статус свободного порта способствуют появлению на улицах города различных иноязычных номинаций. Думается, что использование иностранных слов, заимствованной лексики и прецедентных имён в названиях предприятий практикуется намеренно и способствует привлечению потребителей. В работе дано описание изучаемых лингвистических явлений, привлечены лингвокультурологические данные.

Ключевые слова: лексикология, ономастика, теория номинации, эргоним, имя собственное, имя нарицательное, язык города, структурно-семантический аспект, лексико-семантическая группа, психолингвистика, ассоциативный эксперимент, иноязычная лексика, прецедентные имена и выражения.

NAMES OF THE ENTERPRISES OF RESTAURANT BUSINESS IN LANGUAGE SPACE
OF THE CITY (IN THE CONTEXT OF VLADIVOSTOK CITY)

© 2018

Krinitskaya Marina Yuryevna, candidate of philological sciences, associate professor
of the department of «Russian language»*Vladivostok State University of Economics and Service
(690014, Russia, Vladivostok, street Gogolya 41, e-mail: Marina.Krinitskaya@vvsu.ru)*

Abstract. Article is devoted to the linguistic description of the ergonomic nominations that function in the Vladivostok city. The paper analyzes proper names of the enterprises of restaurant business. This research describes named above linguistic units in respect of structural, lexical and word formation aspects. The text gives the quantitative data for the statistical characteristic of studied ergonims. Directed and free linguistic associative experiments allow to reveal a level of readability, informativity and recognition of analyzable linguistic units. The associative experiment allows to show how components of language consciousness of native Russian speakers are implemented. The author comes to the conclusion that responses of informants to incentives within the free associative experiment are quite explainable. However, some names that are going back to the borrowed lexicon mislead respondents. The location of Vladivostok city and its economic status of free port promote appearance of different foreign-language nominations on city streets. It's thought that use of foreign words, the borrowed lexicon and precedent names is practiced intentionally in names of the enterprises and this fact promotes attraction of customers. This research describes studied linguistic phenomena, linguistic and cultural information is attracted.

Keywords: lexicology, onomastics, theory of nomination, ergonym, proper name, appellative, urban language, structural and semantic aspect, lexico-semantic group, psycholinguistics, associative experiment, foreign-language dictionary, precedent name and statement.

Исследование ономастических номинаций городского пространства, в частности именованных различного рода предприятий и учреждений, всё чаще и чаще становится объектом изучения лингвистов. Появилось огромное количество работ, в которых авторы описывают иноязычные, стилистические, грамматические и другие особенности названий объектов городской среды, анализируют их в лингвокультурологическом и прагматическом аспектах. Опубликованы научные исследования, материалом для которых послужили названия Архангельска [1], Волгограда [2], Екатеринбурга [3], Красноярска [4], Оренбурга [5], Тамбова [6], Томска [7], Тюмени [8], Уфы [9] и других городов. Отмечается неугасающий интерес к исследованиям городских номинаций. Ещё В.В. Колесов подчёркивал важность изучения языка города «во многих отношениях». Учёный полагал: «Этот язык является престижной основой литературного языка – высшей формой национального языка на каждом этапе его развития» [10, с. 4]. Таким образом, исследования, в результате которых изучается природа и особенности функционирования языка города являются весьма актуальными.

На современном этапе развития языкознания замечается некий разрыв между теоретическими основами исследований, касающихся эргонимии, и накопленным и описанным лингвистическим материалом. К примеру,

очевидным становится факт отсутствия существования единого термина для описания объекта изучения. В рамках своего исследования Шимкевич Н.В. отметил, что термином *эргоним* пользуется ряд авторов (Земскова С.В., Беспалова А.В., Голомидова М.В. и другие) [11, с. 8]. Также в работах встречаются и другие термины, обозначающие вышеуказанную реалию: *фирмоним* (Виноградова Л.В. [12]), *урбаноним* (Яковлева Е.А., Емельянова А.М. [13, с. 84]), *эргоурбаном* (Козлов Р.И. [14, с. 27]).

Следовательно, проблема выбора термина для обозначения названий предприятий остаётся нерешённой. Все вышеперечисленные дефиниции, предлагаемые авторами, обоснованы, так как в рамках своих исследований учёные анализируют предельно обозначенную группу номинаций.

В работе будут рассмотрены эргонимические номинации предприятий ресторанного бизнеса (ресторанов, кафе, закусокных, столовых, баров, пит-стопов и т.п.) г. Владивостока с точки зрения структуры слова, его семантики, соотношения языка и культуры, а также в аспекте восприятия. Данная статья является фрагментом ономастического исследования названий, бытующих в городе. В перспективе будут рассмотрены и другие виды городских номинаций. В связи с этим исследуемые единицы понимаются нами широко, и вслед за Н.В.

Подольской причисляются к эргонимам. К ним относятся собственные имена деловых объединений людей, в том числе союзов, организаций, учреждений, корпораций, предприятий, обществ, заведений, кружков [15, с. 166]. Таким образом, в рамках предлагаемого термина можно рассматривать не только названия коммерческих, но и некоммерческих объединений.

Определив границы объекта исследования и собрав 772 номинации предприятий ресторанного бизнеса г. Владивостока полагаем, что с точки зрения структуры производящего слова их можно отнести к однокомпонентным и многокомпонентным. Первые в основной своей массе (95%) выражены именем существительным («Хуторок», «Ханс», «Фабрика», «Пингвин», «Кофеин», «Джонка» и другие. Остальные номинации представлены либо прилагательным («Приморская», «Бухарское», «Любимое» (3%), либо наречием «Быстро», «Рядом» (2%). Составные названия выражены словосочетаниями, образованными по модели N + Adj, «Вишнёвый сад», «Кедровая падь», «Золотой дракон», «Русские блины», «Голодный кот», «Твоя картошка», «Пятый Океан» (личное местоимение «твоя» и порядковое числительное «пятый» вслед за академической грамматикой русского языка относим к разряду имён прилагательных) [16] – 47%. Также составные номинации образуются по модели N + N₂ «Три Богатыря», «Семь Футов», «Остров сокровищ», «Сказки Востока» (числительные «три» и «семь» включаются в разряд имён существительных [16] – 41%. Остальные 12% приходятся на сочетания, выраженные приложением «Салун Синема», «Суши Маркет».

Довольно часто в названиях предприятий ресторанного бизнеса встречаются словосочетания, созданные по модели У + N₂, «У переезда», «У причала», «У Алика», «У дяди Саши», «У Вагана», «У Палыча» и другие. В подобных онимах содержится указание либо на место расположения этого заведения, либо на его хозяина. Романова Т.П. номинации, образованные от антропонимов, называет отсубъектными эргонимами, относя их к дореволюционному периоду развития отечественной рекламной номинации и указывая, что именно они «демонстрировали владельческий принцип номинации предприятий». Номинаторы их используют в настоящее время как ретромоделю [17, с. 174 – 175]. В названиях, созданных по модели НА + N₆, тоже имеется указание на место «На Тухачевского» (то есть данное заведение находится на улице Тухачевского). Факт использования вышеобозначенных моделей объясняется и семантикой, и грамматикой: предлоги «У» и «НА» имеют значение места, а синтаксемы с указанными предлогами используются в названиях как локативы с обозначением места через пограничную близость с названным предметом или лицом, хозяином, владельцем дома [18, с. 104, 107]. В силу этого обстоятельства употребление указанных выше предлогов в качестве названий вполне уместно.

Эргонимические номинации могут состоять и из одного предложения: «Время есть», «Ух, ты блин!», «Мама, я не голоден!» Однако, таких названий не много.

Рассмотрев эргонимические номинации в лексико-семантическом аспекте, мы обратили внимание, что заимствованная лексика очень ярко представлена в них. Вместе с тем, зачастую подобные названия образуются путем трансонимизации, то есть путём «перехода онима одного разряда в другой» [15, с. 138], хороним Биньхай (кит. 滨海, Bīnhǎi, уезд городского округа Яньчэнн пров. Цзянсу, КНР) → эргоним «Биньхай»; храмоним Шаолинь (кит. 嵩山少林寺, Sōngshān Shàolín Sì, буддийский монастырь в центральном Китае) → эргоним «Шаолинь», астионим Циндао (кит. 青岛, Qīngdǎo, город в Китае, пров. Шаньдун) → эргоним «Циндао». Использование наименований, восходящих к астионимам, то есть названиям городов, является, по нашему мнению, довольно распространённым явлением в г. Владивостоке. Часто для именованного того или иного места используются номинаторами уже известные, так

называемые прецедентные названия крупных городов. Подобные имена уже имеют целый комплекс дифференцированных признаков, закреплённых в сознании носителей русского языка «Пекин», «Дублин», «Москва», «Милан», «Сайгон», «Харбин». Кроме разного рода топонимов эргонимические номинации могут восходить и к иностранным теонимам, к примеру, Эбису (бог удачи в Японии, бог рыбалки и труда, а также хранитель здоровья маленьких детей) → эргоним «Эбису».

Посредством трансонимизации образуются эргонимы, произошедшие от антропонимов, – от личных мужских и женских имён «Ханс», «Елена», «Элисс», «Анна», «Марина», «Спартак», «Каролина», «Анюта» (возможно, в данном случае название содержит имя владельца заведения общественного питания, либо его родственника); от мужских фамилий «Штуккенберг» (Н.М. Штуккенберг – капитан дальнего плавания, русский дворянин, художник-марионист), «Пушкин», «Гутов».

Следующую лексическую группу образуют эргонимы, в основе которых лежит апеллятивная лексика, – абстрактные существительные «Высота», «Ностальгия», «Дружба», «Союз», «Мечта». Данные номинации образованы путём онимизации, то есть путём «перехода аппеллятива или аппеллятивного словосочетания через смену функций в имя собственное» [15, с. 91].

Весьма часто встречаются и названия, содержащие гидронимы: «Озеро», «Каспий», «Сунгари» (река на северо-востоке Китая), «Фонтанка» (водоток в г. Санкт-Петербург), «Залив Петра Великого». При этом может использоваться и аппеллятивная (озеро), и проприальная (Фонтанка, Сунгари) лексика.

Особую лексико-семантическую группу образуют номинации, которые восходят к названиям продуктов питания или блюд «Рис», «Урюк», «Шафран», «Яблоко», «Чилим», «Виноград», «Пицца Ленд», «Тортония», «Beans» (рус. фасоль), «Твоя картошка», «Булка», «Рататуй», «Утка по-пекински», «Шашлык у дяди Славы» и напитков «Мокко», «Американо» (сорта кофе), «Чи Вас», «Кофеек и печенка». На наш взгляд, именно лексика, входящая в данную группу, должна использоваться в названиях предприятий ресторанного бизнеса, так как близка рождающаяся в сознании потребителей ассоциативная связь с каким-либо местом питания.

Также номинации заведений общественного питания могут восходить к названиям животных «Пингвин», «Кот», «Цап-ля», «Голодный кот», «Толстый панда», «Palau Fish» (англ. fish – рыба) и растений (чаще цветов) «Лотос», «Клевер», «Белая лилия», «Черная Роза», «Орхидея»; к лексемам, в которых содержится указание на время «Новая Эра», «Золотой век», «8 минут»; к названиям-характеристикам человека «Баловень», «Гладиатор», «Мастер Вок», «Друзья Востока», «Душечка», «Крошка-китаешка» и к другим. Итак, выделяется 20 лексико-семантических групп (менее популярны не указаны в рамках данной публикации).

Отметим также факты, отражающие тенденцию в области эргонимии – «функционирование иноязычных средств в процессе именованного объектов инфраструктуры» [19, с. 16]. В анализируемых названиях достаточно часто встречается слово «food» (англ. «еда»): «Good food» (хорошая еда), «My Asian food» (моя азиатская еда), «New York Street Food» (уличная еда Нью-Йорка), «Food&coffee» и другие.

При обозначении придорожной закуской, где клиент может приобрести блюда и напитки, не выходя из машины, нередко используется слово «пит-стоп» и название района или чаще улицы, на которой находится это заведение: «Пит-стоп на Военном», «Пит-стоп на Русской», «Пит-стоп на Калинина», «Пит-стоп на Второй речке», «Пит-стоп на Некрасовской». Сравните: pitstop – небольшое придорожное заведение.

Также выделяются эргонимы, которые 1) полностью состоят из освоённых транслитерированных заимствований, характеризуются семантической прозрачностью

“Yummy-food”, “Food in Box”, “Fruit Art”, “Traveler’s Coffee”; 2) транслитерируют только часть названия: “Moore Bar”, “Shisha bar”, “Chkalov Bar”; 3) полностью состоят из транслитерации русского слова: “Matreshka”, “Moloko&Med”, “Clubnika”, “Barhat”.

Названия предприятий ресторанного бизнеса г. Владивостока представляют интерес для исследования, поскольку не только определяют языковой облик современного города, но и отражают вкусовые приоритеты жителей, принимающих активное участие в наименовании различных заведений. В работе мы обратились к наиболее разработанной технике современного психолингвистического анализа семантики, ассоциативному эксперименту, с целью всесторонне проанализировать фрагменты языкового сознания, восприятия носителей языка в отношении наименований предприятий общественного питания.

В данном эксперименте приняли участие 300 человек в возрасте от 19 до 22 лет (студенты ВГУЭС). 60% респондентов проживают в г. Владивостоке, остальные – родились и проживали в Приморском крае до поступления на учёбу в университет. Таким образом, 40% опрошиваемых пребывают в г. Владивостоке 2-3 года. В качестве расположенных в случайном порядке слов-стимулов в анкете были выбраны 100 названий предприятий общественного питания, популярность которых была выявлена посредством частотности обращений жителей к ним через городской портал Владивостока (<https://www.vl.ru/vladivostok/cafe>). Учащимся были заданы следующие вопросы: 1) как вы думаете, какую профессиональную деятельность может осуществлять компания, именуемая названием «...»?; 2) с чем у вас ассоциируются следующие названия предприятий? Напишите вашу ассоциацию.

Результаты направленного ассоциативного эксперимента были таковы: реакции респондентов, указывающие на связь с предприятиями ресторанного бизнеса, достаточно репрезентативны и составляют в целом 61% от общего количества ответов. Рассмотрим некоторые названия.

«Охотный двор». В ходе эксперимента были даны следующие реакции: ресторан – 42%, 24% – мясной магазин, 6% – кафе, 4% – паб и 9% – бани, магазин пищевой продукции (магазин, занимающийся реализацией продовольственных товаров), рынок (как место розничной торговли продуктами питания и товарами), оружие (различные средства, приспособления и устройства для убийства противника, а также для разрушения его жилищ, производственных объектов и т. д.) [20], торговый центр (группа предприятий торговли, управляемых как единое целое и находящихся в одном здании или комплексе зданий), мясной магазин (специальный магазин, где продают мясо).

«Пушкин». Больше количество респондентов предпочло, что это – кафе – 54%, 23% – книжный магазин, 7% – библиотека. Такой разброс в ответах респондентов, вероятно, обусловлен тем, что в качестве слова-стимула был выбран прецедентный антропоним – фамилия известного русского поэта. Оставшиеся 16% респондентов полагают, что так можно назвать музей, литературный клуб, театр, читальный зал.

«Золотой бртуч». Самая частотная ассоциация – пит-стоп (30%), на втором месте – кафе 12%. 10% респондентов посчитали, что это шаверманная, и 16% респондентов выбрали это слово в качестве названия кафе типа фаст-фуд; 6% ответили: «Беляшка»; 4% соотнесли это слово с шашлычной. Сравните: бртуч – блюдо, представляющее собой лаваш, в который завернута начинка.

«Суши Да». Самая частотная ассоциация – ресторан, где подают суши (52%); также может быть назван японский ресторан 28%. 2% респондентов решили дать это наименование кафе. Сравните: суши – японское блюдо из риса, морепродуктов и овощей.

Результаты свободного эксперимента показывают,

что весьма часто лексическое значение слова-стимула ассоциативно отсылает респондентов на названия предприятий ресторанного бизнеса. Например, «Кофеин» – кафе, где подают кофе, «Две палочки» – кафе китайской кухни (сравните: пара палочек для еды, столовый прибор в Восточной Азии, «Сациви» – кафе грузинской кухни (Сациви – холодное блюдо, соус грузинской кухни) и т.п. Приведем некоторые примеры.

«Золотой бртуч». 30% респондентов ассоциировали с едой; 32% – с бртучем и шавермой; 8% – с шашлыком; 19% указали, что это может быть пит-стоп, завертон, мясо, майонез, беляшная, сосиска, хот-дог.

«Сим-сим». Самая частотная ассоциация – “откройся” – занимает 30% от всех ответов. В данном случае перед нами прецедентное высказывание. «Сим-сим, откройся!» – заклинание, которое в сказке «Али-баба и сорок разбойников» открывает вход в пещеру с сокровищами. На втором месте находится ассоциация sim-карта 25%. 10% респондентов ассоциировали это слово со сказкой, 7% – с игрой, 6% ответили: «Дверь». 18% ответов – Али-баба, магия, терем, дыра, фокус, телефон, маленькие девочки, гора, восток, песня.

«Две палочки». 44% респондентов ассоциировали это слово с названием кондитерского изделия, состоящего из двух шоколадных батончиков, – Twix («Твикс»), 10% – с суши, 8% – с едой; 5% ответов – барабан, 23% – краб, беременность, палочки китайские, спички, панда, Азия, мороженое, Китай, дерево, печенье, Япония.

«Пьяная курица». Слово-стимул «курица» имеет конкретное значение, во многом определяющее разнобразный ассоциативный потенциал слов-реакций, на что указывают и ответы респондентов: 32% – курица, 15% – еда, 10% – птица, 6% – девушка; 30% – гриль, пивнушка, праздник, алкоголь, клуб, пьяная девушка, водка. Ассоциативные возможности лексемы «курица» обусловлены сочетанием со словом «пьяная». Так в разговорной речи пренебрежительно называют девушку, «то есть так называют женщину со слабо развитым логическим мышлением» [21].

Как видим, слова-реакции, представленные в ответах свободного ассоциативного эксперимента, позволяют заключить, что выбор слова-реакции респондентов на тот или иной эргоним обусловлен выбором имени нарицательного, наталивающего респондентов на данные ассоциации.

В заключении отметим тенденцию использования в качестве именовании предприятий ресторанного бизнеса названий художественных произведений или же имён их героев. Данные номинации относятся к прецедентным; они имеют сформированную в сознании носителя культуры совокупность дифференциальных признаков «Кавказская пленница», «Золотое руно», «Али-баба», «Короли и капуста», «Сим-сим», «Папа Карло», «Золотой петушок», «Сытый Горыныч» и другие. Такого типа эргонимы вызывают интерес у посетителей и способствует их привлечению в заведение общественного питания.

Общеизвестно, что лексический уровень языкования подвержен постоянному изменению. Городские номинации живо отражают процессы, происходящие в обществе, к примеру, в г. Владивостоке начал функционировать ресторан «Остров Крым» после присоединения Республики Крым к территории России. Месторасположение города, его размещение в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и его особый экономический статус способствуют появлению городских номинаций, которые передают своеобразный колорит: наличие восточных названий, именовании на иностранных языках, которые зачастую оказываются «пустыми» для горожан. Данные эргонимы ассоциативно не связываются в сознании носителей с местами общественного питания, поэтому в результате ассоциативного эксперимента фиксируются весьма забавные реакции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Юдина Т.М. Эргонимы города Архангельска в лингвокультурном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-1 (75). С. 200-203.
2. Крюкова И.В. Волгоградская эргонимия в диахроническом аспекте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия Языкознание. 2007. Вып. 6. С. 21-26.
3. Зуева Т.А. Эргонимическая номинация в аспекте восприятия // Человек в мире культуры. 2014. № 4. С. 76-80.
4. Трапезникова А.А. К вопросу о классификации эргонимов (на материале коммерческих наименований Красноярска) // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 2 (14). С. 68-70.
5. Ласица Л.А. Языковые и структурные особенности иноязычных эргонимов города Оренбурга // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 11 (186). С. 95-100.
6. Прокофьева Т.О. Типы гибридных образований в эргонимии (на примере номинаций г. Тамбова) // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Язык. Познание. Культура. 2015. Вып. 4 (144). С. 1-9.
7. Бутакова Е.С. Лингвистическая креативность в томской эргонимии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 3 (131). С. 146-152.
8. Багирова Е.П. Языковой имидж современного города (на материале годонимов и эргонимов г. Тюмень). Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 4 (4). С. 43-55.
9. Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города: на примере названий деловых, коммерческих, культурных и спортивных объектов г. Уфы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 22 с.
10. Колесов В.В. Язык города. М.: Едиториал УРСС, 2005. 192 с.
11. Шимкевич Н.В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 24 с.
12. Виноградова Л.В. Фирмонимы туризма на рынке Псковской области // Филология и лингвистика в современном обществе. М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 54-59.
13. Яковлева Е.А. Ономастическое пространство как составная часть «языка города» и его основные единицы // Вестник Башкирского университета. 2006. № 3. С. 84-87.
14. Козлов Р.И. Современные эргоурбонимы в городской топонимической системе: [на примере г. Екатеринбурга] // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. 2001. № 20. Вып. 4. С. 25-35.
15. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.
16. Русская грамматика. Т. 1., Т. 2. /АН СССР. М.: Наука, 1980. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/>
17. Романова Т.П. Эволюция типов рекламных имён в истории русской эргонимии // Вестник СамГУ. 2009. № 3 (69). С. 174-180.
18. Золотова, Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.
19. Самсонова Е.С. Функционирование иноязычных средств в эргонимии // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 6 (96). С. 16-20.
20. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: <http://www.efremova.info/>
21. Вокабула. Энциклопедии, словари справочники онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.вокабула.рф/молодежный-сленг/>

*Статья поступила в редакцию 25.12.2017
Статья принята к публикации 27.03.2018*

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ В ПЕРЕВОДЕ

© 2018

Лекомцева Ирина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
английской филологии и перевода

Куралева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
английской филологии и перевода»

Санкт-Петербургский государственный университет

(199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9, e-mail: t.kuraleva@spbu.ru)

Аннотация. В данной статье рассматриваются случаи межъязыковой асимметрии при переводе. Единицы исходного языка и языка перевода находятся в отношениях асимметрии как на лексическом, так и на грамматическом уровнях, что проявляется в неоднозначности переводческих решений и переводческой вариативности. Значительная степень асимметрии проявляется не только при сопоставлении систем двух языков, но и установлении соответствий между употреблением этих языковых единиц в речи. Межъязыковая асимметрия на уровне лексики проявляется в том, что количество и содержание значений у межъязыковых словарных эквивалентов никогда не совпадают. На грамматическом уровне случаи межъязыковой асимметрии можно найти и в области морфологии (отсутствие морфологических форм, различные функции одинаковых морфологических форм), и в области синтаксиса (например, различные принципы построения тема-рематической структуры предложения). В данной статье межъязыковая асимметрия рассматривается на следующих языковых уровнях: лексическом (уровень слова и лексическая сочетаемость) и грамматическом: морфологическом (в условиях реализации разных функций одних и тех же морфологических форм) и синтаксическом (нарушение грамматической сочетаемости и образование аномальных структур в языке перевода). Результаты исследования могут быть использованы для переосмысления теоретических положений и коррекции методики преподавания практики перевода, а также уточнения методов и принципов оценки качества перевода, в чем, по мнению авторов, видится актуальность настоящей статьи.

Ключевые слова: межъязыковая асимметрия, оценка качества перевода, переводческая эрратология, нарушение лексической сочетаемости, нарушение грамматической сочетаемости, реализация языковой системы в речи, переводческие трансформации.

INTERLINGUAL ASYMMETRY IN TRANSLATION

© 2018

Lekomtseva Irina Alekseevna, candidate of philological sciences, associate professor
of the «Department of English philology and translation studies»

Kuraleva Tatiana Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor
of the «Department of English philology and translation studies»

St. Petersburg State University

(199034, Russia, St. Petersburg, Universitetskaya embankment 7-9, e-mail: t.kuraleva@spbu.ru)

Abstract. The paper describes different types of interlingual asymmetry. The relations between units of the source language and the target language are asymmetrical in nature. This asymmetry can be observed on lexical and grammatical levels. Therefore, the translator may choose among various translation techniques and different variants in the target language. Asymmetry becomes more salient when comparing two language systems or comparing the usage of units of language in speech. Inerlingual asymmetry on a lexical level means that the content and the meaning of the lexical units in the source language never match their counterparts in the target language. On a grammatical level, interlingual asymmetry manifests itself in morphology (absence of some word forms, different functions of similar word forms) and syntax (different topic-comment structures). The paper deals with interlingual asymmetry in English to Russian translation and encompasses a range of aspects: asymmetry on a lexical level (word level and lexical combinations), asymmetry on a morphological level (different functions of similar morphological forms), and asymmetry on a syntactical level (unacceptable grammatical combinations and sentence structures). The research findings may be used to provide new interpretations of current theoretical assumptions, to make adjustments to courses in practical translation and to redefine methods and principles of translation quality assessment, which determines the relevance of the study.

Keywords: interlingual asymmetry, translation quality assessment, translation errors, unacceptable lexical and grammatical combinations, translation transformations.

Отношения между двумя языками характеризуются отсутствием однозначных соответствий между языковыми элементами, т.е. их асимметрией. Значительная степень асимметрии проявляется не только при сопоставлении систем двух языков, но и установлении соответствий между употреблением этих языковых единиц в речи [1, с. 4].

Межъязыковая асимметрия проявляется, например, в том, что количество и содержание значений у межъязыковых словарных эквивалентов никогда не совпадают (межъязыковая асимметрия на уровне лексики). Типичным случаем межъязыковой асимметрии на уровне грамматики является наличие одних морфологических форм в одном языке и их отсутствие в другом языке.

Более сложный случай межъязыковой асимметрии на уровне грамматики представляют случаи различия грамматических значений одинаковых морфологических форм (например, функции имени прилагательного в английском и русском языках). На синтаксическом уровне асимметрия может быть обусловлена различными закономерностями построения функциональной пер-

спективы высказывания.

Изучение языковой асимметрии приобретает особую актуальность в свете теории и практики перевода, так как именно асимметрия языковых знаков часто является причиной переводческих ошибок. Как справедливо отмечает В.Б. Кашкин, асимметричные отношения между языковыми знаками различных языков лежат в основе вариативности перевода [2, с. 37].

Цель настоящей статьи – рассмотреть межъязыковую асимметрию, проявляющуюся на различных уровнях языка и актуализирующуюся в процессе перевода, а также выявить природу переводческих ошибок, возникающих в результате межъязыковой асимметрии. В связи с чем, особенно актуальным представляется выявление черт сходства и различия между языками в плане использования языковых средств в речи [3, с. 11].

Такой подход, на наш взгляд, позволяет не только детально рассмотреть межъязыковую асимметрию как таковую, но и выявить типичные переводческие проблемы и пути их решения.

Изучение переводческих ошибок (переводческая эрратология) создает необходимую теоретическую базу, а

эпратологический материал может послужить важной основой для переосмысления теоретических положений и коррекции методики преподавания практики перевода [4, с. 43; 5, с. 113], а также уточнения методов и принципов оценки качества перевода [6, с. 101; 7; 8], что и определяет актуальность данного исследования.

Также отметим, что межъязыковые соответствия и асимметрия языковых знаков всегда вызывала интерес не только ученых, но и переводчиков-практиков. Например, Афра Бен (1640- 1689), первая профессиональная писательница и переводчица в Англии, поднимает проблему межъязыковой асимметрии в своем предисловии к переводу «Разговора о множестве миров» Фонтенеля [9, с. 53-54].

Начнем с рассмотрения случаев межъязыковой асимметрии на лексическом уровне. Проблема межъязыковой асимметрии в лексике тесно связана с проблемой переводческих соответствий.

Согласно теории закономерных соответствий, лексические единицы двух языков могут выступать по отношению друг к другу как эквиваленты (April – Апрель), вариантные соответствия, т.е. единицы, для передачи которых существует несколько вариантов в переводящем языке и переводческие трансформации, т.е. единицы, не совпадающие со словарными соответствиями, но передающие значение лексемы в исходном языке [10]. Очевидно, что проблема межъязыковой асимметрии возникает, когда речь идет о лексических единицах второй и третьей групп.

Итак, рассмотрим пример межъязыковой асимметрии на уровне лексического значения слова:

A focus of psychology that is of extreme practical relevance is how to optimize the decisions people make for the good of themselves and society at large [11, с. 4].

Психологов также занимает вопрос, имеющий чрезвычайную практическую ценность: как оптимизировать принимаемые людьми решения, чтобы они пошли на благо отдельного человека и общества? [12, с. 8]

Для передачи английского слова *to optimize* далеко не всегда можно использовать русский глагол *оптимизировать*. Сравним словарные определения данных слов: *to optimize* – make the best or most effective use of (a situation or resource) [13]. Значение слова *оптимизировать* объясняется в словаре следующим образом: – (книжн.) придать (-авать) чему-нибудь оптимальные свойства, показатели; выбрать (-бирать) наилучший из возможных вариантов [14].

Согласно нормам лексической сочетаемости русского языка, нельзя оптимизировать решение, т.е. придать ему оптимальные свойства. Таким образом, переводческая ошибка в данном случае связана с тем, что переводчик не учел сочетаемость лексических единиц в языке перевода. На наш взгляд, более адекватным было бы использовать в переводе вариант *принять оптимальное решение*.

Межъязыковая асимметрия на уровне лексического значения слова может проявляться в условиях неполного/частичного совпадения лексического значения переводных соответствий. Зачастую в переводе реализуется из всех возможных межъязыковых соответствий тот вариант, который не актуализирует значение исходной единицы.

Charles Darwin's great insight – evolution by natural selection – reveals the overarching unity of the entire web of life on our planet [11, с. 4].

Величайшее прозрение Чарльза Дарвина, эволюция через естественный отбор, раскрывает лежащее в основе всего единство всей системы жизни на планете [12, с. 6].

Английское имя существительное *insight* и русское имя существительное *прозрение* являются вариантными соответствиями, так как объем значений данных лексем совпадает только частично. Как отмечает И.К. Архипов, «одни и те же признаки предмета группируются в различных коллективах по собственным законам

когнитивной категоризации в различные конфигурации в силу различного интереса (внимания) к ним, а потому и различной оценки существенности той или иной группировки признаков» [13, с. 53]. Сравним словарные определения данных слов: *insight* – 1. the capacity to gain an accurate and deep understanding of someone or something. 1.1. an accurate and deep understanding. 1.2. awareness by a mentally ill person that their mental experiences are not based in external reality. [14]. В то же время слово *прозрение* имеет следующие значения: 1. действие по глаголу прозреть: 1) стать зрячим, избавиться от слепоты. 2) (перен.) получить способность понимать, начать понимать, отдавать себе отчет в чем-нибудь. 3) (перен.) проникнуть умом во что-нибудь (устар.). 4) догадаться о чем-нибудь, разгадать (устар.). 2. внезапное просветление мысли, уразумение. [15]. За Как видно из примера, положение о том, что признаки предметов, явлений группируются в различные конфигурации, зачастую не находит практического применения при выборе переводческих соответствий.

Интересны примеры, когда при переводе устанавливаются переводческие соответствия на основе устойчивых словарных межъязыковых соответствий, однако при реализации в речи они не являются коммуникативно равноценными:

Cognitivism marked an evolution of behaviourism and is inspired by a computer metaphor of the mind [11, с. 36].

Когнитивизм стал эволюцией бихевиоризма, вдохновленный метафорой «мозг как компьютер» [12, с. 22].

В данном контексте подчеркнутые слова являются словарными (т.е. языковыми), но не речевыми соответствиями. Необходимо отметить, что одной из стилистических черт научно-популярного стиля в английском языке являются сочетания неодушевленных имен существительных и глаголов, характеризующих действия одушевленных существительных: например, *the theory focuses on...*, *the passage tells us through...* Однако такие принципы комбинаторики словформ не типичны для русского языка. Иными словами, хотя переводческие соответствия на уровне лексики являются устойчивыми межъязыковыми словарными соответствиями в системе языка, при реализации их в речи в условиях данного контекста они становятся неравноценными в коммуникативном плане.

Межъязыковая асимметрия может проявляться на уровне лексической сочетаемости. Так, если автор (переводчик) не стремится к достижению определенной стилистической цели, то нарушение лексической сочетаемости рассматривается не как стилистический прием, а как речевая ошибка [16, с. 26]:

This is a version of introspection – the research tool favoured by psychology's founding fathers in the late 19th century [11, с. 16].

Это и будет разновидностью интроспекции – исследовательского метода, который был в чести у отцов-основателей психологии в конце 19 века [12, с. 14].

Английское прилагательное *favoured* определено в словаре как *preferred or recommended* [13]. Русское словосочетание *быть в чести* имеет в словаре следующее толкование: (*разг.,устар.*) *пользоваться уважением, быть в почёте* [14]. Сочетание «метод был в почете» является речевой ошибкой вследствие нарушения лексической сочетаемости, а употребление стилистического приема олицетворения при переводе стилистически нейтрального исходного предложения является в данном случае неуместным.

Нарушение лексической сочетаемости может и не сопровождается использованием стилистических приемов:

Although the technique sounds straightforward enough, methodological arguments broke out among its early pioneers [11, с. 16].

Хотя на первый взгляд техника кажется довольно простой (прим. авторов: имеется в виду один из методов

экспериментальной психологии), среди ее приверженцев разразились методологические дебаты [12, с.14].

В русском языке комбинаторика словоформ «приверженцы техники» не является типичной, устойчивой, регулярной и представляет собой случай нарушения лексической сочетаемости в языке перевода. Более того, слово *техника* не является межъязыковым соответствием английскому слову *technique* в значении *способ, метод (a way of carrying out a particular task)*.

Случаи межъязыковой асимметрии и переводческих ошибок можно найти не только в переводах текстов научно-популярного стиля. Достаточно часто переводческие ошибки, вызванные межъязыковой асимметрией, встречаются при переводе художественной литературы. Более подробно данные случаи были рассмотрены в статье «О «третьем языке» при переводе» [17]. Приведем здесь некоторые из них.

Так, межъязыковая асимметрия проявляется на уровне грамматики. Грамматическая асимметрия связана с тем, что в английском и русском языках есть много грамматических форм и синтаксических структур, которые не совпадают по своим функциям и значению [18, с.60]:

Much better to let her guide me through the undergrowth with no knowledge of where we are heading, so that she is led gently, step by step, to discover my discovery for herself [19, с. 69].

Лучше всего будет позволить ей вести меня сквозь дебри иконографии, но не давать ей знать, где в конечном счете я хочу оказаться, так, чтобы она сама постепенно, шаг за шагом сделала то открытие, о котором я пока не решаюсь ей сообщить [20].

Решение переводчика в пользу выбора варианта перевода с сохранением сходных морфологических форм (*to let her guide me – позволить ей вести меня*) приводит к появлению в тексте перевода искусственного для русского языка предложения. Грамматические свойства языковых единиц в условиях сходства морфологических форм могут не совпадать на межъязыковом уровне [21, с.46], поэтому передача языковых единиц языковыми единицами с аналогичной морфологической формой иногда приводит к нарушению языковых и речевых норм принимающего языка. В данном случае переводчик не учел каузативный характер глагола в исходном языке, что и привело в переводческой ошибке.

Межъязыковую асимметрию можно проанализировать на синтаксическом уровне. Образование аномальных синтаксических структур в тексте перевода может быть осложнено логическими несоответствиями, которые привносят в текст перевода добавочные смыслы:

Things have to get worse between us before they can get better [19, с. 54].

Чтобы сделать мои отношения с женой еще лучше, я вынужден их сначала ухудшить [20].

В результате грамматических преобразований придаточное темпоральное, выражающее в оригинале таксисные отношения разновременности, появляется неидиоматичная/нетипичная для русского языка фраза. В исходном тексте сложноподчиненное предложение с придаточным темпоральным выражает идею предшествования одного события другому. Однако в переводе придаточное предложение выражает идею целевого значения, запланированного действия. Более того, текст перевода характеризуется ошибочным выбором модальности: в исходном тексте в качестве субъекта действия выступает неодушевленное существительное *things* и модальность выражена глаголом *to have to*, т.е. предполагается обреченность в силу каких-либо естественных законов или внешних обстоятельств, что предопределяет независимость протекания действия от воли главного героя. Напротив, в тексте перевода представлена модальность долженствования (вынужден) и в качестве субъекта действия выступает одушевленное лицо.

В заключении отметим, что асимметрия межъязы-

ковых соответствий при переводе проявляется в отсутствии однозначных соответствий между единицами языка перевода и языка оригинала на лексическом, грамматическом и прагматическом уровнях. Межъязыковая асимметрия часто бывает причиной переводческих ошибок. Изучение взаимосвязи ошибок в переводе и межъязыковой асимметрии является одной из важных задач как теории перевода, оценки качества перевода, так и переводческой эрратологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Швейцер А.Д. Контрастивная лингвистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках / А.Д. Швейцер. – Москва: РАН ИЯ, 1993. – 252 с.
2. Кашкин В.Б. Асимметричность знака и межъязыковые различия // Теоретические проблемы современного языкознания. Сборник в честь проф. З.Д. Поповой. Воронеж. 2009. С.32-37.
3. Петрова Е.С. Сопоставительная типология английского и русского языков. Грамматика / Е.С. Петрова. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Москва: Издательский центр «Академия», 2011. 368 с.
4. Шевнин А.Б. Эрратология и межъязыковая коммуникация // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 2. С. 36-44.
5. Шевнин А.Б. Эрратология: теория ошибок и переводческих несоответствий // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2005. № 11. С. 111-113.
6. Шадрин В.И. Интеграция теории и практики в оценке качества перевода // Материалы 45 международной филологической конференции «Федоровские чтения». Актуальные проблемы перевода. 14-19 марта 2016. Санкт-Петербург: Издательство ВВМ, 2016. С. 100-107.
7. Сдобников В.В. Оценка качества перевода. Коммуникативно-функциональный подход / В.В. Сдобников. Москва: Флинта, Наука, 2015. 112 с.
8. House J. Translation Quality Assessment: Past and Present. Oxford: Routledge, 2014. 170 p.
9. S. Simon. Gender in Translation. London: Taylor & Francis, 2005. 190 p.
10. Брыкова С.В. Теория закономерных соответствий И.Я. Рецкера и ее применение в современной переводческой практике // Современные исследования в области преподавания иностранных языков в неязыковом ВУЗе. 2016. № 5. С. 23-33.
11. 30-Second Theories: The 50 Most Thought-Provoking Theories in Science. Ed.: Paul Parsons. London: Icon, 2011. 160 p.
12. Научные теории за 30 секунд. 50 самых гениальных научных теорий, рассказанных за полминуты. Пер. с англ. Ю. Капустюк; науч. ред. А. Нурматов; под ред. П. Парсонс. Москва: РИПОЛ классик, 2013. 160 с.
13. Архипов И.К. Когнитивные структуры знания и средства их выражения в языке // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. Сборник научных трудов ИЯ РАН, Москва, 2008.
14. Oxford Dictionary of English. <http://oxforddictionaries.com> (дата обращения: 06.02.2018).
15. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Москва: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000.
16. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. Учебное пособие. Москва: Рольф; Айрис-пресс, 1997. 448 с.
17. Лекомцева И.А. «О «третьем языке» в переводе» // Многоязычие в образовательном пространстве. Ижевск, 2016. № 8. С. 101-106.
18. Рецкер Я.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. Москва: Просвещение, 1982. 159 с.
19. Frayn M. Headlong. London: Faber and Faber, 1999. 394 p.
20. Фрейн М. Одержимый. Пер. с английского Корсакова К. Москва: Торнтон и Сагден. 2002. <http://www.e-reading.link/book.php?book=1003292> (дата обращения: 06.02.2018)

21. Казакова Т.А. Translation Techniques. English-Russian. Практические основы перевода. Санкт-Петербург: Перспектива, Издательство «Союз», 2008. 320 с.

Статья поступила в редакцию 12.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

**ПРОБЛЕМА ОСВЕЩЕНИЯ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ В СМИ:
ИДЕОЛОГИЯ – КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ – ГЕНДЕР**

© 2018

Малый Николай Николаевич, аспирант кафедры перевода
и информационных технологий в лингвистике
Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, улица Большая Садовая, 105/42, e-mail: 79185798445@yandex.ru)

Аннотация. В современной лингвистике возрастает исследовательский интерес к использованию метафор в репортажном и аналитическом дискурсе СМИ с целью идеологического освещения военных событий и способов разрешения вооруженных конфликтов. Однако проблема воздействия гендерного фактора на производство и функционирование концептуальной метафоры ВОЙНА как ключевого маркера политической идентичности журналиста не получила еще должного рассмотрения. В рамках данной публикации расширяются исследовательские перспективы на гендерно предопределенное изучение концептуальных метафор в масс-медийных текстах. Мы излагаем основные результаты нашего изыскания, целью которого предстает статистическое измерение корреляции между гендерной принадлежностью автора масс-медийного текста и выбором концептуальной метафоры ВОЙНА. Данное исследование представляет собой интегральную часть более широкого изыскательского проекта, нацеленного на когнитивное изучение использования и функционирования метафор, построение гендерно ориентированной модели концептуальных метафор в текстах военных репортажей и аналитических статей. Делается вывод о том, что женщины-журналисты при метафорическом освещении военных конфликтов и способов их преодоления преимущественно реализуют мужские дискурсивные нормы, что подтверждается полученными статистическими данными.

Ключевые слова: тексты военных репортажей и аналитических статей, гендер, концептуальная метафора ВОЙНА, идеология, статистическая обработка данных.

**PROBLEM OF WARTIME EVENT COVERING IN MASS-MEDIA:
IDEOLOGY – CONCEPTUALIZATION – GENDER**

© 2018

Malyi Nikolai Nikolaievich, post-graduate student of the translation
and informational technologies in linguistics department
Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42, e-mail: 79185798445@yandex.ru)

Abstract. In the contemporary linguistics the research interest in the use of metaphors in editorial and analytical media discourse with the aim of the ideological covering the military events and ways of resolving the armed conflicts. However, the impact of gender on the production and functioning of the conceptual metaphor of WAR as a key marker of the journalist's political identity has not yet received the due consideration. Within this publication, we widen the research perspectives on gender predefined study of conceptual metaphors in Mass Media texts. We present the main results of our research, the purpose of which appears to be the statistical measure of the correlation between the Mass-Media text author's gender identity and the selection of the conceptual metaphor of WAR. This study is an integral part of the much broader survey project aimed at the cognitive analysis of the metaphor use and operation, the construction of gender-oriented model for conceptual metaphors in the texts of military reports and analytical articles. It is concluded that female journalists in the metaphorical covering the military conflicts and ways to overcome them mainly realize the male discursive norms, as it is evidenced by the statistical data.

Keywords: texts of military reports and analytical articles, gender, conceptual metaphor of WAR, ideology, statistical data processing.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Подсчет частотности функционирования тех или иных концептуальных метафор в корпусе текстов разнообразной жанровой принадлежности оказывается инновационной техникой многомерного анализа в современных лингвистических изысканиях. Вместе с тем, в целях получения надежных фактических и статистических данных, лингвистами практически не учитывается такая переменная величина, предопределяющая выбор метафорических номинаций, как гендерная принадлежность автора текста.

Наши наблюдения свидетельствуют, что использование метафорических выражений концептуальной направленности последовательно характеризуется, в том числе, в зависимости от такого фактора, как гендер. Одним из частных исследовательских доменов, которые маркируются с опорой на идентификацию гендерных признаков автора текста, является концептуальная метафора ВОЙНА. Вне всяких сомнений, в аспекте отражения гендерного параметра данная метафора предстает показательной, поскольку она специфически концептуализует внешний мир как акт полномасштабной агрессии, разворачиваемой преимущественно мужчинами.

Мы выражаем мнение, согласно которому гендерный фактор в метафорической концептуализации действительности может быть интерпретирован лишь с учетом целого ряда других факторов, таких как политические

(идеологические) воззрения и институциональные роли авторов, характеристики целевой аудитории и т.д. Указанные факторы кодируются в масс-медийном тексте как категориальные переменные величины, которые обладают бинарным характером (т.е. автор явно / неявно маркирует их в тексте). В рамках текста СМИ также системно выявляются взаимоотношения между употреблением гендерно-маркируемых метафорических выражений и статистическими показателями, отражающими существенные характеристики целевой аудитории (образование, профессия, приблизительный доход): журналисты в той или иной степени регулируют свой дискурс в зависимости от социально-экономических особенностей читателей.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Выбор метафоры в масс-медийном тексте можно рассматривать как сигнал групповой идентификации: активация того или иного метафорического кластера испытывает непосредственное влияние со стороны социально-политической группы, с которой идентифицирует себя журналист. С опорой на процессы концептуальной интеграции метафоры не только фиксируют картину мира автора текста, но также отражают эту картину мира как дискретную социально-политическую реальность [1, с. 2010].

Именно поэтому метафоры часто задействуются

различными социально-политическими группами в целях репрезентации идеологических и дискурсивных моделей мышления.

Собранный нами фактический материал последовательно согласуется с психологическими моделями социальной идентичности, актуальными для современного гуманитарного знания [2; 3]. Социальная категоризация представляет собой когнитивный процесс, в рамках которого индивиды классифицируются как представители некоторой группы, обладающие общими характеристиками и выявляющие существенные несходства с представителями иных групп.

Данная классификация, вероятно, является результатом универсального процесса, в основе которого лежит стремление сделать внешний многогранный мир наблюдаемым и оптимальным для текстового отражения. В дополнение к личностной и социальной идентичности журналисты как авторы масс-медийных текстов обладают также и политической идентичностью, которая определяется в терминах «Мы» и «Другие».

Политическая идентичность оказывается существенной в мире современных СМИ, поскольку активирует чувство солидарности с представителями этой же самой группы: журналист адаптируется к сущностным характеристикам группы, свойственным ей языковым особенностям воспроизведения объективной событийности с опорой на гендерный фактор, который отчетливо проявляется при метафорической концептуализации такого понятия, как *война*.

Естественно, что мужская версия когнитивной и дискурсивной модели метафоры ВОЙНА в текстах СМИ является доминирующей, а женское метафорическое видение этих понятий занимает периферийное – если не оппозиционное – положение.

Идеологические воззрения формируют политическую группу, к которой принадлежит журналист, являются основой тотального контроля над дискурсивными практиками отражения событий, фактов и явлений в текстах СМИ.

В настоящее время политические группы оказываются менее однородными: в современном обществе гегемония выявляет нестабильное и временное состояние равновесия. В связи с этим закономерно возникает вопрос: в какой степени журналисты-женщины придерживаются мужских ценностей в своих дискурсивных практиках, в частности, при метафорической концептуализации понятия «война»? Несмотря на то, что большинство действующих армий активно принимают на службу женщин, боевые действия осуществляются преимущественно мужчинами. В связи с этим концептуальная метафора ВОЙНА определяется на страницах СМИ, как правило, стремлением мужчин доказать свою мужественность.

Собранный нами фактический материал свидетельствует о том, что при метафорической активации женского видения военных событий задействуются две конфликтующие между собой дискурсивные стратегии. Один подход предполагает подчинение мужским институциональным дискурсивным практикам СМИ. Иллюстрацией подобной стратегии последовательно обнаруживаются в языке журналистов-женщин, которые с максимальной возможностью скрывают свои женские лингвистические и поведенческие характеристики. В свете данной стратегии женский взгляд на военные события не получает какого-либо отражения в СМИ, поскольку легитимируется гендерное неравенство.

Противоположная стратегическая установка заключается в том, что оспариваются традиционные мужские дискурсивные нормы, выдвигаются альтернативные женские дискурсивные модели, которые, как правило, базируются в большей степени на кооперации и солидарности, чем на конфликте и иерархической организации.

Подобный подход оказывается менее распространенным в современных СМИ. Эта стратегия, в свою очередь, потенциально предопределяет нежелательный гендерный раскол в общественно-политическом домене, упрочивает тот распространенный стереотип, что журналисты-женщины – по сравнению со своими коллегами-мужчинами – призваны занимать более низкий статус при освещении военных событий.

Большинство журналистов-женщин в своей профессиональной деятельности сознательно сочетают «маскулинные» и «фемининные» дискурсивные модели [4, с. 43; 5, с. 19].

При этом, как мы полагаем, преследуются не политические, а прагматические цели, поскольку женщины приспосабливаются к амбивалентным ожиданиям, которые навязываются общественным мнением. Подобная гибридная тактика системно прослеживается в корпусе собранных нами репортажей, в которых выявляются определенные различия между авторами разной гендерной принадлежности в отношении метафорической концептуализации военных событий.

Формирование целей статьи (постановка задания). Гендерная предопределенность концептуальной метафоры ВОЙНА требует дальнейших исследований, в частности, на материале масс-медийных аналитических и репортажных текстов с опорой на интегрирование переменной величины «гендерная принадлежность автора» в многомерный квантитативный анализ.

Женщины-журналисты, фактически, придерживаются мужских дискурсивных норм, но процессы адаптации к этим нормам не являются абсолютными. Тонкие различия в употреблении концептуальной метафоры ВОЙНА журналистами обоих полов не могут быть исчерпывающе описаны лишь с опорой на статистический анализ.

Для выявления глубинных различий требуется и качественитивный анализ фактического материала. При этом необходимо иметь в виду, что журналисты-женщины равноправно не участвуют в поддержании дискурсивных доменов, в которых традиционно доминируют их коллеги-мужчины.

Тесты военных репортажей, публикуемые в печатных СМИ, в значительной степени ориентированы на целевую аудиторию, а поэтому журналисты, создавая подобные тексты, делают попытку воспроизвести те концептуальные модели, которые характерны для читательской аудитории.

Журналисты выступают посредниками между политиками, вовлеченными в военные действия, и читателями, которые потенциально могут поддержать идеологию политиков и печатного издания. В связи с этим можно говорить о том, что концептуальная метафора ВОЙНА является атрибутом сознания как политиков и журналистов, так и читателей, разделяющих взгляды печатного издания.

Для качественитивного и квантитативного анализа методом сплошной выборки нами было избрано 250 репортажей из англоязычной прессы. В этих репортажах (23 из которых написаны женщинами) внимание сосредотачивается на военных действиях в Сирии, которые имели место в 2012-2017 гг. Данный период был избран нами вследствие исчерпывающей репрезентативной природы описываемых военных событий: именно в этот момент боевые действия на территории Сирии характеризуются особой интенсивностью, которая приводит к завершению конфликта в декабре 2017 г.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Метафорический домен ВОЙНА сочетает в себе физическую агрессию, милитаристские стратегии и критическую дискуссию дипломатов. Война отражается как игра, в которой нет победителей, игра с далеко идущими негативными последствиями экзистенциального характера, которые затрагивают стратегические позиции

противоборствующим сторонам. Ср.:

«The armed conflict in Syria has accelerated in recent months. Both regime and rebels see themselves in a fight for survival that leaves no room for compromise. External supporters of both sides treat the conflict as a zero-sum game with far-reaching and, for some actors existential, consequences for their own strategic positions...» [6].

Игровое начало в концептуализации военных событий в Сирии отчетливо прослеживается и в метафорическом уподоблении действий американских воздушных сил пантомиме, что, в свою очередь, дает возможность говорить об игровом притворстве Запада, участвующего в разрешении конфликта на правах мнимого участника боевых действий. Ср.:

«The small Russian air contingent in Syria has proven far more effective than the US and its allies. The mighty US Air Force has continued pinprick attacks on ISIS positions in what has become a pantomime war. It's almost as if the western powers are playing make-believe in Syria» [7].

Затяжной и деструктивный характер активных боевых действий предопределяет следующую фазу метафорической концептуализации войны: события реальной войны преобразуются на страницах СМИ в словесную войну дипломатов США и России, т.е. тех стран, которые участвуют в разрешении сирийского конфликта:

«The war of words comes as diplomats from the two countries work together to hammer out a potential political solution to the four-year civil war in Syria that has claimed over 250,000 lives, and has given the Islamic State a home base» [8].

Исследование концептуальной метафоры ВОЙНА проливает свет на стремления масс-медийного сообщества не только зафиксировать свой опыт освещения боевых событий, но и осознать современный окружающий мир.

Данная метафора играет конструктивную роль в дискурсивном конструировании разнообразных фаз активных боевых конфликтов, а поэтому предопределяет понимание того, как целевая аудитория реагирует на подобные феномены.

Эта реакция во многом зависит от того, как воспринимаются события современной войны, освещаемые в СМИ.

Милитаристская метафора концептуализует деятельность участников боевых действий и дипломатов специфическим образом, сосредотачивает внимание целевой аудитории на определенных аспектах конфликтной ситуации, умалчивая о других аспектах действительного положения дел.

В частности, понимание войны как игры активизирует «спортивный» интерес к освещаемым событиям, репрезентация военных действий как преступления против гражданского населения порождает стремление предать суду зачинщиков развернувшегося конфликта. Концептуализация войны как зла и болезни неявно указывает на невозможность переговоров с виновниками напряженной ситуации. Другими словами, концептуальная метафора усиливает объяснительную силу СМИ, создает основу для видения концептуализуемого события в необходимом «идеологическом» свете, активации определенного эмоционально-волевого состояния целевой аудитории. Метафоры вовлечены в мифологическое структурирование военной реальности, при этом базовые мифологемы задаются идеологическими установками СМИ (более подробно см. [9]).

Согласно нашим статистическим подсчетам метафорический домен ВОЙНА составляет 4,9 % ($p < 0,000$) языкового материала, используемого в исследуемом нами фактическом материале для освещения сирийского конфликта (в 95,1 % описаний различных стадий конфликта задействуются выражения с буквальным значением).

При этом журналисты-женщины прибегают к ме-

тафорической концептуализации военных действий и способов разрешения конфликта, фактически, не менее часто, чем их коллеги-мужчины (6,9 % против 6,5 %, $p < 0,000$).

Полученные данные свидетельствуют о том, что журналисты-женщины предпринимают лингвистические усилия для того, чтобы на равнее с их коллегами-мужчинами доминировать при освещении вооруженных конфликтов и способов их предотвращения.

Наиболее высокая концентрация метафорических выражений, связанных с концептуальным доменом ВОЙНА, наблюдается в публикациях, в которых освещаются боевые будни разразившегося конфликта, внимание читателей сосредотачивается на тех лишениях, с которыми столкнулось гражданское население, а также на деструктивной политике зачинщиков напряженной ситуации.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Концептуальную метафору ВОЙНА в языке современных СМИ можно рассматривать как маркер внутригруппового сотрудничества журналистов, их политической идентификации. Метафоры лежат в основе абстрактного мышления и выражения взглядов на внешний мир как социально-политическую реальность.

Метафорическая концептуализация войны задействуется журналистским сообществом в целях отражения специфических идеологических и дискурсивных моделей.

Аналитический и репортажный дискурс базируется на данных моделях и, как показало наше исследование, фиксирует гендерное равенство в акте освещения вооруженных конфликтов и способов их разрешения. Другими словами, активация концептуальной метафоры ВОЙНА не проявляет чувствительности к гендерному фактору. Метод изучения языкового материала, представленный в нашей публикации, является исследовательской попыткой оценить прямое / косвенное влияние гендерного фактора на выбор метафорических выражений, связанных с концептуальным доменом ВОЙНА в корпусе собранных нами публикаций англоязычных СМИ. Мы полагаем, что перспективным является изучение взаимосвязей между использованием концептуальной метафоры ВОЙНА и некоторыми характеристиками целевой аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Метафора и ее персуазивные эффекты в публицистическом тексте // В мире научных открытий. 2015. № 5.6 (65). С. 2008-2022.
2. Ставропольский Ю.В. Социально-психологическая модель идентичности (коммитмент-подход) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 11(79). С. 184-192.
3. Ткаченко М.Р. Социальная идентичность и жизненная стратегия: соотношение понятий в структуриализме и социальном конструктивизме // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2017. Т. 8. № 3. С. 125-139.
4. Вилькэн Е.И., Ивченко М.В., Ласкова М.В. Журнальная реклама в современном коммуникативном пространстве: гендерный аспект. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2015. 106 с.
5. Ласкова М.В., Лазарев В.А., Ивченко М.В. Гендерная асимметрия в языковом воплощении. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2016. 112 с.
6. Asseburg M., Heiko W. Civil War in Syria // https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2012C43_ass_wmm.pdf.
7. Margolis E. The Pony War in Syria // <http://c.afgazad.com/Zabaan-2016/042016-The-Phony-War-in-Syria.pdf>.
8. McLeary P. Russia Insults US War Strategy with Weird Cat Metaphor // <https://foreignpolicy.com/2015/11/18/russia-insults-u-s-war-strategy-with-weird-cat-metaphor/>

9. Laskova M.V. To the Problem of Contemporary Gender Interpretation // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 80-84.

Статья поступила в редакцию 04.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 811.111'373

**ВЫСОКОЧАСТОТНАЯ ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АННОТАЦИИ
ПО ЭКОНОМИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АННОТАЦИЙ
НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ИЗ ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ)**

© 2018

Миколайчик Маргарита Владимировна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков № 3*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского*
(295007, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, 4, e-mail: margarita8383@mail.ru)

Аннотация. В статье представлен список высокочастотных лексем, выделенных на материале специально созданного корпуса объемом более 1 миллиона словоупотреблений. В корпус вошло 7160 англоязычных аннотаций научных статей из ведущих мировых периодических изданий по экономике, индексируемых в базе данных Scopus. Описаны некоторые нюансы процедуры обработки корпуса, которые могут быть полезны при проведении аналогичных исследований. В частотности, предложены способы учета британских и американских вариантов английских слов, вариантов слитного написания и написания через дефис, а также омонимии. Отдельно приведены данные о частеречном соотношении высокочастотной лексики в англоязычной аннотации, полученные в результате частеречного анализа первой тысячи лексем, а также списки наиболее употребительных существительных, прилагательных и глаголов. Существенный процент расхождений между нашим списком глаголов и представленным в литературе списком высокочастотных глаголов, выделенных на материале аннотаций по нанотехнологиям, указывает на перспективность дальнейших корпусных исследований англоязычных аннотаций по различным отраслям науки с целью выявления высокочастотной лексики, общей для аннотации как жанра научного дискурса. Предлагаемые в статье списки наиболее употребительной лексики могут использоваться студентами, магистрантами, аспирантами и учеными-экономистами при составлении аннотаций к научным статьям, а также преподавателями английского языка при разработке учебно-методических пособий по аннотированию и лексических минимумов для данного направления подготовки.

Ключевые слова: английский язык, аннотирование, лингвистический корпус, корпус текстов, корпусная лингвистика, научный дискурс, подязык экономики, словоупотребление, специальная лексика, частеречный анализ, частотность, частотный список.

**HIGH-FREQUENCY VOCABULARY IN MODERN ENGLISH ECONOMICS ABSTRACTS:
A CORPUS-BASED STUDY OF RESEARCH ARTICLE ABSTRACTS FROM
THE WORLD'S LEADING PERIODICALS**

© 2018

Mikolaychik Margarita Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Department of Foreign Languages No. 3*V. I. Vernadsky Crimean Federal University*
(295007, Russia, Simferopol, 4 Academician Vernadsky Avenue, e-mail: margarita8383@mail.ru)

Abstract. The paper presents a high-frequency vocabulary list derived from a specially created corpus containing over 1 million running words. The corpus comprises 7160 English abstracts of research articles published in the highest ranking Scopus indexed economics journals. Some peculiarities of the corpus design and processing are described which could be useful for similar corpus building and research purposes. Specifically, some ways of accommodating British and American varieties of English words, solid and hyphenated varieties and homonyms are suggested. In addition, percentages of different parts of speech and lists of high-frequency nouns, verbs and adjectives obtained as a result of a part-of-speech analysis of the first thousand of lexemes are provided. Discrepancies between our list of verbs and the one presented in previous literature as derived from nanotechnology abstracts, suggest that further corpus-based studies of abstracts in different research fields are required in order to identify common high-frequency English vocabulary typical of the research article abstract as an academic genre. The vocabulary lists offered here are intended for English instructors developing materials for teaching academic writing and reading to students of economics. They can also be of some use to students and academics who need to write economics research abstracts in English.

Keywords: abstracting, academic discourse, ad-hoc corpus, corpus linguistics, economics, English, English for Academic Purposes, English for Professional Purposes, English for Specific Purposes, linguistic usage, part-of-speech analysis, RA abstract, vocabulary, word frequency, word list.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Современный российский вуз предъявляет к научно-педагогическому работнику и обучающемуся все более высокие требования в отношении публикационной активности, причем не только в российских, но и в ведущих мировых изданиях, индексируемых в международных базах данных. Однако, как отмечает эксперт компании «Эльзевир» по формированию базы данных Scopus О. В. Кириллова, «сложной задачей» для российских авторов является «качественное представление» англоязычных аннотаций к русскоязычным статьям [1, с. 42]. Среди типичных недостатков англоязычных аннотаций российского происхождения, препятствующих их адекватному пониманию зарубежными специалистами, эксперт называет обилие «общих ничего не значащих слов», а также неиспользование принятой в международной среде специальной англоязычной терминологии [1, с. 43]. Ряд типичных для англоязычных аннотаций российских авторов несоответствий, в том числе лексических, выделяет в своей работе С. В. Андросова, указывая на необходимость

дальнейшей работы преподавателей английского языка в этом ключе [2].

Нам представляется перспективным развивать это направление учебно-методической деятельности, ставя его на более системную и объективную научную основу. Решить эту задачу позволяют современные методы корпусной лингвистики, представленные в работах В. П. Захарова и С. Ю. Богдановой [3], М. Копотева [4] и др.

Корпусная лингвистика дает возможность на обширном текстовом материале исследовать лексический состав современной аутентичной англоязычной аннотации по любому научному направлению, например, по экономике, и выделить наиболее употребительную лексику, на базе которой можно в дальнейшем разрабатывать современные учебно-методические пособия по аннотированию, а также лексические минимумы для соответствующих направлений подготовки. Наряду с решением указанных практических задач, подобные изыскания могут внести вклад в разработку таких научных проблем, как изучение особенностей англоязычной аннотации как

жанра научного дискурса, а также исследование словарного состава специальных подязыков, в частности, английского подязыка экономики.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. Разработкой частотных списков и словарей английских подязыков по разным отраслям науки занимались такие исследователи, как П. М. Алексеев (подязык электроники) [5], который является одним из ведущих отечественных специалистов по методике составления частотных словарей [6], В. Н. Безбородова и О. А. Острикова (подязык истории) [7], Е. Ф. Елизарова и Л. К. Чернецовская (подязык философии) [8], Д. Л. Бронникова (подязык альтернативного топлива) [9], И. В. Милованова (подязык лесного дела и ландшафтной архитектуры) [10; 11], И. А. Щапова (подязык оптоэлектроники и лазерной техники) [12], Дж. Ванг, Ш.-И. Лианг и Г. Дже [13], В. Хсу [14], Л. Лей и Д. Лиу [15] (подязык медицины), М.-Н. Янг (подязык сестринского дела) [16], И. А. Мартинез, С. К. Бек и К. Б. Панса (подязык сельского хозяйства) [17], Р. Хани и К. Тазик (подязык прикладной лингвистики) [18], Л. Валипури и Х. Нассаджи (подязык химии) [19], Дж. Лиу и Л. Хан (подязык экологии) [20]. Что касается подязыка экономики, в 70–80-е годы XX века было выпущено два частотных англо-русских словаря: словарь В. В. Морозенко, базирующийся на анализе экономико-статистической литературы [21], и словарь А. Д. Кадиевой и Н. Л. Марковой, составленный преимущественно на основе научных монографий по планированию и экономической кибернетике [22]. Опыт разработки современного частотного словаря подязыка экономики на материале базы данных EconLit Американской экономической ассоциации описан в статье М. В. Лычагина, А. М. Лычагина, С. В. Бекаревой и А. С. Шевцова [23]. Предназначенный прежде всего для создания на его основе толковых и двуязычных словарей по экономике, указанный частотный словарь не совсем подходит для решения поднятой выше проблемы обучения аннотированию, поскольку составлен на основе текстов как аннотаций, так и полнотекстовых статей, причем только американских. Кроме того, результаты работы представлены авторами в виде списков наиболее частотных словоформ без приведения к леммам и лексемам, а этого может быть недостаточно для разработки комплексных учебно-методических пособий по аннотированию.

Насколько позволяет судить анализ существующих отечественных и зарубежных публикаций, частотных списков на базе корпусов аннотаций в чистом виде до сих пор не создавалось ни по экономике, ни по какому-либо другому из английских подязыков. В этой связи можно отметить лишь работу Л. А. Герасимовой, которая сделала попытку на небольшом материале (30 аннотаций научных статей из журнала по нанотехнологиям *Beilstein Journal of Nanotechnology*) выделить список наиболее частотных глаголов англоязычной аннотации [24].

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью статьи является представить список высокочастотной лексики, составленный нами на материале корпуса англоязычных аннотаций научных статей из ведущих мировых периодических изданий по экономике, поделить опыт создания и обработки корпуса, который может быть использован при проведении аналогичных исследований, а также наметить дальнейшие перспективы изысканий в данном направлении.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В состав созданного нами корпуса вошли англоязычные аннотации 7160 научных статей, опубликованных в 2016 году в ведущих мировых периодических изданиях по экономике, индексируемых в международной рефе-

ративной базе данных Scopus и имеющих лидирующие позиции в рейтинге CiteScore. В выборку включено в общей сложности 125 наименований изданий, охватывающих широкий спектр экономических дисциплин: от *Quarterly Journal of Economics* издательства «Оксфорд юниверсити пресс» и публикуемого Американской экономической ассоциацией *Journal of Economic Literature* до *Journal of Macroeconomics* издательства «Эльзевир» и *Annals of Public and Cooperative Economics*, публикуемого «Уайли-Блэквелл». Общий объем корпуса составил 1002341 словоупотребление.

Обработка корпуса производилась с помощью программ AntConc 3.4.4w и TagAnt 1.2.0 с последующей ручной корректировкой и включала в себя токенизацию, лемматизацию, частеречную разметку и ранжирование лексем по суммарной частоте употреблений входящих в них словоформ. В результате обработки корпуса была извлечена первая тысяча высокочастотных лексем. Список этих лексем в сокращенном виде (первые 200 слов) приведен ниже.

Отметим некоторые нюансы процедуры обработки корпуса, которые в той или иной мере могли повлиять на результаты нашего исследования.

Токенизация и лемматизация корпуса осуществлялись с использованием такой предусмотренной в настройках программы AntConc 3.4.4w опции, как привязывание к токенам всех встречающихся в тексте дефисов, что позволяет рассматривать любое пишущееся через дефис слово как один токен. Неиспользование данной опции повлекло бы за собой ряд искажений, связанных с тем, что каждое слово с написанным через дефис префиксом, например, *re-use* или *pre-arrange*, рассматривалось бы программой как два отдельных слова, в результате чего префиксы и корни таких слов стали бы учитываться как самостоятельные слова, что неприемлемо. Сложность заключается в том, что, поскольку в английском языке в ряде случаев допускается факультативное использование дефиса, в рассматриваемых аннотациях встречаются варианты одних и тех же слов, написанных то через дефис, то слитно, например, *socioeconomic/socio-economic*, *wellbeing/well-being* и др. Отбирая тысячу высокочастотных слов, мы в режиме ручной корректировки учитывали такого рода случаи как варианты одной лексемы. Без дополнительной корректировки программа рассматривала бы каждый такой вариант как отдельную лексему, в результате чего этих и еще некоторых подобных лексем не оказалось бы в итоговом списке, поскольку отдельные их варианты, не приведенные к общей лексеме, не преодолели бы порог, отделяющий первую тысячу слов от последующих, менее частотных.

Более трудноразрешимую проблему представляют случаи, когда написание через дефис допускается как вариант раздельного написания. Например, упоминая страны с высоким уровнем дохода, авторы одних аннотаций отдадут предпочтение написанию через дефис (*high-income countries*), авторы других – раздельному написанию (*high income countries*). Обработывая тексты, программа отдельно фиксирует лексему *high-income* (она встретилась в нашем корпусе 32 раза), а раздельно написанные слова *high* и *income* (в составе словосочетания они употреблены в рассматриваемых аннотациях 11 раз) воспринимает как отдельные словоупотребления лексем *high* и *income*, никак не связывая их с лексемой *high-income*. И хотя в этом и большинстве аналогичных случаев частотность написанных через дефис слов слишком мала, чтобы повлиять на итоговый список высокочастотных лексем, наличие вариантов раздельного написания и написания через дефис все же следует признать в качестве возможной погрешности данного исследования.

Поскольку аннотации для нашего корпуса отбирались из широкого спектра научных журналов, издающихся в Соединенных Штатах Америки, Великобритании и других странах мира, в них представлены характерные как

для британского, так и для американского вариантов английского языка варианты таких лексем, как *analyse/analyze, favour/favour, organisation/organization* и им подобных. Например, слово *favo(u)r* 124 раза встречается у нас в различных формах в американском варианте (*favor, favors, favored, favoring*), 39 раз – в британском (*favour, favours, favoured, favouring*). Чтобы не упустить какие бы то ни было из таких лексем по причине их орфографической вариативности, в прилагаемый к программе AntConc 3.4.4w список лемм были внесены соответствующие коррективы, позволившие автоматически суммировать случаи употребления всех словоформ каждой такой лексемы в британском и американском вариантах.

Все случаи омонимии, в том числе омоформы, разграничивались. Эта работа проводилась для первой тысячи наиболее частотных лемм преимущественно вручную с привлечением автоматической разметки корпуса, выполненной программой TagAnt 1.2.0. Например, лемма *present*, общее количество словоупотреблений по которой по результатам автоматической лемматизации в нашем корпусе составило 826, была разбита на две лексемы: глагольную лексему со значением «представлять» (609 словоупотреблений) и именную лексему со значениями «настоящий, нынешний» и «настоящее время» (217 словоупотреблений). Особую сложность представляли формы глаголов, оканчивающиеся на *-ing* и *-ed*, поскольку их в ряде случаев нужно было вручную отделять от соответствующих существительных и прилагательных. Например, от суммарного числа словоупотреблений лексемы *account* были отделены все словоупотребления формы *accounting* в значении существительного «бухгалтерия».

Первая тысяча высокочастотных лексем из нашего корпуса, на которую приходится 816212 словоупотреблений из 1002341 (т.е. около 81%), представлена ниже в сокращенном виде (первые 200 слов). Частотность каждой лексемы указана в скобках в пересчете на 1 миллион словоупотреблений: *the* (64060), *of* (39957), *and* (31211), *in* (25269), *be* (25235), *a* (25220), *to* (24287), *that* (14724), *we* (11405), *this* (10560), *for* (10558), *on* (9605), *with* (7235), *by* (6280), *model* (5689), *as* (5497), *have* (5413), *use* (5333), *from* (4653), *effect* (4197), *much* (3806), *result* (3515), *market* (3368), *price* (3289), *paper* (3244), *find* (3118), *can* (3087), *study* (3016), *which* (3013), *policy* (2999), *increase* (2964), *between* (2842), *data* (2784), *show* (2781), *country* (2694), *our* (2630), *their* (2603), *not* (2598), *high* (2460), *firm* (2443), *it* (2381), *or* (2313), *cost* (2267), *economic* (2197), *rate* (2103), *also* (2090), *at* (2039), *than* (2033), *estimate* (2032), *when* (1999), *impact* (1963), *but* (1877), *change* (1865), *provide* (1754), *both* (1673), *time* (1669), *growth* (1631), *level* (1620), *may* (1619), *analysis* (1611), *risk* (1521), *they* (1507), *do* (1497), *two* (1497), *other* (1473), *large* (1449), *develop* (1446), *evidence* (1438), *new* (1436), *suggest* (1404), *little* (1402), *financial* (1389), *such* (1370), *over* (1367), *how* (1363), *low* (1356), *different* (1343), *economy* (1332), *information* (1309), *trade* (1299), *examine* (1293), *base* (1267), *approach* (1249), *measure* (1247), *I* (1239), *income* (1237), *while* (1237), *investment* (1232), *value* (1224), *its* (1210), *one* (1201), *capital* (1196), *test* (1192), *tax* (1186), *labo(u)r* (1147), *empirical* (1124), *reduce* (1117), *state* (1112), *affect* (1109), *period* (1101), *system* (1095), *will* (1093), *factor* (1086), *well* (1084), *however* (1080), *good* (1078), *many* (1065), *social* (1064), *into* (1059), *shock* (1052), *there* (1046), *about* (1040), *method* (1039), *individual* (1033), *first* (1030), *public* (1029), *demand* (1027), *performance* (1024), *development* (1023), *analyse/analyze* (1019), *if* (1012), *investigate* (1002), *finding* (1002), *under* (1001), *supply* (995), *through* (991), *production* (990), *decision* (983), *only* (980), *sector* (973), *important* (972), *household* (967), *significant* (967), *equilibrium* (960), *research* (960), *literature* (956), *across* (948), *relationship* (932), *consider* (926), *all* (921), *government* (913), *role* (913), *some* (910), *benefit* (905), *process* (896), *group* (891), *include* (891), *optimal* (888), *propose* (888),

lead (882), *behavio(u)r* (874), *where* (874), *quality* (871), *account* (869), *service* (867), *return* (856), *product* (852), *set* (843), *control* (834), *variable* (828), *case* (824), *article* (819), *year* (819), *productivity* (811), *whether* (804), *support* (803), *energy* (801), *among* (797), *wage* (796), *make* (791), *framework* (791), *difference* (784), *volatility* (783), *identify* (779), *choice* (778), *condition* (778), *positive* (777), *bank* (776), *welfare* (771), *consumption* (768), *environmental* (764), *share* (762), *during* (760), *distribution* (758), *compare* (755), *theory* (753), *problem* (745), *program(me)* (742), *strategy* (741), *number* (734), *term* (734), *outcome* (732), *small* (731), *innovation* (728), *no* (718), *work* (716), *allow* (713), *average* (711), *improve* (706), *worker* (701).

Самостоятельную ценность для преподавателей, разрабатывающих учебно-методические пособия по аннотированию, а также для обучающихся и ученых, озадаченных необходимостью написания аннотаций к собственным статьям, помимо общего списка высокочастотной лексики, могут представлять частные списки наиболее употребительных существительных, глаголов, прилагательных и др. В связи с этим был проведен частеречный анализ первой тысячи лексем из нашего корпуса. Для многозначных лексем, употребленных в корпусе в значениях двух и более частей речи, производился приблизительный подсчет количества словоупотреблений в каждом частеречном значении. Анализ показал, что наибольшее число словоупотреблений, как и ожидалось, приходится на служебную лексику (36,39%). Среди знаменательных частей речи в англоязычной аннотации по экономике лидируют существительные (30,32% словоупотреблений), за которыми с большим отрывом следуют глаголы (14,95%) и прилагательные (9,27%). На местоимения приходится 5,41% словоупотреблений, на наречия и числительные – 3,22% и 0,44% соответственно. Для выяснения вопроса о том, является ли такое частеречное соотношение специфическим для аннотации как жанра, было бы небезынтересно провести аналогичное исследование на материале полнотекстовых научных статей по экономике.

По результатам частеречного анализа в число наиболее высокочастотных существительных вошли (в порядке убывания частотности): *model, effect, market, paper, result, policy, price, data, country, firm, cost, rate, study, impact, time, growth, level, analysis, change, risk, evidence, economy, information, income, investment, approach, increase, capital, tax, value, trade, labo(u)r, period, system, factor, shock, method, performance, development, state, demand, finding, production, decision, sector, household, equilibrium, literature, supply*.

Наиболее употребительными прилагательными в аннотациях научных статей по экономике оказались: *high, economic, large, new, financial, low, different, such, other, empirical, social, public, important, significant, many, optimal, some, positive, environmental, small, all, local, dynamic, negative, no, global, strong, great, monetary, real, relative, international, first, private, likely, consistent, good, recent, political, main, individual, fiscal, general, each, future, key, standard, current, average*.

Особый интерес представляло выделение наиболее употребительных глаголов, поскольку их можно было сопоставить со списком высокочастотных глаголов, полученным Л. А. Герасимовой на материале аннотаций научных статей по нанотехнологиям [24]. В наш список вошли: *be, have, use, associate, find, can, show, increase, provide, may, do, develop, suggest, estimate, examine, base, reduce, affect, will, analyse/analyze, investigate, study, consider, include, propose, lead, make, identify, compare, allow, improve, apply, explain, take, indicate, exist, present, give, generate, observe, explore, shall, account, focus, depend, become, discuss, determine, relate*. Сопоставление нашего списка со списком Л. А. Герасимовой показало, что они совпадают только на 39% (общие лексемы выделены в приведенном выше списке жирным шрифтом). При этом некоторые из высокочастотных глаголов из

списка Л. А. Герасимовой оказались за пределами первой тысячи высокочастотных лексем из нашего корпуса: *detect* (в нашем корпусе только 86 словоупотреблений на миллион), *carry out* (69), *outline* (53), *verify* (50), *optimise* (49), *discover* (29), *prepare* (16), *equip* (10). Такой результат может быть обусловлен спецификой подязыка нанотехнологий, однако, учитывая малую репрезентативность корпуса Л. А. Герасимовой (всего 30 аннотаций), является, конечно, лишь предварительным, указывающим на перспективность полномасштабного исследования на материале более репрезентативного корпуса аннотаций по нанотехнологиям.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. По итогам представленного здесь корпусного исследования выделен список из 1000 наиболее употребительных лексем англоязычной аннотации современной научной статьи по экономике. Дополнительно приведены списки высокочастотных существительных, глаголов и прилагательных. Списки могут использоваться студентами, магистрантами, аспирантами и учеными-экономистами при составлении аннотаций к собственным научным статьям, а также преподавателями английского языка при разработке учебно-методических пособий по аннотированию и лексическим минимумам для данного направления подготовки. Проведение дополнительного исследования позволило бы расширить список наиболее употребительной лексики путем включения в него высокочастотных словосочетаний. Представляется перспективным создание подобных списков на материале других английских подязыков. Сопоставление таких списков позволило бы выделить общую для англоязычной аннотации высокочастотную лексику, что внесло бы определенный вклад в изучение аннотации как жанра научного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кириллова О.В. Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus. М., 2013. Ч. 1. 90 с.
2. Андреева С.В. Проблемные аспекты формирования навыков создания англоязычного научного текста российскими студентами и аспирантами // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. № 2 (1). С. 5-17.
3. Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика: учебник для студентов направления «Лингвистика». Иркутск: ИГЛУ, 2011. 169 с.
4. Коптев М. Введение в корпусную лингвистику: учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей университетов. Прага: Animedia, 2014. 195 с.
5. Алексеев П.М. Частотный словарь английского подязыка электроники // Статистика речи: сборник научных статей. Л.: Наука, 1968. С. 151-161.
6. Алексеев П.М. Частотные словари: учебное пособие. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета. 2001. 156 с.
7. Частотный англо-русский словарь. Подязык истории / авт.-сост. В.Н. Безбородова, О.А. Острикова. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. 134 с.
8. Частотный англо-русский словарь. Подязык философии / авт.-сост. Е.Ф. Елизарова, Л.К. Чернецовская. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1985. 96 с.
9. Бронникова Д.Л. Частотный словарь-минимум английского подязыка альтернативного топлива. М: Общество дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами. 2009. 207 с.
10. Милованова И.В. Английский язык: терминологический словарь по лесному делу и ландшафтной архитектуре. Воронеж: Воронежская государственная лесотехническая академия. 2014. 180 с.
11. Милованова И.В. Особенности составления терминологических частотных словарей и их роль в изучении иностранного языка в неязыковом вузе //

Психоллингвистика и лексикография: сборник научных трудов / науч. ред. А.В. Рудакова. Воронеж: Истоки. 2015. Вып. 2. С. 23-30.

12. Щапова И.А. Частотный англо-русский словарь-минимум по оптоэлектронике и лазерной технике. М.: Флинта, 2011. 288 с.

13. Wang J., Liang S.-I., Ge G. Establishment of a medical academic word list // English for Specific Purposes. 2008. Vol. 27. Iss. 4. P. 442-458.

14. Hsu W. Bridging the vocabulary gap for EFL medical undergraduates: The establishment of a medical word list // Language Teaching Research. 2013. Vol. 17. Iss. 4. P. 454-484.

15. Lei L., Liu D. A new medical academic word list: A corpus-based study with enhanced methodology // Journal of English for Academic Purposes. 2016. Vol. 22. P. 42-53.

16. Yang M.-N. A nursing academic word list // English for Specific Purposes. 2015. Vol. 37. P. 27-38.

17. Martinez I.A., Beck S.C., Panza C.B. Academic vocabulary in agriculture research articles: A corpus-based study // English for Specific Purposes. 2009. Vol. 28. Iss. 3. P. 183-198.

18. Khani R., Tazik K. Towards the development of an academic word list for applied linguistics research articles // RELC Journal. 2013. Vol. 44. Iss. 2. P. 209-232.

19. Valipouri L., Nassaji H. A corpus-based study of academic vocabulary in chemistry research articles // Journal of English for Academic Purposes. 2013. Vol. 12. Iss. 4. P. 248-263.

20. Liu J., Han L. A corpus-based environmental academic word list building and its validity test // English for Specific Purposes. 2015. Vol. 39. P. 1-11.

21. Англо-русский экономико-статистический (частотный) словарь / сост. В.В. Морозенко. М.: Статистика, 1974. 224 с.

22. Частотный англо-русский словарь. Подязык экономики / авт.-сост. А.Д. Кадиева, Н.Л. Маркова. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 126 с.

23. Лычагин М.В., Лычагин А.М., Бекарева С.В., Шевцов А.С. Опыт создания частотного словаря современной английской экономической лексики // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 103-106.

24. Герасимова Л.А. Анализ частотных глаголов в аннотациях англоязычной научной статьи // Молодой ученый. 2016. № 8. С. 1097-1100.

*Статья поступила в редакцию 24.01.2018
Статья принята к публикации 27.03.2018*

УДК 811.1.

**ФЕНОМЕН СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ:
КОНТЕКСТ, ПРАГМАТИКА, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

© 2018

Неустроев Кирилл Сергеевич, кандидат филологических наук,
докторант кафедры общего языкознания
Адыгейский государственный университет

(385000, Россия, Майкоп, улица Первомайская, 208, e-mail: linguotutor@gmail.com)

Аннотация. В рамках данной публикации с опорой на основные положения лингвистической прагматики анализируются отдельные аспекты, связанные с расплывчатостью семантики лексических единиц в языке современных юридических текстов. Выявляются проблемы терминологического характера, имеющие непосредственное отношение к размытости и неопределенности в системе языка в целом, исследуются примеры расплывчатой семантики, порождающей неоднозначность интерпретации в контексте юридических текстов. Обсуждение указанной проблемы, в свою очередь, затрагивает такие явления, изучаемые в лингвистической прагматике, как 1) взаимоотношение между юридическими текстами и контекстуальным параметром; 2) контекстуальные значения языковых форм и способы устранения их неоднозначности. В публикации анализируются отдельные аспекты семантической неоднозначности, которые последовательно обнаруживаются в современном юридическом языке, освещаются проблемы терминологического характера, связанные с размытостью и неопределенностью в языке вообще, предлагается корпус примеров, иллюстрирующий отношения неоднозначности в юридическом контексте. В обсуждении актуальных вопросов функционирования языка в современном юридическом тексте акцент делается прежде всего на том, как лингвистическая форма приобретает контекстуальное значение и последующую однозначную интерпретацию со стороны правоведов.

Ключевые слова: юридический текст, современный юридический язык, лингвистическая прагматика, семантическая размытость / однозначность, контекст, значение, интерпретация контекстуального значения.

**SEMANTIC INDETERMINACY PHENOMENON IN THE LEGAL TEXT:
CONTEXT, PRAGMATICS, INTERPRETATION**

© 2018

Neustroev Kyrill Sergeevich, candidate of philological science,
doctoral degree seeker of the general linguistics department
Adyghe State University

(385000, Россия, Майкоп, Первомайская стр., 208, e-mail: linguotutor@gmail.com)

Abstract. Within this publication, based on the main provisions of linguistic pragmatics we analyze the specific aspects related to the semantic vagueness of the lexical units in the language of contemporary legal texts. The problems of terminology that is directly related to fuzziness and uncertainty in the language system as a whole are revealed, the examples of vague semantics that give rise to ambiguity of interpretation in the context of legal texts are examined. The discussion of this problem, in turn, affects such phenomena which are studied in linguistic pragmatics as 1) the relationship between legal texts and contextual settings; 2) the linguistic form contextual meaning and ways of eliminating their ambiguity. The article analyzes some aspects of semantic ambiguity, which is consistently found in the contemporary legal language, highlights the problems of the terminology related to the vagueness and ambiguity in language in general. We offer the case examples to illustrate the relationship of ambiguity in the legal context. In the discussion of the actual issues relating to functioning of language in the contemporary legal text, the focus is primarily on how a linguistic form takes on contextual meaning and the subsequent unambiguous interpretation on the part of the jurists.

Keywords: legal text, contemporary legal language, linguistic pragmatics, semantic fuzziness / unambiguity, context, meaning, contextual meaning interpretation.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Феномен семантической неопределенности и размытости активно обсуждается в текущей научной литературе с учетом междисциплинарного подхода к исследуемым явлениям, в том числе, в философии языка и теоретической лингвистике. Данное понятие – один из центральных проблемных узлов в философии права и юридической лингвистике.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. В самом широком смысле семантическая размытость понимается как проявление модальных значений, грамматическая категория, которая модифицирует значения языковых выражений, формирующая своеобразный контраст однозначности [1, с. 140; 2, с. 130; 3, с. 51]. Неопределенность предполагает неясную, недостаточно определенную референцию, однозначность характеризуется в терминах множественной референции. Это понятие также дефинируется как частный случай «неполного определения», который влечет за собой неточную семантику предиката. Исходя из философской перспективы, он осмысливается либо как «эпистемический феномен», либо как проблема семантического плана. В аспекте истинности / ложности суждений неопределенность соответствует «случаям неясности», сталкиваясь с которыми пользо-

ватели языка неспособны определить семантическое содержание языковых выражений.

Р. Кемпсон предлагает детализованную категоризацию неопределенности, с учетом языкового воплощения выделяет следующие ее типы:

- 1) референциальная неопределенность;
- 2) неопределенность значения;
- 3) отсутствие семантической конкретизации;
- 4) дизъюнкция семантической конкретизации [4, p. 124f].

Выдвигается мнение, согласно которому семантическая размытость является имманентной характеристикой выражений, не обладающих – вне зависимости от контекста своего употребления – четкими референциальными границами [5, с. 130; 6, с. 186; 7, с. 150]. В качестве частного случая семантической неоднозначности признается полисемия [8, с. 70; 9, с. 120]. Предпринимаются попытки разграничить семантические и прагматические типы неопределенности с опорой на такое понятие, как непрямая коммуникация [10, с. 127; 11, с. 63]. Вместе с тем, подобные теории, несмотря на признание контекстуальной интерпретации значения, на практике оказываются несостоятельными в плане разрешения неопределенности в специфических коммуникативных ситуациях и с учетом контекстуального параметра.

В разнообразных теоретических концепциях фиксируется тотальность проявления семантической неопределенности в языке. Однако тот факт, что все лингви-

стические выражения являются естественным образом семантически неполными, требуют контекста для однозначной интерпретации, недооценивается лингвистами. Иллюзия того, что значение является фактором, независимым от контекста, само по себе предстает автономным при текстуальном воплощении, широко признается в плане юридического языка и других специализированных языков. В этой связи отметим, что законодатели, чаще, чем лингвисты, представляют юридический язык как домен, который не гарантирует успешной интерпретации сообщения, поскольку язык обретает свою действительность лишь в контексте, т.е. не поддается полному контролю со стороны говорящего субъекта.

В пространстве языка законодательства и нормативных актов неопределенность порождает существенные проблемные следствия. Прежде всего оспаривается тот факт, что лингвисты могут выступать в качестве экспертов юридического языка, система которого находится вне компетенции лингвистического научного сообщества. Законодатели выдвигают точку зрения, согласно которой юридические документы и лингвистика предлагают несходные критерии анализа; юриспруденция регулирует правовые отношения по возможности в самом широком социологическом контексте, лингвистика, напротив, действует в рамках разрабатываемых ею же концепций, а представители этой науки едва ли выходят за рамки этих концепций. В данной связи К. Хуттон настоятельно указывает, что лингвисты не являются профессиональными экспертами в сфере юридического языка, их профессиональные стандарты и знания, по сути дела, ограничиваются рамками языкознания» [12, p. 295].

К.С. Кулвер выражает мнение, согласно которому неудивительно, что законодательства часто характеризуются семантической неопределенностью и размытостью. Подобное явление имеет место в силу ряда причин, в частности, вследствие того, что представители профессиональных сообществ придерживаются, как правило, противоположных ожиданий, интерпретируя неопределенность в законодательствах и нормативных актах. Широко признается, что законодательства создаются с опорой на четкий и эксплицитно выражаемый язык, обеспечивающий однозначные значения, а поэтому успешно регулирующий поведение представителей общества. Практики в сфере законодательства часто полагают, что неопределенность является сущностной характеристикой юридических текстов: естественный язык исходно является открытой текстурированной системой, а юридический специализированный язык неизбежно наследует данную характеристику [13, p. 127].

Неопределенность, другими словами, не оказывает негативного влияния на юридический язык, который автономно поддерживает свою семантическую стабильность и целостность, когда в него вводятся неопределенные понятия, выражения и термины.

Формирование целей статьи (постановка задания). Цель публикации заключается в том, чтобы проследить интерпретационные особенности семантической неопределенности и размытости в юридическом тексте с опорой на контекстуальный параметр, выявить прагматические характеристики данного типа текста, предопределяющие семантическую неоднозначность отдельных его сегментов, что, в свою очередь, создает основу для множественной интерпретации всего текста.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Теоретики-законодатели указывают, что неопределенность дает возможность судьям применять закон наиболее эффективным способом, та или иная степень обобщения предстает необходимой в процессе создания проектов законодательств (более подробно см. [14, с. 54-59]). Подобные методологические позиции подчеркивают тот факт, что семантика законодательства едва ли может быть однозначно сведена к значению составляющих его языковых выражений, поскольку юридический язык

задает стереотипные поведенческие стандарты, которые, по своей сути, являются экстралингвистическими, социальными, антропологическими.

Понятие о неопределенности в юридическом тексте вступает в конфликт с теми представлениями, что пропозиции данного текста могут характеризоваться как бивалентные, т.е. правоведа всегда обладают достаточными средствами для релевантного понимания пропозиций, выраженных в тексте, применить их как действенные для конкретной ситуации. В отдельных случаях именно за представителями правового профессионального сообщества закрепляется первенство определять и интерпретировать расплывчатые понятия и неоднозначные пропозиции, характерные для юридических текстов. В частности, семантическое содержание таких понятий, как «безопасная скорость вождения транспортного средства», «разумная осмотрительность» определяется именно правоведами (более подробно см. [15]).

С учетом подобных воззрений семантика выражений и вырабатываемых правовых операционных ценностей не предстает такой уж размытой и неопределенной в рамках юридических текстов, а, напротив, «достаточно измеримой», прозрачной. В частности, семантика понятия «безопасная скорость вождения транспортного средства» во многом определяется такими факторами, как погодные условия, время суток, разновидность дороги и т.д. При необходимости правоведа, проявляя свою компетенцию, применяют те или иные нормативные акты для интерпретации событий в определенных контекстах. Следует отметить, что семантика подобных выражений проявляет чувствительность к контекстуальному параметру, предопределяется контекстом своего употребления. Так, в выражении «неосторожное вождение транспортного средства» определение «неосторожное» трактуется именно в юридическом смысле, как сегмент правового домена и не может быть идентифицирован в терминах наивной языковой картины мира.

В аналогичном ключе утверждается, что определенные языковые выражения, особенно обладающие эпистемическим характером, могут различаться по своей семантике в зависимости от контекста употребления. Так, в лингвофилософских изысканиях нередко звучит мысль о том, что для того или иного регистра общения предполагается определенный эпистемический стандарт [16, p. 121; 17, p. 530-532]. Очевидно, что суждения, иницируемые в рамках правового контекста, требуют более высокой степени обоснования, чем в повседневном взаимодействии собеседников. Данный факт, в свою очередь, является интегральной частью контекстуально знания при использовании языка в правовом домене.

Язык юридических текстов репрезентирует внешний мир через призму нормативных категорий, что позволяет применять законодательную базу к тем или иным фактам, событиям и явлениям. В результате подобной категоризации большинство типов расплывчатости, неопределенности в рамках юридического текста могут быть идентифицированы как случаи однозначности, поскольку нормативные выражения, особенно определения и категории, соотносятся с определенными законодательными институтами, а не «несанкционированные» свободные значения. В юридическом контексте интерпретация языковых форм, фактически, представляет собой процесс «стыковки» этих форм с определенными юридическими типологиями и категориями. Например, признание того, что некоторое действие является частным случаем воровства, классифицируется как кража или определение того, что данная форма поведения предстает случаем нарушения контракта.

Представляется, что не без причины теоретики-юристы трактуют случаи явной языковой размытости, неопределенности в терминах двусмысленности. В частности, Л.М. Солан анализирует такие случаи «пагубной двусмысленности», как термины «*reasonably intelligent judge /достаточно разумный судья*», «*reasonable doubt*

/ обоснованное сомнение» [18, р. 861]. Превалирование юридического начала над чисто лингвистическим не является чем-то исключительным, беспрецедентным.

В целях поддержания подобных взглядов Л.М. Солан приводит далее в своем исследовании цитату одного судьи о различии в интерпретации значений языковых единиц: «Когда многочисленные суды не выражают согласия относительно языковых значений, сам язык не может быть охарактеризован как обладающий простыми значениями. Более того, язык неоднозначен, одни и те же выражения могут быть восприняты по-разному, одна возможная интерпретация при пристальном анализе может оказаться более релевантной для данного суда» [18, р. 876]. Данная цитата подчеркивает тяжесть бремени юридических классификаций. Безграничное множество «социально внедренных значений» формирует пограничные случаи, в которых возникает трудность в «стыковке» рассматриваемых ситуаций и соответствующих юридических категорий.

По-всей видимости, проблема расплывчатости, неоднозначности в юриспруденции создает условия для языковой относительности особого типа: восприятие языка юристами, предполагающее соответствующий контекст, является ограниченным, поскольку сам язык в этом случае перерабатывается сквозь призму юридической системы.

Язык юридических текстов иллюстрируется многочисленными случаями неоднозначности и расплывчатости в силу целого ряда причин. Законодательные и нормативные акты могут быть неотчетливо отрегулированы, а поэтому их интерпретация оказывается неуспешной. Выражения типа «*on the day / в тот день*» обычно трактуются как двусмысленные, уклончивые, поскольку в юридическом контексте не так уж легко определить отражает ли лексема «*day / день*» дневное время суток или сами сутки. Неопределенность, двусмысленность в юридическом тексте может быть идентифицирована как обладающая намеренным характером, такие термины, как «*vehicle / подвижное средство*», «*fault / проступок*», «*freedom / свобода*» являются не вполне определенными и могут потребовать более точной дефиниции.

Другие типы размытости и двусмысленности включают в себя суждения более высшего порядка, что также предполагает их дальнейшее уточнение и детализацию. В целом, можно говорить о том, что размытость, неоднозначность в юридическом контексте производит нежелательные эффекты, но в то же время может функционировать как намеренная, желательная. В крайних, «негативных» случаях неопределенность на уровне языка ведет к нарушению принципа двусмысленности, могут создаваться ситуации, в которых законодательные документы могут рассматриваться как релевантные / нерелевантные для трактовки той или иной ситуации.

Неоднозначным характером отличается функционирование модальных глаголов в юридических текстах, в частности, глагола *shall*. В юридическом контексте данный глагол, как правило, используется в качестве средства выражения жесткого императива, сохраняет в своей семантике этимологически исходный аспект деонтической модальности (ср. квантитативный анализ, проведенный А. Тросборгом [19]).

Вместе с тем, подобное «прочтение» указанного модального глагола выявляют специалисты, обладающие определенной компетенцией в юридическом языке. Для не юристов подобное деонтическое использование глагола *shall* не является прозрачным и последовательным, этот глагол трактуется преимущественно как показатель будущего неопределенного времени, а не как выражение побуждения. В результате деонтическое использование вспомогательного глагола *shall* не только не рекомендуется, но и критикуется юристами-теоретиками.

В языке юридических текстов широко задействуется терминология, которая, как мы указали выше, предстает неоднозначной, расплывчатой. В частности, к данному Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

терминологическому пласту относятся лексемы и выражения, которые обозначают неопределенные абстрактные стандарты и выражения с абстрактными существительными. Ср.:

reasonable limits / doubts / разумные пределы / сомнения;

due process / diligence / care / надлежащая правовая процедура / исполнительность / внимательность;

cruel and unusual punishment / жестокое и необычное наказание;

satisfactory conditions / удовлетворительные условия; reckless driving / безупречное вождение автомобиля; safe distance / speed / безопасная дистанция / скорость;

relevant measures / уместные меры;

freedom of speech / свобода слова;

dangerous weapon / опасное оружие.

Очевидно, что проблема заключается в интерпретации и, возможно, применении надлежащих юридических конвенций при определении того, совершено ли действие «с должной внимательностью» («*with due care*»), придерживался ли водитель «безопасной скорости» («*safe speed*») и «безопасной дистанции» («*safe distance*») и т.д. Не менее очевидным предстает и то, что многочисленные случаи неопределенности и размытости предопределяются тем, что юридические выражения должны охватить многочисленные непредсказуемые ситуации: термины базируются преимущественно на фокусных точках референции, что исключает возможность выработки исчерпывающе точных их дефиниций.

Проблема, связанная с подобной семантической размытостью и неоднозначностью, еще не решена юристами-теоретиками. Вот как, например, анализирует выражение «*due process / надлежащая правовая процедура*» Р.М. Тиерсма: «Надлежащая правовая процедура ... – это техническое понятие с нефиксированным семантическим содержанием, не выявляющее определенную соотносительность с временем, местом и обстоятельством, не имеющее такую процедурную защиту, которую требует определенная ситуация» [20, р. 132]. Теоретик делает акцент на том, что контекстуальная зависимость значений таких терминов, как «*due / надлежащий*», «*reasonable / допустимый, целесообразный*» позволяет подвести под них самые разнообразные ситуации. Отметим негативный потенциал неоднозначности в юридическом тексте, который создает контекстуальные условия для двух конфликтующих между собой интерпретаций одного и того же нормативного правила. Подобная семантическая расплывчатость недопустима особенно в уголовном праве, в рамках которого разрешаемые и запрещаемые законом действия должны быть однозначно и последовательно дефинированы.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Реальные и потенциальные расхождения между повседневым пониманием языка и его специализированным юридическим использованием проливают свет на проблему, связанную с тем, как значение извлекается или конструируется в определенных контекстах. В многочисленных прагматических теориях утверждается, что понимание речевого сообщения предполагает как декодирование значения, так и вывод умозаключения относительно потенциального значения или смысла. Данное теоретическое положение оказывается актуальным в процессе интерпретации контекста функционирования юридического языка. То, что носители языка понимают в качестве кода, теоретически должно представляться как «данное», т.е. иметь эксплицитную форму выражения, другой сегмент семантического содержания является подразумеваемым, выводимым из контекста (знаний о внешнем мире, ожиданий, имеющегося языкового опыта).

Юридический язык преимущественно обладает относительным характером, в результате восприятия и интерпретация семантической расплывчатости, неодно-

значности также предполагает относительность в аспекте языкового опыта правоведа-профессионала. Те или иные выражения рассматриваются как расплывчатые одними юристами и одновременно как однозначные, точные – другими юристами. Юристы, фактически, задействуют герменевтический код, который не всегда доступен представителям социума, не имеющим специальной юридической подготовки.

Семантическая расплывчатость, следовательно, может быть дифференцирована на экзотерический и эзотерический типы, т.е. предназначенная для профессионалом и непрофессионалов. В отдельных случаях семантическая неопределенность не воспринимается юристами как таковая, трактуется как явная однозначность. Проблема расплывчатости, неоднозначности фиксируется прежде всего на уровне языковых форм, но разрешается на более широком уровне, в рамках юридического текста. При этом традиции и конвенции, характерные для вполне определенной системы юридических текстов, дают правоведам возможность сообщать больше семантического содержания, нежели это закреплено за специализированными языковыми выражениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Голев Н.Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 138-148.
2. Желонкина Т.П. Некоторые языковые особенности юридических текстов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 4. С. 128-134.
3. Рябова А.Ю. Правовое понятие «мошенничество на рынке ценных бумаг»: семантическая размытость // Юрислингвистика. 2012. № 1(12). С. 50-54.
4. Kempson R. *Semantic Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 287 p.
5. Власова Л.В. Семантическая диффузия, семантическая неопределенность: определение понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 2. С. 128-132.
6. Семина И.А. Широкозначность и семантическая неопределенность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 185-190.
7. Гаврилова Г.Ф. Предложение и текст: системность и функциональность. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2015. 412 с.
8. Селифонова Е.Д. Современные концепции полисемии и моносемии // Лингвистический вестник. Брянск: Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, 2006. С. 69-74.
9. Трегубов А.Н. Полисемия с позиций этносемантики // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 10-6. С. 119-124.
10. Нестерова Т.В. «Homo Ludens» в непрямо коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-2(71). С. 126-131.
11. Филиппова М.М. Непрямая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса // Филологические науки. 2007. № 1. С. 60-69.
12. Hutton C. *Law Lessons for Linguistics? Accountability and Acts of Professional Classification // International Linguistics: A First Reader*. Oxford: Pergamon, 1988. P. 294-304.
13. Culver K.C. *Varieties of Vagueness // University of Toronto Law Journal*. 2004. № 54.1. P. 109-127.
14. Пантелеева Т.Ю. Язык законодательства, его лексические реалии. Краснодар: КрУ МВД, 2008. 143 с.
15. Пантелеева Т.Ю. Языковая личность юриста в юридическом дискурсе: лингвокогнитивный аспект репрезентации правосознания // Вестник Пятигорского государственного университета. 2016. № 1. С. 149-152.
16. Endicott N.F. *Vagueness in Law*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 298 p.
17. Fredsted E. *On Semantic and Pragmatic Ambiguity // Journal of Pragmatics*. 1998. № 30. P. 527-541.

18. Solan L.M. *Pernicious Ambiguity in Contracts and Statues // Chicago-Kent Law Review*. 2004. Vol. 9. № 3. P. 859-888.

19. Trosborg A. *Statutes and Contracts: An Analysis of Legal Speech Acts in the English Language of the Law // Journal of Pragmatics*. 1995. № 23. P. 31-53.

20. Tiersma P.M. *Legal Language*. Chicago: The University of Chicago Press, 1999. 305 p.

Статья поступила в редакцию 17.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

СОМАТИЗМ «ГОЛОВА» В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА АРАБОВ

© 2018

Омаров Артур Абдулагаджиевич, кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой арабского языка*Дагестанский государственный университет**(367026, Россия, Махачкала, проспект Имама Шамиля, 16, e-mail: arturorient@mail.ru)*

Аннотация. Материалы арабского литературного языка редко привлекаются к антропоцентрическим изысканиям, которые наиболее актуальны в современном языкознании, особенно когда речь идет об этническом компоненте в семантике языковых единиц. Предметом проведенного нами исследования послужило фразеологическое пространство соматизма «голова» в арабском литературном языке, что является одним из основных культурно-носных аспектов фразеологии, ибо умственные потенции наряду с трудом являют собой главное, что отличает homo sapiens от остального мира. Целью исследования явилось определение и описание лингвокультурологических и этнических параметров концептуализации наивной картины мира арабов, номинированной корпусом фразеологизмов с компонентом «голова». Материалом анализа послужили устойчивые сочетания слов, извлеченные из лексикографических источников арабского языка. Метод исследования – описание внутренней формы фразеологизмов на основе композиционной семантики, согласно которой единение смыслов порождает новый смысл. При этом фразеологическое значение извлекается с опорой на прототипическую ситуацию. Основные результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что арабы воспринимают окружающий мир иначе, чем, например, носители русского языка. Об этом свидетельствуют ментальные фоновые корреляты, отражающиеся в дословном переводе арабского фразеологизма и русского переводного эквивалента. Результаты проведенного исследования будут полезны при разработке курсов лекций по таким дисциплинам, как «Межкультурная коммуникация», «Лексикология арабского языка», «Стилистика арабского языка» и, в целом, в процессе обучения арабскому языку.

Ключевые слова: соматизм, фразеологизм, композиционная семантика, смысловая транспозиция, прототипическая ситуация, концептуализация, этническое сознание, вербализация.

SOMATISM «HEAD» IN CONCEPTUALIZATION OF A NAIVE VIEW
OF THE WORLD OF THE ARABS

© 2018

Omarov Artur Abdulagadzhevich, head of department, PhD of the Arabic language*Dagestan State University**(367026, Russia, Makhachkala, I. Shamil ave., 16, e-mail: arturorient@mail.ru)*

Abstract. The materials of the Arabic literary language are seldom involved in anthropocentric research which are more actual in modern linguistics especially when they say about ethnic component in semantics of the language units. We consider phraseological space of somatism “head” in the Arabic literary language. It is one of the cultural aspects of phraseology as intellectual abilities and labour are the main things that characterized homo sapiens. The purpose of the research is the description and the definition of the linguocultural and ethnic parameters of a naive view of the world of the Arabs nominated by the corpus of idioms with the component “head”. The idioms taken from the lexicographical sources of the Arabic language have been served as the material for analysis. The method of the research is the description of the idioms on the basis of compositional semantics according to which the unity of the meanings makes the new meaning. The main results of this research show that the Arabs see the world differently than for example Russian people do. Mental background correlates shown in a verbal translation of the Arabic idiom and Russian equivalent say about it. The results of the research will be useful in developing of the courses of lectures on such disciplines as “Intercultural communication”, “Lexicology of the Arabic language”, “Stylistics of the Arabic language” and generally in teaching Arabic.

Keywords: somatism, phraseological unit, compositional semantics, conceptualization, verbalization, ethnic consciousness, prototypical situation.

Антропоцентрическая парадигма, получившая признание в отечественном языкознании с конца 70-х годов прошлого столетия [1], стала ведущим направлением современной лингвистики [2-9 и др.]. Однако утверждение о том, что «в своем главном лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке» [10] реализуется преимущественно в романо-германском и русском языкознании.

Тезис о том, что язык проявляется в человеке и человек в языке [11] иллюстрирован также в этимологических изысканиях на уровне поморфемной реконструкции исторической памяти слова в индоевропейском языке [12], на уровне образования лексемы в арабском языке [13], на фразеологическом материале арабского языка [14].

Соматическая фразеология арабского языка исследуется единично [15, 16]. Недостаток последних работ, несмотря на глубину проведенного в них анализа – их фрагментарность, т. е. в них исследуется отдельные соматизмы.

Корпус соматической фразеологии в целом к изучению картины мира арабского этноса не привлекался. И это несмотря на ее известную культурноносность, особенно, когда речь идет об этническом компоненте в семантике языковых единиц.

В свете возрастающего интереса к антропоцентри-

ческим изысканиям в лингвистике представляется актуальным обращение к материалу одного из самых распространенных языков, коим является арабский. В настоящей статье излагаются основные результаты анализа концептуализации наивной картины мира арабов, вербализованной во фразеологическом пространстве соматизма «голова».

Сплошная выборка из лексикографической литературы арабского языка позволила вычленив 54 фразеологические единицы с компонентом «голова». Онтология денотата «голова» во фразеологическом пространстве реализовалась в теме «разум» – свойство, метонимически перенесенное с мозга на голову в целом. Причем в структуре трех фразеологизмов семема голова концептуализирована как «емкость, контейнер» в котором находится ум. В случае, когда необходимо кого-либо вернуть на правильный путь, образумить, ему в голову возвращают ум, ср.: *سار ىل! لقع داغ* – «образумить кого-либо» [17: 529], букв. «вернуть ум в голову».

В арабском этносе ум может и не «возвращаться в голову», т. е., в сознании арабов уму придается свойства живого организма, ср.: *لقع سار ىف دع ى مل* – «ум за разум зашел» [18: 483], букв. «не возвратился в его голову ум».

Араб, «уходящий со своей головой», воспринимается как человек, сошедший с ума, ср.: *سار ب بهذ* – «сойти с ума» [18: 487], букв. «ушел со своей головой».

Если араб сильно задумывается о чем-либо, то он метафорически «раскалывает себе голову», ср.: *سار عذص* – «ломать голову (над чем-либо)» [17: 432], букв. «раскалывать, рассекал голову о что-либо».

Таким образом транспозиция головы в ум, свойство мозга, имеет место посредством метафорических «прихода, ухода, возвращения» ума в свое якобы вместилище. Процесс размышления, обдумывания воспринимается как метафорическое раскалывание головы о предмет раздумий.

Функциональная патология головы – боль, концептуализирована по онтологическому свойству этого органа, т. е. голова метафорически кружится. При этом человек не отличает голову от ног, ср.: *سار فرعي ال* – «голова кружится» [18: 120], букв. «он не различает голову от ног», либо голова метафорически ходит кругами, кружится, ср.: *راد سار* – «голова пошла кругом» [18: 120], букв. «закружилась его голова».

Головная боль воспринимается как пассивная, т. е. голова сама не болит, боль виртуально раскалывает ее, ср.: *اسار غادصل قلف* – «у нее голова раскалывается от боли» [17: 609], бук. «головная боль расколола ее голову».

В структуре трех фразеологизмов голова по метафоре выступает в функции начала. Это может быть метафорическая «голова года» (т. е. начало года) с транспозицией в соответствующий праздник, ср.: *سنسار* «Новый год» [17: 280], букв. «голова года».

Инвариантное «голова → начало» конкретизируется в синтагмах *سار نزل* – «начало века» [17: 280], букв. «голова века» и *سار يرمدل رشل* – «новолуние» [17: 280], букв. «голова лунного месяца».

Исторически сложилось так, что самое большое наказание за преступление это – обезглавливание. Эта ментальная сущность в арабском этносе воспринимается как в прямом смысле – отрезать голову, ср.: *سارل عطق* – «обезглавить» [17: 647], букв. «отрезать голову», так и метафорически – заставить голову летать, ср.: *سار ريط* – «обезглавить» [17: 488], букв. «заставить полететь голову».

В морфологии четырех фразеологизмов семема «голова» приобретает статус термина:

- 1) математического – «голова → вершина угла», ср.: *سار فيوازلا* – *мат.* «вершина угла» [17: 280], букв. «голова угла»;
- 2) астрономического, ср.: *سارل تمس* – *астрон.* «направление головы»;
- 3) военного дела, ср.: *رسارل سار* – *воен.* 1) «предмостное укрепление»; 2) «плацдарм» [17: 280], букв. «голова моста»;
- 4) архитектурного, ср.: *سارل سار* – «капитель» [17: 280], букв. «голова колонны».

В редких случаях «голова-термин» переходит в область общеразговорного лексического фонда арабского языка, ср.: *سارل سار* – «лестничная площадка» [17: 280], букв. «голова лестницы».

В приведенных примерах смысловые транспозиции семемы голова имеют место по метафоре «голова → верх» и в одном случае – «голова → начало», ср.: *سارل سار* – *воен.* 1) «предмостное укрепление»; 2) «плацдарм» [17: 280], букв. «голова моста».

Возрастные особенности человека могут ассоциироваться не собственно с человеком, а цветом волос на голове. При этом имеет место единение метонимии «голова → волосы» и метафоры «загорелась». В данном конкретном случае голова «загорается сединой», ср.: *سارل عتشلا* – «поседеть» [17: 407], букв. «загорелась его голова сединой».

Во втором случае «седины покрывает голову», ср.: *سارل سارل لال* – букв. «седины покрывала его голову» [17: 132], т. е. «он состарился».

Если араб занят чем-либо, то степень его занятости может определяться по вертикали «до головы», ср.: *سارل فتق لوعشلم* – «хлопот полон рот» [18: 501], букв.

«занят до верхушки головы» или *سارل دحل لوغشم* – «занятый по горло» [17: 409], букв. «занятый до головы». Таким образом голова выступает мерилем занятости.

Араб, замученный заботами, хватается обеими ладонями за голову, ср.: *سارل حارب سارل لفسم* – «хвататься за голову» [18: 133], букв. «брать, держать хватать голову обеими ладонями».

Локализация ума в голове выступает показателем самостоятельности человека, ср.: *سارل ف هل قلع لاكل* – «вольному воля» [18: 88], букв. «у каждого есть ум, разум в голове»; *سارل ف مب رلفنا لقع لسارل ف* – «у меня своя голова на плечах» [18: 122], букв. «в моей голове есть ум, которым я размышляю».

Если араб метафорически кладет что-либо в голову, то это – признак сохранности в памяти, ср.: *سارل عضو* – «мотать на ус» [18: 489], букв. «положить в голову». И, наоборот, утрата мнемонических потенций концептуализируется метафорическим «вылетом из головы», ср.: *سارل نم راط* – «вылетать из головы» [18: 135], букв. «вылетело из головы».

Слабость вестибулярного аппарата, которая реализуется как «кружение» головы человека, явилась прототипической основой концептуализации обмана, что соотносится с семантикой русского фразеологизма «вскружить голову», ср.: *سارل رادا* – «вскружить голову» [18: 126], букв. «вращать, крутить голову». Эта же ментальная сущность отложилась в этническом сознании арабов как «шутить с головой», ср.: *سارل بعل* – «заговаривать зубы» [18: 205], букв. «шутить, играть с головой».

Прототипическое телодвижение опущения головы как знака покорности вербализовано сочетанием слов, номинирующих эту ситуацию. Причем данные фразеологизмы являются вариантами концептуализации одной и той же ментальной сущности «покорность», ср.: *سارل عطاطم* – «с опущенной головой» [17: 466], букв. «наклонивший голову».

Один и тот же сценарий опущения головы может быть вариативно вербализован знаком, который концептуализирует «проявление чувства стыда», ср.: *سارل كتم* – букв. «с опущенной головой» [17: 280], т. е. «с поникшей головой (от стыда)»; *سارل قورطم* – букв. «с опущенной головой» [17: 280], т. е. «с поникшей головой (от стыда)».

Чувство страха также передается через вербальное оформление знаков *body language*, ср.: *سارل رعش فقو* – «волосы стали дыбом» [18: 86], букв. «встали волосы его головы»; *سارل رعش بقى* – «волосы у меня стали дыбом» [17: 617], букв. «поднялись волосы моей головы».

Готовность сделать что-либо с удовольствием, покорностью концептуализируется как «на голове» или «на голове и глазах», ср.: *سارل يدع* – «с удовольствием!» [17: 280], букв. «на моей голове» или *سارل يدع و سارل لعي* – «с удовольствием!» [20: 1534], букв. «на голове и глазах».

Кроме рассмотренных выше фразеологизмов, объединенных отдельными темами, которые представлены от двух до пяти фразеологизмов, семема *سار* «голова» является компонентом единичных фразеологических единиц, относящихся к разным рубрикам тезауруса. Эти устойчивые сочетания слов не менее культурноносны, чем фразеологизмы, объединенные общностью той или иной темы.

Так, проявление уважения в представлении арабов номинируется как положить кого-либо на свою голову, ср.: *سارل يدع هعضو* – «оказать уважение ком-либо» [17: 280], букв. «положить его на его голову».

Ситуация обмена «баш на баш» в арабской этничности воспринимается как «головой к голове», ср.: *سارل سارل* – 1) «так на так, баш на баш, без придачи (об обмене)»; 2) *спорт.* «голова в голову» [17: 280], букв. «головой к голове».

Араб, уверенный в себе, ходит с поднятой головой, что является знаком телодвижения, концептуализирующим эту ментальную сущность, ср.: *سارل عفر* – «под-

нимать голову» [18: 130], букв. «он поднял свою голову». Однако следует отметить, что этот же знак телодвижения ассоциируется и с гордостью, ср.: سارلأ غوفرم – букв. «с поднятой головой» [18: 280], т. е. «уверенно, гордо, с поднятой головой».

Сильное удивление араба проявляется в том, что кровь метафорически «бросается» ему в голову, ср.: سار إلهءمءلأ تدعاصت – «кровь бросилась в голову» [18: 250], букв. «кровь поднялась в голову».

Родина для араба представляется местом, где падает его голова, ср.: سارلأ طقسءم – «родина» [17: 362], букв. «место падения головы».

Человек, отличающийся от общепринятых параметров, т. е. «белая ворона», в арабской этничности воспринимается в образе человека с пером на голове, ср.: قشءير سارلأ عءل ع – «белая ворона» [18: 92], букв. «на голове его перо».

Нежелание «прятать голову в песок» (прототипической базой данного выражения явилось представление о том, что при опасности страус прячет голову в песок) в арабском языке семантически транспонировалось в «смотреть правде в глаза», ср.: لءمءرلأ ءف سارلأ ءفءءء ال – «смотреть правде в глаза» [18: 371], букв. «он не прячет свою голову в песок».

Соматизм سار «голова» является также ситуативным репрезентантом публичности. В подобных случаях голова «высится» над публикой, ср.: الءمءلأ سوؤر عءل ع – «открыто, публично» [17: 280], букв. «на головах общества, публики, людей».

Публичность, концептуализированная фразеологизмом с компонентом سار «голова» может реализоваться как «пробывание на головах свидетелей», ср.: سوؤر عءل ع – «при свидетелях; на виду у всех; во всеулышание; открыто» [17: 280], букв. «на головах свидетелей».

Араб, который становится на цыпочки, встает на «голове» своих пальцев, ср.: ءعءبءصاء سوؤر عءل ع فقءو – «стать на цыпочки» [17: 906], букв. «встать на головы своих пальцев».

Беспорядок представляется для араба как ситуация «головой на пятке», ср.: 1) بقق عءل ع اسار – «вверх ногами, вверх тормашками; «вверх дном»; 2) «шиворот-навыворот» [19: 280], букв. «головой на пятке».

У араба, который «клюет носом», голова «падает» на грудь, ср.: ءءءصاء لع سار طقس – «клевать носом» [18: 323], букв. «упала его голова на его грудь».

Если носитель арабского языка оказывается в беде, то внешним признаком этой ситуации выступает «буря», которая кружится над его головой, ср.: فقءصاء عءل ع ءءرءكءء – «над его головой сгустились тучи» [18: 703], букв. «закружилась буря над его головой».

Неожиданность является арабу в образе метафорического смертельного удара по голове, ср.: سارلأ عءل ع ءوءء – «ударить как обухом по голове» [18: 330], букв. «упал, свалился на его голову как смертельный удар».

Наказание в понимании араба это – разбивание головы вдребезги, ср.: سارلأ رسءك – «снять голову» [18: 132], букв. «разбить вдребезги голову».

Целостность в арабской этничности представляется как «с ног до головы», ср.: ءءقءلأ عءل ع سارلأ نم – «с ног до головы» [18: 135], букв. «от головы до ступни, ноги».

Во главе чего-либо оказывается тот араб, который находится на голове, ср.: سارلأ عءل ع – «во главе...» [17: 280], букв. «на голове...».

Капитал концептуализирован как «голова богатства», ср.: لءمءلأ سار – «капитал» [17: 280], букв. «голова богатства».

Угорь на лице для носителя арабского языка представляется как «черная голова», ср.: ءوسأ سار – «угорь (на лице)» [17: 280], букв. «черная голова».

Проведенный нами анализ показал, что абсолютное большинство фразеологических единиц с компонентом سار «голова» соотносимы с морально-этическими или ментальными особенностями человека. Посредством

соматизма سار «голова» номинируются даже казалось бы онтологически не свойственные данному денотату ментальные сущности как страх, стыд, уважение, забота, обман, необычность, родина, покорность, капитал, исполнительность, уверенность.

Почти все фразеологизмы, репрезентирующие морально-этические устои арабов, являются вербализацией концептов, кодифицированных средствами body language.

Уже на уровне ментального сравнения лингвокультурологии арабских и даргинских фразеологизмов с компонентом سار «голова» обнаруживается существенное различие в концептуализации объективной реальности в арабском и даргинском социумах. Реже встречаются случаи одинаковой репрезентации морально-этических реалий.

Так, например, образ опущенной головы и в арабском, и в даргинском этносах воспринимается одинаково – знак телодвижения, свидетельствующий о стыде.

Это первичное ментальное сопоставление концептуализаций экстралингвистической реальности посредством соматической фразеологии требует специального исследования, чему и будет посвящена наша дальнейшая работа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977. 352 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров К.Г. Дом быта языка. В поисках путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. – М., 2000.
3. Вежибицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001. 392 с.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999. 896 с.
5. Апресян Ю.Д. Образ человека: попытка системного описания // Вопросы языкознания. № 1. – М., 1995. – С. 37–67.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2007. 194 с.
7. Тер-Минасова С.Т. Язык и межкультурная коммуникация. – М. 2004. 350 с.
8. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. – М., 2008. 315 с.
9. Алпатов В.М. Мировая лингвистика XX века и национальная лингвистика // Вопросы филологии. № 3 (9). – М. 2001. – С. 16–24.
10. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства). – М., 1985. 335 с.
11. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. 400 с.
12. Абдуллаев И.Ш., Гаджиалиева М.Г. Картина мира древних народов Вып. I. Фрагменты концептуальной картины мира индоевропейцев и древних арабов. – Махачкала, 2016. 62 с.
13. Гаджиалиева М.Г., Абдуллаев И.Ш. Экспликация формальной и семантической структуры слова в арабском языке // Актуальные проблемы арабской филологии и методики преподавания арабского языка: Материалы V Международной научно-практической конференции. – Грозный, 2017. – С. 134–140.
14. Кухарева Е.В. Словарь арабских пословиц и поговорок (с лексико-фразеологическими комментариями). – М., 2008. 304 с.
15. Магомедова С.И. Соматические фразеологизмы аварского и арабского языков в объективации наивной картины мира. – Махачкала, 2013. 126 с.
16. Морозова В.С. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов современного арабского литературного языка // Арабская филология. Вып. 2. – М., 2004. – С. 110–120.
17. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – М., 1985. 943 с.

-
18. Фавзи А.М., Шкляров В.Т. Учебный русско-арабский фразеологический словарь. – М., 1989. 611 с.
19. Борисов В.М. Русско-арабский словарь. – М., 1993. 1136 с.
20. بتوريب – برعلا ناسل، ١٩٨٨

Статья поступила в редакцию 21.01.2018
Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 811.351.12

КОЛИЧЕСТВО КОМПОНЕНТОВ В АВАРСКИХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ

© 2018

Оцомиева-Тагирова Забихат Магомедовна, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела лексикологии и лексикографии

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадаса Дагестанского НЦ РАН
(367000, Россия, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45; e-mail: zabi01@yandex.ru)*

Аннотация. Целью данного лексикологического исследования является обзор основных типов и словообразовательных моделей по количеству компонентов географических названий на территории Гергебильского, Гумбетовского, Казбековского и Хунзахского районов Дагестана. Топонимы представлены как однокомпонентные и многокомпонентные, которая далее делится на двух-, трех-, четырех- и более -компонентные лексические единицы. Порядок компонентов, такой же, что и порядок слов в атрибутивной синтагме – определение плюс определяемое. В однокомпонентных топонимах определяющую роль играют форманты, а в многокомпонентных – детерминанты. Четырех- и пятикомпонентные составные топонимы образуются путем присоединения добавочных определений к готовым названиям. Географический термин в словосочетании находится в постпозиции. Первый компонент может выполнять либо описательную, ограничительную, либо характеризующую функцию. Каждое реальное топонимное словосочетание определяется целым рядом факторов (особенностями культуры, традиций, обычаев носителей языка, условиями места, времени и целей коммуникации). Разнокомпонентность географических названий мы относим к особенностям географической среды, как основному фактору при номинации географических объектов в данном регионе. Послелоги в топонимных образованиях используются как указатели месторасположения географических объектов. Выводы сделаны учитывая ландшафтные условия, при которых функционируют эти названия.

Ключевые слова: аварская топонимия, топонимические конструкции, словообразовательные модели, деривационные топонимы, антропонимы, простые топонимы, сложные топонимы, составные топонимы, количество компонентов в топонимических конструкциях.

THE NUMBER OF COMPONENTS IN AVAR TOPONYMIC CONSTRUCTIONS

© 2018

Otsomievna-Tagirova Zabihat Magomedovna, PhD in Philology, senior researcher
at the Department of Lexicology and Lexicography

*G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Russian Academy of Sciences
(367000, Russia, Makhachkala, st. M. Gadzhieva, 45; e-mail: zabi01@yandex.ru)*

Abstract. The place names are represented as a single-component and multi-component, which are further divided into two, three, four or more component lexical units. The order of the components is the same as the order of words in the attributive syntagma – a definite plus determined. In single-component place names formants play a decisive role, and in multi-component place-names – determinants. Four- and five-component composite place names are formed by adding additional definitions to ready titles. Geographical term in the phrase is in postposition. The first component can perform either descriptive, restrictive or characterizing function. Every real toponymic phrase is determined by several factors (peculiarities of culture, traditions and customs of native speakers, conditions of place, time and communication purposes). Presence of various components in of Gergebil, Gumbet, Kazbek and Khunzakh geographical names we refer to the peculiarities of the geographical environment as a major factor in the nomination of geographic objects in the region. Postpositions in toponymic formations are used as pointers to the location of geographic objects. Conclusions are made taking into account the landscape conditions under which these names are functioning.

Keywords: Avartoponymy, toponymic constructions, word formation models, derivational toponyms, anthroponyms, simple toponyms, compound toponyms, number of components in toponymic constructions.

В структурном отношении топонимы Гергебильского, Гумбетовского, Казбековского и Хунзахского районов, которые представляют северное наречие аварского языка, большей частью являются составными словами, возникшими из сочетания двух или более самостоятельных лексических единиц. Свойственные аварской топонимии словосочетания можно расценивать как результат влияния грамматического строя аварского языка на структурно-словообразовательные свойства географических названий. И такие формирования дают представление языковой картины мира аварцев. Исходя из этого, топонимической конструкцией в говоре признается минимальная именная группа, состоящая из синтаксических единиц «географический объект» + «топоним», а также сама эта синтагма. При этом географический объект является нарицательным компонентом.

Количество компонентов в топонимических названиях северного наречия аварского языка составляет 1, 2, 3 и более. Структура базы данных топонимов представленных районов Дагестана, предназначенная для формализации, была построена в соответствии с видением топонима как лексической единицы и состояла из следующих полей:

1. Однокомпонентные топонимические единицы:

Анализ топонимов Гергебильского, Гумбетовского, Казбековского и Хунзахского районов показывает, что в словообразовании данной группы они имеют определяющую роль играют форманты. Различаются однокомпонентные безаффиксные топонимы, топонимы, в составе

которых присутствует топоформант (аффикс местного падежа). Они представлены как одна основа или основа со словообразовательным аффиксом, которые образуются топонимизацией, то есть переходом имени нарицательного (обычно географического термина) в топоним, или трансимизацией – переходом антропонима в топоним без материально выраженной деривации: *АбухИнаб* «Абухнаб», *Буцрахъ* «Буцрахъ», *ПурикИкИанда* «Урикканда», *Зуберха* «Гора Зуберха», *Алула* «На песчаном плато» и др. К данному структурному типу топонимии автор относит и сложные названия, состоящие из двух и более компонентов, образующихся по модели «определяющее (атрибут) + определяемое (детерминатив)», то есть путём словосложения: *Асальгарахъ* «На верхней речке», *Адмайдан* «Верхняя поляна», *БахИтлури* «Бахтури», *БецГрухъ* «Тёмный лес», *Пачиарада* «На верхнем стаде», *Пачинух* «Дорога стада», *ГъварикЛал* «Глубокий овраг», *ГъоркъмагЛарда* «На нижней горе» и т.д. Таким образом, топонимы в этой группе представлены как слова с одной основой и как сложные слова, географические названия с двумя и более основами [1, с. 184-186; 2].

2. Многокомпонентные топонимические единицы

Исследование системы топонимических конструкций Гергебильского, Гумбетовского, Казбековского и Хунзахского районов, позволяет на основе большого количества, неизученного ранее микротопонимического материала проиллюстрировать общие закономерности их композиции и продемонстрировать специфические

аварские компоненты. Как и микротопонимы в других дагестанских языках, географические названия северного наречия аварского языка в подавляющем большинстве представляют собой сложносоставные имена, представленные двумя, тремя, реже – четырьмя, пятью, шестью компонентами. В топонимиконе Гергебильского, Гумбетовского, Казбековского и Хунзахского районов преобладают трехкомпонентные конструкции: по собранному самим автором полевому материалу, это составляет свыше 41 % от общего числа зафиксированных топонимов. Количество двухкомпонентных топонимов более 20 % географических названий. Определяемая часть топонима (детерминант) всегда выражена существительным. В определяющей (атрибутивной) части топонима представлены главным образом существительные и прилагательные, реже причастия, числительные, послелог, в единичных случаях – местоимения, наречия: *Палияллахландил майдан* «Площадь Алиялахаанда», *Авал Бадайихъ* «Передний Бадайихъ», *Адгьлурикьландил майдан* «Площадь Адуриканда», *Арадавал* «Верхний квартал», *Аса Гурикланда* «На верхнем Уриканда», *Асальарахъ майдан* «Поляна у Верхней речки», *Асса лъарахъ карант* «Кран у Верхней речки», *Атабуснохъо* «Пещера-автобус, букв. Пещера, похожая на автобус», *Атансилгъо* «Мельница Атанаса», *Ахадавал* «Верхний квартал», *Ахуйиллъар* «Речка Аху», *Ахурил лъаратла кьо* «Мост на речке Ахура», *Багларабкьо* «Красный мост», *Багъжатил мархъу* «Хутор Багжат», *Бадайихъ кьури* «Скала Бадайихъ», *Бакъда Курмиб* «На солнечной стороне Курмиб», *Бакъда авал* «Квартал на солнечной стороне», *Бакъда мархъал* «Хутора на солнечной стороне», *Бакъул мегъ* «Средний сад», *Барин рохъ* «ЛесБарин», *Бахлуталгъуб* «Бахтатлугъуб», *Бахлутури магларда* «На горе Бахтури», *Бегараб ганчикъ* «У лежачего камня», *Бегараб ганчикъ тлало* «У лежачего камня», *Беццлаб нохъо* «Пещера, в которой просачивается вода», *Буццудерил лъар* «Речка буццунцев», *Габдулагъил мархъу* «Хутор Абдулаха», *Гадуразакъил гъо* «Мельница Абдуразака», *Гадуразакъил нух* «Дорога Абдуразака», *Гадусанилахланил мархъу* «Хутор Магомеда, Абдусалама сына», *Гаймакдерил лъар* «Речка аймакинцев», *Галидирасул гъо* «Мельница Алидибира», *Галил гъо* «Мельница Али», *Пачиарада майдан* «Площадь Ачиарада», *Подоб Гурикланда* «Нижний Уриканда», *Гуруснух* «Русская дорога», *Гумарил Гункрюкхъахъ* «УмараУнкруглахъ», *Гунадулалгъул ицц* «Отрыгивающий родник», *Гурухъ ссанда* «На меже у реки» [2] и т.д.

Дистинктивными для микротопонимии северного наречия аварского языка являются блоки, представленные как совокупность географических имен, объединенных вокруг магистрального главного топонима. Они называют близлежащие объекты, ориентируя в пространстве, образуя системообразующий топокомплекс.

2.1. Двухкомпонентные топонимы

Одной из наиболее интересных проблем топонимобразования является создание составных наименований. Рассматривать ее необходимо, на наш взгляд, в русле решения общих задач изучения словообразовательных средств того или иного языка.

Известно, что, когда речь идет о традиционных словообразовательных средствах, многие исследователи говорят, как правило, о средствах морфологического способа образования. Термин «словосочетание» определяется как соединение двух или более знаменательных слов (вместе с относящимися к ним служебными словами или без них), служащее для выражения единого, но расчлененного понятия или представления [3, с. 426]. Словосочетание принадлежит к той же грамматико-семантической области, что и слово, относясь, в первую очередь, как и слово, к номинативным средствам языка. Любое реальное словосочетание определяется целым рядом факторов (особенностями культуры, традиций, обычаев носителей языка, условиями места, времени и целей коммуникации). Как определяет Н.В. Подольская,

имя-словосочетание – это «любое имя собственное, имеющее форму словосочетания (безглагольного) беспредложного или предложного» [4, с. 192].

В топонимике многословные топонимы – это словосочетания с сочинительной, подчинительной или предикативной связью компонентов. Исследователи обращали внимание на то, что на примере многословных топонимов можно в миниатюре проследить многие синтаксические явления [5, с. 103].

Аварские топонимы-словосочетания являются вторичными наименованиями, образованными на базе ранее существовавших топонимов путем добавления дифференцирующих определений: *Гагудуицц* «Кукушкин родник», *Махлцараб ицц* «Заплесневелый родник», *Гунадулалгъул ицц* «Отрыгивающий родник», *Хъахлаб ицц* «Белый родник», *Гаймакдерил лъар* «Речка аймакинцев», *Гъазигъумекдерил гъор* «Река казикумухцев», *Къаралазул гъор* «Река чарадинцев», *Годекланиб карант* «Кран на годекане», *Гьуццлдахъ карант* «Кран на гумне» [2] и др.

Мы согласны с существующим мнением, что невозможно дать всем объектам данной территории «совершенно особые, не похожие друг на друга названия. Неизбежно повторение названий, а повторяясь, названия требуют добавочных определений» [6, с. 69-71; 7, с. 87; 1, с. 184-186.]. Так появляются многочисленные двухсловные и многословные топонимы. Кроме того, по мнению Д. Н. Шмелева, «словосочетание является более мотивированным», чем нерасчлененное обозначение, а это делает его менее подверженным всевозможным сдвигам» (цит. по Суперанской А. В. [8, с. 239]).

Атрибутивные двухсловные словосочетания, объединяя определение (атрибут) и определяемое, географический термин, представляет собой наиболее тесный тип связи, для которого «характерно то, что она (связь) образует такие сочетания, которые в предложении выступают как цельные комплексы, включенные в предложения в собранном, готовом виде [9, с. 174]. Географический термин находится в постпозиции. Первый компонент может выполнять либо описательную, ограничительную, либо характеризующую функцию. Выделяются следующие конструкции:

а) Модель «прилагательное + существительное»: *Хъахлаб ицц* «Белый родник», *Гунадулалгъул ицц* «Отрыгивающий родник», *Махлцараб ицц* «Заплесневелый родник», *Беццлаб нохъо* «Темная пещера», *Эхлаб гухл* «Плохой холм» и т.д.

б) Модель «существительное + существительное»: *Мацклялгъул къватл* «Мечетская улица», *Лъарахъ ссанда* «Межа у речки», *Гурухъ ссанда* «Межа у реки», *Къилиялгъул къватл (къилба)* «Восточная улица», *Шагъранух* «Широкая дорога», *Гуруснух* «Русская дорога», *Гъакьинух* «Дорога для телеги» и др.

в) Модель «имя собственное + существительное», где первым компонентом выступают как имена собственные личные, так и географические названия: *КлудиГалилХламадил мархъу* «Хутор Мухамада, сына Большого Али», *Геназил мархъу* «Хутор Геназа», *Ахламадил мархъу* «Хутор Ахмада», *Шахшал гъо* «Мельница Шахша», *Гадуразакъил гъо* «Мельница Абдуразака», *Лабазанил гъо* «Мельница Лабазана» и т.п.

г) Модель «наречие + имя собственное географическое»: *Бакъда Курмиб* «На солнечной стороне Курми» – *Хъунда Курмиб* «На теневой стороне Курми», *Гъоркъа Чанкиб* «Нижний Чанкиб» – *Паса Чанкиб* «Верхний Чанкиб», *Паси кули* «Верхний хутор» – *Гъоркъа кули* «Нижний хутор», *Гъоркъа гъобо* «Нижняя мельница» – *Паса гъобо* «Верхняя мельница», *Арада авал* «Квартал в начале» – *Ахада авал* «Квартал внизу», *Гъоркъа мегъ* «Нижние пашни» – *Бакъул мегъ* «Средние пашни», *Гъоркъ магларда* «На нижней горе» – *Пад магларда* «На верхней горе», *Жаниб авал* «Квартал внутри» – *Арада авал* «Квартал в начале» – *Ахада авал* «Квартал внизу, в конце» [2] и др. Входящие в состав этих названий гео-

графические (западный, восточный, центральный, северный, южный) и топонимические (большой, новый, малый, верхний нижний и т.п.) определения в целом системны и, зачастую, антонимичны, т.е. подразумевают противопоставление. Н. В. Подольская называет такое противопоставление бинарной оппозицией [5, с. 135]. Данные топонимы, являющиеся лексикализованными сочетания слов, образуются без фонетических изменений в компонентах [10, С. 80-87; 11, с. 56].

2.2. Трех- четырех- и более компонентные составные топонимы

В топонимах, состоящих из трех или более слов, определяющий или определяемый компонент представляет развернутое словосочетание. Определяемая часть топонима выражена существительным – географическим термином. Трехсловные топонимы можно подразделить на две подгруппы: а) вновь создаваемые названия и б) топонимы, образованные на основе готовых наименований. Данные формы топонимов образованы по модели «существительное + причастие + существительное»: *Лъим бецццуле кккIал* «Ущелье, где просачивается вода», *Пири речццIараб тIало* «Плато, куда ударила молния», *Тамахьо чIоле бакI* «Место, где сажают табак», *ЦццIани хьихьулеб мархьу* «Хутор, где кормят коз», *Нух гьечIеб гIури* «Поляна, куда нет дороги», *Гьайирегил АхIамадил мархьу* «Хутор Мухамада, сына Гаурбека», *Чуял кколеб кккIалахь* «В ущелье, где ловят лошадей, *ЦццI бах(ь)араб кьури* «Скала, где нарисован медведь» [2] и т.д.

Четырех- и пятикомпонентные составные топонимы представляют собой немногочисленную группу. Как правило, они образуются путем присоединения добавочных определений к готовым названиям: *Гьаби чурдулеб нохьольим* «Вода пещеры, где купаются собаки». Встречаются также предложные словосочетания, где послелоги используются в своем прямом значении, т.е. служат указателями месторасположения географических объектов: *Ручабрахь авалалде унеб лъарахь добе кьо* «Мост над речкой, через который идут в квартал Ручаб стороны», *Гьоркьахьула лъарахь хурзал* «Поля около нижней стороны реки», *КIудияб лъарахь добе кьо* «Мост через Большую речку», *КIудаб гамачI бугеб бакI* «Место, где есть большой камень» [2] и т.д.

Как видно из вышеизложенного, разнокомпонентность аварских географических названий можно отнести к особенностям географической среды – основной фактор при номинации географических объектов. Несмотря на выявленный топонимистами так называемый «закон относительной негативности названий», топонимами отражаются физико-географические реалии территории. Поэтому, на наш взгляд, при выявлении ареалов распространения топонимов на основе тех или иных географических терминов, следует учесть ландшафтные условия, при которых функционируют эти названия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Оцомиева-Тагирова З. М. Роль местных географических терминов в топонимии. // В книге: Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи Тезисы докладов 2-й международной конференции. Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского НЦ РАН. 2010. С. 184-186.
2. Полевой материал автора Оцомиевой-Тагировой З. М. Села Гергебильского, Казбековского и Хунзахского районов Дагестана. 2006 – 2015. 420 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов – М., Советская Энциклопедия, 1969. 608 с.
4. Подольская П. В. Вопросы исследования микро-топонимии. – В кн.: «Питання ономастики». Киев, 1965. с. 209 – 214.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. 192 с.
6. Оцомиева З. М. Географические апелляции в аварских топонимах и гидронимах. // В сборнике: Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

нике: Проблемы общей и региональной ономастики Материалы VI Всероссийской научной конференции. 2008. С. 69-71.

7. Синтаксис английского языка / Под ред. В. В. Пассека. М.: ИЛ, 1957. 174 с.

8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973. 364 с.

9. Суперанская А. В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. М., 1969. – 207 с.

10. Оцомиева-Тагирова З. М. Топонимы в словообразовательной системе аварского языка. // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2010. № 38. С. 80-87.

11. Магомедов М. И., Алиханов С. З. Словообразование в аварском языке. – Махачкала, ГУП «Типография ДНЦ РАН», 2008. – 214 с.

Статья поступила в редакцию 29.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 80

ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СТАТАЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

© 2018

Павлова Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Английской филологии и методики преподавания английского языка»

Оренбургский государственный университет

(460018, Россия, Оренбург, пр. Победы, 13, e-mail: pavlova_a@bk.ru)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению языковой категоризации стательных смыслов на материале современного английского языка. В результате первичной стательной категоризации мира, осуществляемой на основе стательного концепта, происходит формирование языковой категории стательности, характеризующейся прототипическим принципом организации языковых единиц, незамкнутым характером своих границ. Вторичная стательная категоризация определяется как познавательный процесс идентификации языковых объектов, выполняющих стательную функцию, и отнесение их к одноименной категории. Вторичная стательная категоризация осуществляется на базе различных языковых механизмов. Предпринята попытка выявления этих языковых механизмов заключается в исследовании материала Британского национального корпуса английского языка, корпуса современного американского английского языка и электронных версий англоязычных СМИ. Репрезентативная выборка контекстов с семантикой состояния подвергается лингвистическому анализу, в результате которого определяются в качестве основных такие языковые механизмы стательной категоризации, как метафора, метонимия и сравнение. Широкую представленность среди языковых механизмов стательной категоризации по ряду причин, раскрываемых в статье, обнаруживают фразеологизмы, эвфемизмы и неологизмы. В качестве основных выводов выступают следующие положения: во-первых, выявленная группа языковых механизмов стательной категоризации, как представляется, может пополняться при дальнейшей работе с языковым материалом, и, во-вторых, такое разнообразие языковых механизмов, участвующих в формировании стательных смыслов, определяет дальнейшую перспективу исследования, направленного на объяснение этого факта.

Ключевые слова: состояние, концепт, стательная концептуализация, категория стательности, категоризация, интерпретация, стательная интерпретация знаний о мире, вторичность, инференция, интерпретирующая функция языка.

LINGUISTIC MECHANISMS OF STATIVE CATEGORIZATION

© 2018

Pavlova Anna Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor of the chair
«English philology and methods of English language teaching»

Orenburg State University

(460018, Russia, Orenburg, Pobedy avenue 13, e-mail: pavlova_a@bk.ru)

Abstract. The article is devoted to the study of linguistic categorization of stative senses in contemporary English language. The result of primary stative categorization of the world, based on stative concept, is the category of linguistic stativity, which is characterized by prototypical principle of its organization and open character of its borders. Secondary categorization is defined as a cognitive process of identification of language units with stative semantics and referring them to a similarly-named category. Secondary stative categorization is carried out on the basis of different linguistic mechanisms. The attempt to reveal these mechanisms consists in analyzing the data from British National Corpus, Corpus of Contemporary American English and online versions of British mass media. The conceptual-configurative analysis of representative selection of contexts with stative semantics results in pointing out such major linguistics mechanisms of stative interpretation as metaphor, metonymy and comparison. Such linguistic mechanisms as phraseological units, euphemisms and neologisms are broadly represented because of different factors, among which there is a psychological and social specificity. To conclude we should mention two main results: firstly, the revealed group of linguistic mechanisms of stative categorization, as we think, is not full and can be added during the further analysis, and, secondly, such variety of linguistic mechanisms require further research consisting in explanation of this fact.

Keywords: state, concept, stative conceptualization, category of linguistic stativity, categorization, interpretation, stative interpretation of world, stative interpretation of knowledge about the world, secondary status, inference, interpretative function of language.

Изучение состояния как формы языкового сознания, которой человек оперирует в познавательных и языковых процессах, передавая коллективно-индивидуальный образ мира, опирается на антропоцентрический принцип организации и функционирования языка. Роль субъекта познания при формировании и передаче стательных смыслов сложно переоценить. Процесс стательного форматирования знаний о мире детерминирован психологической уникальностью человека, его личностным опытом, в том числе языковым [1-4].

Учет того, что «в распоряжении исследователей оказался огромный массив информации о функционировании когнитивной системы человека, несопоставимый по своему объему и достоверности с теми знаниями, которыми были накоплены человечеством в течение предшествующих тысячелетий» [5, с. 36], обуславливает научную новизну изучения когнитивных и языковых механизмов стательной категоризации.

Данная статья посвящена выявлению и описанию ведущих языковых механизмов стательной категоризации как одного из аспектов исследования стательного формата языкового знания на материале современного английского языка.

Актуальность предлагаемой работы определяется когнитивным подходом к исследованию языковой категоризации состояний мира, которая определяется как процесс и результат идентификации и отнесения языковых объектов с семантикой состояния к языковой категории стательности (см. подробнее [6, 7]).

Эта первичная стательная категоризация осуществляется на основе стательного концепта как результата осмысления мира и его событий в индивидуальной концептуальной системе субъекта познания с опорой на типизированные схемы коллективного знания и восприятия мира в статике.

В качестве типизированных схем выступают концептуально-тематические области первичной стательной концептуализации мира, представляющие собой объединения стательных концептов на основе когнитивной матрицы состояния. При этом к форматобразующим стательным концептам относятся СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА, ПРИРОДЫ, СИСТЕМ. Общая когнитивная матрица состояния на материале английского языка представлена на рисунке 1.

Наименования и положения составных частей общей когнитивной матрицы состояния не случайны и отража-

ют результаты языковой репрезентации знаний о состояниях мира.

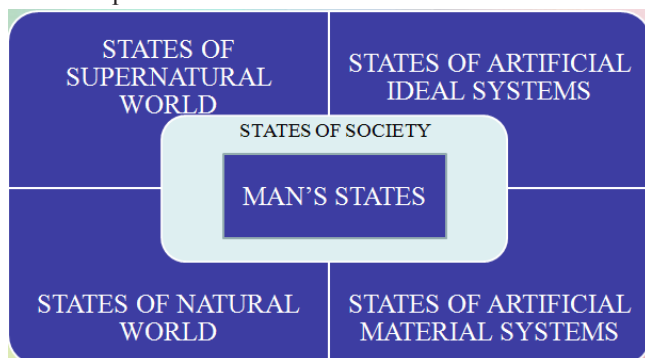

Рисунок 1 – Общая когнитивная матрица состояния

Центральное место форматообразующего концепта MAN'S STATES продиктовано ведущей ролью субъекта познания в статальной форматировании знаний о мире, что проявляется в самой высокой степени детализации этого статального концепта, обширной типологизации состояний человека и богатой номинативной репрезентацией в языке (см. подробнее [4]). Остальные пять форматообразующих статальных концептов заключают в себе коллективное знание человека о мире в статике и при дальнейшем изучении обнаруживают свою структурно-содержательную специфику, формируя частные когнитивные матрицы состояния.

Обращение к материалу исследования проливает свет на некоторые аспекты частных когнитивных матриц состояния. Как показывает предпринятый концептуально-конфигуративный анализ языковой категоризации статальных смыслов, ведущим языковым механизмом признается метафора. Источниками метафорической интерпретации состояний становятся языковые единицы, репрезентирующие знания о пространстве, цвете, движении, времени, количестве и т.д. Безусловным лидером выступает пространственная метафора, что легко объяснимо, так как пространство — это фундаментальное свойство бытия, которое фиксирует форму и протяжённость его существования, оно рассматривается как одна из базисных категорий научного и повседневного знания [8, 9, 10, 11].

Концептуализация состояния базируется на многочисленных пространственных характеристиках, которые получают вербальную репрезентацию в результате первичной интерпретации мира. Выявленные в нашем языковом материале пространственные метафорические модели детализируют предложенную Дж. Лакоффом модель STATES ARE LOCATIONS [12].

Вторичная статальная интерпретация таких пространственных характеристик, как «вверх-вниз», приводит к формированию статальных смыслов в рамках «вертикальной» модели (UP-DOWN model). Например, *be in high spirits, be on cloud nine, be down with the flu etc.*

Такие пространственные характеристики, как «в-у/около/при-на» репрезентируют «горизонтальную» модель (IN-AT-ON model). Например, *be in love / pain / shock / despair / peace / trouble / debt / milk / banking, on alert / the run / duty / sale, at loggerheads, at war, etc.*

Третья модель обнаруживает вариативную природу, определяя в качестве точки отсчета человека в пространстве. Вариантами такой «эгоцентрической» модели могут выступать модели «левый-правый» (LEFT-RIGHT model) и «близкий-далекий» (FAR-NEAR model). Например, the election of *left* leaders, you are *right* in a way, it is *far* from clear, it is *far* from true, brave but *near* tears, she was *near* to death, etc. (см. подробнее [13]).

Отдельного рассмотрения требует статальная интерпретация объектов и событий за счет их метонимической характеристики, так как специфика концептуализации состояний как преимущественно внутренних характери-

стик одушевленных и неодушевленных объектов мира проявляется в экспликации части (признака состояния) от целого (состояния). Например, контекст коллективных знаний о болезненных состояниях человека формируется такими признаками, как нездоровый цвет лица (бледность или, напротив, покраснение), высыпания на коже, чихание, кашель, насморк, повышенная или пониженная температура тела и т.д. Метонимическая статальная интерпретация мира может быть представлена следующими моделями: состояние субъекта – состояние его части тела или органа (*sad eyes, livid rings, red nose, pale skin, runny eyes/nose*), состояние субъекта – действие, в том числе речевое (*cry, smile, whisper, tremble*), состояние – время (*on holidays, at night*), состояние – место (*at work, in prison, at school*).

Не малую роль среди языковых механизмов статальной категоризации играет сравнение, при котором наиболее подходящие для описания того или иного состояния характеристики из области-источника переносятся в область-мишень, что фиксируется языковыми маркерами сравнения. Важно отметить, что сравнение основано на постоянных характеристиках концептов, т.е. на стереотипизированном знании. Например:

"We'd be as happy as the birds in spring," sighed Blake [14].

"The poor man at the gate," that's you, living here happy as sparrows pecking up the crumbs from his excellent table [14].

Как свидетельствует анализ языкового материала, основными источниками статальной категоризации на базе языкового механизма сравнения для концептуально-тематической области MAN'S STATES являются типические характеристики объектов животного и растительного мира. Например:

Without Christ, Paul says, people are like fish in a net, confined and restrained, unable to live as they should [14].

Mr Cabbage was like a cat on hot bricks, he was most distraught at Coleen's decision to go to England [14].

I feel like a bull in a china shop, with all these young women gawping. [14].

Подобно последнему примеру, многие компаративные словосочетания с семантикой состояния приобрели устойчивый характер и классифицируются как фразеологические единицы. Например:

"I can go on for another three or four years yet because I'm still as fit as a fiddle," he said [14].

By the time we were to leave Egypt, I was as sick as a dog and more than ready to go [15].

В результате широкого распространения политкорректности в англоговорящих странах наблюдается появление значительного числа эвфемизмов с семантикой состояния с целью нивелировать отрицательный статальный смысл. Например:

People who are visually impaired will often use a cane to feel out their surroundings [15].

A research project is going on to improve the acoustical quality in living rooms and work spaces for mentally challenged people [15].

Еще одним языковым механизмом статальной интерпретации, заслуживающим внимания, является неологизация статальных смыслов. Развитие науки и техники, появление новых технологий, влекущих за собой совершенствование процессов и систем, смена политических сил и выборы новых лидеров государств, военные конфликты и миграция – вот неполный список причин появления неологизмов с семантикой состояния. Например:

Can Macromania be explained linguistically? [16].

German ambassador: second world war image of Britain has fed Euroscepticism [17].

Многие неологизмы с семантикой состояния еще не получили широкого распространения, как следствие не зафиксированы в корпусах, например, *adultolence*. Блендинг «adult» и «adolescence» образует наименование состояния, при котором человек «застрял» между

двумя периодами жизни: взрослой жизнью и юношеством (the person is stuck between the adult world and adolescence [18]).

Некоторые состояния отличаются спецификой области своего употребления, поэтому также не встретились в корпусах, например, *carpocalypse* – крайне ужасное состояние автомобильной промышленности (a term describing the abysmal state of the automotive industry).

Таким образом, результаты анализа языковых механизмов статальной интерпретации знаний о мире позволяют заключить, что, во-первых, метафоризация пространства занимает лидирующие позиции среди других языковых механизмов; во-вторых, психологическая значимость и устойчивые межконцептуальные связи обуславливают такие механизмы как фразеологизмы и сравнения; в-третьих, статальный концепт представляет собой незамкнутую, постоянно развивающуюся структуру знания, что на языковом уровне проявляется функционированием таких механизмов, как неологизмы и эвфемизмы. Рассмотрен далеко неполный список языковых механизмов статальной интерпретации знаний о мире, что определяет дальнейшую перспективу исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5-12.

2. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая теория языка. Теоретико-методологические основы // Когнитивные исследования языка. 2017. № 28. С. 20-81.

3. Павлова А.В. Состояние как формат языкового знания (на материале современного английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 96-102.

4. Павлова А.В. Статальное форматирование знаний о мире как проявление антропоцентризма в языке // Когнитивные исследования языка. 2017. № 28. С. 237-262.

5. Меркулов И.П. Когнитивная модель сознания // Эволюция. Мышление. Сознание. М.: Канон+, 2004. 352 с.

6. Павлова А.В. Категория состояния: интерпретационный аспект // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 363-365.

7. Павлова А.В. Статальная категоризация событий в современном английском языке // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 3(27). С. 125-126.

8. Space and time in language and literature. Eds. M.B. Vukanović, L.G. Gruić Grmuša. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 2009. 158 p.

9. Chilton P. Language, space and mind : the conceptual geometry of linguistic meaning. Cambridge University Press. 2014. 333 p.

10. Evans V. From the spatial to the non-spatial: the “state” lexical concepts of in, on and at // in V. Evans, P. Chilton (eds.) Language, Cognition and Space: the State of the Art and new Directions. London: Equinox. 2010. P. 215-248.

11. Tenbrink T. Space, time, and the use of language: an investigation of relationships. Berlin-New York: Mouton de Gruyter. 2007. 340 p.

12. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought. / ed. A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

13. Павлова, А. В. Когнитивные и языковые механизмы формирования статальных смыслов в англоязычном художественном дискурсе : выпускная квалификационная работа: направление подготовки 45.04.02 Лингвистика / А. В. Павлова. - Оренбург. - 2017. - 56 с.

14. British National Corpus <http://bncweb.lancs.ac.uk/> (дата обращения: 10.01.2018)

15. Corpus of Contemporary American English <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 10.01.2018)

16. Stroebe L. Can Macromania be explained linguistically? Beneath the morphological boundary: A sketch of sub-conscious manipulation strategies in Emmanuel Macron's

political discourses // Yearbook of the German Cognitive Linguistics association. Vol.5, issue 1. Berlin/Boston: de Gruyter. 2018. P. 65-84.

17. Guardian <https://www.theguardian.com/politics/2018> (дата обращения: 30.01.2018)

18. Rice University research site <http://www.ruf.rice.edu/~kemmer/Words04/neologisms/a.html> (дата обращения: 30.01.2018)

Статья поступила в редакцию 13.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 894.4

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ МАГОМЕД-РАСУЛА «ОТЕЦ ПРОРОКА»

© 2018

Рамазанова Пати Казихановна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Всероссийский государственный университет юстиции
(367008, Россия, Махачкала, проспект Акушинского, 7, e-mail: Patee1@mail.ru)

Аннотация. В статье анализируются пространственные образы романа Магомед-Расула «Отец пророка». Рассматриваются особенности дагестанского социально-нравственного романа. Дается общая характеристика романов 20 века, особенности отображения времени и пространства в нем. Рассматривается категория пространства в литературоведении. Дается экскурс литературоведческого термина «пространство». Дается определение художественного пространства по Ю.М. Лотману, М.М. Бахтину. Анализируются открытые и закрытые виды пространства романа Магомед-Расула «Отец пророка». Поднятые социально-нравственные проблемы произведения поднимаются в пределах пространственных границ. Значимое место в произведении занимает образ села. Имея важную смысловую нагрузку – сохранение традиций, обычаев, искусства народа. Лачин играет ведущую роль в решении и социальных (сохранение народного искусства) и этических (проблема семейных взаимоотношений, проблема долга, ответственности, проблема поиска человеком своего места в жизни) проблем романа Магомед-Расула «Отец пророка». Многие значимые события происходят в ауле. В романе присутствуют более узкие замкнутые пространственные образы: годекан, сельсовет, дом. Дом символизирует в романе «Отец пророка» Магомед-Расула защиту, крепость, внутри которой решаются важные этические проблемы: проблемы взаимоотношений в семье, проблема преемственности поколений. А кузница выступает символом трудолюбия, целеустремленности горцев. Примыкают к селу открытые образы леса, дороги. Все пространственные образы помогают писателю глубже раскрыть поднятые им проблемы, показать внутренний мир героев.

Ключевые слова: роман Магомед-Расула «Отец пророка», социально-нравственный роман, время, пространство, пространственные образы, открытые и закрытые виды пространства, образ села, пространственные границы, образ дома, кузница, лес, дорога, социальные и этические проблемы.

SPATIAL IMAGES IN THE NOVEL OF MAGOMED-RASUL "THE PROPHET'S FATHER"

© 2018

Ramazanova Pati Kazikhanovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines
All-Russian State University of Justice
(367008, Russia, Makhachkala, Akushinskiy Avenue 7, e-mail: Patee1@mail.ru)

Abstract. In the article, the spatial images of the novel "The Prophet's Father" by Magomed-Rasul are analyzed. Features of the Dagestan social and moral novel are considered. The general characteristics of novels of the 20th century, features of the time and space mapping in it are given. The category of space in literary criticism is considered. A digression of the literary term "space" is given. The definition of artistic space is given by Yu.M. Lotman, M.M. Bakhtin. Open and closed views of the space of the novel "The Prophet's Father" by Magomed-Rasul are analyzed. The raised social and moral problems of the work rise within the spatial boundaries. A significant place in the work occupies the image of the village. Having an important semantic load - preservation of traditions, customs, art of the people. Lachin plays a leading role in solving both the social problems (the preservation of folk art) and the ethical (the problem of family relationships, the problem of duty, responsibility, the problem of finding one's place in life) problems of the novel "The Prophet's Father" by Magomed-Rasul. Many significant events occur in the village. In the novel there are narrower closed spatial images: godekan, village council, house. The house in the novel "The Prophet's Father" by Magomed-Rasul symbolizes defense, a fortress, within which important ethical issues are solved: problems of relationships in the family, the problem of succession of generations. And the smithy is a symbol of diligence and purposefulness of the mountaineers. Open images of the forest, roads are adjoining the village. All spatial images help the writer to reveal his problems more deeply, to show the inner world of heroes.

Keywords: Magomed-Rasul's novel "The Prophet's Father", social and moral novel, time, space, spatial images, open and closed kinds of space, village image, spatial boundaries, house image, smithy, forest, road, social and ethical problems.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В статье поставлена проблема рассмотрения пространственных образов в социально-нравственном романе Магомед-Расула «Отец пророка». Выявлены основные пространственные образы произведения. Они рассматриваются в тесной связи с проблемами, поднятыми в произведении.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Теоретико-методологической основой исследования послужили труды М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.Л. Топорова, Д.С. Лихачева и др. Из дагестанских теоретиков и историков литературы автор диссертации опирается на исследования С.Х. Ахмедова, К.И. Абукова, А.М. Вагидова, в которых научно освещены вопросы жанрового своеобразия, особенностей проблематики романа Магомед-Расула «Отец пророка».

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью исследования является анализ пространственных образов романа Магомед-Расула «Отец пророка», их значимость в раскрытии проблем произведения.

Изложение основного материала исследования с пол-

ным обоснованием полученных научных результатов. Опираясь на имеющуюся научно-критическую литературу о жанре социально-нравственного романа, о категории пространства в художественном произведении рассматривали роман Магомед-Расула «Отец пророка», пространственные образы в данном произведении, выявили их связь с проблематикой произведения.

Социально-нравственный роман занимает важнейшее место в дагестанской литературе, в котором главная роль отводится не событиям или фактам, а людям с их внутренним миром, их переживаниями, системе общечеловеческих и национальных духовных ценностей. Нравственные проблемы всегда поднимались в дагестанской литературе с первых шагов её развития. Но интерпретация этих проблем постоянно менялась. В советской дагестанской литературе появляются новые, социально активные герои. В меру своих сил и возможности дагестанская литература решает те же социально-этические проблемы, что и вся многонациональная и многокрасочная литература народов России [3]. Литература на современном этапе стала более аналитичной, философичной и концептуальной. Усилились её гуманистический пафос, внимание к внутреннему миру личности, её запросам и потребностям. Лирическое начало стало

пронизывать эпические жанры [4].

Ведущий русский историк литературы Л.Г. Андреев отмечал, что литература второй половины 20 века проходила под знаком постмодернизма и интертекстуальности [2]. В романах этого периода присутствует так называемая интеллектуальная игра – игра с цитатами, текстом, с художественным пространством произведения. В литературной критике время и пространство рассматриваются как отражение философских идей художника, анализируют специфику времени и пространства искусства в разные эпохи, в разных литературных направлениях и жанрах, а также изучают грамматическое время в художественной работе. В то же время время и пространство рассматриваются в их неразрывном единстве. Согласно замечанию Хализева: «Литературные произведения пронизаны временами и пространствами, представленными бесконечно разнообразными и глубоко значимыми» [18]. Поэтому очень важно при анализе литературного произведения установить не только время происходящих событий, то есть, когда действие имеет место, но и пространство, то есть где действие происходит.

Есть два понимания пространства: согласно Ньютону и Лейбницу Ньютон относится к пространству как «не-что первичное, самодостаточное, независимо от материи и не определенное материальными объектами в нем» [17]. Но искусство придерживается Лейбницского понимания пространства как «не-что относительное, в зависимости от объектов в нем, определяемое порядком сосуществования вещей» [17]. Ньютон считает, что пространство принадлежит физике и геометрии, а Лейбниц одушевляет его человеческим присутствием, оно рассматривается человеком, имея в виду поле человеческих представлений о мире. Фундаментальная неоднородность художественного пространства и геометрического пространства обозначена Ю.М. Лотманом в своей работе над художественным пространством: «Пространство не образовано простой последовательностью фигур или тел ... понятие пространства не только геометрическое ...» [14]. Американский критик Джозеф Фрэнк в своей работе «Пространственная форма в современной литературе» ввел термин «пространственная форма». Это «тип эстетического видения в литературе и искусстве XX века, в котором семантическое единство изображенных событий раскрывается в порядке временной, каузальной и внешней последовательности и синхронно, согласно внутренней рефлексивной логике целое, в «пространстве» сознания» [19, с.119]. «Пространственная форма» – это определенное художественное «устройство» или метод, посредством которого литература 20-го века имеет «новый» тип повествования – «ненатуралистический» (в отличие от «натуралистического» повествования о предыдущие столетия). Образы и восприятие образа в «ненатуралистическом» типе повествования освещаются на основе фрагментарно-ассоциативного принципа, т.е. «принципа рефлексивной ссылки». «Принцип рефлексивной ссылки» используется в разных пространствах мировой культуры. Предметом изображения в «пространственном» образе исторического времени является «конфликт различных исторических перспектив, возникший в результате идентификации современных людей и событий с различными историческими и мифологическими прототипами» [19, с.120]. В своей работе автор создает определенное пространство, в котором происходит действие. Д.С. Лихачев отмечает, что пространство может быть большим (охватывают ряд стран), но оно также может быть ограничено узкими границами одной комнаты. Пространство, созданное автором в его работе, может иметь своеобразные «географические» свойства, быть реальными (как в летописях или историческом романе), так и мнимым (как в сказке) [12]. Значительный вклад в понимание проблемы художественного пространства внесли О. Шпенглер, П.А. Флоренский, Х. Ортега-и-Гасет, М. Хайдеггер,

М. Мерло-Лонти и другие. Шпенглер, который впервые подчеркнул важность пространства не только для жизни людей, но и для всех искусств, коррелировал пространство прежде всего с глубиной.

П.А. Флоренский, указывая на феномен художественного пространства «Божественной комедии», отметил: «... само пространство является не только однородным, неструктурированным местом, но не простым графиком, а реальностью самооценки, тщательно организованной, нигде безразлично, имея внутренний порядок и структуру» [11].

Основные работы по теории художественного пространства были написаны М.М. Бахтиным, Ю.М. Лотманом, В.В. Савельевой и др. Ю.М. Лотман в своей статье «Художественное пространство в прозе Гоголя» говорит, что «пространство в художественных произведениях моделирует различные связи мировой картины: временную, социальную, этическую и т.д. (...) в художественной модели мира «космос», иногда метафорически предполагает выражение полностью не пространственных отношений в моделирующей структуре мира» [13, с.251]. Кроме того, Лотман описывает пространство как «модель различных связей мировых картин (временных, социальных, эпический и т. д.)». «Художественное пространство», пишет Ю.М. Лотман – это не пассивный контейнер героев и сюжетных эпизодов. Соотношение его с существующими мирами и общая модель мира, созданная художественным текстом, убеждает нас в том, что язык художественного пространства ... является одним из компонентов общего языка, на котором говорит произведение искусства» [13, с.255]. Художественное пространство – базовый термин литературоведения, который наряду со временем, обеспечивает целостное восприятие действительности и организует композицию произведения. Пространство – это, в первую очередь, категория поэтики литературного произведения. Создаваемое писателем художественное пространство представляет собой некую модель, картину мира, в которой происходит действие. Каждое пространство имеет свою границу. Граница делит все пространство текста на два взаимно непересекающихся подпространства. Основное ее свойство – непроницаемость. То, каким образом делится текст границей, составляет одну из существенных его характеристик. В заключение работы «Вопросы литературы и эстетики» М. Бахтин выделяет «хронотопические ценности», он говорит о важности и первостепенности в этих «ценностях» пространства: «...время как бы вливается в пространство и течет по нему...» [5].

«Оставаясь по существу непрерывным в последовательной смене временных и пространственных фактов, континуум в текстовом воспроизведении одновременно разбивается на отдельные эпизоды» [9]. Пространство текста делится некоторой границей на две части, и каждый персонаж принадлежит одной из них. Однако возможны и другие варианты: разные герои не только принадлежат разным пространствам, но и связаны с различными, порой несовместимыми типами членения пространства. Один и тот же мир текста оказывается различным образом расчленен применительно к разным героям. Возникает как бы полифония пространства, игра разными видами их членения.

«В художественном изображении пространственной среды важно то, насколько она обжита персонажами и сколько содержит в себе важных для них объектов» [10]. Пространственную форму Бахтин определяет не только как форму произведения – объекта, но и как форму героя и его мира субъекта. «Поэт создает наружность, пространственную форму героя и его мира при помощи словесного материала; ее бессмысленность изнутри и познавательную фактичность извне он осмысливает и оправдывает эстетически, делает ее художественно-значимой» – отмечает М. Бахтин в своей работе «Эстетика словесного творчества» [6]. «Пространственные модели,

выявленные с помощью семантического анализа дистанционных показателей, свидетельствуют о том, что и языковому сознанию свойственно семиотизация пространства, восприятие пространства как текста. Пространство нельзя считать непрерывным, оно не является простым вместительством объектов, а скорее, наоборот, конституируется ими, и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам» – отмечает Е.С. Яковлева в статье «О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира» [20].

В исследуемом нами романе Магомед-Расула «Отец пророка» выступают открытые и закрытые виды пространства, каждый из которых имеет свою смысловую нагрузку.

Несмотря на то, что пространственные границы романа Магомед-Расула «Отец пророка» узки, это несколько не умаляет художественные достоинства произведения. В романе Магомед-Расула «Отец пророка» подняты существенные социальные проблемы Дагестана и России в целом. «Нелегкие раздумья Масандила о будущем народного искусства разделит каждый подлинный мастер, каждый равнодушный к духовным ценностям человек – где бы он ни родился и ни жил. Вот почему значение романа «Отец пророка» выходит далеко за пределы Дагестана» [1]. В произведении Магомед-Расула присутствует пространственный образ села, внутри которого поднимаются важнейшие социальные и нравственные проблемы. Он занимает значимое место, имея важную смысловую нагрузку – сохранение традиций, обычаев, искусства народа. Лачин играет ведущую роль в решении и социальных (сохранение народного искусства) и этических (проблема семейных взаимоотношений, проблема долга, ответственности, проблема поиска человеком своего места в жизни) проблем романа Магомед-Расула «Отец пророка». Это выдуманное автором село, в котором разворачиваются практически все события, описанные в произведении. «Лачин в «Отце пророка» – аул выдуманной, плод авторского воображения. Но в нем легко угадывается Кубачи – аул златокузнецов и оружейников, еще в прошлые века известный миру прославленными мастерами» [2]. Лачин невозможно назвать замкнутым пространством, так как проблемы, выдвинутые в произведении и рассматриваемые в пределах данного пространственного образа, жизненны, реальны. Писатель с первых страниц указывает место происходящих событий, дает скупое описание, но уже создающее определенное представление о селе. «Аул кузнецов Лачин, притулившийся на макушке горы, пел десятками голосов петухов-зурначей. В маленьких окнах прилипли друг к другу двухэтажных саклей загорался желтый свет» [15, С.308]. Поэтично обрисован образ села в воспоминаниях Малакай. Живописный образ Лачина – это прошлое. Как же была разочарована Малакай, увидев сегодняшний запустевший аул. Малакай, глядя на брошенные дома, вспоминает, как мастерство лачинцев не раз спасало село от врагов. Героиню волнует, что же будет с Лачином. Размышления героини тесно переплетаются с позицией автора. «Размышления и воспоминания Малакай, пересекаясь с суждениями автора, образуют единый пласт повествования, в котором смешаны прошлое и настоящее» [8]. Изображая Лачин вчерашний и сегодняшний, Магомед-Расул поднимает важную социальную проблему. В центре этой проблемы герой Масандил. Технический прогресс XX века обернулся для лачинцев бедой, их мастерство теряет свою ценность, их труд никому не нужен. Искусные мастера постепенно покидают родное село. Об этом думал и Масандил. Но тяга к родной земле, боль за сохранение родного искусства оказались сильнее.

Писатель не раз, повествуя о тех или иных событиях, говорит о Лачине. С симпатией рисует Магомед-Расул лачинцев, пришедших восстанавливать рухнувшую саклю Айбалы. Но аульчане предстают по-разному: каждый со своим характером, со своими слабостями и до-

стоинствами. Бурно обсуждают новость о беременности Малакай, пытаются узнать, кто отец ребенка. И вот в таких ситуациях писатель рисует менталитет лачинцев.

Важным событием в жизни лачинцев стала установка памятника всем погибшим сельчанам в годы войны. И вновь сельчане все вместе, сплотившись, вспоминали погибших. Лачинцы благодарны Ашрапи. С почтением и надеждой говорили они и о Масандиле, узнав, что он написал письмо в министерство о возобновлении искусства. С надеждой на лучшее будущее села Лачин ждет ответа и сам Масандил. Радость и веру ему придало письмо брата Ашрапи. Но ответ с министерства разочаровал Масандила. Больно ему было, в других красках предстает перед ним село, как будто вместе с ним переживало. «Масандил разорвал письмо на клочки, хлопнул дверью и вышел сам не свой.

Над крышами домов струились черные дымки. Над дымками облака, набрякшие дождем, тяжело перемещались по серому небу, наскაკивая друг на друга» [15, С.630]. Масандил не отступает, он отправляется в столицу, чтобы добиться решения наиболее важного вопроса. Писатель, показывая важный социальный конфликт, который отодвигает бытовые, житейские проблемы, разрывает пространственные границы. «Личное горе, неприятность уходят на второй план, когда дело касается общей боли: и Масандил, и Кумсият находят в себе силы, еще не оправившись от душевных потрясений, бороться за сохранение древнего народного искусства лачинцев» [16].

Пространственный образ села включает более узкие замкнутые пространственные образы: годекан, сельсовет, дом. Примыкают к селу открытые образы леса, до-роги.

К замкнутым пространственным образам, играющим огромную роль в жизни лачинцев, относятся дом и кузница. Дом символизирует в романе «Отец пророка» Магомед-Расула защиту, крепость, внутри которой решаются важные этические проблемы: проблемы взаимоотношений в семье, проблема преемственности поколений.

Хранительницей очага в доме Масандила выступает Кумсият. Кумсият всегда оберегала их дом, создавая хорошую славу о Масандиле как о муже. Она всегда поступала очень мудро, даже когда Масандил не хотел принимать родившуюся дочь. Кумсият от имени мужа разрешила барана и разрешила мясо всем лачинцам, сельчане с уважением отнеслись к поступку Масандила. Но, узнав об измене мужа, Кумсият не выдерживает и уходит с детьми из дома. Оставшись один, Масандил понимает ценность семьи в своей жизни, ощущает, как опустел дом.

В доме лачинцы чувствуют опору, поддержку. Дом был важен и для старушки Айбалы. Ослепнув, она не могла жить у Малакай, не могла без своего дома. «Жизнь без своего дома для Айбалы равносильна смерти» [15, С.576]. Пространственный образ дома включает в себя более узкий замкнутый образ кузницы. Кузница имеет огромное значение в жизни Масандила. Именно здесь Масандил обретает душевное спокойствие, именно здесь он бывает счастлив. «Масандилу казалось: кузница его сейчас не просто крохотная мастерская, а которой он привык как к обычному рабочему месту, а центр вселенной, в котором он – главный уста и хозяин, окруженный продолжателями его дела» [15, С.577].

Писатель глазами Масандила описывает кузницу, реалистично передавая рабочее место мастера. Кузница стала местом, где творил уста Масандил, местом, сплачивавшем семью. Именно здесь Масандил выковал вечный клинок, став Уста, сделал изящный браслет, исправил медицинский инструмент. Масандил именно в работе ощущает себя по-настоящему счастливым. «Привычка к любимому труду не дает Масандилу покоя. То он кует «вечный» клинок на заказ, вкладывая в эту работу свою «секретную» технологию, хотя в ауле запрещают из-

готовлять оружие, то, таясь от близких, изготавливает искусный браслет для любимой женщины, то старается передать сыновьям «секреты» своего мастерства, то, наконец, решает написать письмо в Министерство местной промышленности республики, чтобы в ауле открыли артель или мастерскую для кузнецов, традиционное ремесло которых не должно угаснуть» [7]. В кузнице Масандил уединялся, когда на душе было плохо и хотелось побыть одному со своими мыслями.

Следующий пространственный образ – это годекан. Место, где собирались мужчины села обсудить последние новости, принять важные решения для села. Магомед-Расул не раз упоминает о годекане, говоря о том, что именно там лачинцы узнавали о последних событиях села. На годекане лачинцы говорили и о вечном клинке, который смастерил Масандил. Мастер обрадовался, узнав, что аульчане запретили ему продавать клинок, убеждая его, что клинок – достоинство всего Лачина.

Сельсовет – пространственный образ, символизирующий власть. В романе Магомед-Расула «Отец пророка» требования сельсовета идут вразрез с пожеланиями народа. Председателем сельсовета был Суракат, аульчане рады были его назначению: он заменил Диванхану, «самодура». Но Суракат был человеком нерешительным, не имеющим своей позиции. В этом упрекнул его и Масандил. Автор-повествователь сам дает характеристику сельсовету, или диванхане, как его называли иногда лачинцы. «Диванхана по-лачински означает то же, что и сельсовет по-русски. Оно, как и сельсовет, образовалось из двух слов: из «дивана», изначальный смысл которого означал «справедливое решение» и «хань», то есть помещения, предназначенного для вынесения такого решения. Но, по иронии судьбы, из-за нерадивого работника слово это со временем приобрело оттенок снисходительной язвительности. «Диван» стал означать суд, приговор, вынесенный наобум, а «хана» – капут, конец делу. И не осталось ничего от диванханы» [15, С.356]. Масандила несколько раз вызывали в сельсовет. И каждый разговор с Суракатом заканчивался конфликтом.

Важную роль в романе Магомед-Расула «Отец пророка» занимают такие пространственные образы, как лес, дорога.

Писатель с любовью говорит о лесе, о том, как дорожат им лачинцы. «Жизнь лачинцев была накрепко связана с лесом. Кузнецы жгли здесь древесный уголь, женщины накашивали траву для скота, дети собирали ягоды и плоды диких груши и яблони. И всех вместе лес одаривал теплом...» [15, С.337]. О бережном отношении лачинцев к лесу Магомед-Расул повествует в воспоминании Масандила. Досталось ему от отца, когда он вырубил молодой лес для дров. Совесть было Масандилу, когда отец вину перед аульчанами взял на себя. Слышал от них, как жалели они о молодом лесе.

В лесу произошла встреча Масандила с Малакай. Лес много значил в жизни Масандила. «Лес манил Масандила безлюдьем, дружелюбной немотой. Там он впервые встретил Малакай, там испытал первый удар той сжигающей страсти, что гнала его из дому» [15, С.457]. К лесу была привязана Айбала, часто проводившая здесь время в ожидании сына. «Люди часто заставляли старуху разговаривающей с деревьями, горами, небом, речкой, птицами, но никто не слышал, о чем она говорила с ними...» [15, С.387]. Магомед-Расул смог как настоящий художник передать красоту леса. «Ашрапи очутился на залитом солнце холме. На его вершине росла большая ветвистая яблоня. Казалось, весь лес напирал на яблоню, сляясь столкнуть ее, но она, обнажив от натуги жилистые корни, стояла насмерть и бросала прохладную тень на журчащий внизу Глазной родник» [15, С.417].

Дорога – это место встреч, она символизирует повороты, переломные, судьбоносные в жизни человека, важные встречи. По дороге в родной аул Масандил

встретился с Омаром. «... Масандил перешел на другую сторону шоссе и только было собрался свернуть на тропинку, ведущую в аул, как сзади раздался автомобильный сигнал» [15, С.595]. Завязался между ними разговор. Масандил предложил Омару вернуться в родное село, построить завод: «идея о заводе не только все больше нравилась ему, но и казалась вполне реальной» [15, С.598]. Но совершенно другие цели преследовал Омар. Ему нужен был клинок Масандила. Мастер, возлагавший надежду на поддержку Омара, был разочарован. У них были разные принципы в жизни, разные дороги. Не по пути им было. «Так они и разошлись в разные стороны, и в аул вошли порознь» [15, С.604].

Тюрьма – замкнутый пространственный образ, символизирующий место, где человек размышляет о жизни, вспоминает свои поступки, свое прошлое. Магомед-Расул подробно описывает тюрьму. «Подвальная комнатка с глиняным полом и решетчатым окошком, выходящим в большой пустынный двор, показавшись ему тем желанным местом, где он мог остаться наедине с собой» [15, С.534]. Именно здесь Масандил, размышляя о своей жизни, оценил мудрость Кумсият. «Одна она, наверное, была ему и другом, и братом, и женой, и матерью, и болью его, и радостью... Одна она понимала его. Одна желала во всем удачи. Не только желала, но и делала так, чтобы удача поворачивалась к нему лицом...» [15, С.536]. Переживает Масандил и за судьбу родного аула, за будущее своих детей. «Неужели людей больше не потянет к родным местам – к горам и лесам, к чистому воздуху и родниковой воде?» [15, С.537]. Масандил выходит из тюрьмы, приводят его в городскую больницу, знакомится с врачом Мубаракком, получает от него заказ выковать медицинский инструмент. И вот тут он почувствовал, что не может без своей работы, своей семьи, своего села: «... и тут же почувствовал, как его неодолимо потянуло домой, в аул, в кузницу...» [15, С.540].

Таким образом, можно сделать вывод: при рассмотрении пространственных образов мы раскрываем социальные и нравственные проблемы, поднятые в романе Магомед-Расула «Отец пророка», особенности ментальности горского народа, их взаимоотношения в семье, в ауле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абуков К.И. И вот почему // Комсомолец Дагестана. 1986. 25 марта. С.12.
2. Андреев Л.Г., Косиков Г.К., Пахсарьян Н.Т. и др. Под ред. Л.Г. Андреева. Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000-2000: Учебное пособие. М.: 2001. С.145.
3. Ахмедов С.Х. Социально-нравственные ориентиры дагестанской прозы. Махачкала: Дагкнигиздательство, 1990. С. 149.
4. Ахмедов С.Х. На путях развития дагестанской советской прозы. Махачкала: Дагкнигиздательство, 1972. С. 78.
5. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: 1975. С. 392.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: 1986. С. 91.
7. Белик Е.В. Образы из народа. (О новом романе Магомед-Расула «Отец пророка») // Дагестанская правда. 1985. С.6.
8. Вагидов А.М. Дагестанская проза второй половины XX века. Махачкала: 2005. С. 518.
9. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: 1981. С. 89.
10. Ефремова Е.Н. Диссертация канд. филол.н. «Хронотоп в жанре романа литератур народов Северного Кавказа. Опыт сравнительного изучения». Нальчик: 2003. С. 11.
11. Иванов В.В. П.А. Флоренский и проблема языка. // Механизм культуры. М.: 1990. С. 198.
12. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: 1979. С. 335.

13. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: 1988. С. 251.
14. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя. // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. М.: 1988. С. 274.
15. Магомед-Расул. Отец пророка. Махачкала: Дагкнигиздательство, 1983. С.307.
16. Полухина Л.И. Металл и цветок. (О прозе Магомед-Расула) // Литературная Россия. 1986. С.7.
17. Топоров В.Л. Пространство и текст. //Текст: семантика и структура. М.:1983. С. 228.
18. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: 1999. С. 205.
19. Энциклопедический литературоведческий словарь. Зарубежное литературоведение. М.: 1994. С. 119.
20. Яковлева Е.С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира // Вопросы языкознания. № 4. С. 50.

Статья поступила в редакцию 26.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 811

ЦЕННОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА
«АМЕРИКАНСКИЙ ТУРИСТ»

© 2018

Рыжикова Марина Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(295051, Россия, Симферополь, улица Лексина, 60, e-mail: marinaryzhikova@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматривается лингвокультурный типаж американского туриста в аксиологическом аспекте посредством анализа словарных дефиниций, когнитивно-дискурсивного и коммуникативно-прагматического приемов. Описывается понятийная сторона концептуального образа «турист». Выделяются ключевые и второстепенные характеристики, с помощью которых реализуется данный типаж. К основным относятся «путешествие» и «экскурсионное обслуживание». Дополнительными считаются «забота», «достопримечательности», «размещение», «транспортное обслуживание» и «питание». Впервые изучается ценностная сторона исследуемого типажа. Результаты исследования указывают на следующие рекомендации по разработке удовлетворительных туристических туров: путешествие должно быть разнообразным и организованным безупречно, с обзором как можно большего количества невероятных и захватывающих дух достопримечательностей за короткий срок, познавательным, впечатляющим и запоминающимся. Кроме того, экскурсовод представляется умным, компетентным, услужливым, дружелюбным. Размещению в гостиницах не является ключевым критерием. Помещение должно быть приличным, тогда как размер комнат не имеет значения. Выявленные концепты вербализуются морфологическими, стилистическими, синтаксическими и графическими средствами, среди которых – эпитет, сравнение, метафора, преувеличение, повтор, противопоставление, перечисление, эллиптические и восклицательные предложения, степени сравнения прилагательных и графон.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурный типаж, ключевой концепт, вспомогательный концепт, турист.

VALUE PECULIARITIES OF THE LINGUACULTURAL CHARACTER
«AMERICAN TOURIST»

© 2018

Ryzhikova Marina Dmitrievna, candidate of philological sciences, professor assistant of «Theory of language, literature and sociolinguistics»
V. I. Vernadskiy Crimean Federal University
(295051, Russia, Simferopol, street Leksina 60, e-mail: marinaryzhikova@yandex.ru)

Abstract. The article presents the linguacultural character of an American tourist from axiological point of view. The aim is achieved by means of analysis of dictionary definitions, cognitive, discourse, communicative and pragmatic techniques. The notion of «tourist» is described. The author outlines the main and secondary concepts which help to realize the investigated character. The former ones include «travelling» and «tour guidance». The latter ones cover «care», «sights», «accommodation», «transport» and «meals». The results of the research reveal the following recommendations to develop a satisfying tour. The trip must be variable with an immaculate organization which allows to see as many incredible and fascinating sights as possible within a short time period. It is supposed to be informative, impressive and memorable. The guide is considered intelligent, competent, helpful and friendly. Accommodation is not a key criterion, although the placement should be decent. Values of the linguacultural character under research are first determined. The introduced concepts are linguistically expressed by morphological, stylistic, graphic and syntactical devices, in particular epithet, simile, metaphor, hyperbole, ellipsis, repetition, antithesis, enumeration, exclamatory sentences, degrees of comparison of adjectives and graphon.

Keywords: linguacultural studies, linguacultural character, key concept, secondary concept, tourist.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Несмотря на то, что антропологический вектор лингвистических разработок начал свое утверждение еще в XIX веке, данное направление остается одним из ведущих и для современных филологических исследований [1, с. 84]. Как отмечает Л. Н. Чурилина вслед за В. А. Масловой, ему присущи два основных научных принципа – изучение «языка в человеке» и «человека в языке» [2, с. 9]. Так, антропоцентризм обуславливает актуальность анализа языковых картин мира и языкового сознания [3, с. 214], познание которых, перефразируя слова С. Аверинцева, способствует реализации одной из важных задач человечества – объективному пониманию другой культуры [4]. Культурная составляющая языковой системы в тесной связи не только с языком, но и с этносом, народным менталитетом подчеркивается С. Г. Воркачевым [5], а научная триада «язык – культура – человеческая личность» находит отражение в работах Э. Бенвениста, С. Г. Тер-Минасовой, О. А. Леонтович, В. Н. Телии и др.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Одним из основополагающих концептов лингвокультурологии считается языковая личность, которая становится объектом исследования Ю. Н. Караулова, В. И. Карасика,

О. Б. Сиротининой, И. П. Сусова, Г. Н. Беспамятновой, Т. В. Кочетковой, Е. В. Шириной и многих других. Современные разработки языковой личности связаны с анализом ее типов, которые определяют национально-культурную специфику того или иного сообщества [6]. В лингвистике накоплен обширный материал, отражающий образные черты различных типажей на основе английского языка. Например, В. А. Резник представила этимологическое, лексико-фразеологическое и семантическое обоснование лингвокультурного типажа «британский лорд» [7]. И. А. Мурзинова анализирует в социолингвистическом аспекте типаж «британская королева», реализующийся в повседневном, массмедийном и энциклопедическом видах дискурса [8]. Д. Г. Демидова рассматривает свойства данного понятия в сравнении с функционированием термина «социолект» на примере коммуникативного описания концепта «британский избиратель» [9]. Н. М. Глушкова, исследуя англоязычный роман, описывает социокультурный компонент типажа «друг» с позиций детского персонажа [10]. Г. И. Лушникова совместно со Т. В. Старцевой определяет структуру образа «ирландский эмигрант», обозначая языковые средства и речевые особенности реализации его портретных характеристик [11]. Кроме того, Т. В. Старцева создает когнитивную модель эмигранта [12]. И. С. Шильникова очерчивает лексические и стилистические способы репрезентации типажа «The

Man of Property» в романах Дж. Голсуорси [13]. Кроме того, с разных аспектов изучены типы «английский джентльмен» (Э. А. Кильдошов), «американский первопроходец» (А. В. Валяйбоб 2012), «американский ковбой» (О. В. Комбарова, М. В. Мищенко 2013), «английский аристократ» (Т. А. Ивушкина 2013), «английский рыцарь» (Е. Ю. Скачко 2013), «английский бизнесмен» (А. Г. Михайлова 2013), «американский супермен» (В. Н. Радван), «eccentric» (Е. А. Ярмахова 2013), «английский колониальный служащий» (В. В. Деревянская 2013), «сноб» (А. Ю. Коровина 2013), «американский политик» (Е. В. Бакумова 2013), «kidult» (А. С. Шевелева 2016), «герой» (О. Ю. Юшко 2011), «английский викарый» (Л. Н. Бровикова 2013), «английский чудак» (Е. А. Ярмахова 2005, А. Н. Рахматуллина 2011), «американский адвокат» (Е. Гуляева 2012), «врач» (К. А. Зыкова 2016). Многочисленность разработок свидетельствует в пользу актуальности проблематики. Тем не менее, на сегодняшний день нет комплексных исследований концепта «американский турист». Отмечается лишь изучение профессионального путешественника – В. И. Чурюмова на материале русского языка рассматривает толкование термина, его образно-перцептивную и оценочную стороны [14], а также работа И. В. Башковой, которая предлагает способы описания составляющей русской языковой картины мира на примере типажа «турист» в дискурсе В. П. Астафьева [15].

Формирование целей статьи (постановка задачи). Цель настоящего научного труда заключается в определении на материале туристических отзывов на экскурсионные туры, размещенных в сети Интернет за период 2012-2017 гг., ключевых ценностей, типичных для американского туриста. Методология обусловлена задачами: кроме общелингвистических приемов, использовался анализ словарных дефиниций, когнитивно-дискурсивный метод (для выявления ценностей [16, с. 541]) и коммуникативно-прагматический прием (для характеристики этнокультурологических аспектов коммуникации [16, с. 541]).

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Описание лингвокультурного типажа способствует совершенствованию межкультурной коммуникации, поскольку облегчает понимание сознания и коммуникативного поведения представителя определенной культуры [17]. Вслед за В. И. Карасиком феномен представляется совокупностью лингвокультурных личностей, чье поведение и ценностные ориентации не только отражают этническое и социальное своеобразие, но и формируют образ культурного общества в целом [18]. При этом культурно значимой составляющей считается ценностная сторона [19, 97-98]. В настоящей работе анализ типажа «американский турист» строится по концептуальной модели выявления понятийных и ценностных характеристик, предложенной О. А. Дмитриевой [19].

Дефиниции английской лексики «*tourist*» в он-лайн словарях [20-23] толкуют ее как человека, который совершает путешествие ради удовольствия, отдыха или интереса. Также было обнаружено, что одной из целей путешествия является познание культуры. Кроме того, слово определяется как человек, который предпринимает поездку или посещает разные места. Были выявлены 6 синонимов (один из которых – *tripper* – типичен скорее британской культуре) и 13 родственных слов (из них *holidaymaker* чаще употребляется в британском варианте английского языка). Анализ толковых значений и перекрестков синонимов показал, что туристом может быть: экскурсант (англ. *excursionist*), тот, кто отправляется в поездку с экскурсоводом (англ. *rubberneck, rubbernecker*, русск. *любопытствующий, зевака*), любитель достопримечательностей (англ. *sightseer*), вояжер, путешественник (англ. *traveler, tripper, journeyer*). Близкими по значению считаются такие лексемы: отдыхающий (англ. *holidaymaker, vacationer*), курортник, гуляющий (англ.

holidayer), отпускник (англ. *vacationer*). Семантическое поле анализируемой словарной единицы включает также следующие понятия: гость; постоялец или тот, кого развлекают / на кого направлено гостеприимство; тот, кто платит за предоставляемые услуги (англ. *guest*); останавливающийся на турбазах турист (англ. *hosteler*); визитер, временно проживающий (англ. *visitor*); проезжающий мимо местности с кратковременной остановкой (англ. *transient*, русск. *транзитный пассажир*); паломник, пилигрим, странник, путешествующий за границей (англ. *pilgrim*); путник (англ. *wayfarer*); перелетная птица – тот, кто уезжает в теплые страны, особенно зимой (англ. *snowbird* – в частности, про пожилых людей, *sunseeker*). Словарь Cambridge [21] указывает еще один синоним, распространенный в Северной Америке (помимо *vacationer, vacationist*) – англ. *out-of-towner*, обозначающий некоренного жителя, приехавшего из другого города с коротким визитом, возможно, с намерением обосноваться.

Так, концепт «турист» понимается как любой человек, совершающий поездку за пределы места проживания в развлекательных или образовательных целях, обычно во время отпуска, посещающий достопримечательности индивидуально или в группе с экскурсоводом.

В электронных отзывах путешественники в основном, комментируют саму поездку и ее экскурсионную составляющую – либо гида, либо собственно достопримечательности. Так, можно предположить, что американский турист, если обращается в агентство, скорее воспользуется организованными турами, нежели путешествует индивидуально. Исходя из определений рассматриваемого образа, ключевым концептом следует считать «путешествие», который в свою очередь можно разложить на несколько составляющих. Прежде всего, это эмоции от пережитой поездки. Тематическое деление эпитетов свидетельствует о том, что для экскурсантов путешествие ассоциируется с чудом (*amazing, fantastic, wonderful, awesome*), которое впечатляет (*impressive, emotional*) и приносит радость (*exhilarated, blessed, beautiful, great*). В какой-то степени тур предстает как «наилучшее вложение [средств]», которое меняет жизнь отдыхающего в лучшую сторону или приносит пользу / выгоду: *life-changing, rewarding, trip of a life time, the best investment*. Организация поездки не оставлена без внимания: она должна быть безупречной, хорошо продуманной, идеальной: *flawless, top marks with distinctions, well-organized, worth, successful, ideal*. Незнание о том, какое предусмотрено обслуживание, вызывает разочарование, а поездка может считаться испорченной. Более того, детальные планы предпочтительны. Экскурсии обязательно должны вызывать интерес (*interesting*) и быть образовательными (*educational*), при этом с доступным изложением информации (*comprehensive*). Значимо для туристов и получение удовольствия от путешествия – комфортного и расслабляющего отдыха: *relaxing, comfortable, enjoyable*. Экскурсанты высказываются в пользу незабываемой поездки (*unforgettable, memorable*), в которой они получают массу впечатлений за короткое время (*much for little time*). Активный отдых приветствуется, о чем говорят глаголы с семантикой времяпрепровождения: *snorkeling, hot air ballooning, swimming, riding, floating* и др. При этом всегда отмечается, что самостоятельно путешественники не в состоянии охватить такое большое количество видов деятельности («*We did so many things I wouldn't have thought to do by myself*» [24]) или – если получают больше, чем ожидают («*This was a trip of a life-time for me and it ended up being a "million" times better than I had expected!*» [24]).

Второй по значимости концепт реализации лингвокультурного типажа «американский турист» – «экскурсионное обслуживание», который складывается от впечатлений, производимых экскурсоводом и его работой. Данный концепт можно представить вспомогательными характеристиками, а именно: «знание своего

дела», «содействие», «расположение к своей персоне», «умение развлечь» и «профессионализм». Практически каждый отзыв содержал комментарий относительно осведомленности сопровождающего о том или ином объекте. Постоянно упоминающиеся эпитеты в этом случае – *knowledgeable, informative*. При этом рассказ передает страсть и любовь к месту посещения (обычно, каждый путешественник одновременно является гражданином страны, где расположен посещаемый объект). Особенно ценится, если сотрудник легко находит слова для повествования, с энтузиазмом относится к своей работе: «*The words flowed freely from his mouth, each day, everyday and at each and every site*» [24]. Грамотный, начитанный, умный гид, по словам авторов отзывов, является «бриллиантом», «честью, хвалой» туристической компании: «*Probably the «Jewel» of the tour was our Tour Guide, Helal*» [24], «*Momo Said, you are a credit to your country and profession*» [24]. Содействие выражается в умении оказать помощь в любых ситуациях – ориентировании на местности, в случае ранения и т.п. Экскурсовод описывается как внимательный, услужливый, старательный, исполнительный, вдумчивый: *attentive, helpful, prompt, thoughtful*. Следует отметить необходимость познакомиться с экскурсантами, в определенной мере стать хорошими знакомыми: ценно быть хорошим собеседником (*good communicator*), честным и неподкупным (*a man of wonderful integrity*), с которым нетрудно найти общий язык (*easy to approach*). Важным считается проявление личностного подхода к каждому гостю. Умение располагать к себе касается и внешности: приветствуются улыбочные (*smiling*) и веселые сотрудники (*cheery*). Профессионализм сопровождающего подчеркивается компетентностью, квалификацией и образованностью. Ценится и умение подстраиваться под погодные условия и корректировать маршрут.

Отдельно стоит указать концепт «забота». Туристы обращают внимание на теплый прием. Они должны ощущать себя в безопасности, привечаемыми и т.н. «включенными» (англ. *feel welcomed and included*) в тур. В этом случае автор отзыва использует пассивный залог глаголов, например: «*Right from the moment I touched down in Egypt I was made to feel safe and welcome by the On The Go team*» [24].

Концепт «достопримечательности» связан с эмоциональным восприятием и включает невероятные (*incredible, unbelievable, fantastic*), захватывающие дух (*breath-taking, stunning*), очаровательные (*lovely, beautiful*), бесценные (*priceless*), выдающиеся (*outstanding*), восхитительные (*splendid*), разнообразные (*vast, diverse*) объекты.

К дополнительным концептам, характеризующим типаж американского туриста, можно отнести «размещение», «транспортное обслуживание» и «питание». Первый описывается как чистое, теплое, приличное место (*adequate, warm, clean, decent, excellent, fine*). Самое главное – достаточное количество пространства для багажа. Зачастую номера в гостиницах маленькие, однако, это, как правило, не создает неудобств. В транспортном обслуживании особенно подчеркивается комфорт, в частности, при длительных переездах: такая поездка должна легко переноситься (*easy trip*). Внимание отводится и водителю – особенно, замечательному вдумчивому профессионалу (*exceptional, great, cute, thoughtful*). Если путешествие длительное, необходимо делать остановки для отдыха.

Как показывает анализ, указанные выше концепты вербализуются с помощью эпитетов (например, *brilliant, perfect*), метафоры (например, «*I took advantage of the opportunity to skip the tents (which looked comfortable - more of a glamping tent) and sleep out under the stars at our Bedouin camp, Rainbow Camp, under an incredible blanket of stars*» [24]), сравнения (например, «*Certainly more than I expected*» [24]), преувеличения (например, «*Caye Caulker is a beautiful, laid back island that I could*

have stayed on forever» [24]). Среди синтаксических особенностей отмечены эллипс (например, «*Very well organised tour which takes you to all the best bits of golden triangle. Excellent knowledgeable tour guide and good mixture of people on the tour. Thoroughly enjoyed and learnt loads about India's history and culture*» [24]), повтор (например, «*Great trip, great guide, great group!*» [24]), противопоставление (например, «*The accommodations were a bit small but clean*» [24]), перечисление в сочетании с параллельными конструкциями (например, «*I did felucca. I did cruiser (highlight). I did scuba diving in the Red Sea (Hurghada). I drove speed boat (Hurghada). I did sandboard (Wadi Rum). I did Hot Air Ballon in Luxor (highlight)*» [24]) и восклицательные предложения (например, «*The trip was everything and more! ... Would go back again!*» [24]). К морфологическим средствам выражения характеристики исследуемого типажа относятся степени сравнения прилагательных (например, «*I can honestly say that this was the best trip that my wife and I have ever undertaken*» [24]), а к графическим – капитализация (например, «*BRILLIANT!...AMAZING tour guide (Akthar)... WELL worth it!*» [24]).

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, лингвокультурный типаж «американский турист» реализуется посредством двух основных концептов – «путешествие» и «экскурсионное обслуживание», и рядом второстепенных – «забота», «достопримечательности», «размещение», «транспортное обслуживание», «питание». Изучение представленного типажа способствует разработке туров, удовлетворяющих потребности американского гражданина: разнообразное, безупречно организованное путешествие в краткий срок, приносящее познание в доступной форме и удовольствие, оставляющее глубокие эмоции и воспоминания, стоящее финансовых вложений; сопровождение умным, компетентным, услужливым, дружелюбным экскурсоводом; посещение невероятных и захватывающих дух достопримечательностей; размещение в приличных гостиницах. Представленный лингвокультурный образ лингвистически выражается стилистическими, морфологическими, синтаксическими и графическими средствами. Направлением дальнейших исследований может быть анализ перцептивно-оценочной стороны данного типажа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Карабутова Е. А. Антропологический подход к обучению языковой личности иноязычной лингвокультурной деятельности // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 12 (131). Выпуск 14. С. 82-89.
2. Чурилина Л. Н. Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л. Н. Чурилина. 9-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 416 с.
3. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л. Н. Чурилина. 9-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 416 с. С. 214-217.
4. Аверинцев С. Филология // Большая советская энциклопедия / Изд. 3-е. Т. 27.
5. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
6. Лутовинова О. В. Лингвокультурный типаж в ряду смежных понятий, используемых для исследования языковой личности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-v-ryadu-smezhnyh-ponyatiy-ispolzuyemyh-dlya-issledovaniya-yazykovoy-lichnosti> (дата обращения: 14.12.17 г.).
7. Резник В. А. Понятийно-дефиниционная составляющая лингвокультурного типажа «Британский лорд» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>

ru/article/n/ponyatiyno-definitcionnaya-sostavlyayuschaya-lingvokulturnogo-tipazha-britanskiy-lord (дата обращения: 14.12.17 г.).

8. Мурзинова И. А. Энциклопедические признаки лингвокультурного типажа «Британская королева» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/entsiklopedicheskie-priznaki-lingvokulturnogo-tipazha-britanskaya-koroleva> (дата обращения: 14.12.17 г.).

9. Демидова Д. Г. Значение социально-территориальных признаков для формирования лингвокультурного типажа «Британский избиратель» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-sotsialno-territorialnyh-priznakov-dlya-formirovaniya-lingvokulturnogo-tipazha-britanskiy-izbiratel> (дата обращения: 14.12.17 г.).

10. Глушкова Н. М. Особенности реализации лингвокультурного типажа «Друг» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-lingvokulturnogo-tipazha-drug> (дата обращения: 14.12.17 г.).

11. Лушникова Г. И. / Г. И. Лушникова, Т. В. Старцева. Структурные особенности лингвокультурного типажа «Ирландский эмигрант» (на материале произведений Дж. О'Коннора «Звезда морей») [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-osobennosti-lingvokulturnogo-tipazha-irlandskiy-emigrant-na-materiale-proizvedeniya-dzh-o-konnora-zvezda-morya> (дата обращения: 14.12.17 г.).

12. Старцева Т. В. Прозаические текстовые включения как механизмы когнитивного моделирования лингвокультурного типажа emigrant [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prozaicheskie-tekstovye-vklyucheniya-kak-mehanizmy-kognitivnogo-modelirovaniya-lingvokulturnogo-tipazha-emigrant> (дата обращения: 14.12.17 г.).

13. Шильникова И. С. Ценностное отношение к семье лингвокультурного типажа The Man of Property на материале произведений Джона Голсуорси [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnoe-otnoshenie-k-semie-lingvokulturnogo-tipazha-the-man-of-property-na-materiale-proizvedeniy-dzhona-golsuorsi> (дата обращения: 14.12.17 г.).

14. Чурюмова В. И. Лингвокультурный типаж «профессиональный путешественник» [Электронный ресурс] // Достижения Вузовской науки. № 4. Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2013. С. 138-143. Режим доступа: <http://os.x-pdf.ru/20kulturologiya/739688-1-lingvokulturniy-tipazh-professionalniy-puteshestvennik-churyumova-n.php> (дата обращения: 18.12.17 г.).

15. Башкова И. В. Лингвокультурный типаж «турист» в авторской картине мира В. П. Астафьева [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2014 № 2 С. 179-194. Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/view/45507669/?*=kgt3c9MAne6%2BLYKivUfJJR9WLJV7InVybc16lmh0dHA6Ly9lY29saW5nLnNmdS1rcmFzLnJlL3dwLWNvbnRlbnQvdXBsb2Fkcy8yMDE0LzA5L0Jhc2hrb3ZhLUkuVi4ucGRmliwidG10bGUiOiJCYXNoa292YS1JLIYUlnBkZiIsInVpZCI6IjQ1NTA3NjY5IiwieXUiOiI5NDkyNDZlMDE0MTk1NjQxIiwibm9pZnJhbWUiOnRydWUsInRzIjoxNTEzNjg0NzUwODgwfwQ%3D%3D&lang=ru (дата обращения: 18.12.17 г.).

16. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.

17. Дмитриева О. А. Теория лингвокультурных типов. Учебное пособие [Электронный ресурс] / О. А. Дмитриева, И. А. Мурзинова. Интеллектуальная издательская система Ridero, 2016. Режим доступа: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22073907&art=22073907 (дата обращения: 18.12.2017 г.).

18. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы. Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

жи: Сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5-25.

19. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. 307 с.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ:

1. <https://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=traveller&stypе=0>

2. <https://dictionary.cambridge.org/>

3. <https://www.oxforddictionaries.com/>

4. <https://www.merriam-webster.com/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. <https://www.tourradar.com/on-the-go-tours#about>

Статья поступила в редакцию 09.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 811.111

МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ЮРИДИЧЕСКОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2018

Коларькова Оксана Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры языкознания и иностранных языков

Савина Анна Анатольевна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры языкознания и иностранных языков

Российский государственный университет правосудия, филиал в Нижнем Новгороде (603022, Россия, Нижний Новгород, проспект Гагарина 17А, e-mail: rapfno@yandex.ru)

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу употребления английских модальных глаголов в юридических документах с различными семантическими оттенками в зависимости от контекста изложенного текста. В статье представлены результаты анализа юридических текстов договоров, соглашений, конвенций, нормативно-правовых актов и других видов документов, которые были взяты из электронной базы данных Официального журнала Европейского Союза – правительственного бюллетеня Европейского Союза. Авторами данной статьи была проанализирована частота употребления модальных глаголов в вышеперечисленных юридических документах, среди которых наиболее часто употребляемыми считаются *shall, should, may, shall not* и *will*, а к наиболее редко используемым относятся *may not, must, can, cannot* и другие. Также в статье были выявлены функционально-семантические особенности модальных глаголов, раскрывающие их основные значения юридической направленности, к которым относятся: «обязательство», «запрещение», «разрешение», «возможность», «обещание». При интерпретации и переводе текстов юридической документации необходимо принимать во внимание выделенные специфические особенности английских модальных глаголов, чтобы избежать неясности, неточности и неопределенности, что является недопустимым в правовой сфере. В своем исследовании авторы статьи опираются на богатейший опыт как отечественных, так и зарубежных исследователей-лингвистов, что позволяет судить об обоснованности представленных в статье выводов.

Ключевые слова: юридический английский язык, юридические документы, императивность, юридические тексты, модальность, модальные значения, модальные глаголы, модальный глагол *shall (not)*, модальный глагол *should*, модальный глагол *may*, модальный глагол *will*.

MODAL VERBS IN LEGAL ENGLISH

© 2018

Kolarkova Oxana Gennadievna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of language study and foreign languages department

Savina Anna Anatolievna, candidate of pedagogical sciences, senior teacher of language study and foreign languages department

Russian State University of Justice, Privolzhsky branch (603022, Russia, Nizhny Novgorod, Gagarin Avenue, 17A, e-mail: rapfno@yandex.ru)

Abstract. This article is devoted to the question of the use of English modal verbs in legal documents with various semantic shades depending on the context of the contained text. The article represents the results of legal texts analysis of treaties, agreements, conventions, legal acts and other types of documents taken from electronic database of the Official Journal of European Union – Government Bulletin of European Union. The authors of this article have analyzed the frequency of modal verbs use in the above-mentioned legal documents among which *shall, should, may, shall not* and *will* are considered to be the most frequently used while *may not, must, can, cannot* and others are related to the most rarely used. What's more, functional-semantic features of modal verbs have been identified in the article revealing their prior meanings of legal character which are the following: "obligation", "prohibition", "permission", "possibility", "promise". It is necessary to take into account these identified specific features of English modal verbs when interpreting and translating texts of legal documentation in order to avoid uncertainty, inaccuracy and ambiguity that are not valid in the sphere of legislation. The authors of the article in their research work have drawn on the extensive experience of both Russian and foreign scientists-linguists and this fact allows to judge the fairness of conclusions presented in this article.

Keywords: Legal English, legal documents, imperativeness, legal texts, modality, modal meanings, modal verbs, modal verb *shall (not)*, modal verb *should*, modal verb *may*, modal verb *will*.

Intensive development of trade-economic and business relations, expansion of international contacts around the world demand linguistic basis elaboration with the aim of effective inter-lingual communication. Any activity of international level requires the existence of official document (treaty, contract, agreement, legal acts and their projects etc.), which are sure both to validate serious relationship of cooperating parties and to define their duties to each other. As Krapivkina O.A. says, "in order to be effective and understandable to any member of society, any legal document must be clear, definite, containing unambiguous language. Otherwise it can lead to uncertainty in the sphere of legislation, mistakes in law enforcement" [13, p. 114]. Legal language as well as other professional languages is fundamentally different from the language of general use. It has its both lexical and grammar features. Imperativeness is considered to the priority stylistic feature referred mainly to legal documents. Imperativeness is defined as "certainty of conduct requirements, exact definition of both rights and duties between subjects of legal relations which exclude any discretion or free choice" [20]. The main role in imperativeness realization belongs to modal verbs. In this regard we think the problem of English modal verbs in Legal English,

in particular, in the texts of legal documentation, to be timely and topical.

Modal verbs in Legal English is the subject matter of a great deal of linguistic researches. Most of scientific works deal with the problem of English modal verbs translation in legal texts (Krapivkina O.A., Masalova K.S., Medvedeva M.S. and so on); polysemy of some modal verbs in Legal English (Aher M., Kaminskaya E. V., Krapivkina O.A., Zelenka R. and others); identification of their grammar and some general semantic features (Huddleston R., Palmer F.R., Pullum G.K., Vinogradiv V.V. and others). From our point of view, functional-semantic features of English modal verbs exactly in the texts of legal documents are not fully identified in analyzed scientific researches in the sphere of linguistics.

In this connection, the purpose of our article is firstly to analyze how frequently English modal verbs are used in the texts of such legal documents as treaties, agreements, conventions, legal acts and others, and also to identify functional-semantic features of modal verbs, namely, their main modal meanings of legal character.

Legal English is the style of the English language used by lawyers in their work. Legal language is used in wide variety of documents, from the drawing up of statutes, treaties,

declarations, conventions, etc. to the closing of agreements and contracts between individuals or corporations. Legal documents are composed in most cases by professionals (contract drafters) who have to be sure that every sentence in document says exactly what it is intended to say and to avoid misinterpretation at the same time. As Crystal and Davy claim, writing of these documents is not spontaneous but is copied directly from 'form books' which contain established phrases because "legal language must always behave in conformity with the law" [6, p. 214] when so much depends on the results of the interpretation.

Legal texts vary on a wide range of classifications depending on its nature of function. Legal English can be seen as consisting of several kinds of writing, depending on their communicative function. As suggested in Risto Hiltunen's book, there are three different types of legal writing to be distinguished: (a) academic texts which consist of academic research journals and legal textbooks, (b) juridical texts covering court judgments or law reports and (c) legislative or statutory writings consisting of Acts of Parliament, contracts, treaties, etc [8, p.81].

Legal texts by their nature exhibit a variety of modal meanings essential to their content and texture. Modal meanings are closely connected with the notion "modality".

Modality (from Lat. *modalis* – modal и *modus* – mode, measure) – is a general category found in many languages. It is one of the most difficult categories from theoretical and pragmatic points of view. The category of "modality" has always been regarded as a necessary (integral) feature of any sentence (utterance). The question concerning "modality" because of its diversity, multidimensional nature, still remains controversial and not yet finally settled in language study. A lot of scientific works written by Alsinbaeva R.G., Aijmer K., Arutyunova N.D., Huddleston R., Vinogradov V.V., Palmer F.R., Panfilov V.Z., Petrov N.E., Quirk R. and so on are devoted to this question.

In Linguistic Encyclopedia "modality" is defined as "functional-semantic category which expresses various kinds of statement relations towards reality and also different kinds of subjective qualification of those who report" [26, p.303].

In Russian linguistics the concept "modality" as an important semantic category revealing the relations of sentence or utterance content towards reality, was firstly formulated and presented in accordance to the contemporary Russian language by Academician Vinogradov V.V. Besides, the scientist summarily outlined functional hierarchy of those relations [24]. In foreign linguistics the initial stage of this category study was connected with the name of a French linguist Balli Sh. who made a fundamentally important comment on the following fact that "one mustn't give the meaning to the utterance if there isn't any expression of modality" [4, p. 44].

"Modality may be defined as the manner in which the meaning of a clause is qualified so as to reflect the speaker's judgment of the likelihood of the proposition it expresses being true" [Quirk 19, p.219]. In more practical view term "modality" includes various semantic notions such as ability, possibility, obligation and imperative meaning [Huddleston 9, p.173].

In our research "modality" is, above all, functional-semantic category in the basis of which there are modal meanings of legal character taking place in the texts of English legal documents. They are the following: "obligation", "prohibition", "permission", "possibility", "promise".

One of the ways to express modality in Legal English is modal verbs with appropriate legal modal meanings. In order to identify modal verbs and their functional-semantic features of legal character we've carried out the analysis of about 20 legal texts which are referred to the third type of legal writings – legislative or statutory writings consisting of legal acts, contracts, treaties, agreements etc, according to Risto Hiltunen's legal texts classification [8]. Legal texts of various documents were taken from the Official Journal of the European Union – Government Bulletin of European

Union, which is published every working day in all of the official languages of the member states. It was first published in 1952 and its first electronic version appeared in 2013 [25]. This electronic version, given in special website [17] contains a database of legal texts concerning the European Union. For the purposes of easier orientation within the site, the texts are arranged in collections – treaties, international agreements, legislation in force, legislation in preparation, case-law, parliamentary questions. The access to the site is free and no registration is needed.

Having analyzed the texts of some legal documents we have come to the conclusion that the modal verb *shall* is the verb with the highest frequency. It occurs 275 times out of 540 modal verbs in total which accounts 50,9% of all occurrences in analyzed legal texts. In most cases the modal verb *shall* conveys the meaning of "obligation", "duty", "order", "command", "enforcement". Speculating on such type of legal documents as "treaty" Sheina I.M. claims that modal verb *shall* "provides prescriptive character of a treaty..... Modal shade of any treaty serves to strengthen the role of the concept "obligation" in the conceptual structure of legal discourse" [23, p. 48].

Thus, imposing obligation and expressing command the verb *shall* is widely used in such international legal documents, as: conventions, agreements, legal acts, treaties, contracts. This main function of *shall* in Legal English can be illustrated by following examples [17]:

- *The Commission shall be responsible for promoting and facilitating nuclear research in the Member States and for complementing it by carrying out a Community research and training programme* (Consolidated version of the Treaty establishing the European Atomic Energy Community. 30.3.2010);

- *The Parties shall take all necessary measures to implement this Agreement* (Agreement between the United States and the European Union on the protection of personal information relating to the prevention, investigation, detection, and prosecution of criminal offences. 10.12.2016).

As a result of legal documents analysis one can state that the modal verb *shall* has great semantic diversity and is used by legal drafters and lawyers for many other purposes. Such scientists-linguists as Butt P., Castle R., Zelenka R. talk in their research works about so-called "overuse of shall". Butt R. claims that "in one document *shall* serves a number of purposes. There may be a primary purpose, with subsidiary purposes; or two or three purposes may carry equal weight" [5, p. 132]. Besides its primary purpose ("obligation", "duty"), *shall* in Legal English can state circumstances, give a direction, to create a condition precedent or subsequent, to grant a right, to express intention or the future. According to Medvedeva M.S., the modal verb *shall* can have «the meaning of declarativity, strict compliance with the document, that makes it closer to the verb "must" because of strictness of the utterance [16, p. 165]. In a word, we can see that one of the specific features of the verb *shall* in Legal English is its flexibility as it marks many types of meanings. But this "multi-meaningfulness" is "dangerous because it can lead to an argument about which meaning it marks in particular sentences" [27, p. 33].

The modal verb *should* takes the second place after *shall* as the most frequent and occurs 91 times that represents 16,8 %. The verb *should* in legal documents can be often used as a synonym of the verb *shall* in the meaning of obligation.

- *Such an agreement should be without prejudice to the decision-making autonomy of the European Union* (Agreement between the European Union and the former Yugoslav Republic of Macedonia establishing a framework for the participation of the former Yugoslav Republic of Macedonia in European Union crisis management operations. 12.12.2012);

- *The identification number under which VAT is paid should therefore be communicated in advance to enable customs authorities to check its validity upon importation of the goods* (Legislative acts. Council regulation amending

Regulation (EU) on administrative cooperation and combating fraud in the field of value added tax).

It must be mentioned that the modal verb *should* in contract documents is often used with inversion. In this respect it usually replaces the conjunction *if* making the sentence conditional. For instance [17]:

- *Should there be any major difficulties in implementing a decision as referred to in this Article, a Member State shall refer them to the Council which shall discuss them and seek appropriate solutions* (Consolidated version of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union. 9.5.2008);

- *Should management and labour so desire, the dialogue between them at Community level may lead to contractual relations, including agreements* (Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts, signed at Amsterdam. 10.11.1997).

The modal verb *may* takes the third place after *should* as the most frequent. It represents 13,8% and occurred 75 times in analyzed legal texts. *May* is frequently used to mark "permission" to a person or a party and grant rights to authorities. The examples are the following [17]:

- *The Customs Sub-Committee may decide to amend the provisions of this Protocol* (Acts adopted by bodies by international agreements. Decision of the Eu-Republic of Moldova Customs Sub-Committee of 6 October 2016. 16.2.2017).

What's more, the modal verb *may* is used to express "possibility" to perform or not to perform any action, which often depends on circumstances or conditions sometimes stipulated in the legal text. Let's have a look at some examples [17]:

- *A court which would be required to decline jurisdiction may stay its proceedings if the jurisdiction of the other court is contested* (Consolidated version of 1968 Brussels Convention on jurisdiction and the enforcement of judgments in civil and commercial matters);

- *If the other Party cannot agree to such proposed compensation or other remedial action within two months after the rendering of the panel report, it may propose to the panel the suspension or withdrawal of equivalent benefits under this Agreement* (Agreement on telecommunications between the European Community and the Republic of Korea).

The negative form *shall not* occurs 54 times in analyzed legal texts especially they are mostly found in treaties. This modal verb accounts 10 % of total. The main function of *shall not* is to express prohibition [17]:

- *The provisions of the Charter shall not extend in any way the competences of the Union as defined in the Treaties* (Consolidated version of the Treaty on European Union. 7.6.2016);

- *The President of the European Council shall not hold a national office* (Treaty of Lisbon. 17.12.2007).

The modal verb *will* represents 6,1% of all occurrences and it occurs 33 times in legal texts. *Will* is usually used to create a promise or contractual obligation like in the examples below [17]:

- *The European Union will decide whether third States will be invited to participate in an EU crisis management operation (promise)* (Agreement between the European Union and the former Yugoslav Republic of Macedonia establishing a framework for the participation of the former Yugoslav Republic of Macedonia in European Union crisis management. 12.12.2012).

- *The Treaty will enter into force on 1 January 2009 (contractual obligation)* (Consolidated version of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union. 9.5.2008).

The rest of the modal verbs such as *should not*, *would*, *may not*, *cannot*, *might*, *need*, *must* are extremely rarely used in the texts of legal documents and represent less than 3 % of total.

To sum up, English texts of legal documents are charac-

terized by the frequent use of modal verbs, which are considered to be an inseparable part of Legal English. The most commonly used among them are *shall*, *should*, *may*, *shall not* and *will* which predominate together reaching about 97,7% of all occurrences. All of them have various semantic shades of meanings depending on the context. Their main modal meanings of legal character are "obligation", "prohibition", "permission", "possibility", "promise". Identified semantic features of modal verbs in Legal English have to be taken into consideration when interpreting and translating legal documents to avoid uncertainty, ambiguity and mistakes that can't be allowed in legislation.

REFERENCES:

1. Alsinbaeva R.G. Logicheskaya i lingvisticheskaya suschnost kategorii modalnosti // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2013. T.18. №1. S. 181-184.

2. Aher M. Modals in legal language. PhD dissertation. Institute of Cognitive science/ University of Osnabrück. 2013. 172 p.

3. Arutyunova N.D. Predlozhenie i ego smisl-Logiko-semanticheskie problemi. M.: Izdatelstvo LKI, 2007. 384 s.

4. Balli Sh. Obschaya lingvistika i voprosi francuzskogo yazika. M.: Izdat-vo inostrannoi literaturi. 2001. 416 p.

5. Butt P., Castle R. Modern legal drafting: a guide to using clearer language. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2006. 274 p.

6. Crystal D., Derek D. Investigating English style. Harlow: Longman. 1983.

7. Functions of modal verbs in European and British legal documents [Elektronni resurs]. URL: <https://www.ukesays.com/essays/languages/functions-of-modal-verbs-in-european-and-british-legal-documents.php> (data obrascheniya: 04.01.2018 r.).

8. Hiltunen R. Chapters on Legal English: Aspects past and present of the language of the law. Suomalainen Tiedeakatemia, 1990. 122 p.

9. Huddleston R., Pullum G.K. The Cambridge grammar of the English language. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 2008. 1860 p.

10. Kaminskaya E.V. Raznoobrazie sovremennogo yuridicheskogo angliiskogo yazika // Yazik i mir izuch-aemogo yazika. 2012. №3. S. 32-41.

11. Kolarkova O.G., Savina A.A. Borrowings of legal terminology in the English language // Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki. 2017. №11-1(77). C. 109-111.

12. Kolarkova O.G., Savina A.A. Formirovanie rechevii kompetencii studentov-buduschih yuristov na zanyatiyah po inostrannomu yaziku // Aktualnie problemi informacionno-pravovogo prostranstva: sb. st. po mat-am ejegodn. Vseross. nauchn.-prakt.konf-i. Krasnodar. 2017. S. 152-156.

13. Krapivkina O.A. Mnogoznachnost glagola shall kak problema interpretacii i perevoda yuridicheskikh dokumentov // Vestnik Severnogo-Arkticheskogo, Federalnogo universiteta. Seriya «Gumanitarnie i socialnie nauki». 2016. №3. S. 114-121.

14. Krapivkina O.A. Semantics of the verb shall in legal discourse // Jezikoslovlje/ 18.2 (2017). P. 305-317.

15. Krois-Lindner A., Firth M. Introduction to International Legal English. A course for classroom or self-study use. Cambridge University Press. 2008. 161 p.

16. Medvedeva M.S. Upotreblenie i sposobi perevoda modalnih glagolov v yuridicheskikh tekstah // Nauchni vestnik Yujnogo Federalnogo universiteta. Seriya «Gumanitarnie i socialnie nauki». 2014. №3. S. 164-172.

17. Official journal of the European Union. [Elektronni resurs]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/oj/direct-access.html> (data obrascheniya: 06.01.2018 r.).

18. Palmer F.R. Mood and modality. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2001.

19. Quick R., Greenbaum S., Leech G., Svartvic J. A comprehensive grammar of the English language. Singapore: Longman. 1992. 922 p.

20. Radko T.N. Teoriya gosudarstva i prava v shemah i opredeleniyah: uchebnoe posobie. M.: Prospekt. 2011. 176 p.

21. Savina A.A., Kolarkova O.G. Model obucheniya studentov navikam delovoi pismennoi rechi // Uchenie zapiski. Elektronii nauchnii jurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. №2 (34). S. 170-177.

22. Soloveva Z.V. Yuridicheskii yazik i stil yuridicheskikh dokumentov kak obekti reformirovaniya v kontekste sovremennogo razvitiya angliiskogo yazika // Vestnik MGIMO Universiteta. 2010. №1. S.136-139.

23. Sheina I.M. Prototipicheskaya i diskursivnaya modeli janra «dogovor» // Inostrannii yaziki v vissei shkole. Ryazan: RGU im. S.A.Esenina. 2015. №1. S. 42-50.

24. Vinogradov V.V. O kategorii modalnosti i modalnih slovah v russkom yazike // V.V. Vinogradov Izbrannii trudi. Issledovanie po russkoi grammatike. M.: Nauka, 1975. S. 53-87.

25. Wikipedia. The Free Encyclopedia. [Elektronii resurs]. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki> (data obrasheniya: 07.01.2018 г.).

26. Yazikoznanie. Bolshoi enciklopedicheskii slovar. Gl.redaktor: V.N.Yarceva. M.: Bolshaya rossiiskaya enciklopediya, 1998. 684 s.

27. Zelenka R. Modality in the language of legal documents. Bachelor Thesis. Thomas Bata University in Zlin. 2013. 65 p.

Статья поступила в редакцию 29.12.2017

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 811.512.123

МИР ПРИРОДЫ В ЛИЧНЫХ ИМЕНАХ НОГАЙЦЕВ

© 2018

Сагиндикова Зульфия Магомедовна, соискатель кафедры теоретической
и прикладной лингвистики*Дагестанский государственный университет*

(367025, Россия, Махачкала, ул. Гаджиева, 37, e-mail: nur1@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена изучению личных имен ногайцев, связанных с названиями небесных тел, атмосферных и метеорологических явлений, названиями металлов и минералов. Исследуемый разряд антропонимов является важным этно-культурно-маркированным материалом для построения языковой картины мира ногайцев. В системе ногайских имен этому способствует структурная организация самой антропонимической системы с ее материальными составляющими — антропонимическими единицами, которые имеют теснейшую связь с апеллятивной лексикой и соответственно прозрачность этимологии лексем, лежащих в основе антропонима. Метафорическое осмысление явлений природы, небесных тел, а также земных ее объектов, получивших выражение в культурно маркированных словах, широко отражено в антропонимической системе ногайцев. Родители, питая глубокую любовь к своим детям, мечтали видеть их жизнь яркой и блестящей, подобно тому или иному небесному телу, явлению природы, металлу или минералу. Поэтому они своих детей называли именами различных небесных тел, природных явлений, металлов и минералов. Апеллятивы, связанные с названиями небесных тел, атмосферных и метеорологических представлений, названиями металлов и минералов и легшие в основу личных имен, с этнолингвистической точки зрения представляют собой пратюркский «костяк».

Ключевые слова: ногайский язык, антропонимика, тюркские языки, личные имена, мифология, космология, лингвокультурология, семантика, мифические представления.

THE COSMOLOGICAL VIEW OF THE NOGAI IN PERSONAL NAMES

© 2018

Sagindikova Zulfiya Magomedovna, applicant of the Department of theoretical
and applied linguistics*Dagestan State University*

(367025, Russia, Makhachkala, Gadzhiev St., 37, e-mail: nur1@yandex.ru)

Abstract. The article is devoted to the study of the personal names of the Nogais associated with the names of celestial bodies, atmospheric and meteorological phenomena, the names of metals and minerals. The investigated category of anthroponyms is an important ethno-cultural-marked material for constructing a language picture of the Nogai world. In the system of Nogai names this is facilitated by the structural organization of the anthroponymic system itself, with its material components - anthroponymic units, which have a close connection with the appeal vocabulary and, accordingly, the transparency of the etymology of the lexemes underlying the anthroponym. The metaphorical comprehension of the phenomena of nature, of celestial bodies, as well as of its terrestrial objects, which were expressed in culturally marked words, is widely reflected in the anthroponymic system of the Nogais. Parents, having deep love for their children, dreamed of seeing their life bright and shiny, like this or that celestial body, the phenomenon of nature, metal or mineral. Therefore, they called their children names of various celestial bodies, natural phenomena, metals and minerals. Appellatives associated with the names of celestial bodies, atmospheric and meteorological representations, the names of metals and minerals, and formed the basis of personal names, from the ethnolinguistic point of view, represent the pre-Turkic “skeleton.”

Keywords: Nogai language, anthroponymic, Turkic languages, personal names, mythology, cosmology, linguoculturology, semantics, mythical representations.

Язык отражает духовную культуру народа, образуя национальную языковую картину мира того или иного этноса. В содержании языковых единиц отражены все этапы развития того или иного этноса. Среди них особую значимость имеют культуроносные онимы, которые являются носителями этнокультурного содержания. В них содержится значительная информация о материальной и духовной жизни народа. Среди онимов особое место занимают личные имена, которые формируют культурное пространство того или иного этноса.

Целью настоящей статьи является исследование культуроносных значений личных имен ногайцев, отражающих один из фрагментов духовной культуры этого народа – космологические и природные представления ногайцев. Несмотря на проделанную М.А. Булгаровой [4] значительную работу по исследованию ногайской ономастики, включая и антропонимику, тем не менее, некоторые аспекты национальной антропонимической картины мира ногайцев нуждаются в дальнейшем развитии.

Родители, питая глубокую любовь к детям, мечтали видеть их жизнь яркой и блестящей, подобно тому или иному небесному телу. Поэтому они своих детей называли именами различных небесных тел, в результате чего на основе космонимов стали образовываться антропонимы, которые широко распространились среди ногайцев.

Антропонимическую картину мира как проекцию космологических представлений ногайцев отражают как мужские, так и женские имена, выражающие мифологические представления древних ногайцев о верхнем мире.

Личные имена с компонентом *Ай* «Луна» хранят следы поклонения небесным светилам: *Алтынай* (алтын «золото» + *Ай* «Луна»), *Айгуль* (*Ай* «Луна» + *гуль* «цветок»), *Айбике* (*Ай* «Луна» + *бике* «госпожа»), *Айтуган* (*Ай* «Луна» + *туган* «взошла; родилась»), *Айсулуг* (*Ай* «Луна» + *сулуг* «красавица»), *Айтолган* (*Ай* «Луна» + *толы* «полная») и др. Антропокомпонент *Ай* «Луна» самостоятельно в роли личного имени не используется, а употребляется только в сложносоставных личных именах, как в препозиции, так и постпозиции.

С древних времен среди тюркских народов широкой популярностью пользовалось женское имя *Сары*. Это слово в древности употреблялось в значении «Луна, Луне подобная». Выбирая для своих дочерей это имя, родители мечтали, чтобы их дочь была такой же красивой, как «невеста неба», т. е. Луна. Несомненно, это было связано также с тем, что тюркоязычные народы, в том числе и ногайцы, поклонялись космическим телам. Не случайно, что легендарный предок огузских племен своих сыновей назвал именами небесных тел, в символической форме связав их с Вселенной: *Куьн* «Солнце», *Ай* «Луна», *Юлдыз* «Звезда», *Кокь* «Небо». В антропонимике ногайцев мы обнаружили две имени, которые восходят к этим древним космонимическим представлениям моего народа – это имена *Сарав*, *Майсарат*. Мужские имена *Гумер*, *Амер*, *Умер*, на наш взгляд, восходят к арабскому названию Луны. Первая часть мужского имени *Бадрутдин* (бадр) является арабским названием 14-дневной Луны.

Согласно древнекитайским источникам у тюркоя-

зычных народов Солнце считалось священным. По некоторым источникам XIII—XIV веков тюркоязычные народы в день по три или даже девять раз приветствовали Солнце [10, с. 8]. Алтайские шаманы по сей день клянутся именем Солнца. Изображение Солнца устанавливалось на верхушке дерева-отца. [<http://grimuar.ru/ritualy/shamanyi-gaznyih-narodov.html>]. К «солнечным» именам относятся следующие имена ногайцев: *Кунтувган* «Солнце возшло», *Кунсулук* «Солнце-красавица», *Кунбике* «Солнце-госпожа», *Кундарув* «солнцеподобная».

Предки ногайцев поклонялись также и звездам. В народе бытовало даже поверье о том, что у каждого человека на небе имеется своя звезда. С рождением ребенка рождается и его звезда. Яркость звезды говорило о предстоящей счастливой жизни ребенка. Одной из таких звезд является звезда *Зухра* «Венера». Именно вера в эту звезду породила женское имя *Зухра*, в основе которой лежит название небесного светила, восходящее к арабскому названию планеты Венера.

В антропонимиконе ногайцев мы встретили двоякое написание имени, восходящей к общему названию звезд – это *Юлдуз* и *Улдуза* «звезда». Это поэтическое сравнение дало жизнь многочисленным женским именам в других тюркских языках, например, в кумыкском *Юлдузат* «звездное имя», *Сурия* «Сириус», *Чолтан* «тюркское название Венеры», *Юлдузюл* «звездный цветок» [8, с. 85–86]. В ногайском именнике мы обнаружили только одно женское имя, представляющее тюркский вариант звезды – это *Шолтан*.

Космонимы как основа антропонимов употребляются и другими тюркскими народами: среди татар и башкир имя *Венера* употребляется наряду с именами *Чолтан* (тюркский вариант) и *Зухра* (арабский вариант). Ими называют женщин, например, среди татар и башкир распространено мужское имя *Марс*, среди киргизов — *Уран*, *Юпитер*. У киргизов *Марсбек* — мужское имя, *Марсина* — женское. [12, с. 116].

Метафора – это «спасительное средство при нехватке выразительных средств, средство яркой наглядной характеристики» [5, с. 317]. Метафоричность личного имени *Юлдуз* первоначально исходила, по-видимому, из оценки благоприятствования звезды судьбе человека. «Впоследствии вторичное действие метафоры позволила сравнивать несопоставимое – элементы разной природы [1, с. 367], в нашем случае – звезду человека.

К личным именам, связанным с верхним миром человека, относится ногайское имя *Янгуришы* «вызыватель дождя». Сейчас это не распространенное имя. Однако, о том, что в средние века имя *Янгуришы* было весьма распространенным, например, в Ногайской Орде, свидетельствуют материалы «Указателя имен» (16, с. 715, 716, 744). С ногайским *Янгуришы* «вызыватель дождя» сопоставимо кумыкское личное имя *Бораншы* «вызыватель бури». В подобных именах, по всей видимости, выражалось пожелание, чтобы нарекаемый стал впоследствии такой же «исключительной» личностью, как вызыватель дождя (бури) или же прорицатель. «Эта волшебная (колдовская функция) была вполне реальной для древнетюркского общества, как и вызывание бури, см. соотвественно личные имена в кумыкском, татарском и башкирском языках: *Буранша*, *Буранчы* «вызыватель бури». Этому имени мы не обнаружили в антропонимиконе ногайцев, однако нередко встречается фамилия *Боранов* и сложносоставные личные имена *Боранбике*, *Боранбай*, *Боранали*, которые являются результатом вторичной метафоризации. Название непогоды в приведенных выше сложных именах выступает в качестве определения.

Лица, способные вызывать бурю или дождь, были люди, «по народным поверьям, исключительные, обладавшие сверхъестественными свойствами» [16, с. 564; 15, с. 2006: 679].

К метеорологическому блоку непогоды относится и Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

ногайское имя *Сувук* «холод». Отражение разных видов непогоды в антропонимической системе ногайцев следует объяснить кочевым скотоводческим укладом народа. Благополучие скотоводов зависело от хорошей погоды, а непогода создавала массу затруднений в их жизни [15, с. 679].

Понятие хорошей погоды в антропонимической системе ногайцев отражено в значительно меньшей степени. Сюда относится оним *яз* «лето», от которого образованы личные имена: *Язлы* «летний», *Язболган* «наступило лето», *Язлыбай* «имеющий богатства лета» и *Язманбет* (*яз* «лето» + *Мамбет* «усеченный вариант имени Магомед».

«Гора воспринималась древними тюрками как природное связующее звено между землей и небом. В мифологии тюркоязычных народов считалось, что три сферы Вселенной может связывать гора, упирающаяся в небеса» [15, с. 687]. Встречается, в основном, как компонент мужского имени в препозиции и постпозиции немногих личных имен: *Тавсолтан*, *Тавмурза*, *Баиантав*. С антропокомпонентом *тав* «гора» мы обнаружили только одно женское имя – это *Тавжан* (*тав* «гора» + *жан* «душа»).

Древними тюрками почитались не только гора, но и камни. В древние времена камень рассматривался как символ мудрости [11, с. 135]. Личных имен, восходящих к ониму *тас* «камень» в ногайском языке немного. В нашей картотеке мы обнаружили только одно сложносоставное имя – *Тасболат* (*тас* «камень» + *болат* «сталь»). Слово *тас* «камень» в условиях почитания этого природного объекта могло служить, вероятно, своеобразным именем-оберегом. Вторичная метафоризация *тас* «камень» происходила на основе сравнения: «как камень», «твердый». По личным именам ногайцев трудно судить о том, что они поклонялись камню.

«Новый важный этап познания окружающей природы – добыча и освоение металлов – также запечатлен в антропонимической картине ногайцев: по природе своей принадлежащие к нижнему, подземному миру, благодаря деятельности людей они обращены на пользу сынов человеческих (т.е. переведены в сферу среднего мира)» [15, с. 690]. Имеются в виду в первую очередь личные имена с компонентами *темир* «железо», *алтын* «золото», *кумыс* «серебро».

От онима *темир* «железо» образовано множество сложносоставных мужских личных имен. *Темир* как самостоятельное имя встречается редко. В сложносоставных именах антропокомпонент может находиться как в препозиции, так и в постпозиции:

- а) в препозиции: *Темирбек*, *Темирлан*, *Темирхан*, *Темирболат*, *Темирсултан*, *Темирмагомед*;
- б) в постпозиции: *Айдемир*, *Байтемир*, *Бектемир*, *Кантемир*, *Джантемир*, *Шаттемир*, *Астемир*, *Битемир*, *Янтемир*, *Кантемир*.

Изначально значение *темир* «железо», «железный» зафиксировано в сложносоставных личных именах, соединивших в себе по два названия природных объектов – Луна и железо (*Айдемир*) [14, с. 119]. Впоследствии возможность подобного сочетания реализовалась в более позднем, по всей видимости, имени *Темирболат*, где соединены два названия металла – тюркское название *темир* «железо» и заимствованное *булат* «сталь» [9, 122]. Личное имя *темир* «железо» содержит в себе метафорическое пожелание, чтобы носитель был крепким, твердым («как железо»). В английском языке эталоном твердости считается железо; по Н.Д. Арутюновой, «лексемы, в значение которых входит указание на такого рода атрибуты (маркированные знаки), подвержены метафоризации» [1, с. 348].

С новым этапом познания окружающей природы – добычей драгоценных металлов связаны ногайские имена, образованные от онима *алтын* «золото» в результате метафоризации. Это такие имена, как *Алтын* «золото», *Алтынай* (*алтын* «золото» + *Ай* «Луна»), *Алтынбике* (*алтын* «золото» + *бике* «госпожа»), *Алтынбек* (*алтын* «зо-

лото» + бек) и др.

Метафоризация *алтын* «золото», «золотой» – «очень хороший», «драгоценный», «благородный» – возможно, благоприятствовало наличие «чувственно-экспрессивного элемента» в семантической сущности лексемы.

Метафоризация значения слова *кумис* «серебро» в личных именах *Кумис*, *Кумисхан* содержит элементы пожелания: «драгоценный металл белого цвета» — «символ внутренней чистоты, невинности» [13, с. 116], позднее, в женских именах «белотелая девушка (женщина)». Типологическое подобие можно усматривать в русских фамилиях: князь *Серебряный*, *Серебрякова*, *Серебренников*.

Женские имена *Маржан*, *Маржанат* «корал», *Якут* «яхонт», *Зумрут* «изумруд», *Алтын* «золото», *Марият* «жемчуг», *Бурлият* «бриллиант», *Езбике* (ез «медь» + бике «госпож»), *Кумис* «серебро», относящиеся к среднему миру, представляют собой дезидеративы: давая своим детям такие имена, родители хотели видеть девочек красивыми, милыми, приятными.

Следует отметить теснейшую связь онимизованных лексем с апеллятивной лексикой и соответственно прозрачность этимологии ранних имен ногайцев. Кроме того, апеллятив и соответствующая антропонимическая единица при всей прозрачности этимологии, как правило, не могут полностью совпадать и семантически. Лексическое значение онимизованной лексемы в тюркских языках предстает опосредованным через древние верования (мифологизацию, оживотворение обозначаемых объектов), через позднейшую метафоризацию [2, с. 183].

Апеллятивы, относящиеся к верхнему и среднему мирам, с этнолингвистической точки зрения представляют собой пратюркский «костяк». Личным именам, связанным с наименованиями объектов мира природы: названиям небесных тел (Солнце, Луна, Звезда), метеорологических и атмосферных явлений, металлов и минералов (камень, железо, золото, серебро), характерна «высокая степень сохранности» [3, с. 6]. Высокую степень сохранности для личных имен, «связанных с наименованиями объектов верхнего и среднего миров отмечает в своих работах, посвященных кумыкской антропонимике и Н.Э. Гаджихмедов [7, с. 32; 8, с. 54].

Таким образом, личные имена ногайцев, отражая определенные фрагменты национальной картины мира, являются носителями определенного объема лингвокультурной информации, связанной с космосом, метеорологическими и атмосферными явлениями, природными объектами и металлами. Метафорическое осмысление явлений природы, небесных, а также земных ее объектов, получивших выражение соответствующим образом в маркированных личных именах, широко отражено антропонимической системе ногайцев. Эти имена говорят о поклонении ногайцев космическим объектам, о кочевом образе жизни народа (имена, связанные с метеорологическими и атмосферными явлениями), о чувственно-экспрессивных ассоциациях, связанных с природными объектами и драгоценными металлами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова М.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Благова Г.Ф. К характеристике типов раннетюркских антропонимов / Г. Ф. Благова // Вопросы языкознания. – 1988. – № 4. – С. 180–191.
3. Благова Г.Ф. О причинах живучести тюркской антропонимической системы // Вопросы тюркской филологии. – М.: МГУ, 1997. – С. 5–11.
4. Булгарова М.А. Ногайская топонимия. – Ставрополь, 1999. – 320 с.
5. Бюлер К. Языковая метафора // Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М., Прогресс, 2000. – 501 с.
6. Гаал тахил – ежемесячный обряд почитания огня и солнца. [http://grimuar.ru/ritualy/shamanyi-raznyih-](http://grimuar.ru/ritualy/shamanyi-raznyih-narodov.html)

narodov.html

7. Гаджихмедов Н.Э. Кумыкские личные имена: происхождение и значение. Введение в кумыкскую антропонимику. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2004. – 170 с.

8. Гаджихмедов Н.Э. Личные имена кумыков: традиции имянаречения, происхождение, семантика и грамматика. – Махачкала: ООО Дагпресс Медиа, 2008. – 181 с.

9. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 677 с.

10. Каприна И.П. История монголов. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. – 336 с.

11. Маковский М.М. У истоков человеческого языка. Изд-е 2-е доп. – М.: URSS, 2012. – 159 с.

12. Никонов В.А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 278 с.

13. Саттаров Г.Ф. Словарь татарских личных имен / Г. Ф. Саттаров. – Казань: Татар.кн. изд-во, 1981.

14. Справочник личных имен народов РСФСР. – М.: Русский язык, 2-е издание, 1987. – 575 с.

15. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М.: Наука, 2006. – 912 с.

16. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – 752 с.

Статья поступила в редакцию 04.02.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 811.161.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИВАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ НА ОСНОВЕ
ЛОГИКО-СМЫСЛОВОЙ МОДЕЛИ «ПИСЬМО»

© 2018

Садыкова Руна Ханифовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Русский язык как иностранный»**Самарева Елена Викторовна**, старший преподаватель кафедры
«Русский язык как иностранный»*Московский педагогический государственный университет
(119571, Россия, Москва, Проспект Вернадского, д. 88, e-mail: samareva@gmail.com)*

Аннотация. Статья носит практико-ориентированный характер и посвящена разработке практических заданий при обучении студентов Юго-Восточной Азии письменной монологической и диалогической речи на основе логико-смысловой модели «Письмо». Анализируются сложные случаи обучения кириллической азбуке и приемы решения данной проблемы, включающие навыки формирования автоматизированного письма на основе четко алгоритмизированной графики. В статье приводится разработанный авторами комплекс упражнений и заданий, формирующих уверенное ориентирование в клишированных языковых конструкциях, свойственных русской письменной речи эпистолярного жанра, отработка и закрепление лексико-грамматического материала на основе модели «Письмо». Рецептивное усвоение различных языковых конструкций, характерных для письменной речи, включающих как разговорные, так и книжные стили, происходит в форме письма другу. Подобное смешение стилей позволяет использовать широкий спектр предложений — простых и сложных, с различными видами связи, включать в текст письмо описание, рассуждение и повествование, реализовывать лексическое богатство изучаемого языка, соответствующее базовому уровню. Целью данных методических принципов и обучающих приемов является самостоятельное создание студентами текста с использованием предложенной логико-смысловой модели; развитие речи; расширение словарного запаса; отработка грамматических, синтаксических и фразеологических конструкций, введение их в активный словарь; усвоение стилистических норм; повышение мотивации к изучению русского языка.

Ключевые слова: Модель, письмо, развитие речи, монолог, диалог, графика, письменная речь, речевой этикет, эпистолярный жанр, комплекс упражнений.

THE USE OF TECHNOLOGY OF DEVELOPING TRAINING ON THE BASIS
OF THE LOGICAL-SEMANTIC MODEL “THE LETTER”

© 2018

Sadykova Runa Khanifovna, Candidate of Philological Science, Associate Professor
at the Department of Russian as a Foreign language**Samareva Elena Victorovna**, Senior Lecturer at the Department
of Russian as a Foreign language.*Moscow Pedagogical State University
(119571, Russia, Moscow, Vernadsky avenue, b. 88, e-mail: samareva@gmail.com)*

Abstract. The article has a practical -oriented nature and is devoted to the development of practical tasks for teaching students of Southeast Asia of written monologic and dialogic speech on the basis of the logical-semantic model “letter”. Complex cases of teaching the Cyrillic alphabet and techniques for solving this problem are analyzed, including the skills of forming automated writing based on clearly algorithmized graphics. The article presents a set of exercises and tasks developed by the authors, which form a confident orientation in the cliched language constructions characteristic of the Russian written language of the epistolary genre, development and consolidation of the lexico-grammatical material on the basis of the model “letter”. Reseptive assimilation of various language constructs characteristic of written speech, including both spoken and written styles, occurs in the form of a letter to a friend. Such a mixture of styles makes it possible to use a wide range of sentences — simple and complex, with various types of communication, include description, reasoning and narration in the text of the letter, and realize the lexical richness of the learned language corresponding to the basic level. The purpose of these methodological principles and teaching techniques is the independent creation of the text by students with the use of the proposed logical-semantic model; development of speech, vocabulary widening, development of grammatical, syntactic and phraseological constructions, their introduction into the active vocabulary; assimilation of stylistic norms; increasing the motivation to learn the Russian language.

Keywords: model, writing, development of speech, monologue, dialogue, graphics, written speech, speech etiquette, epistolary genre, complex of exercises.

Актуальность данной статьи заключается в том, что студенты, изучающие русский язык как иностранный должны овладеть письменной речью, в частности, они должны уметь составлять письменное монологическое высказывание с элементами продукции и репродуктивно-продуктивные высказывания по изученной тематике в соответствии с нормами современного русского языка [1, с. 17; 2, с. 5]. Письменное высказывание — это продукт речетворческой деятельности человека, средства хранения и передачи информации, включает в себя диалогическую и монологическую речь. Исследователи определяют монолог как отложенный во времени диалог с читателем [3; 4]. Эпистолярный жанр в чистом виде в наше время вытесняется мобильными средствами коммуникации — мессенджеры, чаты, WhatsApp... Однако, существует и электронная почта — e-mail, которая используется достаточно активно. Для электронной почты актуальны все характерные стилистические черты эпистолярного жанра и именно эта работа со студентами помогает сформировать правильную литературную речь

и обучить основам риторики. В теории эпистолярного стиля греческий грамматик Артемон назвал письма «половиной диалога», т.е. диалогом без собеседника [5, с. 7]. Э. Л. Ефременко и Л. Н. Смирнова обратили внимание на такую структурную особенность письма, как взаимосвязанность — любое письмо представляет собой ответ или само является ответом на ранее присланное, и крайне редко это обособленный документ. [6, с. 140; 7, с. 239] Таким образом, можно определить, что письмо — это монолог с элементами диалогической речи, вследствие чего видится необходимым обучать студентам овладению этим жанром. При этом важно учитывать влияние современных реалий и новые методические подходы.

В теории эпистолярного жанра и эпистолографии выделяется 21 тип эпистолярной формы [8]. Видится целесообразным использовать в работе со студентами только два наиболее актуальных типа: письма дружеские и поздравительные. Данная статья посвящена разработке занятия на материале дружеского письма. Диалогизация в данном типе имеет свои специфические особенности —

политематичность, полифункциональность, синтез элементов различных функциональных стилей [9].

Студенты Юго-Восточной Азии в основном пишут иероглифами и, когда начинают изучать русский язык, у них чаще всего мало опыта в использовании буквенной графики, да и имеющийся опыт основан на изучении английского языка с латиницей. Следует учитывать, что обучить чтению и письму на кириллице такой контингент достаточно сложно — при чтении студенты путают сходные по написанию, но обозначающие различные звуки, буквы двух разных алфавитов: *n-н, p-п, d-д, m-м, B-Б, w-ш*; не всегда учитывают специфические особенности русской графики. В отдельную тему можно вынести сложности восприятия курсивного написания, часто встречающееся как в учебниках и учебный пособиях, так и в письменных текстах, репрезентирующих материал различной направленности — рецепты, инструкции, договоры и т.д., чтение которых также входит в обязательный программный минимум. [1]

Обучение письму в первую очередь развивает навыки письменной речи, умение правильно использовать полученные грамматические навыки, мысленно воспроизводить графический облик слов, умение формулировать мысль на русском языке, использовать в письменной речи сложноподчинённые предложения с различными видами связи. В результате освоения этой формы речевой деятельности формируются устойчивые двигательные, включающие в себя перцептивные и интеллектуальные, навыки [10, с. 196], что очень важно на данном этапе развития высокой степени готовности к воспроизводству определенных клишированных элементов.

Проанализировав характер трудностей, связанных с использованием кириллической графики, можно прийти к выводу о необходимости организации работы, которая формирует автоматизированный навык письма на основе четко алгоритмизированной графики.

Поэтому на этапе изучения вводно-элементарного курса (A1) целесообразно вводить буквенные знаки в поэментном написании по прописям, выпускаемым для начальной российской школы. Параллельно с работой по практической отработке новой буквы происходит обучение слоگو-звуковому анализу слова, умению распознавать оригинальные русские буквы, например, *ц, щ, ф, й* и т.д.

Перед началом выполнения заданий студентам задается вопрос: *что такое «письмо»?* предлагается найти корень этого слова и определить глагол, от которого это слово произошло. Как правило, это несложное задание не вызывает затруднений. С помощью преподавателя строится словообразовательная цепочка *писать — письмо — письменный — письменно*, студенты дают характеристику каждой из лексем по способу образования и также определяют их значение. *Кому мы можем написать письмо?* Студенты перечисляют потенциальных адресатов. *Запомните: человека, который получает письмо, называется адресатом, а человек, написавший письмо — адресантом.*

Преподаватель рассказывает о том, что написание письма включает в себя не только грамотно оформленную письменную речь, но и речевой этикет, характерный для этого вида речевой деятельности. Традиционно письмо состоит из нескольких элементов: приветствие, обращение, основная часть, заключение, прощание, подпись.

Студентам дается образец письма.

24.02.2018.

Здравствуй, дорогой Чуньсюй!

В последнем письме ты просил меня рассказать об университете, в котором я учусь и о том, чем занимаюсь. Нашему университету в этом году исполнилось 145 лет. Недавно мы были в музее университета, где нам рассказывали об его истории. Было очень интересно. Здесь я узнал, что он был открыт для обучения женщин — бу-

душких учителей. В университете есть разные факультеты: географический, математический, музыкальный, исторический, дефектологический и много других, на которых учатся студенты из разных стран. Я учусь на подготовительном факультете. Когда его закончу, буду поступать на музыкальный факультет. Ты же знаешь, что я об этом давно мечтал.

Наш учебный корпус состоит из семи этажей. На втором этаже находится библиотека. Здесь можно брать книги для подготовки к занятиям. Есть хорошая столовая, в которой можно вкусно поесть. Из *русской кухни* мне нравится суп борщ и блины. Я знаю, что ты любишь пельмени. Здесь их тоже готовят.

Свободного времени у меня совсем мало. Как говорят русские люди — *жизнь бьёт ключом!* Я хожу гулять в парки, бываю в музеях и театрах Москвы. Мне нравятся театры — там так красиво и интересно, хотя я пока мало понимаю, что говорят актеры! Недавно был на выставке народного русского творчества «Ладья». Там можно было купить разные интересные вещи. Я купил *пряники* и красивые деревянные ложки. Когда поеду домой, подарю их маме.

Я живу в общежитии. Моя комната очень удобная. Есть всё, что нужно — стол, стул, кровать, шкаф для одежды. Утром я завтракаю в общежитии, а обедаю в университетской столовой. Вечером сам готовлю ужин. Днём я хожу на занятия по русскому языку. Русский язык сложный, но интересный. Я хочу научиться хорошо *говорить по-русски*.

В Москве очень холодно. На улицу надо надевать тёплую одежду, шапку, шарф. Приезжай в Москву! Я покажу тебе самые интересные места города. Мы можем вместе пойти на *каток* на Красную площадь. Там самый большой каток в Москве.

В следующий раз я расскажу тебе о студентах моей группы.

До свидания, Чуньсюй!

С наилучшими пожеланиями, твой друг Юй Си.

Слова и выражения:

Исполнилось — достигло определённого возраста.

Пряник — вид печенья, приготовленного на меду, в виде прямоугольника.

Русская кухня — подбор кушаний, блюд.

Жизнь бьёт ключом (фразеологизм) — жизнь наполнена событиями, каждый день происходит что-нибудь новое.

Говорить по-русски — говорить на русском языке.

Каток — площадка, покрытая льдом, для катания на коньках.

В следующий раз — потом, в другой раз.

Вопросы на понимание текста:

1. Кто пишет письмо?
2. Кому пишет письмо Юй Си?
3. Где учится этот студент?
4. В каком городе он сейчас живёт?
5. Сколько лет исполнилось университету?
6. В каком городе учится Юй Си?
7. Сколько лет он будет учиться?
8. Какую специальность получит?
9. На каком этаже находится библиотека? Для чего она нужна?

10. Чем занимается Юй Си в свободное время?

Студенты получают информацию о правилах оформления письма.

Обратите внимание! Письма пишутся по определенным правилам.

Дата. Ее указываете в верхнем левом углу.

Приветствие. Здравствуй, (имя адресата)! Дорогой друг, (имя)! Дорогая подруга, (имя)! Привет, (имя)! Если это письмо парню девушке или девушка пишет парню, можно использовать такие слова: *Моя дорогая, (имя)! Мой дорогой, (имя)*. Но имейте в виду, что это приветствие подходит только в том случае, если адресата и адресанта связывают близкие отношения.

Начало сообщения. Обычно это или ссылка на письмо адресата — напоминание о его содержании (вопроса), или вопросы «Как твои дела?», «Как ты живешь?». Таким образом, вы включаетесь в диалог, в обсуждение важных для вас обоих тем.

Собственно сообщение. Вы рассказываете о событиях своей жизни, о том, что интересно узнать о вас адресату. Не пишите о том, что интересно только вам! Желательно обсуждать темы, близкие и адресату и адресанту.

Заключение. Заканчивать письмо нужно позитивно — пусть у вашего адресата останется от письма хорошее впечатление. Используйте формулы: До свидания, (имя)! Жду ответ! Очень близкому человеку в конце можно написать: Обнимаю! или Целую! **Подпись:** С наилучшими пожеланиями, твой друг, (имя адресанта), твоя подруга, (имя).

ЗАДАНИЕ: составление плана.

1. Вступление — этикетное приветствие.
2. Напоминание о содержании письма, полученного от друга.
3. Описание университета.
4. Свободное время автора.
5. Распорядок дня.
6. Описание города.
7. Заключение. Этикетные формы окончания письма.

Представляется интересным предложить студентам составить тезисный план, который будет отражать ключевые моменты письма.

ЗАДАНИЕ: пронумеруйте части письма в правильном порядке.

___ Приезжай в Москву. Я покажу тебе самые интересные места города. Мы можем вместе пойти на каток на Красную площадь. Там самый большой каток в Москве.

___ До свидания! 20.02.2018. Твой друг Юй Си.

___ Свободного времени у меня совсем мало. Но я хожу гулять в парк, в музей и театры Москвы. Недавно был на выставке народного русского творчества «Ладья». Там можно было купить разные интересные вещи. Я купил пряники и красивые деревянные ложки. Когда поеду домой, подарю их маме.

___ Здравствуй, дорогой Чуньской! В последнем письме ты просил меня рассказать об университете, в котором я учусь и о том, чем занимаюсь.

___ Я живу в общежитии. Моя комната очень удобная. Есть всё, что нужно — стол, стул, кровать, шкаф для одежды. Утром я завтракаю в общежитии, а обедаю в университетской столовой. Вечером сам готовлю ужин. Днём я хожу на занятия по русскому языку. Русский язык сложный, но интересный. Я хочу научиться хорошо говорить по-русски.

Студентам предлагается выполнить несколько заданий на закрепление грамматических тем «Имя прилагательное», «Наречие», «Сложное предложение» и другие. Некоторые задания содержат образцы выполнения — модели. Как правило, задания имеют несколько степеней сложности, преподаватель, в зависимости от уровня подготовки конкретной группы, может подобрать и скорректировать данные упражнения. Знаком «*» обозначены задания повышенной сложности.

ЗАДАНИЕ: образуйте от данных слов прилагательные при помощи суффиксов -ск-, -енн-, -н-. Подчеркните суффиксы.

Модель: общежитие — общежитский.

Университет, студент, письмо, музей, комната, книга.

ЗАДАНИЕ: от следующих прилагательных образуйте названия профессий.

Модель: географический — географ.

Филологический, математический, биологический, музыкальный, физический, психологический.

* Расскажите, чем занимаются люди этих профессий.

ЗАДАНИЕ: Определите по словарю значения фразе-

ологизмов. Какие из них имеют положительное, а какие — отрицательное значение? С одним из фразеологизмов каждой группы устно составьте предложения.

* Напишите мини-сочинение — рассуждение на тему «Как набраться ума-разума».

Голова: Забивать голову. (Есть) голова на плечах. На свою голову. На свежую голову.

Ум: Держать в уме. Доводить до ума. Набраться ума-разума. Жить чужим умом. Наставить на ум. Не моего ума дело. Раскинуть умом. Ума не приложу.

Слово: Без лишних слов. К слову сказать. С первого слова. Твёрдое слово. Взять свои слова обратно. Слово в слово. Одним словом. С чужих слов. На два слова.

ЗАДАНИЕ: от данных прилагательных образуйте наречия. Составьте с тремя получившимися словосочетаниями предложения.

Модель: русский — говорить по-русски. На занятиях мы говорим только по-русски.

Английский, китайский, японский, арабский, французский, польский, немецкий, хорватский, вьетнамский, тайский, испанский.

ЗАДАНИЕ: дополните предложения, выбрав из скобок подходящее слово.

1. Я живу ... (квартира, отель, общежитие). 2. В библиотеке можно взять ... (борщ, книги, пряник). 3. В моей комнате есть ... (интерактивная доска, стол, терминатор). 4. Наша группа ходит ... (в театр, в другой город, в Китай).

ЗАДАНИЕ: выберите подходящие глаголы движения и употребите в нужной форме.

Ехать / ездить

Лето мы часто _____ отдыхать на море. Куда ты _____ в этом году?

Идти / ходить

Анна сегодня _____ в театр. Она любит _____ в театр.

Бежать / бегать

Куда ты _____? Ты всегда _____?

Лететь / летать

На каникулы Юй Си решил _____ в Сочи. Обычно после каждой сессии он _____ в Китай.

ЗАДАНИЕ: соедините глаголы и существительные, поставив их в правильную форму. Устно составьте с ними предложения.

готовлю книга

куплю обед

гулял письмо

напишу парк

ЗАДАНИЕ: Составьте предложения из данных слов. Не забудьте ставить слова в нужную форму!

Я, учиться, подготовительный, на, Москва в.

Друг, писать, письмо, часто.

Мы, заниматься, русский, язык, с, преподаватель, каждый, день.

На, каникулы, я, ехать, дом.

* **ЗАДАНИЕ:** составьте вопросы к ответам.

Модель: — ?

— Я учусь в Москве.

— В каком городе ты учишься? — Я учусь в Москве.

— ?

— Мы ходим на экскурсии в музеи.

— ?

— Недавно мы ходили на выставку народного творчества.

— ?

— Я купил там пряники и деревянные ложки.

— ?

— После окончания университета я буду преподавать музыку в школе.

ЗАДАНИЕ: найдите в тексте письма и выпишите сложные предложения.

* Определите их тип, подчеркните слова, которые связывают части сложного предложения.

ЗАДАНИЕ: составьте диалоги по данным ситуациям.

1. Ваш друг недавно приехал и плохо знает университет. Помогите ему найти деканат, библиотеку, столовую.

2. Вам надо попасть в поликлинику. Спросите у прохожего, как туда пройти/проехать.

3. Вы хотите пойти в театр. Вам надо узнать в кассе театра, сколько стоит билет, когда начинается спектакль, где находится нужное место (ряд).

При выполнении задания используйте конструкции: Где находится...? Как пройти...? На каком автобусе можно доехать до...? На какой станции метро мне лучше всего выйти, чтобы попасть в ...?

* ЗАДАНИЕ: закончите фразу.

1. Чтобы пойти в театр нужно...

2. В театре можно посмотреть... и послушать...

3. Я знаю таких русских композиторов как...

4. Я хочу посмотреть балет...

5. Моя подруга любит читать о...

ЗАДАНИЕ: проспрягайте глаголы.

Находится, купить, просить, рассказывать, надевать.

Просклоняйте существительные.

Письмо, факультет, столовая, парк, театр.

ЗАДАНИЕ: замените настоящее время прошедшим и будущим.

Юй Си пишет письмо своему другу.

Студент учится на подготовительном факультете университета.

Иностранные студенты ходят на экскурсии и посещают интересные выставки.

Юй Си живёт в общежитии университета.

Студенты нашей группы изучают русский язык.

Моя подруга Ли Ялань может хорошо говорить по-русски.

Моя мама очень рада, что я учусь в университете.

*ЗАДАНИЕ: Закончите сложные предложения.

Я написал письмо другу, который _____.

Юй Си получил письмо, в котором _____.

Родители написали в письме о важном событии, которое _____.

На занятии мы обсудили текст письма, которое _____.

Итоговое задание: Составление текста письма с учетом правил оформления и плана данных выше, с использованием слов и выражений, проработанных во время занятия. При выполнении письменной работы приветствуется импровизация и включение в текст элементов экспрессии.

Рецептивное усвоение различных языковых конструкций, свойственных письменной речи, включающих как разговорные, так и книжные стили, происходит в форме письма другу. Подобное смещение стиля позволяет широко использовать широкий круг предложений — простых и сложных, с различными видами связи, включать в текст письма описание, рассуждение и повествование, реализовывать лексическое богатство изучаемого языка, соответствующее базовому уровню. Кроме того, использование в тексте и заданиях несложных для понимания фразеологизмов, которые можно актуализировать в разговорной речи, позволяют в значительной степени обогатить общение, сделать его живым и непосредственным.

Поступательный характер введения новых клише и стандартных оборотов русской эпистолярной речи определяют успешность усвоения и формирования устойчивых, сознательно контролируемых навыков воспроизведения и, как результат, сопровождается высокой мотивацией к изучению русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Образовательная программа по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень. — М., изд-во РУДН, 2001. — 138 с.

2. Андришина Н. П., Козлова Т. В. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение. — М.-С.Пб.: Златоуст, 2013. — 116 с.

3. Уша Т. Ю. Развитие письменной речи. Учебное пособие для китайцев-филологов. — Харьков, 2002. — 120 с.

4. Логунова Н. В. Русская эпистолярная проза XX - начала XXI века: эволюция жанра и художественного дискурса : дис. ... д-ра пед. наук : 10.01.01. — М., 2011. — 447 с.

5. Античная эпистолография / Миллер Т. А. — М.: Наука, 1967. С. 7

6. Ефременко Э. Л. Вопросы комментирования эпистолярных текстов // Принципы издания эпистолярных текстов. Вопросы текстологии — М.: Наука, 1964. Вып. 3. С. 138-181.

7. Смирнова Л. Н. Вопросы комментирования эпистолярных текстов // Принципы издания эпистолярных текстов. Вопросы текстологии — М.: Наука, 1964. Вып. 3. С. 182-244.

8. Кохтев Н. Н. Риторика. — М.: Просвещение, 1994. — 207 с.

9. Докторович И. С. Письмо как эпистолярный жанр в композиционно-речевой структуре разговорного языка. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 24.02.2018. — URL: <http://doc.knigi-x.ru/22filologiya/252716-1-is-doktorevich-pismo-kak-epistolyarniy-zhanr-kompozicionno-rechevoy-strukture-razgovornogo-yazika-izvestno-cht.php> (дата обращения: 24.02.2018).

10. Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко; под общ. Ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М.: Политиздат, 1985. — 431 с.

Статья поступила в редакцию 28.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 800

КОГНИТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ЯЗЫКОВОЙ МОДАЛЬНОСТИ

© 2018

Самойлова Марина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей

Северо-Кавказский федеральный университет

(355009, Россия, Ставрополь, Пушкина 1, e-mail: Samoilovamn@yandex.ru)

Шепелева Марианна Вадимовна, кандидат социологических наук, преподаватель немецкого языка

Ставропольское Президентское кадетское училище

(355003, Россия, Ставрополь, Ленина 328, e-mail: koriza20@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматривается объективная и субъективная модальность, рассматриваются проблемы достоверности знаний и описаны различные точки зрения зарубежных и отечественных ученых. Авторы ссылаются на традиционные интерпретации языковой модальности и субъективной модальности, представленные в этой статье проблемами добра, надежды и уверенности в позитивном исходе события. Эпистемическая модальность, понимаемая как узкоспециальная субъективная модальность, рассматривается не только как знание, но и предсказание событий и явлений. В роли инструментальных категорий используются понятия надежности / ненадежности, уверенности / неопределенности, определенности / неопределенности. Описаны средства выражения категориальной и проблемной надежности. Мера достоверности и степень уверенности в высказывании могут быть представлены в виде шкалы. В центр шкалы помещают простую достоверность, которая характеризуется отсутствием показателем достоверности, слева размещаются показатели проблематической достоверности, а справа - показатели категорической достоверности. При таком расположении шкалы достоверности мы можем твердо заявить, что высказывания с показателями категорической достоверности выражают более высокую степень уверенности, чем высказывания с нулевым показателем. Положительная эпистемическая модальность мало изучена в германских, русском и романских языках, ее место недостаточно четко определено в системе эпистемической модальности. Поэтому описание работ и интересных научных фактов послужит вкладом в изучение этого типа модальности. Модальность в этой работе изучается в рамках когнитивной антропоцентрической парадигмы.

Ключевые слова: языковая модальность, эпистемические знания, надежность, когнитивная парадигма.

УДК 800

COGNITIVE STRATEGY OF LANGUAGE MODALITY

© 2018

Samoylova Marina Nikolaevna, candidate of philological Sciences, associate Professor of foreign languages for humanitarian and natural science specialties

North-Caucasus Federal University

(355009, Russia, Stavropol, Pushkin 1, e-mail: Samoilovamn@yandex.ru)

Shepeleva Marianne Vadimovna, candidate of sociological Sciences, lecturer of the German language

Stavropol Presidential cadet school

(355003, Russia, Stavropol, Lenin 328, e-mail: koriza20@yandex.ru)

Abstract. The article considers objective and subjective modality, discusses the problem of authenticity of knowledge and described the different points of view of foreign and domestic scientists. The authors refer to the traditional interpretation of language modality and subjective modality are presented in this article, problems of goodness, hope and confidence in a positive outcome. Epistemically modality, understood as a highly specialized subjective modality, is considered not only as knowledge, but also the prediction of events and phenomena. In the role of the instrumental categories are the concepts of reliability / unreliability, certainty / uncertainty, certainty / uncertainty. Describes the means of expression of a categorical and a problem of reliability. The measure of accuracy and confidence level of the utterance can be represented as a scale. In the center of the scale is placed simple reliability, which is characterized by the lack of confidence factor, to the left are indicators of problematic reliability, and the right - categorical indicators of reliability. With this arrangement of the scale of reliability we can say with confidence that the statements with categorical indicators of reliability Express a higher degree of confidence, eating statements with a zero indicator. Positive epistemic modality little studied in German, Russian and romance languages, its place is not clearly defined in the system of epistemic modality. Therefore, description of the work and interesting scientific facts will serve as a contribution to the study of this type of modality. Modality in this work is studied in the framework of cognitive anthropocentric paradigm.

Keywords: language modality, epistemic knowledge, reliability, the cognitive paradigm.

Когнитивная стратегия языковой модальности - это отношение высказывания к модальности действительности. Субъективная модальность (SM), противоположная объективной модальности и дополняющая ее, выражает личные отношения говорящего с содержанием высказывания. КМ - общий язык, универсальный и может быть изучен как текстовый в терминах выражения и, следовательно, представлен различными языковыми уровнями (фонетика, грамматика, лексика).

Эпистемальная семантика (ES) в рамках нашей работы представляет проблемы добра, надежду, с одной стороны, и неопределенность и сомнение, зло - с другой. Несмотря на обилие терминов, которые характеризуют узко понимаемый SM или ЭМ, лингвисты изучают проблемы ЭМ в терминах, которые выполняют инструментальную функцию, которая позволяет изучать природу эпистемического знания, в отличие от алегического знания. Под алегическим знанием мы понимаем знание фактов, законов природы, общества и т. Д. В роли

инструментальных категорий мы используем понятия уверенности / неопределенности, определенности / неопределенности. Категория надежности / ненадежности распространилась в философии, логике, в связи с необходимостью различать алегическое и эпистемическое знание. Соответственно, мы используем такие пропозициональные руководящие принципы, как «знает», «верит» и «верит», а с другой стороны, модальные операторы, характерные для действительности наших знаний как «доказуемые», «сомнительные», «опровержимые». В модальной логике понятие возможных миров широко используется для описания эпистемических операторов [1, 2]. С психологической точки зрения предложения, описывающие знание и умение, считаются уверенностью или сомнением, которое испытывает субъект суждения, используя предложения [3].

Семантика надежности ограничена лингвистами из семантики знания, образуя область разной степени уверенности. Разница между возможностью и тем, как меж-

ду слабой и сильной степени уверенности проводится МАК. Холлидей [4]. Лингвисты считали необходимым дифференцировать аутентичность в описании. В рамках динамично развивающейся когнитивной, антропоцентрической парадигмы лингвистики лингвистическая модальность приобретает особое значение. Модальность традиционно определяется как «выражение отношения говорящего к описываемой им ситуации». Постановка существования определенного и обязательного положения говорящего по отношению к утверждению соответствует основному тезису когнитивной лингвистики о интерпретирующем характере лингвистического мышления, когда человек не «отражает» окружающую реальность в своих словах, а представляет его через призму его восприятия под определенным углом. Модальность доверия является неотъемлемой частью общей языковой модальности. Рассмотрим группу глаголов, которые выражают разную степень уверенности в положительном исходе события. Эти глаголы верят, думают, полагают. Они иллюстрируют интегральный смысл глагольной надежды, которая является ядерной в семантической группе, с высокой степенью уверенности в надежности определенных событий. SM, как и OM, является универсальным языком и как таковой он может рассматриваться как семантически-синтаксическая категория как текстовая категория, а в терминах выражения может быть представлен всеми языковыми уровнями (фонетика, лексика, грамматика). Традиционно SM рассматривается как категория, которая рассматривает отношение говорящего к содержанию предложения, и это отношение в целом разделено на две части. С одной стороны, это оценка содержания пропозиционального утверждения с точки зрения его адекватности реальности, ее истинности, условия реализуемости и т. Д. Все эти аспекты охватываются общим термином - эпистемической модальностью (ЭМ). EM включает в себя не только знания, но и прогнозирование событий, феноменов с точки зрения важности или необходимости их реализации в настоящем, будущем или прошлом. Это модальность эпистемической достоверности / ненадежности, уверенности / неопределенности, убежденности / беззаботности, уверенности / неопределенности. С другой стороны, SM включает коммуникативное отношение коммуникатора К к реальности, реализуемое посредством директивных, комиссионных и других речевых актов. Комбинация EM и активной модальности является основой для широкого понимания SM. ЭМ надежности противоречит семантике знаний. Первое - формирует область предположения различной степени надежности, а вторая - область эмпирически доказанных знаний. Узко понимаемая, субъективная или ЭМ, выражает оценку возможных событий и по своей функциональной цели принципиально модальна. Структура ЭМ включает семантику сомнений, колебания и семантику уверенности, убежденности, надежды. Эпистемологическая семантика как научная дисциплина рассматривает проблемы надежности, вероятности, уверенности, уверенности, а также проблемы сомнения, ненадежности, неопределенности, неопределенности. Исследования в этой области можно разделить на две области:

1) изучение способов выражения достоверности, уверенности, надежды, их функционирования в диалогической и монологической речи; 2) изучение средств выражения неопределенности, неопределенности, сомнений и контекста их функционирования. Первое направление недостаточно изучено, хотя многие иностранные и отечественные исследователи [5-9] и другие учёные работают в этой области. Что касается второго направления, он только начинает формироваться в рамках теории ЭМ, и во многих работах исследователи не дифференцируют проблемы эпистемической неопределенности. На практике это означает, что средства выражения достоверности разной степени вероятности включают средства выражения неопределенности, сомнения, неопределен-

ности. Положительная эпистемическая модальность как элемент ЭМ мало изучена на немецком, румынском и русском языках. Местоположение этого подтипа модальности в ЭМ-системе не определено. Средства выражения надежды, ожидания и уверенности в положительном результате не раскрываются и не описываются систематически. В то же время положительная эпистемическая модальность, доверительная модальность являются неотъемлемой частью ЭМ, поэтому обзор литературы по ЭМ позволяет дать категорический фон для аналитического обзора работ по положительной эпистемической модальности. Исходя из этого, в главе обзора и производства мы сначала даем аналитический обзор ЭМ в целом, а затем специально сосредоточимся на нескольких работах, посвященных описанию надежды, ожидания, уверенности в материале английского и русского языков. С другой стороны, теория эпистемической семантики или ЭМ, из которой проблематика добра, надежда, определенность, определенность (положительная эпистемическая семантика), с одной стороны, и неопределенность, неопределенность, сомнение, зло (отрицательная эпистемическая модальность) в философии, логике и лингвистике во второй половине XX века. В отечественной лингвистике на ЭМ написано несколько монографий и статей, защищен ряд тезисов, в которых защищены лексические, грамматические и просодические средства выражения ЭМ [10- 16] и другие. Наряду с термином EM [9] и другими) используются другие термины: модальность надежности [7], модальность истины [17], модализация [4]. В американской лингвистике выделяется особая категория «конфиденциальность». Эта категория объединяет различные лексические средства, указывающие источник информации о сообщенном факте или способе его получения [18]. Несмотря на обилие терминов, которые характеризуют узко понимаемый SM или ЭМ, проблема ЭМ традиционно рассматривается со ссылкой на ряд ключевых терминов, которые выполняют инструментальную функцию, которая позволяет оценить природу эпистемического знания, а не алектического знания. Последнее понимается как знание фактов, законов природы общества и т. Д. В качестве таких инструментальных категорий используются понятия надежности / ненадежности, а также понятия доверия / неопределенности, определенности / неопределенности и т. Д. Среди этих категорий наиболее популярна категория надежности / ненадежности.

Категория надежности / ненадежности получила свое довольно полное понимание прежде всего в философии и логике, в связи с необходимостью различать алектическое и эпистемическое знание. EM надежности фиксирует постепенные переходы в степени надежности от знания до незнания. В логике EM исследует, с одной стороны, модальные операторы, выраженные пропозициональными отношениями, такими как «знает», «желания», «верит», «верит», и другие, а с другой стороны, модальные операторы, которые характеризуют справедливость наших знаний о типе «доказуемо», «сомнительном», «опровержимом». В модальной логике понятие возможных миров широко используется для описания эпистемических операторов. [1, 2]. С психологической точки зрения предложения, представляющие знания и мнение, рассматриваются во взаимоотношениях этих психологических состояний, например, уверенности или сомнения, испытываемых субъектом суждения, с использованием этих положений [3]. Таким образом, надежность - это понятие, характеризующее степень соответствия между содержанием предложения (суждения) объективной реальности с точки зрения субъекта мышления (речь, мышление или письмо) с точки зрения его знания объективные связи. Г.А. Золотова интерпретирует понятие SM, в основном как выражение отношения с точки зрения надежности [19]. П.В. Чесноков рассматривает суждения, вопрос, мотивацию как основные модальные разновидности логической фразы, которые по-

лучают дополнительную конкретизацию с точки зрения надежности [20]. В.З.Панфилов указывает, что SM понимается не как природа субъективных связей, а степень надежности с точки зрения говорящего [21]. Лингвисты выделили семантику надежности из семантики знания. Семантика надежности формирует область предположения различной степени определенности. Таким образом, М.А.К. Халлидей различает возможность и уверенность как между слабой и умеренной степенью гипотезы, так и с большой степенью уверенности [4]. При решении проблемы надежности эпистемических высказываний лингвисты столкнулись с необходимостью дифференцировать надежность при описании внутренней структуры ЭМ. Обычно разделять ЭМ на простую, проблемную и категориальную надежность [6, 10, 21, 22]. Модальные слова и модальные выражения, как правило, являются средством выражения проблемной и категориальной надежности. Средства выражения категориальной надежности свидетельствуют о твердой уверенности говорящего в достоверности сообщенных данных, что было результатом преодоления прошлых колебаний или подтверждения ранее высказанных. Эти средства также используются спикером для категорического подтверждения сообщения о том или ином факте, который воспринимается им как нечто естественное, естественное, само собой разумеющееся, с оттенком абсолютной уверенности говорящего в подлинности того, что сообщили. Модальные слова и выражения со значением категориальной надежности, указывающие на твердую, абсолютную уверенность говорящего в достоверности сообщенных, более однородны, чем модальные слова проблематичной надежности.

Средства выражения проблемной надежности весьма разнообразны по своим лингвистическим формам (модальные слова, модальные выражения, сослагательное наклонение и т. д.) И в их эпистемическом наполнении. Они могут обозначать как слабые, так и средние допущения, неопределенность, сомнение, неопределенность и т. д. Категориальная надежность наименее изучена, особенно в части, относящейся к содержательному плану и плану выражения надежды, уверенности, решимости и т. д. В русском языке модальные слова («вероятно», «возможно», «кажется», «возможно», «возможно» и т. д. Также относятся к категории показателей категориальной надежности / проблемной надежности. Отсюда вывод, что проблематичная надежность может быть выражена в предложении с помощью модальных наречий «возможно», «возможно», «возможно», «возможно», «по-видимому», «кажется» и категориальной надежности - наречий », «неоспоримо», «несомненно», «действительно», «конечно». Эпистемическое выражение может быть оценено не только с точки зрения различной степени надежности / ненадежности, уверенности / неопределенности, но и с точки зрения аксиологических оценок. Эти оценки имеют двоичный характер: истина ложна, хорошо плохо, надежда - отчаяние и т. д. Заявления категориальной определенности, такие как ряд утверждений о проблемной аутентичности, обозначенные наречиями типа «возможно», «возможно», являются основанный на фоне эмоционального модальности надежды. Заявления, выражающие сомнения, неопределенность, колебания, в основном имеют модальную тональность ненадежности, отчаяния и других эмоциональных негативных оценок. Другими словами, в рамках проблемной надежности переключается регистр эмоциональной модальности. С другой стороны, одинаково очевидно, что сомнения, неопределенность и нерешительность также выражают различную степень проблематичной определенности, но окрашиваются в негативные эмоциональные тона. Следовательно, средства выражения проблемной категоричности в соответствии с эмоциональной модальностью противоположны, но с точки зрения проблемного сходства. Значения, которые характеризуют меру достоверности высказывания,

Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

степень уверенности говорящего в надежности этого утверждения, могут быть представлены в виде шкалы, однако расположение точек на шкале отличается от разных лингвистов. Некоторые лингвисты поставили простую надежность в центр шкалы, характеризующийся отсутствием какого-либо индикатора надежности, слева от которого имеются индикаторы проблемной надежности типа «возможно», «возможно», а справа - показания категориальной надежности типа «конечно», «действительно». При таком расположении шкалы достоверности развивается представление о том, что высказывания с индексами категориальной надежности «конечного» типа выражают большую степень уверенности, чем утверждения с нулевым показателем [23].

Многие лингвисты отмечают субъективность как отличительную особенность этой модальности. При этом они связывают субъективность, главным образом, с самим определением ЭМ как выражением отношения говорящего к содержанию высказывания [10, 16, 24, 25]. Это определение подчеркивает, по их мнению, что субъективный вывод оратора играет решающую роль в построении выражения с эпистемической оценкой, а не в возможности объективного подтверждения с точки зрения существующих фактов. Проблема значительно усложняется тем фактом, что в самой ЭМ различается субъективная эпистемическая модальность (СЭМ) и объективная эпистемическая модальность (ОЕМ) [26], а также между субъективными и объективными средствами ее выражения [4], и этот раздел может не совпадать с разными лингвистами. Кроме того, различать индикаторы ЭМ с явным (я думаю, мне кажется) и неявным (это, скорее всего) выраженная субъективность в ЖЕМ Дж. Лионс ссылается на такие индикаторы, которые указывают на логический вывод, в котором нет указаний на докладчика и самого процесса вывода, а только на те факты, из которых обязательно следует заявленное предложение. По его мнению, глагол в эпистемическом смысле может быть использован объективно и субъективно. Так, например, высказывание «Альфред должно быть незамужним» может быть использовано в двух ситуациях. В первом случае, с объективным использованием, ход рассуждений говорящего может быть представлен следующим образом: в свете того, что известно, необходимо, чтобы Альфред не был женат. Однако Лионс отмечает, что это разделение ЭМ на объективное и субъективное несколько искусственно. По-видимому, в конечном счете, Дж. Лионс отказывается от такой жесткой оппозиции, и у него есть такие эпистемические показатели, как «Вероятно», «я думаю», «возможно»; «Возможно», «должны» все попадать в одну группу и характеризуются как субъективные. Несколько отличающаяся классификация эпистемических показателей у М.Халлидея, которая касается модальных слов и выражений, таких как «вероятно», «вероятно» и объективных, таких как «я думаю», «я верю» (Halliday, 1970), В целом М. Халлидей рассматривает модальность как форму участия говорящего в речевом акте и включает его в общую категорию, которую он называет «комментарием говорящего», где наряду с показателями вероятности и возможности наречия различных классов типа «честно», «к счастью» [4].

Параметры ЭМ можно разделить на две большие группы. Первая группа будет представлена модальными словами типа «вероятно», «возможно», «конечно», такими выражениями, как «вероятно», «Вероятно» и другие, которые непосредственно характеризуют ситуацию просмотра, указав ее в различной степени вероятности. Другая группа представлена глаголами мнений, восприятия «думать», «верить», «предполагать», «казаться», «появляться» и других, которые изменяют денотативную атрибуцию высказываний и ставят их не как описание реальности, а как его представление в сознании субъекта.

Модальные слова и глаголы мнений и восприятия -

индикаторы ЭМ как средство влияния на достоверность высказывания [10, 24]. Модальные слова более безличны, чем глаголы. М. Фурберг заключает: «Я верю» показывает, что у спикера нет достаточных оснований для категорического одобрения; «Вероятно» означает, что эксперты не согласны с этой проблемой, и поэтому неопределенность говорящего не связана с его личными недостатками, например, с плохой памятью. Из-за этого «я верю» имеет отношение к оратору (автобиографическому кольцу), а «возможно» не имеет [27]. В конце 20-го века, в общей теории модальности, эпистемическая модальность оказалась актуальной. Она рассматривается как интерпретация теории субъективной модальности (SM). Объектом изучения теории ЭМ значимым образом являются категории достоверности / недостоверности, уверенности / неуверенности, определенности / неопределенности, истинности, вероятности.

Ведущей является категория достоверности/недостоверности. Она имеет две стороны; основание в виде определенности/неопределенности, а с другой - мерой уверенности/неуверенности в реализации этого события.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Грауберг Э. Е. Логико-гносеологический анализ основных эпистемических модальностей: Автореферат. Дис. канд. наук. - Л.: 1978. - 16с.

2. Ляшов В.В. Семантика возможных миров - это современная модальная логика. // Методологические проблемы современной науки. - Горький: 186. - с.174-182.

3. Russel B. An Inquiry into Meaning and Truth. Penguin Books. 1962. 333p.

4. Halliday M.A.K. Functional Diversity in Language as Seen from a Consideration of Modality and Mood in English // Foundation of Language, v.6, 1970, №3. P. 61-322.

5. Дмитровская М.А. Знание и достоверность // Проблемы прагматики и интенциональности. / Сб научный. Работает. - М.: пед. институт им. Потемкина, 1988. - С. 166-188.

6. Корнилов А. А. Субъективно-модальная характеристика высказывания с точки зрения надежности-ненадежности ее содержания. / Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания. Л.: ЛГПИ, 1985. - С.43-51.

7. Яковлева Е.С. Значение и использование модальных слов, которые классифицируются как надежность / ненадежность: Дис. канд. филол. наук. - М.: 1983. - 171 с.

8. Davidson D. Beliefs and Basis of Meaning. - Syntese, 1974. V.27, № 314. - P.309-524.

9. Wright G.H. The Foundation of Norms and Normative Statements. The Foundations of Statements and Decisions. - Warsaw: 1961. - P. 361.

10. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности на английском и русском языках. - Воронеж: Воронежский университет, 1985. 444с.

11. Карасик В.И. Модальный компонент в семантике английского языка: Автореф канд. филол. наук. - Л.: 1987. - 16 с.

12. Елизарова Г.В. Говорят, сложное предложение типа. Есть надежда. : Dis. Канд. доктор филологических наук. Наук: 1987. 156 с.

13. Байкова З.М. Лексико - семантическое поле, объединенное модальной достоверностью (подтверждением) на современном английском языке: Дис. Канд. доктор филологических наук. Рига: 1984. - 171 с.

14. Гусарова Н.В., Пяткина И.Г. Лексические средства выражения контекста субъективной модальности. / Вопросы английского языка. Issue. 3.-L.: 990.-С.38-43.

15. Грейпл М. О сущности модальности. // Языкознание в Чехословакии. / Сб. статьи. М.: Прогресс, 1978. - с.277-301.

16. Strawson P. Identifying Reference and Truth Values. // Modern Studies in English/ 1969. P. 109-133.

17. Palmerr F.R. Mood and Modality. Cambridge Un. Press, 1986. - 243p.

18. Ильчук Е.В. Некоторые типы эпистемической модальности на английском языке. - Москва: Наука, 1973. - С.140-157.

19. Золотова Г.А. Категория модальности. // Эскиз функционального синтаксиса русского языка. - М.: Наука. 1973. - С. 140-157.

20. Чесноков П. В. Логическая фраза и предложение. - Ростов: 1961. - С.44-21. Панфилов В.В. Категория модальности и ее роль в составлении предложения и предложения. // Вопросы лингвистики. - М.: 1977, №4. P.37-48.

22. Diver W. The Modal System of the English Verb. - Word, 1964, v.20, Word, 1964, v.20, №3. - P.322-352.

23. Бондаренко В.Н. Типы модальных значений и их выражение в языке: Дисс.канд. филол. наук. М.: 1977. - 221 с.

24. Caton C. Epistemic Qualifiers and English Grammar. [Studies in Philosophical Linguistics.] Ed. by W. Evanston III, 1969, series 1.

25. Coates J. The Semantics of Modal Auxiliaries. London: Canberra, cop. 1983. - 259p.

26. Furberg M. Saying and Meaning. A Main thing in J.L. Austin's Philosophy. Oxford. 1963. P. 229-255.

27. Lyons John. Linguistic Semantics: An Introduction. - Cambridge etc.: Cambridge Un. Press, 1995, XVI. 376p.

Статья поступила в редакцию 04.02.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

КОНЦЕПЦИИ И ВОЗЗРЕНИЯ УЧЕНЫХ-ЛИНГВИСТОВ НА ТЕОРИЮ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
И ПРОБЛЕМУ ОБУЧЕНИЯ ЖИВЫМ ЯЗЫКАМ

© 2018

Сидакова Нелли Валентиновна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков*Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова
(362025, Россия, Владикавказ, ул. Ватутина, дом 44-46, e-mail: nelly@solt.ru)*

Аннотация. Исследованиями проблем теоретической и практической лингвистики занимались многие ученые и педагоги. Представителями и создателями швейцарской школы языкознания и направления, именуемого структурализмом, явились видные ученые-лингвисты Ф. де Соссюр, Ш. Балли, А. Сеше. Статья освещает важнейшие направления в теории структурного языкознания, в области языка и речи, системности языка, внешней и внутренней лингвистики, основанной знаменитым ученым Ф. де Соссюром и его последователями. Французскую школу языкознания представляют видные лингвисты XX века Л. Теньер, Э. Бенвенист, А. Мартине. Люсьен Теньер занимался синхронными исследованиями вопросов славистики, словенской диалектологии и русского языка. Он изучал закономерности в грамматической системе языков, теорию синтаксиса и синтаксической связи. Теньер явился ярким новатором в области общего языкознания и исследовании теории французского языка. Франция во все времена оставалась ведущим центром мировой науки о языке и бастионом консервативных взглядов на проблему фундаментального изучения живых языков. Приоритетное место в этой области занимают работы И. Бертрана и Г. Немеистера, французских методистов и исследователей в области образования и педагогики. В статье изложены основные постулаты их воззрений на проблему обучения живым языкам как средства воспитания и обучения, межкультурного общения и интеллектуального развития личности. На основе анализа отечественной научной литературы в статье актуализируются вопросы обучения живым иностранным языкам в части содержания обучения и основных его компонентов.

Ключевые слова: ученые-лингвисты, теория языкознания, концепции и постулаты, теория структурализма, теория синтаксиса, живые языки, содержание обучения, интегративный подход, основные компоненты, язык и речь, лингвистические и межкультурные компетенции.

LINGUISTS' CONCEPTS AND OPINIONS ABOUT THE THEORY OF LINGUISTICS
AND THE ISSUE OF TEACHING LIVING LANGUAGES

© 2018

Sidakova Nelly Valentinovna, candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the foreign languages chair*North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
(362025, Russia, Vladikavkaz, Vatutin street, 44-46, e-mail: nelly@solt.ru)*

Abstract. Many scholars and teachers have been engaged in researching the problems of theoretical and practical linguistics. The prominent linguists F. de Saussure, Ch. Bally and A. Sechehaye were the representatives and founders of the Swiss school of linguistics and the school, which is called structuralism. The article highlights the most important directions in the theory of structural linguistics, in the field of language and speech, the systemic nature of language, external and internal linguistics, founded by the famous scientist F. de Saussure and his followers. The French school of linguistics is represented by such prominent linguists of the twentieth century as L. Tesnière, E. Benveniste, A. Martinet. Lucien Tesnière was engaged in synchronous research of Slavic studies, Slovenian dialectology and the Russian language. He studied regularities in the grammatical system of languages, the theory of syntax and syntactic connection. Tesnière was a bright innovator in the field of general linguistics and the study of the French language theory. France at all times remained the leading centre of the world linguistic science and the bastion of conservative views on the problem of fundamental study of living languages. In this area, priority is given to the works of Y. Bertrand and H. Neumeister – French methodologists and researchers in the field of education and pedagogy. The article outlines the main postulates of their views on the problem of teaching living languages as a means of education and training, intercultural communication and intellectual development of the individual. On the basis of domestic scientific literature analysis, the article updates the issues of teaching living foreign languages in terms of the content of training and its main components.

Keywords: linguistic scholars, theory of linguistics, concepts and postulates, theory of structuralism, theory of syntax, living languages, contents of learning, integrated approach, main components, language and speech, linguistic and intercultural competences.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Понятия «иностраный язык», «языкознание», «живые языки» имеют давнюю и долгую историю, пожалуй, как и собственно языки. Языки изучались всегда в качестве неперемного условия взаимодействия между людьми различных национальностей, между народами различных стран. Во все времена европейская языковая практика предполагала изучение наряду с живыми языками: английским, французским, немецким, итальянским, испанским и др. изучение также и древних языков – латинского и греческого, так как старые языки являются основой всех европейских языков и имеют неоспоримое влияние на современные, как в свете их происхождения, также и ассимиляции, которая крайне характерна для живых языков [1].

Обучение живым иностранным языкам является неотъемлемой частью среднего и высшего профессионального образования. Современное иноязычное образование в высшей школе построено на принципах пони-

мания роли и места иностранного языка в будущей деятельности. Создание образа успешного профессионала-гуманитария или специалиста в области естественных наук диктует необходимость владеть уже не одним иностранным языком, как это осуществлялось до недавнего времени, а двумя или несколькими живыми языками как явления паритетного многоязычия [2].

Реализация цели углубленного изучения языков в качестве одного из инструментов решения социокультурных и профессиональных вопросов непростая и неоднозначная и влечет за собой соблюдение неразрывности и единства категорий сознания, мышления, языка и культуры, как в жизни, так и в избранной специальности.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которой основывается автор. Представителями и создателями социологической школы языкознания, а также направления, именуемого структурализмом, явились видные зарубежные ученые-лингвисты Ф. де Соссюр, Ш. Балли, Л. Теньер, Э. Бенвенист, А. Мартине и др.

Социокультурному и дидактическому аспектам формирования лингвистической культуры посвятили свои работы отечественные исследователи Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез [3], И.А. Капин [4], А.А. Леонтьев, Е.И. Пассов [5], И.И. Халеева [6] и др., а также зарубежные авторы М. Беннетт, Дж. Бэнкс, Р. Люсиер, Дж. Равен [7] и др. Определение роли и места обучения иностранному языку в системе высшего образования исследовали отечественные ученые Т.Т. Амиранова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров [8], И.А. Зимняя [9], Н.С. Шаброва, Л.В. Щерба [10], И.С. Якиманская [11] и др.; зарубежные теоретики в области образования и педагогики И. Бертран, Ж. Ласера, Г. Немеистер и др.

Вопросы теоретической и практической лингвистики изучали многие видные отечественные и зарубежные ученые. Непосредственно каждая концепция, теория или постулаты различных лингвистических школ, и вместе с тем методические разработки в области языкознания, находятся в тесной взаимосвязи и составляют в совокупности единое учение о лингвистической науке. Педагогический процесс, основанный на общей теории языкознания, является важным компонентом всей системы иноязычного образования и выступает ценностной ориентацией в обучении живым иностранным языкам.

Формирование целей статьи (постановка задания).

Цель нашего исследования – проследить тесную взаимосвязь между лингвистическими и философскими концепциями и учениями о сущности языков и языкознания как науки, представленными выдающимися учеными и педагогами XX века, с современными теориями межкультурного, социально-коммуникативного и профессионально-ориентированного содержания обучения живым иностранным языкам. Формирование научной и практической лингвокультурологии на современном этапе выдвигает новые требования и подходы к обучению живым языкам в гуманитарном цикле дисциплин в высшей школе [12], а следовательно, предполагает обновление целей и задач в методике их преподавания в соответствии с новыми образовательными стандартами.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Основы европейского языкознания как науки восходят еще к античности. Однако это были лишь первые попытки сгруппировать в грамматике различных языков явления морфологии и синтаксиса. На современном этапе лингвистическая наука претерпела интенсивное развитие и широкое распространение в мировом цивилизованном пространстве. Особую значимость в становлении европейской науки о языках получили лингвистические теории известных ученых Ф. де Соссюра, А. Сеше, Ш. Балли, Л. Теньера, Э. Бенвениста, А. Мартине и др.

Фердинанд де Соссюр, фр. Ferdinand de Saussure (1857–1913), швейцарский франкоязычный лингвист, явился одним из величайших языковедов мира, лингвистические и философские воззрения которого не были признаны при жизни. Его «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» впоследствии стал всемирно известным, благодаря ценнейшей разработке теории синхронизма и системно-структурного подхода к языку. Концепции его основополагающей теории опирающейся на дедуктивно-системный анализ рядов чередований гласных, так называемых ларингалов, были не поняты и отвергнуты псевдоучеными того периода. Только спустя несколько десятилетий, после смерти ученого, были проанализированы, выявлены и «расшифрованы» основные тенденции словообразования в части изменения структуры корней. Дальнейшее развитие эта теория получила в формировании и совершенствовании фонетической и морфологической систем языков, составляющих индоевропейскую семью.

В 1916 году произошло важнейшее событие в лингвистической науке начала века: увидело свет издание «Cours de linguistique generale» – («Курс общей лингвистики») [13], подготовленное и выпущенное после-

дователями Фердинанда де Соссюра, его женовскими учениками Альбером Сеше (Albert Sechehaye) и Шарлем Балли (Charles Bally), внесшими и свою значительную лепту в теорию языкознания. Эта книга получила мировую известность своей оригинальной концепцией и оказала большое влияние на становление разнообразных направлений лингвистики XX века. Постулаты Ф. де Соссюра в «Курсе общей лингвистики» – были направлены на отражение его концепций в области языка и речи, системности языка, внешней и внутренней лингвистики, синхронии и диахронии. Несмотря на то, что идеи, рассмотренные Ф. де Соссюром в его «Курсе» уже разрабатывались его предшественниками и современниками В. фон Гумбольдтом, Бодуэном де Куртенэ, Н. Крушевским, В. Уитни и др., заслуга великого ученого и его фундаментального исследования в том, что он создал общую теорию языка и сформулировал свою лингвистическую концепцию. Ф. де Соссюр стал в XX веке наиболее критически читаемым лингвистом как в области общего языкознания, так и в области изучения французского языка [14].

В течение всего XX столетия Франция оставалась оплотом и ведущим центром мировой науки о языке. На развитие французской лингвистики сильное влияние оказали не только такие корифеи языкознания, как Ф. де Соссюр со своими преемниками Ш. Балли и А. Сеше, но и другие французские ученые и педагоги, выдвинувшие ряд оригинальных лингвистических идей: Л. Теньер (L. Tesnière), Э. Бенвенист (E. Benveniste), А. Мартине (A. Martinet) [15].

Среди наиболее известных ученых в области языкознания – Люсьен Теньер, фр. Lucien Tesnière (1893–1954), французский лингвист. Равно же, как и Ф. де Соссюр, не был оценен при жизни, но в современной лингводидактике признается одним из наиболее значительных лингвистов XX века. Он явился ярким новатором в области общего языкознания и исследовании теории французского языка.

Научные воззрения Теньера были чрезвычайно разнообразны: он был исследователем словенской диалектологии и русского языка. В 1921–1924 гг. преподавал французский язык в Любляне (Югославия), в послевоенный период был профессором славистики в Страсбурге. Параллельно изучал немецкий и русский языки. К его знаменитому наследию относится «Petite grammaire russe» («Малая русская грамматика»), необходимость создания которой (1934 г.) была вызвана практикой преподавания языков славянской группы. Эта книга представляет собой одно из лучших грамматических описаний русского языка. Ценность этого издания в том, что в нем были впервые использованы многие приемы, ставшие впоследствии общепринятыми. В работе представлены компактные схемы описания ударений в русских словах, а также заслуживает внимания и синтаксический раздел этой грамматики. Люсьен Теньер является и автором одного из первых ассоциативных и частотных словарей русского языка, изданного посмертно. Сам ученый неоднократно бывал в СССР и в своих работах по русской грамматике активно использовал идеи советских языковедов.

Как многие лингвисты той эпохи Л. Теньер был приверженцем структурализма и принял основные постулаты этого направления в лингвистике, занимался в основном синхронными исследованиями вопросов славистики, зачастую демонстрируя нестандартный подход к объекту своих исследований и определяя собственные закономерности в грамматической системе языков. Но несмотря на ряд прижизненных публикаций по общей лингвистике, при всех его неординарных воззрениях и направлениях, основным трудом его жизни остается монография «Éléments de syntaxe structurale» [16] – («Основы структурного синтаксиса»). Эта работа осталась в виде рукописи после его смерти и только в 1959 году она вышла в свет, благодаря содействию

Р. Якобсона. Книга Л. Теньера целиком посвящена теории синтаксиса, основной мыслью которой была синтаксическая связь. Со временем эта работа приобрела популярность, а вопросы структурного синтаксиса, описанные в исследовании, оказались довольно актуальными. Книга неоднократно переиздавалась, была переведена с французского на другие языки, в том числе и на русский [17].

Все представленные учения, теории, концепции о языке и языкознании являются непреложными предпосылками в изучении живых языков и дают мощный импульс для полного и детального обучения иностранным языкам не только в части грамматического и структурного построения, но в приобретении мыслительных и коммуникативных навыков, развитии иноязычной речи как инструмента общения.

В современном мире в высших учебных заведениях Европы и Франции обучение иностранным языкам способствует ориентации студентов в многогранной социальной среде, формируя у них языковые, межкультурные, коммуникативные и профессиональные компетенции. Мы обращаемся к французской системе образования, поскольку она считается одной из лучших в Европе и именно Франция всегда была центром фундаментального изучения языков и бастионом консервативных взглядов на этот процесс [18]. Изучение иностранного языка зачастую сводилось к усвоению грамматической системы, и осуществлялась эта методика вплоть до недавнего времени. Педагоги, методисты и исследователи феномена живых языков выступали с заявлениями о том, что учебники иностранных языков необходимо строить как одновременный курс социального развития, национальной культуры, цивилизации.

Мы проанализировали и изучили научную и методическую литературу представителей французской лингвистической школы о сущности живых языков и их роли с точки зрения межкультурного, социального и интеллектуального развития личности. В свете рассматриваемых теорий, мы обращались к работам французских исследователей в области педагогики и изучения языков Ж. Ласера, И. Бертрена и Г. Немейстера. Ученые имеют идентичные воззрения на обучение живым языкам и прослеживают их тесную связь с фундаментальными задачами высшего профессионального образования. В своих постулатах они актуализируют проблему влияния и значения живых языков на формирование культурологической и профессиональной компетентностей обучаемых и рассматривают эти вопросы не только в обучающем, но и в воспитательном аспектах.

В контексте обращения авторов к вопросу о роли живых языков в образовании, мы считаем целесообразным сделать акцент на понятии «живой язык». Суть данной детерминации такова: это любой естественный язык конкретной группы людей (не зависимо от их численности), функционирующий в современном мире и используемый в речи, в отличие от древних языков – латинского, древнегреческого, санскрита и древневосточных языков. Термин «живой язык» используется в лингвистике, социологии, философии, педагогике и методике преподавания различных языков и культур.

В обучении языкам разграничим определение внутренней и внешней характеристики этого понятия. Под внутренней характеристикой языка следует понимать его лексико-грамматические особенности, к которым можно отнести также и речь как организованного текста с комплексом связанных элементов, отдельных высказываний, фраз. Внешней характеристикой языка можно обозначить ту же самую речь, но в другой ее ипостаси. Речь как инструмент владения словом есть средство достижения понимания и выражения собственных мыслей и идей. В данном случае речь рассматривается как социальное явление, имеющее психологическую и культурную направленность и предполагает вербальное взаимодействие между людьми.

Иноязычная речь, как и живой иностранный язык, являются воплощением культуры народов различных стран и национальностей. Это результат речемыслительной активности, выражение коммуникативной сущности человека. В организации обучения иностранному языку необходимо включать в процесс содержательные компоненты: языковые знания лексико-грамматического характера, речевые навыки, средства интерактивного обучения: ситуации общения, диалоги, разговорные темы, ролевые и деловые игры и т.д. Непременный атрибут иноязычного обучения – применение аутентичных материалов в виде разнообразных текстов, сообщений, инструкций по общеобразовательной и профессиональной тематике [19], включение, по возможности, непосредственной коммуникации обучаемых с носителями языка. Такая практика как нельзя лучше обеспечивает возможность осуществления профессиональных и лингвистических навыков.

Страноведческие знания, являющиеся также содержательным компонентом иноязычного обучения, формируют культурологические компетенции: уважительное отношение к историческим ценностям и традициям народов, помогают адекватно воспринимать специфические нормы общения и правила этикета, принятые в других странах и этносах. Лингвострановедческие познания воспитывают у студентов любознательность, наблюдательность и мотивацию в изучении иностранных языков и других общеобразовательных дисциплин. Креативность и инициативность в обучении и индивидуальной практике также являются продуктом бережного отношения к изучаемым живым языкам и мировой культуре.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Анализ лингвистических, социологических и философских теорий о языке и языкознании, их изучении в высшей школе указывает на необходимость избирательного подхода в иноязычном образовании. Живые иностранные языки всегда представляли интерес не только с позиции собственно лингвистического феномена и функционирования в мировом образовательном пространстве, но и как социально значимый компонент межкультурного, коммуникативного и профессионально-ориентированного содержания обучения [20; 21]. Поэтому обучение иностранным языкам нужно рассматривать не только и не столько как знание фонетических, лексических и грамматических свойств языка, а в большей степени с позиции усвоение речевых механизмов и выстраивать учебный процесс с учетом содержательной наполненности иноязычного обучения, интегративного подхода, ориентированного на предметно-научную и профессиональную сферы деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сидакова Н.В. Знание французского языка как облегчающий фактор при изучении латинского языка в вузе // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – Т.5 – №1(14). – С. 141–144.
2. Сидакова Н.В. Обучение второму иностранному языку как билингвальный процесс в образовании студентов неязыковых специальностей // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – Т.5. – №3(16). – С. 185–189.
3. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. – М.: Академия, 2008. – 336 с.
4. Капин И.А. Социокультурный компонент в изучении иностранного языка // Педагогика. – 2007. – №5. – С. 122–123.
5. Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. – Липецк: ЛГПИ, 2000. – 204 с.
6. Халева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. – М.: ВШ, 1989. – 240 с.
7. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация: Пер. с англ. – М., 2002. – 396 с.

8. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного.– М.: Рус. яз., 1990.– 246 с.
9. Зимняя И.А. Интегративный подход к оценке единой социально-профессиональной компетентности выпускников вузов // Высшее образование сегодня.– 2008.– №5.– С. 14–19.
10. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность.– Л.: ЛКИ, 2008.– 432 с.
11. Якиманская И.С. Разработка технологии личностно-ориентированного обучения // Вопросы психологии.– 1995.– №2.– С. 31–42.
12. Сидакова Н.В. Гуманитарная составляющая высшего профессионального образования (на примере дисциплины «Французский язык») // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика – 2015.– №4.– С. 164–167.
13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // [Электронный ресурс] – Режим доступа // <http://superlinguist.ru/obshchee-iazykoznanie-skachat-knigi-besplatno/sossjur-f-de-kurs-obshchei-lingvistiki.html>
14. Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра // [Электронный ресурс] – Режим доступа // https://studopedia.su/11_38420_lingvisticheskaya-kontseptsiya-f-de-sossyura.html
15. Французская лингвистика 40-60-х годов. Л. Теньер., Э. Бенвенист., А. Мартине // [Электронный ресурс] – Режим доступа // http://studbooks.net-/2101400/literatura/sintaksicheskij_uroven_uchenii_inbsptenera
16. Tesnière L. Éléments de syntaxe structurale, Klincksieck, Paris 1959.
17. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Пер. с франц. Вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. М.: Прогресс, 1988.– 656 с.
18. Methode de français. Langue pédagogique / Monique Callamand.– Paris: Larousse, 1985.– 95 p.
19. Сидакова Н.В. Использование профессионально-ориентированных аутентичных материалов в обучении иностранному языку студентов технических специальностей // Азимут научных исследований: педагогика и психология.– 2016.– Т.5.– №3 (16).– С. 154–157.
20. Сидакова Н.В. Принцип системности в технологии модульного обучения иностранным языкам // Азимут научных исследований: педагогика и психология.– 2016.– Т.5.– №4 (17).– С. 213–216.
21. Сидакова Н.В. Личностно ориентированный подход как стратегия системного и последовательного процесса обучения иностранному языку // Вектор науки ТГУ. Сер.: Педагогика, психология.– 2015.– №2(21).– С.146–149.

Статья поступила в редакцию 19.12.2017

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 811.161.1

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» КАК ФРАГМЕНТ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ
МИРА В ЛИРИКЕ А.А. ФЕТА И Э.А. АСАДОВА

© 2018

Скляр Елена Станиславовна, кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры русского языка и культура речи
Курский государственный медицинский университет
(305041 Россия, Курск, ул. К.Маркса, 3, e-mail: elsklyar@gmail.com)

Аннотация. В статье уделяется внимание понятиям «языковая картина мира», «эмоциональная картина мира», «эмоциональный концепт» и проводится сопоставительное исследование языковой номинации концепта «любовь» в поэтическом наследии А.А. Фета и Э.А. Асадова как одного из значимых концептов в эмоциональной картине мира лириков, принадлежащих к разным эпохам. Рассматривается структура концепта, анализируются наиболее частотные лексемы. Концептуальный анализ позволяет установить, что данная эмоция осмысливается лириками по-разному: это и любовь к лицу противоположного пола, это и любовь к родине и ее природе, это и любовь к живому существу. Концепт «любовь» отличается незамкнутостью границ, взаимодействует с концептами «вера», «свобода», «надежда» и «счастье» и стоит в одном ряду с такими ценностями и идеалами, как добро, красота, правда и дружба. Сопоставительное исследование двух поэтических идиолектов позволяет выявить общие черты, проявляющиеся в отборе лексем, репрезентирующих эмоцию ЛЮБОВЬ, и в семантике анализируемых слов, а также специфические черты, выявленные на разных уровнях и подтверждающиеся лакунарностью, проявляющейся как на уровне лексем, так и на уровне внутрисистемных связей одних и тех же наименований.

Ключевые слова: языковая картина мира, эмоциональная картина мира, эмоции, вторичные эмоции, концепт, эмоциональный концепт, структура концепта, идиостиль, идиолект, лексема, сема, языковая номинация концепта, сопоставительное исследование, А.А. Фет, Э.А. Асадов

THE CONCEPT «LOVE» AS A FRAGMENT OF THE EMOTIONAL WORLD PICTURE
IN THE POETRY OF A. A. FET AND A. A. ASADOV

© 2018

Sklyar Elena Stanislavovna, candidate of philological sciences, lecturer
of the «Russian Language and Speech Culture» department
Kursk State Medical University
(445020, Russia, Kursk, street K. Marksa 3, e-mail: elsklyar@gmail.com)

Abstract. In the article the attention is paid to the concepts “language world picture”, “emotional world picture”, “emotional concept” and the author presents the comparative study of the language nomination of the concept “love” in A.A. Fet and E.A. Asadov’s poetic heritage as of one of significant concepts in the emotional world picture of the lyric poets of different times. The concept structure is studied, the most frequency lexemes are analyzed. The conceptual analysis allows to claim that this emotion is comprehended by lyric poets differently: love for a person of the opposite sex, love for the country and its nature, love for a living being. The concept “love” shows the borders nonclosure, interacts with the concepts “belief”, “freedom”, “hope” and “happiness” and stands with such values and ideals as good, beauty, truth and friendship in importance. The comparative research of two poetic idiolects allows to reveal the common features which are shown in selection of the lexemes representing emotion LOVE, and in of the analyzed words semantics. It also exposes the peculiar features revealed at different levels and confirmed by the lacunarity shown both at the lexemes level and at the level of intrasystem connections of the same names.

Keywords: language world picture, emotional world picture, emotions, secondary emotions, concept, emotional concept, concept structure, individual style, idiolect, lexeme, sema, language nomination of the concept, comparative research, A.A. Fet, E.A. Asadov

Изучение языка художников слова является перспективным направлением лингвистики, так как творческая личность, создавая поэтический или прозаический текст, выражает с помощью языка свою индивидуальную картину мира, представляющую собой результат познания и душевных переживаний [1]. Человек и проявляемые им эмоции являются частью объективной действительности и ее объектами, которые отражаются посредством языка, в то же время эмоции активно участвуют в формировании языковой картины мира [2]. Эмоциональная языковая картина мира представляет собой совокупность перцептивных образов, восприятий, ощущений, оязыковленных понятий, эмоционально «проработанных» человеком и проецирующих наш внутренний мир [3]. Она создается в результате оценочной деятельности сознания во время ментального освоения фрагментов мира. Компонентами эмоциональной картины мира являются эмоциональные концепты, представленные различными единицами языка. Объективно существующая реальность отражается в эмоциональной картине мира опосредованно, под влиянием чувств и эмоций человека, которые концептуализируются [4].

Как полагает Н.А. Красавский, эмоциональные концепты появляются на том или ином этапе развития конкретной этнической общности вследствие совместной коллективной деятельности при определенных социально-исторических условиях, а порой заимствуются извне в качестве понятия и позднее трансформируются в

концепт. Традиции, обычаи, нравы, особенности быта, стереотипы мышления, образцы поведения сообщества людей обуславливают этническую специфику эмоциональных концептов. Таким образом, концепт представляет собой интегративную, суммарную мыслительную конструкцию, которая фиксирует в словесной форме понятие, его ценность для концептоносителей и образы их языкового сознания, следовательно, в нем концентрируются результаты освоения человеком мира [3].

Эмоциональный опыт человека как совокупность всех эмоциональных состояний и переживаний преобразуется в эмотивное содержание благодаря перекодировке отдельной ситуации, ставшей эмоциональным стимулом другой, более общей и распространенной, ведущей к формированию социокультурных эмоциональных смыслов. Социальное ядро эмоций, образцы поведения и стереотипы эмоциональных ситуаций, существующие для всех представителей культуры, определяют устойчивость и узнаваемость эмоциональных смыслов [4].

Поскольку картина мира несет в себе черты ее создателя, возникает потребность в использовании терминов «идиолект» и «идиостиль». Под идиолектом понимается совокупность формальных и стилистических особенностей речи отдельного носителя языка [5]. Под идиостилем признается «индивидуально устанавливаемая языковой личностью система отношений к разнообразным способам авторепрезентации средствами идиолекта» [6]. С.К. Константинова отмечает, что информация о

языковых ресурсах, которые находятся в личном арсенале писателя, помогает лучше особенности его индивидуального стиля, так как идиостиль во многом обуславливается идиолектом автора, и в большей степени его лексиконом [7].

Наряду с сопоставительным исследованием концептосферы «Эмоциональный опыт человека» в поэзии современников А.А. Фета и Ф.И. Тютчева, проведенным нами ранее [8], представляется интересным сравнительный анализ лексем-репрезентантов эмоции ЛЮБОВЬ, выявленных в поэзии А.А. Фета и Э.А. Асадова – представителей разных временных срезов. Актуальность выбранной темы обусловлена перспективностью углубленного изучения номинантов эмоций в лирике авторов.

Объектом исследования является лексика стихотворений А.А. Фета [9] и Э.А. Асадова [10]. Предметом исследования выступают структурно-семантические и функциональные свойства единиц, номинирующих концепт «любовь». Наш выбор объясняется значимостью данной группы лексики в поэтическом тексте, высокой частотностью наименований эмоции и их функциональным своеобразием.

Цель работы состоит в комплексном сопоставительном описании номинаций вторичной эмоции ЛЮБОВЬ в стихотворениях А.А. Фета и Э.А. Асадова. Реализация цели видится в описании структуры концепта «любовь», выявлении специфики его вербальной репрезентации, определении особенностей использования эмоциональных наименований в поэтическом тексте, проведении сопоставительного анализа и выявлении общих и специфических черт в объективации концепта «любовь».

В работе использовались традиционные лингвистические методы (описательный с методикой наблюдения, таксономический с методиками дистрибутивного, компонентного и контекстуального анализа и сопоставительный), а также методика доминантного анализа и методика сжатия конкорданса.

Любовь, являясь самой таинственной областью человеческих отношений, во все времена притягивала внимание поэтов и писателей, художников и композиторов, которые посвящали ей свои произведения, возвысив ее до уровня «всемогущей силы». Это чувство и сейчас изучается психологами, физиологами и социологами. «И единственное, с чем они все согласны, это то, что любовь уникальна в каждом личностном проявлении» [11]. ЛЮБОВЬ относится к вторичным эмоциям, возникающим в онтогенезе позднее и связанным с формированием самосознания и социализацией личности. Концепт «любовь» репрезентирован у А.А. Фета 26 языковыми единицами в 249 с/у, у Э.А. Асадова – 24 лексемами в 245 с/у. Представим структуру концепта «любовь» в таблице, используя для удобства сопоставительного описания модель концепта, предложенную Л.Б. Савенковой [12].

К лексемам-репрезентантам, употребляемым только в поэзии А.А. Фета, относятся существительные *вожделенье, любимец, любовник, увлечение*, прилагательное *возлюбленный*, глагол *увлечь*. Исключительно у Э.А. Асадова встретились единичные окказиональные прилагательные *ласково-цепкий* и *южно-ласковый*, низкочастотные причастие *обласкан*, существительные *влюбленность*, наречие *влюбленно*, а также частотное прилагательное *милый*, которое в текстах поэта нередко субстантивируется (в таблице данные функциональные омонимы не разведены).

Оба поэта употребляют группу родственных слов с корнем *люб-*: у А.А. Фета нами выявлено 11 лексем в 192 с/у: *любовь, любимец, любовник; влюбиться, влюбленный, любить, полюбить, отлюбить; возлюбленный, любимый, любовный*. У Э.А. Асадова – 9 слов в 163 с/у: *влюбленность, любовь; влюбиться, влюбленный, любить, отлюбить, полюбить; любимый; влюбленно*. Отметим, А.А. Фет отдает предпочтение глаголу *любить*, а Э.А. Асадов – существительному *любовь*. Авторы

употребляют одинаковые лексемы, обозначающие действие и состояние: *влюбиться, любить, отлюбить, полюбить*. Существительные *любимец* и *любовник*, а также слова *возлюбленный* и *любовный* характерны только для стихотворений А. Фета. Причастие *влюбленный* является общим для обоих лириков, а лексема *любимый* встречается лишь у Э. Асадова.

Структура концепта	Фет		Асадов	
	Лексемы	Кол-во с/у	Лексемы	Кол-во с/у
Маркер концепта (прямая номинация эмоции)	<i>любовь</i>	72	<i>любовь</i>	97
Ядро (синонимы концептуального маркера)	<i>ласка</i> <i>нежность</i>	9 2	<i>ласка</i> <i>нежность</i>	3 14
Периферия: производные и непроизводные лексемы, связанные словообразовательными отношениями с прямыми и синонимичными наименованиями эмоций	<i>влюбиться</i> – – <i>влюбленный</i> <i>возлюбленный</i> <i>ласкать</i> <i>ласковый</i> <i>любимец</i> <i>любимый</i> <i>любить</i> <i>любовник</i> <i>любовный</i> – <i>нежно</i> <i>нежный</i> – <i>отлюбить</i> <i>полюбить</i>	1 – – 12 1 2 2 4 10 82 3 2 – 2 17 – 1 4	<i>влюбиться</i> <i>влюбленность</i> <i>влюбленно</i> <i>влюбленный</i> – <i>ласкать</i> <i>ласковый</i> – – <i>любимый</i> <i>любить</i> – – <i>милый</i> <i>нежно</i> <i>нежный</i> <i>обласкать</i> <i>отлюбить</i> <i>полюбить</i>	3 1 1 2 – 1 2 – – 14 57 – – 20 2 5 1 1 1
многозначные слова, переносные значения которых передают эмоциональные состояния	<i>вожделенье</i> <i>дорогой</i> <i>обожать</i> <i>сердечный</i> <i>страстно</i> <i>страстный</i> <i>страсть</i> <i>увлечение</i> <i>увлечь</i>	1 3 1 1 1 3 11 1 1	– <i>дорогой</i> – <i>сердечный</i> <i>страстно</i> <i>страстный</i> <i>страсть</i> – –	– 3 – 1 1 1 12 – –
сложные слова	– –	– –	<i>ласково-цепкий</i> <i>южно-ласковый</i>	1 1

*курсивом выделены совпадающие лексемы

С точки зрения частеречной принадлежности общими для поэтов являются имена существительные *ласка, любовь, нежность* и *страсть*, имена прилагательные *дорогой, ласковый, любимый, нежный, сердечный* и *страстный*, глаголы (в том числе спрягаемые и неспрягаемые формы) *влюбиться, ласкать, любить, полюбить* и *отлюбить, влюбленный, обласканный* и наречия *нежно* и *страстно*.

Слово *любовь*, являясь многозначным, реализует в стихотворениях А. Фета и Э. Асадова несколько значений, отражая понимание этого чувства как формы духовной культуры, включающее в себя разные ее виды: любовь к мужчине и женщине, к детям и родителям, к Родине, Богу, жизни, к искусству и науке и т.д. [13]. Это существительное чаще всего используется поэтами в основном значении ‘чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола. || Любовные отношения’ [14]. В контекстах, посвященных природе или родной земле, актуализируется сема ‘чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л. || Чувство расположения, симпатии к кому-л.’ [14], а значение ‘внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-л. || Пристрастие к чему-л., предпочтение чего-л.’ [14] в стихотворениях авторов встречается довольно редко: *Вечный хмель мне не отрада – Не ему моя любовь, не тяну я винограда одуряющую кровь* [9]; *Стихи мои – боль и любовь моя, Радости и волненья* [10].

Проанализируем синтагматические связи исследуемого имени существительного. Оба поэта активно используют генитивные конструкции, однако в лирике А.А. Фета лексема *любовь* является зависимым компонентом сочетаний, а в творчестве Э.А. Асадова – и главным (*любовь небес, любовь цыганок*), и зависимым словом (*звезда любви*). Генитивные конструкции, встречающиеся в произведениях А. Фета, можно объединять в группы на основе таких семантических признаков, как физиологические проявления (*рыдания любви, улыбка любви, взор любви*), интенсивность (*жар любви*), характер проявления эмоционального состояния (*подвиг долга и любви, таинства любви, тайны любви, робость любви, упоенье любви*), влияние на человека (*запой любви, обаяние любви, раб любви*), отношение (*тепло любви*), вербализация чувства (*призывы любви, слова люб-*

ви, язык любви). У Э. Асадова это чувство приобретает «освещение» (*свет любви*), интенсивность (*накал любви*), продолжительность и завершенность (*разбег любви, заря любви, исход любви*), особый характер проявления (*гроза любви, муки любви, счастье любви*), а также свою единицу измерения (*флакон любви*).

«Для существительного связь с прилагательным – наиболее яркая особенность поэтического текста. Атрибуты – важное средство изобразительности и выразительности» [15]. Слово *любовь* наделяется разными качественными характеристиками. А.А. Фет использует как имена прилагательные с приставками *без-/бес-* и *не-* (*безвозмездная, безотрадная, безумная, небывалая, нераздельная, несбыточная*), так и другие эпитеты (*бедная, благодатная, высшая, мечтательная, робкая, тоскливая, юная*). Э.А. Асадов, наоборот, избегает определений с «отрицательными» морфемами, зато использует эпитеты *большая, великая, истинная, искренняя, молчаливая, платоническая*. Отметим, что только у Э.А. Асадова в качестве определения выступает однокоренное приложение: *Какой же любви она ждет, какой? Ей хочется крикнуть: «Любви-звездопада! Красивой-красивой! Большой-большой! А если я в жизни не встречу такой, Тогда мне совсем никакой не надо!»*. Общим для двух поэтов оказывается сочетание *первая любовь*, указывающее на «очередность» возникновения чувства. Отличия в употреблении прилагательных видятся в том, что Фетом это чувство оценивается с разных сторон (как положительное и как отрицательное явление), а Асадовым оно охарактеризовано положительно, что свидетельствует о личном восприятии.

Изучим глагольные связи исследуемой лексики. В лирике А.А. Фета слово *любовь* редко оказывается активным субъектом, ему более свойственны объектные связи. Э.А. Асадов в равной степени употребляет данную лексику в качестве объекта и субъекта действия. Любовь у А.А. Фета, являясь объектом поиска и постижения, по-разному действует на человека: охватывает и пронизывает (*Только грудь обуюет любовь; Если ты любишь, как я, бесконечно, Если живешь ты любовью и дышишь; Вышею пылали вы любовью*), порой приводит к негативным последствиям (*Ах, любовь только губит нас, девушек!*). У Э.А. Асадова это чувство сопровождает человека (... *ты шагаешь с наукой в ногу, С любовью, с друзьями, иной судьбой; Человек, когда он человек, Без любви на свете жить не может*). В его лирике это эмоциональное состояние, с одной стороны, имеет свое начало и конец (*Но ведь чувства тем и хороши, что горят красиво, гордо, смело. Пусть любовь начнется. Но не с тела, А с души, вы слышите, – с души!*; *И все-таки, чтобы себя же не презирать потом, Если любовь уходит – хоть вой, но останься гордым, Живи и будь человеком, а не ползи ужом*); с другой, – неподвластно времени (*Смерть, конечно, сильнее меня, Но любви моей не сильней. И когда этот час пробьет И окончу я путь земной, Знай: любовь моя не уйдет, А останется тут, с тобой*).

У обоих авторов чувство вербализуется: *шептать о любви, петь про любовь* – Фет; *твердить о любви* – Асадов, однако только в стихотворениях А. Фета оно восхваляется: *В нас вопиет всеильная природа, И прославлять мы будем век любовь; И я хвалю любовь*.

Поэты в качестве стилистического приема используют олицетворение этого абстрактного понятия: *Но перед жертвою покорною и слезной Зачем же замолчать совсем должна любовь?* [9]; *Нынче для меня не просто осень – От меня любовь моя ушла* [10], но в стихотворениях Э. Асадова оно, одушевляясь, приобретает зримые черты и воплощается в женском образе: *В горах, на скале, о беспутствах мечтая, Сидела Измена худая и злая. А рядом под вишней сидела Любовь, Рассветное золото во косы вплетая*.

Сочетание существительного *любовь* с глаголами в повелительной форме, имеющими отрицательную ча-

стицу *не*, в поэтической речи служит средством создания эмоционально ярких побудительных конструкций и придает произведениям Э.А. Асадова призывный характер: *Как бы в жизни порой не пришлось сердиться – Но разрывом в любви никогда не грозите, Знайте твердо: дразнить Судьбу не годится...; И лишь любви не отдавайте, Не отдавайте никогда; И все-таки, главное, вновь и вновь Хочу я вас искренне попросить: Умейте, умеете всю жизнь ценить И сердце надежное, и любовь!* В лирике А. Фета подобные конструкции не выявлены.

Любовь в поэзии авторов сопровождается целым комплексом чувств: *Когда ж ты добрее, чем синь в поднебесье, А в сердце и свет, и любовь, и участие, Ты даже не знаешь, какая ты песня, И даже не знаешь, какое ты счастье!* [10]; *Любовь, участие, забота Моим очам дрожали в ней* [9]. Для лирики А. Фета характерно наслаивание эмоций различного эмоционального знака [16]: *На сердце жар любви, и трепет, и печаль*. А в стихотворениях Э. Асадова любовь способна вызывать и другие состояния: *Если к цели упрямо стремился ты, И сумел, и достиг, одолев ненастья, Встать в лучах на вершине своей мечты, Задыхаясь от солнца и высоты, От любви и почти сумасшедшего счастья; Любовью нам надо всегда гордиться, Ибо она – редчайшая ценность!; И вот за любовь и за все жите, За стойкость, за свет, за терпенье твое Поклон до земли тебе и спасибо!*

Глагол эмоционального отношения *любить* и его глагольные формы в лирике поэтов также реализует несколько значений. Отметим, что первое значение ‘чувствовать сердечную склонность к лицу другого пола’ [14] выявляется в поэзии чаще всего.

В качестве субъекта при указанном глаголе у обоих поэтов выступает целый ряд слов: *душа, сердце, мать, Фатима, кролик, я, она, ты, мы* – Фет; *сердце, глаза, подруга, поэты, жены, родители, люди, я, он, ты, вы, мы, они* – Асадов. Общим для поэтов оказываются конструкции с существительным *сердце*: *Пусть пронеслась ты надменно, небрежно, Сердце мое все по-прежнему нежно, Сердце обид не считает, не мерит, Сердце по-прежнему любит и верит* [9]; *Я безмолвно чудо призываю, Я его почти что заклиная Горьким правом любящих сердец* [10]. В стихах А. Фета любить может также душа (*Но, верить и любить готова, Душа к стопам твоим летит*), а у Э. Асадова – глаза (*И были такими глаза ее, Глаза, что любили и тосковали, Таким они светом сейчас сияли, Что он посмотрел в них и понял все*). Однако чаще этим чувством у лирика охвачены люди: *Родители любят ребят своих, И, чтобы глаза малышей блестели, Дарят им кошек, птенцов, щенят, Пускай заботятся и растят* [10]; *Ведь если к нам вернуться бы могли Каким-то чудом эти вот законы – С какой тогда бы страстью берегли И как бы нас любили наши жены!* [10]; *На всей планете и во все века Поэты тосковали и любили* [10].

Однако наиболее характерным и частым способом замещения позиции субъекта [17] при глаголе *любить* является местоименная номинация, при этом в произведениях преобладают местоимения *я, мы, он, она*. Нередкими оказываются конструкции с определенными личными предложениями, в которых субъект прямо не назван, а форма 1 лица выражена имплицитно с помощью глаголов: *Еще люблю, еще томлюсь Перед всемирной красотой И ни за что не отрекусь От ласк, ниспосланных тобою* [9]; *Только знать бы, что все не зря, Что люблю тебя не напрасно!* [10].

Объектом любви у авторов становятся не только женщина (*я страсти не скрываю, И я хочу сказать, что я люблю тебя, Тебя, одну тебя желаю!* [9]; *Влюбиться, но смуты своей сердечной Даже взглядом не показать, Тем паче, что друг его, что скрывать, Любил свою милую бесконечно* [10]), но и природа, и родина (глагол *любить* в данных контекстах реализует значение ‘чувство-

вать глубокую привязанность к кому-чему-либо, быть преданным кому-чему-либо [14]):

Фет	Асадов
<i>Люблю безмолвие полуночной природы, Люблю ее лесов лепечущие своды, Люблю ее степей алмазные снега</i>	<i>А как ты птиц любила по весне И яркие рассветные лучи!</i>
<i>На пажитях немых люблю в мороз трескучий При свете солнечном я снега блеск колючий, Леса под шапками иль в инее седом Да речку звонкую под темно-синим льдом</i>	<i>А в чем найти вернейшее решение? Ответ горит, как яркая звезда: Любить Россию до самозабвения!</i>
<i>Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью Мы любим родину с тобой?</i>	<i>Севастополь! В рассветном сиянии ночи Что ответил бы я на вопрос такой? Я люблю его яростно, всей душой...</i>

В творчестве А. Фета также отражена привязанность к небесным светилам (*Друг мой, я звезды люблю; Я слушаю таинственный хор, И звезды тихонько дрожали, И звезды люблю я с тех пор*). Э. Асадов отдает предпочтение людям и Богу (*Гоню твою боль, заклинаю, И каждый твой вздох ловлю, Мама моя святая, Прекрасная, золотая, Я жутко тебя люблю!*; *Потому что любить горячо других Это значит любить всей душой Бога!*).

Сема 'чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-л. || испытывать удовольствие от созерцания, ощущения чего-л.' [14] чаще представлена в стихотворениях А.А. Фета, чем в текстах Э.А. Асадова: *Любила мать смотреть, как я Молилась поутру, Любила слушать, если я Певала ввечеру; Природы праздный соглядатай, Люблю, забывши все кругом, Следить за ласточкой стрелчатой Над вечеряющим прудом* [9].

В лирике поэтов встречаются сочетания глагола *любить* с наречиями со значением высокой степени проявления действия (признака) [18], которая передается в том числе «интенсификаторами с отрицанием» [19]: *жарко, явно, вечно, беспредельно, пламенно и нежно, редко* – А.А. Фет; *всей душой, всем сердцем, бурно, яростно, до самозабвения, жутко, всегда, всерьез, безбожно, бессчетно*. Как видим, нами выявлена только одна общая для стихотворений поэтов конструкция – *бесконечно любить*, хотя оба поэта часто используют подобные сочетания.

Контекстный анализ выявил связь концепта «любовь» с другими концептами, которые, влияют на формирование у человека смысла жизни как цели, достижение которой выходит за пределы его непосредственно индивидуального бытия [20]. Приведем примеры:

Фет	Асадов
<i>Гора огнем стыда, опять встречают взоры Одну доверчивость, надежду и любовь</i>	<i>Давай же не годы считать, А песни, а звезды любви и счастья!</i>
<i>Свободы смелый лик и томный взор любви Манят наперерыв желания твои</i>	<i>Радуйтесь, не портите ничем Ни надежды, ни любви, ни встречи!</i>
<i>Прежние звуки с быллым обаяньем Счастья и юной любви</i>	

Также значимыми для лириков оказываются идеалы добра, красоты и правды: *В благословенный день, когда стремлюсь душою В блаженный мир любви, добра и красоты* [9]; *... если сам он, с его душой, Умом и ревниво кипящей кровью, Дышал к ней всегда лишь одной любовью, Верой и вечною добротой* [10]; *Он не знает, чудак, о прекрасном лете, О моем, о веселом и добром лете,*

Где живет красота, и любовь, и ты... [10]; *Да, все с тобою, только позови. И ты ведешь их трепетно и свято, Как по тугому звонкому канату К высокой правде, счастью и любви* [10]. А в стихотворениях Э. Асадова особую ценность приобретает дружба: *Пусть все будет мериться новой мерой, Новые встречи, любовь, дружба...* [10]; *Ведь имей он в свой нелегкий час И любовь, и дружбу полной мерой, То, как знать быть может, «Англетера»...* [10]; *Когда тучи в прошлые года Дни мои ничем не омрачали, О, как ваши голоса звучали О любви и дружбе навсегда!* [10].

Частотной в лирике авторов является и многозначная лексема *любимый*. В лирике А.А. Фета она чаще всего употребляется в значении 'предпочитаемый всем остальным' [14]: *С любимой мечтою Не хочется сердцу расстаться; Ах, то цветок мой весенний, любимый!*; реже реализуется значение 'внушающий чувство любви, пользующийся любовью' [14]: *О, это всё – цветы, букашки и камня, Каких ребенок рад набрать со всех сторон Любимой матери в те сладкие мгновенья; Дитя курявое, любимый неясно сын Неувядающего мая, Позволь мне жизнь упить день один, На солнце радостном играя.*

В лирике Э.А. Асадова слово *любимый* употребляется для наименования дорогого, близкого человека: *Если ты с любимой в ссоре, А тоска по ней горяча, Это тоже еще не горе, Не спеши, не руби плеча; Прости же за горечь, любимый мой; Пока один с любимой встречается, Другой идет сдавать его зачет...* Значение 'предпочитаемый всем остальным' [14] реализовано лишь в одном контексте: *Хозяин радушен: он поднял бокал И весело смотрит на нас. Он горд, ведь сегодня он в тысячный раз В любимом спектакле сыграл.* В стихотворениях поэта это «ласкательное обращение» выступает и в роли чистого обращения: *Или вдруг тебе, отбросив прятки, Крикнуть мне: – Любимый, помоги! Мы – близки! По-прежнему близки!; Прости за горечь, любимый мой!*

Частотное прилагательное *милый*, зафиксированное в произведениях Э.А. Асадова, субстантивируется (*С милой сидеть до рассвета; Пусть будут весны, будут соловьи, Любите милых, горячо и свято*) и используется при обращении к любимому человеку (*Коль слышит сердце тихие слова, Прекрасные, как в сказках острова, И легкие, как вздох: «Спасибо, милый!»; Милый, ты сам ведь отлично знаешь, Что, если даже совсем замерзаешь, Надо выдержать, устоять!*). В контекстах актуализируется также и другая сема – 'близкий сердцу, родной, дорогой' [14]: *Знакомая, милая остановка!*

Отметим, что для лирики А.А. Фета в целом не характерно использование «ласкательных обращений», которые встречаются в поэзии Э.А. Асадова, однако для стихотворений последнего также оказывается несвойственным субстантивированное прилагательное *дорогой*, основанное «на идее ценности и уникальности объекта чувств» [21].

В лирике Э.А. Асадова частотное имя существительное *нежность* вступает в различные атрибутивные связи и может быть систематизировано по ощущениям (*горячая*), по времени появления и принадлежности (*первая, мальчишеская*), по характеру эмоционального проявления (*веселая, острая, робкая*) и по восприятию (*знакомая*). Проявление ласки по отношению к кому-либо в лирике автора выражается во взгляде (*смотреть с нежностью*) и в словах (*говорить с нежностью*). Указанная лексема употребляется поэтом с другими эмоциональными наименованиями: *Без нежности нет на земле любви, Как нет и листья без весенних почек...* [10]; *Сердце грохочет, стучит в виски, Взведенное, словно курок нагана. От нежности, ярости и тоски Оно разрывается на куски* [10].

В стихотворениях А.А. Фета лексема *нежность* неупотребительна и встречается только дважды в отличие от однокоренного прилагательного *нежный* (17 с/у),

использованного в значении 'проявляющий любовь, ласку по отношению к кому-л., в обращении с кем-л. || Выражающий ласку, любовь, исполненный мягкости, ласки, любви' [14]. Этим эпитетом охарактеризована печаль (*нежная грусть, нежная тоска*) и внутренний мир человека (*нежная душа*), лирический герой (*нежный стрелок*), богиня (*нежная Диана, нежная Психея*). Любовь находит выражение в речи (*нежные слова*) и в прикосновениях (*нежная ласка*). В поэзии Э. Асадова указанная лексема в данном значении низкочастотна.

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ позволяет говорить о значимости концепта «любовь» в поэтическом наследии авторов. В поэзии А.А. Фета лексика, репрезентирующая эмоцию ЛЮБОВЬ, разнообразнее, чем в поэзии Э.А. Асадова. Для обоих авторов являются значимыми слова с корнем *люб-*, среди которых отмечены высокочастотные лексемы *любовь* и *любить*. В идиолекте Э. Асадова, поэта XX века, не зафиксированы характерные для лирики XIX столетия существительные *любимец* и *вождеенье*, при этом часто употребляются прилагательные в качестве ласкательных обращений (*любимый, милый*), в целом не свойственные поэзии А. Фета. Э.А. Асадов воспринимает любовь как светлое чувство, оценивая его положительно, а А.А. Фет неоднозначен: наряду с позитивными характеристиками встречаются и негативные. Хотя в стихотворениях представлены разные грани этой эмоции, поэтами чаще всего воспевается любовь к дорогому человеку. В контекстах обнаруживается связь чувства сердечной склонности и глубокой привязанности с такими идеалами, как счастье, вера, надежда и свобода и такими ценностями, как добро, красота и правда, а у Э. Асадова – с дружбой, что свидетельствует о незамкнутости границ концепта. Наше исследование выявило не только общие, но и специфичные черты поэтических идиолектов, которые проявляются в составе слов, объективирующих анализируемый концепт, и в особенностях внутрисистемных связей лексем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бабенко Л.Г. Обозначение эмоций в языке и речи (на материале глагольной лексики в художественном тексте) : учеб. пособие. – Свердловск: УрГУ, 1986. – 100 с.
2. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
3. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. – Волгоград : Перемена, 2001. – 495 с.
4. Р. Горрея К понятию эмоциональной картины мира // Вестник МГЛУ. – 2010. – 584 – С. 29–38/
5. Леденева, В.В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. – 2001. – № 5. – С. 36–41.
6. ЯБЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
7. Константина С.К. День и ночь в персонификациях А.А. Фета // Курское слово. Выпуск второй. – Курск: Изд-во Курск. гос.ун-та, 2005. – С. 75–82.
8. Скляр Е.С. Концептосфера «Эмоциональный опыт человека» в поэзии А.А. Фета и Ф.И. Тютчева: дис.... канд. филол. наук. – Курск, 2011. – 195 с.
9. Фет А.А. Сочинения. Стихотворения. Поэмы. Переводы // Сочинения : в 2-х т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т.1. – С. 41–278.
10. Асадов Э.А. Что такое счастье: стихотворения. – М.: Эксмо, 2009. – 416 с.
11. Сушко, Е.И. Формула любви [Электронный ресурс] / Е.И. Сушко. – Режим доступа : URL: <https://www.psyoffice.ru/5850-12-3030.html> (дата обращения 20.02.2018)
12. Савенкова Л.Б. Типология языковых единиц и концептуальная парадигма // Славянские языки и культура. Материалы Международной научной конференции. (Тула, 17–19 мая 2007 г.). – Тульский государственный Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

ный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2007. – С. 3–6.

13. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Концепт любви в мировой культуре [Электронный ресурс] / Вал.А. Луков, Вл.А. Луков. – Режим доступа : URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Lukovs_love/ (дата обращения: 31.01.2018)

14. Словарь русского языка : в 4 т. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. Т. 2. – М. : Русский язык, 1986. – 736 с.

15. Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Тютчев и Фет: опыт контрастивного словаря. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. – 197 с.

16. Харченко В.К., Хорошко Е.Ю. Язык и жанр русского романа: монография. – М.: Изд-во Литературного им. А.М. Горького, 2005. – 167 с.

17. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 496 с.

18. Иванова И.А. Концепт ЛЮБОВЬ и его концептосфера в истории русского языка: автореф. дис. ...канд. филологических наук. – М., 2006. – 25 с.

19. Лепихина Л.Н. Фразеологизмы со значением любви в русском и английском языках: автореф. дис. ...канд. филологических наук. – М., 2009. – 25 с.

20. Воркачев С.Г. Концепт счастья: значимостная составляющая [Электронный ресурс] / С.Г. Воркачев. – Режим доступа : URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/vorkachev-02.htm> (дата обращения: 31.01.2018)

21. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

Статья поступила в редакцию 28.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 81'276.6

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКОМ
И В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

© 2018

Сунь Шуай, аспирант высшей школы перевода (факультета)
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
(119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, e-mail: sun.shuai@mail.ru)

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы специфики военной терминологии (на материале русского и английского языков). Актуальность выбранной темы обусловлена целым рядом факторов, в том числе: необходимостью более глубокого изучения словообразовательных и структурных особенностей военной терминологии; важностью исследования терминологии в рамках сопоставительного анализа, который позволяет рассматривать терминологию как упорядоченную систему; а также недостаточной научной разработанностью вопросов и т.д. Цель статьи состоит в сопоставительном анализе военной терминологии в английском и русском языках, который позволяет не только сравнить русскоязычные и англоязычные военные термины, но и выделить их специфические особенности. На основе проведенного анализа автором отмечается, что основной характеристикой военных терминов в английском и русском языках, помимо прочих терминологических свойств, является особая сфера функционирования, которая определяется целым рядом признаков, позволяющих отнести те или иные слова или словосочетания к разряду военной терминологии.

Ключевые слова: военная терминология; сопоставительный анализ; русскоязычные и англоязычные военные термины; способы образования терминов; лексические единицы; понятия; военное дело.

COMPARATIVE ANALYSIS OF MILITARY TERMINOLOGY IN THE RUSSIAN
AND ENGLISH LANGUAGES

© 2018

Sun Shuai, postgraduate student at the Higher school of translation and interpretation
Lomonosov Moscow State University
(119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, d.1, e-mail: sun.shuai@mail.ru)

Abstract. This article deals with the specifics of military terminology (on the material of Russian and English languages). The relevance of the chosen topic is determined by a number of factors, including: the need for a deeper study of word-formation and structural features of military terminology; the importance of terminology research within the framework of comparative analysis, which allows us to consider terminology as an ordered system; as well as inadequate scientific elaboration of issues, etc. The purpose of the article is a comparative analysis of military terminology in English and Russian, which allows not only to compare Russian-speaking and English-speaking military terms, but also to highlight their specific features. Based on the analysis carried out by the author, it is noted that the main characteristic of military terms in English and Russian, among other terminological properties, is a special sphere of functioning, which is determined by a number of signs that allow one or another word or phrase to be classified as military terminology.

Keywords: military terminology; comparative analysis; Russian-speaking and English-speaking military terms; ways of forming terms; lexical units; notions; warfare.

На сегодняшний день все большую актуальность приобретают вопросы, связанные с исследованием специфики военной терминологии в сопоставительном аспекте (на материале различных языков). Это обуславливается целым рядом факторов: во-первых, необходимостью более глубокого изучения словообразовательных, семасиологических, а также структурных особенностей военной терминологии; во-вторых, важностью исследования терминологии в рамках сопоставительного анализа, который позволяет рассматривать терминологию как упорядоченную систему, соответствующую современному уровню развития науки и отвечающую тенденциям современных исследований, направленным на анализ лингвистических явлений не изолированно, а в тесном взаимодействии со многими другими сферами знания (военное дело, история, политология и др.) [16, с. 3-9]; и, в-третьих, недостаточной научной разработанностью вопросов и, соответственно, признанием необходимости комплексного анализа.

Особый научный интерес в рамках изучения военной терминологии вызывает английский язык, поскольку он является важнейшим средством расширения внешних связей России и западных стран, актуализации международного профессионального общения и интенсивного развития профессиональной коммуникации на английском языке [8, с. 1-3]. К тому же происходящая сейчас смена парадигмы переводоведческих исследований (которые приобретают все более и более антропоцентрический и, в связи с этим, междисциплинарный характер [18, с. 2-5]), приводит к качественному изменению перевода английской военной терминологии. Перевод становится более содержательной и емкой; начинает вбирать в себя знания, связанные не только со структурными и словообразовательными особенностями терминов, но и с обширным кругом представлений о «человеческом

факторе», о различных сферах и проблемах, а также о социальных, межкультурных, политических, исторических и прочих явлениях, отображающихся (так или иначе) в терминообразовании [4, с. 129-136]. Что, естественно, ставит вопросы специфики военной терминологии в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков) в ряд наиболее актуальных.

Характеризуя степень научной разработанности, следует отметить, что данные вопросы активно исследовались многими отечественными и зарубежными авторами. В частности, общим проблемам терминообразования посвящены работы К.Я. Авербуха [1], М.Н. Володиной [3], С.В. Гринева-Гриневица [5], Д.А. Кожанова [10], А.В. Суперанской [20], Н.М. Шанского [21] и др. Специфика образования английской терминологии исследуется в работах С.Н. Гореликовой [4], Д.Ф. Каюмовой, А.И. Шайдуллиной [8] и др. Сопоставительный анализ терминологии (в т.ч. и военной) в русском и английском языках приводится в работах М.А. Лазаревой [11], Н.М. Разинкиной [15], Е.А. Рябовой [16], А.Д. Самигуллиной [17] и др. Однако, с точки зрения комплексного анализа, специфика военной терминологии в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков) рассмотрена недостаточно полно, что приводит к целому ряду трудностей на уровне определения подходов и методов изучения данных вопросов. Таким образом, цель настоящей статьи – сопоставительный анализ военной терминологии в английском и русском языках, который (анализ) позволяет не только сравнить русскоязычные и англоязычные военные термины, но и выделить их основные специфические особенности.

Итак, на данный момент существует множество определений понятия «термин». Например, по мнению О.С. Ахмановой, термин – это слово или словосочетание специального (научного, технического и т.д.) языка, ко-

торое создается (принимается, заимствуется и т.д.) с целью точного выражения специальных понятий и обозначения специальных объектов и предметов [2, с. 473-474]. Т.Л. Канделаки полагает, что термином является слово или «лексикализованное словосочетание», которое требует построения дефиниции для определения своего значения в соответствующей системе понятий [7, с. 6-7]. В.П. Даниленко под термином понимает слово или словосочетание специальной сферы употребления, которое является наименованием научного или производственно-технологического понятия и которое обладает дефиницией [6, с. 10-11]. Как отмечает С.В. Гринев-Гриневиц, термин – это особая номинативная лексическая единица специфического языка, которая используется для точного именованя специальных понятий [5, с. 11-12]. Данные определения отображают основные признаки «термина» (его форму, принадлежность, наличие дефиниции, соотношенность термина с понятием, системность и т.д.), а также в целом позволяют рассмотреть его с той или иной стороны.

Особый интерес вызывает монография Л.А. Манерко «Язык современной техники: ядро и периферия» [13], в которой автор предлагает рассматривать термин в контексте «языка техники», т.е. особой сферы функционирования национального языка. При этом «язык техники» связан с понятием функционального стиля (функциональной стилистикой) и является неотъемлемой частью всего языка. Автор отмечает, что термину языка техники, в свою очередь, свойственны «высокая информативность, логичность, последовательность изложения, четкость формулировок и ясность выражения мысли» [13, с. 10-12]. Также Л.А. Манерко выделяет словосочетания вообще и субстантивные словосочетания, которые являются особыми единицами языка техники (в частности, в английском языке). По мнению автора, сложно-структурные субстантивные словосочетания в языке техники представляют собой когнитивно-дискурсивные образования (в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы), формирующиеся в результате категоризирующей деятельности человека и относящиеся одновременно «к когниции и дискурсу» [13, с.113-115].

Безусловно, термины неразрывно связаны со сферой их функционирования. Терминология составляет главную специфику лексики языка науки или определенной специальности, она является наиболее информативной ее частью [10, с. 43-47]. В частности, значение военной терминологии сегодня трудно переоценить. Существует большое количество областей и направлений, связанных с военным делом, соответственно, и использующих военную терминологию, и все они вызывают особый интерес с точки зрения реализации (образования, употребления и т.д.) такого рода терминологии в языке. Основной чертой, отличающей военный термин от всех других типов номинаций, является связь с военными научными концепциями [8, с. 1-3]. Поскольку формирование термина, по мнению В.М. Лейчика, осуществляется на основе предметного знания той сферы, понятия которой могут быть интерпретированы как термины [12, с. 11-16], соответственно, языковой статус военного термина подтверждается воздействием военной отрасли знаний.

Военное дело сегодня играет особую роль для международных отношений; оно является не только профессиональной человеческой деятельностью, но и элементом культурной, политической, экономической жизни той или иной страны, неотъемлемым элементом традиций и самосознания народа [16, с. 17-25]. Не случайно проблема войны и мирного сосуществования разных стран находится в центре внимания специалистов различных научных направлений. Для лингвистов же особый интерес представляет язык военного дела, в частности, его терминология. Отгалкиваясь от понятия термина как особой номинативной лексической единицы специфического языка, которая используется для точного именованя специальных понятий [5, с. 11-12], можно предпо-

ложить, что военные термины – это специальные слова, словосочетания, профессионализмы и др., ограниченные сферой использования и предметной принадлежностью, в данном случае военной сферой.

Провести четкие границы понятия «военный термин» весьма сложно, поскольку сфера функционирования военной терминологии довольно широка, и многочисленные общеупотребительные термины получают в ней особое, более узкое значение. Например, по мнению В.Н. Шевчука, военная терминология включает в себя устойчивые единицы синтетических или аналитических номинаций, закрепленные за соответствующими понятиями в понятийно-функциональной системе тех или иных областей военной профессии в значениях, регламентированных его дефиницией [22, с. 7-9]. Однако не следует ограничиваться лишь военным делом, так как внутри этой обширной области существует множество отраслей, которые необходимо рассматривать как различные самостоятельные области знания или деятельности [19, с. 82-84]. В связи с этим целесообразно выделить следующие группы военной терминологии:

- военно-политическая терминология (стратегическая, тактическая);
- военно-дипломатическая терминология (организационная);
- военно-техническая терминология (относится к различным видам и типам вооруженных сил и родам войск).

Термины данных групп повсеместно используются профессионалами, которые связаны (так или иначе) с областью военно-вооруженных сил, т.е. военнослужащими, политиками, политическими и военными обозревателями, работниками СМИ, организаторами всевозможных мероприятий, представителями органов управления в области военно-вооруженных сил и т.д. Следует отметить, что лингвистические единицы, которые используются в разговорной речи военнослужащими, играют не менее важную роль, наряду с официальной, стилистически нейтральной терминологией [8, с. 1-3]. Они образуют отдельную группу наименований – профессионализмов (нередко их причисляют к группе разговорных терминов); такие понятия очень часто встречаются и в СМИ.

К военной терминологии также можно отнести и языковые единицы, которые хотя и не обозначают военных понятий, но употребляются исключительно в военной среде, а в общем употреблении являются малоизвестными. Например, в русском языке: *вертушка* – вертолет, *зеленка* – лесополоса, *кулак* – танк; в английском языке: *boondocks* – джунгли, *behavior report* – письмо домой, *side arms* – столовые принадлежности и т.д. Военная терминология также включает в себя эмоционально окрашенную лексику, которая, как правило, состоит из стилистических синонимов, соответствующих военной терминологии [16, с. 83-99]. К примеру, в английском языке слова *doughboy* и *infantryman* имеют значение «пехотинец». Следует отметить, что изменение состава военной терминологии, в особенности ее непрерывное пополнение, выпадение из нее ряда языковых единиц, трансформация значений и т.д., тесно взаимосвязаны с постоянным развитием и формированием общих условий деятельности военно-вооруженных сил.

Среди основных областей функционирования военной терминологии в современном русском и английском языках можно выделить [17, с. 11-18]:

- термины, охватывающие область разработки новых видов оружия. Например, в русском языке: *радиоактивный снаряд*, *современные ракеты-носители*; *межконтинентальная баллистическая ракета*; в английском языке: *wire-guarded missile* – управляемая ракета, *laser range finder* – лазерный дальномер, *rocket-assisted projectile* – активно-реактивный снаряд и т.д.);
- термины, связанные с видоизменением отдельных принципиально важных положений (доктрин), ка-

сающихся тактики и военно-оперативного искусства. Например, в русском языке: *авиационное сопровождение войск, ядерное сдерживание, воздушно-космическая защита*; в английском языке: *electronic countermeasures* – электронное противодействие, *embargo* – блокада, запрет, *guerilla war* – партизанская война и т.д.);

– термины, относящиеся к реорганизации соединений сухопутных войск и органов высшего управления. Например, в русском языке: *акустическая база, военная инфраструктура, журнал наблюдений*; в английском языке: *logistics operations center* – центр управления тылом, *besiege* – осадить, обложить, *bivouac* – ночевка, привал и т.д.

С лингвистической точки зрения военные термины могут быть классифицированы по структуре (числу компонентов), так, выделяются следующие группы терминов:

– термины-слова (в данную группу входят как простые однословные термины, так и сложные термины, которые образуются за счет сложения основ и которые пишутся слитно или через дефис). Например, в русском языке, арьергард, радиобуй, аркебузир. В английском языке, activator-активатор, bombardment-бомбардировка, cockpit-кокпит;

– термины-словосочетания (в данную группу входят составные или многокомпонентные термины, которые имеют структурное и семантическое единство и представляют собой «расчлененную терминированную номинацию» [23, с. 52-53]). Например, в русском языке, аэрокосмический банк, армировка кабеля, артиллерийская вышка. В английском языке, active loop-активный цикл, autopilot servo-сервопривод автопилота, auxiliary barrel-вспомогательный цилиндр.

Образуются военные термины обычными, присущими русскому и английскому языкам способами словообразования: морфологическими и лексико-семантическими способами, за счет заимствований как из других областей науки и техники, так и из других языков, а также на основе соединения различных словосочетаний [16, с. 98-117]. Рассмотрим способы образования военных терминов в русском и английском языках более подробно (практически все примеры военных терминов на русском языке взяты из «Словаря военных терминов» А.М. Плехова [14], на английском языке – из «Англо-русского словаря военной и сопутствующей лексики» В.Б. Киселева [9]).

1. Способы образования терминов-слов:

а) Способ аффиксации – подразумевает образование новых терминов за счет присоединения к корневым элементам аффиксов: префиксов и суффиксов. К примеру в русском языке: (-чик) *прокатчик*, (-щик) *бомбардировщик*, (-ный) *пехотный*, (при-, -к-) *пристрелка*; в английском языке: (-er) *armor* – заведующий оружейным складом, (counter-) *countersniper*, – *досл. пер.* встречный снайпер, (-ions) *conscript* – призыв, воинская повинность, (-ing, -up) *pick (ing)-up* – прием донесений с земли методом подхвата и т.д.;

б) Способ словосложения – предполагает образование терминов за счет соединения основ двух или трех слов. Например, в русском языке: *авианосец, аэромобильность, газопредельитель, стереотруба*; в английском языке: *battlefield* – поле битвы, *rifleman* – стрелок, *countdown* – обратный отчет, *maintainability* – ремонтная технологичность, ремонтпригодность, *repairman* – техник по ремонту механизмов и т.д.;

в) Способ конверсии – подразумевает образование новых терминов за счет того, что некоторые уже существующие слова, не видоизменяясь, получают значение другой части речи. Например, в русском языке: *дежурный, командующий, военный*; в английском языке: *mortar* – *to mortar* (миномет – *досл. пер.* обстреливать минометным огнем), *shell* – *to shell*; *rocket* – *to rocket* (ракета – *досл. пер.* взлететь как ракета) и т.д.;

г) Способ сокращения – предполагает урезание или

отпадание отдельных частей звуковой оболочки или графической формы слова. К примеру, в русском языке: *АГ* – армейская группа, *ЗПУ* – зенитная пулеметная установка, *БМП* – боевая машина пехоты, *РПГ* – ручной противотанковый гранатомет; в английском языке: *USN (United States Navy)* – военно-морские силы США, *SLAR (side-looking airborne radar)* – самолетная радиолокационная станция бокового обзора, *SLAR (side-looking airborne radar)* – самолетная радиолокационная станция бокового обзора, *BOSS (biological orbiting satellite station)* – биологическая орбитальная станция и т.д.;

д) Способ изменения значения термина – подразумевает перенос значения на основе сходства тех или иных признаков предметов, объектов, явлений, действий, свойств. Зачастую перенос значения осуществляется наряду с заимствованием слова из других сфер деятельности. Например, в русском языке: *гусеница* (личинка бабочки – ходовая часть танка), *ежи* (семейство млекопитающих – переносное препятствие); в английском языке: *rappelling* (спуск с горы по канату – высадка десанта по канату с вертолета), *acquisition* (приобретение – обнаружение и засечка цели) и т.д.

2. Способы образования терминов-словосочетаний.

Многокомпонентные военные термины в русском и английском языках образуются за счет присоединения к слову, которое обозначает родовое понятие, тех или иных конкретизирующих признаков для получения видового понятия. Такого рода термины фактически являются свернутыми определениями, подводящими данные понятия к более общим и в тоже время указывающим на их специфические признаки понятиям [16, с. 110-125]. Что, в свою очередь, формирует своеобразные терминологические гнезда, которые способны охватывать большое количество разновидностей обозначаемых явлений. Термины-словосочетания классифицируются по количеству составляющих их компонентов:

- двусоставные

В русском языке: *огневое поражение, бланковая карта, биологическое оружие, заградительный огонь, оптический локатор*; в английском языке: *guerilla war* – партизанская война, *dragon's teeth* – противотанковые препятствия, *intelligence officer* – разведчик, *training area* – основной район учений, *road block* – заминированный участок дороги, *weapon system* – ракетный комплекс, *motor vehicle* – военный автомобиль, автомобиль военного ведомства и т.д.;

- трехсоставные

В русском языке: *обеспечение военных действий, огневая поддержка атаки, датчик цели взрывателя, ориентирование приборов наблюдения, органы управления войсками, зенитная управляемая ракета*; в английском языке: *laser range finder* – лазерный дальномер, *tactical air command* – тактическое воздушное командование, *transport helicopter company* – рота средних транспортных вертолетов, *medical supply agency* – управление по снабжению военно-медицинским имуществом и т.д.;

- четырехсоставные

В русском языке: *боевое патрулирование подводных лодок, виды огня стрелкового оружия, оборудование подводного вождения танков, боевая машина реактивной артиллерии, беспилотные средства воздушного нападения, невоенноизготовленные формирования гражданской обороны*; в английском языке: *set your sights on* – ставить перед собой цель, *give up without a fight* – сдаться без боя, *manned aerial weapons system* – пилотируемая воздушная система оружия, *ground control interception squadron* – эскадрилья наземного наведения истребительной авиации морской пехоты и т.д.;

- термины-словосочетания, состоящие из пяти и более компонентов

В русском языке: *жизнеобеспечивающие системы экипажей летательных аппаратов и подводных лодок, ликвидация последствий применения оружия массового поражения*; в английском языке: *multiple-integrated la-*

ser engagement system – многокомпонентная система лазерного зацепления, *dual purpose improved conventional munition* – двухступенчатые улучшенные боеприпасы, *in conjunction with a nuclear detonation* – передвижение войск непосредственно после ядерного взрыва, *dropping and pick-up ground* – площадка для сбрасывания и приема донесений и т.д.

Следует отметить, что при большом количестве компонентов в терминах-словосочетаниях могут нарушаться семантико-синтаксические связи внутри терминологического ряда [8, с. 1-3], это приводит к распаду терминов на два и более отдельных сочетания. Для сохранения семантико-синтаксических связей внутри сочетания отдельные компоненты соединяются дефисом или отделяются запятой. Например, в русском языке: *десантно-высадочные средства, десантно-штурмовые (воздушно-штурмовые) действия, дезинфекционно-душевая установка*; в английском языке: *twin-eyed optical system* – биноклярный оптический прибор, *eight-man infantry squad* – пехотное отделение, *landing craft, infantry* – флагманский десантный корабль и т.д.

Таким образом, военные термины образуются обычными, присущими русскому и английскому языкам способами словообразования: морфологическими и лексико-семантическими способами, за счет заимствований как из других областей науки и техники, так и из других языков, а также на основе соединения различных словосочетаний. Среди основных областей функционирования военных терминов в русском и английском языках выделяются: а) термины, охватывающие область разработки новых видов оружия; б) термины, связанные с тактикой и военно-оперативным искусством; в) термины, относящиеся к реорганизации войск и органов высшего управления. Основной характеристикой военных терминов в английском и русском языках, помимо прочих терминологических свойств, является особая сфера функционирования, которая определяется целым рядом признаков, позволяющих отнести те или иные слова или словосочетания к разряду военной терминологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Авербух К.Я. Общая теория термина. – М.: Издат. МГОУ, 2006. – 252 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов (2-ое изд., стереотип.). – М.: «Советская энциклопедия», 1969. – 608 с.
3. Володина М.Н. Термин как элемент системы языкового выражения специальных понятий // Научно-техническая терминология, 2001. – Выпуск 2. – С. 27-29.
4. Гореликова С.Н. Природа термина и некоторые особенности терминообразования в английском языке // Вестник ОГУ, 2002. – №6. – С. 129-136.
5. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение // Учебн. пособие для студ. ВУЗов. – М.: Издат. центр «Академия», 2008. – 304 с.
6. Даниленко В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. – М.: «Наука», 1977. – 246 с.
7. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. – М.: «Наука», 1977. – 167 с.
8. Каюмова Д.Ф., Шайдуллина А.И. Лингвокультурологическая характеристика военной терминологии современного английского языка // Вестник КГУКИ, 2017. – 3 с.
9. Киселев В.Б. Англо-русский словарь военной и сопутствующей лексики. – М.: «Восток-Запад», 2005. – 283 с.
10. Кожанов Д.А. Новые подходы к определению сущности термина в когнитивно-дискурсивных исследованиях // Мир науки, культуры, образования, 2008. – №5(12). – С. 43-47.
11. Лазарева М.А. Сопоставительный анализ метеорологической лексики английского и русского языков // Диссер. ... кандидат. филолог. наук. – М., 2000 – 199 с.
12. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура (4-е изд.). – М.: «Либроком», 2009. – 256 с.

13. Манерко Л.А. Язык современной техники: ядро и периферия // Монография. – Рязань: РГПУ им. С.А. Есенина, 2000. – 138 с.

14. Плехов А.М. Словарь военных терминов. – М.: «Военное издательство», 1988. – 335 с.

15. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика (на материале английского и русского языков) // Учебн. пособие. – М.: «Высшая школа», 2004. – 271 с.

16. Рябова Е.А. Проблемы и принципы систематизации терминологии: на материале сопоставительного анализа ракетно-космической лексики английского и русского языков // Диссер. ... кандидат. филолог. наук. – Москва, 2010. – 208 с.

17. Самигуллина А.Д. Особенности становления лексико-семантического поля «Военное обмундирование» в английском и русском языках // Автореф. диссер. ... кандидат. филолог. наук. – М., 2009. – 22 с.

18. Серебрякова Ю.А. Взаимодействие национального самосознания и национальной культуры // Вестник БГУ, 2012. – 6с.

19. Стрелковский Г.М. Теория и практика военного перевода (немецкий язык). – М.: «Воениздат», 1979. – 272 с.

20. Суперанская А.В. Общая терминология: Вопросы теории (3-е изд.). – М.: УРСС, 2004. – 246 с.

21. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию // Учебн. пособие. – М.: УРСС, 2005. – 336 с.

22. Шевчук В.Н. Военно-терминологическая система в статике и динамике // Диссер. ... докт. филолог. наук. – М., 1985. – 488 с.

23. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: «Наука», 1974. – 427 с.

Статья поступила в редакцию 21.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 811.13

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КРИТЕРИЯХ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ж.СИМЕНОНА)

© 2018

Табернилья-Басабе Алина Эусебиовна, аспирант
Московский городской педагогический университет

(105064, Россия, Москва, Малый Казенный переулок, дом 5Б, e-mail: lesamedi@mail.ru)

Аннотация. Основное внимание в работе автор акцентирует на проблеме выявления критериев лжи и обмана и способах отличия неискреннего дискурса от искренних высказываний. Ложь и обман, являясь неотъемлемой частью речевого взаимодействия имеет свои собственные критерии обнаружения в тексте. Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке психологии и лингвистики. Выделяются и описываются характерные особенности неискреннего дискурса с точки зрения лингвистики, отмечается важность лингвистического аспекта теории коммуникации как теоретической базы исследования. Основное содержание исследования составляется с помощью лингвистического анализа текста и выполняется на материале известного автора детективов, бельгийского писателя Жоржа Сименона. Автор приходит к выводу, что можно проследить связь между тенденцией говорящего к построению сложных структур в высказывании, содержащем ложное сообщение и количеством сложных предложений в тексте, а также корреляцию между стремлением говорящего дистанцироваться от собственной лжи и количеством личных местоимений в примере. Автору удается убедиться в обоснованности своих гипотез. Однако автор приходит к выводу, что данная проблема мало изучена и требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: ложь, обман, неискренний дискурс, критерии выявления лжи, ложное сообщение, лингвистический анализ текста, теория коммуникации, принципы кооперации, речемыслительный процесс, интегративные исследования.

LINGUISTIC CRITERIA FOR THE IDENTIFICATION OF LIE (ON THE MATERIAL OF WORKS OF G. SIMENON)

© 2018

Tabernilla-Basabe Alina Eusebian, post-graduate student
Moscow City Pedagogical University

(105064, Russia, Moscow, Maly Kazyonny pereulok, 5B, e-mail: lesamedi@mail.ru)

Abstract. In this work, the author focuses on the problem of identifying criteria of lies and deception and means to differentiate insincere discourse from sincere statements. Lies and deception, as an integral part of communication has its own identifying criteria in the text. The work has interdisciplinary character, written at the intersection of psychology and linguistics. The characteristics of insincere discourse are allocated and described from the point of view of linguistics, the importance of the linguistic aspect of communication theory is indicated as theoretical framework of the study. The main content of research is linguistic analysis of the text and it is performed on the material of the famous author of detectives, the Belgian writer Georges Simenon. The author comes to the conclusion that it is possible to trace the relationship between the tendency of the speaker to build complex structures in the statement that contains the false message and the number of complex sentences in the text, as well as the correlation between the desire of the speaker to distance themselves from their own lies and the number of personal pronouns in the examples. The author manages to justify their hypotheses. However, the author comes to the conclusion that this problem is poorly explored and requires further research.

Keywords: lie, deception, insincere discourse, the identifying criteria of lies, false message, linguistic text analysis, theory of communication, cooperative principle, verbal and cognitive process, integrative studies.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Многие исследователи утверждают, что распознать ложь с помощью особенностей мимики, жестов и невербального поведения в целом возможно, но успешность результатов не будет превышать больше 50%. Психологические исследования показывают, что не существует универсальных критериев выявления лжи, так как при анализе ограниченного количества данных, большая часть вербальной информации остается без внимания. Необходимо обнаружить так называемые «ошибки, происходящие непосредственно в процессе обмана, ошибки, совершаемые лжецом вопреки его желанию; нас интересует ложь, выдаваемая поведением обманщика». [1, с. 40] Ни полиграф, ни приборы, снабженные датчиками давления, дыхания или голосового анализа, ни сканеры мозговой активности не обещают точность результатов, так как работают при определенных условиях и могут быть обмануты подготовленной речью.

Однако также для этой цели можно использовать исследования в области теории коммуникации, так как междисциплинарная наука она в том числе рассматривает и лингвистические аспекты коммуникации. Хотя лингвистическая теория лжи ещё не сложилась окончательно, существуют определенные попытки создания нового научного направления – ментиологии (лат.: *mentior, mentitus sum, mentiri* – лгать), в задачи которой входило бы изучение всех сторон лжи, в том числе и лингвистической. Тем не менее, эта проблема и подобные ей рассматриваются учеными в рамках интегративных исследований [2]. «С обращением лингвистики к

«человеческому фактору», к носителю языка — человеку, к говорящей, мыслящей личности закончился этап исследований, которые строились на формальных критериях анализа языка. Исследования учёных направлены на изучение речевых сообщений с учётом речевого воздействия как важнейшего средства человеческого общения, а на первый план выходит прагматика» [3, с. 99].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Ложь, нарушая принципы общения и кооперации [4], вступает в пространство неискреннего дискурса. В процессе коммуникации организация неискреннего дискурса невозможна без фактора адресата. В обычной речевой ситуации, действия говорящего и собеседника согласованы друг с другом, что позволяет соблюдать правила общения и принципы кооперации и успешно поддерживать коммуникацию. Успешность применения неискреннего дискурса, в свою очередь, зависит от адресанта, который стремится поддерживать видимость обычного взаимодействия, имитирует его внешние признаки и способствует упрочению иллюзии достоверности информации у собеседника.

Опираясь на исследования С.Н.Плотниковой, мы рассматриваем неискренний дискурс как «стратегию языковой личности, направленную на интенциональное выражение ложных пропозиций и их соответствующее языковое оформление» [5, с. 5]. Использование ложного сообщения всегда сознательный выбор говорящего, пусть иногда и продиктованный обстоятельствами.

Необходимо отметить, что ложь – это также социальный феномен: говорящий, инициируя обман, организует коммуникацию с собеседником определенным образом – в рамках конкретной стратегии. «Обман как стратегическое взаимодействие является одним из видов повседневного общения» [5: с. 55]

Формирование целей статьи (постановка задания). Ложь как один из феноменов не только лингвистики, но и культуры в целом обладает собственными уникальными критериями выявления. Проблема выражения неискренности в языке, а именно ее лингвистический аспект нечасто попадает в поле зрения российских и зарубежных исследователей. В данной статье предпринята попытка проанализировать языковые механизмы, лежащие в основе выражения неискренности во французском языке, а также раскрыть некоторые лингвистические признаки, по которым можно выявить ложь в предложении – «признаки, по которым можно заключить, что слова плохо продуманы или испытываемые эмоции не соответствуют словам» [1 с. 78]

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Одним из основополагающих признаков неискренного дискурса это нелинейность его структуры. Эта особенность выражается в чередовании с искренним дискурсом и неравномерной организации высказывания в целом. Создание ложного сообщения на заданную тему требует усилий, в результате которых говорящим будет построена определенная языковая модель. Лингвистический анализ текста помогает выявить несколько общих критериев подобной модели подсознательно используемых говорящим. Для этой статьи автором было обработано 14 примеров из 7 художественных произведений Ж. Сименона. Книги были выбраны по определенному критерию: наличию в них лгущего преступника, чья ложь была доказана.

Прежде всего стоит отметить, что в неправдивых утверждениях, говорящий, который лжет, не использует слова лексического поля «обман»: глагол (*mentir*), существительное (*mensonge*) и другие, отражающие семантическую сторону феномена. Это связано с самой функцией глагола, который априори нельзя использовать в предложении, содержащем ложное сообщение. «Нельзя солгать, сказавши «Я лгу...», поскольку человек, который поступает таким образом, требует доверия к тому утверждению, которое он эксплицитно назвал ложным. Если я использую глагол лгать, то подрыв речевого акта осуществляется самим глаголом.» [6, с. 249].

При обработке материала исследования это утверждение было подтверждено. Было найдено 4 примера использования различных форм глагола *mentir*: 3 из которых были использованы детективом, опрашивающем преступника (т.е. искренним собеседником, а не говорящим, чье высказывание содержит ложное сообщение) и 1 пример использования говорящим, который не лгал в том высказывании, в котором использовал этот глагол, что было доказано в дальнейшем повествовании.

Из концепта неискренности следует, что говорящий, владея истинной информацией, сознательно выбирает ложь. Он манипулирует собеседником, умышленно скрывая правду, выбирая стратегию обмана, суть которой в разделении между тем, что знает говорящий и тем, что он говорит собеседнику. Говорящий обычно меньше акцентирует внимание собеседника на себе. В таком предложении адресат получает больше информации о других людях, а адресант в то же время старается дистанцироваться от собственной лжи.

В примерах было зафиксировано 150 местоимений третьего лица единственного числа, 128 местоимений первого лица единственного числа и 75 местоимений второго лица множественного числа. Из них в утверждении, содержащем ложное сообщение для демонстрации дистанции говорящим было использовано 25 местоимений третьего лица единственного числа (16.6% от общего кол-ва местоимений в примерах), 19 местоимений второго лица множественного числа (25.3% от общего кол-ва местоимений в примерах), и 22 местоимения первого лица единственного числа (17.1% от общего кол-ва местоимений в примерах). В этих же примерах говорящими в искренних утверждениях было использовано 26 местоимений третьего лица единственного числа (17.3% от общего кол-ва местоимений в примерах), 5 местоимений второго лица множественного числа (6.6% от общего кол-ва местоимений в примерах), и 39 местоимений первого лица единственного числа (30.4% от общего кол-ва местоимений в примерах).

На основании вышеприведенного анализа, подтверждается гипотеза о том, что в искренних утверждениях говорящий невольно концентрирует внимание собеседника на себе, используя в два раза больше таких слов как «je», в то время как в неискреннем дискурсе, в попытке дистанцироваться от собственной лжи использует примерно столько же таких слов как «il», «elle», «lui» и втрое больше таких слов как «tu» и «vous», переводя фокус на других лиц, подчеркивает, что не имеет никакого отношения к обсуждаемому вопросу. Но использование личных местоимений – это всего лишь один индикатор лжи.

В свою очередь, стоит подчеркнуть сложность такого многоэтапного действия как речемыслительный процесс. В исследованиях А. А. Леонтьева подробно рассматриваются этапы порождения речи: внутренняя речь или внутреннее программирование, которая организует смысловую структуру высказывания и внешняя речь, т.е. сам язык. [7, с. 158] Необходимо обратить внимание, что в высказываниях, содержащих ложное сообщение, прослеживается простота описаний в предложениях говорящего, несмотря на более витиеватую структуру предложений. Говорящий засоряет свое высказывание, вставляя ненужные слова и обороты, акцентируя внимание собеседника на правдоподобно звучащих деталях, которые незначительны для ситуации в целом, но помогают поддерживать ложное сообщение.

Автором было проанализировано 90 сложных предложений, найденных в примерах. Из них 8 предложений условного типа, 12 предложений с придаточными причины, 11 предложений с придаточными времени и 59 сложносочиненных предложений. Из них 55 сложных предложений, включающих в себя ложное сообщение: 5 предложений условного типа, 10 предложений с придаточными причины, 7 предложений с придаточными времени и 33 сложносочиненных предложений и 35 искренних предложений: 3 предложения условного типа, 2 предложения с придаточными причины, 4 предложения с придаточными времени и 26 сложносочиненных предложений.

Автором было проанализировано 90 сложных предложений, найденных в примерах. Из них 8 предложений условного типа, 12 предложений с придаточными причины, 11 предложений с придаточными времени и 59 сложносочиненных предложений. Из них 55 сложных предложений, включающих в себя ложное сообщение: 5 предложений условного типа, 10 предложений с придаточными причины, 7 предложений с придаточными времени и 33 сложносочиненных предложений и 35 искренних предложений: 3 предложения условного типа, 2 предложения с придаточными причины, 4 предложения с придаточными времени и 26 сложносочиненных предложений.

Применение лингвистического анализа к примерам позволяет нам убедиться в обоснованности нашего предположения. В высказываниях, включающих в себя ложное сообщение использование сложных предложений возросло в полтора раза (предложений условного типа в 1,6 раза больше, предложений с придаточными причины в 5 раз больше, предложений с придаточными времени 1,75 раз больше и 1,27 раз больше сложносочиненных предложений). Следовательно, обманывая, говорящий использует больше сложных структур, чем, когда говорит правду.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, нами получено подтверждение обеих гипотез, несмотря на ограниченное количество рассмотренного материала. Данная проблема мало изучена и требует дальнейших исследований и анализа большего количества материала для более основательных результатов и для возможного обнаружения большего количества критериев выявления лжи в речевой коммуникации.

Изучение проблемы неискренного дискурса играет важную роль в лингвистике, так как оно берет свое на-

чало в коммуникативном поведении языковой личности и выражается языковыми средствами, обусловленными этим поведением. Он неразрывно связан с речевым общением, а значит требует рассмотрения наравне с такими теоретическими проблемами лингвистики как например, порождение речи. Выражение неискренности в языке требует от языковой личности умения правильно организовывать высказывания в диалоге, что свидетельствует об определенной лингвистической креативности человека, ее использующего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Экман П. Психология лжи. – СПб.: Издательство «Питер», 2016. – 384 с.
2. Бубнова И. А., Красных В. В. Человек и его образ мира как объект и предмет современных интегрированных исследований: традиции и новации // Вестник Моск. гор. пед. ун-та. 2014. № 4 (16). С. 80–88.
3. Герасимова С. А. Антропоцентрический подход к языку // Вестник Моск. гор. пед. ун-та. 2011. № 2 (8). С. 96–100.
4. Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М., 1985. – С. 74 – 78.
5. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (В когнитивном и структурно-функциональном аспектах) / С.Н. Плотникова. - Иркутск: ИГЛУ, 2000.
6. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 16. Лингвистическая прагматика. - М.: Прогресс, 1985. Плотникова С.Н. Эпистемология теории речевого общения / С.Н. Плотникова // Языковая реальность познания: Вестник ИГЛУ. - Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2001. - №4. - С. 71-76.
7. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969.
8. Плотникова С.Н. Технологизация дискурса: процесс и результат/ С.Н. Плотникова // Вестник ИГЛУ - 2008. - № 2. - С. 138-147.
9. Плотникова С. Н. К основам судебной лингвистики: дискурс, представляющий собой обман // Язык в эпоху знаковой культуры. Тезисы докл. международной науч. конф. - Иркутск: ИГПИИЯ, 1996.
10. Плотникова С. Н. Сотрудничество и конфликт в беседе: анализ интерактивных стратегий: Учебное пособие. - Иркутск: ИГЛУ, 1998.
11. Плотникова С. Н. Обман как вербальное знаковое поведение // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики. Тезисы докл. Всероссийской науч. конф. - Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т, 1999.
12. Рыжова Л.П. Французская прагматика [Текст]: монография / Л.П. Рыжова. — М.: КомКнига, 2007. — 240 с.
13. James W. Pennebaker The Secret Life of Pronouns: What Our Words Say About Us, Bloomsbury Press, 2011–368p.
14. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987.
15. Simenon G. Maigret chez le ministre. - Paris: Presses de la Cité, 2016 – 192 p.
16. Simenon G. Maigret et l’homme au banc. – Санкт-Петербург : Каро, 2011. – 224 с.
17. Simenon G. Liberty bar. – Paris: Presses de la Cité, 2016 – 192 p.
18. Simenon G. Les caves du Majestic. – Paris: Collection Folio policier (n° 590), Gallimard, 2010 – 224 p.
19. Simenon G. Maigret hesite: учебное пособие / Л.Г. Викулова, О.А. Дубнякова, А.С. Кожетева. – М.: МГПИУ, 2009. – 216 с.
20. Simenon G. Une confidence de Maigret. - Paris: Presses de la Cité, 2015 – 156 p.
21. Simenon G. Maigret et le marchand de vin. - Paris: LGF/Livre de Poche, 2003 – 191 p.

Статья поступила в редакцию 06.01.2018
Статья принята к публикации 27.03.2018

ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ: ГРАММАТИЧЕСКАЯ
ВЫРАЖЕННОСТЬ, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИИ

© 2018

Темирбулатова Анна Сергеевна, преподаватель кафедры
«Лингвистика и иностранные языки»

Донской государственный технический университет

(344000, Россия, Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, 1, e-mail: cladjaj@mail.ru)

Аннотация. В данном изыскании мы анализируем функции эвиденциальных маркеров в научном тексте, посвященном проблемам глоттогенеза, утверждаем, что данные маркеры уточняют источник актуальной информации, который задействуется автором текста при выражении суждения, а поэтому они играют конструктивную роль в разворачивании авторских аргументативных стратегий, поддержании фатического контакта между автором и адресатом. Эвиденциальные маркеры формируются за счет единиц, принадлежащих к разным частям речи, а именно глагольных предикатов, имен прилагательных, наречий, частиц, предлогов и союзов. Их лингвистическое исследование представляет собой относительно новую сферу изысканий, поскольку до этого основное внимание уделялось кодированию эвиденциальности на морфологическом уровне языке. В рамках данного изыскания исследуются эвиденциальные функции именной части сказуемого и вводных слов. В частности, обсуждаются вопросы, связанные с тем, влияют ли структурные различия в авторском суждении на выражение эвиденциальных функций рассматриваемых нами единиц. Особое внимание уделяется проблеме указания на источник актуальной информации в процессе реализации авторских аргументативных стратегий, установления и поддержания контакта автора научного текста с читателем. Мы приходим к заключению, что тип источника информации предопределяет различную роль голоса автора в научном тексте.

Ключевые слова: научный текст, проблемы глоттогенеза, эвиденциальные маркеры, источник информации, эпистемическая модальность, обоснование авторского суждения, аргументация, intersubjectivity.

EVIDENTIAL MARKERS IN THE SCIENTIFIC TEXT: GRAMMATICAL
MANIFESTATION, SEMANTICS, FUNCTIONS

© 2018

Temirbulatova Anna Sergeevna, teacher of «Linguistics
and Foreign Languages» department

Don State Technical University

(344000, Russia, Rostov-on-Don, Gagarin Square, 1, e-mail: cladjaj@mail.ru)

Abstract. In this article, we analyzed the functions of evidence markers in the scientific text, which is devoted to the problems of language origin. We argue that these markers specify the source of relevant information, which is operated by the author when expressing opinions, and so they play the constructive role in the unfolding of the author's argumentative strategies, maintaining phatic contact between the author and the addressee. The evidential markers are formed by the units belonging to different parts of speech, namely the verbal predicates, adjectives, adverbs, particles, prepositions and conjunctions. Their linguistic research is a relatively new area of investigation, since the main focus was on the coding of the evidentiality on the linguistic morphological level. In this article we examine the evidential functions of the nominal part of the predicate and of the introductory words. In particular, we discuss the issues if structural differences in the author's judgment impact on the evidential functions of the named units. The special attention is paid to the problem of identifying the source of relevant information in the author's argumentative strategies, establishing and maintaining contact between the author and the reader. We conclude that the type of the source of information determines the different role of the author's voice in the scientific text.

Keywords: scientific text, language origin problem, evidential markers, source of information, epistemic modality, author's judgment reasoning, argumentation, intersubjectivity.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Наш анализ фокусируется на именах прилагательных и наречиях, выполняющих в авторском суждении функции именной части составного сказуемого и вводных слов. Ср.:

(1) «*It is evident that a sufficiently rich language or system of languages, such as our human language, can in principle refer to any given level of complexity, since its internal open-endedness will make it possible to construct that same complexity within its own structure*» [1, p. 129];

(2) «*The discriminant analysis classification procedure, clearly, offers a potentially powerful tool for studying chronologically related changes in vocal usage*» [2, p. 110].

Когда прилагательное выполняет функцию именной части составного сказуемого, последующее изъяснительное придаточное предложение преимущественно вводится с помощью соединительного союза *that*. В отдельных случаях подобные придаточные присоединяются к главному предложению посредством соединительных союзов *what, if / whether* или инфинитива. В функции вводных слов прилагательные используются, как правило, в серединной и финальной позиции в предложении. В начальной позиции они сочетают в себе синтаксические функции маркирования первой части бессоюзного предложения с изъяснительной семантикой и вводного слова, трактуются нами как именная часть

составного сказуемого. Ср.:

(3) «*It is evident: linguistic aspect is expressed quite differently in various languages and covers a wide range of issues*» [3, p. 227];

(4) «*Can it be similar to two semantic domains that determine grammatical structures in natural languages?*» [4, p. 159].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделения неразрешенных ранее частей общей проблемы. Глагольные предикаты, имена существительные и прилагательные, наречия, реализующие эвиденциальную функцию в текстах самой разнообразной жанровой принадлежности, рассматриваются в текущих лингвистических исследованиях как оценочные маркеры, которые одновременно указывают на источник информации и степень ответственности за истинность выражаемой пропозиции, которую берет на себя автор, т.е. эпистемическую модальность [5; 6; 7]. В этой связи, как представляется, актуальным предстает изучение средств выражения эвиденциальности в научном тексте, посвященном проблемам происхождения языка. В рамках этого текста, как показали наши наблюдения, авторское суждение выражается преимущественно эпистемическими модальными средствами, поскольку проблемы глоттогенеза оказывается

одной из наиболее субъективных сфер гуманитарного знания, в которой достоверность знания достигается с опорой на иной источник информации или собственные умозрительные наблюдения, не всегда доступные объективной проверке.

Понятие источника информации устанавливает способы получения информации говорящим субъектом, их отражение в утверждении или суждении [8, с. 190]. Значение данного понятия фиксирует основные типологические таксономии, в рамках которых оппозиция устанавливается между прямыми и косвенными способами подтверждения достоверности иницируемого высказывания или источниками этого подтверждения. Адресат получает информацию о достоверности высказывания или от самого автора, или от другого лица, более компетентного в обсуждаемой проблематике, которые фиксируются в терминах «Я» или «Другой».

Формально маркируемое эвиденциальное модальное значение косвенно выявляет степень достоверности авторского суждения, указывая на то, что информация, зафиксированная пропозицией суждения, получена автором с опорой на собственные умозаключения или мнение другого лица. Другими словами, авторские суждения базируются на внутренних / внешних источниках информации, которые, в свою очередь, отражают знание фактов и допущения соответственно автора текста или иного субъекта, определяют аргументативные стратегии автора и его взаимоотношения с адресатом текста.

Маркирование источника информации в научном тексте тесно связано с авторскими допущениями относительно знаний читателя о воспроизводимой ситуации, поскольку сам читатель является представителем академического сообщества, к которому принадлежит автор, обладает компетенцией оценивать авторские суждения и достоверность информации, актуализуемой в тексте. Выражая суждение, автор обнаруживает источник информации, который предопределяет достоверность суждения и читательские стратегии его интерпретации [9, с. 31; 10, с. 819].

Следовательно, автор текста кодирует источник информации, а читатель декодирует его. В результате постижение научного текста характеризуется интерсубъективностью, которая широко исследуется в лингвистике с учетом диалогического подхода к эвиденциальности. Интерсубъективные значения получают эксплицитное выражение посредством местоимений *we / мы* и *everyone / каждый*, неявное выражение с опорой на безличные конструкции *It seems that / кажется, что...*, *it is clear that / ясно, что...* Диалогическое измерение эвиденциальности манифестируется с помощью авторских указаний контекстуального характера, таких как риторические вопросы, маркеры уступительных отношений и т.д. Указание адресату на источник информации и достоверность авторских суждений оказываются в научном тексте взаимно предопределяемыми величинами.

В нашем изыскании также поднимается проблема пересечения эвиденциальных и эпистемических значений в рамках авторских суждений. Базируясь на анализе интродуктивных предикатов *think, believe, guess* и др., мы признаем, что одна и та же лингвистическая единица может задействоваться и как маркер эвиденциальности, и как показатель эпистемической модальности, однако, одна из этих функций, вследствие контекстуального окружения единицы, выдвигается на передний план. Мы концептуально разграничиваем указанные две функции: эвиденциальность маркирует процесс обоснования суждения, выдвигаемого автором, эпистемическая модальность указывает на оценку пропозиционального содержания суждения в терминах той или иной степени его обоснованности.

Формирование целей статьи (постановка задания). Цель данной публикации заключается в идентификации эвиденциальных функций имен прилагательных *evident, obvious, clear, likely, similar* и производных от них

наречий в англоязычном научном тексте, посвященном проблемам происхождения языка (в форме монографий, исследовательских статей и обзоров).

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Прилагательные *evident, obvious, clear, natural* выражают авторские умозаключения, которые основываются на внутренних и внешних источниках информации:

1) умозаключения, выражаемые с опорой на внутренние источники, концептуализуют действительность в терминах фактов, полученных автором самостоятельно, авторских фоновых знаний;

2) умозаключения, в основе которых лежат внешние источники информации, предстают продуктом авторских наблюдений за исследованиями других представителей академического сообщества, предварительно выведенных закономерностей или гипотез.

Данные типы суждений системно разграничиваются в научном тексте с опорой на такой критерий, как «субъект, чей дискурсивный голос озвучивается в авторском суждении». В суждениях, выявляющих внутренний источник информации, основой умозаключений выступают знания и допущения самого автора. С опорой на выведенные факты и закономерности автор научного текста делает попытку убедить читателя в действительности выдвигаемой точки зрения, занимая позицию полемика. Ср. следующие примеры, в которых мнения, выражаемые авторами научных текстов, сопровождаются обоснованиями. Эти обоснования вводятся посредством подчинительных союзов *because*, (5), *if* (6), а также наречием *therefore* (7):

(5) «**It is evident** that myths occur in a larger inter-societal or cross-cultural mythological context, as well as in the context of specific speech communities **because** the same themes, and virtually identical beings, occur throughout the world» [11, p. 16];

(6) «**If** several species of birds with similar plumage share the same environment (sympatric environment), bird-song, **clearly**, should faithfully convey the species identification signal to avoid infertile hybridization» [12, p. 425];

(7) «Linguists build generative models of languages including on the basis of their semantics, **therefore** it is **natural** that the classical and simple languages of logic, such as Predicate Calculus, could be taken in their entirety and used as mental representations of meaning, much as standard IPA phonetic transcriptions can be used to represent pronunciation» [13, p. 121].

Авторские суждения, в основе которых лежит внутренний источник информации, могут не включать в себя обоснования выдвигаемого умозаключения, поскольку авторы, по-видимому, предполагают, что информация, активизируемая в тексте, хорошо известна адресату, составляет сферу его фоновых знаний. Обращаясь к этим знаниям, которые, в свою очередь, являются общими для создателя и получателя текста, автор рассматривает своих читателей как потенциальных представителей того же самого академического сообщества, устанавливая соответствующие взаимоотношения с ними. Другими словами, научный текст проецируется на «имплицитного читателя» (более подробно о данном понятии см. [14]). Ср.:

(8) «**Even without any greater research** it is **clear** that selection pressures favoured such psychological innovations as imaginative empathy, joint attention, moral judgment, project-oriented collaboration and the ability to evaluate one's own behaviour from the standpoint of others» [15, p. 201];

(9) «Does language development use deduction or induction? It is **evident** that all of the possible grammars are given to the child in advance, and the input is used only to rule out some grammars in favor of others» [16, p. 22];

(10) «It is **natural** that speech encoding is one of the keys to human linguistic ability» [17, p. 29].

В (8) автор эксплицитно заявляет, что не требуется

дополнительных свидетельств в пользу признания того, что давление со стороны естественного отбора благоприятствовал таким психологическим нововведениям, как творческая эмпатия, совместное внимание, моральное суждение, сотрудничество, ориентированное на создание совместных проектов и способность оценивать собственное поведение с позиции других людей. По мнению автора, данное знание является самоочевидным, а поэтому он не приводит каких-либо аргументов в его поддержку. Авторское суждение мотивируется намерением выдвинуть заявляемую информацию в сильную позицию текста. В (9) автор активизирует фоновые читательские знания посредством введения вопросительного высказывания и ответа на него. В (10) знания, которые, по мнению создателя текста, являются общими для него и читателя, не выражаются явно, поскольку естественным предстает тот факт, что информационное кодирование речи является одной из ключевых лингвистических способностей человека.

Анализируемые суждения проливают свет на интерактивную природу имен прилагательных, реализующих эвиденциальное значение, отражают стремление автора установить и поддержать коммуникативный контакт с читательской аудиторией. Авторские диалогические стратегии наиболее последовательно прослеживаются, когда автор явно или косвенно выражает согласие / несогласие с точкой зрения читателя. Ср.:

(11) «*These factors have been singled out from a linguistic perspective, but it is evident that a combinatorial sign produces a complex sign*» [18, p. 48];

(12) «*A profound change occurs within palaeoanthropology when excavations in Asia and Africa open new territory for exploration. Clearly, it would be necessary to produce a substantial collection of artifacts and numerous fossils belonging to a species of hominid*» [19, p. 346].

В (11) автор допускает действительность потенциальной читательской точки зрения, но противительный союз *but* и прилагательное *evident* делают акцент на авторском альтернативном мнении. В (12) автор предлагает некоторые рекомендации, которые маркируются глагольным предикатом *would be necessary*, выражающим деонтическую необходимость, предполагает, что эти рекомендации будут приняты к сведению читательской аудиторией. Данные примеры иллюстрируют авторские аргументативные стратегии, нацеленные на:

- обнаружение некоторой информации;
- стимулирование читателя к согласию с этой информацией.

В суждениях, выявляющих внешний источник информации, основой умозаключений выступают сведения и факты, полученные иными исследователями в сфере происхождения языка и в пограничной данной сфере проблематике, такой, например, как антропогенез и развитие культуры. Ср.:

(13) «*Having analyzed these researches, it becomes evident that Homo erectus communicated with gesture*» [20, p. 131];

(14) «*Philip Lieberman is known as a fierce critic of Chomsky's conception of language as an innate cognitive device and evolutionary "miracle" ... In his paper he adds further arguments to his scenario of a continuous adaptive selection for language as speech. Vocalisation is, clearly, the centre of his concept of language which is therefore linked to an older part of the brain, namely the subcortical basal ganglia*» [21, p. 10];

(15) «*Studying these researches it becomes evident that language capacity is the result of evolution like any other genetically determined trait*» [22, p. 57];

(16) «*So based on this model, we can clearly identify the factors determining the size of a culture*» [23, p. 53].

Примеры (13)-(16) выявляют внешние концептуальные данные (научные работы и модели, принадлежащие другим исследователям), которые задействуются авторами текстов как теоретическая основа для выведения Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

умозаключений. Так, в (13) на основании анализа специализированных исследований автор предстает очевидным тот факт, что человек прямоходящий осуществлял коммуникацию посредством жестов (ср. с (15), в котором подобные основания предопределяют авторское умозаключение, что язык – это результат эволюции). В (14), базируясь на выводах коллеги по академическому сообществу, автор приходит к умозаключению, что вокализация явно оказывается центром языка, связанным с функционированием подкорковых базальных ганглиев. В (16) исследователь, проанализировав уже утвердившуюся в науке теоретическую модель, последовательно выявляет факторы, которые предопределяют размеры развития культуры как феномена, связанного с развитием языковых способностей человека.

Научный текст структурируется в соответствии с конвенциями, действующими в данном академическом сообществе. В связи с этим естественным предстает тот факт, что авторы обращаются в большей степени к концептуальным основаниям для вывода своих умозаключений (ср. с текстом спонтанного диалога, в котором собеседники в целях выражения своих мнений обращаются преимущественно к сенсорным основаниям [24; 25]). Вместе с тем, как показывают наши наблюдения в рамках научного текста, посвященного проблемам глоттогенеза, внешние сенсорные и концептуальные основания при выведении умозаключений оказываются тесно взаимосвязанными и не всегда отчетливо дифференцируемыми. В этом случае автор текста принимает на себя роль аналитического обозревателя, который информирует читателя о результатах своих наблюдений, исходя из анализа уже выполненных исследований. Подобное уточнение источников информации не только структурирует авторский научный дискурс, но и облегчает читателю восприятие текста.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Авторские умозаключения, выражаемые посредством имен прилагательных *evident, obvious, clear, natural*, отражают intersubъективную природу научного текста. Intersubъективность порождается не только за счет безличных конструкций, в которых употребляются анализируемые нами имена прилагательные, но также и эксплицитным указанием на внешние источники выводного знания и обоснования этого знания, активацией фоновой информации, которая является общей для автора и читателя. Внешние и внутренние источники информации, лежащие в основании суждений, определяют конструктивную роль авторских аргументативных стратегий в поддержании коммуникативного контакта с адресатом текста. Объективация источника информации связывается прежде всего с попыткой автора расширить читательские знания относительно проблематики, обсуждаемой в тексте, убедить читателя в научной действительности выдвигаемого суждения. Авторские умозаключения основываются на аргументах, которые не могут быть опровергнуты или уличены в противоречивости. Сила этих аргументов основывается именно на достоверных источниках информации, прежде всего, научных концепциях, моделях и закономерностях, которые были созданы и определены другими представителями академического сообщества. В этой связи актуальной предстает разработка концепции разноуровневых средств хеджирования при выражении авторского суждения в научном тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Koen D. Knowledge, Evolution, and Paradox: The Ontology of Language. NY.: State University of New York Press, 1993. 327 p.
2. Masataka N. The Onset of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 292 p.
3. Feldman J.A. From Molecule to Metaphor. A Neural Theory of Language. Cambridge, Massachusetts London, England: MIT Press, 2006. 377 p.
4. Dor D., Jablonska E. How Language Changed the

Genes: Toward an Explicit Account of the Evolution of Language // *New Essays on the Origin of Language*. Berlin, NY.: Mouton de Gruyter, 2001. P. 143-175.

5. Postevaya E.V. Introductory Predicate and Its Strong Conceptual Position in the Reportage Utterance // *В мире научных открытий*. 2014. № 9.2 (57). С. 849-871.

6. Постевая В.Е. Текст репортажа: интродуктивные предикаты как способ ввода эвиденциальности и эпистемической модальности // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 10-3 (40). С. 155-158.

7. Кудряшов И.А., Постевая Е.В. Текст репортажа: эвиденциальность и интродуктивные предикаты // *Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Материалы IV-й Международной научно-практической конференции*. Ростов-на-Дону: Дониздат, 2014. С. 72-79.

8. Муругова Е.В., Постевая Е.В. Прагматические функции интродуктивных предикатов эмоционального состояния в репортажном высказывании // *Современные исследования социальных проблем*. 2016. № 4-1 (28). С. 187-198.

9. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Когнитивный подход к исследованию неявного знания // *Когнитивные исследования языка*. 2015. № 21. С. 30-33.

10. Котова Н.С., Кудряшов И.А. Лингвофилософская прагматика VS. когнитивная прагматика: два взгляда на одну и ту же проблему // *Когнитивные исследования языка*. 2016. № 25. С. 817 – 823.

11. Bernard A. Mythology and the Evolution of Language // *The Evolution of Language. Proceedings of the 8-th International Conference (EVOLANG8)*. New Jersey, L.: World Scientific, 2010. P. 11-18.

12. Kagawa H., Yamada H. Relaxation of Selection Can Lead to Signal Variation: An Example in Birdsong // *The Evolution of Language. Proceedings of the 8-th International Conference (EVOLANG8)*. New Jersey, L.: World Scientific, 2010. P. 425-426.

13. Hurford J.R. Protothought Has no Logical Names // *New Essays on the Origin of Language*. Berlin, NY.: Mouton de Gruyter, 2001. P. 119-132.

14. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Герменевтический анализ текста: когнитивные основания // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2013. № 7. С. 109-113.

15. Knight C. The Origins of Symbolic Culture // *Homo Novus – A Human without Illusions*. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2010. P. 193-211.

16. Gerken L. Language Development. San Diego, Oxford, Brisbane: Plural Publishing, 2009. 263 p.

17. Lieberman P. On the Subcortical Bases of the Evolution of Language // *New Essays on the Origin of Language*. Berlin, NY.: Mouton de Gruyter, 2001. P. 21-40.

18. Bouchard D. From Neurons to Signs // *The Evolution of Language. Proceedings of the 8-th International Conference (EVOLANG8)*. New Jersey, L.: World Scientific, 2010. P. 42-49.

19. Goodrum M.R. The History of Human Origins Research and Its Place in the History of Science: Research Problems and Historiography // *History of Science*. 2009. Vol. XLVII. P. 337-358.

20. Beaken M. The Making of Language. Edinburgh: Dunedin Academic Press, 2011. 255 p.

21. Trabant J. New Perspectives on an Old Academic Question // *New Essays on the Origin of Language*. Berlin, NY.: Mouton de Gruyter, 2001. P. 1-17.

22. Bierwisch M. The Apparent Paradox of Language Evolution: Can Universal Grammar Be Explained by Adoptive Selection? // *New Essays on the Origin of Language*. Berlin, NY.: Mouton de Gruyter, 2001. P. 55-79.

23. Bryson J.J. Cultural Ratcheting Results Primarily from Semantic Compression // *The Evolution of Language. Proceedings of the 8-th International Conference (EVOLANG8)*. New Jersey, L.: World Scientific, 2010. P. 50-57.

24. Котова Н.С., Кудряшов И.А. Эпистемический статус собеседников и эвиденциальные средства его манифестации в диалогическом взаимодействии // *В мире научных открытий*. 2015. № 11.2(71). С. 1084-1095.

25. Кудряшов И.А., Клеменова Е.Н. Диалогическая педагогика М.М. Бахтина и методы вузовского обучения // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2016. № 3(59). С. 53-73.

Статья поступила в редакцию 11.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА
ГЕОРГИ ГОСПОДИНОВА

© 2018

Филиппова Анастасия Александровна, аспирант

Кубанский государственный университет

(350040, Россия, Краснодар, улица Ставропольская, 149, e-mail: asiafil@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования индивидуально-авторской картины мира как одним из актуальных вопросов современной лингвистики, роль аккумулятивной функции языка в ее создании. Целью работы является анализ художественной и индивидуально-авторской картины мира современного болгарского поэта Георги Господинова, выявление семантических доминант его личностного поэтического дискурса. Материалом для исследования послужили поэтические тексты Георги Господинова в переводах Е. Харитонова, а также подстрочных переводах. В исследовании применяется метод концептуального анализа поэтических текстов, в которых затрагиваются наиболее актуальные для современного общества образы и темы: человеческая мысль, жизнь и ее смысл, тема Бога, образ женщины, любимой, тема сложных и непрочных отношений, тема любви, образ родины. В данной работе мы приходим к выводам о том, что пренебрегая традиционной формой и рифмой стиха, Господинов создает собственное поэтическое пространство, в котором форма подчеркивает необычность содержания. Поэтическое пространство индивидуально-авторской картины мира Господинова охватывает не только болгарскую, но и русскую, а также множество других культурных традиций, в его произведениях огромное количество отсылок к авторам, произведениям, географическим названиям.

Ключевые слова: поэтический текст, доминантные смыслы, индивидуально-авторская картина мира, национальная картина мира, концепт.

PECULIARITIES OF THE INDIVIDUAL-AUTHOR'S WORLD PICTURE
OF GEORGY GOSPODINOV

© 2018

Filippova Anastasia Aleksandrovna, post-graduate student

Kuban State University

(350040, Russia, Krasnodar, street Stavropolskaya 149, e-mail: asiafil@yandex.ru)

Abstract. The article considers the problems of the formation of the individual author's picture of the world as one of the topical issues of modern linguistics, the role of the accumulative function of language in its creation. The aim of the work is to analyze the artistic and individual-author's picture of the world of the contemporary Bulgarian poet Georgi Gospodinov, to reveal the semantic dominants of his personal poetic discourse. The material for the study was the poetic texts of Georgi Gospodinov in the translations of E. Kharitonov, as well as the subscript translations. The study uses a method of conceptual analysis of poetic texts that deal with the most relevant images and themes for modern society: human thought, life and its meaning, the theme of God, the image of a woman, the beloved, the theme of complex and fragile relationships, the theme of love, the image of the motherland. In this paper, we come to the conclusion that ignoring the traditional form and rhyme of verse, Gospodinov creates his own poetic space, in which the form emphasizes the unusual content. The poetic space of the individual author's picture of the world of Gospodinov encompasses not only the Bulgarian, but also the Russian, as well as many other cultural traditions, in his works a huge number of references to authors, works, and geographical names.

Keywords: poetic text, dominant meanings, the individual author's picture of the world, the national picture of the world, the concept.

Вопрос о формировании индивидуально-авторской картины мира является одним из актуальных вопросов современной лингвистики. Создание индивидуально-авторской картины мира, как и национальной картины мира, является результатом аккумулятивной функции языка. Иными словами, опыт нации накапливается и находит свое отражение в языке («...культура – один из внеязыковых миров, концептуализируемых языком и обретающих в его формах свое знаковое бытие» [5, с. 21]). Таким образом, культурное наследие одного народа влияет на язык нации и отдельного индивида.

Целью данной работы является анализ индивидуально-авторской картины мира современного болгарского поэта Георги Господинова. Методом для решения поставленной задачи является метод концептуального анализа.

Материалом для исследования послужили поэтические тексты Г. Господинова в переводах Е. Харитонова, а также подстрочных переводах.

Наибольший интерес для изучения представляют индивидуальные картины мира одаренных творческих личностей, создающих литературные произведения. Данные картины мира, как правило, реализуются в художественных произведениях и представляют собой художественную картину мира.

Сегодня термин «художественная картина мира» не имеет однозначного определения. З. Д. Попова и И. А. Стернин считают, что художественная картина мира «возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения (или в сознании зрителя, слушателя – при восприятии других произведений ис-

кусства» [4, с. 40].

При данном подходе существует возможность изучения индивидуально-авторской картины мира, реализованной в поэтическом произведении. «Продуктивным способом описания индивидуально-авторской картины мира является концептуальный анализ, который заключается в выведении из содержания всего текста базового концепта, а также сведений, знаний о концепте, составляющих его концептосферу» [1, с. 341]. Индивидуально-авторские концепты возникают в результате перехода культурных концептов под влиянием мировоззренческих особенностей поэта.

Георги Господинов (р. 1968) в современной болгарской литературе занимает одно из центральных мест, является лауреатом многих национальных литературных премий – поэт, прозаик, драматург. Он начинал с поэзии: в 1992 г. опубликован сборник стихов «Лапидариум», а книга «Черешня одного народа» переиздавалась трижды. В середине 90-х гг. Господинов опубликовал «Болгарскую хрестоматию» и «Болгарскую антологию» – литературные мистификации. Поэтические произведения Господинова необычны и по структуре, и по содержанию. Пренебрегая традиционной формой и рифмой стиха, Господинов создает собственное поэтическое пространство, в котором форма подчеркивает необычность содержания. В его стихотворениях отражены наиболее актуальные для современного общества образы и темы. Например, в стихотворении «Новини» («Новости») мы видим диалог с невидимой собеседницей о Боге:

Той им връща топките,
нали разбираш, Оня шегаджия.

Но тя не се засмива,
извърща се и казва ужасена:
Той винаги улучва [2].
(Ну, ты понимаешь, о ком я –
Тот самый небесный шутник.
Но ей не смешна моя шутка.
Посмотрела с кричащим страхом
в глазах и сказала:

Он ведь никогда не промахивается (пер. Е. Харитоновна)) [3].

Поскольку тема Бога здесь выражена имплицитно, мы догадываемся, что речь идет именно о Творце, через перифраз «тот самый небесный шутник», следом за этим скрытым смыслом возникает еще один – смысл предначертанности, предопределенности, заключенный в последней строке стихотворения «он ведь никогда не промахивается».

Одним из центральных среди доминантных смыслов индивидуально-авторской картины мира Георги Господинова становится образ женщины, любимой, на первый план выходит тема сложных и непрочных отношений. У Господинова он является ключевым, с женщиной поэт беседует в стихотворениях, к ней обращается, о ней рассказывает читателям.

В одном из кратких, но удивительно емких стихотворениях с английским названием «Girl» («Девушка») отражено его отношение к свободной любви:

Кой ще чуе моя разказ за това момиче
Полягаш до момичето което
е лягало с момчето си което...
е лягало с момичето което
Полягаш приобщаваш се към всички
Виж цялата вселена е в леглото ти
Ах колко общество в едно момиче [2].
(Как мне рассказать вам о девушке этой
Ложисься рядом с девушкой которая
ложилась со своим парнем который...
ложился со своей девушкой которая
Ложисься – приобщаясь к обществу
Гляди-ка, целая вселенная в твоей постели –
в одной-единственной девчонке (пер. Е. Харитоновна))

[3].

Любовь в стихотворениях Господинова, в отличие от литературной традиции, перестает быть постоянной величиной, напротив, она становится зыбким, непрочным чувством, связанным с потерей и разрывом отношений. В стихотворении «Любовният заек» («Любовный заяц») уже в названии идет отсылка к тому, что любимая женщина сбежит от него:

Ще се върна след малко, каза,
и остави вратата отворена.
... Шест години след тази вечер
я срещам на друга улица,
и ми се струва уплашена,
като някой, който се сеща,
че е забравил ютията включена
или нещо такова... [2].
(Я ненадолго, она сказала
и оставила дверь открытой.
... Шест лет спустя
я повстречал её на улице (не нашей),
внезапно на лице её появилась озабоченность,
как у кого-то, кто вспомнил, что не вытащил
штепсель утюга из розетки
или что-то вроде этого... (пер. Е. Харитоновна)) [3].

Ключевой для поэзии Господинова смысл любовь тесно связан с образом легкомысленной женщины, которая уходит ненадолго, оставляя еду на плите, а встречаются они шесть лет спустя. То высокое отношение к чувству любви, которое преобладало в поэзии XIX – начала XX вв, в стихотворениях Господинова сводится к бытовым моментам – «не вытащил штепсель утюга из розетки». В его индивидуально-авторской картине мира нет места нежным эпитетам и сравнениям женщины с

прекрасным и великим, женщина не вдохновляет на подвиги, не становится верной спутницей, наоборот, ее образ приземлен: «посмотрела с кричащим страхом в глазах», «внезапно на лице её появилась озабоченность», «гляди-ка, целая вселенная в твоей постели – в одной-единственной девчонке». Любимая женщина в поэзии Господинова волнует не душу, а тело:

Само тя да се разкаже
без езика няма тяло
без езика - няма тяло
важно е ухото само
тази мида на страстта [2].
(Но лишь она одна способна рассказать:
без языка нет тела,
нет языка – нет тела,
главное в нас – уши
эти мидии страсти).

Она современный стереотип, олицетворение непостоянства, но вместе с тем не лишена поэтичности:

Започвам с русите жени
в тях има лекота
в тях има празненство
подобно чели Пастернак
подобно Бърнс
подобно свещ [2].
(Ах, эти белокурые чаровницы,
в них столько легкости,
в них таится праздность,
они подобны стихам Пастернака,
подобны Бёрнсу,
свече подобны...)

Неуверенность в собственных чувствах также становится доминантным смыслом поэтического дискурса Господинова, эта неуверенность показывается синтаксическим средством выразительности повтора строк и заканчивающим стихотворение «Йоан» вопросительным предложением:

Нагазил до кръста в реката любовна
посрещам изпращам
посрещам изпращам
Ти ли си тази
Ти ли си тази
Ти ли си тази
дето има да идва
Или друга да чакам [2].
(По пояс войдя в реку любви,
Встречаю, провожаю,
Встречаю, провожаю,
ты ли та самая,
ты ли та самая,
ты ли та самая,
которая когда-то придет
или ждать мне другую)

Любовь и женщина в искусстве в целом и в поэзии в частности нередко сравнивались с музыкой, становились ее воплощением. Господинов также сравнивает чувство влюбленности с музыкальным произведением – но коротким, с современным треком Hey Jude 7\09, он сопровождает это стихотворение кратким прозаическим вступлением: «“Хей Джуд” – самый долгий из лучших фрагментов мира, и если за это время не успеешь овладеть ни одной из женщин, значит, ты самый пропавший мужчина во Вселенной»:

Никога след това,
никога по-късно,
и изобщо никога
(но тогава не знаеш)
няма да бъдеш толкова дълго
влюбен в една жена [2].
(Никогда больше,
как никогда и прежде,
да и вообще никогда
(но этого тогда ты не знал, конечно)
ты не был так долго

в одну и ту же женщину
влюблен).

Мимолетность любви часто звучит в поэтических произведениях Георги Господинова. Здесь возникает образ времени, тесно связанный с чувством любви, выраженный в наречиях с временным значением: никогда, прежде, тогда, долго.

Образ родины в индивидуально-авторской картине мира Георги Господинова связан не с неким образом Болгарии-матери, а с конкретными местами в родной стране. В его поэзии нет безотчетного чувства любви, которым насыщена лирика его предшественников. Образ Созополя, древнего болгарского города, возникает в стихотворении «Залеа в Созопол...» («Закат в Созополе...»):

Залеа в Созопол закъснява
Слънцето
заплеснато в бедрата ти [2].
(Закат в Созополе поздний
Солнце
Погружается в недра твои).

В поэзии Господинова преобладает конкретика, в его стихотворениях упоминается множество географических названий: «Виж Неапол» («Смотри, Неаполь»), «Зелените поля на Венеция» («Зеленые поля Венеции»), «Един сын в Дианополис» («Сон в Дианополисе»). Господинов много путешествует, и мотив пути, странничества прослеживается во многих произведениях поэта. Вместе с тем индивидуально-авторская картина мира Господинова включает в себя, помимо национальных болгарских концептов, также множество уникальных смыслов чужих культур, в частности, английской. Нередки в его творчестве отсылки к конкретным предметам британской и американской культуры:

Какво правиш, пита. Лека
английска утрин, казвам. Чета
Елиът, слушам Beatles [2].
(Что у тебя, спросила. Да так,
ответил, тихое английское утро. Читаю
Элиота, слушаю Битлз).

В стихотворении «Чай със сметана» («Чай со сливками») поэт рисует образ тихого английского утра, между прочим упоминая Элиота. Отсылки к литературной традиции также нередки в его поэтическом дискурсе:

Ах, эти белокурые чаровницы
в них столько легкости
в них таится праздность
они подобны стихам Пастернака
подобны Бернсу.

В стихотворении «Новини» («Новости») – снова упоминание конкретного места, на этот раз штата Айова, где выпал град:

Закрыв газету, сказала:
а ты знаешь — в Айове
выпал град размером
с мячики для гольфа.

Традиционная для американцев и англичан игра в гольф становится основой для размышления поэта о метафорическом наказании за грехи – и следом за градом появляется образ шутника-бога.

В поэзии Господинова мы можем видеть также отсылки и к русской национальной культуре. В одном из рассмотренных нами стихотворений упоминается поэт XX века Борис Пастернак, в «Как се каляват условни рефлексии» («Закалка условных рефлексив») упоминается собака Павлова.

Лирика Георги Господинова во многом философична, в своих произведениях он часто затрагивает темы, волновавшие многих мыслителей до него. Рассмотрим стихотворение «В началото...» («В начале...»), в котором обыгрывается предмет спора поколений: что было в начале – курица или яйцо?

В началото
кокошката и яйцето седят

една срещу друга
едно срещу друга
мълчат и не знаят
кое първо
коя първа
да каже думата
(или думата още я няма)
и никой
не казва
Мамо [2].
(В начале
курица и яйцо сидят
один против другого,
одна против другой,
молчат и не знают,
что из них первое,
кто первый,
чтобы сказать слово
(или слова еще нет)
и никто
не говорит
Мама).

Иронически решая вопрос, Господинов дает на него ответ последним словом в тексте.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод о том, что размышления поэта охватывают человеческую мысль, жизнь и ее смысл, любовь, простые радости и горести – все это отражено в его стихотворениях. Поэтическое пространство индивидуально-авторской картины мира Господинова охватывает не только болгарскую, но и русскую, и множество других культурных традиций, в его произведениях огромное количество отсылок к авторам, произведениям, географическим названиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2005 – 496 с.
2. Георги Господинов [Электронный ресурс] URL: <http://slovo.bg/showauthor.php3?ID=28&LangID=1> (дата обращения 07.01.2018).
3. «Георги Господинов. Стихи». Переводы Е. Харитонова [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/8/go16.html> (дата обращения 07.01.2018).
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика: учеб. издание. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007 – 315 с.
5. Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М., 2004 – С. 19–31.

Статья поступила в редакцию 25.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК.811

ТЕРМИНЫ РОДСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ СВЯЗЕЙ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

© 2018

Чжан Цинхань, аспирант

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (603950, Россия, Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23, e-mail: 834549804@qq.com)

Аннотация. В данной статье автор дает историко-этимологическую характеристику слова – имени концепта «семья», поднимает проблемы соотношения концептов «семья» и «дом» в русской культуре, рассматривает термины родства как отражение традиционных семейных связей в русской культуре. К терминам родства можно отнести слова, которые называют людей, состоящих в различных родственных отношениях. При этом для каждой культуры термины родства составляют лексическую группу наиболее древних слов, поскольку формирование родственных отношений является с исторической, генетической и культурной точек зрения параллельным процессом явлению формирования и развития общества. Под родством понимается связь членов обоего пола, характеризующихся происхождением от одного общего родоначальника. В случае единства родоначальника, родство считается кровным. При соприкосновении двух родов посредством брачного союза родство считается разнородным. При этом определение близости родства осуществляется на основе линий и степеней. Непрерывно продолжающаяся цепь рождений является родственной линией, которая может быть восходящей (при следовании от родившегося лица к отцу, деду, прадеду и выше) и нисходящей (при следовании от родившегося лица к сыну, внуку, правнуку и ниже), а также боковой (при следовании к брату или сестре, племяннику, двоюродным братьям и сестрам и далее). Для русского народа характерна достаточно разветвленная система родства, отраженная в соответствующей терминологии, которая отражает нормы брака и соответствующую систему различения родственников по линии мужа и жены, что повышает актуальность исследования данного вопроса. В данной статье концепт «семья» анализируется как элемент идиоматической системы. Отдельно автор рассматривает тематические группы, отражающие содержание концепта «семья».

Ключевые слова: концепт «семья», термины родства, семейные связи, русская культура, лексическая группа, идиоматическая система, языковые единицы, структура концепта, родственная линия, семантическое поле, ассоциативный эксперимент, тематические группы.

KINSHIP TERMS AS A REFLECTION OF TRADITIONAL FAMILY RELATIONS IN RUSSIAN CULTURE

© 2018

Zhang Qinghan, postgraduate student

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod**(603950, Russia, Nizhny Novgorod, Gagarin avenue, 23, e-mail: 834549804@qq.com)*

Abstract. In this article, the author gives historical and etymological characteristics of the word – the name of the concept «family» raises the problem of correlation of concepts «family» and «home» in Russian culture, considers the terms of relationship as a reflection of traditional family relations in Russian culture. The kinship terms include words that call people who are in different relationships. In addition, for each culture, the kinship terms are the lexical group of the most ancient words, as the formation of family relations is historical, genetic and cultural points of view, parallel process is the phenomenon of formation and development of companies. Under the kinship is the connection of members of both sexes, characterized by origin from a common ancestor. If the unity of the founder, considered the relationship of blood. The contact between the two families by the marriage relationship is considered to be heterogeneous. This definition of proximity of relationship is based on lines and degrees. The continuous chain of births is related by a line which may be rising (in pursuit of native-born persons to the father, grandfather, great-grandfather and above) and downward (in pursuit of native-born persons to the son, grandson, great-grandson and lower) and lateral (in adherence to the brother or sister, nephew, cousins and brothers and sisters and on). For the Russian people is characterized by rather extensive system of kinship is reflected in its terminology, which reflects the norms of marriage and a system of distinguishing relatives on the husband and wife, which increases the relevance of the study of this question. In this article the concept of «family» is analyzed as an element of idiomatic system. Separately, the author examines the thematic groups, reflecting the content of the concept «family».

Keywords: concept «family», terms of kinship, family ties, russian culture, lexical group, idiomatic system, language units, structure of the concept, sister line, semantic field, associative experiment, thematic groups.

Институт семьи выступает в качестве важнейшего общественного института, в рамках которого осуществляется формирование личности с совокупностью индивидуальных качеств, которые обуславливают адаптационные процессы культурного, психологического и социального характера в отношении человека, помещенного в конкретное лингвокультурное сообщество. Рассматривая данный вопрос, Г. У. Уркинбаева отмечает, что «концепт семья, отражающий общечеловеческие и национально-специфические (социальные, этические, нравственные) представления о феномене семьи, можно отнести к числу универсально значимых концептов. Исследование концепта семья и других частотных концептов в сопоставительном аспекте важно как с теоретической, так и с практической точки зрения, так как эти знания дают возможность строить отношения в рамках межкультурной коммуникации, успешно применяя не только лингвокоммуникативные навыки, но и лингвокультурные знания» [1, с. 59-60].

Концепт «семья» широко используется философами, психологами, социологами и представителями других

наук, каждый из которых наполняет данный термин собственным содержанием, иногда носящим весьма специфический характер.

При этом, как справедливо подчеркивают Л. С. Тайбекова и П. С. Есенова, «на всех ступенях развития семьи основной формой трудовой и бытовой общности людей был род, имевший в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств и характера разделения труда между мужчинами и женщинами матриархальную или патриархальную организацию» [2, с. 36-37].

Если рассматривать семью в качестве устойчивого социального объединения, то необходимо обратиться к эпохе позднего неолита, характеризующегося процессами разложения родового строя и появлением социальных классов и явления частности собственности в обществе и прибавочного продукта в экономике.

Анализируя историко-этимологическую характеристику слова-имени концепта «семья», представляется необходимым обратиться к периодизации, изложенной С. В. Белковским:

1. В рамках мифологического мировосприятия на

протяжении сотен тысяч лет был сформирован ряд архаический представлений о семье, включающих в себя определенные стереотипы семейного поведения.

2. Появление христианства и прочих мировых религий оказало огромное влияние на институт семьи. В частности, в России семья исконно формировалась под эгидой православной церкви, которая, в свою очередь, стояла на страже семейных устоев.

3. Социально-историческая, политическая, культурная модернизация в России XVII–XIX веков привела к формированию нового пласта концепта «семья», образовавшегося в рамках дворянской культуры и ставшего позднее основанием для традиционных представлений о семье.

4. В начале XX века жесткое давление кардинальных «коммунистических» перемен привело к тому, что концепт «семья» начал утрачивать свою самооценку, растворяясь в моральных нормах, которые были провозглашены от имени «первого в мире социалистического государства».

5. Советская эпоха оказала на институт семьи разнонаправленное воздействие. Практически полный разгром церкви подорвал духовные устои семьи. Государство с помощью репрессивного аппарата стало вмешиваться в самые интимные сферы семейной жизни. Процесс воспитания детей в значительной мере стал регулироваться государством, как это и было предусмотрено коммунистической доктриной.

6. Современный социокультурный процесс, отличающийся мировоззренческой противоречивостью, определяется противодействием двух тенденций: возрождением традиционных представлений и формированием новых систем ценностей. При этом концепт «семья» все также сохраняет традиционные константные компоненты, такие как: «родные люди», «тепло», «поддержка», «дом» [3, с. 193–199].

Последний из упомянутых выше константных компонентов – «дом» – необходимо рассмотреть подробнее в рамках его взаимосвязи с концептом «семья».

Как отмечает Е. А. Кострубина, концепты «Семья – Дом» следует относить к числу одних из самых долговечных и значимых в сознании и культуре человека. Близость данных концептов не вызывает сомнения, а сходство и синонимичность лексем, которые репрезентируют данные концептосферы, закреплены в словарных статьях и присутствуют не только в устной речи, но и в многочисленных художественных текстах. Лексеме «семья» в русском языке синонимичны лексемы «дом», «храм», «семейный очаг», «Родина», которые в отдельных коммуникативных ситуациях нейтрализуются. Это становится возможным в силу их понятийной тождественности. Исследование содержания концептов «семья» и «дом» на материале словарных статей дает возможность не только определить универсальность этих концептосфер для русской культуры с вытекающими из этого сходными и индивидуальными особенностями, а также позволяет доказать существование гиперконцепта «семья» – «дом», который включает в себя ряд проанализированных концептов [4, с. 51–57].

Анализируя термины родства как отражение традиционных семейных связей в русской культуре, представляется необходимым обратиться к истории. Так, Д. В. Жигулина подчеркивает, что восточными славянами брак воспринимался как союз мужчины и женщины, освященный Господом.

После принятия древними русичами христианства институт семьи находился под юрисдикцией Церкви, считавшей единобрачие идеальной формой семейных отношений. Тем не менее, вторые браки на Руси не были редкостью, о чем говорят часто встречающиеся в славянских текстах XI – XIV вв. языковые единицы, которые связаны интегральной комплексной семьей «близкое некровное родство».

Их можно классифицировать по способу словообра-

зования.

Первую группу составляют слова, образованные суффиксальным способом: «мачеха» / «машеха», «отьчимь».

Во вторую входят лексемы, образованные префиксально-суффиксальным способом: «падъщерица» / «падъщерица», «пасынькъ», «иночимь».

Третью группу формируют субстантивированные притяжательные прилагательные (субстантиваты): «мачешиничь» / «мачешичь».

Особую, четвертую группу образуют лексемы, образованные аналитически: «творимый» / «творены отць», «творимый» / «творены сынъ», «творена сестра», «творима» / «творена тетъка».

В «Этимологическом словаре славянских языков» отмечено, что «образование «matjexa – самое распространенное название мачехи в славянских языках, весьма древнее по форме и обычно возводимое к и.-е. компаративу «māt(r)jes-i «подобный матери» – производному от «matī», род. п. «materē» с суф. сравнит. степени «-jes-». Таким образом, «matjexa» первоначально означало «подобная матери», а различные уничижительные оттенки – вторичное стилистическое приобретение слав. суффиксов с характерным согласным «-х-».

Следует подчеркнуть, что слав. образование «matjexa» в результате смягчения согл. «t» под влиянием «j» в старославянском языке дало «машеха», а в древнерусском «мачеха».

В памятниках древнерусской литературы также можно найти ограничения на заключение брака членами семьи, связанными родственными отношениями по отцовской линии: «Не тъкмо отьца мо-го · нь и dthda». Слово «отьчимь», «отьчимь», представляет собой производное от «отьсь» с суф. «-im(ь)» глагольного происхождения. При этом слово «отчим» аналогического образования, возможно, по образцу побратим, т.к. исходный глагол для самостоятельного «отчим» отсутствует. Если мужчина или женщина после смерти супруга или расторжения брака женится или выходит замуж вторично, то создается новая семья. Нередко в такой семье, помимо общих детей, живут и дети супруга или супруги от первого брака. Так, в славянских текстах XI – XIV вв. часто встречаются языковые единицы «падъщерица» / «падъщерица», «пасынькъ», «мачешиничь» / «мачешичь». Префикс «па-« в словах «падъщерица» / «падъщерица», «пасынькъ» является приименной приставкой, соответствующей глагольному «по-» со значением «сходство или тождество».

Слово «сынъ», слав. «synъ» восходит к форме «sūnus» со значением «рожденный матерью, вскормленный матерью». Таким образом, «пасынок» означает буквально «подобный сыну». Слово падъщерица буквально «подобная дочери» образовано от праславянского «dъkiti», давшим в старославянском языке «падъщерица», в древнерусском – «падъщерица».

Сверхсловные сочетания «творимый» / «творены отць», «творимый» / «творены сынъ», «творима» / «творена тетъка», «творена сестра» образованы аналитическим способом путем сложения причастий «творимый» и «творены» – «приёмный» и наименований близких кровных родственников.

При этом Е. А. Кострубина подчеркивает, что в славянских рукописях XI – XIV вв. лексемы и словосочетания, объединенные комплексной семьей «близкое некровное родство», употребляются с высокой частотностью, что свидетельствует о ценности семейно-брачных отношений у восточных славян. Как и большинство славянских терминов родства, рассматриваемые языковые единицы имеют исконное происхождение. Это дает основание полагать, что сам феномен древнерусской семьи складывался на славянской почве [5, с. 154–160].

В русском языке слово «родственность» толкуется как свойство по прилагательному «родственный» в следующих значениях: «свойственный родственникам; те-

плый, сердечный) («испытывать родственные чувства к кому-л.», «родственный обед») и «сходный по основным свойствам, признакам, который связан общностью происхождения» («родственные языки», «родственные науки»; «родственность натур»).

К наиболее близким синонимам понятия «родственность» относятся лексемы «родственники», «родные», «родня». Следует также выделить ряд дистинктивных признаков: «степень близости родства» (слово родные обозначает близкое родство, родственники же могут быть как дальними, так и близкими), «степень человеческой близости» (максимально в случае родные), «относительная численность данной группы людей» (родных у субъекта, как правило, меньше, нежели родни), «способность обозначать одного человека» (слово «родственник»), «отношение говорящего к данным людям» (родня характеризуется некой обезличенностью), «способность использоваться в классифицирующих (предикативных) статусах, при этом обозначая само отношение родства» (слово «родные» не имеет).

Степень родства в русском языке определяется за счет соматизма «колени» в значении «разветвление рода, поколение в родословной»: так, первым коленом являются «ближайшие родственники», вторым, третьим коленом – «двоюродные и более дальние». К примеру: «брат в третьем колене»; «родня в седьмом колене»; «знать родословную до четвертого колена». Категория родства в русском языке выражает лексема «плоть»: «одна, единая плоть» – речь идет о тех, кто кровно связан друг с другом.

Понятие родственности в русском языке выражают слова «семя» (по семеню племени (о потомстве)), «жила» («жила», «семья», «род»: «Вот такая купеческая жила и кончилась»). Код родства в русском языке определяется номинациями растительного происхождения, которые отражают образ родословного древа: «ветвь» – линия родства в родословной. К примеру: «генеалогическая ветвь»; «боковая ветвь рода»; «плод – зарождение нового поколения»; «порождение»; «чадо», «детище»; «отпрыск», «отродье».

Слово «жена» в русском языке может передаваться разговорными сниженными понятиями «баба», «бабенка», шуточными понятиями «дражайшая половина», «подруга жизни», эпитетами «верная жена», «благочерная», «обуза», «присоска» и т.д. Характер и нрав жены (женщины) определяется мифологическими и социально-статусными метафорами: «кикимора – злая, некрасивая жена, женщина», «змея подколотная – злая и завистливая жена / женщина», «генеральша», «кухарка» и т.д.

Концепт «муж» в русском языке представлен следующим рядом лексем: «повелитель», «супружник», «благочерный», «половина», «мужик», «хозяин», «мой». Данный ряд лексем имеет различные стилистические пометы – от учтвого до насмешливого. К примеру, понятие «супружник» обладает пометой «народно-разговорное» («Запропастился куда-то мой супружник»), а понятие «благочерный» – пометой «шутливое» («Мой благочерный»).

Концепт «отец» в русском языке уточняется следующими эквонимами, обладающими эмоционально-экспрессивной пометой: разговорное «папа», «папаша», «папаня», просторечное «бать», «батька», народно-поэтическое «родимый», «батюшка», устаревшее «родитель», «батюшка». В гипероним «мать» входят следующий ряд синонимов, отмеченных пометой «трад.-народ»: «матушка», «маменька», «мамушка», «мамаша», «родимая».

Стержневыми синонимами к концептам «ребенок» и «дети» в русском языке являются «малолетний», «малютка», «маленький», «малый», «крошка», «кроха», «малышка (разгов.)», «клоп», «карапуз», «пузырь (разгов. шутлив.)», «малолеток», «ребятынок», «дитё», «дитёнок (простор.)», «дитя (устарев.)», «ангельская душка (устарев. разгов.)», «буруз (разгов. о толстом)», «ма-

лышка (разг. чаще о девочке при обращении)», «дитячко (устарев.)»; в грудном возрасте: «младенец», «грудной ребенок (или младенец)», «лялька», «пеленашка», «грудничок (разгов.)», «грудняк», «титичный ребенок (устарев.)», «дети», «ребята», «ребятишки (разгов.)»; в собирательном значении: «детвора», «мелюзга», «ребятня», «малышня», «пацанва» (разгов.); о родном ребенке: «кровинка (прост. и народ.-поэт.)», «чадо», «детище» (устарев.), «рожное дитя (устарев.)».

Рассматривая родственные отношения по крови, хочется отдельно остановиться на термине «брат», которое имеет целое гнездо однокоренных слов с деривационной вершиной «брат-».

1. «Братственный 1. устарев. то же, что братский». Функционирование некоторых слов и словообразовательный тип этих слов нам показался странным, неактуальным, поэтому мы решили проверить их функционирование в русском языке. Также мы видим, что одно из значений слова может быть устаревшим, поэтому мы это слово принимаем во внимание только с актуальным ему значением:

2. «Братний. 2. устарев. относящийся к брату, принадлежащий ему». Разговорное значение лексем с корнем «брат» мы используем при анализе, поскольку оно является общеупотребляемым в современной разговорной речи.

Таким образом, слова в нашем гнезде с корнем «брат» мы можем поделить на те, которые:

- часто употребляются: «братик», «по-братски», «собрать» и др.

- употребляются редко (главным образом в художественном стиле): «братство», «братание» и др.

- употребляются часто в разговорной речи: «братва», «братан», «братуха» и др.

Мы не можем не брать во внимание разговорные лексемы, поскольку именно они отражают живое развитие языка. Не можем также исключить те лексемы, которые употребляются писателями или научными сотрудниками, или немногими носителями языка, поскольку они еще не вышли из употребления. Ведь разговорные лексемы тоже употребляют не все носители языка. Их высокая частотность обусловлена лишь тем, что просторечия употребляются чаще, чем стилистически поднесенные лексемы. Поэтому нам следует учитывать при анализе и те, и другие, пока они не станут устаревшими лексемами из-за исторических процессов, когда исчезнет явление, которое они называют.

Таким образом, было проанализировано словообразовательное гнездо с вершиной «брат», которое является сложной системой иерархически организованных между собой отношений семантической и структурной производности на синхронном уровне, упорядоченное только по общему форме корня.

Рассматривая концепт семья в качестве элемента идиоматической системы, можно вспомнить такие пословицы и поговорки, как «В своей семье всяк сам большой»; «Вся семья вместе, так и душа на месте»; «Ссора в своей семье до первого взгляда»; «В семье не без урода, а на урода все не в угоду»; «В семье и каша гуще»; «В семье и смерть красна»; «Гляди семью, отколль берешь жену»; «Дружно не грузно»; «Семей и горох молотят»; «Мир в семье женой держится»; «На что и клад, когда в семье лад»; «Семья воюет, один горюет»; «Птицы в гнезде до осени, дети в семье до возраста»; «Не велика семья, а все едоки»; «Семейное согласие всего дороже». На основании анализа приведенных выше пословиц и поговорок можно согласиться с выводом Я. Фана, о том, что «семья близка сердцу каждого человека, без семьи жить невозможно, самое дорогое – семейное согласие, к которому все стремятся» [6, с. 250-255].

Ф. Я. Хабибуллина и Е. О. Ерофеева отмечают, что концепты внутренне организованы по полемому принципу – ядро, ближняя, средняя, дальняя периферии, чувственный образ, информационное содержание и ин-

терпретационное поле. Внутренняя структура концепта как совокупность определенных составляющих, из которых мы можем выделить ядерную, центральную часть концепта – понятийный компонент, и периферическую – образный, эмоционально-чувственный, индивидуально-ассоциативный компоненты. К ядру можно отнести слова, которые в ассоциативно-вербальной сети объективируют базовые концепты, к периферии – различного рода субконцепты [7, с. 65-75].

Исходя из вышесказанного в семантическое поле концепта «семья» можно включить:

- 1) родственников;
- 2) брак (муж, жена);
- 3) семью (мать, отец, дети).

Также можно выделить следующие компоненты семантического поля данного концепта:

- 1) поле материалов бытовой жизни;
- 2) поле семейных отношений;
- 3) поле абстрактных концепций.

Концепт «семья» можно представить в виде трех перекрывающихся полей:

- 1) родственные отношения;
- 2) брачные отношения;
- 3) родительские отношения.

Благодаря изобилию своей содержательной стороны концепт может быть выражен различными языковыми средствами: словами, словосочетаниями, фразеологическими единицами, предложениями, текстами.

Н. А. Решке считает целесообразным при анализе концептосфер различных лингвистических культур обращение к ассоциативному эксперименту, позволяющему с максимальной объективностью раскрыть культурную специфику того или иного концепта, обнаруживая при этом семантические связи, являющимися побочными и отличающимся отсутствием непосредственной релевантности. Сущность ассоциативного эксперимента состоит в предоставлении испытуемому слова – стимула, на который он в самое кратчайшее время должен отреагировать одним или несколькими словами. Первые пришедшие в голову ассоциации могут расцениваться в качестве фрагмента вербальной человеческой памяти в частности и концептосферы лингвокультурной общности в целом [8, с. 140-143].

В рамках настоящей работы осуществлен ассоциативный эксперимент, в котором приняло участие 50 русских студентов в возрасте от 20 до 28 лет. В качестве слова-стимула использован концерт «семья». Испытуемым давалась одна минута для воспроизведения любого числа ответов. В результате исследования выявлено, что наиболее частотной ассоциацией к слову-стимулу «семья» являются «любовь» (11 упоминаний) и «дом» (10 упоминаний). Однако, данные ассоциации нельзя объединить в одну тематическую группу.

Тематическую группу к концепту «семья», возглавляемую ассоциацией «любовь», составляют также «взаимопонимание», «доброта», «согласие», «счастье» (по 2 упоминания на каждую из упомянутых выше ассоциаций), «дружба», «поддержка», «понимание», «терпение», «чувства» (по одному упоминанию на каждую ассоциацию).

Ассоциация «дом» может возглавить тематическую группу, куда входят «очаг» (3 упоминания), «тепло» (2 упоминания), «быт», «домашний очаг», «кухня», «сад», «обед», «стол», «уют», «цветы» (по одному упоминанию на каждую ассоциацию).

Также достаточно часто испытуемыми упоминались «дети» (7 случаев). В данную тематическую группу можно также отнести «мама, папа» (3 упоминания), «родители» (2 упоминания), «муж», «родственники» (по одному упоминанию на каждую ассоциацию).

Следующую тематическую группу составляют фразеологизмы, связанные с определенными социальными шаблонами: «ячейка общества» (4 упоминания), «основа» (1 упоминание).

Отдельную тематическую группу образуют ассоциативные эпитеты «большая», «дружная» (по два упоминания на каждую ассоциацию), «единственная», «лучшее, что есть на свете» (по одному упоминанию на каждую ассоциацию).

Еще одну тематическую группу могут образовать абстрактные ассоциации: «добро», «красота», «мир» (по одному упоминанию).

Немногочисленна тематическая группа, которую условно можно обозначить как функции семьи: «защита» и «секс» (по одному упоминанию).

В тематическую группу можно отрицательный ассоциативный ряд: «жертва», «скандалы» (по одному упоминанию).

На основании проведенного выше исследования терминов родства как отражения традиционных семейных связей в русской культуре и составленных в результате ассоциативного эксперимента тематических групп можно сделать вывод о неразрывной связи концепта «семья» с детьми и родителями в языковом сознании носителей русской культуры. В качестве основного ключевого принципа построения взаимоотношений между кровными родственниками, являющимися представителями русской культуры, является оппозиция членов семьи по возрастному признаку. При этом русской культуре, несмотря на все современные трансформации социума, характерна иерархичность членов семьи по старшинству, а в обязанности младших родственников входит повиновение старшим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Уркинбаева Г. У. Концепт «семья» в русской, казахской и башкирской языковых картинах мира // Международный студенческ. научн. вестник. – 2015. – №5. – С. 59-60.
2. Тайбекова Л. С., Есенова П. С. Концепт «семья» в свете гуманитарных наук (лексикографическ. аспект) // Наука и мир. – 2015. – №4. – С. 36-37.
3. Белковский С. В. Концепт «семья» в современной российской прессе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – №4. – С. 193-199.
4. Кострубина Е. А. Типы концептов: гиперконцепт «семья-дом» // Вестник Пермского университета. Российск. и зарубежн. филология. – 2010. – №6. – С. 51-57.
5. Жигулина Д. В. Функционирование языковых единиц, связанных комплексной семьей близкое некровное родство» в славянских памятниках XI-XVI вв. // IX Международные Севастопольские кирилло-мефодиевские чтения. Сборник научных работ. – 2016. – С. 154-160.
6. Фан Я. Концепт «семья» в русской и китайской языковых картинах мира // Известия Томского политехнич. ун-та. – 2013. – №6. – С. 250-255.
7. Хабибуллина Ф. Я., Ерофеева Е. О. Концепт «семья» во французском политическом дискурсе // Актуальные проблемы романо-германск. филологии и преподавания европейск. языков в школе и вузе. – 2015. – №2. – С. 65-75.
8. Решке Н. А. Концепт «семья / family» в языковом сознании представителей русской, английской и американской лингвокультурных общностей // Общество и экономика постсоветск. пространства. – 2014. – С. 140-143.

*Статья поступила в редакцию 01.02.2018
Статья принята к публикации 27.03.2018*

УДК 811.351.22

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО ПРОМЫСЛУ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ

© 2018

Юсупов Хизри Абдулмаджидович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
отдела лексикологии и лексикографии

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского НЦ РАН
(367000, Россия, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, e-mail: h-yusupov@mail.ru)*

Аннотация. Статья посвящена одной из проблем даргинского языка – отбору и представлению в лексикографических трудах наименований человека по роду профессиональной деятельности. Ее задача состоит в устранении пробелов, имеющих в исследовании и лексикографировании специальной (промысловой) лексики в языке. Мы рассматриваем одно из самых больших тематических объединений слов в языке, каковым является наименование лиц по промыслу. В даргинском языке нет специального лексикографического описания наименований лиц по промыслу. Поэтому, помимо выборки слов данной группы, приводятся рекомендации по составлению словаря промысловой лексики. Предполагается включение в словарь номинативных единиц разного характера, в том числе предикативного типа. Создание словаря специальной лексики даргинского языка, с охватом различных областей экономики (полеводства, садоводства, охоты, торговли, ткачества, кожевенного, плотничного, кузнечного, ювелирного и многих других профессиональных занятий) является насущной проблемой даргинского языка. Отсутствие каких бы то не было работ исторической терминологии, затрудняет представление этой группы лексики в лексикографических трудах, прежде всего в терминологических словарях. Поэтому, приводимые нами примеры названий лиц по промыслу, могут служить основой для будущего «Даргинско-русского словаря промысловой лексики».

Ключевые слова: даргинский язык, лексикология, терминоведение, словари, наименования лиц по роду деятельности.

THE NAMES OF PERSONS IN FISHING IN THE DARGIN LANGUAGE: ISSUES OF LEARNING AND LEXICOGRAPHICALLY DIFFERENT-TEMPORAL DICTIONARIES

© 2018

Yusupov Khizri Abdumajidovich, candidate of philological Sciences, leading researcher
Department of lexicology and lexicography

*Institution of Russian Academy of Science The G. Tsadasa Institute of language,
literature and Art of Dagestan Scientific Centre, RAS*

(367000, Russia, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, e-mail: h-yusupov@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to one of the problems of the dargwa language – selection and presentation of lexicographical works in the names of a person for employment. Her challenge is to address the gaps in research and lexicographically special (commercial) vocabulary in the language. We consider one of the biggest thematic associations of words in the language such as names of persons in Providence. In the Dargin language has no special lexicographical description names of persons in Providence. Therefore, in addition to the sample words of the group, provides guidance on compiling a dictionary of commercial terminology. It is intended to include in the wordlist of a dictionary of the nominative units of different nature, including predicative type. The creation of a dictionary of a specific language dargwa language, covering various sectors of the economy (farming, gardening, hunting, trading, weaving, tanning, carpentry, blacksmithing, jewelry and many other professional occupations) is a pressing problem of the dargwa language. The lack of any kind was not the work of the historical terminography, complicates the representation of this group of vocabulary in lexicographical works, especially in the terminological dictionaries. Therefore, given us examples of names of persons in the fishery may serve as a basis for the future “Dargin-Russian dictionary commercial language”.

Keywords: dargwa language, lexicology, terminology, dictionaries, names of persons by occupation.

Специальная лексика, которая обслуживает нужды какого-либо промысла, представляет интерес как для лингвистов, так и лексикографов. Этот пласт лексики связан с материальной культурой народа и тем самым демонстрируют социальный характер языка. Как подчеркивает В.М. Лейчик, «терминоведение зародилось в недрах лингвистики, говоря конкретнее, в рамках лексикологии, и сохраняет связь с этой последней научной дисциплиной, поскольку термины базируются на языковом субстрате – на словах и словосочетаниях номинативного плана, относящихся к определенному естественному языку» [1, с. 219-220].

Среди научных работ, посвященных исследованию даргинской терминологии, можно назвать лишь следующие: 1) диссертационные работы Б.Т. Чамсаевой [2], М.М. Курбановой [3] и Н.М. Магомедовой [4], в которых, соответственно, рассматривается лексика традиционных промыслов, лингвистическая терминология и общественно-политическая терминология; 2) научные статьи А.А. Магометова «Терминология кубачинских златокузнецов» [5], Б.Т. Чамсаевой «Термины обувного производства даргинцев» [6] и Х.А. Юсупова «К вопросу формирования терминологической системы даргинского языка» [7].

Таким образом, даргинский язык, в отличие от других родственных дагестанских языков, не имеет серьезных успехов ни в исследовании специальной лексики, относящейся к наименованию лиц по роду деятель-

ности, ни в лексикографической разработанности того или иного участка терминологии. Терминологическая лексикография даргинского языка сегодня располагает лишь следующими терминологическими словарями [8]: 1) Математическая терминология / пер. А. Алиев. Махачкала, 1932. 2) Терминология по делопроизводству. Махачкала, 1932. Вып. I. 40 с. 3) Терминологический словарь даргинского языка по истории, языку, литературе, математике, естествознанию. Махачкала, 1940. 130 с. 4) Алиев А. Ш. Русско-даргинский терминологический словарь. Язык, литература, педагогика. Махачкала, 1982. 48 с.

Между тем, являясь важнейшей частью номинативной системы, в том или ином виде промысловая лексика включается в любой общефилологический словарь национального языка. Тем не менее, собственно терминологических словарей или узкоотраслевых промысловых лексиконов в даргинском языке отсутствуют.

Исходя из этого, мы решили рассмотреть одно из самых больших тематических объединений слов в языке, каковым является наименование лиц по промыслу. Как мы уже отмечали, специального лексикографического описания наименований лиц по промыслу в даргинском языке не имеется. Такие термины не нашли отражение и в работе С.М. Темирбулатовой «Отраслевая лексика даргинского языка» [9], поскольку в ней внимание уделяется названиям, связанных с животными, растительным миром, анатомией человека, жилища и его частей,

хозяйственно-бытовых строений, орудий труда и утвари, производственных процессов и др.

В «Даргинско-русском словаре» [10], вышедшем в 2017 году, мы выполнили выборку наименований лиц по промыслу и сгруппировали их по способу образования. К наиболее продуктивным суффиксам относятся: а) суффикс *-чи*: **авчи** охотник, ловчий; **анхъчи** садовник, садовод; **архивчи** архивист; **базманчи** весовщик; **байрахъчи** знаменосец; **баничи** банщик; **бахчачи** огородник, бахчевод; **буругъчи** буровик; **бурчачи** коллекционер; **бялихъчи** рыбак, рыболов; **газетчи** газетчик; **газчи** газовик; **галикъчи** углежог; **гамичи** корабельщик; **гачи** угольщик; **гузетчи** ночной пастух; **гутанчи** пахарь; **Геначи** повитуха; **Гярадачи** пушкарь; **Гярбачи** аробщик; **далайчи** певец; **даллакчи** парикмахер; **дарманчи** лекарь, знахарь; **делхъчи** танцовщик; **дузачи** жокей; **жикъчи** гармонист; **зирнявчи** зурнач; **зынкърайчи** звонарь; **илхъчи** табунщик; **ислачи** закройщик; **карбанчи** караванщик; **каричи** пекарь; **кирачи** возчик, ломовик; **къзанчи** повар (на свадьбе); **къалайчи** лудильщик; **къалипчи** колодочник; **къараулчи** сторож, охранник; **къасапчи** мясник; **къаякъчи** лодочник; **къушкъарчи** плавильщик крицы; **къарчи** травник; **къиматчи** оценщик; **къалтгачи** виночерпий; **лагънучи** голубятник; **массажи** массажист; **мирхъчи** пчеловод; **набтчи** нефтяник; **никлирчи** никелировщик; **някъшичи** мастер по резьбе, рисунку, узору; **пайгунчи** возница, кучер; **палтарханачи** гардеробщик; **пастганчи** огородник; **пигълачи** подсобник; **пургъумчи** извозчик; **рибачи** рантье; **рухъерчи** красильщик; **сапарчи** путешественник; **саяхъчи** затейник, скоморох; **складчи** заведующий складом; **суратчи** рисовальщик, художник; **табелчи** табельщик; **тукенчи** завмаг, продавец; **тупчи** артиллерист; **тячклячи** тачечник; **хазначи** казначей; **харратчи** станочник; **хурегчи** повар, кулинар; **хлентгачи** скирдоправ; **хисабчи** учётчик; **хлуребачи** ратник, дружинник; **хлямамчи** банщик; **цлачи** хранитель огня; **цлукъбачи** зерновик; **цлурмукъбачи** воин на бойнице; **чягъирчи** винодел; **чяйханчи** чайханщик; б) суффикс *-къяна* (*-къя*): **архляликъяна** путешественник, землепроходец; **арцликъяна** полотьщик; **аршикъяна** жнец, косарь; **базаркъяна** торговец; **вацлакъяна** дровосек, лесоруб; **вачрукъяна** торговец, коммерсант; **Гляркъяна** охотник; **дегликъяна** молотильщик; **дузкъяна** лесоруб, порубщик; **дукикъяна** пастух; **муракъяна** косарь (на сенокосе); **палрукъяна** гадальщик, ворожея; **Глашкъяна** распорядитель застолья; **чехрукъяна** посыльный; в) суффикс *-Гела*: **арцангела** птичник; **къачнигела** телятник; **къулигела** коровник; **мазагела** овчар, чабан; **урчагела** конюх; **хуригела** псарь; **цурмигела** свинопас.

Встречаются названия, образованные непродуктивными суффиксами: а) *-ула*: **хленкъула** пастух; **Гленаула** повивальная бабка; б) *-кула*: **шинкъанкула** мельник; в) *-ган*: **базриган** купец, коммерсант.

Сложные слова встречаются редко. Мы выделили лишь два слова, образованные сложением основ: **цлиркълукъл** пряжа, тонкопряда (цлиркъл тонко + лукъл прясть); **къачнихленкъула** телятник (къачни телята + хленкъула пастух).

Среди наименований лиц по промыслу даргинского языка немало различных субстантивных словосочетаний: а) типа «имя существительное + имя существительное»: **арцла уста** серебряных дел мастер; **берклу-мала уста** кулинар; **гулбала уста** скорняк (*букв.* мастер шкур); **дабрумала уста** сапожник; **къаркъала уста** каменщик (*букв.* мастер камня); **къибла уста** резчик, мастер по художественной резьбе (*букв.* резной мастер); **къиличунала уста** палашный мастер; **къапнала уста** шапочник; **къисла уста** плотник, столяр (*букв.* мастер по резке, тёске); **къулсала уста** ложкарь; **лацла уста** каменщик; **лутли-Гябулла уста** мастер по изготовлению подков и гвоздей; **мегъла уста** кузнец, железных дел мастер; **мурги-арцла уста** ювелир, золотых дел мастер;

муцлрусунала уста мастер перочинных ножилов; **палтарла уста** портной (*букв.* мастер одежды); **пургъумтала уста** каретник; **рахажунала уста** мастер по изготовлению цепочек; **сипнала уста** мастер по изготовлению мочеотводных трубок для колыбели; **сягятунала уста** часовых дел мастер (*букв.* мастер часов); **туранала уста** мастер по изготовлению рыболовных сетей; **ханжалдисла уста** мастер холодного оружия; **цлуннала уста** мастер укладки стогов снопов; **ярагъла уста** ружейник (оружейный мастер); б) типа «имя существительное + причастие»: **лутли адирхъян** мастер-подковщик (*букв.* подковы забивающий); **гулби диран** меховщик (*букв.* меха делающий); **хлябни диран** шорник (*букв.* ремни делающий); **магада диран** медовар; **никуби диран** маникюрша (*букв.* ногти делающий); **нусби диран** сыродел (*букв.* сыр делающий); **никлирладиран** никелировщик; в) типа «имя прилагательное + причастие»: **бушиндиран** укротитель; **дугадиран** точильщик; **димдиран** трепальщик.

Многие наименования лиц по промыслу остались вне словника данного словаря, например, **барднала уста** мастер по изготовлению топоров; **буклумегъла уста** жестящик; **бурбунала уста** игольщик; **ваяхл-далгала уста** мастер-инструментальщик; **къундакъчи** ложник; **къялккъянала уста** мастер по изготовлению кос; **миршбала уста** мастер по изготовлению серпов; **Тлимкъла уста** мастер по изготовлению капканов; **урхабчи** мастер, изготовляющий жернова; **ханжалчи** кинжальщик; **члупрала уста** мастер по плетению корзин и т.д. Эти и другие наименования лиц по промыслу встречаются в монографии, посвященной истории и культуре одного из главных ремесленных центров Дагестана с. Харбук [11, с. 76-183].

В харбуцком говоре даргинского языка встречается большое количество наименований лиц по промыслу, что связано с узкой специализацией кузнецов и других мастеров по производству определенных изделий.

«Даргинско-русский словарь», являясь двуязычным переводным словарем, не ставил перед собой задачу полного охвата специальной лексики. Да и те материалы, которые мы получили с помощью выборки, различаются по форме подачи, по структуре словарных статей. В словаре нет единообразия в подаче наименований лиц по промыслу. Такие лексические единицы даются то главными словами, то внутри статей на другие слова.

В словник создаваемого «Даргинско-русского словаря промысловой лексики» следует включить и устаревшую лексику даргинского языка, называющую лиц по промыслу. К данной группе относятся наименования собственно ремесленников (**къякърута** молотобоец, **унзала мегъла уста** мастер-замочник, **гили-къабтачи** седельных дел мастер; **къудкъянала уста** мастер, изготовляющий водоносные кувшины; **буржима бумхан** кружевница; **бала дирхъян** чесальщица; **катиб** переписчик книг; **Гяблукъчи** гвоздарь, гвоздильщик; **артгачи** резчик (металла); **чахъмачи** мастер, изготавливающий кремневые замки), музыкантов (**чугурчи** чунгурист; **къумузчи** кумурист; **чагъаначи** скрипач; **дамрукъяна** барабанщик; **шятлахъчи** свирельщик; **дудукълчи** дудочник) и торговцев, торговых посредников (**вачарла ургакъяна** торговый посредник; **муштари** покупатель; **черисан** перекупщик) и т.д.

На наш взгляд, такой словарь безусловно должен быть двуязычным. Это, во-первых, облегчит задачу ознакомления и использования материалов для специалистов близкородственных языков (данная проблема актуальна для многих языков Дагестана), во-вторых, двуязычный словарь будет полезен для лексикографов, составляющих общепилологические одноязычные и двуязычные словари даргинского языка и, в-третьих, такой словарь будет удобопонятным для широкого круга как исследователей языка, так и рядовых пользователей. Как отмечает С.В. Гринев-Гриневич, «выбор назначения словаря определяет его читательский адрес, а так-

же аспектную ориентацию (например, в переводных и информационно-словарных терминах описание ведется в основном на семантическом уровне), от предметной ориентации, назначения и аспекта описания зависит выбор функции словаря» [12, с. 36].

К сожалению, как правильно отмечает М.А. Хлыбова, «при проектировании словарей до сих пор не существует стандартизованных правил подготовки и оформления, что является причиной отсутствия единства в методах подготовки и оформления словарей» [13, с. 214].

Как нам представляется, будущий словарь должен быть: а) по тематической ориентации – узкоотраслевым; б) по ареальной ориентации – историческим; в) по языковой ориентации – двуязычным; г) по назначению – переводным; д) по адресной ориентации – специализированным; е) по аспектной ориентации – семантическим; ж) по функции – нормативным; з) по объёму – малым.

Работу над словарем необходимо начинать с отбора специальной лексики и составления словника. После составления словника и расположения терминов (в т. ч. терминов и предтерминов) и терминологических словосочетаний в алфавитном порядке, можно приступить к составлению словарных статей. Как известно, словарная статья является основной единицей любого словаря. По словам Л.П. Ступина, словарная статья представляет собой «относительно автономный раздел словаря, в котором представлена многосторонняя характеристика слова или какой-либо другой единицы языка» [14, с. 47].

Не менее важной составляющей дальнейшей работы над словарем является определение структуры самой словарной статьи и его оформления. В этом определенную помощь может оказать наша работа «Словарная статья: структура и способы оформления» [15].

Заголовочная единица статьи выделяется полужирным шрифтом и толкуется по ономазиологическому типу, отражающему мотив наименования ремесленника: **ДУРУГЧИ** тот, кто делает веретена; **ЯНСАВЧИ** тот, кто изготавливает порох; **РУХЬЕРЧИ** тот, кто изготавливает и продает красители, а также красильщик; **КИБИАРЧИ** кропач (тот, кто кропает – перешивает одежду, обувь); **ГУЛБИ АЛЪАН** скорняк (тот, кто выделывает шкурки); **КЪАКЪБАЧИ** тот, кто охотится за куропатками; **КЪАЧАЛАЙЧИ** чеботарь (тот, кто шьет обувь – ботинки, башмаки); **КЪУЛСАЧИ** ложкарь; **МИНДАРЧИ** тот, кто изготавливает подушки, тюфяки для сидел.

А как же быть с вариантами терминов? Здесь вопрос не стоит в том, чтобы их включать или не включать в словарь. Безусловно, они должны быть в словнике словаря, потому что, как отмечает Ю.В. Сложеникина, «не существует какой-то общей статичной модели употребления научного языка в целом и терминологии в частности... Вариантность, таким образом, есть отражение динамической модели языка. Терминология – это особая социальная данность, так сказать, «язык в языке», в котором действуют специфические правила словоупотребления, вариантных замен, своя этика и правила научного изложения» [16, с. 83].

На наш взгляд, варианты терминов следует давать в одной статье, через две косые черты, например, **ДУРУГЧИ // ДУРУГУНИ ДИРАН** тот, кто делает веретена; **КЪУЛСАЧИ // КЪУЛСНИ ДИРАН // КЪУЛСНАЛА УСТА** ложкарь (тот, кто изготавливает ложки, ложечный мастер); **ЧУДУДУЦИ // ЧУДНИ ДУЦИАН** пирожник, пирожница (тот, кто печет пироги).

В заключение следует отметить, что для создания обобщающего труда по истории даргинской лексики, должны быть изучены все пласты узкоспециальной лексики, а также тематические объединения, входящие в их состав. Ф.П. Филин, указывая пути создания общего курса истории русской лексики, отмечал важность изучения лексического состава тематических групп, ибо он раскрывает объективно существующие связи языка с действительностью [17. С. 225]. Лексический состав

тематических групп пополнит не только создаваемый «Даргинско-русский словарь промысловой лексики», но и корпусы других словарей даргинского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 264 с.
2. Чамсаева Б.Т. Лексика традиционных промыслов даргинского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 1998. 16 с.
3. Курбанова М.М. Лингвистическая терминология даргинского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2008. 24 с.
4. Магомедова Н.М. Общественно-политическая терминология даргинского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2011. 24 с.
5. Магометов А.А. Терминология кубачинских златокузнецов // ЕИКЯ, т. II. Тбилиси, 1974. – С. 233-242.
6. Чамсаева Б.Т. Термины обувного производства у даргинцев // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1990-1991 гг. Махачкала, 1992. – С. 170.
7. Юсупов Х.А. К вопросу формирования терминологической системы даргинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 2. С. 197-200.
8. Темирбулатова С.М. Библиография по даргинскому языку. Махачкала: Издательство ИП «Султанбегова Х. С.», 2011. – 163 с.
9. Темирбулатова С.М. Отраслевая лексика даргинского языка. Монография. Махачкала, 2008. – 464 с.
10. Юсупов Х.А. Даргинско-русский словарь. М.: Издательство «Перо», 2017. – 1136 с.
11. Юсупов Х.А., Муталимов М.А. Харбуцкы: история и культура. Махачкала: Издательско-полиграфическое объединение «Юпитер», 1997. – 592 с.
12. Хлыбова М.А. К вопросу о принципах составления двуязычного терминологического словаря // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4(21). С. 214-216.
13. Гринев-Гриневиц С.В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь. Учебное пособие. Изд. 3-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.
14. Ступин Л.П. Лексикография английского языка. М.: Высшая школа, 1985. – 168 с.
15. Юсупов Х.А. Словарная статья: структура и способы оформления. // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – Махачкала, 2012. № 1. С. 42-46.
16. Сложеникина Ю.В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 120 с.
17. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания: Избр. тр.: к 100-летию со дня рождения. М., 2008. – С. 221-234.

Статья поступила в редакцию 11.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 37.04

ПОДГОТОВКА БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА К РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

© 2018

Ахметжанова Галина Васильевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры «Педагогика и методики преподавания»

Степанько Андрей Алексеевич, студент магистратуры кафедры «Педагогика и методики преподавания»

*Тольяттинский государственный университет
(445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 14, e-mail: pimp@tltsu.ru)*

Аннотация. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование указывает, что в результате освоения программы у выпускника должны быть сформированы общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции, однако не выделены моменты для успешной работы в инклюзивном образовательном учреждении. В статье рассматривается мотивационный аспект подготовки будущего педагога к работе в условиях инклюзивного образования. Отмечается, что идея инклюзии должна стать неотъемлемой частью профессионального мышления педагога, что невозможно без формирования стойкой мотивации к работе в условиях инклюзии. Авторы указывают ученых, которые занимались проблемой формирования мотивационной компетентности, приводит результаты опроса студентов на предмет желания работать в условиях инклюзивного образовательного учреждения. Определены показатели основных мотивов будущего педагога к работе и разработана структура мотивационной компетентности в системе инклюзивного образования. Описан каждый компонент мотивационной компетентности, каждый из которых по своей сути соотносится с компетенциями, представленными в федеральном государственном образовательном стандарте. Обращено внимание на мотивацию к достижению успеха, так как это позволяет педагогу раскрыть свой творческий потенциал и проектировать индивидуальную траекторию саморазвития.

Ключевые слова: мотивационная компетентность, инклюзивное образование, мотивы, компетентностный подход, самооценка, саморазвитие, достижение успеха, общественная полезность, профессиональное образование, субъект-объектные отношения.

TRAINING OF A FUTURE TEACHER FOR WORK UNDER THE CONDITIONS OF INCLUSIVE EDUCATION: MOTIVATIONAL ASPECT

© 2018

Akhmetzhanova Galina Vasilievna, doctor of pedagogical sciences, professor of the department "Pedagogy and Teaching Methods"

Stepanko Andrei Alekseevich, master's student of the department "Pedagogy and Teaching Methods"

*Togliatti State University
(445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya str., 14, e-mail: pimp@tltsu.ru)*

Abstract. The federal state educational standard of higher education for the course of study 44.03.02 Psychological and Pedagogical education indicates that upon the curriculum completion the graduate must have formed cultural, general professional and professional competencies, however, there are no highlights for successful work at an inclusive educational institution. This article deals with the motivational aspect of training a future teacher for work under the conditions of inclusive education. It is noted that the idea of inclusion should become an integral part of a teacher's professional thinking, which is impossible without the formation of strong motivation to work under the conditions of inclusion. The authors mention scientists who dealt with the issue of the formation of motivational competence, present the results of students' interviews on the issue of their willingness to work at an inclusive educational institution. Indicators of the main motives of a future teacher for work have been determined and the structure of the motivational competency in the system of inclusive education has been developed. Each component of the motivational competency has been described, each of them correlating with the competencies presented in the federal state educational standard. Attention has been brought to motivation for achieving success, as that allows a teacher to unlock their creative potential and to design an individual path of self-development.

Keywords: motivational competency, inclusive education, motives, competence approach, self-assessment, self-development, achievement of success, social utility, professional education, subject-object relations.

В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование (уровень бакалавриата) указано, что в результате освоения программы у выпускника должны быть сформированы общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции [1]. Однако, для успешной работы в инклюзивном образовательном учреждении педагогу нужны не только компетенции, но и осознанное неподдельное желание работать с «особыми» детьми.

Практика показывает, что выпускники педагогических вузов, как правило, обладают профессиональной и методической готовностью к педагогической деятельности в инклюзивном образовательном учреждении: владеют разнообразными методами и технологиями, знают основы специальной психологии и педагогики, индивидуальные отличия детей и др. Однако, освоение знаний по инклюзии не способствует решению психологических проблем педагога, не снимает напряжение, возникающее при наличии в классе учащегося с особыми образовательными потребностями. Как следствие, из

общего числа выпускников педагогических вузов лишь немногие изъявляют желание работать в условиях инклюзивного образовательного учреждения. Так, опросы, проведенные нами в 2016-2017 гг. среди студентов 3-4 курсов Тольяттинского государственного университета, показали, что 54 из 60 респондентов (90%) хотят работать в системе образования. В то же время, лишь 17 человек (28,3%) продемонстрировали желание работать в инклюзивном образовательном учреждении.

Для того, чтобы идея инклюзии действительно «заработала», необходимо, чтобы она стала неотъемлемой частью профессионального мышления педагога. Следовательно, важнейшим компонентом подготовки будущего педагога к профессиональной деятельности в инклюзивном классе (школе) должно стать формирование стойкой мотивации к работе в условиях инклюзии. При этом мотивацию (уровень «желание», «стремление») следует внести в компетентностную структуру подготовки будущего педагога, разработать и внедрить мотивационную компетентность (уровень «способность»), трактуемую как способность личности выполнять определенные профессиональные действия на основе сово-

купности ценностей, потребностей, мотивов, адекватных целям и задачам инклюзивного образования.

Проблеме формирования мотивационной компетенции уделяли внимание многие ученые: так, по мнению Л. М. Спенсера-мл. и С.М. Спенсера, «мотивационная компетенция имеет в свое основе мотив, прогнозирует навык поведенческих действий, который, в свою очередь, прогнозирует результат выполнения работы» [2]. В. В. Полукаров рассматривает мотивационную компетенцию в системе ключевых компетенций [3]. Е.В. Сорокина указывает на то, что мотивационная компетенция помогает понять сущность, цель и значимость своей будущей профессии [4]. Е. В. Богданова определяет мотивационную компетенцию как способность мотивировать себя на выполнение определенных профессиональных действий [5].

В ходе проведенного нами исследования выяснилось, что студенты, связывающие свою будущую профессиональную деятельность с инклюзивным образованием, наибольшую потребность испытывают в саморазвитии (хотят достичь высокого уровня профессионального мастерства и личностного развития) и самореализации (считают, что именно в системе инклюзивного образования наиболее полно проявятся их профессиональные способности). Говоря о своей потребности в достижении и признании успешности профессиональной деятельности, студенты связывают эту потребность с адекватной самооценкой себя как профессионала. Возможность полноценного общения в школьном сообществе (а также в обществе в целом), объединяющем в себе очень разных по уровню и специфике развития людей, также является потребностью студентов. Однако не менее важна и потребность в психологической защищенности, указывающая, что будущие педагоги имеют реалистичный взгляд на повышенную сложность инклюзивного образования, не романтизируют его.

На основании вышесказанного нами определены показатели основных мотивов будущего педагога к работе в системе инклюзивного образования (таблица 1).

Таблица 1 - Основные потребности и мотивы будущего педагога к работе в системе инклюзивного образования

Потребность	Мотив	Показатель выраженности мотива
Рост профессионального мастерства, общекультурное развитие	Саморазвитие	Интерес к преподаваемой дисциплине и вопросам образования в целом
Работа, позволяющая проявлять свои возможности. Возможность реализовать свои идеи	Самореализация	Отношение к профессии как ценности; понимание и переживание ее значимости как для общества, так и для собственного развития
Ощущение успеха, достижения, признание, одобрение	Самооценка	Нацеленность на достижение личного успеха и успехов воспитанников в учении, творчестве. Умение в способности успешно решать поставленные задачи. Уверенность в собственных силах. Позитивное восприятие себя в профессии.
Возможность полноценного общения. Информированность	Включенность в коллектив	Способность к активному освоению действий в соответствии с должностными обязанностями, этикой педагогического общения
Минимизация стрессов и психических напряжений	Защищенность	Стрессоустойчивость, регуляция переживаний, связанных с эффективным разрешением проблемных ситуаций инклюзивного образования

Были выявлены мотивы и определены показатели их выраженности, спроектирована структура мотивационной компетенции будущего педагога для работы в инклюзивном образовательном учреждении (таблица 2).

Заметим, что мотивационная компетенция в перечне компетенций, приведенных в ФГОС, отсутствует. Однако перечисляется ряд других компетенций, которые имеют непосредственное отношение к названным выше критериям мотивационной компетенции.

Критерий «*Мотив саморазвития*» в нашем исследовании соотносится с компетенцией ОК-7, которая предполагает способность будущего педагога к самоорганизации и самообразованию. Студент со сформированной указанной компетенцией знает разнообразные способы профессионального и личностного самосовершенствования, владеет определенными навыками самообразования.

Таблица 2 - Структура мотивационной компетенции будущего педагога для работы в инклюзивном образовательном учреждении

Компоненты	Критерии	Показатели	Компетенции
Профессионально-личностный	Мотив саморазвития	Стремление к познанию специфики инклюзивного образования, психофизических особенностей развития детей с ОВЗ. Стремление к изучению способов самопознания, саморазвития. Представление об образе «идеального педагога»	Способность к самоорганизации и самообразованию (ОК-7)
	Мотив самооценки	Умение оценить свои возможности в сфере инклюзивного образования. Умение проводить рефлексию. Представление и стремление к образу идеального «Я»	Способность к рефлексии способов и результатов своих профессиональных действий (ПК-25)
Профессионально-деятельностный	Мотив достижения успеха	Стремление к достижению успеха в организации совместного обучения детей с нормальными и нарушенными развитием, к преодолению трудностей в работе с учащимися с ОВЗ	Готовность создавать условия, облегчающие адаптацию детей к учебному процессу на начальном этапе обучения в образовательной организации (ПК-10)
	Мотив общественной полезности	Понимание высокого предназначения профессии педагога в целом и профессии педагога инклюзивного образования в частности. Стремление быть полезным обществу и каждому учащемуся	Способность понимать высокую социальную значимость профессии, ответственно и качественно выполнять профессиональные задачи, соблюдая принципы профессиональной этики (ОПК-8)
Ковыживаемый	Мотив субъект-субъектных отношений	Общительность, умение принять других. Толерантное отношение к детям с ОВЗ	Способность работать в коллективе, толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия (ОК-6)
	Мотив защищенности	Освоение способов самоконтроля и самокоррекции. Регуляция поведения во взаимоотношениях с участниками инклюзивного образовательного процесса. Способность эмпатического понимания ребенка с ОВЗ.	Способность контролировать стабильность своего эмоционального состояния во взаимодействии с детьми, имеющими ОВЗ, и их родителями (ПК-36)

В основе саморазвития лежат самообразование и самоорганизация [6-10]. В совокупности с обучением они решают задачу достижения максимально возможных результатов подготовки будущего педагога к профессиональной деятельности в инклюзивном образовательном учреждении.

Важно, чтобы будущий педагог инклюзивного образования ощущал потребность в саморазвитии и стремился удовлетворить эту потребность посредством самообразования, достижением положительных результатов в учебной, а впоследствии и в профессиональной, деятельности, понимал смысл личностного роста.

Мотив самооценки также рассматривается нами как неотъемлемый компонент мотивационной компетенции и соотносится нами с компетенцией ПК-25 - способность к рефлексии способов и результатов своих профессиональных действий.

Основа профессионального и личностного саморазвития – адекватная самооценка будущими педагогами результатов собственной деятельности. Такая самооценка становится стимулом к саморазвитию, способствует формированию навыков самостоятельной корректировки своей деятельности.

Формирование у будущего педагога адекватной профессиональной самооценки можно рассматривать также и как одно из психологических условий, способствующих интенсификации образовательного процесса в вузе.

Еще один компонент в структуре мотивационной компетенции – *мотив достижения успеха*. Успех профессиональной деятельности педагога инклюзивного образования определяется не только тем, какие учебные успехи демонстрируют школьники, но, прежде всего, насколько нетравматично проходит адаптация детей с отклонением в развитии и детей без отклонений к образовательному процессу. Исходя из этого, мотив достижения успеха мы соотносим с компетентностью ПК-10 «Готовность создавать условия, облегчающие адаптацию детей к учебному процессу на начальном этапе обучения в образовательной организации».

Важность стремления педагога к успеху и умение достигать его обосновывается известной мыслью: успешную личность может воспитать только успешный педагог. Успешность же самого педагога во многом опреде-

ляется типом его мотивации [11].

Так, мотивация достижения успеха построена на стремлении педагога раскрыть свой творческий потенциал, осуществлять тщательную рефлексию достигнутых результатов, выявлять причины и неудачи в своей работе (и предотвратить возникновение новых), проектировать индивидуальную траекторию саморазвития. Педагог с доминирующей мотивацией достижения успеха – это, как правило, педагог творческий, открытый всему новому, прогрессивному, добывающий многого в профессиональной деятельности.

Мотив общественной полезности также немаловажен в структуре мотивационной компетенции. Этот мотив неразрывно связан с компетенцией ОПК-8 «Способность понимать высокую социальную значимость профессии, ответственно и качественно выполнять профессиональные задачи, соблюдая принципы профессиональной этики».

Можно провести параллель между мотивом общественной полезности, выявленным нами в качестве одного из приоритетных для будущих педагогов, и понятием социальной ответственности учителя. Зачастую страх перед инклюзивным образованием сводится к простому нежеланию брать на себя ответственность за результат инклюзивного образования, который, в силу специфики развития детей с ОВЗ, не всегда может быть гарантирован.

Мотив субъект-субъектных отношений также включен в структуру мотивационной компетенции. По своей сути он соотносится с компетенцией ОК-6 «Способность работать в коллективе, толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия».

Как показал опрос, проведенный нами среди студентов, обучающихся на бакалавриате по направлению «Психолого-педагогическое образование», одним из приоритетных мотивов их профессионального выбора послужило стремление выстраивать конструктивное взаимодействие со своими будущими учениками. Однако уже при прохождении практики многим пришлось столкнуться с рядом затруднений.

Будущему педагогу предстоит выстраивать межличностное взаимодействие не только с учениками, но и с их родителями, членами педагогического коллектива, представителями администрации. При этом от педагога требуется способность организовать учебно-воспитательный процесс таким образом, чтобы во взаимоотношениях «обычных» учеников и детей, имеющих особые образовательные потребности, не возникало трудностей, чтобы эти отношения строились на взаимном доверии и уважении. Главным ориентиром в работе педагогов с детьми в условиях инклюзивного образования должны стать отношения, при которых и каждый ученик, и сам учитель, реализовали свои внутренние цели и потребности.

Успешное формирование способности будущего педагога к проектированию и реализации таких отношений возможно в условиях эффективного межличностного взаимодействия субъектов образовательного процесса в вузе (преподавателей и студентов, студентов между собой).

Одной из острых проблем современного образования в целом и инклюзивного образования в частности является проблема сохранения психического здоровья педагога. Принято считать, что психологические трудности в школе могут быть только у ученика. Инклюзия показывает: немало психологических проблем есть у самого учителя. Напряженность в условиях инклюзии может достигать своей крайней точки – стресса. Она превращается в деструктивный фактор из-за снижения психических функций педагога и, как следствие, препятствует достижению ожидаемых позитивных социальных эффектов [12-15].

В связи с этим в структуру мотивационной компетенции

включен нами мотив *защищенности*, который по своему содержанию может быть соотнесен с компетенцией ПК-36 «Способность контролировать стабильность своего эмоционального состояния во взаимодействии с детьми, имеющими ОВЗ и их родителями».

Для педагога, осуществляющего профессиональную деятельность в условиях инклюзивного образования, важно уметь противостоять факторам напряженности [16]. Сформированная эмоциональная устойчивость педагога, его эмоциональная зрелость и уравновешенность способствуют качественному, уверенному выполнению профессиональной деятельности даже в эмоционально сложных условиях.

В ходе эксперимента были разработаны формы работы по формированию всех компонентов мотивационной компетенции.

Таким образом, компетентность подразумевает наличие необходимых педагогу знаний, умений и навыков для осуществления конкретной профессиональной деятельности, то мотивационная компетенция может быть рассмотрена как стремление эти знания, умения и навыки применять в работе максимально эффективно и должна стать частью профессионального мышления педагога.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что мотивационная компетенция служит связующим звеном в процессе развития будущего педагога инклюзивного образования. Мотивы, потребности, цели определяют уровень заинтересованности человека в приобретении профессиональных компетенций, а также мотивацию достижения, ресурс успеха, стремление к качеству своей работы, способность к самомотивированию и уверенность в себе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр») [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://fgosvo.ru/440302>.
2. Спенсер-мл. Л.М., Спенсер С.М.. Компетенции на работе. Пер. с англ. М: НРРО, 2005. 384 с.
3. Полукаров В.В., Долженко О. В. Формирование и оценка мотивационной компетенции будущих журналистов при обучении в вузе // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 3. С.38-42.
4. Сорокина Е.В, Останина М.В., Чеканин И.М., Лаптева Е.А., Калинин Е.И. Формирование общих и профессиональных компетенций в процессе преподавания генетики человека с основами медицинской генетики в медицинском колледже // Педагогические науки. 2016. №2. С.307-310.
5. Богданова Е.В. Структура инклюзивной компетентности студентов в информационно-образовательной среде вуза [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. 2016. № 3. – Режим доступа: <http://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/239>
6. Эстерле А.Е. Соотношение готовности к профессиональному саморазвитию и реальной вовлеченности в профессиональное саморазвитие у педагогов-психологов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 441-445.
7. Аббасова К.Я. Проблемы личностного саморазвития в современном образовании // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 2. № 6 (28). С. 71-74.
8. Ефремкина И.Н. Психолого-педагогические условия формирования готовности к самообразованию студентов вуза // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 50-54.
9. Чиркова В.М. Развитие творческого потенциала студентов, изучающих русский язык как иностранный // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 95-98.
10. Лапина О.А., Никитина Е.А. К вопросу о профес-

сиональном самоопределении и мобильности педагога в маргинальных ситуациях // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 82-83.

11. Кулмышева Г.К. Мотивационная сфера педагога как фактор успеха педагогической деятельности [Электронный ресурс] // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 12. С. 200-204; – Режим доступа: <https://www.expeducation.ru/ru/article/view?id=9041>.

12. Алехина С. Золотое сечение: психологическая канва инклюзии // Инклюзивное образование. Москва: «Классное руководство и воспитание школьников», 2015. С.11-17.

13. Джаппуева Т.И., Тимошенко Т.В. Исследование уровня эмоционального выгорания педагогов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 215-217.

14. Голиков Н.А. Эмоциональная компетентность педагога как фактор успешной профессиональной деятельности в условиях инклюзивного образования // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. №9. С.35-37.

15. Влах Н.И. Феноменология выгорания с субдепрессивными расстройствами у учителей и педагогов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 293-296.

16. Синенко Т.Н. Учебная ситуация как средство формирования способности будущего педагога к межличностному взаимодействию в профессиональной деятельности: автореф. дис. ... кандидата пед. наук: 13.00.08. Волгоград, 2015. 32 с.

Статья поступила в редакцию 26.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 378

АЛЛОФОНИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ НЕМЕЦКОГО КОНСОНАНТИЗМА И ВОПРОСЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ФОНЕТИКЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

© 2018

Гордеева Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Романо-германская филология»

Башкова Лилия Рафиковна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Романо-германская филология»

Хомяков Евгений Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент
кафедры «Романо-германская филология»

Пензенский государственный университет

(440026, Россия, Пенза, ул. Красная, 40), e-mail: homiakov555@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается аллофоническое варьирование немецкого консонантизма и устанавливаются закономерности его проявления в процессе восприятия звучащей речи. Рассмотрение психофизиологических коррелятов речи, их оценка и использование в прикладных целях даёт возможность отработки произношения в различных коммуникативных ситуациях. Приводятся результаты экспериментально-фонетического исследования и выявляются основные тенденции в восприятии изучаемого языкового явления. В целях решения задачи определения слуховых коррелятов стыковых участков в звучащей речи проводился аудитивный анализ аллофонического варьирования немецкого консонантизма. Результаты описанного в статье перцептивного анализа выявили основные тенденции в восприятии артикулярно-слуховых признаков двух категорий согласных – сонантов и аффрикат, что, в свою очередь, позволило установить фонологически релевантные и фонологически не релевантные артикулярно-слуховые признаки стыковых звуков, а также проанализировать слуховую выраженность пограничных аллофонов и ее зависимость от типа стыка, позиции на стыке анализируемого сегмента и наличия определенного типа границ между лексическими единицами. Анализируется развитие навыков правильной репрезентации и идентификации аллофонических признаков в динамике речи, что, в свою очередь, способствует выработке у обучающихся естественной произносительной нормы немецкого языка. На основании анализа полученных результатов формулируются конкретные практические рекомендации по коррективке обучения фонетике немецкого языка. Практическое значение статьи заключается в том, что выполнение обучающимися конкретных приведенных заданий, включенных в спецкурс по обучению фонетике немецкого языка на начальном этапе обучения и постановки иноязычного произношения позволяет отработать произношение в различных коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова: фонетика, произносительная норма, немецкий консонантизм, аллофоническое варьирование, сегментация потока речи, фонема, акустические характеристики звуков, слуховая интерпретация, аллофонические признаки, произносительная норма немецкого языка.

ALLOPHONIC VARIATION OF GERMAN CONSONANTISM AND ISSUES OF INTENSIFIED TEACHING OF GERMAN PHONETICS

© 2018

Gordeeva Tatyana Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department
of Germanic and Romance Languages

Bashkova Liliya Rafikovna, PhD in Philology, associate professor, associate professor
of the department of Germanic and Romance Languages

Khomiakov Yevgeny Alekseevich, PhD in Philology, associate professor, associate professor
of the department of Germanic and Romance Languages

Penza State University

(440026, Russia, Penza, 40 Krasnaya street, e-mail: homiakov555@yandex.ru)

Abstract. The paper deals with the allophonic variation of German consonantism and establishes the regularity of its display in the oral speech perceptual process. Consideration of psychophysiological speech correlate, their evaluation and use for applied purpose give the opportunity to practise pronunciation in different communicative situations. We present the results of experimental phonetic research and elicit basic tendencies in perceiving the language phenomenon studied. We analyse the development of right representation and identification of allophonic signs in speech action that in turn promote the development of natural German phonetic law among students. Based on the analysis of the results we form concrete practical guidelines on the correction of teaching German phonetics. In order to solve the problem of determining the auditory correlates of the joint zones in sounding speech, an auditory analysis of the allophonic variation of German consonantism was conducted. The results of the perceptual analysis described in the article revealed the main tendencies in the perception of the articular-auditory features of two categories of consonants - sonants and affricates, which allowed to establish phonologically relevant and phonologically irrelevant articular-auditory features of words joints sounds, and also to analyze the auditory intensity of the words border allophones and its dependence on the type of joint, the position of the analyzed segment at the junction and the presence of a certain type of boundaries between lexical units. The development of the skills of correct representation and identification of allophonic features in the speech dynamics is analyzed, which, contributes to the development of the natural pronunciation of German in the students. Basing on the analysis of the results obtained, practical recommendations on correcting the teaching of German language phonetics are formulated. The practical significance of the article is the completing by the trainees of given tasks included in the special course on teaching German phonetics at the initial stage of teaching and achieving foreign pronunciation, which allows you to work out pronunciation in various communicative situations.

Keywords: phonetics, phonetic law, German consonantism, allophonic variation, talkspurt segmentation, phoneme, acoustic properties of speech sounds, auditory interpretation, allophonic signs, German phonetic law.

Теория и практика обучения иностранному языку, общелингвистические и народнохозяйственные задачи поставили во всей важности и сложности проблему распознавания речи. Камнем преткновения на пути успешного решения этой проблемы является вопрос сегментации или членения потока речи, то есть установление

закономерностей перераспределения, преобразования информации непрерывно меняющегося речевого потока в дискретные лингвистические элементы – фонемы [1]. Основой современных речевых исследований является рассмотрение устной речи как одного из видов функционально-двигательного комплекса с включением

когнитивной составляющей. Особое внимание уделяется психофизиологическим коррелятам речи, их оценке и использованию в прикладных целях [2].

Известно, что в потоке речи имеет место явление коартикуляции, то есть звуковой редукции или приспособления артикуляции одного звука к артикуляции другого рядом стоящего звука. Поэтому при работе над немецким произношением следует учитывать то обстоятельство, что в речи при изменении основных акустических характеристик звуков изменяются и их фонетические признаки.

В целях решения задачи определения слуховых коррелятов стыковых участков в звучащей речи проводился аудитивный анализ аллофонического варьирования немецкого консонантизма. Данный эксперимент проводился с участием двух групп auditors. В первую группу вошли носители немецкого языка – студенты Берлинского университета. С целью выявления различий в слуховой интерпретации исследуемых явлений была привлечена вторая группа испытуемых, не являющихся носителями немецкого языка. Как показали ранее проводимые исследования, слуховое восприятие звуков речи зависит от языкового опыта воспринимающего, а языковая система является определяющим фактором в процессе восприятия звучащей речи [3, 4].

На начальном этапе нашего исследования для прослушивания аудиторам предъявлялись квазистационарные звуковые участки и предлагалось опознать анализируемые звуки, находящиеся в пред- и застыковой позиции в экспериментальных текстах. Далее к анализируемым квазистационарным участкам добавлялся переход и также проводилась их идентификация.

На следующем этапе экспериментально-фонетического исследования изучались следующие артикуляторно-слуховые признаки стыковых сегментов: длительность, наличие голоса, напряженность, наличие шума, признак места образования, а также проводился перцептивный анализ этих признаков в зависимости от типа и компонентов стыка.

Рассмотрение результатов слухового анализа осуществлялось в три этапа.

На первом этапе выявлялась возможность идентификации фонемной принадлежности стыковых согласных, занимающих пред- и застыковую позиции в различных типах стыка с опорой на квазистационарный участок и с добавлением переходных участков.

На втором этапе устанавливались тенденции в восприятии артикуляторно-слуховых признаков анализируемых согласных.

На третьем этапе исследовалась слуховая идентификация звукового сегмента-стимула с точки зрения ее зависимости от изменения типа стыка и от позиции в стыке.

Результаты перцептивного анализа выявили основные тенденции в восприятии артикуляторно-слуховых признаков двух категорий согласных – сонантов и аффрикат, позволили установить фонологически релевантные и фонологически не релевантные артикуляторно-слуховые признаки стыковых звуков, а также проанализировать слуховую выраженность пограничных аллофонов и ее зависимость от типа стыка, позиции на стыке анализируемого сегмента и наличия определенного типа границ между лексическими единицами.

Звуковые стимулы вычленялись в звучащих текстах (на анализируемых участках лексико-морфологических единиц) и записывались попарно для последующего их предъявления аудиторам. Минимальные пары составлялись с учетом следующих условий:

- 1) наличия сходного фонетического окружения;
- 2) позиции каждого анализируемого звукового стимула во фразе;
- 3) наличия одинакового количества слогов в слове.

Таким образом, было составлено и проанализировано 136 минимальных пар типа: erleben – ihr Lehben; er-

zählen – mit der Zahl и т.п.

В ходе проведения перцептивного вида анализа аудиторами была продемонстрирована возможность идентификации фонемной принадлежности анализируемых стыковых аллофонов в качестве I и II компонентов стыка с опорой как на квазистационарный участок, так и с добавлением перехода.

Результаты аудитивного вида анализа показали наличие фактора категориальности восприятия немецкого консонантизма. Это выражалось в том, что в обеих группах испытуемых регулярно отмечались замены одной категории звуков на другие. Также было установлено, что эти замены имели различный характер в зависимости от принадлежности испытуемых к той или иной фонологической базе языка [5].

Так, например, аудиторы-немцы более точно идентифицировали аффрикаты, а при идентификации сонантов у них возникали определенные трудности. У аудиторов-русских наблюдалась обратная картина. Этот факт подтвердил наличие языковой категориальности на уровне слуховой перцепции.

В ходе проведения анализа было установлено, что предъявленные аффрикаты показали высокую степень опознаваемости по своим собственным характеристикам. При идентификации бокового с опорой на его квазистационарную часть и средней длительности стимула в 20-100 мс ни один из предъявленных аудиторам стимулов не был идентифицирован в качестве бокового. Аудиторы характеризовали их как «треск», «щелчок» или приступ гласного. В некоторых случаях испытуемые называли другие звуковые категории.

Полученные данные позволили сделать вывод о том, что основная информация о принадлежности стимула к фонетической категории сонантов на анализируемых стыковых участках заключена не на квазистационарном участке, длительность которого, в силу специфики экспериментального материала – звучащих текстов – достаточно мала, а на участке, включающим также и переход.

Причина значительного усложнения опознаваемости бокового при наличии только его квазистационарного участка объясняется фактом увеличения на стыковых участках анализируемых лексических единиц компрессии такой физической характеристики звуков, как длительность, что приводит к интенсификации степени коартикуляции в звучащем тексте.

Полученные результаты согласуются с данными, имеющимися в литературе. Известно, что правильное опознание целого ряда согласных по их собственным характеристикам без соседнего гласного невозможно. Это объясняется в первую очередь их малой длительностью. Если принять, что постоянная времени человеческого слуха 50 мс, то, следовательно, звуки с меньшей длительностью не могут быть адекватно опознаны [6, 7, 8].

Результаты данного вида анализа позволяют дать конкретные практические рекомендации по корректировке обучения фонетике немецкого языка, которые в значительной степени способствуют повышению интенсификации обучения иностранному языку в вузе. Так, например, в комплекс фонетических упражнений вводятся данные об аллофоническом варьировании сонантов и аффрикат (например, соотношения длительности и напряженности на различных лексико-морфологических границах), которые направлены на развитие навыков правильной репрезентации и идентификации аллофонических признаков в динамике речи, что в немалой степени способствует выработке у обучающихся естественной произносительной нормы немецкого языка.

Кафедра романо-германской филологии Пензенского государственного университета имеет богатый и обширную практику преподавания фонетики студентам лингвистических специальностей. На кафедре разработаны и успешно применяются в обучении спецкурсы «Интернет как средство обучения иностранному языку». Функциональной базой для использования данно-

го спецкурса является Мультимедийно-лингфонный класс Rinel-Lingo с программным обеспечением «Норд-2008» на основе web-сайтов, электронной почты и сети Интернет с видеотехнологическими основами действия [9]. Как показывает опыт преподавания иностранных языков [10-15], использование в обучении различных компьютерных - и Интернет-технологий в немалой степени способствует повышению эффективности учебного процесса.

Мультимедийный лингфонный класс «Норд» представляет собой лингфонную лабораторию нового поколения, которая открывает неограниченные возможности для обучения иностранному языку, особенно для современных студентов, желающих работать творчески. Он обеспечивает индивидуальную работу преподавателя со студентом в режиме «Диалог», самостоятельную работу студентов (индивидуальное прослушивание, просмотр обучающих программ любых форматов, свободный и неограниченный выход в Интернет), подключение дополнительных видеисточников (документ камера, web-камера, спутниковое ТВ и др.).

Компьютерные технологии в обучении иностранному языку, особенно студентов языковых специальностей – это мощный инструмент с неограниченными возможностями индивидуальной и самостоятельной работы, а также доставки, хранения и обработки всех видов информации (текста, звука, графики), наличием программного обеспечения для демонстрации материала, тренировки и самоконтроля.

Вот некоторые из упражнений фонетического комплекса, разработанного на кафедре для самостоятельной работы студентов:

1. Отработка длительности и напряженности сонантов на границах синтагм и фраз перед паузой по сравнению с реализацией сонантов на границе морфем в начальной позиции в составе лексического слова.

Задание. Произнесите сонант на границе синтагм или фраз перед паузой с большей длительностью и с большей напряженностью, чем на границе морфем в составе лексического слова при соотношении 2:1.

2. Отработка длительности и напряженности сонантов на границах синтагм и фраз после паузы по сравнению с реализацией сонантов на границе морфем в конечной позиции в составе лексического слова.

Задание. Произнесите сонант на границе синтагм или фраз после паузы с меньшей длительностью и с меньшей напряженностью, чем на границе морфем в составе лексического слова при соотношении 1:2.

3. Отработка длительности и напряженности сонантов на границе синтагм или фраз перед паузой по сравнению с реализацией сонантов на границе лексем в начальной позиции в составе фонетического слова.

Задание. Произнесите сонант на границе синтагм или фраз перед паузой с большей длительностью и с большей напряженностью, чем на границе лексем в составе фонетического слова при соотношении 2:1.

4. Отработка длительности и напряженности сонантов на границах синтагм и фраз после паузы по сравнению с реализацией сонантов на границе лексем в конечной позиции в составе фонетического слова.

Задание. Произнесите сонант на границе синтагм или фраз после паузы с меньшей длительностью и с меньшей напряженностью, чем на границе лексем при соотношении 1:2.

5. Отработка длительности и напряженности аффрикат на границах синтагм и фраз после паузы по сравнению с реализацией аффрикат на границе лексем в конечной позиции в составе фонетического слова.

Задание. Произнесите аффрикату на границе синтагм или фраз после паузы с большей длительностью и с большей напряженностью, чем на границе лексем при соотношении 1,5:1.

Таким образом, в ходе выполнения приведенных заданий, включенных в спецкурс по обучению фоне-

тике немецкого языка на начальном этапе обучения и постановки иноязычного произношения, присутствует обеспечение наглядности предоставления учебного материала, возможность отработки произношения в различных коммуникативных ситуациях. Подобные виды работ способствуют решению задач реализации социокультурной и коммуникативной функции при изучении иностранного языка, развития творческих способностей, формирования основ учебного взаимодействия преподавателя и студентов, а также повышения мотивации в учебном процессе, обеспечения наглядности предоставления учебного материала, что непосредственным образом сказывается на повышении самооценки и самоконтроля обучающихся.

Практическое применение разработанного комплекса упражнений рекомендовано не только студентам лингвистических специальностей, но и широкому кругу лиц, совершенствующих свой уровень владения иностранным языком в целях успешного осуществления профессионального общения и межкультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. – 4-е изд., доп. – М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2015. – 600 с.

2. Потапова Р.К., Потапов В.В., Лебедева Н.Н., Агибалова Т.В. Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 352 с.

3. Потапова Р.К., Линднер Г. Особенности немецкого произношения. – М.: Высшая шк., 1991. – 192 с.

4. Гордеева Т.А. Система просодических пограничных сигналов в литературном немецком языке Германии, Австрии, Швейцарии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – С. 89–98.

5. Гордеева Т.А. Фонологическо-фонетические особенности немецкого звукового строя // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 94–101.

6. Потапова Р.К., Потапов В.В. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 463 с.

7. Поспелов Б.В. Гласные звуки в инструментальных и слуховых измерениях. – М.: УРСС, 2002. – 211 с.

8. Гордеева Т.А., Таньков Н.Н., Тишулин П.Б., Дурина О.А. Segmentale Spezifik im Gegenwärtigen Standarddeutsch in Deutschland, Österreich und der Schweiz // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2013. – № 2 (6). – С. 192–197.

9. Гордеева Т.А., Тишулин П.Б., Таньков Н.Н., Кукина Н.М., Луценко Р.С. Интернет как средство обучения иностранному языку: Учебно-методическое пособие к спецкурсу. – Пенза: ПГУ, 2010. – 75 с.

10. Смирнова Е.В. Аспекты личностно-ориентированного обучения при использовании средств икт в образовательном процессе по иностранному языку // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 33–37.

11. Сидакова Н.В. Использование профессионально-ориентированных аутентичных материалов в обучении иностранному языку студентов технических специальностей // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 154–157.

12. Куликова И.В. Интерактивные методы при обучении студентов технического вуза иностранному языку // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2013. № 7 (11). С. 112–116.

13. Смирнова Е.В. Индивидуально-психологический аспект в преподавании иностранного языка при использовании электронных средств учебного назначения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 408–411.

14. Амитрова М.В., Гусарова Ю.В., Нелобина Е.А.,

Садчикова Я.В. Оптимизация процесса обучения иностранному языку за счет использования облачных технологий // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 3. № 6 (28). С. 54-58.

15. Куликова И.В. Развитие речемыслительных способностей студентов при работе с учебным гипертекстом на иностранном языке // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 4. С. 74-77.

Статья поступила в редакцию 19.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 378

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ КАК УСЛОВИЕ
ИХ АДАПТАЦИИ К ИЗМЕНЯЮЩИМСЯ УСЛОВИЯМ РЫНКА ТРУДА

© 2018

Бекоева Марина Ивановна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики и психологии*Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
(362025, Россия, Владикавказ, улица Ватутина, 46, e-mail: bekoevamarina@mail.ru)*

Аннотация. Сегодня к выпускнику образовательной организации высшего образования предъявляются более высокие требования: в качестве целей и задач подготовки выступают овладение общекультурными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями, деятельность, способность к ее вариативности, личностные свойства, определяющие не столько узкопрофессиональные качества специалиста, сколько уровень его общей и профессиональной культуры, интеллектуальное развитие и профессиональное мышление. И это обусловлено, прежде всего, требованиями рынка труда. Процесс формирования и развития профессиональной мобильности студентов – будущих специалистов в условиях высшего образования возможно только в том случае, если образовательная организация сама отвечает требованиям мобильности и предоставляет будущим специалистам возможность проявлять собственную инициативу и мобильность. В статье акцент делается на то, что мобильность в данной связи должна выступать одним из основных принципов современного высшего образования, основанного на классических позициях профессионально-предметной направленности, фундаментальности, научности, ответственности, коммуникабельности, способности руководить и подчиняться, регулярности, критичности, быстроты реакции, целостности мышления, гуманитарности. Профессиональная мобильность проявляется в совокупности профессиональных знаний, умений, мастерстве и навыков, конкретизированных в способности к реализации профессиональных компетенций в определенной профессиональной деятельности. Система современных требований рынка труда к профессиональным знаниям, умениям и навыкам определяется образовательным стандартом по направлению и профилю подготовки, гармонично интегрирующей требования к профессиональным компетенциям и уровнем квалификации специалиста. При этом важным аспектом формирования профессиональной мобильности студентов – будущих специалистов выступает образовательный аспект, позволяющий оптимизировать профессиональные знания, навыки и умения.

Ключевые слова: высшее образование, профессиональная мобильность, профессиональные компетенции, компетентность.

FORMATION OF PROFESSIONAL MOBILITY OF STUDENTS UNDER CONDITIONS
OF MODERN HIGHER EDUCATION

© 2018

Bekoeva Marina Ivanovna, candidate of pedagogical sciences,
associate professor of education and psychology*North Ossetian State University Named K.L. Khetagurov
(362025, Russia, Vladikavkaz, Vatutin Street, 46, e-mail: bekoevamarina@mail.ru)*

Abstract. Today, higher requirements are imposed on the graduate of an educational organization of higher education: the objectives and tasks of training are the mastery of general cultural, professional and professional competencies, activities, the ability to vary it, personal qualities that determine not so much the narrow professional qualities of a specialist as the level of his general and professional culture, intellectual development and professional thinking. And this is due, first of all, to the demands of the labor market. The process of formation and development of professional mobility of students - future specialists in the conditions of higher education is possible only if the educational organization itself meets the mobility requirements and provides future specialists the opportunity to show their own initiative and mobility. The article stresses that mobility in this regard should be one of the basic principles of modern higher education based on classical positions of a professional-object orientation, fundamental, scientific, responsible, communicative, able to lead and obey, regularity, criticality, reaction speed, integrity of thinking, humanitarianism. Professional mobility is manifested in the aggregate of professional knowledge, skills, skills and skills, specified in the ability to implement professional competencies in certain professional activities. The system of modern labor market requirements for professional knowledge, skills and skills is determined by the educational standard in the direction and profile of the training, harmoniously integrating the requirements for professional competencies and the skill level of the specialist. An important aspect of the formation of professional mobility of students - future specialists is the educational aspect, which allows to optimize professional knowledge, skills and abilities.

Keywords: higher education, professional mobility, professional competence, competence.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В последние десятилетия учеными все чаще делаются попытки выйти за рамки знаниевой парадигмы высшего образования. Однако, такие действия никак не координировались требованиями, предъявляемыми рынком труда к модели специалиста в условиях экономической нестабильности. Из этого следует, что необходимо пересмотреть профили подготовки специалистов всех профилей подготовки, включив в них положение о профессиональной мобильности. В период формирования и развития рыночных отношений, вхождения экономики России в международный рынок, реформирования большинства социально-значимых областей общество начинает выдвигать все более высокие требования к человеческим ресурсам, которые выступают основным капиталом экономики страны.

Анализ последних исследований и публикаций, в кото-

рых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Профессиональная мобильность некоторыми исследователями определяется как интегральное качество специалиста, характеризующее его способность быстро модифицировать свой статус или положение в общественной, культурной, социальной или профессиональной сфере (Т.И. Мясникова [1], О.Б. Самиева, А.Н. Сбитнева [2], Т.А. Фугелова [3]), социальную активность специалиста, зыскательность к себе, настойчивость, конкурентоспособность, профессиональную компетентность, проявление своего личностного потенциала, стремление к саморегуляции, самосовершенствованию, самообразованию и умение успешно преобразовывать собственную деятельность в соответствии с предъявляемыми новыми требованиями (М.И. Бекоева) [4].

Формирование целей статьи (постановка задания).

На первое место выдвигаются вопросы подготовки кадров высокого профессионализма, конкурентоспособных, но, что еще важнее, способных и готовых быстро и успешно адаптироваться к изменяющимся условиям рынка труда, выстраивать траекторию своего профессионального роста. Исходя из этого, идея статьи ориентирована на стратегию обучения в течение всей жизни, которая позволяет успешно решать проблемы конкурентоспособности, использовать новые образовательные технологии; создавать реальные условия для повышения социальной и профессиональной мобильности трудоспособных граждан с целью адекватного перераспределения трудовых ресурсов, улучшения социального единства, равноправных возможностей и качества жизнедеятельности. При этом актуализируется роль высшей школы, а внимание акцентируется на реализации мер, необходимых для обеспечения правовой поддержки этих идей на региональном уровне.

Изложение основного материала исследования с полным обобщением полученных научных результатов. Понятие «мобильность» имеет междисциплинарную направленность, при этом основной смысл определяется термином «подвижность», соответственно, мобильный специалист – это человек подвижный, способный к быстрым перемещениям, модификации, а профессионально мобильный специалист – это человек, обладающий качествами развивающегося, маневренного в профессиональной деятельности специалиста. Указанное понятие в психологическом словаре определяется относительно профессиональной деятельности и рассматривается как способность и готовность человека достаточно быстро и благополучно овладевать новыми технологиями, приобретать недостающие компетенции, обеспечивающие результативность профессиональной деятельности. В связи с этим, основной целью психолого-педагогической поддержки человека, испытывающего проблемы в профессиональном самоопределении и становлении, является формирование у него профессиональной мобильности и готовности осознавать себя развивающимся в рамках выбранной профессиональной деятельности, способного постоянно обогащать свой личностный потенциал и максимально его реализовывать в процессе всей трудовой деятельности.

«Сложившаяся ситуация, пишет Т.А. Фугелова, предопределяет необходимость одновременного развития профессиональной идентичности и профессиональной мобильности. Профессиональная идентичность предполагает осознанное внимание к вопросу «Кто Я?», который сопровождает человека на всем его пути и обуславливает важные моменты профессиональной деятельности. Развитие означает направленность на профессиональный рост, новое качество работы, открытость в поиске информации, гибкость в целеполагании и принятии решений. В плане этимологии слово «мобильность» (толковый словарь – изменение состояния, переход на другой уровень) как качество личности является результатом процесса «развития». Идентичность и развитие в ходе профессионального становления личности тесно взаимосвязаны: профессиональная идентичность, с одной стороны, формируется в процессе профессионального развития, с другой, – выступает одним из важных показателей становления личности профессионала» [3]. Это значит, что для того, чтобы быть полноценным членом общества в новых быстро меняющихся социально-экономических условиях, сохранять конкурентоспособность, обеспечить благополучное существование своих близких и обеспечить устойчивость на будущее, современный специалист должен быть готовым к постоянному развитию и анализу своего статуса и положения в профессиональной и социальной сфере. Профессиональная мобильность, в свою очередь, включает в себя различные формы проявления. Для становления профессионализма наиболее значимыми среди них выступают *профессионально-культурная мобильность*

(А.И. Алонцева) [5], и *профессионально-социальная мобильность* (А.Ф. Бейлина) [6].

Профессионально-культурная мобильность специалиста, на наш взгляд – это способность человека мыслить свободно и самостоятельно, адекватно оценивать события, быть готовым к исследовательской деятельности, творчески воспринимать поступающую информацию, способность к креативному мышлению, готовность к нестандартным решениям в новых обстоятельствах, умение предвидеть характер и ход трансформаций как в профессиональной сфере, так и в общественном развитии в целом. *Профессионально-социальная мобильность* – это свойство социально-преобразующей деятельности, изменение специалистом своей социальной позиции в профессиональной сфере, совокупность социальных передвижений, которая сопровождается ростом или снижением социального статуса человека. Она может быть представлена вертикальной и горизонтальной направлениями в профессиональном становлении. *Горизонтальное направление* – это движение по росту профессионального мастерства, официально признанное и оцененное социумом. Например: специалист первой категории, специалист высшей категории, обладатель государственной премии, победитель профессионального конкурса и т.п. *Вертикальное направление* – это движение вверх по административной лестнице. Например: сотрудник, администратор, заместитель директора, директор, глава департамента образования. Вертикальная профессионально-социальная мобильность характеризуется такими качествами, как: гибкость, дивергентность, конвергентность, способность к логическому мышлению, рефлексивность, приобретать активную социокультурную позицию и т.д.

«Мобильные специалисты, готовые к вертикальным и горизонтальным социальным перемещениям, как отмечает в своем исследовании О.В. Кердышева, сегодня как никогда востребованы в России и во всем мире. Государство заинтересовано в трудовой самореализации граждан и должно стимулировать их активную экономическую жизнедеятельность. Именно мобильность трудовых ресурсов способна помочь увеличить конкурентоспособность экономики и уравновесить социальные различия между регионами по мере вхождения России в глобальную экономику. Кроме того, мобильность населения необходима и для предоставления адекватных стимулов региональным и местным властям, т.к. обеспечивает наличие конкуренции между регионами и муниципалитетами. Только конкуренция ведет к предоставлению общественных благ, наиболее соответствующих потребностям жителей данной территории» [7].

Формирование профессиональной мобильности наиболее успешно осуществляется в проектно-исследовательской деятельности (О.А. Быканова, А.К. Павлова), когда специалист переходит в поисковый режим, готов к быстрому анализу и реализации наилучших способов выполнения разнообразных задач в области своей профессиональной деятельности, начинает мысленно преобразовывать свои профессиональные действия в соответствии с социально-экономическими и общественными трансформациями [8]. Будучи сформированной, ставшей личностным свойством, профессиональная мобильность влияет на иерархию текущих мотивов, активизирует деятельность и *рефлексию*.

Рефлексивность – это характер мышления человека, направленный на осознание собственных форм поведения, действий и поступков; предметное изучение самого знания, своего внутреннего мира, критический анализ содержания и методов познания собственной деятельности; процесс самопознания, раскрывающий внутреннее строение и специфику духовного мира личности [9]. Именно рефлексивность дает специалисту возможность посмотреть на результаты своего труда с позиции другого человека, сформировать соответствующее отношение к своей профессиональной деятельности. *Рефлексивные*

механизмы мышления выступают основой профессиональной мобильности, то есть способность человека к саморегуляции собственной интеллектуальной деятельности (С.В. Панина), умение преодолевать препятствия и стереотипы, возникающие в процессе деятельности [10]. В профессиональной мобильности рефлексия – это принцип активного мышления и деятельности, направляющий его на осмысление собственных действий: предметное исследование самого знания; его критический анализ; деятельность самосовершенствования, раскрывающая внутреннее состояние и специфику индивидуального мира человека.

Профессиональная мобильность, как правило, опирается на общепрофессиональные и общекультурные компетенции, обеспечивающие специалисту продуктивное профессиональное функционирование, участвующие в моделировании образа современного специалиста. Так например, говоря о профессиональной мобильности в области образования, А.С. Белкин и Н.О. Вербицкая считают, что компетентный педагог должен владеть следующими компетенциями: *когнитивной*, выраженной в профессионально-педагогической эрудиции; *коммуникативной*, проявляющейся в культуре общения и педагогическом такте; *психологической*, выраженной в эмоциональной культуре и педагогической зоркости; *риторической*, отражающей профессиональную культуру речи; *профессионально-технической* компетенцией, характеризующей способность педагога к выбору образовательных технологий и методик для эффективной педагогической деятельности; *информационной*, направленной на совершенствование мониторинга и диагностики качества образования обучающихся [11].

В содержание профессиональной мобильности Ю.И. Калиновский, И.Д. Кошкина и О.А. Милькевич включают следующие профессиональные компетенции: *фундаментальные* – способность к анализу, разбору, систематизации, обобщению, владение теоретическими знаниями научных основ, что обеспечивает интеграцию предметных знаний с психологическими, педагогическими, антропологическими и философскими идеями Ю.И. Калиновский, И.Д. Кошкина и О.А. Милькевич [12]; широту и глубину академических компетенций; *информационные* – способность применять современные информационные технологии, ориентироваться в информационном потоке, находить и обрабатывать необходимую информацию; *исследовательские* – способность к осуществлению профессиональной рефлексии (А.А. Коростелев, И.Н. Одарич) [13]; *практические* – способность к креативному мышлению, находить оптимальное решение на основе множества ситуаций, принимать ответственное решения (Е.А. Никитина) [14]; *интегральные* – способность к совершенствованию объекта изучения, добавляя недостающие детали (Р.С. Немов) [15]; *коммуникативные* – выражение социального интеллекта и толерантности (Г.Ю. Беляев) [16]; *управленческие* – способность к управлению деятельностью группы, принятию ответственности на себя (В.В. Мироненко) [17].

Анализ перечисленных исследований проблемы формирования профессиональной мобильности позволяет утверждать, что компетентный специалист – это специалист, владеющий основными психолого-педагогическими знаниями, овладевший профессиональными и общекультурными компетенциями, способный не только проектировать свою профессиональную деятельность, но управлять инновационными процессами, чутко реагируя на любые трансформации на рынке труда. Вероятность успешного трудоустройства с учетом перспективы обучения на протяжении всей жизни представляется более реальным через качественное высшее образование, разнообразие профилей дисциплин и формируемых компетенций, совершенство образовательных программ, развитие междисциплинарной интеграции, готовность к иноязычной коммуникации, способность к генерации

новых идей и инициатив. Система высшего образования должна быть выстроена таким образом, чтобы каждый гражданин на любом этапе профессиональной деятельности мог включиться в эту систему с минимальными затратами сил, средств и времени.

В этих целях необходимо разработать новые учебные планы, программы межвузовского сотрудничества, модели профессиональной мобильности, совместные образовательные программы, лектории практической подготовки и проведения интегрированных научных исследований, разработка и реализация образовательных проектов.

При этом повышается потребность в инновационных образовательных программах, включающих возможность междисциплинарных интегрированных занятий, усиления знаний иностранных языков и использования новых информационно-коммуникационных и мультимедийных технологий.

Развитие экономики, науки, образования, здравоохранения, а также состояние общества в целом устанавливают условия, в которых сегодня совершенствуется профессиональное становление специалистов нового поколения, способных и готовых к обучению на протяжении всей сознательной жизнедеятельности. Под непрерывным образованием мы понимаем не просто постепенное повышение уровня образования, а целенаправленное обучение на протяжении всей жизни, постоянное саморазвитие и самосовершенствование личности с целью благополучного профессионального самоопределения и самореализации в условиях рыночной экономики, характеризующегося непрерывными трансформациями и неопределенностью современного рынка труда.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, профессиональную мобильность необходимо рассматривать как способность личности реализовывать свою потребность в определенном виде профессиональной деятельности, отвечающую стремлениям и потенциалам с пользой для себя и для общества; умение переходить от одного статуса и вида профессиональной деятельности к другому, при этом модифицируя, усиливая ее характер и степень; максимально выражать свою компетентность, профессионализм. Профессиональная мобильность выступает, прежде всего, как устойчивая интегральная характеристика личности, определяющая содержание, направленность и успешность ее деятельности в процессе профессиональной саморегуляции и саморазвития в условиях современного рынка труда; это готовность специалиста к видоизменению деятельности, трансформации мотивов как определяющих деятельность при переработке значимой информации, способного результативно повлиять на такую трансформацию. При этом желательно использовать прошлый опыт в новых ситуациях; готовность к реализации устойчивой позитивной мотивации к образовательной деятельности; оптимальному сочетанию мотивации достижения успеха и оптимизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мясникова Т.И. Развитие профессиональной мобильности в процессе профилизации подготовки будущих специалистов в вузе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2010. 22 с.
2. Самиева О.Б., Сбитнева А.Н. Психолого-педагогические проблемы академической мобильности в современной системе образования //Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2013. № 4. С. 57-60.
3. Фугелова Т.А. Профессиональная мобильность студентов технического вуза как социально-педагогическая проблема //Человек и образование. 2013. №3(36). С. 83-86.
4. Бекоева М.И. Условия оптимизации профессиональной успешности студентов в современных условиях //Азимут научных исследований: педагогика и психоло-

гия. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 63-65.

5. Алонцева А.И. Отношение студентов вузов к будущей профессиональной деятельности //Проблемы современного педагогического образования. 2017. №55-4. С. 341-347.

6. Бейлина А.Ф. Мотивация профессиональной деятельности преподавателей высшей школы //Проблемы современного педагогического образования. 2017. №55-4. С. 68-77.

7. Кердяшева О.В. Готовность к профессиональной мобильности как основа профессионального образования в вузе на современном этапе //Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 4 (48). С. 20-23.

8. Быканова О.А., Павлова А.К. Виды профориентационной работы в экономическом вузе и ее эффективность //Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. №4 (21). С. 39-41.

9. Бекоева М.И. Педагогические условия использования модульного подхода в современном вузе //Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. №3 (14). С. 295-298.

10. Панина С.В. Управление профориентационной работой в общеобразовательной организации в условиях ФГОС //Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 147-151.

11. Белкин А.С., Вербицкая Н.О. Инновационные процессы в образовании //Образование и наука. Известия УрО РАО. 2007. №1. С. 113-121.

12. Калиновский Ю.И., Кошкина И.Д., Милькевич О.А. Философия общего образования: учебное пособие. Соликамск, 2013. 158 с.

13. Одарич И.Н., Коростелев А.А. Направленность учебного процесса на формирование профессиональных компетенций бакалавра с целью последующего выполнения им трудовых функций //Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 162-165.

14. Никитина Е.А. Профессиональное самоопределение и профессиональная мобильность педагога // Вестник Иркутского педуниверситета. 2009. № 10. С. 176-182.

15. Немов Р.С. Психологический словарь. М.: Владос, 2007. 560 с

16. Беляев Г.Ю. Проблемы формирования профессионально-ориентированной компетентности студентов педагогических вузов в сфере воспитания //Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. №2 (19). С. 13-16.

17. Мироненко В.В. Педагогические условия формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности у будущих специалистов государственного и муниципального управления //Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 100-102.

Статья поступила в редакцию 26.12.2017

Статья принята к публикации 27.03.2018

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ
ПОДГОТОВКИ ЮНЫХ ВРАТАРЕЙ В ФУТБОЛЕ

© 2018

Бугулов Алан Гаврилович, старший преподаватель кафедры физического воспитания
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л.Хетагурова
(362025, Россия, Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46, e-mail: bekoevamarin@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена проблеме совершенствования процесса технической подготовки юных вратарей в футболе, анализу разнообразия и сложности техники игры для футбольных вратарей, обоснованию сенсорных систем, необходимых во все периоды тренировочных занятий. Поскольку движения вратаря не цикличны, мало предсказуемы, то исключение специфических занятий по технике игры вратаря в течение долгого времени приводит к частичной или полной потере голкиперских навыков, к потере «чувства траектории мяча». Тренировки вратаря в основном индивидуальные, но в некоторых случаях, например, в начале переходного периода, на этапе фундаментальной подготовки, а также перед тренировками вратарь может заниматься с остальными игроками, осуществляя при этом в основном характерные упражнения. Однако количество таких совместных занятий незначительно. Наряду с хорошими двигательными способностями к прыжкам, бегу, ловкости, должны быть максимально сформированы зрительная и вестибулярная сенсорные системы. Вместе с основами техники, такими, как ловля мяча справа и слева, при разнообразных траекториях полета мяча после прямых и резаных ударов, верхом и низом и других позиций, вратарю необходимо освоить технику владения мячом стоя и в движении, одной и обеими руками и т.д. Усвоению более сложных элементов игры вратарю помогут такие упражнения из гимнастики и акробатики, как падение и приземление, управление верхней частью тела в различных положениях. Комплекс условий совершенствования технической подготовки юных тренеров меняется в зависимости от характера периода тренировки. Чрезмерная нагрузка для юных вратарей нежелательна и может быть в определенном смысле даже опасной. Количество тренировок определяется конкретными условиями подготовки, а также состоянием сенсорных систем вратаря.

Ключевые слова: физическая культура, футбол, подготовка вратарей, сенсорные системы, вестибулярная система, зрительная система.

PEDAGOGICAL FOUNDATIONS OF IMPROVING THE TECHNICAL TRAINING
OF YOUNG GAMES IN FOOTBALL

© 2018

Bugulov Alan Gavrilovich, senior lecturer, department of physical education,
North Ossetian State University Named K.L. Khetagurov
(362025, Russia, Vladikavkaz, Vatutin Street, 46, e-mail: bekoevamarina@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to the problem of improving the technical training of young goalkeepers in football, analyzing the diversity and complexity of the game technique for football goalkeepers, justifying the sensory systems necessary during all periods of training sessions. Since the goalkeeper's movements are not cyclical, they are not predictable, the exclusion of specific exercises in the technique of playing the goalkeeper for a long time leads to a partial or complete loss of goalkeeper skills, to the loss of the "sense of the trajectory of the ball." Goalkeeper training is mostly individual, but in some cases, for example, at the beginning of the transition period, at the stage of fundamental training, and before training, the goalkeeper can deal with the rest of the players, while performing mostly typical exercises. However, the number of such joint activities is insignificant. Along with good motor abilities for jumping, running, dexterity, visual and vestibular sensory systems should be formed as much as possible. Together with the basics of technique, such as catching the ball to the right and left, with a variety of trajectories of the ball after direct and cut blows, on top and bottom and other positions, the goalkeeper needs to master the technique of holding the ball standing and moving, with one and both hands, e. Assimilation of more complex elements of the game goalkeeper will help such exercises from gymnastics and acrobatics, as falling and landing, control of the upper body in different positions. The complex of conditions for improving the technical training of young coaches varies depending on the nature of the training period. Excessive pressure for young goalkeepers is undesirable and can be, in a certain sense, even dangerous. The number of training is determined by the specific training conditions, as well as the state of the sensory systems of the goalkeeper.

Keywords: physical culture, football, training of goalkeepers, sensory systems, vestibular system, visual system.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Процесс технической подготовки юных вратарей в футболе представляется как деятельность, эффективность которой выражается в результатах соревновательной деятельности спортсменов. На этапе спортивного совершенствования техническая подготовка юных вратарей в футболе выступает одним из важных компонентов в системе тренировочного процесса в целом. Несомненно, что чем больше факторов учитывается в процессе подготовки вратарей, тем выше эффективность их тактико-технических действий, которые во многом обусловлены деятельностью сенсорных систем.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Как показал анализ научно-методической литературы, одним из ведущих направлений технической подготовки юных вратарей на подготовительном этапе тренировки выступает разработка содержания и методологии применения ком-

плекса специальных упражнений и тренировочных механизмов, обеспечивающих моделирование внезапности удара по воротам, а также оптимизации анализаторов сенсорных систем (зрительной и вестибулярной).

По мнению некоторых ученых (М.А. Правдов, С.В. Сафоненко, Г.М. Популо), в настоящее время возникла острая необходимость в преобразовании системы подготовки юных спортсменов в футболе [1, с. 83-87; 2, с. 224-227].

Такая потребность определена разнообразными затормаживающими факторами современной системы физической подготовки и спорта, а также отсутствием наиболее эффективных технологий, направленных на обеспечение достаточного уровня процесса подготовки юных футболистов, в частности вратарей, на всех этапах многолетней тренировочной деятельности.

Одним из ключевых направлений в области технической подготовки вратарей в футболе является учет особенностей восприятия полета мяча зрительным анализатором при различных действиях вратаря, связанных с произвольным выведением тела из равновесия.

Анализ методической литературы (В.Ф. Усманов, Д.М. Калугин) [3, с. 168-1171], а также исследований, посвященных проблеме тренировочного процесса вратарей (Г.М. Популо, Н.Н. Назаренко) [4, с. 155-158], показывают, что многие тренеры не создают необходимых условий для комплексного развития функций двигательной и сенсорных систем.

Формирование целей статьи (постановка задания). Главной особенностью совершенствования процесса технической подготовки юных вратарей является отсутствие способностей выполнять длинные передачи и принимать мяч после длинных передач.

Акцент подготовки смещается на ловлю и отражение мячей из центральной зоны перед воротами и на ввод мяча в игру рукой. Кроме того, вратари осваивают арсенал техники полевого игрока и все многообразие техники передвижения.

По нашему мнению данный процесс будет наиболее результативным, если для этого использовать комплекс специальных тренировочных занятий, обеспечивающих соответствующие условия оптимизации функций зрительной и вестибулярной сенсорных систем, так как вестибулярная система взаимодействует на нескольких уровнях своей иерархической организации со зрительной и соматосенсорной системами; три эти системы дополняют друг друга в предоставлении человеку информации, необходимой для его пространственной ориентации.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Для подготовки юных вратарей необходимо уделять особое внимание зрительной и вестибулярной сенсорной системам. *Сенсорная система* выполняет следующие основные функции: сигнал → обнаружение → различение → передачу → преобразование → кодирование → детектирование признаков → опознание образов.

Специфическая особенность *вестибулярной системы* состоит в том, как отмечают некоторые ученые (А.С. Ровный, К.В. Судаков, В.М. Смирнов и др.), что «значительная часть перерабатываемой в ней сенсорной информации используется для автоматической регуляции функций, осуществляемой без сознательного контроля» [5;6;7].

Зрительная сенсорная система служит для восприятия и анализа световых раздражений (С.В. Голомазов, А.А. Кузнецов, Б.Г. Чирва), восприятие величины, формы, цвета предметов, их взаимного расположения [8;9].

При этом особенности функционирования двигательной, зрительной и вестибулярной сенсорных систем при реагировании на сигнал недостаточно исследованы, отсутствуют специально разработанные методики учебно-тренировочных занятий по совершенствованию процесса технической подготовки юных вратарей в футболе.

Это актуализирует необходимость в разработке и экспериментальном обосновании технологии совершенствования процесса технической подготовки юных вратарей в футболе.

«В начале занятий изучают технику передвижения и основные приемы, и способы овладения мячом. Успешное выполнение специальных приемов во многом зависит от готовности вратаря к действию. Одним из факторов такой готовности является целесообразное исходное положение (З Витковски, В.И. Лях), которое позволяет быстро выносить общий центр тяжести за пределы площади опоры и выполнять необходимые игровые действия» [10, с 28-31].

Во время обучения «стойке» необходимо использовать различные упражнения (С.Н. Андреев, Г.А. Адоян, В.К. Бальсевич), связанные со стартовыми движениями в разных направлениях обычным, приставным и скрещенным шагом, прыжками, падениями, кувырками, перекатами и т.д. [11;12; 13].

Изучение техники владения мячом начинают с ловли

мяча двумя руками на месте, в движении и в прыжке. Выполняется серия ударов или бросков мяча рукой с близкого расстояния (6-8 м), с заданной траекторией на вратаря или в сторону от него (1-1,5 м). Постепенно увеличивается сила ударов и расстояние (М.Д. Ашибоков, А.И. Белоус, М.Н. Киржинов), варьируется траектория полета мяча. Параллельно с ловлей осваивают и броски мяча рукой. Вначале даются задания на технику и точность бросков, затем на дальность (с различной траекторией) и точность [14].

Однако существующая тенденция к безусловному росту физических нагрузок не является единственным средством повышения технической подготовленности к тому или иному виду спорта.

Возможным путем совершенствования технической подготовленности выступает учет особенностей развития функций зрительной и вестибулярной сенсорных систем.

Как мы уже отметили выше, уровень технической подготовки юных вратарей позволит повысить экспериментальная программа, направленная на совершенствование функций вестибулярной и зрительной сенсорных систем путем включения в тренировочный процесс комплекса специальных упражнений.

Для выявления исходного уровня сенсорных систем, а именно – определения остроты зрения, вычисления граници поля зрения нами были использовано физиологическое тестирование с помощью пробы ВНИИФКа, Ромберга, Яроцкого [15].

Далее было проведено также тестирование технической подготовленности с помощью ведения мяча на расстоянии 30 м, обводки на дистанции 30 м, челночного бега на дистанцию 100 м, броски мяча на точность и др. были сформированы контрольная (8 чел.) и экспериментальная (10) группы.

При тестировании исходного уровня зрительной и вестибулярной сенсорных систем было выявлено, что у участников эксперимента в контрольной и экспериментальной группах уровень развития этих систем почти одинаков.

После выявления исходного уровня сформированности исследуемых показателей в экспериментальной группе тренировки проводились по экспериментальной программе, которая представляла собой включение в занятия специальных комплексов физических упражнений, способствующих улучшению зрительной и вестибулярной сенсорных систем.

Упражнения подбирались выборочно из перечня более сложных упражнений и занимали около 15% времени занятия, реализовывались в подготовительной и основной этапах тренировочных занятий. В контрольной группе воспитанники занимались по стандартным программам подготовки.

Помимо стандартных упражнений, разработанных разными исследователями (Е.Н. Бобкова, Е.А. Бобровский, В.А. Зиновьев) [16; 17; 18] и практиками (Х. Вайн, Н.Г. Озолин) [19; 20] в экспериментальной группе использовались следующие упражнения для головы:

- наклоны вперед и назад, наклон к правому, а затем к левому плечу, поворот вправо и влево;
- упражнения для фиксации взора: движения глазных яблок вправо и влево, вверх и вниз несколько раз с чередованием, фиксация взором неподвижного объекта во время выполнения упражнений для головы;
- фиксация взором перемещающегося объекта во время выполнения упражнений для головы;
- позиционные упражнения (быстрые повороты в положении лежа с бока на бок, пребывание в положении стоя и ходьба в сфере с измененной поверхностью опоры и т.д.);
- аэробные упражнения (попеременное касание пальцев ног пальцами рук, быстрые наклоны и повороты туловища и др.).

При обработке результатов исследования, выявляющих состояние границ поля зрения, а также площадь поля зрения для зеленого, красного и белого цвета для правого и левого глаза, то есть показатели зрительного анализатора, между контрольной и экспериментальной группами наблюдались статистически достоверные различия (степень достоверности $p < 0,05$).

В экспериментальной группе, где в тренировочные занятия включались специальные устройства тренировки зрительного анализатора, заметно увеличились границы поля периферического зрения для правого глаза: зеленый цвет увеличился на 27%; красный цвет почти на 20% и белый цвет увеличился тоже почти на 23%; для левого глаза были выявлены следующие показатели: зеленый цвет увеличился на 23%, красный цвет изменился тоже в большую сторону, т.е. на 28%; а белый цвет увеличился на 20%.

За время проведения эксперимента небольшие изменения показателей произошло также и в контрольной группе: для правого глаза зеленый цвет увеличился на 15%; красный цвет тоже на 8% увеличился; белый цвет увеличился на 15%; для левого глаза показатели тоже немножко выросли: зеленый цвет вырос на 15%; красный цвет увеличился на 11%; белый цвет на 10% тоже вырос, что соответственно, повлекло за собой и рост площади периферического зрения.

В полученных данных границ поля периферического зрения в экспериментальной группе наибольшее приращение произошло в правом глазу для зеленого цвета, что составило около 27%, а в левом глазу приращение составило около 28% для красного цвета.

С расширением границ поля периферического зрения выросли и показатели площади поля периферического зрения. Следует обратить внимание на тот факт, что для левого глаза как в экспериментальной, так и в контрольной группе, приращение было более заметным, чем для правого глаза.

Однако при этом, в экспериментальной группе увеличение значений всех показателей для правого и левого глаза, а также для всех цветов были почти в 2 раза больше, чем аналогичные показатели в контрольной группе.

Это подтверждает то, что в ходе тренировок не используются специальные упражнения, активизирующие сенсорные системы, и, соответственно, механизмы периферического зрения и зрительные анализаторы неведущего глаза (в нашем случае – левого) слабо вырабатываются.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В ходе экспериментального исследования нами подтверждено, что в экспериментальной группе произошли статистически достоверные изменения с положительной тенденцией в технической подготовленности юных спортсменов, что доказывается статистически достоверными изменениями в методиках: ведение мяча на расстоянии 30 метров, обводка на дистанции 30 метров, челночный бег на 100 метровую дистанцию, несколько бросков мяча на точность, комплексные упражнения.

При оценке показателей пробы ВНИИФКа в результате экспериментального исследования были получены следующие данные. В начале эксперимента с заметной реакцией на нагрузку в экспериментальной группе было пять человек, со слабой реакцией на нагрузку было три человека и два человека было со средней реакцией организма на нагрузку.

На завершающем этапе эксперимента было установлено, что в экспериментальной группе два человека перешли из группы со средней реакцией организма на нагрузки в группу со слабой реакцией организма на такие же нагрузки.

Это доказывает факт улучшения устойчивости вестибулярного аппарата. Подобных изменений в контрольной группе не наблюдалось. Преимущество в оптимизации технических действий вратарями экспериментальной Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

ной группы объясняется тем, что повышение уровня сенсорных систем, а именно зрительной и вестибулярной, позволяет существенно повысить ориентацию в пространстве, выделить значимую информацию из всех внешних сигналов.

В свою очередь, высокий уровень ориентации в пространстве оптимизирует точность и координацию движений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Правдов М.А. Влияние занятий на основе использования элементов игры в футбол на развитие координационных способностей у детей 5-7 лет // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2010. № 5. С. 83-87.
2. Сафоненко С.В., Популо Г.М. Повышение работоспособности юных футболистов на этапе начальной специализации // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. №3 (20). С. 224-227.
3. Усманов В.Ф., Калугин Д.М. Занятия в учреждениях дополнительного образования спортивного направления и формирование самореализации подростков // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. №2 (19). С. 168-171.
4. Популо Г.М., Назаренко Н.Н. Социальная значимость и роль подвижных игр на занятиях физической культурой в начальной школе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. №3 (20). С. 155-158.
5. Ровный А.С. Сенсорные механизмы управления точными движениями человека. Харьков: ХаГАФК, 2001. 248 с.
6. Смирнов В.М. Физиология человека: учебник. М.: Медицина, 2002. 426 с.
7. Судаков К.В. Физиология. Основы и функциональные системы: Курс лекций. М.: Медицина, 2000. 784 с.
8. Голомазов С.В., Чирва Б.Г. Теория и методика футбола. Техника игры. М.: Спорт Академ Пресс, 2005. 472 с.
9. Кузнецов А.А. Организационно-методическая структура учебно-тренировочного процесса в футбольной школе. II этап (11-12 лет). М.: Олимпия. 2007. 208 с.
10. Витковски З., Лях В.И. Координационные способности в футболе: Диагностика, прогнозирование развития, тренировка // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2006. № 4. С. 28-31.
11. Адоян Г.А. Итоги прошедшего века или эволюция результативности футбола. М.: Спутник 2004. 54 с.
12. Андреев С.Н. Футбол - твоя игра: книга для учащихся средних и старших классов. М.: Академия, 2008. 144 с.
13. Бальсевич В.К. Основные положения концепции интенсивного инновационного преобразования национальной системы физкультурно-спортивного воспитания детей, подростков и молодежи России. // Теория и практика физ. культуры. 2004. № 3. С.3-5.
14. Ашибоков М.Д., Белоус А.И., Киржинов М.Н. Футбол. Майкоп: Изд-во АГУ. 2005. 128с.
15. Монаков Г.В. Подготовка футболистов. Псков: Наука, 2003. 256 с.
16. Бобкова Е.Н. Возрастная динамика скоростных способностей мальчиков 11-18 лет с учетом гармоничности их физического развития // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2006. № 4. С. 41-45.
17. Бобровский Е.А. Развитие детско-юношеского спорта в России // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. №3 (20). С. 145-148.
18. Зиновьев В.А. Особенности педагогической деятельности детского тренера-педагога по футболу // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2006. № 2. С.37-41.
19. Вайн Х. Как научиться играть в футбол: Школа технического мастерства для молодых. М.: Терра-Спорт, 2004. 244с.

20. Озолин Н.Г. Современная система спортивной тренировки. М.: Физкультура и спорт, 2004. 280 с.

Статья поступила в редакцию 30.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 372.851

РАЗВИТИЕ НЕКОТОРЫХ ЛИЧНОСТНЫХ И МЕТАПРЕДМЕТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СРЕДНЕГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМАНДНЫХ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ИГР

© 2018

Васильева Елена Вениаминовна, магистрант, старший преподаватель кафедры

«Высшая математика и теоретическая механика им. С.Ф. Сайкина»

Селиверстова Людмила Вячеславовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры

«Высшая математика и теоретическая механика им. С.Ф. Сайкина»

*Чувашский государственный университет**(429015, Россия, Чебоксары, пр.Московский, д.15, e-mail: Sara-80@yandex.ru)*

Аннотация. В настоящее время Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова активно ведет работу со школьниками разных возрастных групп. В рамках университетских мероприятий, таких как «Университет для детей» и «Университетские субботы», по разным предметам проводятся разного рода олимпиады и конкурсы, квесты и экскурсии, мастер-классы и викторины. Многие из этих мероприятий, например квесты и викторины, носят командный характер. Вот уже второй год, одним из значимых и посещаемых мероприятий факультета прикладной математики, физики и информационных технологий является Турнир юных математиков Чувашии и Сельский турнир юных математиков Чувашии. Развитие современного общества все больше требований предъявляет к целям и качеству среднего общего образования. Помимо развития индивидуальных способностей ребенка, немаловажным становится формирование в нем так называемого «командного духа» или умения работать с людьми над общей задачей, взаимодействовать не только со своими сверстниками, но и с людьми старшего поколения, аргументировано и логично доказывать свою правоту. В данной статье рассматривается развитие некоторых личностных и метапредметных компетенций среднего общего образования на примере сравнения командных математических игр, а именно математического боя и математического футбола.

Ключевые слова: математические игры, командная игра, задачи, правила, математический бой, математический футбол, личностные и метапредметные компетенции, математический турнир, соревнования, дополнительное образование.

DEVELOPMENT OF CERTAIN PERSONAL AND METASUBJECT COMPETENCIES OF SECONDARY EDUCATION USING COMMAND MATH GAMES

© 2018

Vasilyeva Elena Veniaminovna, graduate student, senior lecturer of the chair

«Higher mathematics and theoretical mechanics» named after S. Saykin

Seliverstova Lyudmila Vyacheslavovna, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor

of the chair «Higher mathematics and theoretical mechanics» named after S. Saykin

*Chuvash State University**(429015, Russia, Cheboksary, Moskovsky Ave., 15, e-mail: Sara-80@yandex.ru)*

Abstract. Currently I. N. Ulyanov Chuvash State University is actively working with students of different age groups. Different Olympiads and various subjects and competitions, quests and excursions, master classes and quizzes are held at University within the projects “University for children” and “University Saturdays”. Many of these activities, such as, quests and quizzes are of a team nature. For two years one of the most important and most visited events of the faculty of applied mathematics, physics and information technologies is the tournament of young mathematicians of the Chuvash Republic and rural tournament of young mathematicians of the Chuvash Republic. Contemporary society development makes more and more demands on objectives and quality of secondary education. In addition to developing the child’s individual skills, it’s very important to form a so-called “team spirit” in him or ability to work in groups to solve a general problem, except his coevals interact with people of elder generation, logically argue in favour of his position. This article discusses the development of some personal and metasubject competencies of secondary education on the example of comparison of team mathematical games, namely, mathematical combat and mathematical football.

Keywords: math games, team game, objective, rules, math battle, math football, personality and metasubject competence, math tournament, additional education.

Современная программа школьной математики настолько обширна и включает в себя такое многообразие тем, что стандартные школьные уроки не всегда могут справиться с задачей формирования у ребенка компетенций, описанных в федеральном государственном образовательном стандарте среднего (полного) общего образования от 17 мая 2012 г. [1]. Для социализации школьника в обществе и его востребованности как специалиста в будущем все большее значение приобретает развитие не столько индивидуальных способностей ребенка, сколько формирование в нем навыков коммуникации, умения работать над общей проблемой с очень разными людьми, умения отстаивать свою точку зрения. Опыт работы системы дополнительного образования показывает, что подобные навыки и умения хорошо прививаются и закрепляются на занятиях в математических кружках и участия в математических турнирах. В Чувашском государственном университете им. И.Н.Ульянова с успехом был реализован проект дополнительного углубленного физико-математического образования «Малый физмат». Также действуют каникулярные школы, где рассматриваются олимпиадные задачи разной тематики [2] и проводятся разнообразные математические соревнования: математический биатлон, математический футбол, ма-

тематические бои и т.д.

Еще с древних времен человечество пыталось освоить математику с помощью игр, множество разных настольных игр тому подтверждение: крестики-нолики, баше, «Кубик Рубика», sudoku и т.д. В большинстве эти игры рассчитаны на одного-двух участника. Основная их суть – выработка математической стратегии. Но начиная с XX века, игры усложняются, их направленность меняется в сторону командных состязаний. Первыми командными играми были математические бои, которые были придуманы в первой половине 60-ых годов ленинградским педагогом И.Я. Веребейчиком и приобрели такую популярность, что быстро распространились по кружкам и математическим классам страны. Наиболее важными общероссийскими соревнованиями, которые фактически стали командными первенствами страны, являются Всероссийский Фестиваль Юных Математиков, основанный в 1990 году И.В. Федоренко, и возникший в 1997 году Кубок памяти А.Н. Колмогорова. Для младших школьников (6-8 классов) проводятся Уральский Турнир Юных Математиков (с 1993 года) и Конкурс «Математиков 6-8» памяти А.П. Савина [3]. Впервые в Чувашской республике математические игры прошли еще в 90-х годах прошлого века и завоевали популяр-

ность благодаря школе одаренных детей «Поиск» и профессору, доктору педагогических наук Н.И. Мерлиной (первый руководитель Турнира юных математиков Чувашии). В последние несколько лет мероприятия подобного формата расширили свою географию на районы республики, где проводятся Сельские турниры юных математиков. Все эти соревнования находятся под патронажем Центра по работе с одаренной молодежью Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. На Турнире комплексно проходят следующие математические игры: командная олимпиада, математический биатлон, математическая карусель, математический бой и математический футбол.

Отличительная черта подобных соревнований – работа в команде, умение за короткий промежуток времени находить верные ответы на поставленные задачи, отработка навыков аргументированных и обоснованных доказательств своей правоты. Подача математики в виде игры направлена на развитие не только личностных и метапредметных компетенций школьника, но и в силу того, что предлагаемые задачи имеют углубленное математическое направление, то на закрепление школьного материала.

Главным направлением работы, рассматриваемым в статье, является сравнительный анализ математического боя и математического футбола с точки зрения влияния на развитие компетенций, т.к. именно в этих соревнованиях состязаются игроки двух команд. В данном аспекте задача, поставленная нами, еще не была никем исследована. Выводы базируются на играх, проводившихся на XXI и XXII Турнирах юных математиков и во II и III Сельских турнирах юных математиков Чувашии.

Особенностью этих игр, отличающей их от аналогичных соревнований, является то, что в одном состязании происходит математическая дискуссия между двумя командами, в каждой из которой 6 человек (включая капитана). Решение о победе той или иной команды принимает судья (преподаватель). Начинается Турнир с решения командной олимпиады, по результатам которой наиболее подготовленные команды отправляются на классические бои по решению задач. Остальные команды участвуют в трех играх, среди которых математический футбол.

Математический бой прежде всего направлен на решение задачи в споре докладчика и оппонента. В среднем продолжительность игры составляет 4 часа. На решение задач и ведение одного боя отводится по 2 часа. Всего на команду приходится 2 боя.

Математический футбол очень похож на бой, но в процессе игры не происходят дебаты, и не разбирается решение задач. Здесь задачи решаются на скорость. Примерно на каждую задачу отводится 3-5 минут. На одну игру с 2-мя командами отводится 45 мин. Каждая команда участвует в трех играх и разборе задач. По общей продолжительности математический футбол тоже занимает 4 ч.

Общее количество команд, участвовавших в XXI и XXII Турнире юных математиков – 89. В результате отбора на математические бои попало 39 команд, на математический футбол 50 команд. Турнир проводится среди учеников средних общеобразовательных школ и делится на 3 основные группы: ученики 5-6 класса – 58 команд, ученики 7-8 класса – 27 команд, ученики 9-11 класса – 4 команды.

На основе приведенных цифр, можно заметить меньшее количество команд старшего звена. Это связано с тем, что основная масса десятиклассников последние два года принимает участие в «Битве лицеев», в которой проводимые мероприятия имеют ограниченный формат и включают в себя командную олимпиаду и математический бой. Победители данного соревнования имеют бонусы в виде дополнительных баллов при поступлении в Чувашский государственный университет. Ученики выпускных классов заняты подготовкой к государственной

аттестации.

Помимо основного городского Турнира организован также Сельский турнир юных математиков Чувашии, который разделяется на два региональных (южная и северная части Республики) тура. Данное мероприятие проводится так, что региональные этапы абсолютно независимые, поэтому ученики могут участвовать в обоих мероприятиях. Основой игр этих туров также являются математический бой и математический футбол.

Традиции проведения математических боев уже вполне сформировавшиеся. Правила их стандартные, которые включают в себя тактику ведения боя и этические нормы [4].

Математический футбол – относительно молодая игра, поэтому правила еще могут подвергаться изменениям и доработкам. Проанализировав проведенные соревнования по математическому футболу в основные правила были внесены некоторые изменения, которые позволяют получить более объективный и справедливый результат игры. Внесенные изменения в пунктах 1 и 3, уточнение в пункте 2 отмечены в правилах курсивом.

1. Общие правила.

1. Перед началом игры проводится жеребьевка среди участников-команд, объясняются правила, распределяются по аудиториям или кабинетам.

2. Все ответы команды представляет только капитан (только ответы, а не решения).

3. Общение судьи с командой происходит только через капитана.

4. *Сотовыми телефонами, калькуляторами и справочными материалами нельзя пользоваться.*

5. За нарушение дисциплины назначается пенальти.

6. Если за отведенное на решение задачи время капитаны не предоставили решение, значит мяч не разыгран (команды не получают очки).

2. Введение «мяча» в игру.

1. Одновременно двум командам даётся одна задача (легкая) (решение 2-3 мин).

2. Команда, первая ответившая правильно, владеет «мячом», т.е. имеет право приоритетного предоставления решения следующей задачи из серии «розыгрыш мяча».

3. Неправильный ответ одной команды равносителен тому, что зачитывается победа другой команде.

3. Удары по воротам.

Проводится розыгрыш 1 мяча. Дается 1 задача на время (не более 5 мин.).

По окончании времени, капитан нападающей команды представляет ответ судье:

- если ответ верен, то нападающей команде начисляется гол.

- если ответ не верен, то мяч переходит к другой команде.

Капитан второй команды решает, будут представлять свой ответ или нет. Если отвечают:

- ответ верен, то они получают 1 очко (гол).

- ответ не верен, то очки не начисляются (т.е. обе команды не забили мяч).

- если вторая команда отказывается предоставлять свой ответ, то разыгрывается следующий мяч.

Результат розыгрыша мяча вносится в сводную таблицу. Начинается розыгрыш 2 мяча (задачи) и т.д.

Начинается новый розыгрыш, мяч на нейтральной полосе. Право ответа оказывается у той команды, которая быстрее решит задачу.

Если после 5 розыгрышей мяча установилась ничья, то назначается серия пенальти.

4. Пенальти.

Командам даются (по мере решения) по три одинаковых задачи (решение не более 2-3 мин). За каждую правильно решенную задачу команда, ответившая первой, получает очко. Если первая команда не ответила верно, то автоматически очко начисляется второй команде.

5. Итог.

1. Устанавливается победитель игры, который переходит в следующий тур и играет с победителем в другой игре.

2. Проигравшая команда также играет с проигравшей в другой игре.

3. По результатам всех проведенных игр устанавливается абсолютный победитель, набравший наибольшее количество очков (голов). Выстраивается таблица результатов.

4. Если задачи для пенальти не были использованы в игре, то их можно использовать по необходимости в дополнительной игре или в случае спорных вопросов.

Вопросы, касающиеся условия или решения задач, рассматриваются и разбираются после проведения игры.

При составлении заданий авторы применяют разные методики составления (конструирования) задач [5], стараясь приблизить олимпиадные задачи к реальным ситуациям и данным современного мира и принимая во внимание роли задачи в развитии творческого мышления и исследовательских способностей учащихся [6, 7].

Анализ результатов проведенных командных игр сведены в таблицу 1.

Таблица 1. Способы формирования компетенций в командных соревнованиях и их сравнительный анализ

Компетенции	Математический бой	Математический футбол	Способ реализации
Личностные	Способность вести диалог с другими людьми, достигать в нем взаимопонимания, находить общие цели и сотрудничать для их достижения		Коллективное решение поставленной задачи
	Навыки сотрудничества со сверстниками, взрослыми в образовательной, учебно-исследовательской, проектной видах деятельности		Выработка индивидуальной тактики игры, приведение аргументированного решения задачи, отстаивание своей точки зрения
Метапредметные	Умение работать в группе - устанавливать рабочие отношения, эффективно сотрудничать и способствовать продуктивной кооперации; интегрироваться в группу сверстников и строить продуктивное взаимодействие со сверстниками и взрослыми		Четкий регламент и правила проведения игр
	Следить за соблюдением процедуры обсуждения, обобщать и фиксировать	Следить за соблюдением процедуры обсуждения, обобщать и фиксировать решение или оставшиеся нерешенными вопросы в конце работы	
	Умение учитывать разные точки зрения и стремиться к координации различных позиций в сотрудничестве	Устанавливать и сравнивать разные точки зрения, прежде чем принимать решения и делать выбор	Выбор оптимального решения и ответа в процессе разбора задачи
	Договариваться и приходить к общему решению в совместной деятельности		
	Распределять обязанности в группе по разбору задач		Четкая последовательность выступлений членов команды
	Аргументировать свою точку зрения, спорить и отстаивать свою позицию, не переходя на личности или излишнюю эмоциональность		Дебаты и разбор решения
	Соблюдать нормы публичной речи и регламент		

Анализ таблицы, показывает, что математический бой способствует выработки у школьника большего количества компетенций, т.к. игра требует большей предметной подготовки, умения не только отвечать на поставленные задачи, но и аргументировать, доказывать и отстаивать свое решение в дискуссии со сверстниками и с людьми, обладающих большим авторитетом. С этой позиции, математический бой – наиболее эффективная игра.

Математический футбол способствует выработке меньшего количества компетенций, но имеет неоспоримое преимущество – умение в короткий промежуток времени собраться с мыслями, решить задачу и дать верный ответ. В силу того, что игра проходит в сравнительно маленький промежуток времени, то еще одним достоинством можно отметить – умение быстро ориентироваться в игре, вырабатывать наиболее эффективную стратегию ведения игры в команде (например, не ответить на вопрос задачи, заранее предполагая, что команда-соперник также не сможет эту задачу решить и т.д.).

Немаловажным при проведении командных игр оказался возраст участников. К сожалению, опыт показывает, что достижение целей в группе для младших классов среднего звена дается очень тяжело. Если в начальной школе им твердили, что каждый отвечает сам за себя, то в данной игре им чужда совместная работа, к тому же проблемой является умение отвечать правильно на поставленные задачи в ограниченный промежуток времени. Однако, подобный тип совместной деятельности

в игровом формате очень нравится учащимся, они с большим энтузиазмом решают задачи и не менее азартно, чем ребята старших классов, участвуют в дебатах. Школьники среднего и старшего звена, уже участвовавшие в прошлых турнирах, более организованы, поэтому подобного плана проблемы у них не возникают.

Математические игры получили настолько большую популярность среди школьников и учителей, что к ним специально готовятся, подбирается состав команд, выбирается капитан. По мнению педагогов, подобные мероприятия позволяют качественно улучшить понимание математических тем и закрепить интерес к предмету. Несомненным преимуществом соревнований подобного формата от стандартного урока является то, что в процессе происходит освоение учебного материала, совмещенного с трудовой деятельностью в игровой форме. Влияние командных игр на формирование индивидуальных качеств ученика неоспоримо, т.к. в результате развивается мышление, углубляются ранее полученные теоретические знания и отрабатываются навыки их практического применения, происходит мотивация учебной деятельности.

Современные реалии таковы, что школьник большую часть своего свободного времени проводит в самоизоляции от общества за компьютером, живое общение заменено на виртуальную переписку в социальных сетях. В результате, формируется инфантильный испуганный человек, с огромным трудом социализирующийся в обществе. Командные математические игры позволяют избежать проблем социализации школьника, позволяют организовать с пользой свободное время, воспитывают умение сотрудничать и прививают навыки взаимовыручки. Дебаты способствуют живому общению между участниками, ребята приучаются координировать свою деятельность, учатся адекватной оценке результатов не столько чужой, сколько своей работы, приобретают опыт аргументированного применения информации в команде.

Анализ формирования личностных и метапредметных компетенций с использованием командных математических игр имеет хорошую исследовательскую перспективу для внедрения в систему не только дополнительного образования, но и в систему общего школьного образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования URL: <https://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/2365>
2. Трошестова Д.А., Ярдухина С.А., Васильева Е.В. Роль сезонных школ вузов в развитии математической одаренности учащихся младших классов // Современные проблемы науки и образования. 2016. №3. URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=24721>
3. Рукшин С.Е. Математические соревнования в СССР и России // Компьютерные инструменты в школе. 2011. №6. С. 5-12.
4. Мерлин А.В., Мерлина Н.И., Селиверстова Л.В. и др. Тринадцатый турнир юных математиков Чувашии: 5-11 классы: методическое пособие. Чуваш. ун-т. Чебоксары, 2009. 124с.
5. Селиверстова Л.В. Конструирование математических задач. Математика. Образование: материалы 19-й Междунар. конф. Двухязычное (билингвальное) обучение в системе общего и высшего профессионального образования: материалы 2-го Междунар. симп. (29.05-04.06.11). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та. 2011. С. 396.
6. Шоркина Л.В. Конструирование математических задач как средство творческого развития исследовательских способностей учащихся/ автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Орловский государственный университет. Орел. 2007.

7. Шоркина Л.В., Володина Е.В. Творческая и исследовательская деятельность школьников 5-9 классов на факультативных занятиях. Математическое образование: концепции, методики, технологии: сборник трудов по материалам III Международной научной конференции «Математика. Образование. Культура». Тольятти, 2007. Ч.3. С. 258-261.

Статья поступила в редакцию 02.02.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 378.4

**АНАЛИЗ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ
В СИСТЕМЕ КОНТРОЛЯ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ**

© 2018

Викулина Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры
иностранных языков гуманитарных направлений
*Петрозаводский государственный университет**(185000, Россия, Петрозаводск, проспект Ленина, 33, e-mail: homework2013@mail.ru)*

Аннотация. В статье обосновывается важность проведения анализа познавательных потребностей студентов юридических факультетов вузов при разработке системы контроля их уровня владения иностранным языком, учитывающего требования рынка труда к составляющим иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции специалистов юридического профиля, образовательные нужды студентов в области диагностики их уровня владения иностранным языком, а также взгляд преподавателей на методику проведения контроля и оценки уровня сформированности иноязычных речевых умений будущих юристов в сфере профессиональной коммуникации. Такой анализ позволит до начала обучения обозначить объекты обучения и контроля, обосновать целесообразность их выделения, обеспечить взаимосвязь между процессами обучения и контроля, ликвидировать разрыв между формируемыми компетенциями студентов и иноязычными речевыми умениями, действительно необходимыми специалистам для общения в реальных условиях профессиональной деятельности. Все это даст возможность сделать контроль сформированности иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции студентов юридических факультетов более системным, объективным, информативным, всеобъемлющим, стимулирующим и менее стрессовым.

Ключевые слова: анализ познавательных потребностей, юрист, коммуникация, профессиональное общение, контроль, оценка, система, уровень владения, иностранный язык, коммуникативная компетенция, речевое умение, коммуникативное умение, вуз, юридический факультет.

**LEARNERS' NEEDS ANALYSIS OF LAWYERS-TO-BE IN THE SYSTEM
OF FOREIGN LANGUAGE ASSESSMENT**

© 2018

Vikulina Olga Vladimirovna, senior lecturer of the department
of foreign languages for humanities
*Petrozavodsk State University**(185000, Russia, Petrozavodsk, avenue Lenina 33, e-mail: homework2013@mail.ru)*

Abstract. The article touches upon the significance of law students' needs analysis in Russian universities as part of the foreign language assessment system development. This kind of analysis reveals the labour market demand for the components of lawyers' foreign language communicative competence, students' educational needs in the sphere of foreign language testing, and teachers' view of their students' foreign language evaluation and assessment. The learners' needs analysis allows to figure out the learning and evaluation objects, i.e. the skills of students, that are to be developed as a result of learning, and justify the selection of these objects, to provide the connection between learning and evaluation, to eliminate the gap between the learning and evaluation objects and the communicative skills that legal professionals need for participation in everyday communication at work. In consequence, the evaluation and assessment of law students' foreign language communicative competence can become more systematic, objective, informative, particularized, motivating and less stressful.

Keywords: learners' needs analysis, lawyer, communication, professional interaction, evaluation, testing, assessment, system, language level, foreign language, communicative competence, communicative skill, university, law department.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В современной России общественные отношения с участием иностранных граждан получают все большее распространение. Межкультурное развитие общества приводит к тому, что специалисты самых разных профессий нуждаются в изучении иностранного языка в сфере профессиональной коммуникации для личного и профессионального роста [1, 2]. Юристы разных сфер деятельности с течением времени испытывают возрастающую потребность в умениях иноязычного профессионального общения, т.к. юрисконсульты на предприятиях должны консультировать иностранных сотрудников, полицейские – обеспечивать защиту прав и свобод как россиян, так и иностранцев, находящихся на территории России, сотрудники таможи – регулировать перемещение через государственную границу иностранных граждан и товаров. Высшее образование сегодня призвано обеспечить междисциплинарную связь между разными областями знания [3, 4], в том числе между профессиональными юридическими дисциплинами и иностранным языком, и, как следствие, привести к формированию иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции у будущих юристов.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Представителям различных юридических профессий нужны разные умения иноязычного профессионального общения. Это обу-

словлено, в первую очередь, спецификой специальности «Юриспруденция», которая включает четыре основных профиля подготовки специалистов: 1) государственно-правовой, 2) гражданско-правовой, 3) уголовно-правовой и 4) международно-правовой. Различия в профилях подготовки требуют формирования разных иноязычных коммуникативных умений у сотрудника транспортной полиции и специалиста по вопросам международного усыновления, у инспектора ГИБДД и юриста, специализирующегося на сделках с недвижимостью. В свою очередь, данные особенности профилей подготовки обусловлены требованиями рынка труда и условиями реального общения юристов в процессе осуществления профессиональных обязанностей. Эти специфические черты юридических профессий заставляют методистов и преподавателей анализировать особенности работы юристов разных профилей и учитывать данные различия при разработке систем обучения и контроля уровня иноязычной подготовки выпускников.

Вопросы взаимозависимости обучения и контроля, целей, задач, функций, видов, средств и форм контроля на занятиях по иностранному языку подробно изучались ответственными специалистами и освещались в работах таких исследователей, как И.Л. Бим, Р.П. Сельг, Е.И. Пассов, Ф.М. Рабинович, М.В. Розенкранц, В.А. Коккота, И.А. Рапопорт, О.Г. Поляков, С.К. Фоломкина, В.С. Аванесов, А.В. Коньшева, Е.В. Мусницкая и многих других. Ведется масштабная работа по созданию и усовершенствованию национальной системы тестирования уровня владения иностранным языком выпускников

средней школы (Е.Н. Соловова [5], К.С. Махмурян, М.В. Вербицкая, В.Н. Симкин [6]). Некоторое внимание уделялось различным аспектам обучения студентов юридических факультетов профессиональному общению на иностранных языках: совершенствованию культурно-речевых навыков будущих юристов (Н.Н. Тесликова [7]), формированию правовой картины мира средствами иностранного языка (Е.А. Панкратова [8]), культуре профессиональной речи юристов (Ф.П. Мухадиева [9]). Однако на данный момент в нашей стране нет единой системы контроля уровня профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции студентов юридических факультетов вузов, что приводит к серьезным различиям в объектах контроля, уровнях обучения, требованиях, предъявляемых к результату обучения выпускников не только в разных вузах, но и внутри одного университета, снижая мотивацию студентов к изучению языка и осложняя работу преподавателей, вынужденных многократно самостоятельно разрабатывать контрольные процедуры и материалы для каждой конкретной группы студентов. Частным аспектом данной проблемы является то, что разработка контрольных материалов и процедур нередко ведется преподавателями без предварительного изучения современных требований рынка труда, пожеланий работодателей, профессиональных и образовательных нужд студентов, потенциальных преимуществ разрабатываемых методик контроля для самих преподавателей. Контрольные задания создаются на основе используемого для обучения учебного пособия, а учебное пособие, в свою очередь, не отвечает современным требованиям, предъявляемым к учебным изданиям реальными условиями профессионального общения.

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью данной статьи является обоснование важности проведения *анализа познавательных потребностей студентов* (термин Т. Хатчинсона и А. Уотерса [2]) юридических факультетов вузов, предшествующего разработке системы контроля уровня сформированности иноязычных речевых умений будущих юристов в сфере профессиональной коммуникации.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Требование к уровню иноязычной коммуникативной компетенции выпускника юридического факультета вуза закреплено в ФГОС ВО по направлению подготовки Юриспруденция (уровень бакалавриата), где сказано, что выпускник должен владеть «необходимыми навыками профессионального общения на иностранном языке». Достижение данного уровня студентами должно проверяться посредством контрольных процедур, таких как экзамен, зачет, контрольная работа. Однако государственный стандарт не предлагает перечня речевых умений и навыков, составляющих иноязычную коммуникативную компетенцию специалиста с юридическим образованием, необходимых ему в профессиональной деятельности, т.е. объекты контроля уровня обученности выпускников законодательно не определены. В связи с этим при разработке системы контроля необходимо определить, что именно будет проверяться и оцениваться на зачете или экзамене. Это возможно благодаря анализу познавательных потребностей специалистов юридического профиля.

Анализ познавательных потребностей студентов юридических факультетов (learners' needs analysis) – это выявление объектов обучения и контроля уровня владения иностранным языком посредством изучения ситуаций реального иноязычного общения практикующих юристов с учетом мнения студентов, преподавателей, потенциальных работодателей и специалистов рассматриваемой профессиональной области, определяющее выбор метода, приёмов и средств обучения, отбор языкового материала, содержание учебной программы и характер контрольных процедур. Такой анализ позволяет ответить на вопросы: «Чему учить студентов и какие

умения контролировать? Какие особенности процесса обучения необходимо при этом учитывать?» Для сбора данных возможно использование анкет, тестов, интервью, бесед, наблюдения и других источников информации. [10:72]. Для получения более ясного представления об условиях начала обучения, полезно также оценить исходный уровень студентов, количество учебных часов, отведенных на изучение иностранного языка, уровень мотивации студентов и другие параметры [2:62].

Контролем в методике преподавания иностранных языков называется определение уровня знаний, умений и навыков обучаемых, сопровождаемое формулированием оценки [11:123]. *Система* – это совокупность компонентов, находящихся в отношении друг с другом и образующих единство [11:318]. Под *профессиональной коммуникацией* нами понимается опосредованное языком сообщение информации, в том числе профессионального содержания, нацеленное на восприятие ее партнером, осуществляемое в ходе профессионального взаимодействия [12:106]. Термины «коммуникация» и «общение» мы рассматриваем как синонимами.

Система контроля уровня сформированности иноязычных речевых умений студентов юридических факультетов в сфере профессионального общения – это методическая система, включающая в себя целевой, функциональный и содержательный компоненты, нацеленная на определение и оценку уровня иноязычной коммуникативной компетенции студентов юридических факультетов в сфере профессиональной коммуникации на основе заранее разработанных критериев.

Система контроля уровня владения иностранным языком неотделима от системы обучения, т.к. объекты обучения и объекты контроля, которыми являются формируемые знания, умения и навыки, совпадают. Для того чтобы контроль считался объективным, контролировать можно только то, что являлось целью обучения [13].

Таким образом, выявляя посредством анализа познавательных потребностей объекты контроля уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции будущих юристов, мы одновременно определяем перечень объектов обучения – знаний, навыков и умений, развитие которых позволит выпускникам участвовать в иноязычном профессиональном общении.

Необходимость проведения анализа познавательных потребностей студентов юридических факультетов в процессе разработки системы контроля их уровня владения иностранным языком профессионального общения обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, при разработке учебной программы, а также системы контроля и оценки уровня обученности студентов важно учитывать *требования рынка труда*. Анкетирование практикующих юристов (67 респондентов) и их работодателей (32 респондента), проведенное автором в 2015-2017 годах в республике Карелия, показало, что 69% опрошенных специалистов считают полезным использование иностранного языка в своей профессиональной деятельности. 89% работодателей заинтересованы в том, чтобы их подчиненные изучали иностранные языки и применяли знание языков в работе [14].

Изучение реальных ситуаций иноязычного профессионального общения юристов разных профилей также подтвердило наличие у них потребности в коммуникации на иностранных языках при выполнении должностных обязанностей, а значит, и необходимость в формировании соответствующих речевых умений. Например, сотрудники транспортной полиции должны уметь в случае происшествия попросить иностранца описать внешность подозреваемого и свидетелей, описать похищенное, перечислить последовательность событий (говорение и аудирование, т.е. диалогическая речь); в случае угрозы безопасности в общественном месте – объявить по громкой связи о необходимости покинуть помещение (говорение, монологическая речь); при про-

верке документов у иностранного гражданина и осмотре подозрительного багажа – понять основное содержание удостоверения личности, сопроводительных документов, билетов на иностранном языке и т.п. (чтение).

Обзор учебных пособий по английскому языку для студентов юридических факультетов российских вузов показывает, что их содержание сконцентрировано на правовых системах США и Великобритании, а право России обходится стороной или рассматривается вскользь [15]. Тем не менее, работать российским юристам приходится в системе отечественного законодательства, т.к. на территории России действует континентальное право, отличающееся от англо-саксонской правовой системы англоговорящих стран. Это означает, что для формирования большинства необходимых современному юристу иноязычных речевых умений, невозможно обойтись только использованием существующих учебных пособий. По этой причине на основе анализа познавательных потребностей юристов необходимо разработать систему упражнений и заданий для текущего контроля, которые учитывают особенности реальной иноязычной профессиональной коммуникации юристов в России и позволяют развить необходимые речевые умения и проконтролировать их на занятиях [16].

Анализ имеющихся в доступе контрольных процедур для оценки промежуточного и итогового уровней профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции юристов в России (включая отечественную систему тестирования ФЭПО, зарубежные экзамены ILES и TOLES) также показал, что данные средства контроля не обеспечивают должный охват необходимых речевых умений в составе иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции будущих юристов, что не позволяет ограничиться их применением для оценки уровня обученности студентов российских вузов [15]. Тест ФЭПО не проверяет сформированность умений аудирования, говорения, письма, чтения юридических текстов разных жанров. Зарубежные тесты не учитывают многочисленных особенностей работы и общения юристов в России, отличающихся от коммуникации юристов на Западе. Таким образом, автору представляется неверным решение прибегнуть к использованию одних лишь существующих контрольных процедур для осуществления рубежного и итогового контроля на юридическом факультете, т.к. такой выбор делает контроль оторванным от процесса обучения, не соответствующим требованиям внешней среды (т.е. профессиональному общению юристов в реальных условиях), необъективным и недостаточно коммуникативным. Необходима разработка контрольных процедур, в основе которых лежит воспроизведение на экзамене учебных речевых ситуаций, максимально приближенных к ситуациям реального профессионального общения юристов в России.

Во-вторых, при разработке системы контроля уровня владения будущими юристами иностранным языком профессионального общения анализ познавательных потребностей позволяет учесть образовательные нужды самих студентов в области контроля и оценки их иноязычной профессиональной компетенции.

Опрос практикующих юристов (57 респондентов), проведенный автором в 2015-2017 годах, показал, что они испытывают сложности в понимании иноязычных текстов и общении с иностранцами. 68% опрошенных отмечают трудности в диалогической речи, 46% – в переводе и письме, 29% – в чтении, что свидетельствует о недостатках системы обучения.

Анкетирование студентов юридических факультетов разных вузов, проведенное в 2017 году (99 респондентов), выявило, что опрошенные считают контроль их уровня владения иностранным языком в вузе оторванным от условий реального профессионального общения (39%), недостаточно коммуникативным (62%), излишне стрессовым (68%), необъективным (14%).

Анализ познавательных потребностей студентов

юридических факультетов способен устранить указанные недостатки существующей методики контроля, если при разработке системы контроля принять во внимание образовательные нужды студентов.

Для этого необходимо до начала обучения определить исходный уровень студентов через процедуру входного контроля, а в дальнейшем учитывать действительный прирост уровня каждого студента, обеспечить тем самым дифференцированный подход к контролю.

Важно также использовать подлинно коммуникативные задания, воспроизводящие реальные ситуации общения, которые сделают контрольные процедуры более естественными в глазах студентов, вызовут интерес к решению профессиональных коммуникативных задач, обеспечат профессиональную составляющую иноязычной коммуникации.

Кроме того, полезно прибегнуть к использованию самоконтроля (портфолио, самооценка по шкале критериев), что обеспечит сознательный подход студентов к контролю, снизит его стрессовость, повысит мотивацию.

Тщательная проработка шкалы критериев оценки на основе анализа познавательных потребностей и предварительное ознакомление с ней студентов способны сделать контроль более понятным, обоснованным, а значит, более объективным.

В-третьих, анализ познавательных потребностей дает возможность оценить взгляд преподавателей на процессы обучения и контроля и учесть его при разработке контрольных процедур. Мнение преподавателей важно учитывать, т.к. от характера их работы зависит успешность достижения поставленных целей обучения, т.е. выполнение вышеозначенных требований рынка труда и удовлетворение познавательных нужд студентов.

В ходе беседы с преподавателями английского языка Петрозаводского государственного университета удалось выяснить, что трудности проведения контрольных процедур на юридическом факультете связаны с тем, что существующий контроль не достаточно информативен для педагога, субъективен, несистематичен. При разработке системы контроля важно устранить данные недостатки существующих контрольных процедур.

Отсутствие систематичности в проведении контроля уровня владения иностранным языком студентов-юристов связано с отсутствием в существующих учебных пособиях достаточного количества необходимых заданий для текущего контроля (чаще всего используются некоммуникативные задания: «Ответьте на вопросы по тексту», «Выберите правильный вариант»; крайне мало заданий на контроль умений аудирования и письма, подлинно коммуникативных заданий), полным отсутствием заданий для рубежного и итогового контроля. Процедуры зачетов и экзаменов не стандартизированы, выбираются преподавателем для каждой группы студентов на свое усмотрение. В связи с этим необходима разработка не только учебных пособий, содержащих системы упражнений на формирование речевых умений, востребованных в ситуациях реального общения на рынке труда (о чем писалось выше), но и основанной на таких пособиях системы контрольных материалов и процедур, которая сделает контроль регулярным, всеобъемлющим, но при этом объективным (благодаря ясным критериям оценки и сохранению корреляции между объектами обучения и контроля).

Из отсутствия системы контрольных процедур вытекает субъективность контроля для преподавателя. Часто преподаватель вынужден выносить холистическую оценку уровня владения языком студентом, полагаясь «на внутреннее чутье». Оценка ответа студента одним преподавателем может значительно отличаться от оценки того же ответа другим преподавателем. Неудивительно, что студентам такой контроль кажется необъективным. Устранить данный недостаток возможно через предварительный анализ познавательных по-

требностей и создание системы критериев оценки всех видов речевой деятельности по заранее апробированной шкале. Своевременное ознакомление участников контроля (преподавателей, экзаменаторов, студентов) с данными критериями позволит повысить уровень доверия студентов к результатам контроля, а также снимет часть ответственности за результат контроля с преподавателя-экзаменатора.

Серьезным недостатком является также неспособность существующей методики контроля обеспечить обратную связь, т.е. предоставить преподавателю необходимую информацию об успешности проделанной в ходе обучения работы, о сильных и слабых сторонах программы. Связано это с тем, что на экзамене контролируется не то, что было объектом обучения, контрольные задания не в полной мере выявляют сформированность речевых умений. Для устранения данной проблемы требуется проверка целей контроля, контрольных процедур и материалов на соответствие целям обучения, совместно с повышением информативности методики контроля (через своевременность, системность и критериальную ориентированность контрольных мероприятий).

Анализ познавательных потребностей студентов с точки зрения преподавателя и своевременная обратная связь помогут преподавателю вовремя выявить имеющиеся недостатки в учебной программе и в собственной обучающей деятельности и внести соответствующие коррективы в учебный процесс.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что анализ познавательных потребностей студентов юридических факультетов является эффективным инструментом оценки образовательной ситуации на этапе планирования обучения, т.к. позволяет принять во внимание требования рынка труда к уровню подготовки выпускников, образовательные нужды студентов в области оценки их уровня владения иностранным языком и взгляд преподавателей на процесс контроля, чтобы учесть полученные сведения при разработке системы контроля уровня сформированности иноязычных речевых умений в сфере профессиональной коммуникации, а значит, сделать контроль более объективным, информативным, систематическим, всеобъемлющим, дифференцированным, стимулирующим и менее стрессовым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Dudley-Evans, T., St John, M. *Developments in ESP: A multi-disciplinary approach*. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. – 301 pp.
2. Hutchinson, T., Waters, A., *English for Specific Purposes. A learning-centred approach*. Cambridge, New York, Melbourne: Cambridge University Press. 2007. –183 pp.
3. Петрова Г.И. Междисциплинарность университетского образования как современная форма его фундаментальности // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2008. №3. С. 7-13.
4. Колесникова И.А. Трансдисциплинарная стратегия исследования непрерывного образования // *Непрерывное образование: XXI век*. 2014. №4(8). С. 14-36.
5. Соловова Е.Н. Перспективы развития национальной системы языкового контроля // *Английский язык в школе*, 2004. № 1(5). С. 21-31, № 2(6). С. 41-45.
6. Вербицкая М.В., Махмурян К.С., Симкин В.Н. Методические рекомендации по совершенствованию подготовки к ЕГЭ по иностранным языкам // *Иностранные языки в школе*, 2015. № 11. С. 2-16.
7. Тесликова Н.Н. Совершенствование культурно-речевых навыков студентов юридического факультета вуза. Дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2004. – 275 с.
8. Панкратова Е.А. Формирование правовой картины мира у студентов юридических специальностей средствами иностранного языка. Дис. ... канд. пед. наук. Н.Новгород, 2004. – 210 с.

9. Мухадиева Ф.П. Формирование культуры профессиональной речи студента юридического факультета. Дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 2006. – 204 с.

10. Колесникова И.Л., Долгина О.А. *Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков*. СПб.: Блиц, Cambridge University Press, 2001. – 224 с.

11. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. *Словарь методических терминов*. СПб.: Златоуст, 1999. – 472 с.

12. Викулина О.В. Особенности иноязычной профессиональной коммуникации специалистов юридического профиля // *Вестник Тверского государственного университета*, 2011. Вып. 3. С. 105-110.

13. Горчев А.Ю. Объекты, уровни и приемы контроля // *Иностранные языки в школе*. – 1984. №6. С. 68-72.

14. Викулина О.В. Функциональный аспект системы контроля уровня сформированности иноязычных речевых умений студентов юридических факультетов в сфере профессиональной коммуникации // *Самарский научный вестник*, 2017. - №1. С. 170-175.

15. Викулина О.В. Контроль уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции в системе непрерывного образования (на примере обучения студентов юридических факультетов) // *Непрерывное образование: XXI век*. Режим доступа: <http://11121.petrsu.ru/journal/article.php?id=2368>

16. Викулина О.В. *English for Russian Lawyers*. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. – 124 с.

Статья поступила в редакцию 12.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

РАБОТА С РОДИТЕЛЯМИ В ЧАСТНЫХ ГИМНАЗИЯХ
ИРКУТСКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2018

Гаращенко Любовь Витальевна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики*Иркутский государственный университет
(664003, Россия, Иркутск, улица Карла Маркса, 1, e-mail: glovevita@mail.ru)*

Аннотация. Глубокое изучение истории образования и педагогической мысли дает возможность использовать лучшие образовательные практики для решения насущных социально-педагогических проблем. Одним из вызовов современности является преодоление негативных стереотипов, имеющих место во взаимоотношениях между школой и семьей. В статье представлены результаты изучения регионального историко-педагогического наследия, отражающего опыт частных гимназий Иркутска по организации работы с родителями учеников в начале XX века. На основе анализа разноплановых историко-педагогических источников аргументированно устанавливаются исторические линии преемственности отечественных культурно-образовательных традиций. Описаны формы сотрудничества педагогов и родителей. Характеризуется деятельность родительских комитетов, создание которых официально разрешено в России было только в 1905 году. Приведены конкретные примеры влияния родительской ответственности на организацию учебного процесса, создание в гимназиях комфортного образовательного пространства. Обозначены приоритетные направления работы с родителями в средних и начальных частных школах. Многие факты впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: образование, история образования, частное образование, частная гимназия, родители, гимназисты, родительский комитет, взаимодействие, формы сотрудничества, педагогическое просвещение родителей, благотворительность, Иркутск.

WORK WITH PARENTS AT IRKUTSK PRIVATE GYMNASIUMS
IN THE EARLY 20th CENTURY

© 2018

Garashchenko Liubov Vitalyevna, candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the chair pedagogics*Irkutsk State University
(664003, Russia, Irkutsk, Karl Marx st., 1, e-mail: glovevita@mail.ru)*

Abstract. Studying the history of education and pedagogical thought allows us to use the best pedagogical experience for solving urgent social and pedagogical problems. One of the current problems is overcoming the negative stereotypes that have developed in the relationship between the school and the family. The results of the study of the historical and pedagogical heritage, which tells how Irkutsk's private gymnasiums at the beginning of the 20th century worked with the parents of the pupils are presented in the article. An analysis of diverse historical and pedagogical sources is given, and historical lines of continuity of domestic cultural and educational traditions are argued. Forms of teachers and parents cooperation are described. Activity of parental committees which creation was officially authorized in Russia only in 1905 is characterized. Specific examples of the parental public influence on the organization of educational process, creation in gymnasiums of the comfortable educational environment are given. The priority areas of work with parents at high and elementary private schools are designated. Many facts are for the first time introduced for scientific use.

Keywords: education, history of education, private education, private gymnasium, parents, high school students, parental committee, interaction, forms of cooperation, pedagogical education of parents, charity, Irkutsk.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Родители (законные представители) несовершеннолетних – полноправные участники образовательных отношений. Эта формула не только продекларирована в образовательной политике государства, но и официально закреплена Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации». Кооперация и сотрудничество с семьей, вовлечение родителей в управление образовательной системой рассматриваются сегодня как условие эффективности учебно-воспитательного процесса, важнейшее профессиональное умение педагога [1], один из факторов устойчивого социально-экономического развития общества [2]. На другой чаше весов – отчуждение семьи от жизни образовательной организации, формализация отношений в связке «педагог–родители», сформировавшиеся негативные стереотипы: замыкание общения лишь вокруг вопросов финансовой поддержки школы, обсуждения успеваемости детей, нарушения дисциплины и др. Подобный характер отношений с родителями (взаимное дистанцирование) был свойственен и большинству дореволюционных школ, что вполне объяснимо: до начала XX века отечественная педагогика четко разграничивала функции школы и семьи в вопросах воспитания. При этом даже в провинции имелись школы «нового типа», как правило, – частные учебные заведения, которые выстраивали свою работу с учетом наиболее прогрессивных педагогических веяний того времени и экспериментов в области образования. В полной мере сказанное можно отнести к деятельно-

сти ряда гимназий Иркутска, существовавших на средства частных лиц и общественных организаций. Поиск эффективных моделей взаимодействия школы и семьи актуализирует обращение к историко-педагогическому опыту: ретроспективный просмотр регионального педагогического наследия – изучение, репрезентация опыта, отображение аналогий – позволит обогатить современную педагогическую теорию и практику, установить исторические линии преемственности отечественных культурно-образовательных традиций.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Современные исследователи, справедливо полагая, что пристальное изучение истории образования и педагогической мысли позволяет использовать лучшие образовательные практики для решения насущных социально-педагогических проблем, в ряде публикаций обращаются к анализу культурно-исторического наследия регионов. Отдельные аспекты проблемы взаимоотношений провинциальной школы и семьи в царской России затронуты в научных трудах по истории кубанского казачества (Ю.М. Горбунова) [3] и генезису идей семейного и общественного воспитания (М.И. Богомолова [4], К.А. Писарев [5] и др.), в комплексных исследованиях по истории развития общего образования в некоторых российских регионах: Западной Сибири (О.Б. Гач) [6], на Урале (М.В. Егорова) [7], в Смоленской губернии (Е.Ю. Самарцева) [8] и др.

Несмотря на то, что в последнее время выполнено ряд работ по истории государственного и частного образования в Восточной Сибири (Е.В. Захарова [9], И.Н. Мамкина [10], А.И. Шилов [11] и др.) и Иркутске (Л.В. Гарашенко [12], И.И. Терновая [13], Т.И. Черепанов [14] и др.), дореволюционный опыт взаимодействия школы и семьи в Иркутской губернии практически не изучен. Деятельность частных средних школ Иркутска, получивших наибольшее распространение в начале XX вв. и занимавших особую нишу в структуре городского образовательного пространства, относится к числу малоисследованных проблем. В научных публикациях не нашел освещения и вопрос участия родительской общности в деятельности частных гимназий. Нет целостного представления о специфике, содержании и формах сотрудничества педагогов таких школ и родителей их воспитанников. Источниковую базу нашего исследования составили документы фондов Государственного архива Иркутской области (далее – ГАИО), материалы периодической печати Иркутской губернии, педагогические работы конца XIX – начала XX вв., официальные нормативно-правовые акты, регламентировавшие деятельность казенных и частных учебных заведений.

Формирование целей статьи (постановка задания).

Цель нашей публикации – на основе анализа разноплановых историко-педагогических источников описать опыт частных гимназий Иркутска по организации работы с родителями в начале XX в.; восполнив имеющийся информационный пробел, ввести в научный оборот вновь выявленные сведения и факты, установить исторические линии преемственности региональных культурно-образовательных традиций.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Негосударственные школы в губернском городе, в отличие от столиц, «где сословный дух благоприятствует существованию частных гимназий с аристократическим оттенком» (Н. Ленстрем) [15, с. 52], могли существовать и эффективно действовать лишь при живом содействии общества, доверие которого еще нужно было заслужить. Закономерно, что в деятельности всех частных иркутских гимназий, а их было десять (семь женских, две мужских и одна смешанная) при трех казенных (мужской и двух женских), особое место отводилось организации работы с родителями.

Одним из важных факторов, которые обеспечивали успех и выживаемость частных гимназий, содержавшихся на средства частных лиц и различных общественных объединений, было удовлетворение ожиданий чадлюбивых родителей относительно содержания образования ребенка. Как правило, именно этот вопрос: чему и как будут учить гимназистов, определял выбор родителями учебного заведения для своего отпрыска. Поэтому уже в анонсах об открытии школы и в объявлениях о начале приема в гимназию учредители старались расписать все преимущества: особенности учебного плана (его «репертуар»), технологические подходы («механизм преподавания»), уровень профессионализма преподавательского состава, перспективы (получение полных прав министерских гимназий для учащихся и учащихся) и др. К примеру, в 1902 г. газета «Восточное обозрение» писала на своих страницах: «Вновь открываемое женское учебное заведение [А.М. Григорьевой]... создается по типу петербургских гимназий Таганцевой и Стоюниной, т[о] е[сть] сверх программы Министерства народного просвещения войдут еще добавочные предметы – естествоведение и гимнастика; география, или, вернее, для первых классов родиноведение, будет преподаваться с 1 класса. В недалеком будущем учебное заведение имеет быть обращено в женскую гимназию с постепенным открытием классов» [16, с. 2]. Маркетинговый ход дополнила информация, доведенная до родителей на их общем собрании с педагогическим коллективом: учебное заве-

дение отвергает систему отметок и видит в них лишь помеху нравственной стороне учения; отметки посягают на неестественные отношения между родителями, детьми и воспитателями и заслоняют истинную цель учения, поскольку большинство учащихся забывает, для чего они учатся, и все их стремление ограничивается добыванием высших баллов самыми неблагоприятными средствами; все, что касается успешности учения, будет сообщаться родителям на ежемесячных родительских собраниях; характеристики школьниц и их способностей будут воспитателями составляться в середине года; к совещаниям будут привлекаться родители и воспитательницы [17]. Результат был налицо: если первоначально в эту школу записалось всего 40 учениц, то на следующий год контингент увеличился до 93 человек, в сентябре 1904 г. в гимназии обучалось уже 164 девочек, в 1907 г. – 304, в 1912 г. – 377, а в 1916 г. – 489.

Изучение педагогической литературы начала прошлого века показывает, что аксиоматическая формула – без взаимодействия с семьей невозможно обеспечить высокий уровень воспитания и обучения ребенка – уже в полной мере выступала руководством к действию для школ и учителей, стремившихся к наиболее верной постановке образовательного процесса. Утверждалась идея, что именно семья (это «общечеловеческое учреждение») призвана решать главную задачу воспитания – «природосообразно возбуждать и поддерживать, растить и умножать высокие задатки человека», с которыми он рождается на свет, готовить ребенка к выполнению целого спектра социальных ролей, необходимых для жизни в обществе. К тому же, «впечатления и воздействия семьи», а равно сообщаемые ею навыки и обычаи, ее заветы и уроки «так глубоки и содержательны, так болезненны и близки сердцу каждого человека», что в сравнении с ними не могут идти никакие влияния, как бы ни были они устойчивы и продолжительны. Следовательно, учителю важно знать «заветы семьи и сообщаемые ею навыки», чтобы они стали «твердым фундаментом», на котором, «с уверенностью за прочность возводимого здания», можно было продолжать дело воспитания и обучения (А. Анастасиев) [18, с. 3-4]. Поскольку школа не была достаточно открытой социально-педагогической системой, в числе приоритетных направлений ее деятельности называлось преодоление «односторонности»: «привести школу в тесную связь с семьей» и через школу «благотворно действовать на семейное воспитание» (В.Я. Стоюнин) [19, с. 548]. Таким образом, был окончательно отторгнут тезис, что «школа, как суррогат, искусственная замена семейства для дитяти», не должна и не может быть воспитывающим институтом, иначе она утратит свою цель и свое назначение – обучение, формирование знаний, порождение стремления к познанию. Целевым ориентиром становится «совокупное воспитание», чтобы приготовить из своих учеников «сознательных и деятельных членов народа» (С.И. Миропольский) [20, с. 2, 3], достойных сынов Отечества, разделяющих российские традиционные духовные ценности.

Вполне закономерно, что учредители иркутских частных гимназий, которые, в отличие от руководства казенных училищ, более смело воплощали в жизнь инновационные подходы в организации обучения и воспитания учеников, постарались в полной мере использовать в своей деятельности развивающий потенциал сотрудничества с родителями.

Отдельные факты из ежегодных отчетов, отложившихся в фондах ГАИО, а также многочисленные заметки в дореволюционных региональных периодических изданиях свидетельствуют, что родители воспитанников иркутских частных гимназий традиционно включались в лично- и социально значимую деятельность. Они были постоянными гостями на культурно-массовых мероприятиях и участниками благотворительных акций, что, безусловно, способствовало гармонизации детско-

родительских отношений, упрочению связей школы и семьи, устранению причин взаимного недоверия и настороженности. Практически ни одно из ярких событий – литературно-музыкальные утра и вечера, новогодние елки, постановки ученических театров, торжественные акты по случаю окончания учебного года, празднование школьных юбилеев и общероссийских знаменательных дат, выставки и выставки-продажи рукодельных детских работ – не проходило без их присутствия. Именно при деятельном участии родителей гимназисток старших классов в годы Первой мировой войны при учебном заведении А.М. Григорьевой были образованы трудовые артели учащихся, где юные иркутянки, получая опыт волонтерства, помогали в проведении полевых работ семьям воинов, находившихся на поле брани. Не секрет, что такая социальная практика – привлечение школьников и студентов к сельскохозяйственным работам на добровольных началах (выезды «в колхоз», «на картошку») – была широко распространена в советское время, в том числе в период Великой Отечественной войны.

Популярной формой работы с родителями было посещение детей на дому. Посещение воспитанников в местах их проживания с родителями или на частной квартире входило в обязанность классных наставников. Кроме того, классные наставники – «ближайшие помощники директора... в попечении об успехах и нравственности» вверенных им учеников [21, с. 1] – следили за успехами и поведением гимназистов, вели учет пропущенных ими уроков, часто приглашали для бесед родителей воспитанников, «выясняли им положение относительно их детей и старались стать с ними с более близкие отношения» (ГАИО. Ф. 63. Оп. 5. Д. 54. Л. 17 об.), рассказывали «все необходимое для пользы учащихся» [21, с. 6] в учебном, воспитательном и гигиеническом плане. Нужно отметить, что родители, за единичными исключениями, шли школе навстречу.

Как и в наши дни, родители учеников частных гимназий, несмотря на высокую стоимость обучения, принимали посильное участие в оснащении образовательного процесса необходимыми пособиями, оборудованием, пополняли библиотечные фонды. Так, в той же гимназии А.М. Григорьевой была образована товарищеская ученическая библиотека, куда каждая из девочек, с согласия родителей, приносила имеющиеся у нее дома книжки и передавала их учительскому персоналу. Книги после тщательной проверки на пригодность для детского чтения вписывались в каталог учебного заведения. Таким образом, между гимназистками происходил обмен литературой. Правда, если девочка оставляла заведение, книги ей, по желанию, возвращались [17]. В женской гимназии В.С. Некрасовой (открыта в 1904 г.), где необходимые для классов учебно-наглядные пособия (географические карты, глобус, счеты, картины, учебно-лабораторное оборудование для специализированных кабинетов и др.) и классная мебель приобретались за счет содержательницы школы, учебные книги, тетради и письменные принадлежности покупали родители учениц. Аналогичный порядок существовал в женской гимназии С.Е. Детьшевой и С.К. Протасовой (открыта в 1906 г.), мужских гимназиях Е.А. Горцейт и Иркутского отдела Русского собрания (обе открыты в 1907 г.). Зачастую учебники и канцелярские товары (бумагу, перья, чернила, тетради, карандаши), которые было не так-то просто достать в Иркутске, продавали родителям прямо в школе по ценам книжного магазина, «чтобы однообразные книги облегчали [детям] обучение одновременно со всеми, а недостатки письменных принадлежностей не препятствовали бы занятиям» (ГАИО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 130. Л. 25).

Вероятно, в связи с тем, что образовательный уровень большинства родителей учеников частных гимназий Иркутска был довольно высок, мы не встретили упоминания о конкретных мероприятиях по их педагогическому просвещению, повышению

уровня педагогической культуры. В то же время такое направление работы было характерной чертой деятельности ряда частных учебных заведений второго и третьего разрядов. Эти занятия, как правило, носили четко организованный, системный характер. Например, в бесплатной школе Н.В. Сукачевой для девочек (открыта в 1884 г.) проходили народные чтения, в том числе с туманными картинками, в специально созданной для этих целей так называемой «Сукачевской аудитории» (более подробно об этом мы рассказывали в одной из более ранних наших публикаций [22]). Иркутское общественное еврейское начальное училище (открыто в 1897 г.) в 1915 г. учредило официальные вечерние курсы грамотности для взрослых, где четыре раза в неделю по вечерам проводились занятия по программе городских школ, изучались общеобразовательные и еврейские предметы [23, с. 201]. «Семейная школа» А.Э. Третьяковой (открыта в 1912 г.), в самом названии которой закреплена ее миссия: совместная работа семьи и школы для наиболее полного достижения поставленной цели – обеспечение свободного, самостоятельного детского развития и творчества – делала ставку на родительский всеобуч. Чтобы родители были в курсе современных педагогических теорий и методов и удовлетворяли разумным требованиям семейного воспитания, для них систематически организовывались лекции и доклады по педагогическим вопросам (о возрастных и индивидуальных особенностях развития детей, охране здоровья, формировании культурно-гигиенических навыков, методах воспитания, организации игровой деятельности, детском чтении, развитии творчества, самодельности и др.). С сообщениями относительно общих вопросов преподавания в школе и внутреннего распорядка выступали и родители. Мероприятия зачастую сопровождалась выставками детских работ, где демонстрировались результаты применения в работе с учениками нового – творческого – метода обучения. На такие встречи приглашались не только члены семей воспитанников, но и все горожане, кому были «дороги и близки» [24, с. 3] новые пути и способы развития и обучения детей. Выставки образцовых детских работ и тетрадей для ознакомления родителей с успехами детей взамен отвергнутой школой балльной системы устраивались и начальной школой Иркутского общества «Просвещения» (открыта в 1908 г.). Нет информации и о том, что в гимназиях имели место такие формы работы, как воскресная школа для родителей (как в Иркутском казачьем начальном училище), родительский клуб (в «Семейной школе»), родительский кружок (в школе общества «Просвещения»), которые также преследовали благородную цель – «установить постоянное общение родителей со школой, возбудить известный интерес с их стороны к делу обучения детей» [25, с. 2].

Тем не менее, сближению иркутских частных гимназий и родителей как институтов социализации, объединению их усилий в воспитании учеников, установлению единства педагогических воздействий на детей во многом способствовали общие и классные родительские собрания (очевидно, именно там, наряду с обсуждением успешности обучения и дисциплинированности детей, происходило знакомство родителей с конкретными педагогическими вопросами и лучшим опытом семейного воспитания), а также представительство педагогов в родительском комитете – наиболее устоявшейся, проверенной временем форме взаимодействия школы и семьи.

До 1915 г. в частных гимназиях Иркутска родительские комитеты не было, хотя постановлением Совета министров, Высочайше одобренным 13 сентября 1905 г., официально было разрешено образовывать родительские совещания и родительские комитеты при средних учебных заведениях и председателю родительского комитета, которого следовало избирать общим собранием родителей, предоставлялись права, одинаковые с правами почетного попечителя гимназии

как в педагогическом совете, так и в хозяйственном комитете учебного заведения [26]. В гимназии Е.А. Горцейг, например, комитет родителей появился в 1917 г. В гимназии В.С. Некрасовой такой орган родительской общественности был образован лишь в 1918 г., и он еженедельно, по вторникам, собирался для решения насущных вопросов.

Помимо прочих функций – участие в делах педагогического совета с целью согласования действий, защита прав учащихся и др. – родительские комитеты принимали на себя контроль над соблюдением правил гигиены, поощрение отличившихся школьников, организацию горячих завтраков для гимназистов (при этом дети несостоятельных родителей получали завтрак безвозмездно, за счет комитета). Вообще оказание материальной помощи нуждающимся ученикам было важнейшим направлением работы родительских комитетов. Для этого в учебных заведениях А.М. Григорьевой и А.О. Блажеевича (открыто в 1917 г.) были даже созданы специальные общества вспомоществования недостаточным ученикам. Они организовывали благотворительные мероприятия по сбору средств и вещей (бесприигрышные лотереи, концерты, спектакли, танцевальные вечера, сеансы иллюзиона, публичные лекции, базары и др.), вносили плату за право учения ребятам из малообеспеченных семей. Так, благотворительные акции, устроенные Обществом вспомоществования нуждающимся ученикам гимназии А.М. Григорьевой в декабре 1916 г., дали около 800 р. чистого дохода. В том же году благотворительный спектакль и беспроигрышная лотерея аллегри, организованные по инициативе родителей и попечителей женской гимназии Иркутского отдела Союза русского народа (открыта в 1909 г.), принесли более 900 р., которые пошли на содержание недостаточных учениц. В 1917 г. сумма была еще значительней – 1 100 р. Иногда мероприятия по сбору материальной помощи нуждающимся ученикам проводились совокупными усилиями родительских комитетов частных и казенных школ Иркутска во взаимодействии с Обществом для оказания помощи учащимся в Восточной Сибири.

Однако так было далеко не во всех частных средних учебных заведениях. В гимназии Иркутского отдела Русского собрания дети необеспеченных родителей порой не дотягивали до завершения полного курса обучения. Так, в августе 1917 г. воспитанник шестого класса Иван Наймушин в своем прошении на имя директора гимназии писал: «В виду серьезной и продолжительной болезни моей матери, которая одна меня содержала и учила, а теперь совершенно не может работать, и, не имея других средств к жизни, я вынужден оставить вверенную Вам гимназию, чтобы поступить куда-либо на службу и содержать себя и мать» (ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 883. Л. 48). На помощь юноше никто не пришел, учеба его прекратилась.

В большинстве частных женских гимназий было отмечено представительство родителей в педагогических советах гимназий. Члены родительского комитета (председатель и два его заместителя) женской гимназии А.О. Блажеевича принимали непосредственное участие в обсуждении рабочих программ по отдельным предметам, успехам и поведению гимназисток, вопросов перевода в следующие классы и приема новых учениц.

Родительский комитет гимназии А.М. Григорьевой, который начал свою работу в сентябре 1915 г. и все члены которого имели высшее образование [27], тоже оказывал непосредственное влияние на организацию образовательного процесса. Известно, что в 1916 г. было высказано неудовольствие ситуацией, сложившейся в гимназии «в гигиеническом отношении». Чтобы побудить администрацию школы создать нормальные условия для обучения их детей, родителями была инициирована заметка в газете «Сибирь» [28, с. 2], которая не только вызвала дебаты в городском обществе и стала не-

ожиданностью для педагогического совета, но и сильно ударила по имиджу гимназии. А в период Первой мировой войны родительский комитет на своем заседании даже принял такую резолюцию: «...признавая в принципе, что переходные и выпускные экзамены как система оценки знаний учащихся с педагогической точки зрения не соответствуют своему назначению, а для физического и духовного развития детей даже вредны, что признаю как специалистами педагогами, так и Министерством народного просвещения, [комитет] находит в настоящий тяжелый момент, переживаемый Родиной, [что] отмена экзаменов является не только желательной, но и безусловно необходимой...» (ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 755. Л. 8).

Примечательно также, что члены президиума родительского комитета гимназии А.М. Григорьевой были в числе тех активистов-иркутян, кто 3 марта 1917 г. подписал «Обращение к родителям и учащимся средних учебных заведений» с призывом воздержаться от активного участия во всякого рода публичных собраниях, выступлениях, манифестациях и, сохраняя полное спокойствие в переживаемый «великий исторический момент», продолжать учебные занятия. «Пусть родители и учащиеся проникнутся уверенностью, – говорилось в послании, – что интересы учащихся будут всемерно защищаемы родительскими комитетами» [29, с. 2].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.

Исследование показало, что в рассматриваемый нами период (начало XX века) частные гимназии Иркутска вносили значительный вклад в развитие культурно-образовательного пространства губернского города и Иркутского региона в целом. Налаживая конструктивное и продуктивное взаимодействие между школой и семьей, учредители и педагогические работники иркутских частных гимназий культивировали у родительской общественности живой интерес к этой сфере их жизни, призывали к консолидации усилий по воспитанию подрастающего поколения и к деятельному участию в создании благоприятных условий для обучения и воспитания детей, старались сделать школу открытой социально-педагогической системой. Это в полной мере стимулировало включение родителей в управление гимназиями, способствовало зарождению родительского контроля над такими направлениями школьной деятельности, как выбор предметов для изучения (утверждение образовательной программы заведения), разработка системы мер по обеспечению дисциплины и мер поощрения, организация питания, создание в классных комнатах безопасной в гигиеническом отношении среды, анализ результатов образовательной деятельности школы и др.

Многие формы работы, применявшиеся иркутскими частными гимназиями для установления сотрудничества с родителями, широко используются и сегодня, являются традиционными. Приведенные конкретно-исторические примеры ярко иллюстрируют преемственность и генетическую связь прогрессивных идей, которыми проникнуто современное российское образовательное пространство, и социокультурного опыта, накопленного поколениями и прошедшего проверку временем.

История регионального образования – и государственного, и частного – хранит еще немало неисследованных страниц. Перспективными направлениями дальнейшего исследования деятельности дореволюционных частных учебных заведений Иркутска могут быть их взаимоотношения с губернской властью и органами управления образованием, просвещенческие инициативы педагогических комиссий школ («нового типа»), сотрудничество с общественными объединениями и организациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Профессиональный стандарт «Педагог» (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образова-

- ния) (воспитатель, учитель)» (утв. приказом Минтруда и соцзащиты РФ от 18 окт. 2013 г. № 544н) [Электронный ресурс] // Российская газета. 2013. 18 дек. URL: <https://rg.ru/2013/12/18/pedagog-dok.html> (дата обращения: 20.02.2018 г.).
2. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы (утв. распоряжением Правительства РФ от 29.12.2014 г. № 2765-р) [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/4952> (дата обращения: 26.02.2018 г.).
3. Горбунова Ю.М. Начальное образование в казачьей среде дореволюционного периода на Кубани // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 1/1. С. 130-134.
4. Богомолова М.И. Генезис семейного и общественного воспитания детей в истории педагогической мысли: монография. Ульяновск: Изд-во УлГПУ, 2015. 299 с.
5. Писарев К.А. Проблема соотношения семейного и школьного воспитания в русской педагогической мысли второй половины XVIII – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Курск, 2009. 28 с.
6. Гач О.Б. Развитие негосударственного общего образования в Западно-Сибирском учебном округе в конце XIX – начале XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 28 с.
7. Егорова М.В. Развитие системы частного образования на Урале (1861 – февраль 1917 г.): дис. ... канд. истор. наук. Челябинск, 2003. 179 с.
8. Самарцева Е.Ю. Элитарное образование в России XIX – начала XX веков (на примере Смоленской губернии): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Смоленск, 2012. 23 с.
9. Захарова Е.В. История становления и развития женских учебных заведений Забайкалья (середина XIX – начало 20-х гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Улан-Удэ, 2015. 23 с.
10. Мамкина И.Н. Развитие системы общего образования Восточной Сибири в условиях модернизации во второй половине XIX – начале XX веков: автореф. дис. ... докт. истор. наук. Иркутск, 2017. 46 с.
11. Шилов А.И. Развитие общего и педагогического образования Восточной Сибири конца XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... докт. пед. наук. Красноярск, 2015. 38 с.
12. Гаращенко Л.В. Частные учебные заведения Иркутска (середина XIX – начало XX вв.): монография. Иркутск: ООО НПФ «Земля Иркутская», 2018; Оттиск, 2018. 672 с.
13. Терновая И., Терновой И. Как учились иркутяне. Иркутск: Оттиск, 2011. 332 с.
14. Черепанов Т.И. Из истории деятельности мужской гимназии Иркутского отдела Русского собрания // Вестник ИрГТУ. 2013. № 1 (72). С. 228–303.
15. Ленстрем Н. Новая учебная система (по вопросу, при каких условиях могут частные гимназии конкурировать с казенными) // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. СХLII. Апрель. Отд. 3. С. 51-97.
16. Иркутская хроника // Восточное обозрение. 1902. 17 авг.
17. Местная хроника // Иркутские губернские ведомости. 1902. 20 дек.
18. Народная школа. Руководство для учителей и учительниц начальных народных училищ: настольная справочная книга: в 2-х т. Т. 2. / Сост. А. Анастасиев. М.: Т-во типо-литографии В. Чичерина, 1910. 456 с.
19. Стоюнин В.Я. Лучик света в педагогических потемках // Педагогические сочинения. СПб.: Типография училища глухонемых, 1892. С. 246-267.
20. Миропольский С.И. Идея воспитывающего обучения в применении к народной школе // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. Ч. СLIII. Январь. Отд. III. С. 1-25.
21. Инструкция для классных наставников гимназического учебного заведения // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)
- зий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1877. 10 с.
22. Гаращенко Л.В. Школа Н.В. Сукачевой в Иркутске // Педагогический ИМИДЖ. 2017. № 3. С. 53-61.
23. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / сост., предисл. и примеч. Н.В. Куликаускене. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1994. 560 с.
24. Хроника // Сибирь. 1913. 16 мая.
25. Хроника // Сибирь. 1914. 20 марта.
26. О родительских комитетах при средних учебных заведениях // Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1780–1912 гг. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1912. С. 682-699.
27. Выборы родительского комитета // Иркутская жизнь. 1915. 28 сент.
28. Среди родителей // Сибирь. 1916. 3 мая.
29. Обращение к родителям и учащимся средних учебных заведений города Иркутска // Иркутская жизнь. 1917. 6 марта.

*Статья поступила в редакцию 12.02.2018
Статья принята к публикации 27.03.2018*

УДК 378

ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА

© 2018

Гнатышина Елена Александровна, доктор педагогических наук, профессор,
директор Профессионально-педагогического института
Алексева Любовь Петровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры подготовки
педагогов профессионального обучения и предметных методик
Савченков Алексей Викторович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры подготовки
педагогов профессионального обучения и предметных методик
*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454084, Россия, Челябинск, Каслинская 97А-28, e-mail: alex2107@mail.ru)*

Аннотация. Дискурс проблемы подготовки профессионально-педагогических кадров для региональных профессиональных образовательных организаций обусловлен, в первую очередь, интенсивным развитием инновационных процессов в российской и региональной образовательной системе, а также отечественной экономике в целом. Потребность в педагогических кадрах новой генерации, особенно в педагогах, участвующих в подготовке квалифицированных рабочих и специалистах среднего звена, продиктована необходимостью развивать регион во всех его направлениях, делать его инвестиционно привлекательным. *Методология и методики исследования.* Методологической основой для проведения данного исследования является ряд подходов, позволивших осуществить системный анализ объекта и предмета исследования, а именно: *системный подход*, который составляет общенаучную основу исследования; *компетентностный подход*, который дает возможность рассмотреть структуру профессиональной компетентности педагогов профессионального обучения и проанализировать профессионально важные качества, востребованные потенциальными работодателями; *проектировочный*, являющийся основой для разработки и апробации экспериментальных учебных планов по реализации Государственного контракта №06.015.11.0021 от 15 сентября 2016 года на выполнение работ для государственных нужд по проекту «Внедрение компетентностного подхода при разработке и апробации основных профессиональных образовательных программ подготовки педагогических кадров для системы среднего профессионального образования (СПО) уровня бакалавриата и магистратуры в рамках укрупненной группы направлений подготовки «Образование и педагогические науки» по направлению подготовки «Профессиональное обучение (по отраслям)» а также для проектирования и внедрения Программы развития Профессионально-педагогического института Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (ППИ ЮУрГГПУ). *Результаты проведенного исследования* стали основой для разработки стратегического плана развития Профессионально-педагогического института ЮУрГГПУ до 2020 г., осуществляющего подготовку педагогов профессионального обучения (по отраслевым разновидностям), отражающим структуру экономической системы региона, а также для участия в инновационной деятельности по реализации экспериментальных программ подготовки кадров в условиях сетевого взаимодействия. *Научная новизна* состоит в анализе и выделении факторов, влияющих на качество подготовки педагогических кадров новой генерации, и их учете в процессе управления инновационной деятельностью вуза. *Практическая значимость данного исследования* заключается в возможности апробации методологии и методики исследования в других учреждениях высшего образования.

Ключевые слова: инновация, инновационный процесс, профессионально-педагогические кадры, педагог профессионального обучения, сеть, сетевое взаимодействие, стратегическое управление, стратегический план развития.

THE TRAINING OF PROFESSIONAL-PEDAGOGICAL PERSONNEL IN CONDITIONS OF INNOVATIVE ACTIVITY OF THE UNIVERSITY

© 2018

Gnatyshina Elena Alexandrovna, doctor of pedagogical Sciences, Professor, Director
of the Vocational-pedagogical Institute
Alekseeva Lubov Petrovna, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department
of training teachers of vocational training and subject techniques
Savchenkov Alexey Viktorovich, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department
of training teachers of vocational training and subject techniques
*South Ural state humanitarian-pedagogical University
(454084, Russia, Chelyabinsk, Kaslinskaya st. 97A-28, e-mail: alex2107@mail.ru)*

Abstract. Discourse problems of training of the professional teachers for the regional professional education organizations is actual due to, primarily, the intensive development of innovative processes in the Russian educational system and the national economy as a whole. Secondary, the need for teaching a new generation staff of teachers, especially those, who involved in the training of future workers and mid-level professionals, is dictated by the need of development of the region in all directions, making it an investment attractive. *Methodology and methods of research.* The methodological basis for this study is a number of approaches, enabling a systemic analysis of the object and subject of research, namely: a *system approach*, on which scientific research is basis; *competence approach*, which allows to consider the structure of professional competence of teachers of vocational training and to perform professionally important qualities in demand by potential employers; *design approach*, as the basis for the development and testing of experimental curricula for implementation of the State contract №06.015.11.0021 of September 15, 2016 for the execution of works for state needs under the project "Introduction of competence approach in the development and testing of the basic professional educational programs of teacher training for vocational-level undergraduate and graduate programs within the enlarged group of directions of preparation "pedagogical Education and science" training direction "Vocational training (by industry)" and also for the design and implementation of the Program of development of Professional-pedagogical Institute of South Ural state humanity- pedagogical university (PPI SUHPU). *As research methods used:* analysis of scientific literature on the research problem, survey methods (questionnaires, interviews) and documentary methods (both qualitative and quantitative analysis). *The results of the study* became the basis for the creation of the strategic development plan of Professional pedagogical Institute of South Ural state humanity- pedagogical university up to 2020, providing training of teachers of vocational training at varieties fields, reflecting the structure of the economic system of the region, as well as to participate in innovative activities to implement updated training programmes in terms of networking. *The scientific novelty* is in the analysis and selection of factors influencing the quality of pedagogical training of a new generation, and feed them into the process of management of innovative activity of the University. *The practical significance* of this study lies in the possibility of testing methodologies and techniques of research in other institutions of higher education.

Keywords: innovation, innovation process, professional teaching staff, teacher training, network, networking, strategic management, strategic plan development.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Ретроспективный анализ проблемы подготовки профессионально-педагогических кадров для учреждений про-

профессионального образования свидетельствует о том, что профессионально-педагогическое образование в России с момента зарождения и до признания его самостоятельной отраслью в системе подготовки педагогических кадров прошло довольно сложный путь. Не редко и сегодня возникают споры о необходимости рассматривать его как самостоятельную отрасль. Идея специализированной подготовки профессионально-педагогических кадров активно оспаривалась и оспаривается до сих пор. Вместе с тем, как указывает Г.М. Романцев, данный вид профессионального образования представляет собой единственный вид образования, который целенаправленно ориентирован на подготовку педагогических кадров для таких государственных отраслей социальной сферы, как начальное и среднее профессиональное образование [1]. Главная причина недооценки данной идеи заключается в том, что значительное число практических работников, а также профессорско-преподавательского состава вузов считает, что обучение рабочих и специалистов среднего звена будет более эффективным, если его реализовывать на рабочем месте. Ими в качестве главного аргумента выдвигается приоритетность знаний технического и технологического характера, а психолого-педагогическая составляющая в процессе подготовки кадров, считаются вторичной, менее существенной. Споры продолжаются и в связи с ликвидацией начального профессионального образования. Противники идеи специализированной подготовки профессионально-педагогических кадров не учитывают того факта, что в стране исчезнет полноценная государственная система массовой подготовки квалификационных рабочих кадров и утратится социальная функция образования, которая была для подросткового возраста сосредоточена в системе среднего профессионального образования (СПО).

Вместе с тем, профессионально-педагогическое образование на различных этапах его становления, преодоления внутренних и внешних противоречий совершенствуется. Следовательно, осуществлялся переход на новый уровень развития за счет инновационных процессов, разработки нормативных, управленческих, организационно-педагогических и других основ [2].

Отсюда возникает ряд *противоречий*, требующих своего разрешения, а именно *между*:

- традиционно сложившейся системой подготовки педагогов профессионального обучения и необходимостью ее модернизации на основе интеграции фундаментальной, педагогической и специальной составляющих образовательного процесса;

- требованиями к качеству подготовки педагогов профессионального обучения, к сфере их деятельности и недостаточной разработанностью методологических основ формирования профессионально важных компетенций выпускников вузов;

- между социальным запросом на квалифицированного педагога профессионального обучения и недостаточностью средств для подготовки студентов к профессионально-педагогической деятельности;

- потребностью учреждений среднего профессионального образования в высококвалифицированных педагогах и недостаточным масштабом такой подготовки в существующей системе профессионально педагогического образования.

Разрешение данных противоречий, в первую очередь, зависит от того насколько система управления профессиональной подготовкой педагогов будет обеспечена объективной и достоверной информацией о всех процессах, включенных в данную систему. Как считают исследователи Г.А. Герцог, Е.А. Гнатышина, В.В. Садырин, инструментом получения достоверной, исчерпывающей информации для управления являются маркетинговые и мониторинговые исследования [3]. В данной статье представлен анализ результатов мониторинговых исследований, ставших основой для включения Профессионально педагогического института

Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (далее ППИ ЮУрГГПУ) в инновационную деятельность.

Целью проведения мониторинговых исследований является анализ факторов, влияющих на количественные и качественные показатели процесса подготовки профессионально-педагогических кадров для профессиональных образовательных организаций Челябинской области.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Анализ научной литературы позволил зафиксировать тот факт, что проблема подготовки профессионально-педагогических кадров как самостоятельной сферы педагогического образования вызвала в последние десятилетия интерес у значительной части отечественных исследователей.

Многие ученые обращались к исследованию процесса подготовки педагогов профессионального образования в системе высшего педагогического образования (В.И. Андреев, Г.А. Герцог, Е. А. Гнатышина, А.В. Мудрик, Н.А. Пахтусова, В.А. Слостенин, В.Г.Ярков, А.В. Ястребов и др.). В частности Г.А. Герцог, Е.А. Гнатышина, Н.А. Пахтусова, характеризуя проблему подготовки бакалавров профессионального обучения, констатируют необходимость совершенствовать содержание обучения, научно-методическое его сопровождение [4].

Концептуальные основания профессионального становления личности характеризуются в работах О. Галана, Г.Е. Зборовского, Т.А. Кольшевой, К.М.Левитана, Т.И. Рудневой, У. Тайхлера, Г.Хога и др.

Среди основополагающих идей, выдвинутых различными исследователями, важными для практики профессиональной подготовки педагогов являются: формирование готовности к осуществлению профессиональной деятельности (Б.Г. Ананьев, Е.П. Белозерцев, Л.А. Кандыбович и др.); формирование профессионализма (Н.Д. Левитов, Н.Н. Нечаев, Т.И. Руднева и др.); развитие профессиональных умений (И.Г. Абрамов, Л.И. Митина, А.И. Субетто и др.); интеграция технического и педагогического знания (В.М.Нестеренко, Г.И. Сериков, Ю.С. Тюнников, Л.Н. Тюлькабаев и др.); управление подготовкой профессионально-педагогических кадров в условиях электронного обучения (С.А. Богатенков, Е.А. Гнатышина, В.А. Белевитин и др.

Теоретико-методические основы профессионально-педагогического образования в отечественной науке разрабатывали А.А. Жученко, Э.Ф. Зеер, Г.И. Кругликов, П.Ф. Кубрушко, В.С. Леднев, И.В. Осипова, Г.М. Романцев, И.П. Смирнов, О.В. Тарасюк, Е.В. Ткаченко, В.А. Федоров и многие другие, в работах которых вузовская подготовка будущих педагогов профессионального обучения рассматривается как одно из условий профессионально-личностной самореализации студентов [5].

Важной составляющей педагогической профессии является творчество. Основные положения теорий творчества раскрыты в трудах Ф.Н. Гоноболина, В.И. Загвязинского, В.А. Кан-Калика, А.К. Марковой, Н.Д. Никандрова, Н.А. Пахтусовой, П.И. Пидкасистого и др. [7].

В последние годы динамично изучаются проблемы, связанные с компетентностно-ориентированным управлением подготовкой профессионально-педагогических кадров. Различные аспекты данной проблемы рассмотрены в изысканиях О.Ф. Батраковой, В.А. Беливитина, В.И. Блиновой, С.А. Богатенкова, В.И. Звонкова, Э.Ф. Зеера, Е.А.Гнатышиной, А.А. Факторовича, М.Б. Чельшевой и др.[8]. Особенности управленческой компетенции руководителя в системе профессионально-педагогического образования представлены в исследованиях Н.Г.Алексеевой, Н.Ю. Андреевой, Г.А.Герцог,

Е.А. Гнатышиной, Н.В. Турусовой, Н.В. Увариной, Е.В. Яхиной и т.д. [9].

В последнее время динамично обсуждается проблема подготовки педагогов профессионального обучения в условиях сетевого взаимодействия вузов и профессиональных образовательных организаций. Сетевое взаимодействие как инструмент качественной подготовки профессионально-педагогических кадров и инновационная идея анализируется в исследованиях Г.А. Герцог, Е.А. Гнатышиной, Е.М. Дорожкин [10, 11], М.В. Потапова, Н.В. Уварина, Н.О. Яковлева [12].

В зарубежной науке и практике проблема подготовки профессионально-педагогических кадров отдельно как объект исследования не рассматривается. Научно-методологические, социальные, психологические аспекты данной проблемы рассматриваются в общей системе подготовки учителя. Основными направлениями, по которым ведется дискуссия данной проблемы, являются: потребности в обновлении образовательных систем в связи с возрастающей универсализацией образования, продиктованной социальной динамикой современного глобального общества (Ф. Бухбергер, Дж. Зантворт, С. Райхерт, А. Харгривз и др.); формирование новой генерации педагогов для обеспечения качества образования, соответствующего международным стандартам (Б. Мун, П. Муссет, М. Татто, Д. Хопкинс и др.)

При всей несомненной научной и практической значимости результатов проведенных исследований для решения задач подготовки педагогов профессионального обучения, сегодня встают задачи, решение которых должно быть направлено на подготовку новой генерации профессионально-педагогических кадров. Возникает необходимость совершенствования образовательного процесса с учетом новых жизненных императивов. Необходима разработка и реализация научно обоснованных подходов к проектированию содержания современного образовательного процесса и управления им. В этом плане, мы уже указывали, непреходящее значение имеет мониторинговая деятельность, обеспечивающая субъектов образования объективной информацией, являющейся основой для реализации новых задач в условиях инноваций.

Формирование целей статьи является анализ факторов, влияющих на качество подготовки профессионально-педагогических кадров, отвечающих современным требованиям и потребностям региона, в условиях инновационной деятельностью вуза.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В современном учебном процессе обе стороны должны играть творческую роль. Как ранее уже отмечалось, одним из условий, выступивших в качестве мотива включится в инновационную деятельность, а именно в реализацию Государственного контракта №06.015.11.0021 от 15 сентября 2016 года», *явились результаты мониторинговых исследований* по изучению потребностей профессиональных образовательных организаций Челябинской области в педагогах профессионального обучения, подготавливаемых на базе ППИ ЮУрГПУ и требованиях потенциальных работодателей к их профессионализму. Их целью является анализ факторов, влияющих на качество подготовки профессионально-педагогических кадров, отвечающих современным требованиям и потребностям региона, в условиях инновационной деятельностью вуза.

Мониторинговые исследования проводятся нами более 10 лет и направлены на комплексное изучение таких проблем как:

- обеспеченность профессиональных образовательных организаций (далее ПОО) профессионально-педагогическими кадрами;
- мотивы руководителей ПОО вносить изменения в квалификационную структуру подготавливаемых квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена

и соотношение данной структуры и сфер, отражающих социально-экономические черты Челябинской области;

- требования руководителей ПОО к качеству подготовки профессионально-педагогических кадров;
- мотивы руководителей ПОО сотрудничать с ППИ ЮУрГПУ по решению проблем качественной подготовки обучающихся ПОО и студентов ППИ;
- предпочтительные формы совместной деятельности;
- проблемы, с которыми сталкиваются руководители ПОО в процессе управленческой деятельности;
- инновационный потенциал ПОО, в том числе лично руководителей и ряд других проблем, объективирующих необходимость разработки и апробации экспериментальных программ для подготовки педагогов по направлению «Профессиональное обучение».

Пилотажное исследование (2006 г.), проведенное нами до разработки Программы мониторинга, позволило выделить факторы, оказывающие влияние на количественные и качественные показатели процесса подготовки профессионально-педагогических кадров для региона:

- сбалансированность спроса и предложения на подготовку ППК в регионе
- проектирование стратегий (стратегических задач) подготовки профессионально-педагогических кадров для региона;
- взаимодействие субъектов, причастных к подготовке кадров (развитие сетевого взаимодействия, формы взаимодействия);
- выбор и обоснование технологий обучения и оценки качества образования студентов;
- проектирование учебных и рабочих планов и программ двухуровневой подготовки (бакалавриат, магистратура).

Мониторинг проводился на основе единой программы исследования, явившейся методологической основой для выбора эмпирических методов исследования и проектирования его инструментария. Использованы следующие методы, анкетирование, интервьюирование, анализ документов. Бланки анкеты и интервью разработаны по кластерному принципу. Каждый кластер содержит систему вопросов на анализ того или иного фактора, выделенного нами в исследовании. В исследовании участвовала 31 профессиональная образовательная организация Челябинской области.

Обработка статистического материала проведена с использованием программы SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках / Наследов А.Д. – СПб: Питер, 2005. – 416 с.: ил.

Прокомментируем отдельные результаты очередного исследования, проведенного в 2016-2017 учебном году на основе компаративного анализа данных мониторинга.

Анкетный опрос руководителей учреждений СПО Челябинской области позволил выделить некоторые тенденции, учитываемые нами в процессе подготовки профессионально-педагогических кадров. Обращает на себя внимание проблема дефицита педагогов профессионального обучения в регионе. По результатам последнего исследования - 56,6 % респондентов (руководителей СПО) указывают на наличие дефицита педагогических кадров, основная доля которых приходится на преподавателей специальных, общетехнических дисциплин и мастеров производственного обучения (т.е. из 31 ПОО, участвовавших в мониторинге, в 14 отсутствуют преподаватели специальных дисциплин и в 9 ПОО - мастера производственного обучения). Эта тенденция характерна и для предыдущих лет: в 2014-2015 учебном году на дефицит педагогов указывало 58,1 % респондентов; в 2015-2016 учебном году – 45,8% . Одной из причин дефицита профессионально-педагогических кадров, по мнению директоров ПОО является дисбаланс профессионально-квалификационной структуры подго-

тавливаемых в вузах педагогов и реально требуемых на рынке труда (в учреждении СПО). Дисбаланс профессионально-квалификационной структуры подготавливаемых в системе СПО кадров для региональной экономики и профессионально-педагогических кадров, выпускающихся из стен вузов, в последнее время возрастает. Причиной является тот факт, что в регионе появляется значительное число высокотехнологичных предприятий и учреждений, а также предприятий перестраивающихся на производство новых товаров, механизмов, технологий, услуг. Учреждения СПО при подготовке высококвалифицированных рабочих и специалистов среднего звена объективно вынуждены реагировать на новые реалии и вносить коррективы в профессионально-квалификационную структуру подготовки кадров. В то время как учреждения высшего образования продолжают работать в сложившихся условиях. Наше исследование показало, что ежегодно более 40% руководителей СПО вносят коррективы в профессионально-квалификационную структуру подготавливаемых рабочих кадров и специалистов среднего звена. Это регулярно ведет к возрастанию дефицита педагогов в их учреждениях в связи с появлением новых направлений подготовки. Решение данной проблемы видится в целенаправленной работе административных органов региона по планированию заказа на подготовку необходимых региону профессионально-педагогических кадров.

Вместе с этим, решение данной проблемы, в определенной степени зависит и от самих директоров учреждений СПО и других организаций, от их готовности принимать конкретное участие в подготовке необходимых педагогов. В практике образовательных учреждений Челябинской области в основном культивируются такие формы удовлетворения потребностей в педагогах как заявка на готового выпускника вуза и заключение договоров о целевой подготовке, доля которых незначительна. Другие возможности предупреждения дефицита профессионально-педагогических кадров руководители ПОО практически не используют. Ни один из опрошенных директоров не готов разделить с вузами финансовое бремя по подготовке необходимых для их учреждений педагогических кадров. Также руководители не готовы реализовывать совместные с вузом двухуровневые образовательные программы и т.д.

Хотя, наметившаяся в предыдущие годы тенденция, характеризующая мотивы руководителей ПОО на сотрудничество с ППИ ЮУрГГПУ, стала более устойчивой. На сегодняшний день более 53% опрошенных директоров СПО однозначно выражают желание сотрудничать с ППИ. В результате сегодня в 31 ПОО, на базе которых проводился опрос, реализуется 6 договоров о сетевом взаимодействии по подготовке кадров, 25 договоров о партнерских отношениях по различным направлениям деятельности, в том числе 2 договора о научном руководстве инновационной деятельностью ПОО.

Результаты мониторинговых исследований свидетельствуют о том, что в последние годы изменились требования руководителей СПО к выпускникам вуза при найме на работу молодых специалистов. Значительное число опрошенных директоров стали внимание уделять личностной составляющей специальности, что соотносится с общекультурными компетенциями. Буквально 2 – 3 года назад большинством директоров как профессионально важные качества оценивались только знания, умения и навыки. И все же, мониторинг показывает, что недооцененными с позиции потенциальных работодателей остаются такие качества педагогов как мотивы педагога на развитие личности обучающегося и организаторские способности, умения ладить с коллегами и студентами, инициативность. Именно данные качества характеризуют социально-психологические компетенции педагога профессионального обучения, востребованные обществом в современных условиях.

Наши исследования показывают, переоценка прак-

тическими работниками требований к выпускнику вуза происходит естественным путем в процессе партнерских отношений, в частности в процессе организации практик студентов ППИ, в работе совместных учебно-методических семинаров, на которых организуется обмен опытом проектирования учебных и рабочих программ обучения, в процессе участия в аттестационных мероприятиях выпускников и др.

В рамках мониторинга анализировались предложения руководителей ПОО о их возможностях участия в трудоустройстве выпускников ППИ ЮУрГГПУ. Наиболее предпочтительными из них являются: «Заключение договоров о прохождении производственной и преддипломной практик» (48,3%); «Индивидуальный подбор молодых специалистов, собеседование с ними в ходе преддипломной практики» (35,5%); «Размещение вакансий для студентов-выпускников на сайте университета» (35,5%). Эти и другие статистические данные нашего исследования подтверждают мысль о том, что руководители ПОО сегодня меняют свое отношение к вузам как социальным партнерам и потенциальным поставщикам педагогических кадров. Однако, очень незначительное число руководителей ПОО (6,4 %) готово материально вкладываться в подготовку педагогических кадров. Организация временной трудовой занятости студентов вуза в учреждениях СПО (речь идет о заочной форме обучения), как видим у большинства руководителей не стоит на повестке дня. Именно эти два действия позволили бы значительно уменьшить дефицит педагогических кадров нужного направления подготовки.

Возвращаясь к анализу направлений партнерства вуза и ПОО как фактору по предупреждению дефицита педагогических кадров, следует отметить, что наиболее предпочтительными для руководителей ПОО направлениями сотрудничества являются: «организация повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров» (41,9 %); «совместные мероприятия по реализации идеи движения World Skills» (25,8%); «совершенствование учебных планов и программ» (22,5%); «участие в итоговой аттестации» (16,1%). Такие же направления совместной с вузом деятельности как проектирование профессиональных программ, модульных курсов по реализации совместных образовательных программ, совершенствование учебных планов, организация внеучебных мероприятий, развитие тьюторства и т.д. остаются маловостребованными или невостребованными вовсе.

Остро назрела потребность реального участия директоров ПОО в процессе подготовки профессионально-педагогических кадров по таким направлениям как целевое обучение выпускников ссуза в вузе; долевое экономическое обеспечение подготовки, особенно в рамках магистратуры.

Таким образом, данные мониторинга свидетельствуют о наличии множества «болевых точек», актуализирующих проблему подготовки профессионально-педагогических кадров в регионе и требующих их устранения. Ниже обозначим некоторые из них.

Анализ представленных теоретических источников по проблеме подготовки профессионально-педагогических кадров, а также статистических данных мониторингового исследования позволяют сформулировать несколько выводов:

- в современных условиях общественного развития назрела необходимость подготовки профессионально-педагогических кадров под новым углом, с выбором нового вектора. Это обусловлено интенсивным развитием научно - технического и социально - экономического прогресса общества, требующего высококвалифицированных рабочих, инженеров, экономистов, и других специалистов, обеспечивающих этот прогресс и способных поддерживать его в будущем. Подготовка таких специалистов для различных сфер общественного развития в количественном и качественном отношении в значительной степени зависит от качества профессионально-

педагогических работников, от их профессионализма и мастерства. Недостаточное количество высококвалифицированных педагогов профессионального обучения в регионах требует пересмотра методологических основ организации процесса их подготовки;

- принципиально важным является разрешение противоречия между возросшими требованиями к подготовке педагогов профессионального обучения, их готовности к будущей деятельности и традиционными подходами к проектированию содержания и технологий образовательного процесса. Специфика подготовки будущих педагогов профессионального обучения заключается в интеграции специальной (профессиональной – технической, технологической) и педагогической составляющих, в учете особенностей их профессиональной деятельности. Одним из способов разрешения данного противоречия будет проектирование содержания подготовки педагогов профессионального обучения на основе интегративного, компетентностного подходов;

- как показали мониторинговые исследования, проведенные на базе ППИ ЮУрГГПУ г. Челябинска, эффективность подготовки педагогов профессионального обучения в значительной мере зависит от обоснованной и спроектированной системы социального партнерства субъектов, причастных к процессу подготовки (вузов, профессиональных образовательных организаций, предприятий, управленческих структур и т.д.). Проверенным в последние годы и инновационным инструментом партнерства является сетевое взаимодействие, закрепляющее обязанности сторон, содержание деятельности и направления взаимодействия;

- данные мониторинга также свидетельствуют о том, что более 50 % действующих в Челябинской области руководителей учреждений СПО как потенциальных работодателей для выпускников ППИ ЮУрГГПУ готовы сотрудничать с вузом по различным направлениям (методическое сопровождение образовательных процессов, повышение квалификации, реализация идеи World Skills, профориентационная работа, организация практик студентов). Однако, кардинальных действий по участию в подготовке педагогов профессионального обучения по необходимым их учреждениям специальностям и по предупреждению дефицита кадров не предпринимают и не намереваются пока предпринимать. Речь идет о долевого экономическом участии в подготовке необходимых педагогов, целевом обучении выпускников ПОО по бакалаврским и магистерским программам.

В целом исследование показало, на процесс подготовки высококвалифицированных профессионально-педагогических кадров в регионе влияет определенное число факторов. Анализ факторов позволил выделить отдельные из них, оказывающие либо позитивное, либо негативное влияние. К позитивным факторам нами отнесены:

- проектирование совместно с Высшей школой экономики г. Москвы (реализация госзаказа) экспериментальных учебных и рабочих планов и программ двухуровневой подготовки (бакалавриат, магистратура), основанных на компетентностном подходе;

- обоснованность технологий обучения и оценки качества образования студентов;

- взаимодействие образовательных организаций и потенциальных работодателей в процедуре оценки качества подготовки выпускников вуза и профессиональных образовательных организаций.

К негативным факторам отнесены:

- несбалансированность рынка профессионально-педагогического труда, рассогласование спроса и предложения на подготовку ППК в регионе;

- отсутствие стратегий (стратегических задач) подготовки профессионально-педагогических кадров для региона на уровне управления;

- формализованное взаимодействие субъектов, причастных к подготовке педагогических кадров (не доста-

точно развитое сетевое взаимодействие образовательных организаций и других структур общества, не эффективные формы взаимодействия).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Теория и практика профессионально-педагогического образования: коллектив. Монография / под ред. Г.М. Романцева. – Екатеринбург: Изд-во Рос. Гос. проф.-пед. ун-та, 2010.

2. Гнатyshina Е.А., Герцог Г.А. Компетентностно ориентированное управление подготовкой педагогов профессионального обучения в условиях вуза //Вестник Челябинского государственного педагогического университета №6, 2015.

3. Герцог Г.А., Гнатyshina Е.А., Садырин В.В. Мониторинг в образовательном процессе вуза: опыт теоретико-эмпирического анализа проблемы управления качеством профессиональной подготовки кадров [Текст]: коллективная монография – М.: ИКЦ «Академкнига», 2011. – 296 с.

4. Герцог Г.А., Е.А. Гнатyshina, Н.А. Пахтусова Проблемы подготовки бакалавров профессионального обучения [Текст]: сборник научных трудов /под ред. Е.А. Гатyshinoy, Н.В. Увариной, В.А. Белевитина. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. Пед. ун-та, 2014. – С.5 -33.

5. Зеер Э.Ф., Заводчиков Д.П. Практика формирования компетенций: методологический аспект Формирование компетенций в практике преподавания общих и специальных дисциплин в учреждениях среднего профессионального образования // Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. - Екатеринбург; Березовский, 2011. - С. 5-10

6. Galina Akhmetovna Gertsog, Viktoriya Valerievna Danilova, Dmitry Nikolayevich Korneev, Aleksey Viktorovich Savchenkov, Nataliya Viktorovna Uvarina Participative approach to professional identity as a factor of successful adaptation of students RJISH-SM - Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities (ISSN09752935-India-Scopus), 2017, 189744 <http://rupkatha.com> Статья - <http://rupkatha.com/V9/n1/v9n130.pdf>

7. Пахтусова Н.А. Сущность и структурно-содержательный анализ профессиональной творческой компетенции педагога профессионального обучения.// Вестник Учебно-методического объединения по профессионально-педагогическому образованию. Екатеринбург: Изд-во Рос.гос проф.-пед.ун-та, 2015. Вып1 (48). 233 с. (81-87)

8. Богатенков С.А., Гнатyshina Е.А., Белевитин В.А. Компетентностно-ориентированное управление подготовкой кадров в условиях электронного обучения: монография. – Челябинск: Изд-во Южно-Ур. гос. гуманитарно-пед. ун-та, 2017. – 155 с.

9. Уварина Н.В. Особенности управленческой компетенции руководителя в системе профессионально-педагогического образования //Вестник Учебно-методического объединения по профессионально-педагогическому образованию. Екатеринбург: Изд-во Рос.гос проф.-пед.ун-та, 2015. Вып.1 (48). 233 с. (41-50)

10. Гнатyshina Е.А., Герцог Г.А. Сетевое взаимодействие вузов как инструмент качественной подготовки профессионально-педагогических кадров // Вестник Учебно-методического объединения по профессионально-педагогическому образованию. Екатеринбург: Изд-во Рос.гос проф.-пед.ун-та, 2015. Вып1 (48). 233 с. (26-35)

11. Дорожкин Е.М., Гнатyshina Е.А. Подготовка профессионально-педагогических кадров в условиях сетевого взаимодействия вуза и профессиональных образовательных организаций //Сетевое взаимодействие как форма реализации государственной политики в образовании [Текст]: сборник материалов Всеросс.науч.-практ. Конф. с междунар.участ.18-19 февраля 2015 г., Челябинск – Екатеринбург / под ред.В.В. Садырина, Е.М. Дорожкина, Е.А. Гнатyshinoy и др. – Челябинск: СИМАРС, 2015. – С.21-27

12. Потапова М.В., Уварина Н.В., Яковлева Н.О. Сетевое взаимодействие как фактор успешной профессиональной социализации молодых специалистов – выпускников педагогического университета // Сетевое взаимодействие как форма реализации государственной политики в образовании [Текст]: сборник материалов Всеросс. науч.-практ. Конф. с междунар. участ. 18-19 февраля 2015 г., Челябинск – Екатеринбург / под ред. В.В. Садырина, Е.М. Дорожкина, Е.А. Гнатышиной и др. – Челябинск: СИМАРС, 2015. – С.27-33.

13. Шайденко Н. А. Анализ зарубежного опыта подготовки педагогических кадров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. - 2014. - № 4 (32). - С. 204-210.

14. Педагогическая Конституция Европы. - URL: http://yspu.org/images/0/00/Frankfurt_2013.pdf

Статья поступила в редакцию 01.02.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 376

**РАБОТА ПО СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА
ДЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО АДАПТИРОВАННЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОГРАММАМ**

© 2018

Горина Екатерина Николаевна, кандидат социологических наук,
доцент кафедры «Коррекционная педагогика»
*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского*
(410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83, e-mail: ekgorina@yandex.ru)
Байбулатова Ольга Владимировна, учитель
*Школа-интернат для обучающихся по адаптированным образовательным
программам № 5 г. Саратова*
(410031, Россия, Саратов, ул. Рогожина, 22, e-mail: baybulatova@rambler.ru)
Хмелькова Ольга Владимировна, аспирант
*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского*
(410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83, e-mail: hmelkova2810@gmail.com)

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования проблемы социально-трудовой адаптации выпускников школ-интернатов для обучающихся по адаптированным образовательным программам (школа-интернат АОП). Применение психодиагностического инструментария (опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд, адаптированный Т.В. Снегиревой, дифференциально-диагностический опросник Е.А. Климова, опросник «Виды навязанного выбора профессий» А.А. Кибирева) на выборке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в возрасте 15–18 лет с нарушением интеллекта (N = 58) позволило выявить средний уровень их социальной адаптированности. Полученные результаты позволили осмыслить предпочитаемые профессиональные области данной категории детей и поведенческие модели выбора профессии. Описан опыт работы школы-интерната АОП №5 г. Саратова, способствующей успешной социально-трудовой адаптации выпускников подобных образовательных учреждений. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован при разработке программ по социальной адаптации, профориентации и постинтернатного сопровождения.

Ключевые слова: социально-трудовая адаптация, школа-интернат для обучающихся по адаптированным образовательным программам, дети с нарушением интеллекта, дети-сироты, профессиональные интересы, мотивы выбора профессии, постинтернатное сопровождение.

**WORK ON THE SOCIAL AND LABOUR ADAPTATION OF GRADUATES OF BOARDING SCHOOL
FOR STUDING IN ADAPTED EDUCATIONAL PROGRAMMES**

© 2018

Gorina Ekaterina Nikolaevna, candidate of social Sciences, docent of the Department
«Correctional pedagogics»
Saratov State University
(410012, Russia, Saratov, street Astrakhanskaya 83, e-mail: ekgorina@yandex.ru)
Baibulatova Olga Vladimirovna, the teacher
Boarding School studied under adapted educational programmes N5
(410031, Russia, Saratov, street Rogozhina 22, e-mail: baybulatova@rambler.ru)
Khmelkova Olga Vladimirovna, postgraduate
Saratov State University
(410012, Russia, Saratov, street Astrakhanskaya 83, e-mail: hmelkova2810@gmail.com)

Abstract. The article presents the results of empirical study of the problem of the social and labour adaptation of graduates of boarding schools for studying in adapted educational programmes. The use of psycho-diagnostic tools (the questionnaire of the social and psychological adaptation by C. Rogers and R. Diamond, adapted by T.V. Snegireva differential diagnostic questionnaire by E.A. Klimov, questionnaire “Types of imposed choice of professions” by A.A. Kibireva) based on a sample of mentally subnormal orphans and children deprived of parental care at the age of 15-18 years (N = 58) revealed the average level of their social adaptation. Also, the results provided the opportunity to reflect on the preferred professional areas of such children and behaviour in choosing of a profession. The article describes the work experience of boarding school for studying in adapted educational programmes №5 in Saratov, contributing to the successful social and vocational adaptation of graduates of such educational establishments. The applied aspect of the problem under study can be implemented for programs that are aimed at the development of social adaptation, vocational guidance and follow-up on graduates of residential institutions.

Keywords: social and vocational adaptation, boarding school for students studied under adapted educational programmes, mentally subnormal children, orphans, professional interests, motives of a career choice of profession, follow-up on graduates of residential institutions.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Актуальность задач социально-трудовой адаптации, выбора профессии и дальнейшего трудоустройства лиц с ограниченными возможностями здоровья периодически озвучивается Министерством образования РФ, прописывается в Федеральных законах «Об образовании в Российской Федерации» [1], «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [2], в целевых программах. В Федеральной программе развития образования на 2011–2015 гг. в целях социальной адаптации детей с нарушениями в развитии была выделена подпрограмма «Дети-инвалиды» [3].

В Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы одной из основных проблем детства была обозначена социальная исключенность уязвимых категорий детей (дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, дети-инвалиды и дети, находящиеся в социально опасном положении) [4].

На региональном уровне данным вопросам также уделяется значительное внимание. Например, в государственной программе Саратовской области «Развитие образования в Саратовской области до 2020 года» разработана подпрограмма «Социальная адаптация детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей» [5], которой охвачены и дети с ограниченными возможно-

стями здоровья.

Образовательные учреждения постоянно разрабатывают и реализуют профориентационные и социально-адаптационные программы, осуществляют меры по психолого-педагогической поддержке, совершенствуют методы социально-трудовой адаптации и реабилитации, формы и содержание постинтернатного сопровождения.

Но данная проблематика в отношении выпускников школ-интернатов для обучающихся по адаптированным образовательным программам продолжает оставаться острой и нуждается в дальнейшей разработке и реализации комплекса мер как со стороны государства, так и со стороны образовательных учреждений.

Анализ исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы. В психолого-педагогической литературе представлены как общие теоретические вопросы социально-трудовой адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья, так и её прикладные аспекты.

В работе В.В. Коркунова социально-трудовая адаптация определена как «процесс личностного становления, который приводит поведение и трудовую деятельность человека в соответствие с существующими в нашем обществе и трудовых коллективах нормами, правилами и традициями» [6].

Н.О. Ярошевич рассматривает её как часть социальной адаптации, направленной на реализацию социальных и профессиональных ожиданий личности [7].

С.Н. Чистякова, Н.Ф. Родичев, П.С. Лернер, Е.В. Титов большое внимание уделяют педагогическому сопровождению профессионального самоопределения школьников [8-11].

О.В. Соловьева раскрывает проблемы профессионального выбора, формирования представлений о жизненных перспективах у умственно отсталых детей-сирот [12,13].

Вместе с тем изучению проблем социально-трудовой адаптации детей-сирот с нарушением интеллекта посвящено небольшое количество научных исследований. Выпускникам школ-интернатов АОП достаточно сложно сориентироваться в условиях современного рынка труда.

Ограниченные возможности здоровья не позволяют им рассматривать все сферы профессиональной деятельности. У умственно отсталых подростков в силу не критичности мышления и неадекватности самооценки недостаточно сформирована способность оценки своих возможностей и способностей при определении профиля и содержания профессии [14].

Кроме того, выбор профессии и дальнейшее профессиональное обучение у воспитанников интернатных учреждений происходят иначе, чем у ровесников из семьи: их выбор не индивидуализирован, не ориентирован на содержательный аспект выбираемой профессии, а стандартизирован и унифицирован, при этом самым важным является скорейшая экономическая независимость [15].

Формирование целей статьи (постановка задания). Ряд психических особенностей детей-сирот с интеллектуальной недостаточностью, психологическая неготовность к моменту перехода от обучения к сфере профессионального труда, отсутствие ясной жизненной перспективы, социальная нестабильность, неспособность адекватно учитывать влияние производственного микроклимата на человека и неготовность к преодолению определенных профессиональных трудностей обуславливают сложности дальнейшего трудоустройства.

Высокая конкурентоспособность на рынке труда зачастую делает трудоустройство данной категории детей невозможным. Закон о социальной защите инвалидов в данном случае не гарантирует и не защищает права людей с ограниченными возможностями здоровья, не имеющих статуса «инвалид», к которым и относятся дети с лёгкой степенью умственной отсталости.

Актуальность и неразрешенность вышеобозначенных проблем обусловили цель нашего исследования – изучить уровневые характеристики социальной адаптированности детей-сирот с нарушением интеллекта, проанализировать систему работы по социально-трудовой адаптации выпускников Школы-интерната АОП №5 г. Саратова.

Объект исследования: система работы по социально-трудовой адаптации в Школе-интернате АОП №5 г. Саратова.

Предмет исследования: профессиональный выбор и уровень социальной адаптированности выпускников Школы-интерната АОП №5 г. Саратова.

Гипотеза исследования: взаимодействие всех субъектов образовательного процесса и системная реализация программно-целевого подхода при организации работы по социально-трудовой адаптации выпускников школ-интернатов АОП обуславливают её эффективность.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В эмпирической части исследования приняли участие 58 воспитанников из Школы-интерната АОП №5 г. Саратова (N=21), Школы-интерната АОП с. Приволжское Ровенского района (N=19) и Школы-интерната по АОП р.п. Базарный Карабулак (N=18) в возрасте от 15 до 18 лет с диагнозом «умственная отсталость лёгкой степени».

Были использованы следующие методики: опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд (далее – СПА), адаптированный Т.В. Снегиревой, дифференциально-диагностический опросник (ДДО) Е.А. Климова и опросник «Виды навязанного выбора профессии» А.А. Кибирева. Проведен количественный и качественный анализ полученных результатов.

По опроснику СПА К. Роджерса и Р. Даймонд [16] получены интересные данные, которые не всегда однозначны. Например, 52% и 76% респондентов имеют средний уровень по противоположным критериям «Внутренний контроль – Внешний контроль» соответственно.

Здесь, на наш взгляд, в противоборство вступают желание ребенка самому руководить своей жизнью, действовать согласно своим интересам и потребностям, и невозможность это осуществить с другой стороны. Дети вписаны в рамки территории, времени, режима, их самостоятельность ограничена, они привыкают жить по уставу, по распоряжку и при выходе из интерната оказываются совершенно не приспособленными к самостоятельной жизни.

Больше половины детей, 62% и 76% по критериям «Доминирование – Ведомость» соответственно, стремятся доминировать, и при этом являются ведомыми. Это можно объяснить тем, что с одной стороны в учебном коллективе есть лидеры, которые ведут за собой остальных, требуют подчинения не всегда мирными способами, с другой – педагогический коллектив и администрация, которые также требуют подчинения, применяя законные санкции за непослушание. Настораживает, что у 71% воспитанников преобладает средний уровень эмоционального комфорта, у 29% – низкий.

Можно предположить, что это связано с институциональностью пространства для жизни, бедностью эмоциональных контактов с другими взрослыми и сверстниками. Вместе с тем по критериям «Принятие себя – Непринятие себя» 43% и 62% опрошиваемых имеют высокий и низкий уровни соответственно. С одной стороны это можно интерпретировать и соотнести с завышенной самооценкой детей с нарушением интеллекта, а с другой – обусловить действием компенсаторного механизма и психологической самозащиты.

К тому же по критериям «Принятие других – Непринятие других» 43% и 52% обучающихся показали высокий и средний уровни соответственно. Возможно, в силу личностной депривации умственно отсталые дети ожидают от окружающих негативного отношения к себе, презрительны и раздражительны по отношению

к взрослым, а ситуация сиротства добавляет состояние враждебности к незнакомым людям. По интегративному критерию «Адаптивность» 33% учащихся имеют высокий уровень, 48% – средний и 19% – низкий.

Это подтверждается примерно также распределёнными результатами по противоположному критерию. 43% и 38% респондентов – низкий и средний уровень дезаптированности соответственно, 19% – высокий.

На наш взгляд, высокие и средние показатели уровня социальной адаптированности выпускников связаны с действующими в учреждениях программами социальной адаптации, активной культурной и спортивной жизнью воспитанников, которые являются победителями не только областных и районных конкурсов и соревнований, но и всероссийских.

В школах-интернатах работают по 15–19 кружков художественно-эстетической, эколого-краеведческой, правовой, творческой направленности и по 3–4 спортивные секции. По результатам самообследования образовательных организаций более 37%–43% учащихся продолжают среднее профессиональное образование.

По ДДО Е.А. Климова [18], позволяющему установить, в какой области старшекласснику лучше всего выбрать специальность, были получены следующие результаты:

1. «Человек – природа» – 43% обучающихся (уход за животными, садоводство, лесничество, сельскохозяйственный труд);

2. «Человек – техника» – 24% (девочки работают на швейных машинках, мальчики – на столярных и слесарных станках с различными инструментами, автомеханика);

3. «Человек – знаковая система» – 0%. В силу своих интеллектуальных возможностей, особенностей познавательной сферы ни один воспитанник школы-интерната не сделал выбор в данной профессиональной области;

4. «Человек – художественный образ» – 23% (дети, которые занимаются в творческих кружках, в том числе и за пределами школы-интерната. Они хотели бы связать свою жизнь с творческими профессиями, стать певицей, танцором, музыкантом, художником, модельером и т.д.);

5. «Человек – человек» – 10% (это беспрекословные лидеры не только в своих классах, но и в своих школах. Они умеют установить контакт с любым человеком, как взрослым, так и ребенком. К сожалению, эти способности не всегда применяются детьми в правильных целях. Некоторые из этих воспитанников относятся к категории детей «группы риска» по причине асоциального поведения).

По методике А.А. Кибирева было выявлено 7 из 12 поведенческих моделей выбора профессии [17]:

– стадный выбор – 29% воспитанников («мы будем поступать в училище с подругами. Я, Оксана, Павлина», «я хочу поступить в училище, потому что можно хорошо повеселиться в общаге. Много друзей, и хорошо учиться», «мы будем всем классом учиться в одном училище и жить тоже будем вместе в общежитии») – обусловлен тем, что школам-интернатам АОП выдаются путёвки в профессиональные училища и многие дети уже знают, куда они пойдут учиться;

– консультационный выбор в сочетании с инфантильным – 18% («я хочу поступить в училище, потому что хочу учиться», «мне охота работать и учиться», «социальный педагог посоветовал пойти учиться в училище», «я хотела бы стать психологом», «мне без разницы, где учиться, главное – чтобы я поступила») – обусловлен значимым влиянием учителей, психологов, социальных педагогов;

– социально-инфраструктурный выбор – 19% («надо учиться, чтоб потом поступить на работу», «я хочу стать столяром, строителем, автомехаником, профессионалом», «я хотела бы работать парикмахером, уборщицей») – обусловлен пониманием инфраструктуры и вос-

требованности профессий;

– предметный выбор – 14% («мне очень нравятся занятия по столярному делу, поэтому я стану столяром», «люблю разбирать технику, буду механиком», «нравится учитель труда, буду как она – швеей») – обусловлен профессиональными интересами детей;

– «родительский сценарий» в сочетании с инфантильным выбором – 10% («я хочу учиться на маляра, этого хотят мой родственники, очень близкие мне люди», «у меня нет своего мнения на счет будущей профессии»);

– ситуативно-прагматический выбор – 5% («я не буду учиться на ту профессию, кем были мои родители, я хочу на ту, которая мне нравится», «хотя бы добиться квартиры, чтоб было, где жить», «мне очень нравится география, поэтому я стану менеджером», «я хотела бы работать в офисе по телефону») – обусловлен нереалистичными представлениями, связан в первую очередь с экономической выгодой;

– компенсаторный выбор – 5% («Мне нравится заплетать, стричь, готовить», «хочу стать или парикмахером, или поваром»).

Такие модели профессионального выбора как «родительское завещание», династический, антисоциальный и свободный выборы не были определены ни у кого из данной группы детей. Выявленные модели, кроме ситуативно-прагматического, являются продуктивными и определяют относительно благоприятный прогноз в дальнейшем профессиональном обучении и трудоустройстве выпускников.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о преобладании среднего уровня социальной адаптированности выпускников школ-интернатов АОП, сформированных профессиональных интересах, достаточно реалистичных социально-трудовых ожиданиях и мотивах профессионального выбора, что не свойственно подросткам с нарушением интеллекта.

На наш взгляд, это обусловлено тем, что несмотря на ряд объективных трудностей, обусловленных как особенностями развития умственно отсталых детей, так и социальной ситуацией, в представленных образовательных учреждениях вся система учебно-воспитательной и коррекционной работы направлена на подготовку воспитанников к самостоятельной жизни и профессиональному труду, проводится систематичная комплексная работа по профориентации и социально-трудовой адаптации, которая имеет свои положительные результаты.

В Школе-интернате АОП №5 г. Саратова основным направлением в работе с детьми, имеющими ограниченные возможности, является трудовое обучение и социальная адаптация. Большое количество учебных часов отведено на занятия трудом.

В младших классах дети занимаются ручным трудом, а с 5 класса трудовое обучение делится на подготовку младшего обслуживающего персонала и профессионально-трудовое обучение (столярное дело и швейное дело).

Ведется огромная воспитательная работа. Реализуются дополнительные программы: Программа социальной адаптации для детей-подростков «Каждый человек-хозяин своей судьбы», Программа социальной адаптации выпускников «Путь домой», Программа психолого-педагогической коррекции и социальной адаптации «Возрождение», Программа социальной адаптации «Здоровье и ЗОЖ», Программа работы с детьми асоциального поведения «Грани успеха», Программа трудового воспитания и профессионального самоопределения учащихся «Правильный выбор».

Структурным подразделением Школы-интерната АОП №5 г. Саратова является «Центр психолого-педагогического и медико-социального сопровождения», в котором функционирует отдел социальной (постинтернатной) адаптации выпускников из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (дети ОБПР).

Основными задачами отдела являются:

- оказание комплексной психолого-педагогической, социальной и правовой помощи;
- разработка и реализация индивидуальных программ реабилитации и социальной адаптации обслуживаемых лиц; обеспечение временного проживания в социальной гостинице Центра;
- предоставление конкретных видов социально-экономических, социально-психологических, социально-педагогических и иных социальных услуг;
- поддержка в решении проблем самообеспечения, координации собственных возможностей по преодолению трудной жизненной ситуации.

Если у детей из числа детей-сирот и детей ОБПР в возрасте до 23 лет возникают трудности, касающиеся восстановления потерянных документов, сбора пакета документов для постановки на учет в Министерство строительства и ЖКХ, оформления субсидий, пенсии по потере кормильца, пенсии по инвалидности, получении профессионального образования, сложности при трудоустройстве и другие, специалисты отдела оказывают им консультативную помощь.

На наш взгляд, преимуществом в работе интерната и постинтернатного подразделения способствует успешной социально-трудовой адаптации выпускников школы-интерната АОП.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, гипотеза нашего исследования получила свое научное подтверждение. Результаты могут быть использованы при организации работы по социально-трудовой адаптации детей в школах-интернатах АОП. Вместе с тем, перед образовательными организациями сегодня особенно остро встают проблемы, связанные с необходимостью разработки практических подходов к преодолению морального и социального сиротства детей с нарушением интеллекта. В условиях модернизации образования, увеличения доли инклюзии и интеграции, накопленный региональный опыт по профориентации, социально-трудовой адаптации и реабилитации данной категории детей необходимо расширять, своевременно реагировать на стремительные изменения в жизни и обществе. Кроме того, на федеральном и региональном уровнях необходимо осуществлять мониторинг жизнеустройства выпускников школ-интернатов АОП, создавать социально-адаптационные структуры в целях социально-профессиональной реабилитации детей-сирот с отклонениями в развитии, предпринимать меры по гарантийному трудоустройству выпускников с ограниченными возможностями здоровья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru/laws/federalnyy-zakon-ot-29.12.2012-n-273fz/?yclid=732523527769167508> (дата обращения: 21.02.18)
2. Федеральный закон от 24.11.1995 N 181-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru/laws/federalnyy-zakon-ot-24.11.1995-n-181-fz/> (дата обращения: 21.02.18)
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. N 61 г. Москва «О Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/55170694/> (дата обращения: 21.02.18)
4. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70183566/> (дата обращения: 21.02.18)
5. Постановление правительства Саратовской области от 20 ноября 2013 года N 643-П «О государственной программе Саратовской области «Развитие образования в Саратовской области до 2020 года» (с изменениями

на 20 декабря 2017 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/467701349>

6. Коркунов В.В. Социально-трудовая адаптация учащихся и выпускников вспомогательных школ (принципиальные положения, организация и содержание). М., 1990. - 36 с.
7. Ярошевич Н.О. Социально-трудовая адаптация лиц с нарушениями слуха (на примере создания службы «Карьера» в специальной школе): дис. канд. пед. наук: 13.00.03. Москва, 2002. 143 с.
8. Чистякова С.Н. Педагогическое сопровождение самоопределения школьников: учеб.-метод. пособие. Москва: Академия, 2007. 122 с.
9. Педагогическая поддержка профессионального самоопределения старшеклассников: кн. для учителя и социального педагога / под ред. С.Н. Чистяковой, Н.Ф. Родичева. М.: Новая школа, 2011. 112 с.
10. Родичев Н.Ф. Формирование профессионального самоопределения школьников в условиях непрерывного образования // Педагогика. 2012. №9. С. 16-24
11. Лернер П.С., Титов Е.В., Чистякова С.Н., Родичев Н.Ф. Педагогическая поддержка профессионального самоопределения старшеклассников. М.: Новая школа, 2004. 311 с.
12. Соловьева О.В. Постинтернатная адаптация детей-сирот. Коллективная монография / Под науч. ред. Л.М. Шипицыной и И.Г. Абрамовой. СПб.: Институт специальной педагогики и психологии, 2001. 96 с.
13. Соловьева О.В. Проблема подготовки умственно отсталых детей-сирот к самостоятельному профессиональному самоопределению / Проблемы коррекционной психологии и коррекционной педагогики: сб. науч. тр. Саратов: ИЦ «Наука». 2011. С. 39-43.
14. Павлова Н.В. Вариативные средства развития коммуникативных компетенций обучающихся с ограниченными возможностями здоровья / Гуманизация образовательного пространства: материалы междунар. науч. конф. (Саратов, 20-21 окт. 2016 г.) М.: Изд-во «Перо», 2016. С. 735-742.
15. Селиванова Ю.В. Тенденции развития специального образования: социокультурный подход // Известия Саратовского Университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2015. №4. С. 295-300
16. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 490 с.
17. Кибирев А.А. Активные методы обучения и профконсультирования. Практикум по профориентации школьников старших классов: методические рекомендации. Хабаровск: ХК ИППК ПК, 2005. 75 с.
18. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Академия, 2004. 301 с.

Статья поступила в редакцию 28.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 378.046.4

КОНТРОЛЛИНГ В УПРАВЛЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

© 2018

Данилов Александр Павлович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры
«Бухгалтерский учет, анализ и аудит»

Ярыгина Неля Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры
«Бухгалтерский учет, анализ и аудит»

Крыцина Анна Михайловна, магистр экономики, преподаватель кафедры
«Бухгалтерский учет, анализ и аудит»

Тольяттинский государственный университет

(445020, Россия, Тольятти, улица Белорусская, 14, e-mail: buifeiu@yandex.ru)

Аннотация. В настоящее время наблюдается довольно широкий диапазон различных подходов к формулировке эффективности, но все существующие убеждения не указывают на их принципиальную непримиримость. Чаще всего это говорит о том, что к разным ситуациям или объектам деятельности можно применять всевозможные подходы к трактовке эффективности. То есть, решающим фактором для разъяснения понятия эффективности в данной ситуации выступает: каким образом и что именно мы будем измерять. В современное время рекомендуется бюджетные средства вкладывать не в определенную область, а в изменения, которые должны произойти в ней. То есть в изменения, которые обеспечат создание благоприятных условий в сфере муниципальных образований для усовершенствования и реализации потенциала личности. На сегодняшний момент управление должно быть не только качественным само по себе, но и своим качеством улучшать результативность управляемой системы. В статье рассматривается вопрос трудоемкости определения эффективности труда в управлении образовательной системой, отмечена тесная связь между эффективностью управления образованием в рамках принятого бюджета и рациональным основанием составления бюджета, возможность использования механизма бюджетирования, а также функции контроллинга.

Ключевые слова: образовательная система, контроллинг, управление персоналом, бюджетирование, оценка эффективности, результативность, высшее образование, мониторинг, управление, бюджетные средства, качество, управленческие решения.

CONTROLLING IN THE CONTROL OF THE EDUCATIONAL SYSTEM

© 2018

Danilov Alexandr Pavlovich, candidate of economic sciences, Professor of Department
“Accounting, analysis and audit”

Yarygina Nelia Anatolyevna, candidate of economic sciences, Professor of Department
“Accounting, analysis and audit”

Krytsina Anna Mikhailovna, master of economics, teacher of Department
«Accounting, analysis and audit»

Togliatti State University

(445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya street, 14, e-mail: buifeiu@yandex.ru)

Abstract. Currently, there is a fairly wide range of different approaches to the formulation of efficiency, but all the existing beliefs do not indicate their principled intransigence. More often it means that different approaches to the treatment of efficiency can be applied to different situations or objects of activity. That is, the deciding factor for clarifying the concept of efficiency in this situation is: how and what exactly we will measure. In modern times it is recommended that budgetary funds be invested not in a certain area, but in changes that must occur in it. That is, changes that will ensure the creation of favorable conditions in the sphere of municipal entities for improving and realizing the potential of the individual. At the moment, management should be not only qualitative in itself, but also its quality to improve the effectiveness of the managed system. The article deals with the labor intensity of determining the effectiveness of labor in the management of the educational system, noted a close relationship between the effectiveness of education management within the adopted budget and the rational basis for budgeting, the possibility of using the budgeting mechanism, and controlling functions.

Keywords: educational system, controlling, personnel management, budgeting, efficiency evaluation, efficiency, higher education, monitoring, management, budget funds, quality, management decisions.

Результативность управления образовательной системой – это следствие управления, а именно, вторжение в ключевые процессы, предполагающие изменение формы, характера условий, свойств, гарантирующих развитие, наращивание и реализацию потенциала личности. Центром управления является управленческое решение, которое представляет собой лишь определенные идеи и мысли, отображенные в правовом акте. Результативное решение лишь то, которое реализуется успешно и эффективно.

Проблема – это реальное положение дел, которое не соответствует желаемому состоянию объекта управления, а также ситуация, находящаяся под угрозой, требующая скорейшего разрешения. Обнаружение проблемы является процессом ее осознания и сопровождается ее описанием, т.е. предполагает ее краткую формулировку, а в последующем развернутое описание.

Трудоемкость определения эффективности труда в управлении образовательной системой все чаще приводит к мысли, что данная задача не решаема. Вся информация, которая требуется для осуществления деятельности организации, создает информационное поле,

которое можно разделить на внутреннюю и внешнюю сферы. Внутренняя информационная сфера устанавливается в рамках организации, базируясь на данных о ее деятельности и осуществляющихся внутри процессах [1]. Любая деятельность управления образовательной системой в зависимости от среды, в которой она осуществляется, оценивается в разных показателях внешней и соответственно внутренней эффективности. Проблема выбора является явлением достаточно сложным и, к сожалению, в системе управления довольно часто упрощается процедура выбора рациональных решений из множества альтернатив. Следовательно, приходится прибегать к упрощенным моделям, иногда подменяя управленческое мышление мышлением прагматизма. Результат принимаемого управленческого решения оценивается в пределах того горизонта времени, который может предвидеть, предсказать руководитель различного ранга [2].

Результативностью решения является как превышение положительных последствий над отрицательными при допустимых затратах. Следовательно, руководитель, принимающий решение, не ограниченный в сред-

ствах при выборе, руководствуется тем, которое бы предполагало, автономно от расходов, достижение самого высокого уровня результата.

На практике же все субъекты проблемы управленческого характера ориентированы повысить результативность, оцениваемую по их системам ценностей. Принимающие решения руководители не имеют возможности снижать стимулы любой определенной группе субъектов проблемного положения ниже конкретного, установленного законодательно или экономически аргументированного уровня. Следовательно, как правило должен оставаться какой-либо интервал выбора, в рамках которого критерий результативности приведет к определенным решениям в зависимости от того, чьи ценности определяются, т.е. что показывает числитель, и чьи затраты находятся в знаменателе.

Вопрос эффективности и рациональности выбора, всегда соотносится относительно проводимых в жизнь ценностей, то есть, когда измеряется или оценивается эффективность, следует учитывать, какие из субъектов проблемной ситуации ценности максимизируются. Исходя из этого, можно определить, как будет измеряться степень достижения этих ценностей, какие будут получены результаты, если будет избран данный вариант управления. А также можно сопоставить планируемые итоги с затратами. Но, предварительно следует установить систему ценностей или задач, соответственно которым нужно произвести оценку. Для оценки работы какого-либо структурного подразделения, требуется понимать какие функции оно осуществляет.

Анализируя решения, принимаемые системой управления, можно сделать вывод, что все они состоят только из общих задач и подходов, что, соответственно, затрудняет определение измерителей результата. Трудность состоит еще и в том, что деятельность структурных подразделений образовательной системы ориентирована сразу на множество задач, поэтому система оценивания в данном случае демонстрирует итоги определенного варианта действий, при этом не показывая, какой именно вариант действий преимуществен. Для одной группы первостепенной задачей системы образования выступает предоставление необходимых знаний, а для другой – подготовка к автономной экономической и общественной деятельности.

Другая сложность задачи проявляется в том, что результаты довольно часто бывают довольно отдалены во времени касательно расходов, которые были выделены на достижение этого результата. Процесс установления задач по разрешению такой проблемы не может быть менее обоснованным, чем оценка эффективности, так как это не просто взаимосвязанные, а вытекающие одно из другого явления. В таких областях, где связь между средствами и целями проследить легче всего, с наибольшим успехом можно произвести оценку эффективности. Отметим, что намного сложнее просчитать эффективность, когда одни результаты измеряются материальными затратами, вторые нематериальными, чем, когда результаты и затраты измеряются только материальными показателями.

В результате в системе управления образовательной системой первый вариант встречается чаще, чем второй. Более того, улучшение методов оценки результативности связано с улучшением методов обеспечения ответственности. Разногласия, которые возникают в управлении, относятся, чаще всего, не к конечным целям, а к путям их наиболее результативного достижения.

Процедура составления бюджета заключается в подготовке каждым структурным подразделением смет расходов, которые необходимы на следующий финансовый год. Данные сметы анализируются и сводятся воедино, завершаясь на определенном уровне.

Наблюдается тесная связь между эффективностью управления образованием в рамках принятого бюджета и рациональным основанием составления бюджета.

Рациональным решением по бюджету является решение, одобренное избирателем в лице представительного органа, которому он передал право принятия данного решения. В действительности, при составлении бюджета, данные группы вопросов редко разделяются, кроме того, первая группа редко обсуждается в процессе принятия бюджета. Структурные подразделения, которые готовят сметные предложения, рассматривают свои заявки как расчеты своих потребностей.

Быстро меняющаяся социальная среда порождает новые требования к системе высшего профессионального образования, качеству и содержанию получаемого образования [3].

Кроме того, при разработке и внедрении различных программ вводится понятие минимальной бюджетной обеспеченности, не задумываясь о том, как могут быть израсходованы эти средства, какой способ достижения целей программы будет положен в основу и насколько он действенен.

Принято считать, что система управления должна быть результативной, поэтому споры об эффективности – это в действительности дискуссии о том, какие ценности должны водворяться в жизнь. Решения, принимаемые в образовательной системе, показывают, что у всех субъектов наблюдаются разные системы ценностей. Следовательно, все субъекты проблемной ситуации, которую требуется решить, будут оценивать эффективность по-разному.

Следующая задача, требующая иных подходов – это разработка нового механизма формирования бюджета образовательной системы, полное изменение бюджетной политики, предопределяющей вложение бюджетных средств в изменения, которые должны в них произойти. Такие изменения, которые бы обеспечивали создание благоприятных условий для развития и реализации потенциала личности, повышения уровня благосостояния населения и развития территории. В этой связи следует различать такие понятия как бюджет и бюджетирование.

Бюджет - это выделение ресурсов под конкретные цели, результат, а бюджетирование - это возможность выбора органами исполнительной власти решений по достижению поставленных целей. Процесс бюджетирования отражен на рис. 1.

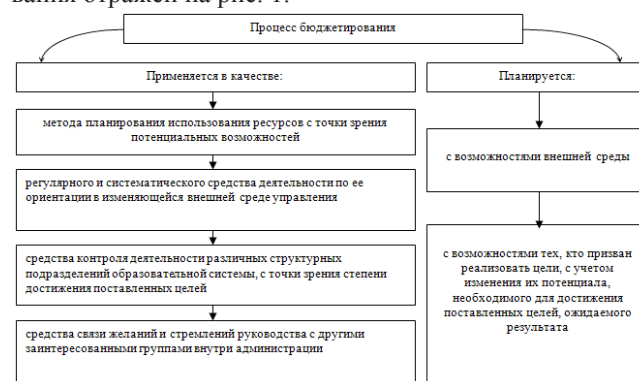

Рисунок 1 - Процесс бюджетирования

При обсуждении формирования бюджета для каждого структурного подразделения требуется не только установить область деятельности и изменения, которые непременно произойдут в этой области, но также установить область деятельности совместной с другими структурными подразделениями, компетенции. То есть установить измеримые изменения, которые должны в них произойти. Также необходимо установить те средства, которые можно выделить из бюджета.

Каждое структурное подразделение является центром ответственности, отвечающим за все последствия, которые присущи контроллингу [4-10].

Возможность использования механизма бюджетирования позволяет расширить маневренность системы

образования, а, следовательно, свести к минимуму зависимость от изменений, которые происходят во внешней среде.

Эффективным управлением является управление изменениями во внутренней среде, как реакция на изменения, происходящими во внешней среде, а это предполагает для начала использование современных технологий управления, управления потенциалом, управления сопротивлением изменениям. Поэтому в настоящее время необходимо использовать современные технологии управления как инструмент повышения эффективности управления.

Информационной базой контроллинга выступают данные управленческого учета и, в первую очередь, текущие затраты по видам работ. Контроллинг ориентирован на систему бюджетов, которая предоставляет возможность руководителю заранее произвести оценку эффективности управленческих решений, оптимально распределить ресурсы по подразделениям, обозначить пути развития, что позволит избежать кризисной ситуации. В пределах системы контроллинга информация накапливается, собирается и подвергается анализу не в руководстве образования в целом, а по центрам ответственности, коими выступают ее структурные подразделения.

Для каждого центра ответственности устанавливаются правила принятия решений, гарантирующие принятие решений, которые бы не противоречили поставленным перед образовательной системой целям, а также предоставляли независимость деятельности каждому центру ответственности. Наделение центров ответственности не просто ответственностью, а ответственностью, обеспеченной ресурсами. Деление на центры ответственности и классификация затрат являются фундаментом для создания иной системы оценки эффективности управления муниципальным образованием. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ярыгина Н.А. Особенности информационно-обеспечения для эффективного управления вузом / Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2012. № 1. С. 221-227.

2. Ярыгина Н.А. Экономический анализ деятельности высшего учебного заведения / Вестник СамГУПС. 2011. № 1. С. 123-125.

3. Ярыгина Н.А. Особенности экономического анализа деятельности вузов / Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2012. № 1. С. 112-117.

4. Волков А.Г., Батова В.Н. Эволюция концепции контроллинга в аспекте системного развития организации // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2013. № 7 (11). С. 299-303.

5. Боргардт Е.А., Асеева Е.Р. Процедура внедрения контроллинга на предприятии // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 13-16.

6. Головина О.И. Теоретические подходы к формированию контроллинга как компонента управления предприятиями пищевой промышленности // Карельский научный журнал. 2014. № 2. С. 48-51.

7. Бочкова В.В. Теоретико-методическое обоснование концепций и моделей контроллинга // Вестник НГИЭИ. 2015. № 3 (46). С. 19-24.

8. Коваленко О.Г., Курилова А.А. Скользящее бюджетирование как инструмент финансового контроллинга на предприятии // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 80-82.

9. Полтева Т.В., Кирюшкина А.Н. К вопросу о содержании понятий «финансовое планирование» и «бюджетирование» // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 267-270.

10. Боргардт Е.А., Вишнякова М.В. Формирование системы контроллинга на промышленном предприятии

// Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 67-71.

Статья поступила в редакцию 23.12.2017

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 378:615.15

ОБ ОПЫТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПРОВИЗОРОВ НА БАЗЕ КОНТЕКСТНОГО ПОДХОДА

©2018

Денисова Наталья Георгиевна, кандидат фармацевтических наук,
доцент кафедры «Фармации ФПО»

Курилова Оксана Олеговна, кандидат фармацевтических наук, старший преподаватель
кафедры «Фармацевтической технологии»

*Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, улица Карла Маркса, 3, e-mail: KurilovaOO@kursksmu.net)*

Аннотация. Статья посвящена анализу педагогической системы, реализуемой в Курском государственном медицинском университете в условиях многоуровневой подготовки провизоров. Система основана на контекстном подходе, имеет практико-ориентированный характер и направлена на формирование профессиональной компетентности будущих специалистов. Согласно такому подходу усвоение теоретических знаний и освоение профессиональных навыков и действий происходит одновременно. Современные тенденции образования предполагают использование форм, позволяющих достичь максимальной степени реализма: деловые игры, кейсы, симуляционное обучение, учебно-исследовательская работа, тренинги и др. Деловые игры и симуляционные технологии позволяют эффективно усваивать учебный материал и осваивать профессиональные навыки в условиях и ситуациях, максимально приближенных к действительности. Современный рынок труда заинтересован в специалистах, способных самостоятельно планировать и организовывать собственную работу, проводить исследования, получать результаты и уметь их анализировать. Участие в научно-исследовательской работе развивает и закрепляет такие навыки. Завершающим этапом учебного процесса является практика, которая непосредственно ориентирована на профессиональную подготовку обучающихся в быстро меняющихся реалиях производственных условий. При реализации системы непрерывного образования медицинских и фармацевтических специалистов используются современные коммуникативные технологии передачи данных, в частности, дистанционные образовательные технологии. Педагогическая система, основанная на практико-ориентированном подходе, позволяет готовить высококвалифицированных специалистов, способных решать разные задачи в области фармацевтической науки.

Ключевые слова: образование, практико-ориентированная подготовка, контекстный подход, многоуровневая подготовка провизоров, деловая игра, симуляционные образовательные технологии, дистанционные образовательные технологии, научно-исследовательская работа, производственная практика.

ABOUT EXPERIENCE IN FORMING PEDAGOGICAL SYSTEM OF PHARMACISTS PREPARATION ON THE CONTEXTUAL APPROACH BASIS

©2018

Denisova Natalja Georgievna, candidate of Pharmaceutical Sciences, associate professor
of the department «Pharmacy FPO»

Kurilova Oksana Olegovna, candidate of Pharmaceutical Sciences, senior lecturer
of the department «Pharmaceutical technology»

*Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marx street, 3, e-mail: KurilovaOO@kursksmu.net)*

Abstract. The article is devoted to pedagogical system analysis embodied in Kursk State Medical University in multi-level pharmacists preparation conditions. The system is based on the contextual approach, has practice-oriented format and is aimed at forming professional competency of future specialists. According to this approach both assimilation of theoretical knowledge and professional skills development happen simultaneously. Modern educational tendencies assume using forms, which help to make it maximally realistic: business games, cases, simulation training, educational research, training etc. Business games and simulation technologies help assimilate learning material and develop professional skills effectively in realistic conditions and situations. Modern labor market is interested in specialists, who are able to plan and organize their own work, carry out researches, get results and analyze them. Participating in educational researches develops and consolidates these skills. The final step of the educational process is an internship, which is directly oriented to the professional training of students in rapidly changing reality of manufacturing conditions. The system of continuous education of medical and pharmaceutical students is embodied by modern communication technologies, particularly remote educational technologies. Practice-oriented approach based pedagogical system helps to prepare highly qualified specialists, who are able to solve different problems in the area of pharmaceutical science.

Keywords: education, practice-oriented training, contextual approach, multi-level pharmacists training, business game, simulation educational technologies, remote educational technologies, educational research, manufacturing internship.

Ведущим направлением модернизации российского образования является подготовка специалистов нового типа, обладающих высокой адаптивностью к изменяющимся экономическим и социальным условиям, умеющих самостоятельно решать поставленные перед ними задачи и обладающих практико-ориентированными компетенциями, а также способных к постоянному саморазвитию и самосовершенствованию. Образовательные системы, ориентированные на запросы рынка труда, оперативно реагирующие на все изменения в сфере профессиональной деятельности, осуществляющие тесное взаимодействие с потенциальными работодателями на всех этапах подготовки будущих специалистов, являются в настоящее время наиболее востребованными и обеспечивают успешное развитие экономики предприятий и организаций различных форм собственности и организационно-правового статуса и государства в целом.

Реализуемые в настоящее время федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) имеют практико-ориентированный характер содержания и направлены преимущественно на развитие профессиональной компетентности. Данное обстоятельство обуславливает необходимость совершенствования используемых в образовательных учреждениях педагогических систем, позволяющих максимально приблизить содержание и процесс учебной деятельности обучающихся к будущей профессии.

Использование практико-ориентированной подготовки особенно актуально в системе медицинского и фармацевтического образования, что, наряду с внедрением ФГОС, обусловлено рядом следующих факторов:

- материально-техническое переоснащение системы здравоохранения (в том числе, связанное с созданием центров высокотехнологичной медицинской помощи, современных фармацевтических производств);
- активное обновление профессиональной информа-

ции, постоянное повышение сложности и расширение спектра решаемых задач, что обуславливает необходимость освоения и использования новых методик, технологий, программного обеспечения и т.п.;

- формирование новой системы непрерывного профессионального развития, предполагающей активное использование современных информационно-коммуникационных технологий;

- повышение требований к квалификации современного врача и провизора в условиях реализации Государственных программ развития здравоохранения, развития фармацевтической и медицинской промышленности, Стратегии лекарственного обеспечения населения и т.д. [1-3]. Так, среди ключевых мероприятий реализации Государственной программы развития здравоохранения, можно выделить: совершенствование системы практической подготовки медицинских и фармацевтических работников; формирование единых подходов к определению уровня квалификации и набора компетенций медицинских и фармацевтических специалистов, необходимых для занятия профессиональной деятельностью.

Целью данной публикации является обобщение опыта формирования и использования практико-ориентированной педагогической системы подготовки провизоров в Курском государственном медицинском университете (КГМУ). Особенности предлагаемого подхода обусловлены спецификой многоуровневого образовательного процесса в соответствии с действующими законодательными и нормативно-правовыми требованиями. В частности, статьей 69 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ установлено, что право на осуществление фармацевтической деятельности имеют лица, получившие фармацевтическое образование в Российской Федерации в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами и имеющие свидетельство об аккредитации специалиста [4]. В отношении лиц, завершивших освоение основных образовательных программ высшего фармацевтического образования, проводится первичная аккредитация; в отношении лиц, завершивших освоение программ подготовки кадров высшей квалификации и дополнительных профессиональных программ (профессиональная переподготовка) – первичная специализированная аккредитация; в отношении лиц, завершивших освоение профессиональных образовательных программ фармацевтического образования, обеспечивающих непрерывное совершенствование профессиональных знаний и навыков в течение всей жизни, а также постоянное повышение профессионального уровня и расширение квалификации – периодическая аккредитация [5]. Таким образом, педагогическая система подготовки провизоров реализуется на трех уровнях (1. высшее образование – специалитет; 2. высшее образование - подготовка кадров высшей квалификации (ординатура); 3. непрерывное дополнительное профессиональное образование (НДПО) в течении всей трудовой деятельности) и должна обеспечивать взаимосвязь, преемственность, взаимодействие между уровнями и поэтапный переход к максимальной ориентации на практику и решению наиболее сложных и актуальных задач для состоявшихся специалистов на третьем уровне.

Реализуемая в КГМУ педагогическая система основана на структурно-функциональной модели, предложенной Н.В. Кузьминой, дополненной с учетом специфики фармацевтического образования (рисунок 1).

При этом, система представлена как «множество взаимосвязанных структурных и функциональных компонентов, подчинённых целям воспитания, образования и обучения подрастающего поколения и взрослых людей» [6, 7].

Структурно-функциональная модель педагогической системы подготовки провизоров основана на контекстном подходе, концепция которого была разработана А.А. Вербицким и предполагает тот факт, что эффектив-

ное освоение социального опыта (знаний, умений, навыков) может осуществляться только в результате активной, высокомотивированной деятельности субъекта [8].

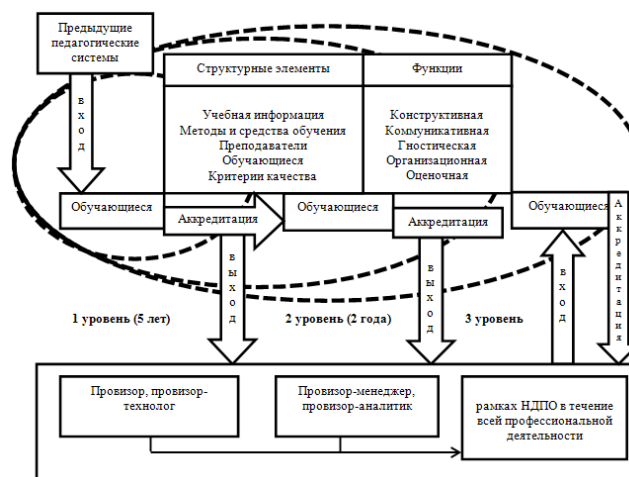

Рисунок 1 - Структурно-функциональная модель педагогической системы подготовки провизоров

Выбор подхода обусловлен тем, что при его реализации осуществляется постепенный, поэтапный переход обучающихся к базовым формам деятельности более высокого ранга: от учебной деятельности академического типа к квазипрофессиональной деятельности (деловые игры, кейсы, симуляционное обучение и др.) и, потом, к учебно-профессиональной деятельности (НИРС, практики, стажировки) и обучению в рамках НДПО. Содержание учебной информации предлагается трактовать в контексте профессиональной деятельности, а в качестве средств реализации теоретических подходов широко используются методы активного (контекстного) обучения. Кроме профессиональной направленности обучения, контекстный подход предполагает возможность решения обучающимися на базе имеющегося опыта неизвестных им в настоящее время задач наиболее эффективным способом. По мнению А.А. Вербицкого «... для того, чтобы обучающийся стал субъектом познавательной деятельности, ему нужно, опираясь на прошлое, уже усвоенное знание и действуя в настоящем, развернуться в будущее – к неизвестным еще ему проблемным ситуациям, разрешение которых предполагает включение мышления и всех других психических функций, а не только внимания, восприятия, памяти и моторики, которые «эксплуатируются» в традиционном объяснительно-иллюстративном типе обучения. Задача педагога – создать такие психолого-педагогические условия, которые задают контекст «прошлое-настоящее-будущее», а вместе с ним и смысл учебно-познавательной деятельности субъекта учения: школьника, студента, повышающего квалификацию слушателя» [9]. Данный подход полностью соответствует основным целям и задачам педагогической системы описанной выше многоуровневой подготовки провизоров.

При формировании целей обучения и содержания учебной информации в предлагаемой системе основными ориентирами выступают: 1) требования образовательных стандартов, гармонизированные с профессиональными стандартами [5]; 2) образовательные запросы специалистов, осуществляющих фармацевтическую деятельность, мнение профессионального сообщества; 3) результаты проверок фармацевтических организаций в рамках контрольно-надзорных мероприятий, осуществляемых органами государственной власти и местного самоуправления. Согласование содержания образовательных стандартов с трудовыми функциями профессиональных стандартов является эффективным инструментом консолидации сферы образования и сферы труда, ключевым критерием для создания прак-

тико-ориентированных образовательных программ. Анализ образовательных потребностей обучающихся на третьем уровне, который проводится с помощью анкетирования, позволяет выделить наиболее важные и значимые для практики проблемы, которым необходимо уделить повышенное внимание в ходе организации обучения на 1 и 2 уровнях. Так, анализ результатов опроса слушателей курсов повышения квалификации показывает, что наиболее актуальными в современных социально-экономических условиях являются вопросы организации собственного фармацевтического бизнеса, повышения финансовой эффективности действующих бизнес-структур, совершенствования организационно-управленческих компетенций руководящего персонала фармацевтических организаций и технологии организации розничных фармацевтических продаж. Наиболее массовые нарушения, выявленные в результате проверок со стороны контрольно-надзорных органов, позволяют обнаружить пробелы и проблемы в содержательном и организационном компонентах образовательного процесса, провести соответствующие корректирующие и предупреждающие мероприятия.

Выбор методов и средств обучения также максимально ориентирован на особенности профессиональной сферы труда. В учебном процессе активно используются деловые игры различных типов, кейсовые технологии, тренинги, симуляционное обучение, учебно-исследовательская работа, работа над проектами и др.

Деловые или ролевые игры позволяют эффективно усваивать учебный материал, обеспечивают высокую профессиональную подготовку, выполняют обучающую, познавательную, воспитательную, развивающую функции [10-14]. Во время традиционных занятий обучающиеся находятся в типичной спокойной обстановке, а использование игр различного типа позволяет смоделировать вероятные производственные ситуации и тем самым уменьшить эффект неожиданности и новизны в реальности. Молодые специалисты, выходящие из стен учебного заведения, часто совершают определенные ошибки при освоении нового дела, а деловые игры позволяют совершить эти ошибки в вузе и быть готовыми к подобным ситуациям в будущей работе. Имитация реальных ситуаций, в том числе нестандартных и проблемных, позволяет учесть различные аспекты фармацевтической деятельности, обсудить варианты подходов и решений, выбрать оптимальный. В целом деловые и ролевые игры позволяют выработать у студентов начальную профессиональную готовность, развивают коммуникативные навыки, учат формулировать свои мысли, работать в коллективе и при этом обоснованно и аргументированно отстаивать свою точку зрения, формируют профессиональное мышление, умение анализировать и правильно интерпретировать получаемую информацию, повышают мотивацию изучения дисциплины. Деловые игры различных типов (учебная деловая игра, ролевая игра, соревновательная игра, игра-викторина, «мозговой штурм», ситуативный разбор и др.) разработаны на всех этапах обучения и на подавляющем количестве кафедр, особенно важным является их использование для специальных дисциплин (управления и экономики фармации, фармацевтической технологии, фармацевтической химии, фармакогнозии) на всех трех этапах получения образования.

В мировой практике обучения медицинских специалистов симуляционные образовательные технологии используются давно и достаточно успешно [15,16], однако в подготовке провизоров являются относительно новым форматом обучения с выраженным практическим акцентом. Сценарии подобных манипуляций позволяют гибко изменять течение предложенных ситуаций в зависимости от принимаемых студентами решений и совершаемых ими действий. Подобная практика позволяет самим участникам в деталях разобрать ситуацию, учесть свои ошибки и добиться успеха, тем самым существенно по-

высить эффективность и безопасность оказываемой помощи [17]. Поэтому создание имитационных аптечных организаций является перспективным направлением в фармацевтическом образовании. В КГМУ создан симуляционный комплекс «Учебная аптека», который позволяет обучающимся в условиях, максимально приближенных к производственным, выполнять профессиональные действия в соответствии с рабочими программами и квалификационными требованиями при аккредитации специалистов. В структуру симуляционного комплекса входят помещения, которые имитируют все сферы деятельности аптечных организаций: торговый зал с закрытой выкладкой товара и «окном» для отпуска лекарственных средств и товаров аптечного ассортимента; помещение для хранения товара; помещение для изготовления лекарственных форм, которые оснащены аптечной мебелью, оборудованием, приборами, посудой, лекарственными веществами, вспомогательными материалами для выработки у обучающихся компетенций, предусмотренных ФГОС.

Большое внимание при реализации педагогической системы уделяется совершенствованию средств обучения и переход на современные коммуникативные технологии передачи данных, в частности, дистанционные образовательные технологии (ДОТ), что очень востребовано практической сферой, особенно в условиях реализации системы непрерывного образования медицинских и фармацевтических специалистов. Модель системы организации учебного процесса с использованием ДОТ на всех уровнях подготовки включает три основополагающих аспекта: набор инструментов для создания информационно-образовательной среды и работы с ней; разработка образовательного контента с учетом педагогического дизайна; построение модели использования среды в учебном процессе и повышение компьютерной компетентности сотрудников.

В качестве инструментов реализации ДОТ в КГМУ используются программная оболочка с открытым кодом доступа Moodle и платформа сервиса видеоконференций и вебинаров iMind. С помощью Moodle преподаватели могут создавать учебные курсы, включающие учебную информацию, в том числе, в мультимедийной форме, ссылки на каталоги и Web-страницы, глоссарии, практические и тестовые задания и др. Moodle предоставляет широкие коммуникативные возможности общения между участниками образовательного процесса с помощью электронной почты, чатов, форумов. В систему достаточно просто и быстро интегрируются мультимедийные продукты, созданные с помощью плагина iSpring Suite, который на базе PowerPoint позволяет создавать профессиональные электронные учебные материалы. В настоящее время в КГМУ ведется активная работа по созданию электронных учебников, пособий, руководств, атласов, сборников, хрестоматий и т.п. на базе iSpring Suite. Особенно востребованы мультимедийные продукты, импортированные в дистанционную среду обучения, в системе НДПО специалистов сферы обращения лекарственных средств. Платформа видео-сервиса iMind позволяет преподавателям читать он-лайн лекции для слушателей, находящихся в данный момент в различных территориях.

Одной из главных составляющих при обучении будущих провизоров и в то же самое время более высокой степенью в иерархии учебно-профессиональной деятельности является научно-исследовательская работа (НИР). В современных реалиях рынка труда востребованы специалисты, которые обладают не только профессиональными знаниями и умениями, но и способны самостоятельно планировать и организовывать собственную работу, ставить задачи, выбирать методы для их решения, осуществлять поиск и использование необходимой информации, работать с научной литературой и информационными источниками, проводить исследования, получать результаты и правильно их интерпретировать

[18-21]. Особенно важно прививать студентам навыки НИР в свете актуального на современном этапе направления – развитие отечественной фармацевтической промышленности. Сложная ситуация в сфере обеспечения отечественными лекарственными препаратами, даже из перечня жизненно необходимых, диктует внесение изменений в подготовку провизоров, они должны быть способны заниматься разработкой технологии производства лекарственных препаратов и самим производством. НИР способствует развитию соответствующих компетенций, позволяет наиболее полно проявить индивидуальность, творческие способности, готовность к самореализации. В КГМУ используются различные методы научно-исследовательской работы: курсовые, аттестационные, дипломные работы, индивидуальные творческие проекты, работа в научно-исследовательских кружках, участие в научных конференциях. Научные исследования проводятся, в том числе, и по заказу организаций, осуществляющих деятельность в сфере обращения лекарственных средств, основаны на фактическом материале реальных компаний и призваны решать конкретные задачи для повышения эффективности бизнес-процессов. Обучающиеся 1 и 2 уровня привлекаются к процессам проведения оценки качества деятельности персонала и организаций в целом (аттестация персонала, методика «Тайный покупатель», изучение транзитного потока покупателей, выбор месторасположения новых аптечных объектов, анкетирование посетителей, изучение порядка оформления витринных экспозиций и т.д.). Научные конференции с привлечением представителей профессионального сообщества и органов государственной власти также позволяют существенно повысить степень взаимосвязи практической сферы и образовательной среды за счет обсуждения наиболее актуальных проблем, возможных вариантов их решения, перспектив развития отрасли, обмена опытом и др.

Важнейшим этапом в подготовке провизоров является практика. Первичные практические навыки приобретаются в процессе прохождения учебной практики, но закрепление и углубление теоретических знаний, приобретение профессиональных навыков происходит во время производственной практики [22,23]. Именно там обучающиеся могут оценить уровень своей теоретической и практической подготовки, степень готовности к профессиональной деятельности и убедиться в правильности сделанного выбора. Производственная практика проводится в аптечных организациях, в контрольно-аналитических лабораториях и на фармацевтических предприятиях различных форм собственности на основании заключенных договоров. Практика является достаточно сложной формой учебного процесса. Она требует особого подхода, как в организационном, так и в методологическом плане. Для ее осуществления необходимо объединить требования ФГОС, профессионального стандарта, интересы образовательного учреждения, аптечных организаций и фармацевтических предприятий. Значение и функции практики сложно переоценить. Во время ее прохождения обучающиеся закрепляют, углубляют, систематизируют, расширяют теоретические знания, готовятся к самостоятельной трудовой деятельности. Для проведения всех видов практик разработаны учебно-методические комплексы, включающие рабочие программы, методические материалы, формы текущего контроля, фонды оценочных средств для проведения аттестации. Анализ информации, полученной по результатам практики, показал, что руководители на рабочих местах удовлетворены работой практикантов. Кроме того, многие будущие специалисты остаются работать именно в тех организациях, где получали опыт профессиональной деятельности.

Гигантский объем накопленной информации; интенсивно растущие темпы производства и накопления новых знаний; постоянное совершенствование технологий; усиление конкуренции между предприятиями, и, как

следствие, ориентация на повышение качества товаров, работ, услуг; ужесточение требований к уровню компетентности специалистов – основополагающие критерии, характеризующие современный этап развития общества и определяющие требования к образовательным системам в настоящее время. Образование должно быть доступным, качественным, непрерывным (принцип «образование через всю жизнь»), гораздо более интенсивным и динамичным, основанным на современных технологиях обучения, ориентированным на запросы рынка труда. Реализуемая в КГМУ многоуровневая педагогическая система соответствует всем перечисленным требованиям, что подтверждается высокой степенью востребованности выпускников (более 83% работодателей по итогам опросов демонстрируют безусловную готовность к приему на работу); удовлетворенностью работодателей качеством подготовки выпускников, способностью к профессиональной адаптации, коммуникации, уровнем профессиональной дисциплины и корпоративной культуры и др. (средний итоговый балл удовлетворенности по всем показателям 8,0 баллов из 10 возможных); удовлетворенностью качеством полученного образования и профессиональными перспективами со стороны начинающих специалистов (8,6 баллов из 10 возможных). Перспективным направлением совершенствования системы является более активное внедрение в имеющуюся модель элементов опережающего образования (на уровне целей, содержания, методов и средств обучения), которые позволят существенно повысить качество учебного процесса, востребованность и адаптивные возможности выпускников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения до 2020 года» [Электронный ресурс]/Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации. - Электрон. дан. - Режим доступа: http://www.rosminzdrav.ru/health/zdravo2020/11/Kollegiya_itog.pdf. - Загл. с экрана.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. №91 «О федеральной целевой программе «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» // Собрание законодательства РФ. 2012. №12, ст. 1628.
3. Стратегия лекарственного обеспечения населения Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации. - Электрон. дан. - Режим доступа: <http://www.rosminzdrav.ru/health/guarantee/15>. - Загл. с экрана.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. - Электрон. дан. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 02.06.2016 г. №334н «Об утверждении Положения об аккредитации специалистов» [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. - Электрон. дан. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Кузьмина Н.В. Методы системного педагогического исследования / Под ред. Н.В. Кузьминой. М.: Народное образование, 2002. 208 с.
7. Педагогическая система: теория, история, развитие. Коллективная монография / Под ред. В.П. Бедерхановой, А.А. Остапенко М.: Народное образование, 2014. 128 с.
8. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход: Метод. пособие. - М.: Высшая школа, 1991. 207 с.
9. Вербицкий А.А. Теория и технологии контекстного образования: Учеб. пособие. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2017. 268с.
10. Пантюхин А.В., Степанова Э.Ф. Возможности со-

временных образовательных технологий в подготовке студентов фармацевтических вузов. // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2012. №5. С.43-46.

11. Мороз Т.Л., Ковальская Г.Н., Рыжова О.А. Деловые игры в процессе повышения квалификации провизоров-организаторов // Фармация. 2008. №1. С. 47-49.

12. Муслимова Н.Н., Егорова С.Н. Деловые игры в последипломном образовании провизоров-организаторов // Вестник Казанского технологического университета. 2008. №5. С.219-225.

13. Степанова Э.Ф. Деловые игры и их значение в профессиональной подготовке студентов // Успехи современного естествознания. 2005. № 9. С. 45-46.

14. Адилова Н. Ф. Эффективность использования ролевых игр в процессе обучения // Молодой ученый. 2011. №12. Т.2. С.121-124.

15. Муравьев К.А., Ходжаян А.Б., Рой С.В. Симуляционное обучение в медицинском образовании – переломный момент // Фундаментальные исследования. 2011. №10-3. С. 534-537.

16. Симуляционное обучение в медицине / Под редакцией профессора Свистунова А.А. Составитель Горшков М.Д. Москва.: Издательство Первого МГМУ им. И.М. Сеченова, 2013. 288 с., ил.

17. Морозов В.А., Морозов Ю.А., Морозова Е.В. Практико-ориентированный подход в организации учебного процесса студентов и интернов фармацевтического факультета Северо-Осетинского государственного университета // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2012. №5. С.40-43.

18. Деревцова С.Н. Подготовка будущего провизора к научно-исследовательской деятельности в процессе изучения физики // Международный журнал экспериментального образования. 2012. № 4-2. С. 70-72.

19. Жилиякова Е.Т., Новиков О.О. Роль научно-исследовательской работы студентов в подготовке современных специалистов в области фармации // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2012. №5. С.29-32.

20. Тарасов В.В. Подготовка квалифицированных кадров для развития отечественной фармации и медицины // Разработка и регистрация лекарственных средств. 2015. №11. С.64-69.

21. Охремчук Л.В. Роль научно-исследовательской работы в профессиональной подготовке провизоров по дисциплине клиническая фармакология // Система менеджмента качества: опыт и перспективы. 2016. №5. С.214-217.

22. Хусаенова А. А., Насретдинова Л. М., Богданов Р. Р. Роль учебной и производственной практики на базе медицинских организаций в формировании клинического опыта будущего специалиста-медика // Образование и воспитание. 2016. №4. С. 52-54.

23. Хусаенова А. А., Насретдинова Л. М., Богданов Р. Р. Адаптация студента в периоде прохождения учебной и производственной практики // Образование и воспитание. 2015. №2. С. 59-61.

Статья поступила в редакцию 18.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 378

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

© 2018

Джиоева Галина Хазбиевна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики и психологии

Джиоева Айна Руфиновна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики и психологии

*Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
(362025, Россия, Владикавказ, улица Ватутина, 46, e-mail: bekoevamarina@mail.ru)*

Аннотация. Формирование личности ребенка происходит в результате ее активного взаимодействия с окружающим миром, в процессе получения социального опыта, овладения общественными нормами и правилами поведения, общения, в результате коллективных и межличностных отношений, в совместной деятельности с окружающими, в том числе и с членами семьи. Статья посвящена проблеме формирования личности ребенка дошкольного возраста. Она содержит анализ основных этапов личностного развития дошкольника: укрепления эмоциональной саморегуляции, развития нравственной саморегуляции, формирования индивидуальных качеств ребенка. У детей дошкольного возраста происходит трансформация желаний, обращенных на предметы воспринимаемой ситуации, в желания, связанные с воображаемыми предметами. Действия детей уже не зависят от привлекательности предметов, а осуществляются на основе суждений о предмете, о желательных последствиях, о возможности достижения предполагаемого результата в ближайшее время. Для развивающегося маленького человека не только окружающий ее мир, но и она сама являются объектом внимания и деятельности. Внутренний мир ребенка во взаимодействии с окружающей действительностью является целеустремленной и самоорганизующейся системой. Появление чувства «Я» проявляется во внимании к самому себе, в способности к самонаблюдению, самоанализу, оцениванию своего поведения, поступков и действий, умения регулировать процессы самосовершенствования. В статье доказывается, что вся деятельность ребенка дошкольного возраста является эмоционально пропитанной. Все то, что делает дошкольник — играет, лепит, рисует, конструирует, готовится к школе, помогает маме в домашних делах и т.д., — должно иметь эмоционально насыщенную, иначе деятельность не состоится или быстро развалится. В силу специфики данного возраста, ребенок просто не способен заниматься тем, что ему не доставляет удовольствие.

Ключевые слова: развитие ребенка, дошкольный возраст, формирование личности ребенка, семья, семейное воспитание.

TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF THE PERSONALITY OF A CHILD OF A PRESCHOOL AGE

© 2018

Dzhioeva Galina Khazbievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Chair of Pedagogy and Psychology

Dzhioeva Aina Rufinovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Chair of Pedagogy and Psychology

*North Ossetian State University named K.L. Khetagurov
(362025, Russia, Vladikavkaz, Vatutin Street, 46, e-mail: bekoevamarina@mail.ru)*

Abstract. Formation of the child's personality is the result of her active interaction with the surrounding world, in the process of obtaining social experience, mastering social norms and rules of behavior, communication, as a result of collective and interpersonal relationships, in joint activities with others, including family members. The article is devoted to the problem of the formation of the personality of a preschool child. It contains an analysis of the main stages of the personal development of the preschooler: strengthening emotional self-regulation, the development of moral self-regulation, the formation of the individual qualities of the child. In pre-school children, there is a transformation of desires, addressed to objects of the perceived situation, into desires associated with imaginary objects. The actions of children are no longer dependent on the attractiveness of objects, but are carried out on the basis of judgments about the subject, the desired consequences, the possibility of achieving the expected result in the near future. For a developing young person, not only the world around her, but she herself is the object of attention and activity. The inner world of the child in interaction with the surrounding reality is a purposeful and self-organizing system. The appearance of the sense of "I" manifests itself in attention to oneself, in the ability to self-observation, self-analysis, evaluation of one's behavior, actions and actions, the ability to regulate the processes of self-improvement. The article proves that all the activity of a preschool child is emotionally impregnated. Everything that a preschooler does - plays, molds, draws, designs, prepares for school, helps the mother in household chores, etc., - must be emotionally saturated, otherwise the activity will not take place or quickly fall apart. Due to the specifics of this age, the child simply is not able to do what he does not enjoy.

Keywords: child development, preschool age, child's personality formation, family, family education.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Появление ребенка в семье — это настоящее счастье. Родители, близкое окружение мечтают о том, чтобы он рос физически и психически здоровым человеком. В процессе жизнедеятельности, в результате взаимодействия с окружающими он усваивает основные формы общения и общественного поведения. Под их влиянием и с их помощью постепенно овладевает и различными видами человеческой деятельности, развивается как индивидуальность. Характер межличностных отношений родителей, родителей и детей, положительные взаимоотношения в семье, как отмечает Н.А. Бухалова, играют большую роль в становлении растущего человека [1]. Для полноценного развития ребенку необходимо доброе отношение к нему родителей и окружающих людей. Его стремление заслужить признание взрослых, получить их похвалу,

положительную оценку своих поступков, поведения, достижений — значительные потребности личности и создание благоприятных условий для их удовлетворения способствует ее совершенствованию.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Вопросами развития личности ребенка дошкольного возраста занимались и занимаются многие выдающиеся исследователи — Л.И. Божович [2], Л.С. Выготский [3], О.Ю. Зайцева, В.В. Карих [4], В.С. Мухина [5], А.В. Орлова [6], В.Н. Шебеко [7] и др. В частности В.С. Мухина отмечает, что основным психологическим новообразованием, проявившим к концу дошкольного возраста, является соподчинение мотивов. Развивая дальше эту мысль, В.Н. Шебеко приходит к выводу, что у ребенка

дошкольного возраста появляется не просто соподчинение мотивов, а развивается относительно стабильное, внеситуативное их соподчинение. При этом во главе образовавшейся иерархии располагаются опосредованные человеческие мотивы [7, с. 42-47]. А по мнению У.Н. Масленниковой, в дошкольном возрасте вырабатываются начальные этические инстанции и моральные качества [8].

Формирование целей статьи (постановка задания). Наблюдение за процессом развития и совершенствования мотивационной системы дошкольника дает возможность понимать, что на поведение ребенка, формирование его целенаправленной деятельности значительное воздействие оказывает создание позитивных взаимоотношений с взрослыми в семье и дошкольной образовательной организации. Это делает детей дошкольного возраста более чувствительными к оценкам родителей, педагогов, сверстников и других окружающих. Мотивами деятельности ребенка в этом возрасте может выступать и желание заслужить доброжелательное расположение детей, которые пользуются высоким авторитетом в коллективе. Мотивами же поведения в деятельности, взаимодействии детей могут выступать и амбициозные проявления, и желание самоутвердиться, и соревновательные признаки. Очень часто ведущими мотивами поведения данной категории детей выступают нравственные, эстетические, познавательные и творческие мотивы.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Формирование нравственных оценок и представлений происходит в форме дифференцирования диффузного отношения, в котором взаимодействуют непосредственное экспансивное отношение и моральная оценка. «Постепенно, в результате усвоения содержания моральных оценок, последние все более отделяются от непосредственного эмоционального отношения и начинают определять его. Моральная оценка насыщается общественным содержанием (Я.Л. Коломинский, Е.А. Панько, А.Н. Белоус), включая в себя моральное содержание поступков героев, их отношения к другим людям» [9]. В современных условиях в качестве основного подхода к гармоничному развитию личности, как отмечают некоторые исследователи (Л.К. Гетоева, А.Х. Кадиев), выступает личностно-ориентированная парадигма [10, с. 46-50]. В соответствии с данным подходом ключ к активности ребенка усматривается в личностном потенциале его саморазвития.

При достижении 3 лет ребенок владеет уже достаточным знанием о себе. Ряд таких новообразований как: осознание себя в социальном пространстве и времени (А.К. Самойличенко, И.И. Черемискина) [11], осознание своей половой принадлежности (Г.Х. Джиоева), стремление к признанию окружающих позволяют называть его личностью [12]. В этом возрасте формируется чувство собственного достоинства ребенка, у него появляется интерес к собственным достижениям, и он может гордиться ими. В этом смысле большое значение имеет и наличие положительного примера перед ним. Осознавая свою похожесть на предмет восхищения, ребенок старается совершать подобные поступки, у него появляется желание соответствовать требованиям взрослых. Стремление ребенка сегодня и в будущем становиться лучше и быть признанным окружающими растет (Е.А. Савина, Е.О. Смирнова), вместе с этим растет и его уверенность в себе [13]. Ребенку в этом его стремлении необходима поддержка семьи, только она может формировать в нем уверенность в овладении необходимыми умениями и навыками [14]. Только она может формировать положительную самооценку растущего человека, уверенность в том, что он честный, добрый и добросовестный ребенок. Родители должны знать, пишет И.К. Фридман, что только вера в него и любовь рожают у него оптимизм и желание быть лучше [15].

5 – 6 летний ребенок может уже сознательно управлять своим поведением, своими действиями, отмечают некоторые ученые (В.А. Петровский, М.В. Полевая) [16, с. 19]. Родители, поддерживая его во всех его начинаниях, помогают ему в приобретении жизненного опыта, формирования правильных мотивов поведения и деятельности. Регуляторами направленности личности являются характер, способности, мировоззрение. Благодаря систематическому контролю взрослых, использованию в воспитании диагностических методов, ребенок старшего дошкольного возраста пока начинает замечать ошибки в поведении и деятельности других детей, затем он переносит эти знания на себя – оценивает свою деятельность, поведение, выделяет образцы для подражания [17].

Переход на следующую возрастную стадию, по мнению Г.А. Широковой, зависит от особенностей развития общества, что активизирует формирование у дошкольников соответствующих мотиваций. Успешность развития человека во многом зависит от его самоопределения, от типа и способов разрешения противоречий с социальной реальностью, окружающими его людьми, собственной жизнедеятельностью [18, с. 25].

Дошкольный этап жизни человека является началом субъекта практической и познавательной деятельности. Этот возрастной период наиболее благоприятен для формирования нравственного поведения и социальных форм психики. В процессе взаимодействия дошкольника с окружающим миром, природой, социумом, путем освоения им моральных норм, корректирующих его поведение, происходит формирование личности. Процессом управления поведением и деятельностью ребенка руководят взрослые. Происходит это в результате знакомства ребенка с материальными и духовными ценностями общества. Путем систематических тренировок формируются знания об окружающем мире, формируются умения и навыки, необходимые ему в жизни. В этом возрасте складывается самосознание личности. Самооценка относится к фундаментальным образованиям личности, определяющим ее активность, отношение к себе и другим людям.

В этом возрасте ребенок занимает определенную позицию в коллективе своих сверстников. Предпочтения, которые он отдает своим сверстникам в игровой деятельности, при выполнении поручений, на занятиях, отличаются относительной стабильностью. Удовлетворение от совместной игровой деятельности, совместно проведенного времени, игр является основным мотивом такого отношения к сверстникам. Причинами объединения детей для общения могут быть и положительные качества: честный, веселый, щедрый и т.д.

Для общения 6-7 летний ребенок предпочитает партнеров, имеющих способности к определенной деятельности. Ориентация на индивидуальные особенности, формируемые помимо игры, в общении с взрослыми в процессе выполнения трудового поручения, на различных занятиях, во время танцев, пения, рисования, лепки и т.д. говорит о различных источниках формирования мотивов, определяющих взаимоотношения детей в группах.

Каждый человек по своему оценивает свои возможности, способности, успехи. Исследователи А.Н. Белоус, Я.Л. Коломинский и Е.А. Панько называют это «оценивать себя адекватно и неадекватно» [9, с. 54]. Самооценка бывает разной: высокой и низкой. Она различается и по степени устойчивости, самостоятельности, критичности, рефлексивности и аргументированности. Самооценка ребенка формируется в общении и во взаимоотношениях с окружающими людьми, при помощи активной деятельности, при получении оценок от окружающих. К концу раннего возраста появляются новообразования, связанные с зарождением самооценки ребенка, развитием его самосознания. Он начинает четко осознавать свои желания. Рассказывая о себе, использу-

ет уже не третье лицо, а личное местоимение «Я». Таким образом, у ребенка появляется потребность действовать от своего имени, самостоятельно, появляется также способность оценивать свои достижения в различных видах деятельности, своего поведения и своих успехов.

К концу дошкольного возраста самооценка ребенка становится все более осознанной, аргументированной, критичной, объективной. От оценки своего поведения, внешнего вида дошкольник все чаще переходит к оценке своих личностных качеств, внутреннего состояния, отношений с окружающими. Ребенок способен уже осознавать свое место среди людей, свое социальное «Я». Развитие познавательной и мотивационной сферы ребенка, его деятельности, формирование интереса к внутреннему миру окружающих людей в значительной степени связаны с развитием его самооценки.

В перечне основных компонентов личности наиболее значимым является направленность личности, выражающая совокупность ведущих мотивов деятельности личности и ее поведения. Побуждения к действиям, направленные на стремление индивида к исполнению чего-либо, удовлетворение индивидуальных потребностей в психологической науке называется побуждением. Внутреннее побуждение к деятельности через обращение к чувствам называется мотивацией. Критериями определения мотивов являются содержание, сознательность, динамичность. Даже в основе одних и тех же действий и поступков могут лежать различные по содержанию мотивы, то есть то есть внутренние причины, которые обуславливают выбор конкретных действий и поступков. Внутренние и внешние интересы, чувства и убеждения ребенка, его установки, мировоззрение лежат в основе мотивов.

В дошкольном возрасте происходит активное развитие мотивационной сферы ребенка. Трехлетний малыш все делает неосознанно, его поступки и действия в этот период тесно связаны с его желаниями и ситуативными переживаниями. По мере накопления им информации об окружающем мире, освоения новых видов деятельности (сюжетно-ролевая игра, рисование, лепка, конструирование), в результате наблюдений за миром взрослых, стремления быть похожими на них происходит совершенствование его мотивационной системы.

Важным новообразованием в развитии мотивационной сферы ребенка ученые считают соподчинение мотивов, когда одни мотивы главенствуют над другими. Мотивы, выступающие в качестве основных определяют направленность его поведения.

Становление эмоционально-волевой сферы ребенка в дошкольный период рассматривается в исследованиях Л.И. Божович. Ею отмечается, что эмоциональные состояния человека далеко не всегда носят однозначный характер, некоторые из них – амбивалентны, двойственны [2, с. 113]. Они одновременно вмещают в себя два противоположных чувства. Объясняется это тем, что у ребенка уже в раннем детстве может проявляться интерес к взаимодействию со взрослыми и своими сверстниками. Но в то же время он может быть неуверенным в себе, испытывать страх перед вступлением в непосредственный контакт с ними. Такое состояние детей объясняется отсутствием у них достаточного опыта общения, что ведет к негативным последствиям в личностном развитии ребенка.

В дошкольном возрасте дети существенно различаются своей эмоциональностью. Они находятся в плену у своих эмоций и чувств, отличаются эмоциональной впечатлительностью, что чаще всего связано с особенностями темперамента. В этот период чувства ребенка становятся более осознанными (З.Л. Венкова), глубокими и обобщенными [18, с. 31-35]. Дети учатся контролировать свои эмоции, у них формируются новые – высшие чувства – нравственные, эстетические, познавательные. Ребенок оказывается способным не только к проявлению сочувствия или симпатии (антипатии) к окружаю-

щим, но и быть добрым, любить близких, быть нежным, испытывать чувство гордости и ответственности.

Развитие интереса к получению знаний, формирования практических умений и навыков, стремление ребенка понять истину связано с развитием его познавательных чувств. В этом возрасте повышается уровень интеллектуализации детских чувств, развиваются способности к эмоциональному предвосхищению, меняются формы выражения его эмоций и ощущений.

В процессе взаимодействия с окружающим миром в процессе общения и деятельности формируется и видоизменяется эмоциональная сфера личности. На этом основании развивается специфическая психическая деятельность – эмоциональное воображение. Это – сплав познавательных и аффективных процессов, т. е. единство эмоционального и интеллектуального составляющего, которое, по мнению Л.С. Выготского, считается характерным для высших, специфических человеческих эмоций [3, с. 56]. Началом формирования оценочных представлений об окружающих людях является возрастной этап до 2 лет. В этот период у детей появляются свои симпатии и антипатии, чувство гордости и огорчения. При совершении одобряемых окружающими поступков ребенок радуется, неблагоприятные поступки огорчают его, у него появляется чувство стыда.

Под воздействием коллективных игр и занятий в дошкольном образовательном учреждении у ребенка в возрасте 2-3 лет начинают формироваться различные чувства. В это время дети привязываются к домашним животным и птицам, если они имеются. Особенно их радуют собачки и кошки, они мечтают иметь их у себя. Детей забавляет их поведение. Однако, семья, у которых они есть, нужно помнить о том, что для братьев наших меньших необходимо создавать нормальные условия, при этом соблюдать гигиену, уметь ухаживать за ними правильно, бережно относиться к ним. В дошкольном возрасте ребенок интересуется почти всем. Доказательством активизации их интеллектуальных чувств является изобилие задаваемых ими вопросов. Особый интерес вызывают у них явления природы, под влиянием красоты окружающего мира развиваются у детей эстетические чувства.

Началом формирования чувства привязанности к сверстникам является 4-5 летний возраст. Чувство юмора, понимание и осмысление забавного – это те новообразования, которые проявляются в осознании детьми дошкольного возраста шуток и умении самим шутить. Ребенок уже может сдерживать свои чувства и эмоции. Мимику и жесты он применяет для того, чтобы выразить внешне проявления своих эмоций. Однако у ребенка эмоции в целом остаются импульсивными, что с физиологической точки зрения объясняется доминированием взволнованности над торможением.

У 5-6 летних детей разное отношение к поступлению в школу. Одни из них со страхом и тревогой думают об этом, другие – с радостью готовятся к нему и активно выражают это в игре с другими детьми, пробуя себя в роли учителя или ученика.

Воля ребенка является сложным образованием, сложившимся из относительно независимых личностных качеств: целенаправленности, упрямства, самообладания, решительности, независимости, активности. В возрасте 1,5-2 лет зарождается новообразование, связанное с развитием постоянной инициативы ребенка, что проявляется в активном употреблении в его речи формулировок «Я сам». В этом возрасте детей чаще интересует сам процесс деятельности. На третьем году жизни произвольные действия детей содержат все показатели осознанных волевых действий: формулировку цели и ее реализации. Осмысливать предварительно результаты своих поступков, преднамеренно прекращать действия, мешающие достижению цели, дает возможность сформировавшийся опыт.

Выводы исследования и перспективы дальнейших

изысканий данного направления. Анализ трудов ученых, занимающихся изучением вопросов развития воли ребенка, а также собственные наблюдения и исследования привели к выводу, что на момент завершения дошкольного возраста происходит формирование важнейших элементов волевых действий – ребенок способен не только ставить цели, но и принимать решения, составлять определенный план действий и выполнять их. Необходимо учитывать и тот факт, что отличительной чертой волевой регуляции поведения дошкольников является характерное для ребенка отношение к трудностям и типичные для него способы их преодоления. При появлении препятствий на пути решения цели ребенок может приложить необходимые усилия, сумеет объективно оценить результаты своего действия. В психологической готовности ребенка к школе одним из основных компонентов является воля. Родителям необходимо помнить о том, что к концу дошкольного возраста еще не все компоненты волевого действия достаточно развиты и опора на потребности, возможности и интересы ребенка поможет им соблюдать требования принципа постепенности в предъявлении требований к детям.

Таким образом, дошкольный возраст является периодом «первоначального склада личности». Это время формирования основных личностных механизмов и образований, определяющих дальнейший личностный рост ребенка: укрепления эмоциональной саморегуляции, развития нравственной саморегуляции, формирования деловых личностных качеств ребенка. Большую роль в формировании дисциплинированности, организованности, других качеств, помогающих дошкольнику управлять своим поведением, играет степень его восприимчивости к требованиям взрослого как носителя социальных норм поведения. Важное место здесь занимает характер взаимоотношений ребенка и взрослого, овладение содержанием требований взрослых посредством словесных инструкций, знаковых средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бухалова Н.А. Социально-философский анализ семьи: синергетический аспект // Азимут научных исследований: педагогика и психология. Т. 6. №2 (19). 2017. С. 308-312.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер. 2008. 398 с.
3. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М. Юрайт. 2016. 496 с.
4. Зайцева О.Ю., Карих В.В. Креативность воспитателя как условие развития креативности детей старшего дошкольного возраста // Азимут научных исследований: педагогика и психология. Т. 6. №3 (20). 2017. С. 96-100.
5. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов 4-е изд. М.: Академия. 2015. 456 с.
6. Орлова А.В. Стиль семейного воспитания как фактор, влияющий на развитие уверенности у детей школьного возраста // Азимут научных исследований: педагогика и психология. Т. 6. №3 (20). 2017. С. 316-319.
7. Шебеко В.Н. Дошкольный возраст: психомоторная одаренность // Дошкольное воспитание. 2017. № 7. С. 42-47.
8. Масленникова У.Н. Развитие личности у детей дошкольного возраста // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. XX междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2012.
9. Коломинский Я.Л., Панько Е.А., Белоус А.Н. Диагностика и коррекция психического развития дошкольника: учебное пособие: Минск: Изд-во «Университетское». 1997. 237с.
10. Гетоева Л.К., Кадиев А.Х. Нравственно-эстетическое воспитание школьников средствами художественного медиатворчества // Азимут научных исследований: педагогика и психология. Т. 6. №4 (21). 2017. С. 46-50.

11. Самойличенко А.К., Черемискина И.И. Родительское отношение как фактор самораскрытия способностей школьниками // Азимут научных исследований: педагогика и психология. Т. 6. №4 (21). 2017. С. 368-372.

12. Джиоева Г.Х. Интеллектуальное развитие дошкольников в процессе подготовки к школе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 3 (22). С. 74-78.

13. Родители и дети: психология взаимоотношений / Под ред. Е.А. Савиной и Е.О. Смирновой. М.: «Когито-Центр», 2003. 230 с.

14. Джиоева А.Р. О путях реализации педагогического потенциала народных сказок в воспитании личности / В сборнике: WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS сборник статей XII международной научно-практической конференции. 2017. С. 291-293.

15. Фридман И.К. О контакте родителей с детьми // Вопросы психологии. - 1990. - №1. - с.93-99.

16. Петровский В.А., Полевая М.В. Отчуждение как феномен детско-родительских отношений // Вопросы психологии. - 2001. - №1. - с.19-26.

17. Широкова Г.А. Справочник дошкольного психолога. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 384с.

18. Венкова З.Л. Структурно-функциональная модель реализации социально-педагогического процесса ДООУ и семьи (в аспекте гендерного воспитания) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. Т. 6. №2 (19). 2017. С. 31-35.

Статья поступила в редакцию 06.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 376.3

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ ТВОРЧЕСКИХ УМЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ОЗНАКОМЛЕНИЯ СО СВЯЗЯМИ ПРИРОДНОГО И РУКОТВОРНОГО МИРА

© 2018

Дыбина Ольга Витальевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой дошкольной педагогики и психологии
Тольяттинский государственный университет
(445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 14, e-mail: dybinaov@yandex.ru)

Аннотация. В данной статье раскрывается подход к формированию у старших дошкольников творческих умений в процессе ознакомления со связями природного и рукотворного мира. Дается определение понятиям «творческие умения», «педагогические условия». Проводится обзор психолого-педагогической литературы, посвященной изучению данной проблемы. Очерчивается область научных отраслей, в рамках которых ведутся исследования в области формирования у детей творческих умений в процессе ознакомления со связями природного и рукотворного мира. В статье особое внимание уделяется рассмотрению разных позиций к определению педагогических условий. Проведен анализ исследований по выбору педагогических условий. Результаты свидетельствуют о недостаточной методической подготовленности педагогов к эффективному решению задач (выбору методов, форм работы, приемов и созданию необходимых условий). Показаны возможности каждого педагогического условия, обеспечивающего с одной стороны, познание связей природного и рукотворного мира, а с другой стороны, развитие на этой основе стремлений вносить изменения в рукотворный мир, совершенствовать его, проявляя творческие умения. Установлено, что процесс формирования творческих умений у ребенка, организуемый взрослым, должен быть построен с использованием педагогической технологии и организацией развивающей предметно-пространственной среды. Данная проблематика имеет многогранный характер.

Ключевые слова: педагогические условия, творческие умения, старший дошкольник, связи природного и рукотворного мира, продукты творческой деятельности, поэтапное ознакомление детей со связями природного и рукотворного мира, педагогическая технология, предметно-пространственная среда.

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF SENIOR PRESCHOOL CREATIVE ABILITIES IN THE PROCESS OF FAMILIARIZATION WITH THE NATURAL AND THE MAN-MADE WORLD

© 2018

Dybina Olga Vitalevna, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the Department of Pre-school Pedagogics and psychology
Togliatti state University
(445020, Russia, Togliatti, st. Belarusian, 14, E-mail: dybinaov@yandex.ru)

Abstract. This article reveals the approach to the formation of the senior preschool children's creative skills in the process of familiarization with the links of the natural and man-made world. The definition of the concepts of "creative skills", "pedagogical conditions" is given. A review of psychological and pedagogical literature devoted to the study of this problem is carried out. The author outlines the area of scientific branches within which researches in the field of formation of creative abilities in children in the course of acquaintance with connections of the natural and man-made world are conducted. The article pays special attention to the consideration of different positions to the definition of pedagogical conditions. The analysis of researches on the choice of pedagogical conditions is carried out. The results indicate the lack of methodological readiness of teachers to effectively solve problems (the choice of methods, forms of work, techniques and the creation of the necessary conditions). Opportunities of each pedagogical condition providing on the one hand, knowledge of connections of the natural and man-made world are shown, and on the other hand, development on this basis of aspirations to make changes in the man-made world, to improve it, showing creative abilities. It is established that the process of formation of creative abilities of a child, organized by an adult, should be built using pedagogical technology and the organization of the developing subject-spatial environment. This issue is multifaceted.

Keywords: pedagogical conditions, creative skills, senior preschool children, connections of natural and man-made world, products of creative activity, step-by-step acquaintance of children with connections of natural and man-made world, pedagogical technology, object-spatial environment.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

В данной статье речь пойдет о педагогических условиях определяющих возможность построения целенаправленной работы по формированию творческих умений старших дошкольников в процессе познания связи природного и рукотворного мира.

Термин «творческие умения» рассматривается разными науками (философией, психологией, педагогикой), выделяется существенная характеристика данного понятия, направленность на созидание, получения нового продукта или совершенствование имеющего предмета.

Одним из важных аспектов всесторонне развитой личности дошкольника является процесс формирования творческих умений, который представляется как единая система для планомерного функционирования и развития, которой необходимы определенные (специально созданные) условия.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешен-

ных раньше частей общей проблемы. Рассмотрение особенностей понятия «условие» целесообразно начинать с анализа справочной литературы, где данный феномен рассматривается как средство, которое лежит в основе изменения чего-либо.

Понятие «условие» с точки зрения философии трактуется как специфика отношения объекта к предметам и явлениям окружающего мира, в котором они существуют в единстве. Благодаря условиям образуется именно та среда, которая обеспечивает их возникновение, существование и развитие.

В контексте «педагогических» условия рассматриваются в исследованиях педагогов с разных позиций. Первая позиция поддерживается учеными [1;2;3], которые рассматривают педагогические условия как совокупность каких-либо мер педагогического воздействия и возможностей материально-пространственной среды: как (комплекс) мер, содержащий, методы (приемы) и организационные формы обучения и воспитания [3], совокупность объективных возможностей содержания, форм, методов, средств и материально-пространственной среды, направленных на решение поставленных за-

дач [1];

– совокупность мер (объективных возможностей) педагогического процесса [2].

Вторая позиция связана с рассмотрением педагогических условий как конструирование педагогической системы, в которой педагогические условия выступают одним из составляющих элементов [4;5]:

– компонент педагогической системы, отражающий совокупность внутренних (обеспечивающих развитие личностного аспекта субъектов образовательного процесса) и внешних (содействующий реализации процессуального аспекта системы) элементов, обеспечивающих её эффективное функционирование и дальнейшее развитие [4];

– содержательная характеристика одного из компонентов педагогической системы, в качестве которой выступают содержание, организационные формы, средства обучения и характер взаимоотношений между учителем и учениками [5].

Третья позиция связана с определением педагогических условий как планомерной работы по уточнению закономерностей как устойчивых связей образовательного процесса, обеспечивающего возможность проверки результатов научно-педагогических исследований [6].

Для нашей работы значимыми являются психолого-педагогические исследования [7;8], направленные на изучение условий формирования творческой деятельности.

Анализ исследований авторов позволяет нам рассматривать педагогические условия как целостную систему отношения объекта к предметам и явлениям окружающего мира, и как следствие оказывает влияние на формирование у детей творчества.

Педагогические условия формирования творчества рассматриваем как единство требований к организации педагогического процесса, включающего взаимосвязь содержания, методов, форм, приемов руководства, развивающей среды и т.д. [9]:

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Таким образом, мы полагаем, что процесс формирования у старших дошкольников творческих умений возможен при следующих педагогических условиях:

– ознакомление детей со связями природного и рукотворного мира, наглядно представленными в продуктах творчества взрослого;

– реализация поэтапной педагогической технологии, обеспечивающей постепенное овладение старшими дошкольниками творческими умениями;

– обогащение развивающей предметно-пространственной среды, стимулирующей у старших дошкольников проявление творческих умений;

Рассмотрим подробнее каждое из выделенных нами педагогических условий.

Первое условие – *ознакомление детей со связями природного и рукотворного мира, наглядно представленными в продуктах творчества взрослого.*

Взрослый обеспечивает и сопровождает процесс развития ребенка в совокупности с его активностью. При включении в совместную деятельность, в процессе создания вещей дети уделяют внимание не на сам процесс, а лишь на эстетический результат.

Дети увлечены процессом и не замечают во взрослом творческого начала, а ведь именно данный аспект является ключевым в связи с возрастающими требованиями к формированию созидающе-творческой личности.

Основываясь на изучение методической литературы важно подчеркнуть важность взаимосвязи ребенка с творческой личностью взрослого с целью формирования творческих умений дошкольников. Поэтапная организация представленного взаимодействия научно обоснована и описана в нашей работе.

Для успешного овладения дошкольниками содержа-

нием творческих умений необходима направленность на деятельность взрослого.

Детям необходима опора и эмоциональная поддержка со стороны взрослого. Принимая во внимание психологические особенности детей, такие как подражательность, внушаемость, непосредственность, эмоциональность и др. необходимо отметить, что дошкольник готов для активного вступления в деятельность со взрослым на основе доверия, однако ребенок восприимчив и зависим от замечаний и оценки взрослого.

Именно взрослый рассматривается ребенком как эталон – носитель знаний об окружающем мире и специфике взаимодействия с ним. На данной основе становится важным определиться с особенностями и характеристиками объекта для ориентации.

Подходя к рассмотрению особенностей образца-ориентира необходимо отметить действенность, которая способствует побуждению у дошкольника готовности к воздействию со стороны взрослого, стремление воспроизвести поведение или деятельность, особенно наиболее эмоционально-яркую (привлекательную) для ребенка. Важными аспектами при выборе содержания деятельности творческого характера взрослого учитывались:

– преобразующий характер деятельности;

– варианты переноса содержания творческого опыта взрослых в деятельность самих детей;

– умение продемонстрировать детям творческие основы в процессе собственной деятельности за счет: самостоятельности, профессионализма, изобретательности, заинтересованности в конечном результате своей деятельности;

– отражение в продуктах творческой стороны деятельности взрослого. В качестве критериев к отбору кандидатов на роль образца-ориентира рассматривались творческие характеристики, а специфика и особенности профессиональной деятельности зачастую отходили на второй план.

В нашем исследовании установлено, что именно связи природного и рукотворного мира способствуют расширению представлений и накоплению зрительных образов детьми, которые впоследствии способны как «лекало» накладываться друг и друга и способствовать беспрепятственному выделению сходства и различия между сравниваемыми предметами или объектами. Для реализации данного условия важно подобрать правильный наглядный и изобразительный материал, с учетом наличия в нем характерных черт, сходств и различий между природным и рукотворным миром выражающихся в цвете, форме, функциях, названиях и т.д.

С целью развития и поддержания интереса к прохождению и установлению данных связей необходимо включать детей в различные виды деятельности, например познавательную, экспериментальную, проектную, игровую и т.д. Важно выстраивать деятельность на основе взаимосвязи детского опыта и полученных ярких начальных представлений о своеобразии сходств и различий между природным и рукотворным миром.

Для успешной реализации первого условия необходимо поэтапное ознакомление детей со связями природного и рукотворного мира на основе:

1) рассмотрения объектов, предметов, составных частей и элементов природного и рукотворного мира без сравнения (изолированно друг от друга);

2) выделения характерных черт и особенностей предметов и объектов природного и рукотворного мира;

3) рассмотрения элементов природного и рукотворного мира во взаимосвязи (нахождение и установление связей между природным и рукотворным миром на основе свойств и особенностей предметов и объектов окружающей действительности);

Второе условие – *реализация поэтапной педагогической технологии, обеспечивающей постепенное овладение старшими дошкольниками творческими умениями.*

На сегодняшний день проблема образовательных технологий постоянно требует обобщения и систематизации в связи с многообразием накопленного опыта педагогических инноваций, авторских школ и педагогов-новаторов.

В толковом словаре под понятием «технология» подразумевается совокупность приемов, применяемых в какой-либо деятельности.

Педагогическая технология рассматривается в исследованиях как содержательная техника, реализующая учебный процесс [10]; как целостная модель совместной педагогической деятельности по проектированию, организации и проведению учебно-воспитательного процесса с безусловным обеспечением комфортных условий, как для учащихся, так и для учителя [11].

Понятие «педагогическая технология» в образовательной практике употребляется на трех иерархических соподчиненных уровнях:

1) общепедагогический (общедидактический) уровень – характеризует целостный образовательный процесс в рамках данного учреждения, на определенной ступени обучения;

2) частнометодический (предметный) уровень – рассматривается с позиции значения «частная методика», другими словами совокупность методов, приемов и средств реализации определенного содержания обучения и воспитания;

3) локальный (модульный) уровень – представляет собой технологию отдельных частей (отдельные виды деятельности, формирования понятий и т.д.) [12, с. 14-18].

В нашем исследовании педагогическая технология рассматривается как системная совокупность и порядок функционирования всех личностных, инструментальных и методологических средств, применяемых для достижения поставленных педагогических целей.

Составными компонентами педагогической технологии выступают: концептуальная основа, содержательная часть обучения (цели и основное содержание), процессуальная часть (описание организации, методов, приемов, форм, деятельности и т.д.).

Таим образом, принимая во внимание выделенное определение и компоненты, процесс реализации педагогической технологии обеспечивающей овладение старшими дошкольниками творческими умениями целесообразно осуществлять по трем взаимосвязанным этапам:

Первый этап – «информационный» основной целью, которого является расширение представлений и ознакомление дошкольников со свойствами и особенностями предметов и объектов окружающей действительности.

Содержание данного этапа включает в себе восприятие и накопление опыта взаимодействия с предметами и объектами окружающего мира (мира предметов и природного мира) на основе их свойств и особенностей. Основная мысль данного этапа сводится к обеспечению понимания того, что человек для создания своего предметного окружения использовал элементы природы (цвет, форму, функции, название и др.), как своеобразное «лекало».

Второй этап – «обучающий» основной целью, которого является овладение дошкольников творческими умениями (изменения объектов) на основе познания связи природного и рукотворного мира.

Обучение старших дошкольников творческим умениям изменения объектов необходимо выстраивать, пошагово опираясь на педагогические принципы последовательности и постепенности.

Именно поэтому важно соблюдать последовательность предъявляемых способов изменения объектов путем: склеивания, наклеивания, гиперболизации, акцентирования, схематизации, типизации.

Данные способы достаточно полно описаны в пункте

– познание старшими дошкольниками связи природного и рукотворного мира как психолого-педагогическая проблема, где приведены примеры и описана характеристика каждого из способов творческих умений. В практической части исследования планируется апробировать перечисленные способы и подкрепить их конкретными практическими примерами.

Особое внимание при реализации данного этапа необходимо уделить переносу ранее полученных знаний о связи природного и рукотворного мира на процесс создания нового продукта. Так как в дошкольном возрасте ведущим видом деятельности является игра, именно она лежит в основе заданий реализации данного этапа.

Ключевой задачей данного этапа является в раскрытие перед дошкольниками творческих умений изменения объекта по аналогии, путем соединения, замещение с помощью схем и алгоритмов на основе существующих связей между природным и рукотворным миром.

В начале данного этапа ребенок еще не способен самостоятельно проявлять творчество в процессе познания связи природного и рукотворного мира, другими словами принимать за основу для создания продукта элементы природного мира.

Понемногу оттачивая умения изменения объектов, дошкольник начинает осуществлять плавный переход к самостоятельной деятельности, что ставит его в позицию активного субъекта познающего природный мир во взаимосвязи с рукотворным миром.

Третий этап – «преобразовательный», основной целью является развитие у старших дошкольников стремления к изменению предметов, их совершенствованию с помощью разных творческих умений изменения объекта (изменение по аналогии (накладывание), соединение, замещение).

Содержание данного этапа прорабатывается на основе игровой и познавательно-исследовательской деятельности, включает в себя серию дидактических игр, преобразовательных ситуаций, которые направлены на поддержание стремления к изменению предметов, их совершенствованию с помощью разных творческих умений изменения объекта (изменение по аналогии (накладывание), соединение, замещение). Ожидаемым результатом реализации этапа выступает:

– включение детьми в продукт деятельности элементов природного мира и изменение продукта путем применения полученных умений;

– формированию умения самостоятельно находить необычные элементы в мире природы, включать их в созданный продукт, изменять продукт используя приобретенные творческие умения.

Важной особенностью реализации данного этапа является установление взаимосвязи между имеющимся у дошкольника уровнем знаний о связях природного и рукотворного мира и применяемыми творческими умениями изменения объекта.

Такие взаимосвязи, возможно, просмотреть в процессе создания продукта дошкольниками, чем больше он будет находить связей между природным и рукотворным миром, тем оригинальнее и вариативнее будет становиться итоговый продукт.

Третье условие – обогащение развивающей предметно-пространственной среды, стимулирующей у старших дошкольников проявление творческих умений.

Термин «среда» включает в себя общественные, материальные и духовные условия, окружающие человека. Среда, по мнению многих исследователей, подразделяется на макросреду (сознание, религия) и микросреду (семья, коллектив).

Развивающая среда предстает перед дошкольниками в качестве совокупности предметно-пространственного окружения и мира людей. Первым объектом для взаимодействия детей выступает предметная среда, поэтому она имеет большое значение в их жизни. Ребенок, попа-

дая в определенное предметно-пространственное окружение, невольно становится ее действующим лицом.

Постепенно накапливая опыт, ребенок начинает познавать свойства и зависимости объектов, отношения и варианты взаимодействия с ними [13;14].

Предметно-пространственная среда в нашем исследовании рассматривается как естественная комфортная обстановка, рационально организованная в пространстве и времени включающая в себя совокупность разнообразных предметов и игровых материалов.

Для реализации условия, по обогащению развивающей предметно-пространственной среды, стимулирующей у старших дошкольников проявление творческих умений необходимо учитывать принципы: активности, самостоятельности и творчества, динамичности-статичности и опережающего характера содержания образовательной работы с детьми [15].

1. Принцип активности, самостоятельности и творчества – важно обеспечивать детям возможность формирования их активности в разных видах деятельности как во взаимодействии со взрослым, так и в процессе самостоятельной деятельности. Взрослый и дошкольник в данном случае выступают как «творцы» своего предметного окружения, а в процессе взаимодействия – творцами своей личности. Важной особенностью данного принципа является интенсивное развитие, провоцирующее в дошкольниках возникновение и развитие познавательных процессов.

2. Принцип динамичности-статичности – развивающая среда, окружающая ребенка не может носить завершенный характер построения, на следующий день среда может уже не заключать в себе того, что имеет сегодня. Тем самым стимулирование развития снижается, а через день начнет и вовсе его тормозить. В связи с этим важно предоставлять возможность постоянного изменения и пополнения предметно-развивающей среды не только взрослыми, но и детьми с учетом их интересов и предпочтений.

3. Принцип опережающего характера достигается за счет включения в предметно-пространственную среду элементов ориентированных на старшую группу (примерно на год разницы), это способствует дальнейшему продвижению дошкольников в их развитии. Особенности взаимодействия дошкольника с новым материалом даст возможность педагогу отметить степень переноса дошкольниками уже освоенной информации в новые, незнакомые условия деятельности. Включаясь в экспериментальную деятельность с новым оборудованием, перед детьми открывается перспектива саморазвития, начинает развиваться стремление понять, узнать, разобраться в новом [16, с. 16-30].

Необходимыми элементами обогащенной среды должны выступать: объекты природного и рукотворного мира, наглядный и изобразительный материал, стимулирующий творческие проявления и возможность отразить их в разных видах детской деятельности.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.

Педагогические условия, рассмотренные в данной статье, организуются в зависимости от этапа формирования творческих умений старших дошкольников. В результате присвоения ребенком связи предметного и рукотворного мира и опыта взрослого открывается возможность реализации собственного опыта в рамках самостоятельной преобразовательной деятельности. Дети старшего дошкольного возраста способны осознанно устанавливать взаимосвязи свойств предметов на основе выделения и абстрагирования существенных признаков рода и вида предметов.

В процессе реализации данных условий дети овладевают умением анализировать характеристики предметов, выделяя существенное, устанавливая связи и зависимости, что и составляет содержание, необходимое

для формирования у старших дошкольников творческих умений в процессе познания связи природного и рукотворного мира.

Ребенок – дошкольник, сравнивая процессы создания нового в мире природы и в мире людей, осознает их тождественность и подобие.

Предмет рукотворного мира созданы по образу и подобию объектов природы (и в этом есть сходство), а элементы, которых нет в природе, человек придумал сам (и в этом есть различие).

Человек, создавая предметы, заимствовал у природы для них названия: «сумка» – аксессуар и место нахождения детеныша у кенгуру; «ручка» – часть тела, элемент для письма; «газель» – животное и машина; «ключ» – от дверей и источник воды и т. д.

Кроме того, огромное удовольствие дети получают, когда предлагаемые к изучению и ознакомлению сведения затрагивают не решенные до сих пор задачи. В связи с этим становится необходимым побуждать детей решать некоторые общечеловеческие проблемы (экологические, проблемы здоровья, космоса) и представлять, каким будет общество, если эти проблемы не решать или решить.

Знания о человеке – создателе и преобразователе предметного мира окрашены чувством, несут в себе потенциал, порождающий эмоции, активное действенное отношение. Основная их задача – подвести к пониманию: человек – производитель всякого рода товаров, орудий, станков, вещей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Найн А.Я. Педагогические инновации и научный эксперимент // Педагогика. 1989. № 2. С. 12–19.
2. Яковлева Н. М. Теория и практика подготовки будущего учителя к творческому решению воспитательных задач : дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск. 1992. 403 с.
3. Андреев В. И. Диалектика воспитания и самовоспитания творческой личности. Казань : Изд-во КГУ, 1988. 238 с.
4. Ипполитова Н., Стерхова Н. Анализ понятия «педагогические условия»: сущность, классификация // General and Professional Education 1/2012 pp. 8-14
5. Зверева М. В. О понятии «дидактические условия» // Новые исследования в педагогических науках. М. : Педагогика. 1987. № 1. С. 29–32.
6. Сивцева А.С. Определение содержания понятия «педагогические условия» методом контент-анализа // Вісник Житомирського державного університету. Випуск 4 (76). Педагогічні науки. 2014. С. 139-143.
7. Комарова Т.С. Педагогические условия воспитания и развития детей дошкольного возраста на современном этапе // Инновационная деятельность в дошкольном образовании. Материалы IX Международной научно-практической конференции. 2016. С. 23-27.
8. Савенков А.И. Теория и практика применения исследовательских методов обучения в дошкольном образовании // Детский сад от А до Я. 2004. № 2. С. 22-56.
9. Дыбина О.В. Формирование творчества у детей дошкольного возраста в процессе ознакомления с предметным миром: Автореф. дисс. ... докт. пед. наук. М. 2002. 45 с.
10. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. 192 с.
11. Монахов В. М. Введение в теорию педагогических технологий. Волгоград : Перемена, ВГПУ, 2006. 82 с.
12. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: Учебное пособие. М.: Народное образование, 1998. 256 с.
13. Дыбина О.В., Еник О.А., Пенькова Л.А. Образовательная среда и организация самостоятельной деятельности старшего дошкольного возраста М.: Центр педагогического образования, 2008. 64 с.
14. Артамонова О.В. Предметно-пространственная среда: ее роль в развитии личности // Дошкольное вос-

питание. 1995. № 4. С. 37-43.

15. Петровский В.А., Кларина Л.М., Смывина Л.А., Стрелкова Л.П. Построение развивающей среды в дошкольном учреждении. – М.: Нов. Шк., 1993. – 107 с.

16. Полякова М.Н. Создание моделей предметно-развивающей среды в ДОУ. М., Изд-во Педагогическое общество России. 2008. 96 с.

Статья поступила в редакцию 12.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 37.04

МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2018

Емельянова Татьяна Витальевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Педагогика и методики преподавания»

Степанько Андрей Алексеевич, студент магистратуры кафедры
«Педагогика и методики преподавания»

*Тольяттинский государственный университет
(445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 14, e-mail: pimp@tltsu.ru)*

Аннотация. Одно из главных направлений в современной российской образовательной политике – внедрение и развитие инклюзивного образования. Следовательно, возрастают требования к подготовке будущих педагогов. Современная школа испытывает потребность в специалистах, не только обладающих суммой определенных профессиональных знаний и навыков, но и мотивированных на работу в специфических условиях инклюзивного образовательного процесса, стремящихся к самообразованию и самосовершенствованию, к достижению учебной и жизненной успешности каждого ученика как к показателю собственного профессионального успеха. В статье рассматривается вопрос формирования мотивационной компетенции студентов к работе в условиях инклюзии. Отмечено, что указанная компетенция заключается в способности педагога мотивировать себя на выполнение определенных профессиональных действий на основе совокупности ценностей, потребностей, мотивов, адекватных целям и задачам инклюзивного обучения. Эта компетенция рассматривается как одна из приоритетных, так как она определяет эффективность и учебного процесса в вузе, и будущей работы педагога в инклюзивном образовательном учреждении. Теоретически обоснована и разработана модель формирования мотивационной компетенции будущих педагогов инклюзивного образования, представленная как педагогическая система и включающая в себя ряд взаимосвязанных компонентов: целевой, содержательный и результативно-диагностический.

Ключевые слова: инклюзивное образование, мотивационная компетенция, компетентностный подход, модель, принципы обучения, методы обучения.

THE MODEL OF FORMATION OF MOTIVATIONAL COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS OF INCLUSIVE EDUCATION

© 2018

Emelyanova Tatiana Vitalievna, candidate of pedagogical sciences, associate Professor
of the department “Pedagogy and Teaching Methods”

Stepanko Andrei Alekseevich, master’s student of the department
“Pedagogy and Teaching Methods”

*Togliatti State University
(445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya str., 14, e-mail: pimp@tltsu.ru)*

Abstract. One of the main directions in modern Russian education policy – implementation and development of inclusive education. Consequently, increasing demands on the training of future teachers. Modern school is in need of specialists who not only have certain amount of professional knowledge and skills, but also motivated to work in the specific conditions of an inclusive educational process, striving for self-education and self-improvement, to academic achievement and life success of each student as an indicator of their professional success. The article discusses the issue of formation of motivational competence of students to work in the conditions of inclusion. It is noted that this competence is the ability of the teacher to motivate themselves to perform certain professional activities on the basis of a set of values, needs, motives, adequate to the goals and objectives of inclusive education. This competence is regarded as one of the most priority as it determines the effectiveness and the educational process in the University, and future work of the teacher in inclusive educational institution. Theoretically grounded and developed a motivational model of formation of competence of future teachers of inclusive education is presented as a pedagogical system which includes a number of interrelated components: the target, content and effective diagnostic.

Keywords: inclusive education, motivational competence, competence approach, model, learning principles, teaching methods.

В связи с тем, что одним из главных направлений в современной российской образовательной политике становится развитие инклюзивного образования, возрастают и требования к подготовке будущих педагогов. Современной школой востребованы специалисты, обладающие не только суммой определенных профессиональных знаний и навыков, но и мотивированные на работу в специфических условиях инклюзивного образовательного процесса, стремящиеся к самообразованию и самосовершенствованию, к достижению учебной и жизненной успешности каждого ученика как к показателю собственного профессионального успеха.

Мотивы выбора будущей профессии являются важными факторами, во многом определяющими успешность профессиональной подготовки в период обучения в вузе. Профессиональные мотивы, формирующиеся у студента, являются своеобразным залогом его удовлетворенности самой профессией в реальных условиях профессиональной деятельности, стремления к качеству своей работы.

Таким образом, речь должна идти о необходимости внедрения в компетентностную модель подготовки бу-

дущих педагогов мотивационной компетенции, суть которой заключается в способности на основе совокупности ценностей, потребностей, мотивов, адекватных целям и задачам инклюзивного обучения, мотивировать себя на выполнение определенных профессиональных действий [1]. Это требует новых подходов к практике подготовки будущих педагогов, включающих разработку программ, курсов лекционных и практических занятий, методических пособий по формированию мотивационной компетенции. И, прежде всего, актуальной становится теоретическая разработка процесса формирования у будущих педагогов мотивационной компетенции для работы в условиях инклюзии.

В данной статье нами предпринята попытка смоделировать педагогический процесс, способствующий успешному формированию мотивационной компетенции будущих бакалавров, проходящих подготовку по направлению «Психолого-педагогическое образование». Для этого были определены профессиональные потребности и мотивы студентов, основанные на предположении, что их педагогическая деятельность будет осуществляться в инклюзивном образовательном уч-

реждении. Выявленные потребности и мотивы взяты за основу при проектировании модели процесса формирования мотивационной компетенции у будущих педагогов мотивационной компетенции для работы в условиях инклюзии (рисунок 1).

Моделирование, как ведущий метод познания и преобразования объектов и явлений профессиональной деятельности, предполагает создание образца деятельности, в котором представлен замысел ожидаемого результата, обозначены средства и условия, необходимые для его достижения. Представленная на рисунке 1 модель включает в себя условно выделенные структурные компоненты (блоки), отражающие ход процесса обучения: целевой, содержательный и результативно-оценочный.

Смыслообразующий структурный компонент данной модели – реализация социального заказа общества на обеспечение качества инклюзивного образования и на компетентных специалистов в области инклюзии.

В содержательный блок модели включены принципы, с помощью которых возможно регулировать процесс формирования мотивационной компетенции. Учитывая специфику профессиональной деятельности будущего педагога в условиях инклюзивного образования, основными системообразующими являются: принцип гуманистической направленности (признание человека как высшей ценности, как личности, обладающей правом на свободное развитие и проявление своих способностей); принцип субъектности обучающихся (ориентация образовательного процесса на формирование навыков саморазвития, самосовершенствования), принцип единства индивидуально-личностного и социального (единство общечеловеческих, инклюзивных и индивидуально-личностных ценностей), принцип проблемности обучения (основан на противоречии между новыми перспективными потребностями будущих педагогов инклюзивного образования и достигнутым уровнем овладения средствами их удовлетворения), деятельностный принцип (утверждает единство психолого-педагогической теории и практики инклюзивного образования).

Этап *профессиональной идентификации*, имеющий в своей основе мотив саморазвития и самооценки, решает задачу актуализации элементов субъективного опыта студентов: знаний, умений и навыков, усвоенных ими как на предыдущих этапах обучения, так и в процессе познания окружающей действительности в контексте взаимодействия с «особенными» людьми; формирование знаний и представлений студента о себе, как о потенциальном носителе инклюзивной педагогической сущности. Стимулируется стремление к познанию специфики инклюзивного образования, психофизических особенностей развития детей с ОВЗ, потребность в изучении способов самопознания, саморазвития. Складывается представление об образе «идеального педагога» инклюзивного образования. На этом этапе формируется профессионально-личностный компонент мотивационной компетенции студентов. Результат – понимание себя как личности, обладающей определенным комплексом качеств, способствующих или препятствующих успешной профессиональной деятельности в условиях инклюзии.

В процессе формирования мотивационной компетенции будущего педагога инклюзивного образования важное значение имеет выбор эффективных методов и форм обучения. Так, на этапе профессиональной идентификации реализуется проблемный метод, когда, к примеру, в ходе эвристической беседы преподаватель оперирует вопросами, не содержащими прямого ответа, студент же, опираясь на имеющийся жизненный опыт и уже освоенные знания, приходит к определенным выводам. К проблемному методу относится и учебная дискуссия, позволяющая вовлекать студентов в активное обсуждение различных точек зрения по той или иной проблеме. Дискуссионный процесс побуждает их к осмыслению аргументации чужой и собственной позиции,

к максимальному использованию своих знаний и личного опыта. Цель таких занятий – развитие способности к рефлексии, овладение культурой общения.

Эффективным на этом этапе является и обзор литературных источников по проблеме самопознания в современной отечественной и зарубежной психологии. Результаты такого анализа могут быть положены в основу самообследования студентов по теме самопознания и саморазвития. Самообследование может быть также проведено методом видеодиагностики посредством просмотра и анализа студентом (или экспертами) видеозаписи собственного публичного выступления.

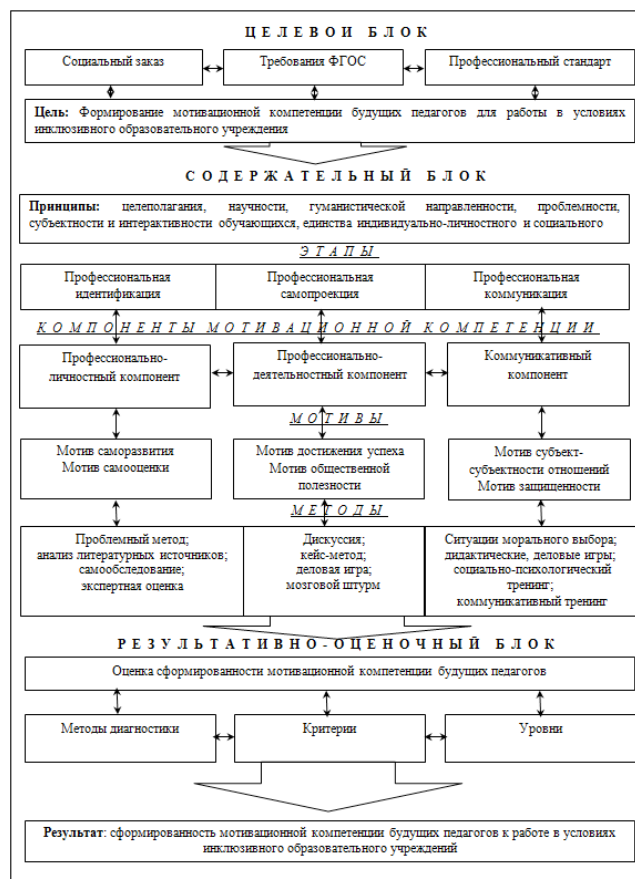

Рисунок 1 - Модель процесса формирования мотивационной компетенции будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образовательного процесса

Этап *профессиональной самопроекции* в профессиональное будущее показывает, что поведение человека определяется не только набором личностных качеств, особенностями конкретной ситуации, но и спецификой той профессиональной среды, в рамках которой реализуется его деятельность. Этот этап актуализирует мотивы достижения успеха и общественной полезности. Задача этапа – формирование у студента понимания высокой социальной значимости профессии педагога инклюзивного образования, способности увидеть себя в роли субъекта учебно-воспитательного процесса в инклюзивной школе, стремления быть полезным обществу и каждому учащемуся. Формируется профессионально-деятельностный компонент мотивационной компетенции. Результат – внешний образ себя («проекция») как будущего участника инклюзивного образовательного процесса. У студента формируются эмпирические представления о работе педагога в инклюзивной школе, приобретаются эмоционально окрашенные знания о своей будущей профессиональной деятельности.

Методами обучения на этом этапе могут стать: дискуссия, мозговая атака, круглый стол (с участием практикующих педагогов и специалистов в области инклю-

живного образования), деловая игра, кейс-метод и др. Особого внимания заслуживает деловая игра, в ходе которой моделируются ситуации профессиональной педагогической деятельности в инклюзивном образовательном учреждении, а профессиональные функции осваиваются на моделях, а не на реальных объектах.

Этап *профессиональной коммуникации* решает задачу достижения студентом уровня продуктивного полисубъектного общения и удовлетворяет мотивы субъект-субъектности отношений и защищенности. У студента формируется умение отказываться от формального следования нормативным декларациям инклюзивного образовательного процесса, позволяющее в условиях стрессогенного взаимодействия находить то, что объединяет с другими участниками инклюзивного образовательного процесса, а не разъединяет. Студенты учатся принимать некоммуникабельные качества учащихся с ОВЗ, их родителей, других субъектов образовательного процесса, приспосабливаться к характерам, привычкам, установкам и притязаниям «других», преодолевать стремления их «переделывать». Результат – способность выстраивать конструктивные полисубъектные взаимоотношения в условиях инклюзивного образования.

В качестве методов обучения на этапе профессиональной коммуникации могут стать: анализ ситуаций морального выбора, игровые методы (дидактические, деловые игры как эффективная отработка вариантов поведения), речевой видеотренинг. Эффективным является проведение социально-психологических и коммуникативных тренингов, представляющих по своей сути активное обучение посредством приобретения жизненного опыта, моделируемого в процессе группового взаимодействия и предполагающего активность участников, партнерское общение, предоставление студентам возможности (посредством обратной связи) посмотреть на свое поведение глазами других людей, установить связь между собственным поведением и его последствиями на основе анализа своих переживаний, а также переживаний партнеров по общению, проработать ситуации, требующие высокого уровня эмоциональной стабильности.

Результативно-оценочный блок модели содержит в себя методы диагностики, критерии и уровни сформированности мотивационной компетенции. В качестве критериев выступают: способность к самообразованию и саморазвитию личности, осознание значимости и ценности самообразовательной деятельности, адекватная оценка своих достижений, внутренняя мотивация к успеху, сформированность навыков сотрудничества, партнерства, эмоциональная устойчивость.

Для изучения уровня саморазвития (мотив саморазвития) на этапе профессиональной идентификации выявляется наличие личностных качеств, способствующих саморазвитию, и возможностей реализации себя в профессиональной деятельности. Высокий уровень саморазвития характеризуется: сформированностью внутренней мотивации к освоению знаний и практических навыков; способностью к активному поиску недостающей информации, необходимой для учебной и будущей профессиональной деятельности; активной позицией в самостоятельном добывании знаний; умением самостоятельно выявлять трудности в процессе собственной деятельности, находить оптимальное решение ситуации; способностью к корректировке полученных результатов.

Высокий уровень сформированности критерия «осознание значимости и ценности самообразовательной деятельности» представлен глубоким пониманием студентом необходимости самообразования, способностью к целеполаганию, умением формулировать задачи и определять эффективные пути их решения; умением рационально использовать в своей деятельности различные информационные источники, управлять процессом самообразования.

Критерий «Адекватная оценка своих достижений»

(мотив самооценки). Профессиональная самооценка дает дополнительный стимул к профессиональному совершенствованию. Несформированность адекватной профессиональной самооценки будущих педагогов оказывает отрицательное влияние на весь процесс подготовки к работе в условиях инклюзивного образовательного учреждения, тормозит инициативу в вопросах саморазвития и самосовершенствования, а также становится причиной дезадаптации студента во время прохождения педагогической практики. Высокий уровень сформированности данного критерия позволяет студенту наиболее полно оценить результаты своей деятельности, увидеть перспективы профессионального и личностного развития на будущее.

Уровень сформированности внутренней мотивации к успеху (мотив достижения успеха) отображает позитивную позицию будущего педагога в отношении успехов учащихся (а, следовательно, и своих), веру в силы и возможности каждого ученика, готовность оказывать ему поддержку. Будущий педагог умеет и стремится создать ситуацию успеха для учащихся, умеет грамотно проводить педагогическое оценивание, способен находить положительные стороны у каждого школьника, стремится выявить возможности конкретных учеников, ставить учебные задачи в соответствии с этими возможностями. Начиная то или иное дело, студент настроен на достижение конструктивных, положительных результатов. По мнению исследователей, целенаправленное формирование мотивации отражается на уровне сформированности профессиональных компетенций будущих педагогов в целом [2].

Мотив общественной полезности указывает, что успешность деятельности студент соотносит прежде всего с интересами и потребностями общества. В педагогической деятельности, связанной с выполнением высокой социальной миссии воспитания человека, важна социальная активность педагога как показатель его отношения к конкретной сфере реальности (в нашем случае – к системе инклюзивного образования), «включенность» личностного смысла в процесс профессиональной деятельности, способность видеть мир таким, какой он есть на самом деле без искажения и иллюзий [3]. Студент, ясно осознающий общественную полезность своей деятельности в сфере инклюзивного образования, ищет наиболее оптимальные способы решения поставленных перед ним профессиональных задач, возлагает на себя ответственность за инициативу и исполнение. Он активно участвует в жизни и решении проблем группы, вуза и окружающего социума, в социальных проектах.

Показателями критерия «сформированность навыков сотрудничества и партнерства» (мотив субъект-субъектности отношений) является способность студента выстраивать отношения на основе сотрудничества, партнерства, доброжелательности и взаимоподдержки. Выявляется склонность будущего педагога к сотрудничеству или соперничеству, к диалогу или монологу и др. Актуальность формирования этих навыков обоснована новым федеральным государственным образовательным стандартом, имеющим ярко выраженную социальную направленность. Впервые в его основе лежит общественный договор между семьей, обществом и государством, направленный на достижение большей активности учащихся и их родителей, педагогов и ответственности в разработке образовательной программы, в проектировании и развитии внутришкольной социальной среды, а также в формировании индивидуальных маршрутов обучающихся [4].

Критерий «эмоциональная устойчивость» напрямую связан с мотивом защищенности, выявленным нами в качестве одного из наиболее значимых для будущих педагогов. Эмоциональная устойчивость проявляется в терпеливости, выдержке, самообладании, умении «держаться в руках» в стрессовых ситуациях. Благодаря высокой эмоциональной устойчивости педагог способен

успешно осуществлять профессиональную деятельность в сложных эмоциональных условиях инклюзивного образования. Высокий уровень сформированности эмоциональной устойчивости проявляется в способности сохранять спокойствие в трудных ситуациях, давать объективную оценку действиям учащихся в конфликтных ситуациях. Эмоциональная стабильность и благоприятный эмоциональный фон – залог способности педагога длительное время воспроизводить необходимый тип коммуникаций, демонстрировать высокую работоспособность в сфере инклюзивного образования. В то же время, повышенное эмоциональное реагирование вызывает сильное напряжение и усталость, что с течением времени приводит к профессиональному выгоранию [5]. Кроме того, следует избегать подмену понятия «эмоциональная устойчивость» эмоциональной сухостью педагога.

Таким образом, спроектированная нами модель процесса формирования мотивационной компетенции будущих педагогов для работы в условиях инклюзивного образовательного учреждения основана на целевом подходе и отражает структуру, содержание, методы рассматриваемого процесса. Разработанная модель ориентирована на предполагаемый результат, открыта для постоянного обновления и предусматривает возможность перспективной коррекции осуществляемого процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Корнеева Н.Ю. Формирование инклюзивной компетентности у педагогов профессионального обучения в аспекте реализации модульно-компетентностного подхода // Мир педагогики и психологии. № 1. 2016. С.43-50.
2. Ахметжанова Г.В. Роль мотивации в овладении будущим педагогом профессиональными компетенциями // Акмеология. №3 (55). 2015. С.32-34.
3. Горбунова О.В. Характеристика социальной зрелости будущих педагогов-психологов // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. Т.20. С.78-81.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.edustandart.ru/izmeneniya-fgos-2016/fgos_noo_izmeneniya/
5. Покрина О.В. Актуальные проблемы подготовки кадровых ресурсов в реализации инклюзивного образования // Инклюзивное образование: инновационные проекты, методика проведения, новые идеи. Сборник научно-методических материалов / Под науч.ред. А.Ю. Белогурова, О.Е. Булановой, Н.В.Поликашевой. М.: Издательство «Спутник+», 2015. С.33-36.

Статья поступила в редакцию 08.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 378.1:101.1

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

© 2018

Ерохин Алексей Константинович, кандидат философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник

Власенко Альбина Алексеевна, кандидат экономических наук,
директор филиала в г. Артеме

Царева Наталья Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры «Управление»
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, улица Гоголя, 41, e-mail: natsareva@mail.ru)

Аннотация. *Цель:* выявить структурные изменения в системе российских университетов в ходе реформирования, модернизации и перспектив развития национальной модели высшего образования. *Методология:* исследование опирается на методологию институционального многообразия, разработанную Б. Кларком. *Методы:* структурно-функциональный анализ, позволяющий определить главные особенности системы высшего образования с его собственными ограничениями и императивами; системный метод, необходимый для выявления элементов системы высшего образования в виде совокупности формальных объектов и субъектов образовательной деятельности. *Результаты:* на основе анализа типологий организаций, сложившихся в российской системе высшего образования, выявлены особенности его секторального деления и основания для стратификации секторов; представлены организационные различия учреждений государственного и негосударственного секторов; проанализированы системогенетические основания новых структурных учреждений, соответствие планируемой результативности в ее социальном и организационном измерениях; рассмотрены возможные направления развития высшего образования, определенные в качестве государственной стратегии модернизации российского высшего образования. Сложная, разветвленная структурная организация высшего образования привела к двум разнонаправленным векторам его модернизации. Первый из них определяется государственной стратегией, нацеленной на создание типов вузов, характерных для высокоразвитых постиндустриальных стран; второй – возвращением к национальному опыту работы классических и технических университетов. *Научная новизна* исследования заключается во вскрытии причин разрыва между намечаемым и реальным состоянием деятельности вузов системы образования. *Практическая значимость:* основные выводы и положения статьи могут быть использованы в педагогической практике при рассмотрении проблем и тенденций образования в курсах философии и социологии образования.

Ключевые слова: национальная система высшего образования, модернизация, типы университетов, секторальное деление вузов, технологии образования, программы высшего образования, рейтинг качества образования.

ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF RUSSIA'S MODERN SYSTEM OF HIGHER EDUCATION: ISSUES AND TRENDS IN DEVELOPMENT

© 2018

Erokhin Aleksey Konstantinovich, candidate of philosophical sciences,
associate professor, leader researcher

Vlasenko Alevtina Alekseevna, candidate of economic sciences,
director of the branch in Artyom

Tsareva Natalia Aleksandrovna, candidate of political science, associate professor
of the department «Management»

Vladivostok State University of Economics and Service
(690014, Russia, Vladivostok, Gogolya street, 41, e-mail: natsareva@mail.ru)

Abstract. *Objective:* to elucidate structural changes in the Russian university system happening in the course of reforming, modernizing, and developing a national model of higher education. *Methodology:* the study draws on the methodology of institutional variety developed by B. Clarke. *Methods:* structural-functional analysis, allowing for specification of the main features of the higher education system within its own limitations and imperatives; a systematic method is necessary to identify elements of the higher education system in terms of the whole complex of formal objects and subjects of educational activity. *Results:* Based on a typological analysis of organizations in the Russian higher education system, specifics of its sectoral divisions and the basis for stratification of those sectors are revealed; organizational differences in institutions of state and non-state sectors of higher education are presented; inherent systemic foundations of new institutional structures are analyzed along with corresponding expected effects in their social and organizational dimensions; potential directions for development of higher education that were specified in the government's strategy for modernization of Russian higher education are examined. The complex, multi-faceted organizational structure of higher education has led to two divergent vectors for its modernization. The first of these is defined by the State's strategy aimed at creating the types of universities characteristic of highly developed post-industrial countries; the second is a return to a national experience. *Scientific originality* of the research consists in revealing the reasons for the gap between the planned and actual states of activity at institutions of higher education. *Practical significance:* the main conclusions and provisions of the article can be used in pedagogical practice when considering the problems and tendencies of education in courses of philosophy and sociology of education.

Keywords: national system of higher education, modernization, types of universities, sectoral division in institutions of higher education, education technologies, higher education programs, rating of quality of education.

Анализ организации систем высшего образования, поиск оптимальных путей ее организации, определение возможностей трансформации и кооперации находят-ся в поле зрения отечественных и зарубежных ученых длительное время. Но, как правило, речь идет об организациях, чьи структуры и чья деятельность руководствуется классическими традициями и устоявшимися вертикальными формами управления. Во второй половине XX и начале XXI вв., высшее образование столкнулось с проблемами, решать которые в прежних рамках уже не эффективно. Требуется новое качество образования,

новые практикоориентированные технологии, способные поддержать главную цель образования – сохранение его качества. В стремительно изменяющихся экономических, политических и социальных условиях внешней среды сами учреждения высшего образования стремятся создавать, реконструировать, модернизировать типы организационных структур, отличающиеся гибкостью, вариативностью, клиентоориентированностью и адаптивностью.

Российское образование также втянуто в процессы реформирования. Но проблемы, возникающие в ходе

этого процесса, значительно отличаются своей остротой от аналогичных проблем в других странах. Прежде всего, исследователи обращают внимание на разрыв между организацией образования, выпуском специалистов и требованиями рынка труда [1; 2]. Мобильность выпускников из регионов в центральные регионы и попытка закрепиться в центральных регионах стала настоящим испытанием для региональных вузов, вынужденных в этих обстоятельствах искать новые организационные формы для того, чтобы создать связи с производством и закрепить молодых специалистов в регионе.

Особое внимание, как за рубежом, так и в России приобретают исследования, затрагивающие будущее региональных институтов и их роль в справедливом доступе к образованию, формировании инфраструктур и участии в экономическом развитии [3; 4].

В контексте данной статьи важной составляющей исследования является выявление подходов к осуществлению типологизации российских вузов. Это достаточно сложная задача, если принимать во внимание расхождение в типах образовательных учреждений, выполняемых ими функций, поставленных целях, интенсивности работы, количестве и качестве выполняемых научных проектов, связях с производством, коммерческой деятельностью, внедрения инноваций и т.д.

Обоснованную типологию создали И.В. Абанкина, Т.В. Абанкина, Е.А. Николаенко, взявшие за основу экономическую эффективность и положение вузов в сфере экономики. Авторы выделяют четыре группы: 1) бюджетные вузы; 2) вузы, продающие образовательные услуги; 3) бюджетные вузы, диверсифицирующие свою работу по намеченным государственным программам; 4) вузы-диверсификаторы, т.е. те, что проявляют самостоятельность и инициативность по внедрению своих проектов в окружающую среду и указывают путь к экономической автономии [5]. Те же авторы предлагают и иное основание для типологии – распределение вузов по категориям в зависимости от результативности научной и образовательной деятельности: нишевые вузы, вузы неопределенной позиции, маркет-лидеры, потенциальные и реальные научно-образовательные лидеры, вузы на хорошем счету [6, с. 48–63].

С позиции Н.Л. Титовой структура высшего образования представляется в зависимости от типов развития вузов: 1) лидеры; 2) аккумуляторы материальных и кадровых ресурсов; 3) аккумуляторы финансовых ресурсов; 4) диверсификаторы; 5) экспансеры; 6) консерваторы; 7) аутсайдеры [7, с. 12–14.]. Некоторые авторы рассматривают вузы в зависимости от их адаптационных возможностей и стратегий [8].

Следует признать, что выявленные типологии, можно рассматривать как полезный инструмент при определении бюджетирования вузов, распределения финансовых ресурсов с учетом успехов в научной и образовательной деятельности.

В качестве методологии исследования в настоящей работе используется типология институционального многообразия, предложенная Бёртоном Р. Кларком [9]. За годы постоянных реформ в период между 1990–2017 гг. в России существенно изменились уровни высшего образования, типы высших учебных заведений, их цели и задачи, способы финансирования, структура управления, методы обучения и многое другое.

В настоящее время образовательные учреждения Российской Федерации имеют сложное секторально-уровневое деление. Законом «Об образовании в Российской Федерации» определяются два типа образовательных учреждений, имеющих право на самостоятельное ведение образовательной деятельности. Это могут быть «образовательные организации высшего образования (вузы)» и «организации, осуществляющие обучение (научные организации)». Только они имеют право на предоставление высшего образования, в отличие от ряда стран, в которых система бакалавриата как

уровня высшего образования может быть выведена в самостоятельный сектор, вне университета или института.

На первом уровне находятся два старейших университета страны – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет, особый статус которых закреплен Федеральным законом от 10 ноября 2009 г. № 259-ФЗ [10]. Закон подтверждает веками сложившийся авторитет этих университетов в подготовке кадров высокой квалификации, их культурную, научную и социальную значимость в российском обществе. Практически репутация указанных университетов подкрепляется ежегодным конкурсом абитуриентов, стремящихся поступить в эти престижные учреждения, откуда вышли многие лидеры научной, экономической и политической элиты.

Учредителем МГУ и СПбГУ является правительство РФ. Ректоры данных университетов напрямую назначаются и снимаются с должности распоряжениями Президента РФ. Университеты имеют право развивать собственные образовательные программы и выдавать дипломы собственного образца, которые юридически равны любым другим государственным дипломам.

Второй уровень занимают участники программы повышения конкурентоспособности российских вузов «5-100», утвержденной к реализации Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». Конечная цель программы заключается в достижении к 2020 году высочайшего уровня в науке и образовании. На практике это означает, что не менее 5 российских университетов должны войти в первую сотню ведущих мировых университетов. Управление нарастающим бюджетом (от 9 млрд руб в 2013 г. до 13,1 млрд руб. в 2017 г.) и организационным обеспечением грандиозного проекта возлагается на Совет по повышению конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации, утвержденный Правительством РФ.

В 2017 году были обнародованы первые результаты проекта: по версии британского журнала Times Higher Education (THE) пять российских вузов вошли в рейтинг двухсот лучших университетов Европы. В их числе четыре вуза-участника проекта «5-100»: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Казанский федеральный университет, Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ. Согласно данным того же издания в мировой рейтинг университетов (World Reputation Rankings) вошли Московский государственный университет им. Ломоносова, Санкт-Петербургский госуниверситет и Московский физико-технический институт. В рейтингах был отмечен высокий уровень российских вузов в таких областях как области физика, астрофизика, инженерные дисциплины. Еще в 2016 году компания Quacquarelli Symonds (QS) составила рейтинг подготовки специалистов по ряду дисциплин. В этом списке российские вузы вошли в тринадцать предметных рейтингов, заняв в общей сложности 20 мест в первой сотне [11].

В то же время программа «ТОП-100» вызывает ряд возражений. Первое из них связано с нецелевым использованием выделенных вузам средств. Аудиторская проверка работы вузов Счетной палатой в 2016 г. выявила, что большая часть средств используется на повышение зарплаты преподавателям, а не на достижение плановых показателей, которые должны поднять рейтинг вузов. А сами плановые показатели вузами занижаются, потому продвижение в рейтинги становится практически невозможным.

Второе, общее возражение, связано со стремлением войти в какие-либо мировые рейтинги. Но рейтинги не могут быть самоцелью. Крупнейшие университеты, такие как Принстон, Йель, Кембридж и другие, оценива-

ются вовсе не по рейтингам, а по привлекаемым в эти центры крупнейшим ученым мира, по значимости научных открытий, уровню разработок в области высоких технологий.

Это реальные факты, реальные достижения, меняющие экономику, производство и имидж страны.

Третье возражение касается самой рейтинговой мировой системы, которая рассчитана на многопрофильные университеты, в то время как в России много отраслевых вузов – инженерных, медицинских, сельскохозяйственных и других. По этим отдельным показателям российские вузы могут конкурировать с мировыми университетами, а в «общих» рейтингах отстают.

Четвертое возражение представлено в мониторинге мировых рейтингов, которые проводит Центр экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований РАНХиГС. В его исследованиях отмечается, что в показателях рейтингов не учитывается образовательная деятельность вуза, она выражается по научным публикациям, которые надо увеличить вдвое, по научным стажировкам за рубежом и обменным программам, на которые нет средств. Но главное, это означает, что «вместо того, чтобы готовить новый курс лекций или больше заниматься со студентами, преподаватель должен больше заниматься подготовкой научных публикаций. Потому что фактически от работы со студентами положение вуза в рейтинге не зависит – ни в одном из них нет показателей, отражающих результаты образовательной деятельности. А это ведь означает, что работа со студентами превращается в обязанность, повинность. Совместить активную научную и преподавательскую деятельность не просто – особенно при той нагрузке, которая теперь существует в вузах» [12].

Пятое возражение касается мировых рейтингов вузов. Необходимо создать собственный национальный рейтинг, в котором наряду с показателями публикационной активности были бы такие пункты как связь науки с производством (особенно необходимая для технических и инженерных вузов).

Таким образом, критика университетов, находящихся на втором уровне российской системы высшего образования, показывает что университеты и высшие органы управления образованием должны пока еще доказать саму необходимость участия в мировых рейтингах.

Третий уровень в иерархии российских вузов занимают федеральные университеты. Их статус, миссия и место в образовательной системе России, сформулированы в Концепции создания и государственной поддержки развития федеральных университетов: «Федеральный университет – это автономное учреждение, осуществляющее образовательную, научную и инновационную деятельность по широкому спектру направлений с целью интегрированного кадрового и научного обеспечения масштабных проектов и программ федерального и/или регионального уровня».

Как автономные учреждения федеральные университеты обладают экономической и финансовой самостоятельностью, выражающейся, в первую очередь, в праве распоряжения своими доходами, распределения средств и открытия счетов в кредитных организациях.

С профессиональной точки зрения автономия влечет за собою, с одной стороны, свободу в выборе образовательных программ и создании собственных образовательных курсов для реализации этих программ, а с другой – повышенную ответственность за качество подготовки выпускников и их востребованность на рынке труда, а также за уровень научной и профессиональной подготовки профессорско-преподавательского состава.

Десять федеральных университетов выполняют свои специфические задачи в зависимости от общероссийских и региональных потребностей в кадрах, отраслевом экономическом развитии, решении социальных задач. По мнению Ящук Т.Ф., «исходная посылка при их ор-

ганизации состояла в том, чтобы создать на территории федеральных округов такой университет, который бы выступил центром, объединяющим не в административном, а в идейном смысле всю образовательную деятельность в округе и одновременно выступал важным фактором социально-экономического прогресса территории» [13, с. 47]. Федеральные вузы активно развивают международное сотрудничество через общие научные и образовательные программы, обмен профессиональным опытом, внедрение инновационных бизнес-проектов, привлечение высококлассных специалистов, стажировки и т.д.

Четвертый уровень в стратификации российских вузов складывается из национально-исследовательских университетов (НИУ). Согласно закону об образовании этот статус может присваиваться вузу, подтвердившему успешность и мировое признание исследовательской работы в узкой или широких областях наук. Научно-исследовательские университеты призваны объединить образовательный, научный и экономический потенциал российских ученых, преподавателей и практиков. Только так, отмечают С.Э. Майкова и И.А. Головушкин, можно эффективно освоить «процесс коммерциализации результатов научно-исследовательской деятельности, обеспечивающий достижение конкурентных преимуществ при введении данных результатов в хозяйственный оборот в качестве нового продукта или новой технологии» [14, с. 111]. Только в этом случае будет разрушаться предубеждение о неспособности российского высшего образования конкурировать на мировом рынке научных исследований.

Как и федеральные университеты, НИУ имеют определенную свободу в своей деятельности: создание собственных программ обучения, выдача дипломов своего образца, регулирование заработной платы преподавателей и стипендии для активных студентов в зависимости от вклада в научную работу и т.д.

Пятый, самый многочисленный сектор, занимают региональные государственные вузы. Их важность определяется, прежде всего, существованием различий интересов и потребностей граждан, условий и возможностей по их удовлетворению. Но процессы реформирования системы высшего образования негативно сказались на существовании региональных университетов и институтов. В условиях снижения финансирования и оттока студентов, стремящихся в признанные столичные или «статусные» вузы, им приходится принимать меры для самостоятельного выживания. С точки зрения формирования новых стратегий выживания региональные вузы сильнее, чем центральные, ориентируются на социальные заказы общества и регионального бизнеса, в связи с чем быстро развивают новые практикоориентированные программы, новые формы обучения и технологии. Здесь ведется поиск новых форм сотрудничества вузов с научными центрами, государственными учреждениями, предприятиями, компаниями. И, как отмечает В.А. Зернов, председатель Ассоциации негосударственных вузов, «многие частные вузы успешно конкурируют по научно-инновационным показателям с государственными университетами» [15, с. 3]. По мнению экспертов, негосударственные вузы заполняют нишу там, куда не приходят государственные вузы [16, с. 133-135]. Особенно важна их роль в регионах.

Наряду с государственными вузами, в России сложилась неширокая, но устойчивая система негосударственных учреждений высшего образования. К числу негосударственных вузов относится быстро развивающийся кластер корпоративных университетов. Они определяются как «комплексная система, обеспечивающая эффективное управление знаниями персонала, объединяющая лучший опыт предприятий, входящих в структуру компании, создающая условия для генерации прорывных проектов, свежих идей, технологий, направленных на выявление новых точек роста компании» [17, с. 850].

Первый корпоративный университет был создан в 1999 г. благодаря усилиям компании «ВымпелКом», вложившей значительные средства в образование собственных сотрудников. Однако опыт создания подобных университетов был как бы «вне закона». Законодательство разрешало вузам создавать кафедры только в научных учреждениях, но не на промышленных предприятиях [18]. Закон об образовании 2012 г. позволил создать на базе собственных «корпоративных университетов» полноценные вузы как самостоятельные юридические лица в форме некоммерческих образовательных учреждений.

В настоящее время корпоративные университеты созданы и в таких крупных компаниях, как Сбербанк, Евросеть, Газпромнефть, Сибур, Росатом, Альфа-Банк, Русгидро, Вымпелком, НЛМК, Ростелеком, Северсталь, МТС, МГТС, Мечел, Рольф и др. Как показывают опросы ВЦИОМ, причины создания корпоративных университетов обусловлены, в первую очередь, недовольством руководителей крупных компаний профессиональной подготовкой своих сотрудников. Они отмечают устаревшую материально-техническую базу вузов, не отвечающую требованиям современного бизнеса, далекую от практики теорию, неспособную дать студентам необходимые практические навыки, требуемые для выполнения конкретной работы [19]. Корпоративные университеты позволяют подготовить собственных специалистов и переподготовить старых сотрудников с учетом быстро изменяющихся целей и задач бизнеса, под которыми понимается «обеспечение системных знаний и навыков персонала, необходимых для достижения эффективных результатов и качественных показателей деятельности компании» [17, с. 850]. В перспективе они могут составить конкуренцию государственному сектору высшего образования.

Созданная к 2016 году структура в системе высшего образования была объявлена Правительством РФ первым этапом модернизации, на основе которого начался второй этап модернизации – создание многопрофильных опорных университетов на базе крупных, эффективно работающих региональных университетов. Их создание предусмотрено Федеральной целевой программой развития образования на 2016-2020 гг. Результатом программы станет сокращение числа региональных вузов на 25%. По сути дела речь идет об объединении образовательной базы всего региона в рамках одного вуза.

Основными требованиями к опорным вузам являются: обновление образовательной, научно-исследовательской, инновационной деятельности; развитие кадрового потенциала; модернизация системы управления, материально-технической базы и социально-культурной инфраструктуры, обязательное софинансирование программы развития в объеме не менее 20% от объема запрашиваемой субсидии за счет средств бюджетов субъектов РФ, собственных доходов, поступлений от иных юридических лиц. К концу пятилетнего периода, на который рассчитан проект, вузы должны достигнуть следующих показателей: довести численность студентов по всем программам и уровням обучения до 10000 тысяч, увеличить доходы вуза до 2 млрд руб., создать не менее 20 укрупненных групп подготовки и специальностей, иметь удельный вес магистрантов и аспирантов не менее 20% от общей численности обучающихся, привести объем научно-исследовательских работ к показателю 150 тыс. руб. на одного преподавателя, поднять число публикаций в международных цитируемых журналах в расчете на 100 научно-педагогических работников – не менее 15, Scopus – не менее 20 [20].

Первые одиннадцать опорных вузов были определены на конкурсной основе в 2016 г. и, как следует из списка, приоритет в конкурсе был отдан техническим университетам (Волгоградский, Воронежский, Донской, Омский государственные технические университеты, Костромской государственный технологический университет и др.). В целом создатели проекта опорных

университетов надеются на подъем технической науки в России и на помощь опорных университетов в экономическом развитии регионов. Но среди экспертов встречается и иное, вполне обоснованное мнение. В частности А. Чапыгин, руководитель исследовательской группы проекта «Национальный рейтинг университетов» считает, что, «запуская программу опорных университетов, министерство попыталось приблизить модель организации высшего образования в нашей стране к образцам, принятым в развитых странах. Переход от отраслевого управления вузами к управлению университетами позволит сэкономить ресурсы, в том числе и управленческие. Сейчас Минобрнауки России, как учредителю сотен вузов, приходится заниматься оперативными управлением миллионным контингентом молодежи и сотысячным контингентом педагогических и научных работников в ущерб стратегическому управлению всей системой. Опорные же университеты будут управляться региональными властями, и это в перспективе снизит затраты на них и позволит сосредоточиться на университетах первого эшелона». Кроме того эксперт видит опасность утраты или несвоевременного государственного финансирования управления имуществом университетов и риск оплаты всеми студентами за пользование социальными объектами и лабораториями, за доступ к необязательным образовательным программам и т. д. А главное – создание опорных вузов воспринимается преподавателями и научным сообществом «как дымовая завеса для принудительного слияния вузов» [21].

Несмотря на все проведенные реформы, качество высшего образования в России остается под большим вопросом. Бывший министр образования Д. Ливанов заявлял в 2014 году, что, несмотря на увеличения финансирования с 2000 года в 20 раз, качество высшего образования в России не растет, а проблемы углубляются. Исследователи называют в качестве проблем избыточное количество общих и сокращение специальных дисциплин на первых курсах, непомерно высокую для многих семей оплату за обучение, устаревшую систему управления в российских вузах, слабую интернационализацию образования и связанную с нею академическую мобильность, десятилетиями не обновляемую устаревшую материально-техническую базу, резкое падение престижа преподавательской деятельности, утрату национальных традиций в высшем образовании, которые всегда служили поддержкой социально-культурному единству российского общества.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что сложная структурная организация российской системы высшего образования, несмотря на все трудности экономического и социального, политического характера продолжает активно развиваться. Осуществляется поиск новых оригинальных путей решения ее проблем, учитывающих как мировой, так накопленный опыт национальных традиций. Разработка национальных стратегий высшего образования все чаще обращается к собственным корням и ориентируется на внутренние потребности страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кузьмин Е.Я. Рынок труда и профессий для молодых специалистов: проблем ы и пути их решения // Высшее образование в России. 2012. № 12. С. 138-141.
2. Рубин Ю.Б. Высшее образование в России. Качество и конкурентоспособность. М.: Московская Финансово-Промышленная Академия, 2014. 448 с.
3. Лешуков О. В., Лисюткин М. А. Управление региональными системами высшего образования в России: возможные подходы // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 6 (100). С. 29-40.
4. Мониторинг региональных проблем доступности высшего образования: аналитический доклад / А. К. Ключев, Е. Л. Могильчак, И. В. Кезина и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. 144 с.
5. Абанкина И.В. и др. Экономическое положение

вузов в условиях бюджетной реформы, повышения автономии и введения ЕГЭ. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 207 с.

6. Абанкина И. В. и др. Типология и анализ научно-образовательной результативности российских вузов // Форсайт. 2013. Т. 7. № 3. С. 48–63.

7. Титова Н.Л. Путь успеха и неудач: стратегическое развитие российских вузов. М.: МАКС Пресс, 2008. 280 с.

8. Корнеева Е.Н., Корнеев А.А. Проблемы адаптации российских региональных университетов к процессу реформирования системы высшего образования // Управленческие науки в современном мире. 2015. Т. II. № 1. С. 64 – 68.

9. Burton R. Clark. The Higher Education System: Academic Organization in Cross-National Perspective. Berkeley, CA, University of California Press, 1987. 330 p.

10. Федеральный закон от 10 ноября 2009 г. № 259-ФЗ «О Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/196580/>

11. Вузы-участники Проекта 5-100 вошли в 13 предметных рейтингов QS. Информационно-аналитический журнал «Университетская книга». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unkniga.ru/company-news/5716-uchastniki-proekta-5-100-voshli-v-13-predmetnyh-tingov-0qs.html>

12. Куклин В. Рейтинг вузов должен ориентироваться на программу развития образования. Портал Полит. Ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ffgon.com.ruthenia.ru/article/2017/07/14/ratings2/>

13. Ящук Т.Ф. Формирование системы учреждений высшего образования в Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 2 (51). С. 45 – 51.

14. Майкова С.Э., Головушкин И.А. Коммерциализация результатов научно-исследовательской деятельности как основной фактор инновационного развития национального исследовательского университета // Известия высших учебных заведений. Приволжский регион. 2012. № 4(24). – С. 110 – 118.

15. Зернов В.А. Негосударственные вузы России: современное состояние, тенденции и перспективы // Высшее образование в России. – 2013. – № 4. – С. 3 – 11.

16. Косенко О.И. Негосударственные вузы современной России: актуальные проблемы и пути их решения // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. 2013. Т. 11. Вып. 1. С. 133 – 135.

17. Гиниева С.Б., Долженко Р.А. Трансформация системы корпоративного обучения персонала российской компании на базе корпоративного университета // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 5. С. 842 – 851.

18. Коваленко А. Перспективы развития корпоративных университетов (КУ) в России зависят от тесной взаимосвязи компаний с академическими университетами // Эксперт Урал. 2016. № 22(689). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.acexpert.ru/archive/nomer-22-689/chego-oni-hotyat-ku-oni-hotyat.html>

19. Пахомова В.Е. Корпоративные университеты в системе российского образования (результаты социологического исследования) // Человек и образование. 2006. № 7. С. 59 – 64.

20. Приказ от 23 января 2018 г. № 41 «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования и работы их руководителей, находящихся в ведении Министерства образования и науки Российской Федерации // Портал КОДИФИКАЦИЯ РФ: [Электронный ресурс]. URL: <http://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minobrnauki-Rossii-ot-23.01.2018-N-41>.

21. Тимошенко В. Сеть опорных университетов: косяк или костыль для образования? // Портал ГАРАНТ. Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

РУ: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/article/701532/>

Статья поступила в редакцию 01.02.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 37.013.73

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОКРАТИЧЕСКОЙ БЕСЕДЫ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

© 2018

Иванова Ольга Эрнстовна, доктор философских наук, профессор кафедры
«Экономика, управление и право»

Хабидуллин Фаргат Хадиятович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Подготовка педагогов профессионального обучения и предметных методик»
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69, e-mail: habibullinfh@cspu.ru)

Аннотация. Более чем за 2500 лет сократическая беседа трансформировалась по форме, содержанию и методам. Однако неизменным осталось ее основание – проблема. Направленность на прояснение смысла проблемы определила жизнеспособность диалога на разных этапах развития общества. Сократическая беседа обладает уникальным образовательным потенциалом как для неформального, так и для формального образования. Установлена инструментальность сократической беседы в повышении качества мышления. Особое внимание уделено несократическому диалогу, трансформированному из сократического. Классический (оригинальный) диалог Сократа выступил объектом трансформации. Воздействующим фактором выявлена целевая установка фасилитатора диалога. Результатами трансформации явились производные свойства, определившие новые формы сократического диалога: организационный полилог, образовательный диалог и сократический консалтинг. Установлено, что несократический диалог органично синтезирует логико-познавательный и коммуникативно-аксиологический компоненты. Выявлено, что направленность сократического диалога на прояснение оснований при движении к истине когерентна требованиям современного формального образования. Сократический диалог, трансформированный в сократический консалтинг, обладает определенным образовательным потенциалом, который целесообразно целенаправленно реализовать как одну из форм неформального образования. Определена перспективность трансформированной сократической беседы как адаптивной образовательной практики, направленной на повышение качества мышления.

Ключевые слова: сократическая беседа, сократический диалог, несократический диалог, организационный полилог, образовательный диалог, сократический консалтинг, коммуникация, проблема, вопрошание, смысл, философская практика, трансформация.

TRANSFORMATION SOCRATIC DISCUSSION AS EDUCATIONAL PRACTICE

© 2018

Ivanova Olga Ernstovna, Doctor of Philosophy, Professor of the Department
of «Economics, management and law»

Khabibullin Fargat Khadiyatovich, Candidate of Pedagogical, Associate Professor of the Department
of «Training of Teachers of Vocational Training and Subject Techniques»
South Ural State University of Humanities and Education
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 69, e-mail: habibullinfh@cspu.ru)

Abstract. For more than 2500 years, the Socratic discussion was transformed in form, content and methods. However, its foundation remained unchanged – a problem. A focus on clarifying the meaning of the problem has determined the viability of the dialogue at different stages of the development of society. Socratic conversation has a unique educational potential for both informal and formal education. The instrumentality of Socratic conversation in improving the quality of thinking is established. Particular attention is paid to the non-Socratic dialogue, transformed from the Socratic dialogue. The classic (original) dialogue of Socrates was the object of transformation. The target setting of the dialog facilitator has been identified as an influencing factor. As a result of the transformation, derivative properties were formed that defined new forms of Socratic dialogue: organizational polylogue, educational dialogue and Socratic Consulting. It is established that the neo-Socratic dialogue organically synthesizes the logical-cognitive and communicative-axiological components. It was revealed that the focus of the Socratic dialogue on clarifying the grounds in moving towards truth is coherent with the requirements of modern formal education. Socratic dialogue, transformed into acritical consulting, has a certain educational potential, which it is advisable to purposefully implement as one of the forms of non-formal education. The perspective of the transformed Socratic discussion as an adaptive educational practice aimed at improving the quality of thinking is defined.

Keywords: Socratic discussion, Socratic dialogue, neo-Socratic dialogue, organizational polylogue, educational dialogue, Socratic consulting, communication, problem, questioning, sense, philosophical practice, transformation.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Сократический диалог является брэндом, символизирующим повышение качества мышления при прояснении и решении проблем в вопрошании в сообществе. К данной форме философской практики [1, с. 349], основанной древнегреческим Сократом, сегодня обращаются и образование, и прагматически настроенный бизнес. Рациональная направленность сократического диалога на «выявление, ясное определение и разрешение проблем» [2, с. 36] во многом определила его принципиальную жизнеспособность в практическом применении. К XXI веку классическая сократическая беседа трансформировалась, проявив производные свойства в форме, содержании и методах.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Обращение к сократическому диалогу / полилогу как к образовательной философской практике обусловлено его практической пользой для обучения, выраженной принципиаль-

ной направленностью метода на прояснение проблем и выработку альтернатив их решения, на стимулирование самопознания как умения учиться в противовес извлечению готового знания. Образовательный потенциал сократического диалога, реализующего метод критического мышления, исследуется в связи с активизацией мыслительного процесса и выбором «Я», возможностью обучения разумному мышлению, подчеркивается уникальность беседы, основанной на принципе самостоятельности мышления и восхождения от конкретного к абстрактному, противопоставленных догматическому подходу к обучению, изучается как метод эмпирического исследования, опирающийся на критерии истинности и достоверности, стимулирующий учеников к обучению, кроме того, несократический диалог рассматривается как дидактический метод обучения фундаментальным этическим вопросам устойчивого развития предприятий (Л.Т. Ретюнских [3], Н.С. Юлина [4], Е. Варджийска [5], Э. Уортел и Д. Верви [6], Б. Литтинг [7]). Между тем, вопросам трансформации сократической беседы и определению ее потенциала для формального и неформального образования не уделяется значительного внимания.

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью статьи является выявление сущностных особенностей трансформации сократической беседы и определение их потенциала для образовательной практики.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Сократическая беседа обладает уникальным образовательным потенциалом, начиная с ее классического варианта. Стимулирование самопознания, критическое отношение к догматическим утверждениям в ходе диалога или полилога, организованного в вопрошании, определяет возможности применения данного метода в формальном и неформальном образовании. Сократическая беседа является инструментом повышения качества мышления за счет обращения к основаниям проблемы, направленности на прояснение ее смысла.

Трансформация (позднелат. «*transformatio*» – «превращение») сократической беседы предполагает ее изменение, сопровождающееся появлением производных свойств, не сводимых к сумме первоначальных элементов, но разносторонне раскрывающих ее образовательный потенциал. В исследовании трансформации беседы мы учитываем структуру данного процесса, указанную У.Р. Эшби, согласно которой тремя обязательными элементами трансформации являются объект воздействия, воздействующий фактор и результат изменений [8, р. 10-11]. Объектом воздействия мы определяем классический оригинальный сократический диалог, воздействующим фактором – целевую установку фасилитатора диалога, результатом изменений – появление производных свойств, определивших новую форму диалога.

Классический (оригинальный) сократический диалог возник в V в. до н.э. Происхождение метода обязано историческому Сократу, беседы которого представлены в сочинениях Платона и Ксенофонта.

Вопрошая, Сократ практиковал поиск истины в диалоге, условием достижения цели являлась совместность рассуждений: «мы должны вместе искать путь к наивысшему совершенству» [9, с. 248]. Предметом дискуссии выступал жизненный опыт собеседника, оформленный в проблему, имеющую концептуальное значение и актуальную для разрешения в определенном сообществе. Инструментом прояснения проблемы как извлечения скрытого в человеке знания Сократу служила майевтика (др. греч. μαίευτική – повивальное искусство, родовспоможение) как родовспоможение при рождении знания как «плода души». Следует отметить, что «прибегая к майевтике, Сократ ставил перед собой вполне конкретную педагогическую цель воспитания собеседников», задавая резкие, зачастую раздражающие собеседника вопросы, «Сократ приводил участников диалога в замешательство, «лишал покоя», «злил», «заставлял думать»» [10, с. 137]. Таким образом, диалог стимулировал размышление и подводил собеседника к самопознанию.

В первую очередь усилия Сократа были направлены на прояснение оснований, по которым его собеседник стремился к достижению цели. Основные приемы сократической беседы – синкризу и анакризу – согласно оценке М.М. Бахтина, определила установка на диалогическую природу истины. Если синкриза предполагала «сопоставление различных точек зрения на определенный предмет», то с анакризой связывались «способы вызывать, провоцировать слова собеседника, заставляя его высказать свое мнение, и высказать до конца» [11, с. 319], не ограниченные сюжетным словопровоцированием. Выявляя противоречия, Сократ вводил собеседника в замешательство. «Ты называешь его софистом, а что такое софист, оказывается, совсем не ведаешь, хоть и собираешься вверить себя ему» [12, с. 423]. Противопоставление различных точек зрения, включая точку зрения самого Сократа, практиковалось методом агона (греч. ἀγων, борьба, состязание). Таким образом, допускался познавательный плюрализм в решении проблемы.

Создавая педагогические условия для прояснения оснований в совместном рассуждении, Сократ выступал своеобразным фасилитатором диалога. Стремление к достижению краткости речи, ясности и отчетливости высказываний облегчало беседу: «не ради тебя, но ради нашего рассуждения: пусть оно идет так, чтобы его предмет сделался для нас как можно более ясным» [13, с. 484]. Однако это не мешало Сократу порой превращать диалог в интеллектуальное испытание для собеседников. Критически вопрошая – «что именно назовешь ты лучшим», «каков настоящий предмет этой науки?», «в чем состоит сила его искусства?», «что такое то, о чем он объявляет и чему учит?» и т.п. – он требовал тщательной аргументации от собеседников и на практике обучал их этой технике.

Трансформация сократической беседы проходит последовательные этапы, хронологические рамки которых представляются весьма условными в силу особенностей развития производных свойств в рамках определенного направления.

На первом этапе сократическая беседа изменяется до организационного полилога (1922-1993). Возрождение сократической беседы, произошедшее спустя примерно 25 веков, обязано немецкому философу и педагогу Леонарду Нельсону. Его доклад, презентующий в 1922 году сократический метод перед Геттингенским педагогическим сообществом, определил новую веху в жизнеспособности беседы. Идеи обновленного сократического диалога Л. Нельсон оформил в статье «Сократический метод», опубликованной в 1929 году.

Нельсон изменил форму сократического диалога, расширив круг участников до полилога. Данный метод практиковался в группе – в образовательной или политической организации. Полагая полилог методом «раскрутки» собеседников, немецкий практик отказался от последовательно наводящих вопросов, поскольку с его точки зрения это ограничивало проявление собеседника. «Педагогической целью Нельсона является воспитание умения самостоятельного постижения, то есть состояние, в котором человек уже не позволит влиять на себя внешним факторам, а будет принимать решения и действовать в соответствии со своими взглядами» [14, с. 346].

Сократической майевтике Нельсон противопоставил регрессивную абстракцию как метод достижения ясности в суждениях. Нельсоновское прояснение позиции участников полилога по сути являлось феноменологическим, оно предполагало возвращение от следствий к их основаниям, воздерживаясь при этом от случайностей с целью последовательного обнаружения философских принципов и выражения в понятиях восстановленной в сознании первоосновы [15, с. 33-34]. Конечной точкой вопрошания в такой беседе выступало достижение взаимопонимания по обсуждаемому вопросу.

К участникам полилогической беседы Нельсон предъявлял четыре основных требования. Во-первых, отказ от авторитарной позиции учителя. В процессе обсуждения он не должен влиять на позицию ученика, навязывая собственные ценности и мнение. Во-вторых, учитель должен стимулировать вопрошание между учениками, не задавая собственных вопросов и не указывая возможные решения. В-третьих, учитель не должен ограждать учеников от возможного неправильного направления поиска ответов, подводя их таким образом к осознанию ограниченности собственных убеждений и направляя на «погружение» в проблему. В этом Нельсон последовательно проводил линию Сократа. В-четвертых, в познании проблемы ученики должны исходить из собственного жизненного опыта и далее продвигаться к абстрактным суждениям, а учитель – следить за соблюдением данного требования.

В 1993 году, развивая идеи Л. Нельсона, немецкий философ Густав Хекман в работе «Сократовская беседа. Опыты из философских университетских се-

минаров», пояснил ее сущность следующим образом. «Сократической я бы назвал беседу, в которой оно (*стремление приблизиться к истине в совместном размышлении над причинами – уточнено нами*) возникает не только спорадически, но и непрерывно определяет ход беседы, в которой последовательно совместно размышляют над причинами» [9, s. 13]. Хекман подчеркивал, что в сократическом разговоре учитель помогает собеседникам продвинуться в обсуждаемом вопросе. Следовательно, учитель должен быть больше знаком с предметом обсуждения по сравнению с учеником, помогая ему сформулировать суждение, обращаясь к выявлению причин. Однако такое содержательное «превосходство» учителя не должно определять доктринальный характер беседы, это – «разговор среди равных» [9, s. 104], педагогической целью которого является «доведение до автоматизма стремления учеников к самопознанию» [9, s. 98]. Успех сократического разговора определяли усилия всех его участников, как правило, такой полилог охватывал от 10 до 14 человек.

Для второго этапа трансформации сократической беседы характерна приоритетность обучающей направленности диалога (полилога). Начиная с 1970-х годов исследовательская традиция сократического диалога воплощается профессором Колумбийского университета Мэттью Липманом в образовательной программе «Философия для детей». В обращении к сократическому диалогу как методу проблемного преподавания философии разработчики программы основываются на целесообразности реализации связи между пониманием философии как деятельности и обучением философии. «Сократ исходил из того, что только через решение проблем можно двигаться к подлинному знанию, мудрости и добродетели» [16, с. 19], – подчеркивает Н.С. Юлина, отмечая, что сократический диалог как совместная аргументированная деятельность, выступал лучшим средством избавления от предрассудков и научения самокритике. Практика обучения разумности методом «критического рационализма» (М. Липман) «опирается на логику повседневного языка, функционирующего в контексте обычной жизни, использует множественные критерии» [16, с. 64].

Сократический диалог понимался как форма деятельности учебного сообщества исследователей, «как педагогическая форма обучения разумному мышлению учащихся в процессе коллективного (дискуссионного) поиска истины» [17, с. 180], развивающая «когнитивные навыки мышления, исследовательские умения, а также навыки социализации, коммуникации, индивидуализации» [16, с. 27]. В исследовательском неформальном сообществе – социально благоприятной среде – сократический диалог организуется по пяти последовательным этапам, к которым относятся: «анализ контекста ситуации, формулировка релевантных к нему философских проблем, конструирование гипотез, обсуждение критериев правомерности выдвигаемых мнений, выработка итогового «хорошего суждения»» [17, с. 183]. Результатом сократического диалога выступало «хорошее суждение» – суждение, созданное по определенным правилам и закономерностям, позволяющим его анализировать; суждение обоснованное, логически непротиворечивое, в котором наряду с этим «имеется нечто, не поддающееся точному анализу, например, чуткость к контексту, интуиция, уникальность переживаний высказывающего и др.» [16, с. 48-49]. Практика обучающего сократического полилога как обучения разумному ответственному мышлению актуальна как в формальном образовании детей в дошкольных образовательных организациях, общеобразовательных организациях, в профессиональных образовательных организациях и организациях высшего образования, так и в неформальном образовании взрослых, реализующих концепцию обучения на протяжении всей жизни.

На третьем этапе, начиная с 1980-х годов, сократиче-

ский диалог трансформируется в сократический консалтинг (от англ. consulting – консультирование), практикующий для решения проблем организации. Данный метод развивается наряду с экзистенциальным консультированием, ЛВТ-терапией, философским партнерством в русле философской практики – международного движения, основанного немецким философом Гердом Ахенбахом. На данном этапе сохраняется интерес к методологии сократического диалога – его целям, процедурам, правилам [18], обучающему характеру сократического диалога [19, 20]. Однако, по преимуществу, внимание исследователей сосредоточено на прагматических аспектах сократического диалога, эффективность которого рассматривается с позиций бизнеса. В частности, «выводя» одноименной публикацией Сократа «на рынок» [21], Й. Кессельс открыто заявил об экспликации философии в отношении бизнеса. В организациях и на предприятиях в качестве дополнения к психологическим методам решения проблемы и усиливая их философские основания практикуется сократический коучинг.

Сократическая беседа на этом этапе направлена на организационное, а не на индивидуальное продвижение, она развивается в формат групповой поддержки, принципиальным условием для которой выступает сообщество, возникающее в процессе коммуникации. Коммуникация, понимаемая как «диалогическое интро- и интерсубъективное взаимодействие, не сводящееся к механической передаче сообщения и допускающее генерирование смыслов» [22, с. 44], создает среду для порождения и понимания смысла [23] ее участниками, среду, стимулирующую поисковый «нерв» [24, 25]. Сократический диалог сохраняет антропоцентричность, органично синтезирует логику-гносеологической и коммуникативно-аксиологической компоненты, предоставляя участникам группы, на примере опыта одного из них, возможность систематического размышления и самопознания. Вопросание в рамках данного метода строится при соблюдении основных правил, к которым относятся: введение в конкретные условия с целью прояснения ситуации; составление предварительного заключения, предполагающего выработку конкретного суждения, действия и поведения; обобщение и углубление правил и основных убеждений; логическая проверка основных убеждений и предположений на взаимосвязанность, релевантность профессиональным отношениям и ценностям и на адекватность ситуации как отношениям в цепи «ситуация – предположения – суждение» [26, р. 36].

Сократический консалтинг как интеллектуальная услуга философа-консультанта, направленная на решение организационных проблем, реализуется в совместном осмыслении профессионального и личного опыта и его аргументированном обсуждении, совместной выработке альтернатив при достижении взаимопонимания в группе. Участие в консультационной деятельности по достижению целей организации «заряжено» педагогическим потенциалом для неформального образования. В процессе решения проблем под руководством консультанта с учетом потребностей организации и связи с практикой, происходит взаимообогащение знаниями, осознание ограниченности собственных знаний и суждений и необходимости образования, включая самообразование. Указанное определяет целесообразность целенаправленной реализации сократического консалтинга как одной из форм неформального образования. Педагогический потенциал сократического консалтинга для неформального образования, по сути, возвращает к истокам сократической беседы, неформальной по организации.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, сократическая беседа трансформировалась от диалога, построенного на совместном обсуждении вопросов обычной жизни до полилога, направленного на решение образовательных и управленческих задач. Сократическая беседа изначально практиковалась, выражая совре-

менной терминологией, в сфере неформального образования. Сегодня к сократическому диалогу (полилогу) поворачивается формальное образование. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по уровню бакалавриат, построенные с учетом Профессиональных стандартов (3++), первой универсальной компетенцией определяют системное и критическое мышление, что предполагает способность осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации. Указанное когерентно целевой установке сократического метода. В этой связи сократическая беседа, направленная на улучшения качества мышления в процессе обучения, является перспективной адаптивной образовательной практикой, чувствительной к контексту, гибкой к изменениям, в которой критичность и творчество уравнивают друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Иванова О.Э. Философская практика как обучение на протяжении всей жизни // Современное общество и власть. 2016. № 4(10). С. 348-352.
2. Иванова О.Э. Логико-основанная терапия как инструмент управления проблемами // Социум и власть. 2016. № 3(59). С. 36-40.
3. Ретюнских Л.Т. «Школа Сократа»: Философские игры десять лет спустя: Учебное пособие. М., Воронеж. Издательство Московского психолого-социального института; Издательство НПО «МОДЭК», 2003. 205 с.
4. Юлина Н.С. «Философия для детей» как обучение разумному мышлению / Философия – детям: Материалы международной научно-практической конференции, проведенной в честь 75-летия Центрального Ордена Дружбы народов Дома работников искусств. 27-29 января 2005 г. / под ред. С.И. Левиковой. М.: Прометей, 2005. С. 7-13.
5. Варджийска Е. Възможности за прилагане на Сократовия метод при преподаване на философия в училище. URL: http://junior.integra.bg/bg/Socratic_Dialogue/docs/evelina_vardjiska.pdf.
6. Wortel E., Verweij D. Inquiry, Criticism and Reasonableness: Socratic Dialogue as a Research Method? // Practical Philosophy. 2008. Vol. 9(2). P.54-72.
7. Littig B. The Neo-Socratic Dialogue (NSD): a method of teaching the ethics of sustainable development / Teaching business sustainability / Galea, Chris (Ed.). Sheffield: Greenleaf Publ., 2004. Vol. 1, from theory to practice. P. 240-252.
8. Ashby W. Ross. An introduction to cybernetics. London: CHAPMAN & HALL LTD, 1957. 295 p.
9. Heckmann G. Das Sokratische Gespräch: Erfahrungen in philosophischen Hochschulseminaren / Mit einem Vorwort zur Neuausgabe von Dieter Krohn. Herausgegeben von der Philosophisch-Politischen Akademie. Frankfurt/M.: dipa-Verlag, 1993. 153 s.
10. Телегин М.В. Теория и практика диалогического воспитания детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста. М.: МГППУ, 2006. 272 с.
11. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, NEXT, 1994. 511 с.
12. Платон. Протагор / Собрание сочинений в 4 т.: Т. I / общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; Авт. вступит, статьи А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1990. С. 418-476.
13. Платон. Горгий / Собрание сочинений в 4 т.: Т. I / общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; Авт. вступит, статьи А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1990. С. 477-573.
14. Салита Ж.Е. Сократовский метод в обучении / Актуальні проблеми викладання мови і літератури у сярэдняй і вышэйшай школе: Матэрыялы рэсп. навук. канф., 16 красавца 2004 г., г. Гродна / Адк. рэд. УЛ. Каяла. Гродна: ГрДУ, 2004. С. 344-350.
15. Нелсон Л. Сократовият метод / предговор и прев. от немски Ц. Торбов. 2-ро изд. С.: Любомъдрие, 1993. 96 с.
16. Философия для детей. М.: ИФ РАН, 1996. 241 с.
17. Юлина Н.С. Улучшение качества мышления: «сократический диалог» и интеракция с компьютером / Искусственный интеллект. Междисциплинарный подход / под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского. М.: ИИнтелЛ, 2006. С. 180-193.
18. Leal F., Saran R. A Dialogue On the Socratic Dialogue / Occasional Working Papers in Ethics and The Critical Philosophy. Edited by Patricia Shipley for The Society for the Furtherance of the Critical Philosophy (London). Vol. 2. April 2000. P. 50-61.
19. Бренифье О. Искусство обучать через дискуссию. Учебное пособие. М.: Мозаика-Синтез, 2016. 128 с.
20. Brenifier O. The Practice of Philosophy with Children. URL: <http://www.pratiques-philosophiques.fr/wp-content/uploads/2015/07/The-practice-of-philosophy-with-children-ORIGINAL-1.pdf>
21. Kessels J. Socrates op de markt: Filosofie in bedrijf. Amsterdam: Boom, 1997. 251 p.
22. Иванова О.Э. Проблема смысла в коммуникации: парадигмальный подход: монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2014. 273 с.
23. Иванова О.Э. Коммуникация: проблема конституирования смысла // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. № 3 (57-58). С. 210-217.
24. Гнатышина Е.А., Иванова О.Э. Методологический потенциал сократического диалога как инновационного подхода к управлению проектами // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 59-62.
25. Иванова О.Э., Точилкина Т.Г. Сократический диалог как обучение совместному решению проблем // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 108-111.
26. Gronke H., Häußner J. Socratic Coaching in Business and Management Consulting Practice // Practical Philosophy. 2006. Volume 8, Issue 1. P. 28-38.

Статья поступила в редакцию 21.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 378.1+004

**ЕДИНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВУЗА:
НОВЫЙ ПУТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

© 2018

Исмаилова Нупайсат Пахрудиновна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Всероссийский государственный университет юстиции
(367008, Россия, Махачкала, проспект Акушинского, 7, e-mail: ism_nup@mail.ru)

Аннотация. В данной статье рассматривается необходимость создания единого информационного образовательного пространства (далее ЕИП) Северо-Кавказский институт (филиал) (далее СКИ) ВГУЮ (РПА Минюста России) в условиях развития информационного общества и модернизации образовательной системы в РФ. Модернизация высшего образования с целью повышения качества подготовки специалистов для различных сфер деятельности является одной из актуальных проблем образования в РФ. Процесс создания ЕИП СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России) должен начаться с создания единой информационной среды, которая обеспечит доступ к образовательным, информационным и научным ресурсам образовательного комплекса. Конечной целью создания единой информационной среды вуза является повышение уровня информационной культуры профессиональной деятельности будущих юристов в условиях модернизации образования, разработку компетентностно-ориентированных, личностно-развивающих комплексов образовательных программ, создание различных технологических платформ для дистанционного, электронного обучения в целях повышения доступности качественных образовательных услуг. Содержание ЕИП ВУЗа должно не только расширять представления студентов в конкретной предметной области, но и создавать предпосылки осознания необходимости дальнейшего саморазвития в профессиональной сфере. Эффективность этого процесса будет зависеть от общего уровня информационной, правовой культуры студентов.

Ключевые слова: информатизация образования, информационные технологии, единое информационное образовательное пространство вуза, единая информационная образовательная среда, образовательный Интернет-ресурс, электронные образовательные ресурсы.

**UNIFIED EDUCATIONAL SPACE OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION:
A NEW WAY OF MODERNIZATION OF THE EDUCATIONAL SYSTEM**

© 2018

Ismailova Nupaisat Pakhrudinovna, Ph.D. of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines
Russian State University of Justice
(367008, Russia, Makhachkala, Akushinsky Avenue, 7, e-mail: ism_nup@mail.ru)

Abstract. This article discusses the need to create a unified information educational space (UIS) of North-Caucasian Institute (NCI) of RSUJ (RLA of the Ministry of Justice of Russia) in the conditions of the development of the information society and the modernization of the educational system in Russia. Modernization of higher education in order to improve the quality of training specialists for various fields of activity is one of the topical problems of education in the Russian Federation. The process of creating of the (UIS) NCI RSUJ (RLA of the Ministry of Justice of Russia) should begin with the creation of a unified information environment that will provide access to the educational, information and scientific resources of the educational complex. The ultimate goal of creating a unified information environment of the university is to raise the level of the information culture of the professional activity of future lawyers in the context of modernization of education, the development of competence-oriented, personal-development complexes of educational programs, the creation of various technological platforms for distant and e-learning in order to increase the availability of quality educational services. The content of the UIS of the university should not only expand students' ideas in a specific subject area, but also create the prerequisites for understanding the need for further self-development in the professional sphere. The effectiveness of this process will depend on the overall level of information, legal culture of students.

Keywords: informatization of education, information technologies, unified information educational space of the university, unified information educational environment, educational Internet resource, electronic educational resources.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

В настоящее время, как отмечают многие исследователи (Иванов В.А. [1], Новикова В.А. [2], Бейсетаев Д.Б. [3] и др. [4-10]), все актуальнее становится проблема модернизации высшего образования с целью повышения качества подготовки специалистов для различных сфер деятельности.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Теоретической основой исследования в этой области послужили работы авторов [1-25], в которых рассматриваются проблемы информатизации образования с применением новых информационных технологий и обосновывается необходимость создания единого информационного пространства вуза (ЕИП ВУЗа).

Проблемам создания информационного образовательного пространства посвящены теоретико-методологические труды и научно-практические исследования Иванов В.А. [1], Новиковой В.А. [2], Бейсетаева Д.Б. [3], В.И. Степанова В.И. [4], Берулава Г.А. [5], Желябина П.В. [6], Карпика А.П. [7], Годино Т.А. [8], Барановой Т.А. [9], Захаровой Г.И. [10], Волкова Т.В.

[11], Абрасимова М.А. [12], Самерхановой Э.К. [13], Абдеева Н.А. [14], Полат Е.С. [15] и т.д.

Проведенный анализ работ в этой области позволил установить, что проблема формирования информационной профессиональной культуры будущего специалиста средствами информационного образовательного пространства вуза является недостаточно разработанной и изученной в педагогике.

Необходимость создания единого информационного пространства в СКИ ВГУЮ (РПА Минюста), как и в других высших учебных заведениях, обусловлена, с одной стороны, повышением требований к качеству правовой информации и юридического образования в контексте текущей реформы образования РФ, а с другой, информатизацией в области юридического образования [26-28]. Одним из основных направлений информатизации в правовой сфере, согласно Концепции правовой информатизации России, является информатизация правового образования и воспитания [28].

Таким образом, применение новых информационных и телекоммуникационных технологий и создание ЕИП ВУЗа являются в современных условиях развития информационного общества одним из ключевых факторов модернизации системы высшего образования. Создание ЕИП СКИ ВГУЮ (РПА Минюста) позволит повысить

уровень информационной культуры профессиональной деятельности будущих юристов.

Формирование целей статьи (постановка задания).

Целью исследования является выявление условий формирования единого информационного образовательного пространства вуза как фактора формирования информационной профессиональной культуры будущего специалиста.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Одним из наиболее важных государственных стратегических направлений развития общества, на сегодняшний день, является проблема информатизации образования. Содержание и качество образования, его доступность, соответствие потребностям конкретной личности в решающей степени определяют состояние интеллектуального потенциала современного общества.

Согласно Государственной программе реформирования системы образования в Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 годы» основными целями информатизации образования являются создание и развитие в Российской Федерации единой образовательной информационной среды, обеспечивающей единство образовательного пространства на всей территории России [27].

ЕИП ВУЗа – это набор баз данных и баз знаний программного и аппаратного обеспечения для их обслуживания и использования, локальных компьютерных сетей и телекоммуникационных систем для передачи данных, функционирующих в соответствии с общепринятыми правилами формирования, формализации, систематизации, хранения и передачи информации [5].

Таким образом, ЕИП ВУЗа включает в себя:

- информационные ресурсы, содержащие данные, информацию и знания;
- организационные структуры, обеспечивающие сбор, обработку, хранение, распространение информации;
- средства информационного взаимодействия, в том числе программные, технические и документальные, обеспечивающие доступ к информационным ресурсам с помощью соответствующих информационных и телекоммуникационных технологий [1].

Основная цель создания ЕИП ВУЗа – предоставить сотрудникам и студентам объективную, надежную и актуальную информацию, которая обновляется в режиме реального времени и создает условия для удовлетворения их потребностей в непрерывном развитии, в получении высококачественных знаний, развитии общекультурных и профессиональных компетенций [2,3].

Создание ЕИП ВУЗа – это сложная организационная и техническая задача, которая требует больших как материальных, так и финансовых затрат. При выполнении этой задачи необходимо учесть весь комплекс технологических, социально-экономических и правовых аспектов информатизации вуза [6,7].

Процесс создания ЕИП СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России) должен начинаться с формирования единой информационной среды, что обеспечит доступ к образовательным, информационным и научным ресурсам программного комплекса.

Единая информационная среда СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России) должна соответствовать:

- «Концепции создания интегрированной автоматизированной информационной системы Министерства Образования России» [29],
- «Требованиям к отраслевой информационной системе сферы образования Российской Федерации» [30],
- Отраслевому стандарту Госкомвуза РФ «Информационные технологии в высшей школе» [31],
- «Концепции информатизации Министерства Юстиции Российской Федерации» [32].

На наш взгляд, решение последней задачи и предполагает разработку ЕИП СКИ ВГУЮ (РПА Минюста

России) и рекомендаций по ее использованию.

Конечной целью создания единой информационной среды вуза является повышение качества подготовки специалистов и уровня научных и теоретических разработок в области права [8].

Формирование и развитие ЕИП СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России) позволит решить следующие основные задачи:

- обеспечение преподавателей СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России) и студентов информацией, необходимой для их педагогической деятельности, научной работы и обучения;
- создание и поддержание уровня информационного потенциала, который необходим для устойчивого и динамичного развития СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России);
- повышение уровня правосознания сотрудников и студентов путем предоставления им свободного доступа к нормативно-правовым документам;
- повышение научной и общественной активности преподавателей и студентов путем предоставления равной с государственными структурами возможности пользоваться открытой научно-технической, социально-экономической, общественно-политической информацией, а также информационными государственными фондами в сфере образования, культуры и т.д. [27];
- повышение качества подготовки специалистов в области права;
- интеграция с региональным, федеральным информационным пространством.

Информатизация образования является необходимым условием перехода страны на инновационный путь развития и повышения качества подготовки специалистов на основе развития и использования информационно-коммуникационных технологий [9-10].

Информатизация образования предусматривает:

- повышение скорости доступа высших учебных заведений к Интернету;
- проведение курсов повышения по использованию информационных технологий в профессиональной деятельности для преподавательского состава;
- оснащение рабочих мест современной компьютерной техникой и подключение их к сети Интернет;
- обеспечение эффективного использования студентами и педагогами информационных образовательных ресурсов не только России, но и мирового сообщества;
- развитие электронных образовательных Интернет-ресурсов нового поколения, включая культурно-познавательные, образовательные сервисы, системы дистанционного общего и профессионального обучения.

На сегодняшний день, невозможно представить образовательный процесс без использования возможностей Интернет-ресурсов нового поколения [2].

Согласно Самерхановой Э.К. автору работы [13] образовательный Интернет-ресурс – это целостная, поименованная, взаимосвязанная, единая системно организованная совокупность, которая включает в себя и общеобразовательные формализованные и профессионально значимые знания, и средства организационно-методического обеспечения образовательного процесса, и средства для их автоматизированного хранения, накопления и обработки.

Современные Интернет-ресурсы должны отвечать потребностям пользователей в различных аспектах и сферах образовательной деятельности. В рамках существующей сетевой инфраструктуры ВГУЮ (РПА Минюста России) предоставляется следующий набор сетевых сервисов:

- доступ к ресурсам Интернет;
- доступ к электронной библиотеке образовательных ресурсов университета (liber.gpa-mjust.ru);
- доступ к сайту дистанционного образования (distance.gpa-mu.ru);
- доступ к внутренней системе тестирования;

- авторизованный доступ к компонентам АСУ вуза.
Модернизация и дальнейшее развитие технико-технологической базы существующей информационно-вычислительной системы СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России) должна предусматривать:

- наращивание и своевременное обновление парка компьютеров и оргтехники;
- внедрение в образовательный процесс новейших информационно-телекоммуникационных технологий;
- формирование распределенной системы баз данных, которая будет построена на основе единой технологической базы, включающей в себя все информационные ресурсы СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России);
- создание единой системы баз данных;
- обеспечение доступа пользователей СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России) к единой системе баз данных на основе его функционального разграничения;
- анализ новейших тенденций развития программного обеспечения и использование суперсовременного лицензионного программного обеспечения, что, в свою очередь, увеличит длительность активного функционирования разрабатываемых систем;
- создание баз знаний по различным учебным дисциплинам;
- создание электронных учебников, учебно-методических пособий, рабочих тетрадей для самостоятельной работы студентов, вузовской электронной библиотеки и электронных виртуальных лабораторных практикумов;
- систематическое обучение преподавательского состава и сотрудников научно-исследовательских лабораторий СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России) основам использования новых информационных технологий;
- дальнейшая модернизация существующей в виде отдельных фрагментов автоматизированной системы управления институтом и создание единой информационной среды института;
- обеспечение требований безопасности информации и режима секретности.

Создание единой информационной среды СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России) предусматривает несколько этапов, на первом из которых уже реализованы следующие подсистемы:

- «Учебно-методическое обеспечение и планирование учебного процесса»;
- «Планирование и проведение текущего и семестрового контроля»;
- «Кадры»;
- «Деканат»;
- «Заработная плата»;
- «Сведения о студентах»;
- «Абитуриент»;
- «Нормативно-правовая поддержка» (на базе справочно-правовых систем «Консультант плюс» и «Гарант»).

Создание информационного образовательного пространства СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России) в первую очередь направлено на реализацию стратегической задачи, повышение уровня информационной культуры профессиональной деятельности будущих юристов в условиях информатизации образования.

Информатизация образования предусматривает создание различных технологических платформ для дистанционного, электронного обучения в целях повышения доступности качественных образовательных услуг и разработку компетентностно-ориентированных, личностно-развивающих комплексов образовательных программ [13].

Проблема формирования информационной профессиональной культуры будущего специалиста не сводится только к способности работать с различными информационными ресурсами и технологиями, применять основные методы, способы и средства получения, хранения, поиска, систематизации, обработки и передачи

информации [2].

При изучении учебной информации студент должен подходить к ее выбору и осмыслению с позиций новизны, актуальности и значимости в его будущей профессиональной деятельности.

Содержание информационного образовательного пространства должно не только расширять представления студентов в конкретной предметной области, но и создавать предпосылки осознания необходимости дальнейшего саморазвития в профессиональной сфере. Эффективность этого процесса будет зависеть от общего уровня информационной, правовой культуры студентов [14].

С этой целью нами был реализован формирующий информационную профессиональную культуру будущего специалиста педагогический эксперимент среди студентов 1 и 2 курса СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России), в ходе которого были задействованы три группы: две экспериментальные (25 и 27 человек) и одна контрольная (23 человека).

В этих группах был организован интенсивный, углубленный образовательный процесс, отличающийся профессиональной информационной насыщенностью теоретического материала, ориентированный на глубину изучаемой дисциплины и решение профессионально-ориентированных задач.

С целью удовлетворения профессионально-познавательных потребностей студентов, формирования общекультурных и профессиональных компетенций нами использовались различные инновационные методы и формы обучения: проблемные лекции, кейс-задачи, «мозговой штурм», дискуссии, круглые столы, имитационные лабораторные занятия, консультации, самостоятельная и кружковая работа.

В ходе формирующего эксперимента проводился промежуточный контроль, затем при завершении эксперимента, был проведен итоговый контроль, которые выявили высокие результаты усвоения фундаментальных знаний студентами данных групп.

Таким образом, непрерывное личностно-ориентированное профессиональное обучение студентов, посредством включения студентов в информационно-образовательную деятельность, позволило сформировать у студентов информационную профессиональную культуру будущего специалиста.

А в перспективе это позволит выпускать высококвалифицированных специалистов.

Таким образом, в заключении можно сделать вывод и определить перспективы дальнейших исследований в данном направлении:

Одним из важнейших составляющих факторов интеграции всех компонентов образовательного континуума высшего учебного заведения в единое информационное образовательное пространство является профессиональная ориентация образовательной деятельности, которая проявляется в преимуществе целей развития и саморазвития личности студентов, раскрытия их потенциальных возможностей.

Преподавателям вузов необходимо делать акцент не только на анализ содержания учебной деятельности, но и на проблему ее адекватного формирования у студентов (особенно на младших курсах).

Как показывают проведенные исследования, при интуитивном формировании учебной деятельности студенты слабо дифференцируют ее компоненты от конкретного содержания учебного материала и ситуаций его усвоения. До 70% студентов первого курса не систематизируют учебный материал для его лучшего усвоения.

Создание ЕИП СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России) позволит подняться на качественно новую ступень развития образования, модернизировать и эффективно использовать все имеющиеся инновационные возможно-

сти, предоставляемые новейшими информационными технологиями, и тем самым, повысить качество подготовки будущих юристов.

В связи с постоянным прогрессом информационных технологий необходимо постоянно совершенствовать информационное образовательное пространство вуза. Таким образом, эта проблема модернизации ЕИП ВУЗа в современных изменяющихся условиях может стать предметом дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Иванов В.А., Соловьев В.М. О концепции формирования единого информационного пространства университетского комплекса. Инновационные методы и технологии в условиях новой образовательной парадигмы. // Сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. С.52–56.

2. Новикова В.А. Информационное образовательное пространство вуза как фактор формирования информационной профессиональной культуры будущего специалиста: Дис. канд. пед. наук : Рязань, 2009. 200 с.

3. Бейсетаев Д.Б., Султанова Б.К. Создание единого информационного пространства вуза // Молодой ученый. 2015. №23. С.107–110.

4. Степанов В.И., Сафронова Т.И. Информатизация высшего юридического образования // Фундаментальные исследования. 2014. № 8-5. С.1195-1200.

5. Берулава Г.А. Внутривузовское электронное пространство на основе новых образовательных технологий. // Высшее образование в России. 2014. № 12. С.83-89.

6. Желябин П.В. Информационное пространство университета как важный фактор развития образовательного процесса и оптимизации работы вуза // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. №4. С.111-113.

7. Карпик А.П., Твердовский О.В, Середович С.В., Николаев Н.А., Ушаков О.К., Дементьев Ю.В. Единое информационно-образовательное пространство современного университета // Тр. региональная научно-методическая конференция «Единое информационно-образовательное пространство – основа инновационного развития ВУЗа». Новосибирск, 2011. С.14-18.

8. Година Т.А. Исследование инновационных процессов формирования информационного пространства высшего учебного заведения: С использованием зарубежного опыта : Дис. канд. экон. наук : М., 2005. 147 с.

9. Баранова Т.А., Максимова О.А., Фомина А.А. Создание современной информационно-образовательной среды образовательного учреждения // Информатика и образование. Серия: Педагогика. 2007. № 1. С.83-85.

10. Захарова Г.И. Формирование информационной образовательной среды высшего учебного заведения: Дис. Доктора пед. наук : Тюмень, 2003. 412 с.

11. Волкова Т.В. Совершенствование процессов формирования информации для управления вузом на основе интегрированной автоматизированной системы: Дис. канд. тех. наук : Оренбург, 2008. 175 с.

12. Абрасимова М.А., Валиев Ш.З. Управление информационными ресурсами в вузе. // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. 2016. т.16. №2. С.130-133.

13. Самерханова Э.К. Информационно-образовательное пространство: теоретико-методологический аспект / Под ред. Э.К. Самерханова. Н.Новгород: НГПУ, 2011. 129 с.

14. Абдеева Н.А. Формирование культуры профессиональной деятельности будущих юристов в условиях информатизации образования: Дис. канд. пед. наук : Чита, 2011. 169 с.

15. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петров А.Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учеб. пособ. для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров / Под ред. Полат Е.С.. М.: Издательский центр

«Академия», 2010. 214 с.

16. Ликсина Е.В. Образовательный портал - технологическая основа единой информационной образовательной среды // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 164-167.

17. Колобова Е.А., Малецкий Р.В., Чигирева И.В., Полянская Н.А. Анализ информационных процессов подсистемы управления подготовкой научно-педагогических кадров в аспирантуре в составе информационной системы вуза // Вестник НГИЭИ. 2017. № 8 (75). С. 15-25.

18. Аниськин В.Н., Бусыгина А.Л. Социально-технологическая и культурно-просветительская подготовка бакалавров педагогики в холистической информационно-образовательной среде вуза // Самарский научный вестник. 2013. № 4 (5). С. 12-16.

19. Добудько Т.В., Пугач В.И., Бурцев Н.П., Пугач О.И., Тюжина И.В., Данилюков П.А. Формирование информационно-технологической компетентности магистров педагогического образования в контексте развития электронного образовательного пространства педагогического вуза // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 182-188.

20. Костылев Д.С., Саляева Е.Ю., Ваганова О.И., Кутепова Л.И. Реализация требований федерального государственного образовательного стандарта к функционированию электронной информационно-образовательной среды института // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 80-82.

21. Гущина О.М., Аникина О.В. Информационно-образовательная среда формирования индивидуальной траектории подготовки студента // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 2 (11). С. 34-37.

22. Аниськин В.Н., Горбатов С.В., Добудько А.В., Добудько Т.В. Контроль и педагогическая оценка в условиях современной электронной информационно-образовательной среды вуза // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 36-40.

23. Симонова И.Н., Варникова О.В. Информационно-экологическая образовательная среда технического вуза // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2014. Т. 2. № 2 (18). С. 81-87.

24. Матвеева А.В., Кротова Е.А. Реализация возможностей электронной информационно-образовательной среды в экологическом образовании // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 26-28.

25. Ивинская М.С. Повышение качества образования на основе использования электронной информационно-образовательной среды // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 73-75.

26. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 мая 2013 г. № 792-р об утверждении Государственной программы реформирования системы образования в Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 годы».

27. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»

28. Указ Президента РФ от 28.06.1993 №996 (ред.от 22.03.2005) «О Концепции правовой информатизации России»

29. Концепция создания интегрированной автоматизированной информационной системы Министерства образования России. М., 2000.

30. Требования к отраслевой информационной системе сферы образования Российской Федерации 2000 г. // URL: <http://www.informika.ru/text/inftech/iais/-concept.doc>

31. Отраслевой стандарт Госкомвуза РФ. «Информационные технологии в высшей школе. Общие

положения. ОСТ ВШ 01.001-94».

32. Приказ Минюста России от 21.01.2000 №10
«Об утверждении Концепции информатизации Мини-
стерства юстиции Российской Федерации».

Статья поступила в редакцию 17.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 376.2; 376.3

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ПО ДИСЦИПЛИНЕ
«АДАПТИВНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ»

© 2018

Карева Галина Вячеславовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Физическое воспитание и спорт»Брянский государственный технический университет
(241035, Россия, Брянск, б-р 50 лет Октября, 7, e-mail: kareva.galya@mail.ru)

Аннотация. В статье актуализируется проблема корригирующего и компенсаторного потенциала адаптивной физической культуры и спорта в отношении лиц, имеющих различную степень отклонения в состоянии здоровья. Автором выделены основные причины, позволяющие актуализировать психолого-педагогический потенциал адаптивной физической культуры и спорта. Произведен анализ данной проблематики, представленной в психолого-педагогической, психологической и специальной медицинской литературе, а также проанализированы основные концептуальные основания, освещающие прогрессивные стороны деятельностного подхода и непосредственно самой двигательной деятельности для реализации функций компенсаторного, корригирующего и замещающего характера. Автор раскрывает регуляционные императивы адаптивной физической культуры, представленные в принципах реализации дисциплины «Адаптивная физическая культура и спорт», а также дополняет их уточняющими характеристиками, необходимыми при учете особенностей организации учебного процесса в контексте данной дисциплины. Принципы реализации рассматриваемой дисциплины раскрыты не только с позиций двигательной реабилитации лиц с отклонениями в состоянии здоровья, а также улучшения и восстановления физиологических функций, но и с точки зрения влияния на интеллектуальную, личностную и социально-психологическую готовность обучающихся, в которую входит и компонент их волевой готовности. В статье подробно раскрыта специфика задач, решаемых в рамках адаптивной физической культуры, что позиционирует данную учебную дисциплину как результирующий компонент комплексного воздействия, а также различных методических решений, средств, организационных форм и условий педагогического сопровождения по отношению к обучающимся, имеющим различные степени отклонения в состоянии здоровья. Автор рассмотрены примеры методологической и организационной специфики учебных занятий с обучающимися, имеющими отклонения в состоянии здоровья и физических кондиций.

Ключевые слова: адаптивная физическая культура и спорт, учебный процесс, обучающиеся с отклонениями в состоянии здоровья и физических кондиций, принципы организации, методологическая специфика, педагогические задачи, педагогическое сопровождение.

PECULIARITIES OF ORGANIZING THE TRAINING PROCESS ON THE DISCIPLINE
«ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE AND SPORT»

© 2018

Kareva Galina Vyacheslavovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
of the department «Physical culture and sports»Bryansk State Technical University
(241035, Russia, Bryansk, st. 50 old October, 7, e-mail: kareva.galya@mail.ru)

Abstract. The article actualizes the problem of corrective and compensatory potential of adaptive physical culture and sports in relation to persons having a different degree of deviation in health status. The author identifies the main reasons that allow actualizing the psychological and pedagogical potential of adaptive physical culture and sports. The analysis of this problem presented in the psychological-pedagogical, psychological and special medical literature is analyzed, as well as the main conceptual bases that illuminate the progressive aspects of the activity approach and directly the motor activity itself for the realization of compensatory, corrective and replacement functions. The author reveals the regulatory imperatives of adaptive physical culture, presented in the principles of implementing the discipline “Adaptive physical culture and sport”, and also supplements them with specifying characteristics that are necessary in view of the peculiarities of the organization of the educational process in the context of this discipline. The principles of the implementation of the discipline in question are disclosed not only from the standpoint of motor rehabilitation of persons with disabilities in the state of health, but also the improvement and restoration of physiological functions, but also in terms of influencing the intellectual, personal and socio-psychological readiness of students, readiness. In the article the specificity of tasks solved within the framework of adaptive physical culture is described in detail, which positions this educational discipline as the resultant component of the complex impact of various methodological solutions, means, organizational forms and conditions of pedagogical support in relation to students having different degrees of deviation in health status. The author examines examples of methodological and organizational specifics of training sessions with students who have deviations in health status and physical condition.

Keywords: adaptive physical culture and sport, educational process, students with disabilities in health and physical condition, principles of organization, methodological specifics, pedagogical tasks, pedagogical support.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Общеизвестно, что ритм и условия современной жизни человека отражаются на его здоровье. Нехватка времени, осуществление деятельности в заданном лимите, а также экологическая ситуация окружающей среды подрывают ресурсы организма, неблагоприятно сказываясь не только на физическом, но и психическом аспекте здорового состояния организма. Такого рода ситуация губительна не только для взрослых, она нещадно отражается на подрастающем поколении и молодежи.

Формулирование целей статьи. Отечественная психолого-педагогическая наука в настоящее время говорит о том, что для человека с любым видом отклонения от возрастной и функциональной нормы развития можно сформировать условия, которые обеспечили бы положительную динамику в его развитии, а также эмоциональ-

ное благополучие и скорейшую социальную адаптацию. Огромная роль в решении данной проблемы принадлежит потенциалу адаптивной физической культуры.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы. Многие ученые психолого-педагогических и медицинских отраслей отмечают, что отклонениях физического, психического и психофизиологического характера (нарушения слухового и зрительного анализаторов, ограничения в работе опорно-двигательного аппарата, отклонения в психическом развитии и др.) специально организованный процесс физической культуры и спорта, реализующий функции адаптационного плана, с адекватным дозированием физической нагрузки не только оказывает положительное коррекционное воздействие на организм человека с отклонениями в состоянии здоровья, но и способствует компенсаторной перестройке [1; 2; 3].

В своих работах в более раннее время об этом упоминали Б. Г. Ананьев, П. Ф. Лесгафт, Л. С. Выготский, Т. А. Власова, А. Р. Лурия, М. С. Певзнер, Л. К. Семенова и др. [4, 150; 5; 6; 7, 64].

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Адаптивная физическая культура, ее корригирующий потенциал, направленный на сопровождение психофизического, психологического и психолого-педагогического организации образовательного процесса обучающихся рассматриваемой категории, обеспечивает стабильность функциональной компенсаторной перестройки сохраненных анализаторов, которые играют весомое значение в замещении, а также восполнении функционала нарушенных. Перестройка данного характера опосредована активизацией использования деятельностного подхода в двигательной деятельности, включающей специально подобранные физические упражнения, подвижные игры, а также методологические подходы, приемы и средства, составляющие специально организованные учебные виды адаптивной физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности [8].

Учитывая особенности организации учебного процесса по дисциплине «Адаптивная физическая культура и спорт», необходимо понимать, что, данная категория лиц является достаточно неоднородной. Однако, на первом плане состояния их уровня развития признается замедленность становления эмоционально-личностных характеристик, произвольной поведенческой и двигательной регуляции, а также задержанное развитие различных сторон познавательной деятельности. В связи с этим при осуществлении образовательного процесса в контексте данной дисциплины следует особое внимание уделять принципам организации и сопровождения физического развития и физического совершенствования лиц данной группы. Среди таких принципов выделяют следующие:

- *принцип своевременного диагностического обследования*, позволяющий учесть совокупность всевозможных соответствующих отклонений в развитии таких лиц, что является просто необходимым условием успешной коррекции и реабилитации в процессе освоения потенциала адаптивной физической культуры и спорта;

- так же следует отметить важность *принципа комплексного подхода* к осуществлению диагностических мер: необходимо учитывать результаты различных сторон обследования (физические, физиологические, психофизиологические, нейрофизиологические, биохимические и многие другие). Результаты данных исследований помогают выявить ведущие нарушения в физическом и психофизиологическом развитии, чем достаточно облегчают коррекционно-развивающую деятельность в процессе реализации потенциала адаптивной физической культуры и спорта;

- методология особенностей реализации учебного процесса в контексте адаптивной физической культуры базируется на регуляции своего инструментария в соответствии с *принципами целостности и конкретности*. Это является важным моментом при определении уровня физического и психофизиологического развития обучающегося и коррекции его развития. Преподавателю дисциплины важно оценить степень обучаемости таких лиц, возможность усвоения им знаний и способов действий в рамках дисциплины «Адаптивная физическая культура и спорт». В связи с этим необходимо проведение педагогических наблюдений за деятельностью обучающегося в рамках данной дисциплины, его поведением в различных ситуациях, умением контактировать с окружающими, а также оценить адекватность его реакций на замечания преподавателя, одобрения, неудачи в деятельности и пр.

- особое значение при организации учебного процесса по адаптивной физической культуре отводится *принципам индивидуализации и дифференциации*, что позволяет

выработать индивидуальные образовательные маршруты для лиц соответствующих категорий при использовании адаптированных методологических инструментов, включая методическое руководство в работе и методы педагогической оценки. Это позволяет более достоверно оценить динамику в развитии лиц с отклонениями в состоянии здоровья в процессе освоения дисциплины «Адаптивная физическая культура и спорт»;

- деятельность преподавателя в процессе реализации адаптивной физической культуры также строится по *принципу интеграции*, так как с самого начала коммуникативное поведение является процессом интегративного характера. Формирование коммуникативного поведения и развитие двигательных функций тесно взаимосвязаны. Поэтому диагностика данных видов деятельности имеет важное диагностическое значение и играет особую роль в формировании адаптации лиц данной категории к процессу обучения.

Учет вышеизложенных принципов в процессе организации учебного процесса по дисциплине «Адаптивная физическая культура и спорт» позволяет учесть не только физическую и психофизиологическую составляющую в развитии лиц с отклонениями в состоянии здоровья (далее ОВЗ), но и влиять на интеллектуальную, личностную и социально-психологическую готовность обучающихся, в которую входит и компонент волевой готовности [9].

При учете особенностей организации учебного процесса в рамках рассматриваемой нами дисциплины необходимо помнить, что основными задачами данного воспитательно-образовательного процесса следует рассматривать такие как:

- коррекционное воздействие с целью восстановления отклонений в развитии;

- восстановление здоровья обучающихся;

- восстановление нарушенных функций организма;

- нормализация двигательной активности и обмена веществ;

- предупреждение процесса мышечной атрофии, а также профилактика контрактур и нарушений функций опорно-двигательной системы;

- формирование навыков самостоятельного обслуживания и саморазвития на фоне общего укрепления, восстановления здоровья при условии выработки навыков здорового образа жизни;

- совершенствование уровня физического развития, функционального состояния, а также двигательных способностей;

- формирование способности к адаптации в условиях реализации дисциплины «Адаптивная физическая культура и спорт», включая и социальную адаптацию обучающихся;

- отбор лиц с ОВЗ, способных к участию в соревнованиях различного уровня [10, 457].

Спектр подобных задач позволит рассматриваемой нами дисциплине выступать в рамках учебного процесса в качестве результирующего концепта комплексного воздействия различных методических решений, средств, организационных форм и условий педагогического сопровождения по отношению к обучающимся, имеющим различные степени отклонения в состоянии здоровья [11-17].

Также необходимо отметить, что специфика организации учебного процесса по адаптивной физической культуре связана с комплектованием учебных групп на основе индивидуальных особенностей здоровья обучающихся. Например, для обучающихся с нарушением речи целесообразным будет реализация следующих методологических аспектов организации учебного процесса:

- объяснения и разъяснения (с использованием показа, частичного показа, синхронного показа, самостоятельного показа по словесному образцу, группового показа, частичного показа и т.д.);

- наблюдения, иллюстративной демонстрации (реаль-

ного объекта в реальных условиях, реального объекта в групповых условиях, видеопоказ и т.д.);

-практический метод (игровые упражнения, синхронное выполнение целого или части упражнения, частичный показ, самостоятельный показ целого или части упражнения, придумывание упражнения, и т.д.);

-применение игрового метода на занятиях будет выражаться в разнообразии и вариативности работы [18].

Количество учебных занятий, как правило должно быть регламентировано учебным планом в зависимости от специфики обучения (учебная группа, направление подготовки и пр.) [19-24].

Говоря о специфике организации учебного процесса в контексте рассматриваемой дисциплины следует упомянуть, что также возможно и разработка индивидуальных учебных планов с индивидуальным графиком посещения учебных занятий. При организации учебного процесса с обучающимися, имеющими отклонения в состоянии здоровья, особенно важен подбор специфических средств адаптивной физической культуры и спорта: специальных упражнений, оценочных средств, игровых приемов, элементов спортивных игр и прочих доступных видов при ограничении возможностей здоровья и физических кондиций [25].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, проблема интегрированного образования сегодня сложна и дискуссионна.

Основная ее идея лежит, как в плоскости проблем коррекционно-развивающей и социально-адаптационной деятельности в отношении лиц с ограничением физических кондиций, так и формировании толерантного отношения в современном социуме к лицам с ограниченными возможностями здоровья.

Данная проблема является поистине проблемой социального характера, так как подразумевает соприкосновение с судьбами и интересами большого количества обучающихся, включенных в различные социальные группы [26].

Цель и задачи адаптивной физической культуры и спорта в отношении лиц данной категории составляют основные тенденции будущего общества, так как физическое, психическое и социальное здоровье людей очень важны для нации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Маллаев, Д. М. Адаптивная физическая культура в системе специального и инклюзивного образования / Д. М. Маллаев, Г. А. Магомедов // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. – 2015. – № 3 (32). – С. 31-36.

2. Строгова, Н. А. Адаптивная физическая культура в системе комплексной реабилитации и социальной интеграции инвалидов / Н. А. Строгова // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 169-171.

3. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». – 1999.

4. Семенов, В. Н. Дополнительное физкультурное образование для лиц с ограниченными возможностями здоровья как фактор социальной интеграции / В. Н. Семенов // Ученые записки РГСУ. – 2013. – № 2 (114). – С. 149-152.

5. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: В 2 т. Т. I, II / Б. Г. Ананьев. – М.: Педагогика, 1980. – 286 с.

6. Власова Т. А. О детях с отклонениями в развитии [Электронный ресурс] / Т. А. Власова, М. С. Певзнер. – М., 1973. – Режим доступа: http://pedlib.ru/Books/6/0192/6_0192-1.shtml

7. Выготский Л. С. Игра и её роль в психологическом развитии ребенка / Л. С. Выготский // Вопросы психологии. – 1966. – № 6. – С.62-76.

8. Маллаев, Д. М. Психолого-педагогические предпосылки по восполнению дефицита нравственного и физического развития слепых и слабовидящих детей в Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

игре / Д. М. Маллаев // Дефектология. – 1993. – № 5. – С. 38-42.

9. Нурзулаев, С. Б. Аспекты социальной адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья средствами физической культуры и спорта / С. Б. Нурзулаев, И. Н. Сафронова, Н. А. Петухов // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 5 (120). – С. 154-159.

10. Бобровский, Е. А. Адаптивный спорт и физическая культура как метод реабилитации инвалидов / Е. А. Бобровский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 4 (Часть 2). – С. 456-459.

11. Алферова, Г. В. Новые подходы к коррекционно-развивающей работе с детьми, страдающими ДЦП / Г. В. Алферова // Дефектология. – 2001. – №3. – С. 10.

12. Гилевич, И. М. Если ребенок со сниженным слухом учиться в массовой школе / М. И. Гилевич, Л. И. Тигранова // Дефектология. – 1995. – №3. – С. 39.

13. Соломахина Т.Р. К проблеме познавательной самостоятельности студентов в образовательном процессе по физической культуре // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 110-111.

14. Гараненко, А. Власти составили прайс-лист московских школьников / Известия от 12 января 2006 года, московский выпуск № 03 / 27044 [Электронный ресурс] / А. Гараненко // Режим доступа: http://izvestiya.ru/moscow/3051575_print

15. Коровин С.С., Малорощило Л.Н. Ценности физической культуры: структура, характеристика // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 287-293.

16. Иванова Т.Н. Социоэкологический потенциал физической культуры и спорта в жизни современного человека // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 149-151.

17. Васюкова В.А., Воробьева И.В., Коваленко Н.П., Куштова М.Х. Инновационная деятельность в сфере физической культуры и спорта как неотъемлемая часть элемента национальной экономики // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 68-73.

18. Громова, О. А. Образовательная сегрегация [Электронный ресурс] / О. А. Громова // Русский журнал. – Режим доступа: www.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20010823

19. Инновации в Российском образовании. Специальное (коррекционное) образование. Аналитический обзор. Сборник. М.: Управление специальным образованием Министерства общего и профессионального образования РФ, 2001.

20. Сводина, В. Н. Интегрированное воспитание дошкольников с нарушением слуха / В. Н. Сводина // Дефектология. – 1998. – №6. – С. 38.

21. Русакова Н.Г. Научно-методические подходы к формированию физического качества «быстрота» на занятиях физической культурой студентов в высших учебных заведениях // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 214-216.

22. Шевченко, С. Г. Организация специальной помощи детям с трудностями в обучении в условиях дошкольных учреждений, комплексов «Начальная школа – детский сад» / С. Г. Шевченко // Дефектология. – 2000. – №6. – С. 37.

23. Щербакова, А. М. Проблемы трудового обучения и профессиональной подготовки учащихся вспомогательной школы / А. М. Щербакова // Дефектология. – 1996. – № 4. – С. 24.

24. Популо Г.М., Назаренко Н.Н. Социальная значимость и роль подвижных игр на занятиях физической культурой в начальной школе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 155-158.

25. Щеголь В. И. Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса гимназии

/ В. И. Щеголь // Фундаментальные исследования. – 2008. – № 9. – С. 89-91. – Режим доступа: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=3752>

26. Ярская, В. Н. Социальная политика в контексте глобализации / В. Н. Ярская // Статьи российских социологов для участников русского форума на XV всемирном конгрессе социологов в Брисбейне, Австралия, 7-13 июля. РИЦ ИСПИРАН. – М. 2002. – С. 140-145.

Статья поступила в редакцию 25.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 378.046.2

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА ПРИ ПОДГОТОВКЕ
ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН К ОБУЧЕНИЮ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

© 2018

Козловцева Нина Александровна, ассистент Департамента языковой подготовки
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49 e-mail: nina_kozlovitseva@mail.ru)

Аннотация. Современными геополитическими и социокультурными условиями развития России диктуется необходимость повышения престижности российского образования (в первую очередь, высшего) за рубежом. Результатом данной деятельности становится постоянный рост количества иностранных абитуриентов российских вузов. Несомненно, специфика русского языка и культуры определяют необходимость языковой и социокультурной адаптации данной категории учащихся. Для этой цели при российских вузах создаются подготовительные факультеты, задачей которых является знакомство иностранных граждан с языком и культурой России, а также максимальное нивелирование различий российской и зарубежных образовательных программ. Срок обучения на таких факультетах составляет 10 месяцев. Для достижения ставящихся перед профессорско-преподавательским составом данных факультетов задач представляется необходимым использование междисциплинарного подхода, объединяющего в единое образовательное пространство изучение русского языка и специальных предметов. На сегодняшний день данное обучение слабо синхронизировано или же преподаватели русского языка подстраивают планы своих уроков под программу специальных предметов, однако отклика со стороны специалистов практически нет. Реализация же эффективного междисциплинарного подхода, способствующего эффективному освоению слушателями учебной программы, заключается в коллаборации и сотрудничестве преподавателей русского языка и специальных дисциплин. Модель такого взаимодействия представлена на примере урока по Истории России.

Ключевые слова: экономика знаний, образование, междисциплинарный подход, высшее образование, дополнительные общеобразовательные программы, подготовительный факультет, образование иностранных граждан, русский язык как иностранный.

IMPLEMENTATION OF AN INTERDISCIPLINARY APPROACH IN THE PREPARATION
OF FOREIGN CITIZENS TO STUDY IN RUSSIAN UNIVERSITIES

© 2018

Kozlovitseva Nina Aleksandrovna, assistant of the Department of Language training
Financial University under the Government of Russian Federation
(125993, Moscow, Leningradsky Prospekt, 49, e-mail: nina_kozlovitseva@mail.ru)

Abstract. Modern geopolitical and sociocultural conditions for the development of Russia dictate the need to increase the prestige of Russian education (above all, higher education) abroad. The result of this activity is an increase in the number of foreign applicants in Russian universities. Undoubtedly, the specifics of the Russian language and culture determine the need for linguistic and socio-cultural adaptation of this category of students. For this purpose, Russian universities create preparatory faculties aimed at acquainting foreign citizens with the language and culture of Russia, as well as maximizing the differences between Russian and foreign educational programs. The term of study at such faculties is 10 months. To achieve the tasks of this faculties, it seems necessary to use an interdisciplinary approach that unites the study of the Russian language and special subjects into a single educational space. Today, this training is poorly synchronized, or the Russian language teachers are adjusting the plans of their lessons for a special subjects program, but it practically have no response from specialists. Realization of an effective interdisciplinary approach, which contributes to the effective mastery of the academic program by students, is the collaboration and cooperation of teachers of the Russian language and of special disciplines. The model of such interaction is presented on the example of the lesson on the History of Russia.

Keywords: knowledge economy, education, interdisciplinary approach, higher education, additional educational programs, preparatory faculty, education of foreign citizens, Russian as a foreign language.

Современное образование переживает сегодня принципиально новый этап своего развития. В частности, это обусловлено трансформацией образовательной парадигмы, поставившей во главу угла потребности учащегося. Данные потребности в глобализирующемся и постоянно меняющемся мире уже не могут быть связаны только с одной сферой знания, поэтому на первое место при разработке образовательных программ и проведении научных исследований выходит *междисциплинарный подход*. Более того, многие отрасли научного знания уже сегодня являются принципиально междисциплинарными (например, культурология, межкультурная коммуникация, нейробиология и др.).

Проблемам *междисциплинарности* в образовании на сегодняшний день посвящается значительное количество исследований. В сфере высшего образования особенности реализации междисциплинарного подхода исследовались А.В. Корневским и И.М. Узнардовым [1], Н.В. Мавриной [2], А.К. Мартеллером [3], Л.М. Мосоловой [4] и др. Применительно же к подготовительным факультетам для иностранных граждан, с одной стороны, встроенным в систему высшего образования, а с другой стороны, реализующим дополнительные общеобразовательные программы, применение данного подхода не исследовалось.

В связи с вышесказанным *целью* данной статьи является определение перспектив и принципов реализации

междисциплинарного подхода на подготовительных факультетах российских вузов, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц к получению высшего образования в России.

Как известно, современный этап общественного развития характеризуется переходом к постиндустриальному (информационному) обществу [5-8], характеризующемуся повышением значения информации и трансформации её в ключевую ценность человечества. Данное общество формирует собственную экономику – экономику знаний, в которой знания играют решающую роль, а производство знаний становится источником развития. Главным же фактором становления такой экономики является человек, накапливающий знания, создающие в совокупности интеллектуальный капитал [9-10]. Последний же, как известно, является значимой частью человеческого капитала, на который, по данным Всемирного банка, сейчас приходится более 64% общего богатства в 192 странах мира [11, с.46-47].

Из сказанного следует, что высококачественное образование сегодня – это один из драйверов развития экономики знаний. Российское же образование (особенно высшее), по данным последних международных исследований, считается весьма престижным. Если в 2016 году Россия занимала 20 место в рейтинге агентства Portland по уровню образования, то в 2017 году она поднялась на 15 место в мире. Данный рейтинг учитыва-

ет показатели уровня университетов страны и научных результатов её исследований, количество иностранных студентов, обучающихся в стране, а также количество программ международных обменов студентами, участие в международных стипендиальных программах и т.д. По данным же рейтинга лучших стран для получения образования, составленного изданием US News & World Report, Российская Федерация находится на 22 месте в мире [12].

Безусловно, престижность российского образования привлекает в Россию иностранных граждан, которых с каждым годом становится всё больше. Так, по данным 2017 года, их количество составило более 260 тыс. человек, а к 2025 году, по прогнозам, эта цифра увеличится вдвое и составит 437 тысяч человек [13].

Несомненно, сам процесс получения образования в обществе, целью которого является постоянное накопление и развитие знаний, не может оставаться неизменным. Развитие Интернет-технологий способствовало, в одной стороны, увеличению объёма доступных знаний, а с другой, упростило способы их получения. В связи с этим ключевой характеристикой образования в век экономики знаний становится *междисциплинарность*, позволяющая усваивать большие объёмы информации за меньшие периоды времени, а также легче приспосабливаться к постоянным изменениям в мире, которые зачастую касаются и сферы научного знания. Иными словами, междисциплинарный подход в образовании «обеспечивает информационно-знаниевую проводимость образовательной среды, ее прозрачность, преемственность, соответствие и совместимость» [14, с.98].

Общезвестно, что краеугольным камнем любого образования является язык передачи знаний. В современных глобализационных, миграционных и геополитических условиях роль русского языка значительно возросла. Это связано с пониманием роли культуры и истории народа как драйверов его развития, с необходимостью ведения эффективного межнационального и межкультурного диалога как на территории России, так и на международной арене. Иными словами, согласно последним государственным документам, укрепление позиций русского языка в России и мире сегодня рассматривается в качестве «стратегического национального приоритета РФ» [15].

Являясь же одним из труднейших языков в мире, русский язык как язык российского образования может представлять трудность для иностранных граждан. В связи с этим, иностранцы, прибывающие в нашу страну для получения образования, нуждаются в языковой и социокультурной адаптации. На решение данной задачи направлена деятельность подготовительных факультетов российских вузов, реализующих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке [16].

На сегодняшний день существует пять основных профилей подготовки иностранных граждан на подготовительных факультетах (в зависимости от профиля будущего образования). Это: естественно-научный, инженерно-технический, экономический, гуманитарный и медицинский профили. Соответственно, в рамках каждого из них слушатель помимо русского языка изучает ряд специальных дисциплин. На естественно-научном – математику, физику и химию, на инженерно-техническом – математику, физику и информатику, на экономическом – математику, историю и обществознание, на гуманитарном – обществознание, историю и литературу, на медицинском – химию, биологию и физику [16]. Изучение специальных предметов преследует цель нивелирования различий образовательных программ разных стран, а также обучение иностранных слушателей языку специальности.

Ставящиеся перед профессорско-преподавательским составом Подготовительных факультетов масштабные

задачи не только подготовки абитуриента, способного обучаться на русском языке в русскоязычной аудитории (т.к. большинство вузов не открывает отдельные учебные группы для иностранных слушателей, в связи с чем они обучаются на одном потоке с российскими студентами), но и человека, способного создавать научные тексты, проводить исследования по своей специальности на русском языке, не всегда полноценно реализуются на практике. При этом срок подготовки слушателя на подготовительном факультете «с нуля» составляет 10 месяцев, за которые он должен достигнуть значительных результатов.

Ситуация осложняется тем, что основная масса слушателей таких факультетов является представителями стран Азии (Китая, Вьетнама, Южной Кореи), родной язык которых значительно отличается от русского.

В связи с этим достижение поставленных целей становится возможным только при тщательном планировании учебного процесса с применением междисциплинарного подхода, в рамках которого должно осуществляться тесное взаимодействие преподавателя русского языка и преподавателей специальных предметов.

Междисциплинарность должна заключаться во взаимопроникновении изучения русского языка и специальных предметов. С одной стороны, обучение русскому языку должно быть подчинено задачам развития навыков чтения и аудирования на русском языке не только бытовых, но и профессиональных текстов, изучению специальной лексики и грамматических конструкций, свойственных научному стилю русского языка.

С другой стороны, преподавателями предметниками должна учитываться специфика обучающихся, заключающаяся в:

- значительном зачастую различии образовательных программ разных стран (что приводит к непониманию базовых понятий изучаемой науки даже на родном языке);

- недостаточно свободном владении русским языком, что требует особого отбора лексико-грамматических средств и использования сниженного темпа речи (согласно государственным требованиям, по окончании Подготовительного факультета слушатель должен достичь Порогового уровня владения русским языком, что подразумевает знание 2300 слов и специальной лексики при среднем словарном запасе носителя русского языка в 4500 слов) [16];

- возрасте учащихся (хотя программы подготовительного факультета рассчитаны на подготовку как к программам бакалавриата, так и к программам магистратуры и аспирантуры, основная масса слушателей готовится к поступлению именно в бакалавриат, что соответствует по возрасту и уровню знаний выпускникам российских школ, в связи с чем требуется дополнительный отбор и иные методики подачи материала).

Продемонстрируем принципы реализации предлагаемого нами междисциплинарного подхода на примере разработки и проведения урока по «Истории России» на тему «Киевская Русь».

Подчеркнём, что курс «История России» начинает изучаться ещё в первом семестре обучения на подготовительном факультете, т.е. через 2-3 месяца после начала изучения русского языка. К этому моменту словарный запас слушателя составляет порядка 1000-1200 слов и он ещё не владеет всей грамматической системой русского языка.

Традиционно на подготовительном факультете реализуется следующая методика проведения занятий по специальным предметам: преподаватель русского языка по дополнительному пособию читает со слушателями текст по конкретной теме и отвечает на вопросы к тексту, переводит новые термины. Впоследствии же преподаватель предметник читает слушателям лекцию по названной теме. Данные лекции, как правило, не в достаточной мере адаптируются для иностранной ау-

дирории, т.к. преподаватели специальных предметов не имеют профильного образования в сфере обучения иностранцев и не знакомы с программами русского языка. Это приводит, как правило, к непониманию изучаемого предмета слушателями, к снижению их мотивации, к капитуляции перед непреодолимыми трудностями.

Думается, что диалог между специалистами в сфере обучения русскому языку как иностранному и преподавателями специальных предметов способен нивелировать данные трудности.

Итак, в рамках подготовки к проведению урока «Киевская Русь» преподаватель истории совместно с преподавателем русского языка готовят текст лекции (при этом преподаватель истории контролирует содержательную её часть, а преподаватель русского языка обеспечивает лексико-грамматическую адекватность текста возможностям иностранной аудитории).

Так содержательными моментами темы «Киевская Русь» являются:

- истоки основания государства и происхождение его названия;
- первые Киевские князья;
- религия Киевской Руси (дохристианский период и крещение Руси);
- население Киевской Руси.

По каждому из уроков должен быть разработан словарь специальной лексики, который отрабатывается со слушателями преподавателем-русистом. По данной теме данный список включает такие термины как: князь (княгиня), феодал, крестьянин, править, основать, захватить, язычество, христианство. Помимо этого, выделяются и отрабатываются некоторые конструкции научного стиля, например, «что – это что», «что является чем», «что называется чем» и др.

Также в рамках каждого из содержательных аспектов должен быть подготовлен краткий конспект, тезисно включающий в себя основные факты. Этот план-конспект также демонстрируется и комментируется студентам преподавателем русского языка. Например, способ представления населения киевской Руси продемонстрирован на рисунке 1.

Рисунок 1 – Население Киевской Руси

В свою очередь, способ представления основной информации о правивших князьях отражён на рисунке 2.

После предварительного знакомства с темой преподаватель русского языка даёт слушателям адаптированный и сокращённый текст будущей лекции для самостоятельного ознакомления. При возникновении лексико-грамматических трудностей преподаватель русского языка консультирует слушателей.

После этого лекция проводится преподавателем истории. В рамках лекции преподаватель истории изначально проверяет понимание слушателями базовых терминов урока. При недостаточном понимании он даёт дополнительные объяснения, используя лексику, адекватную уровню владения слушателями русским языком. При понимании базовых понятий преподаватель истории приступает к чтению полного варианта адаптированной для слушателей лекции. При такой подготовке

слушателям будет понятна как основная, так и дополнительная информация.

Рисунок 2 – Князья Киевской Руси

Таким, образом, с нашей точки зрения, только скоординированная работа преподавателя русского языка и преподавателей специальных предметов приведёт к реальному усвоению слушателями материала, а также сформирует стратегию получения новых знаний в высших учебных заведениях и выработает у них соответствующие навыки.

Для эффективной реализации междисциплинарного подхода в рамках обучения иностранцев на подготовительных факультетах требуется также организация специальных курсов повышения квалификации по обучению преподавателей русистов основам предметной сферы, а преподавателей специалистов азам методики преподавания предметов иностранным слушателям.

Поводя итог вышесказанному отметим, что на сегодняшний день обучение на Подготовительных факультетах российских вузов способно стать эффективным и в полной мере достигать поставленных целей, но только при применении ряда усилий как со стороны администрации вузов (организация курсов повышения квалификации, обеспечение условий для качественной работы профессорско-преподавательского состава на Подготовительных факультетах), так и со стороны преподавателей (готовность к изучению нового, к междисциплинарному взаимодействию). Итогом данной работы должны стать не только совместные учебные планы, но и подготовка специальных пособий по предметам, учитывающих как содержательную, так и языковую сторону подготовки будущих специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Корневский А. В., Узародов И. М. Модернизация образования: индивидуализация и междисциплинарность // Высшее образование в России. 2010. №11. С.113-118
2. Маврина, Н.В. Развитие у студентов вуза культуры деловой переписки: дис. ... канд. пед. наук. – Челябинск, 2005. – С. 48-61.
3. Мартеллер, А.К. Применение междисциплинарного принципа между учебными предметами гуманитарного и психолого-педагогического циклов как условие функционирования системы формирования у будущего учителя правоведческих умений // Развитие профессионального образования на пороге III тысячелетия: Матер. межвуз. обл. науч.-практ. конф., 27 апр. 2000 г. – Челябинск, 2000. – С. 27- 33.
4. Мосолова Л.М. Междисциплинарность гуманитарного образования: философско-онтологические основания // Universum: Вестник Герценовского университета. 2008. №8. С.27-34
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., Академия, 2004, 944 с.
6. Тоффлер Э. Шок будущего, М.: АСТ, 2008. 560 с.
7. Тоффлер Э. Третья волна, М.: АСТ, 2010. 784 с.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И.

Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

9. Becker, Gary S. Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964.

10. Shultz T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968, vol. 6.

11. Степанова Т.Е. Экономика XXI века – экономика, основанная на знаниях // «Креативная экономика» № 4 (16), 2008 г., стр. 43-47.

12. Overall Ranking. The Soft Power 30, 2017. URL: https://softpower30.com/country/russian-federation/?country_years=2016,2017 Дата обращения: 25.02.2018 г.

13. Количество иностранных студентов в России увеличится вдвое // http://mosds.mos.ru/presscenter/news/detail/5619762.html?sphrase_id=111873383

14. Редин Л.В., Иванов В.Г. Междисциплинарность в образовании: проектирование образовательных программ // Инженерное образование, 2012. N20, С. 96-101.

15. Постановление Правительства Российской Федерации «О Федеральной целевой программе «Русский язык» на 2016-2020 г.г.» №481 от 20 мая 2015 г.

16. Требования к освоению дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 3 октября 2014 г. N 1304)

Статья поступила в редакцию 01.02.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

Косогова Анастасия Самсоновна, доктор педагогических наук,
профессор кафедры педагогики

Зайцева Ольга Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры
психологии и педагогики дошкольного образования
Иркутский государственный университет

(664003, Россия, Иркутск, улица К.Маркса, 1, e-mail: yasy_z@mail.ru)

Аннотация. В связи с инновациями в системе дошкольного образования обоснована необходимость обновления представлений о системном подходе, его методах. Выделены два аспекта системного подхода в педагогике: внешний и внутренний. Показано, что структурный и функциональный состав педагогической системы отражают ее внешние аспекты и ориентированы на создание условий для организации и протекания педагогического процесса в его целостности. Внутренние аспекты педагогической системы связаны с характером мыслительных процессов субъектов образования. Дана педагогическая характеристика предпосылок развития системного мышления на этапе дошкольного детства. Представлены теоретические подходы в области дошкольного образования к конструированию знаний, умений и навыков детей дошкольного возраста на основе системного подхода. Системный подход к знаниям и умениям строится на причинно-следственных связях, что дает возможность показать детям взаимосвязи и зависимости в природе, обществе, других областях. Рассмотрена возможность организации взаимодействия с детьми как переход от целого интуитивного образа к его составным частям, выделение значимых связей и отношений между частями, а затем возвращение к целостному представлению об объекте на примере системно-деятельностного, проблемно-диалоговой технологии обучения.

Ключевые слова: внешний и внутренний аспекты системного подхода в образовании, целостность педагогической системы, технологическая карта занятия, направленная на развитие системного мышления, системно-деятельностный подход, проблемно-диалоговая технология обучения.

ASPECTS OF THE SYSTEM APPROACH IN PRESCHOOL EDUCATION

© 2018

Kosogova Anastasia Samsonovna, Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor of the Chair of Pedagogy

Zaytseva Olga Yuryevna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor
of the Preschool Education Pedagogics and Psychology Department
Irkutsk State University

(664003, Russia, Irkutsk, K. Marx St., 1, e-mail: yasy_z@mail.ru)

Abstract. In connection with innovations in the system of preschool education, the necessity to review the system approach ideas and its methods is founded. Two aspects of the system approach in pedagogics are distinguished: external and internal. It is shown that the structure and functions of the pedagogical system reflect its external aspects and are focused on creating conditions for the organization and scenario of the pedagogical process in its integrality. The internal aspects of the pedagogical system are connected with the intellectual process features of the education participants. The psychological characteristics of the preconditions for the development of systemic thinking at the stage of preschool childhood are given. Theoretical approaches in the field of preschool education for the formation of knowledge and skills of preschool children on the basis of the system approach are presented. The system approach to knowledge and skills is built on cause-effect relationships, which makes it possible to show children relationships and dependencies in nature, society and other areas of the world comprehension. The possibility of organizing interaction with children as a transition from a whole intuitive image to its constituent parts, accentuation of the significant links and relationships between parts, and then returning to a holistic comprehension of the object on the example of system-activity and problem-dialogue approaches is considered.

Keywords: external and internal aspects of the system approach in education, the integrality of the pedagogical system, the technological map of a lesson aimed at developing system thinking, the system-activity approach, the problem-dialogue approach.

Системный подход является одним из главных направлений современной методологии педагогики в условиях коренного реформирования не только самой педагогической системы, но и определяющей, и во многом опережающей ее системы непрерывного педагогического образования. Установлено, что потребности реформы современного дошкольного образования, находящегося в состоянии активной модернизации, выдвигает новые требования к системе образования, и, прежде всего, в части применения системного подхода в обучении. Существенное усложнение педагогической практики, коренные изменения в задачах, целях и методах обучения, часто приводят к проблеме множественности подходов в педагогической практике, что, в свою очередь, может привести к нарушению основных принципов системного подхода.

Процесс овладения методологическим знанием с позиций системного подхода – это осознание педагогической теории и практики целостно, с учетом базовых связей и отношений в ее разных аспектах в зависимости от поставленных задач.

Этот процесс может быть связан с осознанием во внешнем аспекте (не связанным с характером мышления отдельного человека) составных элементов системы,

обеспечивающим ее целостность. Кроме этого, всякая система определяется не только составом своих частей, но также порядком и способом объединения этих частей в единое целое, то есть структурой.

Свойства системы зависят от состава и от структуры. Даже при одинаковом составе системы с разной структурой обладают разными свойствами, могут иметь разное назначение. Структурные компоненты педагогической системы выделены Н.В. Кузьминой [1, с.13]. Это: цели обучения и воспитания; субъекты обучения и воспитания (педагоги, воспитанники); объекты обучения и воспитания (также педагоги, воспитанники); осваиваемый опыт – знания, навыки, умения, опыт творческой деятельности, опыт эмоционально-ценностных отношений; средства педагогической коммуникации (методы, приемы, средства обучения и средства проектирования).

Позднее Н. В. Кузьмина определяет педагогическую систему как взаимосвязь структурных и функциональных элементов, подчинённых целям формирования в личности учащегося готовности к самостоятельному, ответственному и продуктивному решению жизненных задач. Функциональные компоненты, в определении Н.В. Кузьминой, – это устойчивые базовые связи основных структурных компонентов, возникающие в

процессе деятельности руководителей, педагогов, учащихся. Они обуславливают движение, развитие педагогических систем и вследствие этого их устойчивость и выживаемость. Автор в педагогических системах выделяет гностический, проектировочный, конструктивный, коммуникативный, организационный функциональные компоненты [2, с. 15].

Положение системного подхода о том, что для достижения каких-либо целей необходимо подбирать или конструировать систему с учетом оснований, по которым она создается, предполагает целесообразность учета по возможности всех сторон, относящихся к свойствам самой системы и к специфике всех условий ее функционирования. Это определяет внешний аспект педагогической системы - окружающая среда: социально-экономическая, культурно-этнографическая, общественно-политическая, экологическая. К элементам системы относятся виды человеческой деятельности, средства массовой информации, деловое и свободное общение, литература, искусство, опыт жизни.

Как могут работать внешние аспекты системного подхода можно увидеть на примере исследования Т.С. Шумейко [3, с. 70]. Автор, опираясь на предложенные Н.В. Кузьминой компоненты педагогической системы, предлагает для формирования компетентности учителя профессионального обучения использование: специализированных лабораторий и баз практики; модульного и задачного подхода; внеучебной творческой деятельности студентов.

Как видим, усилия направлены на создание условий для протекания процесса и на организацию самого процесса. На практике необходимо в заданной автором логике упорядочить свои действия для достижения поставленной цели.

Если обратиться к дошкольному образованию, то системообразующим фактором, определяющим содержательную и функциональную сторону данной системы, является общая цель создания развивающей образовательной среды, которая представляет собой комплекс внешних условий, обеспечивающих социализацию ребенка.

Представленная в таком виде система отражает только ее состав и структуру, но не рассматривает существенные связи между ними. Попытки описать достаточно полно взаимодействия внутри реальной педагогической системы зачастую оказываются чрезмерно сложными.

С большой долей вероятности можно утверждать, что чаще всего реализуется описание педагогической системы как «черного ящика». Внутреннее устройство системы недоступно для полного исследования и осознания, поэтому берем для описания только внешние связи, а именно: что имеем на входе (например, каковы цели для данных субъектов образования) и что должны получить на выходе (каков должен быть образовательный результат).

Двигаясь от интуитивного представления о педагогической системе к более обоснованному пониманию происходящего в ней, последовательно можем раскрыть свойства компонентов систем, такие как: назначение конкретной педагогической системы; состав системы, назначение ее элементов; структура данной системы; взаимодействие системы с окружающей средой.

Далее через моделирование конкретных ситуаций попытаемся выделить оптимальные действия и спрогнозировать ожидаемый результат как системный эффект.

Однако, на наш взгляд, не менее важным для функционирования системы является и внутренний аспект системности, который связан с характером мыслительных процессов субъектов образования (детей, педагогов). В педагогической науке основателями системного подхода считаются Б.Ф. Ломов, Б.Г. Ананьев и др. Они рассматривали системный подход в педагогике в качестве универсального инструмента, способствующего развитию познавательной деятельности воспитанни-

ков. Многочисленные исследования А.П. Усовой, С.Н. Николаевой, В.И. Логиновой, Т.В. Земцовой свидетельствуют о том, что наиболее существенные сдвиги в развитии ребенка являются результатом усвоения не каких-либо отдельных знаний и умений, а, во-первых, определенной системы знаний, отражающей существенные связи и зависимости той или иной области действительности. Например, С.Н. Николаева выделяет причинно-следственную связь в живой природе: зависимость строения тела животного от среды обитания; Т.В. Земцова показывает эту связь в неживой природе: зависимость физического состояния объектов от тепловых воздействий; В.И. Логинова сосредоточивается на общении людей, в частности на ознакомлении с трудом взрослых: преобразование предмета труда в процессе труда в продукт труда, обеспечивающий удовлетворение потребностей людей; Л.А. Парамонова выделяет причинно-следственную связь в конструировании: связь между формой конструируемого предмета и его функций, назначением [4, с. 59].

В данном случае значима в предпринятых исследованиях направленность на развитие у детей дошкольного возраста системного мышления, как неперемного условия достижения поставленных целей оптимальными ресурсами и усилиями. Когда в действия включаются внешние аспекты педагогической системы, то для достижения поставленных целей важно, чтобы участники, на которых направлено действие системы, осознавали этот процесс, видели все значимые связи и отношения, возникающие в процессе функционирования системы. Особое внимание в исследованиях последних лет уделяется диалогическому характеру сознания, как обучающего взрослого, так и ребенка. Большое значение для развития системного мышления ребенка на всех стадиях его развития имеет его познавательное общение с обучающим взрослым.

Многие исследователи особенностей человеческого мышления утверждают, что сам по себе объем информации не ведет к пониманию, если клубок запутанных взаимосвязей не складывается в ясный, охватываемый человеческим сознанием образ. Если этого образа нет, то закрыты пути для использования самого мощного генератора осознанного освоения информации и продуктивных практических решений: ассоциативного, метафорического, правополушарного человеческого мышления [5].

Во все в большей мере осознается важность формирования в процессе обучения целостного видения объектов не только для лучшего запоминания, но и более эффективной диагностики их исходного состояния, чтобы актуализировать значимые направления дальнейшего развития, реализовать творческий подход к принятию соответствующих решений.

Какое бы явление или объект, независимо от их природы и масштаба, мы ни взяли, везде мы имеем дело с системой, существование которой обусловлено взаимовлиянием ее компонентов, что и обеспечивает ее целостность.

В процессе обучения (в том числе детей дошкольного возраста) мы можем наблюдать первый уровень целостного понимания объекта (по Гегелю – это тезис). Он определяется как интуитивный уровень, опирающийся на имеющийся живой опыт, когда, минуя рассуждения и доказательства, даются чувственные оценки объекта, демонстрируется отношение, принимаются решения.

Чтобы объяснить другому человеку (и самому себе) почему оценки и отношение такие, а не другие, нужен аналитический подход, расчленяющий целое. Он приходит как отрицание (по Гегелю – это антитезис) интуитивного метода. В рамках аналитического подхода ребенок пристально всматривается в устройство объекта, разделяет этот объект, чтобы понять особенности отдельных частей, а затем через них объяснить свойства целого.

Но из поля зрения зачастую уходит связь между

этими частями. А если они существенны для понимания закономерностей формирования интересующих нас свойств, возникновения волнующей проблемы, то понимание неизбежно будет неполным, а то и просто ложным.

Системный подход к пониманию объекта можно рассматривать как синтез интуитивного и аналитического методов. Он отрицает попытку сведения свойств целого к свойствам его частей, но заимствует у аналитического подхода интерес к внутренней структуре объекта. На первое место выдвигается совокупность системных свойств целого, которые, как правило, не присущи составным элементам системы, взятым по отдельности. Такой подход концентрирует внимание на тех взаимодействиях, которые становятся причиной возникновения системных свойств. В определенном смысле мы возвращаемся к целостному представлению об объекте, характерному для интуитивного подхода. В этом вся сложность задачи: задачи перевода от целого интуитивного образа к его составным частям, а затем, и это самое главное в познавательном процессе, выделение значимых связей и отношений, которые и определяют целостность системы. Исследование Н.Н. Поддъякова показывают, что система знаний дошкольников включает две зоны. Первая – это зона определенных, устойчивых, стабильных знаний; вторая – зона догадок, гипотез, некоторого полужнания, которое интригует ребенка в значительной степени, чем полное знание, не вызывающее вопросов. Соответственно перед педагогом встает задача поддержания этих зон в сознании детей в таком соотношении, при котором ребенок стремился бы к знанию и одновременно довольно много знал. Зона неопределенности образует как бы зону ближайшего развития, а зона определенности – зону актуального развития[6].

Например, помогает установить внутреннее единство всех компонентов образовательного процесса с детьми дошкольного возраста технологическая карта занятия[6], что способствует формированию в первом приближении системного мышления.

Одно из положений системного подхода гласит, что всякая система рассматривается под углом зрения элемента по отношению к более общей системе, называемой метасистемой. Это означает, что наряду с внутренними связями компонентов образовательного процесса, обуславливающими те или иные системные свойства, в том числе, такие как цели деятельности должны быть лично значимы для обучающегося, цели деятельности инвариантны (с учетом возрастных особенностей детей); технология обучения, система дидактических принципов обеспечивает реализацию поставленных целей; содержание и средства обучения обеспечивают реализацию технологии; средства контроля соответствуют поставленным целям образования. На наш взгляд, большое значение следует придавать также внешним ее связям, которые могут быть представлены в формате технологической карты. Все структурные элементы педагогического планирования совместной образовательной деятельности педагога с детьми находятся между собой в самых разнообразных связях и отношениях, поэтому мы учитываем действующие здесь закономерности, что позволяет в технологической карте представить оптимальные системные параметры обучения.

В шапке технологической карты отражается: тема, цель, задачи, материалы и оборудование. Структурные компоненты, отраженные в карте: этапы занятия, приемы работы педагога; деятельность обучающихся; конкретные планируемые результаты, например: «В результате обучающиеся смогут распределить звуки на 2 группы – гласные, согласные». Это внешние аспекты системы, ее состав и структура.

К внутренним аспектам относится поэтапная организация мыслительных процессов детей. В рамках данной технологической карты это представлено следующими этапами на основе деятельностного метода (Л.Г.

Петерсон)[7]:

1. «Введение в ситуацию», чтобы помочь сформулировать «детскую» цель через акцентные вопросы «Хотите? Сможете?».

2. «Актуализация знаний и умений», чтобы выяснить, что знают и умеют дети.

3. «Затруднение в ситуации», на этом этапе моделируется ситуация, в которой дети сталкиваются с затруднением. Для цели ребенку требуется выполнить некое «пробное» действие. Акцентные вопросы: «Смогли? Почему не смогли? Что надо узнать...», формулируется причина затруднения, ставятся задачи для его устранения.

4. «Открытие» нового знания (способа действия), этап ориентирует на то, чтобы попробовать догадаться самому, спросить у того, кто знает, посмотреть в книге, придумать самому, а потом проверить по образцу.

5. «Включение нового знания (способа действия) в систему знаний ребенка» реализуется через вопросы: «Что вы будете делать сейчас? Как вы будете выполнять задание?»

6. Этап «Осмысление» помогает зафиксировать достижение цели, благодаря вопросам: «Где были? Чем занимались? Кому помогли? Как это удалось? Что сделали, чтобы достичь цели? Какие знания (умения, личностные качества) пригодились?»

На этапе формулирования цели у детей возникает образ прогнозируемого будущего (тезис). Через актуализацию знаний он уточняется, выясняется уровень целостности этого образа. На следующем этапе образ начинает разбиваться на отдельные компоненты, чтобы через анализ конкретизировать свое незнание и поискать способы устранения этого незнания (антитезис). Благодаря полученным новым знаниям (умениям) компоненты системы становятся достаточно полными для данной ситуации. Начинается процесс их объединения в новую систему (синтез). Благодаря тому, что отдельные компоненты были целенаправленно обогащены и между ними установлены новые связи и отношения, мы можем говорить о системном эффекте. У детей сформировался новый целостный образ ситуации. Организация подобного рода деятельности создает условия для формирования системного мышления детей. Без актуализации внутреннего аспекта системного подхода не может быть решен вопрос о продуктивности педагогической системы в целом.

Другое положение системного подхода заключается в том, что на систему не следует возлагать больше надежд, чем она в состоянии обеспечить, каждая система объективно имеет некие максимальные возможности в реализации того процесса, в котором она используется. К внутренним аспектам системности в проблемно-диалоговой технологии (Е.Л. Мельникова)[8] можно отнести следующий алгоритм:

1. Мотивационный этап (создание условий возникновения побуждающего мотива к новой деятельности)

2. Ориентировочный этап (формулирование целей деятельности, подбор средств)

3. Исполнительский этап (реализация самой деятельности, получение результата, подведение итогов)

4. Рефлексивный этап («взгляд назад», выражение своих эмоций по итогам деятельности)

5. Перспективный этап (выход на самостоятельную деятельность)

На мотивационном этапе посредством побуждающего диалога педагог предъявляет детям жизненную или игровую ситуацию, требующую разрешения не столько через получение знаний, сколько через тот или иной вид специфически детской деятельности (например: Что нам нужно сделать? ... (действие).

Ориентировочный этап – педагог подводит детей к осознанию и формулированию цели деятельности чаще всего с помощью подводящего диалога, цепочки вопросов. Дети формулируют свою цель в данном виде дея-

тельности (что нужно сделать для разрешения ситуации).

Исполнительский этап включает целую последовательность действий от организации пробных действий детей по изучению объекта до введения в процедуру деятельности элемента, затрудняющего действия или игру, что стимулирует детей к разрешению затруднений, выдвижению и проверке предположений через побуждающий и подводящий диалог с обучающим взрослым. Важным компонентом данного этапа также является проведение игры для закрепления первичных представлений и умений.

Рефлексивный этап – педагог подводит детей к осознанию своего эмоционального состояния чаще всего с помощью побуждающего диалога.

Перспективный этап – педагог подводит детей к тому, чтобы применить полученные первичные представления и умения в самостоятельной деятельности.

В ракурсе вышеобозначенного положения – применение в дошкольном образовании элементов проблемно-диалоговой технологии (Е.Л. Мельниковой) нацелено на содействие познавательному развитию детей в направлении развития аналитической способности выделения отдельного предмета к установлению его связей с другими предметами, в системе которых он существует, а также овладение детьми умениями актуализировать свои прежние знания и использовать их для более глубокого понимания вновь формируемых знаний.

Мы рассмотрели основные аспекты системного подхода в дошкольном образовании. Следует отметить, что системный подход не является неким формальным способом педагогической деятельности. Он основан в теоретическом плане на теории систем, а в практическом – на системном анализе.

Системный подход в дошкольном образовании снимает в пределах дихотомической позиции обособление внешней и внутренней структуры педагогической системы, служит связующей основой между теорией образовательного процесса и теорией педагогических технологий развития предпосылок системного мышления в дошкольном возрасте. Кроме того, он претендует на изучение нелинейных взаимодействий компонентов образовательной деятельности, на учет целостных параметров обучающего взаимодействия педагога с детьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кузьмина, Н. В. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения профтехучилища. М.: Высшая школа. – 1989. – 166с.
2. Педагогическая система: теория, история, развитие. Коллективная монография / Под ред. В.П. Бедерхановой, А.А. Остапенко. - М.: Народное образование. – 2014. – 128с.
3. Шумейко Т.С. Педагогические условия эффективного функционирования системы формирования компетентности учителя профессионального обучения средствами проектирования в вузе. / Гуманизация образования. - 2009г. – С. 67 – 71.
4. Ежкова, Н. С. Дошкольная педагогика: учебное пособие для академического бакалавриата / Н. С. Ежкова. — М.: Издательство Юрайт, 2018.
5. О'Коннор Дж. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем /Джозеф О'Коннор и ИанМакдермотт. – М.: Альпина Бизнес Букс. – 2006. – 256 с.
6. Поддьяков, Н.Н. Мышление дошкольника/Н.Н. Поддьяков. – М.: Педагогика, 1977. – 272с.
7. Зайцева О. Ю. ,Использование шаблона технологической карты занятия в рамках освоения технологии «Ситуация» Л. Г. Петерсон в работе с детьми дошкольного возраста / Ю. Зайцева, С. А. Калиниченко, Ю. Д. Модебадзе // Дошкольная педагогика. – ноябрь, 2017. – С. 4 – 5.
8. Сатенова, С.Б. Некоторые формы организации

проблемно-диалоговой технологии обучения /С.Б. Сатенова, Якупова А.Р. // Среднее профессиональное образование. – 2008. - №2. – С. 60-62

Статья поступила в редакцию 09.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ЗАЩИТЕ ОТ НАПАДЕНИЯ СОБАКИ

© 2018

Кравцов Сергей Владимирович, старший преподаватель кафедры «ТСО и ФП»
Афиногенов Тимофей Петрович, кандидат педагогических наук, доцент,
преподаватель кафедры «ТСО и ФП»

*Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
филиал во Владивостоке*

(690000, Россия, Владивосток, улица А.Кузнецова, 78, e-mail: timofei2004@mail.ru)

Аннотация. В статье найдено отражение разработка вопроса нападения собак на граждан, а также сотрудников ОВД. К сожалению, официальная статистика, аккумулирующая все случаи нападения животных на людей, не ведется, что не позволяет Российской общественности в полной мере оценить проблему, поэтому помимо известных вариантов поведения при нападении собак мы предлагаем использовать и другие альтернативные действия. При нападении собаки необходимо обладать определенными тактико-техническими умениями противоборства с животным. Сотрудник ОВД должен быть знаком с психологическими особенностями поведения собак, так как этот аспект является важным при выборе модели поведения. Важно помнить, что собаки – животные стайные, с четкой иерархической структурой стаи (вожак и подчиненные). Для сотрудника ОВД необходимо знать «уязвимые места» собаки, воздействуя на которые можно обезвредить ее, умело применять ударную технику руками, ногами, уметь правильно пользоваться специальными и подручными средствами. Действия сотрудника должны быть адекватны агрессии, проявляемой животными, с учетом пород, биологических, физических и психологических характеристик собак. Мы считаем целесообразным включить в дисциплину Личная безопасность сотрудников ОВД практические вопросы защиты от нападения собаки с привлечением практических сотрудников и собак кинологических подразделений на занятия.

Ключевые слова: нападение собак, бойцовские породы собак, агрессия против человека, опасность нападения, сотрудник ОВД, граждане, применение специальных средств и огнестрельного оружия, приемы самообороны от нападения собаки.

PROBLEMS OF TRAINING OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES
PROTECTION FROM A DOG ATTACK

© 2018

Kravtsov Sergey Vladimirovich, senior lecturer of the Department «TSO and OP»
Afinogenov Timothy Petrovich, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, lecturer in «TSO and OP»
*Far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, Vladivostok branch
(690000, Russia, Vladivostok, street Kuznetsova, 78, e-mail: timofei2004@mail.ru)*

Abstract. The article reflects the development of the problem of dogs attacking citizens, as well as employees of ATS. Unfortunately, official statistics accumulating all cases of animal attacks on people are not being conducted, which does not allow the Russian public to fully appreciate the problem, therefore, in addition to all known varieties of behavior in the attack of dogs, we propose to use other alternative actions. When attacking a dog, it is necessary to have certain tactical and technical skills of confrontation with the animal. An ATS officer should be familiar with the psychological characteristics of the behavior of dogs, since this aspect is important when choosing a behavior model. It is important to remember that dogs are animal schools, with a clear hierarchical structure of the pack (leader and subordinates). For an ATS officer, it is necessary to know the «vulnerable places» of a dog, affecting which it is possible to neutralize it, to skillfully apply shock equipment with hands and feet, and be able to correctly use special and improvised means. The employee's actions should be adequate to the aggression displayed by the animals, taking into account the breeds, biological, physical and psychological characteristics of the dogs. We consider it advisable to include in the discipline of the Personal Security of ATS officers practical questions of protection against dog attack involving practitioners and dogs of cynological units for classes.

Keywords: attack of dogs, fighting dogs, aggression against a person, danger of attack, ATS officer, citizens, use of special tools and firearms, self-defense techniques from dog attack.

Дисциплина «Обеспечение личной безопасности сотрудника органов внутренних дел» имеет целью формирование готовности выпускников образовательных учреждений МВД России к выполнению служебных обязанностей в различных экстремальных и опасных ситуациях оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности сотрудников ОВД. Одной из задач дисциплины является выработка умений и навыков, необходимых для выполнения служебных обязанностей, связанных с грамотным принятием решения на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, обеспечивающих личную безопасность при нападении и сопротивлении преступников и правонарушителей. Однако, помимо людей, сотруднику полиции нередко может угрожать опасность вследствие нападения опасных животных.

Собак можно отнести ко второй по степени опасности и частоте проявления угрозе жизни и здоровью сотрудника полиции угрозе от живых объектов.

Собака – друг человека, однако не стоит забывать, что собака также и единственное животное, способное к целенаправленной и управляемой агрессии, побуждаемой не только инстинктом, но и командой дрессировщика, поэтому она может быть использована как орудие

нападения злоумышленника. Даже собака, не болеющая бешенством, представляет реальную опасность для граждан и сотрудников правоохранительных органов. В своей профессиональной деятельности сотрудникам полиции нередко приходится сталкиваться с случаями нападения собак на граждан, в том числе бойцовских пород. Нередки случаи нападения собак и на прибывших к месту происшествия сотрудников полиции, которые зачастую приводят к различным травмам и даже смерти. Таким образом, вопросы обеспечения личной физической безопасности сотрудников полиции от нападения агрессивной собаки представляются нам достаточно актуальными.

К сожалению, в Российской Федерации официальной статистики, аккумулирующей все случаи нападения животных на людей, не ведется. К таковым могут относиться нападения одомашненных и бесхозных животных, преимущественно собак, а также нападения диких животных, в том числе содержащиеся в искусственно созданных условиях (зоопарки, цирки). Это не позволяет Российской общественности в полной мере оценить проблему. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) на собак приходится 76-94 % всех травм в результате укусов животных. По оценкам, 55

тысяч людей ежегодно умирают от бешенства, и большинство этих случаев смерти происходит в результате укусов бешеных собак [1].

Собаки, независимо от породы и принадлежности, являются хищниками, их главным и очень опасным оружием являются зубы. Источником опасности также является давление, оказываемое их челюстями, которое может причинить значительный ущерб тканям под кожей, в том числе костям, мышцам, сухожилиям, кровеносным сосудам и нервам.

По неофициальным данным, наиболее опасными породами собак являются ротвейлеры, бультерьеры, питбультерьеры, стаффордширские терьеры, овчарки, ризеншнауцеры, доги, доберманы и другие представители собак крупных и средних пород [2].

Агрессивные проявления собак настолько опасны, что можно позволить отнести их к преступным. Так, 8 августа 2012 года в г. Владивостоке стая (из шести собак) напала на 11-летнего мальчика, причинив ему множественные укусы тела, головы, конечностей [3]. 20 августа 2015 г. на жительницу г. Владивостока напали две собаки, в результате чего ноги пострадавшей оказались в укусах [4]. Современная действительность изобилует подобными примерами, в том числе теми, которые повлекли дополнительные тяжкие последствия. 8 апреля 2014 года в г. Партизанске 56-летнего складского рабочего покусали собаки, причинив ему травмы, несовместимые с жизнью [5].

30 июня 2017 г. в г. Тамбове свора собак, вырвавшихся с частного подворья, напала на двух прохожих. В результате у женщины сильно покусаны лицо и руки, она в шоковом состоянии была госпитализирована в больницу. Пожилой мужчина лишился уха и у него сильно искушены плечи, он в тяжелом состоянии был помещен в реанимацию. Вызванные на место происшествия сотрудники патрульно-постовой службы, пытаясь обезопасить граждан, решили загнать собак во двор. Одна собака вырвалась и набросилась на сотрудника полиции. Для обезвреживания разъяренного животного полицейский применил оружие. [6]

В статье 23 ч. 3 п. 2 закона РФ «О полиции» сотруднику полиции разрешено применять огнестрельное оружие для обезвреживания животного, угрожающего жизни и здоровью граждан и (или) сотрудника полиции. Также сотрудник полиции для отражения нападения на гражданина или сотрудника полиции вправе применять такие специальные средства, как палки специальные, специальные газовые средства, электрошоковые устройства, светошоковые устройства, служебных животных. При нападении животного согласно ст. 18 ч. 3 в состоянии необходимой обороны сотрудник полиции при отсутствии у него необходимых специальных средств или огнестрельного оружия вправе использовать любые подручные средства, а также по основаниям и в порядке, которые установлены законодательством, применять иное не состоящее на вооружении полиции оружие [6].

Но бывают ситуации, когда применить оружие, специальные средства или подручные предметы невозможно в силу различных причин, например, скопление людей, отсутствие перечисленных предметов, неожиданность нападения и т.д. В подобных случаях сотрудник полиции должен обладать необходимыми навыками обезвреживания опасного животного без применения оружия, чтобы не только защитить граждан, но и самому остаться невредимым и здоровым в результате нападения.

При нападении собаки необходимо обладать определенными тактико-техническими умениями противоборства с животным. Сотрудник ОВД должен быть знаком с психологическими особенностями поведения собак, так как этот аспект является важным при выборе модели поведения сотрудника полиции. Важно помнить, что собаки – животные стайные, с четкой иерархической структурой стаи (вожак и подчиненные). Любое непови-

новение подчиненного наказывается быстро и жестоко, иногда смертью. Поэтому и в отношениях с собаками сотруднику ОВД следует опираться на психологию собак – она всегда хочет занять место вожака, если есть хоть малейший шанс это сделать. Отсюда нами предложены такие рекомендации:

1. Никогда не заискивать перед собакой, пытаясь купить ее расположение лаской, если вы заискиваете перед собакой (даже своей), она тут же поймет, что Хозяин – она, и переубедить ее будет практически невозможно;

2. Вести себя необходимо не обращая на собаку никакого внимания (или хотя бы делать вид). Не смотреть ей в глаза, не оборачиваться в ее сторону (если собака проявляет к вам интерес издалека, наблюдайте боковым зрением). Она – пустое место, а вы заняты своими делами. Тогда собака не будет считать, что вы посягаете на ее территорию, ее место в стае, не хотите отнять ее добычу;

3. Не следует пытаться бежать от собаки, лучше повернуться к ней лицом и принять устойчивое положение, чтобы не упустить собаку из виду и не допустить захода собаки сбоку и за спину;

4. Не следует запугивать собаку, особенно если она с хозяином. Пса «с хозяином» запугать чрезвычайно трудно, «хлеб свой» он будет отрабатывать до конца [7].

Сотрудник полиции также должен знать «уязвимые места» собаки, воздействуя на которые, можно обезвредить ее. К последним относятся, прежде всего, кончик носа, переносица, затылочная часть и темечко за ушами, солнечное сплетение, ребра, суставы лап, копчик. Также к уязвимым местам можно отнести глаза, ноздри, слизистые оболочки, гениталии. На эти места и надо воздействовать механически, например, ударить кулаком, палкой специальной или подручными средствами, надавить пальцами на глазницы.

Для сотрудника ОВД также необходимо уметь применять ударную технику руками, ногами и уметь правильно пользоваться специальными и подручными средствами.

При совершении атаки на сотрудника полиции собака пускает в ход зубы сразу и в полную силу с целью вывести противника из строя за очень короткое время, секунд за 10-15. Животное также старается находиться сзади, а не спереди человека. Даже бросившись на человека спереди, собака стремится закрутить руку человека так, чтобы оказаться сзади, за спиной, где она менее уязвима.

Чтобы противостоять собаке, необходимо выполнять следующие условия. В случае, когда собака нападает с лаем, опасность, как правило, невелика, поскольку животное, как правило, пытается напугать, прогнать человека с территории. В такой ситуации не исключена возможность укуса, но это произойдет тогда, когда человек повернется к собаке спиной или боком и отведет от нее взгляд. Целесообразно, не упуская собаку из поля зрения, не спеша и не делая резких движений, покинуть данную территорию, тогда собака потеряет интерес к человеку.

В случае, когда собака движется к человеку молча или с рычанием, она намерена серьезно атаковать. Если позволяют время и обстановка, необходимо занять место где, собака не сможет достать человека, например, забраться на дерево или постройку или забежать в помещение и закрыть дверь или зайти в водоем.

Если у сотрудника полиции отсутствует возможность отгородиться от собаки, то придется использовать для защиты от собаки любые предметы, оказавшиеся под рукой (камни, палки, песок), специальные средства или же табельное огнестрельное оружие. Рассмотрим применение некоторых из них.

Палка специальная является наиболее эффективным средством самообороны от нападений собаки. Данное средство может применяться для нанесения ударов и для проведения удушающих захватов. Наносит удар

палкой по собаке можно наносить в область груди, по голове собаки сверху или сбоку. Следует постараться сделать это до того, как она произвела укус человека. Это поможет обезопасить сотрудника ОВД от дельнейших атак собаки. Если же все-таки собака произвела хватку за какую-нибудь часть тела, то сотруднику полиции, необходимо наносить удары резиновой палкой, ногой в наиболее уязвимые места собаки.

Нападение собаки можно отразить также с помощью электрошока. Однако его использование не всегда оправдано, так как воздействие электрошоком должно сопровождаться непосредственным контактом тела животного и прибора. Собака, имея более быструю реакцию, чем человек, способна нанести укус первой, а в момент укуса воздействие электрошоком может привести к шоку собаки, и она может произвести рефлекторное действие жевательными мышцами на схваченную часть, что приведет к еще более сильному укусу с откусыванием частей ткани или переломам костей конечности. Возможны случаи, когда воздействие электрошока может привести даже к смерти животного, что не всегда оправдано.

Применение специального газового средства требует от сотрудника полиции осторожности, так как необходимо учитывать направление ветра, для того чтобы не подвергнуть воздействию газа себя и посторонних. Необходимо помнить, что только лишь некоторые виды слезоточивых газов воздействуют на собак, например с содержанием морфолоидо-пеларгоновой кислоты. Такие средства поражают слизистую оболочку собаки [8].

Применяя огнестрельное оружие против собаки, не следует сразу же стрелять на поражение, так как известно, что животные боятся хлопка пистолетного выстрела, так что есть смысл произвести выстрел в воздух, чтобы отогнать от себя собаку. А в тех случаях, когда нет возможности использования оружия на поражение собаки, необходимо его использовать для нанесения ударов стволом или рукояткой пистолета по наиболее уязвимым местам на теле собаки [8].

Для самообороны от собаки могут использоваться подручные средства как для нанесения ударов по собаке, так и для отвлечения ее внимания. Подручными средствами для отражения нападения животного могут быть: поясной ремень, папка, перчатки, бутылки, палки, кирпичи, камни. Все эти предметы не имеют большого отличия по технике применения со специальными средствами [8].

Таким образом, действия сотрудника органов внутренних дел по обеспечению личной физической безопасности от нападения агрессивной собаки должны быть адекватны агрессии, проявляемой животными, с учетом пород, биологических, физических и психологических характеристик собак. Многих случаев укусов можно было бы избежать при психологически грамотном построении диалога с владельцем собаки, либо исключив провоцирование самой собаки своими неправильными действиями.

Считаем целесообразным включить в дисциплину Личная безопасность сотрудников ОВД практические вопросы защиты от нападения собаки с привлечением практических сотрудников и собак кинологических подразделений на занятия в пределах 2-4 часов.

Также предлагаем на занятиях по теме «Обеспечение личной безопасности сотрудников органов внутренних дел в ситуациях с применением табельного оружия и специальных средств» отрабатывать упражнения учебных стрельб по мишеням, имитирующим силуэты собак в различных ракурсах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. ВОЗ. Укусы животных [Электронный ресурс] URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs373/ru> (дата обращения 22.02.2016).
2. Денисов С.А., Семенов К.П. Животные как источник опасности для человека: необходимость ликвидации опасной гуманитарной проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2. С. 126-128.

3. Во Владивостоке зафиксированы случаи нападения собак на детей [Электронный ресурс] URL: <http://www.ptr-vlad.ru/news/crime/66122-vo-vladivostoke-zafiksirovany-sluchai-napadeniya-sobak-na-detey.html> (дата обращения 24.02.2016).

4. На жительницу Владивостока напали бездомные собаки [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostokmedia.com/n251243.html> (дата обращения 24.02.2016).

5. Собаки загрызли насмерть очередного жителя Дальнего Востока [Электронный ресурс] URL: <http://www.animalsprotectiontribune.ru/5007.html> (дата обращения 24.02.2016).

6. В Тамбове стая собак напала на двух прохожих и откусила одному ухо: полицейским пришлось отстреливать животных [Электронный ресурс] URL: <http://lifetambov.ru/proisshestviya/9921-v-tambove-staya-sobak-napala-na-dvux-proxozhix-i-otkusila-odnomu-uxo-policzejskim-prishlos-otstrelivat-zhivotnyx.html> (дата обращения 10.07.2017).

7. Александров В.Н., Платонов Е.А., Исаков Э.Р. Способы самообороны от нападения собаки. Учебно-методическое пособие. М., 2003. С. 34.

8. Пряхин А.С. Обучение сотрудников полиции защитным тактико-техническим действиям при нападении собак // Сборник: Совершенствование физической, огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Физическая подготовка и спорт сборник статей. Орёл, 2015. С. 20-26.

Статья поступила в редакцию 08.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 37.013.8

ДИДАКТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

© 2018

Маркелова Татьяна Валерьевна, старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода»
Тольяттинский государственный университет
(445020, Россия, Тольятти, улица Белорусская, 14, e-mail: martan5@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены дидактико-методические принципы обучения языку как составляющих профессиональной подготовки студентов неязыковых специальностей ВУЗов. Автор статьи рассматривает язык специальности как средство профессионального становления студентов неязыковых специальностей ВУЗОВ. Показано существенное различие в реализации языковой системы в профессиональной сфере, поскольку большинство, на первый взгляд, привычных простому человеку слов может одновременно использоваться в профессиональном языке, однако в специфических значениях (становясь профессиональными терминами), присущих той или иной предметной области. Еще одной особенностью является изменение акцентов на непосредственные нужды и запросы студентов в процессе изучения иностранных языков. Высокий уровень их мотивации, обусловлен осознанным отношением к необходимости овладения языком с целью дальнейшего профессионального и личностного становления. Значительное внимание уделяется реализации языковой системы в профессиональной сфере в лексико-терминологическом, морфологически-синтаксическом и текстовом аспектах. Освещаются особенности обучения английскому языку, как языку специальности студентов. Также показаны перспективные направления организации учебного процесса, а именно - использование интерактивных педагогических технологий, которые основаны на интенсивном подходе, имеют практическую направленность и воспитывают у будущих специалистов способность к самопознанию.

Ключевые слова: язык специальности, терминология, текст, профессиональная подготовка, компетентность, учебного процесс, дидактико-методические принципы, неязыковые специальности. лексико-терминологический аспект, морфологически-синтаксический аспект.

DIDACTIC-METHODICAL PRINCIPLES OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING AS A COMPONENT OF PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS OF NON-LINGUISTIC SPECIALTIES

© 2018

Markelova Tatyana Valeryevna, senior teacher of the department «Theory and practice of translation»
Togliatti State University
(445020, Russia, Togliatti, street Belorusskaya, 14, e-mail: martan5@yandex.ru)

Abstract. The article considers didactic-methodical principles of language teaching as components of professional training of students of non-linguistic specialties of HIGHER education institutions. The author considers the language of the specialty as a means of professional formation of students of non-linguistic specialties of HIGHER education institutions. The article shows a significant difference in the implementation of the language system in the professional sphere, since most, at first glance, familiar to the common man words can be used simultaneously in the professional language, but in specific meanings (becoming professional terms) inherent in a particular subject area. Another feature is the change of emphasis on the immediate needs and demands of students in the process of learning foreign languages. The high level of their motivation is due to the conscious attitude to the need to master the language in order to further professional and personal development. Considerable attention is paid to the implementation of the language system in the professional sphere in lexicoterminological, morphological, syntactic and textual aspects. Peculiarities of teaching English as a language of specialty of students are highlighted. Also shown are the promising directions of the educational process, namely, the use of interactive pedagogical technologies, which are based on an intensive approach, have a practical orientation and educate future professionals the ability to self-knowledge.

Keywords: specialty language, terminology, text, professional training, competence, educational process, didactic-methodical principles, non-linguistic specialties. lexicoterminological aspect, morphological and syntactic aspect.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Способность к непрерывному личностному и профессиональному самосовершенствованию стали определяющими чертами современного конкурентоспособного специалиста любой сферы деятельности. Активное межкультурное взаимодействие, обмен профессиональной информацией актуализировали изменения в образовательной среде, где иностранная речь перестала быть просто средством общения, а стала неотъемлемым компонентом профессионального становления личности, то есть языком специальности. Язык специальности – это совокупность всех языковых и речевых средств, применяемых в определенной профессиональной среде с целью обеспечения взаимопонимания всех участников. В контексте изучения английского языка студентами неязыковых специальностей высших учебных заведений актуальным становится овладение профессиональными терминами, получение умений и навыков использовать узкоспециализированную лексику с целью выполнения учебных профессионально ориентированных задач, направленных на дальнейшее профессиональное становление.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Анализ послед-

них исследований и публикаций позволил сделать вывод о том, что за последнее время значительно возрос интерес исследователей к вопросам использования иноязычной профессиональной литературы как средства овладения профессиональными знаниями и умениями в определенной отрасли (Л. Абраменко, Л. Борозенец, Н. Гавриленко, Григоров, Н. Евдокимова, М. Ляховицкий, А. Троянская, С. Фоломкина и др.) Разнообразными проблемами формирования и применения профессиональной иноязычной лексики студентами неязыковых специальностей интересовались Б. Беляев, Л. Гапоненко, С. Кожушко, Л. Кулиш, Л. Морская, С. Николаева, Н. Складенко, А. Тарнопольский, Л. Черноватий и другие. Функциональный подход к изучению языка в профессионально-производственных отношениях рассматривают как отечественные, так и зарубежные ученые (Л. Алексеева, А. Крыжановская, Г. Мацюк, А. Митрофанова, М. Мостовой, Т. Панько, Л. Симоненко и др.) Авторы большинства исследований сосредотачивают свое внимание на структуре языка, способности студентов осуществлять коммуникативное поведение в соответствии с теми или иными ситуациями иноязычного общения. Следовательно, в процессе обучения внимание уделяется отдельным аспектам, а не целостному

содержанию профессиональной деятельности на основе языка специальности. Особую актуальность в этой связи приобретает стратегия языковой подготовки будущих специалистов.

Формирование целей статьи (постановка задания). Цель статьи – выявить дидактико-методические принципы обучения языку как составляющих профессиональной подготовки студентов неязыковых специальностей ВУЗов.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Обретения иноязычной компетентности в профессиональной сфере является качественной характеристикой личности специалиста, которая предусматривает совокупность научно-теоретических знаний, практических умений и навыков в сфере осуществления деловой и профессиональной коммуникации, владение языком специальности. По словам Н. Гимер [1, с. 90], это средство для оптимального взаимопонимания специалистов по проблемам своей специальности, ключевыми характеристиками которого является специфическая профессиональная лексика, специальные нормы выбора, применения и частотность общезыковых лексических и грамматических средств. Язык специальности существует не как самостоятельная форма проявления языка, но актуализируется в профессиональных текстах, которые, кроме своей специфики, всегда содержат и общезыковые элементы.

В современных условиях развития и расширения международных связей интернациональным средством профессионального общения, который соответствует запросам и требованиям времени, становится свободное владение английским языком как языком избранной специальности. Движущим фактором в изучении английского языка становятся определенные цели, обусловленные конкретными потребностями. К примеру, English for Academic Purposes предусматривает изучение языка с целью проведения научных исследований, получение ученой степени, и в основном удовлетворяет потребности соискателей и аспирантов.

С начала 60-х годов прошлого века значительно возрос интерес к овладению английским для спец. целей (English for Specific Purposes), которая отвечает профессиональным потребностям студентов той или иной отрасли (Technical English, Scientific English, English for Tourism, English for Art Purposes etc), и реализуется путем достижения таких цели:

– практических: формировать у студентов общие и профессионально ориентированные коммуникативные речевые компетенции (лингвистическую, социолингвистическую и прагматичную) для обеспечения их эффективного общения в профессиональной среде;

– образовательных: формировать у студентов общие компетенции (декларативные знания, умения и навыки, компетенции существования и умение учиться); способствовать развитию способностей к самооценке и способности к самостоятельному обучению, что позволит студентам продолжать обучение в профессиональной среде как во время обучения в ВУЗЕ, так и после получения диплома о высшем образовании;

– познавательные: привлекать студентов к таким видам деятельности, которые активизируют и дальше развивают весь спектр их познавательных способностей;

– развивающие: помогать студентам в формировании общих компетенций с целью развития их личной мотивации (ценностей, идеалов); укреплять уверенность студентов как пользователей языка, а также их положительное отношение к изучению языка;

– социальные: способствовать становлению критического самосознания и умений общаться и делать весомый вклад в международную среду, которая постоянно меняется;

– социокультурные: достигать широкого понимания важных и разноплановых международных социокуль-

турных проблем, для того чтобы действовать надлежащим образом в культурном многообразии профессиональных ситуаций [2, с. 18].

Язык специальности в значительной степени базируется на основе общенародного языка и находится с ним в постоянной взаимосвязи. В процессе подготовки студенты осваивают специальную лексику и терминологию, осваивают навыки и умения работы с профессиональной литературой, говорения, письма и аудирования.

Описывая структуру языка, ученые выделяют три взаимосвязанные в коммуникативном аспекте элементы: 1) лексико-терминологический, 2) морфологически-синтаксический, 3) текстовый [3, с. 235].

В языковой системе основным носителем наименования предметов и явлений специальной профессиональной деятельности является терминология – система единиц специальной номинации той или иной предметной области. Основу профессионального вестия, безусловно, составляют термины, но помимо этого существуют также другие единицы, присущие профессиональному вестию – профессионализмы, профессиональные жаргонизмы, профессиональное просторечие.

Пока среди ученых нет единодушия относительно разграничения таких базовых понятий, как «сроки» и «профессионализмы». Некоторые ученые (В. Ахманова, Н. Шанский) считают их тождественными, в то время как другие (В. Бондалетов, В. Жирмунский, М. Степанова, И. Чернышева) указывают на их тематическую и историческую отличие. Ряд ученых (В. Калинин, В. Прохорова, Н. Фомина, Н. Медведева, С. Шелов) обращает внимание как на их общие, так и отличительные черты [4].

Хотя основным отличием между терминами и профессионализмами считается их нормативность, представленность в словарях, сфера функционирования, степень распространения и отсутствие эмоционально-экспрессивной окраски, стоит согласиться с тем, что границы между терминологией и профессиональной лексикой являются нечеткими и трудно поддаются определению.

Говоря о терминологии, ученые различают:

- а) науку о терминах;
 - б) профессиональную лексику в составе всех слов языка;
 - в) специальную лексику, которая обслуживает определенную отрасль науки или техники [4].
- Стоит отметить, что в результате разного темпа развития отраслей человеческой деятельности их терминология изучена неодинаково.

В процессе иноязычной подготовки специалистов определенной отрасли должна решаться проблема целесообразности овладения определенным лексическим запасом с учетом их социального и профессионального становления. Новая лексика языка профессии становится основой тематически объединенного диалогического текста, логически связывает диалог и обеспечивает рост объема языкового материала в соответствии с принципом включения. Становясь участниками учебного диалога, студенты не только раскрывают значения необходимых профессиональных терминов, получают опыт их практического использования, но и обогащают свой лексический запас. Для того, чтобы будущие специалисты могли беспрепятственно использовать эти знания для решения сложных коммуникативных задач в профессиональной сфере, необходимо реализовать такие условия обучения, при которых будет осуществляться овладение грамматическими и лексическими аспектами языка в контексте решения смоделированных коммуникативных задач.

Как не странно, больше всего трудностей у студентов возникает с овладением общей лексики. В сравнении со специальными терминами, которые достаточно легко семантизируются в понятном для будущего специалиста ситуативном контексте диалога и, как правило, легко запоминаются, общенаучная лексика и фразеология тре-

бует постоянного внимания. С целью интенсивного усвоения общенаучного пласта, в котором сложных слов значительно больше, чем в обиходно-разговорном стиле, больше внимания необходимо уделить выполнению коммуникативных упражнений трансформационного характера, составлению вопросов к профессиональным текстам и предоставлению развернутых ответов, выполнению прямого и обратного перевода отрывков неадаптированных текстов, актуализируя при этом научную лексику и фразеологию.

Например, прорабатывая ту или иную тему, авторы пособия для студентов по профессиональным направлениям «Информационные технологии» [5, с. 95] стимулируют студентов к предыдущему закреплению активного лексического материала в ряде дотекстовых упражнений коммуникативного характера:

active Vocabulary: obtain – получать
carry out search – выполнять поиск
to be specific – быть точным
significant – важен
consume – потреблять
valuable – ценный
accurate – точный
request – запрос
simultaneously – одновременно
aggregate – аккумулировать, накапливать
entry – здесь словарная статья

Task 1. Fill in the gaps with words from the Active Vocabulary:

1. The online encyclopedia Wikipedia has more than one million ... in different languages.
2. The experiment helped to put them ... significant data.
3. Is it true that ordinary computer ... less electricity than one bulb lamp in a living room?
4. When you make a ... in the search engine you have to be very brief and specific.
5. When Michael is doing his homework he manages to listen to music, chat online and drink coffee ...

Task 2. Before reading the text answer the following questions:

1. What is the best place for you to find information: Web or libraries? Why?
2. What is the difference between a search engine and a meta search engine?
3. Which special resources on the Web provide people with information?...

Язык специальности строится на основе общеупотребительной и находится с ней в постоянном взаимосвязи. К примеру, характерным для нее является использование пассивных грамматических конструкций, значительного количества предлогов of, for и -ing форм, прилагательных, использование глаголов в настоящем времени, доминирующая роль существительного. Безусловно, все эти аспекты требуют особого внимания как при отборе учебного материала, так и в процессе выполнения упражнений и задач.

Для изучения языка профессии недостаточно только оперировать лексикой. Устная и письменная профессиональная коммуникация происходит в форме связанных высказываний, которым в зависимости от их степени профессионализма и текстовых параметров может быть предоставлен статус профессиональных текстов. Это, в свою очередь, следует рассматривать как реализацию языка специальности в конкретной профессиональной ситуации. Различные виды чтения (ознакомительное, научное, поисковое) и понимание аутентичных текстов, связанных с обучением и специальности, позволят студентам сформировать собственную позицию. Развитие навыков и умений письма и диалогической речи, как наиболее распространенных и сложных форм коммуникативного взаимодействия, позволит студентам подготовиться к предстоящим видам повседневной деятельности, вроде подготовки презентаций на профессиональную тематику, обобщение результатов научных исследований в статьях и аннотациях к ним, написание

деловых писем, разработки рекламных проспектов, составление резюме, реферирования, аннотирования научных текстов, ознакомление с технологиями переговоров и тому подобное.

Информация, которую студенты получают в процессе работы над темой, должна стимулировать их совместную коммуникативную деятельность, во время которой у них формируются умения и навыки аргументами высказывать собственное мнение, согласно коммуникативной ситуации структурировать свое высказывание в устной или письменной форме. Эффективной представляется организация ситуативной диалогической речи, ролевых игр и дискуссий. В перспективе это даст возможность студентам перейти от информационного к социальному и профессиональному взаимодействию. Стоит отметить, что то, как используется язык в профессиональной среде, существенно не отличается от специальности к специальности. В своей академической или профессиональной жизни большинство студентов того или иной профессии могут нуждаться в вышеуказанных умениях.

Целью овладения языком специальности в неязыковом ВУЗе является достижение того уровня знаний, который является достаточным не только для практического использования иностранного языка в будущей профессиональной деятельности, но и станет средством систематического развития дальнейших профессиональных навыков. Одним из наиболее перспективных направлений организации учебного процесса в этом случае считается использование интерактивных педагогических технологий, которые основаны на интенсивном подходе, имеют практическую направленность, воспитывают у будущих специалистов способность к самопознанию.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Итак, язык специальности является совокупностью всех языковых и речевых средств, той или иной отрасли науки и техники и используются в определенной сфере профессиональной коммуникации. Ее изучение предполагает проработку профессиональной лексики и терминологии, чтение литературы по специальности, а также активное взаимодействие и общение в сфере профессиональной деятельности. Перспективы дальнейших исследований видим в освещении и разработке инновационных подходов к интенсификации обучения языку специальности в высших учебных заведениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Термины как основа профессиональной речи / Н.А. Гимер//Вестник Саратовского университета. Серия: Языкознание. 2016. Т. 21, вып. 19(1). С.89-93.
2. Программа по английскому языку для профессионального общения. Коллектив авторов: Г.Е. Бакаева, А.А. Борисенко, И.И. Зуенок и др. К.: Ленвит, 2015. 119 с.
3. Борозенец Г.К. Интегративный подход к формированию коммуникативной компетентности студентов неязыковых вузов средствами иностранного языка: дис.д-ра пед. наук: 13.00.08 / Г.К. Борозенец. Тольятти. 2005. 434 с.
4. Дьяков А. Основы терминообразования: семантические и социолингвистические аспекты / А. Дьяков, Т. Кияк, И. Куделько. – К.: Вид. дим «KM Academia». 2016. 218 с.
5. English (for Specific Purpose «Information Technology»). Английский язык (по профессиональному направлению «Информационные технологии»): учеб. пособие для студ. ВУЗОВ / О.А. Пасечник, А.С. Пасечник. СПб. 2015. 153 с.

Статья поступила в редакцию 21.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА

© 2018

Руденко Ирина Викторовна, доктор педагогических наук,
профессор кафедры «Педагогика и методики преподавания»**Наумавичюте Каролина Альгирдасовна**, студентка магистратуры*Тольяттинский государственный университет, Тольятти*
(445020, Россия, Тольятти, улица Белорусская, 14, e-mail: karolina_946@mail.ru)

Аннотация. В данной статье рассматриваются методы формирования экологической культуры студентов колледжа на основе разработанной и реализованной программы внеурочной деятельности «Эколог стайл». Авторы, анализируя различные точки зрения на сущность понятия «экологическая культура», приходят к выводу, что под «экологической культурой студентов колледжа» следует понимать совокупность знаний в области общей, прикладной и социальной экологии, позитивное отношение к происходящим событиям, которые затрагивают окружающую среду, и активную природоохранную деятельность. В статье описываются примеры проведения тематических занятий по программе. На практических занятиях используются интерактивные методы обучения, с помощью которых студенты описывают антропогенные изменения в своем городе и других частях планеты; определяют состояние окружающей среды окружающей их местности методом флуктуирующей асимметрии; в ходе интеллектуальной игры «Дебаты» обсуждают волнующие темы взаимодействия человека и природы; познают природу родного края и делятся своими знаниями во время прохождения интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?»; занимаются природоохранной деятельностью и знакомят обучающихся с особо охраняемыми территориями своей области. Практическая деятельность по программе «Эколог стайл» показала, что организованная внеучебная работа может дополнять учебный процесс и быть эффективным средством профессионального развития будущих специалистов.

Ключевые слова: профессиональное образование, внеучебная деятельность студентов; экологическая культура, экологические знания, окружающая среда, природоохранная деятельность, программа внеурочной деятельности, методы экологического воспитания, мониторинг.

FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE OF STUDENTS OF THE PEDAGOGICAL
COLLEGE OF TOGLIATTI

© 2018

Rudenko Irina Victorovna, doctor of pedagogical sciences, professor**Naymavichute Karolina Algirdasovna**, magistracy student*Togliatti State University, Togliatti*

(445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya street, 14, e-mail: karolina_946@mail.ru)

Abstract. This article describes the methods of formation of ecological culture of college students on the basis of the developed and implemented program of after-hour activity “Ecologist style”. The authors, analyzing different points of view on the essence of the notion of “ecological culture”, come to the conclusion that the “ecological culture of college students” should be understood as a set of knowledge in the field of general, applied and social ecology, a positive attitude to current events that affect the environment, and active environmental activities. The article describes examples of conducting thematic lessons based on the program. In practical lessons interactive methods of teaching are used, with the help of which students describe anthropogenic changes in their city and other parts of the planet. They determine the state of the surrounding environment around them by the method of fluctuating asymmetry. In the course of the intellectual game “Debate” students discuss the exciting topics of human-nature interaction. They learn the nature of their native land and share their knowledge during the intellectual game “What? Where? When?”. Students are engaged in environmental activities and introduce the other students to the specially protected areas of their region. Practical activities on the program “Ecologist Style” showed that organized after-hour activities can complement the educational process and be an effective means of professional development of future specialists.

Keywords: professional education, extracurricular activities of students, environmental culture, ecological knowledge, environment, nature protection activity, out-of-school program, methods of ecological education, monitoring.

Проблемы формирования экологической культуры в современном мире являются актуальными в связи с увеличением влияния общества на живую природу. Воздействие на окружающую среду настолько возросло, что это в скором времени может привести к негативным последствиям для всего человечества. Для того, чтобы избежать это, нужно решить ряд проблем: научно-технических, социально-политических, экономических. Особую роль в этом ряду занимают педагогические и воспитательные. Именно поэтому решение их важно на всех ступенях образования, в том числе и профессионального [1].

В Федеральном государственном стандарте профессионального образования одна из задач современной подготовки специалистов связана с формированием экологической культурой студентов. Именно от уровня экологической культуры будущих специалистов зависит дальнейшая жизнь всего человечества на планете. В связи с этим «экологизация» учебных дисциплин в современном колледже необходима для успешной подготовки студентов всех направлений. Эффективность образовательной деятельности напрямую зависит от квалифицированной работы преподавателей, их готовности участвовать в экологическом образовании студентов.

Поэтому принципиально важным моментом является осмысление сущности понятия «экологическая культура», поиск механизмов её формирования. Сравним точки зрения исследователей данного феномена.

В конце XX века отечественный ученый В.В. Бахарев экологической культурой личности называл «часть единого феномена культуры всего человечества, которая отражает конкретизированный вид взаимоотношений общества, а именно взаимоотношения человека с окружающей его средой» [2]. С позиций исследователя В.Г. Иванова «экологическая культура – это нравственно-духовная часть жизнедеятельности каждой личности, которая характеризуется своеобразным поведением по отношению к природе и включает взаимосвязанные элементы экологической культуры: сознание, отношение и деятельность» [3]. Э.С. Демиденко под «экологической культурой» понимает отказ от антропоцентризма, переход к биоцентризму. По правилам биоцентризма – сохранение биосферы превыше всего для всего человечества на планете [4]. Социальная ответственность человечества перед Вселенной заключается в минимизировании вреда по отношению к природе [5]. Е.В. Асафова трактует «экологическую культуру» как совокупную характеристику качеств личности [6]. Её характеристика

отображает сам процесс и конечный результат сформированности экологического сознания человека и предполагает прочно связанное единство знаний, представлений о живой природе, эмоционально-чувственного и ценностного отношения к ней, а также обладание умениями и навыками работы в процессе взаимодействия с живой и неживой природой. Экологическая культура – это утверждение в сознании и практической деятельности принципов рационального природопользования, овладение навыками разрешения задач социально-экономического характера, которые не принесут вреда живой природе и здоровью человечества. Данная трактовка понятия принадлежит Н.Р. Астрахановой [7]. Во всех этих определениях общим является то, что сущность понятия раскрывается через совокупность личностных качеств человека, которая обусловлена знаниями и осознанным поведением по отношению к окружающему миру. Учитывая данные проведенного анализа, под «экологической культурой студентов колледжа» будем понимать совокупность знаний в области общей, прикладной и социальной экологии, позитивное отношение к происходящим событиям, которые затрагивают окружающую среду, и активную природоохранную деятельность.

Следовательно, педагогические задачи преподавателя колледжа связаны с работой по совершенствованию знаний студентов и личностных экологически целесообразных качеств, которые формируются в процессе целенаправленной деятельности с использованием инновационных методов, отвечающих вызовам современной молодёжи. На базе среднего профессионального учреждения г.о. Тольятти было проведено изучение уровня экологической культуры студентов 1 курсов в возрасте 15-17 лет. В ходе исследования было выявлено: 27% студентов занимаются активной природоохранной деятельностью по требованию преподавателей, 27% вообще не интересуются проблемами окружающей среды, у 63% студентов нет времени интересоваться проблемами экологии; 6% студентов утверждают, что занимаются экологической деятельностью не их дело, они не имеют к этому никакого интереса, считая деятельность очень сложной; 9% студентов любят природу только за её природные богатства. Таким образом, экологическая деятельность не является привлекательной для основного контингента студентов всех направлений подготовки.

Экологическое образование, включенное в учебный процесс, не приносит достаточно надёжных результатов, поэтому данная работа получила развитие во внеучебной деятельности. Разработанная программа внеучебной деятельности автора К.А. Наумавичуте под названием «Эколог стайл» содержит учебно-тематический план, формы и методы проведения занятий по каждой теме и методическое обеспечение учебного процесса. Отличием программы от аналогичных является использование разнообразных интерактивных методов, а также инновационно-дидактических средств при проведении учебных занятий. Новизной программы можно считать ее содержание, которое направлено на формирование экологической культуры студентов колледжа, что включает развитие «...чувства бережного отношения к родной земле, природным богатствам России и мира, а также воспитание чувства ответственности за состояние природных ресурсов, умений и навыков разумного природопользования, нетерпимого отношения к действиям, приносящим вред экологии...» [9].

Программа «Эколог стайл» будет способствовать формированию у студентов колледжа экологической культуры, которая базируется на знаниях и активной природоохранной деятельности.

К задачам внеучебной программы относятся:

1. Обучающие – формирование знаний об экологических системах и особенностях их функционирования в условиях нарастающей антропогенной нагрузки.

2. Развивающие – развитие устойчивого интереса к достижениям в области экологии; осознание значимости

компетенций в области экологии для человека и общества.

3. Воспитательные – воспитание бережного отношения к природе в процессе личной природоохранной деятельности.

Программа реализовывалась на базе среднего профессионального учебного заведения г.о. Тольятти в объёме 36 часов, 10 из которых отведены на лекционные занятия, а 26 часов – практические. Занятия проходили по 2 часа в неделю. На лекционных занятиях по программе изучались вопросы социальной экологии; обсуждались проблемы, существующие в социуме от взаимоотношений человека с окружающей средой, и пути их решения. При этом активно использовалась учебная литература и пособия [10-14]. Каждому лекционному занятию соответствовала практическая работа, направленная на закрепление изучаемой темы. На практических занятиях по программе применялись различные активные методы: ручной труд, викторины, деловые игры, конкурсы и т.д. В качестве наглядного материала использовались экологические плакаты, экологические атласы и многое другое, что способствовало становлению экологического сознания студентов. Эффективным стали просмотры видеofilмов. Например, для закрепления изученной темы и понимания проблем последствий антропогенных воздействий студентам был показан фильм «Дом. История путешествия». По окончании фильма между студентами завязалась дискуссия о состоянии флоры и фауны на Земле, студентов заинтересовала данная тема. Для закрепления знаний в области антропогенных воздействий студентам было предложено следующее задание: описать те антропогенные воздействия и их последствия, которые происходят именно в их городе. Студенты прекрасно справились с данной работой, показали информированность и способность объективно оценить экологическую ситуацию в городе.

Одно из лекционных занятий, посвященное окружающей среде, а именно ее компонентам (гидросфере, литосфере, атмосфере), было направлено на изучение методов контроля за средой. Методом биоиндикации студенты воспользовались на практическом занятии для изучения состояния качества одного из водоемов их города. Для проведения опыта был взят карась серебряный. С каждого образца рыб студентами были зафиксированы 5 признаков: число лучей в грудных и брюшных плавниках, число жаберных тычинок, число глоточных зубов, число чешуй в боковой линии. Для анализа асимметрии качественных признаков было рассчитано среднее число асимметричных признаков на особь по формуле. По полученным данным была проведена оценка качества окружающей среды в баллах по интегральному показателю стабильности развития животных. Оценка показала, что место, где обитал карась серебряный, было загрязнено. Эта работа позволила самостоятельно убедиться в том, как деятельность человека влияет на живые организмы. Тем самым, участвуя в конкретной практической работе, студенты приобщались к деятельности, направленной на защиту природы своего города. Эта деятельность позволила студентам глубже ознакомиться с базовыми понятиями и методами, которые используются в экологии. Данный вид деятельности оказался не только полезным для студентов, но и очень увлекательным. Проектная деятельность во внеучебной работе – перспективный образец оптимальной реализации потенциала воспитания в образовательной организации с учетом ее специфики: уровня образования, приоритетной направленности образовательных программ, возраста обучающихся, типа, статуса учреждения, резервов окружающего социума, профессиональных кадров [14].

Городская среда и условия проживания в ней – важная тема данной программы. Студенты с интересом изучали требования экологической безопасности к городской квартире [15]. Дебаты на экологические темы: «Пластиковые бутылки» и «Бытовые батарейки» давали

возможность осмыслить грамотность своего поведения по уничтожению отходов. По её окончании студенты поняли приносимый вред всему живому от пластика и бытовых батареек, а в частности от неправильной утилизации этих продуктов.

Проблемы сельского хозяйства и пути их решения тоже нашли отражение в содержании программы [16]. Для знакомства с живым миром области была проведена интеллектуальная игра «Что? Где? Когда?» на тему: «Животные и растения родного края» [17,18]. Студенты ознакомились с животным миром своей области, а также узнали о природоохранном статусе этих организмов на данной территории, что напрямую связано с деятельностью человека. Тема «Природоохранная деятельность» позволила обратиться к типам природоохранных организаций, как на мировом уровне, так и областном уровне [19]. Изучался законодательный статус государственных заповедников, национальных парков, заказников. Для закрепления данной темы студенты подготовили презентацию на тему: «Особо охраняемые природные территории Самарской области» [20]. Особенно следует отметить добровольческую природоохранную деятельность студентов, в которую входили уборка территории, посещение приюта домашних животных, сбор макулатуры и батареек, изготовление кормушек для птиц. Студенты активно участвовали в данной работе.

Контрольный тест по изучению экологических знаний студентов показал, что студенты стали лучше разбираться в экологических терминах, больше интересоваться экологическими проблемами, понимать причины их возникновения и последствия. Занятия по программе «Эколог стайл» вовлекли студентов в осознанную природоохранную деятельность, они стали больше посвящать свое время помощи окружающей среде. Так, студенты с большим желанием выезжают на лесопарковые территории для благоустройства, помогают восстанавливать сгоревший лес, активно собирают макулатуру и на вырученные деньги покупают вещи, которые необходимы для приюта бездомных животных, принимают участие в экологических проектах и олимпиадах.

Природоохранная деятельность подтверждает, что целенаправленная работа способствует достижению и решению педагогических задач, влияет на профессиональное сознание студентов. Все больше студентов начали находить время и силы для активной природоохранной работы, не считая эту деятельность тяжелой и обременительной. Результаты практической деятельности указывают на эффективность внеучебной программы «Эколог стайл». Таким образом, проведённая работа подтвердила, что педагогически организованная внеучебная работа может дополнять учебный процесс и быть эффективным средством профессионального развития будущих специалистов. Среда колледжа стала пространством погружения в реальную профессионально ориентированную экологическую деятельность, в которой в органической связи учебной и внеучебной деятельности у студентов формируется экологическая культура.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Селиванова Н.Л. Воспитательная работа в школе № 5 // Современные проблемы воспитания в образовательных учреждениях. 2012. С. 25.
2. Бахарев В.В. Экологическая культура социума как система: автореф. дис. д-ра. Саранск, 2012. 42с.
3. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. // Российская газета. 2015. 8 июня. 36 с.
4. Демиденко Э.С. Современное общество как индустриально-техногенное // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2013. Вып.6. С.37-43.
5. Степановских А.С. Экология: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 703 с.
6. Асафова Е.В. Аксиологический подход к развитию экологической культуры студентов в вузе / Е.В. Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

Асафова // Ученые записки Казанского государственного университета. 2014. Т.152 С.78-86.

7. Астраханова Н.Р. Формирование у школьников ответственного отношения к природе средствами народной экологии. Махачкала: «Эпоха», 2014. 21с.
8. Блинов А.О. Интерактивные методы в образовательном процессе: учебное пособие. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2014. 300с.
9. Денисов В.В. Экология. М.: MapT, 2016. 768с.
10. Константинов В.М. Экологические основы природопользования. М., 2014. 240 с.
11. Предельский Л.В. Экология. М.: «Кнорус», 2009. 345 с.
12. Маврищев В.В. Основы экологии. Минск: ТетраСистемс, Тетралит, 2013. 175 с.
13. Ашихмина Т.Я. Экологический мониторинг. М.: Академический Проспект, 2005. 416 с.
14. Алиева Л.В., Руденко И.В. Моделирование – перспективный метод организации воспитательной деятельности вуза по реализации компетентностного подхода // Азимут научных исследований, 2017. Т.6-№2(19). С.132-136
15. Вершинин В.Л. Экология города: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2014. 88 с.
16. Уразаев Н.А. Сельскохозяйственная экология. М.: Колос. 2000. 304 с.
17. Розенберг Г.С. Красная книга Самарской области. Т. 1. Редкие виды растений, лишайников и грибов. Тольятти: ИЭВБ РАН, 2007. 372 с.
18. Розенберг Г.С. Красная книга Самарской области. Том 2. Редкие виды животных. Тольятти: ИЭВБ РАН, 2007. 332 с.
19. Колесников С.И. Экологические основы природопользования. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2013. 256 с.
20. Власова Н.В. Реестр особо охраняемых природных территорий регионального значения Самарской области / Министерство природопользования, лесного хозяйства и охраны окружающей среды Самарской области. Самара: «Экотон», 2010. 259 с.

Статья поступила в редакцию 26.12.2017

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 378

ФОРМИРОВАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ, ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ СТРОИТЕЛЬСТВО

© 2018

Одарич Ирина Николаевна, преподаватель

Тольяттинский государственный университет

(445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 14, e-mail: odarich28@gmail.com)

Аннотация. В настоящее время стремительно разрабатывают и утверждают профессиональные стандарты. В соответствии с Федеральным законом, принятым Государственной Думой Российской Федерации, произвели актуализацию федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 08.03.01 Строительство. В результате освоения программы бакалавриата у выпускника должны быть сформированы универсальные компетенции, общепрофессиональные компетенции и профессиональные компетенции. В статье показана взаимосвязь федеральных государственных образовательных стандартов от 2015 и 2017 года согласно требованиям освоения учебной программы. Например, общекультурные компетенции преобразованы в универсальные с разработанными категориями. Название общепрофессиональных компетенций осталось тем же, при значительных внутренних различиях. Актуализированные общепрофессиональные компетенции федерального государственного образовательного стандарта от 2017 года в отличие от 2015 года направлены на профессиональную деятельность с обозначенными категориями или областями знаний. Профессиональные компетенции вынесены из федерального государственного образовательного стандарта высшего образования. Они должны быть сформулированы на основе соответствующих профессиональной деятельности профессиональных стандартов, при этом могут быть определены примерной основной образовательной программой как обязательные и (или) рекомендуемые профессиональные компетенции. При формировании у выпускника всех запланированных компетенций необходимо в программе обучения обозначить индикаторы достижения компетенций.

Ключевые слова: федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования, универсальные компетенции, общепрофессиональные компетенции, профессиональные компетенции, профессиональная деятельность.

FORMATION OF UNIVERSAL, GENERAL PROFESSIONAL AND PROFESSIONAL COMPETENCES IN BACHELORATE STUDENTS ON THE DIRECTION OF PREPARATION CONSTRUCTION

© 2018

Odarich Irina Nikolaevna, teacher

Togliatti State University

(445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya street, 14, e-mail: odarich28@gmail.com)

Abstract. Currently, professional standards are rapidly developing and approving. In accordance with the Federal Law adopted by the State Duma of the Russian Federation, the federal state educational standard of higher education was updated in the direction of training 08.03.01 Construction. As a result of mastering the bachelor's program, the graduate should have universal competencies, general professional competencies and professional competencies. The article shows the interrelation of federal state educational standards from 2015 and 2017 according to the requirements of mastering the curriculum. For example, general cultural competencies are transformed into universal competencies with developed categories. The name of general professional competencies remained the same, with significant internal differences. The updated general professional competencies of the federal state educational standard of 2017, unlike in 2015, are aimed at professional activities with designated categories or fields of knowledge. Professional competencies are taken from the federal state educational standard of higher education. They should be formulated on the basis of the relevant professional activities of professional standards, while they can be defined by an exemplary core educational program as mandatory and (or) recommended professional competencies. When forming a graduate of all planned competencies, it is necessary to designate indicators of achievement of competencies in the training program.

Keywords: federal state educational standard of higher education, universal competence, general professional competence, professional competence, professional activity.

Государственной Думой Российской Федерации 24 апреля 2015 года принят Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статьи 11 и 73 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»» (вступил в силу 1 июля 2016 года), которым было внесено в том числе следующее изменение: «Формирование требований федеральных государственных образовательных стандартов профессионального образования к результатам освоения основных образовательных программ профессионального образования в части профессиональной компетенции осуществляется на основе соответствующих профессиональных стандартов (при наличии)» [1]. В статье 4 п.2 данного ФЗ сказано, что актуализировать ФГОС необходимо в течение 1 года со дня вступления его в силу, то есть до 1 июля 2017 года. В связи с чем утвержден приказом Министерства образования и науки РФ от 31 мая 2017 года N 481 федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 08.03.01 Строительство (зарегистрирован в Минюсте России 23 июня 2017 года N 47139) [2].

Строительство, как отрасль, создает комфортную и безопасную среду жизнедеятельности, а развитие ка-

дрового потенциала в строительной области на прямую зависит от системы образования – реализации основных образовательных программ высшего образования. Реформы системы образования связаны с необходимостью быть универсальным и адаптивным выпускником, то есть быть готовым решать разносторонние профессиональные задачи согласно требованиям работодателя.

В соответствии с ФГОС ВО от 2017 года в результате освоения программы бакалавриата у выпускника должны быть сформированы универсальные компетенции (УК), общепрофессиональные компетенции (ОПК) и профессиональные компетенции (ПК). По сравнению с ФГОС ВО 3+ (от 2015 года), в ФГОС ВО 3++ (от 2017 года) общекультурные компетенции преобразованы в универсальные с разработанными следующими категориями: «системное и критическое мышление, разработка и реализация проектов, командная работа и лидерство, коммуникация, межкультурное взаимодействие, самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровье сбережение), безопасность жизнедеятельности» [2]. В таблице 1 показана преемственность компетенций, так, например, УК-4 и УК-8 преобразованы по сравнению с остальными универсальными компетенциями с минимальным отличием от ОК-5 и ОК-9. В свою очередь

ОК-6 разделена на две универсальные компетенции УК-3, УК-5. В категорию самоорганизации и саморазвития объединены УК-6 и УК-7 аналогичные соответственно ОК-7 и ОК-8. Универсальные компетенции УК-1 и УК-2 разработаны с максимальным отличием от бывших общекультурных компетенций, хотя системное и критическое мышление базируется в том числе на философских знаниях и на способности анализировать этапы и закономерности исторического развития общества, дополнительно выпускник должен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации. Для разработки и реализация проектов (УК-2) необходимы основы экономических и правовых знаний при умении ставить цели, определять задачи и выбирать оптимальные пути их решения.

Таблица 1 – Актуализированные требования к результатам освоения программы бакалавриата

Общекультурные компетенции ФГОС ВО от 2015 года		Универсальные компетенции ФГОС ВО от 2017 года		
Наименование	Код	Код	Наименование	Категория
Способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции	ОК-1	УК-1	Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач	Системное и критическое мышление
Способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции	ОК-2			
Способность использовать основы экономических знаний в различных сферах жизнедеятельности	ОК-3	УК-2	Способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений	Разработка и реализация проектов
Способность использовать основы правовых знаний в различных сферах жизнедеятельности	ОК-4			
Способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия	ОК-5	УК-4	Способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)	Коммуникация
Способность работать в коллективе, толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия	ОК-6	УК-3	Способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде	Командная работа и лидерство
		УК-5	Способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах	Межкультурное взаимодействие
Способность к самоорганизации и самообразованию	ОК-7	УК-6	Способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни	Самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровье сбережение)
Способность использовать методы и средства физической культуры для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности	ОК-8	УК-7	Способен поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности	
Способность использовать приемы первой помощи, методы защиты в условиях чрезвычайных ситуаций	ОК-9	УК-8	Способен создавать и поддерживать безопасные условия жизнедеятельности, в том числе при возникновении чрезвычайных ситуаций	Безопасность жизнедеятельности

В федеральном государственном образовательном стандарте от 2017 года обозначены также, как и во ФГОС от 2015 года общепрофессиональные компетенции (ОПК) при значительных внутренних различиях. Между тем на основании имеющихся общепрофессиональных компетенций сформулированы ОПК-1 и ОПК-2 нового ФГОС ВО (таблица 2). При этом аналогично

универсальным компетенциям в актуализированном ФГОС разработаны категории (группы) общепрофессиональных компетенций, а именно «теоретическая фундаментальная подготовка, информационная культура, теоретическая профессиональная подготовка, работа с документацией, изыскания, проектирование и расчетное обоснование, управление качеством, производственно-технологическая работа, организация и управление производством, техническая эксплуатация» [2].

Таблица 2 – Взаимосвязь общепрофессиональных компетенций ФГОС ВО

Общепрофессиональные компетенции ФГОС ВО от 2015 года		Общепрофессиональные компетенции ФГОС ВО от 2017 года		
Наименование	Код	Код	Наименование	Категория
Способность использовать основные законы естественнонаучных дисциплин в профессиональной деятельности, применять методы математического анализа и математического (компьютерного) моделирования, теоретического и экспериментального исследования	ОПК-1	ОПК-1	Способен решать задачи профессиональной деятельности на основе использования теоретических и практических основ естественных и технических наук, а также математического аппарата	Теоретическая фундаментальная подготовка
Способность выявить естественнонаучную сущность проблем, возникающих в ходе профессиональной деятельности, привлечь их для решения соответствующий физико-математический аппарат	ОПК-2			
Владение основными законами геометрического формирования, построения и взаимного пересечения моделей плоскости и пространства, необходимыми для выполнения и чтения чертежей зданий, сооружений, конструкций, составления конструкторской документации и деталей	ОПК-3			
Владение эффективными правилами, методами и средствами сбора, обмена, хранения и обработки информации, навыками работы с компьютером как средством управления информацией	ОПК-4	ОПК-2	Способен вести обработку, анализ и представление информации в профессиональной деятельности с использованием информационных и компьютерных технологий	Информационная культура
Способностью осуществлять поиск, хранение, обработку и анализ информации из различных источников и баз данных, представлять ее в требуемом формате с использованием информационных, компьютерных и сетевых технологий	ОПК-6			

Однако, как видно из таблицы 2, актуализированные общепрофессиональные компетенции федерального государственного образовательного стандарта от 2017 года в отличие от 2015 года направлены на профессиональную деятельность. Остальные же общепрофессиональные компетенции (от ОПК-3 до ОПК-10) ФГОС ВО от 2017 года можно сравнить с профессиональными компетенциями ФГОС ВО от 2015 года. В таблице 3 для примера рассмотрены ОПК-3, ОПК-4, ОПК-5, ОПК-6, ОПК-10.

При обозначенных в ФГОС ВО от 2017 года универсальных и общепрофессиональных компетенциях, профессиональные компетенции (ПК) должны быть сформулированы на основе соответствующих профессиональной деятельности профессиональных стандартов (ПС), при этом они могут быть определены ПООП как обязательные ПК и (или) рекомендуемые (ПК). Организация при разработке программы бакалавриата по направлению подготовки 08.03.01 Строительство при наличии должна включить все обязательные ПК, в праве при наличии включить одну или несколько рекомендуемых ПК, а также может включить самостоятельно определенные одну или несколько ПК.

При самостоятельном формулировании ПК на основе выбранной одной или нескольких функциональных карт вида профессиональной деятельности из реестра

Организация может выделить полностью или частично соответственно одну или несколько обобщенных трудовых функций (ОТФ). В результате, установленные программой бакалавриата, компетенции в совокупности должны обеспечить выпускнику строительного профиля способность осуществлять согласно ПС не менее чем в одной области профессиональную деятельность, и решать задачи не менее чем одного типа профессиональной деятельности, указанные во ФГОС ВО. При формировании у выпускника всех запланированных компетенций необходимо в программе обучения обозначить индикаторы достижения компетенций, согласно ПООП для УК, ОПК и при наличии обязательных ПК, и самостоятельно для рекомендуемых и самостоятельно установленных ПК. Также Организация должна в соответствии с рассмотренными индикаторами достижения компетенций самостоятельно спланировать результаты обучения по дисциплинам (модулям) и практикам.

Таблица 3 – Взаимосвязь профессиональных и общепрофессиональных компетенций ФГОС ВО

Профессиональные компетенции ФГОС ВО от 2015 года		Общепрофессиональные компетенции ФГОС ВО от 2017 года		
Наименование	Код	Код	Наименование	Категория
Знание нормативной базы в области инженерных изысканий, принципов проектирования зданий, сооружений, инженерных систем и оборудования, планировки и застройки населенных мест	ПК-1	ОПК-3	Способен принимать решения в профессиональной сфере, используя теоретические основы и нормативную базу строительства, строительной индустрии и жилищно-коммунального хозяйства	Теоретическая профессиональная подготовка
Способность проводить предварительное технико-экономическое обоснование проектных решений, разрабатывать проектную и рабочую техническую документацию, оформлять законченные проектно-конструкторские работы, контролировать соответствие разрабатываемых проектов и технической документации заданию, стандартам, техническим условиям и другим нормативным документам	ПК-3	ОПК-4	Способен использовать в профессиональной деятельности распорядительную и проектную документацию, а также нормативные правовые акты в области строительства, строительной индустрии и жилищно-коммунального хозяйства	Работа с документацией
Способность участвовать в проектировании и изыскании объектов профессиональной деятельности	ПК-4	ОПК-5	Способен участвовать в инженерных изысканиях, необходимых для строительства и реконструкции объектов строительства и жилищно-коммунального хозяйства	Изыскания
Владение методами проведения инженерных изысканий, технологией проектирования деталей и конструкций в соответствии с техническим заданием с использованием универсальных и специализированных программно-вычислительных комплексов и систем автоматизированного проектирования	ПК-2	ОПК-6	Способен участвовать в проектировании объектов строительства и жилищно-коммунального хозяйства, в подготовке расчетного и технико-экономического обоснований их проектов, участвовать в подготовке проектной документации, в том числе с использованием средств автоматизированного проектирования и вычислительных программных комплексов	Проектирование. Расчетное обоснование
Способен осуществлять и организовывать техническую эксплуатацию зданий, сооружений объектов жилищно-коммунального хозяйства, обеспечивать надежность, безопасность и эффективность их работы	ПК-6	ОПК-10	Способен осуществлять и организовывать техническую эксплуатацию, техническое обслуживание и ремонт объектов строительства и/или жилищно-коммунального хозяйства, проводить технический надзор и экспертизу объектов строительства	Техническая эксплуатация

Основаниями для выделения образовательной организацией видов профессиональной деятельности является анализ рынка труда, обобщение зарубежного опыта, консультации работодателей отрасли, которой требуются

выпускники основных профессиональных образовательных программ. Например, наиболее распространенными профессиями для саморегулируемых организаций (СРО) в области строительства, реконструкции и капитального ремонта являются в том числе профессии мастера, прораба и начальника участка, представленные в профессиональном стандарте «Организатор строительного производства» (ПСОСП) [3]. Описанные в ПСОСП трудовые действия, необходимые знания и умения формируются при изучении в совокупности целого ряда дисциплин, например, «Основы организации и управления в строительстве», «Организация и планирование в строительстве», «Основания и фундаменты», «Железобетонные и каменные конструкции», «Металлические конструкции».

Таким образом, для реализации учебного процесса разрабатывать учебно-методические комплексы дисциплин (УМКД) бакалавриата строительного профиля необходимо с учетом соотношения федерального государственного образовательного стандарта высшего образования с самостоятельно выбранными (один или несколько) профессиональными стандартами, с целью осуществления выпускником вида профессиональной деятельности (ПС) благодаря формированию универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций (ФГОС ВО от 2017 года) с учетом решения профессиональных задач одного или нескольких типов: «Изыскательский, проектный, технологический, организационно-управленческий, сервисно-эксплуатационный, экспертно-аналитический» [2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статьи 11 и 73 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 2 мая 2015 г. N 122 Ф3 // Режим доступа: <http://base.garant.ru/71001244/>.

2. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 08.03.01 Строительство [Электронный ресурс]: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 31 мая 2017 г. N 481 // Режим доступа: <https://минобрнауки.рф/документы/10448>.

3. Об утверждении профессионального стандарта «Организатор строительного производства» [Электронный ресурс]: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 26.06.2017 N 516н (ред. от 12.09.2017) // Режим доступа: <http://base.garant.ru/71724634/>.

Статья поступила в редакцию 17.12.2017

Статья принята к публикации 28.03.2018

**КВЕСТ-ИГРА КАК КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА: СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИЯ
ОРГАНИЗАЦИИ В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ**

© 2018

Ошкина Алла Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Дошкольная педагогика и психология»
Тольяттинский государственный университет
(445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 14, e-mail: allaoshkina@yandex.ru)

Аннотация. В дошкольном образовании в условиях внедрения Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования происходит поиск эффективных и целесообразных форм, технологий работы с детьми, которые позволили бы сформировать человека с необходимым набором качеств, требуемых современными условиями труда. На сегодняшний день актуальными умениями являются: умения работать над проблемами, находить разные способы решения проблем, работать в команде. Формирование таких умений должно происходить с учетом принципов дошкольной педагогики и в адекватных возрасту ребенка формах. Одним из направлений развития дошкольного образования с учетом требований является включение в образовательный процесс культурных практик. Разработка видов культурных практик предполагает деятельностный подход и создание условий для самостоятельного овладения ребенком части современной культуры. Одним из видов культурной практики является квест-игра. В статье рассматривается подход к включению культурной практики «Квест-игра» в образовательный процесс дошкольной организации. Представленное описание содержания данной практики, классификации и технологии реализации будет интересно педагогам дошкольных образовательных организаций.

Ключевые слова: дошкольное образование, дошкольная образовательная организация, дошкольники, культурные практики, игровые технологии, квест-игры, образовательная программа, вариативные образовательные технологии.

**QUEST GAME AS A CULTURAL PRACTICE: CONTENT AND ORGANIZATION
TECHNOLOGY IN PRESCHOOL EDUCATION**

© 2018

Oshkina Alla Anatolevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
of the chair «Preschool pedagogy and psychology»
Togliatti State University
(445020, Russia, Togliatti, st. Belarussian, 14, E-mail: allaoshkina@yandex.ru)

Abstract. In preschool education, in the context of the implementation of the Federal state educational standard of preschool education, there is a search for effective and appropriate forms, technologies for working with children that would allow to form a person with the necessary set of qualities required by modern working conditions. Today actual abilities are: abilities to work on problems, to find different ways of the solution of problems, to work in team. The formation of such skills should take place in accordance with the principles of pre-school pedagogy and in appropriate forms of the child's age. One of the directions of development of preschool education taking into account requirements is inclusion in educational process of cultural practices. The development of cultural practices involves an activity approach and the creation of conditions for self-mastery of the child part of modern culture. One of the cultural practices is a quest game. The article discusses the approach to the inclusion of cultural practice "Quest-game" in the educational process of preschool organization. The presented description of the content of this practice, classification and implementation technology will be of interest to teachers of preschool educational institutions.

Keywords: preschool education, preschool educational organization, preschoolers, cultural practices, game technologies, quest games, educational program, variable educational technology.

Понятие «культурная практика» [1, 2, 3] прочно входит в дошкольное образование в связи с внедрением ФГОС ДО.

Выделяя современные культурные практики детей дошкольного возраста и их типологию, ученые (С.Е. Анфисова [4], О.В. Дыбина [5], А.Ю. Козлова [6], А.А. Ошкина [7], Е.А. Сидякина [8]) руководствуются тем, что современные дети хотят получать (осваивать) жизненный опыт, апробировать новые способы и формы деятельности и поведения (в целях удовлетворения своих разнообразных потребностей и интересов) в процессе культурных практик, выделенных на основе деятельностного подхода, учитывающих социально-нормативные характеристики дошкольников. Среди культурных практик, отвечающим таким требованиям определены «Квест-игра», «Интеллектуальная игра «Что? Где? Когда?», «Игра «Активити», «Hand made».

Большой востребованностью на сегодняшний день выступает такая культурная практика, как «Квест-игра».

Анализ последних исследований показывает возросший интерес к данной игре в разных аспектах и отраслях образования. Кузнецова Т.А. определяет квест-игру как «пример организации интерактивной образовательной среды» [9]. А. Яковенко рассматривает квест-игру как «проблемное задание с элементами ролевой игры, для выполнения которой используются информационные ресурсы Интернета» [10]. Данный вид игры может быть как индивидуальным, так и групповым. И.Н. Сокол считает, что квест – это технология, имеющая четко сфор-

мулированную дидактическую задачу, правила, наставника, игровой замысел, целью реализации которой является развитие у детей различных навыков и умений [11].

По мнению М.А. Бовтенко [12], Я.С. Быховского [13] и других ученых, при использовании квест-игр воспитанники приобретают довольно мощную мотивацию: от заинтересованности до удовлетворенности и восторга, знакомятся с материалом, который можно изучать, сделать предметом обсуждения, а также на его основе создавать новые осознанные концепции и отношения на фоне проблем окружающей действительности, разрабатывать значимые в практическом плане проекты.

В рамках внедрения квест-игры как культурной практики в деятельность дошкольного образовательного учреждения целесообразно охарактеризовать содержание и технологию ее организации.

Квест-игра – культурная практика, основанная на взаимодействии взрослого и детей, в процессе которого приобретает опыт совместного решения проблемных задач, предусмотренных сюжетом игры (А.А. Ошкина) [14, с. 632-638].

В ходе организации квестов в работе с дошкольниками реализуются задачи, предусмотренные ФГОС ДО:

1. Охраны и укрепления физического и психического здоровья детей, в том числе их эмоционального благополучия;

2. Обеспечения преемственности целей, задач и содержания образования, реализуемых в рамках образовательных программ различных уровней (далее – пре-

емственность основных образовательных программ дошкольного и начального общего образования);

3. Формирования общей культуры личности детей, в том числе ценностей здорового образа жизни, развития их социальных, нравственных, эстетических, интеллектуальных, физических качеств, инициативности, самостоятельности и ответственности ребенка, формирования предпосылок учебной деятельности;

4. Формирования социокультурной среды, соответствующей возрастным, индивидуальным, психологическим и физиологическим особенностям детей.

Квест-игры направлены на то, чтобы на заключительной стадии дошкольного образования были достигнуты следующие целевые ориентиры:

- овладение ребенком основными культурными видами деятельности, проявление самостоятельности и собственной инициативы в различных формах деятельности;

- активное взаимодействие ребенка со взрослыми и сверстниками, его участие в коллективных играх; наличие способности договариваться, принимать во внимание чувства и интересы окружающих, сопереживать в неудачах и испытывать радость при успехах других людей, адекватно проявлять свои чувства, такие как чувство веры в собственные силы, стараться мирно урегулировать конфликты;

- наличие у ребенка развитого воображения, реализация которого осуществляется в процессе разного рода деятельности, в первую очередь – в играх;

- владение ребенком устной речью на достаточно хорошем уровне, которое выражается в том, что он способен к выражению своих мыслей и желаний, может пользоваться речью для того, чтобы выразить свои чувства, мысли и желания, строить речевое высказывание в процессе ситуации общения;

- способность ребенка проявлять волевые усилия, в своем поведении придерживаться социальных норм, а также следовать правилам в различных видах деятельности, в том числе в общении со сверстниками взрослыми.

Квест как вид командной игры, характеризуется сюжетом, ролями, решением проблемных ситуаций (заданий), в соответствии с ролью и сюжетом.

Квест, как одна из молодых педагогических технологий, содержит элементы мозгового штурма, тренинга, игры, и соответственно, решает комплекс задач, которые характерны вышеназванным технологиям.

При организации квестов целесообразно ориентироваться на следующие требования, которые вытекают из особенностей игры квест:

- правила и специфика заданий, а также игровая «легенда» определяются общей игровой целью, которая устанавливается для участников в самом начале. Итоговая игровая цель для всех команд является общей, независимо от того, присутствует ли в данной игре соревновательный элемент или нет. Общая цель – это главный внутренний мотиватор программы.

- реальность внешней среды. Где бы ни проводился квест – в помещении детского сада, на участке, внешняя среда, окружающая команду реалистична, а, значит, изменчива, неопределенна, наполнена возможностями и рисками – словом максимально соответствует тому, с чем участникам приходится сталкиваться в повседневной деятельности.

- этапность игры. В процессе игры дошкольники последовательно переходят от одного этапа к другому в процессе решения различных задач (поисковых, творческих, логических, активных и др.). Преодолевая каждый определенный этап, команда или отдельный игрок получают возможность перейти на следующий. Таким образом команда или игрок получают недостающие снаряжения, подсказки, информацию и т.п. В некоторых случаях команда сама определяет свой маршрут, однако, без успешного прохождения определенного числа эта-

пов, она не сможет достигнуть конечной игровой цели.

- если игра имеет командный характер, то участники распределены по командам игроков, их численность составляет 8–10 человек. Во время прохождения игровых этапов команда не разделяется на части, а члены команды решают вопросы вместе, сообща.

- игроков сопровождает куратор (взрослый). Основной задачей куратора является обеспечение безопасности игроков, консультирование игроков о специфике задач, по вопросам игровой логики, а также оказание поддержки участникам, помощи при решении организационных вопросов и, если это необходимо, помощи при организации взаимодействия внутри команды.

- возможность межкомандного взаимодействия – через обмен информацией, объединение ресурсов для решения сложных задач, построение общей игровой стратегии и т.п. Игроки снабжаются средствами связи (рации, мобильные телефоны) и могут создавать и поддерживать общее информационное пространство.

Квест-игра имеет ряд особенностей: образовательная задача организуется посредством игровой деятельности и носит поисковый характер; для этого вида игровой практики характерно обязательное наличие сюжета, определенных ролей, и, соответственно, игровых атрибутов для каждого персонажа; роль педагога–куратора и предполагает косвенное участие, что дает больше самостоятельности детям, подталкивает их к более тесному сотрудничеству между собой, совместному поиску решений; стимулирует эмоциональную и интеллектуальную активность детей.

Не смотря на сравнительно недавнее появление квест-игр, педагогами уже отмечается ее эффективность при решении образовательных задач. В частности, благодаря наличию разнообразных творческих заданий, высокой активности детей в процессе игры, их заинтересованности в достижении поставленной задачи, испытанию себя в самых неожиданных ситуациях, осуществляется всестороннее развитие личности ребенка, его индивидуальных способностей. Так как в основе квестов лежат игры, а игра, как известно–ведущая деятельность детей в дошкольном возрасте, воспитанники лучше усваивают информацию, потому что она преподносится им в форме загадок, кроссвордов, головоломок, организованы музыкальные, поэтические соревнования, творческие поединки; у детей есть возможность не только проявить себя, но и ближе познакомиться со сверстниками, научиться договариваться с ними, находить компромиссы, действовать, учитывая мнение товарищей по группе, учиться распределять общую работу так, чтобы каждый участник имел возможность сделать свой вклад в дело и за качество выполненного нес личную и осознавал коллективную ответственность.

Примечательно, что в отличие от многих форм организации деятельности в ДОО, квест–игры могут быть интересны не только воспитанникам, но и родителям. При освоении данной технологии, возможно проведение квест-игры в домашних условиях, задействовав при этом всех членов семьи. В таком случае, у ребенка формируется положительное отношение к описываемой форме деятельности, устанавливается взаимный контакт с близкими, укрепляются детско–родительские отношения, между родителями, педагогами и детьми упорно осуществляется взаимодействие на основе сотрудничества, что является одним из требований ФГОС ДО.

Сравнивая квест–игры с традиционными играми в дошкольных образовательных организациях, выделяются существенные преимущества квест-игр в условиях современных требований образования.

Во-первых, квест–игры предполагают присвоение каждому участнику своей роли, наличие соответствующих атрибутов, перечня правил, которым необходимо следовать и подчеркнута важность каждого персонажа игры, что дает детям возможность почувствовать свою значимость в детском коллективе; во-вторых, квест-игры

всегда имеют уникальный сюжет и самые неожиданные повороты событий, которые зависят от играющих, что лишь прибавляет интерес к деятельности, что не присуще играм в традиционном обучении; в-третьих, у ребенка есть возможность продемонстрировать смекалку, талант, знание в какой-либо области и получить похвалу не только от педагога, но и от сверстников, что повышает его уверенность в себе и своих силах, самооценку и является прочным стимулом к дальнейшему саморазвитию; в-четвертых, постоянная необходимость думать, находить новые, оригинальные решения развивает у детей воображение, мышление, умение логично выстраивать свои суждения, предположения, какого шанса не предоставляет методика традиционного обучения, так как материал дается уже в готовом виде и у детей нет необходимости добывать знания из других источников; и в-пятых, в квест-играх педагог играет роль куратора, предполагая предоставление большей самостоятельности дошкольникам, оставляя им право решать, в какое русло повернуть сюжет, самим отслеживать соблюдение ранее оговоренных правил, корректируя не только свои действия, но и действия своих товарищей, учась не просто указывать на ошибки, неточности и нарушения, а аргументировать свою точку зрения, подбирать слова и выражения так, чтобы не обидеть сверстника, но помочь ему исправиться.

Таким образом, можно отметить явное преимущество квест-игры перед играми в традиционном обучении и прогнозировать высокую эффективность применения этой культурной практики в формировании опыта совместного решения проблемных задач.

В современной дошкольной педагогике возможно выделить несколько классификаций квест-игр.

По виду деятельности: двигательный, литературный, компьютерный, игровой, познавательный, творческий.

По количеству участников: индивидуальные, малыши группами, большими группами (до 20 человек).

По составу участников: детские команды, детско-родительские команды (педагоги), разновозрастные, разновозрастные. Взрослый может выступать куратором, а может быть членом команды.

Организация квест-игры предполагает технологию проведения в соответствии с этапами: мотивационно-целевым, содержательно-деятельностным, оценочно-рефлексивным. Данные этапы обусловлены содержательной и технологической особенностью квест-игр.

Содержание мотивационно-целевой этапа:

– выбор сюжета квест игры, продумывание правил игры;

– составление сценария, с головоломками, викторинами, кроссвордами, ролевыми сюжетами;

– продумывание: системы оценивания игры, время игры, безопасность игры.

– самоподготовка педагога к выполнению роли ведущего:

а) составление текста для координатора игры и его помощников, в соответствии с темой и маршрутом игры;

б) продумывание, зашифровка и оформление заданий, подсказок;

в) репетиция текста и действий координатора игры и координаторов на этапах прохождения маршрута;

г) прохождение маршрута квест игры координатором и помощниками.

– Подготовка участников игры:

а) положительный настрой участников игры на предстоящее событие;

б) подготовка к выполнению заданий (тренировка) – чтение художественной литературы, детских энциклопедий, создание «копилки» информационных знаний по выбранной теме, проведение дидактических, развивающих, настольно-печатных игр, просмотр познавательных программ и т.д.

– формирование (комплектование) команды и выбор капитана;

– подготовка команды – определение названия команды, внешнего вида, озвучивание с правилами.

– подготовка координаторов-помощников: подготовка материалов для подсчета баллов (оценочные таблицы).

Содержание содержательно-деятельностного этапа:

– объявление участникам легенду квеста-путешествия;

– объяснение правил игры;

– раздача командам маршрутных листов

– проведение игры

Содержание оценочно-рефлексивного этапа:

– подведение итогов игры.

– награждение участников игры

Проведение культурных практики осуществляется в ходе образовательной деятельности и тесно связана с самостоятельной деятельностью дошкольников, но которую предусматривается время при проектировании основной образовательной и адаптированной образовательных программ. В связи с широким внедрением данной культурной практики в деятельность дошкольной образовательной организации необходимо предусмотреть и подготовку педагогических кадров к реализации квест-игр как культурной практики в данном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Крылова Н.Б. Общая и прикладная культурология в решении актуальных задач организации и развития образования // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований / Под ред. И.М. Быховской. М.: Смысл, 2010. С. 547-559.

2. Крылова Н.Б. Открытое образование // Новые ценности образования. № 3 (27). 2006. С. 3.

3. Технология культурных практик формирования у старших дошкольников направленности на мир семьи : учебно-методическое пособие / Под ред. О.В. Дыбиной. М.: Центр педагогического образования, 2014. 144 с.

4. Культурная практика «Handmade»: учебно-методическое пособие / под ред. С.Е. Анфисовой. Ульяновск : Издатель Качалин Александр Васильевич, 2017. 96 с.

5. Дыбина О.В. Формирование у детей 6–7 лет основ культуры познания в процессе познавательно-исследовательской деятельности // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 123-126.

6. Культурная практика «Игра-Активити»: учебно-методическое пособие / под ред. А.Ю. Козловой. Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2017. 60 с.

7. Культурная практика «Квест игра»: учебно-методическое пособие / под ред. А.А. Ошкиной. Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2017. 72 с.

8. Культурная практика «Интеллектуальная игра «Что? Где? Когда?» : учебно-методическое пособие / под ред. Е.А. Сидякиной. Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2017. 76 с.

9. Кузнецова Т.А. Технология веб-квест как интерактивная образовательная среда // ИТО–Иваново–2011 / Секция 2. URL: <http://ito.edu.ru/2011/Ivanovo/II/II-0-12.html>.

10. Яковенко А.В. Использование технологии Web-quest в языковом образовании. URL : http://www.rusnauka.com/5_SWMN_2012/Pedagogica/1_100769.doc.htm.

11. Сокол И.Н. Классификация квестов // Молодой ученый. 2014. № 6 (09). С. 139.

12. Бовтенко М.А. Информационно-коммуникационные технологии в преподавании иностранного языка: создание электронных учебных материалов: учеб. пособие. Новосибирск. 2005. 112 с.

13. Быховский Я.С. Как создать веб-квест для самостоятельной работы учащихся? 2000. 21 августа. URL : <http://teacher.fio.ru/news.php?n=59&c=1529>.

14. Ошкина А.А. Квест-игра – культурная практика детей дошкольного возраста // Психолого-педагогические

и технологические аспекты организации образовательной среды в условиях реализации ФГОСов : материалы международной научно-практической конференции (заочной) (Тольятти, 7 – 28 ноября 2016 г.) / под ред. О.В. Дыбиной [и др.] . Ульяновск : Издатель Качалин Александр Васильевич, 2016. 742 с.

Статья поступила в редакцию 14.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 378

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РАЗВИТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МЫСЛИ КАК РЕСУРС
РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2018

Прокопенко Роман Александрович, аспирант педагогического института

Тихоокеанский государственный университет

(680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, e-mail: 2009dv@mail.ru)

Аннотация. Проанализировав предпосылки и сам процесс эволюции управленческой мысли к гуманистическому полюсу, автор статьи выявил особенности и функции управления в современном мире. Феномен управления и его функции осмыслены в ориентации на субъект-субъектные взаимоотношения и особенности управленческого труда в информационном обществе, обоснованы необходимые для этого личностные качества и способности. Отношение к управленческой компетентности личности как общекультурной и универсальной подводит к вопросу о педагогических условиях активации ресурсов социально-гуманитарных дисциплин в образовательном процессе образовательных организаций высшего образования.

Ключевые слова: гуманистическое направление, информационное общество, управление, функции управления, субъект-субъектные отношения, человекосоразмерность образования, управленческая компетентность личности.

HUMANISTIC DIRECTION IN THE DEVELOPMENT OF MANAGEMENT THOUGHT AS A RESOURCE
FOR THE DEVELOPMENT OF THEORY AND PRACTICE OF HIGHER EDUCATION

© 2018

Prokopenko Roman Alexandrovich, graduate student of the Pedagogical Institute

Pacific National University

(680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx street, 68, e-mail: 2009dv@mail.ru)

Abstract. Analyzing the prerequisites and the process of evolution of managerial thought to the humanistic pole, the author of the article revealed the features and functions of management in the modern world. The management phenomenon and its functions are understood in the orientation to subject-subject relationships and the features of managerial work in the information society, the necessary personal qualities and abilities are grounded for this. Attitude to the administrative competence of the individual as a general cultural and universal leads to the question of the pedagogical conditions for activating the resources of socio-humanitarian disciplines in the educational process of institutions.

Keywords: humanistic direction, information society, management, management functions, subject-subject relations, human-size education, managerial competence of the individual.

Гуманистическое направление в развитии современной управленческой мысли связано с изучением и анализом поведения, мотивов, потребностей и взаимоотношений людей, которые в свою очередь обеспечивают устойчивое развитие общества на фоне общечеловеческих проблем современного мира. Оно возникло в связи с очередным мировым экономическим кризисом, вызвавшим к концу первой трети XX в. снижение эффективности подавляющего количества предприятий. Недостаточный учет человеческого фактора в сфере управления стал причиной критики технократического управления персоналом и классической школы в целом (Э. Мэйо, А. Маслоу и др.), потребовал пересмотра не только ключевых принципов управления и управленческой парадигмы, подходов к подготовке специалистов, но и, как оказалось, обновления философско-педагогических оснований формирования управленческой компетентности личности в системе высшего профессионального образования.

В последней трети XX в. мир вступил в новую стадию своего развития. Этот процесс называют третьей социально-технической революцией или информатизацией общества и, соответственно этим параметрам, – постиндустриальным или информационным обществом.

Главное следствие третьей промышленно-технологической революции (другое название – научно-техническая революция, НТР) заключается в появлении новых товаров, технологий, отраслей, форм организации труда, рынков, материалов и источников энергии. Основной производственной силой становится наука, что приводит к кардинальным изменениям в различных сферах жизнедеятельности и производства.

Переход от производства стандартизированной и унифицированной продукции к индивидуализированному производству, потреблению и индивидуализированному образу жизни, быстрое распространение информационно-коммуникативных технологий создают поле для взаимодействия, расширяют культурное пространство во всем его многообразии, формируют условия для проявления индивидуальности, появления новых ценностей и нового взгляда на мир.

Если теория постиндустриального общества описы-

вала процесс перехода к новому обществу, в котором главным стало производство услуг, информации и знаний (А. Турен, Д. Белл, П. Друкер и др.), то появившаяся несколько позже теория информационного общества анализирует роль информации и знаний в современной экономике и жизни людей (М. Порат, М. Кастельс и др.). Примечательно, что Д. Белл употребляет понятие «информационное общество» не для обозначения очередной фазы постиндустриального общества, а для обозначения новой социокультурной доминанты – информации [1].

По мнению сторонников теории информационного общества, информационный подход преобладает в понимании человека и бытия человека как субъекта информационного процесса, как творца и носителя информации и знания. Такому обществу свойственно стабильное и эффективное взаимодействие населения с правительством и со всей системой государственной власти, впервые обеспечивающей гражданам возможность участвовать в процессе принятия решений, влиять на деятельность правительства и других государственных структур, осуществлять контроль над этой деятельностью.

В контексте эволюции современной управленческой мысли актуальными для нас были определения информационного общества, в которых выделяются новые признаки, черты и функции феномена управления, и наоборот: определения понятия «управление», в которых учитываются особенности информационного общества.

По мнению некоторых ученых (Н.В. Новичков и др.), в конце XX – начале XXI вв. роль информации в обществе возросла и произошла десятая управленческая революция (другими словами, информационная), характеризующаяся появлением средств связи, телевидения, печати, электронной почты, интернета и т.д. Экспертные системы, искусственный интеллект, виртуальная реальность и бурно развивающиеся компьютерные технологии выводят управление на новый виток развития, что в свою очередь оказывает влияние на все виды деятельности.

Поэтому информационному обществу свойственны увеличение значимости информации и знания в жизни общества и человека, возрастание роли информацион-

ных коммуникаций, продуктов и услуг общественно-экономической и культурной жизни, создание глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам, удовлетворение потребностей в информационных продуктах и услугах. В связи с этим в информационном обществе ученые выделяют даже управление знаниями, понимая под этим «разработку и размещение учебных материалов, формализацию неявных педагогических знаний с помощью современных инфокоммуникационных средств, а также обеспечение доступа к этим материалам для последующего открытого обсуждения» [2, с. 34].

Не случайно близкое по смыслу научное направление «когнитивный менеджмент» появилось на рубеже XX - XXI вв. Оно связано «с рефлексией философской мысли относительно необходимости и возможности приведения в соответствие теории управления с практикой социальной жизни» и интерпретируется как управление, свойственное информационному обществу [3, с. 101].

Таким образом, именно в информационном, а не постиндустриальном обществе, информация и управление – это два не только взаимосвязанных, но и взаимозависимых понятия: «любой управленческий процесс может быть представлен как *информационное взаимодействие* объектов, приводящее к *целенаправленному изменению функционирования* одного из них» [4, с. 78] (курсив наш – Р.П.).

Проблемы, возникающие в информационном обществе, приводят к необходимости выявления новых функций управления, отвечающих на не известные ранее вызовы (скорости обновления и увеличения объемов информации, быстроменяющиеся технологии ее поиска, хранения, распространения, многообразие источников и т.п.). Современные ученые формулируют новые функции в русле определенных научных направлений развития менеджмента в XX – начале XXI вв.

Так, основоположник административной школы А. Файоль (1841 – 1925 гг.) считал, что «управлять – значит предвидеть, организовывать, распоряжаться, координировать, контролировать» [5]. В соответствии со своими научными взглядами он выделял взаимодействующие операции: технические, коммерческие, финансовые, страховые, учетные и административные, – и, ориентируясь на этапы управленческого цикла, указывал пять основных функций управления: предвидение, планирование, организация, координирование и контроль [5].

По объективным причинам школа Файоля не уделяла достаточного внимания ни «социальным аспектам управления (что затруднило ее синтез с социологическим направлением)», ни психологическим и поведенческим факторам организации работы. Поэтому административной школе было свойственно «рационалистическое понимание», которое впоследствии привело к необходимости разработки новых подходов, учитывающих роль субъективных факторов в управлении [6, с. 19-20].

Развивая идеи административной школы, сторонники процессного подхода: А. Файоль (1841 – 1925 гг.), автор концепции процессного подхода, Л. Урвик (1894 – 1983 гг.), исследователь организации и методов управления, Д. Муни (1884 – 1957 гг.), разработчик принципа делегирования ответственности, и др., – рассматривали управление как сложно устроенную последовательность действий, каждое из которых влияет на общий процесс управления. К базовым функциям управления они тоже отнесли планирование, организацию, мотивацию и контроль, но дополнили их связывающими процессами – коммуникации и принятия решений [5]. С точки зрения процессного подхода, вышеуказанные функции рассматриваются как органически взаимосвязанные, вместе они образуют единый процесс управления, а управление рассматривается как «циклически организованная система управленческих функций» [6, с. 24].

В информационном обществе основные функции требуют дополнительной «конкретизации наполняемости и увеличения адаптивности данных функций к современным условиям» [7, с. 90]. Поэтому вышеперечисленные функции управления постоянно модифицируются и расширяются.

Адаптивность традиционных функций к усложняющемуся содержанию деятельности способствует появлению новых теорий управления, в центре которых процессы самоорганизации и саморазвития организаций. «При этом построение саморазвивающейся организации невозможно без включения этого процесса на всех уровнях, начиная с *каждого сотрудника*» [8, с. 94] (курсив наш – Р.П.).

Современная система управления складывается и действует не только в соответствии с содержанием функций управления и характером отношений, лежащих в основе управленческих взаимосвязей, но и в соответствии с условиями, в которых она формируется, с присутствием ей принципами построения, функционирования и преобразования.

Д.М. Гвишиани считает, что с учетом «видовых особенностей» ближайшим к понятию «управление» сейчас становится понятие «отношение» [9, с. 29]. Охарактеризовать управление без общественных отношений, по мнению ученого, не представляется возможным: в процессе управления сотрудники вступают в определенные управленческие отношения, которые субъективируют процесс общественных действий участников управления.

На этом основании управление рассматривается как вид социальной деятельности, а управленческие отношения – как «система взаимосвязей между субъектами управления, в основе которой лежит *заинтересованность* одного субъекта в определенном функционировании другого субъекта [...] и *заинтересованность* второго субъекта вести себя соответственно [...] для достижения *своих целей*, поддержания *эффективного функционирования, развития* и др.» [10, с. 1145] (курсив наш – Р.П.).

В гуманистическом русле управление рассматривается как деятельность, основывающаяся на процессах «человек-человек». В их основе – установление равных отношений «с целью *усиления резервов личности* для успешного решения проблем, эффективного достижения цели, <...> *понимания и принятия* другого для достижения целей управленческой деятельности» [11, с. 35] (курсив наш – Р.П.). Другими словами, в основе управленческой деятельности лежат субъект-субъектные взаимоотношения, которые невозможны вне общества [12].

Таким образом, в результате анализа современных научных идей и подходов мы пришли к выводу, что в условиях информационного общества управление в социальных системах подразумевает деятельность на основе субъект – субъектных отношений. Их эффективность зависит от гибкости ума, понимания особенностей управленческого труда, эмоционально-волевых качеств и гуманистически-ценностных ориентаций личности, а также ее способностей организовывать свою и коллективную работу, решать нестандартные задачи, принимать оптимальные управленческие решения, предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные ситуации.

Поскольку деятельность «регулируется не инстинктами, но культурой, то есть имеет социальную основу» [13, с. 13], то в процессе управления используются разнообразные ресурсы, в том числе и человеческие, которые, как мы убедились, в информационном обществе выходят на первый план.

Человек является своего рода основой социальных отношений (связей, взаимоотношений), причем на разных уровнях: в масштабах человечества, на уровне государств, наций, в сфере межличностных отношений, наконец, на уровне преломления социальных отношений

в жизнедеятельности каждой отдельной личности, ее потребностей, интересов, ценностных ориентаций, мотивации, самосознания, самоактуализации.

«Управление опирается на потребности, интересы, ценности, установки, опасения человека» [14, с. 11-12]. В зависимости от уровня жизнедеятельности и общественного развития меняются его характеристики, но главное направление этих изменений – усиление роли человеческого фактора в осуществлении управления» [14, с. 11-12] (курсив наш – Р.П.).

Выявленные тенденции способствуют научным поискам и внедрению новых форм управления организацией, технологий управления и подготовки персонала. Логично, что в связи с этим актуализируется вопрос о характере образования, необходимого для становления управленческой компетентности личности (шире – для подготовки личности к управленческой деятельности).

Что значит успешно управлять? В технократическом контексте всё ясно: «успешно управлять – означает удачно и обоснованно выбрать тип построения целенаправленного воздействия» [14, с. 11] (курсив наш – Р.П.).

Но с гуманистически-педагогической точки зрения, согласно которой, управление – это деятельность, основанная на субъект-субъектных отношениях, важно определить, где проходят допустимые границы управления. Примечательно, что вопрос и ответ на него сформулированы в рамках именно педагогических исследований: «В системе социального управления пределы такого воздействия определяются необходимой мерой самостоятельности и централизма, сотрудничества и партнерства в отношениях субъектов управления, совокупностью параметров социального объекта, поддающихся изменению посредством управленческого воздействия» [15, с. 155] (курсив наш – Р.П.).

В.Я. Назмутдинов и И.Ф. Яруллин тоже отмечают, что эффективность управления напрямую «зависит от взаимодействия управляющих и управляемых, от социально-психологического климата в коллективе, направленности личности каждого члена коллектива, желания успешно решать задачи, стоящие перед коллективом» [16, с. 24] (курсив наш – Р.П.).

В контексте этих ценностных ориентаций каждая образовательная организация высшего образования «призвана быть храмом, в котором гуманитарная культура становится достоянием будущих молодых специалистов», а каждый выпускник должен быть подготовлен к работе с человеческими ресурсами (людьми), даже если его профессиональная деятельность не будет с этим связана. Поэтому выпускники образовательных организаций «должны прекрасно разбираться в формальных и неформальных отношениях, морально-психологическом климате, духовных ценностях людей, эргономических и гигиенических условиях их трудовой деятельности и т.д.» [17].

Эти задачи под силу только образованию, которое рассматривается «как сфера социокультурной практики человечества, связанная с целенаправленным, специально организованным «образовыванием» человеческого в человеке» [18, с. 17] (курсив – авт.). Его идеал – нравственно автономная, общественно направленная, творческая, свободная и ответственная личность. Выбор условий реализации этого идеала «детерминируется установками на понимание природы человека в богатстве потенциальных возможностей его развития как носителя духовной культуры, деятельного члена социума, уникальной личности; на понимание его становления в образовании как саморазвития природных сущностных сил в процессе организуемого «вхождения» в культуру и социум». В этом процессе развивается самосознание, способности к саморефлексии, саморегуляции, самоорганизации, осознанному самоопределению, созиданию себя как личности. Отношения субъектов в таком образовательном процессе сами являются примером взаимопонимания, взаимоуважения, взаимостимулирования,

взаимодействия, взаимопомощи и взаимоподдержки [18, с. 17].

Таким образом, в сложном и противоречивом процессе социокультурного развития современного общества, науки и практики управления сформировалось философско-гуманистическое направление, которое связано с изучением и анализом поведения, мотивов, потребностей и взаимоотношений людей в информационном обществе, в свою очередь обеспечивающих его устойчивое развитие. Феномен управления и его функции осмыслены и обновлены в ориентации на субъект-субъектные взаимоотношения и особенности управленческого труда в информационном обществе, обоснованы необходимые для этого личностные качества и компетентности: гибкость ума, эмоционально-волевые качества и гуманистически-ценностные установки личности, способность организовывать свою и коллективную работу, решать нестандартные задачи, принимать оптимальные управленческие решения, предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные ситуации.

Изучение феномена управления как «исторически развивающейся системы с включенными в них человеком и человеческой деятельностью» [19] подводит нас к выводу о человекосоразмерном характере образования как условия становления управленческой компетентности личности будущего специалиста. Очевидно, что сейчас эта задача решается на основе профильного компонента содержания высшего образования. Отношение к управленческой компетентности личности как общекультурной и универсальной в информационном обществе подводит к вопросу о педагогических условиях использования ресурсов социально-гуманитарных дисциплин в образовательном процессе образовательной организации высшего образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества / Новая технократическая волна на Западе // Под ред. П.С. Гуревича. М., 1988. С. 330-355
2. Рулиене Л.Н. Управление знаниями в информационном обществе // Вестник БГУ. 2010. № 1. С. 30-35
3. Петрова, Г.И., Стаховская Ю.М. Когнитивный менеджмент инновационная стратегия теорий управления в информационном обществе // Вестн. Том. Гос. Ун-та. Философия. Социология. Политология. 2010 № 2 (10). С. 101-115
4. Пирогов, А.И. Информация и ее роль в управлении экономическими системами в информационном обществе // ЭСГИ. 2016. № 4 (12). С. 78-82
5. Подходы к управлению (в менеджменте). [Электронный ресурс] URL: <http://ua-prepod.ru/podhody-k-upravleniyu-v-menedzhmente.html>
6. Карпов, А.В. Психология менеджмента: Учеб. Пособие. – М.: Гардарики, 2005. – 584 с: ил. ISBN 5-8297-0018-2 (в пер.)
7. Тихомирова, Н.В., Орлова, Л.Н. Управление организацией в условиях информационного общества // Статистика и экономика. 2012. №1. С.89-93
8. Клименкова, Т.А., Журавлева Д.Н. Идеи и тенденции эволюции управления в XXI веке // Проблемы современной экономики. 2015. № 2 (54). С. 91-95
9. Гвишиани, Д.М. Организация и управление / Д.М. Гвишиани. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998. – 332 с.
10. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. 1312 с. (Мир энциклопедий) ISBN985-428-619-3.
11. Коробейникова, И.А. Формирование управленческой компетентности студентов в педагогическом вузе: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / И.А. Коробейникова. – Ишим, 2010. – 218 с.: ил.
12. Мудрик, А.В. Общение как фактор воспитания школьников [Текст] / А.В. Мудрик. – М.: Педагогика, 1986.

13. Философские проблемы социального управления: монография / колл. авторов; под ред. Г.П. Отюцкого. – М.: РУСАЙНС, 2016. – 138 с.

14. Коротков, Э.М. Концепция научных основ управления // Управление. 2016. №2 (12). С. 9-13

15. Педагогический словарь: учеб. пособие для студентов. Высш. Учеб. заведений / [В.И. Загвязинского, А.Ф. Закирова, Т.А. Строкова и др.]; под ред. В.И. Загвязинского, А.Ф. Закировой. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 352 с. ISBN 978-5-7695-4652-5

16. Назмутдинов, В.Я., Яруллин, И.Ф. Управленческая деятельность и менеджмент в системе образования личности. – Казань: ТРИ «Школа», 2013. – 360 с.

17. Шепель, В. М., Человековедческая компетентность менеджера. Управленческая антропология. [Электронный ресурс] URL: <https://studfiles.net/preview/6325282/>

18. Степашко, Л.А. Философия образования: онтологические, аксиологические, антропологические основания: учебное пособие / Л.А. Степашко. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. – 248 с.

19. Степин, В.С. Теоретическое знание. [Электронный ресурс] URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2013/09/steeppin.pdf>

Статья поступила в редакцию 11.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

**ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФИЗИКИ БУДУЩИМИ
УЧИТЕЛЯМИ ФИЗИКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ LMS MOODLE**

© 2018

Сабирова Файруза Мусовна, кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры физики**Шурыгин Виктор Юрьевич**, кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры физики*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт
(423604, Россия, Республика Татарстан, Елабуга, ул. Казанская, 89, e-mail: VJShurygin @kpfu.ru)*

Аннотация. В статье описаны возможности использования историко-биографического подхода в рамках смешанного обучения физике с использованием авторских электронных образовательных курсов. Данный подход позволяет повысить интерес не только к изучению данной дисциплины, но и к историческим этапам развития соответствующей науки, особенно в контексте открытия нового закона физики или физического явления. Однако достичь этой цели в рамках отведенного аудиторного времени, как правило, не представляется возможным, поскольку основное внимание уделяется усвоению учебного материала и способам его практического использования в процессе решения физических задач и выполнения лабораторного практикума. Как показывает опыт, часть такой работы целесообразно осуществлять, используя возможности электронных образовательных курсов. В работе представлен опыт реализации историко-биографического метода при изучении физики в ходе подготовки бакалавров направления подготовки «Педагогическое образование» (профиль «Математика и физика») средствами популярной платформы LMS Moodle. В статье описаны возможности использования этой платформы на примере разработанных авторами модулей электронного образования. Анализируя результаты, авторы пришли к выводу о целесообразности использования историко-биографических сведений при изучении физики с использованием разработанных электронно-образовательных курсов на платформе LMS Moodle.

Ключевые слова: обучение физике, историко-биографический метод, интерес к изучению, высшее образование, LMS Moodle, дистанционное обучение, смешанное обучение, электронный образовательный курс, биографии выдающихся ученых, база данных, онлайн форум.

**HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL APPROACH IN STUDYING PHYSICS BY FUTURE
TEACHERS OF PHYSICS USING LMS MOODLE**

© 2018

Sabirova Fairuza Musovna, candidate of physical and mathematical sciences,
associate professor of the department of Physics**Shurygin Viktor Yuryevich**, candidate of physical and mathematical sciences,
associate professor of the department of Physics*Kazan (Volga region) Federal University, Elabuga Institute
(423600, Russia, Tatarstan Republic, Elabuga, Kazanskaya st., 89, e-mail: VJShurygin @kpfu.ru)*

Abstract. The article describes the possibilities of using the historical and biographical approach in the framework of mixed teaching physics using the author's electronic educational courses. This approach allows to increase interest not only in studying this discipline, but also in the historical stages of the development of the corresponding science, especially in the context of the discovery of a new law of physics or a physical phenomenon. However, to achieve this goal within the limits of the allocated auditor time, as a rule, it is not possible, as the main attention is paid to the assimilation of the educational material and the ways of its practical use in the process of solving physical problems and performing a laboratory practical work. As experience shows, it is expedient to carry out some of this work using the opportunities of electronic educational courses. The work presents the experience of implementing the historical and biographical method in the study of physics in the preparation of bachelors of the direction of preparation "Pedagogical Education" (profile "Mathematics and Physics") using the popular platform LMS Moodle. The article describes the possibilities of using this platform on the example of the modules of electronic education developed by the authors. Analyzing the results, the authors came to the conclusion about the advisability of using historical and biographical information in the study of physics using the developed electronic-educational courses on the LMS Moodle platform.

Keywords: studying physics, historical and biographical method, interest in studying, higher education, professional competence, LMS Moodle, distance learning, mixed education, e-learning course, biographies of outstanding scientists, database, online forum.

В современных условиях, когда происходит интенсивное развитие науки и техники, очевидны информатизация не только образования, но и общества в целом, на первый план становится проблема повышения уровня профессиональной компетентности будущего учителя [1]. Для эффективной профессиональной деятельности современного учителя необходимы как знания в области преподаваемых дисциплин, так и обобщенные умения, проявляющиеся в способности решать профессиональные проблемы, в подготовке в области информационных технологий [2] и др. В ходе подготовки будущего учителя, как и любого специалиста, встает задача не только его обучения основной профессии, но и развития его общей культуры. Одним из путей решения этой проблемы является использование историко-биографического метода в преподавании различных дисциплин, в том числе физики [3]. Познание мира всегда исторично, и невозможно глубоко усвоить основы физики – одной из фундаментальных наук о природе – без проникновения в историю ее развития [4, 5]. Несомненно, историзм в преподавании

физики – важнейший дидактический принцип обучения, а также одно из главных средств развития интереса к науке [6]. Примеры из истории науки позволяют не только сформировать у учащихся элементы научного мышления, но и раскрыть общие закономерности и принципы научного познания. В век информатизации образования дополнительные возможности по использованию историко-биографического метода появляются при использовании электронных образовательных ресурсов [7].

Историко-биографический подход в науке понимается как метод исторического исследования, направленный на описание, реконструкцию и анализ обстоятельств жизни, результатов деятельности [8], психологического портрета выдающегося ученого, исторической личности. Этот метод характеризуется стремлением раскрыть изучаемую личность во всей полноте ее жизненной истории. Научно-методологические принципы историко-биографического метода были сформулированы В. Дильтемом [9]. Он ввел понятие «наук о духе», к которым относил историю, и отмечал, что их отличает особый метод по-

знания, основанный на изучении психических аспектов деятельности человека. В XX веке историко-биографический метод развивался под влиянием достижений социологии и психологии, где «биографический метод» («метод жизнеописаний» Н. Дензина) [10, с. 41] утвердился в качестве одного из основных методов исследования. В физике историко-биографические исследования были начаты французским ученым Ф. Араго [11]. В настоящее время биографический метод является предметом исследования многих наук, поскольку данный метод предполагает изучение биографий ученых, выявление влияния жизненных обстоятельств на их мировоззрение, научные достижения. Его возможности продолжают исследоваться не только представителями социологии, психологии, но и философии [12]. На значимость биографического метода при изучении физики указывается одним из авторов статьи в [13]. Сведения об истории открытия знаменитых физических законов, факты биографии исследователей, знание о влиянии научных открытий на социальные процессы, о роли науки в развитии человеческого общества делают обучающегося невольным участником процессов познания. Они не только влияют на имеющуюся у студента систему духовных ценностей, и, отчасти, даже формируют ее, но и позволяют более глубоко понять и усвоить суть самих физических законов. В этом и заключается содержание принципа историзма в преподавании [6].

Изучение опыта использования историко-биографического метода в школьном и вузовском курсах физики показал, что существуют определенные формы использования данного метода. Это различного вида информация историко-биографического содержания, которая включается в содержание вводных и заключительных занятий по той или иной теме, это и проектная деятельность, или организация учебно-научных конференций и т.п. [5].

Однако в большинстве случаев, в связи с ограничением учебного времени, использование историко-биографических сведений сводится к включению в содержание учебного курса кратких и обрывистых сведений из истории физики, подбору заинтересовавшей информации по истории открытию того или иного закона или явления, написанию рефератов и др. В рамках отведенного аудиторного времени, как правило, основное внимание уделяется усвоению учебного материала и способам его практического использования в процессе решения физических задач и выполнения лабораторного практикума. Кроме того, практически не используются возможности современных информационных технологий и Интернет-ресурсов.

Авторы считают, что в современных условиях историко-биографический подход целесообразно осуществлять, реализуя принцип смешанного обучения, который сочетает в себе как аудиторную работу, так и самостоятельную внеаудиторную работу с применением электронных средств обучения. Сочетание преимуществ традиционной аудиторной и электронной форм обучения заложили основы технологии смешанного обучения [14]. Смешанное обучение, или *blended learning*, представляет собой современную образовательную технологию, в основе которой лежит принцип объединения технологий «классно-урочной системы» и электронного обучения. Проблемы внедрения элементов смешанного обучения в практику преподавания рассматривались в работах многих авторов (см., например, [15-18]).

Наиболее благоприятные условия для реализации историко-биографического метода предоставляются на базе использования платформы LMS MOODLE. Использование платформы Moodle в организации изучения той или иной дисциплины, в том числе и физики и элементов ее истории, имеет ряд таких преимуществ, как возможность усовершенствования разработанного курса путем введения различных коррективов, осуществлять интенсивную обратную связь, интерактивная сторона [19-25]. Данные преимущества позволяют так построить самостоятельную деятельность студентов, что они становятся в состоянии производить, под руководством пре-

подавателя, подбор и систематизацию историко-биографических сведений, связанных с открытием какого-либо физического закона или явления. По мере углубления изучения исторических фактов наиболее заинтересованным студентам предлагается произвести подбор задач исторического содержания, написать реферат, курсовую работу или статью историко-биографического содержания (см., например [26, 27]).

Цель исследования – обосновать целесообразность использования историко-биографического метода в обучении физике и возможность его реализации в рамках смешанного обучения на платформе LMS Moodle. Исследование по использованию элементов историко-биографического метода при обучении физике проводилось при подготовке бакалавров направления подготовки «Педагогическое образование» (профиль «Математика и физика») в 2016-2017 и 2017-2018 учебных года в Казанском Федеральном Университете (Елабужском институте). Однако историко-биографический метод в преподавании физики использовался в практике нашего преподавания задолго до этого промежутка времени [13].

Как известно, любой курс физики состоит из нескольких разделов, описывающих соответствующие физические теории, явления и законы. Опыт преподавания показал, что в каждый такой раздел должен быть включен историко-биографический материал, раскрывающий особенности развития изучаемых понятий и установление законов их существования. Биографические сведения включаются будущими учителями физики и в содержание курсовых и выпускных квалификационных работ, посвященных исследованию того или иного физического явления, теории, закона.

Авторами статьи уделяется особое внимание изучению таких разделов курса физики, как «Квантовая физика» и «Физика атома и атомного ядра», поскольку они вызывает как у студентов – будущих учителей физики, так и школьников, определенные трудности, обусловленные спецификой исследуемых в этих областях объектов. Очевидно, что при описании явлений микромира нельзя пользоваться понятиями и принципами классической физики, поскольку законы микромира носят скорее не детерминированный, а вероятностный характер, и здесь особое значение приобретает введение такого понятия как квант. На наш взгляд, указанные особенности наряду со сложным математическим аппаратом обуславливают ведущую роль историко-биографического подхода при изучении данных разделов. При этом важно акцентировать внимание на биографиях и научных достижениях Дж.Дж. Томсона М. Планка, Э. Резерфорда, А. Эйнштейна, Н. Бора, супругов Кюри, Э. Ферми и др. Очень важно указать, что практически все достижения в этой области были удостоены самой престижной премии в области научного знания – Нобелевской премии [26, 27].

Так, рассказывая студентам о законах квантовой механики, мы обычно уделяем достаточное внимание истории становления квантовой науки. Такое изложение материала, снабженное историческими деталями, в определенной мере создает интригу в повествовании, привлекая внимание студента к физической сути описываемых нами явлений природы, потому что такая манера преподавания отвечает правилу преемственности человеческого знания, отвечает, кроме того, принципу соответствия Бора, отвечает, наконец, принципу историзма в преподавании физики. Для реализации историко-биографического метода в структуре разработанного авторами соответствующего электронного образовательного курса физики в LMS Moodle имеется ряд элементов.

В первую очередь – это база данных «Выдающиеся ученые», которую заполняют сами студенты в процессе обучения. Выполняя данное задание, студенты самостоятельно изучают биографии ученых, внесших значительный вклад в развитие соответствующего раздела физики, историю развития научной мысли. Так, в таблице 1 представлен результат коллективного исследования и систе-

материи студентов третьего курса, изучающих разделы «Квантовая физика. Физика атома и атомного ядра».

Таблица 1.

№ п/п	Ученый	Изобретения и открытия
1	Кирхгоф Роберт Густав, 1824–1887	Немецкий физик. В 1859 г. сформулировал один из основных законов теплового излучения, который носит его имя. Именно он ввел в физику понятие абсолютно черного тела.
2	Йозеф Стефан, 1835–1893	Австрийский физик и математик. Сформулировал закон зависимости энергии теплового излучения от температуры.
3	Томсон Джозеф Джон, 1856–1940	Английский физик, руководитель Кавендишской лаборатории. В 1897 г. открыл электрон, затем предложил первую модель атома («кексовая» модель). Нобелевская премия по физике 1906 г.
4	Планк Макс, 1858–1947	Немецкий физик-теоретик. В 1900 г. предположил, что при тепловом излучении энергия испускается и поглощается отдельными порциями – квантами, тем самым заложил основы квантовой механики. Нобелевская премия по физике 1918 г.
5	Резерфорд Эрнест, 1871–1937	Английский физик, разработавший планетарную модель атома. Открыл протон (1919). Является основоположником ядерной физики. Лауреат Нобелевской премии по химии 1908 года.
6	Бор Нильс Хенрик Давид, 1885 - 1962	Датский физик, создавший первую квантовую теорию атома. Сформулировал в 1913 г. постулаты, определяющие условия устойчивости атомных систем. Нобелевская премия по физике 1922 г.
7	Джеймс Чедвик, 1891–1974	Английский физик, открывший в 1932 г. нейтрон при облучении бериллия альфа-частицами. Нобелевская премия по физике 1935 г.
8	Эйнштейн Альберт, 1879–1955	Всемирно известный физик-теоретик, объяснивший явление внешнего фотоэффекта на основе гипотезы Планка о квантовой природе света. Вывел формулу для фотоэффекта. Нобелевская премия по физике 1921 г. Он является разработчиком еще нескольких значительных физических теорий, таких как: специальная теория относительности (1905); общая теория относительности (1907–1916); квантовая теория теплотемкости, предсказал существование гравитационных волн.
9	Паули Вольфганг Эрнст, 1900 – 1958	Швейцарский физик-теоретик. В 1925 г. сформулировал принцип запрета, определяющий периодичность свойств элементов в таблице элементов. Нобелевская премия по физике 1945 г.
10	Гейзенберг Вернер Карл, 1901 – 1976	Немецкий физик. В 1927 г. сформулировал соотношение неопределенностей, выражающее связь между проекцией импульса и координатой микрочастицы, что обусловлено её корпускулярно-волновой природой. Нобелевская премия по физике 1932 г.
12	Бройль Луи де, 1892 – 1987	Французский физик-теоретик. В 1923 г. высказал идею о волновых свойствах материальных частиц, давшую начало развитию волновой механики. Нобелевская премия по физике 1929 г.
13	Шрёдингер Эрвин Рудольф Йозеф Александр, 1887 – 1961	Австрийский физик-теоретик, применивший к понятию волны классическое дифференциальное уравнение волновой функции и получивший уравнение, носящее его имя. Уравнение Шрёдингера описывает распространение волны вероятности нахождения частицы в заданной точке пространства. Нобелевская премия по физике 1933 г.
14	Дирак Поль Адриен Морис, 1902 – 1984	Английский физик-теоретик. Показал, что в релятивистской волновой механике волновая функция должна иметь четыре компоненты (три координаты и время), которые подчиняются системе четырех уравнений в частных производных. Нобелевская премия по физике 1933 г.

На рис. 1 приведен пример такого заполнения страницы «Базы данных»

Примечательно, что список ученых, представленных в таблице, а затем и использованный в курсе, установлен в той последовательности, в какой они изучаются по мере «продвижения» по содержанию курса. Поэтому окончательно сформированной она оказывается к завершению курса. В ходе такой систематизации студенты по заданию преподавателя ведут подбор соответствующей литературы, однако в современных условиях они чаще обращаются к Интернет-ресурсам, находят там необходимые сведения об ученых, портреты, иллюстрации. Среди множества источников они отбирают наиболее интересные, понятные для них.

Так база данных пополняется более обширными сведениями, причем это не просто некий случайный набор историко-биографических сведений. Студенты составляют своего рода путеводитель по сети с указанием ссылок. Как преподаватели, так и студенты курса могут добавлять и редактировать свои материалы. А с помощью элемента Wiki в курсе создается подборка видеороликов, связанных с историей развития и современным состоянием физики, которая пополняется студентами при изучении курса.

Данная подборка создавалась студентами и оценивалась (одобрялась) преподавателем.

Рис. 1. Страница базы данных «Выдающиеся ученые»

Кроме того, студентам предлагается написать реферат по одной из предложенных тем, связанных, например, с историей развития представлений о микромире. Темы рефератов предлагаются на курсе преподавателем в новом формате (рис.2):

Рис.2. Темы рефератов

Естественно, раскрывая содержание каждой темы, студент узнает не только об истории открытий, но и об ученых, их совершивших. Подготовленные рефераты размещаются на электронном курсе и этот вид учебной деятельности реализуется с помощью элемента «Семинар». Опыт показал, что сначала к оценке такой работы следует привлечь студентов, записанных на данный курс, как правило, это студенты из одной группы. Они выступают в роли читателей работ и рецензентов и включаются в обсуждение по раскрытию историко-биографических сведений в работе. Преподаватель включается на конечном этапе такого обсуждения и выносит окончательный вердикт, начисляя студенту, подготовившему работу, дополнительные баллы. Имеющиеся в курсе подборки задач для самостоятельного решения и банк тестовых вопросов также содержат задания, касающиеся истории физики. В подборке задач исторического содержания также участвуют студенты, которые не только ссылаются на классические задачки, но и занимаются поиском дополнительных источников или на основе историко-биографических сведений, предлагают свои варианты заданий.

Таким образом, авторский опыт преподавательской деятельности показал, что использование разработанных на основе LMS Moodle электронных образовательных

курсов по физике позволяет в довольно широкой мере реализовать историко-биографический метод при формировании повышения уровня профессиональной компетентности будущего учителя физики. Студент, изучающий физику, знакомится с ученым как с личностью, чем обеспечивается и человеческое видение мира, природы, изучаемое физикой. Образ ученого, преданного науке – это наглядный пример для учителя, а через него – и для учащихся. Кроме того, учитель вместе с учениками познает историческую обстановку, в которых трудился ученый, влияние на его творчество экономических, политических, даже бытовых и других факторов. Анализ результатов опросов, проведенных среди студентов после изучения курса, убедительно показывает, что использование историко-биографического метода при реализации смешанного обучения средствами LMS Moodle способствует повышению качества преподавания физики:

во-первых, он позволяет гуманитаризировать обучение физике, «очеловечивая» изучаемый курс, заинтересовав учащихся не только содержанием изучаемой дисциплины – физики, но и историей развития этой увлекательной науки;

во-вторых, позволяет шире раскрыть контекст открытия того или иного закона или явления, изучаемого в курсе физики;

в-третьих, способствует подготовке студента-будущего учителя, владеющего не только профессиональными, информационными, но и общекультурными компетенциями, поскольку в этом случае в содержание дисциплины вносится разнообразие, значительно расширяется кругозор студентов;

в-четвертых, способствует совершенствованию познавательных и практических умений в работе с различными источниками информации, проведения учебного исследования, использованию средств ИКТ в выполнении различных видов историко-биографической исследовательской деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Хамзина Б.Е. Профессиональная и информационная компетентность будущего учителя физики // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования. 2010. № 19. С. 120-123.

2. Krasnova L.A., Shurygin V.Y. Development of teachers' information competency in higher education institution // *Astra Salvensis*. 2017. № 5 (10). P.307.

3. Галиуллина Г.А. Изучение истории развития оптических представлений в курсе физики в педагогическом вузе // *Инновационная наука*. 2016. №7-8. С.120-123.

4. Хуторской А.В. Биографический метод в обучении физике. Памяти Л.Н. Хуторской // *Физика в школе*, 2016. №7. С. 19-27.

5. Садыкова М.А. Развитие у учащихся универсальных учебных действий в ходе проектной деятельности по физике на историко-биографическом материале // *Педагогическое образование в России*. 2015. №8, с. 46–81. <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/2178/1/povr-2015-08-08.pdf> (дата обращения 4.02.2018)

6. Оспенникова Е.В., Шестакова Е.С. Принцип историзма в обучении физике: содержание и модели реализации в средней общеобразовательной школе // *Педагогическое образование в России*. 2010. №4. С. 67–75.

7. Краснова Л.А. Особенности использования элементов истории физики в дистанционных модулях / В сборнике: *Актуальные проблемы истории естественно-математических и технических наук и образования Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. 2014. Елабуга. С. 26-29.

8. Мазур Л.Н. Историко-биографический метод. Понятия и категории. Вспомогательный проект портала Хронос. URL: <http://ponjatija.ru/node/10970>

9. Дильтей В. Категории жизни (Глава из сочинения В. Дильтея «Структура исторического мира в науках о духе»). (Перевод по изданию: Dilthey W. *Gesammelte*

Schriften. VII. Bd. Stuttgart, Gottingen. 1992. S. 228–246) // *Вопросы философии*. 1995. № 10. С. 129-143.

10. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1998.–208 с.

11. Араго Ф. Биографии знаменитых астрономов, физиков, геометров. Т. II и III. 2000. Ижевск: Изд-во «Регулярная и хаотическая динамика».

12. Sabirova A.G. Heuristic potentials of biographical method in historical and philosophical studies // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. V.6. (3 S3): 249-254.

13. Sabirova F.M. Opportunities of biographic method in improvement of physics teacher training // *World Applied Sciences Journal*. 2013. V. 27. P. 294-298. URL: <http://www.idosi.org/wasj/wasj27%28elec%2913/61.pdf>.

14. Shaidullin R.N., Safiullin L.N., Gafurov I.R., Safiullin N.Z. Blended Learning: Leading Modern Educational Technologies // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. V. 131. P. 105-110.

15. Burns M. Distance Education for Teacher Training: Modes, Models and Methods. 2013. Available at: <http://idd.edc.org/sites/idd.edc.org/files/DE%20Book-final.pdf>.

16. Spring K.J., Graham C.R. (2017) Blended learning citation patterns and publication networks across seven worldwide regions *Australasian Journal of Educational Technology*, 33 (2), pp. 24-50.

17. Фомина А.С. Смешанное обучение в вузе: институциональный, организационно-технологический и педагогический аспекты // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 21. С. 272-279.

18. Лаврентьев С.Ю., Крылов Д.А. Использование электронных технологий в образовательной среде вуза // *Современные наукоемкие технологии*. 2017. № 11. С. 129-133.

19. Кутепова Л.И., Ваганова О.И., Трутанова А.В. Формы самостоятельной работы студентов в электронной среде // *Карельский научный журнал*. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 43-46.

20. Колдина М.И., Ваганова О.И., Трутанова А.В. Управление самостоятельной работой студентов вуза // *Карельский научный журнал*. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 39-42.

21. Шайкина О.И. Открытые образовательные ресурсы на основе смешанного обучения в Томском политехническом университете // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. №1(14). С.134-136.

22. Shurygin V.Y., Sabirova F.M. Particularities of blended learning implementation in teaching physics by means of LMS Moodle // *Espacios*, 2017. 38 (40): 39. URL: <http://www.revistaespacios.com/a17v38n40/17384039.htm>

23. Шурыгин В.Ю. О возможности использования вузовских электронных образовательных курсов в процессе преподавания физики в школе // *Физика в школе*. 2016. № 4. С. 57-60.

24. Шурыгин В.Ю., Краснова Л.А. Организация самостоятельной работы студентов при изучении физики на основе использования элементов дистанционного обучения в LMS MOODLE // *Образование и наука*. 2015. № 8. С. 125-139.

25. Шурыгин В.Ю., Сабирова Ф.М. Реализация смешанного обучения физике средствами LMS MOODLE // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 289-293

26. Финкельштейн А.М., А.Д. Ноздрачев, Е.Л. Поляков и К.Н. Зеленин. Нобелевские премии по физике: 1901-2004. В 2-х т. Т.1. 2005. СПб.: Издательство «Гуманистика», 616 с.

27. Sabirova F.M. Study of the contribution of Nobel Prize winners to the development of atomic and nuclear physics in pedagogical universities. *European Journal of Science and Theology*. 2016-12 (1).-p.69-80.

Статья поступила в редакцию 23.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 378

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В ОБУЧЕНИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

© 2018

Сопоева Нелли Хазбиевна, доцент кафедры начального и дошкольного образования психолого-педагогического факультета*Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
(362025, Россия, Владикавказ, улица Ватутина, 46; e-mail: bekoevamarina@mail.ru)*

Аннотация. В последние десятилетия в обществе усилился интерес к воспитанию подрастающего поколения в конкретном социокультурном и национальном пространстве. Процессы гуманизации общественной жизни, социализации личности, гуманитаризации и фундаментализации образования определяют выбор качественно новых подходов и технологий для развития человека с учетом его индивидуальных особенностей, интересов, потребностей, мотивов и ценностных приоритетов. Одним из необходимых условий регионализации и демократизации современной системы образования выступает всесторонний учет специфических особенностей региональной системы воспитания и обучения младших школьников и их адаптации к школьному обучению. В связи с этим, данная статья посвящена исследованию теоретико-методологических и технологических аспектов использования национально-регионального компонента в обучении младших школьников, которые приобретают особую актуальность в поликультурном, полиэтничном и поликонфессиональном образовательном пространстве в условиях Северокавказского региона. Основой для разработки основных образовательных программ и учебников, а также методических рекомендаций по реализации национально-регионального компонента должны послужить государственные образовательные стандарты, в которых установлены объем и уровень базового образования, стратегические цели и задачи развития российского образования. Основные образовательные программы по своему содержанию могут незначительно отличаться от образовательного стандарта, но все они должны обеспечивать уровень, не ниже задаваемого государственным стандартом. Только такой подход гарантирует высокий уровень подготовки выпускников школы и обеспечивает эквивалентность регионального и федерального уровней общего образования. Национально-региональный компонент дает образовательным организациям возможность устанавливать единицу школьного компонента и тем самым отражать их специфику и направленность.

Ключевые слова: национально-региональный компонент, обучение младших школьников, образовательные стандарты, поликультурное образование.

THEORETIC AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF USING THE NATIONAL-REGIONAL COMPONENT IN THE LEARNING OF YOUNG SCHOOLCHILDREN

© 2018

Sopoeva Nellie Khazbieva, associate assistant professor of primary and pre-school education of psycho-pedagogical faculty*North Ossetian State University after K.L. Khetagurov
(362025, Russian Federation, Vladikavkaz, st. Vatutina, 46; e-mail: bekoevamarina@mail.ru)*

Abstract. In recent decades, the interest in educating the younger generation in a specific socio-cultural and national space has increased in society. The processes of humanization of social life, socialization of the individual, humanitarianization and fundamentalization of education determine the choice of qualitatively new approaches and technologies for human development, taking into account its individual characteristics, interests, needs, motives and value priorities. One of the necessary conditions for regionalization and democratization of the modern education system is the comprehensive consideration of the specific features of the regional system of education and training of younger schoolchildren and their adaptation to schooling. In this regard, this article is devoted to the study of theoretical, methodological and technological aspects of the use of the national-regional component in the teaching of junior schoolchildren, which acquire special relevance in the multicultural, polyethnic and polyconfessional educational space in the conditions of the North Caucasus region. The basis for the development of basic educational programs and textbooks, as well as methodological recommendations for the implementation of the national-regional component, should be the state educational standards, which establish the volume and level of basic education, the strategic goals and objectives of the development of Russian education. The main educational programs may differ slightly from the educational standard in their content, but all of them should provide a level not lower than the state standard. Only such an approach guarantees a high level of training of school graduates and ensures the equivalence of regional and federal levels of general education. The national-regional component enables educational organizations to establish a unit of the school component and thereby reflect their specificity and orientation.

Keywords: national-regional component, education of junior schoolchildren, educational standards, multicultural education.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Современные реалии процесса обучения младших школьников требуют от учителя владения основами педагогического мастерства, базирующегося на активном и глубоком знании инновационных образовательных технологий. Это говорит о том, что педагогам сегодня нужны не только академические знания теории и методологии преподаваемой дисциплины, но и готовность реализовать эти знания и умения с учетом конкретных условий, особенностей многонационального состава учащихся. Связь основного предметного курса с историей, культурой, традициями родного края, с его языком и природой позволяет учителям проводить уроки по математике и другим предметам более интересно по содержанию, воспитывать любовь к родному краю, способствует успешному усвоению младшими школьниками курса начальной школы. Обучение младших школьников должно

содержать элементы национально-регионального компонента. Введение его в программы предметов начальной школы требует от учителей определенных знаний по вопросам краеведения, языковой культуры и истории республики, экологии и окружающего мира.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. В соответствии с концептуальными и конструктивными положениями «Концепции модернизации российского образования на период до 2020 года», принятой Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 декабря 2012 года, национально-региональный компонент реализуется в целях обновления содержания и структуры основных образовательных программ национально-регионального компонента, совершенствования его в соответствии с требованиями социального заказа

и задачами инновационного развития, а также в целях организации целостного комплекса универсальных учебных знаний, умений и навыков самостоятельной учебно-познавательной деятельности и развития личной ответственности учащихся [1]. В системе образования, как отмечают некоторые исследователи (З.К. Малиева, Б.А. Тахохов, В.А. Цагараев), на региональном уровне вырабатываются новые тенденции, отражающие, с одной стороны, особенности мирового педагогического опыта, с другой стороны – национально-региональный компонент, обусловленный географическими, историческими, национальными, экономическими, этнокультурными особенностями, менталитетом народа [2]. «При осуществлении деятельности, направленной на увеличение престижа, пишет М.И. Бекоева, необходимо учитывать его психологические аспекты: престижно то, что под силу далеко не всем, что определяет качественно новый уровень взаимоотношений и стимулирования, что связано с высоким уровнем компетентности, что является общественной ценностью и формирует определенную социальную дистанцию» [3, с. 203-206]. Результативность сравнительных педагогических исследований закономерностей и тенденций развития теории и практики в разных странах и регионах мира значительно повышается, если образовательные процессы и тенденции изучаются на трех уровнях: международном – федеральном – региональном. Реализация национально-регионального стандарта, по мнению другой группы ученых (Н.И. Асташина, М.В. Симусева), нуждается в переходном периоде, необходимого для разработки новой нормативной документации, учебно-методических комплексов, программ подготовки и переподготовки педагогических работников, совершенствования образовательных стандартов [4, с. 121-125]. В соответствии с нормативными документами, по справедливому замечанию Н.В. Бакшаевой и Н.В. Борисовой, возможно изучение материалов национально-регионального компонента в рамках существующих учебных программ федерального компонента в виде муниципальных модулей согласно установленным временным нормативам. Содержание национально-регионального компонента по различным дисциплинам, как правило, разрабатывается преподавателем на основе авторских программ, методических рекомендаций республиканских институтов профессиональной подготовки и переподготовки педагогических работников, методистами органов управления образования [5, с. 219-221]. «Все нормативные документы, как пишет В.В. Мишова, должны быть интегрированы в единый стандарт национально-регионального компонента в рамках Федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения» [6].

Формирование целей статьи (постановка задания). Важное место в системе непрерывного поликультурного образования занимает именно начальная ступень образования, где закладываются основополагающие представления о национальной культуре, межнациональной и межкультурной толерантности. Объем информации краеведческой направленности, вводимой в образовательную программу, зависит от общего круга интересов и мировоззрения преподавателя, его профессионализма и педагогического мастерства. Следовательно, национально-региональный компонент – требование нового времени, современного общества. В сегодняшних условиях педагогической действительности, изменяющейся в силу специфических историко-культурных перемен, бесспорна актуальность и необходимость учета национально-регионального компонента в образовательном процессе [7].

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Цель национально-регионального компонента – воспитание бережного отношения к культуре и народным традициям родного края. Национально-региональный компонент, как отмечает Е.М. Громова, – это важный

раздел государственного образовательного стандарта, обеспечивающий процесс приобщения подрастающего поколения к общекультурным и национально-культурным ценностям; это – норма, запросы общества, правила, установленные в региональной системе образования и обязательные для выполнения каждым региональным учебным заведением [8]. Культурное наследие и самобытность той или иной нации едва ли может быть целиком постигнуто без исследования устного народного творчества, национального искусства, которое складывалось на протяжении многих столетий. Обучение и воспитание младших школьников на материалах, содержащих национально-региональный компонент, дают возможность обучающимся раскрыть предпосылки становления и развития социокультурного пространства своей малой родины. Они также способствуют формированию у школьников интереса к зарождению российской культуры и истории, к традициям русского народа, вырабатывают высокие истинные чувства патриотизма и гражданской идентичности.

Национально-региональный компонент в образовании должен выступать в качестве составного элемента культурно-образовательного процесса в целом, быть пронизанным прогрессирующими идеями гуманизма и толерантности, непрерывного диалога различных культур и цивилизаций, их взаимообогащения в ходе непростого исторического взаимодействия народов разных национальностей и вероисповеданий. Реализуя данную позицию в практике общеобразовательных учреждений, необходимо указывать на специфические требования, предъявляемые к учителям. Учителя должны выступать не только в роли информаторов и носителей национальных традиций со всеми их специфическими характеристиками, но и как широко мыслящие, высоко образованные наставники, способные определить место и роль национальной культуры в структуре общемировых ценностей. Каждая национальная культура (В.И. Рожина), как правило, имеет определенные религиозные корни, которые имеют этноинтегрирующую, этнообразующую и этноконфессиональную направленность [9].

Многочисленный поиск национальных, общенародных реалий, нравственного морально-этического идеала осуществлялся, предпочтительно, в религиозных течениях. Традиции, обряды, обычаи современной жизни часто тоже проявляются в ярко выраженных культовых формах. В связи с этим, в национальной системе образования появляется серьезная проблема, связанная с необходимостью внесения в светское образование элементов нравственно-эстетического, духовного воспитания. Ее решение необходимо начать с насыщения основных образовательных программ учебными дисциплинами, раскрывающими процесс нравственного развития и духовного становления как своего народа, так и всей цивилизации в целом, демонстрирующими историческую роль религиозных течений как форм личного самовоспитания, самопознания и самосовершенствования, так и механизмов мировоззренческих акцентов в обучении естественнонаучным дисциплинам, способным к успешному формированию у подрастающего поколения современной научной картины мира. Однако сегодня, как видим, повсюду отношение к родному языку, как к важнейшему национальному достоянию, меняется не в лучшую сторону. Основной проблемой национально-языковой политики на уровне государства выступает сегодня создание систем национального образования [10].

В национальных регионах школа остается очагом национальной культуры для носителей родного языка. Возрождение национального самосознания нужно связать с языком, так как в родном языке есть все для чувства национальной гордости. Родной язык является величайшим из национальных феноменов. Это обстоятельство делает особенно важными следующие установки:

- каждый народ – великий педагог, соответственно

самый лучший педагог – родное слово [11];

- в современном многообразном мире реально действующей, является этнопедагогика, а для обучения конкретному предмету – этнодидактика [12];

- историческая судьба народа складывается на основе исторической памяти; то же происходит с личностью; без памяти нет духовности, без духовности нет личности.

Развитие национальной школы происходит путем взаимодействия социально-педагогических и психологических факторов: память – традиция – культура – воспитание – духовность – личность – народ.

В Северной Осетии проживает около 800 тыс. человек и более 100 национальностей. В этом проявляется поликультурная составляющая нашего региона, что, соответственно, порождает определенные трудности при разработке занятий, включающих региональный компонент. Очень важно с раннего возраста проводить ознакомление детей с различными этническими особенностями народов, населяющих нашу страну. Национально-региональный компонент в начальных классах вводится с целью формирования у обучающихся целостного представления о родном крае – республике Северная Осетия – Алания, сохранения и развития экономических и социально-культурных достижений и традиций региона. Это способствует формированию креативных способностей учащихся (Л.А. Уртаева), развитию гражданской позиции по отношению к окружающему миру и общественным явлениям [13].

Одним из жанров народного искусства выступает орнамент. По стилю орнамента отдельных национальных регионов можно проследить историческое развитие народности (нации), смысл национальных обычаев. Знакомство с национальным прикладным искусством содействует совершенствованию урока математики с геометрическим содержанием. Ученики должны знать, что рисунок, орнамент, узор и украшения создаются не просто так, а на основе соблюдения симметрии и пропорции. Рассматривая орнамент, учащиеся смогут охарактеризовать их, используя свои знания курса геометрии» [14].

Осваивая преобразования на плоскости в геометрии – подобие фигур, отрезок, треугольник, осевую и центральную симметрии, круг, полукруг, окружность ученики знакомятся с применением осетинского орнамента для украшения элементов мебели, национальной одежды, посуды, панн, оружия [15; 16]. Специфической резьбой по дереву осетинские мастера украшали стены, кресла, кровати, столы, двери, окна, крыши и т.д. До сегодняшних дней у осетин сохранился национальный обычай: в день свадьбы невеста надевает специальный национальный костюм, который состоит из бархатной шапочки, расшитой шелком; платья, украшенного красивым, символизирующим нравственность и духовную чистоту, орнаментом. Костюм дополняют изысканными нагрудными металлическими крючковидными узорами, параллельно размещенными на груди. Национальный орнамент осетин состоит из спиралей, разнообразных завитков, листьев и лепестков растений. Все это в соединении с геометрическими фигурками: отрезком, кругом, окружностью, треугольником, прямоугольником, ромбом, создает неповторимые орнаменты [7].

На уроках математики, после знакомства с разновидностями орнаментов, можно предложить ученикам создавать свои варианты узоров для орнамента, используя разные геометрические фигуры, то есть вносить в работу созидательный элемент [14]. Содержание образования в национальной школе должно основываться на современных концепциях с использованием личностно-ориентированного подхода. Только использование индивидуального подхода, направленного на обеспечение благоприятных условий для совершенствования врожденных способностей и задатков каждого школьника позволит учителю успешно решить проблемы гармоничного развития каждого ученика, активно мыслящего и эффективно действующего в непростых ситуациях современного общества. Как отмечают некоторые ученые (Н.В. Бакшаева, Н.В. Борисова), в будущем это активизирует процесс познания и осмысления сущности собственной национальной «Я – концепции» [5].

В традиции осетинского застольного этикета особое внимание уделяется разделке, приготовление и раздача определенных частей жертвенной туши барана. Известно, что у барана 24 ребра. На каждом столе должно быть три ребра. На сколько столов хватит 24 ребер?

Самый любимый из героев нарского эпоса – нарт Сослан, которого олицетворяли с Солнцем. Нарт Сослан всегда шел на такие дела, перед которыми отступали в нерешительности другие нарты. Именно ему поручали самую тяжелую и ответственную работу и знали, что он не подведет.

- Однажды нарты поручили Сослану перегнать стада на летнее пастбище. Всего было 1692 животных: быков, телят, баранов и козлов. Из них быков было – четвертая часть, телят столько же и еще 126, а баранов и козлов поровну. Сколько баранов было в стаде?

- Собрал нарт Урузмаг много гостей на кувд в честь рождения сына Сослана. Его мудрая жена Сатана приготовила осетинское пиво (алутон) и заполнила им 40 кувшинов по 5 литров в каждом. Сколько пива приготовила Сатана на кувд?

- Однажды нарт Ацамаз, один из сыновей Уаза, забрался на Белую гору и оттуда раздались волшебные звучания золотой свирели для невиданной красавицы Агунды. Оживился лес, затрепетали птицы, многоцветные ледники стали таять на глазах, а с Черной горы стали спускаться стаи тур и козлов, танцующих чудесный осетинский массовый симд. Задания на умножение и деление на 2, счет по два. Что за массовый танец симд? По сколько человек могут его танцевать? Сколько женщин и мужчин могут участвовать в этом изумительном танце?

- Злой волшебник похитил у Ацамаза свирель, унес ее в подземное царство и спрятал в сундуке. Чтобы открыть сундук и достать свирель нужно отгадать код сундука. Известно, что код трехзначное число, записанное тремя из цифр 1, 2, 3, 4 и это число больше, чем 400. Сколько чисел нужно проверить, чтобы определить код? Какой код можно набрать, чтобы открыть сундук?

- Когда Ацамаз играл на золотой свирели, для красавицы Агунды, то оживал весь лес. Животные собирались на его игру. Вот и в этот раз собрались звери: 11 медведей, лис в 2 раза больше, чем медведей, а зайчат столько, сколько медведей и лис было вместе. Сколько животных собралось на поляне?

- Среди нартов жила мудрая женщина Сатана. Все нарты ее уважали и почитали. Рецепт осетинского пива принадлежит ей. Она составила задачу:

«Я на пир нартов приготовила 80 л пива. Нарты пировали 3 дня. В первый день израсходовали 23л пива, во второй в 2 раза больше, чем в первый. Сколько литров пива осталось на третий день?» [3:81]

- Красавице Агунде Сатана подарила кружево длиной 84 см. Агунда решила кружевом обшить по всему периметру платочек квадратной формы. Какого размера платочек сможет обшить Агунда этим кружевом, если на каждый уголок нужно добавить этого кружева еще по 1см?

- У нарта Урузмага и его жены Сатаны родился сын Сослан. Собрались гости на кувд в честь рождения сына. Сатана испекла для гостей 50 пирогов с сыром (уалибахта), 30 пирогов из листьев свеклы и сыра (сахараджинта) и 40 пирогов с мясом (фыдджинта). Сколько всего пирогов испекла Сатана? На сколько столов хватит этих пирогов, если положено на каждый стол ставить по три пирога?

- Однажды нарты спросили у Сырдона, сколько звезд на небе. Не знал хитроумный нарт ответ на этот вопрос.

Но не желая признаваться в этом, он ответил: «Если к этому числу прибавить 1473 и от полученного результата отнять 1825, то получится ровно 7000».

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Важный аспект деятельности в этом направлении – приобщение школьников к национальным традициям и обычаям осетинского народа. Были периоды, когда народным традициям не уделялось достаточного внимания, результатом чего стало то, что современная молодежь не знает лучшие традиции своего народа, некоторые молодые юноши и девушки могут проявить неуважение к старшему поколению, недостойно вести себя в обществе и др. За последние десятилетия значительная часть традиций подверглась искусственному вырождению. Задача общеобразовательной организации – помочь в сохранении, укреплении и накоплении знаний о прогрессивных национальных традициях осетинского народа, суметь презентовать в восхитительной и доступной форме обучающимся необходимую информацию, уметь применять ее в процессе преподавания всех дисциплин, в том числе и математики. Включение регионального компонента в базовую и дополнительную части образования способствует возрождению национально-самобытных традиций, культуры, философии, нравственности. Человеческие ценности не сводятся лишь к сумме накопленных материальных и духовных ценностей, а предполагают формирование у новых поколений способности быть творцом новых ценностей, новых систем отношений друг к другу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Концепция модернизации российского образования на период до 2020 года <http://gpp.nashaucheba.ru/docs/index-12590.html> (дата обращения 10.03.2018 г.).

2. Тахохов Б.А., Малиева З.К., Цагараев В.А. Образование. Воспитание. Культура. Пропедевтика и снятие морального отчуждения личности на основе культурологического подхода. Монография.– Владикавказ: изд-во СОГУ, 2012. -2012. 63-68.

3. Бекоева М.И. Организационно-управленческие условия предупреждения конфликтов в коллективе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. №4 (21). С. 277-280.

4. Асташина Н.И., Симусева М.В. К вопросу об использовании интерактивных методов обучения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 15-18.

5. Бакшаева Н.В., Борисова Н.В. Практика разработки цифровых образовательных ресурсов по национально-региональному компоненту в курсе биологии // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования. 2008. № 11. С. 219-221.

6. Мишова В.В. Вопросы взаимодействия теории и практики педагогического творчества в образовательном процессе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. №1 (18). С. 121-125.

7. Ахметжанова Г.В., Юрьев А.В. Роль педагогического образования в инновационной образовательной среде вуза // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 30-32.

8. Громова Е.М. Роль национально-регионального компонента в формировании этнокультурной толерантности школьников. В сборнике: Технологическое образование: Теория и практика // Межвузовский сборник научных статей. Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова. Ульяновск, 2006. С. 108-112.

9. Рожина В.И. Национально-региональный компонент и его реализация в структуре образования // Приднепровский научный вестник. 2017. Т. 4. №6. С. 072-075.

10. Карсанова Е.В. Беженцы и вынужденные переселенцы как социальная проблема современности // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 29-

31.

11. Шевцов А.М. Манипулирование толерантностью как компонент информационной войны // Карельский научный журнал. 2014. № 1. С. 75-77.

12. Колмакова В.В., Одарюк И.В. Проблема включения регионоведческого материала в содержание национально-регионального компонента образования в школе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-2 (71). С. 186-188.

13. Уртаева Л.А. Национально-региональный компонент как средство повышения качества музыкального образования младших школьников // Современные технологии в образовании. 2016. №16. С. 174-178.

14. Бекоева М.И. Развитие творческих способностей младших школьников на уроках математики // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. Т. 2. №75. С. 203-206.

15. Беляев Г.Ю. Проблемы формирования профессионально-ориентированной компетентности студентов педагогических вузов в сфере воспитания // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. №2 (19). С. 13-16.

16. Никонов Р.В. Методологическое обоснование моделирования межкультурного образовательного процесса // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. №2 (19). С. 106-110.

Статья поступила в редакцию 19.12.2017

Статья принята к публикации 27.03.2018

АКТУАЛЬНОСТЬ ВОЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ
В СОВРЕМЕННОМ ВОЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

© 2018

Стародубцев Михаил Павлович, кандидат педагогических наук, профессор кафедры
«Теории и методики непрерывного профессионального образования»*Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации
(198206, Россия, Санкт-Петербург ул. лётчика Пилютова, 1, e-mail: pfanmp@mail.ru)*

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы актуальности военно-педагогических традиций в условиях реформирования и модернизации системы отечественного военного образования в настоящее время. Прослеживается взаимосвязь определений педагогических традиций и воинских традиций, дается авторское определение понятию военно-педагогических традиций. Проводится краткий историко-теоретический обзор основных этапов становления и развития военно-педагогических традиций во взаимосвязи с историей развития системы образования в России и достижениями военно-педагогической мысли от петровских времен до настоящего времени. Особое внимание уделяется вопросам государственной политики в области военного образования в настоящее время, его значению в обеспечении национальной безопасности страны. Выводы автора об изменчивости и трансформации военно-педагогических традиций под воздействием времени и научно-технического прогресса, а также об их существенном влиянии на образовательный процесс в военном вузе, подтверждают актуальность исследований военно-педагогических традиций на современном этапе развития системы отечественного военного образования.

Ключевые слова: педагогические традиции, воинские традиции, система отечественного военного образования, военно-педагогический процесс, военно-педагогические традиции, государственная образовательная политика, национальная безопасность, военная доктрина, актуальность военно-педагогических традиций, военная педагогика, традиционные педагогические методы и технологии обучения, современный военно-педагогический процесс, инновационные процессы в военном образовании.

THE RELEVANCE OF THE MILITARY-PEDAGOGICAL TRADITIONS
IN MODERN MILITARY EDUCATION

© 2018

Starodubtsev Mikhail Pavlovich, candidate of pedagogical Sciences,
Professor of «Physical training and sports»*Saint-Petersburg military Institute of national guard troops of the Russian Federation
(198206, Russia, St. Petersburg street letchika Pilyutova, 1, e-mail: pfanmp@mail.ru)*

Abstract. The article deals with the issues of relevance of military-pedagogical traditions in the conditions of reforming and modernization of the system of national military education at the present time. The interrelation of definitions of pedagogical traditions and military traditions is traced, the author's definition of the concept of military pedagogical traditions is given. A brief historical and theoretical review of the main stages of the formation and development of military-pedagogical traditions in conjunction with the history of the education system in Russia and the achievements of military-pedagogical thought from Peter the great times to the present time. Special attention is paid to the issues of state policy in the field of military education at the present time, its importance in ensuring the national security of the country. The author's conclusions on the variability and transformation of military pedagogical traditions under the influence of time and scientific and technological progress, as well as their significant impact on the educational process in military higher education, confirm the relevance of research military pedagogical traditions at the present stage of development of the system of national military education.

Keywords: pedagogical traditions, military traditions, system of national military education, military pedagogical process, military pedagogical traditions, state educational policy, national security, military doctrine, relevance of military pedagogical traditions, military pedagogies, traditional pedagogical methods and technologies of training, modern military pedagogical process, innovative processes in military education.

В эпоху усложняющихся общественно-политических и социально-экономических процессов, происходящих в мире и в стране, в условиях быстро обновляющегося содержания знаний и постоянного его приращения, актуальным становится вопрос формирования Вооруженных Сил Российской Федерации с учетом новых требований не только к уровню их технической оснащенности, но и к уровню профессиональной подготовки военных специалистов.

Современный этап развития системы отечественного военного образования характеризуется ориентацией на качественно новые параметры в оценке профессиональной компетентности выпускников военных вузов. Прогрессивными изменениями в системе вузовской подготовки военных кадров можно назвать следующие: повышение уровня требований к абитуриентам, улучшение учебно-материального обеспечения и технической оснащенности образовательного процесса, высокий научный потенциал кадрового (научно-педагогического) состава вуза, внедрение в процесс обучения инновационных педагогических технологий [1, с. 6].

Важнейшим направлением государственной политики в настоящее время является совершенствование системы военно-педагогического образования путем достижения высокого качества профессиональной подготовки и нравственно-патриотического воспитания курсантов в соответствии с актуальными потребностями

личности, общества и государства в контексте обеспечения национальной безопасности [2]. Однако, совершенствование системы военного образования возможно только с учетом исторического опыта, положительных результатов предшествующих реформ и достижений педагогических традиций прошлого.

Само понятие традиций, как правило, задано операционально и может быть рассмотрено с позиций филологии, культурологи, психологии и ряда других наук. В педагогике под традициями понимаются исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение знания, формы деятельности и поведения, а также сопутствующие им обычаи, правила, ценности, представления.

Под воинскими традициями понимаются сложившиеся на основе длительного опыта воинской деятельности и прочно укоренившиеся в повседневной жизни правила, нормы, стереотипы поведения, действий и общения военнослужащих, передающиеся вновь прибывшим в воинском коллективе, соблюдение которых стало общественной потребностью каждого члена воинского коллектива.

Изучением особенностей обучения и воспитания военнослужащих и воинских коллективов, их подготовки к успешному ведению боевых действий и военно-профессиональной деятельности занимается военная педагогика [3, с. 56]. Военно-педагогический процесс подготовки

кадров в военных образовательных организациях носит специфический характер, обусловленный включенностью обучающихся в реальную военно-профессиональную деятельность, связанную с решением служебных и боевых задач. Необходимость совмещения обучения со службой, неразрывная связь процессов обучения и воспитания, которые складывались на протяжении более чем трех столетий существования регулярной армии и флота, позволяют говорить о формировании определенных военно-педагогических традиций.

Военно-педагогические традиции представляют собой исторически сложившиеся на основе достижений военно-педагогической мысли и длительного опыта воинской деятельности и передаваемые из поколения в поколение знания, формы деятельности и поведения, а также сопутствующие им нормы, правила, ценности, представления и обычаи [2, с. 260].

Педагогическими традициями отечественной военной школы на всем протяжении ее развития являются: гуманистические начала; неразрывная связь процессов обучения и воспитания; единство воинского и нравственного воспитания; опора на традиционные духовно-нравственные и национально-государственные патриотические ценности; бережное и уважительное отношение к героическому прошлому армии и страны.

Военно-педагогические традиции, как и любые другие традиции, со временем подвергаются изменениям под влиянием различных факторов: политических, социальных, экономических и др. Историко-педагогический анализ основных периодов становления и развития военно-педагогических традиций (от петровских времен до настоящего времени), позволяет проследить за указанными изменениями.

Так, становление военной школы как упорядоченной системы подготовки военных кадров и зарождение военно-педагогических традиций происходило в период с конца XVIII – до первой половины XIX вв. и связывается, прежде всего, с именами двух великих реформаторов: Петра I и Екатерины II [4, с. 8; 5]. Указанный период характеризуется совершенствованием содержания и методики воспитания и обучения русской армии, созданием целостной военно-педагогической системы на основе индивидуализированного и деятельностного подхода в образовании (А.В. Суворов), обогащением военной педагогики идеями наставничества (П.А. Румянцев), непрерывности обучения, важности нравственно-патриотического воспитания военнослужащих. Значительный вклад в развитие военно-педагогической мысли в указанный период внесли также: Д.С. Аничков, И.И. Бецкой, С.П. Боткин, А.Н. Крылов, Д.И. Менделеев, А.Ф. Можайский, И.П. Павлов, Н.И. Пирогов, Г.А. Потемкин, П.И. Шувалов, и др.

Несмотря на то, что к середине XIX века произошел отход от индивидуализированного и деятельностного подходов в военном образовании в сторону жесткой регламентации образовательного процесса, уже к началу XX века идеи гуманизма и индивидуализированного обучения вернулись в систему военного образования. Свой вклад в исследование проблем военно-педагогической науки в указанный период внесли В.П. Вахтеров, С.И. Гессен, П.Ф. Каптерев, В.О. Ключевский Л.И. Петражицкий и др.

Советский период развития военно-педагогической мысли базировался на учете позитивных достижений предыдущих этапов становления и развития системы отечественного военного образования, основанных на принципе единства и неразрывной связи процессов обучения и воспитания, с преобладанием в воспитательном процессе нравственно-патриотических начал. Несмотря на строгую идеологизацию системы образования в целом, именно в советское время проводились фундаментальные научные исследования по проблемам военной педагогики, представленные работами А.В. Барabanщикова, М.И. Дьяченко, Н.Ф. Котова, Н.С.

Кравчуна, Н.Ф. Феденко, В.П. Давыдова, а результаты исследований получали практическую реализацию в учебном процессе.

Распад советского государства и связанный с этим отказ от прежних идеологических установок, а также почти полная утрата обществом патриотического сознания, негативно отразились на системе военного образования. Прежние теоретико-методологические установки в системе подготовки военных кадров не соответствовали реалиям нового времени. Требовалось не только техническое переоснащение Вооруженных Сил РФ, но и масштабное реформирование всей системы отечественного военного образования в целом, начало которому было положено присоединением Российской Федерации к Болонскому процессу в 2003 году [6, с. 15].

Историко-теоретический анализ становления и развития системы отечественного военного образования показал, что подготовка военных кадров во все времена являлась важнейшей частью внутривойсковой деятельности государства, однако, особую актуальность она приобрела к настоящему времени ввиду нарастания темпа научно-технического прогресса и процессов глобализации.

Модернизация системы образования в целом, обусловленная переходом к новой образовательной парадигме, а также усложнение технической оснащенности Вооруженных Сил Российской Федерации, ставят перед высшей военной школой актуальные задачи по совершенствованию процесса подготовки офицерских кадров.

Офицерский корпус во все времена являлся основой существования армии, ее стержнем, обеспечивающим сохранение и приумножение национальных военных традиций. В настоящее время в военных вузах особое внимание уделяется не только формированию профессиональной компетентности будущих офицеров и их способности квалифицированно решать сложные профессиональные задачи в войсках (служебные, боевые, педагогические), но и развитию у обучающихся общей культуры и высоких морально-нравственных качеств.

В целом, военно-педагогический процесс в вузе направлен на формирование мировоззренческой позиции военнослужащего Российской Армии на основе лучших достижений педагогической науки и воинских традиций. В будущих офицерах воспитываются: высокое государственное-патриотическое сознание; верность конституционному долгу; чувство гордости за принадлежность к Вооруженным Силам; чувство воинского долга, офицерской чести и достоинства; стремление к овладению профессией офицера и готовности к защите Отечества; дисциплинированность, ответственность и исполнительность; трудолюбие и добросовестные отношения к службе; стремление в совершенстве овладеть избранной профессией и др. [7].

Система военного образования, таким образом, призвана готовить не только специалистов в области военного дела, но и граждан, обладающих высокими морально-нравственными качествами, патриотов своей страны, от которых в значительной степени зависит судьба Отечества. В этой связи, вопросы преемственности военно-педагогических традиций, их роли и значения в становлении и развитии системы отечественного военного образования приобретают особую актуальность.

В настоящее время исследования проблем военно-педагогической науки посвящены труды И.А. Алехина, Ю.Ф. Зуева, А.Г. Терещенко, С.В. Бордунова, О.Ю. Ефремова, С.В. Каменева, Н.Б. Саханского, С.В. Литвиненко, А.А. Кочина, В.Ю. Фадеева, О.А. Козлова, и др.

Следует особо подчеркнуть, что военное образование в современном мире является важнейшим ресурсом обеспечения национальной безопасности государства. В этой связи военная педагогика как наука становится важнейшим инструментом государственного военного строительства, способствующим формированию и укреп-

плению кадрового потенциала страны. По мнению Л.И. Лурье, «преодолевая ведомственную замкнутость, военная педагогика впитывает лучшие достижения науки, включаясь в общественный диалог о целях и задачах армейской реформы и устойчивого развития государства, что способствует большей открытости науки и усилению ресурсов ее саморазвития» [8, с. 62].

В современных условиях сложность науки военной педагогики обусловлена многими факторами, среди которых особо выделяются процессы глобализации, затрагивающие основные сферы жизнеобеспечения, а усложнение механизма политического взаимодействия государств, где, наряду с открытостью национальных систем образования, существует необходимость в обеспечении их безопасности, требует поиска новых подходов к решению возникающих противоречий.

Система военного образования, являясь неотъемлемой частью национальной системы образования государства, зависима от многих факторов: общенациональных интересов, стратегических целей развития и экономических возможностей страны, государственной образовательной политики, опережающего развития военной науки, технической оснащенности армии и флота, организационной структуры управления военным образованием, материально-технического и кадрового обеспечения военных вузов и др.

В настоящее время государственная образовательная политика Российской Федерации направлена на совершенствование системы военного образования и подготовки военных кадров в целях динамичного социально-экономического развития страны и обеспечения ее военной безопасности.

Военное образование является составной частью системы образования Российской Федерации, и, одновременно, неотъемлемой частью Вооруженных Сил, что обуславливает двойственный характер государственной политики в сфере его регулирования. С одной стороны, образовательная политика государства должна быть направлена на качественные преобразования в системе внутривузовской подготовки (новые образовательные стандарты, многоуровневость, личностно-ориентированная модель построения образовательного процесса, компетентностный подход и др.), с другой – на модернизацию и техническое перевооружение Вооруженных Сил и возникающую в связи с этим необходимость в подготовке высококвалифицированных специалистов.

Согласно Военной доктрине Российской Федерации, приоритетными направлениями государственной политики в области военного образования являются: совершенствование образовательного и воспитательного процессов в вузе в целях подготовки высокопрофессиональных военных кадров; развитие военной науки путем проведения фундаментальных и прикладных научных исследований; совершенствования структуры военных образовательных организаций высшего образования; создание интегрированных структур материально-технического, социального, медицинского и научного обеспечения в Вооруженных Силах и в учреждениях военного образования и др. [9].

Указанные преобразования невозможны без учета достижений военно-педагогической мысли, нашедших отражение в военно-педагогических традициях, сложившихся в системе отечественного военного образования. Образовательный процесс современного военного вуза нацелен на подготовку высококвалифицированного и компетентного военного специалиста, преданного своему делу и Отечеству, в основе профессионального становления которого лежит успешное сочетание традиционных педагогических методов воспитания и обучения с передовыми достижениями науки военной педагогики.

Среди военно-педагогических традиций, сложившихся в системе военного образования и активно используемых в современном образовательном процессе, можно назвать следующие: принцип единства и Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

неразрывной связи процессов обучения и воспитания; преобладание в воспитательном процессе нравственно-патриотических начал; сочетание группового и индивидуализированного подходов к обучению; формирование у обучающихся целостной мировоззренческой позиции, основанной на любви к Отечеству, служении долгу и готовности к самопожертвованию и др.

Смена образовательной парадигмы, переход к системному построению образовательного взаимодействия со всеми участниками образовательного процесса в условиях активного внедрения информационно-коммуникационных технологий и связанных с ними рисков [10], требуют от системы военного образования гибкого реагирования и рефлексии на указанные изменения. Современный военно-педагогический процесс характеризуется следующими признаками: индивидуализация и персонификация обучения (формирование портфолио обучающихся, построение индивидуальных образовательных маршрутов); развитие у обучающихся навыков научно-исследовательской и проектной деятельности (участие в конференциях, конкурсах, грантах); использование инновационных технологий (модульно-рейтинговых, проектно-созидательных, мультимедийных) и интерактивных форм обучения (кейсы, социальные проекты, творческие задания); формирование единой информационно-образовательной среды вуза, обеспечивающей свободный доступ к имеющимся образовательным ресурсам.

Таким образом, военно-педагогические традиции, меняясь под воздействием времени и научно-технического прогресса, наполняют новым смыслом содержание и качество образовательного процесса, формируя образ «нового» кадрового военного не только как нравственной личности, гражданина и патриота своей страны, но и как ученого, исследователя, высококвалифицированного и компетентного специалиста. В настоящее время процессы становления, развития и трансформации военно-педагогических традиций являются предметом широких научных исследований и важной педагогической проблемой, на решение которой направлены усилия государственной политики и науки военной педагогики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мухамедова Г.Ф. Педагогические условия военно-патриотического воспитания курсантов в военном вузе: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Мухамедова Гульназ Хафизовна; [Место защиты: Марийск. гос. ун-т]. - Йошкар-Ола, 2011. – 24 с.
2. Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, N 1 (часть II), ст. 212.
3. Военная педагогика: Учебник для военных вузов / под ред. О.Ю. Ефремова. СПб.: Питер, 2015. – 755 с.
4. Стародубцев М.П. История становления и основные этапы формирования военно-педагогических традиций в системе отечественного военного образования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. № 184. – С. 5-15.
5. Стародубцев М.П. Роль и значение военно-педагогических традиций на современном этапе развития системы отечественного военного образования // СНВ. 2017. №4 (21) – С. 258-26.
6. Российские вузы в Болонском процессе: Учебное пособие. / Под ред. А.О. Грудзинского. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2009. – 124 с.
7. Приказ Министра обороны РФ от 12.10.2016 N 655 «Об организации работы с личным составом в Вооруженных Силах Российской Федерации» [Электронный ресурс: режим доступа: <http://www.consultant.ru/>].
8. Лурье Л.И. Актуальные проблемы военной педагогики и национальная безопасность России // Педагогическое образование и наука, 2011. № 3. – С. 61-64.

9. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976) // Российская газета, N 298, 30.12.2014.

10. Федеральный закон от 26.07.2017 N 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2017, N 31 (Часть I), ст. 4736.

Статья поступила в редакцию 23.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2018

Сысоева Елена Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории
и методики профессионального образования*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
(443011, Россия, Самара, ул. ак. Павлова, 1, e-mail :giperium@mail.ru)*

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования инновационных методов обучения в системе профессионального образования. Инновационные методы обучения побуждают студентов к активности, инициативности, рефлексии, позволяют становиться причастными к образовательному результату. Критериями инновационных методов обучения в вузе являются: наличие рефлексивного типа мышления, способность проектировать новые формы действия, умение выстраивать продуктивную коммуникацию при групповом решении проблемы в ситуации неопределенности. Автором определена ценность конфликта как средства разрешения проблем и противоречий межличностного взаимодействия. В статье проанализирована содержательная и процессуальная сторона использования конфликт-метода в профессиональном обучении. Специфика внедрения конфликт-метода в процесс обучения заключается в актуализации личного опыта студента в конфликтной ситуации, анализе эмоциональных состояний и трансформации привычных стереотипных поведенческих реакций в конфликтном взаимодействии. Конфликт-метод способствует развитию рефлексивных, коммуникативных и аналитических умений студентов. Применение конфликт-метода в практической педагогической деятельности требует от преподавателя вуза когнитивной, эмоциональной, поведенческой гибкости, развитых коммуникативных и фасилитационных умений.

Ключевые слова: инновационные методы, конфликт-метод, профессионализация студентов, конфликтологическая компетентность, педагогическая фасилитация.

INNOVATIVE METHODS OF TRAINING IN THE SYSTEM
OF PROFESSIONAL EDUCATION

© 2018

Sysoeva Elena Yur'yevna, Ph.D, assistant professor of theory
and methodology of professional education*Samara University**(443011, Russia, Samara street Pavlova, 1, e-mail: giperium@mail.ru)*

Abstract. In the article the possibility of training innovative methods use in the system of professional education is considered. Training innovative methods induce students to activity, initiative, self-reflection and allow to become involved in learning outcomes. Criteria of training innovative methods in higher education institution are: availability of reflexive settled mode of thinking, ability to project new forms of action, ability to organize productive communication at a group decision of a problem in a situation of uncertainty. The author has estimated the conflict value as means of problems' and person-to-person interaction contradictions solution. In the article the informative and procedural part of the conflict-method applying in vocational training is analysed. The specifics of the conflict-method implementation in training process consists in updating of students' personal experience in conflict situation, the analysis of emotional states and transformation of habitual stereotypic behavioural reactions in conflict interaction. The conflict-method contributes to the development of reflexive, communicative and analytical abilities of students. Application of the conflict-method in practical educational activity demands cognitive, emotional, behavioural flexibility, developed communicative and facilitative abilities from the teacher of higher educational institution.

Keywords: innovative methods, conflict resolution method, professionalization of students, competence of conflict resolution, facilitation of a professor.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. На современном этапе развития системы образования различают два аспекта: образование как процесс и результат освоения определенного стандартизированного содержания образования в форме знаний, умений, навыков, компетенций; образование как непрерывный процесс развития и становления личности: формирование потребности-мотивационной и эмоционально-волевой сферы, познавательных способностей, социально и профессионально важных качеств. Очевидно, что эти две стратегии взаимодополняемы, первая направлена на цели-планируемые результаты (обученность), вторая на цели-векторы (обучаемость, социализация, самоактуализация). Направленность содержания современного образования на расширение коммуникативного пространства, на обретение способности «научиться жить вместе» (Ж. Делор) предполагает создание специальных педагогических условий, способствующих развитию навыков критического мышления и коммуникативной компетентности всех субъектов образовательного процесса.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основывается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Реализация развивающей функции профессионального образования во многом определяется используемыми

инновационными психолого-педагогическими технологиями. Инновационное обучение определяется как «ориентированное на создание готовности личности к быстро наступающим переменам в обществе, готовности к неопределенному будущему за счет развития способностей к творчеству, а также способности к сотрудничеству с другими людьми» [1, с.15].

Способность к саморазвитию, самообразованию в инновационном обучении становится важнее, чем проектируемые качества специалиста. Образование в данном контексте понимается как совместный поиск и порождение нового образа действительности.

В исследовании А.Г. Казаковой инновационные технологии понимаются во-первых, как формирующие глубинную профессиональную мотивацию у студентов, способствующие развитию творческого мышления каждого, формированию навыков самостоятельного добывания знаний, во-вторых, как обеспечивающие осуществление обратной связи на занятиях, способствующие развитию активной устной речи студентов [2, с.246].

Критериями инновационных методов обучения в вузе являются: наличие рефлексивного типа мышления, способность проектировать новые формы действия, умение выстраивать продуктивную коммуникацию при групповом решении проблемы в ситуации неопределенности.

Важной задачей инновационного обучения является создание педагогических условий, которые по-

буждают к активности, инициативности, рефлексии, позволяя учащимся ощутить себя причастными к образовательному результату.

Педагогу важно уметь создать образовательное пространство таким образом, чтобы оно становилось естественным, органичным, имеющим качества живой и развивающейся системы.

Результат обучения при этом в какой-то степени непредсказуем: в качестве результата можно рассматривать не только формируемые знания и умения, но и определенный уровень отношений к различным аспектам социальной действительности.

Необходимость создавать ситуации, выводящие учащихся в сферу жизненных интересов и потребностей, задающих предельный драматизм в условиях психологически неоднородного коллектива, требует нестандартных подходов к практике профессионального обучения.

Одним из таких инновационных способов обучения, способствующих развитию профессионального типа мышления студента и таких его свойств, как рефлексивность, аналитичность, санагенность, креативность, является конфликт-метод.

В научной литературе «конфликт-метод» понимается как путь познания и способ построения рациональной деятельности, а также освоение конфликтной деятельности с целью минимизации деструктивных элементов в конфликте и перевода конфликта в социально-позитивное русло [3, с. 15].

Методологическую и методическую целесообразность использования конфликт-метода в педагогической коммуникации можно обосновать исходя из понимания свойств конфликта как социального феномена.

Анализ современных исследований конфликта (Н.Ф. Вишнякова[4], Р.М. Грановская[5], Н.В. Гришина[6], А.П. Егидес[7], А.Я. Кибанов[8], Б.И. Хасан[9], В.С. Шейнов[10] и др.) позволяет сформулировать общие принципы управления конфликтами в педагогическом взаимодействии, среди которых: принцип позитивного функционализма (конфликт стимулирует изменения, способствует раскрытию творческого потенциала личности, способствует самоизменению личности); принцип управляемости конфликта (при адекватном подходе негативные последствия столкновения могут быть минимизированы); принцип заинтересованности в конструктивных последствиях конфликта (необходимость увидеть воспитательное значение конфликта, возможное использование его для личностного роста, нравственного развития личности, извлечения позитивного опыта для каждого из участников).

Говоря о педагогическом процессе, многие исследователи отмечают изначально заданную ему «конфликтность», так как педагогический процесс характеризуется ролевой и позиционной асимметрией его участников.

В условиях коммерциализации и консьюмеризации высшего образования компонентами профессиональной компетентности преподавателя вуза являются владение технологиями психогигиены и стрессоустойчивости в конфликте, а также отсутствие конфликтофобии.

Переход к рыночным отношениям и к демократизации как форме управления предполагает, что конфликтофобия является фактором, препятствующим формированию конфликтологической компетентности личности специалиста.

Современная организационная культура управления немаловажна без формирования культуры конфликта, означающей наличие умений анализировать причины конфликтной ситуации, мотивы конфликтующих сторон, а также совокупность норм и правил поведения в конфликте у субъектов образовательного процесса.

В качестве одной из норм признается ценность конфликта как средства разрешения проблем и противоречий в межличностном взаимодействии.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

На наш взгляд, педагогу высшей школы необходимо на учебных занятиях создавать условия, дающие студентам возможность понимания феномена конфликта как составляющей неизбежной части человеческой жизни.

Для эффективного управления конфликтом, важно понимать, что «конфликт – это воспринимаемая как угрожающая противоречивость или несовместимость целей сторон», «люди реагируют на ситуации не столько в терминах объективных черт и описательных характеристик ситуаций, но в терминах чувств и эмоций по поводу события» [10, с. 41].

Формирование аналитических и рефлексивных умений студентов возможно путем анализа конфликтного взаимодействия, его истоков и способов возможного конструктивного разрешения.

Главная идея конфликт-метода заключается в том, чтобы использовать уже имеющиеся противоречия во взглядах, мнениях, целях обучения либо специально создавать ситуации, провоцирующие конфликт.

Для их создания используются различные педагогические тактики: специальное нарушение этических норм педагогической коммуникации (словом, интонацией, жестом), отождествление человека с определенным отдельным недостатком, напоминание о негативном опыте совместной деятельности, ирония в адрес конкретной личности, деструктивная критика и др. [11, 120].

Нарушение коммуникативного равновесия в ходе педагогической коммуникации является специально выстроенной со стороны преподавателя провокацией, имеющей целью актуализировать привычные способы реагирования на конфликтную ситуацию студентов.

Сложность протекания провокативной педагогической ситуации заключается в том, что во время стресса, сопровождающего конфликт, значительно снижается возможность сознательной регуляции поведения, происходит регресс к более архаичным стереотипам поведения [12, с. 26].

Педагогу важно создать условия для того, чтобы студент смог перевести ситуацию эмоционального реагирования в конфликте на аналитический уровень и выбрать оптимальную стратегию поведения, не накапливая негативных эмоций, а находясь в поиске источников их появления.

Здесь необходимо отметить, что подобного рода провокационные техники поведения преподавателя возможны исключительно при условии создания благоприятной психологической атмосферы в студенческом коллективе, когда преподавателем заслужено доверие аудитории, и он является референтной личностью.

Возможность применения конфликт-метода становится актуальной при изучении дисциплин социального гуманитарного цикла, связанных с культурой делового и межличностного общения, этическими аспектами профессиональной коммуникации.

Акцент при использовании конфликт-метода делается на противоречиях, выявляемых в ходе конфликтной ситуации, что, в свою очередь, позволяет значительно активизировать ход учебного занятия.

Учащийся, попадая в ситуацию естественного реагирования в конфликте, получает возможность анализировать причины и мотивы конфликтующих сторон, свой опыт восприятия и взаимодействия в подобных конфликтных ситуациях, а также выстраивать возможные способы конструктивного разрешения данной ситуации.

Актуализация конфликта происходит естественным образом, в условиях «здесь и теперь», форма и тип конфликта значения не имеют.

Фиксация разрыва между практической и мыслительной деятельностью обучаемого, обозначение границ и уровня конфликтологической компетентности

студента является основной задачей процесса обучения с использованием конфликт-метода.

Отрефлексировав привычные способы реагирования в конфликте, учащийся преодолевает собственные мыслительные шаблоны, эмоциональные реакции и стереотипы поведения в конфликте.

Использование конфликт-метода обеспечивает деятельностный характер обучения, позволяет активизировать когнитивные и эмоционально-волевые процессы, развивает у студентов коммуникативные, рефлексивные и аналитические умения, способствует формированию навыков коллективного взаимодействия.

Принципиально значимым элементом внедрения конфликт-метода является вовлеченность педагога как полноценного участника взаимодействия в образовательную ситуацию, при этом возникшая проблема становится для него реальной, и ему приходится решать ее наравне с учащимися, тем самым открывая для себя новое знание.

Для этого необходимо соблюдать принципы гуманитарной образовательной практики: забота о добывании нового бытийного опыта и его трансляция; взаимодействие в неопределенной ситуации, которая проективна для обеих сторон (педагога и учащегося); продуцирование уникального, «авторского» знания; альтернативность — многоаспектность и многопозиционность получаемого знания; отсутствие «техник» и признание уникальности подхода в каждом случае; внезаходимость организатора образования как отсутствие центрации на себе; принцип «резонанса», позволяющий актуализировать в настоящем конкретном действии весь прошлый и будущий опыт или его фрагменты [13, с.97].

Применение конфликт-метода, как инновационного способа обучения, предполагает освоение педагогом нового типа управления, связанного с изменением собственной личностной позиции и роли в учебной ситуации.

Важное значение в использовании конфликт-метода придается взаимодействию педагога с учащимися, конкретным коммуникативным умениям педагога.

Оптимальные условия для развития рефлексивных умений студентов посредством конфликт-метода обеспечивает педагогическая фасилитация, под которой понимается усиление продуктивности образования и развития субъектов профессионально-педагогического процесса за счет их особого стиля общения и личности педагога [14, с.74].

Феномен фасилитации возникает, если педагог является для обучаемых авторитетным, референтным и признанным; владеет техниками и приемами аттракции, эмпатии и конгруэнтного самовыражения своего отношения к обучаемым; проявляет толерантность к противоположным мнениям и независимому поведению.

Педагог, выбирающий гуманизацию отношений субъектов образовательного процесса одним из смыслов педагогической деятельности, должен уметь гибко варьировать своим положением и коммуникативным статусом, уметь заменять межролевое взаимодействие межличностным [15, с.107].

Внедрение в процесс профессионализации студентов инновационных технологий обучения, основанных на актуализации личного опыта и разрушении привычных стереотипных поведенческих реакций в конфликтном взаимодействии, требует от преподавателя вуза когнитивной, эмоциональной, поведенческой гибкости, владения технологиями фасилитационного общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сорокина Н.Д. Управление новациями в вузах (социологический анализ): Научная монография/Н.Д. Сорокина – М.: Канон” РООИ “Реабилитация”, 2009. - 255 с.

2. Казакова А.Г. Педагогика профессионального образования: Монография. -М.:Экон-Информ, 2007. - 551 с.

3. Цой Л. Н. Практическая конфликтология / Л. Н. Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

Цой. – М. : Социол. шк. конфликтологии, 2005. – 233 с.4.

4. Вишнякова Н.Ф. Конфликтология. Минск: Новый курс. 2010.- 256с.

5. Грановская Р.М. Конфликт и творчество в зеркале психологии. М.: Генезис, 2002.-573 с.

6. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. - 544 с.

7. Егидес А.П. Психология конфликта: учеб.пособие / А.П. Егидес. М.: Московская финансово-промышленная академия, 2011.- 320с.

8. Кибанов А.Я. Конфликтология. Учебное пособие. М.:НИЦ-ИНФРА, 2012. - 301 с.

9. Хасан Б.И. Психотехника конфликта и конфликтологическая компетентность. Красноярск: Красноярский государственный университет, 1996.- 157 с.

10. Шейнов В.П. Управление конфликтами. - СПб: Питер, 2014. - 576 с.

11. Сысоева Е.Ю. Интерактивные технологии обучения в системе повышения квалификации педагогов / Образование и наука: современные тренды: коллективная монография / гл.ред. О.Н. Широков.- Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. -№ 1. - 216 с. - С.113-133.

12. Васильев Н.Н. Тренинг преодоления конфликтов. - СПб.: Речь, 2008.-170 с.

13. Гуманитарные технологии преподавания в высшей школе: учеб-метод. пособие / кол. авторов под ред. Т. В. Черниковой - М.: Планета, 2011.-496 с.

14. Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Сыманюк Э.Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход: Учебное пособие. - М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. - 216 с.

15. Сысоева Е.Ю. Развитие коммуникативной компетентности преподавателя вуза в системе повышения квалификации//Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) № 11 (67), 2016. С.102-112.

Статья поступила в редакцию 12.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 372.4

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО – ОРИЕНТИРОВАННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

© 2018

Тютюсова Елена Вячеславовна, аспирант кафедры педагогического и дефектологического образования

Блинов Леонид Викторович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогического и дефектологического образования, академик МАНПО

*Тихоокеанский государственный университет
(680035, Россия, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136, e-mail: astrax@list.ru)*

Аннотация. Развитие социальной компетентности у обучающихся младших классов происходит в социуме, нацеленном на усвоение норм и правил поведения, взаимодействия в семье и обществе, умение решать повседневные проблемы. Для каждого обучающегося процесс формирования ценностей это его внутренний путь личностного самоопределения. Проблемы современного образования направлены на развитие этих компетентностей обучающихся, благодаря которым они будут реализовывать социальные действия и опыт. Для решения данной проблемы в статье рассматривается понятие «ценностные ориентиры», как значение и смысл культурного явления для индивидуума, и его отношение к данному явлению. Определяется позиция Олдмейера по формированию ценностных ориентаций индивидуума, которые вызваны чувством, что стоит над ними, перед ними и рядом с ними. Он выделял четыре направления, в которых происходит формирование ценностных социальных оснований личности. Данные направления, а также требования к метапредметным результатам выпускника начальной школы, прописанные в федеральном государственном образовательном стандарте, были взяты в основу составления схемы ценностных ориентиров по формированию социальной компетентности обучающихся младших классов. В каждом направлении ценностных ориентиров определяется составляющая «я – мы», неотделимая от субъекта и социума, и без которой не может происходить процесс обучения.

Ключевые слова: ценностные ориентации; универсальные учебные действия; социальные компетентности; критерии оценивания; деятельностный подход; аксиологический аспект; декомпозиция метапредметных результатов; ценностные ориентиры; взаимодействие смыслов.

AXIOLOGICAL ASPECT IN FORMING SOCIALLY-ORIENTED COMPETENCIES OF YOUNG SCHOOLBOYS

© 2018

Tiutiusova Elena Vyacheslavovna, graduate student of the Department of Pedagogical and Defectology Education,

Blinov Leonid Viktorovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogical and Defectology Education, Academician of the IASP

*Pacific State University
(680035, Russia, Khabarovsk, street Pacific, 136, e-mail: milenat18@bk.ru)*

Abstract. The development of social competence among the junior students takes place in a society aimed at assimilating the norms and rules of behavior, interaction in the family and society, and the ability to solve everyday problems. For each trainee, the process of forming values is his inner path of personal self-determination. The problems of modern education are aimed at developing these competencies of students, through which they will implement social activities and experience. To solve this problem, the article considers the concept of “value orientations” as the significance and meaning of a cultural phenomenon for an person, and his attitude to this phenomenon. Oldemeyer’s position on the formation of value orientations of the individual is determined, and these orientations are caused by the feeling that stands above them, in front of them and next to them. He distinguished out four directions in which the formation of value social bases of the personality occurs. These directions, as well as the requirements for the meta-subject results of the primary school graduate, prescribed in the federal state educational standard, were taken as a basis for drawing up a scheme of values for the formation of the social competence of the junior students. In the each direction of the value orientations, the “I-we” component is determined, inseparable from the subject and the society, and without this component the learning process can not take place.

Keywords: value orientations; universal learning activities; social competence; evaluation criteria; activity approach; axiological aspect; decomposition of meta-subject results; value orientations; interaction of meanings.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В аспекте философии личность представляется нам как действующий в обществе субъект, наделенный индивидуальными социальными ролями, ценностями, образцами поведения, самовоспитанием социального члена общества. Социум, в котором у обучающегося происходит развитие социальной компетентности, способствует усвоению им норм и правил поведения, взаимодействия в обществе, умению решать реальные проблемы в современной повседневной жизни, т.е. тех результатов, которые прописаны в ФГОС НОО [1]. Поэтому у обучающихся должны быть сформированы такие компетентности, благодаря которым они будут реализовывать социальные действия и опыт, необходимые в быстромеменяющемся современном мире.

Формирование целей статьи. Ценности побуждают личность к деятельности и дают ей больше свободы для приобретения опыта действия, деятельности, общения, в которых заключен смысл для усваивания и построения на его основе собственного опыта. Для качественной характеристики социальной компетентности обучаю-

щихся начальных классов задачи нашего исследования предполагают наличие структуры формирования социальной компетентности. Каждый педагог задумывается над качественным путем перехода идеального образца ценности в определенный порядок действий, при котором сформированная компетентность будет служить пусковым механизмом его поведения в жизненной ситуации. Наша задача – определить этапы действий, при которых ценности из образца перейдут во внутренний мир обучающегося.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор. В системно - деятельностном подходе, который основывается на теории Л.С. Выгодского [2], А.Н. Леонтьева [3,4], Д.Б. Эльконина [5,6], П.Я. Гальперина [7], современные ученые (А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская, С.В. Молчанов и другие) с самого начала выделяли результат деятельности как целенаправленной системы, который нацелен не только на развитие личности и формирование гражданской идентичности, но и помогает отследить ценностные ориентиры, которые встраиваются в новое

поколение стандартов российского образования [8].

Под ценностными ориентирами мы понимаем значение и смысл культурного явления для индивидуума, которое может оставить его равнодушным, либо он может придать этому явлению значение своим особым отношением. В таком случае происходит приобретение личностной ценности через со-значение, то есть «через отнесение его к себе самому, через оценку его сквозь призму собственной индивидуальности» [9].

Изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов. Человек, приобретая личностную ценность, которая осмысливает, означает и упорядочивает деятельность индивидуума, его психики, приобретает личностный смысл. «Столкновение и взаимодействие смыслов ведёт к рождению новых смыслов, новых образов, действий, поступков» [9]. Такое соотношение позволяет нам определять ценность как аксиологичность деятельности, рассматривать ее как смысл, где освоение ценностей есть процесс осмысления значений и означивания смыслов. В такой связи человек осознает культурное явление, содержащее опыт действия, деятельности, общения, отношения, в которых укоренен смысл, для усваивания и построения на его основе собственного опыта. Ценности дают личности больше свободы и побуждают ее к деятельности.

В центре педагогической теории и практики многие философы и педагоги (А. Маслоу, М.М. Бахтин [10], В.П. Зинченко [11] и др.) рассматривают ценности образования, которые не только значимы для человека, но и «должны соответствовать общечеловеческим ценностям» [12]. Поэтому, по мнению Владимира Петровича Зинченко, главным субъектом ценностей, целей и путей их достижения становится система образования.

Е. Олдемейер рассматривал формирование ценностных ориентаций индивидуума чувством, вызванным тем, что стоит над ними, перед ними и рядом с ними. Таким образом, он определял четыре направления, в которых происходит формирование ценностных социальных оснований личности: отношения «я-ты», «мы-вы», отношения «я-оно», «мы-оно», отношения «я-я», «я-мы», отношения «я-мы-сверх я», «я-сверх мы» [13, с. 62].

В таком аспекте образование определяется как часть социального развития общества, которая воздействует на процесс социального, культурного, интеллектуального совершенствования обучающегося через специально организуемую деятельность. Используя указанные направления ценностных социальных оснований личности Е. Олдемейера, ориентируясь на метапредметные результаты выпускника начальной школы, построим схему ценностных ориентиров формирования социальной компетентности обучающегося.

В каждом направлении ценностных ориентиров присутствует составляющая «я – мы», так как развитие индивида неразрывно связано с действиями в социуме. Ценности инициируют формирование личности, направляют процесс ее социального индивидуального развития, соответствующий потребностям, как общества, так и индивида [14]. Дадим определяющее смысловое содержание каждого направления формирования социальной компетентности, опираясь на аксиологический аспект, который присутствует в знаниях о человеке.

Отношения «я – я», «я – мы»: ценности саморазвития, мотивации, регулирующие область межличностных отношений субъекта, его ценностно-смысловую ориентацию и ориентацию в социальных ролях.

Отношения «я – мы – сущность»: ценности отражают природу человека, которая обнаруживается в деятельности познания целостности мира, постижение глубинных связей и отношений предметов, объектов, которые познаются в явлениях, процессах деятельности.

Отношения «я – мы – разум»: ценности, направленные на высшие смысловые инстанции и смысловые содержания, определяющие отношение к себе как к еди-

нице разумного живого существа ноосферы, обеспечивающие целенаправленное и планомерное управление обучающимися своей деятельностью и поведением.

Отношения «я – мы – общество»: ценности коммуникации и речевых действий, рассматриваемые как смысловой аспект общения и социального взаимодействия, регулирующие область межличностных отношений.

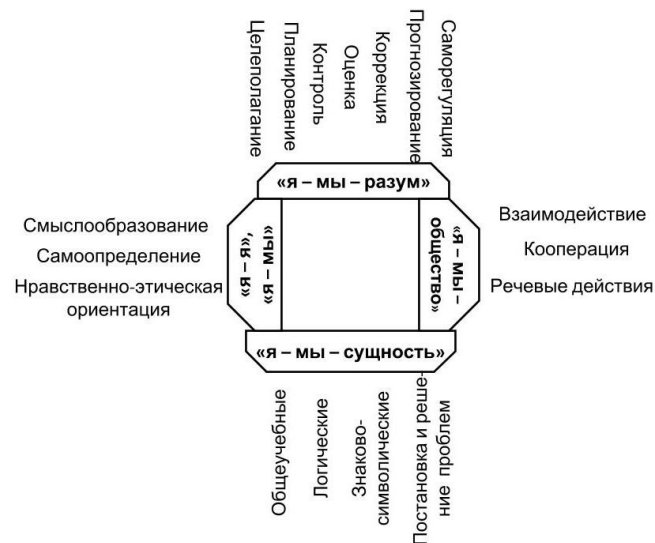

Рисунок 1 - Схема ценностных ориентиров формирования социальной компетентности

Система образования является главным субъектом ценностей и путей их достижения. Ценности побуждают личность к деятельности и дают ей больше свободы для приобретения опыта действия, деятельности, общения, отношения, в которых укоренен смысл, для усваивания и построения на его основе собственного опыта.

В современном образовании работа с ценностями является неотъемлемой частью образовательного процесса, проходящей через пространство урочной и внеурочной деятельности. Она должна быть представлена как социально значимая деятельность, которая в определенные моменты жизни должна служить для школьника пусковым механизмом его поведения в ценностных ситуациях.

Таким образом, определим совокупность ценностей как многоуровневый подход, который содержит в себе:

- идеальный образ, который представляет обучающийся для направления дальнейшей деятельности;
- правило, которое принимает и соблюдает обучающийся для приближения к идеальному образу;
- целеполагание, подразумевающее выбор определенного порядка действий человека, который приблизит к идеальному образу;
- оценка, подразумевает определение успеха или неуспеха реализации ценностей в деятельности человека.

Для каждого обучающегося процесс формирования ценностей это его внутренний путь личностного самоопределения [15]. Процесс перехода идеального образца в определенный порядок действий является очень важным в развитии социальной компетентности младшего школьника, направлять который способен грамотный и чуткий педагог.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, анализ научной литературы показал, что развитие социальной компетентности предполагает активную деятельность личности в социуме. Основным направлением формирования социальной компетентности обучающихся мы считаем помощь в выстраивании взаимодействия с другими людьми в окружающем его реальном социуме.

Формирование социальной компетентности личности обучающегося неотделимо от учебных действий

индивида, поэтому в каждом направлении ценностных ориентиров мы определяем составляющую «я – мы», иначе (без личности) не может происходить процесс обучения. Каждое отношение ценностных ориентаций неотделимо от субъекта и социума, а педагог является проводником, тьютором внутренней работы детской души. Эту роль мы планируем исследовать далее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. /М-во образования и науки РФ – М.: Просвещение, 2014. С. 34.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений. / Л.С. Выготский. – М.: 1984. – Т. 4.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
4. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М., Смысл, 1999.
5. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды/ Д.Б. Эльконин. – М., 1989.
6. Эльконин Б.В. Я – экстремист деятельностного подхода! // Школьный психолог. 2001. №14
7. Гальперин П.Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. – М., 1985.
8. Асмолов А.Г. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе / [А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская и др.]; под ред. А.Г. Асмолова. – М.: Просвещение, 2010.— 151с.
9. Зинченко В.П. Ценности в структуре сознания. Журнал «Вопросы философии». — 30.08.2011. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 02.03.2012. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6612>
10. Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 тт. — М., Языки славянской культуры, 1996–2003.
11. Зинченко В. П. Миры и структура сознания. // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
12. Зинченко В.П. О целях и ценностях образования // Интернет-журнал «Эйдос». – 30.03.1999. URL: <http://www.eidos.ru/journal/1999/0330-04.htm>
13. Oldemeyer, E. Zum Problem der unwitting vors werten. In: Ropohl, g. Und andere. Sass stage der Technikbewertuhg. Vortrage und Discussion. Düsseldorf: VDI, 1978.
14. Блинов Л.В., Недорезова В.Л. Социально-профессиональная компетентность личности – продукт межкультурного взаимодействия/Педагогическое образование и наука. 2008. № 1. С. 52-56.
15. Кондаков А.М. и др. Концепция федеральных государственных образовательных стандартов общего образования. – М.: Просвещение, 2008.
16. Планируемые результаты начального общего образования / [Л.Л. Алексеева, С.В. Анащенкова, М.З. Биболетова и др.]; под ред. Г.С. Ковалевой, О.Б. Логиновой. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2010. С. 120.
17. Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества// Вестн. Образования. 2008. № 1. С. 65-85.
18. Белицкая Г. Э. Социальная компетентность личности. М.: ИП РАН, 1995. – С. 245.
19. Степашко Л.А. Образование как социокультурный институт и процесс становления и развития личности // Философия и история образования. – М.:МПСИ: Флинта 1999. С 7 –22.
20. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности (к философским основам современной педагогики) // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101-108.

Статья поступила в редакцию 26.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

К ВОПРОСУ О ФОРМУЛИРОВАНИИ ТЕМЫ ПИСЬМЕННОЙ НАУЧНОЙ РАБОТЫ
НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

© 2018

Хабибрахманова Фарида Рафиковна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки, лингвистика и перевод»**Киндеркнехт Анна Сергеевна**, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры «Иностранные языки, лингвистика и перевод»*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(614990, Россия, Пермь, Комсомольский проспект, 29, e-mail: a_kinderknecht@mail.ru)*

Аннотация. Одним из путей повышения качества иноязычной подготовки специалиста в неязыковом вузе является привлечение студента к научно-исследовательской деятельности на иностранном языке. Интеграция образовательной и научной деятельности магистрантов неязыковых факультетов Пермского национального исследовательского политехнического университета осуществляется в рамках научного исследования одной из дисциплин предметного цикла. В соответствии с программой дисциплины «Деловой иностранный язык» языковая подготовка осуществляется как вспомогательное средство для поиска информации в зарубежных источниках, а также как часть научной работы в виде тезисов доклада и статьи на иностранном языке. В процессе обучения письменной научной речи на иностранном языке преподаватели кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода выявили ряд трудностей, одной из которых является формулирование темы письменной научной работы на иностранном языке. В статье рассматриваются разные проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели иностранного языка и магистранты при формулировании темы научной работы: выбор тематики исследования в соответствии с программами выпускающей кафедры, синхронизация работы преподавателей-предметников и преподавателей иностранного языка, студенческая мотивация, многосложность и общий характер формулировок, трудности переводческого характера. Отмечается, что основным решением возникающих проблем является тесное сотрудничество магистрантов, преподавателей-предметников и преподавателей иностранного языка.

Ключевые слова: научная работа, иностранный язык, формулирование темы, название, магистранты, трудности, решение проблемы.

ON THE PROBLEM OF SCIENTIFIC WORK WRITTEN IN FOREIGN LANGUAGE
AND ITS THEME FORMULATION

© 2018

Khabibrakhmanova Farida Rafikovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
of the department «Foreign languages, linguistics and translation»**Kinderknecht Anna Sergeevna**, candidate of philological sciences, docent, associate professor
of the department «Foreign languages, linguistics and translation»*Perm National Research Polytechnic University
(614990, Russia, Perm, Komsomolsky av., 29, e-mail: a_kinderknecht@mail.ru)*

Abstract. One of the ways of improving specialists' foreign language training quality in technical universities is involving students into scientific research work carried out in foreign language. Educational and scientific activities integration among master degree students of technical faculties in Perm National Research Polytechnic University is accomplished within their scientific research on one of the specialized disciplines. According to "Business Foreign Language" subject, foreign language itself is used as auxiliary means for searching the information in various foreign sources, as well as for writing some scientific thesis and articles as part of students' scientific research. While training students main principles of scientific writing in foreign language, the teachers of Foreign Language, Linguistics and Translation Department, found out a number of difficulties, one of which is the problem of scientific work theme formulation. Various problems the teachers and students face when formulating the theme of research in the foreign language, are considered in the article. Some of them are choosing a research subject according to specialised department programs, coordination of work of specialised subject teachers and foreign language teachers, students' motivation, complexity and generalisation of formulations, difficulties in translation. It is emphasized that the main way of solving problems is close collaboration between master degree students, specialised subject teachers and foreign language teachers.

Keywords: scientific work, foreign language, theme formulation, subject, master degree students, difficulties, solving the problem.

Успешная реализация языкового образования в настоящее время не мыслится без формирования метакомпетентной личности, способной ориентироваться в условиях междисциплинарности, отражающей интегративный характер современного научного познания. Цель высшего профессионального образования, как отмечает С.Л. Суворова, – это «подготовка квалифицированного работника соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности» [1, с. 65]. Цель языкового образования на современном этапе актуализируется как «формирование готовности функционировать в качестве субъекта в международном профессиональном сообществе, где иностранный язык выступает как средство получения дополнительных профессиональных знаний и как средство решения профессиональных задач» [2,

с. 26].

Повышение качества иноязычной подготовки специалиста в неязыковом вузе обеспечивается путем привлечения обучающегося к научно-исследовательской деятельности на иностранном языке. В профессиональном образовании приоритетным становится объединение трех элементов подготовки будущего конкурентоспособного работника: профессиональное предметное образование – языковое (иноязычное) образование – научное (исследовательское) образование. Выполнение научной работы способствует расширению кругозора специалиста-предметника и выводит на новый мотивационный уровень изучение им иностранного языка.

Интеграция образовательной и научной деятельности на иностранном языке в магистратуре Пермского национального исследовательского университета (ПНИПУ) осуществляется в рамках научного исследования, которое магистранты пишут под руководством преподавателей-предметников. Языковая (иноязычная) подготовка магистрантов в написании учебной исследовательской работы осуществляется преподавателями кафедры ино-

странного языка, лингвистики и перевода, которые работают в тесной связи с преподавателями-предметниками.

Нельзя не согласиться с Т.В. Сидоренко и С.В. Рыбушкиной, отмечающими, что сегодня «пришло понимание того, что в неязыковых вузах иностранный язык должен выступать не объектом изучения, а средством формирования предметных компетенций» [2, с. 26]. Именно средством получения новой профессиональной информации, средством обобщения уже имеющихся научных достижений в той или иной предметной области, а также средством выражения научных поисков выступает иностранный язык в исследовательской работе магистрантов. Преподаватели кафедры иностранного языка, лингвистики и перевода ПНИПУ, работая со студентами-магистрантами технических специальностей нацеливают их «на выполнение научного исследования по основной предметной области, помогая им сформулировать свои цели и задачи на основе поиска, ознакомления и анализа научно-технической литературы на иностранном языке, что тесно связано с научными исследованиями по основной предметной области магистров» [3, с. 127].

Научную работу на иностранном языке мы понимаем как этап подготовки к исследовательской деятельности в рамках научного исследования по одной из основных предметных дисциплин на родном – русском языке. Ранее мы отмечали, что наибольшие трудности возникают в процессе обучения письменной научной речи. Так, среди трудностей обучения письменной речи в исследовательской работе, в том числе в процессе написания научной статьи на занятиях по иностранному языку, мы выделяли: 1) определение темы предметной области и формулирование ее на иностранном языке; 2) поиск информации в письменных иноязычных источниках; 3) анализ информации для письменной научной работы на иностранном языке; 4) лингвистические трудности написания научного текста на иностранном языке [3, с. 127-128]. В данной статье рассмотрим один из проблемных аспектов обучения письменной речи в научном исследовании магистрантов, а именно – формулирование темы.

Иностранный язык, как мы уже отмечали, выступает средством для поиска и получения новой информации по теме научной работы, выполняемой в рамках конкретной предметной дисциплины в соответствии с учебным планом. Вместе с тем иностранный язык, имевший лишь вспомогательные функции, постепенно становится частью научной работы. Тезисы доклада или статьи на иностранном языке по теме предметного исследования магистрантов, которые могут быть представлены на конференциях, научно-практических семинарах и прочих выступлениях, оцениваются преподавателями иностранного языка и являются определенным этапом научного исследования по основному предмету. В письменной работе на иностранном языке одной из основных проблем является определение темы и формулирование проблемы исследования на иностранном языке. Здесь мы выделяем ряд подпроблем, связанных с трудностями формулирования темы.

Прежде всего мы выделяем собственно выбор тематики исследования в соответствии с программами и направлением выпускающей кафедры. Определение проблемы научного исследования вызывает особую сложность у магистрантов, которые не всегда понимают, для чего в целом выполняется их исследование. В частности, магистранты иногда не могут объяснить, каким образом результат их работы может повлиять на состояние той отрасли, проблемы которой они решают. Например, студентка группы АСУ (автоматизированные системы управления) не могла объяснить цель исследования «Выбор метода распознавания текстур виртуальных объектов с семантическим выводом в виртуальной среде UNREAL ENGINE», так как не понимала конкретно, в какой области могут быть использованы результаты ее

исследования, а также не представляла, с чего начать работу, так как не видела в названии работы самого предмета исследования.

Магистрантам не всегда понятно, зачем связывать предметную область с иностранным языком, иногда они не видят необходимость в иностранном языке при изучении основных предметов, не понимают, что с помощью иностранного языка они могут расширить предметный поиск информации.

Для решения этой подпроблемы необходимо сотрудничество преподавателей иностранного языка и преподавателей-предметников выпускающих кафедр. На кафедре иностранных языков, лингвистики и перевода ПНИПУ эта задача успешно решается путем привлечения преподавателей предметников к так называемому «тройному сотрудничеству»: преподаватель иностранного языка – преподаватель-предметник – студент-магистрант». Преподаватели-предметники понимают необходимость интеграции иностранного языка в процесс поиска информации по предметной научной отрасли. В свою очередь, преподаватели иностранного языка понимают необходимость вхождения в тему предметного исследования. Совместное обсуждение тем позволяет магистрантам и преподавателям иностранного языка точнее определить и понять предмет исследования, предметную область, точнее сформулировать тему, направить усилия на конкретный материал.

Следующей подпроблемой в формулировании темы научного исследования по иностранному языку является синхронизация работы преподавателей-предметников и синхронизация рабочих программ по предмету и языку. Трудности здесь связаны с тем, что определение темы исследования по предмету не всегда опережает во времени необходимость ее формулирования на иностранном языке. Иными словами, весьма сложно сформулировать на иностранном языке тему научного исследования по предмету, если по основной дисциплине к научному исследованию еще не приступали. В планах рабочих программ не всегда учитывается это согласование в работе над научным исследованием. К примеру, в подготовке студентов по направлению 09.04.01 «Информатика и вычислительная техника» по профилю «Интеллектуальные системы» существуют нестыковки в реализации учебного плана, в результате чего студенты недопонимают суть своей исследовательской работы, что приводит к снижению эффективности формирования научно-исследовательских поисковых и аналитических компетенций у студентов в рамках дисциплины вариативного обязательного блока – делового иностранного языка, при этом предполагается что магистранты уже знают тему своего исследования по профильной дисциплине.

Содержание рабочей программы «Деловой иностранный язык» на нашей кафедре рассчитано лишь на один семестр обучения и нацелено на формирование профессиональной личности, способной не только эффективно осуществлять деловое профессиональное общение на иностранном языке в условиях межкультурной коммуникации, но и обеспечить повышение общей культуры делового общения, информационной и исследовательской культуры. Среди прочих компетенций, формируемых в рамках данной дисциплины, особое место занимают: готовность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач профессиональной деятельности; владение, по крайней мере, одним из иностранных языков на уровне социального и профессионального общения; способность применять специальную лексику и профессиональную терминологию языка; способность к абстрактному мышлению, анализу, синтезу; умение свободно пользоваться русским и иностранным языком как средством делового общения; способность осуществлять сбор, анализ научно-технической информации, отечественного и зарубежного опыта по тематике исследования; готовность представлять результаты исследо-

вания в форме отчетов, публикаций и публичных обсуждений, интерпретировать и представлять результаты научных исследований, в том числе на иностранном языке; готовность составлять практические рекомендации по использованию результатов научных исследований.

Работа над формированием этих компетенций проводится в рамках тем, предусматривающих формирование у студентов умений логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь с применением общенаучной лексики и терминологии делового общения, умение анализировать и систематизировать иноязычную профессиональную информацию, а также овладение стратегиями информационного поиска; умение составлять глоссарии терминов, извлекать необходимую профессиональную информацию из иноязычных источников, созданных в различных знаковых системах (текст, таблица, график, диаграмма, аудиовизуальный ряд) и др.

Отдавая особое значение письменному оформлению результатов научной работы, предусмотренной рабочей программой и самой сутью исследовательской деятельности, заметим, что начальное (базовое) формирование этих навыков происходит еще на II курсе бакалавриата в процессе работы с научно-популярными и техническими текстами [4–6]. Поэтому магистранты первого курса, главным образом, знакомы (частично) с профессиональной терминологией, структурой и особенностями научно-технического текста и готовы к восприятию и работе с информацией более специфического и узконаправленного характера. Однако противоречие объясняется тем, что магистранты еще не готовы определить направление и тему (хотя бы рабочую) исследования. По нашему мнению, тесная работа студентов с преподавателями-предметниками может устранить этот недостаток и совместное (студент – преподаватель-предметник – преподаватель иностранного языка) обсуждение плана научного исследования студента может привести к продуктивному использованию времени и усилий в выполнении исследовательской работы. Такая попытка совершается преподавателями кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода и кафедры информационных технологий и автоматизированных систем управления ПНИПУ, в результате которой уже были определены пути решения проблемы: нами были изучены рабочие программы и базовый план обучения магистрантов, проводятся регулярные встречи с преподавателями выпускающей кафедры в целях обсуждения научных тем магистрантов, проводится корректировка некоторых аспектов исследовательской работы магистрантов, определяется и уточняется глоссарий, необходимый для описания исследования и экспериментов, проводится поиск иноязычных источников, помогающих разобраться в проблеме исследования и выявить ранее неизученные аспекты.

Следующим препятствием в формулировании темы научного исследования на иностранном языке является слабая мотивация студентов-магистрантов в написании научной работы на иностранном языке и не только на иностранном языке. Решению этой проблемы способствуют как «тройное сотрудничество», так и привлечение студентов к участию в качестве слушателей и докладчиков на конференциях, работа с научными и научно-популярными текстами на занятиях по иностранному языку.

Отдельного рассмотрения требует всеохватность и тяжеловесность в формулировании названий научной работы. Зачастую преподавателями выпускающих кафедр предлагаются слишком обширные, размытые, или слишком обобщенные формулировки, которые усложняют конкретизацию целей и задач и, как следствие, затрудняют поиск информации ввиду слишком широкого понимания представленной темы. Задача поиска информации усугубляется еще и тем, что магистрантам необходимо обращаться к иноязычным источникам, а Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

тяжеловесные, слишком длинные названия или слишком обобщенные/широкие темы не позволяют ни найти точные ключевые слова для заведения их в поисковые системы. В этом случае преподаватели иностранного языка просят и студентов, и преподавателей-предметников разбить длинное название на смысловые части и определить причинно-следственные связи внутри такого названия с тем, чтобы выяснить, с чего необходимо начать поиск информации. Здесь также может помочь составление начального глоссария и перечня ключевых слов, которые помогут определить основные смысловые блоки и их взаимосвязь.

Решение проблемы мы также видим в том, что в начале исследования необходимо сосредоточиться на уже имеющихся известных подходах в решении научной проблемы, в плоскости которой находится научное исследование. В этом случае магистрантам необходимо обращаться не только к русскоязычным источникам, но и к статьям и монографиям зарубежных ученых/инженеров. Изучение существующего опыта зачастую дает магистрантам возможность найти новые идеи и выявить особенности их научной проблемы, которая может характеризоваться определенными условиями, узкими целями, необычными средствами решения задач.

Наконец, особую трудность в формулировании темы научного исследования на иностранном языке представляет перевод/формулирование названия научной работы на иностранном языке. Понимая, что эта проблема требует отдельного освещения, все же отметим, что решению этой проблемы способствует наработка языкового опыта в процессе ознакомления с содержанием иноязычных научных текстов, а также специальное разъяснение правил оформления названия письменного научного исследования на иностранном языке: оптимальное количество слов в заглавии, использование ключевых терминов, наличие артиклей, допустимость использования аббревиатур, использование заглавных букв (в частности, это характерно для английского языка, особенности которого в названиях научных работ подробно рассмотрены в ряде зарубежных работ [7–15]) и пр.

Итак, рассмотрение одного из проблемных аспектов обучения письменной научной коммуникации на иностранном языке позволяет увидеть целый ряд трудностей, которые необходимо преодолеть в ходе формирования научно-исследовательской культуры у учащихся высшего учебного заведения. Как видим, разобравшись с особенностями научного исследования на иностранном языке, приобрести необходимые навыки в написании работы и сформировать научно-исследовательские компетенции у студентов неязыковых профилей возможно при обязательном пересмотре компонентов содержания учебного плана и учете соотношения предметных дисциплин и иностранного языка, а также при тесном сотрудничестве студентов-магистрантов с преподавателями иностранного языка и преподавателями-предметниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Суворова С.Л. Современное языковое образование с позиций межкультурной лингводидактики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2014. – Т. 6. – № 3. – С. 64-70.
2. Сидоренко Т.В., Рыбушкина С.В. Языковое образование в российских технических вузах: эволюция, актуализация, перспективы // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 1 (23). – С. 20-29.
3. Киндеркнехт А.С., Хабибрахманова Ф.Р. О некоторых проблемных аспектах формирования иноязычной исследовательской культуры в письменной работе магистрантов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2017. – Т. 6. – № 3 (20). – С. 126-129.
4. Хабибрахманова Ф.Р. Computing: education, modern trends and main drawbacks: учебное пособие. – Пермь:

Перм. гос. техн. ун-т, 2006. – 60 с.

5. Хабибрахманова Ф.Р. Ecology: some problems of environmental pollution / information pollution: учебное пособие. – Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2010. – 163 с.

6. Хабибрахманова Ф.Р. History of computing: from ancient times to first electronic machines: учебное пособие. – Пермь: Перм. нац. исслед. политехн. ун-т, 2017. – 81 с.

7. A guide to writing scientific papers [Электронный ресурс]. – URL: https://www.colby.edu/biology/BI17x/writing_papers.html (дата обращения: 20.02.2018).

8. Fisher J.P., Jansen J.A., Johnson P.C., Mikos A.G. Guidelines for writing a research paper for publication [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.liebertpub.com/media/pdf/English-Research-Article-Writing-Guide.pdf> (дата обращения: 20.02.2018).

9. Hopp A. How to write top-flight manuscript titles [Электронный ресурс]. – URL: http://www.asbmb.org/asbmbtoday/asbmbtoday_article.aspx?id=13477&page_id=1 (дата обращения: 20.02.2018).

10. Maloy S. Guidelines for writing a scientific manuscript [Электронный ресурс]. – URL: https://www3.marshfieldclinic.org/proxy/mcrf-admin-oswp-rm-guidelines_for_writing_a_scientific_manuscript.1.pdf (дата обращения: 20.02.2018).

11. Maloy S. Guidelines for writing a scientific paper [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sci.sdsu.edu/~smaloy/MicrobialGenetics/topics/scientific-writing.pdf> (дата обращения: 20.02.2018).

12. Rodrigues V. How to write an effective title and abstract and choose appropriate keywords [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.editage.com/insights/how-to-write-an-effective-title-and-abstract-and-choose-appropriate-keywords> (дата обращения: 20.02.2018).

13. Title, abstract and keywords [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.springer.com/gp/authors-editors/authorandreviewertutorials/writing-a-journal-manuscript/title-abstract-and-keywords/10285522> (дата обращения: 20.02.2018).

14. Weinberger C.J., Evans J.A., Allesina S. Ten Simple (Empirical) Rules for Writing Science [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4415812/> (дата обращения: 20.02.2018).

15. Writing Strong Titles for Research Manuscripts [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.biosciencewriters.com/Writing-Strong-Titles-for-Research-Manuscripts.aspx> (дата обращения: 20.02.2018).

Статья поступила в редакцию 22.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ
ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

© 2018

Храмова Юлия Николаевна, доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
языкознания и иностранных языков**Хайруллин Рестям Давлетбаевич**, доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
языкознания и иностранных языков*Российский государственный университет правосудия, Приволжский филиал
(603022, Россия, Нижний Новгород, проспект Гагарина 17А, e-mail: Restyam@mail.ru)*

Аннотация. Цель исследования предполагает: осветить основные особенности делового английского языка, проанализировать использование инновационных технологий в обучении деловому английскому языку. Важная задача вуза сегодня готовить специалистов, образование и квалификация которых смогут обеспечить их конкурентоспособность на мировом рынке. Однако возникает препятствие для профессионального роста и формирования карьеры выпускников большинства отечественных вузов, обусловленное недостаточно высоким уровнем владения деловым иностранным языком. Решение проблем обучения деловому английскому языку актуально в современных условиях, так как знание иностранного языка – важный элемент общей и профессиональной культуры специалиста. Обращается внимание на то, что данные технологии можно использовать для достижения целей, определенных стандартом образования, так как они, прежде всего, обеспечивают профессиональное развитие студентов, их коммуникативность. Рассматривается одна из методик обучения – анализ практических профессиональных ситуаций (кейсов). Преимуществом кейсов является возможность оптимально сочетать теорию и практику, что важно в процессе подготовки современного специалиста. Не менее важно и то, что метод активного обучения «кейс-стади» способствует профессиональному росту студентов, пробуждает интерес и позитивную мотивацию к учебе. Благодаря высокой степени сходства с реальными деловыми ситуациями, где акцент делается больше на содержание, чем на язык, метод кейсов активно используется на семинарах по менеджменту и руководству предприятиями в известных бизнес-школах США и Европы.

Ключевые слова: инновационные технологии, деловой английский язык, формирование языковой компетенции, профессиональное общение, метод «case-study», межкультурная коммуникация, самостоятельная работа студентов, современные тенденции преподавания, учебная мотивация.

**THE USAGE OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN TEACHING
BUSINESS ENGLISH**

© 2018

Khramova Yulia Nikolaevna, associate Professor, candidate of pedagogical Sciences,
associate Professor of the department of linguistics and foreign languages**Khairullin Restam Dauletbaevich**, associate Professor, candidate of pedagogical Sciences,
associate Professor of the department of linguistics and foreign languages*Russian State University of Justice, Privolzhsky branch
(603022, Russia, Nizhny Novgorod, Gagarina Avenue, 17A, e-mail: Restyam@mail.ru)*

Abstract. The purpose of the research is to: highlight the main features of business English, analyze the use of innovative technologies in teaching business English. The main goal of higher education establishments is to make qualified graduates capable of sustaining competition in global market. However there is a big problem professionally for those who aren't fluent enough in English. To teach Business English properly is quite acute today as it's one of the features of modern professional and a sign of cultural level. This is why teaching English is very essential today to communicate both on professional and basic levels. The article shows some innovative technologies in teaching Business English. The authors also focus on matching formal standards that ensure students abilities. Case study is one of methods analyzed in the article. It has a distinct preference in combing theory and practice which is so important to make a good professional. Equally important, the method of active learning "case study" promotes the professional growth of students, awakes interest and a positive motivation at large. Due to its high degree of similarity with real business situations, where the stress falls more on the content and less on the linguistic practices, case method is highly used in the management and leadership seminars in famous European and American business schools. Business English is a way to cross-cultural communication that is necessary in today's global world.

Keywords: innovative technologies, Business English, language competence, professional communication, case-study method, intercultural communication, student independent work, modern teaching trends, learning motivation

В настоящее время в мире все большую популярность приобретает английский язык, особенно в сфере делового общения. Закономерен вопрос: чем это вызвано? Как отмечают многие исследователи (Н.В. Баграмова [1], Е.И. Пассов [2], И.А. Зимняя [3], Е.С. Полат [4], и др.), ответ на этот вопрос может предоставить анализ особенностей развития современного мирового сообщества, который позволяет прийти к выводу, что популярность делового английского языка вызвана целым рядом объективных факторов экономического, социального, информационного и культурного характера. Распространенность делового английского языка обусловлена условиями экономической глобализации, коммерческой и финансовой интеграции государства в процессе формирования единого международного рынка товаров и услуг.

Современная экономика требует, чтобы выпускник вуза и, в частности, будущий специалист, был способен генерировать идеи, работать в команде, в том числе ин-

тернациональной, отстаивать свою точку зрения, искать полезную информацию, как на родном, так и на деловом иностранном языке, осваивать новые технологии и учиться на протяжении всей жизни. Глобализация и информатизация бизнеса предполагает общение с представителями разных культур, поэтому профессионал в XXI веке должен владеть хотя бы одним иностранным языком (желательно английским как интернациональным).

Однако анализ сложившейся ситуации дает возможность констатировать, что существует разрыв между содержанием и процессом обучения в вузе и потребностями общества. Выпускник российского неязыкового вуза не владеет, в полной мере, необходимыми умениями. Проблема заключается в том, что высшая школа не выполняет социальный заказ, так как качество подготовки выпускника российского вуза не отвечает требованиям экономики.

В новых федеральных государственных образовательных стандартах делается акцент на формирование

профессиональных компетенций обучаемого, а профессиональная компетентность как характеристика качества подготовки считается интегральным результатом процесса образования [5]. Компетентность не просто совокупность знаний, умений и навыков, формируемых в процессе обучения той или иной дисциплине, а способность к выполнению определенной деятельности на их основе, и развитие компетентности предполагает использование современных технологий обучения [6, с. 23].

Тем самым, в процессе обучения развитие личности обучаемого ориентировано на формирование и становление вышеперечисленных умений и навыков.

Параллельно с этим, в процессе формирования мировой информационной инфраструктуры мировое сообщество стремится к межкультурной интеграции, вызванной естественным ходом развития современной цивилизации. Естественно, что необходимым условием и основным средством осуществления этого процесса является язык как средство коммуникации, и английский язык, в частности, как международный язык бизнеса. Одной из главных целей обучения деловому английскому языку, является успешная реализация творческого потенциала студентов для продуктивной деятельности в профессиональной сфере [7, с. 5].

Приступая к исследованию особенностей делового английского языка необходимо дать определение. Зарубежные методисты Jones and Alexander [8] дают такое определение делового английского: "Деловой английский – это не особый язык со специальной грамматикой, это просто английский, которым пользуются в ситуациях делового общения".

Однако деловой английский язык характеризуется целым рядом отличительных особенностей. Как считают исследователи (Т.И. Яковлева [9, с. 4], Т.С. Финаева [10, с. 602]), первой отличительной особенностью курса делового английского языка является смещение акцентов в целях и задачах обучения. Если в курсе базового английского языка основной целью обучения является формирование языковой компетенции, то в курсе делового английского акцент с языковой компетенции перемещается на профессионально-прагматическую компетенцию.

Это значит, что в задачи преподавания делового английского языка входит не только формирование языковой компетенции, но и формирование таких практических навыков и умений профессионального характера, как:

- 1) умение провести презентацию своей компании;
- 2) умение составить деловое письмо;
- 3) умение правильно построить разговор по телефону;
- 4) умение выдержать деловой этикет при переговорах;
- 5) умение провести собрание или деловое совещание.

Данная отличительная особенность делового английского языка предъявляет повышенные требования к профессиональному уровню преподавателя. Это положение позволяет нам перейти к обсуждению следующей особенности, которую необходимо учитывать в курсе делового английского языка, а именно, компетентность преподавателя языка в вопросах бизнеса.

Одним из спорных вопросов, которым задаются специалисты в области преподавания делового английского языка, является вопрос: чему должен обучать преподаватель – языку или бизнесу?

Преподаватель английского языка не должен пытаться обучать специфическим вопросам и теории бизнеса, но он и не должен ограничиваться только развитием лингвистической компетенции. Более правильным будет развивать коммуникативную компетенцию обучаемых в сфере профессиональной деятельности, обучать профессиональному общению с использованием английского языка как инструмента общения.

Из этого следует, что преподаватель делового английского языка должен хорошо разбираться в вопросах экономики. Это не означает, что он должен получить специальный диплом об экономическом образовании, но компетентность в вопросах бизнеса является обязательным требованием для успешного преподавания делового английского языка.

Следующей отличительной особенностью, которую необходимо учитывать в курсе делового английского, является контингент обучаемых и их психолого-педагогические характеристики.

Преподаватели делового английского языка имеют дело с двумя категориями обучаемых:

- 1) обучаемые, имеющие опыт работы в бизнесе (так называемые *job-experienced learners*);
- 2) обучаемые студенты высших учебных заведений, не имеющие опыта работы в бизнесе (*pre-experienced learners*).

При разработке курса делового английского языка необходимо учитывать, что эти две категории обучаемых имеют совершенно разные потребности, удовлетворение которых необходимо закладывать в цели обучения [11, с. 56]. При обучении *pre-experienced learners* основное внимание должно уделяться академическим целям обучения, формированию навыков и умений, позволяющих учащимся получать профессиональные знания и овладевать профессией посредством английского языка. Большей частью это навыки чтения аутентичной литературы по специальности с целью извлечения профессионально значимой информации.

При подготовке *job-experienced learners* ставятся не академические, а прагматические задачи. Компетентных в вопросах бизнеса специалистов необходимо обучить приемам эффективной коммуникации в сфере международного делового взаимодействия с использованием английского языка как средством общения. Поэтому при обучении этой категории основное внимание должно быть уделено формированию разговорных навыков для общения в ситуациях профессионального контекста.

Однако здесь необходимо отметить, что согласно современным тенденциям преподавания делового английского языка беглых разговорных навыков и активного владения английским языком недостаточно для успешной коммуникации в сферах международного бизнеса.

Для успешного взаимодействия в сферах международного бизнеса необходимо наличие четырех компонентов:

- 1) знание английского языка;
- 2) профессиональные знания в сфере бизнеса;
- 3) коммуникативные навыки и владение средствами коммуникации;
- 4) понимание психологии межличностных отношений в условиях межкультурной коммуникации.

Проблемы межкультурной коммуникации и ее значения стали, пожалуй, самыми обсуждаемыми проблемами в сфере преподавания английского языка как неродного. Однако в методике преподавания делового английского языка эти проблемы приобретают первостепенное значение, поскольку в курс делового английского необходимо включать задания, направленные на изучение этнокультурных особенностей других наций и формирование уважительного отношения к ним [12, с. 4].

Это особенно важно сейчас, когда мировое сообщество переживает период экономической глобализации, а бизнес становится международным. В этих условиях партнеры по международному бизнесу должны внимательно изучать поведенческие нормы потенциальных или настоящих компаньонов. В противном случае могут возникнуть разногласия, вызванные непониманием или неверным толкованием культурного поведения партнеров по бизнесу. А любые разногласия означают сорванную сделку и неполученную прибыль, что критично для бизнеса. Поэтому в современном международном биз-

несе поговорку *Time is money* можно перефразировать *Cross-cultural awareness is money*.

Говоря о современных тенденциях преподавания делового английского языка нельзя обойти вопрос о современных педагогических технологиях (Винник В.К. и др. [13, с. 109], Ю.Н. Храмова [14, с.170], И.С. Ипатова [15, с. 276]), используемых в методике преподавания.

Возможности решения указанных задач связаны с использованием личностно-ориентированных технологий, суть которых означает, что студент находится в центре внимания, а парадигма образования меняется с режима «преподаватель – студент» на режим «студент – учебник – преподаватель». Среди адекватных технологий обучения назовем следующие:

- 1) обучение в сотрудничестве;
- 2) проектное обучение;
- 3) разноуровневое обучение;
- 4) «портфель студента».

Все эти технологии являются личностно-ориентированными, легко вписываются в учебный процесс, истинно гуманистические и нацелены на развитие творческой личности. Ключевое понятие современного образования – развитие личности студента. Современный работодатель заинтересован в работнике, который:

- a) умеет думать самостоятельно и решать разнообразные проблемы (то есть применять полученные знания, умения и навыки на практике для их решения),
- b) обладает критическим и творческим мышлением,
- c) владеет богатым словарным запасом,
- d) умеет гибко адаптироваться в жизненных ситуациях,
- e) умеет грамотно работать с информацией,
- f) может быть коммуникабельным, контактным,
- g) является субъектом диалога культур,
- h) умеет самостоятельно трудиться над развитием интеллекта и культурного уровня

Обучение в сотрудничестве предполагает взаимодействие всех участников учебного процесса, как студентов, так и преподавателя, работающих совместно, что способствует их взаимному обогащению. В частности, в отличие от обычной групповой работы при совместном обучении студенты в команде помогают друг другу в формировании практических навыков и как “эксперты” по определенному вопросу могут частично выполнять функции преподавателя, передавая новую информацию [4, с. 37].

В проектной обучающей технологии также применимо обучение в сотрудничестве. Как известно, проект направлен на результат, получаемый при решении поставленной проблемы. Студенты добиваются этого результата самостоятельно, а преподаватель является советчиком и участником оценочной группы. Например, студентам ставится задача к определенному сроку создать проект нового тематического парка в данном регионе, определяется количество студентов, работающих над проектом, называются этапы работы. Можно предложить следующие этапы:

- 1) подготовительный (поиск информации о типах тематических парков, составных элементах парков, условиях и показателях эффективности их работы и т.д.);
- 2) основной (выдвижение гипотез как результат “мозгового штурма”, отбор наиболее интересных идей и обоснование окончательного выбора, детальная проработка идеи в соответствии с требованиями, сформулированными ранее);
- 3) презентативный (презентация проекта, его защита и оппонирование);
- 4) заключительный (коллективное обсуждение представленных проектов, объявление результатов внешней оценки, формулирование выводов).

При создании проектов раскрывается индивидуальность каждого студента, развиваются умения самостоятельной работы поиска идей с опорой на международный опыт, умения аргументировать на деловом иностранном

языке и отвечать на вопросы. Самостоятельная работа студентов по иностранному языку в неязыковом вузе, являясь сегодня одним из обязательных требований к организации образовательного процесса, призвана способствовать развитию творческого потенциала личности студента и формированию навыков самоорганизации и самообразования, что и обеспечивает ему непрерывный личностный и профессиональный рост [16, с. 203], [17, с. 145].

Опыт показывает, что проектная деятельность позволяет научить студентов умениям защищать свою идею, участвовать в обсуждении и оппонировать. Именно деловой иностранный язык позволяет познакомить студентов с этикой ведения дискуссии, являющейся характерной особенностью англоязычной культуры. Очевидно, что новые технологии изменяют содержание деятельности и функции преподавателя. Он, с одной стороны, является организатором внешнего и внутреннего взаимодействия, а с другой – становится партнером, советчиком и коллегой обучаемых. Для развития учебной мотивации студентов необходимо формирование ее самим преподавателем благодаря правильно подобранному типу учения. [18, с. 182].

Исследования показывают, что наиболее эффективной технологией обучения профессионала является анализ практических профессиональных ситуаций (кейсов). В обучении технология кейс-стади открывает новые возможности формирования профессиональной компетентности, поскольку решение практических ситуаций по профилю специальности напрямую связано с занятиями по предметам профессионального цикла. Сегодня в российских вузах нужны учебные кейсы с выраженными воспитательными задачами, с анализом нравственно-этических, морально-правовых, общественно-политических и иных ситуаций [19, с.109]. Отсюда подбор кейсов, их компонентный состав, адекватный анализ, прогнозирование вариантов решения проблемы и их обоснованный выбор будут возможны при условии, что преподаватель иностранного языка и “предметник” работают в тандеме. При этом желательно, чтобы предлагаемые профессиональные ситуации базировались на российских реалиях, а одним из факторов выбора возможного решения был учет зарубежного опыта. Обсуждение, анализ, нахождение путей и способов решения различных проблем важно для включения молодого человека в активную позицию соучастника общественной жизни страны в период обучения. Решая профессиональную проблему кейса на занятиях по деловому иностранному языку, студенты используют элементы всех вышеназванных технологий – сотрудничества при обсуждении проблемы, создание определенного проекта при прогнозировании решения, использование информации из интернета и т.д. [20, с. 204]. Следовательно, технология кейс-стади аккумулирует компоненты, свойственные многим современным технологиям.

В основу «case-study» закладывается реальная деловая проблемная ситуация, предлагаемая на разрешение. Использование этого метода в процессе преподавания английского делового языка имеет целый ряд достоинств:

- 1) в обучении органично сочетается сугубо профессиональная информация с возможностью мотивированного применения иностранного языка в процессе решения проблемной ситуации;
- 2) кейс метод позволяет стимулировать умственную деятельность, связанную с анализом, обобщением, абстрагированием, прогнозированием, выдвижением гипотез и принятием решений;
- 3) моделируя процесс производственной деятельности специалиста, case-studies нацеливают на самостоятельный выбор средств и приемов решения проблемы;
- 4) использование «case-studies» обеспечивает максимальную интенсификацию процесса обучения, делает речевое взаимодействие обучаемых более эффективным

ным, вовлекая их в индивидуальную, парную, групповую и коллективную работу.

В заключение необходимо отметить, что в современной методике преподавания делового английского языка сложились следующие тенденции:

1. Ориентация на теорию четырех составляющих успешной коммуникации в сфере международного бизнеса. Эти составляющие:

а) языковая компетенция участников коммуникационного акта;

б) профессиональная компетенция в вопросах бизнеса;

с) информационно-коммуникативная компетенция;

д) межкультурная компетенция.

2. Использование новых педагогических технологий, кейс-метода в частности.

3. Повышенные требования к педагогическому мастерству преподавателя делового английского. Преподавателю делового английского языка в современную эпоху необходим симбиоз умений и знаний, таких как:

а) стандартные профессионально-методические умения, позволяющие сформировать и развить лингвистическую и коммуникативную компетенцию обучаемых;

б) умение разбираться в различных тонкостях современного бизнеса и реалиях делового мира;

с) знания этнокультурных особенностей участников речевого взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Баграмова, Н.В. Обучение иностранным языкам в контексте модернизации Российского образования 3 - международные Лихачевские чтения / Н.В. Баграмова. - СПб.: [б.и.], 2003. - С.67-68.

2. Пассов, Е.И. Цель обучения иностранному языку на современном этапе развития общества. Общая методика обучения иностранным языкам. Хрестоматия / Е.И. Пассов, В.П. Кузовлев, В.С. Коростелев. - М.: Просвещение, 2001. С. 15-20

3. Зимняя И. А. Компетентностный подход. Каково его место в системе подходов к проблемам образования? // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26.

4. Полат Е.С. Обучение в сотрудничестве / Е.С. Полат // - Москва, 2000. С. 37

5. Концепция федеральных государственных образовательных стандартов общего образования. Стандарты второго поколения / под ред. А. М. Кондакова, А. А. Кузнецова. — 2-е изд. — М.: Просвещение, 2009.

6. Федорова О.Н. Компетентностно-деятельностный подход к обучению иностранным языкам в высшей профессиональной школе. Текст. / О.Н.Федорова // Языковое образование в вузе: метод.пособие для преподавателей. - СПб.: Изд-во КАРО, 2005. - 21-37.

7. Сухова Е.Е. Профилизация обучения студентов-юристов иностранному языку как фактор повышения их профессиональной компетентности // Юридическое образование и наука. — 2004. - № 2. — С. 5-6

8. Jones L. New International Business English / Leo Jones, Richard Alexander. — CUP, 2008.

9. Яковлева Т.И. Формирование коммуникативной компетенции учащихся на уроках английского языка / Т.И. Яковлева // Английский язык. — 2010. - № 3. С. 4-5.

10. Финаева, Т.С. Коммуникативные технологии в процессе языковой и лингвострановедческой подготовки будущих учителей иностранного языка в странах Евросоюза / Т.С. Финаева // Образование и воспитание социально- ориентированной личности студента: отечественный и зарубежный опыт.: мат. межд. науч.-практ. конф. (15 - 16 ноября, 2005 г.) / под ред. Г.В. 757 Мухаметзяновой - Казань: Отечество, 2005. (Том 2) - С.602 - 606.

11. Игнатенко И.И. Изучение английского языка для делового общения / И.И. Игнатенко // Вестн. Моск. унта, Сер. 20, Педагогическое образование. - 2008. - № 4. - С. 52-63.

12. Поляков О.Г. Цели профильно-ориентированного обучения иностранному языку в вузе. Опыт формулирования Текст. / О.Г.Поляков // Иностранные языки в школе. - 2008. - №1. — С. 3-7.

13. Винник В.К., Воронкова А.А., Нацвалова М.Ю. Применение информационно-коммуникативного метода обучения в высшей школе на основе e-learning // В сборнике: Инновационные методы обучения в высшей школе. — Сб. статей: - ННГУ, Н.Новгород: 2016. С. 109-111

14. Храмова Ю.Н. Использование инновационных технологий в обучению английскому языку студентов первого курса неязыкового вуза // Обучение, тестирование и оценка. 2011. № 11. С. 169-174

15. Ипатова И.С. Современные интерактивные формы обучения в ракурсе традиционной риторики // Великие реки-2015: материалы XVII Междунар. Науч.-промышлен. форума. Труды науч. конгресса в 3-х томах. — Т. 2. — Н. Новгород: ННГАСУ, 2015. — С. 275–278.

16. Храмова Ю. Н., Хайруллин Р. Д. Организация внеаудиторной самостоятельной работы по иностранному языку для студентов-юристов в неязыковом вузе // Современные наукоемкие технологии. — Сб. статей: — Москва., 2016. — Вып. № 5. — Ч. 1. — С. 201-205

17. Коларькова О.Г., Савина А.А. Организация самостоятельной работы студентов среднего профессионального образования при обучении иностранному языку в контексте компетентностного подхода //Современные наукоемкие технологии. Москва: Академия Естествознания, 2016. №3 С. 143-147.

18. Храмова Ю.Н. Формирование мотивации изучения иностранного языка студентами неязыкового вуза // Актуальные проблемы обучения русскому языку, культуре речи и дисциплинам специализации. Тезисы докладов и статьи IX Международной научно-практической конференции. Ниж. гос. сельхоз. академия. 2014. С. 180-183.

19. Зыкова Т.В., Кочкурова Е.А. Использование активных методов обучения при изучении управленческих дисциплин // В сборнике: Инновационные методы обучения в высшей школе. — Сб. статей: - ННГУ, Н.Новгород: 2016. С. 109-111

20. Храмова Ю.Н., Хайруллин Р.Д. Применение метода «кейс-стади» в обучении иностранному языку студентов-юристов неязыкового вуза // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 2-2 (56). С. 204-207.

Статья поступила в редакцию 03.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ТОЛЕРАНТНОЙ ЛИЧНОСТИ

© 2018

Хугаева Фатима Владимировна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики*Северо-Осетинский государственный педагогический институт
(362025, Россия, Владикавказ, улица Павленко, 73, e-mail: bekoevamarina@mail.ru)*

Аннотация. В статье анализируются основные идеи антропологии как области научного исследования и фактора воспитания гуманизма и толерантности, говорится о роли педагога в воспитании толерантной личности. На основе интеграции современных антропологических наук: философской, религиозной, культурной, социальной, психологической, педагогической, биологической, экологической, исторической обосновывается роль антропологии в объяснении феномена человека, причин культурного многообразия нашего глобального мира, раскрывается ее потенциал в области духовно-нравственного воспитания современной молодежи. Появившись в европейской культуре в XIX веке, как междисциплинарная область знания, антропология главной своей задачей ставит полное понимание человека. Активный процесс дифференциации и специализации знаний о человеке и культуре продолжается на протяжении всего периода существования антропологического знания. В настоящее время эта область познания является самой парадигмальной по своим ресурсам в ряду мировых наук о культуре и человеке. Гуманитарная парадигма современного образования все более актуализирует свой антропологический фундамент, выделяя в качестве ведущей гносеологическую функцию антропологического подхода в педагогике. Проведенный в статье анализ некоторых антропологических направлений показывает, что каждое из них по своему способствует формированию толерантной личности, пониманию разнообразия человечества, дает научное обоснование целостности человеческой природы, доказывает уникальный путь развития каждой национальной культуры и т.д. Именно междисциплинарные границы, несут в себе интегративный потенциал новой антропологии способной воспитать достойного гражданина. И здесь вновь поднимается вопрос о просветительской и гуманистической роли педагога в распространении накопленных антропологической наукой знаний во имя мира и прогресса на нашей планете.

Ключевые слова: антропология, антропологический подход, гносеология, гуманитарная парадигма, глобализация, гуманизм, культура, толерантность, междисциплинарный подход, мультикультурный педагог.

ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS FOR FORMATION
OF THE TOLERANCE PERSON

© 2018

Khugayeva Fatima Vladimirovna, candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the chair of pedagogy*North Ossetian State Pedagogical Institute
(362025, Russia, Vladikavkaz, Pavlenko str., 73, e-mail: bekoevamarina@mail.ru)*

Abstract. The article analyzes the main ideas of anthropology as a field of scientific research and a factor in the education of humanism and tolerance, it speaks of the role of the teacher in the education of a tolerant personality. Based on the integration of modern anthropological sciences: philosophical, religious, cultural, social, psychological, pedagogical, biological, ecological, historical, the role of anthropology in explaining the phenomenon of man, the causes of the cultural diversity of our global world, and its potential in the field of spiritual and moral education of modern youth. Having emerged in European culture in the XIX century as an interdisciplinary area of knowledge, anthropology as its main task poses a complete understanding of man. The active process of differentiation and specialization of knowledge about man and culture continues throughout the whole period of the existence of anthropological knowledge. At present, this area of knowledge is the most paradigmatic in its resources in the world of the sciences of culture and man. The humanitarian paradigm of modern education more and more actualizes its anthropological foundation, singling out the anthropological approach in pedagogy as the leading epistemological function. The analysis of some anthropological trends in the article shows that each of them contributes in its own way to the formation of a tolerant personality, to the understanding of the diversity of mankind, to the scientific substantiation of the integrity of human nature, to prove the unique path of development of each national culture, etc. It is interdisciplinary boundaries that carry the integrative potential of a new anthropology capable of educating a worthy citizen. Here again, the question of the educational and humanistic role of the teacher in the dissemination of knowledge accumulated by anthropological science for the sake of peace and progress on our planet is raised again.

Keywords: anthropology, anthropological approach, gnoseology, humanitarian paradigm, globalization, humanism, culture, tolerance, interdisciplinary approach, multicultural teacher.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Одним из ведущих положений в антропологической науке является концепция о бессознательных структурах человеческой деятельности, объединяющей древнего и современного, первобытного и цивилизованного человека, сходстве человеческих ценностей в различных цивилизациях (Л.А. Апанасюк, М.В. Гузева, О.Е. Давыдова, Н.В. Клягин, Э.А. Орлова), сохранении «оптимума различий» в качестве критерия прогрессивного сотрудничества между цивилизациями и культурами [1-5].

Сегодня мы вновь подчеркиваем важность слов К.Д. Ушинского о том, что «если педагогика хочет воспитать человека во всех отношениях, то она прежде должна узнать его во всех отношениях», с точки зрения всех наук о человеке [6].

Знание этого, по К.Д. Ушинскому, может быть обеспечено только интеграцией антропологических наук. Слова великого педагога обращены в первую очередь

к педагогам, чья великая миссия сегодня как никогда может сыграть важную роль в воспитании толерантной личности, сохранении мира между народами нашей планеты.

И здесь остро стоит вопрос о мультикультурном учителе, который должен не только владеть научной информацией в области культурного многообразия нашего многополярного мира, но и быть способным его объяснить, синтезируя данные современных антропологических наук во имя воспитания человека человеческого XXI века.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Гуманитарная парадигма современного образования все более актуализирует свой антропологический фундамент (О.С. Давыдова, А.Н. Джурицкий, К.Б. Ермишина, К.К. Колин) [7-10], выделяя в качестве ведущей гносе-

ологическую функцию антропологического подхода в педагогике (И.А. Краснова, А.С. Тельманова) [11; 12] как эффективное условие формирования умений и навыков толерантного межличностного взаимодействия, отражающего общемировоззренческое содержание эмоционально-волевой сферы молодого человека.

Толерантность как особенность сознания личности, отмечает В.И. Максаква, терпимость к другому мировоззрению, не является врожденной и может никогда не проявиться. Поэтому она должна быть специально сформирована, выработана [13].

Формирование толерантности предполагает принятие социальных предубеждений, игнорирование негативных социальных стереотипов, выработку объективного отношения к окружающим людям вне зависимости от их национальности, индивидуальных особенностей, расы, вероисповедания и др.

Формирование целей статьи (постановка задания). Появившись в европейской культуре в XIX веке, антропология главной своей задачей ставит полное понимание человека, его индивидуальности.

Как область научного исследования она объединяла не только саму антропологию или естественную историю человека, включая его эмбриологию, биологию, анатомию, психофизиологию; но и палеоэтнологию, социологию; лингвистику и фольклор; мифологию, историю и взаимодействие религий; социальную географию (воздействие на человека климата и природных ландшафтов); демографию.

Эта область познания, в которой отмечается дальнейший процесс дифференциации и специализации знаний в настоящее время «считается самой мощной по своим материальным и человеческим ресурсам в ряду мировых наук о культуре».

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. На фоне усложнения социокультурной жизни в глобальном масштабе антропология как совокупность научных дисциплин может внести свой существенный вклад не только в объяснение феномена самого человека, причин культурного многообразия нашего мира, но и в дело воспитания толерантности так необходимой современному человечеству.

Например, *философская антропология* важнейшей своей задачей считает выявление антропологических оснований толерантности, «культивацию человеческой сущности индивида» (И. Кант), обоснование и осмысление диалогического подхода к самопознанию и самообразованию взаимным проникновением всего человеческого «Я» с другими (А.Е. Фирсова) [14].

Религиозная антропология, обращаясь к методам сравнительного анализа религиозных традиций изучает то общее, что присуще специфике религии в целом, как социокультурному феномену, способствует взаимопониманию между людьми различных убеждений, последователями разных религий и вероисповеданий.

Антропология культурная стремится к самому полному пониманию разнообразия человечества путем сравнительного изучения различных культур, их традиций (Д. Майерс), религиозных верований, объясняет сходство мифологии и фольклора разных народов тождественностью человеческой природы и ставит вопрос культурного единства человека со всеми существами нашей планеты [15].

Антропология социальная исследует становление человека как социального существа «даёт научное обоснование единства человеческой природы» [10], обосновывает социальную ценность традиции (А.Д. Вислова) [16], доказывает общие законы развития человеческого общества, формирования и функционирования культуры.

Антропология психологическая изучает психологические особенности различных народностей и законы

развития культуры всего человечества. Исходя из полного культурного плюрализма, доказывает, что каждая культура имеет свой собственный уникальный путь развития.

Обосновывает творческий характер заимствования элементов одной культуры другой (Т.В. Кузьмина), «уникальную конфигурацию внутрикультурных элементов. Рассматривает культурную преемственность в качестве прямого следствия психобиологической природы человека [17].

Антропология когнитивная занимается выявлением и сравнением «когнитивных категорий» в разных культурах, доказывает уникальность исторического пути развития каждой национальной культуры (С.В. Лурье), старается быть хранителем культуры во всем её многообразии (Р. Редфильд), утверждает тезис о когнитивном единстве человечества, «т.е. о том, что логические процессы не различаются в разных культурах» [18].

Педагогическая антропология, восходя к взглядам на природу человека и воспитание И. Канта, требует воспитания всего человека как члена всего человечества (К. Шмидт). В основе решения задач образовательной деятельности в педагогической антропологии «лежит антропологический принцип К.Д. Ушинского – «идея о целостном и универсальном постижении человека, о необходимости выведения целей и средств образования из сущности человека» [10].

Биологическая (или физическая) антропология концентрирует свое внимание на биологии человека как вида, доказательстве единства происхождения органического мира [18].

Основные положения биологической антропологии: идея всеобщей связи и развития, биологическое единство человеческого рода развивающегося по единым законам (С.Г.К. Абдуллаева, Э.В. Патраков, Е.Е. Гордеева), родство человека с животным миром нашей планеты, роль культуры, традиции и ритуалов в снижении агрессии в обществе, биологическое единство всех людей нашей планеты [19], как основа культурного многообразия, равные биологические возможности всех рас для достижения высокого уровня цивилизации.

Экологическая антропология объясняет культурное разнообразие человечества взаимодействием природной среды и культур, культуру как деятельность по организации пространства (О.С. Давыдова) [7], «герменевтику ландшафта» (Д. Майерс) [20], онтологическую связь человека и природы в истории происхождения мифологических героев народов мира, этническую культуру как отражение природной гармонии, посредством природы способствует осмыслению этнокультурных основ этнического и национального менталитета.

Антропология символическая ориентирована на понимание значений «других» культур и привлечение в антропологию методов лингвистики, доказательстве важности расшифровки древних ритуальных форм и символических действий для культурного роста современного человечества. *Антропология интерпретативная* (С.Н.Безус, Ю.В. Таратухиной) «изучает различные культуры и влияние концепции культуры на концепцию человека», трактует знания не только как отражение исследователем «другой» культуры, но как диалог между ними [20].

Историческая антропология учит вступать в диалог с людьми других эпох на основе их «духовного оснащения», знания «геоистории»; это «не история – рассказ, а история – проблема», исследование инаковости в ее разных проявлениях.

Она воссоздает картины мира, присущие разным эпохам и культурным традициям, доказывает рациональное содержание магии и экзотических обычаев; понимает культуру как «диалог» – форму общения людей разных культур и эпох, и доказывает, что самосознание культуры есть форма её бытия на грани с иной культу-

рой»; использует сравнительно-исторический метод в отношении различных религиозных культур.

Трансперсональная антропология, исследуя природу сознания и развития человека, опирается на духовные традиции и учения всех народов мира, доказывает единство всех мировых культур и традиций; разрушает стремление к поиску «истины в последней инстанции», прививает научную терпимость, способствует формированию творческого, гибкого мышления. Выходя за пределы исторических, культурных, индивидуальных границ, рассматривает противоположные и противоречивые друг другу позиции в качестве дополнительных, а не взаимоисключающих.

Антропология искусства изучает авторский «жизнетекст» на перекрестке культурных традиций, символический язык и концептуальное мышление, искусство архитектуры как средство гуманизации «второй природы», пути формирования системы обычаев и этикета современных сообществ, учит понимать многообразие способов видеть окружающую реальность и ее красоту. Антропологическая проблематика вошла в искусство конца XIX века вместе с увлечением «дальними» странами и народами, а также с идеей «постижения собственного национального духа» [21].

Антропологическая география занимается изучением разнообразия форм деятельности человека в связи с природными условиями, объясняет различие явлений культуры влиянием географических факторов, доказывает единство и целостность человечества, общность культурного наследия всех народов, уникальность всех народов нашей планеты [О.Ю. Зайцева]. Данные *этнической антропологии* свидетельствуют о единстве происхождения и биологической равноценности всех рас, опровергая антинаучные «теории» расизма, исключительной близости человеческих рас в морфологическом и психическом отношениях [22].

Гендерная антропология с позиций мультикультурного и мультипарадигмального подходов изучает различия между женщинами разных рас, национальностей, культур, возрастов, социальных положений, место и роль женщин и мужчин в мире природы и культуры. Выступает за преодоление андроцентризма современного мира. *Визуальная антропология* направлена на получение и внедрение в социальную практику экранной информации о малоизвестных сторонах жизни народов с целью осуществления диалога культур, профилактики межнациональных и межконфессиональных конфликтов, распространения ценностей, установок, норм и моделей поведения [1].

Информационная антропология рассматривает роль информации в изучении проблем развития природы, человека и общества [12], процессы превращения человечества «в единую, целостную цивилизацию ноосферы» [11], деятельность педагога вооружённого информацией и научными знаниями в качестве центральной фигуры наступающей эпохи [10].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Проведенный нами анализ некоторых антропологических направлений показывает, что каждое из них по своему способствует формированию толерантной личности, пониманию разнообразия человечества.

И хотя каждое из представленных направлений в отдельности, несомненно, обладает большим потенциалом в области формирования толерантных установок в обществе, реальная сила современной антропологии заключается в усилении её междисциплинарного фокуса, «именно междисциплинарные границы несут в себе интегративный потенциал новой антропологии», позволяют рассмотреть проблему с различных точек зрения.

Это положение сегодня архиважно на фоне роста популярности таких понятий как «несовместимость культур», «порог толерантности», «сохранение этнокультур-

ного портрета», «культурная экология», «столкновение цивилизаций», «архетипы», «менталитет» и пр., возводящих непроходимые барьеры между различными человеческими группами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Апанасюк Л.А. Межэтнические проблемы молодежи как объект социологического анализа // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 11-14.
2. Гузева М.В. Ценности и ценностные ориентации личности в структуре духовно-нравственного воспитания // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 2. С. 40-43.
3. Давыдова О.Е. Концепция культурного многообразия // *Наследие веков*. 2015. № 4. С. 62-70.
4. Клягин Н.В. Современная антропология: учебное пособие. М.: Логос, 2014. 624 с.
5. Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология: учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2017. 480 с.
6. Днепров Э.Д. Ушинский и современность / Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. — 232 с.
7. Давыдова О.С. Человек в искусстве. Антропология визуальности. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 151 с.
8. Джуринский А.Н. Сравнительное образование. Вызовы XXI века. М.: Прометей, 2014. 328 с.
9. Ермишина К.Б. Религиозная антропология: учебное пособие. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2013. 368 с.
10. Колин К.К. Информационная антропология: предмет и задачи нового направления в науке и образовании // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2011. №17. С. 34-38.
11. Краснова И.А. Историческая антропология: учебное пособие. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2015. 194 с.
12. Тельманова А.С. Социальное, культурное и духовное во внеурочной деятельности современной образовательной организации // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. №2 (19). С. 153-156.
13. Максакова В.И. Педагогическая антропология: учебное пособие для студентов вузов. М.: Академия, 2008. 208 с.
14. Фирсова А.Е. Применение антропологического подхода в современной отечественной педагогической теории и инновационной образовательной практике: дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2014. 181 с.
15. Майерс Д. Социальная психология. — 7-е изд. — СПб: Питер: 2011. — 800 с.
16. Вислова А.Д. Формирование толерантной личности - стратегическая задача образования // *Социально-гуманитарные знания*. 2008. № 4. С. 152-162.
17. Кузьмина Т.В. Конфликтология: учебное пособие. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2012. 64 с.
18. Лурье С.В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2004. 624 с.
19. Абдуллаева С.Г.К., Патраков Э.В., Гордеева Е.Е. О ценностях гуманных межличностных отношений в условиях поликультурной образовательной среды // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. №2 (15). С. 128-131.
20. Теория межкультурной коммуникации: учебник и практикум для академического бакалавриата / под общ. ред. Ю.В. Таратухиной и С.Н.Безус. М.: Юрайт, 2016. 265 с.
21. Хугаева Ф.В. Толерантность как принцип воспитания в поликультурном обществе // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. Серия: Педагогика, психология. 2014. №1 (16).
22. Зайцева О.Ю. Социально-психологическая детерминация синдрома гиперактивности у детей старшего

дошкольного возраста //Азимут научных исследований:
педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 275-
278.

Статья поступила в редакцию 20.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА В НОВОЙ ПАРАДИГМЕ
ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ

© 2018

Чекин Илья Анатольевич, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой
общеакадемических дисциплин*Санкт-Петербургская Академия Следственного комитета Российской Федерации
(191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, д. 8 лит. Д, e-mail: sch304@center-edu.spb.ru)*

Аннотация. В статье сделано попытку раскрыть стратегическую роль информационного подхода в системе образования для взрослых. Проведенный анализ взаимосвязи двух типов общества: «информационного» и «общества знания», позволил выделить и описать их основные черты. Автором подчеркивается, что по мере формирования глобального информационного пространства изменяется и статус знания, которые определяются как важный элемент прогрессивного развития общества. Изучение, анализ и систематизация концептуально-значимых образовательных стратегий показал, что принципиально значимое место в образовательной системе для взрослых занимает информационный подход. Особое внимание в статье уделено выделению функций информационного подхода в образовательном процессе, некоторым аспектам формирования информационной культуры личности взрослого обучающегося. Автор проводит детальный анализ определенных принципов эффективной организации информационного образования для взрослых. Результаты исследования, раскрытые в статье, показывают, что одним из факторов новой образовательной парадигмы является формирование информационной культуры личности на качественно новом уровне.

Ключевые слова: информационное общество, общество знания, информационная составляющая, информационный подход, информационная культура, принципы эффективности, новая стратегия образования, личность взрослого обучающегося.

THE MAIN FUNCTIONS OF THE INFORMATIONAL APPROACH IN THE NEW PARADIGM
OF ADULT EDUCATION

© 2018

Chekin Ilya Anatol'evich, candidate of pedagogical sciences, head of the chair
of general academic disciplines*Russian Saint-Petersburg Investigative Committee of the Russian Federation
(191119, Saint-Petersburg, Pravda Street, building 8, lit D, e-mail: sch304@center-edu.spb.ru)*

Abstract. In the article it is made attempt to open strategic role of information approach in the education system for grown-ups. Held analysis of interrelation of two types of the society : "information" and "knowledge society", allowed to allocate and to describe their main lines. The author emphasizes that as the global information space is formed, the status of knowledge changes, which are defined as an important element of the progressive development of society. Studying, the analysis and systematization of conceptual and significant educational strategy showed that essentially significant place in educational system for adults is taken by information approach. Special attention in article is paid to allocation of functions of information approach in educational process, to some aspects of formation of information culture of the identity of the adult trainee. The author carries out the detailed analysis of certain principles of the effective organization of information education for adults. The results of a research disclosed in article show that one of factors of a new educational paradigm is formation of information culture of the personality at qualitatively new level.

Keywords: Information society, knowledge society, informational component, informational approach, informational culture, the principles of efficiency, new educational strategy, the identity of an adult learner.

Сегодня человечество вступает в принципиально новую информационную фазу своего развития. Еще в конце XX века такие социально-научные дефиниции как «информационное общество» и «информатизация» мирового пространства заявили о себе, как о фундаментальной основе научно-практической деятельности специалистов, не только в области информатизации, но и в сфере образования, прочно войдя в лексикон педагогов, психологов, философов и ученых других специальностей. Новые информационные технологии и коммуникационные процессы существенно меняют жизнь и общества в целом, и каждого человека. По мере вхождения человечества в информационное общество, начал изменяться и статус знания. Оно постепенно превращается в важный элемент нового общества.

И в этом контексте начала возрастать роль формирования у личности умений и навыков информационной компетентности, как культуры целенаправленной работы с информационными данными и их использования на качественно новом социально значимом уровне.

В настоящее время понятие «информационная культура личности» совершенно не сводится к разрозненным знаниям и умениям работы за компьютером. Она предполагает информативную направленность целостной личности, которая обладает мотивацией к применению и усвоению новых данных. Так, информационная культура, по мнению специалистов (Н. Г. Вохрышева [1], К. К. Колин [2]), рассматривается как одна из граней личностного развития, как путь универсализации человека. Идея информационного образования, информа-

ционной культуры начинает приобретать глобальный характер, т.к. человечество входит в информационное общество, общество знаний.

Неделимый процесс взаимосвязи информационного и образовательного общества, охарактеризованный известными исследователями современной науки (Р. Ф. Абдеев [3], А. Б. Курицкий [4], А. В. Ракитов [5], П. В. Суханов [6], Ф. Фукуяма [7] и др.) можно определить, как феномен, имеющий общие основные особенности такие, как, подача и сохранность информации, знаний, информационно-коммуникационное развитие технологического процесса, постоянное обновление и ускорение жизненного пространства, возможности непрерывного образования.

Анализируя каждое качество, мы можем сказать, что основным макрофактором преобразования современного общества является информация и знания, а потенциал информационных ресурсов – это возможности развития социума в стратегическом отношении. Инновационные подходы к образованию в рамках рыночной экономики напрямую связаны с основами новой экономической мировой политики, которая базируется на технологическом информационно-коммуникационном прогрессе. Как показывает мировая практика, результатом таких преобразовательных процессов является новизна, стремительное ускорение жизненных потоков, как наиболее характерные черты человеческого существования.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что стремительный рост информатизации общества и информатизации знаний требуют от личности постоянной

мотивации к сохранности стабильного социального статуса, что предусматривает необходимость в постоянном самообразовании и самореализации, формировании способности вовремя находить актуальную информацию, умения систематизировать и адекватно ее оценивать, а так же использовать в последующей деятельности. Одним из факторов сохранения личностью социального статуса в современной практической деятельности человека признаны такие формы образовательной деятельности как активное обучение, непрерывное образование и переквалификация (А. Андреев [8], В. Безрукова [9], В. Виненко [10], Т. Гордеева [11], А. Панфилова [12] и др.).

Таким образом, информативное общество и информатизация образовательной системы поднимает проблему социализации и адаптации взрослого человека к постоянно изменяющимся социальным условиям жизнедеятельности в условиях информационно-коммуникационного прогресса. Решением данной проблемы является создание системы непрерывного образования взрослых, которая будет направлена на получение ими систематизированных знаний, умений, навыков и опыта, имеющих информационную основу. Информационная система образования должна реализовывать механизм опережающего отражения, моделируя информационные сценарии будущего.

На сегодняшний день пока идет только разработка российскими учеными методологии опережающего образования. Но первые шаги к системе опережающего образования уже делаются. И этот путь мы можем назвать новой образовательной стратегией.

В последние десятилетия социально-образовательная практика показывает, что профессиональное образование взрослых подвергается значительным изменениям в сфере научно-исследовательских достижений педагогического образования и укрепляется в задействовании интегративных процессов педагогики и других фундаментальных наук о развитии общества: философии, психологии и нанопсихологии, кибернетики, социологии, математики, аналитики и др. Данное утверждение основано на последних исследованиях известных ученых в области социализации и обучения взрослых. Так, М. Н. Дудина указывает, что современные социальные трансформации общества потребовали «освоения новой образовательной парадигмы, в центре которой оказалась ценность обучаемого как развивающейся личности, овладевающей общекультурными и профессиональными компетенциями» [13]. Необходимость качественных изменений объясняется длительным нахождением профессионального образования взрослых в рамках технологической модели, основными концептуальными показателями которой было решение утилитарно-прагматичных задач без учета прогностической направленности на стратегическое развитие личности.

М. М. Назаров утверждает, что «сегодня социальный опыт и знания людей складываются из двух основных составляющих: наличие непосредственных социальных контактов... и явлений, опосредованных сообщениями средств массовой коммуникации» [14, с.131].

На наш взгляд, новая образовательная стратегия основывается на формировании:

- информационно-накопительного фундаментально-го знания путем непрерывного обучения и самообучения;
- навыков универсальной работы с информационными данными, их анализа и систематизации;
- преобладающего самостоятельного критически-творческого мышления личности над репродуктивным мышлением.

Следовательно, педагогическая парадигма информатизации образовательного процесса предусматривает расширение понятия принципа профессионального образования, направленного на «формирование знаний, навыков и умений, предусмотренных учебной програм-

мой соответствующего предмета», новым концептом формирования профессиональной компетентности, которая сопровождается формированием интеллектуально-творческих, содержательно-преобразующих, социально-развивающих умений и навыков.

Из этого следует, что в современной педагогической практике идет формирование методологии новой образовательной парадигмы. Кроме того, в русле методологических вопросов рассматриваются стандарты информационной грамотности личности, основу которых составляют три компонента:

- способность личности получать информацию;
- способность анализировать и оценивать информацию;
- способность использовать и применять информацию.

В связи с тем, что в новой стратегии развития мирового образовательного пространства информационная составляющая является имманентной, в последние десятилетия мировые научно-педагогические исследования направлены на поиски методологий обеспечения информационного развития личности. Так, Э. Дайсон утверждает, что «в современном информационном мире людям нужна не только сама информация, но и умение обрабатывать и интерпретировать ее» [15, с.12]. А. И. Ракитов считает, что «информационная культура, т.е. экипировка всех культурных процессов современной информационной технологией является уже не пожеланием, а объективно внутренней исторической необходимостью» [16, с.28]. Как видим, зарубежная научно-научно-педагогическая мысль направлена на концепт информационной грамотности личности, в то время как концептуальные подходы российской научной мысли связаны с формированием у человека информационной культуры.

Для более точного понимания роли информационного подхода в профессиональном образовании взрослых, необходимо выяснить функциональность информатизации педагогического процесса. М. А. Петухов указывает на такие функции профессионально-технологической системы образования как: прогностическая, социально-культурологическая, гуманистическая, интеграционно-профессиологическая, профессионально-технологическая [17]. Из чего следует, что информационный подход к профессиональному образованию взрослых ориентирован на социокультурное, профессионально-технологическое развитие личности и предусматривает интегрированный подход с общенаучными, традиционными концептуальными подходами: деятельностным, системно-образовательным и функционально-принципиальным. Информационный подход организации педагогического процесса характеризуется:

- направленностью на фундаментальные научные исследования,
- методологической ориентацией,
- принципом общей линией стратегии исследования и т.п.

Однако информационный подход организации педагогического пространства имеет специфические особенности, которые проявляются в отличительности условий функционирования (допустимость неопределенности базового понятия), тенденции интеграции системного, функционального и информационного подходов, при-сущности как научному, так и практическому сознанию.

Исследования показали, что в информационном подходе можно выделить четыре основные функциональные направленности: праксеологическая, конструктивная, объяснительная и моделирующая функции.

Праксеологическая функция направлена на оптимизацию учебно-воспитательного процесса и отражается в принятии организационных решений, которые базируются на традиционных (библиотеки, архивы, музеи) и инновационных (средства массовой коммуникации, системы управления связи и информсистемы и пр.) формах передачи и хранения мирового знания.

Конструктивная функция ориентирована на разработку и формирование информационно-технологических средств образования взрослых в соответствии с их профессиональной направленностью обучения. Отметим, что конструктивная функция непосредственно связана с праксеологической.

Объяснительная функция предусматривает информационную подачу воспроизводимых и организационных процессов путем описания и объяснения неизвестных фактов посредством уже известных, то есть, неизвестное трактуется в произвольном, интуитивно-понятном аспекте.

Моделирующая функция подразумевает разграничение информационных конструктивов, которые смоделированы учащимся от моделей физического, социального, психического плана и других объективных явлений. Следует отметить, что моделирующая функция частично является элементом объяснительной, но различие этих двух функций состоит в способе реализации объяснительной, суть которой состоит в онтологическом понимании поданной информации.

Научно-аналитическая оценка функциональности информационного подхода к организации педагогического процесса профессионального образования взрослых показала, что реализация данного подхода проявляется в двух аспектах – корректном, в основе которого лежит методологическая подача информационных данных (моделирование) и некорректном, сущность которого состоит в частом использовании примитивной информационной онтологизации (информационная техника, объяснительные конструктивы).

Не менее важным для нашего исследования является анализ возможностей формирования информационной культуры, как составляющей общепедагогической культуры. Информатизация общекультурного педагогического пространства, как показывает практика, оптимизирует учебно-воспитательный процесс на более высоком уровне в сравнении с традиционными подходами к обучению. Так, опираясь в разработке учебного процесса информационного подхода, андрагог может:

- использовать инновационную методологию представления, обработки данных;
- оперировать расширенной базой методической и учебной литературы, материалов в процессе профессиональной деятельности;
- разрабатывать прогностические, обучающие и мониторинговые методические материалы, программы на основе компьютерных технологий;
- повышать уровень профессионализма и возможность перепрофилирования путем дистанционных образовательных систем;
- использовать информационные ресурсы (Интернет, поисковые сайты, образовательные порталы и пр.) для самообразования, повышения профессионального мастерства, самореализации.

Весомую роль в использовании информационных технологий андрагогом в педагогической деятельности играет психологическая и профессиональная мотивация педагога к работе с инновационными информационно-технологическими средствами. Умение андрагога рентабельно использовать информационно-коммуникационные технологии на высоком эстетическом и интеллектуальном уровне не только совершенствует качество подачи знаний, умений и навыков учащимся в работе с информацией, но и значительно увеличивает эффективность формирования у них информационной культуры.

Э.Тюфлер, автор концепции постиндустриального общества и перехода в информационный век, подчеркивает, что сегодня «на первый план выдвигается не сбор информации, а умение отыскивать во всей массе данных то, что необходимо, верно проанализировать сведения и своевременно доставить их» [18, с.358].

Современные требования профессионального образования взрослых предусматривают непрерывность обу-

чения, что, в свою очередь, предписывает формирование информационной культуры во всех аспектах педагогического процесса. Как указывает К. К. Колин, «формирование новой информационной культуры личности и общества адекватной условиям и требованиям информационного общества, является ... одной из актуальных и глобальных проблем современности» [2, с.25].

В связи с этим, первостепенной задачей развития образования для взрослых встает разработка системы повышения квалификации андрагогов, которая предусматривает непрерывность обучения на базе современной компьютерной и телекоммуникационной техникой, которая оборудована соответствующими программами, научным материалом и методическим обеспечением, которые разработаны на прогностические результаты обучения. Таким образом, недостаточная разработка информационного обеспечения образовательного процесса для взрослых с использованием компьютерных технологий (программное обеспечение) и применением инновационных технологий (методическое обеспечение) носит актуальный характер исследования и разработок андрагогов и взрослых обучаемых, уже владеющих информационной культурой.

Исходя из этого, следует учитывать, что все уровни профессионального образования взрослых требуют корректного управления подготовкой и накопительным процессом информационных данных для полноценного информационного обеспечения обучения. Переработка и систематизация накопленных данных должна ориентироваться на доступность, актуальность в использовании и учитывать систему обратной связи с целью проверки результативности освоения материала. В данном случае информационный подход к обучению интерпретируется как коллективный субъект информационно-коммуникационной деятельности. Субъективный подход к информационно-коммуникационной деятельности представляет собой систему оптимальных педагогических условий переработки и генерирования полученной новой информации.

Из этого следует, что построение информационного общества сейчас относится к одной из приоритетных задач человечества. М. Г. Вохрышева акцентирует, что «человек во все времена был важным фактором развития общества, но в информационном обществе этот фактор становится критическим. Поэтому основное внимание общества должно быть сконцентрировано ... на гуманитарных проблемах, ... на потенциале личности. Исключительно важную роль в решении этих проблем должна сыграть система образования, структура и содержание которой сегодня еще не отвечают новым вызовам XXI века и не учитывают специфических проблем и особенностей информационного общества» [1, с.23].

Учитывая вышеизложенное, отметим, что системно-педагогическая организация информационной деятельности в области образования взрослых занимает одно из ведущих направлений развития информационного общества.

А. М. Столяров утверждает, что информационное общество – это общество будущего, которое на фоне технологического прогресса преобразуется в «либеральное информационное общество» [19, С. 18], как концепция постиндустриального общества, новая историческая фаза развития цивилизации, в которой главными продуктами производства являются информация и знания.

Итак, информационный подход к организации современного педагогического процесса профессионального образования взрослых направлен на обеспечение взрослых учащихся информационными данными, выполняя функции информационного сопровождения. Кроме того, информатизация образовательного пространства для взрослых является вспомогательным дисциплинарно-синтезирующим компонентом учебно-воспитательного процесса, выполняет функции накопителя и передатчика профессиональных знаний.

Отсюда следует, что старая модель «поддерживающего образования» должна постепенно уступать место новой модели образования. Целью образования становится не накопление знаний и умений, а развитие личности, овладение ею способами накопления существующих и приобретенных новых знаний. Если сутью старой парадигмы образования был рефрен «образование на всю жизнь», то новая парадигма образования требует нового рефрена «образование в течение всей жизни».

Таким образом, гармоническое формирование личности и ее становление в социуме обеспечивается современным профессиональным образованием взрослых, что непосредственно является определяющим ресурсом развития общества. Система профессионально-образовательного пространства взрослых представляет собой инновационный концептуальный подход устойчивого и стабильного развития современного общества, которое предоставляет возможности полноценной социализации индивида, гуманистической направленности жизнедеятельности человека в период технократизации мировых макро- и микро-систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вохрышева М.Г. Формирование науки об информационной культуре //Методология и организация информационно-культурологических исследований. Вып.6.- М.-1997.-С.48-63.
2. Колин К.К. Фундаментальные основы информатики: социальная информатика. -М.:Академический проект. Екатеринбург. Деловая книга, 2000.-350с.
3. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации / Р. Ф. Абдеев. – М. : ВЛАДОС, 1994. – 58 с.
4. Курицкий А. Б. Глобализация и интернет // Проблемы современной экономики. - 2003. - № 3/4 (7/8). - С. 70 - 73.
5. Ракитов А. И. Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях / А. И. Ракитов. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 105 с.
6. Суханов Петр Владимирович. Педагогическая концепция развития самообразовательной деятельности студентов в условиях информатизации образования: дис. ... доктора педагогических наук: 13.00.01 / Суханов Петр Владимирович. – Кострома, 2013. – 455 с.
7. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. / Фрэнсис Фукуяма; Пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : ООО «Изд-во АСТ»; ОАО «ЛЮКС», 2004. – 349 с.
8. Андреев А. А. Педагогика высшей школы. Новый курс – М. : Моск. междунар. ин-т эконометрики, информатики, финансов и права, 2002. – 264 с.
9. Безрукова В. С. Педагогика. Проективная педагогика; Учеб. пособ. для инж.-пед. ин-тов и индустр.-пед. техн. / Валентина Сергеевна Безрукова. – Екатеринбург : Изд-во «Деловая книга», 1996. – 344 с.
10. Виненко В. Г. Системно-синергетическое моделирование в непрерывном образовании педагога: Дис...д-ра пед. наук:13.00.08. / В. Г. Виненко. – Саратов, 2001. – 322 с.
11. Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения. / Т. О. Гордеева. – М. : Смысл; Изд. центр «Академия», 2006. – 336 с.
12. Панфилова А. П. Инновационные педагогические технологии: активное обучение. / А. П. Панфилова. – М. : Изд. центр «Академия», 2009. – 192 с.
13. Современные образовательные технологии: учеб. пособие / Л. Л. Рыбцова и др.; под общ. ред. Л. Л. Рыбцовой ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 92 с.
14. Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире. Методология анализа и практика исследования. М.: Либроком, 2014. - 354с.
15. Дайсон Э. Жизнь в эпоху Интернета. / Эстер Дайсон; Под ред. А. В. Евтюшкина и А.И.Кузьмина. М.: -Бизнес и компьютер, 1998. - 121с.

16. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции.М.: Политиздат, 1991. - 287с.

17. Петухов М. А. Профессионально-технологическая система обучения специальным предметам: Учеб. пособ. /Под науч. ред. А. П. Беляевой. – Ульяновск: УлГТУ, 2001. – 199 с.

18. Тофлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2001. - 560с.

19. Столяров А. М. Информационное общество будущего и современность. / Андрей Михайлович Столяров. – URL : <http://knigosite.org/library/books/61369>

Статья поступила в редакцию 11.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 37.08

**ЭЛЕКТРОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ КАК СРЕДСТВО ДИВЕРСИФИКАЦИИ
ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ КУЛЬТУРЫ**

© 2018

Шарипов Фаридун Файзуллаевич, доктор педагогических наук, заведующий
общеуниверситетской кафедрой педагогики**Рахманова Наргис Шокировна**, аспирант общеуниверситетской кафедры педагогики
Таджикский национальный университет

(734025, Республика Таджикистан, Душанбе, проспект Рудаки 17, e-mail: faridun61@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена электронно-образовательным ресурсам как средству диверсификации подготовки специалистов культуры. Автор предлагает усовершенствовать подготовку специалистов культуры на основе интеграции информационных Интернет-ресурсов в педагогический процесс с целью эффективного решения дидактических задач. В статье представлена методическая разработка электронного образовательного ресурса для специалистов в области культуры. Автор приходит к выводу, что если интегрировать ресурсы сети Интернет в педагогический процесс, то можно добиться его оптимизации и решить многие дидактические задачи, а также мотивировать учащихся к поисково-познавательной и профессиональной деятельности, активизировать и развивать ранее приобретенные ими навыки. Разработанный автором электронный образовательный ресурс направлен на формирование профессиональных знаний, умений и навыков, а также на развитие профессионального взаимодействия, обеспечивающего эффективное межкультурное общение и коммуникацию специалистов в области культуры, что является целью профессиональной подготовки в вузе. Компьютерные технологии, по мнению автора, позволяют субъектам педагогического процесса повышать интеллектуальную активность студентов, а учебные ресурсы сети Интернет помогают студентам целенаправленно использовать и перерабатывать интересующую их информацию, вести самостоятельный поиск, создавать свои презентации и творческие проекты.

Ключевые слова: электронно-образовательный ресурс, интеграция, профессиональная компетентность, содержание обучения, Интернет-ресурсы, инновационные технологии, информационно-коммуникационные технологии, информатизация образования, оптимизация процесса обучения.

**ELECTRONIC AND EDUCATIONAL RESOURCES AS MEANS OF DIVERSIFICATION
OF TRAINING OF SPECIALISTS OF CULTURE**

© 2018

Sharipov Faridun Fayzullayevich, doctor of pedagogical sciences,
The Head of Pedagogic Chair**Rakhmanova Nargis Shokirovna**, graduate student of all-university
department of pedagogics
Tajik National University

(734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue 17, e-mail: faridun61@mail.ru)

Abstract. Article is devoted to electronic and educational resources as means of diversification of training of specialists of culture. The author suggests to improve training of specialists of culture on the basis of integration of information Internet resources into pedagogical process for the purpose of the effective solution of didactic tasks. Methodical development of an electronic educational resource for experts in the field of culture is presented in article. The author comes to a conclusion that if to integrate Internet resources into pedagogical process, then it is possible to achieve its optimization and to solve many didactic problems and also to motivate pupils to search and informative and professional activity, to make active and develop the skills which are earlier acquired by them. The electronic educational resource developed by the author is directed to formation of professional knowledge, skills and also to development of the professional interaction providing effective cross-cultural communication and communication of experts in the field of culture that is the purpose of vocational training in higher education institution. Computer technologies, according to the author, allow subjects of pedagogical process to increase intellectual activity of students, and educational resources of the Internet help students to use and process purposefully information interesting them, to conduct independent search, to create the presentations and creative projects.

Keywords: electronic and educational resource, integration, professional competence, content of training, Internet resources, innovative technologies, information and communication technologies, education informatization, training process optimization.

Одной из основных целей современного образования является формирование и развитие информационной культуры личности, и обучение следует направить на практическое освоение знаниями. Для развития информационной культуры личности и формирования у неё профессиональных качеств, а также для активизации познавательной деятельности студентов педагогу необходимо создавать особые условия и находить такие методы обучения, при которых студенты смогли бы показать свои способности и умения творчески мыслить.

Требования к процессу обучения студентов высших учебных заведений на современном этапе актуализировали вопросы о применении наиболее результативных методик обучения с использованием современных технических средств, о комплексном использовании инноваций с целью оптимизации и разнообразия педагогического процесса, о внедрении в процесс обучения новых технологий, мотивирующих студентов к поиску и самостоятельному познанию, об интеграции информационных Интернет-ресурсов в педагогический процесс с целью эффективного решения большинства дидактических задач [1, с. 145].

Сущность инновационных технологий заключается в повышении познавательной активности студентов и оказании содействия в становлении самостоятельного поиска, деятельности и мышления.

Поэтому, необходимо применять такие методы и способы организации педагогического процесса, которые бы активизировали самостоятельно-познавательную деятельность студентов.

Мы считаем, что для этого, в первую очередь целесообразно создавать особые учебные ситуации с выходом в сеть Интернет, благодаря которому все участники педагогического процесса смогут найти и воспользоваться любой информацией или литературой, которая их интересует, узнать новости мира, подружиться с единомышленниками, общаться с разными людьми.

Такие Интернет-ресурсы, как Chat, Galaxy, Excite, Google, Yahoo! и многие другие могут помочь достигнуть поставленные учебные цели. Интеграция информационных Интернет-ресурсов в учебно-воспитательный процесс способствует формированию мотивации студентов к деятельности, повышению интереса к педагогическому процессу, развитию мыслительных навыков,

накоплению и расширению знаний и опыта, развитию самостоятельности, раскрытию творческого потенциала, ознакомлению с обычаями, культурой и этикетом разных стран.

«Специализированные интернет-сайты обеспечивают эффективность овладения знаниями, создают благоприятную для обучения атмосферу, выступая в качестве средства интерактивного подхода. Преподаватель при этом поддерживает и направляет своих студентов на творческий поиск, и их отношения строятся на принципе совместного творчества» [2, с. 100].

Существует огромное количество информационно-коммуникационных технологий: мультимедийные обучающие и интерактивные курсы, энциклопедии, словари, учебные материалы на разных языках, электронные версии учебных изданий и художественной литературы, электронные библиотеки, мультимедийные музеи и т.д.

В современном информационном обществе верное применение компьютерных технологий ведёт к успеху, к обогащению содержания образования и ускорению темпов его освоения.

Используя различные компьютерные программы и Интернет-ресурсы, студенты могут самостоятельно и эффективно выполнять любые творческие задания, создавать мультимедийные презентации, видеоролики и многое другое, что в свою очередь повышает качество усвоения и осмысления учебного материала.

Однако отметим, что, для того, чтобы активизировать учебно-познавательную деятельность студентов нужно мультимедийные материалы подготавливать заблаговременно.

Применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образовании «позволяет эффективно управлять педагогическим процессом, повысить его результативность и объективность при экономии времени преподавателя, мотивировать студентов на получение знаний, что позволяет включить в познавательный процесс научную, справочную, познавательную и образовательную информацию, сделать занятие творческим, интересным и личностно-ориентированным» [2, с. 114].

Поэтому будет не лишним сказать, что современной высшей школе потребуются квалифицированные специалисты, способные разрабатывать различные обучающие программы, которые будут оптимизировать учебный процесс.

В рамках новой парадигмы образования подготовка будущих специалистов в области культуры должна быть нацелена на формирование профессиональных компетенций выпускников.

«Компетентностная модель выпускника, с одной стороны, охватывает квалификацию, связывающую его деятельность с предметами и объектами труда, с другой стороны, отражает междисциплинарные требования к результату образовательного процесса» [3, с. 117].

На современном этапе развития высшего образования возникает одна из главных проблем - проблема информатизации образования, являющаяся «основой большинства инновационных методов обучения» [2, с. 125].

В системе инновационного образования «компетентностный подход реализуется в комплексной подготовке к профессиональной деятельности, которая предполагает наряду с формированием предметно-специализированных компетенций, развитие ряда общих (надпредметных, ключевых) компетенций, представляющих собой профессионально-важные качества современного специалиста» [4, с. 14].

«Информатизация образования определяется как процесс обеспечения сферы образования методологией, технологией и практикой разработки и оптимального использования современных информационных и коммуникационных технологий, ориентированных на реализацию психолого-педагогических целей обучения и воспитания» [5, с. 11-12].

«Средствами информатизации образования являются средства информационных и коммуникационных технологий (средства ИКТ), обеспечивающие оптимальное и эффективное восприятие, усвоение и использование учебной информации в интерактивном режиме. Средства ИКТ наиболее целесообразны для решения образовательных задач, т.к. позволяют осуществлять информационно-учебное взаимодействие между преподавателем и студентом» [4, с. 16].

Благодаря средствам ИКТ любая информация и процесс обмена ею становится более доступным. Поэтому многие преподаватели таких дисциплин как «Культурология», «История», «Иностранный язык» и многих других предпочитают активно внедрять информационные и компьютерные технологии в процесс обучения, что говорит о наличии у них информационно-коммуникационной культуры.

Эффективное применение средств ИКТ оптимизирует процесс обучения и реализовывает многие дидактические функции. Однако грамотное использование «компьютерных технологий во всем их разнообразии на современном методическом уровне» [6, с. 197] присуще далеко не всем преподавателям вузов Таджикистана.

Неразумное использование ИКТ способно негативно воздействовать на студентов. Считаем, что именно от грамотного организованной учебной деятельности и разумного применения ИКТ в учебном процессе зависит эффективность обучения. Студенты, работая с информацией, представляющей для них профессиональный интерес, активизируют и развивают ранее приобретенные ими навыки.

Умение будущих специалистов успешно решать профессиональные задачи, соответствующие социальным целям и высокому уровню мотивации профессиональной деятельности напрямую зависит от формирования профессиональных компетенций студентов.

Для того, чтобы создать обучающие слайды и презентации необходимо уметь пользоваться различными компьютерными программами и сайтами, например, информационными ресурсами Интернет, мультимедийными приложениями, поисковыми системами (Google, Yandex, Ask и др.), электронными средствами массовой информации, средствами телекоммуникации (электронная почта - E.mail.ru, социальные сети - Facebook, Vadoo, LinkedIn, Last.fm, SoundCloud, Vine, различные чаты -ВКонтакте, Одноклассники, Мой мир и др.), а также учебно-методическими материалами для преподавателей.

Учебные ресурсы сети Интернет помогают студентам целенаправленно использовать и перерабатывать интересующую их информацию, вести самостоятельный поиск, создавать свои презентации и проекты.

«Интернет-ресурсы дают возможность педагогам вузов подбирать учебный материал (текстовый, графический, аудио- и видеоматериал) по изучаемым темам, организовывать в учебных группах обсуждение проблем, организовывать проектную деятельность студентов» [7, с. 4].

Компьютерные технологии позволяют субъектам педагогического процесса использовать большие возможности для работы над коллективными задачами и проектами. «Они позволяют активно использовать графическую информацию, звуковые файлы и видеозаписи, что активизирует все каналы поступления информации, повышает интеллектуальную активность студентов» [8]. Поэтому в формы учебной работы были внесены существенные изменения с целью самостоятельного выполнения студентами творческих заданий по принципу взаимного сотрудничества.

Проектирование электронно-образовательного ресурса (ЭОР) необходимо, чтобы переориентировать деятельность преподавателя по передаче знаний на организацию самостоятельной работы студентов по добыча-

нию профессиональных знаний, чтобы создать условия для формирования творческой личности, которая будет обладать навыками конструктивного мышления, уметь стремительно принимать профессиональные решения и нести за их выполнение свою ответственность [9-12].

Разработанный нами ЭОР нацелен на «формирование и развитие социокультурных знаний, на развитие умений профессионального взаимодействия, что является целью профессиональной подготовки в вузе, как средства межкультурного общения и коммуникации между специалистами» [2, с. 132].

Для разработки ЭОР мы определили изучаемую предметную область и ее связи с другими дисциплинами, сформулировали учебные закономерности и общие положения, на которых будет основываться проектируемая учебная дисциплина, оценили соотношение между компонентами системы теоретических знаний и выполнением поисково-познавательных действий, определили дидактические задачи [13].

Учебный материал должен быть спроектирован на основе мультимедийных технологий таким образом, чтобы не допускать физической перегрузки студентов. Разработку электронно-образовательного ресурса необходимо начать с проектирования приложения. Для этого необходимо из Интернета найти и загрузить на свой компьютер готовые приложения (например, Java Applets). Это нужно для того, чтобы в дальнейшем их использовать при создании своих собственных сетевых и несетевых ЭОР.

После того как мы загрузили приложение в окне всплывёт интерфейс электронного образовательного ресурса, назовем его «ИКТ в культуре», с каталогом необходимых для специалистов-культурологов сайтов и Интернет-ресурсов (рис. 1).

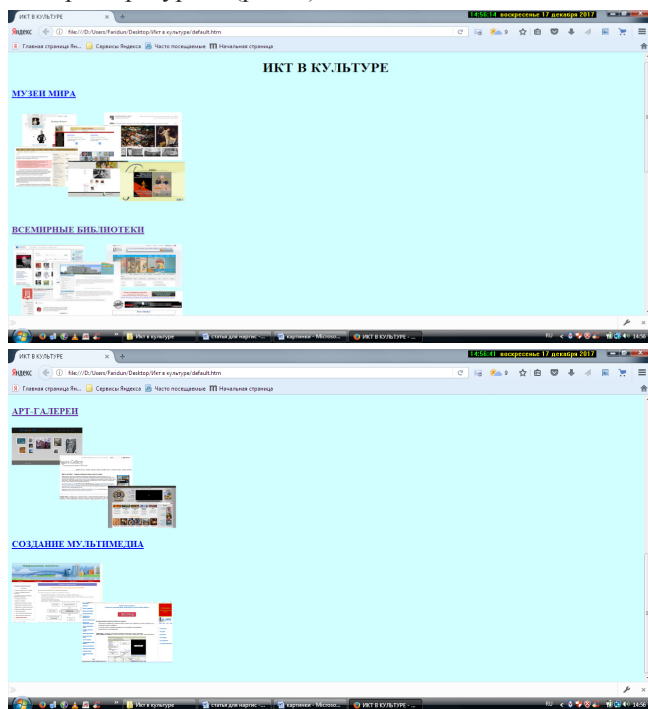

Рисунок 1 - Интерфейс электронного образовательного ресурса

Далее выбираем при помощи курсора «мышки» необходимый или интересующий нас сайт и открываем его. В следующем окне открывается нужный нам Интернет сайт, с которым мы в дальнейшем и будем работать (рис.2-5).

Отметим, что во время разработки ЭОР нами заранее в приложения были загружены адреса, на наш взгляд, необходимых сайтов.

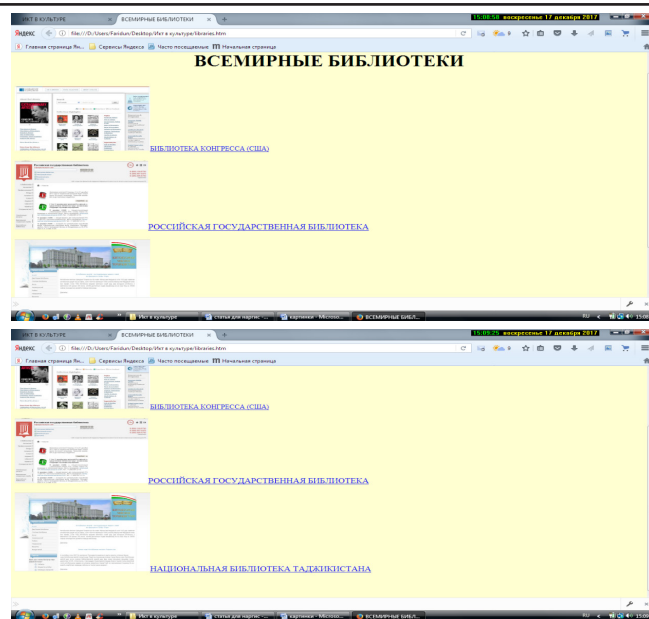

Рисунок 2 - Интернет сайт всемирных библиотек

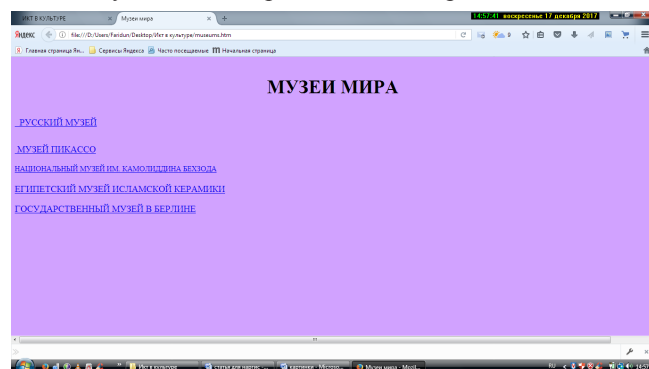

Рисунок 3 - Интернет сайт музеев мира

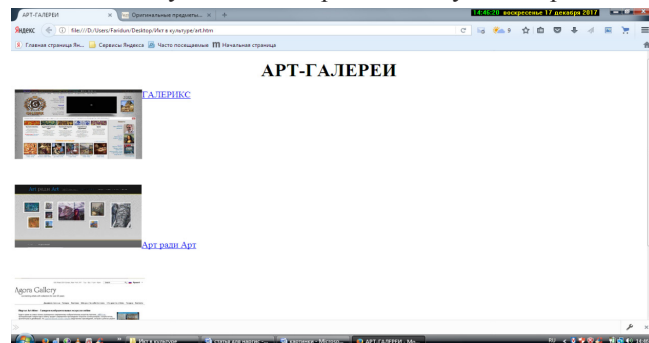

Рисунок 4 - Интернет сайт Арт-галерей

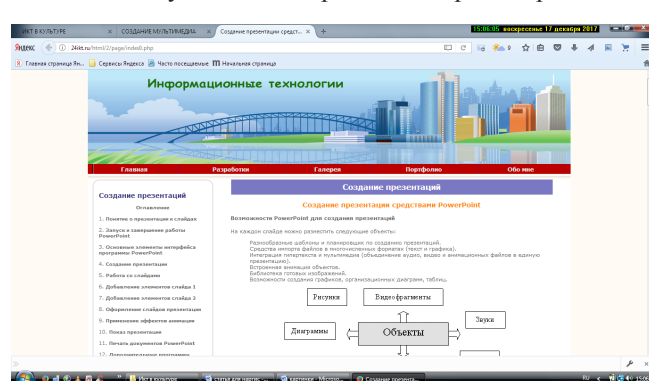

Рисунок 5 - Интернет-ресурс для создания презентаций и мультимедиа.

Разработанная система помогает студентам из многочисленных предложений сделать конкретный выбор того, что им необходимо. Для выбора необходимо навести курсор «мышки» на интересующую нас вкладку, и тут же всплывёт окошко, позволяющее нам виртуально посетить, к примеру, музей, в котором можно найти живопись, картины, репродукции картин русских и зарубежных художников, коллекции живописи крупных мировых музеев (рис. 6-7).

Здесь же на сайте Gallerix.ru можно скачать картины в высоком разрешении и превосходном качестве, а также оставить комментарий.

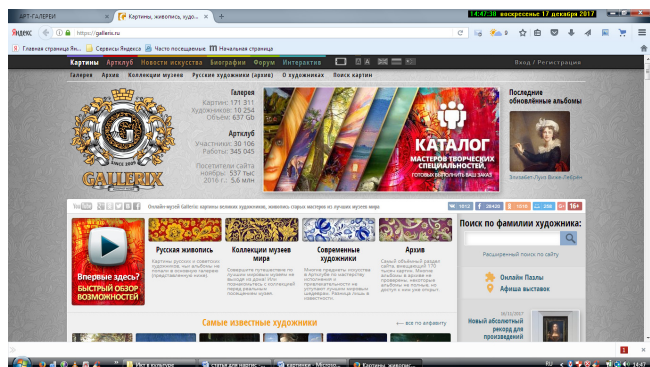

Рисунок 6 - Интерфейс сайта Gallerix.ru

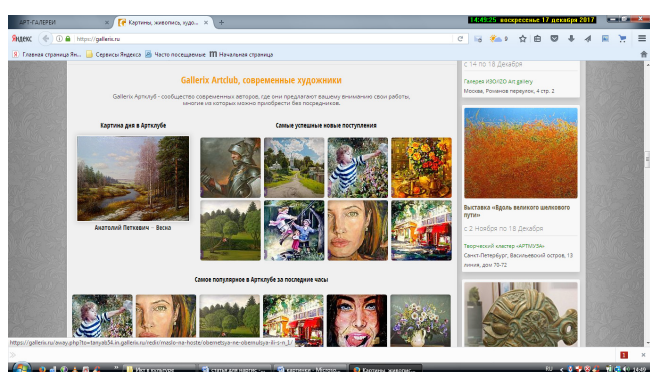
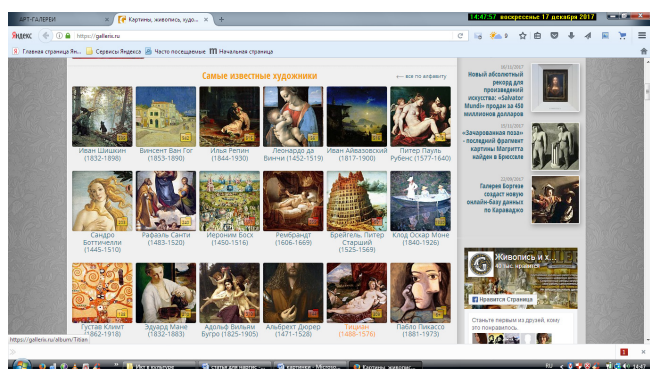

Рисунок 7 - Интерфейс перечня известных художников

Следует отметить, что студенты-культурологи также могут виртуально посетить музеи и библиотеки мира, в он-лайн режиме прочитать любую книгу, как на русском, так и на иностранном языке, ознакомиться с любым экспонатом, а также получить любую интересующую их информацию (рис. 8-9).

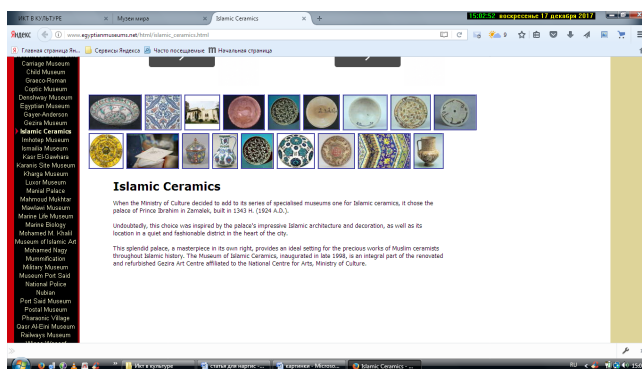
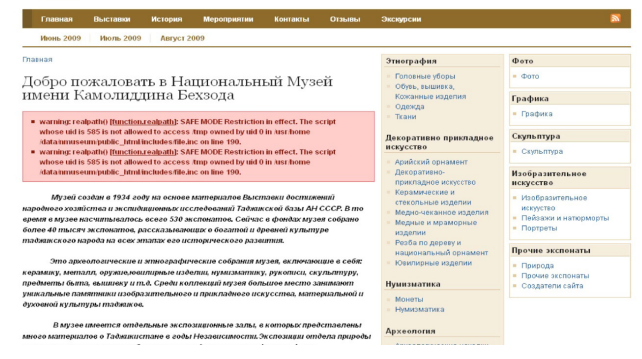
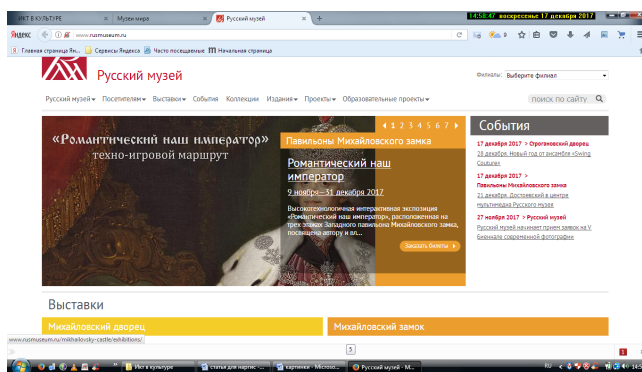
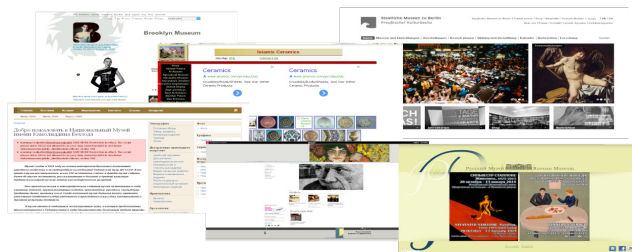

Рисунок 8 - Музеи мира

Рисунок 9 - Библиотеки мира

Конечно же, для виртуального посещения различных сайтов необходимо минимальное инфраструктурное оснащение - компьютерный класс с доступом в Интернет, где каждый студента имеет доступ к соответствующим

приложениям.

Кроме того, в разработанном нами ЭОР будущим специалистам в области культуры предлагается широкий спектр учебных и информационных ресурсов, сайтов международных организаций. «Для работы с ЭОР могут использоваться браузеры, где система программирования позволяет обращаться к ресурсам сети Интернет, что интегрирует сетевые и локальные ресурсы, значительно расширяя возможности педагогического процесса» [2, с. 138; 13] (рис. 10).

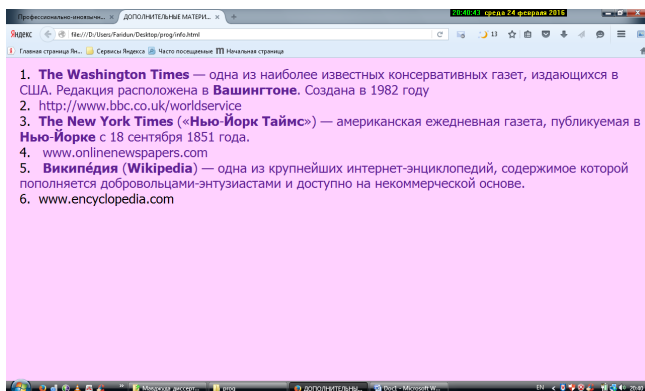

Рисунок 10 - Дополнительные ресурсы сети Интернет

Чтобы открыть интересующий нас ресурс и выйти на тот или иной сайт надо кликнуть «мышкой».

Аналогичные разработки будут полезны для будущих специалистов любого направления, а Интернет-ресурсы должны соответствовать специальности студентов. Например, у студентов направления истории ЭОР будет содержать исторические сайты, у студентов направления юриспруденции сайты, связанные с юридической деятельностью. У студентов направления культурологии ЭОР содержит информацию об искусстве и культуре. Будущим специалистам предоставляется уникальная возможность виртуально посетить библиотеки мира, где они смогут почитать интересные книги, познакомиться с культурой и обычаями разных народностей, а также студенты смогут посмотреть любое из семи чудес света или, к примеру, посетить Эрмитаж, Лувр и т.д.

Поэтому мы приходим к выводу, что если интегрировать ресурсы сети Интернет в педагогический процесс, то мы добьемся его оптимизации и сможем решить многие дидактические задачи, такие как овладение культуроведческими и страноведческими знаниями, формирование мотивации студентов к познавательной деятельности.

Современный педагог должен владеть компетентностью, позволяющей ему уметь в учебно-воспитательном процессе проектировать и использовать ЭОР, так как по сравнению с традиционными образовательными средствами существует ряд преимуществ, в числе которых не только удобное их использование, но и «возможность моделирования учебных ситуаций, воздействие на органы чувств студентов, усиление аудиовизуальных эффектов, увеличение информационных и исследовательско-поисковых возможностей» [9, с. 19]. Информационная среда является одной из наиболее важных условий, определяющей характер подготовки будущих специалистов к профессиональной деятельности [14-20].

Для разработки качественного ЭОР современному преподавателю необходимо иметь четкое представление о технологиях его разработки, а также о возможностях программных и технических средств, обеспечивающих их создание. Кроме того, отметим, что не менее сложным является и отбор содержания ЭОР. Это актуальная и многоаспектная проблема.

Помимо учебных пособий и учебников имеется не-

обходимость «разрабатывать средства информатизации педагогического процесса, нацеленные на системное использование компьютерной техники, что усложняет решение проблем отбора содержания образования» [10, с. 203].

«Спроектированные ЭОР позволяют расширить поле информационных источников, используемых преподавателем на этапе отбора содержания, что будет способствовать удовлетворению информационно-образовательных потребностей учащихся» [9, с. 67].

Электронные образовательные ресурсы дают возможность разумно организовывать учебно-познавательную деятельность студентов, делают обучение более эффективным, обеспечивают индивидуализацию обучения, дают возможность обращаться к новым познавательным средствам, оптимизировать учебно-воспитательный процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гусейнова Т.В., Рахманова М.Д. Использование инновационных технологий при формировании профессионально-коммуникативной компетентности студентов на иностранном языке // Вестник Таджикского национального университета. - Душанбе, 2015. - № 3/8 (182). - С. 144-150.
2. Рахманова М.Д. Инновационные технологии формирования профессионально-коммуникативной компетентности студентов при обучении английскому языку: Дисс... к. п. н. - Душанбе, 2016. - 180 с.
3. Патяева Н.В. Формирование профессионально-иноязычной компетентности студентов инженерно-строительных специальностей в контекстном обучении: Дисс... к. п. н. - Нижний Новгород, 2007. - 202 с.
4. Михайлова Е.Б. Формирование профессионально-иноязычной компетентности студентов инженерных специальностей в условиях информатизации образования // Вестник РУДН. Серия «Информатизация образования». - М., 2010. - № 3. - С. 13-20.
5. Толковый словарь терминов понятийного аппарата информатизации образования. - М.: ИИО РАО, 2009. - 96 с.
6. Бовтенко М.А. Компьютерная лингводидактика: Учебное пособие для вузов (для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов). - М.: Флинта: Наука, 2005. - 215 с.
7. Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Современные учебные Интернет-ресурсы в обучении иностранному языку // Иностранные языки в школе. - 2008. - № 6. - С. 2-9.
8. Stanley G. Blogging for ELT // <http://www.teachingenglish.org.uk/think/resources/blogging.shtml>.
9. Карбозова Ж.Ж. Подготовка будущих учителей к проектированию электронных образовательных ресурсов: Дисс... к. п. н. - Душанбе, 2017. - 150 с.
10. Карбозова Ж.Ж., Петрусевич А.А. Развитие умений студентов педагогических вузов проектировать электронные образовательные ресурсы // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 122-125.
11. Макаров С.И., Севастьянова С.А., Уфимцева Л.И. Когнитивная коррекция в вузе на основе использования электронных образовательных ресурсов // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 234-238.
12. Ботя М.В. Опыт организации процесса обучения графическим дисциплинам с применением электронных образовательных ресурсов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 21-24.
13. Шарипов Ф.Ф. Системный подход к информатизации педагогического процесса в вузе - доминанта формирования профессиональных компетентностей студентов: Дисс... д. п. н. - Душанбе, 2013. - 409 с.
14. Аниськин В.Н. Технологическая подготовка педагога в холистичной информационно-образовательной среде вуза // Поволжский педагогический вестник.

2013. № 1. С. 66-75.

15. Стадников М.Д. моделирование интегрированной информационной среды для формирования профессиональной Компетентности специалистов по технической защите информации // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 241-245.

16. Анишкин В.Н., Горбатов С.В., Добудько А.В., Добудько Т.В. Контроль и педагогическая оценка в условиях современной электронной информационно-образовательной среды вуза // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 36-40.

17. Симонова И.Н., Варникова О.В. Информационно-экологическая образовательная среда технического вуза // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2014. Т. 2. № 2 (18). С. 81-87.

18. Гущина О.М., Аникина О.В. Информационно-образовательная среда формирования индивидуальной траектории подготовки студента // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 2 (11). С. 34-37.

19. Улендеева Н.И., Озерский С.В. Формирование информационно-аналитических умений будущих сотрудников пенитенциарных учреждений как фактор эффективного использования информационных технологий // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 128-131.

20. Колобова Е.А., Малецкий Р.В., Чигирева И.В., Полянская Н.А. Анализ информационных процессов подсистемы управления подготовкой научно-педагогических кадров в аспирантуре в составе информационной системы вуза // Вестник НГИЭИ. 2017. № 8 (75). С. 15-25.

Статья поступила в редакцию 17.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 347.232

ПРОБРАЗЫ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА И СМЕЖНЫЕ С НЕЙ ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

© 2018

Багавудинов Шамиль Гаджимагомедович, аспирант
Российский университет транспорта (МИИТ)

(127994, Россия, Москва, улица Образцова, 9, строение 9, e-mail: shoma.n@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются основания принудительного изъятия имущества, при этом уделяется особое внимание конфискации имущества и неприкосновенности собственности. Такое внимание к конфискации имущества связано с тем, что она как мера государственного принуждения широко используется во всем мире не только в уголовном праве, но и в административном, таможенном регулировании, а также в других отраслях законодательства. Ее существование, по мнению большинства экспертов, оправдано как с социальной, так и с правовой точек зрения, что подтверждается долгосрочным положительным опытом разных стран. Конфискация имущества может иметь различные социальные цели и правовое выражение в зависимости от того, в какой сфере регулирования общественных отношений и в качестве какого средства воздействия она применяется. Кроме того, в статье анализируются основания национализации, реквизиции, изъятия для государственных нужд, обращение в доход государства, а также даются их определения. Автор приходит к выводу, что право собственности, несмотря на то, что оно предполагает в качестве одного из существенных признаков невозможность для кого бы то ни было оказывать воздействие на имущество собственника помимо его воли, не является абсолютным: его ограничения допускаются, в частности, путем принудительного прекращения. Кроме того, автор полагает, что воля собственника в отношении принадлежащего ему имущества в некоторых случаях уступает государственной воле в отношении этого же имущества. В связи с чем, автор полагает, что при принудительном изъятии имущества законодателю следует не просто перечислить возможные случаи принудительного изъятия, а четко определить, кто и каким образом может «угрожать» воле собственника при осуществлении им правомочий владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему имуществом.

Ключевые слова: конфискация имущества, национализация, реквизиция, изъятие для государственных нужд, обращение в доход государства, право собственности, неприкосновенность собственности, владение, пользование, распоряжение имуществом, ограничение прав.

THE TYPES OF CONFISCATION OF PROPERTY AND ADJOINING GROUNDS FOR TERMINATION OF OWNERSHIP RIGHTS

© 2018

Bagaudinov Shamil Gadzhimagomedovich, postgraduate
Russian University of transport (MIIT)

(127994, Russia, Moscow, street Obratsova., 9, building 9, e-mail: shoma.n@mail.ru)

Abstract. The article deals with the grounds of compulsory seizure of property, with particular attention to the confiscation of property and inviolability of property. Such attention to the confiscation of property is due to the fact that it is widely used as a measure of state coercion throughout the world not only in criminal law but also in administrative, customs regulation, as well as in other areas of law. Its existence, according to most experts, is justified from both social and legal points of view, which is confirmed by long-term positive experience of different countries. Confiscation of property may have different social purposes and legal expression depending on the sphere of regulation of social relations and as a means of influence it is applied. In addition, the article analyzes the grounds of nationalization, requisition, seizure for state needs, appeal to the state income, as well as their definitions. The author comes to the conclusion that the property right, despite the fact that it assumes as one of the essential features of the impossibility for anyone to have an impact on the property of the owner in addition to his will, is not absolute: its restrictions are permitted, in particular, by forced termination. In addition, the author considers that the will of the owner with respect to the property belonging to him is in some cases inferior to the will of the state with respect to the same property. In this connection, the author believes that in case of forced seizure of property, the legislator should not simply list possible cases of forced seizure, but clearly determine who and how can “threaten” the will of the owner in the exercise of his powers to own, use and dispose of property belonging to him.

Keywords: confiscation of property, nationalization, requisition, seizure for state needs, appeal to the state income, property right, inviolability of property, possession, use, disposal of property, restriction of rights.

Сегодня основу конституционного строя любого государства составляют народовластие, признание и защита прав и свобод человека, политическое многообразие, признание и защита собственности.

В литературе наиболее распространено следующее определение понятия «право собственности» – это совокупность предусмотренных и охраняемых законом допустимых действий собственника по поводу принадлежащего ему имущества [7, с. 82]. Иными словами, возможности лица совершать по своему усмотрению (по своей воле) любые действия, не противоречащие действующему законодательству, касательно принадлежащего ему имущества, составляют его правомочия: владение, пользование и распоряжение. Владение – возможность иметь какое-либо имущество в собственности; пользование – возможность получать от пользования этим имуществом пользу (выгоду); распоряжение – возможность определять фактическую и юридическую судьбу этого имущества.

Признание права собственности как одного из естественных прав человека это событие, которое, является достижением юриспруденции. Закрепленный на законо-

дательном уровне во многих государствах принцип неприкосновенности собственности предполагает в идеале отсутствие какого-либо посягательства или «невозможность для кого бы то ни было оказывать воздействие на объект собственности помимо воли собственника» [3, с. 12].

В ст. 1 Протокола N 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года говорится об уважении собственности, а не об ее неприкосновенности. При этом содержание указанной статьи не позволяет сомневаться в том, что речь идет именно о неприкосновенности собственности. Данная статья, указывая на уважение собственности, признает, что никакое лицо не может быть лишено своей собственности «иначе как в интересах общества» и только на условиях, которые предусмотрены общими принципами международного права и законом.

Провозглашая право частной собственности, как одну из основ конституционного строя, Конституция РФ характеризует его как естественное, неотчуждаемое право человека, последовательно включая возможность обладания ею в число основных прав и свобод челове-

ка. Данное утверждение основано на положениях ч. 2 ст. 35 Конституции РФ, которое предусматривается, что каждое лицо вправе владеть собственностью, пользуясь и распоряжаясь ею «как единолично, так и совместно с другими лицами».

Следует особо отметить, что в ст. 35 Конституции РФ подчеркивается, что частная собственность не только признается, но и охраняется законом, а лишение частной собственности возможно только на основании решения суда. Что касается принудительного отчуждения имущества, то такое отчуждение возможно лишь для государственных нужд, и только при выполнении двух условий, а именно предварительного и равноценного его возмещения.

Гражданским законодательством (ст. 235 ГК) также предусмотрены положения о недопустимости принудительного изъятия имущества, кроме случаев прямо предусмотренных законом. При этом перечень оснований принудительного прекращения права собственности является закрытым, что позволяет говорить о том, что право частной собственности гарантируется государством, поскольку не допускается расширение оснований изъятия имущества даже иными федеральными законами.

Как представляется, под принудительными основаниями прекращения права собственности следует понимать предусмотренные законом поводы и обстоятельства, допускающие в качестве исключения принудительное изъятие имущества. Рассмотрим некоторые из них.

Конфискация имущества. Под конфискацией имущества понимают предусмотренное законом безвозмездное принудительное изъятие имущества в собственность государства, в том числе использованного или предназначенного для противоправной деятельности в качестве санкции за совершенное преступление, применяемой только по решению суда.

Являясь мерой государственного принуждения, конфискация не является видом наказания, она в отличие от наказания применяется в связи с совершением преступления, а не назначается за преступление, которое совершено. Поэтому конфискации подлежат имущество, как из собственности правонарушителя, так и из незаконного владения (например, добытое противоправным путем) [5, с. 27].

Еще одним отличием конфискации от наказания является то, что размер конфискации определяется не тяжестью совершенного преступления, а стоимостью имущества, полученного в результате совершенного преступления. При этом конфискации подлежат, в установленных законом случаях, не только имущество виновного лица, но и имущество иного физического лица или организации, принявших имущество, полученное незаконным путем, если такое лицо знало или должно было знать, что это имущество получено в результате преступных действий.

Так, в силу ст. 104.1 УК РФ под конфискацией имущества понимается принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора, имущества, полученного в результате совершения преступления, перечисленного в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. С другой стороны, конфискация имущества – одно из оснований прекращения права собственности.

В связи с указанным, возникает закономерный вопрос о правовой природе конфискации имущества. До настоящего времени современное законодательное регулирование не определило правовую природу конфискации. Представляется верной позиция Н.В. Вискова, который полагает, что институт конфискации является комплексным межотраслевым образованием, которое включает «в себя нормы гражданского, административного, уголовного, уголовно-... и гражданско-процессуального права» [2, с. 13].

В нынешнем виде конфискация имущества в значительной степени выступает, как средство борьбы с неос-

новательным обогащением, которое предназначено для лишения преступника имущественных и экономических выгод, полученных им в результате совершения преступления. Следует согласиться с Г.К. Мишиным, который отмечает, что, конфискация, являясь инструментом уголовной политики, применяется «в специфической сфере имущественных отношений, и как иная мера уголовно-правового характера связана с гражданским законодательством» [6, с. 4]. А включение конфискации в перечень принудительного изъятия имущества и вовсе предоставляет правоприменителю возможность широко применять конфискацию (ее прообразы) в гражданских правоотношениях, не преследуя цели наказания.

Национализация. Под национализацией понимается обращение имущества, являющегося частной собственностью физических и юридических лиц, в государственную собственность.

Следует отметить, что хотя термин «национализация» был введен в российское правовое пространство лишь в 1995 году, но как отмечает Ю.А. Дорофеева, институт принудительного изъятия имущества (производимого на основании закона) из частной собственности в государственную, был известен дореволюционному законодательству, который применял термин «экспроприация» [4, с. 59]. И хотя в настоящее время российский законодатель не решил вопрос о тождественности понятий «национализация» и «экспроприация», представляется, что данные понятия объединяет то, что производится принудительное отчуждение имущества, вследствие которого прекращается право собственности лица.

Причины национализации определяются государственными интересом, проводимыми экономическими реформами, обеспечением обороноспособности и безопасности государства и т.д., в любом случае эти причины никак не зависят от воли собственника.

Применение института национализации возможно только на основании специального закона с равноценным возмещением стоимости национализированного имущества. Однако в России специальный закон о национализации еще не принят. Следовательно, до принятия указанного закона национализация в России в принципе невозможна. С другой стороны, за последние пятнадцать лет были предприняты несколько попыток принять закон о национализации в различных его вариантах, но все законопроекты были отклонены законодателем как не отвечающие задачам модернизации отечественной экономики.

Реквизиция. Реквизиция представляет собой принудительное изъятие имущества, применяемое в силу государственной (общественной) необходимости, которая связана с форс-мажорными обстоятельствами (стихийными бедствиями, эпидемией, авариями, военными действиями и т.д.). В случае реквизиции собственнику выплачивается стоимость реквизируемого имущества.

Легальное определение «реквизиции» отечественный законодатель впервые дал в ст. 2 Декрета СНК РСФСР «О реквизициях и конфискациях» от 1 апреля 1920 года, под которой понималось принудительное отчуждение или временное изъятие государством имущества, находящегося во владении отдельных лиц или обществ, за плату, определяемую властями. Соответственно реквизиция могла быть осуществлена в двух формах:

- принудительного отчуждения (в этом случае реквизируемое имущество было передано в собственность РСФСР);

- временного изъятия (в этом случае имущество было передано только в распоряжение государства и впоследствии подлежало возврату).

В то же время, независимо от формы реквизиции (изъятия или распоряжения имуществом), была предусмотрена оплата за реквизируемое имущество.

В настоящее время реквизиция применяется при чрезвычайных обстоятельствах для реализации государственных интересов, а также целей обеспечения спа-

сения людей. К примеру, в целях спасения людей может быть реквизирована моторная лодка [1] либо иное транспортное средство.

Для реквизиции необходимо наличие следующих условий:

- она должна являться вынужденной мерой, применение которой вызвано необходимостью ликвидации возникшей чрезвычайной ситуации;

- решение о реквизиции должно быть принято уполномоченным органом, например, в виде специального постановления федеральных органов власти. Данное решение выносится в условиях действия чрезвычайных мер, например, таких как обеспечение обороны и государственной безопасности, общественного порядка и т.п.;

- при реквизиции должны строго соблюдаться порядок и условия, установленные законодательством;

- при реквизиции обязательна выплата стоимости реквизируемого имущества. Стоимость реквизируемого имущества, как правило, определяется в соответствии с Федеральным законом от 29.07.1998 N 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», а также может быть определена непосредственно государством либо по соглашению с собственником.

Следует отметить, что собственник реквизируемого имущества, в не зависимости у него наличия права на возмещение стоимости такого имущества, наделен гарантией возврата реквизируемого имущества, которую он может реализовать только при одновременном наличии следующих условий:

- действие форс-мажорных обстоятельств должно быть прекращено (например, прекращение природного катаклизма);

- подача искового заявления в суд, с просьбой возврата реквизируемого имущества;

- реквизируемое имущество должно быть сохранено в натуре.

Таким образом, следует четко разграничивать конфискацию имущества и реквизицию. Применение реквизиции всегда связано не с совершенным преступлением, а с крайней необходимостью, которая возникает либо в связи с чрезвычайной ситуацией (с целью предупреждения более тяжких последствий, чем те, которые уже наступили (или могут наступить) в результате стихийных бедствий, эпидемий и иных чрезвычайных обстоятельств), либо с необходимостью обеспечения правопорядка и общественной безопасности. Таким образом, реквизиция не является санкцией за совершенное преступление и, следовательно, не преследует цели наказания. Более того, при реквизиции осуществляется выплата стоимости реквизируемого имущества.

Изъятие для государственных нужд. Под изъятием для государственных нужд понимают принудительное возмездное изъятие имущества для потребности государства. Такими потребностями, например, могут быть: международные обязательства РФ, строительство объектов государственного значения в области атомной энергии, обороны и безопасности государства, транспорта, связи и т.д.

Под государственными нуждами понимаются потребности государства, удовлетворение которых направлено на достижение интересов общества, которые не могут быть реализованы без изъятия частной собственности. Соответственно, принудительное изъятие не может быть осуществлено в интересах других частных лиц, деятельность которых косвенно служит общественным интересам. Решение об изъятии имущества для государственных нужд может быть принято только в исключительных случаях, и только для достижения общественно полезной цели, реализовать которую невозможно без вмешательства государственных органов власти в частные интересы.

В последнее время актуальна тема изъятия земли для государственных нужд, в связи с размещением спор-

тивных объектов. Например, на территориях субъектов Российской Федерации, где будут проводиться матчи Чемпионата мира ФИФА-2018, разрешается изымать земельные участки и (или) находящиеся на них недвижимое имущество, а также другое имущество для размещения объектов инфраструктуры (стадионов и тренировочных баз). Аналогичное изъятие земли для государственных нужд было применено в связи с размещением спортивных олимпийских объектов в Сочи и Кубка конфедераций ФИФА 2017 года.

Обращение в доход государства. Под обращением в доход государства понимают безвозмездное принудительное изъятие имущества в доход государства. В основном этот способ принудительного прекращения права собственности применяется в рамках борьбы с коррупцией и является центральным звеном антикоррупционной политики.

Собственно, такое основание прекращения права собственности находит свое отражение, в ст. 17 Федерального закона от 03.12.2012 N 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Там, в частности, говорится, что органы прокуратуры обращаются в суд с заявлением об обращении в доход государства земельных участков, иных объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, которые были приобретены на незаконные или сомнительные деньги.

Указанный закон распространяется на определенную категорию лиц, которые в соответствии с действующим законодательством обязаны декларировать сведения о своих доходах и расходах (государственные и муниципальные служащие, лица, замещающие руководящие должности в государственных корпорациях, депутаты, судьи и т.д.) и имеет своей целью недопущение незаконного обогащения указанных лиц в связи с занимаемыми ими должностями и выполнением ими своих служебных обязанностей.

В связи с этим обращение в доход государства не может применяться в отношении имущества граждан и юридических лиц, даже если оно приобретено на незаконные деньги. В этом случае, возможно, то самое «широкое» применение конфискации имущества, которое было рассмотрено нами ранее.

Подводя **итог** сказанному, заметим, что право собственности, несмотря на то, что оно предполагает в качестве одного из существенных признаков невозможность для кого бы то ни было оказывать воздействие на имущество собственника помимо его воли, не является абсолютным: его ограничения допускаются, в частности, путем принудительного прекращения. Воля собственника в отношении принадлежащего ему имущества в некоторых случаях уступает государственной воле в отношении этого же имущества. При этом государственная воля должна учитывать, что принудительное прекращение права собственности возможно только в тех случаях, когда это либо предусмотрено специальным законом, предусматривающий подробный процедурный порядок изъятия имущества (конфискация, национализация, обращение в доход государства), либо собственнику должно быть предоставлено предварительное и равноценное возмещение (реквизиция, изъятие для государственных нужд).

При этом должно учитываться положение ч. 3 ст. 35 Конституции, где прямо указывается на то, что никто не может быть лишен имущества иначе, чем по решению суда. Соответственно без судебного решения недопустима ни конфискация, ни иные схожие с ней принудительные основания прекращения права собственности. Здесь следует подчеркнуть, что при несоблюдении этих принципов возможно нарушение баланса частных и публичных интересов, которые, как правило, могут друг другу противоречить. Следует помнить, что в силу принципа неприкосновенности собственности произ-

вольное вмешательство органов государственной власти и местного самоуправления в отношении собственности под лозунгом обеспечения приоритета публичных интересов недопустимо. Потому при принудительном изъятии имущества законодателю следовало бы не просто перечислить возможные случаи принудительного изъятия, а четко определить, кто и каким образом может «угрожать» воле собственника при осуществлении им правомочий владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему имуществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Агешкина Н.А., Баринов Н.А., Бевзюк Е.А., Беляев М.А., Бельянская А.Б., Бирюкова Т.А., Вахрушева Ю.Н. и др. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994г. №51-ФЗ (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2016.

2. Висков Н.В. Специальная конфискация: юридическая природа, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения исполнения: Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. Самара, 2006. С.20.

3. Гайдук А.С. Гражданско-правовой принцип неприкосновенности собственности: Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд.юрид.наук. Рязань.2003. С.26.

4. Дорофеева Ю.А. Национализация и экспроприация как основание принудительного прекращения права частной собственности государством // Власть Закона. 2016. №2. С. 59-73

5. Кузнецова О.А., Степанов В.В. Межотраслевая правовая природа конфискации имущества // Журнал российского права. 2018. №2. С.27-37.

6. Мишин Г.К. Возвращение конфискации имущества в Уголовный кодекс России // Монитор. 2007. №3 (8). С.4-5.

7. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб., 2005. С. 824

Статья поступила в редакцию 09.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

© 2018

Валуйсков Николай Викторович, кандидат юридических наук, доцент
Бондаренко Любовь Викторовна, кандидат экономических наук
Арутюнян Ани Давидовна, ассистент

*Донской государственной технической университет (Институт сферы
обслуживания и предпринимательства филиал, г.Шахты)
(346500, Россия, Шахты, ул. Шевченко, 147, e-mail: ya.ani18@yandex.ru)*

Аннотация. Динамические процессы, которые происходят в жизни общества, развитие правовой культуры и правопорядка, выступающего как важный стабилизирующий фактор развития правовой культуры в обществе, развитие законности как важнейшего приоритета государства, представляют собой плодотворную среду, которая требует разработки адекватных моделей для развития государственных институтов в различных сферах управления. Сфера юстиции не является исключением и должна пониматься более широко, чем только отправлением правосудия. Эта область включает действия государственных органов по защите прав и свобод человека и гражданина и, следовательно, обеспечивает верховенство закона. Это касается и ювенальной юстиции. В последние время в России проблема возрождения ювенальной юстиции приобрела особое значение, поскольку необходим поиск мер, которые были бы направлены на улучшение обстановки в подростковой среде. В то же время научным сообществом ювенальная юстиция рассматривается как в узком, так и широком смысле. В узком смысле ювенальную юстицию рассматривают лишь как систему правосудия для несовершеннолетних в качестве обязательного элемента судебной системы, в широком смысле, как юстицию – систему, призванную целостно влиять и воздействовать на несовершеннолетних правонарушителей. В связи с указанным, представляется целесообразным исследовать историю развития ювенальной юстиции для более глубокого осмысления значения и функций ювенальной юстиции, которая должна способствовать улучшению обстановки в подростковой среде. На основании историко-правового анализа, проведенного в настоящей статье, сделан вывод, что ювенальная юстиция должна стать особым направлением социальной политики в отношении несовершеннолетних, которое следует реализовать не только, как отправлением правосудия по делам с участием несовершеннолетних правонарушителей, но и осуществлять профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В данном процессе должен участвовать не только суд, являющийся ключевой фигурой по координации исследованной деятельности, но и различные социальные органы и организации, осуществляющие профилактику детской безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, правонарушение несовершеннолетних, подростковая среда, историко-правовой анализ, законность, отправление правосудия, социальная политика.

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF JUVENILE JUSTICE

© 2018

Valuyskov Nicolay Viktorovich, candidate of juridical sciences, associate professor
Bondarenko Lyubov Viktorovna, candidate of economic sciences
Arutiunian Ani Davidovna, assistant

*Don State Technical University (Institute of service sector and entrepreneurship branch, Shakhty)
(346500, Russia, Shakhty, Shevchenko st., 147, e-mail: ya.ani18@yandex.ru)*

Abstract. The dynamic processes that take place in society, the development of legal culture and law and order, which act as an important stabilizing factor in the development of legal culture in society, the development of the rule of law as an important priority of the state, represent a fruitful environment that requires the development of adequate models for the development of state institutions in various spheres of governance. The field of justice is no exception and should be understood more broadly than the administration of justice. This area includes the actions of state bodies to protect human and civil rights and freedoms and, therefore, ensures the rule of law. This also applies to juvenile justice. In recent years, the problem of the revival of juvenile justice in Russia has become particularly important, since it is necessary to search for measures that would be aimed at improving the situation in the adolescent environment. At the same time, the scientific community considers juvenile justice both narrowly and broadly. In a narrow sense, juvenile justice is seen only as a juvenile justice system as a compulsory element of the judicial system. In a broad sense, as the justice system – a system designed holistically to influence and impact young offenders. In this regard, it seems appropriate to study the history of juvenile justice for a deeper understanding of the meaning and functions of juvenile justice, which should contribute to improving the situation in the adolescent environment. On the basis of historical and legal analysis in this article concludes that juvenile justice must become a special area of social policy in relation to minors, which should be implemented not only as the administration of justice in cases involving juvenile offenders, but also to make the prevention of child neglect and juvenile delinquency. This process should involve not only the court, which is a key figure in coordinating the studied activities, but also various social bodies and organizations engaged in the prevention of child neglect and juvenile delinquency.

Keywords: juvenile justice, delinquency of minors, teenage environment, historical and legal analysis law, justice, social policy.

Современная демографическая ситуация сложившаяся в России в значительной степени обусловлена происходящими социально-экономическими процессами. Численность населения продолжает сокращаться, а население страны в целом «стареть». Но при этом «молодеет» преступность, продолжается рост количества беспризорных и безнадзорных детей. Все это происходит на фоне кризиса семьи, который для России не нов (в годы разрухи после Октябрьской революции и гражданской войны институт семьи испытывал серьезные потрясения, но и тогда он продолжал выполнять свои социальные функции). Кроме того, прослеживается недостаточная эффективность работы госорганов, которые

ответственны за решение социальных проблем детей, проблем связанных с жестоким с ними обращением, нарушением прав и законных интересов ребенка.

В настоящее время основной задачей стоящей перед государством, и как представляется, для общественности тоже, является обеспечение надлежащего осуществления защиты не только прав и свобод отдельного человека и гражданина, но в первую очередь надлежащая защита прав и законных интересов детей. Ювенальная юстиция представляется именно той сферой, в которой возможно и необходимо не только эффективным образом использовать механизмы восстановительной юстиции, но и корректировать психологическое разви-

тие подростка, совершившего правонарушение, а также способствовать формированию личности ребенка, а это является важнейшим фактором формирования современного общества.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть историю становления и развития ювенальной юстиции, что позволит более глубоко осмыслить предназначение и функции ювенальной юстиции.

В последней трети XIX в. возникло международное движение общественных организаций, адвокатов, просвещенной интеллигенции, которые выступали за особое положение ребенка в уголовном процессе, а также за применение к ним мер воспитательного, а не карательного характера. Мировое сообщество осознало необходимость реформирования правосудия в части отношения к несовершеннолетним [11, с.15]. Данное движение способствовало тому, чтобы общественность и государство обратили свое внимание на проблему, связанную с беспризорностью, заброшенностью детей, отсутствие должного воспитания и ухода, а также на детей, совершивших правонарушения.

В результате в России появился Закон от 2 июня 1897 г. [1], которым были внесены изменения и дополнения в уголовное законодательство, касающиеся изменений «форм и обрядов судопроизводства» по делам с участием несовершеннолетних. Такие изменения, например, были внесены в «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» [2], «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» [3], «Устав уголовного судопроизводства» [4], «Учреждение судебных установлений» [5]. Данный Закон позволил существенно изменить институт уголовной ответственности несовершеннолетних, дифференцировал для них санкции по возрастным группам, усматривал необходимость установления подростков под надзор третьих лиц, не же ли применение карательной меры и т.д. И хотя данный Закон критикуется современниками [8, С. 383], он стал серьезной основой для формирования ювенальной юстиции не только в России, но и в мире.

Только спустя два года после принятия указанного российского закона в США (в 1899 г.) появляется ювенальная юстиция, ознаменовавшаяся созданием в Чикаго первого суда, который начал специализироваться на делах несовершеннолетних. Правовой акт, которым был создан данный суд, прежде всего, был направлен на спасение детей, которые оказались «в опасной для их жизни и здоровья обстановке», а несовершеннолетние в нем рассматривались, как жертвы сложившихся негативных условий, а не как преступники, что повлияло на развитие ювенальной юстиции первостепенная функция, которое стала охранительная [9, с.15].

В дальнейшем ювенальная юстиция образуется в Великобритании (1908 г.), во Франции (1914 г.), специализированные суды создаются в Бельгии, Нидерландах, Венгрии, Австралии и в других странах.

Создание ювенальной юстиции в России ознаменовалось появлением в 1910 году первого специализированного суда по делам несовершеннолетних, который был образован в Санкт-Петербурге. При этом изначально функции ювенального суда были возложены на мировой суд, в котором дела о преступлениях малолетних, а также о взрослых подстрекателях, судьей рассматривались единолично. Кроме того, в функции судьи входило осуществление надзора за работой учреждений, которые занимались попечением и содержанием подростков, совершивших правонарушение. Судебное разбирательство происходило в закрытом заседании, а сам процесс являл собой официальную беседу судьи с несовершеннолетним. Формальная процедура по разрешению таких дел не предусматривалась.

Суд был ориентирован на индивидуальный подход к несовершеннолетним, выполнял охранительные задачи правосудия, применяя преимущественно не карательные меры воздействия на несовершеннолетних. Как

правило, основная мера воздействия на подростка было его помещение под попечительский надзор. При этом была создана система организации попечения над подростками, а сам суд являл собой своеобразный институт социального попечения.

Попечители отвечали за надзор за несовершеннолетним, который производился по указанию судьи. Попечитель собрал для суда информацию, связанную с условиями жизни подростка, о его семье, причинах, которые привели несовершеннолетнего к преступлению, и предоставлял судье систематические отчеты. Это производилось с целью, оказания помощи несовершеннолетнему, чтобы суд имел возможность принять соответствующие меры по защите ребенка от негативных влияний и факторов. Попечитель также помогал в трудоустройстве или учебе и т.д. Попечение над несовершеннолетними возлагалось на лиц заслуживающих доверия. По модели Санкт-Петербургского суда по делам несовершеннолетних в дальнейшем были созданы суды в Москве, Одессе, Саратове и других городах. Создание данных судов сформировало особую форму юстиции для несовершеннолетних.

Однако с принятием советской властью Декрет «О комиссиях для несовершеннолетних» [6], ювенальная юстиция была упразднена, однако это лишь повысило актуальность проблемы, связанной с несовершеннолетними правонарушителями. На смену ювенальной юстиции пришли комиссии по делам несовершеннолетних, являющиеся административными органами, которые были введены повсеместно на всей территории РСФСР. Центральная комиссия по делам несовершеннолетних координировала работу на местах. Следует особо отметить, что в созданные комиссии не входили профессиональные судьи. В целом эти комиссии состояли из представителей комиссариатов (просвещения, призрения и юстиции). В соответствии с инструкциями комиссии по делам несовершеннолетних решался вопрос о передаче дела в суд, дела же о правонарушениях несовершеннолетних рассматривались судами общей юрисдикции.

В настоящее время Россия, безусловно, воспринимает международные стандарты и рекомендации в области правосудия для несовершеннолетних, что должно способствовать созданию ювенальной юстиции на современном этапе развития общества.

Кроме того, как верно замечает Н.В. Валуйсков в работе «Гуманистические тенденции развития ювенальной юстиции», «возникает потребность, в рамках ювенальной юстиции, в создании комплекса мер, которые были бы направлены, не только на защиту свобод и прав несовершеннолетних, совершивших правонарушение, но включали бы в себя иные мероприятия по социализации и политико-правовому воспитанию личности несовершеннолетнего». Далее автор отмечает, что «в комплекс мер должен реализовываться не только правоведами (юристами), но также педагогическим сообществом, медиками, которые должны вести просветительную работу среди несовершеннолетних правонарушителей, поскольку формирование их личности, нельзя рассматривать вне среды, в которой они развивались и воспитывались» [7].

Таким образом, на основании историко-правового анализа, проведенного в настоящей статье, следует сделать вывод, что ювенальная юстиция должна стать особым направлением социальной политики в отношении несовершеннолетних, которое следует реализовать не только, как отправление правосудия по делам с участием несовершеннолетних правонарушителей, но и осуществлять профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В данном процессе должен участвовать не только суд, являющийся ключевой фигурой по координации исследованной деятельности, но и различные социальные органы и организации, осуществляющие профилактику детской безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Закон от 2 июня 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказуемости» // Полное собрание законодательства. Собрание третье. Т. XVII. 1897. СПб., 1900.
2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. (ст. 17) // Свод законов Российской Империи. Т. XV. СПб., 1900. С. 2
3. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // ПСЗ. Собрание 2. Т. XXXIX. N 41478.
4. Устав уголовного судопроизводства. Свод законов. Изд. 1892 г., по продолжению 1906 года). СПб., 1908. Т. XVI. Ч. 1.
5. Учреждение судебных установлений. С.-Петербург, 1867. 620 с.
6. Декрет СНК РСФСР «О комиссиях для несовершеннолетних» от 14 января 1918 г. // Собрание Уложений РСФСР. 1918. N 16.
7. Валуйсков Н.В. «Гуманистические тенденции развития ювенальной юстиции»//
8. Заменгоф М.К. Меры пресечения и наказания, применяемые к юным преступникам // Дети-преступники / Под ред. М.Н. Гернета. С. 411.
9. Мельникова Э.Б. Восстановительный аспект правосудия по делам о несовершеннолетних // Восстановительное правосудие / Под общ. ред. И.Л. Петрухина. М., 2003. С. 194.
10. Гарасова Е.П. Детские суды за границей // Дети-преступники / Под ред. М.Н. Гернета. С. 482.
11. Heinz W. Diversion im Jugendstrafverfahren und allgemeinen Strafrecht. Teil 2 // DVJJ. 1999. N 1.

Статья поступила в редакцию 08.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 343.1

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

© 2018

Валуисков Николай Викторович, кандидат юридических наук, доцент
*Донской государственной технической университет (Институт сферы
обслуживания и предпринимательства филиал, г. Шахты)*
(346500, Россия, Шахты, ул. Шевченко, 147, e-mail: valuiskov58@mail.ru)

Аннотация. В России, продолжающиеся процессы интеграции и глобализации международных отношений, создали оптимальные условия для создания международно-правовых стандартов в сфере прав человека. Происходящее судебно-правовое реформирование подтверждает то, что Россия является приверженцем идей не только правового государства основанного на верховенстве права, но и на первостепенной значимости субъективных прав личности, ее свобод, а также гарантий осуществления правосудия и гарантий защиты интересов, прав и свобод личности. Вступление России в Совет Европы положительно сказалось на повышении уровня правовой осведомленности общества, что привело к признанию особой важности эффективного осуществления прав человека, включая несовершеннолетних лиц. В настоящее время мировым сообществом признаны тенденции, связанные с поиском альтернатив уголовным наказаниям карательного типа, а также направленных на восстановление справедливости и развитие ювенальной юстиции. Это особенно важно в отношении к несовершеннолетним, для защиты их прав и законных интересов. В статье рассматривается необходимость создания в России системы правосудия в отношении несовершеннолетних, в которой должны быть заложены основы, как для защиты их интересов, так и для воспитания и социализации несовершеннолетних, а также для противодействия преступности среди несовершеннолетних. В результате сделан вывод о том, что создание в государствах ювенальной юстиции всегда указывало на победу гуманистических тенденций в правовой теории и практической юриспруденции. Создание ювенальной юстиции в России позволит установить не только систему социального контроля, а также будет способствовать созданию гражданского общества направленного на сокращение конфликтных ситуаций, воспитание миролюбия, и более того, позволит сформировать у несовершеннолетнего политико-правовую культуру, которая является одним из важных факторов в формировании современного общества.

Ключевые слова: несовершеннолетний, ювенальная юстиция, криминальное поведение несовершеннолетних, преступная деятельность, формирование правовой культуры, система правосудия, воспитания и социализации несовершеннолетних, формирование личности.

THE HUMANISTIC TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF JUVENILE JUSTICE

© 2018

Valuyskov Nicolay Viktorovich, candidate of juridical sciences, associate professor
Don State Technical University (Institute of service sector and entrepreneurship branch, Shakhty)
(346500, Russia, Shakhty, Shevchenko st., 147, e-mail: valuiskov58@mail.ru)

Abstract. In Russia, the ongoing processes of integration and globalization of international relations have created optimal conditions for the creation of international legal standards in the field of human rights. The ongoing judicial reform confirms that Russia is committed to the idea of not only a state based on the rule of law, but also on the paramount importance of the subjective rights of the individual, her freedoms, as well as guarantees of justice and guarantees for the protection of interests, rights and freedoms of the individual. Russia's accession to the Council of Europe has had a positive impact on raising the level of legal awareness in society, which has led to the recognition of the special importance of the effective implementation of human rights, including for minors. At present, the international community recognizes trends related to the search for alternatives to punitive criminal sanctions, as well as those aimed at restoring justice and developing juvenile justice. This is especially important in relation to minors, to protect their rights and legitimate interests. The article discusses the need to create a juvenile justice system in Russia, which should lay the foundations for both protecting their interests and for the education and socialization of minors, as well as for combating juvenile delinquency. As a result, it is concluded that the creation of juvenile justice in the States has always pointed to the victory of humanistic tendencies in the legal theory and practical jurisprudence. The creation of juvenile justice in Russia will allow to establish not only a system of social control, as well as to promote the creation of civil society aimed at reducing conflict situations, nurturing peace, and more, will form the minor political and legal culture, which is one of the important factors in the formation of modern society.

Keywords: juvenile, juvenile justice, criminal behavior of minors, criminal activity, formation of legal culture, justice system, education and socialization of minors, the formation of personality.

Тема статьи представляется актуальной в связи с тем, что, несмотря на сокращение числа лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, число преступлений в этой области вызывает озабоченность, а применяемых ОВД мер явно недостаточно, поскольку состояние и динамика преступности среди несовершеннолетних позволяют говорить о том, что в подростковой среде негативные процессы продолжают развиваться.

Более того, сегодня подростки составляют самую криминально активную часть населения страны. Вызывает озабоченность преступная деятельность детей, которые часто используются взрослыми преступниками для совершения преступлений.

Существует необходимость в принципиальном изменении парадигмы реагирования на криминальное поведение несовершеннолетних и создание специализированной системы правосудия по делам несовершеннолетних.

При этом ювенальная юстиция не должна ограничиваться только рассмотрением и разрешением дел отне-

сенных к ее компетенции по отправлению правосудия. С учетом международных стандартов, которые устанавливают особые правила к отправлению правосудия по делам с участием несовершеннолетних, российский законодатель должен предусмотреть соответствующее нормативно-правовое регулирование в целях обеспечения гуманистического подхода к несовершеннолетним правонарушителям.

Основным стержнем, определяющим ювенальную юстицию должен являться принцип гуманизма, поскольку формирование личности ребенка, как правило, происходит в процессе его социальной жизни. Соответственно, человек не рождается с уже сформировавшейся личностью, присущей именно этому человеку, а становится таковой в результате его нравственного, политического и правового воспитания и становления.

Кроме того, должна быть создана атмосфера дружелюбного к ребенку правосудия, основанная на уважении личности и достоинства ребенка, общедоступности, подходах соответствующих его возрасту и развитию, а

также учитывающая социальную среду, в которой рос и формировался ребенок как личность.

Основными принципами ювенальной юстиции, помимо гуманизма, должен стать принцип индивидуализации, которым, кстати сказать, руководствовались ювенальные суды российской империи, поскольку личность ребенка является воплощением его уникальных и индивидуальных особенностей, в которых отражается его хотя и небольшой, но жизненный путь.

Индивидуальность подростка обуславливается конкретными условиями, в которых он прибывает, отношениями в семье (если таковая имеется), бытом и иными отношениями и связями. Поэтому и подход к его персоне, учитывая его малолетний возраст, должен быть гуманным и индивидуальным.

В применяемых мерах должны быть заложены основы, как для защиты их интересов, так и для воспитания и социализации несовершеннолетних, а также для противодействия преступности несовершеннолетних.

Ведь гуманизм, в первую очередь, состоит в том, что, применяя меры воздействия на человека, совершившего правонарушение, он направлен на то, чтобы предостеречь от совершения преступления, предупредить само преступление, удерживая от его совершения и, следовательно, избавить подростка от кары, которая является элементом наказания.

Государственная политика в отношении несовершеннолетних правонарушителей должна соответствовать принципам: гуманизма и социальной справедливости; иметь комплексный подход; выделять профилактическую работу в подростковой среде, как приоритетную; воздействие на малолетнего правонарушителя должно быть дифференцированным и иметь соответствующие альтернативы наказанию несовершеннолетних правонарушителей.

Возникает потребность, в рамках ювенальной юстиции, в создании комплекса мер, которые были бы направлены, не только на защиту свобод и прав несовершеннолетних, совершивших правонарушение, но включали бы в себя иные мероприятия по социализации и политико-правовому воспитанию личности несовершеннолетнего. При этом данных комплекс мер должен реализовываться не только правоведами (юристами), но также педагогическим сообществом, медиками, которые должны вести просветительную работу среди несовершеннолетних правонарушителей, поскольку формирование их личности, нельзя рассматривать вне среды, в которой они развивались и воспитывались.

Ювенальная юстиция это совершенно иной подход к несовершеннолетнему правонарушителю, чем к взрослому преступнику, иная реакция на его правонарушение.

В ювенальной юстиции, как система правосудия должна использовать не только защитные и карательные функции, но и просветительные, воспитательные и восстановительные функции.

Представляется, что в рамках ювенальной юстиции, под ее четким патронажем, должны быть созданы психологические центры для подростков, попавших в непростую жизненную ситуацию. Кроме того, следует обратиться к опыту имперской России, когда в функции ювенальной юстиции входило осуществление надзора за работой учреждений, которые занимались попечением и содержанием подростков, совершивших правонарушение, а сам суд являл собой своеобразный институт социального попечения.

Представляется, что на современном этапе, следует воспринять, то лучшее, что дал нам исторический опыт в сфере ювенальной юстиции. Поэтому ювенальные суды, с учетом веяний современного общества, следует наделить ювенальные суды функциями по надзору за соответствующими учреждениями, занимающимися содержанием подростков, совершивших правонарушение.

Ранее автором настоящей статьи указывалось, что

помимо мер воспитательного воздействия следует в большей мере использовать профилактические меры, связанные с борьбой против правонарушений несовершеннолетних. На данном поприще немаловажную роль должны играть граждане и их объединения [1], способствующие становлению ювенальной юстиции в России, а также их взаимодействие с правоохранительными органами для решения проблем несовершеннолетнего, который попал в сложную жизненную ситуацию в связи с совершенным им правонарушением.

В этой связи необходимо отметить, что в настоящий момент в России пока не сложилось эффективной скоординированной системы органов защиты несовершеннолетних детей, а также профилактики беспризорности.

На настоящей момент в России также отсутствует механизм взаимодействия судов с социальными службами, что же касается педагогической защиты и социальной коррекции несовершеннолетних, то они затруднены.

Система учреждений ювенальной юстиции, как представляется, должна осуществлять не только правосудие, но и способствовать координации и организации деятельности, связанной с профилактикой безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, а также социальной реабилитации несовершеннолетних детей.

Гуманистические тенденции, получившие свое не только теоретическое развитие, но и оказали влияние на судебную практику большинства цивилизованных стран, что способствовало специализации правосудия, касающегося несовершеннолетних. В России провозглашенный общемировой принцип специальной заботы о ребенке (несовершеннолетнем), получил свое отражение в Национальной стратегии действий в интересах детей на период 2018-2028 года [2], который объявлен в России десятилетием детства.

Представляется необходимым сформировать ювенальное правосудие, которое будет дружественным по отношению к несовершеннолетним правонарушителям, иметь гуманистический подход к несовершеннолетним, основанный на усилении человеколюбия, справедливости, признание и уважение личности и достоинства ребенка.

Нынешнее положение преступности несовершеннолетних, указывает на остроту ситуации, что предопределяет необходимость принятия неотложных комплексных мер, связанных с усилением превентивности и гуманистической направленности в функционировании органов правосудия.

Таким образом, в качестве вывода к настоящей статье можно отметить следующее:

1. Создание в государствах ювенальной юстиции всегда указывало на победу гуманистических тенденций в правовой теории и практической юриспруденции.

2. Создание ювенальной юстиции в России позволит установить не только систему социального контроля, а также будет способствовать созданию гражданского общества направленного на сокращение конфликтных ситуаций, воспитание миролюбия, и более того, позволит сформировать у несовершеннолетнего политико-правовую культуру, которая является одним из важных факторов в формировании современного общества.

3. В основе ювенальной юстиции должны лежать не только правовые особенности отправления правосудия по делам о правонарушениях несовершеннолетних, она не должна быть исключительно судебной, в ее основе должна лежать также социальная составляющая, которая может быть реализована через совокупность государственных и общественных структур, деятельность которых следует осуществлять совместно с педагогическим, медико-психологическим сообществом, а также социальными службами оказывающими детям соответствующую помощь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Валуйсков Н.В. Основания освобождения несо-

вершеннолетнего от уголовной ответственности. //

2. Национальная стратегия действий в интересах детей на период 2018-2028 года URL: // <http://www.kremlin.ru/acts/news/54615>

Статья поступила в редакцию 28.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕДУРЫ ПРИЗНАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫМ (БАНКРОТОМ)

© 2018

Гартина Юлия Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Частное и публичное право»

*Пензенский государственный университет
(440026, Россия, Пенза, улица Красная, 40, e-mail: gjpenza@rambler.ru)*

Аннотация. В данной статье раскрывается анализ изменений законодательства в сфере правового регулирования несостоятельности (банкротства) юридического лица. Произошедшие изменения в данной сфере, несомненно, направлены на борьбу с недобросовестным поведением должника при реализации своего права на признание юридического лица несостоятельным. Актуальность темы исследования заключается в том, что произошедшее в последнее время реформирование действующего законодательства, затронуло нормативно-правовые акты, в сфере правового регулирования института несостоятельности (банкротства) юридического лица. Выявление пробелов действующего законодательства в рамках реализации процедуры банкротства, направленно на теоретическое осмысление и практическое применение норм о несостоятельности (банкротстве). Проблемой в рамках проводимого исследования является недостаточность гражданско-правового регулирования отношений, возникающих в процессе проведения процедуры несостоятельности (банкротства) юридического лица, а также имеющиеся в законодательстве и правоприменительной практике противоречия, свидетельствующие не только о наличии проблем возникающих в процессе реализации полномочий субъектов в сфере банкротства, но и о недостаточной проработанности и эффективности норм действующего законодательства. В рамках данного исследования автором рассмотрены и детализированы основные процедуры банкротства юридического лица, выявлены проблемы, возникающие при банкротстве юридического лица в рамках той или иной процедуры несостоятельности, а также предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, кредитор, должник, юридическое лицо, арбитражный управляющий, конкурсный управляющий, внешний управляющий, наблюдение, финансовое оздоровление, конкурсное производство, внешнее управление, мировое соглашение, арбитражный суд.

THEORETICAL ASPECTS OF THE PROCEDURE FOR RECOGNIZING A LEGAL ENTITY AS INSOLVENT (BANKRUPT)

© 2018

Gartina Yulia Aleksandrovna, candidate of legal Sciences, associate Professor
of the Department of Private and public law
Penza State University

(440026, Russia, Penza, Krasnaya street, 40, e-mail: gjpenza@rambler.ru)

Abstract. This article discloses an analysis of changes in legislation in the field of legal regulation of insolvency (bankruptcy) of a legal entity. The changes that have occurred in this sphere are undoubtedly aimed at combating the debtor's dishonest behavior when exercising his right to recognize a legal entity as insolvent. The relevance of the research topic is that the recent reform of the current legislation has affected normative legal acts in the field of legal regulation of the institution of insolvency (bankruptcy) of a legal entity. Identification of gaps in the current legislation in the framework of the bankruptcy procedure, aimed at the theoretical understanding and practical application of insolvency (bankruptcy) rules. The problem within the framework of the conducted research is the inadequacy of civil-law regulation of the relations arising in the process of carrying out the procedure of insolvency (bankruptcy) of the legal entity, as well as contradictions in legislation and law enforcement practice, which testify not only to the problems arising in the process of exercising powers of subjects in the field of bankruptcy, but also about the inadequate elaboration and effectiveness of the norms of the current legislation. As part of this study, the author examined and detailed the main procedures for bankruptcy of a legal entity, identified the problems that arise in the bankruptcy of a legal entity under an insolvency procedure, and proposed solutions to identified problems.

Keywords: insolvency, bankruptcy, creditor, debtor, legal entity, arbitration administrator, bankruptcy administrator, external manager, supervision, financial recovery, bankruptcy proceedings, external management, settlement agreement, arbitration court.

Институт несостоятельности (банкротства) известен российскому законодательству давно. С момента принятия первого правового акта регулирующего правоотношения в сфере банкротства 19 ноября 1992 г. Закона РФ № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» (утратил силу) [1], было принято большое количество федеральных законов и правовых норм, регулирующих правоотношения в сфере несостоятельности (банкротства).

В настоящее время процедура банкротства юридического лица регулируется Федеральным законом № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2] (ред. от 29.12.2017) (далее по тексту – Закон о банкротстве). В нем содержатся основные понятия, применяемые в сфере несостоятельности, а также детально регламентированы процедуры банкротства, применяемые к конкретным видам должников. Данный нормативно-правовой акт с момента своего принятия и до настоящего времени претерпел огромное количество изменений, которые не смогли не сказаться на правоотношениях в сфере банкротства, а также на правоприменительной практике.

Правом на обращение в арбитражный суд с заявлени-

ем о признании должника - юридического лица банкротом, обладают: конкурсный кредитор, должник, уполномоченные органы. Данное право возникает у перечисленных лиц, с момента вступления в законную силу решения суда по денежным обязательствам.

В соответствии с действующими нормами законодательства для того, чтобы инициировать процедуру банкротства юридического лица, последнему необходимо иметь задолженность по обязательствам как минимум 300 000 рублей, а также просрочку оплаты данных обязательств не менее 3 месяцев. Закон о банкротстве, в статье 27 устанавливает, что при рассмотрении дела о банкротстве должника – юридического лица применяются следующие процедуры:

- наблюдение;
- финансовое оздоровление;
- внешнее управление;
- конкурсное производство;
- мировое соглашение.

Необходимо отметить, что существенную роль при проведении процедуры банкротства юридического лица играет арбитражный управляющий.

Арбитражный управляющий, это гражданин РФ, являющийся членом саморегулируемой организации арбитражных управляющих. В рамках процедуры банкротства он наделяется определенными правами и обязанностями, закрепленными в статье 20.3 Закона о банкротстве. Кроме того необходимо обратить внимание, что на каждом этапе процедуры банкротства, арбитражный управляющий имеет разный статус, выполняет разные функции и может наделяться дополнительными полномочиями.

Итак, рассмотрим подробнее процедуры, применяемые при банкротстве юридического лица.

Наблюдение – это процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику для обеспечения сохранности его имущества, проведения анализа финансового состояния, составления реестра требований кредиторов и проведения первого собрания кредиторов. Как правило, данная процедура вводится после рассмотрения обоснованности арбитражным судом заявления о признании должника банкротом. Срок проведения данной процедуры не может превышать семь месяцев, с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом.

В период введения процедуры наблюдения правосубъектность должника ограничивается, хотя введение в отношении должника процедуры наблюдения, в отличие от внешнего управления и конкурсного производства, не является основанием для отстранения руководителя и иных органов управления должника.

В данной процедуре принимает участие временный управляющий, который утверждается арбитражным судом в порядке, предусмотренном статьей 45 Закона о банкротстве. Многие цивилисты процедуру наблюдения называют подготовительной [3, с. 302], так как ее введение способствует достижению задач подготовки дела к судебному разбирательству в рамках несостоятельности (банкротства). На наш взгляд данная процедура носит не только подготовительный, но и охранительный характер, так как с момента ее введения состав имущества должника остается неизменным.

Главным недостатком данной процедуры является невозможность быстрого ее завершения, в связи с тем, что подготовительный этап банкротства требует проведения всех мероприятий, направленных на сокращение риска снижения стоимости бизнеса должника из-за издержек в период наблюдения. Лучший результат для кредиторов достигается путем быстрой продажи жизнеспособных частей бизнеса должника, пока стоимость этого бизнеса не упала вследствие возбуждения производства по делу о банкротстве. Еще одно опасение связано с сохранением руководством должника своих полномочий, хотя и под контролем временного управляющего, так как во взаимоотношениях указанных лиц довольно часто возникают проблемы, о чем свидетельствует и судебная практика [4, с. 22]. В связи с этим Кузнецов С.А., предлагает: «усилить судебный контроль за временными управляющими при проведении подготовительных процедур банкротства (наблюдение) путем предоставления суду, рассматривающему дело о банкротстве, права по собственной инициативе отстранять временных управляющих в случае нарушения ими законодательства о несостоятельности (банкротстве)» [3, 303]. На наш взгляд, нормы закона, регулирующие данную процедуру необходимо доработать в сторону усиления судебного контроля, как за действиями временного управляющего, так и за действиями кредиторов.

Процедура наблюдения заканчивается первым собранием кредиторов в рамках которого выносится решение о введении следующей процедуры – финансового оздоровления.

Финансовое оздоровление – процедура, используемая в деле о банкротстве к должнику в целях восстановления его платежеспособности и погашения задолженности в соответствии с графиком погашения задолжен-

ности (ст. 2 Закона о банкротстве).

Процедура финансового оздоровления регулируется гл. V Закона о банкротстве (ст. 76 - 92).

Срок финансового оздоровления не может превышать 2 лет. В ходатайстве о введении финансового оздоровления могут предусматриваться более короткие сроки.

Процедура финансового оздоровления вводится, как правило, арбитражным судом на основании решения собрания кредиторов. Статья 81 Закона о банкротстве детально раскрывает последствия введения данной процедуры.

Анализ норм, регламентирующих процедуру финансового оздоровления позволяет заметить, что ее правовая природа имеет двойственный характер и зависит от основания ее введения. Двойственность заключается в том, что с одной стороны данная процедура вводится на основании решения первого собрания кредиторов, принимаемого большинством голосов, а с другой – закон предусматривает, что процедура финансового оздоровления может быть введена арбитражным судом без учета мнения кредиторов, в случае, когда отсутствует возможность отложить рассмотрение дела для принятия решения о применении одной из процедур банкротства первым собранием кредиторов в пределах семимесячного срока, установленного ст. 51 Закона о банкротстве [5, с. 65].

В ходе финансового оздоровления органы управления должника осуществляют свои полномочия с ограничениями, установленными действующим законодательством. В данной процедуре принимает участие административный управляющий, который действует с момента утверждения его арбитражным судом и до момента окончания процедуры финансового оздоровления.

В рамках процедуры финансового оздоровления разрабатывается план финансового оздоровления и график погашения задолженности. План финансового оздоровления разрабатывается в случае отсутствия обеспечения исполнения должником обязательств в соответствии с графиком погашения задолженности. График погашения задолженности утверждается арбитражным судом и содержит информацию о способах и сроках погашения задолженности перед всеми кредиторами. Причем в графике должно предусматриваться пропорциональное гашение требований кредиторов в соответствии с очередностью, установленной действующим законодательством. Законом допускается досрочное гашение долгов, определенных графиком.

В Законе о банкротстве применяются два понятия: «окончание финансового оздоровления», «прекращение финансового оздоровления».

Окончание финансового оздоровления связывается с истечением его срока, но может быть и досрочным (ст. 86 Закона о банкротстве).

Прекращение финансового оздоровления предполагает наличие оснований досрочно завершить финансовое оздоровление в связи с нарушениями условий его осуществления [6, с. 27].

Анализ судебной практики, показывает, что при рассмотрении ходатайства о введении финансового оздоровления суды часто выходят за границы установленных для них законом полномочий и осуществляют хозяйственную оценку возможности восстановления платежеспособности должника. Как представляется, подобная практика является недопустимой [7, с. 136] не только ввиду того, что не соответствует роли суда в деле о банкротстве, но и ввиду того, что судьи не обладают необходимыми профессиональными знаниями для правильной хозяйственной оценки целесообразности введения данной процедуры.

По итогам проведения процедуры финансового оздоровления, арбитражный суд вправе вынести определение о введении внешнего управления, если от собрания кредиторов поступило ходатайство о переходе к внеш-

нему управлению и если произошло восстановление платежеспособности должника.

Таким образом, нельзя не согласиться с Бородкиным В.Г. в том, что процедура финансового оздоровления выполняет во – первых реабилитационную цель, которая может быть достигнута при реализации мероприятий, направленных на восстановление платежеспособности должника, а во – вторых, в рамках данной процедуры происходит наиболее полное и соразмерное удовлетворение требований кредиторов должника за счет его внутренней экономической деятельности или предоставленного должником обеспечения исполнения обязательств [8, с. 26].

Внешнее управление – это процедура, которая применяется в деле о банкротстве должника в целях восстановления его платежеспособности.

При введении данной процедуры существенно ограничивается самостоятельность органов управления должника, текущее руководство делами должника, а также реализация плана внешнего управления передаются внешнему управляющему.

Длительность процедуры внешнего управления не может превышать 18 месяцев. В соответствии с действующим законодательством срок внешнего управления может быть продлен, но не более чем еще на 6 месяцев (п. 2 ст. 93 Закона о банкротстве). По ходатайству собрания кредиторов или внешнего управляющего срок внешнего управления может быть сокращен.

В течение месяца с момента утверждения внешнего управляющего он обязан разработать план внешнего управления и представить его собранию кредиторов на утверждение. Как правило, план внешнего управления должен содержать: меры по восстановлению платежеспособности должника, условия и порядок реализации указанных мер, расходы на их реализацию и иные расходы должника. Законодательство допускает изменения плана внешнего управления. Арбитражный суд может, признать план внешнего управления недействительным полностью или в части [9, с.29].

В рамках данной процедуры расчеты с кредиторами производятся внешним управляющим в соответствии с реестром требований кредиторов.

Прекращение производства по делу о банкротстве или принятие арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства влечет за собой прекращение полномочий внешнего управляющего.

При не достижении цели внешнего управления и отсутствия оснований для продления процедуры внешнего управления принимается решение о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства.

В соответствии с действующим законодательством, а именно абз. 16 ст. 2 Закона о банкротстве: конкурсное производство – это процедура, которая применяется в деле о банкротстве к должнику, признанному банкротом, в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов.

Законом о банкротстве определен срок конкурсного производства – до 6 месяцев. Данный срок может быть продлен по ходатайству лица участвующего в деле, но не более чем еще на 6 месяцев. Статьей 126 Закона о банкротстве регламентируются последствия введения данной процедуры.

Необходимо помнить, что на этапе конкурсного производства имущество должника подлежит инвентаризации, оценке и продаже. Оценка имущества может быть произведена и с участием независимого оценщика. В Законе о банкротстве названы случаи, когда оценка имущества должника является обязательной (например, в абз. 2 п. 2 ст. 131).

Имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, входит в конкурсную массу.

В рамках конкурсного производства, конкурсных

управляющий готовит отчет. В отчет включается информация о финансовом состоянии должника и его имущества с момента введения конкурсного производства и в процессе его проведения. Данный отчет предоставляет собранию кредиторов и арбитражному суду.

После рассмотрения арбитражным судом отчета конкурсного управляющего о результатах проведения конкурсного производства арбитражный суд выносит определение о завершении конкурсного производства, а в случае погашения требований кредиторов – определение о прекращении производства по делу о банкротстве.

Мировое соглашение – процедура, применяемая в деле о банкротстве на любой стадии его рассмотрения в целях прекращения производства по данному делу путем достижения соглашения между должником и кредиторами (ст. 2 Закона о банкротстве). Последствием заключения мирового соглашения является прекращение производства по делу о банкротстве (п. 1 ст. 159 Закона о банкротстве) [10, с.18]. Мировое соглашение утверждается арбитражным судом. Отказ от утвержденного мирового соглашения одной из сторон не допускается.

Последствия заключения мирового соглашения для каждой процедуры несостоятельности (банкротства) имеют свои особенности. Так, при заключении мирового соглашения на стадии наблюдения – положения мирового соглашения распространяются на требования конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, включенных в реестр требований кредиторов на дату проведения собрания кредиторов. Причем необходимо отметить, что условия мирового соглашения не согласовываются с временным управляющим. Точно такие же особенности характерны и для заключения мирового соглашения в рамках процедуры финансового оздоровления. Общим для данных стадий является и то, что решение о заключении мирового соглашения на рассматриваемых стадиях принимается руководителем должника. В рамках процедуры внешнего управления – решение о заключении мирового соглашения принимается внешним управляющим. В конкурсном производстве, также как и в процедуре внешнего управления, решение о заключении мирового соглашения принимается конкурсным управляющим. Мировое соглашение, заключенное на стадии внешнего управления или конкурсного производства распространяется на все требования конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, включенные в реестр требований кредиторов на дату проведения собрания кредиторов.

Таким образом, анализ норм действующего законодательства, регламентирующего заключение мирового соглашения в рамках процедуры банкротства позволяет сделать следующие выводы. Мировое соглашение, заключенное на любой стадии процедуры банкротства распространяет свою юридическую силу, только на те, требования кредиторов, которые включены в реестр требований кредиторов. Соответственно если требование кредитора в реестр требований не включено, то такой кредитор не может обжаловать условия мирового соглашения. Однако, анализ судебной практики, по спорам о признании юридического лица банкротом на стадии заключения и утверждения судом мирового соглашения не исключает возможности инициирования недобросовестным кредитором новой процедуры банкротства, что может привести к его неисполнению [11, с. 96]. Таким образом, в целях не допущения злоупотребления правами одних кредиторов в отношении других, нормы закона, определяющие заключение мирового соглашения требуют более тщательной проработки и детальной регламентации.

В заключении хотелось бы отметить, что анализ норм действующего законодательства позволяет нам констатировать, что за последние годы законодательство в сфере несостоятельности (банкротства) юридического лица изменилось существенным образом. Все внесённые изменения, детально раскрывают правила

проведения процедуры банкротства юридического лица. Реформирование действующего законодательства в данной сфере, несомненно, направлено на борьбу с недобросовестным поведением должника при реализации своего права на признания банкротом при определенных условиях. И в этом смысле законодательство о несостоятельности становится более ориентированным на кредитора. Кроме того, на наш взгляд, все изменения, затронувшие институт банкротства юридического лица, направлены исключительно на повышение эффективности процедур, применяемых при несостоятельности юридического лица, а также на снижение злоупотребления правом в сфере признания юридического лица банкротом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Закон РФ от 19.11.1992 N 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий»(утратил силу)// Российская газета. 1992. №279.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. 2002. №209-210.
3. Кузнецов С.А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства): монография. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. 302.
4. Попондопуло В.Ф. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. №1. С. 22.
5. Кораев К.Б. Правовое положение неплатежеспособного должника при проведении финансового оздоровления // Юрист. 2016. №23. С. 65.
6. Гартина Ю.А., Якушова Е.С. Банкротство юридического лица // Тенденции и перспективы решения проблем государства и права: Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: АЭТЕРНА, 2017. С. 27
7. Скворцов О.Ю. Теоретические и практические проблемы применения процедуры финансового оздоровления в деле о несостоятельности (банкротстве) // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. 2009. № 3. С. 136.
8. Бородкин В.Г. Введение финансового оздоровления и столкновение конкурирующих интересов // Право и экономика. 2014. № 11. С. 26.
9. Кораев К.Б. Особенности правового положения неплатежеспособного должника в процедуре внешнего управления // Российская юстиция. 2016. №5. С. 29.
10. Семенихин В. Банкротство организации. Возможные пути выхода из кризиса // Финансовая газета. 2015. № 7. С.18.
11. Аутлеева Р.В. Некоторые проблемы «исполнимости» мирового соглашения в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) // Российская юстиция. 2014. № 6. С. 96.

Статья поступила в редакцию 05.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 349.3

АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЯ УРОВНЯ ДОСТУПНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ (НА ПРИМЕРЕ ГКУ АО – УСЗН ПО Г. БЛАГОВЕШЧЕНСКУ И БЛАГОВЕШЧЕНСКОМУ РАЙОНУ) В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПОДПРОГРАММЫ «РЕАБИЛИТАЦИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНВАЛИДОВ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ»

© 2018

Щека Наталья Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социальная работа»
Гонторук Юлия Сергеевна, студент магистратуры, кафедры «Социальная работа»
Амурский государственный университет

(675027, Россия, Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, e-mail: yuliya_gontoruk_8@mail.ru)

Аннотация: В Российской Федерации около 15 млн. человек признаны инвалидами, вследствие нарушения здоровья со стойким расстройством физических, сенсорных и других функций организма. Среди субъектов Дальневосточного федерального округа Амурская область по уровню первичной инвалидности как взрослого, так и детского населения занимает 2 место. По г. Благовещенску и Благовещенскому району также увеличивается количество людей с ограниченными возможностями здоровья. Анализируя спектр проблем, связанных с организацией жизнедеятельности инвалидов, можно сделать вывод, что одной из глобальных проблем данных категорий является недоступность для них социально-значимых объектов различных сфер жизнедеятельности. Недоступность для инвалидов социально-значимых объектов делает трудноосуществимыми и услуги, предоставляемые учреждениями социальной защиты, здравоохранения, образования, а также культурно-оздоровительные услуги, что является дискриминацией человека по признаку инвалидности и не позволяет ему в полной мере реализовать свои права. Вместе с тем, важнейшим направлением деятельности Правительства Амурской области является работа по созданию достойных условий жизнедеятельности граждан с ограниченными возможностями здоровья, посредством реализации государственных программ. Так, в Амурском регионе реализуется подпрограмма «Реабилитация и обеспечение жизнедеятельности инвалидов в Амурской области», которая включена в государственную программу Амурской области «Развитие системы социальной защиты населения Амурской области на 2014 – 2020 гг.». Основнополагающей задачей данной подпрограммы является повышение уровня доступности и качества приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения в Амурском регионе. Исходя из статистики обращений, одной из приоритетных сфер жизнедеятельности инвалидов является сфера социальной защиты населения. В Амурской области около 70 учреждений данной сферы осуществляют свою деятельность, одним из основных, является государственное казённое учреждение Амурской области – Управление социальной защиты населения по г. Благовещенску и Благовещенскому району (далее – УСЗН, Управление). Каждый день более 100 людей с ограниченными возможностями здоровья обращаются в Управление для получения социальных выплат, пособий и другой социальной помощи. Поэтому данное социальное учреждение и оказываемые в нём социальные услуги должны быть доступными для инвалидов, прежде всего.

Ключевые слова: инвалиды, инвалидность, приоритетные сферы жизнедеятельности, объекты социальной инфраструктуры, социальная защита, социальные услуги, подпрограмма, доступность, безопасность, досягаемость, информативность, комфорт, доступность зон предоставления социальных услуг.

ANALYSIS OF THE IMPORTANCE OF THE LEVEL OF AVAILABILITY OF THE SOCIAL INSTITUTIONS OF THE AMUR REGION FOR DISABLED PEOPLE (ON THE EXAMPLE OF GKU AO – USZN FOR THE CITY OF BLAGOVESHCHENSK AND THE BLAGOVESHCHENSK AREA) WITHIN THE FRAMEWORK OF THE IMPLEMENTATION OF THE SUBPROGRAMME «REHABILITATION AND ENSURING THE LIFETIME OF DISABLED PEOPLE IN THE AMUR REGION»

© 2018

Scheka Natalia Yuryevna, candidate of sociological sciences, associate professor of the department «Social Work»
Gontoruk Yuliya Sergeevna, student of magistracy, department «Social work»
Amur State University

(675027, Russia, Blagoveshchensk, Ignatievskoe highway, 21, e-mail: yuliya_gontoruk_8@mail.ru)

Abstract. In the Russian Federation, about 15 million people are disabled due to physical, sensory and other disorders of the body. Among the subjects of the Far Eastern Federal District, the Amur Region ranks second in terms of the primary disability of both adults and children. In Blagoveshchensk and the Blagoveshchensk area, the number of people with disabilities also increases. Analyzing the range of problems related to the organization of the life of disabled people, we can conclude that one of the global problems of these categories is the inaccessibility of socially significant objects of various spheres of life. The inaccessibility of socially important facilities for disabled people makes services of social protection, health, education, and cultural and recreational services difficult to implement, which discriminates against people on the basis of disability and does not allow them to fully exercise their rights. At the same time, the most important activity of the Government of the Amur Region is to create decent living conditions for people with disabilities, through the implementation of state programs. Thus, in the Amur region, the subprogram «Rehabilitation and provision of life support for people with disabilities in the Amur Region» is implemented, which is included in the state program of the Amur Region «Development of the Social Protection System for the Population of the Amur Region for 2014-2020». The fundamental objective of this subprogram is to increase the level of accessibility and quality of priority facilities and services in priority areas of the lives of people with disabilities and other low-mobility groups in the Amur region. Proceeding from the statistics of appeals, one of the priority spheres of the life of disabled people is the sphere of social protection of the population. In the Amur Region, about 70 institutions in this sphere are carrying out their activities, one of the main ones is the state government institution of the Amur Region - the Department for Social Protection of the Population for the city of Blagoveshchensk and the Blagoveshchensky area (further – USZN, Management). Every day, more than 100 people with disabilities turn to the Management to receive social benefits, benefits and other social assistance. Therefore, this social institution and the social services provided in it should be accessible to disabled people, first of all.

Keywords: disabled, disability, priority areas of activity, social infrastructure, social protection, social services, subprogram, availability, security, accessibility, information, comfort, accessibility of the areas of social services.

В современных социально-экономических условиях государственная поддержка и социальная защита инвалидов, обеспечение доступной для них среды является одной из важнейших задач общества. Об этом

свидетельствует интерес многих исследователей к этой теме [1]. Значительный вклад в изучение проблем организации доступной среды жизнедеятельности инвалидов (социальной, жилой, образовательной и др.) был внесён работами таких российских исследователей, как Ю.В. Колосовым, Н.Ф. Дементьевой, Л.А. Викторовой, Е.И. Холостовой. Учёные указывают на то, что современная ситуация в сфере доступной среды ставит инвалидов в очень сложные условия, поэтому создание безбарьерной среды для данных категорий граждан – одно из ключевых направлений социальной политики России.

Тем не менее, несмотря на имеющиеся научные разработки, проблема исследования формирования доступной среды жизнедеятельности для инвалидов остаётся в настоящее время недостаточно подробно изученной, в связи с этим, попытка её рассмотрения предпринята в данной научной статье.

Инвалиды – это категория людей, в которую включены лица с ограниченными возможностями жизнедеятельности в силу особенностей своего здоровья. Количество инвалидов в Российской Федерации (далее – РФ) в 2017 году составляет около 15 млн. человек. Это примерно каждый десятый житель страны. Большинство из них, это мужчины и женщины трудоспособного возраста. Показатели детской инвалидности в России также не утешительны, приблизительно 600 тысяч человек, практически половина из них моложе 18 лет [2].

По состоянию на 01.01.2017, исходя из данных Государственного учреждения Отделения Пенсионного Фонда РФ по Амурской области (далее – АО) в регионе проживало 87 985 тысяч инвалидов (в том числе 3837 детей-инвалидов), (численность населения в АО на начало 2017 года – 801 752 тысяч человек). По г. Благовещенску и Благовещенскому району количество инвалидов в 2017 году составляет 25 062 тысяч человек.

В соответствии с данными мониторингов, проводимые на постоянной основе социальными службами Амурской области, основными проблемами инвалидов в регионе являются вынужденная изолированность от общества и недоступность объектов социальной инфраструктуры в различных сферах жизнедеятельности данных категорий граждан. Большинство социальных объектов не соответствуют требованиям строительных норм, стандартов и сводам правил, относящихся к формированию доступной среды жизнедеятельности для инвалидов. Например, отсутствуют пандусные съезды, имеются узкие дверные проёмы и тамбуры, высокие пороги. Также в отдельных случаях не оборудованы зоны предоставления социальных услуг. Всё это является непреодолимым препятствием к осуществлению жизнедеятельности инвалидов и может рассматриваться как дискриминация человека по признаку инвалидности, поскольку не позволяет им в полной мере реализовать свои права. Однако, согласно конвенции о правах инвалидов, принятой резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года, государство обязуется обеспечивать и поощрять полную реализацию всех прав человека и основных свобод (во всех сферах деятельности) всеми инвалидами без какой бы то ни было дискриминации по признаку инвалидности [3]. Соответственно, на настоящий момент важнейшей государственной задачей является создание равных прав и возможностей для инвалидов во всех сферах жизни общества, путем реализации и обеспечения доступности социального, физического, экономического и культурного окружения, образования, здравоохранения, информации и связи. Как показывает теоретический и эмпирический анализ практики социальной защиты инвалидов в РФ одним из наиболее эффективных способов решения данной задачи является разработка и впоследствии реализация государственных программ, направленных на создание достойных условий жизни каждого члена общества.

На сегодняшний день в РФ осуществляется реализация государственных программ для инвалидов:

«Доступная среда» на 2011 – 2020 годы», «Социальная поддержка граждан»; «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ»; «Содействие занятости населения» и др. [4, 5, 6, 7]. В Амурской области также реализуются государственные целевые программы для данных категорий.

Так, в 2010 году постановлением Правительства АО от 30.12.2010 г. № 745 была утверждена долгосрочная целевая программа «Реабилитация и обеспечение жизнедеятельности инвалидов в Амурской области на 2011 – 2015 годы». В 2012 году данная программа вошла в качестве подпрограммы «Реабилитация и обеспечение жизнедеятельности инвалидов в Амурской области на 2012 – 2016 годы» (далее – Подпрограмма) в долгосрочную целевую программу «Социальная поддержка отдельных категорий граждан в Амурской области на 2012 – 2016 годы», утвержденную постановлением Правительства Амурской области от 23.09.2010 г. № 606. С 2014 года данная программа вошла в качестве подпрограммы «Реабилитация и обеспечение жизнедеятельности инвалидов в Амурской области» государственной программы Амурской области «Развитие системы социальной защиты населения Амурской области на 2014 – 2020 гг.», утвержденной постановлением Правительством Амурской области от 25.09.2013 г. № 444 [8].

Основной задачей данной подпрограммы является повышение уровня доступности и качества приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения в Амурской области [8].

Под приоритетными сферами жизнедеятельности инвалидов понимаются сферы: здравоохранения, образования, социальной защиты населения, культуры, жилого фонда и т.д. [9]. Каждая сфера имеет свои объекты социальной инфраструктуры, в которых предоставляются различного рода услуги инвалидам. Как было выше сказано, не все данные объекты доступны и подготовлены для предоставления социальных услуг данным категориям граждан.

Доступность же объекта социальной инфраструктуры включает в себя такие значения уровня доступности, которые можно определить по нормативным требованиям: досягаемости, безопасности, комфорта, информативности, доступности зон предоставления социальных услуг [10]:

– *доступно полностью всем* (объект соответствует требованиям нормативных документов для всех категорий инвалидов как с точки зрения безопасности и досягаемости, так с точки зрения комфорта и информативности: территория, прилегающая к зданию; входы в здание; пути движения внутри здания; места целевого назначения; санитарно-гигиенические помещения и системы информирования) [10];

– *доступно полностью избирательно* (объект соответствует нормативным требованиям (как досягаемости, безопасности, информативности и комфорта), но для отдельных категорий инвалидов: с патологией опорно-двигательного аппарата; для передвигающихся на коляске; для инвалидов с выраженной патологией зрения, в том числе слепых; для инвалида с патологией слуха, в том числе глухих, либо для инвалида с умственной отсталостью) [10];

– *доступно частично всем* (объект соответствует нормативным требованиям досягаемости: обеспечен доступ к месту целевого назначения для всех категорий граждан). Обустроены специально выделенные пути и места обслуживания, специальные участки для обслуживания маломобильных граждан, а также устроены специальные входы, пути движения и места обслуживания. Однако требуется обустройство территории; санитарно-гигиенических помещений; обеспечение систем информации на объекте) [10];

– *доступно частично избирательно* (объект частич-

но соответствует нормативам в достигаемости мест целевого назначения; полностью соответствует требованиям информативности и комфорта, но не для всех категорий инвалидов, а именно для инвалидов с патологией опорно-двигательного аппарата; для передвигающихся на коляске; для инвалидов с выраженной патологией зрения и с патологией слуха – объект является недоступным) [10];

– *доступно условно* (требование нормативов не выполнены, поскольку проведение мероприятий по техническому обустройству в связи с архитектурно планировочными особенностями здания и районом расположения объекта – невозможно; не соответствует требованиям безопасности, достигаемости и комфорта) [10];

– *временно недоступно* (объект не соответствует основным требованиям нормативных документов, безопасности, комфорта, а также нельзя организовать альтернативную форму обслуживания) [10].

В соответствии со ст. 15 федерального закона от 24.11.1995 года № 181-ФЗ (ред. от 29.12.2015 г.) «О социальной защите инвалидов в РФ»: «федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления (в сфере установленных полномочий), организации независимо от их организационно-правовых форм создают инвалидам условия для беспрепятственного доступа к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктур (жилым, общественным и производственным зданиям, строениям и сооружениям, включая те, в которых расположены физкультурно-спортивные организации, организации культуры и другие организации), к местам отдыха и к предоставляемым в них услугам» [11]. В связи с этим, все объекты социальной инфраструктуры приоритетных сфер жизнедеятельности инвалидов должны соответствовать требованиям доступности. Одной из приоритетных сфер жизнедеятельности инвалидов, исходя из статистики обращений, является сфера социальной защиты населения. В Амурской области около 70 учреждений данной сферы осуществляют свою деятельность, одним из основных, является государственное казённое учреждение АО – Управление социальной защиты населения по г. Благовещенску и Благовещенскому району. УСЗН осуществляет следующие основные виды деятельности: предоставление социальных услуг без обеспечения проживания; деятельность в области обязательного социального обеспечения; деятельность по созданию и использованию баз данных и информационных ресурсов [12]. На учёте в УСЗН стоят около 20 тысяч инвалидов по различным видам заболеваний. Каждый день более 100 данных категорий граждан обращаются в УСЗН для получения социальных выплат, пособий и другой социальной помощи. Поэтому данное учреждение и оказываемые в нём социальные услуги должны быть доступны для инвалидов, прежде всего.

В целях уточнения, операционализации и актуализации изучаемой проблемы в сентябре 2017 года было проведено социологическое исследование на тему: «Оценка инвалидами значения уровня доступности ГКУ АО – УСЗН по г. Благовещенску и Благовещенскому району и качества предоставления в нём социальных услуг как приоритетного объекта жизнедеятельности данных категорий граждан в рамках реализации подпрограммы «Реабилитация и обеспечение жизнедеятельности инвалидов в АО», с целью узнать доступно ли данное учреждение для инвалидов в соответствии с проводимыми мероприятиями данной подпрограммы

Исследование проводилось в форме опроса референтной группы инвалидов, которые обращались в отделы УСЗН по различным вопросам.

Всего было опрошено 50 инвалидов, из них 40% в возрасте от 35 до 60 лет, 60% старше 60 лет, 50% женщины и 50% мужчины. Уровень образования респондентов составляет: 20% имеют высшее образование, 40% –

среднее профессиональное и такое же количество имеют среднее общее образование. 60% инвалидов не работают, в основном это инвалиды-пенсионеры, 40% занимаются профессиональной деятельностью.

Большинство данных категорий граждан имеют статус инвалида в пределах от 10 до 25 лет, среди них 20% имеют 3 группу инвалидности, 70% – 2 группу инвалидности и 10% – 1 группу инвалидности. Почти все опрошенные имеют инвалидность по причине общего заболевания или профессионального заболевания. Основной характер инвалидизирующего заболевания – это травмы опорно-двигательного аппарата, болезни сердечно-сосудистой системы и системы кровообращения, пищеварительной и дыхательной систем.

Вся анкета была разделена на блоки вопросов, касающиеся значения уровня доступности УСЗН и качества предоставления в нём социальных услуг как объекта приоритетной сферы жизнедеятельности инвалидов.

Первый блок вопросов рассматривает соответствие объекта нормативным требованиям достигаемости и безопасности расположения УСЗН в г. Благовещенске для данных категорий граждан.

По мнению 20 % инвалидов район расположения Управления является вполне доступным и находится недалеко от центра города. Остальные 80% опрошиваемых отметили недоступность расположения учреждения.

Также на вопрос о пути следования к социальному объекту пассажирским транспортом большинство респондентов ответили, что все автобусы ходят до ближайшей остановки от Управления. Однако по вопросу о пути следования к объекту от ближайшей остановки пассажирского транспорта респонденты отметили следующее, что добраться до самого учреждения не предоставляется возможным, так как автобусная остановка находится далеко от социального объекта. Около 800 метров – расстояние до учреждения от автобусной остановки, ответили большинство инвалидов, то есть это примерно 15 – 20 минут пешком. При этом имеется наличие выделенного от проезжей части пешеходного пути и во время пути следования к социальному объекту все перекрестки с регулируемым звуковым сигналом, отметили все опрошиваемые респонденты. Однако, по мнению 40% инвалидов на пути следования к социальному учреждению отсутствует акустическая, тактильная и визуальная информация, 60% данных категорий граждан отметили, что имеется тактильная информация на пути к Управлению.

Таким образом, исходя из ответов респондентов, по данному блоку вопросов можно сделать вывод, и определить значение уровня доступности данного учреждения по требованиям достигаемости и безопасности расположения объекта и пути следования к нему: добраться до самого социального учреждения достаточно трудно, так как возле социального объекта отсутствует автобусная остановка, вследствие этого можно говорить о недоступности района расположения Управления для инвалидов. Однако во время пути следования к социальному объекту все перекрестки оборудованы звуковым сигналом и имеется тактильная информация на пути к Управлению. В соответствии с данными выводами социальный объект по требованиям достигаемости и безопасности соответствует значению уровня доступности как доступно условно.

Второй блок вопросов касается доступности в учреждении размещения зон предоставления социальных услуг и специально выделенных санитарно-гигиенических помещений для инвалидов.

Большинство инвалидов ответили, что Управление как объект социальной сферы жизнедеятельности не подготовлен должным образом для обслуживания малоподвижных групп населения (инвалидов-колясочников или инвалидов, имеющих иные ограничения в жизнедеятельности). Вместе с тем, все опрошиваемые респонденты обозначили, что в здании социального учреждения

имеются специально-выделенные санитарно-гигиенические помещения для инвалидов.

Все инвалиды почеркнули, что здание Управления не оснащено подъёмным устройством (стационарным вертикальным или наклонным подъёмником) и в анкете выразили пожелание на его приобретение: «Хоть и здание состоит из двух этажей, инвалидам-колясочникам и другим маломобильным гражданам не представляется возможным подняться на второй этаж».

Также 40% респондентов ответили, что в социальном учреждении отсутствуют маршруты движения внутри здания к местам оказания услуг, остальные опрошиваемые респонденты отметили обратное.

В целом, исходя из ответов респондентов в рамках данного блока вопросов, можно сделать вывод: в социальном учреждении отсутствуют зоны предоставления социальных услуг для малоподвижных категорий инвалидов и подъёмное устройство, также внутри здания не сформированы маршруты движения к местам оказания социальных услуг. Однако имеются санитарно-гигиенические помещения для инвалидов в данном учреждении. Опираясь на эти данные, можно определить значение уровня доступности в рамках нормативного требования – доступность зон предоставления социальных услуг для данных категорий граждан как доступно частично избирательно.

Третий блок вопросов направлен на оценку качества социального обслуживания инвалидов в данном учреждении в рамках нормативных требований информативности и комфорта предоставления социальных услуг.

По мнению 70% респондентов информация, предоставленная специалистами Управления во время консультации оказалась доступной, понятной и с помощью неё был разрешен вопрос обращения в учреждение. Остальные 30% участвующих в опросе отметили неполноту предоставленной информации во время приёма. Также инвалидам был задан вопрос о продолжительности приёма у специалиста: 80% граждан выбрали ответ: 10 – 15 минут, 10%: 15 – 20 минут, также 10% отметили время приёма в 20 – 25 минут.

Помимо этого, 80% инвалидов отметили достойное качество предоставления социальных услуг, 20% респондентов остались недовольны качеством обслуживания. Однако все опрошиваемые почеркнули доброжелательное отношение со стороны специалистов, предоставляющих социальные услуги в УСЗН.

Исходя из ответов респондентов, по блоку вопросов об оценке качества социального обслуживания инвалидов в УСЗН можно сделать вывод о достойном качестве предоставления социальных услуг данным категориям граждан в социальном учреждении, то есть нормативные требования информативности и комфорта предоставления социальных услуг в данном учреждении полностью соблюдены для всех категорий инвалидов.

В целом, по данным опроса, можно сделать основные выводы об оценке доступности социального учреждения и качества предоставления в нём социальных услуг:

– месторасположение ГКУ АО – УСЗН по г. Благовещенску и Благовещенскому району не доступно для инвалидов;

– требуется оборудовать пути следования к социальному объекту пассажирским транспортом;

– в здании учреждения требуется оснащение подъёмного устройства для инвалидов;

– должны быть сформированы должным образом маршруты движения внутри социального учреждения;

– нет специально оборудованных зон предоставления социальных услуг для инвалидов-колясочников и других малоподвижных граждан.

По основополагающим признакам досягаемости, безопасности, информативности, комфорта, доступности зон оказания социальных услуг данный объект доступен частично избирательно для инвалидов.

Таким образом, реализация задач и мероприятий

подпрограммы «Реабилитация и обеспечение жизнедеятельности инвалидов в АО» на базе ГКУ АО – УСЗН по г. Благовещенску и Благовещенскому району требуется продолжать, так как в социальное учреждение обращаются большое количество инвалидов по различным вопросам, и доступность данного социального объекта имеет перевороченное значение при предоставлении в нём социальных услуг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кузова В.А. Проблемы создания доступной среды для маломобильных групп населения в Приморском крае. URL: <https://econpapers.repec.org/article/scn006010/16502196.htm>.

2. Статистика инвалидов в мире. URL <http://vavilon.ru/statistika-invalidov-v-mire>.

3. Конвенция о правах инвалидов (принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г. № 61/106).

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2015 года N 1297 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011 – 2020 годы» (с изменениями на 19 апреля 2016 года). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»

5. Постановление Правительства РФ №296 от 15 апреля 2014 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»

6. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 323 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»

7. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 298 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»

8. Постановление Правительства Амурской области от 25 сентября 2013 года № 444 «Об утверждении государственной программы Амурской области «Развитие системы социальной защиты населения Амурской области на 2014 – 2020 гг.» (с изменениями на: 24.02.2016) – 24.02.2016.

9. Реестр приоритетных объектов и услуг в сферах жизнедеятельности инвалидов и мгн по Амурской области на 28.01.2015 г. URL: <http://szn.amurobl.ru>.

10. Методическое пособие: Методические рекомендации Минтруда России от 18.09.2012 г. Методика паспортизации и классификации объектов и услуг, с целью их объективной оценки для разработки мер, обеспечивающих их доступность.

11. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»

12. Официальный сайт Министерства социальной защиты населения Амурской области. URL: <http://szn.amurobl.ru>.

Статья поступила в редакцию 25.12.2017

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 343.242

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗРАСТА КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЧЕРТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ВЫСТУПАЮЩИХ СУБЪЕКТАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

© 2018

Жадан Владимир Николаевич, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и судебной деятельности

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт
(423604, Россия, Елабуга, ул. Казанская, д. 89, e-mail: vlad.zhadan60@yandex.ru)*

Аннотация. В юридической литературе уголовная ответственность несовершеннолетних традиционно рассматривается через призму достижения определённого возраста, выступающего в качестве юридического факта, обуславливающего привлечение субъекта совершения преступления к юридической ответственности. Предлагаются и обосновываются различные точки зрения в отношении установления возраста и социально-психологических обстоятельств, индивидуального порядка, обуславливающих действие (бездействие) несовершеннолетнего, совершающего преступления. Проблемность вопроса заключается в наличии тенденции дифференциации составов преступлений, совершаемых несовершеннолетними в рамках научной концепции ювенальной юстиции и противоречий в практике судов общей юрисдикции. Коллизионность практики не сводится к корректности установления возраста несовершеннолетнего судом или обоснованности его снижения. Присутствуют противоречия фактического и физического возраста субъекта преступления, квалификации, степени общественной опасности, совершения индивидуально и группой лиц и т.д. Разрешение данных проблем, по мнению автора, становится возможным без понижения возраста уголовной ответственности посредством внесения изменений в уголовное законодательство и практику судов общей юрисдикции. В рамках данной статьи предпринята попытка выявить, оценить и предложить пути устранения проблем возраста как отличительного признака несовершеннолетних – субъектов преступлений.

Ключевые слова: несовершеннолетний, возраст, субъект преступления, принцип гуманизма, юридическая ответственность, уголовная ответственность, преступление, малолетний, коллизии уголовного законодательства.

CRIMINAL-LAW PROBLEMS OF THE AGE AS THE DISTINCTIVE FEATURES OF MINORS, SPEAKERS CHARGED WITH A CRIME

Zhadan Vladimir Nikolaevich, candidate of legal Sciences, associate Professor,
associate Professor Department of criminal procedure and judicial activities

*Kazan (Volga Region) Federal University, Elabuga Institute
(423604, Russia, Elabuga, Kazanskaya street, 89, e-mail: vlad.zhadan60@yandex.ru)*

Abstract. In the legal literature criminal liability of minors is traditionally seen through the prism of a certain age, acting as a legal fact causing the attraction of the subject of the offence to legal liability. Proposes and justifies different points of view in relation to establishing the age and socio-psychological circumstances, the individual causing the action (inaction) of minors who commit crimes. The problematic issue of age of criminal responsibility is a trend of differentiation of crimes committed by minors within the framework of the scientific concept of juvenile justice and contradictions in the practice of the courts of General jurisdiction. Collezionisti practice is not limited to the correctness of establishing the age of juvenile court or the validity of his decline. There are discrepancies of the actual and physical age of the perpetrator, the degree of public danger of the crime, his skills, performing individually and in a group of persons, etc. The resolution of these problems becomes possible without lowering the age of criminal liability through changes in criminal law and practice of courts of General jurisdiction. In this article attempts to identify, assess and propose ways to resolve the issues of age as a differentiating characteristic minor of crimes.

Keywords: minor, the age, the subject of the crime, the principle of humanism, legal responsibility, criminal responsibility, crime juvenile, conflicts of criminal law.

Постановка проблемы в общем виде и её связь с важными научными и практическими задачами. Как известно, происшедшие с 90-х годов XX столетия в России реформы в политической и социально-экономических сферах привели к развитию новых экономических и рыночных отношений, установлению многообразия форм собственности, свободе предпринимательства и иной экономической деятельности. Этот процесс оказался не только сложным и экономически нестабильным, повлекшим негативные последствия в социально-экономическом плане [26, с. 664], но и значительный рост корыстной, насильственной, организованной, коррупционной и иной преступности, в том числе преступлений, совершаемых несовершеннолетними. При этом помимо криминологических аспектов, не в меньшей степени представляют интерес уголовно-правовые вопросы о возрасте несовершеннолетних лиц, совершающих преступления. Уголовно-правовые аспекты возраста уголовной ответственности несовершеннолетних определяются наличием дифференцированного подхода в юридической науке к определению составов преступлений в условиях расширения области сферы ювенальной юстиции и реализации принципа гуманизма в уголовной политике России. Следствием научной дискуссии становится коллизионность судебной практики в отношении установления возраста несовершеннолетнего – субъекта преступления. Противоречивость научной дискуссии, действующего уголовного законодательства порождают

актуализацию таких проблем как несовпадение фактического и физического возраста субъекта преступления, квалификации преступлений, степени их общественной опасности и т.д.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты проблемы. Ключевыми признаками субъектного состава преступлений выступают вменяемость и возраст, как компоненты учения о составе преступлений в науке уголовного права. В юридической литературе возможно выделить два подхода к оценке содержания и механизмов разрешения уголовно-правовой проблемы возраста. Первый подход исходит из признания факта установления возраста в качестве ключевого условия корректной квалификации преступлений и назначения уголовного наказания (В.В. Агильдин [1], А.А. Байбарин [2], Я.И. Гилинский, С.Ф. Милуков [3] и др.). В рамках данной статьи автор придерживаемся именно этого подхода. Второй основан на оценке возраста в качестве одного из квалифицирующего признака преступлений, порождающего индивидуальный характер судебной практики (С.В. Проценко [4], С.А. Журавлевская [5] и др.). Несмотря на разнообразие подходов, все они сводятся к признанию лица в качестве субъекта преступления при условии преодоления возрастного порога.

Формирование целей статьи (постановка задания). Предметной областью исследования выступает коллизионная практика уголовного законодательства и судебной

практики относительно установления возраста как отличительного признака несовершеннолетних – субъектов преступлений, и их устранение. Данная статья является продолжением ранее опубликованных автором материалов, а также предшествующих исследований проблем криминологической характеристики преступлений несовершеннолетних, в том числе причин и условий совершения преступлений несовершеннолетними и молодежью [6], а также проблем при квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления [7]. Исходя из предмета исследования в центре авторского интереса будут коллизии действующего уголовного законодательства в части определения возраста привлечения к уголовной ответственности, противоречия составов преступлений, совершаемых несовершеннолетними, вопросы совершенствования норм законодательства и практики судов общей юрисдикции.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Категория «несовершеннолетний» в действующем уголовном законодательстве трактуется как лицо, которое к моменту совершения преступного деяния достигло 14 лет, но не достигло 18 лет (ст. 87 Уголовного кодекса Российской Федерации) (далее – УК РФ) [8]. Данная норма исходит из задачи обеспечения защиты несовершеннолетних от посягательств со стороны иных субъектов. Но именно в ней заключен ключевой признак – возраст, который становился предметом научных дискуссий как в советской, так и российской юридической науке.

В частности, М.М. Коченов связывает «возраст» с прожитым временем, определяя в качестве оснований уголовной ответственности достижение определенного физического возраста, обуславливающего способность регулировать собственное поведение в момент совершения преступления [9, с. 8-10].

В.В. Агильдин полагает, что возраст как признак несовершеннолетия требует установления в комплексе его юридических и социально-психологических характеристик [1, с. 50].

Проблема возраста вменяемости субъекта преступления находится в области научной полемики на протяжении длительного периода, в аспекте допустимости привлечения несовершеннолетних к ответственности. Особенностью правоприменительной практики становится отсутствие дифференциации проблем допустимости уголовного наказания несовершеннолетних и установление возраста – основания юридической ответственности [10, с. 114]. Принимая во внимание накопленную практику, следует обратить внимание на трансформацию подходов к оценке возраста как признака несовершеннолетнего как субъекта совершения преступления. Современной тенденцией юридической науки становится акцент на способности (готовности) ребенка перенести моральные и психологические лишения, обусловленные уголовным процессом и последующим лишением свободы [5, с. 110].

Зарубежная практика также свидетельствует об актуальности вопросов установления возраста несовершеннолетних – субъектов преступления. Категория «несовершеннолетние» (иногда заменяется на категорию «малолетние») определяется в качестве самостоятельного субъекта посредством установления нижнего (а зачастую и верхнего) порога привлечения к ответственности [5, с. 112]. При этом, по аналогии с российским законодательством, предусматривается проведение экспертизы с целью установления возрастной вменяемости субъекта. Минимальные стандартные правила Организации Объединённых Наций (далее – ООН), касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, принятые 29 ноября 1985 г. обращают внимание на необходимость отказаться от чрезмерного снижения возрастного порога в национальном законодательстве в связи с недостаточной степенью духовной, эмоциональной и интеллектуальной зрелости несовершеннолетних

[11]. Установление минимального порога возраста привлечения к уголовной ответственности, по мнению авторов Конвенции ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., обеспечивает реализацию принципа гуманизма и создаёт условия для обеспечения защиты интересов несовершеннолетних детей [12]. Достаточно условно, с учетом разнообразия национального уголовного законодательства в зарубежных странах, возможно выделить две точки зрения на установление возраста субъекта преступления: системный и разграничительный. В основе классификации несколько критериев: состав преступления, реализация принципа разумности и режим уголовной ответственности [13, с. 86]. Системный подход доминирует в таких государствах как Германия, Франция, Чехия, Польша и т.д., закрепляя возраст привлечения к ответственности несовершеннолетних. Разграничительный подход основан на дифференциации назначения наказания, в зависимости от «усмотрения» суда (Бельгия, Дания, Кения и т.д.). Применительно к последнему, зачастую законодательство предусматривает специальный возраст уголовной ответственности, обусловленный достижением физического развития взрослого человека (Замбия). Несомненно, приверженность российского уголовного законодательства к системному подходу, позволяет реализовать единство требований к субъектам преступления, в зависимости от состава и степени общественной опасности совершенного деяния, но порождает игнорирование индивидуализации наказания, в зависимости от возрастного критерия, сужает возможность суда учесть особенности интеллектуального и психологического развития несовершеннолетних. Разнообразие подходов к определению значения возраста несовершеннолетнего свидетельствует о значительной нагруженности национального уголовного законодательства в части юридического закрепления возраста субъекта преступления.

Негативные тенденции роста количества тяжких (особо тяжких) преступлений, совершаемых несовершеннолетними, актуализируют проблему снижения возрастного порога для привлечения к уголовной ответственности, принимая во внимание необходимость охраны прав и законных интересов несовершеннолетних субъектов совершения преступлений.

Так, В.С. Неженец обращает внимание на результаты анализа статистики преступности несовершеннолетних, свидетельствующих о прямой зависимости между повышением возраста привлечения к ответственности и ростом количества преступлений [14, с. 58].

Для нас становится очевидным наличие превентивного воздействия на динамику преступности несовершеннолетних снижения возрастных порогов привлечения к уголовной ответственности. Становясь компонентом правосознания знание о возрасте привлечения к ответственности формирует условия для предупреждения преступлений несовершеннолетних. Но данная зависимость означает расширение практики применения мер воспитательного воздействия, программ перевоспитания несовершеннолетних, деятельности центров реабилитации и т.д., как превентивных механизмов воздействия на преступное поведение субъектов.

Подобная дискуссия отражает значение возраста как признака, отличающего субъектность несовершеннолетнего в уголовных правоотношениях (ст. 19 УК РФ). Достижение возраста означает нахождение лица на определенном уровне интеллектуального развития, позволяющего понимать значение совершаемых действий или бездействий, руководить ими. С позиции психологической науки, установление возраста уголовной ответственности с 14 лет представляется достаточным с учетом психологических особенностей несовершеннолетнего [15, с. 116]. Точка зрения представителей юридической науки отличается от подходов психологической науки, поскольку в центре их внимания оказывается принцип гуманизма, составляющий основу уголовного

законодательства, и его корреляция с необходимостью ужесточения ответственности несовершеннолетних за совершение особо тяжких преступлений. Опираясь на статистический материал, отражающий количественные показатели преступности несовершеннолетних, авторы обращают внимание на наличие нескольких критериев, на основе которых определяются возрастные особенности уголовной ответственности последних: тяжесть преступного деяния, степень его общественной опасности, степень распространения (частота) преступлений, совершаемых несовершеннолетними определённой возрастной группы [16, с. 144]. Несомненно, снижение возраста привлечения к ответственности входит в прямое противоречие с тенденциями развития российской уголовной политики [17], направленной на изъятие несовершеннолетних из сферы уголовно-правовых отношений.

Один из авторитетных исследователей проблем преступности несовершеннолетних, Я.И. Гилинский и С.Ф. Милюков полагают, что возраст 14 лет не является тем возрастным пределом, когда можно говорить о интеллектуальной и моральной зрелости подростка, готового перенести все тяготы заключения в местах лишения свободы [3, с. 121].

Принимая во внимание наличие значительного разнообразия мер превентивно-профилактического характера, предусмотренных Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [18], применяемых к несовершеннолетним достигшим 8 летнего возраста, автор полагает излишним вводить дополнительные механизмы государственного реагирования на преступления несовершеннолетних. Акцент должен быть сделан на усовершенствование закреплённых механизмов и гарантий их применения только с учётом индивидуальных обстоятельств, социальной и психологической зрелости несовершеннолетнего. Снижение возрастного предела, с учётом неготовности лиц, младше 14 лет, адекватно и рационально оценивать степень тяжести совершенного деяния и его последствий, не даст ожидаемого эффекта. Принимая во внимание распространение практики соучастия несовершеннолетних в преступлениях совершеннолетних лиц предложению по снижению возраста мы оцениваем, как попытку переложить ответственность с государства на лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности.

Стоит обратить внимание и на сложившийся порядок определения возраста совершения преступления, предусмотренный законодательством, который приводит к распространению практики освобождения от уголовной ответственности по формальным основаниям. Речь идет о принципиальном различии формального факта достижения 14 летнего возраста (с нуля часов следующих суток после даты рождения) [19, с. 45] и сложившимся в общественном сознании точки зрения о временном совпадении возраста уголовной ответственности и даты его наступления. Подобная тенденция достаточно четко проявляется в судебной практике, демонстрируя низкий уровень правосознания не только несовершеннолетних преступников, но и общества в целом.

Совершение субъектом преступления, в связи с достижением 14 лет, обусловлено противоречием его правосознания, не позволяющего осознавать степень общественной опасности совершенного деяния, в связи с искажённым представлением о недостижении возраста уголовной ответственности. Искажение правосознания обостряет противоречия с правосознанием окружающих, пострадавших, родственников потерпевшего и т.д. Зачастую оказывается, что несовершеннолетний осознает опасность деяния, сознательно действует наиболее жестоко и дерзко, демонстрируя достижение возраста уголовной ответственности (в собственном сознании) окружающим, но к ответственности он привлечен быть

не может в силу наличия формального порядка определения возраста совершения преступления [20].

Автор полагает, что действующий правовой механизм установления возраста, очевидно, не позволяет избежать практики освобождения от уголовной ответственности лиц, по формальным основаниям не достижения возраста 14 лет. Устранение возникшей коллизии становится возможным только при условии внесения изменений в ст. 20 УК РФ в части уменьшения юридического факта достижения возраста уголовной ответственности на одни сутки. Присутствуют особенности установления возраста посредством проведения судебно-медицинской экспертизы, предусматривающие закрепление в качестве даты рождения – последнего дня года, определённого экспертным заключением (ст. 421 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [21]. Данное обстоятельство также требует учета при установлении минимального возраста субъекта преступления.

Наличие исчерпывающих составов преступлений, за которые ответственность наступает с 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ), требует обязательного установления точного числа, месяца и года рождения несовершеннолетнего субъекта совершения преступления (ч. 1 ст. 421 УПК РФ). К данным составам преимущественно относятся преступления тяжкие и особо тяжкие, а также ряд составов небольшой тяжести, совершаемые при наличии умысла.

Анализ статистических данных Судебного департамента Верховного Суда РФ за 6 месяцев 2017 г. о численности осужденных несовершеннолетних свидетельствует о превалировании преступлений средней тяжести и особо тяжких [22]. Умышленный характер преступлений обусловлен тем, что несовершеннолетний должен осознавать степень опасности совершаемого деяния, поскольку только в этом случае возможно установить степень зрелости субъекта преступления. Совершая преступления в форме действия несовершеннолетний демонстрирует активное поведение, приводящее к наибольшей степени общественной опасности.

Так, состав преступлений, предусмотренный ч. 1 ст. 213 УК РФ (хулиганство), предполагает наступление ответственности по достижению возраста 16 лет, за исключением их совершения группой лиц по предварительному сговору – с 14 лет, несмотря на наличие прямой зависимости снижения степени осознанности деяния, совершаемого несовершеннолетним, при его совершении группой лиц. Принимая во внимание сложившуюся практику, автор полагает необходимым устранить данное противоречие посредством отказа от расчленения составов преступлений в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Обращает на себя внимание разнообразие критериев установления возраста субъекта преступления. Возможно выделить паспортный, функциональный (физиологический), социальный и психологический критерий [23, с. 67]. С точки зрения действующего законодательства психический критерий оказывается ключевым, поскольку наступление возраста связывается со способностью субъекта оценивать характер и общественную опасность совершенного деяния.

Так, в соответствии с приговором Омского областного суда от 20 марта 2017 г. несовершеннолетний был осуждён по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Но в процессе судебного разбирательства у подсудимого были выявлены признаки социализированного расстройства поведения, не сопровождавшиеся критическими нарушениями сознания и не влекущие отсутствие способности понимать значения своих действий и их общественную опасность [24]. Принимая во внимание данное обстоятельство, суд признал несовершеннолетнего вменяемым, что представляется совершенно обоснованным.

Автор полагает, что достижение возраста не является единственным основанием привлечения несовершеннолетнего к ответственности. Различия между психологи-

ческим и физическим состояниями становятся причиной проведения психолого-психиатрической экспертизы для установления способности адекватно воспринимать обстоятельства совершения преступления. Например, приговором Ленинского районного суда города Омска от 4 февраля 2017 г. несовершеннолетняя была осуждена за совершение преступления, предусмотренного п. 1 ст. 112 УК РФ. В судебном процессе были назначены две экспертизы для оценки соотношения уровня психического развития и фактического возраста, которые содержат противоположные суждения экспертов [25]. В результате, оценка данных экспертиз была дана на уровне только Омского областного суда, который указал на совпадение фактического и психологического возраста, что и стало основанием обвинительного приговора. Материалы судебной практики подтверждают авторскую точку зрения о необходимости внесения изменений в уголовное законодательство в части совмещения юридического и фактического возраста уголовной ответственности и объединения составов преступлений, совершенных по предварительному сговору и без него, как альтернативы снижения возраста уголовной ответственности.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий. Современная юридическая наука исходит из признания возраста в качестве одного из ключевых признаков несовершеннолетнего субъекта совершения преступления, с достижением которого связывается способность перенести психические и моральные лишения уголовного процесса. Зарубежная практика также демонстрирует разнообразие подходов к определению возраста привлечения к уголовной ответственности, свидетельствуя о зависимости между накопленной коллизией практикой и правовой системой отдельного государства. Установление порогового возраста уголовной ответственности в российском законодательстве порождает деиндивидуализацию наказания, недостаточный учет психологических и интеллектуальных особенностей несовершеннолетнего. В этих условиях, задача снижения возраста уголовной ответственности утрачивает свою актуальность, поскольку требуется использовать действующие уголовно-правовые механизмы профилактического и воспитательного характера. Закрепленная уголовным законодательством процедура установления возраста совершения преступления несовершеннолетним провоцирует освобождение от уголовной ответственности по формальным основаниям не достижения возраста 14 лет, поэтому автором предлагается внесение изменений в ст. 20 УК РФ в части переносов срока достижения возраста уголовной ответственности на одни сутки. Совершение умышленных преступлений средней тяжести и особо тяжких несовершеннолетними в условиях наличия обратной пропорциональной зависимости между увеличением возраста привлечения к ответственности (16 лет) и совершением преступлений по предварительному сговору (14 лет), влечет за собой игнорирование психологических особенностей влияния группового поведения на субъекта совершения преступления, что, по мнению автора, требует внесения изменений в ч. 2 ст. 20 УК РФ в части объединения составов. Поскольку достижение возраста уголовной ответственности не является безусловным основанием привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности, постольку представляется перспективным направлением дальнейших научных исследований комплексный подход к оценке социально-психологических, интеллектуальных и иных индивидуальных характеристик личности субъекта совершения преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Агильдин В.В. Возраст как признак субъекта преступления // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 3 (70). – С. 49-54.
2. Байбарин А.А. Уголовно-правовая дифференциация возраста: Монография. – М.: Высшая школа, 2009. – 252 с.

3. Гишинский Я.И., Милуков С.Ф. С какого возраста можно привлекать к уголовной ответственности? // Вестник Герценовского университета. – 2012. – № 1. – С. 121-125.

4. Проценко С.В. О возрасте, с которого наступает уголовная ответственность // Актуальные проблемы права. – 2017. – № 4. – С. 135-144.

5. Журавлевская С.А. Возраст как критерий наступления уголовной ответственности // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2016. – № 2 (3). – С. 109-113.

6. Жадан В.Н. Причины и условия совершения преступлений несовершеннолетними и молодежью в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 4. – С. 227-232

7. Жадан В.Н. О квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Мониторинг правоприменения. – 2016. – № 2 (19). – С. 42-48.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 31.12.2017 № 501-ФЗ) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

9. Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. – М.: Изд-во Московского университета, 1960. – 117 с.

10. Оганесян Л.Р. Возраст уголовной ответственности в уголовном праве зарубежных стран // Вектор науки ТГУ. – 2009. – № 2 (5). – С. 113-115.

11. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16183#0> (дата обращения: 20.01.2018).

12. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 20.01.2018).

13. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учебное пособие / Под ред. И.Д. Козочкина. – М.: «Омега-Л», 2003. – 576 с.

14. Неженец В.С. Психовозрастные особенности личности, связанные с возрастом уголовной ответственности // Постулат. – 2016. – № 12. – С. 57-60.

15. Марианов А.А., Ибрагимов М.А., Бирюков В.А. Возрастные и психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 3. – С. 115-117.

16. Нестеровская Ю.Л. Необходимость снижения возраста наступления уголовной ответственности в России / Инновационное развитие современной науки: сборник статей международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.А. Сукиасян. – Уфа, 2014. – 260 с.

17. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. – 2010. – № 43. – Ст. 5544.

18. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (в ред. от 07.06.2017 № 109-ФЗ) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (в ред. от 29.11.2016 № 56) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень ВС РФ. – 2011. – № 4. – С. 43-75.

20. Обзор судебной практики по результатам изучения рассмотренных в 2016 г. судами Омской об-

ласти в порядке главы 50 УПК РФ уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oblsud.oms.sudrf.ru/> (дата обращения: 20.01.2018).

21. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 31.12.2017 № 501-ФЗ) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

22. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 6 месяцев 2017 г. «Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sdep.ru/> (дата обращения: 20.01.2018).

23. Яшков С.А. Несовершеннолетний как субъект преступления: к вопросу о возрасте наступления уголовной ответственности // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. – 2015. – № 1 (7). – С. 66-68.

24. Постановление Президиума Омского областного суда от 20.03.2017 № 3.022 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oblsud.oms.sudrf.ru/> (дата обращения: 20.01.2018).

25. Постановление Президиума Омского областного суда от 04.02.2017 № 6.2979 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oblsud.oms.sudrf.ru/> (дата обращения: 20.01.2018).

26. Zhadan V.N. On the Criminogenic Situation in Russia and Its Significance to the Security of Citizens // *World Applied Sciences Journal*. – 2013. – № 25 (4). – P. 664-668.

Статья поступила в редакцию 11.12.2017

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 34

О РОЛИ ПОЛИЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИЦИИ ГЕРМАНИИ)

© 2018

Земляков Валерий Дмитриевич, старший преподаватель кафедры иностранных языков
Землякова Татьяна Алексеевна, преподаватель кафедры иностранных языков
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
(308024, Россия, Белгород, ул. Горького, д. 71, e-mail: belui@mvd.ru)

Аннотация. В настоящее время различные массовые мероприятия являются одной из популярных форм общественной активности и досуга населения. Такие мероприятия доступны большому числу граждан и проводятся на улицах, площадях, концертных залах, стадионах и других объектах. Большое значение при подготовке и проведении массовых мероприятий играет взаимодействие организаторов мероприятий и органов и организаций, которые обеспечивают общественную безопасность и охрану общественного порядка. Статья касается вопросов необходимости изучения и использования опыта деятельности полиции зарубежных стран в этом направлении. Практическая ценность научно-обоснованного анализа функционирования иностранных государственных институтов состоит в том, что он позволяет лучше изучить, понять и увидеть сильные и слабые стороны отечественных аналогов. В статье представлены понятия различных видов мероприятий и характер деятельности полиции Федеративной Республики Германии в зависимости от категории мероприятия. Определена роль полиции в организации массовых мероприятий, степень взаимодействия с организаторами мероприятия на разных фазах его подготовки и проведения. Указаны правовые положения, регулирующие участие полиции в подготовке и проведении массовых мероприятий, условия безопасности массовых мероприятий, процедуру выдачи разрешений на проведения массовых мероприятий, степень ответственности организаторов за убытки, степень ответственности организаторов массовых мероприятий и ответственность участников за нарушение законных предписаний, права организаторов массовых спортивных мероприятий в связи с их организацией, правила поведения при хранении и обработке сведений в отношении безопасности мероприятий. Особым образом выделена превентивная роль полиции, ее стратегия, а также источники ошибок.

Ключевые слова: полиция, массовые мероприятия, безопасность, правовые положения, превентивный, стратегия, источники ошибок.

ABOUT THE POLICE ROLE IN CONDUCTING MASS EVENTS (ON AN EXAMPLE OF THE GEMANY POLICE)

© 2018

Zemlyakov Valery Dmitrievich, the senior teacher of the chair "Foreign languages"
Zemlyakova Tatiana Alekseevna, the teacher of the chair "Foreign languages"
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia I.D. Putilin
(308024, Russia, Belgorod, Gorky Street, h. 71, e-mail: belui@mvd.ru)

Abstract. Now various mass events are one of popular forms of public activity and population leisure. Such events are accessible to a great number of citizens and are conducted in the streets, squares, concert halls, stadiums and other objects. The great value by preparing and conducting the mass events plays the interaction of organizers and bodies of the events and the organisations which ensure public safety and public order protection. The article concerns the questions of necessity in studying and using the experience of the foreign countries police activity in this direction. Practical value of the scientifically-proved analysis of functioning the foreign state institutions consists in that it allows to study, understand and see better strong and weaknesses of domestic analogues. The article presents the concepts of various kinds of events and character of the police activity in the Federal Republic of Germany depending on an event category. It is specified the police role in the organisations of mass events, degree of the interaction with an event organizers on different phases of its preparing and conducting. It is pointed out the legal statuses regulating the police participation in preparing and conducting mass events, safety conditions of the mass events, procedure of issue of permissions to conducting mass events, degree of the organizers' responsibility for losses, degree of the organizers' responsibility of mass events and the participants' responsibility for infringement of lawful prescriptions, the sport events organizers' rights, the behavior rules in keeping and handling the data concerning the safety of events. In a special way it is displayed the preventive role of the police, their strategy, and also the sources of errors.

Keywords: Police, mass events, safety, legal statuses, preventive, strategy, sources of errors.

В соответствии с действующим законодательством органы внутренних дел решают возложенные на них задачи, как в обычных, так и в особых условиях. Организация к подготовке проведения массовых мероприятий, в которых участвует множество людей, требуют от органов внутренних дел принятия специальных мер правового и организационного характера, так как в центре внимания находятся вопросы обеспечения безопасности человека. В связи с этим существует необходимость в изучении и использовании опыта организации и деятельности полиции стран Западной Европы в этом направлении, что позволит лучше изучить, понять и увидеть сильные и слабые стороны отечественных правоохранительных органов, найти пути совершенствования стратегии и тактики, правовых основ и методов деятельности полиции. На наш взгляд, особого внимания заслуживает изучение деятельности полиции Федеративной Республики Германии, имеющей колоссальный опыт в обеспечении безопасности на объектах с массовым пребыванием граждан. В данной работе рассматривается многолетняя работа сотрудников полиции ФРГ, которая

дает значительные результаты в сфере обеспечения безопасности своих граждан.

В первую очередь необходимо отметить, что деятельность полиции в Германии по обеспечению безопасности и правопорядка во многом зависит от категории мероприятия. Остановимся на некоторых понятиях.

Массовое мероприятие - спортивное мероприятие, культурное мероприятие или развлекательные мероприятия, при которых количество мест для зрителей на стадионе, другом объекте, который не является зданием, или пригодную для проведения массового мероприятия территорию, составляет, по меньшей мере, 1000 мест и в случае со спортивным залом или другим пригодным для проведения массового мероприятия зданием составляет, по меньшей мере, 300 мест (статья 3 закона о безопасности массовых мероприятий). При обеспечении безопасности массового мероприятия речь идет о совокупности всех скоординированных действий, которые осуществляются:

- организатором,
- главами администраций,

- губернатором,
- полицией,
- государственной пожарной командой и другими ответственными за пожарную охрану организационными подразделениями,
- медицинским персоналом,
- а также в случае необходимости другими ответственными службами и органами власти.

Мероприятия, которые не носят массового характера, - это мероприятия, которые проходят в театре, кино, музее, доме культуры, в опере, филармонии, библиотеке и художественной галерее, а также мероприятия, которые организовываются в учебных учреждениях, спортивных мероприятиях только для инвалидов, соревнования для детей и подростков, кроме того мероприятий для проведения свободного времени (статья 3а закона о безопасности массовых мероприятий).

Мероприятие для организации проведения свободного времени - в действующих предписаниях не существует никакого определения для такого вида мероприятий. По представлению полиции под ними нужно понимать мероприятие, которое организовывается для выбранной группы людей (среды) определенными субъектами, например, предприятиями, учреждениями, объединения и т.д.

Массовое спортивное мероприятие - это массовое мероприятие, целью которого является проведение спортивного соревнования или поддержка спортивной культуры.

Массовое мероприятие повышенного риска - массовое мероприятие, при проведении которого нельзя исключать, что дело дойдет до актов насилия и проявления агрессии. При организации такого мероприятия количество мест для зрителей на объекте составляет соответственно:

- на стадионе, другом объекте, который не является зданием, или на территории, допускающей проведение массового мероприятия - 300 мест,
- в спортивном зале или другом здании, допускающем проведение мероприятия - 200 мест.

Независимо от действующих предписаний, которые возлагают ответственность на организаторов за безопасность участников массовых мероприятий, полиция должна быть готова к тому, чтобы вмешаться при нарушениях общественного порядка и в обоснованных случаях даже самостоятельно позаботиться об обеспечении безопасности. При общей защите массовых мероприятий повышенного риска полиция играет нередко ключевую роль. Подготовка, общие скоординированные действия вместе с организаторами при обеспечении общественного порядка в рамках мероприятия, а также безопасности участников мероприятия являются самыми важными элементами планирования подготовки защиты со стороны полиции от возможной угрозы. Обязательства, предмет которых состоит в том, чтобы заботиться о безопасности участников мероприятия и в рамках охраны общественного порядка, содержат кроме всего прочего, как ряд необходимых организационных мероприятий, направленных на обеспечение порядка во время мероприятия, так и предшествующие ему. К сожалению, необходимо констатировать, что календарное планирование происходит большей частью без участия полиции. К этому добавляется плохое состояние объектов, например, недостаточное количество запасных выходов в удовлетворительном состоянии или непрофессионально оборудованные защитные сооружения, а также недостаточная эффективность действующего законодательства. Безупречное проведение и эффективная охрана общественного порядка в связи с организацией массовых мероприятий предполагают проведение ряда мер до, во время, а также и после мероприятия.

Основой для проведения мероприятий является «Закон о безопасности массовых мероприятий» от 22.08.1997 (в редакции бюллетеня номер 108 Пос. 909, Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

2005 г.). В этом законе определены:

- условия безопасности массовых мероприятий,
- процедура выдачи разрешений на проведения массовых мероприятий,
- принципы ответственности организаторов за убытки,
- принципы ответственности организаторов массовых мероприятий и ответственность участников за нарушение законных предписаний,
- права организаторов массовых спортивных мероприятий в связи с их организацией,
- принципы поведения при хранении и обработке сведений в отношении безопасности мероприятий массового спорта. [1, с. 16]

Наряду с этим необходимо соблюдать «Предписание совета министров от 02.07.2002». В этом предписании установлены требования для подготовки и оснащения, а также условия и процедура применения сил правоохранительных органов.

В нем содержатся:

- требования, которые необходимо исполнять силам правоохранительных органов в области подготовки и оснащения,
- подробные условия и процедура применения этих сил правоохранительных органов в области перепроверки права людей на участие в массовом мероприятии,
- процедура идентификации людей,
- процедура обыска багажа и одежды,
- процедура удаления с мероприятия мешающих его проведению людей [1, с. 16].

Далее «Предписание министра внутренних дел от 28.10.2004 г.» о процедуре видеосъемки массовых мероприятий и о минимальных технических требованиях для приборов видео- и аудиозаписи. Кроме того в этом предписании установлены:

- вид и способ съемки массового мероприятия его организаторами,
- минимальные технические требования для приборов видеосъемки и аудиозаписи, которые позволяют использовать сохраненные изображения и голоса в порядке представления доказательств против людей, которые виновны в нарушении общественного порядка и безопасности во время проведения массовых мероприятий [1, с. 16].

В первой фазе подготовки к охране общественного порядка во время проведения мероприятия или ряда мероприятий нужно исходить из того, что подготовленное в этой организационной фазе заключение должно касаться общих вопросов организационного характера. Это касается, в первую очередь, формальных возможностей, как может быть организована охрана общественного порядка в конкретном случае, а именно:

- позволяют ли технические условия объекта, территории, стадиона, зала при необходимости эффективно использовать средства и силы полиции,
- возможно ли в рассматриваемом случае проведение эффективных тактических мероприятий, цель которые изолировать поссорившиеся группы участников, (например, скинхеды и панки), оборудовать сектора буфера, разделенные автостоянки, входы и выходы,
- обозначение формальных предпосылок, таких как сроки, необходимое техническое оборудование, требование полиции для принятия эффективных мер.

Перед запланированными мероприятиями по инициативе полиции проводится много встреч с организаторами массовых мероприятий, в частности:

- предоставляется информация об обязательствах, которые вменяются им согласно законным предписаниям,
- предоставляется уведомление о том, что полиция будет строго следить за соблюдением обязательств организатора по обеспечению безопасности участников мероприятия,
- указывается на практические решения проблем с участниками мероприятия, которые препятствуют мирному ходу мероприятия.

Перед каждой выдачей заключения полицией необходимо осуществить контроль объекта или территории путем осмотра, чтобы установить возможные недостатки, которые могли бы непосредственно повлиять на безопасность участников мероприятия, силы правопорядка и задействованных служащих. По результатам контроля составляется протокол, и от организатора требуется обязательное устранение недостатков, прежде чем место для проведения массового мероприятия будет предоставлено участникам. О каждом случае установления недостатков сообщается ответственному административному учреждению, которому вменяется в обязанность предоставление разрешения для проведения мероприятия. Кроме того для предоставления заключения требуется, чтобы организатор предоставил информацию:

- об инфраструктуре вокруг места запланированного мероприятия и, в частности, количество кафе и иных пунктов, в которых продаются алкогольные напитки,
- графический план объекта или территории с учетом запасных выходов для участников мероприятия и подъездных путей для транспорта спасательных служб, освещения территории, наличие общественных транспортных средств,
- предполагаемое число участников мероприятия,
- режим работы объекта и программа мероприятия,
- места хранения,
- имя руководителя службы безопасности со стороны организатора,
- структура, количество, и оснащение, а также распределение сил, отвечающих за поддержание порядка, со стороны организатора.

Организатор должен также поддерживать контакт с людьми, которые заботятся о функционировании общественного транспорта и дорог, чтобы предоставлять достаточное количество транспортных средств участникам мероприятия после окончания мероприятия. Основой для безопасности проведения массового мероприятия и расчета необходимого количества средств и сил служат анализ подготовленного массового мероприятия и последовавшие после него сведения, в частности:

- о виде мероприятия (обычное, с повышенным риском),
- количество участников,
- ожидаемые группы болельщиков; враждебные отношения, уровень агрессии и так далее,
- о месте проведения массового мероприятия (техническая защита от рисков, закрытый объект, открытая территория, стадион, спортивный зал, и так далее).

На практике зачастую, к сожалению, происходит так, что полиция получает неполные сведения, которые часто поступают с опозданием, поэтому они не могут учитываться при подготовке к охране общественного порядка и безопасности. Непонятно, почему организаторы относятся к этой проблеме так безразлично. В результате для нейтрализации беспорядков приходится привлекать слишком большое количество сил полиции. Не хватает осознанного сотрудничества организаторов с полицией, чтобы эффективно предотвращать потенциальную опасность уже в период ее возникновения. Кажется, что эти неоспоримые предпосылки для эффективной защиты общественной безопасности и порядка, которые до сегодняшнего дня не вошли в обязательные для исполнения. Последствием этого является то, что полиция поневоле должна самостоятельно заботиться о текущем поступлении сведений о количестве предложенных к предварительной продаже входных билетов, заказах организованных групп, участии в мероприятии групп определенных субкультур, зачинщиках беспорядков и о предполагаемых опасностях. Важную, определяющую ход мероприятия роль при подготовке к охране общественного порядка и безопасности, играет предварительное расследование в среде, члены которой, прежде всего те, кто принадлежит к определенной субкультуре, могут помешать ходу мероприятия и соответ-

ственно праздника. Существенную роль в деятельности полиции играет предупреждение в молодежной среде. Для поддержки этих мероприятий привлекается максимально большой круг учреждений и организаций, из которых прибывают участники мероприятий и торжеств, среди них школы и школьные органы власти, местные общественные административные органы и органы самоуправления, редакции средств массовой информации, другие организации и объединения, которые действуют в соответствующей области.

Профилактические мероприятия полиции, которые проводятся перед, во время и после мероприятия, закреплены в законе о полиции. При профилактической защите подъездных путей основной вопрос заключается в том, чтобы всякие формы проявления правонарушений подавить еще в зародыше, при этом используется то обстоятельство, что проще начинать с маленьких, еще не организованных групп, например, субкультур, находящихся на пути к месту проведения мероприятия, чем с большим количеством агрессивно настроенных людей. Никогда не происходит так, что на месте проведения мероприятия зрители превращаются сразу в агрессивных нарушителей порядка. Первые признаки агрессии проявляются в общественном транспорте или на подъездных путях и там сразу должна вмешаться полиция. Поэтому организуются мобильные патрульные подразделения, которые должны предотвращать все попытки совершения правонарушений, в это время они интенсивно проверяют личности людей, применяют штрафные санкции за совершение нарушений порядка и задерживают зачинщиков беспорядков и нарушителей порядка.

Существенную роль при охране общественного порядка играют заранее принятые полицией меры на транспортных путях, благодаря которым устраняются возможные источники опасности. Предпосылкой для успеха мероприятий являются заблаговременно полученные сведения и задачи. В ходе охраны общественного порядка и безопасности в рамках мероприятия на объекты направляются, прежде всего, служащие без униформы при согласовании с организаторами мероприятия, к основным задачам которых, кроме всего прочего, относится документирование произошедших событий с помощью применения видео- и фототехники, в том числе, документирование причиненных разрушений. Чтобы подготовить материал с процессуально-правовой точки зрения, организуются группы сотрудников, которые немедленно принимают меры на месте происшествия. В обоснованных случаях планируются и организуются основные действия непосредственно на месте.

Для полицейской стратегии характерны:

- технические стандарты регистрации хода мероприятия,
- оценка опасности и правильный расчет полицейских сил,
- информационное хранение и обработка информации,
- контроль потоков болельщиков, а также
- эффективность контролируемых групп из отдельных полицейских участков.

Ключевую роль при обеспечении порядка и безопасности должны играть руководитель службы безопасности и силы порядка со стороны организатора, которые обязаны заботиться о безопасности участников мероприятия. Гарантией для безопасного хода мероприятия должно быть законом предписанное число сил, обеспечивающих порядок, в соотношении с числом зрителей, а также правильное исполнение своих обязательств. К ним, в частности, относятся:

- контроль права пребывания на месте проведения мероприятия (контроль входных билетов или приглашений),
- обыск багажа и протряпывание одежды при подозрении, что данные люди планируют внести опасные предметы на мероприятие (инструменты, оружие,

взрывчатые вещества и пиротехнические изделия, алкогольные напитки, наркотики, психотропные вещества),

- предотвращение участия в мероприятии пьяных людей,

- задержание людей, которые представляют непосредственную опасность для жизни других людей, а также для охраняемой собственности, с целью передачи в полицию,

- удаление с мероприятия людей, которые своим поведением мешают ходу массового мероприятия,

- сохранение предметов и инструментов, багажа и одежды, которые сдали досмотренные граждане [1, с. 18].

К мероприятиям по охране общественного порядка и безопасности привлекается, кроме того, муниципальная полиция, которая реализует закрепленные за полицией задачи в соответствии со своими компетенциями. При охране порядка во время проведения мероприятия и подготовке анализа полученных сведений начальник полиции постоянно должен сотрудничать с организатором, чтобы указывать ему на имеющиеся недостатки, с целью правильной оценки возможной опасности.

Самыми частыми случаями несоблюдения правовых предписаний организаторами и административными учреждениями являются:

- попытки объяснения организаторов наличие финансовых трудностей и нежелание заявлять мероприятия как массовое мероприятие с повышенным риском,

- выдача исключительных разрешений при невыполнении требований безопасности соответствующих объектов,

- выдача разрешений для проведения мероприятий при отрицательном заключении полиции или без заключения полиции,

- отсутствие информации в полиции о сроках или изменениях сроков мероприятий,

- ограничение финансовых средств для обеспечения безопасности мероприятий их организаторами, в том числе сокращение численности сил, обеспечивающих порядок и согласие с пассивным участием в защите порядка и безопасности мероприятий,

- недостаточная подготовка объектов относительно их защиты от правонарушений зрителей,

- продажа или предоставление алкогольных напитков в местах проведения мероприятия или в их близости,

- внесение участниками мероприятия на территорию проведения данного мероприятия предметов, запрещенных законом, по недосмотру сил, отвечающих за порядок и безопасность [1, с. 19].

После окончания работы по обеспечению охраны порядка и безопасности оцениваются принятые меры, как полицией, так и силами, обеспечивающими порядок, со стороны организатора, чтобы использовать результаты анализа при планировании и подготовке других мероприятий с похожим характером. Оцениваются, в частности, ошибки и недостатки при привлечении подразделений, групп и отдельных сотрудников, чтобы сразу можно было применить полученные выводы для обучения и организации. Выявленные при анализе ошибки организаторов передаются органам администрации и самоуправления с указанием на предложения по их устранению.

Оценка, в какой мере соблюдаются правовые предписания организаторами мероприятия и органам власти, отвечающими за выдачу разрешений на проведение массовых мероприятий, вменяется в обязанность в первую очередь общественным административным учреждениям. Тем не менее, так как обеспечение безопасности и общественного порядка во время массового мероприятия принадлежат к задачам полиции, предписаны ей законом, также необходимо, чтобы они относились к факторам, которые решаются сообща.

Хотя закон однозначно устанавливает связи между участвующими при решении задач субъектами, можно Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22)

констатировать, что, как правило, полиция несет основную нагрузку ответственности за отрицательные последствия. По закону органы самоуправления, которые выдают разрешения, несут самую большую ответственность. Тем не менее, на практике органы самоуправления эту обязанность рассматривают очень формально, в то время как они принимают свои решения зачастую только на основании заявления организатора, не имея заключения полиции или имея отрицательное заключение полиции. Такие действия усиливают убеждения организаторов массовых мероприятий в том, что точное заключение полиции только затрудняет проведение массового мероприятия и не будет никаких последствий, если их оставить без внимания.

Организаторы, прежде всего, с неохотой соглашались на то, чтобы классифицировать свое массовое мероприятие как мероприятие с повышенным риском, и они пытаются предотвратить всеми средствами, также при поддержке органов самоуправления, такое распределение по категориям. В дальнейшем ходе работы над заключением о соблюдении обязательств организатором должны оцениваться, в виду характера тех задач, которые должна исполнять при массовых мероприятиях полиция, методы работы сил правопорядка организатора. Очевидно, что при восстановлении общественного порядка, которому помешали группы фанатов, силы по обеспечению порядка и безопасности никогда не будут в состоянии заменить полицию. Тем не менее, нужно подчеркнуть, что полиция при осуществлении предписанных законом обязательств никогда не будет заменять организатора. По-прежнему ощутима тенденция, перенести основную нагрузку ответственности за состояние безопасности на объектах, стадионах и залах, а также территориях, где организуются мероприятия, на полицию.

Таким образом, проведенное нами исследование показывает основные ценностные ориентиры и направления дальнейшего совершенствования проблем, выявленных в рассматриваемом сегменте общественного развития. Подводя итог вышесказанному можно сделать вывод, что полицией Федеративной Республики Германии проводится значительная работа по подготовке к проведению массовых мероприятий. Она заслуживает особого внимания, изучения, взаимодействия в работе полиции Российской Федерации при подготовке к международным спортивным мероприятиям. При этом необходимо обратить внимание на тот факт, что полиция Германии особое внимание при проведении международных мероприятий уделяет сотрудничеству с иностранными органами полиции, благодаря которому повышается профилактика различных противоправных деяний, совершаемых иностранными болельщиками [2, с. 25].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Szydłowski M., Pawlak R. Rolle der Polizei bei der Organisation von Massenveranstaltungen/ dnp 01/2018.
2. Hans-Georg Lison. Internationale Kooperation der deutschen Bundespolizei bei der Bewältigung von Grossereignissen am Beispiel der FIFA WM in Deutschland // dnp 01/08 s. 23-25
3. Иванова С.И., Черкасова Е.К. Правовые основания принятия решения о необходимости охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий силами сотрудников ОВД // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – № S15. – С. 11–15. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14689.htm>.
4. Черняев Г.М., Быстрынцев А.Ф. К вопросу о проблемах обеспечения правоохранительными органами общественного порядка и безопасности при проведении спортивных мероприятий. // Полицейская и следственная деятельность. — 2015. - № 2. - С. 10-59. DOI: 10.7256/2409-7810.2015.2.15196. URL: http://e-notabene.ru/pm/article_15196.html.
5. Gerhard Muellenbach. Aktuelle Phaenomene der Gewalt//Bericht zur Arbeitstagung des Bundeskriminalamtes

in Wiesbaden 23.bis 26/ November 1993 // der kriminalist
2/94 s. 53-68

6. Martin Winter. POLITIKUM POLIZEI Macht und Funktion der Polizei in der Bundesrepublik Deutschland Erschienen 1998 im LIT-Verlag, Münster, in der Reihe „Politische Soziologie“, Band 10 Zugl.: Halle-Wittenberg, Univ., Diss. 1997, ISBN 3-8258-3494-8. URL: http://www.mar-win.de/Winter_Martin_Politikum_Polizei_1998.pdf (Stand 1. Juli 2007)

7. Schreiber M., Adang O. Wissenschaft und Polyeipraxis> Phaenomen Sport und Gewalt – Entstehun, Entwicklung, Tendenzen. Die Untersuchung von Eins'tzen bei sportlichen Grossereignissen // dnp 01/08 s. 3-9

8. Raisch P. Anforderungen an die Innere Sicherheit im Freistaat Sachsen // der kriminalist 6/94 s. 307-313

9. Knopp T. Sicherheit bei Sportveranstaltungen im weiteren Europa // dnp 01/08 s. 34-35

10. Johansen E. Polyeipraxis bei Grossereignissen – Konzepte und Erfahrungen // dnp 01/08 s. 34-35

Статья поступила в редакцию 30.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ

© 2018

Золотарева Анна Борисовна, кандидат юридических наук, заведующая лабораторией экспертизы законодательства Института прикладных экономических исследований

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(119571, Россия, Москва, Проспект Вернадского, 82, стр.1, e-mail: zolot@ranepa.ru)*

Аннотация. За 10 лет, прошедшие с момента принятия Федерального закона от 26.12.2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», законодательство о контрольно-надзорной деятельности было значительно усовершенствовано. Однако в нем сохраняются существенные недостатки и пробелы, устранение которых объявлено одной из целей федерального Правительства. Законодательству о государственном контроле в бюджетной сфере в полной мере присущи общие недостатки законодательства о контрольно-надзорной деятельности. Вместе с тем, в этой области существуют и специфические проблемы, которым до сих пор не уделялось должного внимания в научной литературе и которые не могут быть решены за счет запланированных общих мер, направленных на повышение эффективности государственного контроля (надзора). Одной из задач статьи является выявление специфических проблем, препятствующих повышению эффективности государственного контроля в бюджетной сфере, путем анализа действующего законодательства и практики его применения. По мнению автора, основными проблемами в этой области являются низкая эффективность последующего контроля, что выражается в слабом влиянии деятельности контрольных органов на уровень правонарушений и масштабы ущерба, причиняемого ими бюджету, при высоком уровне издержек государства и подконтрольных субъектов на осуществление контроля. По результатам анализа автор предлагает меры, направленные на повышение эффективности контрольно-надзорной деятельности в бюджетной сфере.

Ключевые слова: бюджетный контроль, контроль в бюджетной сфере, финансовый контроль, эффективность бюджетного контроля, эффективность финансового контроля.

REVISITING THE ISSUE OF THE EFFICIENCY OF STATE CONTROL IN THE PUBLIC SECTOR

© 2018

Zolotareva Anna Borisovna, candidate of law, head of the laboratory for legal expertise of the Institute of applied economic research

*Russian Academy of National Economy and Civil Services under the President of Russian Federation
(119571, Russia, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82, build 1, e-mail: zolot@ranepa.ru)*

Abstract. During the 10 years that have passed since the adoption of the Federal law of 26.12.2008 No. 294-FZ "On protection of rights of legal entities and individual entrepreneurs when exercising state control (supervision) and municipal control", the legislation on the oversight activities has been considerably improved. However, it still contains significant shortcomings and gaps, the elimination of which has been declared one of the goals of the Federal Government. The legislation on state control in the budgetary sphere is fully characterized by the general shortcomings of the legislation on control and supervision. However, there are specific problems in this area, which have not yet been given due attention in the scientific literature and which cannot be solved through the planned general measures aimed at improving the efficiency of state control (supervision). One of the objectives of the article is to identify specific problems that prevent improving the efficiency of state control in the public sector, by analyzing the current legislation and the practice of its application. According to the author, the main problems in this area are the low efficiency of follow-up control, which is manifested in the weak influence of the activities of the control bodies on the level of offenses and the extent of damage caused by them to the budget, with a high level of costs to the state and controlled entities for exercising control. Based on the results of the analysis, the author proposes measures aimed at improving the efficiency of control and oversight activities in the public sector.

Keywords: budgetary control, control in the public sector, financial control, efficiency of budgetary control, efficiency of financial control.

За последние 10 лет законодательство о контрольно-надзорной деятельности было значительно усовершенствовано. Первым шагом в этом направлении явилось принятие Федерального закона от 26.12.2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», который обеспечил единое правовое регулирование большинства видов контрольно-надзорной деятельности и важные дополнительные гарантии прав проверяемых лиц. Вместе с тем, указанный закон решил далеко не все имевшиеся в этой сфере проблемы. Основными из них оставались следующие: постоянно расширяющийся круг видов контроля, выведенных из-под действия Закона 294-ФЗ [1], сохранение возможности использования контроля в качестве инструмента давления на отдельных субъектов предпринимательской деятельности, недостаточный уровень защиты охраняемых законом ценностей в силу невозможности осуществления сплошного контроля. Так, по оценкам Высшей школы экономики, существующие мощности большинства контрольно-надзорных органов позволяют провести проверку одного лица раз в 30 лет, лишь наиболее активные контрольно-надзорные органы способны провести

такую проверку раз в 5-6 лет [2]. Выход из создавшегося положения большинство экспертов усматривали во внедрении так называемого «риск-ориентированного подхода при планировании проверок», предполагающего автоматизированный контроль за индикаторами, характеризующими степень риска правонарушений в деятельности хозяйствующих субъектов или степень опасности используемых ими производственных объектов, и концентрацию усилий контрольных органов на проверке тех субъектов, деятельность которых по этим индикаторам характеризуется как наиболее рискованная [2-4]. Одновременно такой подход позволял снизить вмешательство контролирующих органов в деятельность хозяйствующих субъектов, которая не сопряжена с высокими рисками. Для решения этих проблем Правительство в 2016 году утвердило план мероприятий по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации, направленный на повышение ее эффективности, в том числе за счет внедрения риск-ориентированного подхода при планировании проверок и системы оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности, а также на снижение административной нагрузки на проверяемых лиц [5].

Эти направления повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности актуальны и для контроля за соблюдением бюджетного законодательства и законодательства о контрактной системе (далее в настоящей статье – «контроль в бюджетной сфере»), однако в публикациях, посвященных этому виду контроля, им уделяется мало внимания. Предметом исследований в этой области чаще всего являются вопросы совершенствования понятийного аппарата законодательства [6-8], уточнение полномочий отдельных органов бюджетного контроля [9-10], различные процедурные аспекты контрольно-надзорной деятельности в бюджетной сфере [11-12]. Не оспаривая значимости вопросов, затрагиваемых в этих исследованиях, мы, однако, считаем, что они упускают из виду наиболее серьезные проблемы, присущие существующей системе контроля в бюджетной сфере.

Основной из этих проблем представляется низкая эффективность последующего контроля, что выражается в слабом влиянии деятельности контрольных органов на уровень правонарушений и масштабы ущерба, причиняемого ими бюджету. Главной причиной такого положения является высокая степень латентности наиболее тяжких правонарушений в бюджетной сфере, сопряженных с хищением бюджетных средств. Поэтому в процессе проверок чаще всего выявляются несущественные процедурные нарушения, ущерб от которых минимален в сравнении с латентными хищениями. Между тем как самые распространенные способы хищений – завышение цен при закупках с целью получения от контрагента так называемого «отката», фиктивные сделки с аффилированными лицами – за отсутствием доказательств хищения в лучшем случае квалифицируются как «неэффективное использование бюджетных средств», что исключает какую-либо ответственность. Например, в представлении Счетной палаты по результатам проверки одного из федеральных министерств указывается, что данное Министерство потратило более 86 млн руб. на оплату контрактов на выполнение «научных работ», которые «не относятся к научно-исследовательской деятельности и являются установленными полномочиями» самого этого министерства [13]. В другом представлении Счетной палаты приводится факт, что один из ГУПов ФСИН России заключил контракт на услуги по технической эксплуатации административного здания, цены на которые в 5,4 раза превышали цены на аналогичные услуги исполнителя, ранее осуществлявшего техническую эксплуатацию этого здания, в результате чего «неэффективные расходы» бюджетных средств только за 5 месяцев составили около миллиона рублей [14]. Подобные факты приводятся в большинстве представлений Счетной палаты, однако ни одно из них не содержит предложения компенсировать бюджету причиненный ущерб.

Уголовные дела при наличии подозрений в хищении возбуждаются достаточно редко опять-таки по причине сложности расследования таких дел. Так, в 2015-2016 годах по материалам проверок, проведенных Счетной палатой, было возбуждено соответственно 40 и 45 уголовных дел (причем процент осужденных по этим делам неизвестен) [15-16].

Косвенным подтверждением того факта, что деятельность контрольных органов в основном сосредоточена на выявлении процедурных нарушений, которые не причиняют бюджету реального ущерба, является то, что в отчетности контрольных органов показатель объема причиненного ущерба вообще отсутствует. Вместо него используется показатель объема «выявленных нарушений и недостатков». При этом объемы взысканий в бюджет по итогам контроля составляют ничтожный процент от объема «выявленных нарушений и недостатков». Например, в 2014 г. по результатам проверок Счетной палаты возмещено (с учетом сумм, компенсированных по предписаниям, и административных штрафов) 0,2%

от суммы выявленных нарушений [17], в 2015 г. этот показатель увеличился до 2%, но в 2016 вновь упал до 0,9%. При этом расходы на содержание Счетной палаты в 2014 г. в 2,8 раза превышали сумму поступлений от ее деятельности, а в 2015-2016 годах составляли соответственно 35% и 39,7% таких поступлений [15-17].

Помимо латентности хищений и отсутствия реального ущерба от большинства бюджетных правонарушений низкий процент взысканий в бюджет по итогам контроля объясняется также отсутствием механизма возмещения причиненного бюджету ущерба. Так, поправками, внесенными в Бюджетный кодекс в 2004 г. [18] финансовые органы были лишены права взыскивать с бюджетополучателей в бесспорном порядке бюджетные средства, используемые не по целевому назначению (в настоящее время такая мера применяется исключительно к субнациональным бюджетам в случае нецелевого использования межбюджетных трансфертов). Это решение, в целом, было правильно, поскольку такое взыскание, во-первых, должно было применяться безотносительно к наличию реального ущерба от правонарушений, во-вторых, негативные последствия правонарушений, допущенных руководителями бюджетополучателей, ложились на самих бюджетополучателей, а главное – изъятие бюджетных средств у бюджетополучателей, финансируемых исключительно или преимущественно из бюджета, бессмысленно, если только государство одновременно не отказывается от покрытия таким бюджетополучателям расходов на предоставление гос. услуг (если же отказывается, то ущерб, причиненный бюджету, покрывает уже население, недополучая услуги) [19]. Однако принимая это решение, законодатель, во-первых, полностью не отказался от привлечения бюджетополучателей к ответственности за правонарушения их руководителей. Так, по ст.15.14 КоАП РФ (нецелевое использование бюджетных средств) штраф с организации составляет от 5 до 25% средств, израсходованных нецелевым образом. Для должностного лица, безотносительно к сумме причиненного ущерба, штраф ограничен 50 тыс. руб. Механизм привлечения должностных лиц бюджетных учреждений к гражданской ответственности за причиненный последним ущерб вне рамок уголовного дела отсутствует. Таким образом, с одной стороны, бюджетное учреждение по-прежнему несет ответственность за правонарушения, допущенные его руководителями, даже если реальный ущерб бюджету не был причинен (например, если средства, «переброшенные» с одной статьи сметы на другую, были восстановлены до окончания срока действия сметы) [20-21]. Очевидные недостатки действующего законодательства порой побуждали высшие суды отменять решения о наложении крупных штрафов на бюджетные учреждения, принятые в полном соответствии с законом. Например, Верховный суд РФ оставил в силе решение о замене наложенного на государственное автономное учреждение по ч.2 статьи 15.15.5 КоАП РФ («невыполнение государственного (муниципального) задания») штрафа в размере более 21 млн руб. устным замечанием ввиду «малозначительности совершенного правонарушения» [22]. Конституционный суд признал не соответствующими Конституции нормы КоАП, в силу которых привлечение к административной ответственности некоммерческих организаций, осуществляющих социальные, культурные, образовательные, научные и другие функции, «сопровождается такими существенными обременениями, которые могут оказаться для них непосильными и привести к самым серьезным, вплоть до вынужденной ликвидации, последствиям» [23]. С другой стороны, никто не обязан компенсировать ущерб, реально причиненный бюджету доказанными правонарушениями (не говоря уже о латентных), поскольку ответственность учреждения ограничена 25% от суммы ущерба, а ответственность должностного лица вовсе с суммой ущерба не связана, будучи ограничена абсолютной суммой в 50

тыс. руб.

Низкая эффективность контроля в бюджетной сфере усугубляется его избыточностью. Так, на федеральном уровне контроль по пересекающемуся предмету осуществляют:

- Счетная палата - последующий контроль по неограниченному кругу вопросов;

- Казначейство - предварительный и последующий контроль по неограниченному кругу вопросов, в том числе контроль за планированием закупок и исполнением контракта;

- ФАС - предварительный и последующий контроль за закупками в части определения поставщика и заключения контракта;

- ГРБС, которые с 2014 г. обязаны создавать подразделения ведомственного фин. контроля и отчетываться о его результатах перед Казначейством. Целесообразность введения обязательного ведомственного контроля сомнительна, так как он не может заменить внешний ни по объективному (в силу непрофессионализма), ни по субъективным причинам (ГРБС заинтересованы представлять свою деятельность в наиболее привлекательном свете).

С учетом сказанного ключевыми направлениями совершенствования государственного контроля в бюджетной сфере представляются, во-первых, снижение издержек государства и подконтрольных субъектов на осуществление контроля при существующем уровне его эффективности, и во-вторых, повышение эффективности контроля – то есть сокращение объемов ущерба, причиняемого бюджету правонарушениями. Эти задачи неравноценны по своей значимости и реалистичности их достижения. Первая может быть решена достаточно простыми мерами, однако ее решение кардинально не изменит ситуацию. Вторая может иметь значительный эффект, однако не может быть решена без применения радикальных мер, имеющих серьезные побочные эффекты.

В рамках решения первой задачи – то есть снижения издержек государства и подконтрольных субъектов на осуществление контроля при существующем уровне его эффективности - представляется целесообразным:

1. Сократить дублирование контрольных полномочий Счетной палаты и Федерального казначейства за счет переориентации Казначейства преимущественно на предварительный контроль, при сохранении за Счетной палатой функций последующего контроля.

2. Сократить дублирование полномочий Федерального казначейства и главных распорядителей бюджетных средств (ГРБС одним из следующих способов:

- учитывать результаты внутреннего контроля при составлении плана проверок Казначейства (минимизировать внешние проверки ГРБС с высоким качеством внутреннего контроля). Недостатком данного варианта является сложность оценки качества внутреннего контроля (неясно, например, являются ли показателями его эффективности большое или, напротив, малое число выявленных правонарушений) и широкие возможности для манипуляции этими показателями со стороны ГРБС;

- поэтому более предпочтительным вариантом оптимизации представляется отмена всех нормативных требований к организации внутреннего контроля, который в этом случае становится внутренним делом ГРБС.

3. Целесообразно свести к минимуму последующий контроль Казначейства в сфере госзакупок, который почти бесполезен, так как заключенный даже с грубейшими нарушениями контракт на практике расторгнуть невозможно, а существующие санкции для закупочных чиновников (штраф до 50 тыс. руб.) не сопоставимы с теневыми доходами от нарушений в этой сфере, а потому не выполняют превентивной функции.

Учитывая высокую степень латентности коррупционных нарушений, задача сокращения объемов ущерба, причиняемого ими бюджету, является крайне сложной.

Мы усматриваем лишь два возможных способа решения этой задачи, каждый из которых имеет существенные недостатки:

1. Можно ввести в бюджетное законодательство нормы, используемые для борьбы с латентными правонарушениями в налоговом и гражданском праве (например, возможность пересмотра результатов сделок с трансфертными ценами; возможность привлечения руководителей бюджетных учреждений к гражданской ответственности за «лишенные деловой цели» сделки, причинившие ущерб организации).

Очевидным недостатком этого решения является расширение сферы применения оценочных понятий в праве, создание возможностей для их избирательного использования в репрессивных целях и т.д. В то же время, следует отметить, что после состоявшейся в большинстве развитых стран рецепции оценочных категорий из гражданского права в налоговое (базирующееся на тех же иерархических принципах, что и бюджетное) объективных оснований для отказа от применения оценочных категорий в бюджетном праве не существует.

2. Поскольку основная масса коррупционных правонарушений имеет место при осуществлении госзакупок, сюда и следует сместить основной акцент контрольной деятельности, причем такой контроль должен быть направлен не на наказание, а на предотвращение причинения ущерба, то есть быть предварительным и по возможности – автоматизированным. В частности, здесь возможны следующие меры:

2.1. Расширение сферы применения автоматизированного контроля за содержанием документации о закупках. Фиксация отклонения от нормативных требований должна влечь одно из трех последствий:

- либо препятствовать размещению документации в единой информационной системе (например, если товарная позиция, подлежащая размещению на аукционе, размещается на конкурсе; если начальная максимальная цена (НМЦК) контракта превышает порог, при котором допускается применение данной процедуры, и пр.);

- либо влечь приостановление размещения заказа до получения санкции ФАС (например, отклонение характеристик закупаемой типовой продукции от предусмотренных каталогом товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд); в перспективе – при наличии в каталоге референтных цен товаров, работ, услуг, закупаемых для государственных нужд - отклонение НМЦК контракта от референтных значений);

- либо влечь блокировку оплаты контракта при наличии неисполненного предписания ФАС об отмене результатов размещения заказа.

2.2. Последующий казначейский контроль за исполнением любых контрактов целесообразно заменить предварительным контролем за исполнением крупнейших контрактов (как, например, строительство или поставки дорогостоящего оборудования) на стадии приемки до оплаты.

2.3. Целесообразно ввести предварительное санкционирование (ФАС или Казначейством) одностороннего расторжения контракта по инициативе заказчика, которое стало одним из способов обхода конкурентных процедур (объем расторгнутых заказчиком контрактов растет из года в год и в 2016 г. достиг 3% от общего объема контрактов).

Расширение практики санкционирования закупочных решений заказчиков имеет два очевидных недостатка. Во-первых, это потребует увеличения штатов контрольных органов, что, однако, может быть компенсировано сокращением масштабов последующего контроля. Во-вторых, это повлечет удлинение процедур закупок.

Второй недостаток можно смягчить разными способами, например:

а) Ограничить сферу предварительного санкционирования по объекту – кругом крупнейших закупок.

Минусом этого варианта является, во-первых, возможность дробления закупок для обхода контроля в отношении сомнительных процедур, и, во-вторых, - расширение контроля на крупные «честные» закупки.

б) Ограничить сферу предварительного санкционирования по субъекту – кругом «подозрительных заказчиков». Круг «подозрительных заказчиков» можно определять по целому ряду критериев, соблюдающихся на протяжении ряда лет, например:

- низкое число участников конкурентных торгов;
- признание одного поставщика победителем формально конкурентных процедур на протяжении длительного периода;
- высокая доля несостоявшихся торгов;
- значительное число жалоб участников торгов на заказчика, признанных обоснованными, и пр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Добролюбова Е.И., Южаков В.Н. Комплексный мониторинг практики применения Федерального закона от 26 декабря 2008 года №294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» в 2012 году: итоги и рекомендации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. №1. С.79-90

2. Административная реформа и сокращение контрольно-надзорных функций. Аналитический доклад под ред. Кузьмина Я.И., Жулина А.Б. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://conf.hse.ru/data/2016/04/21/1130135177> (дата обращения: 27.02.2018)

3. Контрольно-надзорная деятельность в Российской Федерации: Аналитический доклад. – 2013. – М.: МАКС Пресс, 2014. - 2-е изд. доп. – 320 с.

4. Голикова Т.А. Основные направления совершенствования финансового контроля // Вестник АКСОР. 2013. № 4 (28). С. 5-7.

5. Распоряжение Правительства РФ от 01.04.2016 N 559-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации на 2016 - 2017 годы»

6. Арзуманова Л.Л., Болтинова О.В., Бубнова О.Ю. и др. Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы - М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. - 383 с.

7. Маремкулова Р.Н., Индреева М.Х., Лигидова З.А., Шокумова Л.А. Проблемы совершенствования законодательства о финансовом контроле в Российской Федерации // Вопросы экономики и права. 2017. № 110. С. 7-11.

8. Воронин Ю.М. О государственном (муниципальном) финансовом контроле // Финансы. 2014. № 6. С. 40-46.

9. Сугарова И.В. Финансовый контроль и место федеральной службы финансово – бюджетного надзора в системе финансового контроля // Налоги и налогообложение. 2015. № 7. С. 556-564.

10. Крохина Ю.А. Реформирование законодательства о государственном финансовом контроле: опыт России и зарубежных стран // Вопросы правоведения. 2011. № 3. С. 180-192.

11. Контроль в финансово-бюджетной сфере: научно-практическое пособие / И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина, Н.Е. Абрамова и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2016. — 320 с.

12. Конохова Т.В. Проблемы совершенствования законодательства о финансовом контроле в Российской Федерации // Журнал российского права. 2008. № 2 (134). С. 48-58.

13. Представление Счетной палаты РФ от 30.05.2014

N ПР 09-129/09-05 «О результатах контрольного мероприятия «Проверка исполнения Федерального закона «О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» и бюджетной отчетности об исполнении федерального бюджета за 2013 год в Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации»»

14. Представление Счетной палаты РФ от 29.05.2014 N ПР 07-113/07-02 «О результатах контрольного мероприятия «Проверка исполнения Федерального закона «О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» и бюджетной отчетности об исполнении федерального бюджета за 2013 год в Федеральной службе исполнения наказаний»

15. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2015 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/activities/annual_report/#874 (дата обращения: 27.02.2018)

16. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2016 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/activities/annual_report/#896 (дата обращения: 27.02.2018)

17. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2014 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/activities/annual_report/#842 (дата обращения: 27.02.2018)

18. Федеральный закон от 28.12.2004 N 182-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в связи с образованием Федерального казначейства»

19. Золотарева А.Б. Проблемы определения границ и организации системы государственного и муниципального финансового контроля» // Современное право. 2008. №12. с. 73-79

20. Постановление Верховного Суда РФ от 01.06.2016 N 304-АД16-2070 по делу N А45-20765/2015 // Доступ из СПС КонсультантПлюс

21. Постановление Верховного Суда РФ от 07.10.2016 N 304-АД16-12516 по делу N А45-20757/2015 // Доступ из СПС КонсультантПлюс

22. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2017 г. N 308-АД16-19768 // Доступ из СПС КонсультантПлюс

23. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. N 4-П // Доступ из СПС КонсультантПлюс

Статья поступила в редакцию 02.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

К ВОПРОСУ О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР ЗАЩИТЫ КОНКУРЕНЦИИ

© 2018

Камалиева Лиана Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики»

Следь Юрий Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики»

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, филиал в Набережных Челнах
(423812, Россия, Набережные Челны, проспект Сююмбике, д. 10А, e-mail: yuriisled@mail.ru)*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 27 октября 2017 года, направленного на совершенствование инструментов уголовно-правовой политики в сфере противодействия антиконкурентным соглашениям. Авторы проанализировали последние изменения в развитии картелей, как одного из видов антиконкурентного соглашения, обозначили основные общественно-опасные последствия заключения антиконкурентных соглашений, выявили сферы их проникновения и причины отсутствия должной практики привлечения к уголовной ответственности по ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации. На основании проведенного комплексного исследования первоначальной и окончательной редакций представленного Федеральной антимонопольной службой России законопроекта, выявлены противоречия в позиции разработчиков. Авторы приводят аргументы, подтверждающие, выбранный законодателем узконаправленный способ уголовно-правового регулирования исследуемых правоотношений. Обращается внимание на отсутствие в рамках предложенной редакции статьи предполагаемого эффекта предупреждения исследуемых видов преступлений по мере развития предпринимательской практики, в том числе изменения способов и форм ограничения конкуренции. Обосновывается позиция авторов о необходимости использования общей уголовно-правовой нормы, имеющей бланкетную диспозицию, позволяющей криминализовать все формы преступного монополизма.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, картель, антиконкурентные соглашения, антимонопольное законодательство, коррупционные правонарушения, монополистическая деятельность, законопроект, бланкетная диспозиция.

TO THE QUESTION ON WAYS OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL-LEGAL MEASURES OF PROTECTION OF COMPETITION

© 2018

Kamaliev Liana Aleksandrovna, candidate of legal sciences, associate professor of the department
of «Criminal law, criminal procedure and criminology»

Sled Yuri Gennadievich, candidate of legal sciences, associate professor of the department
of «Criminal law, criminal procedure and criminology»

*Kazan (Privolzhsky) Federal University, branch in Naberezhnye Chelny
(423812, Russia, Naberezhnye Chelny, prospekt Syuyumbike, 10A, e-mail: yuriisled@mail.ru)*

Abstract. The article is devoted to the consideration of the draft Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation” dated October 27, 2017, aimed at improving the instruments of the criminal legal policy in the field of counteraction against anticompetitive agreements. The authors analyzed the recent changes in the development of cartels as one of the types of anticompetitive agreement, outlined the main socially dangerous consequences of the conclusion of anticompetitive agreements, identified areas of penetration and the reasons for the lack of proper practice of bringing to criminal liability under art. 178 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the comprehensive study of the initial and final versions of the draft law submitted by the Federal Anti-Monopoly Service of Russia, contradictions in the position of developers have been revealed. The authors give arguments confirming the narrowly chosen way of the criminal-legal regulation of the legal relations studied by the legislator. Attention is drawn to the absence in the proposed version of the article of the alleged effect of preventing the types of crimes investigated, as business practices develop, including changes in the ways and forms of restricting competition. The author’s position is based on the need to use a common criminal law norm, which has a blanket disposition, which allows to criminalize all forms of criminal monopolism.

Keywords: unfair competition, cartel, anticompetitive agreements, antimonopoly legislation, corruption offenses, monopolistic activity, bill, blanket disposition.

Современная рыночная экономика, созданная на принципах свободы договора и добросовестной конкуренции, является крайне уязвимой в случае заключения конкурентами соглашений, ограничивающих конкуренцию на товарном рынке.

Проанализировав почти двадцатилетнюю историю существования антимонопольного законодательства, можно сделать вывод, что применение запретов на антиконкурентные соглашения не имеет такой богатой практики, как реализация запретов на злоупотребление доминирующим положением или недобросовестная конкуренция [1].

Следует отметить произошедшие качественные изменения в одном из видов антиконкурентного соглашения – картеле. Так увеличился средний период их существования – до двух-трех лет, и если раньше количество аукционов, охватываемых деятельностью одного картеля, исчислялось единицами и в редких случаях – десятками, то сейчас сговоры распространяются на сотни аукционов.

Представляют повышенную общественную опасность антиконкурентные соглашения, в которых участвуют государственные служащие, поскольку вред в подобных случаях наносится не только конкуренции, но и интересам государственной службы. Главное негативное последствие сговоров на торгах – увеличение бюджетных расходов в связи с отсутствием реальной конкуренции на аукционах и конкурсах (при этом в год для проведения государственных закупок и закупок компаний с государственным участием из бюджета выделяется около тридцати трлн. рублей, что позволяет говорить о сотнях миллионов ущерба от картелей для бюджетов всех уровней).

Зачастую картели отвечают всем критериям организованных преступных групп или преступных сообществ. Разработка сметных индексов для строительства космодрома «Восточный», строительство дорог и больниц, добыча водных биологических ресурсов, поставка медикаментов и медицинского оборудования, обеспечение населения продуктами питания – далеко не полный

перечень стратегически важных отраслей отечественной экономики, в которых были выявлены картели.

Антиконкурентные соглашения проникли в сферу государственного оборонного заказа. Потерпевшими от сговоров на торгах оказались следующие ведомства: Министерство обороны России, Федеральная служба безопасности России, Министерство внутренних дел России, Счётная палата Российской Федерации, Федеральная таможенная служба Российской Федерации, Федеральная налоговая служба Российской Федерации, Центральная избирательная комиссия Российской Федерации.

Часто картели сопровождаются коррупционными правонарушениями. Чиновник, контролирующий решение государственного заказчика, и вступившая с ним в сговор компания заинтересованы в заключении по результатам торгов контракта по наиболее выгодной для компании цене.

Извлечение дополнительной прибыли за счёт картеля склоняет правонарушителей на пролонгацию заключённых антиконкурентных соглашений и распространение на другие регионы или сферы бизнеса. Кроме того, некоторые правонарушители склонны компенсировать издержки от административных штрафов расширением картельной деятельности.

Увеличение числа картелей и иных антиконкурентных соглашений, их проникновение в стратегические, жизненно важные сферы деятельности государства, составляющие основу национальной безопасности страны, сложившаяся экономическая и внешнеполитическая ситуация в целом, требуют соответствующего ответа, в частности, внесения в законодательство Российской Федерации изменений, которые отразят общественную опасность антиконкурентных соглашений, а также будут способствовать развитию практики противодействия им.

В связи с чем, 27 октября 2017 года Федеральная антимонопольная служба России представила проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [2], направленного на совершенствование инструментов уголовно-правовой политики в сфере противодействия антиконкурентным соглашениям, в частности картелям.

Обосновывая необходимость введения уголовной ответственности за картели, Федеральная антимонопольная служба России исходила из степени их общественной опасности, которая, по ее мнению, сегодня недооценена. Это проявляется в отношении законодателя к нормам об ответственности за картели, в деятельности правоохранительных органов и расхожих стереотипах, бытующих как в общественном сознании, так и в правоприменительной деятельности.

По мнению разработчиков законопроекта совершенствование инструментов уголовно-правовой политики в сфере противодействия антиконкурентным соглашениям требует принятия новой редакции статьи 178 и введения новой статьи 178.1 в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [3], предусматривающих:

- приведение диспозиции статьи 178 УК РФ в соответствие с определением картеля, указанным в Законе «О защите конкуренции» [4];

- закрепление отдельных, квалифицированных составов преступлений для картелей на торгах и антиконкурентных соглашений организаторов торгов и (или) заказчиков с участниками этих торгов (статья 178.1 УК РФ);

- введение в уголовный закон особо квалифицированных составов в статьях о картелях – для лиц, использующих своё положение в коммерческих и иных организациях, для участников картелей, причинивших особо крупный ущерб или позволивших извлечь доход в особо крупном размере;

- введение в уголовный закон положения о том, что

лицо, первым признавшееся в заключении картеля (участии в нём), освобождается от уголовной ответственности, и при этом от него не будет требоваться возмещение причинённого картелем ущерба, что соответствует принципам программы освобождения от ответственности за заключение антиконкурентного соглашения, закреплённым антимонопольным и административным законодательством.

Отметим, что в дальнейшем данный законопроект был скорректирован и в настоящее время предусматривает необходимость изложения только ст. 178 УК РФ в новой редакции [5]:

«Статья 178. Заключение ограничивающего конкуренцию соглашения

1. Заключение картеля, запрещённого антимонопольным законодательством, а равно участие в нём, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, – наказываются ...

2. Заключение картеля, запрещённого антимонопольным законодательством, а равно участие в нём, если это деяние повлекло повышение, снижение или поддержание цен на торгах и причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, – наказываются ...

3. Заключение ограничивающего конкуренцию соглашения между организатором торгов и (или) заказчиком с участником торгов, запрещённое антимонопольным законодательством, а равно участие в нём, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, – наказываются ...

4. Деяния, предусмотренные ч.ч. 1, 2 или 3 настоящей статьи, совершённые лицом, выполняющим функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа в коммерческой или иной организации, а также лицом, распоряжающимся более чем 50 % общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнёрства), – наказываются ...

5. Деяния, предусмотренные ч.ч. 1, 2, 3 или 4 настоящей статьи, совершённые:

а) организованной группой;

б) с причинением особо крупного ущерба;

в) с причинением насилия или с угрозой его применения, а равно сопряженные с уничтожением имущества либо с угрозой его уничтожения;

г) с извлечением дохода в особо крупном размере, – наказываются ...

Примечания. 1. Под доходом в настоящей статье признается выручка от реализации товаров (работ, услуг), извлеченная всеми участниками ограничивающего конкуренцию соглашения без вычета произведенных расходов.

2. Доходом в крупном размере в настоящей статье признается доход, сумма которого превышает 100 000 000 рублей, а доходом в особо крупном размере – 500 000 000 рублей.

3. Крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб, сумма которого превышает 20 000 000 рублей, а особо крупным ущербом – 60 000 000 рублей.

4. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию, возместило причиненный им ущерб или иным образом загладило причиненный им вред если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Также разработчики законопроекта указывают на

связь несовершенства формулировки диспозиции статьи с отсутствием должной практики привлечения к уголовной ответственности по статье 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая, по их мнению, некорректна с точки зрения антимонопольного законодательства.

В качестве доводов, обосновывающих указанную позицию, указывают, что понятие, признаки картеля, а также исчерпывающий перечень последствий установлен частью 1 статьи 11 Закона «О защите конкуренции» где отсутствует признак ограничения конкуренции. В связи с этим существует необходимость исключения из диспозиции статьи 178 УК РФ упоминания признака ограничения конкуренции как не соответствующего антимонопольному законодательству Российской Федерации. Помимо этого считают излишними такие квалифицирующие признаки как совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения, применение насилия и уничтожение имущества, а также угроза их наступления. Объясняя это тем, что: во-первых, заключить картель не может лицо, не обладающее служебным положением; во-вторых, в заключении соглашения могут принимать активное участие как «рядовые сотрудники» компании, так и её руководители. В связи с этим в качестве квалифицирующего признака в статью 178 УК РФ разработчики законопроекта предлагают ввести совершение данного преступления специальным субъектом.

Отметим, что ранее нами была опубликована статья [6], посвященная анализу изменений, внесенных Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ в определение и толкование признаков состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ. В указанной выше статье нами были проанализированы положения российского антимонопольного законодательства, в частности понятие, признаки и виды монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, систематизированы статистические данные Верховного Суда РФ с 1997 по 2017 годы по указанному составу преступления, освещены основные причины латентности ограничения конкуренции. На основании системного анализа положений гражданского, уголовного и административного законодательства в сфере ограничения конкуренции внесены предложения по совершенствованию уголовного закона (ст. 178 УК РФ).

Поэтому оставляя за рамками настоящего исследования, изложенную ранее нами точку зрения по данному вопросу, считаем необходимым указать на имеющиеся возражения относительно предложенной Федеральной антимонопольной службой России редакции статьи 178 УК РФ.

В первую очередь вызывает сомнение противоречивая позиция разработчиков законопроекта о признании излишними в статье 178 УК РФ таких квалифицирующих признаков преступления, как применение насилия и уничтожение имущества, а также угроза их наступления, и одновременное их наличие в предложенной редакции статьи (п. «в» ч. 5 ст. 178 УК РФ).

Во вторых, в качестве недостатков действующей редакции статьи 178 УК РФ, авторы законопроекта верно указывают, что «иные антиконкурентные соглашения, установление которых требует доказывание ограничения конкуренции в настоящее время не криминализованы», однако, несмотря на это, избирают узконаправленный путь при котором выделяют лишь картели, оставляя без внимания иные формы монополистической деятельности.

Исходя из предложенной Федеральной антимонопольной службой России редакции ст. 178 УК РФ следует констатировать, что уголовный закон, к сожалению, будет нуждаться в дальнейших изменениях в соответствии с развитием предпринимательской практики, в том числе изменения способов и форм ограничения конкуренции.

Авторами законопроекта без внимания оставлена возможность формулирования бланкетного вида диспозиции статьи, которая на протяжении многих лет успешно показала себя как в теоретической, так и в практической сферах. По аналогии можно представить, как выглядел бы в настоящее время уголовный закон при отсутствии бланкетного вида диспозиции ст. 264 УК РФ и включения в нее всех видов имеющихся ст. и в будущем возникших видов нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Полагаем, что выход из сложившейся ситуации видится в конструировании бланкетной уголовно-правовой нормы, содержащей в диспозиции статьи запрет всех видов монополистической деятельности без выделения в качестве особо опасного только картеля.

Представляется, что реализация изложенных выше предложений, в частности, использования бланкетной техники конструирования диспозиции ст. 178 УК РФ, охватывающей все формы преступного монополизма, и системный подход при использовании межотраслевой терминологии, положительно повлияет на формирование зрелых рыночных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Пузыревский С. Антиконкурентные соглашения и согласованные действия. <http://www.cljournal.ru/pomer03/66.html>
2. Проект № 02/04/10-17/00074514 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в редакции от 27.10.2017. <http://regulation.gov.ru/projects#npa=74514>
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954
4. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. 2006. № 162. 27 июля.
5. Доработанный проект № 02/04/10-17/00074514 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в редакции от 18.12.2017. <http://regulation.gov.ru/projects#npa=74514>
6. Камалиева Л.А., Следь Ю.Г. Уголовно-правовая охрана свободы конкуренции: проблемы законодательной регламентации и правоприменения // Современная научная мысль. 2017. № 6. С. 262 -268.

Статья поступила в редакцию 12.02.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 34.07

СПУТНИКОВЫЙ МОНИТОРИНГ КАК АСПЕКТ АВТОТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2018

Кравец Юрий Анатольевич, старший преподаватель

Тихоокеанский государственный университет

(680042, Россия, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136, e-mail: iii19000@mail.ru)

Аннотация. В статье проводится анализ правового регулирования отношений, возникающих в сфере применения государственной автоматизированной системы «ЭРА-ГЛОНАСС». Обоснована актуальность внедрения системы «ЭРА-ГЛОНАСС». Автором статьи делается вывод о возможности решения с помощью данной системы ряда задач, позволяющих улучшить автотранспортную безопасность. Предложено создание интеллектуальных транспортных систем в пределах муниципальных образований, с наделением их функциями автоматизированного управления, информирования, учета и контроля. На примере муниципального образования городской округ город Хабаровск изучена практика внедрения ИТС муниципальными образованиями, проведен теоретический анализ данной проблемы. Сделан вывод о том, что все аспекты, на которые должен быть направлен функционал ИТС можно разделить на две группы. Первую группу составляют функции, направленные на управление, контроль и информирование относительно дорожной инфраструктуры (управление городским движением и др.). Вторую группу составляют функции, направленные на управление, контроль и информирование относительно транспортного средства (предупреждение столкновений). С целью обеспечения полномочий федеральных органов в области обязанности органов власти субъектов РФ и органов местного самоуправления создания ИТС, автором предложено законодательное закрепление указанных полномочий.

Ключевые слова: спутниковая система, «ЭРА-ГЛОНАСС», навигация, автомобильные дороги, автомобиль, информационные технологии, безопасность.

SATELLITE MONITORING AS THE ASPECTS OF MOTOR TRANSPORT SECURITY

© 2018

Kravets Yuri Anatolyevich, senior lecturer

Pacific National University

(680042, Russia, Khabarovsk, ul. Pacific, 136, e-mail: iii19000@mail.ru)

Abstract. The article analyses legal regulation of relations arising in the application of state automated system “ERA-GLONASS”. It justifies urgency of introduction of the system “ERA-GLONASS”. The author concludes about the possibility of a solution by using this system a number of tasks that can improve trucking safety. The proposed establishment of intelligent transport systems in municipalities, giving them the functions of automated control, information, accounting and control. On the example of municipal formation city district city of Khabarovsk studied the practice of implementation of its municipal entities, the theoretical analysis of this problem. It is concluded that all aspects that should be focused functionality, its can be divided into two groups. The first group consists of functions to manage, control, and information on road infrastructure management (urban traffic, etc.). The second group consists of function aimed at managing, monitoring and informing about the vehicle (collision avoidance). To ensure the powers of the Federal bodies in the field of Alasania authorities of constituent entities of the Russian Federation and local governments create, its author proposed a legislative consolidation of this authority.

Keywords: satellite system “ERA-GLONASS”, navigation, road, automobile, information technology, safety.

28.12.2013 года был принят Федеральный закон РФ «О Государственной автоматизированной информационной системе «ЭРА-ГЛОНАСС»» № 395-ФЗ (далее – ФЗ РФ), с целью правового регулирования отношений, возникающих в связи с созданием и функционированием данной информационной системы.

Согласно ст. 2 ФЗ РФ, Государственная автоматизированная информационная система «ЭРА-ГЛОНАСС» (далее – система) – это федеральная государственная территориально распределенная автоматизированная информационная система экстренного реагирования при авариях, обеспечивающая оперативное получение формируемой в некорректируемом виде на основе использования сигналов глобальной навигационной спутниковой системы Российской Федерации информации о дорожно-транспортных и об иных происшествиях на автомобильных дорогах в Российской Федерации, обработку этой информации, ее хранение и передачу в экстренные оперативные службы, а также доступ к этой информации государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, юридических лиц, физических лиц, решение иных задач в области получения, обработки, хранения и передачи информации, не связанной с дорожно-транспортными и иными происшествиями на автомобильных дорогах в Российской Федерации.[2]

Государственная автоматизированная информационная система «ЭРА-ГЛОНАСС» обеспечивает оперативное получение информации о дорожно-транспортных и об иных происшествиях на автомобильных дорогах в Российской Федерации, ее обработку, хранение и пере-

дачу в экстренные оперативные службы, а также доступ к этой информации государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, юридических лиц, физических лиц.

Анализ ФЗ позволяет определить цели создания данной системы:

1. Оперативное получение на основе использования сигналов ГЛОНАСС информации о дорожно-транспортных и об иных происшествиях на автомобильных дорогах в Российской Федерации, обработки этой информации путем дополнения ее размещенной в системе информацией о транспортном средстве, передача обработанной информации в систему обеспечения вызова экстренных оперативных служб по единому номеру «112», а также взаимодействие с автоматизированной информационной системой обязательного страхования;

1. Предоставление размещенной в системе и обработанной информации о дорожно-транспортных и об иных происшествиях на автомобильных дорогах в Российской Федерации, о принятых мерах экстренного реагирования, об их своевременности и эффективности государственным органам, органам местного самоуправления, должностным лицам, юридическим лицам, физическим лицам;

2. Решение иных задач в области получения, обработки, хранения и передачи информации, не связанной с дорожно-транспортными и иными происшествиями на автомобильных дорогах в Российской Федерации, в том числе в коммерческих целях.

Система экстренного реагирования при авариях «ЭРА-ГЛОНАСС» начала полностью функционировать

на всей территории Российской Федерации с 1 января 2015 года.

Анализ нормативных правовых актов, регулирующих отношения, связанные с функционированием и эксплуатацией системы, позволил выявить этапы работы и схему реагирования «ЭРА-ГЛОНАСС».

В случае дорожно-транспортного происшествия устройство вызова экстренных оперативных служб, установленное на автомобиле, автоматически производит экстренный вызов в систему «ЭРА-ГЛОНАСС». Спутниковый сигнал ГЛОНАСС или ГЛОНАСС/GPS соединяют транспортное средство с оператором экстренной службы и одновременно отправляют в сеть точные координаты автомобиля, время дорожно-транспортного происшествия, VIN-номер, скорость, величину ударных перегрузок. Система «ЭРА-ГЛОНАСС» позволяет взаимодействовать с информационными системами МЧС, МВД и службами скорой медицинской помощи.

В соответствии с одной из целей создания системы, «ЭРА-ГЛОНАСС» взаимодействует с автоматизированной информационной системой обязательного страхования, а именно в случае дорожно-транспортного происшествия сервисы на основе системы могут оказать помощь в оформлении ДТП без участия сотрудников ГИБДД или аварийного комиссара, используя процедуру «Европротокола».

На основе системы возможно создание различных сервисов, как государственных, так и коммерческих. К примеру, водитель транспортного средства может получать различную необходимую ему информацию: о приближении к зоне чрезвычайной ситуации, о природных катаклизмах и изменениях метеорологической ситуации, об особенностях дороги, о приближении к заправочной станции, месту отдыха. Также могут быть установлены сервисы, которые могут позволить водителю транспортного средства получить такие услуги, как: эвакуация транспортного средства, техническая помощь.

Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 319 утверждена подпрограмма «Развитие гражданского использования системы ГЛОНАСС на транспорте» в рамках государственной программы «Развитие транспортной системы». Целью данной подпрограммы является повышение комплексной безопасности и устойчивости транспортной системы на основе использования системы ГЛОНАСС.

Данным Постановлением Правительства, а также Приказом Минтранса России от 05.06.2017 № 207, утверждены основные мероприятия государственной подпрограммы:

1. Создание и обеспечение постоянной эксплуатации системы экстренного реагирования при авариях «ЭРА-ГЛОНАСС». Реализация данного мероприятия осуществляется путем организации создания системы и предоставления субсидий АО «ГЛОНАСС», которое является ее оператором, в целях финансового обеспечения затрат в связи с функционированием системы «ЭРА-ГЛОНАСС». Мероприятие направлено на снижение времени доставки экстренным оперативным службам сообщения о дорожно-транспортном происшествии.

2. Создание региональных информационно-навигационных систем в субъектах Российской Федерации, функционирующих с использованием технологий ГЛОНАСС. Мероприятие реализуется путем предоставления субсидий субъектам Российской Федерации на создание региональных информационно-навигационных систем и направлено на создание в субъектах Российской Федерации навигационно-информационных систем, оснащение транспортных средств аппаратурой спутниковой навигации ГЛОНАСС или ГЛОНАСС/GPS.[3]

Эффективность спутникового мониторинга транспортных средств можно повысить и путем создания интеллектуальных транспортных систем (далее – ИТС) в пределах муниципальных образований, функциями

которых должны являться автоматизированное управление, информирование, учет и контроль для обеспечения юридических, финансовых, технологических и информационных потребностей участников транспортного процесса, а также требований транспортной, информационной и экономической безопасности общества.

Рассмотрим функционирование ИТС на примере города Хабаровска. Сервис, представленный на сайте www.bus27.ru, позволяет в режиме реального времени отслеживать передвижение муниципального и частного общественного транспорта, оснащенного аппаратурой ГЛОНАСС, просматривать его маршрут следования и расчетное время прибытия на остановку, узнавать точное количество транспорта на маршруте, а также получать информацию о пробках на дорогах.[4]

Как показывает практика внедрения ИТС муниципальными образованиями, а также теоретический анализ данной проблемы, все аспекты, на которые должен быть направлен функционал ИТС можно разделить на две группы.

Первую группу составляют функции, направленные на управление, контроль и информирование относительно дорожной инфраструктуры, к примеру:

1. Управление городским движением;
2. Предупреждение столкновений и обеспечение безопасности;
3. Сбор информации о дорожной обстановки и погодных условиях;
4. Сбор информации о проведении дорожных работ;
5. Управление пассажирскими перевозками;
6. Управление при дорожно-транспортных происшествиях;
7. Управление при чрезвычайных ситуациях;
8. Информирование участников транспортного процесса;

Управление грузовыми перевозками.

Вторую группу составляют функции, направленные на управление, контроль и информирование относительно транспортного средства, к примеру:

1. Предупреждение столкновений;
2. Оповещение о произошедшем столкновении;
3. Помощь водителю, путем предоставления необходимой ему информации.

Данная мера нуждается в законодательном закреплении, для того чтобы федеральные органы могли обязать органы власти субъектов РФ и органы местного самоуправления создать ИТС, которые будут выполнять все вышеперечисленные функции, и обеспечивать их функциональность.

Обобщая весь возможный функционал спутникового мониторинга с помощью системы ГЛОНАСС и, рассматривая его относительно автотранспортной безопасности, можно определить ряд задач, которые могут быть решены:

1. Оперативность реагирования на дорожно-транспортные происшествия;
2. Доведение информации до служб реагирования при возникновении опасных происшествий на транспорте;
3. Информирование участников дорожного движения о дорожно-транспортных происшествиях на дорогах;
4. Информирование участников дорожного движения о нарушениях ими правил дорожного движения;
5. Фиксация нарушения правил дорожного движения;
6. Оповещение участников дорожного движения об условиях дорожного движения.

Таким образом, можно отметить, что внедрение государственной автоматизированной информационной системы «ЭРА-ГЛОНАСС» главным образом нацелено на повышение транспортной безопасности, путем получения органами власти (федеральными, региональными, местными), а также иными ведомствами и службами информации о местоположении и состоянии объектов, за которыми осуществляется спутниковый мониторинг, и принятия соответствующих решений на основе данной

информации.

Оборудование транспортных средств спутниковой навигационной системой «ЭРА-ГЛОНАСС» будет эффективнее, если в муниципальных образованиях будут созданы интеллектуальные транспортные системы, которые будут обладать функциями мониторинга, управления, диспетчеризации движения общественного транспорта, а также функциями сбора и обработки информации о состоянии дорожной инфраструктуры и ее доведения до участников дорожного движения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Справочная информация: «Таможенный календарь на I квартал 2017 года» (по состоянию на 14.03.2017) (Материал подготовлен специалистами Консультант Плюс)

2. Федеральный закон от 28.12.2013 N 395-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О Государственной автоматизированной информационной системе «ЭРА-ГЛОНАСС» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016)

3. Приказ Минтранса РФ от 12.05.2005 N 45 «Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года»

4. Сервис для жителей и гостей города Хабаровск / сайт : www.bus27.ru

Статья поступила в редакцию 18.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 342.531.43

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ СУДОВ

© 2018

Лесных Елена Анатольевна, помощник заместителя Генерального директора
Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации

(107996, Россия, Москва, ГСП-6, улица Гиляровского, дом 31, корпус 2, e-mail: alesnykh@yandex.ru)

Аннотация. Цель: проследить тенденции развития российской административно-правовой традиции организационного обеспечения деятельности судов. Методы: в основе исследовательского историко-правового подхода лежал метод диалектического познания явлений юридической жизни, позволивший выявить закономерности их исторического развития в совокупности объективных и субъективных факторов. Также работа над статьей базировалась на современной постмодернистской парадигме, позволившей исследовать отечественную правовую реальность на разных исторических и административных уровнях. Диалектика в сочетании с постмодернистской парадигмой конкретизировали подбор компаративного, герменевтического, дискурсивного, формально-юридического методов исследования. Результаты: на основе анализа нормативно-правовых актов, регулирующих организационное обеспечение деятельности судов, а также исторической традиции, сделан вывод о медленной эволюции концептуального понимания и институтов такого обеспечения: от понимания и финансирования судов как административно подчиненной части государственного аппарата к выделению, самостоятельности их организационного обеспечения и, таким образом окончательного признания их формальной независимости. Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при дальнейшем изучении и преподавании вопросов проблематики статьи.

Ключевые слова: судебная система; обеспечение деятельности судов; история судебной системы; министерство юстиции; Судебный департамент, объективный фактор, субъективный фактор, отечественная правовая реальность.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL TRADITIONS ORGANIZATIONAL SUPPORT FOR RUSSIAN SHIPS ACTIVITIES

© 2018

Lesnyh Elena Anatolievna, assistant of Deputy General Director
Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation

(107996, Russia, Moscow, GSP-6, 31 Gilyarovskogo street, bldg 2, e-mail: alesnykh@yandex.ru)

Abstract. Purpose: to trace the development tendencies of the Russian administrative and legal tradition of organizational support for the activities of courts. Methods: the method of dialectical cognition of the phenomena of legal life was based on the historical and legal approach, which made it possible to reveal the laws of their historical development in the aggregate of objective and subjective factors. Also, work on the article was based on the modern postmodern paradigm, which allowed investigating the domestic legal. Reality at different historical and administrative levels. Dialectics in combination with the postmodern paradigm concretized the selection of comparative, hermeneutic, discursive, formal-legal methods of investigation. Results: Based on the analysis of regulatory legal acts regulating the organizational support of courts and historical traditions, it was concluded that the conceptual understanding and institutions of such provision are slowly evolving: from understanding and financing of courts as an administratively subordinate part of the state apparatus to the separation, independence of their organizational and, thus, the final recognition of their formal independence. Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activity in the further study and teaching of the problems of the article.

Keywords: judicial system; ensuring the activities of courts; history of the judicial system; Ministry of Justice; Judicial Department, objective factor, subjective factor.

Введение. Вопросы формирования статуса судей и обеспечения деятельности судов Российской империи во второй половине XVIII в. – начале XIX в. уже освещены в литературе [1]. Отметим, что вплоть до судебных реформ, судебные чины, как государственные служащие широко привлекались к исполнению разного рода государственных полномочий, что позволяло действовавшее тогда законодательство. Так, председатели судов руководили, либо входили в состав разного рода комитетов и комиссий по вопросам повинностей, налогов и сборов, кадастровой оценки, здравоохранения, пенитенциарным вопросам и др. [2, Собр. I. Т. XXVI. N 19501; Т. XXXI. N 24372; 3, Т. II. Ч. I. Ст. 2387, 4028]. Нередко уездные судьи исполняли полномочия городничих [2, Собр. I. Т. XXXIX. N 29927]. В то же время, вопросы организационного и финансового обеспечения деятельности российских судов, в литературе освещены крайне слабо. В этой связи мы поставили задачу выявить основные тенденции развития данного процесса.

Результаты исследования. Продвижение судей по службе и их обеспечение, предоставление отпусков, происходило наравне с губернскими чиновниками в рамках законодательства о государственной гражданской службе и зависело от губернской администрации, при этом выборная служба включалась в общий стаж и могла засчитываться как гражданская беспорочная служба с соответствующей выслугой лет, чинами и пенсиями [2, Собр. II. Т. X. N 8084]. Таким образом, служба

в судах пока не выделялась из государственной гражданской службы, а финансовое и иное обеспечение судов и судей шло в рамках финансирования губернских учреждений [1 с. 32].

Исходя из этого, судьи, как государственные чиновники получали государственные награды, денежное вознаграждение за добросовестную службу, соответствующие пенсии и пособия [3, Т. III. Кн. I. Ст. 1139; Кн. II. Ст. 241, 245, 246, 248, 256, 258.]. При этом, Закон по окладам жалования не дифференцировал судей из числа государственных служащих. На общих основаниях проводились корректировки доходов судей в 1825, 1835, 1857 и 1859 годах, бывшие, по своей сути индексациями.

В отличие от других служащих, с 1831 г. судьи могли получать дополнительные материальные компенсации по решению дворянских собраний, из средств земского сбора и сословных касс [2, Собр. II. Т. XII. N 10185. П. 4, 10542; Т. XIII. N 11163; 3, Т. III. Кн. II. Ст. 251, 256]. Интересным представлялся опыт своеобразной специализации доходов в виде взыскания в пользу судей половины сумм штрафов, взимавшихся с заявителей за обжалование законных решений суда, что, по мнению тогдашнего законодателя должно было «ободрять и поощрять» судей внимательно и тщательно рассматривать дела в строгом соответствии с Законом [2, Собр. II. Т. XXVII. N 20127. П. 10; Собр. II. Т. XII. N 10662; 3, Т. X. Ч. II. Ст. 237-241]. Принимая во внимание, что оценка регулирующего воздействия тогда не проводилась, эффектив-

ности данной практики неизвестна. Отметим лишь, что в период подготовки судебной реформы 1864 г. состояние законности в России критиковалось всеми, и обществом и властью. В авторитарном государстве правосудие повсеместно интерпретировалось в «кривосудие» [4]. В то же время, мы не склонны прямо увязывать вопросы организационного и материального обеспечения судов и судей с эффективностью правосудия, так как общая тенденция выделения судебных чинов, повышения их денежного довольствия способствовала автономизации суда, которая стала возможна лишь после судебной реформы.

В этом смысле обратим внимание на введенные правительством ещё в начале XIX в. районные коэффициенты за службу в удаленных частях империи [2, Собр. I. Т. XXVII. N 20410. П. 6], особенно в Сибири [2, Собр. I. Т. XLIV. Ч. 2. N 24985], распространявшиеся не только на жалование, но и на пенсии [2, Собр. II. Т. XXXI. N 31222.], причем председателям губернских судов (но не всем судебным чиновникам!) в Сибири с 1857 г. выплачивались ещё и специальные «подъемные» в виде пособия в сумме 450 руб. [2, Собр. II. Т. XXXII. N 32496].

В целом, основным источником официальных доходов судебных чиновников оставалось жалование. В удаленных губерниях оно, чаще всего представлялось недостаточным, что толкало судей на использование служебного положения в личных целях [5, с. 17]. При этом судебная коррупция, особенно на Урале и в Сибири, была фактически институализирована, превратившись в некое продолжение кормлений, на что правительство реагировало слабо. В этой связи влиятельные заводчики и иные лица, имевшие экономические интересы на Урале и в Сибири, имели постоянную статью своих расходов на регулярную передачу сумм судьям [6, с. 58-59] за положительное решение возникавших спорных вопросов. Таким образом, фактические доходы судебных чиновников, особенно в удаленных губерниях, были выше номинальных, что формировало определенную привлекательность службы там, учитывая удаленность от Центра и относительную слабость контроля.

В тот же время, нельзя не отметить усилия правительства по повышению привлекательности судебной службы. Помимо регулярных индексаций жалования, словесные представители в судах получали целый комплекс мер материальной и иной поддержки, так как оплата их труда была крайне низкой, отнесенной к усмотрению «общества» [3, Т. III. Кн. II. Ст. 431, 557], имевшего, как правило, скудный, дефицитный бюджет. Так, выборные лица суда, прослужившие 9 лет, освобождались от рекрутской повинности [2, Т. VI. N 4461, 4677. § 10. П. 2, § 130. П. 5; Т. IX. N 6712; 3, Т. III. Кн. II. Ст. 438, 555] купцы III гильдии и мещане, избранные в судебные должности не подвергались телесным наказаниям [2, Собр. II. Т. XVII. N 15206; 3, Т. III. Кн. II. Ст. 437].

В числе мер поощрения они могли быть удостоены похвальных листов от «общества» и получить звания «степенных» [2, Собр. II. Т. XXI. N 19814; 3, Т. III. Кн. II. Ст. 429 – 430], а также по истечению девяти лет беспорочной службы городские судьи получали право, пребывая в отставке носить мундир [2, Собр. II. Т. X. N 8020; 3, Т. III. Кн. II. Ст. 434].

Судебная реформа 1864 г. стала революционной ломкой старой судебной системы, она инициировала процесс автономизации судов, введение элементов разделения властей. В соответствии со ст. 1 «Учреждения судебных установлений» в России была выделена «власть судебная», которая теперь принадлежала мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему Сенату [7]. В то же время, в плане обеспечения судов, реформа была не столь революционна и в целом стала продолжением ранее проводившейся политики.

В п. 10 «Учреждения» содержалось указание нахождение «при судебных местах» канцелярии, т.е. дело-

производства суда, а также судебных приставов и канцеляристов на должности по судебному ведомству. В то же время, непосредственно вопросы организационного, материального и иного обеспечения судов «Учреждение» не затрагивало. Эти вопросы (материальное обеспечение судей, оклады содержания, пенсии и мундиры должностных лиц судебного ведомства), в соответствии со ст. 238 Учреждения, были вынесены в Приложение I.

Согласно ст. 10 Учреждения мировые судьи избирались сословиями в порядке, предусмотренном гл. 2 Учреждения и утверждались правительством, тогда как остальные должностные лица судебного ведомства определялись правительством, которое, соответственно определяло и их содержание.

«Расписание окладов содержания...» (Приложение I к «Учреждению») представляло чинов судебного ведомства по классам должностей и разрядам, т.е. как и всех остальных государственных служащих. При этом фиксировалась сумма годового оклада в серебряных рублях, что было скорее данью традиции, чем гарантией от инфляции, т.к. после денежной реформы Е.Ф. Канкрин, курсовые разницы бумажной и серебряной национальной валюты исчезли и рубль был относительно стабилен.

Примечательно, что совокупное содержание должностного лица рассчитывалось государством не в виде единого должностного оклада по разряду гражданской (в данном случае – судебной службы), а в виде годового дохода, состоящего из жалования (зарботной платы) по должности, столовых и квартирных денег.

Так совокупный годовой доход сенатора кассационного департамента Сената и Обер-прокурор кассационного департамента Сената (высшие служебные должности в судебной системе тех лет) составлял по 7000 рублей, соответственно, из которых жалование (зарботная плата) составляла лишь 3000 руб., а остальное (по 2000 руб.) приходилось на столовые и квартирные деньги. При этом первая часть дохода была фиксирована, тогда как две другие – могли корректироваться в зависимости от рыночной конъюнктуры на рынке продовольствия, дров и аренды жилья, что было особенно актуально для Санкт-Петербурга.

Примечательно, что государство, устанавливая фиксированный доход чинов судебного ведомства, старалось уравнивать зарплаты, тогда как в доплатах наблюдалась существенная дифференциация. Так, старший председатель и председатель департамента судебной палаты, имели должностной оклад такой же, как и у сенатора, т.е. 3000, однако, квартирные и столовые у них составляли у первого – 1500 руб., а у второго, только 1000 руб., соответственно. Прокурор судебной палаты, при том же окладе 3000 руб., имел также имел лишь по 1000 руб. [7]. Указанные суммы следует считать «чистыми», так как тогдашняя Россия не знала подоходного налога.

Следует отметить, что по штатам судебным учреждений не было существенной дифференциация доходов судей, прокуроров и служащих, обеспечивавших делопроизводство в столице, т.е. работавших при Сенате. Так, обер-секретарь кассационного департамента Сената, т.е. начальник канцелярии, получал 1800 руб. жалования и по 500 руб. квартирных и столовых денег, соответственно. В то же время, доход секретаря окружного суда, на которого, с учётом тогдашнего уровня развития (а точнее отсутствия) механизации делопроизводства, приходилась вся нагрузка, был существенно ниже: оклад составлял лишь 600 руб., а квартирные и столовые, соответственно – по 300 руб. [7].

Указанное содержание рассчитывалось как средства существования сотрудника судебных установлений и членов его семьи, так как на государственную службу принимались исключительно мужчины, а женщины не работали. Расходы, непосредственно связанные с несением службы, возмещались отдельно. Так, независимо

от содержания, судебные следователи получали служебные квартиры и лошадей для служебных поездок, как и чины полиции, а когда это было невозможно, им выплачивались квартирные деньги, а в Москве и Санкт-Петербурге, кроме того и деньги на проезд, в соответствии со штатами.

В Учреждении, несмотря на его реформаторский характер, все же ощущались сословные пережитки. Так, Земские собрания, были вправе свободно корректировать оклад мирового судьи, установленный в 1500 рублей, «по уважению дороговизны или по каким-либо другим местным причинам». В то же время, они не могли сделать это своим решением, а лишь ходатайствовали «пред высшим правительством» о повышении жалования как для отдельного (отдельных) мировых участках, так и по мировым округам, где это, по оценке земства, было необходимым. Кроме того, для оклада мирового судьи был установлен «потолок» в 2200 рублей, т.е. до уровня жалования члена окружного суда [7].

К началу XX века в России действовала нормативная база, обеспечивающая деятельность судов и профессиональных судей, работавших по скорректированным уставам 1860 годов. Вопросами обеспечения судов занималось министерство юстиции, выделяя для этого специальный бюджет.

С установлением советской власти суды были подчинены народному комиссариату юстиции РСФСР (далее – НКЮ РСФСР), который и организовал новую судебную систему. В ходе судебно-правовой реформы 1922–1924 гг. НКЮ РСФСР закрепил в судебной части, лишь полномочия по руководству судебными исполнителями, однако, наркомат сосредоточил у себя прямое управление судами [8].

В середине 1920 годов на основе Положения о судостроительстве РСФСР 1926 г. деятельность судов, включая вопросы организации и обеспечения, были регламентированы подзаконными актами. Судьи и сотрудники аппарата Верховного Суда РСФСР получили относительно нормальные материальные и бытовые условия, медицинскую помощь, в улучшении которых значительную роль играл местком профсоюзной организации. Верховный Суд РСФСР имел семь легковых и два грузовых автомобиля, три мотоцикла, три легковых и два грузовых экипажа, сани и лошадей [9]. Оснащение и материальное обеспечение городских и районных судов было существенно хуже, они финансировались Наркомюстом по остаточному принципу.

30 января 1928 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР Председатель Верховного Суда РСФСР был прямо подчинен Народному комиссару юстиции, что было подтверждено в Положении о Народном комиссариате юстиции РСФСР от 26 ноября 1929 г. [10] по которой Верховный Суд РСФСР вошел в состав аппарата НКЮ РСФСР.

С момента основания Верховный Суд РСФСР стремился вывести судебную систему из подчинения НКЮ и сделать её самостоятельной.

8 декабря 1936 г. СНК СССР утвердил новое Положение о НКЮ СССР, в числе задач которого сохранялось, в том числе и организационно-хозяйственное обслуживание судов, чем в 1936–1939 гг. в НКЮ СССР занимался административно-финансовый отдел.

Нормальные условия для работы судов не были созданы, в силу хронического дефицита средств [11, с. 61]. В 1939 г. все органы советской юстиции и суды (кроме прокуратуры) числили на балансе 142 автомобиля. Из-за нехватки бумаги, судебных протоколы, а нередко и решения, писали на оберточной бумаге или обороте использованных документов. В 1939–1940 гг. все советские суды получили всего 120 печатных машинок, при потребности 5 тысяч, поэтому каждая машинка распределялась личным указанием наркома юстиции СССР Н.М. Рычкова [12, с. 244].

Таким образом, в середине 1930-х годов нормальное

обеспечение судов отсутствовало, так как сами органы юстиции СССР пребывали в неудовлетворительном материальном положении и не были способны адекватно выполнять свои функции по организации работы судов, что подтверждается региональными исследованиями, выполненными на базе массовых источников [13]. Обеспечение судов и условия жизни судьи, в значительной степени зависели от воли местных или региональных партийных функционеров, так как в тот период народный судья воспринимался в качестве исполнителя воли партии. Материальное положение судов и бытовое – судей, в то время, в российской литературе оценивается как бедственное и постоянно ухудшавшееся по причине открытия тысяч новых судебных участков на оборудование и финансирование которых, просто не хватало средств [12, с. 18]. Обычным явлением было когда судья не имел жилья [14, с. 331].

В советский период судьи приравнивались к советским служащим, не относившимся к высокооплачиваемым категориям в государственном аппарате. Как крайне тяжелое отмечал материальное положение судей в 1930–1940 А.Я. Кодинцев [15, с. 36]. На скудное материальное обеспечение судов – обратили внимание как российские [16; 12], так и иностранные авторы [17]. Объяснялось это низкой значимостью деятельности суда, когда советское государство «не нуждалось в судебной власти, сформированной независимыми юристами высокого класса» [18, с. 52].

Война ещё более обострила дефицит финансирования. Суды не могли нормально выполнять свои функции. Члены областных судов, а также народные судьи и работники УНКЮ по карточному снабжению относились к третьей группе служащих, а это норма 400 гр. хлеба в сутки, тогда как прокуроры районов и помощники областных прокуроров были отнесены к первой группе. В годы войны заработная плата сотрудников судов не росла [15, с. 36], помещения судов, если не были изъяты (365 помещений за годы войны), находились в удручающем состоянии.

Паспортизация судебных участков 1945 г. показала неутешительный результат: на 1 ноября 1945 г. в РСФСР 1699 судебных участков (44,4%) размещались не более чем в трех комнатах, при этом в одной комнате работали 99 судов, в двух – 440 судов [15].

Подчинение судов органам юстиции и их бедственное, без преувеличения, материальное положение было явно противоестественным, подвергалось заслуженной критике и стало одним из поводов для упразднения волюнтаристским решением в 1956–1963 гг. Министерства юстиции СССР. После этого функции материально-технического обеспечения деятельности судов перешли местным Советам, с чем последние не справились и не могли справиться. Быстро стало ясно, что на суды и Советы не может быть возложена функция материального обеспечения. Суды в такой ситуации утрачивали независимость, так как председатели, становясь «просителями» обращались в органы исполнительной власти и к должностным лицам в поисках надлежащего финансирования, снабжения, ремонта и т.п.

В 1970-1972 годах Министерство юстиции СССР и министерства юстиции союзных и автономных республик были восстановлены и в соответствии со своими Положениями уже не имели права нарушать независимость суда, хотя и сохраняли право проверки в части «организации судов» (п. 3 ч. 4 ст. 19 Закона о судостроительстве), что в действительности вело к восстановлению старой практики.

В то же время, в части материального обеспечения судов в 1960–1980 годы, органы юстиции многое сделали для обеспечения судов помещениями, их техническому оснащению, расширению штатов, повышению квалификации кадров и т.п.

Минюст РСФСР разработал комплекс нормативных актов по организации работы судов, делопроизвод-

ству, приемке, учету и хранению вещественных доказательств, судебной статистике, отчетах, систематизации законодательства и т.п.

После принятия в 1989 г. Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве (ст. 22) органы юстиции утратили контроль за судами, сохранив исключительно «организационное обеспечение деятельности судов». То же положение было закреплено в Законе о статусе судей (ч. 3 ст. 9).

В то же время, двухсотлетнее сохранение определенной зависимости судов от министерства юстиции в 1990 годы стало вступать в противоречие с требованиями времени, статусом судов. В первой половине 1990 годов, в условиях глубокого социально-экономического кризиса в стране, традиционная система обеспечения деятельности судов показала свою неэффективность.

В Конституции Российской Федерации провозглашен принцип разделения властей, что предполагает независимости судебной власти при (ст. 124) гарантии финансовой достаточности, хотя в 1993 г. эти гарантии независимости судебной власти были пока в основном декларативны, пока не было устранено препятствие в виде административного управления (контроля) со стороны исполнительной ветви власти. Напомним, что данная функция Минюста РСФСР в отношении судов в Законе РСФСР от 8 июля 1981 г. «О судостроительстве РСФСР» обозначена как «организационное руководство судами», что однозначно ставило судебную систему в зависимость.

На III (внеочередном) Всероссийском съезде судей (24–25 марта 1994 г.) было поддержано предложение об учреждении Судебного департамента как шага к дальнейшей самостоятельности судебной власти. Съезд счел необходимым учредить пока ещё в структуре Минюста Судебный департамент с единственной функцией: ресурсного, финансового, организационного и кадрового обеспечения судов [19]. Данное решение было проигнорировано Министерством юстиции. Постановление Президиума Совета судей Российской Федерации от 26 июня 1995 г. содержало указание на то, что на фоне скудного финансирования судов, органы юстиции расходовали выделенные бюджетные средства не на цели судебной деятельности. 18 октября 1995 г. Совет судей РФ выступил за учреждение Судебного департамента, но уже при Верховном Суде РФ (постановление «О признании необходимым создания Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации»), что было поддержано Верховным Судом РФ, а также Советом по судебной реформе и в комиссии Президента РФ, работавшей по этому вопросу.

Критика Министра юстиции РФ прозвучала на Президиуме Совета судей РФ 20 июня 1996 г. Стали обсуждаться предложения о передаче вопросов финансирования и материально-технического обеспечения судов от юстиции специализированному органу в составе судебной власти, т.е. в ведении Верховного Суда РФ [21, с. 122].

IV (Чрезвычайный) Всероссийский съезд судей (3–5 декабря 1996 г.) поставил задачу о передаче функций обеспечения судебной деятельности из Минюста РФ органу, действующему при судебной системе РФ и подотчетному судейскому сообществу.

Тогда же в Государственную Думу был внесен законопроект «О судебной системе Российской Федерации». В результате закрепление в Законе о судебной системе статуса нового органа – Судебного департамента при Верховном Суде РФ, а затем вступление в силу закона от 8 января 1998 г. завершило длительную, почти двухсотлетнюю эволюцию поиска оптимального варианта обеспечения деятельности судов общей юрисдикции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Воропанов В.А. Правовое регулирование статуса судей и судебных представителей в законодательстве Екатерины II // История государства и права. 2012. № 20.

С. 41–45.

2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ).

3. Собрание законов Российской империи (СЗ РИ).

4. О происхождении широко применявшегося в российской либеральной правовой литературе XIX в. термина «кривосудие» см. Дмитриев С. Наше кривосудие. СПб., 1907.

5. Воропанов В.А. Эволюция статуса судей в законодательстве Российской империи первой половины XIX в. // История государства и права. 2014. № 9. С. 15–19.

6. Мельчакова О.А. Организация судопроизводства в Нижнетагильском горнозаводском хозяйстве во второй половине XVIII–начале XIX в. // Проблемы истории России. Вып. 2. Опыт государственного строительства XV–XX вв. Екатеринбург, 1998. С. 58–59.

7. Учреждение судебных установлений от 20.11.1864 / Полный текст по СПС «Гарант» <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/>

8. Положение о Народном комиссариате юстиции. Утв. Декретом ВЦИК от 1 февраля 1923 г.,

9. Яцкова А. История советского суда // Отечественные записки. 2003. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2003/2/iackov.html>

10. Утв. II сессией ВЦИК XIV созыва.

11. Сысоев В.Д. Министерство юстиции России за 200 лет (1802–2002 гг.). Факты, события, лица // Журнал российского права. 2002. № 9.

12. Кодинцев А.Я. Государственная политика в системе органов юстиции СССР в 1933–1956 гг.: дисс... д-ра юрид. наук. 12.00.01. Екатеринбург, 2010.

13. Олейник И.И. Органы юстиции Верхневолжского региона в конце 1920-х – 1930-е гг.: ист.-пр. аспект. Владимир: ВЮИ, 2002; Служение закону и правде. Из истории юстиции России и Курской области. Курск: Катран, 2002; Юстиция: два века на службе закону. Из истории образования, становления, развития Министерства юстиции России и его ведомства на Вятской земле (по документам 1802–2002 гг. и свидетельствам очевидцев). Киров: Триада-С, 2002 и др.

14. Кожевников М.В. История советского суда. 1917–1947 гг. М., 1948.

15. Кодинцев А.Я. Материальное обеспечение судебной деятельности в СССР накануне и в годы войны // Администратор суда. М.: ИГ «Юрист». 2010. № 3.

16. 200 лет Министерству юстиции РФ (1802–2002): док. и воспоминания. СПб.: Юрид. центр пресс, 2002.

17. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. 527 с.

18. Коренева Ю.С. Становление и развитие социальной защиты судей в Российской Федерации // Сибирский Юридический Вестник. 2005. № 3.

19. Постановление III (внеочередного) Всероссийского съезда судей (24–25 марта 1994 года) от 25 марта 1994 г. «О концепции судебной системы Российской Федерации» // Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/1785996/#ixzz567tbAwIr>

20. Воропанов В.А. Правовое регулирование порядка отбора и назначения лиц на должности судей и судебных представителей в законодательстве Российской империи первой половины XIX в. // Администратор суда. 2013. № 1. С. 30–34.

21. Латыпова И.Р. Конституционные основы финансирования судебной власти в Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 3. С. 119–130.

22. Литвинова В.В. Финансирование органов судебной власти в России, Беларуси и Казахстане // Финансы: Теория и Практика. 2016. Вып. 20. № 5. С. 149–157.

23. Коржиков О.Н., Давыдов П.А. Научные основы концепции судебной политики в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1 (27). С. 69–72.

24. Романовский Г.Б., Шишкин А.Д. Понятие, зна-
Baltic Humanitarian Journal. 2018. Т. 7. № 1(22)

чение, особенности судебной власти в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2014. № 4. С. 38-51.

25. Гребнев Р.Д. На пути к новой концепции судостроительства в Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 70-74.

26. Курас Т.Л. Реформирование судебной системы в России: исторический опыт и современные проблемы. Региональный аспект // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4. С. 45-53.

27. Климанов А.Ю. Из отечественной истории реформирования судебной системы: судебная реформа 1864 года // Вестник Международного института экономики и права. 2017. № 1 (26). С. 123-130.

28. Деревскова В.М. Вопросы реформирования сибирской юстиции во второй половине XIX века в деятельности местной администрации // Сибирский юридический вестник. 2016. № 1. С. 3-10.

29. Попондопуло В.Ф., Слепченко Е.В. Об организации судебной системы в России // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 1. С. 63-74.

30. Мышко Ф.Г., Данилкин В.Н. Становление судебной системы России // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 12. С. 111-113.

Статья поступила в редакцию 20.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 349.444

О МОМЕНТЕ РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА НАЙМА СЛУЖЕБНОГО ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

© 2018

Папушина Наталья Юрьевна, судья
Новосибирский областной суд

(630091 Россия, Новосибирск, ул. Писарева, 35 e-mail: papushinanatalya@yandex.ru)

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам определения момента расторжения договора найма служебного жилого помещения при прекращении трудовых отношений между нанимателем и наймодателем. Установление момента расторжения договора найма необходимо для определения наличия причинно-следственной связи между прекращением трудовых отношений и прекращением отношений по найму служебного жилого помещения. Научная новизна предлагаемого подхода заключается в том, что автор полагает возможным отказаться от устоявшегося в доктрине представления о наличии прямой зависимости между прекращением трудовых отношений с работником и расторжением договора найма служебного жилого помещения. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что несмотря на утрату лицом статуса работника (служащего) он остается нанимателем служебного жилого помещения и, как следствие, сохраняет все права и обязанности по договору найма, т.е. между сторонами сохраняется действие ранее заключенный договор. В силу чего прекращение трудовых отношений может рассматриваться в качестве предпосылки возможного в будущем, но отнюдь не обязательного, расторжения договора найма. Расторжение данного договора происходит или в результате добровольного выезда нанимателя, или в результате вынесения судом решения по иску наймодателя о принудительном выселении. Последнее возможно в случае отказа нанимателя от добровольного выезда при предъявлении к нему соответствующего письменного требования. Истечение же срока, данного нанимателю для добровольного освобождения жилого помещения, может, по мнению автора, рассматриваться в качестве момента, с которого следует исчислять срок исковой давности по требованиям о выселении из служебного жилого помещения.

Ключевые слова: договор найма служебного жилого помещения, срок договора найма служебного жилого помещения, расторжение договора найма служебного жилого помещения, выселение из служебного жилого помещения, Жилищный кодекс Российской Федерации, правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации

ABOUT THE MOMENT OF TERMINATION OF A CONTRACT FOR TENANCY FOR EMPLOYEES

© 2018

Papushina Natalia Yurievna, judge
Novosibirsk regional court

(630091, Russia, Novosibirsk, street Pisareva, 35 e-mail: papushinanatalya@yandex.ru)

Abstract. The present article is devoted to the questions of dating of the dissolution of tenancy's contract at the employment termination between landlord and tenant. Determination of the moment of dissolution of tenancy's contract is necessary to define the existence of direct cause and effect relationship between the employment termination and the termination of tenancy. The scientific novelty of the offered approach is that the author suggests to refuse from the settled in the doctrine idea of existence of direct dependence between the employment termination and dissolution of tenancy's contract. The employment termination can be considered as a prerequisite possible in the future, but not obligatory, dissolution of tenancy's contract. The conducted research allows to come to a conclusion that despite the person's loss of the status of worker (employee) he remains the tenant and, as a result, keeps all rights and obligations for the tenancy's contract, i.e. between the parties earlier signed the contract it keeps working. The dissolution of this contract occurs as a result of voluntary departure of the tenant or as a result of adjudgement on the claim for compulsory possession. The last is possible in case of the tenant's refusal from voluntary departure at presentation to him the relevant written requirement. The expiration of the term given to the tenant for voluntary departure from the accommodation, according to the author's opinion may be considered as the moment from which it is necessary to estimate the period of prescription according to requirements of an eviction from the accommodation.

Keywords: tenancy for employees, term for tenancy for employees, termination of the contract, eviction, the Housing code of the Russian Federation, the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation

Сохраняющаяся тенденция приоритетного формирования частного жилищного фонда, отнюдь не снизила остроты полемики относительно пользования жилыми помещениями государственного и муниципального жилищного фонда, в том числе фонда специализированного, а применительно к последнему, служебными жилыми помещениями. Особо интересной представляется дискуссия, развернувшаяся в последнее время [1, 2, 3] относительно соотношения понятия расторжение и прекращение договора найма служебного жилого помещения. Данный, на первый взгляд абсолютно доктринальный, спор породил необходимость обсуждения вопроса о сроке договора найма служебного жилого помещения и праве наймодателя на предъявление иска о выселении из служебного жилого помещения в связи с прекращением трудовых отношений с нанимателем.

В настоящей статье автором предпринята попытка по-иному, нежели традиционно принято, определить момент расторжения договора найма служебного жилого помещения. Для разрешения этой проблемы автор предлагает отказаться от такого подхода, при котором прекращение трудовых отношений рассматривается как безусловное основание для прекращения договора най-

ма служебного жилого помещения. Выработка новых подходов к решению вышеозначенной проблемы имеет как доктринальное, так и практическое значение, поскольку служит целям правильного разрешения исков владельцев служебных жилых помещений о выселении к лицам, их занимающим.

Следует отметить, что ранее действовавшее правовое регулирование с абсолютной четкостью определяло момент прекращения договора найма служебного жилого помещения. Так, согласно положениям статьи 107 Жилищного кодекса РСФСР [4] рабочие и служащие, прекратившие трудовые отношения с предприятием, учреждением, организацией, а также граждане, которые исключены из членов колхоза или вышли из колхоза по собственному желанию, подлежали выселению из служебного жилого помещения со всеми проживающими с ними лицами без предоставления другого жилого помещения.

Очевидно, что законодатель в нормах Жилищного кодекса РСФСР связывал воедино момент прекращения трудовых (служебных) отношений нанимателя служебного жилого помещения с утратой им и членами его семьи права пользования служебным жилым помещением.

Системный анализ положений данного Кодекса позволяет прийти к выводу о том, что договор найма служебного жилого помещения, поименованный в статье 106, с прекращением трудовых отношений также прекращался, и пользование служебным жилым помещением утрачивало правомерность.

Подход к определению момента прекращения отношений по найму служебного жилого помещения через прекращение трудовых (служебных) правоотношений получил свое развитие и в правоприменительной практике [5, 6]. Обобщая судебную практику, сформировавшуюся в период действия Жилищного кодекса РСФСР, можно с достаточной уверенностью утверждать, что суды различных инстанций давали однозначное определение моменту прекращения договора найма служебного жилья, связывая его исключительно с прекращением трудовых (служебных) отношений нанимателя и наймодателя.

В доктрине [7, 8, 9] также сформировалось устойчивое представление о прекращении договора найма в связи с прекращением трудовых отношений. Ученые, имеющие различные убеждения по другим вопросам наемных правоотношений, единодушны в том, что договор найма служебного помещения прекращается по истечении срока, определяемого периодом работы или службы нанимателя такого жилья, после чего данное лицо подлежит выселению из служебного жилого помещения.

Если обратиться к нормам действующего Жилищного кодекса РФ [10], то к лицам, обладающим правом на предоставление служебного жилого помещения, закон относит граждан, которым в связи с характером их трудовых отношений с органом государственной власти, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным унитарным предприятием, государственным или муниципальным учреждением, в связи с прохождением службы, в связи с назначением на государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации либо в связи с избранием на выборные должности в органы государственной власти или органы местного самоуправления на соответствующий период работы, службы или исполнения обязанностей по должности должны предоставляться служебные жилые помещения (статьи 93, 104 Жилищного кодекса РФ).

На первый взгляд, приведенная выше правовая конструкция также дает возможность определить срок существования правоотношения по найму служебного жилого помещения через связь с трудовым (служебным) правоотношением. Ведь если жилое помещение предоставляется в связи с осуществлением трудовой или служебной функции, то и срок пользования им зависит от срока осуществления такой функции, т.е. с прекращением трудовых (служебных) правоотношений должны прекращаться и правоотношения по найму служебного жилого помещения.

Однако обращение к положениям статьи 103 Жилищного кодекса РФ позволяет поставить вышеприведенное утверждение под сомнение, поскольку в части 1 данной статьи установлено, что в случаях расторжения или прекращения договоров найма специализированных жилых помещений граждане должны освободить жилые помещения, которые они занимали по данным договорам.

Как мы видим, в отличие от Жилищного кодекса РСФСР действующее жилищное законодательство напрямую не отождествляет момент прекращения трудовых (служебных) отношений нанимателя с моментом прекращения правоотношений по найму служебного жилого помещения. Напротив, в отличие от ранее действующей законодательной конструкции, создатели кодекса ни словом не упомянули о наличии такой связи, указав лишь на то, что служебное жилое помещение подлежит освобождению после расторжения или прекращения договора его найма. Из чего можно полагать,

что законодатель в положениях Жилищного кодекса РФ сознательно отказался от отождествления момента расторжения договора найма служебного жилого помещения с моментом прекращения трудовых отношений.

По мнению автора, можно с достаточной уверенностью говорить о сохранении действия договора найма служебного жилого помещения и законности пользования служебным жилым помещением бывшим работником-нанимателем и после прекращения трудовых отношений при учёте следующих допущений. Так, действующее жилищное законодательство (в отличие Жилищного кодекса РСФСР, императивно предписывающего необходимость выселения лиц, прекративших трудовые отношения, из служебного жилого помещения) не возлагает на наймодателя какой-либо обязанности после прекращения трудовых (служебных) отношений с нанимателем непременно предъявить требование об освобождении служебного жилого помещения. В силу чего проживание бывшего работника в служебном жилом помещении может быть сколько угодно долгим, что зачастую и встречается в практике судов. И все это время пользователь, которого, по мнению автора, следует именовать нанимателем, осуществляет права и исполняет обязанности, вытекающие из ранее заключенного им договора найма. Это позволяет предположить, что тогда договор найма служебного жилого помещения считается продленным на неопределенный срок.

Для иллюстрации заявленного тезиса обратимся к анализу части 2 статьи 103 Жилищного кодекса РФ, содержащей перечисление лиц, которые при определенных условиях не могут быть выселены из служебного жилого помещения без предоставления иного жилого помещения. К примеру, среди лиц, не подлежащих выселению без предоставления иного жилого помещения, в частности, поименованы пенсионеры по старости и члены семьи умершего работника, которому было предоставлено служебное жилое помещение. На характеристике прав и обязанностей этих групп пользователей служебных жилых помещений, не связанных с наймодателем трудовыми или служебными отношениями, следует остановиться более подробно.

В целом не вызывает сомнения, что лицо, ставшее пенсионером по старости, уже прекратило трудовые (служебные) отношения с работодателем; в то время как члены семьи умершего работника в трудовых отношениях с работодателем вообще не состояли. Однако эти лица продолжают пользоваться служебным жилым помещением на законном основании, коль скоро законодатель поставил в прямую зависимость возможность их выселения из служебного жилья только при условии предоставления другого жилого помещения, следовательно, признав за ними право на обеспечение иным жилым помещением вместо подлежащего освобождению служебного жилья. На признание за лицами, не подлежащими выселению без предоставления другого жилого помещения, «права на жилище» указывал еще В.В. Чубаров [11].

Здесь также необходимо отметить, что ни пенсионеры по старости, ни члены семьи умершего нанимателя служебного жилого помещения, несмотря на отсутствие трудовых или служебных отношений с наймодателем, не освобождаются от несения обязанностей по содержанию данного жилого помещения, его текущему ремонту и поддержанию его в надлежащем состоянии, а также от оплаты коммунальных услуг. Из этого можно сделать вывод, что сам по себе выход нанимателя служебного помещения на пенсию (уход в отставку) не прекращает отношений по найму служебного жилого помещения, а, следовательно, и действия договора найма такого жилья. Это означает, что, несмотря на утрату нанимателем статуса работника (служащего), он остается нанимателем служебного жилого помещения, и, как следствие, сохраняет все права и обязанности по договору найма служебного жилого помещения, т.е. между ним и наймодателем

сохраняет действие ранее заключенный договор.

В ситуации же со смертью работника-нанимателя вообще, по мнению автора, фактически происходит замена нанимателя другими лицами, поскольку члены семьи умершего работника в продолжающихся правоотношениях занимают его место. По сути, мы имеем дело с изменением договора найма служебного жилого помещения, где при определенных условиях может даже появляться множественность лиц на стороне нанимателя, и при этом сам договор сохраняет свою силу как для наймодателя, так и для новых нанимателей. И такой договор продолжает свое действие до момента изъявления воли наймодателем – предъявления требования о выселении в другое жилое помещение, обязанность предоставить которое, должна возлагаться именно на наймодателя как на лицо, обладающего вещным правом в отношении служебного жилого помещения.

В подтверждение допустимости вышеприведенных умозаключений достаточно обратиться к правовым позициям Верховного Суда Российской Федерации, сформулированным им в ряде определений [12, 13, 14]. Из содержания данных судебных актов недвусмысленно усматривается – срок договора найма служебного жилого помещения не определяется сроком работы (службы) нанимателя. Как указывает Верховный Суд Российской Федерации, прекращение трудовых отношений с работодателем, предоставившим жилое помещение, не влечет за собой автоматическое прекращение договора в момент увольнения работника. Договор найма служебного жилого помещения сохраняет свое действие вплоть до его добровольного освобождения нанимателем, при отказе от которого гражданин подлежит выселению в судебном порядке с прекращением прав и обязанностей в отношении занимаемого жилья.

По мнению высшей судебной инстанции, факт прекращения трудовых (служебных) правоотношений должен рассматриваться исключительно в качестве предпосылки возможного в будущем расторжения договора найма служебного жилого помещения, связанного с проявлением доброй воли сторон такого договора. Так, наниматель после прекращения трудовых отношений может добровольно выехать из служебного жилья без напоминания ему об этом наймодателем. Такой же добровольный характер выезда сохраняется и в случае выезда нанимателя после обращенной к нему просьбы наймодателя о добровольном освобождении занимаемого жилого помещения.

Реализация же наймодателем права притязания поставлена в зависимость от отказа нанимателя от добровольного освобождения служебного жилого помещения, т.е. наниматель может быть выселен в судебном порядке только при его отказе добровольно освободить жилое помещение. И именно решение суда о выселении нанимателя из служебного жилого помещения должно в этом случае рассматриваться как правопрекращающий юридический факт, с которым связывается расторжение договора найма.

Вышеизложенное позволяет отметить, что вопрос о сохранении действия договора найма служебного жилого помещения после прекращения трудовых отношений с нанимателем имеет решающее значение при определении срока исковой давности по требованиям о выселении бывших работников из служебного жилья. Так, если считать, что договор найма служебного жилого помещения расторгается с момента прекращения с работником трудового договора, то последующее его проживание в таком жилом помещении носит неправомерный характер. Следовательно, в отсутствие между сторонами договорных отношений проживание бывшего нанимателя в служебном жилом помещении необходимо будет рассматривать как незаконное владение чужим имуществом, защита против которого должна осуществляться путем предъявления виндикационного иска. Срок же на предъявление иска об истребовании определен общими

правилами и составляет три года, которые в этом случае должны исчисляться с момента прекращения трудовых отношений.

Однако, как уже было указано выше, каких-либо вещных отношений применительно к владению и пользованию служебным жилым помещением после прекращения трудовых отношений не возникает. Напротив, между сторонами продолжают существовать договорные отношения по найму служебного жилого помещения, срок существования которых начинает зависеть от воли сторон по их сохранению. В силу чего срок исковой давности по требованиям наймодателя об освобождении служебного жилого помещения должен исчисляться со дня истечения срока, установленного в предложении о его добровольном освобождении.

Подводя итоги необходимо отметить, что, несмотря на численное преобладание жилых помещений частного жилищного фонда над служебными жилыми помещениями, вопрос о правомерности пользования последними не утратит свою актуальность до тех пор, пока будут сохраняться такие виды работ, выполнение которых делает необходимым проживание работника в непосредственной близости от места работы. Мало того, закон по-прежнему сохраняет гарантию предоставления служебных жилых помещений определенным категориям лиц, в связи с осуществляемой ими трудовой функцией. Поэтому определение срока пользования в рамках договорных правоотношений служебным жилым помещением остается одним из краеугольных камней, на которые наталкивается судебная практика при разрешении споров о выселении лиц, проживающих в служебных жилых помещениях.

С целью преодоления возникающих трудностей при разрешении споров указанной категории автор предлагает отказаться от ранее сложившегося подхода к определению момента прекращения договора найма служебного жилого помещения, связывающего воедино момент прекращения трудовых отношений с прекращением отношений по правомерному пользованию служебным жилым помещением. Напротив, автор полагает, что прекращение трудовых отношений само по себе не влечет даже и расторжения договора найма служебного жилого помещения, а выступает лишь предпосылкой их возможного прекращения в будущем, оказывая организующее воздействие на поведение сторон договора. Это обстоятельство должно учитываться судами при разрешении вопроса о пропуске срока исковой давности по делам о выселении лиц из служебных жилых помещений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Булгаков В.В., Матвеева М.С. Основания прекращения права пользования служебным жилым помещением // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 9-6. С. 30-32.
2. Оглио Е.Ф. Основания прекращения права пользования служебным жилым помещением / Проблемы современного российского законодательства. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – Иркутск, 2015. С. 223-225.
3. Максименко А.В. Расторжение и прекращение договора найма специализированного жилого помещения // Проблемы правоохранительной деятельности. 2011. № 2. С. 33-36.
4. Жилищный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР от 24 июня 1983, в ред. от 18.01.1985) // Свод законов РСФСР, т. 3, с. 7.
5. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03 апреля 1987 года № 2 «О практике применения судами жилищного законодательства» (ред. от 30.11.1990) // Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (РФ) по гражданским делам, М.: Спарк, 1994. 298 с.
6. Постановление Президиума Ярославского областного суда от 17 июля 2002 года по делу № 44-г-217 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 01.02.2018

года).

7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о передаче имущества. Книга 2 (4-е издание, стереотипное). М.: Статут, 2002. 800 с.

8. Крашенинников П.В. Жилищное право (10-е издание, переработанное и дополненное). М.: Статут, 2017. 415 с.

9. Шешко Г.Ф. Жилые помещения специализированного жилищного фонда. Предоставление, пользование, выселение // Жилищное право. 2006. № 1. С. 25-39.

10. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 188-ФЗ (в ред. от 31.12.2017) // Парламентская газета, № 7-8, 15.01.2005.

11. Чубаров В.В. Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик о служебной жилой площади / Основы советского жилищного законодательства: Межвузовский сборник научных трудов, Свердловск, 1981. С. 101-102.

12. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02 августа 2016 года № 56-КГ16-10 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 30.12.2017 года).

13. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09 августа 2016 года № 56-КГ16-13 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 30.12.2017 года).

14. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 04 октября 2016 года № 56-КГ16-17 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 30.12.2017 года).

Статья поступила в редакцию 06.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 342.743

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕПРЕДСТАВЛЕНИЕ (НЕСООБЩЕНИЕ)
СВЕДЕНИЙ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

© 2018

Пономарев Олег Владимирович, старший преподаватель кафедры конституционного
и административного права

Яковенко Андрей Александрович, студент
Дальневосточный федеральный университет

(690091, Россия, Владивосток, ул. Суханова, 8, e-mail: Andrey.drus@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы привлечения к административной ответственности за непредставление сведений, необходимых для осуществления налогового контроля. Во-первых, устанавливая основания привлечения к ответственности за непредставление сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, правотворец ни в налоговом, ни в административном законодательстве не раскрывает содержания указанной категории. Лишь немногие теоретики предприняли попытки раскрыть содержание рассматриваемой категории. Однако результат, полагаем, не может быть в полной мере применим в практической деятельности. В связи с этим, считаем необходимым усовершенствовать имеющийся теоретический базис, с целью последующего внедрения указанной категории как в налоговое, так и в административное законодательство. Во-вторых, рассматривается проблемный вопрос о привлечении должностного лица к административной ответственности за непредставление сведений, необходимых для осуществления налогового контроля. В частности, под должностным лицом в данной статье понимается как руководитель организации, так и ее главный бухгалтер (бухгалтер). В связи с этим возникает следующий вопрос: кого привлекать к ответственности? В ходе раскрытия указанного вопроса анализируются изменения, которые произошли в законе о бухучете, вырабатываются критерии по привлечению к ответственности руководителя организации и ее бухгалтера; кроме того, вносятся предложения по внесению изменений в ст. 15.6 КоАП РФ.

Ключевые слова: информация, сведения, налоговый контроль, административная ответственность, налоговая ответственность, руководитель организации, бухгалтер, налоговое правонарушение, административное правонарушение.

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR UNCERTAINTIES
TO THE TAX CONTROL BODIES

© 2018

Ponomarev Oleg Vladimirovich, Senior Lecturer, Chair of Constitutional
and Administrative Law

Yakovenko Andrei Alexandrovich, a student
Far Eastern Federal University

(690091, Russia, Vladivostok, Suhanova street, 8, e-mail: Andrey.drus@yandex.ru)

Abstract. The article considers the problems of bringing to administrative responsibility for failure to provide tax control information. First, establishing the grounds for prosecution for failure to provide information on tax control, the lawmaker does not disclose the content of this category in tax or administrative legislation, only a few theorists have attempted to disclose the content of the category in question, however, the result, we believe, can not be fully. In practice, we consider it necessary to improve the available theoretical basis for the subsequent implementation of this categories in both tax and administrative law. Secondly, the problematic issue of bringing an official to administrative responsibility for failing to provide information to tax authorities is considered for officials in this article is understood as the head of the organization, and its chief accountant (accountant), this leads to a dilemma, and namely: whom to involve? During the disclosure of this issue, the changes that occurred in the law on accounting are analyzed, a criterion is worked out to hold the head of the organization and its accountant accountable, and a proposal is made to amend Art. 15.6 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Keywords: information, information, tax control, administrative responsibility, tax liability, head of organization, accountant, tax offense, administrative violation.

Характеристика ответственности за совершение налоговых правонарушений является предметом особого внимания ученых [1], которая выступала и выступает одной из наиболее актуальных проблем налогово-правовой теории и практики [2].

Согласно ст. 57 Конституции РФ каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. При этом механизм налогообложения должен гарантировать полноту и своевременность взимания налогов и сборов с обязанных лиц. А также обеспечивать надлежащий правовой характер деятельности уполномоченных органов и их должностных лиц, связанный с осуществлением налогового контроля, привлечением к юридической ответственности за нарушения, выявленные в результате контрольных мероприятий [3].

Привлечение к юридической ответственности, в частности, к административной (ст. 15.6 КоАП) за непредставление сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, представляет собой охранительный механизм, позволяющий выявить нарушение норм налогового права, в подавляющем большинстве случаев, еще до исполнения обязанности по уплате обязательных платежей.

Привлечение к административной ответственности

за непредоставление сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, имеет свои специфические признаки, из которых в дальнейшем проистекают проблемы правового регулирования: специфическое основание привлечения к ответственности; особый круг субъектов; взаимосвязь и необходимость разграничения норм административного права (ст. 15.6 КоАП) и налогового права (ст. 126 НК РФ) при привлечении к ответственности за совершение соответствующего правонарушения.

Как налоговое, так и административное законодательство до сих пор не содержит дефиниции “сведения, необходимых для осуществления налогового контроля”. Несмотря на то, что КоАП предусматривает данную категорию как основание для привлечения к административной ответственности.

Более того иных требований, которые каким-либо образом квалифицировали бы характерного рода сведения, необходимые для осуществления налогового контроля, закон не устанавливает. Из этого следует, что законом предусмотрен состав административного правонарушения, при этом ни этот, ни какой-либо другой нормативный акт не раскрывает содержание тех явлений, которые создают предпосылки реализации соответствующей

нормы.

Отсутствие в законе определения понятия «сведения, необходимые для осуществления налогового контроля», а также нормативного подхода к составу (классификации данных сведений) порождает неопределённость, на наш взгляд, не только в административном, но и налоговом законодательстве. Проблемы в нормативном регулировании дополнительно создают условия для критики соотвествующих отраслей на предмет четкости и отлаженности их содержания. Более того, порождает пробелы в правовом регулировании привлечения к административной ответственности за совершение налоговых правонарушений.

Как писал Керимов Д. А., понятия и определения помогают познать сущность изучаемого явления, дисциплинируют мысль, позволяют ей двигаться от явления к сущности [4]. На основании этого полагаем, что раскрытие определения понятия «сведения, необходимые для осуществления налогового контроля» поможет уяснить сущность не только такого явления как административная ответственность за непредставление сведений необходимых для осуществления налогового контроля, но и, по словам Нарусова М. М., таких явлений как «налоговый контроль», «постановка налогоплательщика на учет», «налоговая проверка».

Несмотря на то, что законодатель оставил право суду толковать данную категорию, теоретики выдвигают свои предложения.

Важно отметить, что в налоговом законодательстве такие понятия как «информация», «сведения» употребляются довольно часто (ст. 82, 89, 90, 93.1, 101, 101.4 НК РФ и т.д.).

«Категория «информация», детально рассмотренная с позиций различных областей знаний, является составляющей легитимного контекста российского права» [5]. В связи с чем, имеющиеся научные результаты будут особенно ценны для раскрытия указанной правовой категории.

Например, единственный, кто наиболее основательно подошел к рассмотрению указанной проблемы – Нарусов М. М. Он первым раскрыл понятие «налоговая информация». Под ней автор понимает «совокупность имеющих определенную законом форму данных о деятельности субъектов налоговых отношений – отношений, складывающихся по поводу введения и взимания налогов и сборов, регулирования статуса налоговых субъектов, организации и проведения налогового контроля, установления основания привлечения к юридической ответственности за налоговые правонарушения» [3].

Далее автор с помощью категории «налоговой информации» приводит определение «сведений, необходимых для осуществления налогового контроля - предусмотренные налоговым правом вид информации, касающейся конкретных налоговых субъектов (налогоплательщик) и подлежащей обязательному представлению в налоговый орган в установленном законом порядке в целях осуществления налогового контроля за исполнением налоговых обязательств» [3].

Из представленного выше определения можно увидеть, что сведения являются лишь компонентом налоговой информации.

Однако полагаем, что указанное определение, в случае внедрения его в понятийный аппарат налогового, либо административного кодекса, нельзя признать полным и достаточным, ввиду нижеследующего:

Во-первых, категория «налоговое право» более широкое и теоретически осмысленное понятие, чем «налоговое законодательство», которое состоит исключительно из действующего законодательства, определённого в ст. 1 НК РФ [6].

Во-вторых, сведения, необходимые для осуществления налогового контроля, могут находиться не только у налогоплательщика, но и у третьих лиц, в случае, если

сведения относятся к деятельности проверяемого налогоплательщика, и, в связи с этим, могут быть истребованы налоговым органом (ч. 2 ст. 87 НК РФ).

В-третьих, налоговый контроль — вид деятельности налоговых органов, урегулированный НК РФ, целью которого является получение информации об исполнении частными субъектами налоговых правоотношений своих обязанностей, установление оснований для их принудительного исполнения и привлечения к налоговой ответственности [7]. В связи с этим полагаем, что первостепенна инициатива контролирующего органа. Следствием этой инициативы и является предоставление необходимых сведений субъекту налогового контроля, а не просто необоснованное желание плательщика предоставить эту информацию. В противном случае отсутствие требования влечет отсутствие правонарушения.

Таким образом, предлагаем следующим образом определить рассматриваемую правовую категорию, с возможностью ее внедрения в действующее налоговое законодательство: «сведения, необходимые для осуществления налогового контроля» - установленный налоговым законодательством вид информации, имеющий непосредственное отношение к субъекту налогового контроля, истребованный налоговым органом в установленном законом порядке и подлежащий обязательному предоставлению в налоговый орган в целях осуществления налогового контроля за исполнением налоговых обязательств.

Частью 1 ст. 15.6 КоАП РФ установлена административная ответственность должностных лиц организации за несвоевременное представление в инспекцию документов и иных сведений, необходимых для осуществления налогового контроля [8].

Но возникает проблемный вопрос: кого именно должны привлекать к ответственности на основании названной статьи – руководителя или главного бухгалтера организации? Сложно ответить однозначно, так как полномочия указанных лиц в этой части четко не разграничиваются действующим законодательством. Вместе с тем правоприменители сформировали определенный подход к разрешению подобных споров.

Напомним, что субъектом, привлекаемым к административной ответственности, согласно ч. 1 ст. 15.6 КоАП, является должностное лицо. Но кто конкретно попадает под понятие «должностное лицо» в указанной норме? Руководитель организации или главный бухгалтер, или руководитель совместно с главным бухгалтером, в связи с тем, что в норме привлекаемый субъект обозначен в множественном числе?

Для выработки позиции обратимся к примечанию ст. 2.4 КоАП РФ, в котором под должностным лицом понимается в том числе лицо, совершившее правонарушение в связи с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций организации. Причем таковым в равной степени могут быть признаны и руководитель организации, и другие ее работники.

Однако данная статья не позволяет ответить на поставленные вопросы. Но обратившись к правовой позиции ВС РФ, обнаружено Постановление Пленума ВС РФ от 24.10.2006 N 18, которое все же может прояснить сложившуюся правовую неопределённость. В соответствии с п.24 Постановления от 24.10.2006 N 18 [9], решая вопрос о привлечении должностного лица организации к административной ответственности по статьям 15.5, 15.6 и 15.11 КоАП РФ, необходимо руководствоваться положениями пункта 1 статьи 6 и пункта 2 статьи 7 Федерального закона от 21 ноября 1996 г. N 129-ФЗ «О бухгалтерском учете», в соответствии с которыми руководитель несет ответственность за надлежащую организацию бухгалтерского учета, а главный бухгалтер (бухгалтер при отсутствии в штате должности главного бухгалтера) - за ведение бухгалтерского учета, своевре-

менное представление полной и достоверной бухгалтерской отчетности [10].

Вместе с тем, не смотря на обозначенную правовую позицию Верховного суда, в настоящее время сфера бухгалтерского учета регламентируется положениями иного нормативного акта - Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ [11]. В рассматриваемом законе вопрос о разграничении полномочий между руководителем и главным бухгалтером решен иначе.

Проводя параллели между вышеназванными законами, можно увидеть, что согласно ранее действующему Закону № 129-ФЗ главный бухгалтер отвечал за своевременность и полноту сдачи бухгалтерской отчетности.

В действующим на сегодняшний день Законе № 402-ФЗ положения, которые дают возможность разграничить полномочия руководителя организации и главного бухгалтера по вопросам составления и представления отчетности отсутствуют. Согласно п. 2 ст. 13 Закона № 402-ФЗ отчет составляет экономический субъект, а не должностное лицо. Обязанность по предоставлению бухгалтерской отчетности также возложена на экономического субъекта (ст. 18 ФЗ № 402). Более того, согласно ст. 18 указанного Закона, а также другим положениями данного Закона, ответственность за бухучет ни на главного бухгалтера, ни на руководителя организации прямо не возложена. Исключения составляют случаи возникновения разногласий между названными лицами.

В свою очередь руководитель экономического субъекта:

1. Организует бухгалтерский учет (п. 1 ст. 7);
2. Возлагает его ведение на главного бухгалтера (или иное должностное лицо) (п. 3 ст. 7);
3. Определяет по представлению главбуха (должностного лица, на которое возложено ведение бухгалтерского учета) формы первичных учетных документов и регистров бухучета (п. 4 ст. 9, п. 5 ст. 10);
4. Несет единоличную ответственность при наличии разногласий с главбухом (п. 8 ст. 7) [12].

В результате нельзя точно сказать, что именно главный бухгалтер несет ответственность за составление и представление отчетности. В статье 7 Закона № 402 закреплен закрытый перечень оснований, для привлечения руководителя к ответственности. В связи с этим мы сделали вывод, что в других ситуациях руководитель организации и главный бухгалтер должны совместно нести ответственность.

Изучив судебную практику, мы обратили внимание на то, что в период действия Закона № 129-ФЗ суды при разрешении споров о разграничении ответственности руководителя организации и главного бухгалтера (ч. 1 ст. 15.6 КоАП), как правило, указывали на неправомерность привлечения директора организации к ответственности по указанной статье за несвоевременное представление организацией отчетности в налоговый орган без выяснения должностных обязанностей главного бухгалтера. Если ведение бухучета и ответственность за своевременное представление бухгалтерской и налоговой отчетности в инспекцию трудовым договором и (или) должностной инструкцией возложены на бухгалтера (главного бухгалтера) организации, то именно он и должен нести административную ответственность за несвоевременное представление отчетности.

В настоящее время некоторые суды до сих пор считают правовую позицию, зафиксированную в Постановлении Пленума ВС РФ от 24.10.2006 № 18 актуальной, в связи с тем, что ст. 7 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. От 18.07.2017) "О бухгалтерском учете" ведение бухучета также возлагает на главного бухгалтера (бухгалтера) организации. (см., например, Решения Железнодорожного районного суда г. Красноярска от 14.08.2014 № 12-2472014 [13], Севастопольского городского суда от 30.09.2015 по делу № 12-196/2015 [14]).

При этом суды подчеркивают: для привлечения ру-

ководителя организации к ответственности по ст. 15.6 КоАП РФ необходимо установить его вину в виде нарушений, связанных с организацией бухгалтерского учета. Если же в компании ведут бухучет, в штате предусмотрена должность главного бухгалтера и на него возложена обязанность по представлению, в установленный законодательством о налогах и сборах, срок документов и иных сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, то нет и оснований для привлечения руководителя к административной ответственности (см. Постановления ВС РФ от 22.09.2014 № 5-АД14-17, Московского городского суда от 15.08.2016 № 4а-3252/2016, Тамбовского областного суда от 12.05.2016 по делу № 4А-93/2016) [11].

В Постановлении ВС РФ от 09.03.2017 № 78-АД17-8 суд обратил внимание, что в соответствии с должностной инструкцией в обязанности главного бухгалтера входило:

1. Обеспечение формирования и своевременного представления полной и достоверной бухгалтерской информации о деятельности предприятия, его имущественном положении, доходах и расходах;
2. Обеспечение составления баланса и оперативных сводных отчетов о доходах и расходах средств, об использовании бюджета, другой бухгалтерской и статистической отчетности, представление их в установленном порядке в соответствующие органы;
3. Оказание методической помощи работникам подразделений предприятия по вопросам бухгалтерского учета, контроля, отчетности.

Кроме того, этой инструкцией было прямо установлено, что главный бухгалтер несет ответственность за несвоевременное представление различных сведений и отчетности.

С учетом названных обстоятельств привлечение генерального директора общества к ответственности на основании ч. 1 ст. 15.6 КоАП РФ за непредставление в установленный налоговый законодательством срок расчета по авансовому платежу по налогу на имущество, по мнению Верховного Суда, неправомерно, поскольку нарушения, связанных с организацией представления в установленные сроки в налоговый орган документов и (или) иных сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, директор не допускал [15].

На основании вышеизложенного, можно сказать, что условием привлечения главного бухгалтера к административной ответственности по ч. 1 ст. 15.6 КоАП является наличие четко закрепленных соответствующих полномочий главного бухгалтера организации в трудовом договоре или должностной инструкции по выполнению тех действий, которые требуются в связи с осуществлением налогового контроля. В противном случае данные обязанности будут входить в круг полномочий иного субъекта организации и привлечение бухгалтера к ответственности, если это прямо не будет установлено законом, будет являться неправомерным.

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод, что законодателю необходимо закрепить такие правовые категории, как «информация» и «сведения», т.к. и административное, и налоговое законодательство содержит большое количество норм, которые оперируют обозначенными категориями, отсутствие даже их критериев, порождает проблемы правового регулирования. Например, когда рассматриваемая категория является основанием для привлечения к ответственности, особенно в настоящее время, в условиях постоянного видоизменения информации и ее носителей.

Что касается определения круга субъектов, которые привлекаются к указанному виду ответственности, - закон не содержит четкого правила, - когда должен быть привлечен руководитель, а когда главный бухгалтер организации. Практика все же выработала свои местами противоречивую позицию - для дальнейшего избежания проблем в правовом регулировании, полагаем, что зако-

нодателю все же необходимо и в этой области внести коррективы в ст. 15.6 КоАП.

В частности, привести в соответствие содержание нормы, изложенной в ч. 1 ст. 15.6 КоАП РФ, путем составления примечания, которое предлагаем изложить в следующей редакции: «под должностными лицами в ч. 1 настоящей статьи следует понимать руководителя организации, а также главного бухгалтера (бухгалтера) организации. К ответственности должно быть привлечено лицо, в чьи полномочия входит предоставление указанных документов. Круг полномочий определяется, исходя из трудового договора, либо должностных инструкций организации. При отсутствии в указанных документах соответствующих полномочий, к ответственности привлекается руководитель организации.»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Янжул И. И. Основные начала финансовой науки. Учение о государственных доходах. М., 2002. С. 279.

2. Алехин А. П. Ответственность за нарушения налогового законодательства / Алехин А. П., Пепеляев С. Г. - М., 1992. - 95с.

3. Нарусов М. М. Юридическая ответственность за непредставление сведений, необходимых для осуществления налогового контроля: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.14. М. 2011., С. 197.

4. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). Монография. 2-е издание. — М.: Аванта+, 2001. С. 560.

5. Борисова О. В. Конституционная правосубъектность в сфере налоговой информации // Бизнес в законе. 2006. № 3-4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-pravosubektnost-v-sfere-nalogovoy-informatsii> (дата обращения: 07.01.2018).

6. Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты: монография / [Хачатуров Рудольф Леонович, Боголюбов Сергей Александрович, Гогин Александр Александрович и др.]; под общей редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ Р. Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ, 2017. С. 582.

7. Тютин Д. В. Налоговый контроль, ответственность и защита прав налогоплательщиков: Монография. — М.: КОН ТРАКТ, 2014. С. 216.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 N 195-ФЗ. [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=286960&div=LAW&dst=1000000001%2C0&rnd=0.279214695316236>.

9. Пленум Верховного Суда РФ: Постановление от 24.10.2006 N 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=125965&div=LAW&dst=1000000001%2C0&rnd=0.37524238322677284>.

10. О бухгалтерском учете: Федеральный закон от 21 ноября 1996 г. N 129-ФЗ [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=122227&div=LAW&dst=1000000001%2C0&rnd=0.9158886923165852>.

11. О бухгалтерском учете: Федеральный закон от 06.12.2011 N 402-ФЗ [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=286976&div=LAW&dst=100005%2C0&rnd=0.940149439025858>.

12. Гришина О. П. О разграничении ответственности за нарушение сроков представления отчетов и сведений между главбухом и руководителем // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2017. N 6. [Электронный ресурс]. Доступ из справ. - правовой системы «Консультант Плюс».

13. Железнодорожный районный суд г. Красноярск: Решение от 14.08.2014 N 12-2472014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ. - правовой системы «Консультант Плюс».

14. Севастопольский городской суд: Решение от 30.09.2015 по делу N 12-196/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ. - правовой системы «Консультант Плюс».

15. Верховный Суд РФ: Постановление от 09.03.2017 N 78-АД17-8 [Электронный ресурс]. Доступ из справ. - правовой системы «Консультант Плюс».

Статья поступила в редакцию 25.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 343

**КОРРУПЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК:
ПРИЧИНЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА**

© 2018

Прохоров Эрик Александрович, аспирант*Московский государственный областной университет**(141014, Россия, Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24, e-mail: prochorov76@mail.ru)*

Аннотация. В настоящей статье затронуты причины общего характера, детерминирующие коррупционную преступность в сфере государственных закупок. Прежде всего, указывается, что в основу большинства причин положены отрицательные последствия прошедшего реформирования России, выразившиеся в кризисных явлениях и нестабильности развития экономики, существовании криминального бизнеса и неразвитости форм правового регулирования рыночных отношений, падении морали и нравственности, невысоком уровне правосознания населения и иных моментах. Помимо этого, и высочайшая латентность коррупции позволяет ее субъектам продолжительное время использовать ее в собственных корыстных целях, а впоследствии скрывать за фактами халатности, превышения служебных полномочий, различными ошибками и недостатками собственной деятельности, не носящими криминального характера. В этой связи особо указано на несовершенство системы государственного контроля, особенно в части доходов и расходов как самих должностных лиц, так и членов их семей, их близких и иных аффилированных лиц. Обязателен и учет остальных условий в силу того как на членов общества и на должностных лиц органов власти и управления в равной мере осуществляют воздействие и другие, имеющие общую криминологическую природу коррупциогенные факторы.

Ключевые слова: коррупция, коррупционная преступность, причины коррупции, государственные закупки, причины преступности, противодействие коррупции.

CORRUPTION CRIMES IN PUBLIC PROCUREMENT: COMMON CAUSES

© 2018

Prokhorov Eric Alexandrovich, postgraduate student*Moscow Region State University**(141014, Russia, Mytishi, Very Voloshinoy street, 24, e-mail: prochorov76@mail.ru)*

Abstract. This article touches on the general reasons determining corruption in the sphere of public procurement. First of all, it is pointed out that the basis for most of the reasons is the negative consequences of the past reform of Russia, manifested in the crisis phenomena and instability of economic development, the existence of criminal business and the underdevelopment of the forms of legal regulation of market relations, the fall of morality and morality, awareness of the population and other aspects. In addition, and the highest latency of corruption allows its subjects to use it for their own mercenary for a long time, and then to hide behind the facts of negligence, exceeding official powers, various mistakes and shortcomings of their own activities that are not of a criminal nature. In this connection, the imperfection of the state control system, especially in terms of incomes and expenses of both officials themselves and their families, their close and other affiliated persons, is particularly pointed out. It is also necessary to take into account the other conditions because both the members of the society and the officials of the government and administration are equally affected by other, corruptogenic factors of a common criminological nature.

Keywords: corruption, corruption criminality, causes of corruption, public procurement, causes of crime, counteraction to corruption.

Согласно общему подходу, существующему в российской криминологии, понятие «криминологическая характеристика», признается как «совокупность данных (достаточная информация) об определенном виде (группе) преступлений либо конкретном особо опасном деянии, используемых для их предупреждения» [9, с.211]. В данном случае криминологический подход особое внимание уделяет самому факту преступления. В рамках данного подхода, коррупционная преступность выступает совокупностью преступных деяний, которые совершаются определенными лицами. При подобном понимании коррупции возможен анализ данного явления в категориях «противоправность» и «общественная опасность», выявление основных механизмов и видов коррупционных преступлений с позиции правовых институтов.

В этой связи особый смысл приобретает разграничение понятий «коррупция» и «коррупционные отношения». Существующие подходы при раскрытии природы и структуры коррупционной деятельности опираются на ее определение как институционализированных коррупционных отношений, обладающих преступным характером. В свою очередь коррупционные отношения представляют собой властные отношения, обладающие корыстным и противоправным характером. При таком разделении коррупция должна рассматриваться в качестве конкретного противоправного поведения субъектов властных отношений, выполняющих определенные функции.

Следует учитывать, что причины и условия коррупционной преступности в сфере государственных закупок, в большинстве своем предопределены общими для

развития преступной деятельности криминогенными политическими, социально-экономическими, идеологическими, психологическими и иными факторами. При этом заглушается активизация последовательного реагирования на коррупцию многочисленными публичными выступлениями, громогласно оценивающими ее как «наступление на бизнес». Опасно также то, что проблема коррупции в сфере государственных закупок, просчеты в реагировании на нее используются для дискредитации самого института государства, систем государственного контроля и надзора. При этом неоспорима сложность обнаружения фактов коррупции, так как служебное положение должностных лиц создает значительные трудности выявления и раскрытия таких преступлений. Нередко коррупционная преступная деятельность поощряется и прикрывается лицами, обладающими более высоким административным и политическим положением, способствующим минимизации возможности использования оперативной информации о коррупционных делах.

Говоря об общих причинах и условиях коррупционной преступности в сфере государственных закупок следует учитывать, что она относится к числу самых высоко латентных преступлений. Поэтому статистическая картина такой преступности практически не отражает ее реального состояния, создавая основу для совершения повторных, новых коррупционных преступлений. В основу большинства причин положены отрицательные последствия прошедшего реформирования России, выразившиеся в кризисных явлениях и нестабильности развития экономики, существовании криминального бизнеса и неразвитости форм правового регулирования

рыночных отношений, падении морали и нравственности, невысоком уровне правосознания населения и иных моментах. При этом следует признать и другие предпосылки — специфические групповые или региональные традиции и особенности личностей, приходящих на должности государственных служащих. Данные предпосылки могут дать объяснение, почему тот или иной человек стал коррупционером, но не дадут понимания, почему коррупция оказывается возможной. Поэтому главное внимание необходимо сосредоточить на особенностях функционирования государственной системы в российской социокультурной среде как основной предпосылки коррупции. Это во многом связано с тем, что в последние годы в число фигурантов громких уголовных дел в России стали попадать не только бывшие, но и действующие губернаторы и министры. Россияне больше не хотят мириться с коррупцией, но по-прежнему дают взятки. Как показывают последние опросы, большинство россиян считает взятки совершенно недопустимыми как в государственных органах, так и на бытовом уровне [7].

Коррупционная преступность в сфере государственных закупок несомненно обладает особой общественной опасностью. Данный тезис опирается как на то, что ее результатом является расхищение государственного или муниципального бюджета, так и то, что к ее активным участникам относятся должностные лица органов власти различного уровня, лица, обладающие властными полномочиями и, соответственно, стоящие на страже общественных и государственных интересов. Любые коррупциогенные деяния (взятки, подкупы, откаты и т.д.) в любом случае нивелируют авторитет власти, обеспечивая рост уровня неудовлетворенности властью у населения и в целом оказывая негативное влияние на социально-политическую обстановку в стране.

К сожалению, проявления коррупционной преступности в сфере государственных закупок приобрели уже организованные формы, порождающие иные различные преступления. Представляется, что подобная коррупционная преступность представляет собой весьма опасный вид, выступая в качестве элемента пирамиды преступных отношений, возникающих в структуре органов государственной власти и органов местного самоуправления. Примениительно к существованию коррупции в органах власти весьма примечательным является точка зрения Р.А. Гребенюка, которым подчеркивается, что «сегодня вместо прав собственности действует сложная система взаимоотношений с губернаторами, правоохранительными органами, судами, местными чиновниками. Эта система не предусмотрена законами, но она влетела в социальную ткань общества... То есть произошел переход «в частную собственность» прав распоряжения властью, государственными ресурсами, что самым негативным образом отражается на состоянии правопорядка в этой сфере» [4]. В этой связи затрагивая проблему условий и причин коррупции в сфере государственных закупок необходимо исходить из уникальности каждой отдельной ситуации как совокупности объективных и субъективных, внешних и внутренних, обстоятельств, предопределяющих совершение конкретного коррупционного акта. При этом ключевым обстоятельством при этом следует воспринимать особенности прохождения государственной службы в определенном органе государственной власти или местного самоуправления или исполнение иных должностных обязанностей, связанных с государственными закупками.

Следует признать, что коррупция в сфере государственных закупок выступает как системное, многоуровневое и деструктивное свойство общества и государства, когда передача взятки осуществляется «внизу», а получение — «наверху». Получив взятку один раз, чиновнику, как правило, сложно отказаться от следующих «подношений». Поэтому и бороться с этим явлением необходимо на основе комплексного программно-целевого

подхода, направленного, в первую очередь, на профилактику совершения подобного рода преступлений. Достаточно часто сам факт получения отката или взятки является только промежуточным звеном в системе организованной коррупционной деятельности, где орудие взятки есть добытые преступным путем ценности.

Причины коррупционной преступности в сфере государственных закупок на социальном уровне следует выявлять, прежде всего, в экономических взаимоотношениях, в возникающих в ходе их реализации противоречиях, наличии несбалансированности существующего хозяйственного механизма, учитывать пороки и недостатки экономической политики или системы распределительных отношений [8]. В этой связи причины и условия, влияющие на развитие коррупционной преступности в сфере государственных закупок, могут иметь различную природу. Конечно, основными из них являются экономическая составляющая и политическая нестабильность. Именно низкий уровень обеспеченности должностных лиц, нестабильность в экономике государства, рост цен на товары без параллельного повышения заработной платы зачастую являются причинами зарождения коррупционной направленности личности. В частности, необходимо выделить уровень оплаты труда должностных, способный позволить осуществлять достойную жизнедеятельность им и их семьям. Это во многом объясняется существованием такого ее низкого уровня, который изначально настраивает должностных лиц искать способы перехода на «кормление клиента».

Латентность коррупционной преступности также позволяет ей безгранично расширяться, поражать все сферы общественных отношений, негативно влиять на правосознание населения. Именно в психологической деформации нравственных устоев общества проявляется косвенная связь коррупции и самодетерминации преступности. У людей формируется стойкий правовой нигилизм, крепнет мнение о необходимости взятки как средства достижения собственных целей, решения личных проблем, даже если существуют вполне легальные пути их решения. Высочайшая латентность коррупции позволяет ее субъектам продолжительное время использовать ее в собственных корыстных целях, а впоследствии скрывать за фактами халатности, превышения служебных полномочий, различными ошибками и недостатками собственной деятельности, не носящими криминального характера.

Помимо этого, коррупция тесно связана и с организованной преступностью. Организованные преступные формирования (ОПФ) являются основным корруптером, выступают заказчиком действий подкупленной стороны, «и это обуславливает самодетерминацию организованной коррупции, что проявляется в вовлечении в коррупционные отношения широкого круга лиц» [2, с.20]. При этом отмечается и обратная связь, когда коррумпированные должностные лица способствуют сохранению и развитию криминальных структур, помогая им, например, уклоняться от налогов, незаконно приобретать собственность, избегать уголовной ответственности за совершенные преступления и т.д. Низкая эффективность борьбы с коррупцией и рост ее латентности стимулирует развитие организованной преступности и рост ее латентной части.

Следует также отметить, что в Российской Федерации интерес к государственным закупкам проявляют не только правительственные организации, но и общественные организации, которые занимаются мониторингом проведенных государственных закупок. Ярким примером качественного осуществления общественного контроля в сфере государственных закупок в Российской Федерации является Проект «РосПил» — общественный проект, направленный на контроль за расходованием бюджетных средств в сфере государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации. Сумма кон-

трактов заказов, по которым удалось пресечь нарушения закона за год работы Проекта, составила более 40 млрд рублей. Как заявил Президент Российской Федерации В.В. Путин: «Будем наводить порядок в системе государственных и муниципальных закупок. Независимый общественный контроль будет следить за тем, насколько обоснован выбор стартовых цен и эффективны способы закупок, как идет реализация проектов. И такая система, по разным оценкам, нам позволит сэкономить от 1 до 2% ВВП» [12].

Таким образом, общими факторами, влияющими на уровень коррупции в сфере государственных закупок в Российской Федерации, являются:

- наличие в стране правительственных и неправительственных организаций, которые осуществляют контроль и мониторинг за проведением государственных закупок;

- высокий уровень заинтересованности общественности и представителей средств массовой информации в законности проведения государственных закупок и расходов государственных средств;

- наличие в законодательстве страны норм, которые регулируют вопрос ответственности за нарушение требований законодательства об осуществлении государственных закупок.

Следует отметить, что на ментальном уровне в сознании общества современной России закреплено, что коррупционная деятельность позволяет обеспечивать себя необходимыми жизненными благами даже несмотря на ее противоправный характер. При этом различные формы коррупционных деяний - взятки, подкупы, иные неофициальные способы разрешения проблем - в отношении чиновников, как бы «смягчают» жесткость государственного или муниципального управления, делая их более мобильным и отзывчивым на вызовы современного общества. Сегодня прослеживается достаточно устойчивая тенденция роста числа таких преступлений. За десять лет органами прокуратуры Российской Федерации выявлено свыше 3 млн. нарушений законодательства о противодействии коррупции. И количество таких нарушений возросло в разы, если сравнивать с периодом, когда специализированные подразделения прокуратуры по борьбе с коррупцией еще не были созданы [3]. Например, если в 2007 году таких нарушений выявлено 106,5 тыс., то в 2008 году — уже 208 тыс., а к 2016 году оно возросло до 325 тыс. Только за первое полугодие 2017 г. года уже выявлено свыше 160 тыс. фактов коррупции. В результате принятых мер более 560 тыс. лиц наказаны в дисциплинарном порядке. Также за десятилетний период за совершение коррупционных правонарушений свыше 86 тыс. лиц по постановлениям прокуроров привлечены к административной ответственности. Одной из основных причин роста количества выявляемых прокурорами нарушений является продолжающееся совершенствование антикоррупционного законодательства, в том числе тенденция расширения круга лиц, на которых распространяются установленные законом ограничения, обязанности и запреты [3].

При этом российские суды оправдывают коррупционеров гораздо чаще, чем прочих преступников. Это следует из данных судебной статистики, опубликованных на сайте судебного департамента при Верховном суде. Всего в прошлом году российские суды оправдали 0,36% обвиняемых (2640 из 743 020), и на протяжении последних лет этот показатель неуклонно сокращался: в 2015 г. было 0,43% оправданных, а в 2014 г. - 0,54%. А вот из 475 человек, обвинявшихся в прошлом году в злоупотреблении служебным положением (ст. 285 УК), оправдали 10 - т. е. 2,1% (в 2015 г. таких оказалось даже 2,5%). Из 1410 человек, которым инкриминировали превышение служебных полномочий, в 2016 г. оправдали 22 - 1,6% (а годом ранее таких было даже 2,9%), из 399 обвиняемых в служебном подлоге - 12 (т. е. более 3%). Даже обвиняемых в получении взятки (а их тради-

ционно почти в 3 раза меньше, чем граждан, обвиняемых во взяточничестве) оправдывали в 1,1% случаев. Практически единственная категория коррупционеров, не вписавшаяся в общий тренд, - это взяточдатели. Их почти не оправдывали: из 3590 человек невиновными в прошлом году признали всего пять (0,14%), а годом ранее - всего трех из 5219 (0,06%) [1].

Следует отметить, что в списке стран с самыми высокими показателями подкупа при государственных заказах Российской Федерации принадлежит шестое место после Таиланда, Индонезии, Филиппин, Индии и Парагвая [15]. Подкупая бюрократа как бы «на корню», предприниматели могут получать какие-либо незаконные выгоды, осознавая свою безнаказанность. Под «коррупционным покровительством» совершаются: незаконные банковские операции, «отмывание» денежных средств, полученных незаконным путем, незаконное получение кредита, недопущение, ограничение или устранение конкуренции, уклонение от уплаты таможенных платежей, налогов и сборов, нарушение авторских и смежных прав, мошенничество и др. [6].

При обращении к общей криминологической теории осуществления коррупционных преступлений значимым также является позиция В.А. Уткина, которым справедливо отмечалось постоянно изменяющийся характер существующих причин коррупции, объясняемый динамикой природы существующих социально-правовых отношений [13, с.13]. Вместе с тем, им выделялись ряд основных факторов коррупции в современной России, заключающиеся в социально-экономических потрясениях последних лет; экономическом неравенстве и имущественном расслоении населения; неотработанности экономических механизмов при их многовариантности и непрозрачности; низком качестве кадрового состава государственных служащих; неадекватности оплаты труда и возложенных на государственных и муниципальных служащих задач; неэффективности контроля над доходами и расходами государственных и муниципальных служащих. При этом стоит указать на особый акцент законодателя на данном вопросе и, как следствие, последующее расширение обязанности по декларированию доходов как государственными служащими, так и членами их семей.

Среди основных правовых причин коррупционной преступности можно выделить существование на сегодняшний день в российском законодательстве достаточного количества пробелов и коллизий, которые требуют доработки, направленной на максимальное приближение правовых норм к практике правоприменения в сфере государственных закупок. Полагает, что недостаточная правовая культура общества также относится к числу правовых факторов коррупции в этой сфере. При этом присутствие постоянно осознаваемого политического и экономического риска, связанного с инфляцией при отсутствии понятных регулятивных механизмов, способствует формированию определенного типа экономического поведения, рассчитанного на кратчайшую перспективу. Социально-политическая нестабильность обуславливает и чувство неуверенности среди должностных различного уровня, создавая дополнительные условия и возможности совершения коррупционных действий в сфере государственных закупок.

Но причины коррупции в сфере государственных закупок более глубоки. Например, задача вымогателя «отката» становится значительно легче в случае возникновения у организации-исполнителя трудностей с выполнением заказа в части или в целом. В подобном случае у организации-исполнителя естественным образом появляется заинтересованность «откупиться» от особого внимания заказчика посредством передачи взятки определенному должностному лицу. При этом наличие анонимности в принятии административно-управленческих решений, правовой некомпетентности у большинства граждан, невяжкости большинства правовых норм и

практически тоталитарные и репрессивные методы, существующие у правоохранительных органов, при наличии зависимости органов судебных создают идеальные условия росту коррупционности в среде чиновничества.

Также к числу принципиальных причин и условий коррупционной преступности в сфере государственных закупок можно отнести несовершенство законодательства как в части трактовки преступности, так в области борьбы с коррупционной преступностью. В России уже длительное время отсутствует законодательное определение коррупции. Но при этом следует указать на целый «вал» принимаемых антикоррупционных законов и нормативно-правовых актов, но, при этом «действенность этой законодательной деятельности в настоящее время пока еще трудно оценить» [13, с.15]. Объясняется это тем, что в законе существуют пробелы, которые коррупционеры используют для ухода от ответственности. Кроме того, они также применяют разного рода ухищрения, осложняя тем самым процесс раскрытия преступления. В этой связи, по мнению Уполномоченного по правам человека в РФ актуально принятие федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». Возможно, это приведет к большей стабильности законодательства, поскольку в базовые рамочные законы вносятся десятки изменений. Избирательность правосудия, круговая порука и уход от ответственности высокопоставленных коррупционеров, отсутствие действенной системы неизбежности и неотвратимости наказания усиливают в обществе сомнения в способности государства защитить законопослушных граждан, развращают, с одной стороны, массовое сознание вседозволенностью, а с другой - порождают такое явление, как самосуд [5].

Возникновение политических и идеологических причин во многом обусловлено появлением в российском политическом пространстве конфликтных ситуаций, связанных с регулированием политических и идеологических взаимоотношений, снижающих уровень контроля или создающих организационную нестабильность во властных структурах. Этим часто и пользуются при совершении коррупционных преступлений. Ослабление идеологических основ, снижение нравственных устоев в обществе способно также приводить к возникновению различных социальных конфликтов. Особо здесь следует выделить в качестве существенного фактора несовершенство системы государственного контроля, особенно в части доходов и расходов как самих должностных лиц, так и членов их семей, их близких и иных аффилированных лиц. Тем не менее, обязательен и учет остальных условий в силу того как на членов общества на должностных лиц органов власти и управления в равной мере осуществляют воздействие и другие, имеющие общую криминологическую природу коррупциогенные факторы.

Исследователями выделяются три ключевых фактора, влияющих на систему государственных закупок и способных создавать или усиливать риск коррупции: эффективность управления бюджетом, эффективность управления персоналом и профессионализм сотрудников [11, с.403]. Это вытекает из самой сущности государства как сугубо чиновничьей структуры. При отсутствии у чиновников иных, кроме административных ресурсов, система государственного управления при наличии определенных условий всегда материализовать свой единственный ресурс в определенные материальные блага для себя: «Это и является истоком, родником, из которого проистекает сложная болезнь государственного устройства, которая и является коррупцией» [10, с.30].

В этой связи неудивительно, что, по мнению многих российских бизнесменов и аналитиков, в результате проведения государственных закупок сторонами контрактов часто становятся организации, близкие к чиновникам. К сожалению, наличие «злого» умысла у

организаторов закупок доказывается достаточно просто в силу приспособления заинтересованных сторон к нормативным требованиям и выработки определенных схем [14], по которым заказ передается «нужной» (зачастую аффилированной) компании. Причем не всегда они являются противозаконными и в случае выявления определенных противоречий, они будут трактоваться только как ошибка проводящей государственные закупки стороны.

В настоящее время правоприменительная практика свидетельствует о том, что проблема администрирования контракта с позиции предупреждения коррупции выходит на первый план. Это во многом обусловлено тем, что российским законодательством в большей мере внимание уделено размещению заказа и практически не урегулированы процессы исполнения контракта и приемка его результатов. Что создает предпосылки для достаточно серьезных проявлений коррупционного характера, которые могут состоять в необоснованном администрировании со стороны органов власти или отдельных должностных лиц при исполнении контракта, которое может проявиться вплоть до вмешательства в финансово-хозяйственную деятельность исполнителя заказа, непредставлении необходимой исполнителю заказа информации, необходимых материалов для исполнения заказа со стороны заказчика, а также необоснованными изменениями контракта необъявленными условиями.

Таким образом, следует признать, что российской коррупции в современных условиях свойственен системный характер. Во многом это обусловлено существующими возможностями ее развития, заложенными в действующем законодательстве и социально-экономической практике. В этой связи противодействие коррупции предполагает комплекс необходимых мероприятий, позволяющих обеспечить эффективность нормативно-правового регулирования и недопущения проявлений коррупции, особенно в сфере государственных закупок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анастасия Корня А., Аптекарь П. Суды оправдывают коррупционеров вдвое чаще, чем прочих преступников [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/08/08/728379-sudi-opravdivayut-korruptsionerov>
2. Астанин В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2009. – 37 с.
3. Ващенко В. Коррупция нанесла РФ ущерб на 130 млрд рублей за 2,5 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.gazeta.ru/social/2017/08/09/10825598.shtml>
4. Гребенюк Р.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика взяточничества: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2004. – 171 с.
5. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://rg.ru/2016/03/24/ombudsman-doklad-dok.html>
6. Зорников Д.В. К вопросу о предупреждении «силового предпринимательства» в малом предпринимательстве // Проблемы социальной и криминологической профилактики преступлений в современной России // Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18 – 20 апреля 2002 года). М., 2003. Вып. 2. С. 266 – 268.
7. Коррупция в графическом измерении [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.komersant.ru/doc/3255830>
8. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 1999. – 678 с.
9. Криминология: Учебник // Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. – М.: Юрист, 1995. – 512 с.
10. Меньшенина Н. Н. Коррупция в Российской Федерации: генезис, формы, технологии, противодействие:

монография /Т. Е. Бейдина, С. Б. Быстрянец, Н. Л. Захаров, Л. В. Мась, Н. Н. Меньшенина, А. Г. Наронская, М. В. Пантелеева, О. В. Погулич, С. С. Соколова, Н.В.Устинова, А. В. Чечулин/ под общ. ред. проф. Н.Н. Меньшениной; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федерал. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 2014.

11. Многоликая коррупция: Выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления / Под ред. Э. Кампоса и С. Прадхана; Пер. с англ. — М.: Альпина Паблшерз, 2010. — 551 с.

12. Путин: общественный контроль за госзакупками может сберечь до 2% ВВП [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20120229/580596111.html>.

13. Уткин В.А. Противодействие коррупции и формирование антикоррупционного поведения: Лекция. - М. Изд-во Щит-М, 2011. — 60 с.

14. <http://www.forbes.ru/svoi-biznes-opinion/master-klass/61590-5-zhulnicheskih-shem-provedeniya-tendera-na-goszakupki>.

15. Wettwer Brigitte. Nuetzliche Ausgaben/Wirtschaftswoche, NR. 23 / 30.05.96

Статья поступила в редакцию 13.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

**ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ:
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

© 2018

Слесарев Юрий Васильевич, кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой «История и право»

*Пензенский государственный технологический университет
(440039, Россия, Пенза, пр-д Байдукова/ул. Гагарина, 1а/11, e-mail: avkor@penzgtu.ru)*

Лосяков Андрей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры
«Государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин»

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
(117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, 36, e-mail: Losyakov_1987@mail.ru)*

Аннотация. В статье анализируются работы различных ученых касающихся конфиденциальной информации в сети Интернет, социальных сетей, правового регулирования размещения такой информации. Высокая степень актуальности данной проблемы показывается быстрым развитием виртуальных сетей в современном обществе. Сейчас Интернет - это не только место для общения между людьми, в сети совершаются денежные операции, проводятся исследования, покупаются товары, публикуются результаты научных открытий и т.д. Поэтому все чаще он становится платформой для различных преступлений и неправомерных действий. Также исследуется законодательство об информации и о защите информации, правовые проблемы в сфере конфиденциальной информации. С развитием интернет – технологий правовое регулирование отношений, складывающихся в виртуальных сетях, на сегодня наиболее актуальное направление в юриспруденции. Нормативно-правовая база в сфере Интернета еще только начинает свое оформление в российской правовой системе. Авторы на основе полученных данных ученых – правоведов и собственного анализа предлагают пути решения в устранении пробелов в законодательстве в сфере размещения конфиденциальной информации в сети Интернет. Акцент делается на последние изменения в законах об информации, информационных технологиях и о защите информации, о защите персональных данных, а также на юридические моменты, связанные с пробелами и проблемами правового регулирования размещения информации.

Ключевые слова: информация ограниченного доступа, конфиденциальная информация, персональные данные.

CONFIDENTIAL INFORMATION PROTECTION PROBLEMS IN WEB: LEGAL ASPECT

© 2018

Slesarev Yuri Vassilyevich, PhD, associate professor, Head of the “History and Law”

*Penza State Technological University
(440039, Russia, Penza, pr. Baidukova Avenue / Gagarin, 1a / 11, e-mail: avkor@penzgtu.ru)*

Losyakov Andrey Viktorovich, PhD, associate professor of the Department
of “State Legal and Criminal Law Disciplines”

*Plekhanov Russian University of Economics
(117997, Russia, Moscow, Stremyanniy lane, 36, e-mail: Losyakov_1987@mail.ru)*

Abstract. The article analyzes the work of various researchers regarding the confidential information on the Internet, social networks, the legal regulation of placement of such information. The high degree of urgency of the problem shows the rapid development of virtual networks in modern society. Now the Internet is not only a place for communication between people in the network are committed cash transactions, conducted the study, buy goods, publishes the results of scientific discoveries, etc. Consequently, more and more often it becomes a place for various criminals and misconduct. The authors also analyze the information legislation and information security, legal issues in the sphere of the confidential information. With Internet technologies the legal regulation evolution of relations in social Networks is the most important area in jurisprudence. The legislation of RF in the sphere of Internet is relatively new and continues developing and improving. On the basis of received data from experts in the field of law the authors show solution ways in eliminating legislation gaps in the sphere of confidential information placement in Web. The latest changes in the legislation about information, information technologies and information security, personal data protection, and juridical issues connected with gaps and problems of legal regulation of information placement are highlighted in the article.

Keywords: information of restricted access, confidential information, personal information.

Информация важнейшая составляющая любого общества и государства. Без нее невозможно было бы развитие науки, техники, законодательства и всего того, что необходимо для нормального существования человека. «Кто владеет информацией, тот владеет миром» – фраза, сказанная когда-то английским финансистом Натаном Ротшильдом актуальна и сегодня. Любую информацию в зависимости от категории доступа к ней можно разделить на два вида: общедоступную и ограниченного доступа (распространение которой ограничивается или запрещается). Если проанализировать статью 9 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», то к информации ограниченного доступа относится: «информация составляющая государственную, коммерческую, служебную, профессиональную, личную и семейную тайну, а также персональные данные [1]. Перечисленные правовые институты информации ограниченного доступа составляют конфиденциальную информацию. Данный вопрос рассматривали в своих работах целый ряд ученых: С.Н. Бурдов, О.А. Потрашкова, И.М. Рассолов, А.В. Семашко, и др. Стоит отметить, что информационное законодательство, как и сама отрасль информационного

права, еще достаточно молодая для правовой системы Российской Федерации и содержит определенные проблемы, что и послужило сделать данную проблему предметом рассмотрения в этой работе.

Само понятие конфиденциальная информация в законе не применяется, а применяется «конфиденциальность информации». Кандидат юридических наук С.Н. Бурдов в своей диссертации указывает в связи с этим на то, что в ходе совершенствования в России законодательства об информации юридической наукой не была предложена концепция конфиденциальности информации как самостоятельной юридической категории и на сегодня наибольший объем регулирования приходится на государственную и служебную тайны. В отношении других видов тайн (личная и семейная, коммерческая и т.д.) государство уступает право основного регулятора тем субъектам, которые образуют (устанавливают) эти режимы. Так, при обработке персональных данных в режиме государственной тайны приоритет получают требования по защите государственной тайны. Автор приходит к выводу, что необходимо упорядочивание и определенная иерархия конфиденциальной информации для построения эффективной системы ответственности

за разглашение каждого вида тайн [2, с 113-115].

С проблемой информационной безопасности сталкиваются как различные организации, так и физические лица, а при применении интернет – технологий данная проблема еще более усложнилась. Все чаще с помощью различных хакерских атак, взломов личных и корпоративных сайтов, преступники получают различную конфиденциальную информацию. Большой популярностью на «теневых» рынках стали пользоваться пакеты баз данных на юридических и физических лиц.

Кандидат юридических наук С.Н. Бурдов в качестве угроз конфиденциальной документированной информации приводит примеры человеческого фактора. В частности, могут наблюдаться следующие ситуации:

- пользователь часто забывает блокировать компьютер, когда временно покидает рабочее место и доступ к информации может получить третье лицо;

- при подключении компьютера к сети Интернет пользователь не знает, какая информация может стать доступной другим лицам;

- со своих рабочих компьютеров пользователи часто выходят в социальные и другие общие сети, что может вызвать утечку информации;

- пользователи могут несанкционированно устанавливать на свои компьютеры постороннее программное обеспечение, которое вызывает снижение производительности и заражение вирусами [3]. Из чего следует, что получить доступ к конфиденциальной информации достаточно просто.

Ученый А.В. Семашко, рассмотрев различные неюрисдикционные формы защиты конфиденциальной информации, предлагает следующие пути решения в обеспечении информационной безопасности:

- повышение надежности специального программного обеспечения;

- создание систем и средств защиты от несанкционированного доступа к обрабатываемой информации;

- выявление различных технических устройств и программ, которые могут представлять опасность для нормального функционирования информационно-телекоммуникационных систем;

- сертификация средств защиты информации, лицензирование деятельности и стандартизация;

- контроль за действиями персонала работающими с информацией;

- введение системы мониторинга показателей и основных характеристик информационной безопасности в важных сферах жизни и деятельности государства [4, с 94-95].

Исследователи Д.Р. Хлестова и К.Г. Попов отмечают, что техническая защита конфиденциальной информации должна проводиться целенаправленно и непрерывно, на каждом этапе ее жизненного цикла и быть комплексной вместе с экономическими, а также правовыми методами обеспечения информационной безопасности [5].

Модернизация необходима и юрисдикционным формам защиты информации. Новые пути решения в этом предлагает доктор юридических наук И.М. Рассолов, анализируя в целом правовые отношения складывающиеся в виртуальном пространстве и являясь основанием нового направления в юриспруденции «интернет – право», он приходит к выводу, что понятие «информация ограниченного доступа» в необходимых случаях следует заменить категорией «частная информация», существующей во многих правовых системах мира. С учетом положений закона «О персональных данных» разумно принять закон «О приватности (защите частной информации граждан)». «В данном законе закрепились бы четкие критерии, согласно которым можно выделить определенную информацию, доступ к которой будет невозможен без согласия самого лица ни при каких условиях». Такой информацией может быть состояние здоровья, сведения о личной жизни, семейная тайна и т.д. В этом законе нужно было бы определить критерии вме-

шательства в частную жизнь политиков, общественных деятелей, артистов и других известных людей. Также он предлагает: 1) быструю процедуру правосудия (органы суда и следствия должны иметь постоянный доступ к информации в интернете и должна быть создана новая судебная процедура разбирательства); 2) уточнение юридической ответственности участников, где автора следует обязать отождествлять себя с размещенной им информацией; 3) дальнейшее развитие международно-правового сотрудничества; 4) содействие различным формам коммуникации, участников виртуального общества; 5) содействие развитию национального сегмента в интернете (например, регистрация доменных имен с использованием кириллицы) [6].

В социальных сетях существует огромное количество страниц размещающих открыто персональную информацию о человеке. Недостаточная защищенность таких сведений, а также в других общественных сетях требующих регистрации, приводит к большому количеству правонарушений [7]. Следует высказать, что является персональными данными по закону. В статье 3 ФЗ «О персональных данных» говорится: «персональные данные – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)». «Обработка персональных данных – любое действие (операция) или совокупность действий (операций), совершаемых с использованием средств автоматизации или без использования таких средств с персональными данными (сюда относится сбор запись, систематизация и т.д.)». «Оператор - государственный орган, муниципальный орган, юридическое или физическое лицо, организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных, а также определяющие цели и содержание обработки персональных данных» [8]. Однако в данной формулировке существуют определенные пробелы, так нет четкой регламентации «оператора» (лицо обрабатывающее персональные данные). Это только должностное лицо или же любое, которое сталкивается с такой обработкой. Также непонятно как следит государство за «операторами», которые работают с персональными данными не в силу своих обязанностей по должности [9].

Всю информацию ограниченного доступа нужно четко разграничивать. Повышенная секретность информации может быть негативной, поэтому следует соблюдать определенную сбалансированность. Кандидат юридических наук О.А. Потрашкова, анализируя правовой институт коммерческой тайны, отмечает, что отнесение информации к ней должно основываться на принципе экономической обоснованности и своевременности. Превышенная секретность повлечет потерю прибыли, чрезмерная открытость также неизбежно приведет к отрицательным последствиям. Целесообразнее обеспечивать защиту только той информации или ее части, которая будет гарантировать расширение рынков сбыта продукции, улучшение ее качества. Чтобы выделить такую часть информации, законодателем должен использоваться критерий ее действительной или потенциальной коммерческой ценности [10].

Таким образом, резюмируя вышеизложенное для защиты конфиденциальной информации от несанкционированного использования можно предложить следующее:

- соблюдение законодательством строгой и разграниченной иерархии конфиденциальной информации с равной ее правовой защитой;

- введение дополнительных правовых актов, касающихся непосредственно частной жизни граждан распространяемых в интернете (правовое регулирование общедоступных сайтов требующих регистрации и социальных сетей);

- создание единого международного правового пространства в сфере защиты информации в сети;

- ужесточение законодательства за халатность в отношении лиц работающих с любой конфиденциальной информацией в силу своих профессиональных обязанностей;

- четкое определение круга лиц, которые могут работать с информацией ограниченного доступа.

При соблюдении данных критериев законодателем, определенные правовые пробелы можно было бы устранить, но и также следует понимать, что развитие виртуального информационного пространства не стоит на месте и оно не должно опережать законодательство, а идти вместе с ним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149 –ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» с изменениями вступившими в силу 1.01.2018 г. // Собрание законодательства РФ.- 2006. - № 31 (часть 1). – Ст. 3448.

2. Бурдов С.Н. Административно-правовые режимы конфиденциальной информации. Дис. ... канд. юрид. наук. Санкт –Петербург: РАНХиГС, 2015. 196 с.

3. Бурдов С.Н. Система конфиденциального делопроизводства как форма защиты конфиденциальной информации: нормативные и организационные аспекты // Управленческое консультирование - № 3 (63). – М.: «РАНХиГС», 2014. – С 133-139.

4. Семашко А.В. Правовые основы оборота информации с ограниченным доступом (конфиденциальной информации) в Российской Федерации. Дис....канд. юрид. наук. М.: МосГУ, 2008. 242 с.

5. Хлестова Д.Р., Попов К.Г. Особенности организации технической защиты конфиденциальной информации на предприятиях // Символ науки.-№7-2- Уфа: «Омега сайнс» 2016. – С.92-93.

6. Рассолов И.М. Право и интернет. Теоретические проблемы 2-е издание . М.: Норма, 2009. 384 с.

7. Лосяков А.В. Проблемы привлечения лиц к уголовной ответственности за преступления в сети Интернет// Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 4 (43). С. 59-62.

8. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152 –ФЗ «О персональных данных» (в действующей ред.) // Собрание законодательства РФ. – 2006.- № 31 (часть 1). – Ст. 3451.

9. Слесарев Ю.В., Лосяков А.В. Проблемы правового регулирования размещения информации в социальных сетях //Балтийский гуманитарный журнал. Т.5.- № 2(15). – Тольятти: «Институт направленного образования», 2016. – С. 238-240.

10. Потрашкова О.А. Коммерческая тайна: проблема правовой защиты. // Информационное право - № 1. 2013. [Электронный ресурс] <http://www.center-bereg.ru/h250.html> (дата обращения 15.11.2016 г.)

11. Баранов В.Н. Социальные сети // Транспортное дело России. – № 12. – М.: ООО Редакция газеты морские вести, 2010. – С. 232 – 234.

12. Гражданский кодекс РФ (часть 1) от 30.11.1994 г. № 51 -ФЗ Ст. 152.2 (в действующей ред.) // Собрание законодательства РФ. – 1994.- № 32. – Ст. 3301.

13. Казанцева Д.Б., Бричкова М.Н. Проблема квалификации преступлений совершенных в сети Интернет // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 25. С. 175-179.

14. Сиротский А.А. Информационная безопасность личности и защита персональных данных в современной коммуникативной среде // Интернет – журнал Технологии техносферной безопасности. – № 4, 2013.

15. Сухова А.Р., Гатиятуллин Т.Р. К вопросу защиты персональных данных в социальных сетях // Символ науки. - № 1-2. – Уфа: «Омега сайнс», 2016 – С.101-102.

16. Федеральный закон от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи» с изменениями на 5.12.2017 г. // Собрание законодательства РФ.- 2003.- № 28. – Ст. 2895.

17. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 97 –ФЗ «О

внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // Собрание законодательства РФ. -2014. -№ 19. – Ст. 2302.

18. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 179 –ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014.- № 26 (часть 1). – Ст. 3385.

19. Федеральный закон от 21 июля 1993 г. № 5485-1 -ФЗ «О государственной тайне» с изменениями на 26.07.2017 г. // Собрание законодательства РФ. – 1997. - № 41. – стр. 8220-8235.

20. Что такое личная и семейная тайна? «Право в сети» [Электронный ресурс] <http://lawinweb.ru/chto-takoe-lichnaya-tajna-i-semejnaya-tajna/> (дата обращения 25.12. 2017 г.)

Статья поступила в редакцию 26.12.2017

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 343.2

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ

© 2018

Стригин Михаил Юрьевич, аспирант

*Красноярский государственный аграрный университет
(660049, Россия, Красноярск, пр. Мира, 90, e-mail: mishastrigin91@mail.ru)*

Аннотация. В статье охарактеризованы условия применения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией. Рассматриваются вопросы реализации института отсрочки отбывания наказания больным наркоманией. Предложены направления совершенствования данного института. Раскрываются криминологические показатели наркопреступности в России. Отмечается высокая степень преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Указываются опасения эффективности отсрочки отбывания наказания больным наркоманией. Указан случай применения нормы об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией из судебной практики. Указывается эффективность государственной политики в области противодействия незаконному обороту наркотиков. Авторами аргументируются различные точки зрения по поводу необходимости данного института в науке уголовного права. Указывается тот факт, что на сегодняшний день одного желания осуждённого для лечения наркомании и прохождения курсов медицинской и социальной реабилитации мало, нужны большие материальные вложения. Анализируется спорный вопрос о применении наказания в виде принудительных работ больным наркоманией. Указывается ряд объективных причин эффективного применения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией. Указываются основания отмены отсрочки отбывания наказания осужденным, больным наркоманией. В статье указывается то, что на сегодняшний день отсрочка отбывания наказания больным наркоманией не получила широкого применения в судебной практике.

Ключевые слова: больные наркоманией, отсрочка отбывания наказания, наркомания, ремиссия, рецидив, медико-социальная реабилитация, принудительные меры медицинского характера, принудительные работы, штраф, ограничение свободы, исправительные работы, обязательные работы.

SPECIFICS OF THE APPLICATION OF A DELAY IN SERVING A SENTENCE TO A SICK ADDICT

© 2018

Strigin Mikhail Yurievich, post-graduate student

*Krasnoyarsk state agricultural university
(660049, Russia, Krasnoyarsk, Mira street, 90, e-mail: mishastrigin91@mail.ru)*

Abstract. The article describes the conditions for applying a delay in serving a sentence to a sick addict. The issues of realization of the institute of postponement of punishment serving by a sick addict are considered. Suggested directions for improving this institution. Criminological indicators of drug crime in Russia are revealed. There is a high degree of crime in the illicit trafficking in narcotic drugs. The fears of the effectiveness of delaying the serving of punishment by patients with drug addiction are indicated. The case of application of the norm on delaying the serving of punishment by patients with drug addiction from judicial practice is indicated. The efficiency of the state policy in the field of counteraction to illegal drug trafficking is indicated. The authors argue different points of view about the need for this institution in the science of criminal law. It is pointed out that for today only one desire of the convict for the treatment of drug addiction and medical and social rehabilitation courses is not enough, large material investments are needed. The controversial question of the application of punishment in the form of forced labor by a drug addict is analyzed. A number of objective reasons for the effective application of the delay in serving the sentence to patients with drug addiction are indicated. The grounds for the cancellation of the postponement of serving punishment to convicts who are sick with drug addiction are indicated. The article points out that, to date, the delay in serving a sentence for a sick drug addict has not been widely used in judicial practice.

Keywords: patients with drug addiction, deferment of serving a sentence, addiction, remission, relapse, medical and social rehabilitation, compulsory measures of a medical nature, forced labor, fine, restriction of freedom, correctional labor, compulsory work.

Более пяти лет в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) существует относительно новое основание освобождения от наказания – отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ) [1]. Вокруг данного вида освобождения от наказания на протяжении всех этих лет ведутся споры. О данном виде освобождения от наказания ведётся активное обсуждение как в теории уголовного права, так и в практике правоприменения, в дискуссии участвуют судьи, прокуроры, сотрудники ОВД, уголовно-исполнительных инспекций, врачи-наркологи и иные специалисты.

Противодействие наркоугрозе составляет значимый элемент обновленной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683, административного и уголовного законодательства. Кроме того, в Российской Федерации национальная безопасность является объектом оценки, государственного мониторинга, и в качестве одного из показателей оценивается степень эффективности государственной политики по противодействию незаконному обороту наркотиков.

В Российской Федерации в наркологических диспансерах состоят на учете около 640 тыс. человек. Однако согласно экспертным оценкам, в стране 7,3 млн человек потребляют наркотики в немедицинских целях, и только

2,4 млн человек – по медицинским показаниям. По данным Росстата, наибольшая смертность от употребления наркотиков наблюдается в возрастной группе от 15 до 34 лет – более 200 чел. на 100 тыс. населения, что ощутимо превышает средневропейских показателей (45 умерших на 100 тыс. населения).

В 2016 г. 6 064 человека совершили преступления под воздействием наркотических средств, 286 – под воздействием психотропных веществ и 11 – сильнодействующих.

Всего в 2016 г. выявлены 201,1 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 15,1 % меньше, чем в 2015 г. (234,8).

В свою очередь, 85 799 (–20,8 %) наркопреступлений совершены в крупном и особо крупном размерах (82 454 и 3 345 соответственно). В 2016 г. зарегистрированы 99 052 посягательства, целью которых являлся сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, что на 16,4 % меньше в сравнении с предыдущим годом. Наблюдается снижение на 26,7 % производства наркотиков (всего в 2016 г. зафиксировано 66 фактов), пересылки – на 51 % (525) и нарушений правил оборота – на 56 % (11), незаконного оборота сильнодействующих веществ – на 44,9 (650), контрабанды наркотиков – на 21,9 % (803). Вместе с тем наблюдается

рост на 15,8 % хищений либо вымогательств наркотических средств и психотропных веществ (всего в 2016 г. зафиксировано 66 преступлений). Приведенные данные следует анализировать с поправкой на высокую степень латентности данных преступлений, что указывает на весьма глубокое проникновение явления наркотизации в общество [9, с. 147-158].

Касаемо эффективности отсрочки отбывания наказания больным наркоманией имеются опасения. Данные опасения вполне обоснованы медицинской (наркологической) практикой.

В разных медицинских организациях существует свои подходы к лечению наркозависимости. При этом судом не принимаются в учёт при принятии решения по поводу отсрочки от отбывания наказания используемые медицинским учреждением программы, ориентированные на лечение и реабилитацию больного наркоманией, так как это не принципиально важно.

Неэффективность стационарного лечения наркоманов была отмечена такими авторами, как И.Н. Пятницкая и А.Н. Яковлев. По их мнению, ремиссия более 1 года после стационарного лечения, зачастую, подлежит регистрации только у 9-12 % пациентов [5, с. 56-58]. Увеличение продолжительности ремиссии возможно наблюдать у 30-35% больных тогда, когда они проходят реабилитационные программы [6, с. 296]. Избавление осуждённого от наркотической зависимости необходимо проводить комплексно. Лечение больных наркоманией целесообразно проводить только в государственных медицинских учреждениях. Таким образом, в частных клиниках лечение наркомании малоэффективно.

Проведение лечения от наркомании всегда должно сочетаться с медицинской реабилитацией (психотерапевтический курс, воспитательные мероприятия) и, зачастую, в одной медицинской организации. После её прохождения осуществляются процедуры социальной реабилитации (адаптации, ресоциализации), в рамках которых пациент подготавливается к самостоятельной жизнедеятельности, в виде общения с семьёй, групповых психотерапевтических занятий и др.

Благодаря социальной реабилитации восстанавливаются коммуникативные навыки, формируется ответственность за своё поведение и здоровый образ жизни, стабилизируются профессиональные отношения, возобновляются положительные социальные контакты и т.д.

Цель введения в уголовное законодательство отсрочки отбывания наказания больным наркоманией – частичная компенсация отсутствия возможности применить принудительные меры медицинского характера к лицам, которые страдают наркоманией. В общем, положения, которые сформулированы в ст. 82.1 УК РФ, по своей сути, преследуют цель в стимулировании добровольного лечения осуждённых больных наркоманией [4, с. 182]. Эту отсрочку нельзя применять в совокупности с прочими основаниями освобождения от наказания, так как она имеет самостоятельное значение.

Содержание данной статьи было изменено Федеральным законом от 28.12.2016 № 491-ФЗ «О внесении изменений в статью 82.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 398 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации по вопросу отсрочки отбывания наказания осуждённым, признанным больным наркоманией» и с 30 марта 2017 г. данная статья действует в новой редакции.

Представляется необходимым дать характеристику условий, при соблюдении которых возможно применение отсрочки отбывания наказания больным наркоманией:

1. Данная мера применяется к осуждённым, т.е. к лицам, которые виновность которых в совершении преступления признана в соответствии с приговором суда. Осуждёнными подразумеваются в данном случае как лица, не начавшие отбывать наказание в виде лишения свободы, так и осуждённые, которые уже отбывают на-

казание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях. Последняя категория осуждённых в ряде случаев не принимается во внимание.

2. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией применяется к осуждённым, совершившим преступления против здоровья человека (личности), которые связаны с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ. Данные преступления не имеют цели сбыта при их совершении. Законодателем определён круг деяний, состоящий из 3 составов преступления (ч.1 ст.228 УК РФ, ч.1 ст.231 УК РФ, ст.233 УК РФ).

Как указывает Е.В. Кобзева, именно данные преступления совершаются наркозависимыми субъектами для того, чтобы получить доступ к наркотическим средствам или психотропным веществам, преследуя цель личного потребления [2, с. 56-58]. Данное мнение считаем вполне обоснованным.

Что касается срока за совершение указанных преступлений, то законодатель установил сравнительно относительно непродолжительные сроки лишения свободы: до 3 лет (ч. 1 ст. 228 УК РФ), до 2 лет (ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ). Однако, продолжительность курсов, в рамках которых осуществляется лечение, медицинская и социальная реабилитация, с учетом продолжительности периода ремиссии (минимально – два года) может быть более длительной в сравнении со сроком лишения свободы за данные преступления. В связи с этим, лицо будет продолжать выполнять возложенные на него судом обязанности и претерпевать в связи с этим ограничения.

Наряду с лишением свободы, санкциями ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ предусмотрена возможность назначения таких наказаний, как штраф, обязательные, исправительные, принудительные работы (ст. 233 УК РФ), ограничение свободы. В данной ситуации, возможно предположить, что лицам, которые признаны больным наркоманией, нет смысла назначать наказание в качестве принудительных работ.

В Российской Федерации на законодательном уровне гражданам, больным наркоманией, запрещено осуществлять разнообразную профессиональную деятельность и трудиться по значительному числу профессий (в т.ч. рабочих). Выходит, что трудовое законодательство наложило запрет осуждённому наркоману в занятии квалифицированным трудом. При оценке указанных ограничений следует учитывать крайне низкую эффективность трудовой деятельности лиц, страдающих наркоманией.

Помимо прочего, возрастает риск несчастных случаев на производстве. К тому же, работодатель, привлекающий осуждённых к выполнению принудительных работ на своё производство, также не заинтересован в том, чтобы у него в качестве работников трудились лица, которые страдают наркоманией.

В связи с этим ч. 7 ст. 53.1 УК РФ необходимо внести следующее положение: «Принудительные работы не назначаются несовершеннолетним... и лицам, больным наркоманией и осуждённым по ч.1 ст. 228, ч.1. ст. 231 и ст. 233 УК РФ».

3. Предоставление отсрочки лишь в случае осуждения лица к реальному лишению свободы. Отсрочка не имеет распространения на осуждённых, которые имеют условное наказание. В случае, когда лицо, совершившее преступления, ответственность за которые предусмотрена ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, осуждено к лишению свободы условно, и является больным наркоманией, то в данной ситуации судом возлагается на него обязанность прохождения курса лечения от наркомании, согласно ч. 5 ст. 73 УК РФ. На больного наркоманией в рамках условного осуждения возможно возложение обязанности в прохождении медицинской и (или) социальной реабилитации.

4. Предоставление отсрочки возможно в случае, когда лицо осуждено к лишению свободы за совершение вышеуказанных преступлений впервые. Законодателем

был изменён подход к применению анализируемой отсрочки. На сегодняшний день отсрочка предоставляется лицам, которые совершили преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ и осуждены впервые. Если приговором определено условное наказание в виде лишения свободы за совершение какого-либо из вышеуказанных преступлений, в случае повторного осуждения по данным статьям к лишению свободы предоставление отсрочки исключается.

5. Условием предоставления отсрочки является признание осуждённого больным наркоманией. Требуется диагноз «наркомания» документально подтвердить в суде. Лица, больные наркоманией, могут состоять на диспансерном учёте у врача психиатра-нарколога. Признание лица в качестве больного наркоманией возможно только врачом-наркологом или комиссией врачей. При этом, в частности, может проводиться судебно-наркологическая экспертиза.

6. Осуждённый, признанный больным наркоманией, в добровольном порядке изъявляет желание пройти лечение, медицинскую и (или) социальную реабилитацию. Наркологи считают, что положительный результат лечения возможен лишь при добровольном согласии больного. Эффект принудительного лечения достаточно часто является ограниченным, или сводится к непродолжительной ремиссии, за которой следует возникновение рецидива.

Осуждённый должен о своём желании заявить в процессе судебного заседания в устной форме (обязательное внесение данного заявления в протокол заседания), или письменно (предоставить заявление). Суд имеет возможность выяснить по своей инициативе желает ли подсудимый (осуждённый) проходить лечение от наркомании и уже на основании полученного ответа решает предоставить отсрочку либо нет [3, с. 55-57].

Существует ряд объективных причин эффективного применения института отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, к числу которых следует отнести высокую стоимость лечения и реабилитации больного наркоманией (35-60 тыс. руб. в месяц при 4-6-месячном курсе). Другой немаловажной проблемой является отсутствие достаточного количества мест в реабилитационных центрах.

Таким образом, комплексный подход в решении данных проблем позволит повысить эффективность принимаемых судами решений о предоставлении отсрочки отбывания наказания.

В качестве примера из судебной практики приводим следующее решение суда. Так, 23 июля 2012 года суд I инстанции рассмотрел уголовное дело в отношении Л., который подозревался в том, что совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ. В данном судебном заседании установлено, что Л. действительно является лицом, которое совершило преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ, впервые. Также подсудимый в судебном заседании пояснил, что болен наркоманией. Подсудимым было изъявлено желание на добровольное прохождение лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации. В связи с этим, суд сделал вывод о том, что для Л. возможно предоставление отсрочки на 1 год отбывания наказания в виде лишения свободы, т.е. до момента, когда будет окончено лечение и медико-социальная реабилитация, в соответствии с ч. 1 ст. 82.1 УК РФ.

Однако, на приговор суда I инстанции была подана кассационная жалоба и 6 сентября 2012 года судебная коллегия по уголовным делам рассмотрела данную жалобу и проверив материалы дела, обсудив доводы кассационного определения, судебная коллегия считает его обоснованным, а приговор подлежащим отмене в связи со следующими обстоятельствами [7].

По смыслу ст. 82.1 УК РФ применение анализируемой отсрочки является правом, а не обязанностью суда. Между тем решение о применении к Л. положений ука-

занной статьи в приговоре не мотивировано. Суд первой инстанции предоставил Л. отсрочку отбывания наказания под условием прохождения курса лечения от наркомании и последующей отмены её в случае не прохождения им такого лечения. Также нет доказательств, которыми бы подтверждалось, что Л. нуждается в том, чтобы пройти курс лечения от наркомании, отсутствию у него противопоказаний по состоянию здоровья к такому лечению. Судом не указано, где Л. должен проходить такое лечение. С учетом указанных обстоятельств приговор не может быть признан законным, обоснованным и справедливым, подлежит отмене по основаниям, предусмотренным ст. 382 УПК РФ, с направлением дела на новое судебное разбирательство [8].

В случае, когда вследствие лечения от наркомании, медицинской и социальной реабилитации наблюдается стойкая ремиссия продолжительностью как минимум два года, которая подтверждена результатами химикотоксикологического исследования, УИИ, учитывая заключение лечащего врача и демонстрируемое осужденным поведение, отправляет в суд представление о том, чтобы освободить осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания.

Стойкая ремиссия на протяжении двух лет или более служит основным критерием для принятия судом освобождения от наказания или оставшейся части наказания, так как является положительным результатом лечения и реабилитации. При этом суд принимает во внимание заключение лечащего врача и результаты химикотоксикологического исследования.

Согласно ч. 4 ст. 82.1 УК РФ, если выяснится, что до того, как судом вынесено определение об отсрочке для осужденного, больного наркоманией, отбывания наказания в целях лечения и реабилитации, данное лицо совершило преступление (преступления), не относящееся к преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, отсрочка должна быть отменена, с назначением окончательного наказания в соответствии с правилами наказания в случае совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ), с направлением осужденного в места лишения свободы.

При этом, если будет установлено, что осужденным, получившим данную отсрочку, было совершено преступление, предусмотренное вышеуказанными статьями УК РФ, судом предоставленная отсрочка может быть сохранена.

Таким образом, основанием отмены отсрочки осужденному, больному наркоманией, кроме отказа от лечения наркомании и прохождения реабилитации служит совершение им любого нового преступления. В данном случае отмена отсрочки происходит в обязательном порядке, лицу назначается новое наказание, согласно правилам, предусматривающим назначение наказания по совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ), с направлением осужденного для отбывания лишения свободы в исправительном учреждении.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день отсрочка отбывания наказания больным наркоманией не получила широкого применения в судебной практике (в сравнении с другими видами освобождения от наказания). Во-первых, связано это с тем, что лечение от наркомании и реабилитация дорогостоящее мероприятие. Во-вторых, отсрочка отбывания наказания устанавливает для осужденного ряд серьезных правоограничений, продолжительность которых может быть существенно большей в сравнении с назначенным сроком наказания в виде лишения свободы. В-третьих, сохраняется высокий риск рецидива наркомании, а значит и угроза отмены отсрочки отбывания наказания.

Несмотря на отмеченные проблемы, наличие института отсрочки больным наркоманией в УК РФ надлежит признан оправданным шагом законодателя. Когда осуждённый имеет добровольное желание в излавлении

от наркотической зависимости, у него есть намерение вновь интегрироваться в общество и он стремится полноценно участвовать в общественных отношениях, то государству необходимо ему в этом помочь, подтверждая тем самым курс гуманизации и соответствующей оптимизации уголовного законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152833> (дата обращения 30.11.2017)

2. Кобзева, Е.В. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией / Е.В. Кобзева // Законность.— 2012. № 6. — С. 25-28.

3. Чердняков, С.Н. Проблемы применения отсрочки отбывания наказания к лицам, больным наркоманией / С.Н. Чердняков, Н.С. Черднякова // Вестник Омской юридической академии. — 2015. — № 1 (26). — С. 55-57.

4. Чирков, С.В. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией / С.В. Чирков // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. — 2014. — № 1 (27). — С.180-182.

5. Пятницкая, И.Н. Соотношение экзистенциальной позиции личности с терапевтическими ремиссиями при амбулаторной реабилитации наркотизирующихся / И.Н. Пятницкая // Наркология. — 2004. — № 2. — С. 56-58.

6. Гриднева, Л.Г. Факторы, влияющие на качество лечения и реабилитацию больных опийной наркоманией / Л.Г.Гриднева, Л.В.Барабанова, Ю.В.Гриднев // Вестн. нов. мед. технол. — 2013. — Т. 20. — № 2. — С. 294-299.

7. Приговор №1-428/2012 Кировского районного суда г. Красноярск от 23.07.2012 // [www. http://sudact.ru/doc/KDeBLJg5xFbH/](http://www.sudact.ru/doc/KDeBLJg5xFbH/).

8. Кассационное определение от 06.09.2012 на приговор Кировского районного суда г. Красноярск от 23.07.2012 // [www. http://sudact.ru/regular/doc/MTfu4vh7fqdE/](http://www.sudact.ru/regular/doc/MTfu4vh7fqdE/).

9. Тепляшин, П.В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции / П.В. Тепляшин // Lex Russica. — 2017. — № 10. — С. 147-157.

Статья поступила в редакцию 01.02.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 347.64

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ И ВЗАИМОПОМОЩИ В ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ ОБЩИНАХ

© 2018

Чеснокова Юлия Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Частное и публичное право»

Пензенский государственный университет

(440026, Россия, Пенза, улица Красная, 40, e-mail: juliachesn@yandex.ru)

Аннотация. Актуальность темы исследования заключается в том, что потребность в социальной помощи и защите человека зародилась достаточно давно и прослеживается на всех ступенях развития общества. В рамках данного исследования рассмотрены этапы возникновения и развития гуманистических национальных традиций славян. Автор выделяет определенные формы помощи для защиты человека в различных ситуациях, такие как культовые с различными сакральными атрибутами; общинно-родовые в рамках рода, семьи, населения; хозяйственные формы помощи и взаимопомощи. В представленной статье автор раскрывает содержание общинно-родовой формы помощи, которая способствовала развитию поддержки особым, наименее защищенным членам общины, таким как старики, женщины и дети. Автор исследует формы помощи институту вдов, в виде определенных льгот мирского призрения; анализирует институт поддержки сирот в пределах рода, общины; раскрывает форму помощи в виде дарообмена, делает вывод, что такая система способствовала появлению института «приймачества» у южных славян, означала усыновление внутри родовой общины. Автор анализирует форму хозяйственной взаимопомощи и взаимоподдержки населению, в основе которой лежала всевозможная взаимовыручка. Раскрывает виды «помочи» в различных ситуациях. Особо выделяет «наряды миром», толоки, складчины. В статье автор делает вывод о том, что в древнейший период славянской истории зарождаются и развиваются первые формы помощи и поддержки населению. На данной стадии развития отношения по оказанию помощи и взаимопомощи получают свое общественное признание, формируется практика поддержки незащищенных слоев населения, таких, как старики, вдовы и дети. В этот период активно развиваются определенные формы поддержки отдельных субъектов и группы в целом в разных жизненных ситуациях. Они носят не только внутрисемейный характер, но и выходят за ее пределы, образуя определенный фундамент для христианской модели помощи и поддержки нуждающихся.

Ключевые слова: древние славяне, общественные формы помощи, миролюбие, старики, дети, женщины, институт «приймачества», поддержка сиротства, мирская помощь, институт вдов, взаимная поддержка, виды «помочи».

THE EMERGENCE OF SOCIAL ASSISTANCE AND OF MUTUAL AID AMONG THE SLAVS

© 2018

Chesnokova Julia Vyacheslavovna, candidate of legal Sciences, associate Professor
of the Department of Private and public law

Penza State University

(440026, Russia, Penza, Krasnaya street 40, e-mail: juliachesn@yandex.ru)

Abstract. The research topic is quite relevant due to the fact that the need for social assistance and human protection originated at the origins of primitive culture and can be traced at all stages of society development. Within the framework of this research the stages of origin and development of humanistic national traditions of Slavs are considered. The author identifies certain forms of assistance for the protection of human beings in various situations, such as religious ones with various sacred attributes; community-based within the family, family, population; economic forms of assistance and mutual aid. In the present article, the author reveals the content of the community-based form of assistance, which contributed to the development of support for special, the least protected members of the community, such as the elderly, women and children. The author examines the forms of assistance to the Institute of widows, in the form of certain benefits of worldly charity; analyzes the Institute of support for orphans within the genus, community; reveals the form of assistance in the form of a gift exchange, concludes that such a system contributed to the emergence of the Institute of «priymachestvo» in the southern Slavs, meant adoption within the patrimonial community. The author analyzes the form of economic mutual assistance and mutual support to the population, which was based on all kinds of mutual assistance. Reveals the kinds of «garbage» in different situations. Highlights «outfits world», cleanup, purse. In the article the author concludes that in the most ancient period of Slavic history the first forms of assistance and support to the population are born and developed. At this stage of development, relations of assistance and mutual assistance are gaining public recognition, and the practice of supporting vulnerable segments of the population, such as the elderly, widows and children, is being formed. During this period, certain forms of support for individual actors and the group as a whole in different life situations are actively developing. They are not only intra-tribal in nature, but also go beyond it, forming a certain Foundation for the Christian model of assistance and support to those in need.

Keywords: ancient Slavs, public forms of assistance, the peacefulness, the elderly, children, women, the institution of «primachestvo», support of orphans, worldly assistance, Institute of widows mutual support, the types of «help».

Под особым влиянием условий жизни и быта складывались гуманистические национальные традиции славян. Выделялись определенные формы помощи для защиты человека в различных ситуациях, такие как культовые с различными сакральными атрибутами; общинно-родовые в рамках рода, семьи, населения; хозяйственные формы помощи и взаимопомощи.

Одной из культовых форм поддержки является поклонение древних славян кругу. Круг являлся для славян символом стабильности, оберегал человека от злых духов.

Древние славяне связывали помощь по защите и охране коллектива, отдельного индивида с различными мифами, с оберегами. Славяне наделяли отдельные предметы

и растения сакральными свойствами, проводили определенные обряды почитания предков, по обожествлению их. Древнейшие языческие атрибуты оберега сохранены и в христианской культуре. Например, иконы, помимо культурного предназначения, имели также и оберегательную функцию. По мнению Г.А. Афанасьев, «значительная доля фетишизма прослеживается в почитании икон... нельзя не обратить внимание на распространение такого явления, как признание икон чудотворными, тогда как другие иконы, изображающие то же самое, или копии той же иконы чудотворной силы не имеют. Особенно много икон с изображением Божьей Матери» [1, с. 17].

Можно отметить, что данный период времени характеризуется наличием общественных форм помощи,

связанные с культом смерти, например, общинная милостыня, подавание натуральных продуктами, общественное перезахоронение, против которого в дальнейшем возражала церковь.

Особое место отводилось культу героя. Легенды и сказания славян о княжеских пирах, дошедшие до нас в различных исторических источниках, указывают на то, что основным участником трапезы является нищий странник. Считалось, что «среди медопития складывались высокие христианские добродетели: милость, нищелюбие и страннолюбие» [2, с. 178-179].

«Согласно «Повести временных лет», составленной в XII в. киевским монахом Нестором, славяне прежде жили на Дунае, а затем расселились по разным местам. Те из них, кто поселились на берегах Днепра и его притоков, стали называться восточными славянами. Одним из древнейших восточнославянских племён, обитавших на этих берегах с VI в., были поляне, которые сыграли главную роль в образовании древнерусского государства.

Известное под названием Киевской Руси, это государство возникло в IX в. и просуществовало три столетия, пока не распалось на отдельные княжества. С его крещением идея милосердия, составлявшая основу христианской благотворительности, не только вошла в сознание русского народа, но и пустила в нём глубокие корни. Приверженность ей русского народа обусловлена как особенностями его формирования, начавшегося во времена Киевской Руси, так и обычаями древних славян, которые всегда оказывали друг другу различную помощь» [3, с. 13].

Племена восточных славян проживали на определенной территории со своим родом, каждый владел своим родом. На тот период времени родовой образ жизни являлся для славян источником помощи в случаях болезни, нужды и иных бедствий. Основными занятиями славян были земледелие, скотоводство, ремесленничество. Данный образ жизни, занятия славян заложили основу определенных взаимоотношений между людьми, определенные нравственные нормы поведения индивидов.

Однако, сопоставив внутривидовые отношения у древних германских и других народов, которые вели в те времена в основном воинственный образ жизни, можно отметить, что у них распространенным являлся культ физической силы. Данное обстоятельство послужило развитию особого отношения соплеменников к существам слабым, несчастным. Так, «по бытовавшим у этих племен понятиям, отнять жизнь у таких людей считалось подвигом сострадания» [4, с. 90]. В связи с развитием культа физической силы дети германцев и литовцев обречены были убивать своих престарелых и немощных родителей. По мнению С.М.Соловьева, данные обычаи наблюдались у племен воинственных, которые «не терпели среди себя людей лишних, слабых, увечных, не могших оказать помощь на войне, защитить родичей, мстить за их обиды; у племен, живших в стране скудной, стремление предохранить от голодной смерти взрослых заставляло жертвовать младенцами» [5, с. 91]. Следует заметить, что в «Повести временных лет» при описании быта восточных славян такие обычаи не встречаются.

Таким образом, на ранней стадии развития племен восточных славян занятия их мирными видами деятельности, такими как земледелие и скотоводство, послужило возникновению и развитию у них таких черт народного характера, как уравновешенность, незлобливость, отражающих простоту их быта, нравов и обычаев.

Это нашло отражение в письменных свидетельствах западных путешественников древности, посетивших племена славян. С.М.Соловьев отмечает, что «славяне своею нравственностью производили на них выгодное впечатление, многие из путешественников обращали внимание на то, что между славянами очень редко попадаются злые и лукавые» [6, с. 91]. Путешественники отмечали гостеприимство славян, уважительное отношение к иностранным путешественникам.

Славяне были одним из тех народов, которые чаще других подвергались нападению и изгнанию, поэтому они на себе ощущали всю тягость невзгод переносимых другими. Славяне своим вниманием о госте, считали необходимостью помочь путникам, поскольку те испытывали определенные трудности и опасности в дороге.

По мнению С.М.Соловьева, «древние путешественники, отмечали и такую характерную для того времени особенность нравов славян, как их хорошее обхождение с пленниками, которые у славян не рабствовали целый век, как у других народов, а по истечении определенного срока были вольны или возвратиться к своим, давши откуп, или остаться жить между славянами в качестве друзей и вольных людей» [7, с. 16]. Данные поступки славян еще раз подтверждают такую черту славянского народа как миролюбие. Данная черта была сформирована под влиянием родового типа общественного устройства, их быта, занятие земледелием, скотоводством. «У народа, в простоте родового быта живущего, — отмечает С. М. Соловьев, — раб не имеет слишком большого различия от члена семьи, он бывает также младшим членом ее, малым, юным, степень его повиновения и обязанностей к главе семьи одинакова со степенью повиновения и обязанностей младших членов к родоначальнику» [8, с. 97].

В связи с распадом родовых связей славянские народы стали объединяться в общины, но уже не по кровному, а по территориальному признаку. Данные объединения в разных славянских племенах назывались по-разному, в одних – вервями, в других – задругами. Целью создания таких объединений являлось осуществление общих дел, в том числе и оказание помощи нуждающимся. Е.П.Агапов отмечает, что «несмотря на то, что община несла ответственность за помощь своим членам, она не всегда могла предохранить их от разорений, которыми оборачивались для них неурожаи и стихийные бедствия. Разорившиеся общинники были вынуждены обращаться за помощью к богатым землевладельцам, имевшим вотчины: попадая к ним во временную зависимость, они становились их закупками, а в постоянную – холопами, которые, по существу, не отличались от рабов» [9, с. 13].

Славянские народы использовали общественную помощь в разных сферах деятельности: в сельском хозяйстве, при строительстве жилья. Как отмечает В.Я.Пропп, общественная помощь представляла собой «приглашение соседей на спешную работу» [10, с. 37]. За выполненную работу соседи в качестве оплаты получали только угощение.

Общинно-родовая форма помощи способствовала развитию поддержки особым, наименее защищенным членам общины, таким как старики, женщины и дети. Формы поддержки пожилых людей были различные. Община заботилась о пожилых людях в тех случаях, когда от семьи не приходилось ждать помощи. Одной из формы поддержки стариков был специальный отвод их земель по решению общества, который давал возможность заготовки сена. Когда старики окончательно «впадали в дряхлость», они призрелись общиной. Такого старика определяли на несколько суток на постой в какой-нибудь дом, где ему предоставляли ночлег и питание. Затем он менял своих кормильцев, переходя в другой дом. Данный вид помощи стал определенной общественной повинностью.

Одним из вариантов ухода на «тот свет» был добровольный уход старцев из общины. Старые люди, которые не могли больше заниматься трудовой деятельностью в силу возраста, селились недалеко от общины, на погостах и жили за счет подаяния. Такая форма милости существовала до XVI в.

По отношению к взрослому миру в одной социальной группе находились старики и дети. К самым ранним формам «института детского сиротства» относятся домашнее рабство. Оно имеет корни из широко распространенного в те времена обычая, по которому захваченные в плен мужчины умерщвлялись, а женщины и

дети входили в одну из его семей племен-победителей. Считалось, что это является одной из форм защиты ребенка и сохранения ему жизни.

Постепенно стали формироваться и другие институты поддержки сирот в пределах своего рода, общины. Например, между членами разных общин возник дарообмен. Данная форма представляла собой переход вещей от одного собственника к другому и предполагала обязательство отдара. Такая система способствовала появлению института «приймачества» у южных славян, означала усыновление внутри родовой общины. Пожилые люди, которые в силу возраста не могут справиться с хозяйством и не имели наследников, могли «принять» в свою семью сироту. На сироту возлагались обязанности почитать своих новых родителей, вести хозяйство и в дальнейшем похоронить родителей.

Еще одной из форм поддержки сиротства является общинная, мирская помощь. Она схожа с помощью старикам. Ребенок-сирота переходил из дома в дом на кормление, либо ему назначали «общественных» родителей, у которых он находился на прикорме. Если сирота имел хозяйство, он назывался «выхованцом», «годованцем» [11]. Община была против его усыновления.

На общинно-родовую форму помощи могли рассчитывать и нуждающиеся женщины.

Одним из древних обычаев, встречавшихся на юге Украины было «хождение за навальным». Нуждающейся женщине оказывали помощь продуктами. Обычно данный ритуал осуществлялся осенью, после уборки урожая. В дом к нуждающейся приглашали гостей, которые приносили продуктовые запасы, гостям предлагали выпить и закутить.

Незадолго до принятия христианства у восточных славян появляется «институт вдов». В первых русских законодательных актах впервые появляются такие субъекты как «вдовлицы». К данной категории закон требует особого внимания, «в духовных наставлениях завещают им помогать и оберегать их» [12, с. 24].

Возможно, первая форма помощи институту вдов развивалась в системе предоставления дара. Вдовы, как «чистые», находились близко к миру смерти, осуществляли обряд омовения покойника и получали в качестве дара вещи умершего. Сельская община предоставляла вдовам землю, определенные льготы мирского призрения распространялись на них так же, как и на стариков.

В основе хозяйственной взаимопомощи и взаимоподдержки лежала всевозможная взаимовыручка.

Ранние формы помощи носили ритуальный характер. В них сохранились остатки магических аграрных культов, которые в свою очередь представляли собой совокупность нескольких элементов: ритуальный договор, совместная трудовая деятельность в оговоренные сроки и по завершению работ совместная трапеза, игры, танцы. У славянского народа помощи рассматривались в виде трудового праздника, в котором принимало участие все сельское население, независимо от социальной группы.

Людям оказывались «помочи» в различных ситуациях. Выделялись внесезонные (при пожаре, наводнении, массовом падеже скота) и сезонные помочи.

Особой формой поддержки считались «наряды миром». Такая форма проводилась в семье, если трудоспособные члены семьи были больны и нуждались в помощи по управлению домашним хозяйством. Соседи приходили помочь растопить печь, покормить скот, осуществить уход за маленькими детьми.

При осуществлении коллективной помощи происходило разделение труда, где различные группы населения выполняли разные виды работ. В основном это было востребовано в сельском хозяйстве, например, мужчины пахали, женщины боронили, старики сеяли.

Наиболее востребованной формой помощи были толоки - совместная обработка земли, перевозка сена, хлеба. В зависимости от местности, толоки имели различную направленность. С одной стороны, толоки пред-

ставляли форму совместной деятельности, с другой - форму помощи бедным крестьянам.

Особо выделялся такой вид толок, как - женские толоки для «мытья льна». Это была экономически выгодная форма помощи, которая позволяла на основе взаимовыручки не топить овин несколько раз в одном доме.

Выделялась еще одна форма помочи - складчины. Суть помочи заключалась в объединении нескольких семей для совместной заготовки корма для скота. На юге России пользовались «супрягой», совместное использование рабочего скота для обработки земли.

На основе изложенного, можно констатировать, что в древнейший период славянской истории зарождаются и развиваются первые формы помощи и поддержки населения. На этой стадии развития отношения по оказанию помощи и взаимопомощи получают свое общественное признание, формируется практика поддержки незащищенных слоев населения, таких, как старики, вдовы и дети. В этот период активно развиваются определенные формы поддержки отдельных субъектов и группы в целом в разных жизненных ситуациях. Они носят не только внутривидовой характер, но и выходят за ее пределы, образуя определенный фундамент для христианской модели помощи и поддержки нуждающихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Фирсов М.В. История социальной работы: учебное пособие для вузов. М.: Изд-во ВЛАДОС, 2001. 256 с.
2. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. 426 с.
3. Агапов Е.П. Социальная помощь в дореволюционной России. //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. №3 (29): в 2-х ч. Ч. 1. С. 13-16.
4. Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга 1. История России с древнейших времен. Тома 1-2. М.: Изд-во Мысль, 1988. 798 с.
5. Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга 1. История России с древнейших времен. Тома 1-2. М.: Мысль, 1988. 798 с.
6. Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга 1. История России с древнейших времен. Тома 1-2. М.: Изд-во Мысль, 1988. 798 с.
7. Мельников В.П., Е.И.Холостова История социальной работы в России: учебное пособие. М.: Изд-во «Дашков и К^о», 2004. 344 с.
8. Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга 1. История России с древнейших времен. Тома 1-2. М.: Мысль, 1988. 798 с.
9. Агапов Е.П. Социальная помощь в дореволюционной России. //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. №3 (29): в 2-х ч. Ч. 1. С. 13-16.
10. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 142 с.
11. Дашкевич П.М. Гражданский обычай приймачества у крестьян Киевской губернии //Юридический вестник. 1877. Том 25. № 6. С. 538-565.
12. Фирсов М.В. История социальной работы: учебное пособие для вузов. М.: Изд-во ВЛАДОС, 2001. 256 с.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках гранта «Эволюция правового регулирования оказания социальной помощи малоимущим и преодолению бедности в России: история и современность» (проект № 18-011-00202).

Статья поступила в редакцию 21.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 341.161

**ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ
ВО ВСЕМИРНУЮ ТОРГОВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ**

© 2018

Шайдуллина Венера Камилевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель

Департамента правового регулирования экономической деятельности
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

(125468, Россия, Москва, улица Ленинградский проспект, 49, e-mail: vk.shaydullina@gmail.com)

Аннотация. В настоящей статье приведены результаты анализа экономико-правовых проблем регулирования финансовых услуг в Российской Федерации в свете членства во Всемирной торговой организации (далее – ВТО). Были рассмотрены модели регулирования финансовых рынков в рамках Всемирной торговой организации, установлены основные нормативные правовые акты, регламентирующие международную торговлю финансовыми услугами. Были установлены основные итоги раундов переговоров стран-членов в рамках ВТО, касающихся регламентации международной торговли финансовыми услугами. Были проанализированы возможные ограничения доступа на рынок в соответствии с Генеральным соглашением по торговле услугами ВТО и основные направления либерализации рассматриваемого рынка услуг. Особое внимание было уделено анализу специфических обязательств по финансовым услугам Российской Федерации, как члена этой организации, а также анализу влияния правового регулирования финансовых услуг на финансовый сектор. Была рассмотрена официальная статистика Центрального банка Российской Федерации по участию иностранного капитала в российских кредитных организациях, за 2010-2017 гг., которая показала увеличение доли иностранного капитала в кредитных организациях. На основании этих данных был сделан вывод о том, что российский финансовый сектор стал более подверженным влиянию политике иностранных государств, о чем свидетельствует влияние экономических санкций на финансовый сектор.

Ключевые слова: финансовые услуги, кредитные организации, Всемирная торговая организация, обязательства, ГАТС, сектор финансовых услуг, торговля услугами.

**ECONOMIC AND LEGAL ISSUES OF FINANCIAL SERVICES REGULATION IN RUSSIAN
FEDERATION WITHIN THE FRAMEWORK OF JOINING THE WORLD
TRADE ORGANIZATION**

© 2018

Shaydullina Venera Kamilevna, candidate of juridical sciences, Senior Lecturer
of the Department of legal regulation of economic activity

Financial University under the Government of the Russian Federation

(445020, Russia, Moscow, Leningrad Avenue 49, e-mail: vk.shaydullina@gmail.com)

Abstract. This article presents the results of an analysis of legal and economic problems with financial services regulation in the Russian Federation in the light of membership in the World Trade Organization (WTO). Models of financial markets regulation within the WTO were considered and basic normative legal acts regulating financial services international trade were established. Also, the main results of the WTO member countries' negotiations on the regulation of international trade in financial services were established. Possible limitations of market access were analyzed in accordance with the General Agreement on Trade in Services of the WTO and the main directions of liberalization of the market of services under consideration. Particular attention was paid to analysis of specific obligations on financial services of the Russian Federation as a member of this organization. Moreover, there is an analysis of the impact of legal regulation of financial services on financial sector. The official statistics of the Central Bank of the Russian Federation on the participation of foreign capital in Russian credit institutions for 2010-2017, which showed an increase in the share of foreign capital in credit institutions, was considered. Based on these data, it was concluded that Russian financial sector has become more susceptible to the influence of foreign policy as evidenced by the impact of economic sanctions on the financial sector.

Keywords: financial services, credit institutions, The World Trade Organization, liabilities, GATS, financial services sector, services trade.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Финансовым услугам отводится решающая роль в экономическом развитии любого государства, особенно в развитии мировой торговли. Финансовая услуга, выступая в качестве сектора услуг, обеспечивающих осуществление международной торговли, одновременно является и предметом торговли. Среди огромного количества существующих соглашений, деклараций, протоколов и договоров, подписанных в рамках Всемирной торговой организации (далее – ВТО), отсутствуют документы, которыми регулировалось бы кредитно-валютное сотрудничество стран на международном рынке. В связи с этим, в качестве основного документа, регулирующего финансовые услуги, выступает Генеральное соглашение о торговле услугами (далее – ГАТС) [1]. Актуальным является рассмотрение влияния правового регулирования финансовых услуг в условиях вступления Российской Федерации в ВТО на отечественный финансовый сектор.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Особенности правовой регламентации финансовых услуг в свете

членства Российской Федерации в ВТО занимались такие правоведы, как К.С. Мороз [5], Л.В. Санникова [7] и Н.В. Рахманина [6]. Однако, данные исследования требуют актуализации на 2018 год. Данная статья является продолжением начатых исследований.

Формирование целей статьи (постановка задания).

Целью настоящей статьи является определение экономико-правовых проблем регулирования финансовых услуг в Российской Федерации в свете членства в ВТО на отечественный финансовый сектор и выработка практических рекомендаций по их устранению.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В ГАТС содержатся положения об общих и специфических обязательствах членов ВТО, касающихся сферы услуг (в т. ч. финансовых услуг). Общие обязательства, такие как транспарентность законодательства и предоставление поставщикам услуг членов ВТО режима наибольшего благоприятствования, обязательны для исполнения всеми странами-членами ВТО. Необходимо подчеркнуть, что специфические обязательства, в частности, предоставление иностранным поставщикам национального режима и снятие ограничений доступа на рынок, принимаются каждой страной-участником ВТО в индивидуальном порядке [9]. Увеличение уровня та-

ких обязательств выступает в качестве предмета переговоров, причем, не только в рамках присоединения государства к ВТО, но и в процессе последующих переговоров между странами-участниками ВТО.

В понимании ГАТС, ограничениями доступа на рынок могут выступать такие меры государственного регулирования:

1. Ограничение числа поставщиков услуг. К примеру, в течение года может быть зарегистрировано ограниченное количество зарубежных банков.

2. Ограничение стоимостного объема активов или транзакции. Например, зарубежный банк может выдать резидентам лишь ограниченный объем кредитов.

3. Ограничение объема оказываемых услуг или количества выполняемых операций. Например, может быть разрешено наличие определенного количества филиалов зарубежных банков или установлен общий объем на банковские кредиты в национальной валюте.

4. Ограничение общего числа граждан, которые могут быть приняты на работу в иностранный банк. К примеру, не больше десяти сотрудников-иностранцев на один филиал.

5. Ограничение по видам совместных предприятий или юридических лиц. Например, иностранный банк может осуществлять свою деятельность только в виде дочернего предприятия.

6. Ограничение на размер иностранного капитала. К примеру, допустимая доля иностранного капитала – не больше 49 процентов.

Принятие специфических обязательств страной-членом ВТО в том или ином секторе услуг означает его обязательство по исключению или ограничению вышеуказанных мер ограничения доступа на рынок рассматриваемого сектора услуг.

В целях регулирования торговли услугами в рамках Всемирной торговой организации, все услуги классифицируются в рамках двенадцати секторов. Одним из таких секторов является сектор финансовых услуг. В соответствии с классификацией секретариата ВТО, финансовые услуги включают в себя следующие группы операций:

- а) банковские и иные операции (помимо страхования);
- б) страховые операции;
- в) прочие услуги [4].

В свою очередь, банковские и иные финансовые услуги (помимо страховых услуг) делятся на следующие подсектора: кредитование, включая залоговые и потребительские кредиты, а также факторинг; прием от населения депозитов и иных возвратных средств; обязательства и гарантии; все виды денежных переводов и платежи; финансовый лизинг; финансирование коммерческих операций; выпуск ценных бумаг, включая услуги по эмиссии, размещению и выписке; брокерские услуги; торговля за счет клиентов и за свой счет драгоценными металлами, ценными бумагами, активами, иностранной валютой и прочими инструментами (фьючерсы, опционы, векселя, чеки); управление коллективными инвестициями, пенсионными средствами и активами клиентов; трастовые и депозитарные услуги; обработка и передача финансовых сведений, включая предоставление программного обеспечения; услуги по ответственному хранению; клиринговые услуги и взаиморасчеты по финансовым активам, включая производные продукты, ценные бумаги и прочие оборотные средства; оказание консультационных и иных вспомогательных финансовых услуг (консультации в сфере инвестиций, анализ кредитования и др.).

К документам ГАТС, которые непосредственно относятся к регулированию торговли финансовыми услугами, относятся: Договоренность об обязательствах по финансовым услугам; Приложение и Второе приложение по финансовым услугам; ст. XI ГАТС «Платежи и переводы».

В вышеуказанном Приложении содержится опре-

деление термина «финансовые услуги» для целей Генерального соглашения (ГАТС). Отдельно приведены виды банковских и прочих финансовых услуг, а также дано определение термину «поставщик финансовых услуг». Анализ содержания Приложения показывает, что под финансовой услугой понимается любая услуга финансового характера, которая предлагается поставщиком финансовых услуг государства-участника ВТО. В качестве поставщика финансовых услуг, как отмечается в документе, может выступать любое юридическое или физическое лицо, поставляющее или намеревающееся поставлять финансовые услуги (кроме организаций государственной формы собственности).

В Приложении содержится принципиально новое для рассматриваемого сектора понятие – «меры предосторожности». В соответствии с Приложением, государства-члены ВТО в некоторых случаях могут вводить ограничения в сфере торговли финансовыми услугами для принятия мер предосторожности. Введение мер предосторожности необходимо в целях обеспечения стабильности и целостности финансовой системы и защиты инвесторов, держателей полисов, вкладчиков и доверенных лиц поставщиков финансовых услуг.

В Приложении содержится отдельный запрет на требование от членов ВТО, в рамках их обязательств, раскрытия информации, относящейся к счетам и делам индивидуальных клиентов, или иной информации, считающейся конфиденциальной.

Договоренность об обязательствах по финансовым услугам включает в себя определение таких понятий и терминов, как «новая финансовая услуга», «коммерческое присутствие» и «поставщик финансовых услуг». В документе в детализированном виде рассмотрена процедура выполнения принятых на себя специфических обязательств в рассматриваемом секторе. Кроме того, конкретизированы виды услуг, которые разрешено поставлять иностранным поставщикам на условиях внутреннего национального режима, а резидентам – приобретать такие услуги. Отдельно оговорено право зарубежных поставщиков финансовых услуг на создание и расширение «коммерческого присутствия» на территории государства-члена ВТО, в т. ч. посредством приобретения существующих предприятия, и право на урегулирование формы и степени участия зарубежных поставщиков финансовых услуг на своих территориях.

На завершающем этапе в рамках Уругвайского раунда торговых переговоров страны-участники так и не смогли прийти к полному согласию по поводу либерализации торговли финансовыми услугами. Позднее переговоры продолжились, но лишь в конце декабря 1997 года государствами-членами ВТО было заключено соглашение по финансовым услугам (5-й протокол к ГАТС).

Согласно экспертным оценкам, протокол охватывает свыше 95 процентов международной торговли страховыми и банковскими услугами, финансовой информацией и ценными бумагами.

Выделим наиболее важные положения, содержащиеся в Протоколе:

- обеспечение прав организаций, которые действуют в секторе финансовых услуг, учреждение дочерних структур и филиалов на территории всех стран-участников ВТО на основе режима наибольшего благоприятствования;

- осуществление свободной трансграничной торговли финансовыми услугами и возможность свободного перемещения персонала, занятого в данном экономическом секторе;

- предоставление этим организациям национального режима на внутреннем рынке.

Обязательства, связанные с торговлей финансовыми услугами, в рамках ГАТС, по состоянию на конец декабря 1997 года, то есть на момент завершения переговоров по финансовым услугам, которые были начаты в рамках

Уругвайского раунда, были приняты 84 государствами-участниками ВТО. Из них 71 государством (85%) были приняты на себя обязательства по страховым, банковским и иным финансовым услугам, а 13 государств – по одному из двух основных видов данных услуг.

Но общее количество обязательств в части предоставления допуска на внутренний рынок и национального режима при значительном количестве ограничений, которые существуют в данном секторе, не может выступать в качестве показателя существенной либерализации рассматриваемого сектора. В перечнях обязательств по финансовым услугам государств-членов ВТО содержится немало ограничений, затрагивающих типы юридических лиц, которые имеют право регистрироваться как поставщики услуг, и ограничений по поводу участия зарубежного капитала в предприятиях и организациях, занимающихся предоставлением финансовых услуг. Согласно оценкам экспертов, свыше 60 процентов всех ограничений (по предоставлению доступа на рынок и внутреннему национальному режиму) в области финансовых услуг сосредоточены в сфере поставок услуг путем «коммерческого присутствия», т. е. относятся к деятельности зарубежных дочерних структур, представительств и филиалов. Так, большинство государств-членов ВТО ощущают острую потребность в контроле деятельности зарубежных поставщиков финансовых услуг на внутреннем рынке [9]. Наряду с этим, реальный режим допуска на рынок финансовых услуг может характеризоваться большей либеральностью в сравнении с режимом, содержащимся в обязательствах членов Всемирной Торговой Организации.

В рамках текущего Дохийского раунда ВТО проводятся активные переговоры о будущей либерализации сектора финансовых услуг. Сингапур, Япония, ЕС и Соединенные Штаты, являющиеся основными экспортерами финансовых услуг, наиболее заинтересованными в улучшении условий доступа на этот международный рынок. Главным требованием к партнерам по переговорам является закрепление в обязательствах существующего режима доступа на рынок финансовых услуг. Согласно данным, представленным Секретариатом ВТО, сегодня в финансовом секторе принято больше обязательств, чем в других секторах услуг (помимо туризма). Так, в частности, обязательства по финансовым услугам были приняты всеми странами, присоединившимися к ВТО после Уругвайского раунда. Дополнительные обязательства были приняты 7 членами ВТО, включая Китай, Японию, Соединенные Штаты и ЕС. Изъятия из режима наибольшего благоприятствования в этом секторе сделаны более чем двумя десятками членов ВТО (27 странами), в число которых вошли наиболее крупные экспортеры финансовых услуг – Сингапур, Швейцария, ЕС и Соединенные Штаты.

Закон РФ № 395-1 от 2 декабря 1990 года «О банках и банковской деятельности» [3] разрешает зарубежным банкам открывать дочерние банки на территории России, но предусматривает возможность установления некоторых ограничений в отношении максимальной доли иностранного участия. Позиция Российской Федерации, которую получилось отстаивать на переговорах по присоединению к Всемирной торговой организации, заключается в сохранении запрета на деятельность в Российской Федерации филиалов зарубежных банков и в сохранении возможности введения квоты иностранного капитала в российской банковской системе. Наряду с этим, иностранным банкам разрешено принимать участие в капитале российских банков, а также учреждать на территории России дочерние структуры со стопроцентным иностранным капиталом. При этом они обязаны работать на условиях внутреннего национального режима, то есть на тех же условиях, на которых работают российские банки. Можно предполагать, что подобной позицией обеспечивается соблюдение баланса интересов отечественных потребителей банковских услуг и ин-

тересов российских банков.

Проводя анализ присутствия на рынке РФ банковских услуг зарубежных поставщиков (табл. 1), сделаем ряд выводов. Так, количество российских банков с иностранным капиталом стабильно уменьшается, однако их доля в банковском секторе незначительна. По состоянию на конец 2017 года, количество отечественных банков со стопроцентным иностранным капиталом находилось на уровне 18,5 процентов от общего количества российских банков. При этом количество банков с иностранным капиталом со 100% участием нерезидентов составило 7,5% [8].

В 2002 году был снят двенадцатипроцентный лимит на участие иностранцев в уставном капитале российских банковских организаций. Этот лимит так и не был установлен, и те зарубежные банки, которые желали работать на рынке России, выйдя на него путем открытия дочерних компаний, уже работают на нем. Прежде всего, основная угроза увеличения иностранного участия на отечественном финансовом рынке заключается в том, что иностранные кредитные организации имеют возможность осуществлять операции с меньшими издержками, и соответственно, могут предлагать более выгодные условия предоставления кредитов, чем отечественные банки [2]. Таким образом, существует риск снижения конкурентоспособности отечественных коммерческих банков на российском рынке.

Таблица 1 - Участие иностранного капитала в российских кредитных организациях

Значение/год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Количество кредитных организаций, зарегистрированных ЦБ РФ, имеющих право проводить банковские операции	1178	1146	1094	1074	1052	1024	978	931
в т. ч. с иностранным капиталом	226	220	236	244	245	225	199	174
из них: со стопроцентным иностранным капиталом	82	80	76	73	78	73	68	67

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В связи с этим, запрет на деятельность в Российской Федерации филиалов зарубежных банков объясняется следующим. Режим функционирования филиалов имеет определенные отличия от режима функционирования дочернего банка, который, являясь российским банком (хоть и с иностранным участием), обязан работать на условиях, единых для всех российских банков. Филиалы иностранных банков, в свою очередь, не выступают в качестве российских кредитных учреждений, поэтому требования законодательства Российской Федерации на них не распространяются. В связи с этим запрет на деятельность филиалов зарубежных банков в России не позволяет этим банкам получить неоправданно высокие преимущества перед отечественными банками.

В заключении стоит отметить, что вступление России в ВТО, несомненно, сделало кредитно-финансовый сектор государства более открытым внешнему миру. Однако в связи с этим отечественный финансовый сектор стал более подверженным влиянию внешних шок и политической ситуации иностранных государств, о чем свидетельствует влияние экономических санкций на финансовый сектор. В перспективе необходимо проводить экономико-правовые исследования последствий введения финансово-экономических санкций против России и их влияния на мировую финансовую систему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Генеральное соглашение по торговле услугами [Электронный ресурс] // URL: <http://ind.kurganobl.ru/assets/files/WTO/services.pdf> (дата обращения 2.01.2018).
2. Гончаров А. Запас еще полностью не выбран [Электронный ресурс] // URL: <http://www.trust.ru/docs/03162014090100000900.pdf> (дата обращения 02.01.2018).
3. Закон РФ № 395-1 от 2 декабря 1990 года «О банках и банковской деятельности» // Российская газета. №27. 1996.
4. Коренева А.Ю. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере оказания финансовых услуг

// Актуальные проблемы российского законодательства. 2017. № 17.

5. Мороз К.С. Понятия «услуга» и «финансовая услуга» для целей государственно-правового регулирования внешнеторговой деятельности // Финансовое право и управление. 2015. № 3.

6. Рахманина Н.В. Финансовые услуги в России: гражданско-правовой аспект // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Юриспруденция. 2015. № 1.

7. Санникова Л.В. Особенности правового регулирования международной торговли финансовыми услугами в рамках ВТО // Труды Института государства и права РАН. 2016. №5 (57).

8. Статистика Центрального банка Российской Федерации: банковский сектор [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=pdko> (дата обращения 2.01.2018).

9. Шайдуллина В.К. Сравнительно-правовой анализ международных и региональных обязательств Российской Федерации в сфере финансовых рынков // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2017. Т. 70. № 1.

Статья поступила в редакцию 25.12.2017

Статья принята к публикации 27.03.2018

УДК 341.161

ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРИ ВВЕДЕНИИ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА В ОДНОСТОРОННЕМ ПОРЯДКЕ

© 2018

Шайдуллина Венера Камилевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель

Департамента правового регулирования экономической деятельности
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

(125468, Россия, Москва, улица Ленинградский проспект, 49, e-mail: vk.shaydullina@gmail.com)

Аннотация. В настоящей статье проанализированы проблемы легитимности введения финансово-экономических и иных санкций против государства в одностороннем порядке. Были освещены ключевые позиции ученых-правоведов, а также международных организаций, относительно указанного вопроса. Была исследована правовая основа введения санкций Европейским союзом и Соединенными штатами Америки против Беларуси, Ирана, Сирии и иных стран. Был проведен сравнительно-правовой анализ национального регулирования порядка введения санкций ряда государств в отношении других стран и принципов международного права. Был сделан вывод о недопустимости применения санкций в целях урегулирования идеологических и политических разногласий, не связанных с международно-правовыми нарушениями. Указанная позиция закрепляется в международных и национальных правовых актах. Кроме того, было установлено, что в настоящее время существует необходимость принятия на международном уровне согласованного понятия «правомерные меры», исключающее возможность свободной трактовки данного термина. На основании выработанной дефиниции необходимо определить возможность применения контрмер, введенных изначально в одностороннем порядке, в коллективных интересах, тем самым квалифицируя действия других стран, не являющихся потерпевшими, но присоединившихся к введенным мерам.

Ключевые слова: Организация объединенных наций, санкции, Иран, Сирия, Беларусь, санкционный режим, контрмеры, правомерные меры, экономические санкции.

THE ISSUE OF INTERNATIONAL LAW PRINCIPLES OBSERVATION IN THE CASE OF THE INTRODUCTION OF FINANCIAL-ECONOMIC SANCTIONS AGAINST THE STATE UNILATERALLY

© 2018

Shaydullina Venera Kamilevna, candidate of juridical sciences, Senior Lecturer
of the Department of legal regulation of economic activity

Financial University under the Government of the Russian Federation
(445020, Russia, Moscow, Leningrad Avenue 49, e-mail: vk.shaydullina@gmail.com)

Abstract. This article analyzes the problems of the legitimacy of imposing financial, economic and other sanctions against the state unilaterally. The key positions of legal scholars, as well as international organizations, were highlighted with regard to this issue. The legal basis for imposing sanctions by the European Union and the United States against Belarus, Iran, Syrian and other countries was investigated. Also, comparative legal analysis of the national regulation of the procedure for the imposition of sanctions by a number of states on other countries and the principles of international law was conducted. It was concluded that it is unacceptable to apply sanctions to reconcile any ideological or political conflict, that is not related to international legal violations. This position is fixed in international and national legal acts. Moreover, it was found that there is a need to adopt at the international level a coherent concept of «lawful measures», which excludes the possibility of free interpretation of this term. On the basis of the definition it is necessary to determine the possibility of using countermeasures, introduced initially in unilateral order, in the collective interest, thereby qualifying the actions of other countries that are not the victims but as those who have joined the introduced measures.

Keywords: The United Nations, sanctions, Iran, Syria, Belarus, the sanctions regime, countermeasures, legal measures, economic sanctions.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. На современном этапе развития международных отношений перед мировым сообществом стоит важнейшая задача по установлению верховенства (господства) права в международном сотрудничестве между государствами. По итогам Всемирного саммита 2005 года были приняты нормативные акты, в которых главы правительств и государств подтвердили приверженность принципам и целям, изложенным в Уставе ООН [8], а также принципам и целям международного права и порядка, основанного на верховенстве закона [3]. Это является необходимой предпосылкой для сотрудничества и мирного сосуществования государств. Соблюдение законности обладает фундаментальным значением для обеспечения устойчивости международно-правового порядка, в существенной степени зависящего от понимания того, когда меры принуждения могут считаться легитимными. В связи с этим, принципиальным является вопрос, касающийся так называемых «санкций», которые применяются отдельными странами в одностороннем порядке при отсутствии соответствующего решения Совета безопасности Организации объединенных наций (далее - СБ ООН) либо в дополнение санкций СБ ООН, однако с их превышением по объему санкционного режима.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на ко-

торых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Вопросами легитимности введения экономических санкций в одностороннем порядке занимались такие ученые-правоведы, как К.О. Кононова [5], М.В. Кешнер [4] и И.И. Лукашук [6]. Однако указанные работы требуют актуализации на 2018 год. Представленная статья является продолжением подобного рода исследований.

Формирование целей статьи (постановка задания).

Целью настоящей статьи является определение международно-правовых рамок введения финансово-экономических санкций в одностороннем порядке.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В настоящее время актуальными являются проблемы соблюдения международно-правовых принципов при введении финансово-экономических санкций в отношении отдельного государства в одностороннем порядке. С. Лавров, министр иностранных дел, говорит о том, что данная проблематика в настоящее время обладает особой актуальностью. Общеизвестно, что Европейский союз (далее – ЕС) [2], Соединенные штаты Америки (далее – США) и некоторые другие страны [1] ввели такие санкции против Ирана, Сирии и Беларуси. И это не единственные примеры односторонних действий, по поводу которых у мирового сообщества возникают вопросы.

В качестве яркого примера выступает принятый Конгрессом США и подписанный Президентом Соединенных штатов Америки Акт о демократии и правах человека от 2011 года в отношении Республики Беларусь [9]. Данный Акт усиливает некоторые меры, расширяя действие Актов о демократии в Беларуси от 2004 и 2006 годов.

Соединенные штаты Америки выдвигают свои «обвинительные требования», основываясь на вышеуказанном законе (SEC. 2. Findings). К их числу относятся следующее:

1) Правительство Республики Беларусь уличено в безнаказанных нарушениях прав и основных свобод человека;

2) Правительство Республики Беларусь подвергло тысячи продемократических политических активистов преследованиям, тюрьмам и избиениям, вследствие их попытки мирной реализации своего права на свободу ассоциаций и собраний;

3) Правительство Республики Беларуси стремится к сохранению монополии на государственном информационном пространстве, в связи с чем систематически подвергает независимые СМИ, в том числе и независимых журналистов, ликвидации и репрессиям, подавляя право на свободу слова и выражение несогласия с диктатурой А. Лукашенко. Правительство Республики принимает законы, которые ограничивают СМИ, в том числе Интернет, что противоречит международным соглашениям по правам и свободам человека;

4) президент Республики Беларусь А. Лукашенко утвердился у власти, устроив неконституционный и незаконный референдум, позволивший ему не только навязать новую Конституцию, но и отменить результаты выборов избранного парламента, Верховного совета Тринадцатого созыва.

Осуждая проведенные 19.12.2010 года президентские выборы и преследование оппозиционных кандидатов, активистов, политических лидеров, журналистов и представителей гражданского общества (SEC. 3. Statement of policy, p.(1)), не прекращая поддерживать стремление народа Беларуси к демократии, верховенству закона и правам человека (SEC. 3. Statement of policy, p.(3)); отмечая рост демократических институтов и движений на территории Беларуси, а также расширение возможностей и прав белорусских граждан в плане прекращения тирании в своей стране (SEC. 3. Statement of policy, p. (5)), Соединенные Штаты выдвинули требование, заключающееся в немедленном освобождении без предварительных условий всех политзаключенных в Республике (SEC. 3. Statement of policy, p. (2)). Еще одно требование США заключается в проведении новых парламентских и президентских выборов. При этом выборы должны проводиться в соответствии со справедливыми и свободными стандартами ОБСЕ (SEC. 3. Statement of policy, p.(6)).

Введенные санкции затронули четыре предприятия Беларуси – производителя волокон ОАО «Гродно химволокно»; изготовителя автошин ОАО «Белшина»; производителя удобрений «Гродно Азот»; нефтепереработчика «Нафтан». Данные предприятия контролируются государственным концерном «Белнефтехим», в отношении которого уже введены экономические санкции. По итогам данного решения, американским гражданам и предприятиям запрещено вступление в финансовые и экономические отношения с этими предприятиями, а все их счета и имущество, находящееся на территории Соединенных Штатов, должны быть заморожены.

Законом расширен перечень официальных лиц Республики Беларусь, на которых распространяются финансовые санкции и запрет на получение американской визы. Также в новый пакет мер против Республики Беларусь входит призыв отказаться от проведения в 2014 году чемпионата мира по хоккею в Беларуси (Минске), адресованный Международной федерации хоккея.

Европейским Союзом в одностороннем порядке были введены санкции, которыми предусматривается запрет на въезд в страны Европейского Союза и замораживание иностранных банковских счетов некоторых представителей руководства Беларуси. К санкциям против Беларуси присоединились и те страны, которые не являются членами ЕС. Это указано в заявлении Верховного представителя Европейского Союза по иностранным делам Впоследствии примеру Брюсселя последовало девять стран, включая страны, являющиеся кандидатами на вступление в ЕС – Исландия, Черногория, Македония и Хорватия. Из стран-кандидатов к санкциям против Беларуси не присоединилась только Турция. В перечень вошли и такие страны: Босния и Герцеговина, Лихтенштейн, Норвегия, Сербия и Албания. ЕС сделало заявление, что приветствует решение этих стран по присоединению к санкциям против Беларуси.

ЕС ввело санкции и против Сирии, в т. ч. замораживание активов и счетов, эмбарго на поставку оружия и запрет на въезд на территорию стран Европейского Союза. Санкции распространяются на некоторых членов сирийского правительства, включая президента Сирии Б. Асада.

Правовое осмысление таких текстов, особенно с юридической позиции, позволяет утверждать, что они являются актами политического, а не правового характера. Они изобилуют оценочными определениями и недостаточно корректными заявлениями о событиях, не имеющих фактических достоверных данных. Но, как справедливо отмечено в тексте Заключения Международного правового совета при Министерстве иностранных дел РФ в отношении рассматриваемого Акта о демократии и правах человека от 2011 года в отношении Республики Беларусь, ссылок на нарушение Беларусью конкретных обязательств международного права здесь нет. Данные санкции не позиционируются США как форма привлечения Беларуси к ответственности по международному праву.

Односторонние санкции приняты Соединенными Штатами и в отношении Ирана. Закон, который был принят 02.08.2012 года Конгрессом США, предусматривает санкции против всех, сотрудничающих с предприятиями газового, нефтехимического и топливного сектора Ирана, а также против тех, кто предоставляет услуги в приобретении технологий, товаров и элементов инфраструктуры газовой и нефтяной промышленности Ирана.

Мы не будем вдаваться в политические намерения ЕС и США, а остановимся только на вопросе о том, в чем же заключается юридическая ущербность и некорректность положений рассматриваемых актов с позиции международного права. Принуждение в международном праве обладает своими специфическими особенностями, которые предопределяются, в первую очередь, характером и методами правового регулирования межгосударственных отношений. В отсутствие централизованного аппарата принуждения осуществляется странами индивидуально или децентрализованно, с применением механизма контрмер, и коллективно (централизованно) – с помощью институционального механизма международных организаций путем введения международных правовых санкций. Огромное значение в части закрепления этого терминологического толкования международных правовых санкций и контрмер отводится международной судебной практике, а также Комиссии международного права ООН (далее – КМП ООН), которая использует термин «контрмеры» применительно к односторонним мерам стран, избегая употреблять термин «санкции» [10].

Член Комиссии международного права ООН в течение 1994-2001 годов И.И. Лукашук подчеркивал, что в настоящее время, как констатировала КМП ООН, понятие «санкция» используют в целях обозначения мер принудительного характера, которые принимаются международными организациями, на основе гл. VII Устава

ООН [6]. Для определения мер, которые применяются потерпевшей страной к стране, ответственной за международное противоправное деяние, в целях побуждения её к выполнению возлагаемых на нее правоотношением ответственности обязательства, КМП ООН предлагает использовать термин «контрмеры». Так, под контрмерами понимаются меры принудительного характера, которые принимаются индивидуально потерпевшей страной в отношении страны-делинквента в ответ на нарушение каких-либо международных обязательств. В качестве основания для применения контрмер выступает отказ страны-нарушителя прекратить неправомерные действия и выполнить законные требования потерпевшей страны. Данные действия наступают в случае, когда страна-правонарушитель не приносит извинений, не наказывает виновников, не принимает мер для предотвращения повторения нарушения, не восстанавливает положение, существовавшее до момента совершения противоправного деяния. Аналогичного мнения придерживается и немецкий профессор В. Витцум, считающий, что контрмерами характеризуется ситуация, при которой международно-правовой субъект реагирует на совершенное нарушение его прав, самостоятельно принимая меры для их защиты и реализации. Данное понятие более узкое в сравнении с понятием «санкции» [7]. Принципиальное отличие контрмер от международных правовых санкций в том, что они являются элементом децентрализованного механизма принуждения страны-нарушителя, и рассматриваются в качестве инструмента имплементации ответственности, не обладающего карательным характером.

Во внутреннем законодательстве стран вопрос, касающийся применения контрмер, решается неоднозначно. К примеру, исходя из содержания ст. 33 Федерального закона от 15.07.1995 №101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», при нарушении международного договора РФ другими его участниками, Россия вправе принимать необходимые меры согласно международно-правовым нормам и в соответствии с условиями самого договора, положения которого были нарушены. В ст. 40 Федерального закона от 08.12.2003 №164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» содержатся следующие положения. Так, Правительство РФ может вводить меры ограничения на внешнюю торговлю интеллектуальной собственностью, услугами и товарами (т. е. ответные меры), если другая страна:

- 1) не выполняет принятые на себя в согласии с положениями международных договоров обязательства в отношении России;
- 2) предпринимает меры, нарушающие экономические интересы России и ее субъектов, муниципальных образований или граждан РФ, или нарушающих политические интересы России, включая меры, которые безосновательно перекрывают российским гражданам и организациям доступ на рынок другого государства;
- 3) не предоставляет российским гражданам и организациям эффективной и адекватной защиты их законных интересов в данной стране (к примеру, не предоставляет защиту от антиконкурентной деятельности других субъектов);
- 4) не предпринимает разумных действий по борьбе с противоправной деятельностью граждан или организаций этой страны на территории РФ.

В связи с этим, целесообразно упомянуть и Федеральный закон от 30.12.2006 №281-ФЗ «О специальных экономических мерах». В ч. 2 ст. 1 этого Закона раскрыты обстоятельства, при возникновении которых у Российской Федерации появляется право на применение специальных экономических мер. Так, в частности, такие меры могут быть применены при возникновении комплекса обстоятельств, требующих срочной реакции на международное противоправное деяние или недружественное действие со стороны другого государства (его

органов и должностных лиц), представляющие угрозу безопасности и интересам России и нарушающие свободу и права российских граждан, а также в согласии с резолюциями, принятыми СБ ООН. Как уже отмечалось ранее, санкции (коллективные меры принудительного характера) и индивидуальные ответные принудительные меры обладают совершенно разной природой. В этом смысле распространение действия закона на случаи применения коллективных мер принудительного характера посредством включения в ч. 2 ст. 1 формулировки «а также в соответствии с резолюциями, принятыми СБ ООН» (на основе резолюций СБ ООН применяются экономические санкции, которые направлены на поддержание или восстановление международной безопасности и мира в согласии с гл. VII Устава ООН) нельзя оценить однозначно.

В рамках нашего исследования, выделим, в чем именно могут выражаться специальные экономические меры:

- в полной или частичной приостановке реализации программ в сфере технической или экономической помощи и программ в сфере военно-технического сотрудничества;
- в запрете или установлении ограничений на осуществление финансовых операций;
- в запрете или установлении ограничений на внешнеэкономические операции;
- в приостановлении или прекращении действия международных договоров Российской Федерации в сфере внешнеэкономической деятельности;
- в изменении ввозных или вывозных таможенных пошлин;
- в ограничении или полном запрете захода в российские порты судов и использования воздушного пространства России или отдельных районов российского воздушного пространства;
- в установлении ограничений на туристскую деятельность;
- в отказе от участия или в запрете проведения международных научно-технических и научных программ и проектов другой страны.

Отметим, что текст закона не дает возможности для проведения разграничения содержащихся в нем норм с нормами других федеральных законов, которыми регламентируются сходные отношения, на основе которых могут быть применены защитные меры (к примеру, ст. 40 Федерального закона от 08.12.2003 №164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»).

В качестве следствия произвольного терминологического толкования контрмер и санкций в международном праве выступает то, что ими нередко определяются акции, являющиеся явно неправомерными. Односторонние меры принуждения не являются легитимными и не могут носить название «санкции», поскольку принципом суверенного равенства государств исключается возможное правомерное применение одной страной санкций в отношении другой страны или группы стран в одностороннем порядке.

Полномочия Администрации Соединенных Штатов на применение экономических экстерриториальных мер в одностороннем порядке были поддержаны Конгрессом в законодательном порядке. В 1977 году был принят закон в отношении чрезвычайных экономических полномочий, который стал основанием для более широкого применения «санкций». Обратим внимание на комментарий, который был дан сенатором Б. Картером по поводу данного закона. В соответствии с его комментарием, такое частое использование США и другими странами этих санкций является убедительным свидетельством отсутствия направленных против них четких норм обычного международного права.

Причина реализации такой политики заключается в специфической концепции санкций, понимающихся в качестве принудительных финансовых или экономи-

ческих мер, предпринимаемых одним или несколькими государствами против одной или нескольких стран для достижения целей национальной безопасности или внешней политики. В качестве такой цели может выступать изменение иностранного правительства или одного из направлений политики. В качестве подтверждения данного подхода выступает и «Стратегия национальной безопасности США», принятая администрацией Соединенных Штатов.

Но под реализацией критерия легитимности международно-правовых санкций предполагается недопустимость их применения в целях изменения или свержения законной власти в стране-объекте санкций. Вводимые санкции не должны превращаться в средство борьбы с «неугодным» режимом.

Таким образом, мы приходим к выводу, что недопустимым является применение санкций в целях урегулирования идеологических и политических разногласий, не связанных с международно-правовыми нарушениями. Любая попытка решить такие разногласия при помощи введения односторонних санкций, будет считаться противоправной и не может быть квалифицирована как международно-правовая санкция. Подчеркнем, что такие односторонние санкции не подвержены кодификации в действующем международном праве.

Рассмотрим еще один немаловажный момент. Международно-правовые санкции, являясь ответной реакцией на то или иное международное правовое нарушение, преследуют цель защиты охраняемых международным правом интересов потерпевшей стороны. В связи с этим, введение санкций с целью защиты национальных интересов будет являться правомерным только тогда, когда их нарушение одновременно является нарушением предписаний международно-правовых норм. Ссылка на национальные и другие интересы, охрана которых не предусматривается международно-правовыми нормами, не может выступать в качестве основания для применения санкций.

В рамках исследуемого вопроса особой актуальностью обладает проблематика применения контрмер в коллективных интересах или «коллективных контрмер», а также квалификации действий других стран, не являющихся потерпевшими, но присоединившихся к введенным мерам (например, как в случае коллективных мер ЕС против Республики Беларусь).

Многие государства, выступавшие в Шестом правовом комитете Генассамблеи ООН, решительно выступили против «коллективных контрмер», призвав исключить проект соответствующей статьи, поскольку он выходит за рамки действующего международного права. Так, контрмеры в коллективных интересах могут выступать в качестве дополнительного предлога для реализации силовой политики. Принятие контрмер при существенных нарушениях обязательств перед международным сообществом должно координироваться ООН. В таком случае речь будет идти о применении санкций универсальной международной организации.

Необходимо отграничить контрмеры от односторонних актов, которые «вплетены» в современную доктрину гуманитарного вмешательства и выступают в качестве единого фронта в отношении страны-объекта. В отличие от последних, нередко отстаивающих право на упреждение, реализация контрмер происходит в ответ на возникшее нарушение, представляя собой правомерный акт [6].

Еще одна проблема состоит в том, что согласованно определены понятия «правомерные меры», которое исключало бы возможность свободной трактовки, пока еще не выработано ни доктриной, ни практикой международного права. Современная практика знает множество случаев применения коллективных мер, но их правомерность нередко ставится под сомнение. В связи с этим, необходимым видится дальнейший прогресс в работе Комиссии международного права Организации

Объединенных Наций по кодификации вопросов, касающихся ответственности в международном праве. Он позволит с большей точностью отграничить понятия «контрмеры» и «международно-правовые санкции», положив конец вышеуказанным разногласиям по существу этих терминов и их отождествлению, а также позволит закрепить критерии правомерности односторонних мер, применяемых без учета норм об ответственности стран.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В заключение следует упомянуть о существовании последовательных резолюций Генассамблеи ООН, представляющих всеохватывающее и достаточно конкретное волеизъявление всего международного сообщества о необходимости и важности принятия эффективных срочных мер. Это необходимо, прежде всего, для того, чтобы положить конец практике применения односторонних мер принуждения экстерриториального характера, не санкционированных соответствующими органами ООН или противоречащих международно-правовым принципам, изложенным в Уставе ООН. Это такие резолюции, как «Прав человека и односторонние принудительные меры»; «Необходимость прекращения финансовой, торговой и экономической блокады, введенной Соединенными Штатами против Кубы»; «Отказ от применения односторонних экстерриториальных экономических мер принуждения как средства оказания экономического и политического давления». Не менее важной является и резолюция «Односторонние экономические меры как средство экономического и политического принуждения развивающихся стран». В указанных резолюциях подчеркивается, что принудительные меры одностороннего характера:

- несут угрозу суверенитету государств;
- нарушают принцип свободы международного судоходства и торговли;
- противоречат международному праву (а именно, Уставу ООН, принципу невмешательства во внутренние дела государств и принципу суверенного равенства);
- оказывают негативное влияние на реализации прав человека, создавая препятствия торговым отношениям, сдерживая процессы экономического и социального развития;
- особенно затрагивают уязвимые группы населения стран с развивающейся экономикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Власти США расширили санкции против Ирана [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/10/31/740083-vlasti-ssha> (дата обращения 02.01.2018).
2. ЕС планирует ввести новые санкции против Ирана, Сирии и Беларуси [Электронный ресурс] // URL: <https://telegraf.com.ua/mir/europa/164593-es-planiruet-vvesti-novyie-sanktsii-protiv-irana-sirii-i-belarusi.html> (дата обращения 02.01.2018).
3. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата обращения 02.01.2018).
4. Кешнер М.В. Легитимность санкций в отношении Российской Федерации: международноправовой анализ // Журнал российского права. 2015. №7 (223).
5. Кононова К.О. Санкционные резолюции Совета Безопасности ООН и их имплементация в национальных правовых системах государств-членов. М., 2010. С. 126—151.
6. Лукашук И.И. Право международной ответственности. М.: Волтер-Круверс, 2004.
7. Международное право // под ред. В. Витцум. М., 2011.
8. Устав ООН [Электронный ресурс] // URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения 02.01.2018).
9. Belarus Democracy and Human Rights Act of 2011

[Электронный ресурс] // URL: <https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-bill/515/text> (дата обращения 02.01.2018).

10. Countermeasures. Commentary [Электронный ресурс] // URL: http://legal.un.org/legislativeseries/documents/Book25/Book25_part3_ch2.pdf (дата обращения 02.01.2018).

Статья поступила в редакцию 22.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018

ТРЕБОВАНИЯ (краткие) К ПУБЛИКАЦИЯМ В ЖУРНАЛЕ:

Азимут научных исследований: педагогика и психология (№ 43 в Перечне ВАКа)

(научные направления: педагогические науки; психологические науки; социологические науки)

Азимут научных исследований: экономика и управление (№ 44 в Перечне ВАКа)

(научные направления: экономические науки; политические науки)

Балтийский гуманитарный журнал (№ 1472 в Перечне ВАКа)

(научные направления: языковедение; литературоведение; юридические науки; педагогические науки)

Карельский научный журнал (входит в РИНЦ)

(научные направления: педагогические науки; экономические науки; социологические науки)

Структурные параметры:

Статьи должны иметь элементы, отвечающие следующим параметрам:

–Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

–Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

–Формирование целей статьи (постановка задания).

–Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

–Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.

–Список литературы.

Технические параметры:

Названия файла:

•Фамилия_статья_город (например: Иваненко_статья_Киев)

Стандарты: шрифт Times New Roman, кегль – 10, междустрочечный интервал – 1, абзацный отступ – 0,5 см (*это сделано для того, чтобы автор точно знал сколько страниц текста у него будут в журнале*), все поля – 2 см, литература – В ПОРЯДКЕ ПОЯВЛЕНИЯ В ТЕКСТЕ (желательно не менее 20 наименований), редактор Word, тип файла – документ Word 97-2003 (обязательно).

Ключевые слова (три строчки) и аннотация (не менее 150-200 слов) на русском и английском.

Непрерывные пробелы между цифрами, инициалами и фамилией.

Не путать тире (–) и дефис (-).

Формулы оформляются через редактор формул «MathType» или «Microsoft Equation», размер символов – 10 (обязательно), длина формул не должна превышать 80 мм (обязательно), латинские символы набираются курсивом, греческие – прямым шрифтом, КИРИЛЛИЦА НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Рисунки, выполненные векторной графикой, должны быть помещены одним объектом или сгруппированы. Сканированные рисунки исполнять с отдельной возможностью не менее 300 dpi.

Справочная информация:

1. Для определения УДК можно использовать следующие ссылки:

А) <http://teacode.com/online/udc/>

Б) <http://www.naukapro.ru/metod.htm>

2. Для перевода на английский или другие языки можно использовать следующие ссылки:

А) <http://translate.yandex.ru/> (переводит отчества и ученые степени)

Б) <http://translate.google.com/>

Статью обязательно дать на вычитку соответствующим филологам

3. Для проверки статьи на антиплагиат (проверка обязательна) ссылка:

А) <http://www.antiplagiat.ru/index.aspx> (результаты хранятся у автора и высылаются по запросу редколлегии)

ЕСЛИ ВОЗНИКАЮТ ВОПРОСЫ: СМОТРИТЕ ОБРАЗЕЦ!

Материалы подаются в редакцию:

до 1 марта (мартовский номер)

до 1 июня (июньский номер)

до 1 сентября (сентябрьский номер)

до 1 декабря (декабрьский номер)

Статьи в обязательном порядке размещаются в системе РИНЦ - российского индекса научного цитирования (elibrary, ссылка: <http://elibrary.ru/titles.asp>) и на сайте журналов.

Размещение статей в журнале платное (за исключением аспирантов и докторантов очной формы, а также всех научных и научно-педагогических работников, у которых заработная плата по основному месту работы меньше минимального размера оплаты труда):

А) для тех, кому нужен электронный макет журнала оплата составляет:

- АНИ: педагогика и психология - 4440 рублей за статью;

- АНИ: экономика и управление - 4444 рубля за статью;

- Балтийский гуманитарный журнал – 4449 рублей за статью;

- Карельский научный журнал - 2222 рубля за статью.

Б) для тех, кому нужен печатный вариант журнала: дополнительно 900 рублей за 1 экземпляр журнала (им также высылается и электронный макет журнала).

Оплата производится после сообщения о приеме статьи к публикации, после чего автором высылается скриншот или фото оплаты на адрес журнала:

•Фамилия_оплата_город (например: Иваненко_оплата_Киев)

Статью высылать по адресу (обязательно указывайте научное направление):

ANI-ped-i-psych@ya.ru (АНИ: педагогика и психология)

ANI-ekonom-i-politika@ya.ru (АНИ: экономика и управление)

BalticGZ@yandex.ru (Балтийский гуманитарный журнал)

KarelianNZ@yandex.ru (Карельский научный журнал)